

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

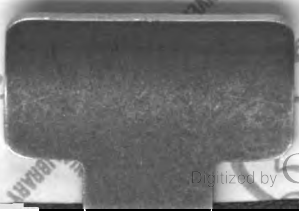
Мы также просим Вас о следующем.

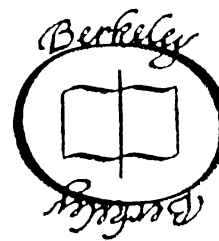
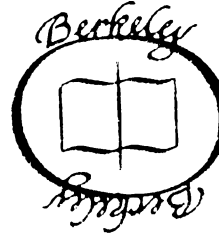
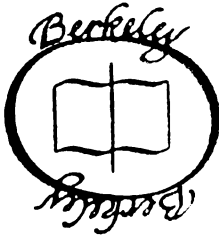
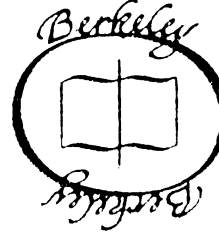
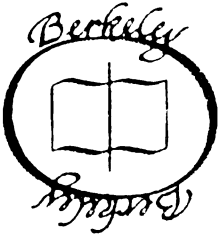
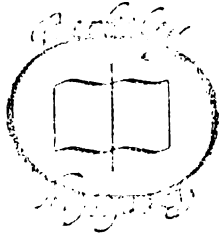
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

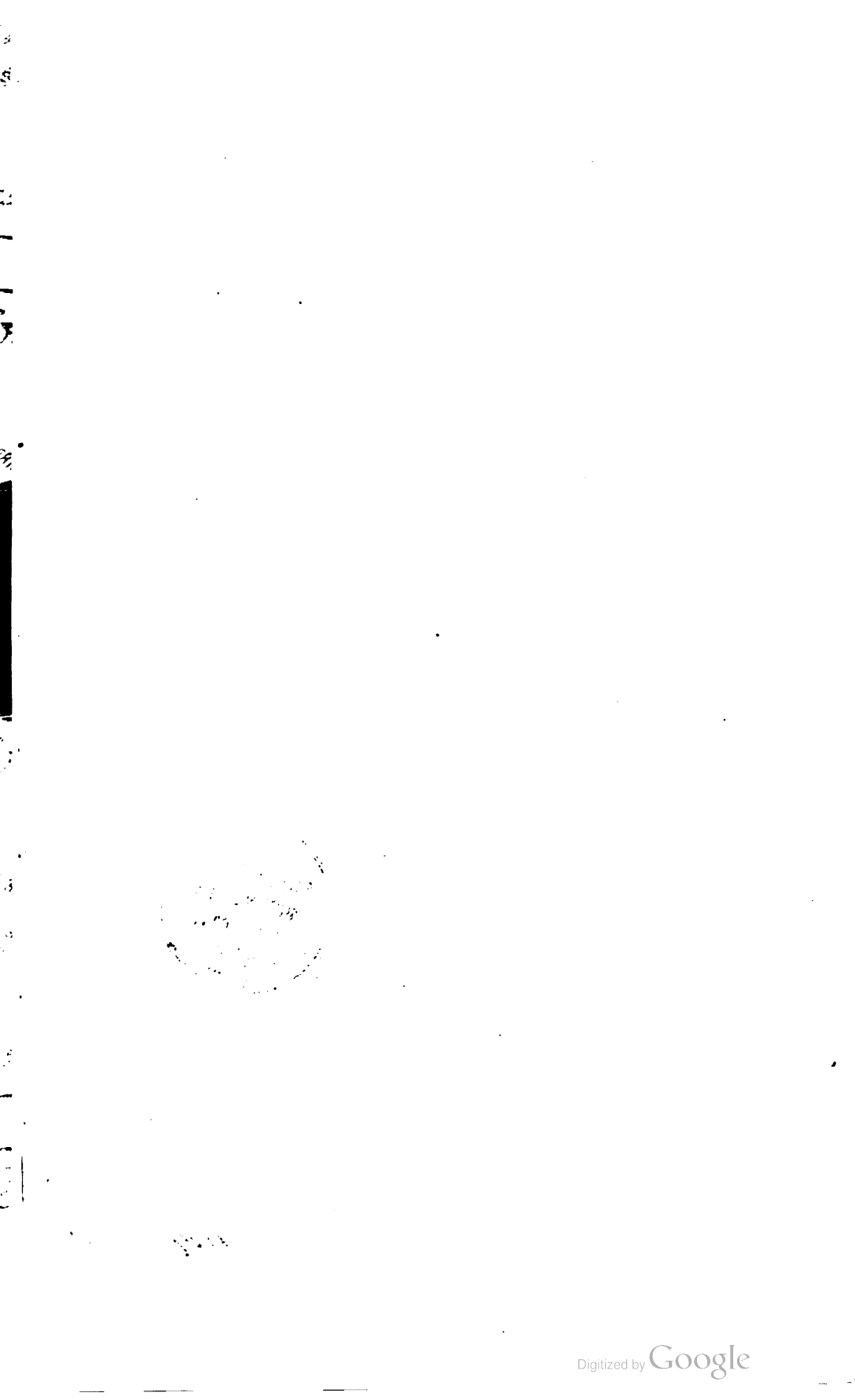

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ СІV.

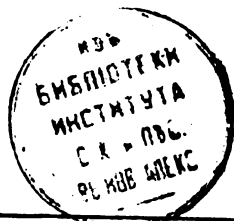

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СІV

1906

БИБЛИОТЕКА	
Отдѣль: <i>Сел. хоз.</i>	
№ <i>54</i>	
Шкафъ:	
Львовской Губ.	Инвентарь <i>1906</i> г. № <i>1044</i>
Института Сель. хоз. и Лѣсовод.	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ШЕР. Д. Д. ШВА
1906

AP 50
I9
v.104

1913
A. S. S. S. S.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1906 года).

	СТРАН.
Звѣзда цесаревны. (1710—1734 г.г.). VII—XII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5, 337, 697
Записки императрицы Екатерины Второй. Часть первая. (1729—1751). Глава IV. Часть вторая. (1751—1758). I—IV. (Продолженіе) 47, 375	738
Кончина императора Павла I. Гр. Л. Л. Беннигсена	72
Къ покушенію 4 апрѣля 1866 года. А. Рембелинскаго	86
Сашка-инженеръ. (Изъ шплицсбургскихъ воспоминаній). И. П. Ювачева	92
Мои воспоминанія. X. (Окончаніе). Н. А. Лейкина	100
Устинова правда. (Изъ дерсвенскихъ настѣоеній). Н. Н. Оглоблина	110
Настроеніе современной деревни. VII—XI. (Окончаніе). А. И. Фаресова	127
Нѣжинская революція и контръ-революція. (18—24 октября 1905 г.). Г. Г. Н.	160
Изъ цензурнаго прошлаго. (Страничка воспоминаній). Б. Б. Глинскаго	186
Русская жизнь въ Германіи и въ Парижѣ. Н. Н. Лендера (Путника) 202,	532
<small>иллюстраціи: 1) На границѣ Германіи. Верзболово.—2) Дворецъ императора Вильгельма II въ Берлинѣ.—3) Домъ русскаго братства св. Владимира въ память императора Александра III въ Тегель близъ Верлина.—4) Памятникъ братства св. Владимира въ Тегель.—5) Русское кладбище въ Тегель.—6) Русскій Александро-Невскій храмъ въ Потсдамѣ.—7) Rathaus въ Гамбургѣ.—8) Гавань въ Гамбургѣ.—9) Россійскій посольскій дворецъ въ Берлинѣ, графъ Н. Д. Остенъ-Сакенъ.—10) Настоятель русской посольской церкви въ Берлинѣ, протоіерей А. П. Мальцевъ.—11) Русская церковь въ Парижѣ въ rue Dauph.—12) Внутренній видъ русской церкви въ Парижѣ.—13) Протоіерей о. Василій Прилежаевъ, многолѣтній настоятель русской церкви въ Парижѣ.—14) Старѣйшій членъ русской духовной миссіи въ Парижѣ, Г. С. Тесельскій, діаконъ русской посольской церкви, находящійся въ Парижѣ со времени Второй Французской имперіи.—15) Набережная рѣки Сены въ Парижѣ.</small>	
Воспоминанія о В. А. Крыловѣ. С. Н. Эфрона	234
<small>иллюстрація: Викторъ Александровичъ Брыловъ.</small>	
Л. X. Симонова. (Некрологъ). А. И. Фаресова	256
Памяти протоіерея Турчанинова. В. А. Прокофьева	264
Страшный годъ. (Разсказъ старой помѣщицы). Е. И. Зариной	397
Кончина императора Павла. Изъ записокъ княгини Д. X. Ливень	414
Первый земскій съѣздъ. (Воспоминаніе шестидесятника). Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	433
Что я пережилъ въ провинціи въ дни смуты. Л. Е. Оболенскаго	444
Автобіографическія воспоминанія. В. А. Крылова	498
Около избирательныхъ урнъ. (Изъ наблюденій очевидца). Князя Б. А. Щетинина	508
Одинъ изъ погибшихъ талантовъ. Я. Я. Полферова	519
М. I. Кропивницкій и южнорусскій театръ. В. В. Уманова-Наплуновскаго	523
<small>иллюстрація: Марья Лукичъ Кропивницкій.</small>	

«Истор. вѣстн.», июнь, 1906 г., т. сгѹ.

725423

Памяти Н. И. Мердеръ. Н. А. Военнаго	557
иллюстрація: Надежда Ивановна Мердеръ.	
Польскія патриотическія пѣсни, именуемая «революціонными». (Пегорп- ческая справка). Г. А. Воробьева	570
Памяти Г. Г. Даниловича. Н. Н. Лендера	580
Иностранцы о Россіи. В. Ш.	585
Протестъ. (Изъ воспоминаній время студентства). Л. Н. Урванцова	763
Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). И. Синяя Борода. С. П. Руднева	778
Дѣла давно минувшихъ дней. Князя М. Л. Шаховского	788
Гамазейное движеніе. (Изъ деревенскихъ настроеній). Н. Н. Оглоблина	801
Забытыя могилы на московскихъ кладбищахъ. П. А. Россіева	822
Въ тюремномъ заключеніи. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Б. Б. Глинскаго	848
Революціонныя бури на Югѣ. («Потемкинъ» и октябрьская революція въ Одессѣ). Путника (Н. Н. Лендера)	879
Протестантскіе миссіонеры въ Россіи (1876—1906 г.). С. И. Уманца	902
иллюстрація: Пасторъ Дальтонъ.	
Отня. (Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода). А. Г. Слезкинскаго	909
иллюстраціи: 1) Отенскій монастырь. Часовня. — 2) Отенскій монастырь. Общій видъ. — 3) Отенскій монастырь. Монастырскій садъ. — 4) Отенскій мо- настырь. Рака надъ мощами св. Іоны. — 5) Отенскій монастырь. Церковь св. Николая Чудотворца.	
Иностранцы о Россіи.	927
Памяти М. С. Дринова. († 28 февраля 1906 г.). Е. К. Рѣдина	962
иллюстрація: Маринъ Степановичъ Дриновъ.	
Константинъ Аполлоновичъ Скальковскій. (Некрологъ). Б. Г.	971
иллюстрація: Константинъ Аполлоновичъ Скальковскій.	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	267, 622, 981

1) Великій князь Николай Михайловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ посложъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Томы I—III. Спб. 1905. н. Военнаго. — 2) Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Выпуски I, II, III и IV. М. 1905. в. Р—ва. — 3) Святковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895). Изданіе «Донской рѣчи». Ростовъ на Дону. 1905. н—ва. — 4) П. А. Смирновъ. Жизнь и ученіе прееосвященнаго Феофана, вышенскаго затворника. Шадеъ. 1905. С. — 5) Н. Ончуковъ. Старина и старообрядцы. Спб. 1905. А. Фомина. — 6) D-r. A. Brückner. Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig. 1905. А. Б—ва. — 7) Н. Козминъ. Н. И. Надеждинъ. Спб. 1905. А. Фомина. — 8) Сказки Кавказа. Жемчужное ожерелье. Собранныя и изложены В. А. Гатцуковъ. Изданіе А. С. Понафиной. 9 выпусковъ. М. 1904—1905. А. хаханова. — 9) С. Ф. Годлевскій. Къ вопросу о свободѣ и правѣ. Спб. 1906. м. Л. де-Вальдена. — 10) С. Боркайтъ. Движеніе чартистовъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Вилька. Спб. 1905. Е. М. Воронова. — 11) Кабанесь и Нассъ. Революціонный неврозъ. Спб. 1906. А. Б—ва. — 12) Матеріалы для исторіи російской духовной миссіи въ Пекинѣ. Изданы подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Выпускъ I. Съ приложеніемъ одного рисунка. Спб. 1906. А. м. — 13) Ульрихъ Штутцъ. Церковное право. Переводъ подъ редакціей Евг. Темняковскаго, профессора Демидовскаго юридическаго лицея. Ярославль. 1905. Павла Верховскаго. — 14) Исторія римской литературы. Дополненіе къ изданію 1888 г. Лекцій по исторіи римской литературы, читанныхъ въ Кіевскомъ и С.-Петербуржскомъ университетахъ проф. В. И. Модестовымъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Москва. 1906. м. — 15) Макс. Вахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Выпускъ первый. Спб. 1906. м. п—аго. — 16) Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1900 и 1901 г.г. Спб. 1905. А. я. — 17) Корни-

ловъ, А. А. Крестьянская реформа. Спб. 1905. м.—18) Букеръ Т. Вашингтонъ. Изъ рабства—къ благу жизни. (Автобиографія). Переводъ съ англійскаго. Изданіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученых. Спб. 1906. А. Фаресова.—19) Н. Карвевъ. Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1891—1905). Спб. 1905. А. м. Яцимирскаго.—20) Пупкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ III. Спб. 1905. л.—21) Библиотека «Просвѣщенія». Спб. 1905—1906. А. Фомина.—22) Труды Харьковской комисси по устройству XIII археологическаго съезда въ г. Екаторинславѣ. Изданы подъ редакціей профессора Е. К. Рѣдина. Харьковъ. 1905. А. м. Яцимирскаго.—23) Марекъ Конколь. Коммуна 1871 года. Переводъ съ польскаго А. Котика. Книгоиздательство «Лучъ». Спб. 1906.—В. Баксъ. Парижская коммуна 1870—1871 г.г. Переводъ съ англійскаго А. С—ва. Изданіе «Донской Рѣчи» Н. Парамонова. Ростовъ на Дону. 1905. Е. Михайловича.—24) Публіи Овидій Назонъ. Пѣсни любви. (Amores). Въ трехъ книгахъ. Переводъ Я. Б. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1906. А. м.—на.—25) С. Д. Падимитриу. Феодоръ Продромъ. Одесса. 1905. п. б.—26) Последняя помощь. Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. М. 1906. А. х—ва.—27) А. Н. Поповъ. Отечественная война 1812 года. Томъ I. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войной 1812 года. Москва. 1904 н. Военнаго.—28) Ключевскій, В. О., проф. Курсъ русской исторіи. Часть II. М. 1906. м. н.—29) Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томы 121 и 122. Спб. 1906. с. ш.—30) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ второй. Выпускъ первый. Спб. 1906. с. ш.—31) Труды Вятской ученой архивной комисси 1905 г. Выпуски IV, V и VI. Вятка. 1905—1906. в. Рудакова.—32) Е. Воевскій. Отечественная война въ русской журналистикѣ. Библиографическій сборникъ статей. относящихся къ 1812 г. Спб. 1906. р. н.—33) А. Ефименко. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Томы I и II. Спб. 1906. м.—34) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Варсукова. Книга двадцатая. Спб. 1906. Б. Глинскаго.—35) С. Р. Рункевичъ. Архіереи петровской эпохи въ ихъ перелѣскѣ съ Петромъ Великимъ. Вып. I. Спб. 1906. Павла Верховскаго.—36) Дя. Кеннавъ. Сибирь и ссылка. Части I и II. Спб. 1906. Тюрковы въ Россіи. Спб. 1906. Жизнь политическихъ арестантовъ въ русскихъ тюрьмахъ. Спб. 1906. б.—37) Мережковский, Д. Грядущій Хамъ. Спб. 1906. А. Фомина.—38) Е. В. Аничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. Часть II. Отъ пѣсни къ поэзии. Спб. 1905. А. м. Яцимирскаго.—39) Е. Ф. Вудде. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Часть I. Этимология. Выпуски I, II, III. Спб. 1905. м. Лернера.—40) П. Н. Семеновъ. Самодержавіе, какъ государственной строй. Изданіе второе. Спб. 1906. п. в.—41) Политическая энциклопедія подъ редакціей Л. З. Слонимскаго. Вып. I. (Ааргау-Антисемитизмъ). Спб. 1906. А. б.—42) П. Арташевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальные интенданты. Томъ II. Киевъ. 1906. п. б.—43) Д. А. Сперанскій. Изъ литературы древняго Египта. Вып. I. Рассказъ о двухъ братьяхъ. Первоисточникъ сказаній о Бошеѣ, равно и многихъ другихъ сюжетовъ народнаго творчества. Спб. 1906. А. б.—44) Робертъ Версъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей И. А. Вѣдоусова. Съ биографическимъ очеркомъ. Изданіе А. С. Суворина («Дешевая Библиотека», № 361). Спб. 1906. А. я.—45) Д. Е. Треневъ. Несколько словъ о древней и современной русской иконописи. М. 1905. Герономахъ Дахланъ. Недостатки русской иконописи и средства къ ихъ устраненію. Историко-критическій очеркъ. Спб. 1905. А. м. Яцимирскаго.—46) Russland in Asien. Band. I. Das Transkaspische Gebiet, von Kraemer, königl. Preussischer Generalmajor z. D. Mit einer Uebersichtskarte und zwei Skizzen. Berlin. 1905. А. х—ва.—47) Rocznik Naukowo-Literacko-Artystyczny na rok 1905. Warszawa. 1905. N. M.—48) Do dziejów architektury cerkiewnej na Rusi Szwetwonej («Къ исторіи церковнаго зодства Червоной Руси...») przez Kazimierza Mokłowskiego i Maryana Sokołowskiego. Kraków. 1905. А. я.—49) Przegląd Historyczny, dwumiesięcznik naukowy. Styczeń—Luty. Warszawa. 1906. г. А. Воробьева.—50) Теодоръ Вержовскій. Matricularum Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur. В. 1905. г. А. Воробьева.—51) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1905. Книга четвертая. М. 1905. н—ва.—52) Труды Податаской ученой архивной комисси. Издано подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комисси, Л. В. Падали и И. Ф. Павловскаго. Выпускъ второй. Полтава. 1906. в. Рудакова.—53) Русская лужицкая мatica. Конспектъ лекціи А. К. Маркова, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ археологическомъ институтѣ. Изданіе члена-сотрудника института, Л. П. Гусева. Спб. 1905. А. м. Яцимирскаго.—54) Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ. Подъ редакціей В. Харузиной. IV. Върознанія.—Вѣра Харузина. Матеріалы для библиографіи этнографической литературы. Спб. 1905. А. м. Яцимирскаго.—55) Извѣстія Кавказскаго (отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Томъ XVIII. № 2. Тифлисъ. 1905. А. х—ва.—56) Ю. Н. Морозовъ. За-

мѣтки и материалы по археологii. Харьковъ. 1905. С. ф. ш.—из.—57) Священникъ К. Пинпадзе. Автокефалiя церкви грузинской. (Историческiй очеркъ IV—XI вв.). Тифлясь. 1905. А. х.—ва.—58) Сочиненiя Пушкина. Изданiе Императорской академii наукъ. Томъ II. Спб. 1906. н. л.—59) Овсянко-Куликовскiй, Д. Исторiя русской интеллигенци. Итоги русской художественной литературы XIX вѣка. Часть I. М. 1906. А. Фомина.—60) Критическiе комментарii къ сочиненiямъ Ф. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Часть четвертая. «Вратя Карамазовы». Собралъ В. Белинскiй. М. 1906. И. Александрова.—61) Эрнестъ Ренавъ. Жизнь Исуса Христа. Спб. 1906. А. Фомина.—62) Ф. Мервингъ. Исторiя германской социаль-демократii. Томъ I. Изданiе Гранатъ. Спб. 1906. п. б.—63) А. В. Мейеръ. Изъ оковъ къ свободѣ. Разказы изъ исторii чешскаго народа. Спб. 1906. Андрея Сиротинина.—64) Н. Сперанскiй. Вѣдмы и вѣдовство. М. 1906. А. б.—65) В. Розановъ. Около стѣвъ церковныхъ. Т. II. Спб. 1906. А. б.—66) Венгеровъ. С. Эпоха Бѣлинскаго. Публичная лекцiя. Спб. 1906. А. ф.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКIЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 307, 658, 1004

1) Вальзака «Dilecta». — 2) Пятидесятилѣтiе кончины Гейне. — 3) Столѣтiй юбилей Элизаветы Варретъ Броунингъ. — 4) Смерть Евгенiя Рихтера. — 5) Поминки Прохова. — 6) Археологическiя открытiя въ Антинополѣ. — 7) Неронъ и Антонiя съ Клеопатрой. — 8) Генеральъ Мала. — 4) Продолженiе воспоминанiй г-жи Адавъ. — 10) Два памятника: Альфреду де-Мюссе и Альфонсу Карру. — 11) Смерть Александра Килланда, генерала Iезуитовъ, патера Мартина, и Пьера Кюри. — 12) Янъ Гусъ. — 13) Любовь Фракина. — 14) Страдалъ ли Наполеонъ падучей болѣзью? — 15) Рунебергъ, какъ Ованъ Финляндской войны 1808—1809 гг. — 16) Жоржъ Клемансо. — 17) Что читаютъ китайцы? — 18) Автобиографiя Л. Н. Толстого. — 19) Смерть Карла Шурца и Генриха Ибсена.

СМѢСЬ . . . 320, 678, 1028

1) Императорское историческое общество. — 2) Приостановленныя изданiя. — 3) Защита диссертация. — 4) Составъ комитета литературнаго Фонда. — 5) Томскiй отдѣлъ православнаго миссионерскаго общества. — 6) Общее собранiе членовъ общества взаимной помощи бывшихъ воспитанниковъ Орловскаго-Вохтина кадетскаго корпуса. — 7) Правленiе общественной библиотекки имени Вѣлинскаго. — 8) Диспутъ А. И. Яцмирскаго. — 9) Годовое собранiе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — 10) Общество любителей древней письменности. — 11) 150-лѣтiй юбилей лейбъ-гвардii Гренадерскаго полка. — 12) Томскiй комитетъ православнаго миссионерскаго общества. — 13) Общество призванiя престарѣлыхъ артистовъ. — 14) Личный составъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. — 15) Уголовныя преслѣдованiя, возбужденныя за последнее время противъ редакторовъ газетъ. — 16) Духосотлѣтiе Бронштадтской крѣпости. — 17) Юбилей «Московскихъ Вѣдомостей». — 18) Юбилей А. Н. Макарова. — 19) Географическое общество. — 20) Распределенiе шлеговъ по округамъ. — 21) Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — 22) Отъ правленiя кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — 23) Отъ комитета литературнаго Фонда.

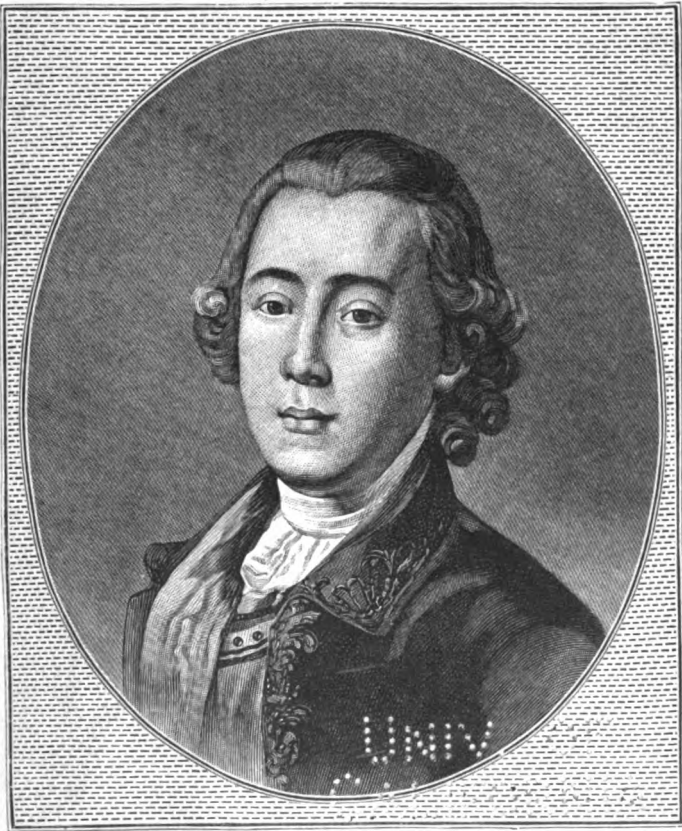
НЕКРОЛОГИ . . . 325, 688, 1035

1) Виталий, епископъ. — 2) Гуревичъ, Я. Г. — 3) Кошкаревъ, М. П. — 4) Крыловъ, В. А. — 5) Мердеръ, Н. И. — 6) Случевскiй, К. К. — 7) Черепинъ, Н. П. — 8) Верезовскiй, В. В. — 9) Дювернуа, Я. Л. — 10) Закревскiй, И. П. — 11) Киселевскiй, С. П. — 12) Лихачевъ, В. И. — 13) Шаффе, Э. П. — 14) Яблочковъ, М. Т. — 15) Андреевъ, А. П. — 16) Варсуковъ, И. П. — 17) Воробьевскiй, Л. И. — 18) Галкинъ, Н. В. — 19) Кузнецовъ, В. Н. — 20) Неупокоевъ, А. Н. — 21) Радцигъ, А. А. — 22) Романовскiй, Р. Д. — 23) Соколовъ, И. С. — 24) Субботинъ, А. П. — 25) Тарновскiй, В. М.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ . . . 332, 694, 1045

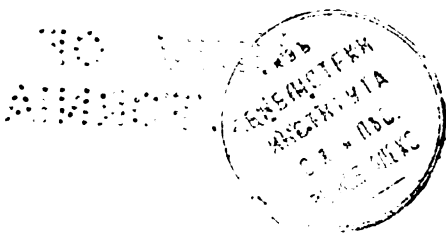
1) Къ воспоминанiямъ объ Е. П. Кадминой. в. Уманова-Маллуновскаго. — 2) По поводу статьи «Нище-миллионеры». — 3) Отвѣтъ рецензенту А. Я. н. Попова. — 4) Откуда пошли бѣлые арапы. Армянская легенда. М. А. Крылова. — 5) По поводу стихотворенiя въ прозѣ Тургенева «Порогъ». Н. Гутяра. — 6) Къ запискамъ княгини Д. Х. Ливентъ. М. Соколовскаго. — 7) Письмо въ редакцiю. Ниналая Барсунова.

Приложенiя: Портреты Сергѣя Васильевича Салтыкова, великаго князя Петра Θεодоровича и Станислава-Августа Понятовскаго. — 2) Беатриса въ Венеци. Романъ М. Пембертона. Переводъ съ англiйскаго. Часть первая. Венеци. Гл. X—XVI. Часть вторая. Гл. XVII—XXVI. (Продолженiе).

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

Съ портрета принадлежащаго А. А. Васильчикову.

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ ¹⁾.

(1710—1734 г.).

VII.

УДѢ НАДѢ Меншиковыми свершился. Ихъ лишили всѣхъ земныхъ благъ и сослали въ Ренбургъ, гдѣ имъ оставили имѣніе, въ которомъ они были обречены на строгое заточеніе.

Невзирая на жизнь, полную волненій во время этихъ событій, невзирая на то, что у всѣхъ, какъ во дворцахъ, такъ и въ хижинахъ одно только было на умѣ и на языкѣ: несчастье павшаго временщика и радость мщенія за вынесенныя отъ него гоненія и обиды, цесаревна не забыла своего обѣщанія и доставила Ермилычу свиданіе, съ глазу на глазъ, съ царемъ.

Что именно произошло между сыномъ казеннаго Петромъ Бутягина и Петровымъ внукомъ, осталось тайной.

Вернувшись къ Праксией послѣ дарованной ему аудіенціи, Ермилычъ показалъ золотую табакерку, пожалованную ему царемъ, въ память службы его отца, но про то, что они сказали другъ другу, и какъ царь принялъ его откровенія и совѣты, онъ уклонился передавать подробно, а видъ у него былъ такой мрачный, что нельзя было не догадаться, что покидаетъ онъ Петербургъ въ весьма удрученномъ настроеніи.

Передъ его уходомъ цесаревна пожелала его видѣть, и на ея вопросъ, доволенъ ли онъ своимъ свиданіемъ съ царемъ, онъ от-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СIII, стр. 713.

вѣтилъ, точно не разслышавши ея словъ, пожеланіемъ ей здоровья, всякаго благополучія, а паче всего—божескаго благословенія.

— Къ казакамъ теперь пойдешь?—спросила она, не настаивая на своемъ первомъ вопросѣ.

— Нѣтъ, ваше высочество, тамъ мнѣ дѣлать нечего.

— Развѣ царь ничего тебѣ для нихъ не обѣщаль?

— Дай Богъ тебѣ здоровья, Петрова дочь, ты у насъ теперь осталась послѣдней надеждой,—отвѣчалъ онъ.

— Я ему при случаѣ опять про тебя и про твоихъ казаковъ напомню,—объявила она.

Онъ низко, въ поясъ, ей поклонился и, цѣлуя протянутую руку, объявилъ, что возвращается въ свой монастырь, чтобъ за нее молиться.

— Иди, Христосъ съ тобою.

А когда онъ вышелъ, она долго смотрѣла ему вслѣдъ и проговорила вполголоса и какъ бы про себя, но, тѣмъ не менѣе, настолько громко, чтобъ стоявшая возлѣ нея Праксина могла ее услышать:

— Плоховать у насъ царенокъ-то!

Въ Москвѣ Ермилычъ былъ откровеннѣе и сознался Лыткиной и Ветлову, что русскимъ людямъ на царя рассчитывать нечего.

— Гасятъ въ отрокѣ духъ, и не на царство лиходѣи его готовятъ, а на то, чтобъ именемъ его Русскую землю разорять. Не устаетъ насъ Господь карать, и готовятся намъ испытанія горше прежнихъ. Ты правду сказалъ, Иванъ Васильевичъ, — обратился онъ къ Ветлову:—Долгорукіе налягутъ на насъ тяжелѣйшимъ гнетомъ, чѣмъ былъ Меншиковскій. Молиться надо и бордствовать, да помнить, что тамъ, гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

— Здѣсь наши многого ожидаютъ отъ его свиданія съ бабкой,—замѣтила Авдотья Петровна:—она, говорятъ, собирается ему всю правду высказать. Старица благочестивая,—продолжала она, не смущаясь унылымъ молчаніемъ, съ которымъ ее слушали:—ждали въ ней проявленія властолюбія при поворотѣ фортуны, однако скромнѣе прежняго показывается и ни на шагъ отъ монашескихъ своихъ обѣтовъ не отступаетъ.

— Очистилась ея душа страданіями, значитъ, а при очищеніи завсегда и просвѣтлѣніе въ мысляхъ бываетъ,—замѣтилъ Ермилычъ.—Она теперь, можетъ, и не видѣвши внучатъ, поняла ихъ лучше тѣхъ, что съ утра до вечера и съ вечера до утра—съ ними. Великое дѣло страданіе,—прибавилъ онъ со вздохомъ.—Ея страда еще не окончилась, горько ей будетъ, когда увидитъ дѣтей своего мученика-сына!

— И зачѣмъ только Петръ Филипповичъ при немъ остается!—сказалъ Ветловъ.—Ушелъ бы отъ грѣха, до бѣды.

— А ты все свое, паренекъ,—улыбнулся старикъ,—тебѣ друзей своихъ жаль. И намъ съ Авдотьей Петровной ихъ жаль, и мы

дорого бы дали и спокойнѣе смерти бы ждали, кабы Господь вырвалъ ихъ изъ темнаго омута, въ которомъ каждую минуту лютаа опасность ихъ ждетъ, да не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велить, паренекъ, вотъ что допрежь всего надо помнить.

На этотъ разъ онъ оставался здѣсь всего только нѣсколько дней, и долго о немъ не было въ домѣ у Вознесенія ни слуху ни духу.

Позднею осенью дворъ переѣхалъ въ Москву.

Ожили московскіе старолюбцы, и снова стали собираться у Авдотьи Петровны друзья ея покойнаго мужа съ своими единомышленниками. Отраднѣе имъ было послушать рассказы Петра Филипповича и Лизаветы Касимовны про царя и про цесаревну, но съ каждымъ разомъ разговоры становились сдержаннѣе и безсодержательнѣе, такъ что бесѣда оживлялась только во время ихъ отсутствія, такъ неохотно отвѣчали они на разспросы о царской семьѣ, къ которой оба стояли такъ близко.

А вскорѣ наступило такое время, что и при свиданіяхъ наединѣ супруги Праксины затруднялись передавать другъ другу то, что у нихъ было на душѣ. Все рѣже и рѣже посѣщали они Лыткину съ Филиппушкой, и мало-по-малу прежній духъ тоскливаго страха и жуткаго недоумѣнія сталъ замѣнять промелькнувшій было метеоромъ лучъ надежды и блаженныхъ упованій, не въ одномъ домѣ у Вознесенія, а также и въ прочихъ московскихъ домахъ и дворцахъ.

Царь проводилъ время въ недостойныхъ сану его увеселеніяхъ, въ обществѣ пустомъ и развратномъ, къ которому, ко всеобщему негодованію, присоединялась и цесаревна Елисавета Петровна. Готовиться къ царствованію у него не было ни времени, ни охоты, и по городу ходили печальные рассказы о его ссорахъ съ наставникомъ его, умнымъ графомъ Остерманомъ, и съ добродѣтельной сестрой его, великой княжной Натальей Алексѣевной.

Расползлись слухи эти и дальше, по всему Русскому царству, порождая легенды, одну другой безотраднѣе, волнуя умы злыми предчувствіями.

Россія начинала терять вѣру въ силу божественной благодати надъ юнымъ царемъ, и самый народный духъ, столь доселѣ твердый въ вѣрѣ на милость Всевышняго и на совѣсть царскую, начиналъ заражаться смятеніемъ.

Опять опустѣлъ домикъ Авдотьи Петровны и, кромѣ Ветлова, не покидаваго въ ту зиму Москвы, да молодого подьячаго, Докукина, никто не навѣщаль по вечерамъ Лыткина съ Филиппушкой, который чувствовалъ себя, невзирая на близость родителей, болѣе сиротой, чѣмъ тогда, когда они жили въ Петербургѣ.

Докукинъ былъ человѣкъ съ большими странностями, такой робкій и молчаливый, что, если-бъ не Ветловъ, никогда бы не до-

гадаться о его начитанности и учености. Гдѣ именно столкнулся съ нимъ Ветловъ,—неизвѣстно, но черезъ него Докукинъ попалъ и во дворецъ къ Праксину, у котораго онъ былъ раза два и на самое короткое время, при чемъ успѣлъ, однакожъ, проявить такую ненависть къ Долгорукимъ, что осторожный Петръ Филипповичъ больше его къ себѣ не приглашалъ, а, узнавъ случайно, что онъ повадился къ Лыткиной, нарочно зашелъ къ женѣ, чтобъ ей сказать, какъ ему не нравится, что этотъ Докукинъ ходитъ къ ея пріемной матери. Такихъ незнаемыхъ людей надо остерегаться.

— Почему знать, съ какими цѣлями поносить онъ Долгорукихъ? Можетъ, соглядатаемъ его кто къ намъ заслалъ. По нынѣшнимъ временамъ всякаго подвоха можно ждать, а на меня и безъ того князь Иванъ недоброжелательно поглядываетъ. Чуетъ вѣрно сердце его мою къ нему ненависть за то, что портитъ царя,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Ты бы, Петръ Филипповичъ, подъ предлогомъ болѣзни, что ли, отказался отъ должности да уѣхалъ бы съ Филиппушкой въ Лебедино,—сказала Лизаветка.

— Не время теперь службу царскую бросать, — угрюмо замѣтилъ онъ.—Вотъ, Богъ дастъ, повѣнчаемъ его на царство, ну, тогда надо думать, что и графъ Остерманъ и прочіе, что скорбятъ о немъ не меньше нашего, наберутся силы и смѣлости сказать Долгорукимъ правдивое слово и сократятъ общимъ совѣтомъ ихъ власть надъ царемъ.

— Хорошо, кабы такъ, — вздохнула Лизавета. — Пора! дѣло-то при нихъ непримѣръ хуже, чѣмъ при Меншиковыхъ, пошло.

— Вотъ и ты, какъ тотъ Докукинъ, говоришь,—замѣтилъ мужъ.

— Да вѣдь и ты тоже думаешь, Петръ Филипповичъ...

Онъ промолчалъ, а она, дожидаясь съ минуту, продолжала:

— Во всякомъ случаѣ, раньше и моя цесаревна жила честнѣе, а теперь даже и думать не хочется, куда она идетъ отъ отчаянія... Ужъ въ городѣ стали поговаривать про то, что она вмѣстѣ съ Долгоруковыми царя губить.

— Пыталась ты ей все это представить?

— Сколько разъ! Да она ужъ не та, что была раньше, слушать-то меня слушаетъ, а чтобъ хоть крошечку исправиться — и не думаетъ. Съ Александромъ Борисовичемъ все-таки сдерживалась, онъ ей каждую минуту напоминалъ про ея званіе и къ чему званіе это ее обязываетъ. Ему было лестно быть любимымъ цесаревной, императорской дочерью, имѣющей права на русскій престолъ... вѣдь чуть было императрицей не сдѣлалась! Ну, а тепешній-то ея сердечный другъ иного поля ягода: чѣмъ она проще себя держитъ, тѣмъ она ему ближе. Въ Александровскомъ совсѣмъ какъ простые люди живутъ, со всѣми встрѣчными и поперечными она знакомится, всѣхъ къ себѣ заываетъ, съ крестьян-

скими дѣвушками въ хоровахъ ходить и съ парнями деревенскими пѣсни постѣть... Я такъ это понимаю, что она съ отчаянья такъ себя повела, не можетъ утѣшиться, что престола лишилась во второй разъ черезъ Меншиковыхъ. Какъ свалили ихъ, она первое время страданіями ихъ тѣшилась, только, бывало, про нихъ и говорить да спрашиваетъ, каждой ихъ слезой радовалась, ну, а какъ увидѣла, что при Долгорукихъ ей не легче, и что, чего добраго, эти еще крѣпче свою фамилію къ царству приладятъ, чѣмъ Меншиковы, и затосковала она пуще прежняго, а, чтобъ забыться, и кружится безъ устали, то съ простыми дѣвками да царнями, то съ возлюбленнымъ, то съ царемъ и съ тѣми, которые его окружаютъ. И чѣмъ только все это кончится,—одному Богу извѣстно! Намеднись горевали мы съ Маврой Егоровной объ ней и договорились до того, что самое было лучшее замужъ ее отдать за какогонибудь нѣмецкаго принца... все же лучше, чѣмъ черезъ Долгоруковскіе происки въ монастырь попасть.

— До этого еще далеко, не цари еще Долгорукіе, чтобъ царскую дочь въ монастырь заточить...

— Сами-то еще не цари, и царями, Богъ дастъ, никогда не будутъ, а что дочь свою старшую они въ царицы прочать, это по всему видно...

— Не оборвались бы на этомъ, какъ Меншиковъ. У нихъ дочь на шесть лѣтъ старше царя, и слава про нее нехорошая идетъ... Тебѣ кто про этотъ новый Долгоруковскій прожектъ говорилъ?—спросилъ онъ угрюмо.

— Да ужъ я отъ многихъ слышала. Мавра Егоровна увѣряетъ, что у нихъ все къ тому подведено: царя по цѣлымъ днямъ съ нею оставляютъ, а когда ея нѣтъ, ему въ уши про нее братъ ея жужжить и прочіе. Вѣдь теперь у васъ во дворцѣ, кромѣ тебя, нѣтъ ни единой души, ими не закупленной, самъ ты это знаешь.

Да, онъ это зналъ, и каждое слышанное отъ жены слово служило ему мучительнымъ подтвержденіемъ ни на минуту на перестававшихъ терзать его, и днемъ и ночью, догадокъ.

Долгоруковы хотятъ женить царя на княжнѣ Екатеринѣ. И женятъ, если имъ не помѣшаютъ во-время... А какъ помѣшать? Сказать прямо самому царю о грозившей ему опасности? Представить ему всѣ пагубныя послѣдствія этой интриги? Но вѣдь, во всякомъ случаѣ, кромѣ обрученія, онъ ничему не подвергается до поры до времени. Онъ скажетъ, если теперь съ нимъ объ этомъ заговорить, что обрученіе ни къ чему не обязываетъ. Развѣ онъ не былъ обрученъ съ Меншиковой, и развѣ это помѣшало ему сослать свою невѣсту вмѣстѣ со всей ея фамиліей? Какъ объяснить ему, насколько Долгорукіе опаснѣе Меншиковыхъ, и какъ отъ нихъ труднѣе избавиться, чѣмъ отъ такихъ безъ роду и племени проходимцевъ, какъ бывшій пирожникъ? Да и постыдно

царю русскому второй разъ обручаться съ дѣвицами, на которыхъ онъ не имѣетъ твердаго намѣренія жениться, и потому только, что у него своей воли нѣтъ... И какъ знать, какую надъ нимъ забереть власть такая красивая и въ жизненныхъ дѣлахъ многоопытная дѣвица, какъ княжна Екатерина, вѣдь не для того же, чтобъ любить и холить мальчика-царя, жертвуетъ она любовью къ человеку, въ котораго страстно влюблена и котораго должна была сдѣлаться супругой. Разумѣется, ей захочется найти вознагражденіе за принесенную жертву, а въ чемъ ей искать это вознагражденіе, если не въ утѣхахъ честолюбія и властолюбія?

Положеніе съ каждымъ днемъ обострялось все больше и больше. При послѣднемъ своемъ свиданіи съ мужемъ Лизавета напомнила ему, что возлѣ царя остался только онъ одинъ, не подкупленный фаворитами, а, дня два спустя, онъ былъ призванъ къ князю Ивану, чтобъ выслушать строгій выговоръ за то, что онъ дозволяетъ себѣ слишкомъ фамильярно обращаться съ его величествомъ, давать ему совѣты беречь свое здоровье и избѣгать излишествъ въ кушаньѣ и питьѣ, тогда какъ въ той должности, которую онъ занимаетъ, ему надо только заботиться о царскомъ гардеробѣ да о надворѣ за волосочесами, портными и прочимъ людомъ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о платьѣ царскомъ и бѣльѣ.

— Во время одѣванія и когда въ покоѣ нѣтъ придворныхъ, ты позволяешь себѣ разговаривать съ царемъ о предметахъ, не имѣющихъ никакого касательства до твоей обязанности; вчера ты даже то того забылся, что осмѣлился ему напомнить о томъ, что онъ пятую ночь раньше, какъ въ пятомъ часу утра, не ложится почивать... Твое ли дѣло заботиться о здоровьѣ его величества, когда онъ окруженъ вельможами, которые лучше тебя знаютъ, что ему полезно и что вредно? Предупреждаю тебя,—продолжалъ всемогущій въ то время князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій,—что мнѣ это очень непріятно, и что тебѣ было бы лучше во-время убраться изъ дворца, подобру-поздорову, чѣмъ дожидаться, чтобъ я тебя выгналъ, какъ прочихъ. Намъ нужны возлѣ царя преданные намъ люди, понимаешь? — прибавилъ онъ, вскидывая гнѣвный взглядъ на слушавшаго его въ почтительной позѣ у двери Праксина.

— Въ недостаткѣ преданности моему царю никто упрекнуть меня не можетъ, ваше сіятельство,—сдержанно отвѣчалъ Петръ Филипповичъ.

Отвѣтъ этотъ привелъ царскаго любимца въ такую ярость, что лицо его покрылось багровыми пятнами, и ему стоило большого усилія, чтобъ не кинуться на ничтожнаго камерлакея, дозволившаго себѣ дать ему урокъ общежитія, и не вытолкать его изъ покоя, тѣмъ не менѣе, вспомнивъ, что время еще не пришло для него проявлять свою власть надъ царскими слугами, онъ повернулся къ окну, съ минуту времени передъ нимъ постоялъ въ

раздумѣ, а затѣмъ, обратившись къ продолжавшему стоять у двери Праксину, спросилъ, не желаетъ ли онъ получить болѣе покойное и лучше оплачиваемое мѣсто, чѣмъ то, которое онъ теперь занимаетъ.

— Я могу просить батюшку, чтобъ онъ назначилъ тебя смотрителемъ царскаго дворца въ Петербургѣ или которагонибудь изъ его загородныхъ домовъ, а, можетъ быть, тебѣ было бы пріятнѣе управлять царскими имѣніями, въ Малороссіи или на Волгѣ?

— Я на свое положеніе при царѣ не жалуясь, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Праксинъ.

Ужъ это было слишкомъ, и сдавленный гнѣвъ молодого князя вырвался наружу въ крикливомъ возгласѣ:

— Ступай вонъ, если понимать меня не хочешь! И не пеняй на насъ, если съ тобой случится чтонибудь худое.

Праксинъ ушелъ къ себѣ домой, вполне просвѣщенный относительно того, что ждетъ его въ самомъ скоромъ будущемъ, и съ рѣшимостью не покинуть своего поста, не попытавшись спасти царя отъ разставляемой ему новой ловушки. Времени терять нельзя было.

Въ тотъ же вечеръ, или, лучше сказать, на слѣдующее утро, потому что царь вернулся изъ загороднаго дома Долгорукихъ, гдѣ былъ балъ съ фейерверкомъ и катаніемъ въ саняхъ, далеко за полночь, Праксинъ въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ сталъ его умолять подумать о своемъ здоровьѣ, вспомнить, что черезъ нѣсколько дней должно произойти священное торжество вѣнчанія его на царство, и что вся Россія съ животрепещущимъ волненіемъ слѣдитъ за каждымъ его шагомъ и сокрушается недостойнымъ образомъ жизни, который его заставляютъ вести въ такое важное для него и для всѣхъ его подданныхъ время.

Въ обширномъ покоѣ съ расписнымъ потолкомъ и со стѣнами, обитыми штофомъ, подъ одинъ цвѣтъ съ пологомъ, окружавшимъ со всѣхъ сторонъ золоченую кровать посреди, не было, кромѣ ихъ двухъ, ни души, и, опустившись на колѣни передъ царемъ, лежавшимъ уже на этой кровати, Праксинъ продолжалъ настаивать на необходимости для царя измѣнить жизнь, учиться, чтобъ сдѣлаться достойнымъ править ввѣреннымъ ему Богомъ народомъ. Увлечшись волновавшимъ его чувствомъ любви къ родинѣ и поощренный терпѣливымъ вниманіемъ, съ какимъ его слушали, и серьезнымъ выраженіемъ устремленныхъ на него дѣтскихъ глазъ, Праксинъ распространялся о святости великаго таинства, которое готовятся надъ нимъ свершить, и объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на него этимъ таинствомъ.

— Не о танцахъ и не о забавахъ долженъ его величество теперь думать, а о томъ, чтобъ испросить у Господа Бога силъ и разума на великій, святыи подвигъ! Ваше величество должны

пребывать въ постѣ и въ молитвѣ, а не въ бѣсовскихъ развлеченіяхъ...

— Вотъ и бабушка то же самое говоритъ,—замѣтилъ вполголоса царственный мальчикъ,—и сестра, и графъ Андрей Ивановичъ...

— Всѣ, кто васъ любитъ и желаетъ блага родинѣ, вамъ то же самое скажутъ, ваше величество.

— Нѣтъ, ты не знаешь, князь Иванъ говоритъ, что надо пользоваться жизнью, что выучиться всему, что мнѣ надо знать, я всегда успѣю, что молодость одинъ только разъ въ жизни бываетъ... А княжна Екатерина все надо мною смѣется, называетъ меня ребенкомъ и увѣряетъ, что я не умѣю быть большимъ... Мнѣ ея издѣвки ужъ надоѣли, Филиппычъ, она меня все дразнить, все стыдить... А куда дѣвался тотъ старичекъ босой, котораго приводила ко мнѣ тетенька Лизавета Петровна, когда мы еще были въ Петербургѣ? Онъ тоже мнѣ говорилъ про Бога и что мнѣ надо не веселиться и не играть, а учиться, все учиться, потому что я царь... Многое онъ еще говорилъ, и про дѣдушку и моего родителя, но я тогда о другомъ думалъ, вѣдь мы тогда Меншикова подъ судъ отдали, и я думалъ: какъ-то намъ будетъ житься съ Долгоруковыми?... Я плохо его слушалъ, и ему вѣрно показалось, что онъ мнѣ надоѣлъ... Ушелъ онъ такой грустный, что мнѣ захотѣлось его вернуть, чтобъ хорошенько съ нимъ проститься и сказать ему, чтобъ онъ ко мнѣ опять пришелъ когданибудь... Я табакерку золотую ему подарилъ... князь Иванъ сказалъ, что и серебряной было бы довольно, къ чему страннику золотая табакерка... Но у меня ничего другого не было, чтобъ дать ему отъ меня на память... Мнѣ въ тотъ день князь Иванъ привелъ того итальянца съ органомъ и съ собачками... Хороши были эти собачки, мнѣ ихъ хотѣлось купить, да Иванъ сказалъ, что онъ слишкомъ дорого за нихъ просить, и что лучше выписать такихъ изъ чужихъ странъ, лучше будутъ и дешевле... И вотъ до сихъ поръ не выписали, а общали, и еще говорятъ, что я царь, и что всѣ должны меня слушаться...

— Ваше величество, не давайте имъ вершить всѣ дѣла государственныхъ безъ одобренія верховнаго совѣта! Не слушайте однихъ Долгорукихъ! Совѣтуйтесь съ другими... съ отчаяньемъ вскричалъ Праксинъ, чувствуя, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ, что никогда больше не придется ему высказать царю то, что ему нужно знать, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, какъ слабо и непрочно впечатлѣніе, производимое его словами на слабый, несложившійся умъ ребенка, и какъ быстро будетъ забыта его восторженная рѣчь, подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній!

Какъ дорого бы онъ далъ, чтобъ свершилось чудо! Чтобъ въ этомъ мальчикѣ соврѣлъ вдругъ разумъ, развила бы, окрѣпла

душа, загорѣлся бы въ немъ внезапно яркимъ пламенемъ мужественный духъ! Жизни бы онъ для этого не пожалѣлъ. Вѣдь этотъ ребенокъ—послѣдній отпрыскъ царскаго корня, правнукъ обожаемаго царя Алексѣя Михайловича, родной сынъ замученнаго за православную вѣру царевича Алексѣя, память котораго такъ дорога всѣмъ русскимъ людямъ...

Но маленькій царь смотрѣлъ на него со страхомъ въ широко раскрытыхъ отъ недоумѣнія глазахъ. Никогда еще никто не позволялъ себѣ такъ кричать въ его покояхъ... Онъ все еще очень любилъ Филиппыча, и ему очень бы не хотѣлось, чтобъ и онъ такъ же пострадалъ за него, какъ другіе; дѣтское его сердце чувствовало, что человекъ этотъ—послѣдній другъ, преданный ему не изъ выгоды, а изъ-за чего-то другого, ему еще не понятнаго, но прекраснаго и высокаго; дѣтское его сердце признавало то, чего дѣтскій умъ еще охватить не могъ, и онъ началъ его унимать, чтобъ онъ успокоился, пересталъ бы говорить такъ громко, чтобъ, Боже сохрани, не услышали и не донесли бы Долгоруковымъ...

— Мнѣ вѣдь ужъ изъ-за тебя перепало, Филиппычъ, оба, и князь Иванъ и князь Алексѣй Григорьевичъ, выговаривали мнѣ за то, что я не по-царски обращаюсь съ прислугой и позволяю имъ разговаривать со мною о томъ, до чего имъ нѣтъ дѣла... Это они на твой счетъ, Филиппычъ, они знаютъ, что я только съ тобою разговариваю наединѣ, ни съ кѣмъ больше. Новыхъ-то, которыхъ они ко мнѣ приставили, я боюсь и терпѣть ихъ не могу... И она тоже, княжна Екатерина, изъ-за тебя надо мною издѣвалась... Я пуще всего ея боюсь, Филиппычъ, она всѣхъ ихъ злѣе... Марья Меншикова была скучная, и все, бывало, у нея на глазахъ слезы, мнѣ это было противно, и я былъ радъ ее сослать, чтобъ никогда не видѣть, а эту я ненавижу, но отъ нея труднѣе отдѣлаться... Ты этого, ради Бога, никому не говори, Филиппычъ, вѣдь они меня могутъ... извести,—вымолвилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Батюшка! государь! Да какъ ты могъ такое про меня подумать?... Вѣдь я жизнь за тебя готовъ отдать... вѣдь ты мнѣ дороже сына роднаго... какой же я на тебя доносчикъ! — пролепеталъ задыхающимся отъ волненія шопотомъ Праксинъ, припадая къ рукъ царственнаго мальчика и обливая ее слезами, неудержимо хлынувшими у него изъ глазъ.—Прости, родимый, что обезпокоилъ тебя, помѣшалъ тебѣ почивать... Напрасно я это, знаю, что напрасно...

Да, онъ это теперь понималъ, какъ нельзя лучше. Напрасно погубилъ онъ себя и лишилъ возможности послужить царю, когда служба его могла бы быть полезна. Напрасно не сообразилъ онъ тщету своихъ вождѣлнй: двѣнадцатилѣтній мальчикъ останется ребенкомъ, что ему ни говори и что съ нимъ ни дѣлай, онъ по-дѣтски будетъ и думать и чувствовать...

Въ ту ночь Праксинъ совсѣмъ не ложился спать. Онъ вышелъ изъ царской спальни, когда царь уже заснулъ, и вмѣсто того, чтобъ итти въ свою комнату, рядомъ съ гардеробной, переодѣлся изъ придворной одежды въ простую, накинулъ на себя теплый плащъ, нахлобучилъ на голову мѣховую шапку и вышелъ изъ двора на улицу. Городъ еще спалъ, и было совсѣмъ темно,—плохо освѣщали въ то время улицы рѣдкіе фонари,—но Петръ Филипповичъ такъ хорошо зналъ всѣ входы и выходы въ Кремль, что очень скоро добрался до святыхъ воротъ и, отвѣтивъ на окликъ часового, что идетъ свой, направился къ часовнѣ, изъ которой огонь отъ свѣчей и ломпадъ былъ виденъ издалека. Тутъ онъ долго молился, предавая все свое существо на волю Божию, до тѣхъ поръ молился, пока не сталъ заходить въ часовню народъ, идущій по своимъ ежедневнымъ дѣламъ, кто въ лавки, кто на рынокъ, куда уже начинали сбѣзжаться крестьяне съ деревенскимъ товаромъ.

Короткій зимній день еще не занимался, а жизнь уже кипѣла во всю, когда онъ вышелъ изъ часовни, чтобъ итти къ церкви Вознесенія повидаться въ послѣдній разъ со своимъ сыночкомъ, съ старушкой, замѣнившей мать его женѣ, и съ Ветловымъ, которому онъ передъ образомъ поклялся обратиться къ нему, когда ему въ трудное время понадобится другъ и помощникъ.

Къ нему первому онъ и пошелъ, войдя въ домъ съ чернаго крыльца, послѣ того, какъ Грицко, всегда раньше всѣхъ просыпавшійся въ домѣ, слышавъ его стукъ въ калитку, поспѣшилъ ему ее растворить.

— Мнѣ бы Ивана Васильевича повидать, старина. Если спитъ, я его разбуджу. Такое приспѣло время, что необходимо сейчасъ съ нимъ переговорить,—объявилъ Петръ Филипповичъ, проникая за старымъ казакомъ на молчаливый и пустой дворъ, окруженный строениями съ запертыми ставнями, среди снѣжныхъ сугробовъ.— Ты меня такъ къ нему проводи, чтобъ мнѣ никого не разбудить.

Грицко молча направился по тропинкѣ къ сѣнямъ и растворилъ вынутымъ изъ кармана ключомъ большой висячій замокъ у двери въ горницы.

— Огонька тебѣ вдуть, или впотьмахъ дорогу найдешь? — спросилъ онъ шопотомъ.

— Ничего мнѣ не надо, начинается ужъ свѣтатъ, дойду, Богъ дастъ, куда мнѣ надо,—отвѣчалъ тѣмъ же шопотомъ Праксинъ, проникая въ горницу съ лѣстницей на антресоли, гдѣ всегда останавливался Ветловъ, когда прѣвжалъ въ Москву.

Рядомъ съ его комнатой была другая побольше, гдѣ жилъ Филиппушка.

Ветловъ не спалъ. Онъ проснулся при первомъ стукѣ въ калитку, и у него тотчасъ же мелькнула мысль, что это пришелъ Праксинъ. Горенка слабо освѣщалась бѣлесоватымъ свѣтомъ, проникавшимъ

со двора въ отверстіе, продѣланное въ ставнѣ, и огонькомъ лампадки, горѣвшей передъ образами у Филиппушки, и, поднявъ голову съ подушки, онъ съ замирающимъ сердцемъ прислушивался къ легкому скрипу сѣнга подъ ногами идущихъ отъ воротъ къ крыльцу, мысленно творя молитву.

— Войдите, войдите, Петръ Филиппычъ, я не сплю,—сказаль онъ вполголоса, когда дверь растворилась, и на порогѣ появился Праксинъ.

Прежде чѣмъ подойти къ его постели, Петръ Филипповичъ заглянулъ въ сосѣдную комнату и притворилъ въ нее дверь.

— Спать, слава Богу, нашъ мальчикъ!—прошепталъ онъ, опускаясь на кровать Ветлова.—Я къ тебѣ отъ всего свѣта тайкомъ пришелъ, Ванюша, и нарочно въ такое время, когда никто не догадается, что мы видѣлись сегодня рано утромъ.

— Что случилось?—спросилъ Ветловъ.

— Бѣда, которую мы съ тобою ждали, кажется, надвигается. Не сегодня—завтра, меня, можетъ быть, арестуютъ, надо о спасеніи Филиппушки подумать. Увезъ бы ты его въ Лебедино, Ванюша.

— А Лизавета Касимовна?

Отъ волненія у него такъ сперло дыханіе, что слова произносились съ трудомъ.

— Лизавета цесаревну не оставитъ въ настоящее время. Я ее ужъ на этотъ счетъ пыталъ. Воля у нея твердая, ничѣмъ ее не убѣдишь: не стоитъ противъ рожна прати.

— Я сдѣлаю все, что ты прикажешь, Петръ Филипповичъ, а только дозволь мнѣ тебѣ мою мысль высказать.

— Говори, голубчикъ, я для того и пришелъ, чтобъ съ тобою совѣтъ держать, на тебя на одного оставляю я моихъ дорогихъ сына и жену.

— Спасибо, Петръ Филипповичъ, спасибо за довѣріе. Радъ за тебя и за твоихъ жизнь отдать и, если хочешь, сейчасъ поѣду съ Филиппушкой въ Лебедино. Но будетъ ли онъ тамъ цѣлѣе,—вотъ что надо обмыслить. А какъ же Лизавета Касимовна здѣсь одна останется? Съ кѣмъ ей посоветоваться, если ты будешь въ неволѣ, на кого ей положиться? А Филиппушкѣ ничего здѣсь не грозить, ребенокъ за отца отвѣтчикомъ быть не можетъ... А если бъ даже такъ и случилось, что захотѣли бы на немъ гнѣвъ сорвать, такъ вѣдь самъ понимаешь, руки у нихъ длинны, вездѣ достанутъ и его, и меня, а Лизавета Касимовна и вовсе здѣсь на виду, въ дворцѣ цесаревны.

Не будь Праксинъ такъ разстроенъ, онъ, можетъ быть, замѣтилъ бы, какъ дрожалъ голосъ его молодого друга, когда онъ произносилъ это имя, но въ эту минуту ему было не до того, чтобъ удивляться, что Ветловъ заботится больше о его женѣ, чѣмъ о немъ и о ихъ ребенкѣ, и онъ объявилъ, что именно потому и при-

шелъ къ молодому своему другу, а не къ женѣ, чтобъ не навлекать на нее лишняго подозрѣнія.

— Я ужъ давно избѣгаю къ ней заходить,—продолжалъ онъ,— во дворцѣ у цесаревны меня ни разу не видѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Москвѣ; видимся украдкой въ церкви, на улицѣ, въ лавкѣ знакомаго купца, а надняхъ я заходилъ въ огородъ къ просвириѣ, чтобъ ей сказать насчетъ того молодца, котораго ты и сюда, ко мнѣ приводилъ, чтобъ она его не принимала.

У Ветлова захолонуло сердце отъ тяжелаго предчувствія.

— Ты развѣ что нибудь недоброкачественное про него узналъ?

— Всѣмъ вамъ, мнѣ близкимъ людямъ, надо незнаемыхъ людей остерегаться, а ужъ особливо такихъ отчаянныхъ да шальныхъ, какъ этотъ твой Докукинъ. Походя вѣдь Долгоруковыхъ ругаетъ и клянетъ, того не соображая, что доносчиками Москва кишить съ тѣхъ поръ, какъ царь здѣсь живетъ. Долго ль изъ-за такого молодца всѣмъ невинному человѣку въ бѣду попасть! Я бы тебѣ совѣтовалъ отъ такихъ, какъ отъ чумы, бѣгать, Ванюша.

— Я ему ужъ сказалъ, чтобъ онъ больше сюда не лазилъ,— замѣтилъ съ смущеніемъ Ветловъ.

— Вамъ надо всѣмъ съ большой опаской теперь жить. Гдѣ думаешь ты съ Лизаветой повидаться, чтобъ порученіе ей мое передать?

— Пусть она сама рѣшить, ей лучше знать. Зайду къ ранней обѣднѣ въ Успенскій соборъ, она туда каждый разъ, какъ можетъ урваться, приходитъ...

— Гдѣ знаете, тамъ и устройте себѣ свиданіе, мнѣ тебя осторожности не учить, самъ понимаешь, чему подвергаешь и себя и ее... Скажи ей отъ меня, что я прошу ее ради самого Бога, которому мы съ нею такъ часто вмѣстѣ молились, чтобъ обо мнѣ узнавать не доискивалась и отъ свиданій со мной наотрѣзъ отказывалась. Все, чего я прошу у Бога, чтобъ безъ шума и незамѣтно уйти изъ этого міра...

— Да что случилось-то, Пётръ Филиппычъ? — спросилъ Ветловъ, замѣчая, что посѣтитель его собирается уходить.—Тяжко мнѣ не знать, откуда тебѣ грозитъ бѣда...

— А еще тяжелѣе станетъ, когда узнаешь... На допросѣ-то съ пытками куда легче стоять человѣку, которому ничего не извѣстно!..

— Боишься, что я тебя выдамъ?—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Ветловъ.

— Не за себя, голубчикъ, а за тѣхъ, кого тебѣ поручаю, боюсь. Ты имъ нуженъ свободный да сильный, цѣльный однимъ словомъ, а не искалѣченный да подозрѣваемый. Намъ замѣстители нужны, чтобъ начатое нами дѣло продолжали, когда насъ не будетъ. Блюди нашъ народъ въ лѣсу, Ванюша. Какъ я его велъ, и ты веди. Понялъ?

И, не дожидаясь отвѣта, избѣгая встрѣчаться съ нимъ взглядомъ, чтобъ не выдать, можетъ быть, сердечной муки, терзавшей его, Праксинъ подошелъ къ двери въ сосѣдную комнату и, растворивъ ее, нѣсколько мгновеній простоялъ на порогѣ, глядя на спавшаго сына и мысленно творя молитву.

— Спать,—глухо проговорилъ онъ, возвращаясь къ Ветлову.— Оно такъ-то лучше... пусть тогда только узнаетъ, когда все свершится. Ты сумѣешь ему все объяснить, чтобъ зналъ, что отецъ его остался вѣренъ своей совѣсти до конца, совѣсти русскаго православнаго человека. Когда войдетъ въ разумъ, ты ему это объясни, какъ слѣдуетъ: что такое родина, царь-помазанникъ и вѣра православная. Я тебя хорошо узналъ, Ванюша, ты изъ крѣпкихъ, ты не дашь въ немъ угаснуть духу, ты такой же, какъ и его мать... Спаси ее, Господи! До послѣдняго издыханія буду за васъ, за троихъ, молить Бога, чтобъ не разъединялъ васъ въ духѣ... Много я объ этомъ думалъ, Ванюша, Господь все къ лучшему устраиваетъ, это намъ только по скудоумію нашему кажется, что надо было бы такъ и этакъ сдѣлать, чтобъ все было хорошо, а какъ по-нашему выйдетъ, и плачемся... Докукинъ твой правъ, промѣняли мы кукушку на ястреба, сверзивъ Меншикова для Долгорукихъ! — проговорилъ онъ, пригибая совѣмъ близко къ слушателю свое поблѣднѣвшее отъ волненія лицо, съ сверкающимъ, вдохновеннымъ взглядомъ.— А какъ мы радовались удачѣ! Вотъ что значитъ безъ Бога-то дѣло затѣивать!

Всю жизнь помнилъ Ветловъ этотъ взглядъ, съ лѣтами все глубже и глубже проникаясь восторженнымъ благоговѣніемъ къ своему другу.

Правъ былъ Петръ Филиппычъ Праксинъ, довѣряя ему все, что у него было дорогого на землѣ: Ветловъ способенъ былъ его понимать и оцѣнить его дружбу. Не для чего ему было его больше спрашивать; теперь ему все было ясно: когда исправить послѣдствія заблужденія невозможно, жизнь теряетъ смыслъ, и остается искать утѣшенія за гробомъ. Есть разочарованія, такъ глубоко изъязвляющія сердце, что ничѣмъ раны не залѣчишь.

Онъ не пошелъ провожать Праксина и, безъ словъ обнявшись съ нимъ, долго смотрѣлъ на дверь, изъ которой тотъ вышелъ, стараясь себя убѣдить, что это былъ не сонъ, а дѣйствительность, и что посѣтилъ его самъ Петръ Филипповичъ, а не духъ его.

Прошло нѣсколько дней, повидимому, безъ перемѣнъ, но князь Иванъ при первомъ свиданіи съ царемъ замѣтилъ, что мальчикъ задумчивъ и относится неохотно ко всѣмъ его предложеніямъ. Не обрадовался онъ даже правднику за городомъ, съ ужиномъ въ лѣсу, послѣ охоты, которымъ онъ рассчитывалъ привести его въ

восхищеніе, и замѣтилъ, что передъ торжествомъ коронаціи не о забавахъ ему надо думать, а о молитвѣ и постѣ.

— Я мнилъ, что ваше величество собирается вѣнчаться на царство, а не въ монахи постригаться, — попытался было пошутить князь Иванъ, но ребенокъ былъ еще подъ впечатлѣніемъ разговора съ Праксинымъ и запальчиво приказалъ ему молчать.

— Вы всѣ хотите изъ меня дурака сдѣлать... чтобъ я ничему не учился... ничего бы не зналъ, и чтобъ вамъ за меня государствомъ править! Вы хуже Меншиковыхъ, вы всѣхъ добрыхъ людей отъ меня отстраняете... я этого не хочу... Какъ Меншиковыхъ сослалъ, такъ и васъ! — кричалъ онъ въ изступленіи, которое очень скоро перешло въ истерическій припадокъ, переполошившій весь дворецъ.

Въ одно мгновеніе разнеслось по всей окружающей мѣстности, а затѣмъ и дальше, что у царя припадокъ падучей. Всѣ сбѣжались, послали за докторами, царственнаго ребенка стали растирать, поить успокоительными средствами, уложили въ постель. Явился немедленно князь Алексѣй Григорьевичъ. Больной отвернулся отъ него и гнѣвно спросилъ:

— Гдѣ Филиппычъ? Позовите его.

Желаніе это было немедленно исполнено, приказано было привести Праксина въ царскую спальню. Онъ былъ недалеко и тотчасъ же явился, а князь Алексѣй Григорьевичъ, выходя изъ покоя, сказалъ сопровождавшему его сыну:

— Вотъ кто возстановляетъ противъ насъ государя!

— Теперь я и самъ это вижу, — отвѣчалъ князь Иванъ и сказалъ отцу слышанное отъ царя передъ припадкомъ.

— Дѣло зашло дальше, чѣмъ можно было ожидать, — замѣтилъ его отецъ. — Надо этого человѣка съ нашей дороги убрать. Случай къ тому представится, а пока торопиться не для чего. Мнѣ и жена его, что при Елисаветѣ, не нравится... Дружить съ Шуваловыми, съ Воронцовыми... Если такихъ не отстранять, для чего же было удалять Меншиковыхъ?

— Проявляются ужъ людишки, которые Меншиковыхъ жалѣютъ.

— Знаю я. Надо было этого ждать. Такія побѣды всегда потомъ отрыгаются...

Враги Праксина были люди умные и ловкіе. Какъ нельзя лучше воспользовались они совѣтами, даваемыми имъ царю, и сами заговорили съ этимъ послѣднимъ о необходимости для него готовиться по-христіански къ предстоящему священному торжеству, какъ только царственный отрокъ былъ въ состояніи ихъ слушать. Явился къ нему для этого подосланный княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ придворный священникъ и повелъ съ нимъ душепринаслительный разговоръ, менѣе тронувшій его тѣхъ словъ, что

вырвались наканунѣ изъ глубины души у Петра Филипповича, но, тѣмъ не менѣе, болѣе приличествовавшій предстоявшему случаю, тѣмъ пустое времяпровожденіе, къ которому систематически пріучали малолѣтняго государя.

Убѣдившись въ томъ, что увѣщанія его принесли плоды, Праксинъ опять удалился на задній планъ и продолжалъ исполнять свои обязанности камерлакея, избѣгая оставаться наединѣ съ царемъ, а также всякихъ сношеній съ окружающими, и все такъ хорошо шло, такъ успокоилось, что можно было бы и забыть о случившемся, если бъ Петръ Филипповичъ не зналъ, что это спокойствіе не что иное, какъ затишье передъ бурей, неминуче долженствовавшей разразиться надъ его головой. Не такіе были люди Долгоруковы, чтобъ потерпѣть близъ царя челоуѣка, разгадавшаго ихъ планы и не останавливающагося передъ ихъ разоблаченіемъ. Онъ понималъ, что они только ждутъ случая, чтобъ погубить его.

И случай этотъ представился, мѣсяць спустя послѣ коронаціи.

Когда царь возвращался отъ обѣдни во дворецъ, изъ толпы выбѣжалъ челоуѣкъ съ челобитной въ рукахъ, которую онъ съ громкимъ крикомъ бросилъ къ его ногамъ. Бумага была передана князю Алексѣю Григорьевичу; государь прошелъ дальше, а подаватель ея, въ которомъ Праксинъ, шедшій за царемъ вмѣстѣ съ прочими придворными служителями, узналъ тотчасъ же Докукина, былъ тутъ же арестованъ и отведенъ къ Преображенскій приказъ.

Если въ продолженіе послѣднихъ недѣль Праксину и приходило иногда въ голову, что ожидаемый крестъ его минуетъ, то теперь надѣяться на это было уже невозможно, и онъ благодарилъ Бога за то, что успѣлъ заранѣе приготовиться къ развязкѣ. Прошло еще нѣсколько дней, во время которыхъ онъ продолжалъ избѣгать свиданій со своими близкими, и роковой часъ для него пробилъ.

Священное торжество, къ которому царь готовился въ продолженіе нѣсколькихъ дней, встрѣчая только серьезныя лица и слыша только суровыя слова, окончилось благополучно. Все, что онъ долженъ былъ выучить наизусть, чтобъ сказать во всеуслышаніе народу, было имъ вытвержено и произнесено безъ запинки. Тяжелое впечатлѣніе утомительнаго обряда разсѣялось при выходѣ изъ храма, при громкомъ и радостномъ звонѣ колоколовъ и при радостныхъ кликахъ народа, толпившагося вокругъ него въ такомъ великомъ множествѣ, что, когда онъ вышелъ на площадь, то куда бы онъ ни повернулъ голову, всюду восхищенному его взору представлялось морфъ головъ, съ восторженно и любовно устремленными на него глазами. Отовсюду неслись къ нему добрыя пожеланія и благословенія. Растроганный и умиленный до глубины души, вошелъ онъ во дворецъ, и, когда послѣ поздравленій высшихъ чиновъ подошелъ къ нему въ числѣ прочихъ придворныхъ

служителей Праксинъ, царь вспомнилъ то, что произошло между ними въ ту роковую ночь.

— Будь покоенъ, никогда не забуду я того, что ты мнѣ ска- залъ,—прошепталъ онъ ему на ухо, нагнувшись къ нему, въ то время, когда Петръ Филипповичъ цѣловалъ протянутую ему руку.

Но такое торжественное настроеніе долго продолжаться не могло у двѣнадцатилѣтняго мальчика. За священными торжествами по- слѣдовали свѣтскія празднества, между которыми самымъ весе- лымъ и блестящимъ долженъ былъ быть тотъ, что готовился въ загородномъ домѣ князей Долгорукихъ. Весь городъ говорилъ про этотъ праздникъ, и каждый считалъ за счастье на него получить приглашеніе, такое множество затѣйливыхъ развлеченій было за- готовлено на этотъ день: катаніе въ саняхъ, обѣдъ въ зимнемъ саду, спектакль, живыя картины, балетъ и наконецъ маскарадъ въ освѣщенныхъ а гюгно роскошно декорированныхъ залахъ, при звукахъ оркестровъ, все это должно было завершиться возвраще- ніемъ въ городъ по дорогѣ, освѣщенной горящими кострами и смо- лянными бочками, въ сопровожденіи верховыхъ съ зажженными факелами.

Царь былъ въ этотъ день особенно веселъ. Наканунѣ ему цѣ- лый вечеръ наперерывъ описывали удовольствія, которыя его ожи- даютъ; онъ примѣривалъ красивый, заморскій костюмъ, въ кото- ромъ долженъ былъ танцевать съ княжной Долгоруковой въ пер- вый паръ, открывая маскарадъ, и онъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ этой минуты, что долго не могъ заснуть и проснулся позже обыкновеннаго. Пришлось торопиться къ празднеству, такъ что за волосочесами и портными, просидѣвшими надъ работой всю ночь, чтобъ сдѣлать необходимыя передѣлки въ маскарадномъ платьѣ, и явившимися, чтобъ одѣть въ него царя, Праксинъ не могъ даже на минуту къ нему приблизиться. Онъ могъ только из- дали на него смотрѣть и по весело оживленному лицу его и без- заботно сверкавшимъ глазамъ убѣдиться, что отъ впечатлѣній, на- вѣянныхъ на него торжествами прошлой недѣли, ни въ умѣ его, ни сердцѣ не осталось и слѣда. Опять сдѣлался онъ тѣмъ же легко- мысленнымъ и падкимъ до удовольствій мальчикомъ, какимъ онъ былъ до вѣнчанія своего на царство, и опять тѣ же люди, влия- ніе которыхъ поколебалось было на нѣсколько дней, овладѣли его душой.

Но зато перемяна, свершившаяся въ сердцѣ Праксина, была не изъ переходящихъ: равнодушіе его ко всему земному возрастало по мѣрѣ того, какъ онъ все яснѣе и яснѣе ощущалъ близость смерти. За самоотверженіе его, за то, что онъ «клалъ жизнь за други свои», Господь даровалъ ему величайшее утѣшеніе, доступное человѣку на землѣ—сознаніе исполненнаго долга и предчувствіе небесной за это награды. Ко всему, что вокругъ него происходило, онъ от-

носился съ такимъ чувствомъ, точно онъ на все это взираетъ съ недостигаемой для земныхъ существъ небесной высоты, не только безъ злобы и безъ досады, но даже и безъ желанія способствовать, хотя бы словомъ, исправленію свирѣпствовавшаго зла. Господь попускаетъ. Онъ же, всеблагій и долготерпѣливый, положить всему этому предѣлъ, когда найдетъ это нужнымъ и какими захочетъ средствами, черезъ ему угодныхъ людей, а его дѣло сдѣлано, и только бы скорѣе наступилъ для него конецъ. Въ томъ, что исходъ будетъ смертельный, онъ такъ мало сомнѣвался, что ни одной минуты не въ силахъ былъ остановить мысли не только на спасеніи, но даже на заточеніи или ссылкѣ въ сибирскія тундры, туда, куда отправились, чтобъ никогда больше оттуда не возвращаться, такое великое множество близкихъ ему и по крови и по сердцу людей. Вѣдь ужъ скоро сорокъ лѣтъ, какъ преслѣдованіе за православную вѣру и за русскій духъ неуклонно подтачиваетъ въ корнѣ русскіе устои, безпощадно истребляя всѣхъ зацѣтниковъ этихъ устоевъ.

Проводивъ царя въ толпѣ прислужниковъ до коляски, запряженной шестерней разукрашенныхъ перьями коней, Праксинъ вернулся къ себѣ въ горенку рядомъ съ гардеробной и нашелъ въ ней сыщиковъ, производившихъ у него обыскъ. Тутъ же ждали и стражники, которые должны были отвести его въ ту самую темницу, гдѣ уже восьмой день томился Докукинъ, въ сообщничествѣ съ которымъ Праксинъ былъ оговоренъ.

VIII.

Очень тайно производилось въ Преображенскомъ приказѣ дознаніе по Докукинскому дѣлу. Всѣ мѣры были приняты, чтобы толки о немъ по городу не распространялись. Отъ царя оно совсѣмъ было скрыто, и его такъ ловко увѣрили, что Праксинъ, по экстремному семейному дѣлу, отправился въ отпускъ, въ деревню свою, что мало-помалу онъ совсѣмъ сталъ забывать про существованіе своего любимаго камерлакея. Иначе и не могло быть при разсѣянной жизни, которую его заставляли вести. Что же касается до человѣка, позволившаго себѣ такъ дерзко нарушить порядокъ коронаціоннаго торжества, бросивъ къ его ногамъ челобитную, эпизодъ этотъ давно ужъ безслѣдно изгладился изъ памяти царственнаго юноши.

Лизавета Касимовна скрывала свое горе и тревогу такъ искусно, что только по ея худобѣ да по землистому цвѣту лица цесаревна догадалась наконецъ, что ее постигла какая нибудь большая бѣда.

— Ты не примѣтила, какъ измѣнилась Праксина?—спросила она однажды у Мавры Егоровны.

— Какъ не замѣчать! Надо еще удивляться, какъ у нея хватаетъ силъ служить вашему высочеству при душевной мукѣ, которою она терзается,—отвѣчала Шувалова.

— Что съ нею случилось?

— Мужъ ея замѣшанъ въ Докукинскомъ дѣлѣ.

Цесаревна поблѣднѣла отъ испуга.

— И ты до сихъ поръ молчала! Вѣдь она насъ всѣхъ можетъ подвести!

— Если бъ ваше высочество подвергались малѣйшей опасности отъ ея присутствія во дворцѣ, давно бы ея здѣсь не было, но безпокойтесь на этотъ счетъ нечего. Мой мужъ ужъ говорилъ объ этомъ съ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, который вполнѣ его успокоилъ. Самъ Праксинъ такъ мало замѣшанъ въ дѣлѣ Докукина, что давно бы его выпустили на волю, если бъ онъ самъ на себя не наклепалъ съ перваго же допроса, въ присутствіи Долгорукихъ.

— Какъ? Почему? Что онъ сказалъ? Расскажи мнѣ все, что ты знаешь. Я хочу знать!

Она оглянулась по сторонамъ, подозвала къ себѣ ближе свою гофмейстерину и съ сверкавшими любопытствомъ глазами повторила:

— Все, все мнѣ расскажи! Ты даже и представить себѣ не можешь, какъ мнѣ нужно все знать!

Случись все это раньше, она, можетъ быть, прибавила бы къ этому, что наканунѣ, вечеромъ ея сердечный дружокъ, Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, уже сообщилъ ей, что Праксинъ не въ деревнѣ, а въ тюрьмѣ, и что ему грозитъ казнь за преступленіе высочайшей государственной важности; но Елисавета Петровна за послѣднее время съ каждымъ днемъ набиралась все больше и больше опыта и осторожности, и многое теперь скрывала отъ ближайшихъ своихъ друзей.

Мавра Егоровна, у которой раньше тоже были причины скрывать отъ нея то, что она знала про Праксина, передала ей глухіе слухи, ходившіе по городу про заключенныхъ въ Преображенскомъ приказѣ и про отвѣты ихъ на допросахъ съ пристрастіемъ, которыми ихъ терзали въ присутствіи лицъ, близко заинтересованныхъ въ томъ, чтобы узнать подробности заговора.

Но сообщниковъ у Докукина не оказывалось, и приходилось арестовывать людей за то только, что они съ нимъ встрѣчались у общихъ знакомыхъ и разговаривали съ нимъ о предметахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ поданной имъ государю челобитной, въ которой выставлялась въ рѣзкихъ выраженіяхъ невинность Меншиковыхъ въ приписываемыхъ имъ государственныхъ преступленіяхъ и въ обвиненіи Долгорукихъ въ преступленіяхъ много тяжелѣйшихъ. Царю представили къ подписи распоряженіе о высылкѣ павшаго временщика съ семьей въ отдаленный сибирь

скій городокъ Березовъ, съ отнятіемъ у несчастныхъ послѣдняго имущества, а затѣмъ снова принялись вымучивать отъ Докукина доказательства мнимаго участія Праксина въ заговоръ въ пользу Меншикова. И вотъ тутъ-то этотъ послѣдній, точно раздосадованный на Докукина за то, что онъ отрицаетъ всякое съ нимъ сообщничество, высказалъ Долгорукимъ столько горькихъ истинъ, что врядъ ли оставятъ его послѣ этого въ живыхъ.

— Онъ имъ сказалъ, что они умышленно вытравляютъ изъ сердца царя любовь къ родинѣ, останавливаютъ развитіе его разума, чтобъ сдѣлать его неспособнымъ царствовать, растлеваютъ его тѣло раннимъ возбужденіемъ страстей, приучаютъ его къ пьянству, къ опасному общенію съ женщинами, и все это для того, чтобъ при его неспособности къ серьезному труду править государствомъ его именемъ...

— Онъ имъ все это сказалъ прямо въ глаза!—вскричала цесаревна, всплескивая руками.

— И это, и другое, много хуже этого. Говорятъ, что князь Алексѣй Григорьевичъ скрежеталъ зубами, его слушая, но, тѣмъ не менѣе, далъ ему договорить до конца и не позволилъ князю Ивану его прерывать...

— Неужели тетка все это знаетъ? Кто же ей это могъ сказать?

— Ваше высочество изволить забывать про ея мать. Пани Стипинская свой человѣкъ у Долгоруковыхъ, и тамъ отъ нея нѣтъ тайнъ. А, можетъ быть, ей все это даже съ умысломъ рассказали, чтобъ она повліяла на дочь... Не даромъ же Стипинская приходила третьяго дня къ дочери съ предложеніемъ выпросить ей свиданіе съ мужемъ.

— И что же тетка?

— Наотрѣвъ отказалась.

— Умница!—вырвалось радостное восклицаніе у цесаревны.

— Я ужъ говорила вашему высочеству, что опасаться ея нечего.

— Какъ ты думаешь, почему именно отказалась она отъ предложенія матери?—продолжала любопытствовать цесаревна.

— Не могу вамъ этого сказать навѣрное, но думаю, что на всѣ ея рѣшенія имѣетъ большое вліяніе тотъ молодой человѣкъ, съ которымъ и она, и мужъ ея очень дружны. Онъ и раньше довольно часто ее навѣщалъ, а теперь рѣдкій день къ ней не заходитъ...

— Ветловъ? Его хорошо знаетъ Алексѣй Никифоровичъ и очень его хвалитъ. Они близко сошлись во Владимирѣ, гдѣ у этого Ветлова есть родственники... Ужъ не замѣшанъ ли и онъ въ Докукинскомъ дѣлѣ?—съ испугомъ сообразила цесаревна.—Это было бы ужасно... Долгоруковы не упустятъ удобнаго случая сдѣлать мнѣ неприятность...

— Не беспокойтесь, ваше высочество. Первое время за Ветлова можно было опасаться, благодаря его близкому знакомству съ

Праксиними, а также потому, что онъ и Докукина съ ними познакомилъ, но онъ поступилъ очень умно: прямо и не дождавшись, чтобъ его вытребовали, отправился къ князю Алексѣю Григорьевичу, который его тотчасъ же принялъ и съ часъ времени разговаривалъ съ нимъ наединѣ—о чемъ, никому, кромѣ ихъ двухъ, да, можетъ быть, Лизаветѣ Касимовнѣ неизвѣстно, но съ тѣхъ поръ имя его изъ слѣдственнаго дѣла вычеркнуто, это я знаю изъ достовѣрнаго источника. Надо такъ полагать, что не за одного себя ходилъ онъ говорить съ княземъ, а также, и даже преимущественно, за Лизавету Касимовну. Она очень печалится и душевно скорбитъ, но никакихъ опасеній у нея ни за себя, ни за сына нѣтъ.

— Но что же могъ онъ сказать князю? Чѣмъ могъ онъ его увѣрить въ своей неприкосновенности къ дѣлу, по которому страдаетъ Праксинъ?—продолжала свой допросъ цесаревна, сильно заинтригованная услышанными подробностями.

— Кто его знаетъ! Можетъ быть, князь по одному виду его догадался, почему онъ такъ преданъ семьѣ Праксиныхъ.

— Какая же тому особенная причина?

— Ваше высочество! Если бъ вы только его видѣли въ присутствіи Лизаветы Касимовны, то не спрашивали бы объ этомъ...

— Они влюблены другъ въ друга? — съ живостью спросила цесаревна.

— Онъ любить ее безъ памяти. Что же до нея касается, то я увѣрена, что она этого и не подозрѣваетъ... Да и самъ-то онъ...

— Не можетъ этого быть! Развѣ можно не видѣть, не чувствовать, когда человѣкъ въ тебя влюбленъ?

— Можно, ваше высочество, и сами вы никогда не узнаете про то, какое чувство вы внушаете многимъ...

Цесаревна покраснѣла, и смущенная улыбка заиграла на ея красивыхъ, пурпуровыхъ губахъ.

— Полно вадоръ говорить! Расскажи мнѣ лучше про мою тезку. Мужа-то своего она любить, что ли?

— Любить, ваше высочество.

— Значить, она страшно несчастна! Знать, что любимаго человека мучать, что ему грозить казнь, и что ничѣмъ не можешь ему помочь,—что можетъ быть ужаснѣе этого! Мнѣ кажется, что я ни за что бы не выдержала такой нравственной пытки... Боже мой, какъ она должна страдать! Боже мой! Бѣдная, бѣдная тетка!—вскричала она съ слезами.

Слова эти Мавра Егоровна должна была вспомнить, нѣсколько лѣтъ спустя, при обстоятельствахъ, благодаря которымъ катастрофа съ Праксинимъ не могла не воскреснуть въ ея памяти. Ужъ не предчувствіемъ ли того, что должно было ее самое постигнуть, были вызваны слезы состраданія къ чужому горю, сверкнувшія въ прекрасныхъ глазахъ цесаревны?

— Ваше высочество, извольте успокоиться,—сказала Шувалова, тронутая чувствительностью своей госпожи:—мы переживаемъ такое время, что всего можно ждать, всякихъ напастей, и это каждому изъ насъ. Къ постигшей ихъ бѣдѣ Праксина давно готовилась. Посмотрите, какъ она покорно, вполне полагаясь на волю Божию, переноситъ свое горе! Ветловъ куда больше убивается за своего друга, чѣмъ она! Я увѣрена, что когда они промежь себя говорятъ про Петра Филипповича, ей приходится его утѣшать, а не ему ее.

— И ты говоришь, что она не только не любитъ этого Ветлова, но даже и не подозрѣваетъ, что онъ въ нее влюбленъ! А какое онъ изъ себя? Можетъ быть, такъ дуренъ, что смотрѣть на него не хочется?

— Напротивъ, ваше высочество, онъ очень собой хорошъ. А какой умный, начитанный, и, невзирая на молодость, она годомъ его старше, нѣтъ человѣка, который бы его не уважалъ.

— Это ничего, что онъ годомъ ея моложе,—продолжала преслѣдовать вслухъ завертѣвшуюся въ ея умѣ мысль цесаревна.—Никакъ не могу я вѣрить, чтобъ она не подозрѣвала его любви. Если бъ еще они рѣдко видѣлись, но ты говоришь, что онъ у нихъ, какъ свой, что онъ всегда останавливается у нихъ, когда прїѣзжаетъ изъ деревни, что и теперь она всегда встрѣчаетъ его дома, когда прїѣзжаетъ навѣщать сына, какъ же это можетъ быть, что онъ никогда, ни единымъ словомъ, ни единымъ взглядомъ не выдалъ бы свою сердечную тайну? Какой онъ изъ себя? Вѣдь ты его видѣла?

— Сколько разъ, ваше высочество, и видѣла его, и говорила съ нимъ.

— Глаза у него глубоые, какъ у Алексѣя Никифоровича? Онъ высокій, стройный? Бороду носить?

— У него очень прїятное лицо, и бородка у него русая, а какого цвѣта глаза, этого я не замѣтила, знаю только, что они загораются любовнымъ блескомъ, не только когда входитъ Лизавета Касимовна, но и въ ея отсутствіе, кагда заговорятъ про нее. Волосы у него кудрявые, а ростомъ онъ, кажется, будетъ немного ниже Алексѣя Никифоровича и худощавѣе его... Кажется, онъ придерживается старой вѣры, судя по степенной походкѣ его да потому, что другого платья, кромѣ русскаго, я на немъ не видѣла. Во всякомъ случаѣ онъ изъ старолюбцевъ, это можно замѣтить съ перваго взгляда на него.

— Да вѣдь и тезка большая старолюбка и съ такимъ отвращеніемъ носить французское платье, что оно на ней сидитъ, какъ онапеская ряса!—замѣтила со смѣхомъ цесаревна.—А вѣдь красавица и, какъ ни уродитъ себя, на многихъ производитъ впечатлѣніе... И она такъ-таки ни крошечки не догадывается, что самый къ нимъ ближайшій человѣкъ умираетъ отъ любви къ ней? Изумленія достойна такая слѣпота!

— Я вамъ больше скажу, ваше высочество. Мнѣ часто кажется, что и самъ онъ не подозрѣваетъ, какое у него къ ней чувство, и оскорбился бы до глубины души, если бы ктонибудь ему это сказалъ... Они странные люди, такихъ у насъ при дворѣ никогда не было, да и не будетъ. Они, точно по ошибкѣ, къ намъ попали. Не разъ мы съ мужемъ объ этомъ говорили. Онъ вначалѣ-то относился къ Праксинимъ подозрительно, вѣдь ихъ на мѣста поставилъ самъ князь Александръ Даниловичъ...

— А про Меншиковыхъ ты что слышала?—первала цесаревна.

— Страда ихъ только, можно сказать, теперь началась. Княгиню совсѣмъ больную потащили въ ссылку; отняли у нихъ все, что можетъ дать покой и удобство...

— Бѣдныя!—вздохнула Елисавета Петровна.—И что же они?

— Князю надо только изумляться, какъ онъ измѣнился, и куда только дѣвалась его гордыня и жестокосердіе! Смирился передъ Богомъ такъ, что узнать его нельзя. Ну, а дѣти-то у него всегда были кроткія и простыя, не то, что Долгоруковскія, — прибавила она со злобой.

— Правда, правда, немного мы выиграли отъ перемѣны, — замѣтила цесаревна.

И помолчавъ она приказала послать сказать Шубину, что ждетъ его, чтобы ѣхать въ Александровское...

— Да вѣдь сегодня ваше высочество ждутъ у царя на вечеринку съ прїѣзжими пѣвцами,—напомнила Мавра Егоровна.

— Нѣтъ, Мавра, не въ силахъ я сегодня никого изъ нихъ видѣть. Слишкомъ тяжело, слишкомъ болитъ сердце, одинъ только человѣчекъ и можетъ меня успокоить и развеселить... Знаешь, мнѣ часто кажется, что всего было бы лучше, если бы я съ нимъ куданибудь подальше удалилась отъ двора. Поселиться бы намъ въ моемъ малороссійскомъ имѣніи, у хохловъ. Помнишь, какъ хорошо рассказывалъ про тѣ мѣста тотъ старичокъ, котораго вы съ тевкой ко мнѣ приводили въ Петербургѣ послѣ ареста Меншиковыхъ? Онъ много дѣльнаго говорилъ, Егоровна, я часто его вспоминаю и очень бы желала его видѣть... надо будетъ спросить про него у Праксиной... Онъ мнѣ говорилъ, что меня тамъ любятъ... Какъ бы хорошо мнѣ тамъ было!

— Не извольте про это думать, ваше высочество, вамъ совсѣмъ другое назначеніе дано отъ Бога...

— Какое назначеніе? Два раза стояла я такъ близко къ престолу, что мнила себя на немъ, мысленно ужъ распорядилась Россіей, кого карала, кого миловала, все передѣлывала и перестроивала по своимъ мыслямъ, и все это рушилось по волѣ Божіей и по стараніямъ моихъ недруговъ,—чего мнѣ больше ждать? У насъ царствуетъ молодой царь, моложе меня, въ жены ему прочать самую гордую, властолюбивую и сильную духомъ дѣвушку Русскаго

царства, умную и ловкую, и къ тому же безсердечную... Она сумѣетъ такъ дѣло поставить, что мнѣ о батюшкиномъ наслѣдіи и думать будетъ нельзя... Пойдутъ у нихъ дѣти...

— Да они еще не обвѣчаны, ваше высочество, и раньше, какъ черезъ четыре года, царь жениться не можетъ...

— И-и-и, милая! Такимъ, какъ Долгоруковы, все возможно! Ну, а только скажу тебѣ, что жить мнѣ вѣчно въ такомъ страхѣ за себя и за всѣхъ своихъ, какъ я живу теперь, становится невтерпѣжъ... Ступай-ка къ Алексѣю Никифоровичу, повови его ко мнѣ да распорядись, чтобы намъ скорѣе карету запрягли. Закажемся мы съ нимъ на весь день къ себѣ, туда, гдѣ намъ бояться нечего, гдѣ можно забыться отъ адѣшной мучительной несносной связи, притворства и вѣчнаго страха сказать лишнее, тому перекланяться, этому недокланяться, каждое свое слово, каждую улыбку, каждое движеніе обдумывать... сухотно все это, надоѣло!

— А что же, ваше высочество, прикажете доложить царю?

— Пусть доложить, чтобы меня не ждали, да пусть это скажутъ при царской невѣстѣ, она такъ этому обрадуется, что не дастъ ему ни минутки про меня задуматься, вотъ увидишь!

— Сейчасъ пошлю Праксину за Алексѣемъ Никифоровичемъ...

— Пошли, онъ ей всегда радъ, а сюда ты ея не присылай, пожалуйста. Какъ увижу я ея печальное лицо, такъ опять у меня сердце закручинится, а я сегодня хочу про все дурное забыть, хочу весь день провести весело, радостно и любовно!

— Слушаю, ваше высочество.

Цесаревна уѣхала со своимъ возлюбленнымъ, когда еще солнце стояло высоко на небѣ и такъ припекало землю, что остававшіяся въ ложбинахъ снѣгъ побѣжалъ по улицамъ ручьями, образуя на каждомъ шагу лужи, а когда оно ушло за гору, и стало темнѣть, въ комнату Лизаветы, въ которой она, запершись на ключъ, молилась передъ образами, на свободѣ изливая Спасителю свое отчаяніе и печаль, — постучались.

Пришлось подняться съ колѣней, пойти къ двери, снять заложенный крючекъ съ двери и отворить ее, чтобы впустить Ветлова.

При первомъ взглядѣ на него Лизавета догадалась, что мужа ея въ живыхъ нѣтъ.

Исполнилъ Господь желаніе Праксина; ни одно еще уголовное дѣло не кончалось въ Преображенскомъ приказѣ такъ тихо и быстро, какъ дѣло по обвиненію камерлакея его величества Праксина въ сообщничествѣ съ государственнымъ преступникомъ Докукуинымъ, осмѣлившимся мечтать о низверженіи временщиковъ, замѣнившихъ у власти Меншиковыхъ. Никто не хлопоталъ за Праксина, и самъ онъ каждымъ своимъ словомъ на допросѣ способствовалъ торжеству своихъ враговъ. На объявленіе ему смертной казни онъ отвѣчалъ молчаніемъ и объ одномъ только просилъ

своихъ судей—дозволить ему повидаться съ Ветловымъ, чтобы передать ему свои предсмертныя желанія относительно жены своей и сына, прибавляя къ этому, чтобы свиданіе это, буде оно разрѣшится, происходило при свидѣтеляхъ.

Когда объ этомъ было доложено князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, онъ приказалъ дать знать Ветлову, что ему разрѣшено повидаться съ осужденнымъ, и, не довѣря своимъ клеветамъ, самъ присутствовалъ при свиданіи друзей передъ вѣчной разлукой.

Въ краткихъ словахъ Петръ Филипповичъ поручилъ своему молодому другу свою маленькую семью, а также все свое состояніе, при чемъ выразилъ желаніе, чтобы Ветловъ увезъ Лизавету съ мальчикомъ въ Лебедино, подальше отъ свѣта.

— Не приказываю я вамъ этого, а только совѣтую, предоставляя на вашу волю сдѣлать такъ, какъ будете считать лучше...

А затѣмъ, обращаясь къ стоявшему въ темномъ углу подвемелья, служившаго ему мѣстомъ заключенія, князю, прибавилъ съ низкимъ поклономъ:

— И тебя, князь, прошу за жену мою и за сына, да не оτραзится твой гнѣвъ съ моей головы на невинныхъ.

На это князь ничего не отвѣтилъ ему, но, повернувшись къ Ветлову, произнесъ торжественно:

— Всегда, во всякое время и за всякими нуждами обращай ко мнѣ. А теперь иди себѣ съ Богомъ, тебѣ здѣсь больше дѣлать нечего.

— Спасибо, князь, — проговорилъ твердымъ голосомъ Праксинъ и, крѣпко обнявъ Ивана Васильевича, повторилъ ему сказанное княземъ:

— Иди себѣ съ Богомъ, тебѣ здѣсь дѣлать больше нечего.

Все это передалъ Ветловъ Лизаветѣ, которая, выслушавъ его, упала на колѣни передъ образами и сотворила первую молитву за упокой души мужа. Долго молилась она со слезами и рыданіями, и когда наконецъ кончила и хотѣла подняться, увидѣла, что Ветловъ стоитъ на колѣняхъ позади нея и тоже обливается горячими слезами объ общемъ ихъ другѣ.

Всегда расположена она была къ нему, всегда довѣряла ему больше всѣхъ на свѣтѣ, но въ эту минуту только поняла, какъ много значитъ для нея этотъ человѣкъ, и мысленно поблагодарила мужа за то, что онъ оставилъ ее на попеченіе такого покровителя, какъ Иванъ Васильевичъ.

За годъ, проведенный при дворѣ, Лизавета коротко ознакомилась съ жизнью, полной опасностей, которую здѣсь всѣ вели, начиная отъ высшихъ и кончая низшими; послѣ ночи, проведенной безъ сна, въ раздумьѣ, она обратилась къ Маврѣ Егоровнѣ за совѣтомъ насчетъ своей будущей жизни. Пришла она къ ней чуть

свѣтъ, но ужъ застала ее вставшей и въ большомъ разстройствѣ: царемъ такъ овладѣли Долгоруковы, что онъ видимо отдаляется отъ сестры и тетки. Великая княжна заболѣла отъ огорченія, а онъ, чѣмъ бы ей ласку оказать, даже о здоровьѣ ея ни разу не справился въ продолженіе цѣлой недѣли, а когда вчера ему доложили о томъ, что цесаревна, извиняясь спѣшнымъ дѣломъ, вызвавшимъ ее въ деревню, не можетъ быть на его вечеринкѣ, онъ не только не выказалъ ни малѣйшаго сожалѣнія, но даже какъ будто этому обрадовался. Но это было не все: опять получено графомъ Остерманомъ письмо отъ принца Морица съ возобновленіемъ брачнаго предложенія цесаревнѣ, и когда царю про это доложили, онъ сказалъ: «И чего только тетушка ждетъ, чтобы выходить замужъ? Будетъ разбирать жениховъ, такъ въ старыхъ дѣвкахъ останется».

Передавая это Лизаветѣ, Мавра Егоровна плакала: такъ ей было жаль свою госпожу и страшно за нее.

— Начнутъ ее теперь нудить всячески, чтобы приняла предложеніе Морица, а она безъ ума отъ новаго своего дружка, и дерзостно откажется; да еще, можетъ быть, такъ вспылитъ, что лишнее наговоритъ новымъ правителямъ государства, а эти на все пойдутъ, чтобы отъ нея избавиться... Повѣришь ли, Касимовна, намеднись, какъ прислали сластей сюда отъ царя, я дрожма дрожала, чтобы не было въ нихъ отравы. Долго ли подсыпать какого нибудь зелья въ ѣду или питье? Отъ Долгорукихъ все станется. Охъ, Касимовна! Не надо было намъ торопиться Меншиковыхъ губить, наказываетъ насъ за нихъ Господь, да и не за нихъ только!..

На что Долгорукіе были способны, Лизавета знала лучше, чѣмъ кто либо, но она не прерывала свою собесѣдницу, а терпѣливо ждала, чтобы она высказала ей все, что у нея было на душѣ. О себѣ успѣетъ она ей сказать; ея горе вѣковое, до гробовой доски будетъ она помнить друга и жить по его завѣщанію. Онъ это зналъ, умирая, и потому ничего не приказывалъ ей черезъ Ветлова такого, что могло бы стѣснить ее, насиловать ея волю. Зналъ онъ, что не отступить она ни въ чемъ отъ того, что и самъ бы онъ приказалъ ей дѣлать, если бы былъ живъ. Помѣстилъ онъ ее къ цесаревнѣ, и теперь не время ее покидать. Каждое слово, произносимое Шуваловой, убѣждало ее въ этомъ. Что тутъ разсуждать да совѣтоваться, надо по совѣсти поступать, вотъ и все.

— Голубушка моя! — вскричала Мавра Егоровна, вспомнивъ, что при появленіи Лизаветы она такъ увлеклась своими личными заботами, что забыла о несчастіи, постигшемъ Праксину. — Простите меня, ради Бога! Болтаю я вамъ тутъ про наши дѣла, а вамъ не до нихъ, съ вашимъ страшнымъ лютымъ горемъ!

— Мое горе ужъ ничѣмъ не поправишь, Мавра Егоровна, будемъ о живыхъ думать. Сколько ни плачь, сколько ни сокрушайся, Петра Фолипповича намъ ужъ не поднять...

Голосъ ея порвался, но, подавивъ усиленъ воли рыданіе, подступившее къ горлу, она прибавила рѣшительнымъ тономъ:

— Это мое личное горе, и съ нимъ я справлюсь, но ваше горе общее, и я не оставлю въ настоящее время цесаревну.

— Милая вы моя, хорошая!—вскричала Мавра Егоровна, крѣпко ее обнимая.—Если бы вы только знали, какъ вы меня этимъ утѣшили! Какъ узнала я вчера отъ мужа, что нѣтъ больше на землѣ Петра Филипповича, тотчасъ пришло мнѣ въ голову, что мы и васъ лишимся... а въ теперешнее-то время, вы только подумайте, каково бы мнѣ было безъ васъ!

— Располагайте мною, я васъ не покину,—повторила Лизавета.

Ей было отрадно это повторять; изнывшая въ страхъ и тоскѣ душа требовала усиленной дѣятельности и самоотверженія; никогда еще не чувствовала она въ себѣ такой непреодолимой потребности жертвовать собою и забывать о себѣ для другихъ. Чѣмъ опаснѣе, чѣмъ труднѣе были эти жертвы, тѣмъ болѣе прельщали онѣ ее.

— А сынъ вашъ? Вѣдь въ нашемъ дѣлѣ вы можете погибнуть, какъ вашъ мужъ,—замѣтила Шувалова.

— У моего сына есть отецъ. Петръ Филипповичъ поручилъ его Ветлову.

— Могу я это сказать цесаревнѣ?

— Я прошу васъ объ этомъ. Не хотѣлось бы мнѣ самой ее этимъ беспокоить. У нея такъ много своихъ заботъ, что ей не до чужихъ печалей, и мы находимся при ней не для того, чтобъ смущать ей душу нашими страданіями, а чтобъ по возможности ее развлекать и покоить.

— Самъ Господь васъ намъ послалъ, голубушка!

— Все отъ Господа,—вымолвила Праксина.

Глаза ея были сухи, и въ ея взглядѣ, кромѣ обычной задумчивости, ничего не выражалось.

Весь этотъ день Мавра Егоровна провела въ Александровскомъ у цесаревны, а Лизавета не выходила изъ своей комнаты, гдѣ въ полнѣйшемъ одиночествѣ готовилась къ новой своей жизни, вдовы казеннаго за государственное преступленіе, при дворѣ опальной царской дочери, окруженной врагами, жаждущими ея гибели.

Когда поздно вечеромъ цесаревна вернулась въ свой дворецъ, между вышедшими на крыльцо ее встрѣчать приближенными, стояла и Праксина, которая по обыкновенію послѣдовала за нею въ ея уборную, чтобъ помочь ей раздѣться. Вошла туда и Мавра Егоровна.

— Мы много говорили про тебя сегодня, тетка, спасибо тебѣ за то, что покинуть насъ не хочешь,—сказала Елисавета Петровна взволнованнымъ голосомъ.—Я имѣю тебѣ сдѣлать предложеніе и была бы очень счастлива, если бъ ты его приняла...

— Приказывайте, ваше высочество, если я при васъ остаюсь, то для того, чтобъ исполнять ваши желанія,—отвѣчала сдержанно Лизавета.

— Вотъ не согласишься ли ты взять къ себѣ твоего мальчика и переѣхать съ нимъ ко мнѣ въ Александровское? Мнѣ тамъ нужна домоправительница, и лучше тебя намъ человѣка не найти. Алексѣй Никифоровичъ мѣсто это возлюбилъ и подолгу тамъ живетъ, да и самой мнѣ тамъ такъ привольно и хорошо, что вѣкъ бы тамъ жила,—прибавила она съ улыбкой.

Праксину тронуло деликатное вниманіе цесаревны. Она поняла, какъ ей тяжело оставаться въ городѣ и среди обстановки, въ которой произошли послѣднія событія, съ такими ужасными для нея и для ея сына послѣдствіями, и ей хотѣлось, удерживая ее при себѣ, устроить существованіе ея, по возможности, если не отраднѣе, то, по крайней мѣрѣ, спокойнѣе.

Она подѣловала ея руку и отвѣчала, что будетъ жить и служить ей, гдѣ ей будетъ угодно, что же касается до ея сына, онъ у ея приѣмной матери, которую она ни за что не рѣшится огорчить разлукой съ ребенкомъ: онъ родился и выросъ на ея глазахъ, и она любитъ его, какъ родного внука.

— Дѣлай, какъ хочешь, мнѣ только нужно, чтобъ тебѣ получше жилось, тезка, и поближе ко мнѣ, — отвѣчала цесаревна, обнимая ее.

Черезъ нѣсколько дней, повидавшись съ Авдотьей Петровой, съ Филиппушкой и съ Ветловымъ, котораго она нашла въ домѣ у Вознесенія, откуда онъ послѣднее время очень мало выходилъ, Лизавета переѣхала на постоянное житіе въ Александровское, гдѣ страстно предалась занятіямъ по хозяйству.

Обстоятельства такъ складывались, что всѣ приверженцы цесаревны, чувствуя на себѣ гнетъ Долгоруковской подозрительности, старались удалиться подъ разными, болѣе или менѣе благовидными, предлогами отъ царскаго двора, и все рѣже и рѣже можно было ихъ встрѣчать, какъ въ Лефортовскомъ у царя, такъ и въ Головкинскомъ дворцѣ у Долгорукихъ. Избѣгали они также и частыхъ встрѣчъ съ той, которой были преданы, съ цесаревной, общество которой со дня на день становилось малочисленнѣе въ городѣ, но зато въ Александровскомъ популярности ея росла со дня на день среди крестьянскаго населенія, имѣвшаго къ ней невозбранный доступъ, и у мелкихъ помѣщиковъ, которыхъ она принимала у себя съ ихъ женами и дѣтьми, какъ радушная хозяйка одного съ ними общественнаго положенія.

И популярность эта начинала уже беспокоить Долгорукихъ, не упускавшихъ удобнаго случая наговаривать на нее царю такъ хитро и ехидно, что охлажденіе между членами царской семьи не переставало усиливаться.

Такъ прошло лѣто. Цесаревнинъ сердечный другъ, Шубинъ, успѣлъ за это время коротко узнать Праксину съ сыномъ, который часто ее навѣщалъ въ сопровожденіи Ветлова, и тѣсно сблизиться

съ этими людьми. Полюбили и они его, всей душой, жалѣя, что такой добрый и честный человекъ не способенъ играть болѣе значительной роли въ жизни своей царственной возлюбленной. Самую снисходительность, оказываемую ему Долгорукими, надо было приписать его скромному, лишенному честолюбія, нраву: онъ казался имъ такъ ничтоженъ, что они его не опасались. Вкусы у него были простые, онъ любилъ природу, хозяйство и общество людей простого званія, и вообще онъ казался Лизаветѣ недостойнымъ того положенія, до котораго возвела его любовь цесаревны, но Праксина слишкомъ хорошо знала жизнь своей госпожи, ея страданія, беспомощность и одиночество, чтобъ осуждать ее за то, что она поддавалась недостойнымъ ея сана и высокаго рожденія слабостямъ.

Въ новомъ своемъ положеніи Лизавета нашла много отрады; здѣсь ей не надо было себя насиловать и притворяться передъ чванными царедворцами, съ которыми у нея было такъ мало общаго, и изъ которыхъ она многихъ презирала всѣмъ сердцемъ; здѣсь ей можно было сближаться, не по обязанности, а по душевному влеченію, съ неиспорченными, простыми русскими людьми, и, что всего было для нея важнѣе, она здѣсь могла обрѣсти самое себя, собрать душевныя свойства, если не растеряныя, то подавленные безсилемъ проявляться въ противной ихъ существу сферѣ. Здѣсь она могла заниматься своимъ сыномъ, изучать его характеръ и сердце, заставить его понять и полюбить ее еще сильнѣе и сознательнѣе прежняго, а также оцѣнить благотворное на него вліяніе Ветлова, который усердно помогалъ ей направлять умъ и сердце мальчика по пути, которому всю жизнь слѣдовалъ его покойный отецъ.

Филиппу было десять лѣтъ, и, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ росъ, онъ былъ развитъ не по лѣтамъ. Способности у него были блестящія, и тотъ старикъ, которому покойный отецъ поручилъ его ученіе, находилъ вмѣстѣ съ Ветловымъ, что жаль было бы не использовать этихъ способностей для болѣе высокой цѣли, чѣмъ жизнь въ этической глуши, въ заботахъ о несложномъ деревенскомъ хозяйствѣ.

Того же мѣсяца держалась и единственная оставшаяся у Лизаветы пріятельница при дворѣ цесаревны, Мавра Егоровна, которая въ одинъ прекрасный день пріѣхала въ Александровское со слѣдующимъ предложеніемъ.

Ростовскій стольникъ и воевода, Иларіонъ Григорьевичъ Воронцовъ, человекъ большого ума и высокой добродѣтели, весьма цѣнимый цесаревной и къ сыновьямъ котораго, Михаилу и Роману Иларіоновичамъ, состоящимъ при ней камерпажами, она особенно благоволяетъ, просилъ Мавру Егоровну Шувалову предложить Праксина въ на свое попеченіе ея сына.

— Мнѣ кажется, что съ вашей стороны было бы грѣшно не воспользоваться этимъ предложеніемъ, — продолжала Мавра Егоровна, немного смущенная молчаніемъ своей слушательницы. — Воронцовы люди небогатые, но добродѣтели извѣстной, пользуются полнымъ довѣріемъ цесаревны и воспитали такъ хорошо своихъ старшихъ сыновей, что для вашего мальчика великое было бы счастье воспитываться въ такой семьѣ.

Лизавета общала подумать.

Да и было о чемъ. Передъ ея сыномъ открывались двѣ дороги: одна—полная душевнаго мира и спокойствія, въ лѣсной глуши, вдали отъ свѣтскаго шума и суеты мірской, съ темными людьми, зарабатывавшими въ потѣ лица насущный хлѣбъ, другая—полная опасностей и искушеній, шума и блеска, съ заманчивыми цѣлями, избилующая сильными ощущеніями, горькими разочарованіями и душевными волненіями...

— Съ такими способностями, какъ у Филиппа, сколько онъ можетъ принести пользы родинѣ! — проговорилъ вполголоса и какъ бы про себя Ветловъ.

Лизавета за нимъ послала послѣ отъѣзда Шуваловой; онъ, какъ всегда, немедленно явился на ея зовъ, и она передала ему сдѣланное ей предложеніе для сына.

День клонился къ вечеру. Они сидѣли вдвоемъ на дерновой скамейкѣ въ цвѣтникѣ, у опушки роскошнаго парка, дремавшаго въ лучахъ заходящаго солнца, совсѣмъ одни и въ тишинѣ, нарушавшейся только шелестомъ листьевъ да равномернымъ шумомъ капель, падающихъ изъ фонтана въ окружавшій его мраморный бассейнъ. Разговоръ ихъ прерывался долгими промежутками молчанія, во время котораго Лизавета молила Бога внушить ей рѣшеніе согласно Его святой волѣ, а Ветловъ, по временамъ останавливая на ней полный страстной любви взглядъ, котораго она не замѣчала, спрашивалъ себя: неужели онъ и сегодня уѣдетъ въ городъ, не высказавши ей своей сердечной тайны, не узнавъ рѣшенія своей судьбы? Чего же еще ждать? Должна же она наконецъ знать, что она для него, и что отъ нея зависитъ сдѣлать изъ жизни его рай или адъ!

— Я себя спрашиваю: какъ рѣшилъ бы этотъ вопросъ Петръ Филиппычъ? — сказала она, наконецъ, поднимая на своего собесѣдника полный мучительнаго недоумѣнія взглядъ.

Мысли его такъ далеко отлетѣли отъ занимавшаго ее вопроса, что онъ не вдругъ понялъ, о чемъ она говоритъ. Но она, не спуская съ него глазъ, ждала отвѣта, и послѣ маленькаго колебанія онъ замѣтилъ, что, какъ ему кажется, надо искать отвѣта на мучащій ее вопросъ въ образѣ дѣйствій ея покойнаго мужа.

— Вѣдь не остался же онъ въ своемъ мирномъ убѣжищѣ, когда убѣдился, что родина требуетъ отъ него жертвъ, а бросился въ самый омутъ мірскихъ волненій...

— Такъ вы думаете, что я должна согласиться на предложеніе Воронцова?—продолжала она, не отводя отъ него яснаго, полного дружескаго довѣрія, взгляда.

— Сами обсудите этотъ вопросъ, Лизавета Касимовна, посоветуйтесь съ Авдотьей Петровной,—сдержанно отвѣчалъ онъ, досадуя и на себя за безсиліе сдерживать чувства, рвущіяся у него изъ души, и на нее за то, что она не угадываетъ эти чувства и оставляетъ его безпомощно биться съ овладѣвшими всѣмъ его существомъ страстью и отчаяньемъ.

— Правда, надо прежде всего съ нею посоветоваться,—согласилась Праксина.—Не забудьте ей сказать,—продолжала она послѣ небольшого молчанія, немного озадаченная его угрюмостью, — что я на этихъ дняхъ непременно заѣду домой, чтобъ перетолковать съ нею о весьма для всѣхъ насъ важномъ дѣлѣ... Мнѣ нечего вамъ говорить, что до поры до времени Филиппушка ничего не долженъ знать о предложеніи Иларіона Григорьевича. Зачѣмъ приводить его въ волненіе, когда, можетъ быть, мы съ матушкой не найдемъ возможнымъ принять предложеніе Воронцовыхъ, не правда ли?

Съ этими словами, чтобъ разогнать мрачную думу, засѣвшую между его бровями и придававшую его доброму лицу угрюмый видъ, она ласково дотронулась до его руки.

Отъ этой ласки волненіе его такъ усилилось, что дыханіе у него перехватило въ горлѣ; онъ не въ силахъ былъ произнести ни слова, и только низкимъ наклоненіемъ головы отвѣтилъ на ея вопросъ.

— Петръ Филиппычъ желалъ, чтобъ мы жили въ лѣсу,—продолжала она думать вслухъ, стараясь не обращать вниманія на переѣзду въ расположеніи духа своего молодого друга,—и, разумѣется, онъ былъ правъ, но я увѣрена, что онъ одобрилъ бы мое рѣшеніе не покидать цесаревну, пока она въ опасности, точно такъ же, какъ онъ, безъ сомнѣнія, не захотѣлъ бы лишать сына случая получить блестящее воспитаніе, вѣдь когда онъ съ вами говорилъ въ послѣдній разъ, онъ не могъ предвидѣть, какъ сложится обстоятельство... Впередъ никогда нельзя ничего загадывать, все отъ Бога... Вотъ и ваша судьба, можетъ быть, сложится совсѣмъ не такъ, какъ вы ее намѣтили... теперь вамъ удобно заниматься нашими дѣлами, потому что у васъ у самихъ имѣніе рядомъ съ нашими, но мало ли что можетъ случиться!

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, Лизавета Касимовна, я могу умереть.

О, какъ хотѣлось бы ему въ эту минуту, чтобъ предположеніе его сбылось какъ можно скорѣе! Какъ тяжела и безотраднa казалась ему жизнь!

Она улыбулась.

— Раньше, чѣмъ умереть, вы можете жениться, Иванъ Васильевичъ...

Не успѣли слова эти сорваться съ ея губъ, какъ она въ нихъ раскаялась: въ такое отчаяніе напоминаніе о женитьбѣ его повергло.

— И вы мнѣ это говорите! вы! вы!—вскричалъ онъ внѣ себя отъ горестнаго волненія.—Ради самого Бога, никогда не думайте этого! Вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ больно, какъ оскорбительно, именно отъ васъ это слышать! — вскричалъ онъ такъ громко, что, испугавшись звука собственнаго голоса, внезапно смолкъ и закрылъ вспыхнувшее лицо руками.

«Что это съ нимъ и почему намекъ на женитьбу приводитъ его въ такое отчаяніе?»—думала она.

И вспомнивъ, что года два тому назадъ онъ отнесся точно также враждебно и къ намеку ея мужа на желаніе честной семьи съ нимъ породниться, она пришла къ такому заключенію, что онъ вѣрно влюбленъ безнадежно въ какую нибудь женщину или дѣвушку, которая не можетъ сдѣлаться его женой... Но въ такомъ случаѣ почему же онъ ей этого не скажетъ? Кажется, она своимъ довѣріемъ и дружбой заслужила его откровенность? Неужели страсть его такъ поворна, что ему даже и самому себѣ стыдно сознаваться въ ней?

Ей было невыразимо его жаль. Онъ казался ей такимъ одинокимъ, беспомощнымъ, и сознаніе, что ей утѣшить его нечѣмъ, что она даже и разспрашивать про его несчастье не имѣетъ права, навѣвало на нее тоску.

Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ они были знакомы, разстались они такъ холодно, точно въ этотъ вечеръ между ихъ душами воздвиглась внезапно какая-то таинственная, мрачная преграда, заволакивающая туманомъ ихъ дружбу.

Когда на другой день Лизавета пріѣхала въ домъ у Вознесенія, тамъ не было Ветлова, а она была такъ увѣрена его встрѣтить, что ей стало досадно, что онъ ея не дождался. Точно онъ не знаетъ, что ей трудно будетъ рѣшить судьбу Филиппа безъ его участія! Неужели недостойная страсть повліяетъ на ихъ отношенія? Это было бы очень для нея печально, кромѣ него, у нея никого нѣтъ на свѣтѣ. Старушка Лыткина, съ каждымъ днемъ, тѣломъ и духомъ все больше и больше слабѣла, и давно ужъ, чтобъ поберечь ея здоровье, близкіе остерегаются сообщать ей худыя вѣсти. Цѣлыхъ три недѣли не рѣшались ей сказать о кончинѣ Праксина, и когда наконецъ не было возможности дольше скрывать

отъ нея это семейное несчастье, всѣхъ поразило спокойствіе, съ которымъ она отнеслась къ этому извѣстію. Оказалось, что она давно это предвидѣла.

— Мученическую смерть за родину принялъ, и въ рай теперь за насъ, грѣшныхъ, молится,—сказала она.—Чѣмъ больше такихъ, какъ онъ, русскихъ людей, явится передъ престоломъ Всевышняго, тѣмъ скорѣе сжалятся Онъ надъ нами и пошлетъ намъ Свою святую помощь.

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ священникъ, ея духовникъ, замѣтивъ недоумѣніе Лизаветы, прыгнулъ къ ней и сказалъ ей вполголоса:

— Не удивляйтесь, она душой давно ужъ больше тамъ живетъ, чѣмъ здѣсь, и судить о здѣшнемъ по-тамошнему, а не по-земному. Кончина ея близка.

Также спокойно отнеслась Авдотья Петровна и къ вопросу о судьбѣ Филиппушки.

— Что ты меня спрашиваешь, когда ты въ сердцѣ своемъ рѣшила, что дѣлать? Не оставишь же ты его неучемъ и не лишишь возможности попытаться счастья на царской службѣ, когда на это представляется такой удобный случай? За то, что оказываешь мнѣ уваженіе, благодарю тебя, а сказать тебѣ такое, чего бы ты сама не знала, я не могу,—отвѣтила она, внимательно выслушавъ свою приемную дочь.

Позвали Филиппа и спросили у него, желаетъ ли онъ учиться съ Воронцовскими дѣтьми, или ѣхать съ Ветловымъ хозяйничать въ деревню.

— Какъ батюшка покойникъ, такъ и я,—отвѣчалъ мальчикъ.

И по одному тому, какъ быстро и рѣшительно произнесъ онъ эти слова, можно было понять, что онъ давно ждетъ этого вопроса и давно готовится отвѣчать на него.

— Умница!—похвалила его бабушка.

И, обращаясь къ Лизаветѣ, она посовѣтовала не медля отвезти его къ Воронцову.

— Такія дѣла откладывать не слѣдуетъ. Да и не для чего, мнѣ легче будетъ помирать, когда я буду знать, что онъ пристроенъ.

— Вы бы, матушка, ко мнѣ переѣхали жить, во дворецъ, вамъ тамъ будетъ покойнѣе, чѣмъ здѣсь одной,—предложила Лизавета.— Вмѣстѣ бы нашихъ дорогихъ покойниковъ поминали и за Филиппушку бы молились, чтобъ Господь на все доброе его умудрилъ.

— Молиться вмѣстѣ намъ ужъ не приходится, Лизавета. У тебя живое на умѣ, а я ужъ одной ногой въ могилѣ стою, и развлекаться земнымъ мнѣ не пристало. Самъ Господь у меня Филиппушку беретъ, послѣднюю связь съ земнымъ порываетъ. Келья у меня въ монастырѣ ужъ заготовлена, только и ждала, чтобъ

Господь благословилъ туда переселиться, поближе къ кладбищу. Достаточно пожила, на замаливаніе грѣховъ куда какъ мало времени осталось.

Очень взволноваль этотъ разговоръ Лизавету. Не думала она, ѣдучи сюда, чтобъ такъ скоро рѣшилась судьба ея сына, и что ей придется заживо прощаться съ своей приѣмной матерью, тѣмъ не менѣе, когда подошла минута отъѣзда, она не вытерпѣла, чтобъ не освѣдомиться о Ветловѣ.

— Я надѣялась его найти здѣсь. Вамъ извѣстно, матушка, какъ довѣрялъ ему во всемъ покойный Петръ Филиппычъ, и что онъ оставилъ на его попеченіе Филиппушку?— прибавила она, подъ давленіемъ безотчетнаго желанія объяснить, по возможности благовиднѣе, вопросъ о человѣкѣ, связанномъ съ ея семьей одними только узами дружбы и ничѣмъ больше.

— Онъ былъ здѣсь утромъ. По дѣламъ, вѣрно, ушелъ. Собирается ѣхать къ себѣ, въ лѣсъ...

— Не повидавшись со мной?— почти вскрикнула Лизавета, такъ испугала ее мысль потерять навсегда единственнаго друга.

— Зачѣмъ? Онъ, навѣрно, самъ захочетъ привезти къ тебѣ Филиппушку. Когда думаешь ты побывать у Иларіона Григорьевича съ отвѣтомъ?

— Не знаю еще, но медлить нельзя, онъ сюда не надолго изъ Ростова пріѣхалъ. На-дняхъ мы ждемъ въ Александровское цесаревну...

— Мы нашего молодчика соберемъ къ воскресенью. Отслужимъ напутственный молебень, помолимся о благословеніи Божіемъ ему на новую жизнь и отправимъ его къ тебѣ, съ Иваномъ Васильевичемъ и со всѣмъ его скарбомъ. Одежды у него понашито изрядно, и, поди, чай, не осрамится въ воеводскомъ домѣ,—прибавила старушка съ усмѣшкой. — Тебѣ можно и плату за сына приличную Иларіону Григорьевичу предложить, не изъ своихъ же ему учителямъ платить и за все прочее, что нужно будетъ: люди они богатые и, поди, чай, сынкамъ должны помогать, зачѣмъ же, безъ надобности, ихъ въ лишній изъязынъ вводить? Мы—не бѣдняки, все, что имѣю я, Филиппушкѣ завѣщала, а у тебя изрядное состояніе послѣ супруга осталось...

— Тоже Филиппушкино будетъ,—сказала Лизавета.

— Этого ты не моги говорить, тебѣ еще двадцати шести лѣтъ вѣтъ, у тебя другія могутъ быть дѣти,—объявила старуха.

Въ большомъ душевномъ смятеніи уѣхала Лизавета. Переворотъ, свершившійся въ ея жизни, былъ такъ неожиданъ, что она опомниться не могла, не зная, радоваться ли ей, или печалиться случившемуся. Казалось бы, все устраивалось, какъ нельзя лучше: сынъ ея пристраивался какъ разъ въ то самое время, когда Авдотья Петровна именно этого жаждала, чтобъ уйти отъ свѣта, въ кото-

ромъ такъ много страдала, и, отбросивъ всё земныя заботы, посвятивъ остатокъ дней Богу. Узнай раньше Лизавета про это ея желаніе, какъ терзалась бы она мыслью, что помѣхой къ этому ея сынъ! А между тѣмъ старушка такъ изнывала по покою, что каждую минуту домашніе ея могли бы узнать о причинѣ ея задумчивости и равнодушіи ко всему окружающему, и тогда Праксиной одно бы только оставалось—оставить службу у цесаревны и ѣхать съ сыномъ и съ Ветловымъ въ лѣсъ, то-есть обречь навсегда мальчика на жизнь землевладѣльца въ лѣсной глуши, среди темнаго происхожденія сброда такъ называемыхъ вольныхъ людей, не брезгающихъ такими беззаконными дѣянiями, какъ грабежи и поджоги. О происхожденіи богатства этихъ людей она достаточно много слышала, чтобъ составить себѣ понятіе о ихъ нравственныхъ правилахъ и объ опасности жить въ ихъ средѣ. Самъ Ветловъ былъ такого мнѣнія, что раньше, какъ лѣтъ черезъ шесть или семь, не слѣдуетъ подвергать этимъ опасностямъ Филиппа, и вотъ представляется для него возможность использовать эти года самымъ полезнымъ образомъ, такъ чтобъ не въ глухомъ лѣсу закопать въ землю данные Богомъ таланты, какъ лукавый и невѣрный рабъ, а употребить ихъ на славу Божию и на пользу ближнимъ.

Все это она повторяла себѣ на тысячу ладовъ, но сердце должно было ныть, и мучительная тоска не проходила.

Въ Александровскомъ она застала Мавру Егоровну, пріѣхавшую приготовить дворецъ къ пріѣзду цесаревны, которая намѣревалась провести здѣсь цѣлый мѣсяцъ.

— Я уговорила ее не вызывать Алексѣя Никифоровича въ Москву, а, если она о немъ соскучилась, самой на время сюда удалиться съ глазъ долой. Счастливы вы, моя голубушка, что не видите и не слышите того, что у насъ тамъ дѣлается! Великой княжнѣ насплетничали на нашу цесаревну, и вышла такая жестокая ссора, какихъ никогда раньше не бывало! Великая княжна упрекнула нашу въ томъ, будто она совращаетъ царя... Все это, разумѣется, отъ Долгорукихъ идетъ... Вотъ ужъ именно можно сказать, что съ больной головы да на здоровую! Но вѣдь намъ оттого не легче. Царь отъ насъ прямо отвертывается, Долгоруковы дерзаятъ, наши всё въ страхѣ... цѣлыхъ три дня ни одной чужой кареты не видно было у нашего подѣзда! Каково это выносить? Послала меня цесаревна къ Ларіону Григорьевичу Воронцову за совѣтомъ... Онъ пріѣхалъ сюда недѣльки на три и много про васъ спрашивалъ и такое вамъ оказываетъ вниманіе, что я бы вамъ посовѣтовала не сомнѣваться насчетъ его предложенія и довѣрить ему воспитаніе вашего сына. Несомнѣнно, что Самъ Господь внушилъ ему и добродѣтельной его супругѣ предложить вамъ эту услугу... Пойдите, дайте мнѣ договорить, — остановила

она возраженіе, готовое сорваться съ губъ ея слушательницы,— мальчикъ вашъ изъ младенцевъ вышелъ, и ему нужно серьезное воспитаніе, сами вы цесаревну въ настоящее время покинуть не можете, совѣсть вамъ этого не дозволить, а старики Воронцовы, разставшись съ сыновьями, такъ скучаютъ, что для нихъ это будетъ прямо утѣшеніемъ, не говоря ужъ объ уваженіи, которое они питаютъ къ памяти вашего покойнаго мужа... А что это за люди, вы знаете; они достаточно извѣстны и въ Ростовѣ и въ Москвѣ, даже такой святой человѣкъ, какъ покойный владыка ростовскій Дмитрій, былъ съ ними въ дружбѣ, а это много значить, моя голубушка, вѣдь его за святого и при жизни считали, а теперь надъ его могилой каждый день панихиды служатъ, какъ у гроба покойнаго Митрофана Воронежскаго, который самому царю Петру перебилъ изъ усердія къ православной церкви...

Все это Лизавета знала, много разъ говорилъ ей про стольника и воеводу Ростовскаго и его супругу Анну Григорьевну старикъ Бутягинъ, а также и покойный ея мужъ; оба были знакомы съ этими добродѣтельными людьми и оба сказали бы ей то, что говоритъ ей теперь Мавра Егоровна... Сыновей же Ларіона Григорьевича, Михаила Ларіоновича и Романа Ларіоновича, любимцевъ цесаревны, она лично и коротко знала. Большое было бы счастье, если бъ Филиппъ получилъ такое же воспитаніе, какъ они, и во всемъ прочемъ на нихъ походилъ...

— Скажите Ларіону Григорьевичу, что я рѣшаюсь принять его милостивое предложеніе и низко, низко ему и его супругѣ за него кланяюсь,—проговорила она прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Рѣшеніе это было для нея и для сына ея такъ важно, что она только сердцемъ предчувствовала его послѣдствія, уможь же даже и окинуть ихъ не могла, казалось только, что съ этой роковой минуты жизнь ихъ обихъ, ея и Филиппа, раскалывается пополамъ, и что между прошлымъ и будущимъ разверзается такая бездонно глубокая пропасть, которую перейти, чтобы вернуться назадъ, уже нѣтъ никакой возможности...

— Слава Богу! слава Богу! Какъ обрадуется цесаревна! Ей такъ бы не хотѣлось, чтобы вы отъ насъ ушли! Ну, ужъ теперь, когда сынъ вашъ будетъ воспитываться у нашихъ Воронцовыхъ, у васъ и предлога не будетъ насъ покидать...

— Я объ этомъ и не думаю...

— Вы говорите это такъ, точно васъ ведутъ на казнь,—замѣтила Мавра Егоровна, устремивъ пристальный взглядъ на свою слушательницу и замѣтивъ ея блѣдность и тревожное волненіе, отражавшееся въ ея глазахъ. — Что васъ такъ заботитъ, моя дорогая, и почему вы такъ печальны? Скажите, что у васъ на душѣ, вѣдь вы знаете, какъ я васъ люблю! Скажите мнѣ все, все.

Если бъ она могла это сказать! Если бъ она сама знала, что съ нею, почему въ ней такой разладъ между разумомъ и сердцемъ! Но она этого не знала и могла только безпомощно биться въ таинственныхъ сѣтяхъ, въ которыя попала ея душа.

Мавра Егоровна уговорила ее воспользоваться экипажемъ, привезшимъ ее изъ Москвы, чтобъ въ тотъ же вечеръ туда ѣхать, и Лизавета на это согласилась.

— Повидаетесь съ цесаревной, и она всѣ ваши сомнѣнiя разсѣетъ. Воронцовы намъ друзья закадачные и испытанные, будь у меня сынъ, я бы, не задумываясь, поручила его имъ,—сказала Мавра Егоровна.

Пришелъ съ охоты, которой онъ страстно предавался отъ бездѣлья и отъ скуки по своей царственной возлюбленной, Шубинъ, и, узнавъ отъ прiѣзжей о томъ, что происходитъ въ московскихъ дворцахъ, возмущался, гнѣвался, грозилъ местию врагамъ и долго не хотѣлъ слушать указанiй обѣихъ женщинъ, совѣтовавшихъ ему успокоиться, не осложнять положенiя безразсудными выходками и довольствоваться, до поры до времени, ролью утѣшителя, выпавшей на его долю. Бесѣда закончилась ужиномъ, во время котораго онъ выпилъ больше обыкновеннаго, такъ что безъ посторонней помощи не могъ бы дойти до своихъ покоевъ.

— И вотъ кому она отдала свое сердце!—со вздохомъ замѣтила Мавра Егоровна, оставшись съ Лизаветой наединѣ, по уходѣ Шубина, въ то время, какъ запрягали отдохнувшихъ лошадей въ привезшую ее сюда дорожную карету.—Намеднись Александръ Львовичъ Нарышкинъ мнѣ передавалъ свой разговоръ съ графомъ Остерманомъ. «Не лучше ли было бы цесаревнѣ выйти замужъ за какогонибудь иностраннаго принца, де-Конта, напримѣръ, или Гессенъ-Гомбургскаго, чѣмъ вести такую подлую жизнь?»—сказалъ графъ, и навѣрное не спроста, не такой человекъ, чтобъ зря болтать то, что взбредетъ въ голову. «У нея было бы тогда вполнѣ безопасное и почетное положенiе нѣмецкой владѣтельной принцессы, дворецъ, покровительство прусскаго короля и австрiйскаго императора, тогда какъ ей, въ лучшемъ случаѣ, грозитъ заключенiе въ монастырѣ, а приверженцамъ ея—казни и ссылки. Чего вы всѣ ждете, чтобъ уговорить ее образумиться? Царь молодъ и здоровъ. Долгорукiе позаботятся о томъ, чтобъ вѣнчанiе его съ ихъ дочерью свершилось, у нихъ будутъ дѣти, партiя ихъ съ каждымъ днемъ усиливается, а ваша уменьшается. Цесаревна такъ втянулась въ подлую жизнь, что не сумѣетъ себѣ даже выбрать влiятельнаго любовника, а если и возьметъ такого, то не надолго,—примѣръ Вутурлина у всѣхъ у насъ на памяти»...

— И Александръ Львовичъ дозволилъ такъ говорить при себѣ про цесаревну, про дочь царя Петра?—вскричала съ негодованiемъ Праксина.

— Душа моя, мы—въ такомъ положеніи, что все должны выслушивать, чтобъ знать, что противъ насъ замышляютъ наши враги. Опасность не въ томъ, что мы будемъ знать ихъ мысли, а въ томъ, чтобъ они не узнали нашихъ. Впрочемъ, графа Остермана нельзя считать нашимъ врагомъ, онъ за порядокъ и благочиніе въ государствѣ, а къмъ водворится этотъ порядокъ, ему все равно. Цесаревну онъ жалѣетъ, и если на нее сердить, то зато только, что она не пользовалась своимъ вліяніемъ на царя такъ, какъ бы ему хотѣлось. Долгорукихъ онъ не обожаетъ и, случись съ ними бѣда, пальцемъ не пошевелить, чтобъ имъ помочь. Тѣ изъ нашихъ, что поумнѣе и подальновиднѣе, понимаютъ это, какъ нельзя лучше, и, ни на что не взирая, дружатъ съ нимъ. Такъ поступаютъ и Воронцовы, и Шуваловы, а также и сами Долгорукіе. Князь Иванъ во многомъ его слушается. Завтра у нихъ праздникъ, и вотъ увидите, что всѣ тамъ будутъ, и друзья и враги, вотъ какъ поступаютъ опытные и благоразумные люди.

— И цесаревна будетъ на этомъ праздникѣ?

— Нѣтъ, она отговорилаь недорозвѣемъ. Ей неудобно встрѣчаться съ великой княжной послѣ того, что между ними произошло на прошлой недѣлѣ. Да ей и отъ царя можно опасаться публичнаго оскорбленія... Теперь сдерживать его некому, вашего Ивана Васильевича въ живыхъ больше нѣтъ,—прибавила она со вздохомъ.— Мы вчера съ цесаревной много и про него, и про васъ говорили...

— Что же про меня говорить. Я ничѣмъ еще себя не проявила,—отвѣтила Праксина, не замѣчая или притворяясь, что не замѣчаетъ желанія собесѣдницы продолжать разговоръ въ начатомъ направленіи. Не хотѣлось ей почему-то знать, что про нее думаетъ и говоритъ цесаревна.

Она пріѣхала въ Москву поздно вечеромъ, застала цесаревну спящей и прошла въ свою комнату рядомъ съ гардеробной.

Очутившись въ обстановкѣ, напоминавшей ей такъ еще недавно поразившее ее несчастье, она долго молилась, прося у Бога душевнаго спокойствія, котораго она лишилась, а затѣмъ тихонько прошла въ уборную, остановилась на порогѣ двери, растворенной въ спальню, и стала прислушиваться къ дыханію спящей госпожи, всматриваясь при слабомъ свѣтѣ лампадки передъ образами въ широкую, низкую кровать, съ откинутымъ пологомъ, на которой, разметавшись въ бѣлыхъ кружевахъ и батистѣ, покоилась цесаревна Елисавета Петровна.

Праксина такъ залюбовалась цесаревной, что забыла, какъ летѣло время. Да и было чѣмъ любоваться! Черная коса расплелась и длинными, густыми прядями рассыпалась вокругъ красиваго, молодого тѣла; упругая высокая грудь выдѣлялась промежъ серебристой бѣлизны бѣлья розоватымъ оттѣнкомъ и медленно поднималась и опускалась подъ дыханіемъ, вылетающимъ изъ

полуоткрытыхъ пурпуровыхъ губъ, улыбавшихся, вѣрно, пріятной грѣбъ; на разрумянившихся щечкахъ черною тѣнью лежали рѣсныцы.

Есть ли еще такая другая красавица на землѣ? Врядъ ли. Красива царская невѣста, надменная княжна Долгорукова, но передъ царевной Елисаветой смотрѣть на нее не хотѣлось, такъ мало было привлекательнаго въ ея гордомъ взглядѣ и презрительной усмѣлкѣ. А эта всѣмъ взяла: правильностью и благородствомъ чертъ лица, ростомъ, статностью — настоящая царица, а пріятностью улыбки и взгляда — чистый ангелъ небесный! А какая умница и какъ любитъ Россію! Какъ хорошо ее знаетъ! Все русское, и одно только русское, ей дорого и мило. Выйти замужъ за нѣмца, какъ совѣтуетъ Остерманъ! Надо не знать ея души, чтобъ выдумать такую несуразность! Какъ сказочная царевна, она отдается скорѣе самому бѣдному, самому ничтожному русскому Иванушкѣ-дурачку, чѣмъ могущественнѣйшему изъ заморскихъ царей... Какъ-то сложится ея судьба? Что ждетъ ее въ будущемъ? Шапка Мономаха или монашескій клобукъ? То или другое, но только въ Россіи. Лютѣйшую смерть предпочтетъ она чужеземной коронѣ...

Съ постилки у кровати приподнялась исключенная голова преданнѣйшаго изъ тѣлохранителей цесаревны, камерлакея Чулкова, и воззрившись внимательнымъ и тревожнымъ взглядомъ на остановившуюся на порогѣ Праксину.

Почувствовавъ на себѣ этотъ взглядъ, Лизавета подалась немного впередъ и подозвала къ себѣ знакомъ вѣрнаго слугу.

— Одна провела вечеръ?—спросила она шопотомъ, когда онъ къ ней подошелъ.

— Одна одинешенька, съ дѣвушками. Заставляла ихъ пѣть и плясать, рано легла почивать,—отвѣчалъ онъ тоже шопотомъ, между каждымъ словомъ озираясь на кровать, точно опасаясь, чтобъ не похитилъ кто его сокровища въ то время, какъ онъ ея не видитъ и не слышитъ ея дыханія. — А васъ, вѣрно, къ намъ Мавра Егоровна прислала?

— Да. Она въ Александровскомъ все готовитъ къ ея приѣзду...

— Скорѣе бы уѣхала! Измучились мы тутъ отъ страха... Долго ль извести нашу красавицу! Задумали теперь ее замужъ отдавать за нѣмца...

— Никогда этому не бывать!

— Знаю я! Замучать только понапрасну...

— Ложитесь, а какъ она утромъ проснется, скажите ей, что я здѣсь.

— Скажу, не беспокойтесь, спите спокойно.

Онъ вернулся къ своей постилкѣ, а Лизавета, притворивъ за собою дверь, вернулась къ себѣ.

Но въ эту ночь немного довелось ей спать. Едва только забрезжился день, какъ ее разбудилъ стукъ въ дверь, и на вопросъ ея: кто тутъ? голосъ Чулкова отвѣтилъ, что цесаревна изволила проснуться и, узнавъ, что Лизавета Касимовна пріѣхала, приказала ее разбудить и прислать къ ней.

Лизавета сорвалась съ постели, наскоро одѣлась и отправилась въ спальню.

Окно къ садъ было растворено, и прохладный душистый воздухъ врывался въ высокій просторный покой, въ которомъ цесаревна сидѣла на кровати, устремивъ нетерпѣливый взглядъ на дверь. При появленіи Праксиной она весело улыбнулась.

— Не дача я тебѣ выспаться, тезка, ты меня извини. Такъ захотѣлось съ тобою поболтать, что невтерпежь стало ждать, пока ты сама встанешь да ко мнѣ придешь... Ступай себѣ,—обратилась она къ Чулкову,—намъ съ тезкой надо секретно поговорить.

Онъ захватилъ свою постилку и, поцѣловавъ милостиво протянутую ему руку, вышелъ, а Лизавета, по приказанію госпожи, сѣла на складную табуретку у самой кровати.

— Вотъ и прекрасно! Никто намъ не помѣшаетъ, всѣ спятъ, наговоримся досыта. Ну, какъ дѣла? Рѣшаешься ты отдать сына Воронцову?

— Рѣшилась, ваше высочество. Надѣюсь сегодня представить ему моего мальчика.

— А сама что?—продолжала цесаревна, съ лукавой усмѣшкой на нее посматривая.

— Останусь при вашемъ высочествѣ, если ваше высочество меня не прогонитъ.

— Это само собою разумѣется, что ты при мнѣ навсегда останешься, потому что я никогда тебя не выгоню. Не въ томъ дѣло, а въ томъ, что ты мнѣ въ Александровскомъ нужна, да не одна.

— Съ кѣмъ же, ваше высочество?

— Съ мужемъ, вотъ съ кѣмъ.

Лицо Лизаветы выразило такое недоумѣніе, что цесаревна громко расхохоталась.

— Да ты и впрямь ни о чемъ не догадываешься, тезка!—вскричала она.—Егоровна мнѣ это сказала, да я не хотѣла вѣрить, а теперь вижу, что это правда!.. Въ тебя человѣкъ до безумія влюбленъ, а ты и не подозрѣваешь!..

И опять рѣчь ея порвалась звонкимъ смѣхомъ.

— Ваше высочество изволите шутки шутить,—съ сдержаннымъ волненіемъ произнесла Праксина.

— Нисколько! Какія тамъ шутки, когда дѣло идетъ о твоемъ счастьѣ! Я вѣдь тебя очень люблю, тезка... Ну, полно, полно, поцѣлуемся послѣ, когда ты мнѣ все расскажешь, а теперь докажи

мнѣ свое довѣріе и расскажи мнѣ то, что я хочу знать, все, все, безъ утайки, какъ на духу, и съ самаго начала: какъ ты вышла замужъ, какъ познакомилась съ твоимъ мужемъ, какъ онъ тебѣ приглянулся, какъ у тебя по немъ болѣло сладко, сладко сердце, какъ ты по немъ плакала и въ ночныхъ грезахъ цѣловалась съ нимъ и миловалась...

— Никогда ничего подобнаго не было, ваше высочество! Съ чего ваше высочество изволили это взять? Кто взвелъ на меня такой поклепъ вашему высочеству?—съ негодованіемъ возразила ея слушательница.

Цесаревна весело захопала въ ладоши.

— Ага! Вотъ и попалась! Теперь я знаю то, что мнѣ нужно было знать. Сама себя выдала! Никогда ты его не любила... Постои, постои, дай мнѣ договорить, не сердись и выслушай меня терпѣливо. Вышла ты за Петра Филиппыча, потому что твоя приѣмная мать этого пожелала, потому что ты никого не любила, и отказывать хорошему жениху не было причинъ... Я его помню, такой былъ серьезный, что даже мнѣ было съ нимъ не по себѣ, а я не изъ робкихъ, какъ тебѣ извѣстно... Тебѣ сколько было тогда лѣтъ?

— Пятнадцать...

— А ему подъ сорокъ. Значить, такъ все и было, какъ я себѣ представила. Ты была ребенокъ, милый, невинный, послушный, а онъ... онъ очень хорошій человекъ, но годился тебѣ въ отцы, любить его ты, значить, не могла. Любить любовью, вотъ какъ я люблю Алексѣя Никифоровича,—понимаешь, что я хочу сказать?... Да нѣтъ, гдѣ тебѣ понять! Ты на цѣлыхъ пять лѣтъ меня старше, а по опыту да по смекалкѣ въ любовныхъ дѣлахъ ты совсѣмъ передо мною ребенокъ... Все равно, пора тебѣ въ настоящій разумъ войти,—продолжала она съ напускною серьезностью, придававшей много комичности ея оживленному лицу, съ лукаво смѣющимися глазами.—У тебя ужъ сынъ десяти лѣтъ, пора же тебѣ наконецъ узнать самое хорошее въ жизни, безъ чего все тускло и скучно на бѣломъ свѣтѣ... безъ чего и жить не стоитъ... Не сердись!—продолжала она, замѣтивъ, какъ сдвигаются брови и невольно опускаются глаза у ея слушательницы, подъ наплывомъ странныхъ, непонятныхъ и никогда доселѣ не испытанныхъ чувствъ, которыми наполнялось ея сердце все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ она должна была выслушивать противныя ея убѣжденія рѣчи и волей-неволей вникать въ ихъ смыслъ.—Скажи мнѣ совершенно откровенно: неужели тебѣ никогда не хотѣлось любить?

Разодралась таинственная завѣса, скрывавшая истину передъ духовными очами Праксиной, и душа ея наполнилась такимъ смятеніемъ, что слова не выговаривались, только покачать головой могла она на предложенный вопросъ.

— Экая безчувственная! Да я тебѣ не вѣрю, тетка! Ты и меня и себя обманываешь! Неужели тебѣ даже не жалко того, который тебя любить давно, страстно, постоянно, безнадежно, всѣмъ сердцемъ, всей душой? Ты только подумай, какъ онъ страдаетъ изъ-за тебя! Вѣдь ему жизнь не мила, вѣдь онъ зоветъ смерть какъ избавленіе, и ты однимъ словомъ, однимъ взглядомъ можешь дать ему такое блаженство... такое блаженство!..

Она зажмурилась, откинулась на подушки, и изъ полуоткрытыхъ ея губъ вылетѣлъ глубокій вздохъ любовной истомы.

Лизавета давно перестала изумляться и негодовать, она спрашивала себя съ недоумѣніемъ: какъ могла цесаревна угадать ея тайну? Тайну, столь глубоко сокрытую въ нѣдрахъ ея существа, что она и самой ей только сейчасъ открылась... Тайну, извѣстную одному Ветлову...

— Выходи за него замужъ, тетка, — снова принялась цесаревна за прерванный разговоръ, отрываясь отъ сладостныхъ представлений и устремляя смѣющійся взглядъ на свою любимицу. — Я оставлю васъ обоихъ въ Александровскомъ, вдали отъ свѣта и отъ двора, который вы оба такъ ненавидите... Мнѣ нужны преданные, хорошіе русскіе люди... Буду къ вамъ наѣзжать, какъ въ рай земной, когда здѣсь станетъ слишкомъ тяжело и нудно. Ты узнаешь настоящее счастье, тетка, настоящую любовь, и твой Петръ Филиппычъ будетъ на небесахъ радоваться вашему счастью. Не даромъ же онъ васъ такъ обоихъ любилъ, какъ родной отецъ, и сына родного вамъ поручилъ обоимъ... Подумай только, что это значитъ! Сообрази хорошенько. Вѣдь онъ васъ своимъ роднымъ ребенкомъ навѣки соединилъ, навѣки благословилъ, какъ образомъ...

Много еще говорила цесаревна, услаждаясь звуками собственнаго голоса и представленіями, возникавшими въ ея воображеніи съ каждымъ произносимымъ словомъ. Ея не слушали. Лизавета себя спрашивала: какъ могла она до сихъ поръ не видѣть, что Ветловъ ее любить... и что сама она уже давно къ нему не равнодушна? Давно, можетъ быть, еще при жизни мужа, ни съ кѣмъ не было ей такъ хорошо, какъ съ нимъ... И затосковала она съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилась отдать сына на воспитаніе Воронцову потому только, что съ Филиппушкой не будетъ больше того человѣка, безъ котораго, по выраженію цесаревны, жизнь утрачиваетъ для нея всякую прелесть, тускла, скучна, безсодержательна, какъ дождливый пасмурный осенній день...

— Ну, что же, сватать мнѣ тебя за Ивана Васильевича Ветлова? — спросила наконецъ цесаревна, ласковымъ движеніемъ приподнявшая опущенную голову своей слушательницы и заглядывая пристальнымъ взглядомъ въ ея зардѣвшееся лицо.

— Сватайте, ваше высочество, — чуть слышно проговорила она и съ смущенной улыбкой прибавила: — развѣ я смѣю ослушаться ваше высочество?

— Ахъ, ты, притворщица! — расхохоталась цесаревна. — Такъ это ты для меня? Чтобъ исполнить мое желаніе? Ха, ха, ха! Ну, пусть будетъ по-твоему. Я ему такъ и скажу: не любить она тебя, терпѣть не можетъ и только, чтобъ меня не ослушаться, выходить за тебя замужъ!

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ¹⁾.

(1729—1751).

IV.

ВЪ ЛѢТНЯГО дворца мы переѣхали въ Петергофъ, гдѣ этотъ годъ жили въ Монплеzirъ. Ежедневно послѣ обѣда мы просиживали по нѣскольку часовъ у Чоглоковыхъ, къ которымъ собирались гости, гдѣ потому было довольно пріятно. Оттуда мы переѣхали въ Ораніенбаумъ, и тамъ каждый Божій день ѣзжали на охоту. Случалось иногда до тринадцати разъ въ день садиться на лошадь. Впрочемъ лѣто было довольно дождливо. Помню, какъ однажды я возвратилась домой вся мокрая и, слѣзши съ лошади, встрѣтила моего портного, который сказалъ: «Ну, теперь я не удивляюсь, отчего не могу наготовиться на васъ верховыхъ платьевъ, и отчего меня безпрестанно заставляютъ шить новыя». Дѣло въ томъ, что я приказывала шить ихъ не иначе, какъ изъ шелкового камлота: они съеживались отъ дождя и линяли на солнцѣ, и потому надо было безпрестанно заказывать новыя. Въ это время я изобрѣла себѣ сѣдло, на которомъ могла ѣздить, какъ хотѣла. Оно было съ англійскою лукою, такъ что можно было перекинуть ногу и сѣсть по-мужски. Его можно было раздвигать, и по произволу, какъ вздумается, опускать или подымать другое стремя. Когда у куче-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. III, стр. 762.

ровъ спрашивали, какъ я ѣзжу, они отвѣчали, что по приказанію императрицы на дамскомъ сѣдлѣ. Я перекидывала ногу только въ такомъ случаѣ, когда была увѣрена, что никто не донесетъ на меня, и такъ какъ я не хвасталась моимъ изобрѣтеніемъ, а прислуга была рада доставить мнѣ удовольствіе, то все обходилось благополучно. Великому князю мало было заботы, на какомъ бы сѣдлѣ я ни ѣздила. Кучера находили, что гораздо безопаснѣе ѣздить по-мужски, особливо гоняясь безпрестанно на охоту, нежели на англійскихъ сѣдлахъ; сихъ послѣднихъ они терпѣть не могли, увѣряя, что съ ними всегда что нибудь случается, изъ-за чего послѣ съ нихъ пойдутъ взысканія. Сказать по правдѣ, я была очень равнодушна къ охотѣ, но страстно любила верховую ѣзду, и чѣмъ больше было въ ней опасности, тѣмъ она была милѣе мнѣ: если случалось, что лошадь убѣгала, я бросалась за нею и приводила ее назадъ. Въ это время также у меня въ карманѣ постоянно бывала книга, которую я принималась читать, какъ скоро была одна. Въ продолженіе этой охотничьей жизни я замѣтила, что Чоглоковъ сдѣлался гораздо мягче, и особливо противъ меня, такъ что я стала опасаться, ужъ не вздумалъ ли онъ волочиться за мною, чего я вовсе не желала. Прежде всего, онъ мнѣ отнюдь не нравился; онъ былъ бѣлокуръ и щеголеватъ, чрезвычайно толстъ и умомъ такъ же неповоротливъ, какъ и тѣломъ. Его всѣ терпѣть не могли, какъ жабу, и въ самомъ дѣлѣ нечего было любить. Кромѣ того, я должна была опасаться ревности и недоброжелательства злой жены его, тѣмъ болѣе, что я не имѣла никакой опоры въ мірѣ, кромѣ самой себя и моихъ достоинствъ, если только таковыя были во мнѣ. Вслѣдствіе этого я очень искусно избѣгала и уклонялась отъ того, что казалось мнѣ преслѣдованіемъ со стороны Чоглокова; но, впрочемъ, была съ нимъ вѣжлива, и онъ не имѣлъ причины на меня жаловаться. Все это, какъ нельзя лучше, было замѣчено женою его, которая оцѣнила мое поведеніе, и впоследствии очень полюбила меня, отчасти именно за это. Но о томъ будетъ сказано ниже.

При дворѣ нашемъ были два камергера Салтыковы, сыновья генералъ-адъютанта Василія Ѳедоровича Салтыкова, жена котораго, Марія Алексѣевна, урожденная княжна Голицына, мать этихъ двухъ молодыхъ людей, пользовалась особенною милостію императрицы за необыкновенную вѣрность, преданность и отличныя услуги, оказанныя ею во время восшествія на престолъ ея величества. Младшій изъ этихъ двухъ братьевъ, Сергѣй, незадолго передъ описываемымъ временемъ женился на императрицыной фрейлинѣ, Матренѣ Павловнѣ Балкъ. Старшій братъ, котораго звали Петръ, былъ дуракъ въ полномъ смыслѣ слова, съ самою бессмысленною физиономіею, какую когда либо я встрѣчала въ моей жизни; большіе стоячіе глаза, тупой носъ и ротъ всегда полуоткрытый. Ко всему

онъ былъ въ высшей степени сплетникъ, и по этому самому Чоглоковы довольно хорошо принимали его. Владиславова, по старому знакомству съ матерью этого олуха, внушала Чоглоковымъ мысль женить его на принцессѣ Курляндской. По крайней мѣрѣ, онъ принялся за ней ухаживать, сдѣлалъ предложеніе и былъ отвергнутъ, и родители его стали просить у императрицы соизволенія на бракъ. Великій князь узналъ о томъ по возвращеніи нашемъ въ городъ, когда дѣло уже совсѣмъ было улажено. Онъ очень разсердился, не одобрялъ брака и сталъ дуться на принцессу Курляндскую. Не знаю, какъ она умѣла, несмотря на все это, удержать за собою нѣкоторую долю прежней любви великаго князя, и въ теченіе долгаго времени до извѣстной степени продолжала пользоваться его довѣренностью. Что касается до меня, то я была въ восторгѣ отъ этого брака, и заказала для жениха великолѣпное платьѣ. Императрица изъявила согласіе; но въ то время при дворѣ случалось по цѣлымъ годамъ дожидаться свадьбы, потому что императрица обыкновенно сама назначала день, часто подолгу забывала о томъ и, когда ей напоминали, откладывала отъ времени до времени. Такъ было и тутъ. Однако осенью, возвратившись въ городъ, я имѣла удовольствіе видѣть, какъ принцесса Курляндская и Петръ Салтыковъ благодарили императрицу за то, что она изволила согласиться на бракъ ихъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что Салтыковы принадлежали къ самымъ древнимъ и знатымъ родамъ въ Россіи и находились даже въ родствѣ съ царскимъ домомъ, ибо мать императрицы Анны была урожденная Салтыкова (по другой линіи), между тѣмъ какъ Биронъ, сдѣланный курляндскимъ герцогомъ по милости императрицы Анны, былъ не болѣе, какъ сынъ ничтожнаго и бѣднаго фермера, жившаго на земляхъ одного курляндскаго дворянина. Фермеръ этотъ назывался Биренъ; но кардиналъ Флери, желая польстить самолюбію его сына, пользовавшагося такимъ значеніемъ въ Россіи, и черезъ то склонить русскій дворъ въ пользу Франціи, уговорилъ французскихъ Бироновъ принять въ родъ свой фаворита императрицы Анны.

По возвращеніи въ городъ, мы узнали, что, кромѣ двухъ дней въ недѣлю, по которымъ обыкновенно давалась французская комедія, назначено еще два дня для маскарадовъ. Пятый день взялъ великій князь для своихъ концертовъ, а по воскресеньямъ, какъ и всегда, были куртаги. На одномъ изъ двухъ маскарадовъ бывалъ только дворъ и тѣ лица, которыхъ императрица удостоивала своимъ приглашеніемъ; въ другомъ маскарадѣ могли участвовать всѣ чиновные люди въ городѣ до полковничьяго чина и всѣ служившіе офицерами въ гвардіи; иногда допускались на нихъ всѣ вообще дворяне и знатнѣйшее купечество. На первыхъ придворныхъ маскарадахъ обыкновенно бывало не болѣе 160 или 200 человекъ, на вторыхъ, называвшихся публичными, до 800 человекъ.

Въ 1744 г. въ Москвѣ императрицѣ въдумалось приказать, чтобы на придворные маскарады всѣ мужчины являлись въ женскихъ нарядахъ и всѣ женщины въ мужскихъ, и при томъ безъ масокъ на лицахъ. Это были превращенные куртаги: мужчины въ огромныхъ юбкахъ на китовыхъ усахъ, одѣтые и причесанные точно такъ, какъ одѣвались дамы на куртагахъ, а дамы въ мужскихъ придворныхъ костюмахъ. Такія матаформозы вовсе не нравились мужчинамъ, и большая часть ихъ являлась на маскарадъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, потому что они не могли не чувствовать, какъ они безобразны въ дамскомъ нарядѣ. Съ другой стороны, дамы казались жалкими мальчиками; кто былъ постарше, того безобразили толстыя и короткія ноги, и изъ всѣхъ нихъ мужской костюмъ шелъ вполне только къ одной императрицѣ. При своемъ высокомъ ростѣ и нѣкоторой дюжести она была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины я никогда въ жизнь мою не видала такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги была удивительно стройна. Ея величество отлично танцевала, и во всякомъ нарядѣ мужскомъ и женскомъ умѣла придавать всѣмъ своимъ движеніямъ какую-то особенную прелесть. На нее нельзя было довольно налюбоваться, и бывало съ сожалѣніемъ перестаешь смотрѣть на нее, потому что ничего лучшаго больше не увидишь. Разъ, на одномъ изъ такихъ баловъ она танцевала менуетъ, и я не отводила отъ нея глазъ. Кончивши танецъ, она подошла ко мнѣ. «Для женщинъ большое счастье,—осмѣлилась я замѣтить,— что ваше величество родились не мужчиною; одинъ портретъ вашъ, въ такомъ видѣ, какъ теперь, могъ бы вскружить голову любой женщинѣ». Она была очень довольна этими словами, и въ свою очередь сказала мнѣ съ чрезвычайною любезностію, что если бы она была мужчиною, то яблоко непременно досталось бы мнѣ. Я наклонилась поцѣловать у нея руку за столь неожиданный комплиментъ, но она обняла меня. Всѣ стали толковать и догадываться, что такое было между нами. Я не думала дѣлать тайну, сказала Чоглокову, тотъ передалъ на ухо двумъ или тремъ, и изъ устъ въ уста, въ какую нибудь четверть часа весь маскарадъ зналъ о моемъ разговорѣ съ императрицею.

Въ послѣдній разъ, какъ мы жили въ Москвѣ, главнокомандующимъ въ Петербургѣ оставался, въ отсутствіе двора, сенаторъ и начальникъ кадетскаго корпуса, князь Юсуповъ. Для собственной забавы и для удовольствія знатныхъ людей, какіе оставались тогда въ Петербургѣ, онъ завелъ театральныя представленія: кадеты попеременно разыгрывали лучшія трагедіи, какъ русскія, сочиняемыя въ то время Сумароковымъ, такъ и французскія, сочиненія Вольтера, сіи послѣднія въ искаженіяхъ. По возвращеніи изъ Москвы императрица приказала, чтобы эта труппа молодыхъ людей продолжала играть пьесы Сумарокова при дворѣ. Ея величе-

ство забавлялась этими представлѣніями, и вскорѣ стали замѣчать, что она занимается ими несравненно болѣе, чѣмъ можно было подумать. Театръ изъ дворцовой залы перенесенъ былъ во внутренніе ея покои. Она забавлялась костюмировкой актеровъ, заказывала имъ великолѣпные наряды, убирала ихъ своими драгоценными каменьями. Какъ и слѣдуетъ, всѣхъ богаче бывалъ одѣтъ первый любовникъ, довольно красивый мальчикъ, лѣтъ 18 или 19. Но вскорѣ и внѣ театра стали замѣчать на немъ брильянтовые застѣжки, кольца, часы, кружева и бѣлье самаго лучшаго сорта. Наконецъ онъ вышелъ изъ кадетскаго корпуса; оберъ-егермейстеръ, графъ Разумовскій, бывшій фаворитъ императрицы, тотчасъ же взялъ его къ себѣ въ адъютанты, что равнялось капитанскому чину. Придворные не замедлили вывести изъ этого свои заключенія и стали говорить, что единственная причина, почему графъ Разумовскій взялъ къ себѣ въ адъютанты кадета Бекетова, заключается въ томъ, чтобы противопоставить его молодому камеръ-юнкеру Шувалову, который вовсе не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Разумовскими; отсюда наконецъ недалеко было до заключенія, что молодой Бекетовъ входитъ въ великій фавѣръ у императрицы. Кромѣ того, извѣстно было, что графъ Разумовскій приставилъ къ новому своему адъютанту другого, находившагося у него на побѣгушкахъ человѣка, котораго онъ называлъ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Жена сего послѣдняго съ давнихъ поръ находилась при императрицѣ въ числѣ камерфрау. Она-то и доставляла молодому Бекетову бѣлье и кружева, о которыхъ говорено выше, и такъ какъ она вовсе не была богата, то легко можно было заключить, что деньги на наряды молодому человѣку шли вовсе не изъ ея кошелька. Начинавшійся фавѣръ Бекетова никого такъ не тревожилъ, какъ фрейлину мою, княжну Гагарину. Она была уже не первой молодости и хотѣла сыскать себѣ партію по вкусу. Она сама имѣла хорошее состояніе, но была не хороша собою, хотя очень умна и уклончива. Ей приходилось во второй разъ отказываться отъ своего предмета въ пользу императрицы: сначала отъ Шувалова, теперь отъ Бекетова, о которомъ идетъ рѣчь. У княжны Гагариной было множество пріятельницъ между молодыми и хорошенькими женщинами; кромѣ того, она имѣла многочисленную родню. Тѣ и другіе терпѣть не могли Шувалова, увѣряя, будто изъ-за него императрица дѣлала княжнѣ Гагариной безпрестанные выговоры и запрещала какъ ей, такъ и многимъ другимъ молодымъ женщинамъ надѣвать то то, то другое платье или нарядъ. Вину всего этого княжна Гагарина и всѣ хорошенькія придворныя дамы вваливали на Шувалова и возненавидѣли его до крайности, между тѣмъ какъ прежде очень любили его. Думая смягчить ихъ гнѣвъ, онъ старался быть съ ними предупредителенъ и черезъ друзей своихъ передавалъ имъ разныя любезности; но

въ этомъ онѣ видѣли для себя новое оскорбленіе. Онѣ отворачивались отъ него, не хотѣли говорить съ нимъ, бѣгали отъ него, какъ отъ чумы. Въ это самое время великій князь подарилъ мнѣ маленькую собачку, англійскаго пуделя, котораго мнѣ давно хотѣлось имѣть. Эту собачку вздумали назвать Иванъ Ивановичемъ, по имени истопника Ивана Ушакова, холившаго ко мнѣ въ комнату топить печку. Сама собачка была презабавное животное; она ходила, какъ человѣкъ, на заднихъ лапкахъ и большую часть дня чрезвычайно дурачилась; я и мои женщины причесывали и одѣвали ее каждый день иначе; и чѣмъ смѣшнѣе мы наряжали ее, тѣмъ она становилась забавнѣе: она садилась съ нами за столъ, ей подвязывали салфетку, и она очень опрятно ѣла съ своей тарелки; потомъ оборачивала голову, начинала теребить стоявшаго позади человѣка, спрашивая себѣ пить; иногда вспрыгивала на столъ и доставала, чего ей хотѣлось: пирожокъ, бисквитъ или что нибудь въ этомъ родѣ; однимъ словомъ, невозможно было не смѣяться, глядя на нее. Она была очень мала, никому не мѣшала, и ей позволяли дѣлать все, что ей вздумается, потому что она не злоупотребляла этой свободой и была чрезвычайно чистоплотна. Всю зиму забавлялъ насъ англійскій пудель. На слѣдующее лѣто я взяла его съ собою въ Ораніенбаумъ, куда къ намъ ѣздилъ камергеръ Салтыковъ второй съ женою своею. Сія послѣдняя, какъ и всѣ дамы нашего двора, цѣлый день только и дѣлала, что шила и прилаживала разныя наколки и наряды для моей собачки, которую онѣ ласкали наперерывъ другъ передъ другомъ. Наконецъ Салтыкова такъ полюбила ее, что собачка не отходила отъ нея прочь, и онѣ не могли разстаться другъ съ другомъ. Уѣзжая отъ насъ, Салтыкова просила меня отдать ей собачку. Я согласилась, и она, взявъ ее на руки, поѣхала прямо въ деревню къ свекрови своей, которая въ то время была больна. Свекровь, увидавъ собачку и забавныя шутки ея, которыя она безпрестанно выдѣлывала, захотѣла узнать ея кличку и, услышавши, что ее зовутъ Иванъ Ивановичемъ, не могла не выразить удивленія своего. Въ это самое время у нея сидѣли разныя придворныя лица, пріѣхавшія навѣстить ее изъ Петергофа и потомъ возвратившіяся ко двору. Дня черезъ три или четыре при дворѣ и въ городѣ только и было толковъ, что молодыя дамы, непріятельницы Шувалова, достаютъ себѣ каждая по бѣлому пуделю, называютъ ихъ Иванъ Ивановичами въ насмѣшку надъ фаворитомъ императрицы и наряжаютъ въ платья свѣтлыхъ цвѣтовъ, до которыхъ Шуваловъ былъ большой охотникъ. Дѣло пошло такъ далеко, что императрица велѣла сказать отцамъ и матерямъ Шуваловскихъ непріятельницъ, что она не понимаетъ, какъ онѣ осмѣливаются позволять себѣ подобныя шутки. Кличка бѣлаго пуделя тотчасъ была переименована; но, несмотря на императорскій выговоръ, онъ остался въ домѣ Салтыковыхъ въ

прежнемъ почетѣ и до самой смерти своей былъ любимцемъ господъ своихъ. На самомъ дѣлѣ, это была пустая сплетня; Иванъ Ивановичемъ назывался только одинъ пудель, и въ то время, какъ ему дали эту кличку, о Шуваловѣ тогда никто и не думалъ. Чоголкова, не любившая Шуваловыхъ, притворялась, будто не обращаетъ вниманія на эту кличку, хотя слышала ее безпрестанно; она сама забавлялась пуделемъ и часто кормила его пирожками.

Въ послѣдніе мѣсяцы этой зимы, во время частыхъ маскарадовъ и придворныхъ баловъ, снова появились оба бывшіе мои камеръюнкеры, переведенные полковниками въ армію, Александръ Вильбуа и Захаръ Чернышевъ. Такъ какъ они были искренно привязаны ко мнѣ, то я очень обрадовалась имъ и ласково ихъ встрѣтила; они съ своей стороны не пропускали случая и малѣйшей, находившейся въ ихъ власти, возможности, чтобы выразить мнѣ всю преданность. Я въ то время очень любила танцовать; на публичныхъ балахъ я обыкновенно по три раза мѣняла платье и старалась какъ можно лучше одѣваться. Если маскарадное платье мое очень нравилось всѣмъ, то я ни за что больше не надѣвала его, будучи увѣрена, что если одинъ разъ оно понравилось, то во второй разъ уже непременно понравится меньше прежняго. На придворныхъ балахъ, гдѣ не было публики, я надѣвала самыя простыя платья, и тѣмъ немало заслуживала милость императрицы, которая не любила на этихъ балахъ роскошныхъ нарядовъ. Зато, когда бывали превращенные маскарады, я заказывала великолѣпное мужское платье, все съ шитьемъ и въ самомъ изысканномъ вкусѣ: за это не могло быть выговоровъ; напротивъ императрица, не могу хорошо объяснить себѣ почему, бывала довольна моимъ богатымъ мужскимъ нарядомъ. Надо замѣтить, что въ то время кокетство было въ большомъ ходу при дворѣ, и всѣ только и думали, какъ бы ухитриться и перещеголять другъ друга нарядомъ. Помню, однажды я узнала, что всѣ шьютъ себѣ новыя и самыя лучшія платья къ одному изъ такихъ маскарадовъ; я была въ отчаяніи, не имѣя возможности перещеголять другихъ дамъ, и выдумала себѣ свой нарядъ. Лифъ моего платья былъ изъ бѣлаго гротетура (у меня тогда была очень тонкая талія); юбка изъ той же матеріи; волосы мои длинныя, густыя и очень красивыя я велѣла зачесать назадъ и перевязать красною лентою, что называется лисьимъ хвостомъ; на голову я приколола всего одинъ большой розанъ и другой не распустившійся съ листьями (они были сдѣланы такъ искусно, что можно было принять ихъ за живые); еще розанъ я приколола къ корсету; на шею надѣла чрезвычайно бѣлый газовый шарфъ; на руки манжеты и передникъ изъ того же газа. Въ этомъ нарядѣ я отправилась на балъ, и только что вошла, какъ замѣтила, что нарядъ мой обратилъ на себя общее вниманіе. Не останавливаясь, я прошла поперекъ галлерей и явилась

въ комнатахъ, находившихся напротивъ галлерей. Тамъ меня встрѣтила императрица и воскликнула: Поже мой, какая простота! зачѣмъ нѣтъ мушки?—И засмѣялась и отвѣчала: для того, чтобы быть легче. Она вынула изъ кармана коробочку съ мушками, достала одну средней величины и налѣпила мнѣ на лицо. Оставивъ императрицу, я поспѣшила въ галлерейку и показала мушку ближайшимъ моимъ дамамъ и также императрицынымъ любимицамъ. Будучи въ очень веселомъ расположеніи духа, я танцевала больше обыкновеннаго и не помню, чтобы когда нибудь во всю мою жизнь я слышала отъ всѣхъ столько похвалъ, какъ въ этотъ вечеръ. Про меня говорили, что я хороша, какъ день, и какъ-то особенно сіяю. Сказать правду, я никогда не думала про себя, чтобы я была особенно хороша; но я нравилась и полагаю, что въ этомъ заключалась моя сила. Я возвратилась домой очень довольная изобрѣтеннымъ мною простымъ нарядомъ, тѣмъ болѣе, что на другихъ были богатѣйшія платья.

Въ этихъ удовольствіяхъ окончился 1750 годъ. Мадамъ Арнгеймъ танцевала лучше, чѣмъ ѣздила верхомъ. Помню, какъ однажды мы поспорили, кто изъ насъ скорѣе устанетъ на танцахъ, и она должна была уступить: она сѣла на стулъ и призналась, что не можетъ больше танцевать, между тѣмъ какъ я еще танцевала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1751—1758).

I.

Въ началѣ 1751 г. великій князь, такъ же, какъ и я, очень сблизился съ посланникомъ вѣнскаго двора, графомъ Бернисомъ, и ввдумалъ поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ въ Голштиніи, о долгахъ, въ то время обременявшихъ эту землю, и о датскихъ предложеніяхъ, въ выслушанію которыхъ онъ уполномочилъ Пехлина. Великій князь однажды сказалъ мнѣ, чтобы и я также поговорила о томъ съ графомъ Бернисомъ. Я отвѣчала, что непременно поговорю, такъ какъ онъ мнѣ приказываетъ это. Дѣйствительно, въ первый же маскарадъ я подошла къ графу Бернису, остановившемуся недалеко отъ балюстрады, въ серединѣ которой танцовали, и сказала ему, что великій князь велѣлъ мнѣ поговорить съ нимъ о голштинскихъ дѣлахъ. Графъ Бернисъ слушалъ меня съ большимъ участіемъ и вниманіемъ. Я ему прямо сказала, что я молода,

и мнѣ не съ кѣмъ совѣтоваться, что, можетъ быть, я плохо смыслю въ дѣлахъ и вовсе не имѣю опытности, чтобы вести ихъ въ свою пользу; но что смотрю на вещи такъ, какъ понимаю ихъ, и хотя, вѣроятно, многого не знаю, но мнѣ кажется, во-первыхъ, что голштинскія дѣла вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ хотятъ ихъ представить; а, во-вторыхъ, относительно самаго объѣма я очень хорошо понимаю, что онъ можетъ быть гораздо полезнѣе для Россіи, нежели лично для великаго князя; что, конечно, ему, какъ наслѣднику русскаго престола, выгоды Россіи должны быть милы и дороги, но что если уже необходимо ради этихъ выгодъ, чтобы великій князь раздѣлался съ Голштиніею и тѣмъ положилъ конецъ нескончаемымъ размолвкамъ съ Даніею, то для этого нужно выждать удобнаго времени, а что покончить дѣло въ настоящее время было бы по-моему вовсе не благоприятно ни для выгодъ Россіи, ни для личной славы великаго князя. Между тѣмъ,—продолжала я,—можетъ наступить такое время, и будутъ такія обстоятельства, когда этотъ объѣмъ получить большее значеніе и совершится съ большею славой для великаго князя и, можетъ быть, съ большею выгодною для самой Русской имперіи; теперь же все это дѣло ведется явными происками, и если удастся, то всѣ будутъ считать великаго князя человѣкомъ слабымъ, такъ что онъ, можетъ быть, во всю свою жизнь не въ состояніи будетъ оправдать себя въ общественномъ мнѣніи. Про него стануть говорить, что онъ правилъ Голштиніею всего какихъ нибудь нѣсколько дней, любилъ эту землю страстно и, несмотря на все это, позволилъ склонить себя къ уступкѣ, и безъ всякой особенной причины обмѣнили Голштинію—на что же?—на Ольденбургъ, вовсе ему неизвѣстный и отдаленный отъ Россіи. Наконецъ, замѣтила я, самая Кильская гавань въ рукахъ великаго князя можетъ быть очень полезна для русской навигаціи. Графъ Бернисъ подробно разбиралъ всѣ мои доводы и въ заключеніе сказалъ: «Какъ посолъ, я не имѣю на этотъ счетъ никакихъ предписаній отъ двора моего, но, какъ графъ Бернисъ, я думаю, что вы правы». Послѣ я узнала отъ великаго князя, что графъ Бернисъ сказалъ ему: «могу вамъ посовѣтовать одно, слушайте вашей супруги, которая очень вѣрно судитъ объ этомъ дѣлѣ». Вслѣдъ за тѣмъ великій князь очень охладѣлъ къ этой негодяицѣ, что, конечно, было замѣчено, и вслѣдствіе чего съ нимъ стали рѣже говорить о ней.

Послѣ Святой, по обыкновенію, мы поѣхали на нѣсколько времени въ Лѣтній дворецъ и оттуда въ Петергофъ, гдѣ съ каждымъ годомъ проживали меньше времени. Въ этотъ годъ въ Петергофѣ случилось происшествіе, главною причиною котораго были происки господъ Шуваловыхъ, и которое послужило предметомъ толковъ между придворными. Выше упомянутый полковникъ Бекетовъ пользовался великою милостію до такой степени, что со дня на день

ожидали, кто изъ двухъ фаворитовъ уступить другъ другу, т.е. онъ ли Ивану Шувалову, или Шуваловъ ему. Но, тѣмъ не менѣе, онъ очень скучалъ и отъ нечего дѣлать заставлялъ у себя пѣть, мальчиковъ-пѣвчихъ императрицы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ особенно полюбилъ за ихъ прекрасный голосъ. Бекетовъ и другъ его Елагинъ были оба стихотворцы, и сочиняли для мальчиковъ пѣсни, которыя тѣ распѣвали. Этому дано было самое мерзкое истолкованіе. Всѣ знали, что императрица ни къ чему не чувствовала такого отвращенія, какъ къ порокамъ этого рода. Бекетовъ, въ невинности сердца, безпрестанно гулялъ съ пѣвчими по саду. Эти прогулки были ему вѣдены въ преступленіе. Императрица на нѣсколько дней уѣхала въ Царское Село и потомъ возвратилась въ Петергофъ, а Бекетову приказано было оставаться тамъ подъ предлогомъ болѣзни. Онъ остался съ Елагинимъ, вынесъ горячку, отъ которой едва было не умеръ, въ бреду безпрестанно твердилъ объ императрицѣ, которая занимала всѣ его мысли, и наконецъ опять явился ко двору. Но милости больше уже не было; онъ долженъ былъ удалиться отъ двора, и потомъ переведенъ былъ въ армію, гдѣ не имѣлъ никакого успѣха. Его черезчуръ обабилъ, и онъ не могъ уже заниматься военнымъ ремесломъ.

Въ это время мы ѣздили въ Ораніенбаумъ, гдѣ ежедневно бывали на охотѣ. Къ осени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мы возвратились въ городъ. Императрица опредѣлила камеръюнкеромъ къ нашему двору Льва Нарышкина, который только что возвратился изъ Москвы съ матерью, женою брата и тремя сестрами. Это былъ чловѣкъ самый странный, какого когда либо я знала. Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ. Это былъ шутъ до мозга костей, и если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, многому наслышался, но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось въ головѣ его. Онъ могъ распространяться въ разсужденіяхъ обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ, какъ ему вздумается, употреблялъ техническіе термины, говорилъ непрерывно четверть часа и болѣе, но ни онъ самъ, ни его слушатели не понимали ни слова изъ его рѣчи, хотя она текла, какъ по маслу, и обыкновенно это оканчивалось тѣмъ, что все общество раздражалось смѣхомъ. Такъ, на примѣръ, онъ говорилъ про исторію, что не любитъ исторію, въ которой есть исторіи, и что для того, чтобы исторія была хороша, надо, чтобы въ ней не было исторій, но что, впрочемъ, исторія произошла отъ Феба. Онъ также бывалъ неподражаемъ, когда принимался говорить о политикѣ: самые серьезные люди не могли удержаться отъ смѣха. Онъ говорилъ еще, что хорошо написанныя комедіи, большею частію, скучны. Вслѣдъ за его опредѣленіемъ ко двору императрица приказала старшей сестрѣ его выходить замужъ за нѣкоего Сенявина, ко-

торый по этому случаю также былъ опредѣленъ камеръюнкеромъ къ нашему двору. Приказъ этотъ поразилъ дѣвушку, но она должна была идти къ вѣнцу, хотя съ великимъ отвращеніемъ къ жениху своему. Въ публикѣ очень порицали этотъ бракъ и обвиняли въ немъ фаворита императрицы, господина Шувалова; онъ нѣкогда ухаживалъ за этой дѣвушкой, и теперь ее заставили нарочно сдѣлать дурную партію для того, чтобы онъ могъ потерять ее изъ виду. Это было своего рода преслѣдованіе, поистинѣ деспотическое. Нарышкина вышла замужъ, заболѣла чахоткой и умерла.

Въ исходѣ сентября мы перешли опять въ Зимній дворецъ. Дворецъ въ то время былъ такъ бѣдно меблированъ, что зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ Зимняго дворца въ Лѣтній, оттуда въ Петергофъ, и даже ѣздили съ нами въ Москву; при перевозкахъ, разумѣется, многое ломалось и билось, и потому безъ всякой починки ставилось на свои мѣста. Мебель сдѣлалась наконецъ почти никуда не годна; чтобы получить новую, надо было просить нарочнаго позволенія императрицы, добраться до которой, большею частью, было очень трудно или даже совѣмъ невозможно, и потому я рѣшилась исподволь покупать на собственные деньги комоды и другую необходимую мебель для моихъ комнатъ, какъ въ Зимнемъ дворцѣ, такъ и въ Лѣтнемъ; и, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, я находила свои комнаты совѣмъ прибранными; при томъ же не было ни возни, ни ломки при перевозкѣ. Такое распоряженіе понравилось великому князю, и онъ то же сдѣлалъ для своихъ комнатъ. Въ принадлежавшемъ ему Ораніенбаумѣ, въ комнатахъ моихъ во дворцѣ, все нужное намъ было сдѣлано на собственный счетъ и на собственные издержки. Я нарочно тратила свои деньги, чтобы избѣжать споровъ и возраженій; ибо его императорское высочество, хотя вовсе не жалѣлъ денегъ для собственного увеселенія, обыкновенно скупился, когда нужно бывало что нибудь сдѣлать для меня, и вообще не отличался особенной щедростью; но, такъ какъ я изъ собственного кошелька убирала свои комнаты, и это служило къ украшенію его же дворца, то онъ оставался совершенно доволенъ.

Въ теченіе этого лѣта Чоглокова очень привязалась ко мнѣ, и привязанность ея была до такой степени искренна, что она не хотѣла отходить отъ меня и скучала, когда мы не были вмѣстѣ. Главная причина этого заключалась въ томъ, что я вовсе не отвѣчала на привязанность, которую супругъ ея вздумалъ мнѣ оказывать. Это чрезвычайно возвысило меня въ ея глазахъ. Когда мы поселились въ Зимнемъ дворцѣ, Чоглокова почти каждый день послѣ обѣда присылала звать меня къ себѣ. У нея тоже бывало многолюдно, но все-таки веселѣе, чѣмъ у меня въ комнатѣ, гдѣ обыкновенно я сидѣла одна одиухонька за книгою, если не являлся великій князь, принимавшійся шагать по комнатѣ и говорившій

со мною о предметахъ, которые имѣли цѣну въ глазахъ его, но для меня вовсе не были занимательны. Его прогулки по комнатамъ продолжались часъ либо два и повторялись нѣсколько разъ въ теченіе дня; надо было ходить съ нимъ вмѣстѣ до истощенія силъ; надо было слушать его внимательно и отвѣчать, между тѣмъ какъ онъ говорилъ, большею частью, сущую бессмыслицу и нерѣдко занимался просто игрою воображенія. Помню, что въ теченіе всей этой зимы онъ безпрестанно толковалъ о своемъ намѣреніи выстроить близъ Ораніенбаума увеселительный домъ на манеръ капуцинскаго монастыря; онъ, я и весь дворъ должны были ходить въ капуцинскомъ платьѣ, которое онъ находилъ восхитительнымъ и удобнымъ; у cadaго долженъ былъ быть свой осликъ для того, чтобы поочередно ѣздить за водою и привозить приказы въ такъ называемый монастырь. Онъ хохоталъ до упаду и восклицался заранѣе своимъ изобрѣтеніемъ, рассказывая, какъ будетъ пріятно и весело жить въ такомъ монастырѣ. Онъ заставилъ меня нарисовать ему карандашомъ планъ будущей постройки, и каждый день я должна была что нибудь прибавлять или уменьшать. При всей моей твердой рѣшимости угождать ему и быть съ нимъ терпѣливою, очень часто, признаюсь откровенно, его посѣщенія, прогулки и разговоры надоѣдали мнѣ до чрезвычайности. Все это было такъ бессмысленно, что я ничего подобнаго не видала въ жизнь мою. Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ.

Въ концѣ осени снова начались при дворѣ публичныя и придворныя маскарады, съ тѣмъ же богатствомъ и изысканностью въ нарядахъ, какъ и прежде. Графъ Захаръ Чернышевъ возвратился въ Петербургъ. По старому знакомству я всегда ласково встрѣчала его и на этотъ разъ могла объяснять себѣ его любезности, какъ мнѣ было угодно. Онъ началъ съ того, что сказалъ мнѣ, что я очень похорошѣла; въ первой разъ въ жизнь мою мужчина говорилъ мнѣ подобнаго рода привѣтствіе. Оно мнѣ понравилось; мало того, я имѣла добродушіе повѣрить ему. На каждомъ балу—какое нибудь новое замѣчаніе въ этомъ родѣ. Однажды я получила отъ него девизъ черезъ княжну Гагарину и, вскрывая коробочку, замѣтила, что она раскрыта и расклеилась. Въ ней былъ, какъ и во всѣхъ, печатный билетикъ со стихами, но два стиха эти были очень нѣжнаго и чувствительнаго содержанія. Послѣ обѣда я приказала принести себѣ девизовъ и стала искать билетца, который бы, не выдавая меня, служилъ отвѣтомъ на его билетецъ. Нашедши такой, я положила его въ девизъ, имѣвшій видъ апельсина, и отдала княжнѣ Гагариной, чтобы она доставила его графу Чернышеву. На другой день она принесла отъ него еще девизъ, но на этотъ разъ на билетцѣ было написано нѣсколько строкъ его руки; я тотчасъ же отвѣчала, а вотъ между нами завязалась пра-

вильная, очень чувствительная переписка. Въ первый маскарадъ, танцую со мною, онъ сказалъ, что у него пропасть, о чемъ нужно поговорить со мною, чего онъ не рѣшается повѣрить бумагѣ, тѣмъ болѣе, что княжна Гагарина можетъ сломать девизъ у себя въ карманѣ либо обронить дорогою. Онъ просилъ, чтобы я назначила ему минуту аудіенціи у себя въ комнатѣ, или гдѣ я найду удобнымъ. Я отвѣчала, что это рѣшительно не возможно, что комнаты мои недоступны, и сама я не могу изъ нихъ выйти. Онъ замѣтилъ, что готовъ, если нужно, переодѣться лакеемъ, но я на чисто отказала, такъ что все ограничилось лишь этою перепискою черезъ девизы. Княжна Гагарина наконецъ замѣтила, въ чемъ дѣло, бранила меня, что я дѣлаю ее посредницею, и больше не соглашалась переносить девизы.

Такъ кончился 1751 г. и начался 1752 г. Въ исходѣ масленицы графъ Чернышевъ уѣхалъ въ полкъ. За нѣсколько дней передъ его отъѣздомъ я пускала себѣ кровь. Это была суббота. Въ слѣдующую среду Чоглоковъ пригласилъ насъ къ себѣ на островъ, на устьѣ Невы. Тамъ у него былъ домъ, состоявшій изъ залы посерединѣ и нѣсколькихъ комнатъ съ боку; недалеко отъ дома онъ устроилъ катальную гору. Приѣхавши туда, я встрѣтила графа Романа Воронцова, который, какъ только увидалъ меня, сказалъ: я буду катать васъ, у меня для этого сдѣланы прекрасныя маленькія санки. Онъ часто каталъ меня прежде, и потому я приняла его предложеніе. Тотчасъ онъ приказалъ принести санки, въ которыхъ было устроено что-то въ родѣ маленькаго кресла. Я сѣла, онъ сталъ позади, и мы начали спускаться; но на половинѣ склона графъ Воронцовъ не могъ удержать саней, и мы опрокинулись. Я упала, а графъ Воронцовъ, весьма полновѣсный и неуклюжій, упалъ на меня, или, лучше сказать, на лѣвую мою руку, изъ которой дня четыре или дней пять тому назадъ была пущена кровь. Я поднялась, онъ также, и мы пошли пѣшкомъ къ придворнымъ санямъ, которыя ждали спускавшихся съ горы и взвояли опять на гору, если кто хотѣлъ еще кататься. Я сѣла въ эти сани съ княжною Гагариною, которая была со мною, и графомъ Иваномъ Чернышевымъ (графъ Воронцовъ сталъ на запятки) и ѣдучи почувствовала, что въ лѣвой рукѣ начинается какой-то странный жаръ, причину котораго я не могла себѣ объяснить. Чтобы узнать, въ чемъ дѣло, я просунула правую руку въ рукавъ шубы и вынула ее всю въ крови. Я сказала обоимъ графамъ и княжнѣ, что у меня открылась жила, и что изъ нея течетъ кровь. Они велѣли санямъ ѣхать скорѣе, и вмѣсто катальной горы мы повернули въ домъ. Тамъ никого не было, кромѣ челоуѣка, накрывавшаго на столъ. Какъ скоро я скинула шубу, онъ далъ намъ уксусу, и графъ Чернышевъ принялся исправлять должность хирурга. Мы уговорились не сказывать никому ни слова объ этомъ происшествіи. Перевя-

завши руку, я возвратилась на катальную гору, остальной вечеръ танцевала, ужинала, и мы прїѣхали домой очень поздно. Никто не подозрѣвалъ, что со мною случилось; около мѣсяца у меня не нарастала кожа, но это понемногу прошло.

II.

Постомъ у меня была сильная перебранка съ Чоглоковой, и вотъ по какому случаю. Матушка моя съ нѣкотораго времени жила въ Парижѣ. Возвратившійся оттуда старшій сынъ генерала Ивана Ѳедоровича Глѣбова привезъ мнѣ отъ матушки двѣ штуки очень богатыхъ и прекрасныхъ матерій. Я велѣла Шкурину у себя въ уборной разложить ихъ и, любуясь ими, сказала про себя, что матеріи эти очень хороши, и что мнѣ даже думается поднести ихъ въ подарокъ ея величеству. Дѣйствительно я выжидала минуту предложить ихъ императрицѣ, которую я видала очень рѣдко, и то, большею частью, въ публикѣ. Но я ни слова о томъ не говорила съ Чоглоковой, предоставляя себѣ сдѣлать этотъ подарокъ лично, и приказала Шкурину, чтобъ онъ рѣшительно никому не говорилъ о томъ, что у меня сорвалось съ языка въ его присутствіи. Въмѣсто того онъ не замедлилъ тотчасъ же отправиться къ Чоглоковой и рассказалъ ей все, что отъ меня слышалъ. Черезъ нѣсколько дней, въ одно прекрасное утро, Чоглокова пришла ко мнѣ въ комнату съ объявленіемъ, что императрица приказала поблагодарить меня за матеріи, что одну она оставляетъ у себя, а другую посылаетъ мнѣ назадъ. Услыхавъ это, я едва могла опомниться отъ удивленія. Какъ такъ?—спросила я. Тогда Чоглокова сказала, что она относилась мои матеріи къ императрицѣ, узнавши, что я назначила ихъ для ея величества. Это меня до чрезвычайности разсердило, и я не помню, чтобы я когда нибудь была такъ раздражена. Я почти не могла говорить и только бормотала. Однако я сказала Чоглоковой, что я, какъ праздника, дожидалась минуты, чтобы поднести эти матеріи императрицѣ, и что она лишила меня этого удовольствія, унеся ихъ безъ моего вѣдома и представивъ ея величеству; что она не могла знать моихъ намѣреній, потому что я никогда не говорила съ нею о томъ, и что она узнала ихъ черезъ измѣнника лакея, который выдалъ госпожу свою, ежедневно осыпающую его благодѣянїями. Чоглокова, любившая всегда стоять на своемъ, возражала, что я не могла ни о чемъ прямо говорить съ императрицею, что она сама сообщила мнѣ это распоряженіе ея величества, что слуги мои обязаны были передать ей все, что я говорила, что слѣдовательно Шкуринъ исполнилъ только долгъ свой, точно такъ же, какъ и она, отнесши матеріи, которыя я назначала императрицѣ, безъ моего вѣдома къ ея величеству, и что все это очень естественно. Я не прерывала ея, потому что не могла говорить отъ

раздраженія. Наконецъ она ушла. Тогда я вышла въ маленькую прихожую, гдѣ обыкновенно по утрамъ сидѣлъ Шкуринъ, и гдѣ были мои платья, и сколько было у меня силы, дала ему пощечину во всю щеку. Я сказала ему, что онъ поступилъ, какъ измѣнникъ и самый неблагодарный человѣкъ въ свѣтѣ, осмѣлившись пересказать Чоглоковой, о чемъ я ему запрещала говорить, что я осыпала его благодареніями, а онъ выдалъ меня и не задумался донести даже о такихъ невинныхъ словахъ, что съ этого дня онъ ничего больше не получитъ отъ меня, что я его прогоню и прикажу отдрать. Чего ты ждешь отъ своихъ переносовъ?—говорила я ему:— я останусь все та же, а Чоглоковы, нетерпимые и ненавидимые всѣми, когда нибудь да будутъ прогнаны императрицею, которая рано или поздно узнаетъ, до какой степени они глупы и неспособны къ исполненію должности, доставшейся имъ, благодаря интригамъ злого человѣка. Если хочешь, ступай сейчасъ и донеси обо всемъ, что я тебѣ сказала; мнѣ изъ того навѣрное ничего не выйдетъ, а съ тобою—увидишь, что будетъ. Мой Шкуринъ упалъ къ ногамъ моимъ и, обливаясь горькими слезами, просилъ прощенія. Его раскаяніе показалось мнѣ искреннимъ. Мнѣ стало его жаль, и я отвѣчала ему, что посмотрю, какъ онъ будетъ вести себя, и что отъ его поведенія будетъ зависеть мое обращеніе съ нимъ. Онъ былъ толковый малый и не безъ ума. Онъ никогда больше не обманывалъ меня, напротивъ я имѣла случаи убѣдиться въ его усердіи и искренней вѣрности въ самыя трудныя для меня времена. Дѣло съ матеріями я нарочно рассказывала всѣмъ, кому могла, для того, чтобы императрица узнала, какую штуку сыграла со мною Чоглокова. При свиданіи ея величество благодарила меня за мои матеріи, и я знаю черезъ третьи руки, что она не одобряла поступка Чоглоковой. Тѣмъ это и кончилось.

Послѣ Святой мы пріѣхали въ Лѣтній дворецъ. Еще прежде я стала замѣчать, что камергеръ Сергѣй Салтыковъ что-то чаще обыкновеннаго пріѣзжаетъ ко двору. Его всегда можно было встрѣтить съ Львомъ Нарышкинымъ, всѣхъ забавлявшимъ своими странностями, о которыхъ я выше говорила подробно. Княжна Гагарина, которую я очень любила и къ которой даже имѣла довѣренность, терпѣть не могла Сергѣя Салтыкова. Левъ Нарышкинъ слылъ просто чудакомъ, и ему не придавали никакого значенія. Сергѣй Салтыковъ всячески вкрадывался въ довѣренность къ Чоглоковымъ, и какъ сіи послѣдніе вовсе не были ни умны, ни любезны, ни занимательны, то можно было навѣрное сказать, что онъ дружится съ ними изъ какихъ нибудь скрытныхъ видовъ. Чоглокова, въ то время беременная, часто бывала нездорова; она увѣряла, что моя бесѣда такъ же дорога для нея лѣтомъ, какъ и зимою, и часто присылала звать къ себѣ. Когда у великаго князя не было концерта или при дворѣ комедіи, къ ней обыкновенно собирались С. Салтыковъ, Левъ

Нарышкинъ, княжна Гагарина и еще нѣсколько человѣкъ. Концерты надоѣдали Чоглокову, однако онъ не пропускалъ ихъ. Сергѣй Салтыковъ изобрѣлъ оригинальное средство занимать его. Не знаю, какимъ образомъ въ этомъ тучномъ человѣкѣ, въ которомъ было всего меньше ума и воображенія, Салтыкову удалось возбудить страсть къ стихотворству. Чоглоковъ сталъ безпрестанно сочинять пѣсни, разумѣется, лишеныя человѣческаго смысла. Какъ только нужно бывало отдѣлаться отъ него, тотчасъ къ нему обращались съ просьбою написать новую пѣсенку: онъ съ большою готовностью соглашался, усаживался въ какой нибудь уголъ, большею частью къ печкѣ, и принимался за сочиненіе, продолжавшееся цѣлый вечеръ: пѣсня оказывалась восхитительною, сочинитель приходилъ въ восторгъ и принималъ приглашеніе написать еще новую. Левъ Нарышкинъ клалъ пѣсни на музыку и распѣвалъ ихъ съ нимъ; а между тѣмъ у насъ шелъ непринужденный разговоръ, и можно было говорить все, что хочешь. У меня была толстая книга этихъ пѣсенъ; не знаю, куда она дѣвалась. Въ одинъ изъ такихъ концертовъ С. Салтыковъ далъ мнѣ понять, какая была причина его частыхъ появленій при дворѣ. Сначала я ему не отвѣчала. Когда онъ въ другой разъ заговорилъ о томъ же предметѣ, я спросила, къ чему это поведетъ. Въ отвѣтъ на это онъ плѣнительными и страстными чертами началъ изображать мнѣ счастье, котораго онъ добивается. Я сказала ему: но у васъ есть жена, на которой вы всего два года женились по страсти; про васъ обоихъ говорятъ, что вы до безумія любите другъ друга. Что она скажетъ объ этомъ? Тогда онъ началъ говорить, что не все золото, что блеститъ, и что онъ дорого заплатилъ за минуту ослѣпленія. Я употребляла всевозможныя средства, чтобы выгнать изъ головы его эти мысли, и добродушно воображала, что я успѣла. Мнѣ было жаль его; по несчастію, я не переставала его слушать. Онъ былъ прекрасенъ, какъ день, и, безъ сомнѣнія, никто не могъ съ нимъ равняться и при большомъ дворѣ, тѣмъ менѣе при нашемъ. Онъ былъ довольно уменъ и владѣлъ искусствомъ обращенія и тою хитрою ловкостью, которая приобрѣтается жизнью въ большомъ свѣтѣ, и особенно при дворѣ; ему было 26 лѣтъ, и со всѣхъ сторонъ—и по рожденію, и по многимъ другимъ отношеніямъ онъ былъ лицо замѣчательное. Недостатки свои онъ умѣлъ скрывать; главнѣйшіе заключались въ наклонности къ интригамъ и въ томъ, что онъ не держался никакихъ положительныхъ правилъ. Но все это было скрыто отъ меня. Весну и часть лѣта я была совсѣмъ беззаботна, я видала его почти ежедневно и не мѣняла моего обращенія; я была съ нимъ, какъ и со всѣми, видаясь не иначе, какъ въ присутствіи двора или вообще при постороннихъ. Однажды, чтобы отвязаться отъ него, я вздумала сказать, что онъ дѣйствуетъ неловко; почему вы знаете,—прибавила я,—можетъ быть, мое сердце уже занято? Но

это нисколько не подѣйствовало; напротивъ его преслѣдованіе сдѣлалось еще неутомимѣе. О любезномъ супругѣ тутъ не было и помину, потому что всякій зналъ, какъ онъ пріятенъ даже и тѣмъ лицамъ, въ кого бывалъ влюбленъ; а влюблялся онъ безпрестанно и волочился, можно сказать, за всѣми женщинами, исключеніе составляла и не пользовалось вниманіемъ его только одна женщина—его супруга.

Около этого времени Чоглоковъ пригласилъ насъ поохотиться у него на острову. Мы выслали напередъ лошадей, а сами отправились въ шлюпкѣ. Выпедши на берегъ, я тотчасъ же сѣла на лошадь, и мы погнались за собаками. С. Салтыковъ выждалъ минуту, когда всѣ были заняты преслѣдованіемъ зайцевъ, подѣхалъ ко мнѣ и завелъ рѣчь о своемъ любимомъ предметѣ. Я слушала его внимательнѣе обыкновеннаго. Онъ рассказывалъ, какія средства придуманы имъ для того, чтобы содержать въ глубочайшей тайнѣ то счастье, которымъ можно наслаждаться въ подобномъ случаѣ. Я не говорила ни слова; пользуясь моимъ молчаніемъ, онъ сталъ убѣждать меня въ томъ, что страстно любить меня, и просилъ, чтобы я ему позволила быть увѣреннымъ, что я, по крайней мѣрѣ, не вполне равнодушна къ нему. Я отвѣчала, что не могу мѣшать ему наслаждаться воображеніемъ, сколько ему угодно. Наконецъ онъ сталъ дѣлать сравненія съ другими придворными и заставилъ меня согласиться, что онъ лучше ихъ; отсюда онъ заключалъ, что я къ нему не равнодушна. Я смѣялась этому, но въ сущности онъ дѣйствительно очень нравился мнѣ. Пршло около полутора часа, и я стала говорить ему, чтобы онъ ѣхалъ отъ меня, потому что такой продолжительный разговоръ можетъ возбудить подозрѣнія. Онъ отвѣчалъ, что не уѣдетъ до тѣхъ поръ, пока я скажу, что не равнодушна къ нему.—Да, да,—сказала я,—но только убирайтесь.—Хорошо, я буду это помнить,—отвѣчалъ онъ, и погналъ впередъ лошадь, а я закричала ему вслѣдъ: нѣтъ, нѣтъ. Онъ кричалъ въ свою очередь: да, да, и такъ мы разѣхались. По возвращеніи въ домъ, бывшій на острову, мы сѣли ужинать. Во время ужина поднялся сильный морской вѣтеръ; волны были такъ велики, что заливали ступеньки лѣстницы, находившейся у дома, и островъ на нѣсколько футовъ стоялъ въ водѣ. Намъ пришлось оставаться въ домѣ у Чоглоковыхъ до двухъ или до трехъ часовъ утра, пока погода прошла, и волны спали. Въ это время С. Салтыковъ сказалъ мнѣ, что само небо благопріятствуетъ ему въ этотъ день, дозволяя больше наслаждаться пребываніемъ вмѣстѣ со мною, и тому подобныя увѣренія. Онъ уже считалъ себя очень счастливымъ, но у меня на душѣ было совсѣмъ иначе: тысячи опасеній возмущали меня; я была въ самомъ дурномъ нравѣ въ этотъ день и вовсе не довольна собою. Я воображала прежде, что можно будетъ управлять имъ и держать въ извѣстныхъ предѣ-

лахъ, какъ его, такъ и самое себя, и тутъ поняла, что то и другое очень трудно, или даже совсѣмъ невозможно.

Дня два спустя, С. Салтыковъ сказалъ мнѣ, что великій князь говорилъ у себя въ комнатѣ: Салтыковъ и жена моя обманываютъ Чоглокова, увѣряютъ его, въ чемъ имъ угодно, и потомъ смѣются надъ нимъ. Это передалъ Салтыкову одинъ изъ камердинеровъ его величества, Брессанъ, родомъ французъ. По правдѣ сказать, это отчасти было дѣйствительно такъ, и великій князь замѣтилъ это. Я совѣтовала Салтыкову быть впередъ осмотрительнѣе. Черезъ нѣсколько дней послѣ того у меня страшно разболѣлось горло, и сдѣлалась сильная лихорадка, такъ что я не выходила слишкомъ три недѣли. Въ продолженіе этой болѣзни императрица присылала ко мнѣ княжну Куракину, вышедшую замужъ за князя Лобанова: я должна была убрать ей голову. Для этого ее посадили въ придворномъ платьѣ, съ огромными фижмами, ко мнѣ на постель. Я убирала, какъ могла; но Чоглокова замѣтила, что мнѣ это очень трудно, свела ее съ моей постели и сама окончила уборку. Съ тѣхъ поръ я никогда больше не встрѣчала этой дамы.

Великій князь въ то время былъ влюбленъ въ дѣвицу Марю Исаевну Шафирову, которая вмѣстѣ съ старшею сестрою своею, Анною Исаевною, была недавно опредѣлена ко мнѣ, по приказанію императрицы. С. Салтыковъ умѣлъ вести интригу, словно бѣсъ: онъ сдружился съ этими дѣвушками для того, чтобы развѣдывать черезъ нихъ, что великій князь говоритъ о немъ съ ними, и потомъ употреблять полученныя свѣдѣнія въ свою пользу. Дѣвушки эти были бѣдны, довольно глупы и очень интересливы; дѣйствительно, въ самое короткое время онѣ обо всемъ стали рассказывать Салтыкову.

Между тѣмъ, мы переѣхали въ Ораніенбаумъ, гдѣ попрежнему я каждый день каталась верхомъ и только по воскресеньямъ скидала мужское платьѣ. Чоглоковъ и жена его сдѣлались кротки, какъ агнцы. Въ глазахъ Чоглоковой я получила новое достоинство: я любила и ласкала одного изъ дѣтей ея, бывшаго съ нею въ Ораніенбаумѣ, шила ему наряды и куклы и дарила разныя бездѣлушки. Все это восхищало матушку, которая была безъ ума отъ своего дитяти, сдѣлавшагося въ послѣдствіи такимъ негодяемъ, что его по судебному приговору за разныя мерзости посадили на 15 лѣтъ въ крѣпость. С. Салтыковъ сталъ другомъ, совѣтникомъ, ближайшимъ лицомъ Чоглоковыхъ. Но человѣку съ здравымъ смысломъ, безъ какой нибудь особенной выгоды, невозможно было взвалить на себя такую тяжелую обязанность, какъ съ утра до вечера слушать разсужденія двухъ дураковъ, эгоистовъ, гордыхъ и притязательныхъ. Стали подозрѣвать и догадываться, изъ-за чего онъ съ ними возится. Слухи дошли до Петергофа и до самой императрицы. Надо сказать, что въ то время почти всякій разъ, когда

ея величество хотѣла побраниться, то начинала бранить не за то, за что бы можно, а выбирала какой нибудь совершенно неожиданный предлогъ, и напускалась. Это было замѣчено придворными, и именно Захаромъ Чернышевымъ, отъ котораго я сама слышала объ этомъ наблюденіи. Въ Ораніенбаумѣ весь нашъ дворъ, какъ мужчины, такъ и женщины, сговорились въ это лѣто носить одинаковое платье, сверху сѣраго цвѣта, остальное синее, и съ бархатнымъ чернымъ воротникомъ, безъ всякихъ украшеній. Такое однообразіе было для насъ во многихъ отношеніяхъ удобно. Къ этому-то платью придрались теперь; мнѣ же въ частности было поставлено въ вину, зачѣмъ я постоянно хожу въ верховомъ платьѣ, и зачѣмъ ѣздила въ Петергофъ по-мужски. Въ одинъ изъ куртаговъ императрица сказала Чоглоковой, что отъ такой ѣзды у меня нѣтъ дѣтей, и что нарядъ мой вовсе неприличенъ, что когда она ѣзжала на лошади, то мѣняла платье. Чоглокова отвѣчала, что относительно дѣтей тутъ нѣтъ вины, что дѣти не могутъ родиться безъ причины, и что хотя ихъ императорскія высочества уже съ 1745 г. живутъ вмѣстѣ, но причины до сихъ поръ не было. Тогда ея величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщеть съ нея, зачѣмъ она не позаботилась напоминать объ этомъ предметѣ обоимъ дѣйствующимъ лицамъ, и вообще императрица была очень гнѣвна, называла мужа Чоглоковой ночнымъ колпакомъ и говорила, что онъ позволяетъ собою распорядиться соплякамъ. Не прошло сутокъ, какъ все это было пересказано довѣреннымъ лицамъ; по поводу выраженія «сопляки», сопляки утерлись и держали между собою тайный совѣтъ, на которомъ было положено, чтобы точнѣйшимъ образомъ была исполнена воля ея величества, чтобы Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ притворились, будто получили строгій нагоняй отъ Чоглокова (тотъ, по всему вѣроятію, даже и не зналъ объ этомъ), и чтобы они оба, для прекращенія ходившихъ слуховъ, недѣли на три или на мѣсяць удалились къ своимъ родственникамъ, съ цѣлью будто бы навѣстить ихъ во время болѣзни. Такъ и было сдѣлано; и на другой же день Салтыковъ съ Нарышкинымъ отправились въ изгнаніе къ своимъ семьямъ, на цѣлый мѣсяць. Что касается до меня, я тотчасъ же перемѣнила нарядъ свой, тѣмъ болѣе, что онъ уже сдѣлался бесполезенъ. Мы придумали этотъ однообразный нарядъ по примѣру того, который носился въ Петергофѣ на куртагахъ: тотъ былъ сверху изъ бѣлой матеріи, остальное зеленаго цвѣта, и все окаймлено серебряными галунами. С. Салтыковъ, который былъ брюнетъ, говаривалъ, что въ этомъ бѣломъ съ серебромъ костюмѣ онъ похожъ на муху въ молокѣ. Впрочемъ я не переставала попрежнему ходить къ Чоглоковымъ, хотя это сдѣлалось мнѣ еще скучнѣе. Мужъ и жена горевали объ отсутствіи двухъ главныхъ героевъ изъ общества; я тоже, разумѣется, поддакивала имъ. Сергѣй Салтыковъ заболѣлъ,

что продолжило его отсутствіе. Въ это время императрица приказала намъ пріѣхать къ ней изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, куда она отправилась на открытіе канала, начатаго Петромъ I и тогда оконченнаго. Она пріѣхала въ Кронштадтъ раньше насъ. Въ слѣдующую ночь по ея прибытіи поднялась сильная буря, и императрица, пославши звать насъ, стала бояться, что буря застигнетъ насъ на морѣ. Всю ночь она очень беспокоилась о насъ, глядѣла въ окно на лодку, которая боролась съ волнами, и воображала, что это наша яхта. Въ тревогѣ своей она прибѣгла къ мощамъ, которыя всегда были съ нею въ спальнѣ, подносила ихъ къ окну и дѣлала ими движеніе въ сторону, противоположную той, гдѣ видна была обуреваемая моремъ лодка. Она нѣсколько разъ вскрикивала, говорила, что мы навѣрно потонемъ, и что это будетъ ея вина, потому что она недавно послала намъ выговоръ, зачѣмъ мы не скоро ѣдемъ, и что, вѣроятно, мы, желая сдѣлать ей угодное, поторопились и тотчасъ поѣхали, какъ готова была яхта. На самомъ дѣлѣ яхта пріѣхала въ Ораніенбаумъ уже послѣ бури, такъ что мы сѣли въ нее не раньше, какъ на другой день послѣ обѣда. Въ Кронштадтѣ мы оставались трое сутокъ и присутствовали при освященіи канала, которое совершенно было съ великимъ торжествомъ: въ первый разъ каналъ наполнился водою. Послѣ обѣда былъ большой балъ; императрица хотѣла остаться въ Кронштадтѣ, чтобы посмотреть, какъ будутъ спускать воду изъ канала, но спуска не было, и на третій день она уѣхала. Канала не могли спустить съ тѣхъ самыхъ поръ до моего царствованія, когда я приказала построить особаго рода мельницу, которая посредствомъ нагрѣванія выбираетъ воду изъ канала; иначе это было невозможно, потому что дно канала стоитъ ниже моря, чего въ то время не замѣчали.

Изъ Кронштадта мы разѣхались по домамъ: императрица въ Петергофѣ, мы въ Ораніенбаумѣ. Чоглоковъ попросился и получилъ позволеніе съѣздить на мѣсяцъ въ одну изъ деревень своихъ. Когда онъ уѣхалъ, супруга его начала очень хлопотать, чтобы буквально исполнить приказаніе императрицы. Прежде всего она вступила въ продолжительные переговоры съ камердинеромъ великаго князя Брессаномъ. Сей послѣдній отыскалъ въ Ораніенбаумѣ хорошенькую вдову одного живописца, по фамиліи мадамъ Гротъ; ее въ нѣсколько дней уговорили, обѣщали ей что-то, потомъ объяснили, чего именно отъ нея требуется, и какъ она должна дѣйствовать. Потомъ Брессану было поручено познакомить его императорское высочество съ этою молодою и хорошенькою вдовушкою. Я замѣчала, что Чоглокова чѣмъ-то очень занята, но не могла догадаться причины, пока наконецъ Салтыковъ возвратился изъ своего произвольнаго изгнанія и мало-по-малу объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Наконецъ послѣ многихъ трудовъ Чоглокова до-

стигла своей цѣли, и, увѣрившись, доложила императрицѣ, что все идетъ согласно ея волѣ. Она ждала большой награды за труды свои, но обманулась на этотъ счетъ, потому что ей ничего не дали. Тѣмъ не менѣе она говорила, что оказала услугу имперіи. Непосредственно за тѣмъ мы возвратились въ городъ.

Въ это время я убѣдила великаго князя прервать переговоры съ Даніею. Я напоминала ему совѣты графа Берниса (который въ то время уже уѣхалъ въ Вѣну); онъ послушался и приказалъ прекратить негоціацію безъ всякаго рѣшенія, что и было исполнено. Поживши недолго въ Лѣтнемъ дворцѣ, мы переселились въ Зимній. Мнѣ казалось, что С. Салтыковъ сталъ не такъ предупредителенъ, какъ прежде, сдѣлался разсѣянъ, иногда совѣмъ пустъ, взыскателенъ и легковѣренъ. Это меня сердило, и я сказала ему о томъ. Его оправданія были не очень сильны; онъ увѣрялъ, что я не постигаю всей ловкости его поведенія; онъ былъ въ этомъ правъ, потому что дѣйствительно я находила его поведеніе довольно страннымъ. Намъ велѣно было готовиться къ поѣздкѣ въ Москву, чѣмъ мы и занялись. Мы выѣхали изъ Петербурга 14 декабря 1752 г. Сергѣй Салтыковъ остался и пріѣхалъ въ Москву вѣскольکو недѣль послѣ насъ. Я выѣхала въ дорогу съ легкими признаками беременности. Мы ѣхали очень скоро день и ночь. На послѣдней станціи передъ Москвою признаки беременности прошли съ сильною рѣзью въ животѣ. По пріѣздѣ въ Москву, судя по тому, какой оборотъ принимали обстоятельства, я не сомнѣвалась, что легко могу выкинуть. Чоглокова оставалась въ Петербургѣ родить послѣдняго седьмого ребенка своего. Разрѣшившись дочерью, она пріѣхала къ намъ въ Москву.

Насъ помѣстили въ деревянномъ флигелѣ, только что выстроенномъ прошедшею осенью: вода текла по стѣнамъ, и всѣ комнаты были чрезвычайно сыры. Въ этомъ флигелѣ было два ряда большихъ комнатъ, по 5 или по 6 въ каждомъ ряду; выходившія на улицу занимала я, а противоположныя—великій князь. Въ той комнатѣ, которая должна была служить мнѣ уборною, помѣстили моихъ дѣвушекъ и камерфрау съ ихъ служанками. Такимъ образомъ 17 человекъ должны были жить въ одной комнатѣ, въ которой, правда, было три большихъ окна, но изъ которой не было другого выхода, какъ чрезъ мою спальню, и женщины за всякою нуждою проходили мимо меня, что вовсе не было удобно ни для нихъ, ни для меня. Я никогда не видала такого нелѣпаго расположенія комнатъ; но мы обязаны были терпѣть эти неудобства. Вдобавокъ онѣ обѣдали въ одной изъ моихъ переднихъ комнатъ. Я пріѣхала въ Москву больная, и, чтобы какъ нибудь устроиться лучше, велѣла достать большія ширмы и раздѣлила спальню свою натрое; но отъ этого почти не было никакой пользы, потому что двери безпрерывно растворялись и затворялись, а этого избѣжать

было не возможно. Наконецъ, на десятый день меня навѣстила императрица. Замѣтивъ безпрестанную бѣготню, она вышла въ другую комнату и сказала моимъ женщинамъ: я прикажу сдѣлать другой выходъ, чтобы вы перестали таскаться черезъ спальню великой княгини. Но что же она сдѣлала? Приказала прорубить наружную стѣну, и такимъ образомъ уничтожила одно изъ оконъ этой комнаты, гдѣ и безъ того 17 человекъ съ трудомъ помѣщались. Въ комнатѣ устроился коридоръ, окно, выходящее на улицу, обратилось въ дверь, къ которой придѣлали лѣстницу, и женщины мои должны были ходить улицею. Подъ ихъ окнами устроили для нихъ отхожія мѣста; обѣдать онѣ опять должны были идти улицею. Однимъ словомъ распоряженіе это было никуда не годно, такъ что я не понимаю, какъ эти 17 женщинъ, изъ которыхъ инныя были нездоровы, могли жить въ такой тѣснотѣ и не занемогли гнлою горячкою, и все это возлѣ самой моей спальни. Ко мнѣ набиралось оттуда столько всякаго рода насѣкомыхъ, что я бывало не могла уснуть отъ нихъ. Наконецъ, Чоглокова оправилась отъ родовъ и пріѣхала въ Москву. Черезъ нѣсколько дней послѣ нея явился и С. Салтыковъ. Вслѣдствіе огромности Москвы всѣ жили въ ней какъ-то вразброску, далеко другъ отъ друга, и Салтыковъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы оправдать имъ свое притворное или дѣйствительное отчужденіе отъ двора. Сказать правду, меня очень огорчало, что онъ рѣдко пріѣзжалъ къ намъ; но онъ умѣлъ представлять такіе основательные и разумные доводы, что, повидавшись и поговоривши съ нимъ, я переставала тревожиться. Съ цѣлью уменьшить число враговъ его, мы уговорились, чтобы я сказала нѣсколько любезностей графу Бестужеву и тѣмъ увѣрила его, что я не такъ чуждаюсь его, какъ прежде. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ я выбрала нѣкоего Бремае, служившаго у Пехлина въ Голштинской канцеляріи. Когда онъ не бывалъ при дворѣ, то часто ходилъ въ домъ къ великому канцлеру. Онъ съ большою готовностью взялся за мое порученіе и увѣдомилъ меня, что графъ Бестужевъ обрадовался всѣмъ сердцемъ и сказалъ, что готовъ быть мнѣ полезенъ, и что я могу располагать имъ всякій разъ, какъ то будетъ нужно мнѣ. Онъ просилъ, чтобы я назначила, какимъ путемъ мы можемъ безопасно сообщать другъ другу то, что найдемъ нужнымъ. Я поняла намекъ его и отвѣчала Бремае, что подумаю. Когда я пересказала о томъ С. Салтыкову, тотчасъ рѣшено было, что онъ отправится къ канцлеру, какъ будто сдѣлать ему визитъ по случаю недавняго пріѣзда своего въ Москву. Старикъ принялъ его чудесно, отвелъ въ сторону, говорилъ о жизни нашего двора, о глупости Чоглоковыхъ и между прочимъ сказалъ: «Хотя вы очень съ ними близки, но я знаю, что вы одного со мною мнѣнія объ нихъ, потому что вы—умный молодой человекъ». Потомъ онъ говорилъ обо мнѣ и о моемъ положеніи, какъ будто

жилъ у меня въ комнатѣ, и затѣмъ сказалъ: «Въ благодарность за доброе расположеніе, которое великая княгиня изволила мнѣ оказывать, я хочу сдѣлать ей небольшую услугу, и думаю, что она останется довольна. Владиславова сдѣлается кротка, какъ агнецъ, и будетъ готова на всѣ услуги; пусть великая княгиня увидитъ, что я вовсе не такой звѣрь, какимъ меня представляли ей». С. Салтыковъ возвратился въ восторгѣ отъ графа Бестужева и отъ своей поѣздки къ нему. Бестужевъ далъ и ему нѣсколько совѣтовъ, столько же благоразумныхъ, какъ полезныхъ. Все это, совершенно безъ вѣдома постороннихъ лицъ, сблизило насъ съ нимъ. Между тѣмъ Чоглокова, попрежнему занятая своими попеченіями о престолонаслѣдіи, однажды отвела меня въ сторону и сказала: «Послушайте, я должна поговорить съ вами откровенно». Я, разумѣется, стала слушать во всѣ уши. Сначала, по обыкновенію, она долго разсуждала о своей привязанности къ мужу, о своемъ благоразуміи, о томъ, что нужно и что не нужно для взаимной любви и для облегченія супружескихъ узъ; затѣмъ стала дѣлать уступки и сказала, что иногда бываютъ положенія, въ которыхъ интересы высшей важности обязываютъ къ исключеніямъ изъ правила. Я слушала и не прерывала ея, не понимая, къ чему все это ведетъ. Я была нѣсколько удивлена ея рѣчью и не знала, искренно ли говоритъ она, или только ставитъ мнѣ ловушку. Между тѣмъ, какъ я мысленно колебалась, она сказала мнѣ: «вы увидите, какъ я чистосердечна, и люблю ли я мое отечество; не можетъ быть, чтобы кое-кто вамъ не нравился; предоставляю вамъ на выборъ С. Салтыкова и Льва Нарыцкіна; если не ошибаюсь, вы отдадите преимущество послѣднему». — «Нѣтъ, вовсе нѣтъ!» — закричала я. — «Ну, если не онъ, — сказала она, — такъ, навѣрное С. Салтыковъ». На это я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: «вы увидите, что отъ меня вамъ не будетъ помѣхи». Я притворилась невинною, и она нѣсколько разъ бранила меня за это какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, куда мы отправились послѣ Святой.

Въ то время или около того императрица подарила великому князю село Люберцы и нѣсколько другихъ деревень верстахъ въ 14 или 15 отъ Москвы. Но прежде чѣмъ мы поѣхали въ эти новыя владѣнія его императорскаго высочества, императрица отпраздновала въ Москвѣ годовщину своего коронованія. Это было 25 апрѣля. Намъ объявили, что она приказала, чтобы перемональ торжества былъ точно такой же, какому слѣдовали въ самый день коронованія. Намъ было очень любопытно посмотреть на все это. Наканунѣ императрица переѣхала въ Кремль и тамъ ночевала. Мы оставались въ Слободскомъ деревянномъ дворцѣ и получили приказаніе пріѣхать къ обѣднѣ въ соборъ. Въ 9 часовъ утра, въ парадныхъ экипажахъ мы двинулись изъ нашего дворца; впереди шли лакеи; до Кремля было 7 верстъ; шагомъ мы проѣхали всю Москву

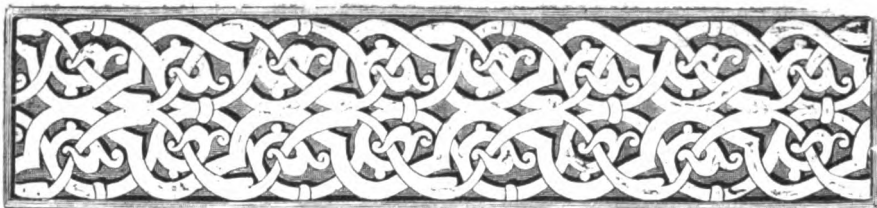
и вышли изъ экипажей у самой церкви. Черезъ нѣсколько минутъ явилась съ свитою своею императрица; на головѣ у нея была малая корона, и камергеры по обычаю поддерживали сзади императорскую мантию. Она стала на обычное мѣсто свое въ церкви. Во всемъ этомъ еще не было ничего чрезвычайнаго; такъ точно отправлялись и всѣ другія празднества въ ея царствованіе. Въ жизнь мою я не чувствовала такой холодной сырости, какъ въ этотъ день въ церкви; я вся продрогла и посинѣла отъ холода, стоя съ открытою шею, въ придворномъ костюмѣ. Императрица прислала сказать мнѣ, чтобы я надѣла соболью пелеринку, но ея со мною не было. Она велѣла принести свои пелерины, взяла одну и надѣла; я видѣла, что въ коробкѣ лежала еще другая, и думала, что она пришлетъ мнѣ ее, но ничуть не бывало; она велѣла отнести коробку назадъ. Я сочла это довольно яснымъ знакомъ неблаговоленія. Чоглокова, видя, какъ я дрожу, достала какой-то шелковый платокъ, которымъ я повязала себѣ шею. По окончаніи обѣдни и проповѣди, императрица пошла изъ церкви; мы было хотѣли по обычаю слѣдовать за ней; но она приказала сказать, что мы можемъ возвратиться домой. Тутъ мы узнали, что она будетъ обѣдать одна на тронѣ, чѣмъ и будетъ соблюденъ прежній церемоніаль ея коронованія, потому что тогда она обѣдала одна. Не удостоенные чести быть на этомъ обѣдѣ, мы двинулись назадъ съ тою же церемоніею, какъ и пріѣхали, т.-е. въ предшествіи дворцовой прислуги, и такимъ образомъ взадъ и впередъ сдѣлали по Москвѣ 14 верстъ, и возвратились, продрогнувъ и страшно проголодавшись. Если за обѣднею императрица казалась намъ въ дурномъ расположеніи духа, то мы еще болѣе убѣдились, что она сердита, увидавъ съ ея стороны столь неприятный для насъ знакъ пренебреженія (чтобъ не сказать болѣе). Въ другіе праздники, когда она обѣдала на тронѣ, мы имѣли честь сидѣть съ нею за однимъ столомъ; на этотъ разъ она публично отлучила насъ отъ себя. Дорогою, сидя вдвоемъ въ коляскѣ съ великимъ княземъ, я говорила ему о томъ. Онъ сказалъ, что будетъ жаловаться на это. Воротившись домой, истомленная и ооченѣлая отъ холода, я жаловалась Чоглоковой на простуду, и на другой день сказала больною и не пошла на балъ, бывший въ деревянномъ дворцѣ. Великій князь дѣйствительно что-то говорилъ по этому поводу съ Шуваловымъ; они дали какой-то вовсе неудовлетворительный отвѣтъ, и больше о томъ не было рѣчи.

Около этого времени мы узнали, что Захаръ Чернышевъ и полковникъ Николай Леонтьевъ поссорились за игрою въ домѣ Рсмана Воронцова, что они дрались на шпагахъ, и что Захаръ Чернышевъ получилъ тяжелую рану въ голову. Рана была такъ опасна, что онъ не въ состояніи былъ переѣхать отъ Воронцова къ себѣ домой и оставался тамъ. Говорили, что ему будутъ сверлить черепъ. Это меня чрезвычайно огорчало, потому что я очень любила За-

хара Чернышева. Леонтьевъ, по приказанію императрицы, былъ арестованъ. Въ городѣ только и толковали объ этомъ поединкѣ, потому что у обоихъ непріятелей было огромное родство. Леонтьевъ женатъ былъ на дочери графини Румянцевой и находился въ близкомъ родствѣ съ Паниными и Куракиными. Чернышевъ также имѣлъ родственниковъ, друзей и покровителей, и поединокъ произошелъ въ домѣ у графа Романа Воронцова, гдѣ и остался раненый. Наконецъ ему стало легче, толки умолкли, и тѣмъ все кончилось.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

В НОВѢЙШЕЕ время вопросъ о томъ, какъ въ дѣйствительности происходили событія, повлекшія за собою трагическую кончину императора Павла, послужилъ темой для двухъ выдающихся сочиненій: въ 1866 г. была издана Дункеромъ и Гумблотомъ часть мемуаровъ барона Гейкинга подъ заглавіемъ «Изъ жизни императора Павла», а въ 1897 г. появилось у Котты, повидимому, при участіи извѣстнаго дерптскаго историка, Брикнера, обширное критическое изслѣдованіе этихъ событій: «Императоръ Павелъ I, конецъ 1801 г. Р. Р.».

Оба эти труда значительно дополнили наши свѣдѣнія по данному предмету; однако и они, какъ и предыдущія сочиненія, не привели ни къ какимъ заключительнымъ выводамъ, потому что имъ недоставало одного изъ важнѣйшихъ источниковъ, свѣдѣтельства генерала Беннигсена, которое было недоступно. Правда, извѣстное сочиненіе Теодора Бернгарди въ историческомъ повременномъ изданіи

Зибеля точно такъ же, какъ и его изложеніе этихъ событій во второмъ томѣ «Исторіи Россіи», пользуются такъ называемыми Беннигсеновскими мемуарами, но при участіи другихъ матеріаловъ, при чемъ трудно разобрать, гдѣ говоритъ Беннигсенъ, и гдѣ комбинируетъ самъ Бернгарди. Къ вѣрному же историческому сужденію мы можемъ прійти лишь тогда, когда передъ нами будетъ оригинальный текстъ разсказа, оставленнаго свидѣтелями умерщвленія царя.

Вотъ та точка зрѣнія, которая побуждаетъ меня обнародовать текстъ письма, въ которомъ Беннигсенъ излагаетъ одному другу весь ходъ событій. Копія съ этого письма сохранилась въ ганноверской вѣтви семьи генерала, и ее сообщилъ мнѣ Рудольфъ Беннигсенъ. Подъ текстомъ копии находится помѣтка:

Für die Abschrift
Th. Barkhausen
geb. von Müller v. g. von Reden.

Сюда же приложено объясненіе, что Беннигсеновскіе мемуары тотчасъ же послѣ смерти генерала, 1 октября 1826 г., были взяты г. Струва

у вдовы Беннигсена, урожденной Анджейковской. Она выдала рукопись потому, что императоръ Николай I обѣщаль ей за это пенсію въ 12.000 тал. Но вдова получила всего на всего 4.000 рублей и къ тому же должна была дать обѣщаніе не оставлять у себя копи. Обѣщаніе это было дано, но одна изъ дочерей Беннигсена, Софія фонъ-Ленте, поручила дочери своей Метѣ снять копію съ интереснѣйшей части мемуаровъ. Документъ долго сохранялся втайнѣ, до тѣхъ поръ пока другая внучка Беннигсена, Теодора фонъ-Баркгаузенъ, не сняла копи съ текста, который мы и приводимъ здѣсь.

Документъ носить заглавіе «La mort de l'empereur Paul I. Extrait des mémoires du général comte de Bennigsen» и до сихъ поръ нигдѣ не былъ обнаруженъ. Уже этихъ краткихъ данныхъ достаточно, чтобы опровергнуть неправдоподобный рассказъ, напечатанный въ 1875 г. Идой Штеттебургъ-Барфельде, подъ заглавіемъ «Кто былъ воръ», въ журналѣ «Ueber Land und Meer», и перепечатанный затѣмъ «Русской Стариной»¹⁾. Вѣрность данныхъ, заключающихся въ нашей рукописи относительно исторіи мемуаровъ, недавно была подтверждена появленіемъ записокъ въ формѣ дневника извѣстнаго русскаго генерала и военнаго писателя Михайловскаго-Данилевскаго («Русская Старина», 1893 г., III), который въ 1829 г. рассказываетъ слѣдующее: «Я обѣдалъ у генерала Анджейковича, сестра котораго была замужемъ за генераломъ Беннигсеномъ, и вотъ что узналъ о судьбѣ этого генерала. Послѣ его смерти книготорговцы предлагали вдовѣ за мемуары 60.000 талеровъ, но она не хотѣла продать ихъ, не спросивъ предварительнаго разрѣшенія у нашего правительства, и съ этою цѣлью обратилась къ нашему посланнику въ Ганноверѣ (вышеупомянутому Струве). Вскорѣ послѣ этого графиня Беннигсенъ получила отъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ письмо съ просьбой выслать рукопись ея мужа въ Петербургъ, при чемъ онъ обѣщаль скорѣ вернуть ее. Она исполнила это требованіе, но вотъ прошло уже четыре года, ей не возвращають рукописи, лишаютъ ее значительной суммы, обѣщанной ей книгопродавцами, а ученый міръ — одного изъ интереснѣйшихъ источниковъ. 16 сентября 1818 г., встрѣтившись въ Аахенѣ съ графомъ Беннигсеномъ, я разговорился съ знаменитымъ человѣкомъ, и онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, съ свойственной ему откровенностью: «Мои «Mémoires de mon temps» обнимають 7 томовъ и начинаются съ 1763 г. Я думаю, что битва при Пултускѣ — мой шедевръ, ибо я маневрировалъ въ присутствіи Наполеона, точно на парадѣ» и такъ далѣе.

Мы имѣемъ какъ разъ ту часть мемуаровъ, которая трактуеть о кампаніи 1807 г. Она была обнаружена въ русскомъ переводѣ, въ 1896—1897 г., Майковымъ, но страннымъ образомъ не обратила на себя никакого вниманія въ Германіи, хотя имѣетъ большую важность для прусской исторіи. Для нашихъ же цѣлей интересно, что изданіе Майкова упоминаетъ о рукописи на французскомъ языкѣ, сохранившейся въ семействѣ фонъ-Фокъ. Александръ Борисовичъ фонъ-Фокъ, съ 1799 г. генераль-майоръ, былъ ближайшимъ другомъ Беннигсена. Беннигсенъ послалъ ему не только эту исторію кампаніи 1807 г., но и рассказъ о ходѣ событій при умерщвленіи Павла, имѣющій форму письма, адресованнаго фонъ-Фоку, и даже въ скоромъ времени послѣ того, какъ случилось это событіе. Очевидно, что это самое письмо Беннигсенъ буквально включилъ въ свои мемуары, такъ что текстъ, воспроизводимый нами, можетъ имѣть притязаніе быть почти одновременнымъ. Въ сообщаемомъ документѣ опускается только введеніе къ рассказу Беннигсена, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ пристрастное по содержанию описаніе сумасбродствъ Павла и не сообщаетъ ничего новаго.

Т. Шимантъ.

¹⁾ 1876 г., томъ XVI, стр. 387—394.

Извлеченіе изъ мемуаровъ графа Беннигсена.

Вы сами видите, генераль, что такое положеніе дѣлъ, такое замѣшательство во всѣхъ отрасляхъ правленія, такое всеобщее недовольство, охватившее не только населеніе Петербурга, Москвы и другихъ большихъ городовъ имперіи, но и всю націю, не могло продолжаться, и что надо было рано или поздно предвидѣть паденіе имперіи!

Основательныя опасенія вызвали наконецъ всеобщее желаніе, чтобы переменна царствованія предупредила несчастія, угрожавшія имперіи. Лица, извѣстныя въ публикѣ своимъ умомъ и преданностью отечеству, составили съ этою цѣлью планъ. Его приписывали графу Панину, занимавшему постъ вице-канцлера имперіи, и генералу де-Рибасу, изъ адмиралтейской коллегіи. На кого имъ было лучше направить свои взоры, какъ не на законнаго наслѣдника престола, на великаго князя, воспитаннаго своею бабкой, безсмертной Екатериной II, которой Россія обязана осуществленіемъ обширныхъ замысловъ Петра I и въ особенности своимъ значеніемъ за границей,—словомъ, на этого великаго князя, котораго народъ любилъ за прекрасныя качества, обнаруженныя имъ еще въ юности, и на котораго онъ смотрѣлъ теперь, какъ на избавителя,—единственно кто могъ удержать Россію на краю пропасти, куда она неминуемо должна свергнуться, если продолжится царствованіе Павла.

Вслѣдствіе этого графъ Панинъ обратился къ великому князю. Онъ представилъ ему тѣ несчастія, какія неминуемо должны явиться результатомъ этого царствованія, если оно продлится; только на него одного нація можетъ возлагать довѣріе, только онъ одинъ способенъ предупредить роковыя послѣдствія, при чемъ Панинъ обѣщаль ему арестовать императора и предложить ему, великому князю, отъ имени націи бразды правленія. Графъ Панинъ и генераль де-Рибасъ были первыми, составившими планъ этого переворота. Послѣдній такъ и умеръ, не дождавшись осуществленія этого замысла, но первый не терялъ надежды спасти государство. Онъ общилъ свои мысли военному губернатору, графу Палену. Они еще разъ говорили объ этомъ великому князю Александру и убѣждали его согласиться на переворотъ, ибо революція, вызванная всеобщимъ недовольствомъ, должна вспыхнуть не сегодня—завтра, и уже тогда трудно будетъ предвидѣть ея послѣдствія. Сперва Александръ отвергъ эти предложенія, противныя чувствамъ его сердца. Наконецъ, поддавшись убѣжденіямъ, онъ обѣщаль обратитъ на нихъ свое вниманіе и обсудитъ это дѣло столь огромной важности, такъ близко затрогивающее его сыновнія обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаемое на него долгомъ по отношенію къ его народу. Тѣмъ временемъ графъ Панинъ, попавъ въ опалу, лишился мѣста вице-канцлера, и Павелъ сослалъ его въ его подмосковное имѣніе,

гдѣ онъ, однако, не оставался празднымъ. Онъ сообщалъ графу Палену все, что могъ узнать о мѣнiяхъ и недовольствѣ столицы, на которую можно было смотрѣть, какъ на органъ всей націи. Онъ совѣтовалъ спѣшить, чтобы предупредить опасныя слѣдствія отчаянія и нетерпѣнія, съ какимъ общество жаждало избавиться отъ этого желѣзнаго гнета, становящагося тѣмъ болѣе тягостнымъ, что находилось немало личностей, достаточно гнусныхъ и корыстныхъ, чтобы исполнять втайнѣ роль шпионовъ въ городахъ, гдѣ они втирались въ общество, подслушивали, что тамъ говорится, и часто одного доноса этихъ людей было достаточно, чтобы сдѣлать несчастными множество лицъ и цѣлыя семейства. Нельзя безъ чувства презрѣнія вспомнить, что въ числѣ этихъ низкихъ рабовъ, занимавшихся ремесломъ шпионовъ въ городахъ имперіи, встрѣчались люди всѣхъ слоевъ общества, даже принадлежащіе къ извѣстнымъ, уважаемымъ семьямъ.

Павелъ былъ суевѣренъ. Онъ охотно вѣрилъ въ предзнаменованія. Ему, между прочимъ, предсказали, что если онъ первые четыре года своего царствованія проведетъ счастливо, то ему больше нечего будетъ опасаться, и остальная жизнь его будетъ увѣнчана славой и счастьемъ. Онъ такъ твердо повѣрилъ этому предсказанію, что по прошествіи этого срока издалъ указъ, въ которомъ благодарилъ своихъ добрыхъ подданныхъ за проявленную ими вѣрность, и, чтобы доказать свою благодарность, объявилъ помилованіе всѣхъ, кто былъ сосланъ имъ, или смѣщенъ съ должности, или удаленъ въ помѣстья, приглашая ихъ всѣхъ вернуться въ Петербургъ для поступленія вновь на службу. Можно себѣ представить, какая явилась толпа этихъ несчастныхъ. Первые были всѣ приняты на службу безъ разбора, но вскорѣ число ихъ возросло до такой степени, что Павелъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Пришлось отослать назадъ всѣхъ остальныхъ, что подало поводъ къ новымъ недовольствамъ въ странѣ, когда увидали возвращеніе большинства этихъ несчастныхъ въ Петербургъ изъ внутреннихъ областей имперіи, большею частью пѣшкомъ, и оставшихся безъ всякихъ средствъ къ жизни. До сихъ поръ множество людей, можно сказать, большая часть націи выносили этотъ желѣзный гнетъ съ терпѣніемъ и твердостью въ надеждѣ на будущее болѣе свѣтлое и счастливое, ибо каждый это предвидѣлъ и сознавалъ въ глубинѣ души, что такое несчастное положеніе не можетъ продлиться долго, какъ вдругъ одна жестокая выходка Павла довершила рядъ его несправедливостей и сумасбродствъ.

Двое молодыхъ людей, одинъ военный, другой штатскій, оба изъ хорошихъ фамилій, поссорились между собой и дрались на дуэли изъ-за одной молодой дамы, пользовавшейся благосклонностью императора. Штатскій былъ сильно раненъ въ руку. Въ этомъ состояніи его отвезли къ матери, у которой онъ былъ единствен-

нымъ сыномъ. Можно себѣ представить ея горе. Павелъ ревновалъ къ этому молодому человѣку. Узнавъ о случившемся, онъ не могъ удержать своей радости и выразилъ ее въ одобрительныхъ восклицаніяхъ по адресу молодого офицера, котораго онъ обласкалъ при первомъ же свиданіи. Но скоро снова пробудился его гнѣвъ противъ другого. Онъ приказалъ немедленно арестовать его и отвести въ крѣпость. Полиція явилась къ раненому въ тотъ моментъ, когда врачи наложили первую перевязку, предписавъ больному лежать въ постели въ спокойномъ состояніи, чтобы избѣжать кровоизліянія, которое могло оказаться смертельнымъ, такъ какъ онъ былъ очень истощенъ.

Легко себѣ представить состояніе матери. Никакія слезы, никакіе доводы насчетъ опасности, какой подвергнется ея сынъ, если его будутъ перевозить въ такомъ положеніи, не оказали ни малѣйшаго дѣйствія. Полицейскіе чины, не смѣя медлить съ исполненіемъ приказаній, отданныхъ самимъ императоромъ, перевезли больного, какъ есть, вмѣстѣ съ постелью и со всякими предосторожностями прямо въ крѣпость. Когда доложили императору объ арестѣ молодого человѣка и о томъ, въ какомъ состояніи онъ былъ доставленъ въ крѣпость, онъ спросилъ: «А мать что сказала?». На отвѣтъ, что она плачетъ, и что ея положеніе внушаетъ жалость, онъ приказалъ немедленно выслать ее изъ города; полиція поспѣшила это исполнить, и еще до наступленія ночи почтенная и несчастная женщина была выпровожена за заставу, гдѣ она, однако, пробыла спрятанной нѣсколько дней въ одномъ домѣ, чтобы быть поближе отъ раненаго сына; затѣмъ только она уѣхала къ роднымъ, жившимъ вдали отъ столицы. Къ этому варварскому поступку прибавились и другіе столь же безчеловѣчныя, и меня завлекло бы это слишкомъ далеко, если бъ я сталъ ихъ всѣ перечислять. Я обязанъ, однако, упомянуть о поступкахъ, которые онъ продѣлывалъ въ собственной семьѣ, и которые были не лучше, потому что касались лицъ, наиболѣе ему близкихъ и наиболѣе любимыхъ народомъ.

Убѣжденный, что нельзя терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастныя послѣдствія общей революціи, графъ Паленъ опять явился къ великому князю Александру, прося у него разрѣшенія выполнить задуманный планъ, уже не терпящій отлагательства. Онъ прибавилъ, что послѣднія выходы императора привели въ величайшее волненіе все населеніе Петербурга различныхъ слоевъ, и что можно опасаться самаго худшаго.

Наконецъ принято было рѣшеніе овладѣть особой императора и увезти его въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы находиться подъ надлежащимъ надзоромъ, и гдѣ бы онъ былъ лишенъ возможности дѣлать зло. Вы сейчасъ увидите, генераль, что эта мѣра, сдѣлавшаяся неизбѣжной, обернулась совершенно неожиданнымъ образомъ, какого никто не могъ и предвидѣть.

11 (23) марта 1801 г., утромъ, я встрѣтилъ князя Зубова въ саяхъ ѣдущимъ по Невскому проспекту. Онъ остановилъ меня и сказалъ, что ему нужно переговорить со мной; для этого онъ желаетъ поѣхать ко мнѣ на домъ. Но, подумавъ, онъ прибавилъ, что лучше, чтобы насъ не видѣли вмѣстѣ, и пригласилъ меня къ себѣ ужинать. Я согласился, еще не подозрѣвая, о чемъ можетъ быть рѣчь, тѣмъ болѣе, что я собирался на другой день выѣхать изъ Петербурга въ свое имѣніе въ Литвѣ. Вотъ почему я передъ обѣдомъ отправился къ графу Палену просить у него, какъ у военнаго губернатора, необходимаго мнѣ паспорта на выѣздъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да отложите свой отъѣздъ, мы еще послужимъ вмѣстѣ», и добавилъ: «князь Зубовъ вамъ скажетъ остальное». Я замѣтилъ, что все время онъ былъ очень смущенъ и взволнованъ. Такъ какъ мы были связаны дружбой издавна, то я впоследствии очень удивлялся, что онъ не сказалъ мнѣ о томъ, что должно было случиться; хотя всѣ со дня на день ожидали переменъ царствованія, но признаюсь, я не думалъ, что время уже настало. Отъ Палена я отправился къ генераль-прокурору Обольянинову, чтобы проститься, а оттуда часовъ въ десять пріѣхалъ къ Зубову. Я засталъ у него только его брата, графа Николая, и трехъ лицъ, посвященныхъ въ тайну,—одно было изъ сената, и ему предназначалось доставить туда приказъ собраться, лишь только арестуютъ императора. Графъ Паленъ позаботился велѣть заготовить необходимые приказы, начинавшіеся словами: «По высочайшему повелѣнію», и предназначенные для арестованія нѣсколькихъ лицъ въ первый же моментъ.

Князь Зубовъ сообщилъ мнѣ условленный планъ, сказавъ, что въ полночь совершится переворотъ. Моимъ первымъ вопросомъ было: кто стоитъ во главѣ заговора? Когда мнѣ назвали это лицо, тогда я не колеблясь примкнулъ къ заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти націю отъ пропасти, которой она не могла миновать въ царствованіе Павла. До какой степени эту истину всѣ сознавали, видно изъ того, что, несмотря на множество лицъ, посвященныхъ въ тайну еще наканунѣ, никто, однако, ея не выдалъ.

Немного позже полуночи я сѣлъ въ сани съ княземъ Зубовымъ, чтобы ѣхать къ графу Палену. У дверей стоялъ полицейскій офицеръ, который объявилъ намъ, что графъ у генерала Талызина и тамъ ждетъ насъ. Мы застали комнату полной офицеровъ; они ужинали у генерала, при чемъ большинство находились въ подпитіи,—всѣ были посвящены въ тайну. Говорили о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять, а между тѣмъ слуги безпрестанно входили и выходили изъ комнаты. Ктонибудь изъ нихъ, руководимый желаніемъ составить себѣ блестящую карьеру, легко могъ бы незаметно проскользнуть вонъ изъ дома, броситься въ Михайловскій дворецъ и тамъ предупредить о заговорѣ. Послѣ узнали, что на-

канувѣ множество лицъ въ городѣ знали о готовящемся ночью событіи, и все-таки никто не выдалъ тайны: это доказываетъ, до какой степени всѣмъ опротивѣло это царствованіе, и какъ всѣ желали его конца.

Условились, что генераль Талызинъ соберетъ свой гвардейскій батальонъ во дворѣ одного дома, неподалеку отъ Лѣтняго сада; а генераль Десперадовичъ—свой, также гвардейскій, батальонъ на Невскомъ проспектѣ, вблизи Гостинаго двора. Во главѣ этой колонны будутъ находиться военный губернаторъ и генераль Уваровъ, а во главѣ первой—князь Зубовъ, его два брата, Николай и Валеріанъ, и я; насъ должны были сопровождать нѣсколько офицеровъ, какъ гвардейскихъ, такъ и другихъ полковъ, стоявшихъ въ Петербургѣ,—офицеровъ, на которыхъ можно положиться. Графъ Паленъ съ своей колонной долженъ былъ занять главную лѣстницу замка, тогда какъ мы съ остальными должны были пройти по потайнымъ лѣстницамъ, чтобы арестовать императора въ его спальнѣ.

Проводникомъ нашей колонны былъ полковой адъютантъ императора, Аргаматовъ, знавшій всѣ потайные ходы и комнаты, по которымъ мы должны были пройти, такъ какъ ему ежедневно по нѣскольку разъ случалось ходить по нимъ, принося рапорты и принимая приказанія своего повелителя. Этотъ офицеръ повелъ насъ сперва въ Лѣтній садъ, потомъ по мостику и въ дверь, сообщавшуюся съ этимъ садомъ, далѣе по лѣсенкѣ, которая привела насъ въ маленькую кухоньку, смежную съ прихожей передъ спальней Павла. Тамъ мы застали камеръ-гусара, который спалъ крѣпчайшимъ сномъ, сидя и прислонившись головой къ печкѣ. Изъ всей толпы офицеровъ, сначала окружавшихъ насъ, оставалось теперь всего человекъ четыре; да и тѣ, вмѣсто того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; одинъ изъ офицеровъ ударилъ его тростью по головѣ, и тотъ поднялъ крикъ. Пораженные, всѣ остановились, предвидя моментъ, когда общая тревога разнесется по всѣмъ комнатамъ. Я поспѣшилъ войти вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ въ спальню, гдѣ мы дѣйствительно застали императора уже разбуженнымъ этимъ крикомъ и стоящимъ воелъ кровати, передъ ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: «Вы арестованы, ваше величество!». Онъ поглядѣлъ на меня, не произнеся ни слова, потомъ обернулся къ князю Зубову и сказалъ ему: «Что вы дѣлаете, Платонъ Александровичъ?». Въ эту минуту вошелъ въ комнату офицеръ нашей свиты и шепнулъ Зубову на ухо, что его присутствіе необходимо внизу, гдѣ опасались гвардіи; что одинъ поручикъ не былъ извѣщенъ о перемѣнѣ, которая должна совершиться. Несомнѣнно, что императоръ никогда не оказывалъ несправедливости солдату и привязалъ его къ себѣ, приказывая при каждомъ случаѣ щедро раздавать мясо и водку въ петербургскомъ гарнизонѣ. Тѣмъ болѣе должны были бояться этой гвардіи, что графъ Паленъ еще не при-

былъ со своей свитой и батальономъ для занятія главной лѣстницы замка, отрѣзавшей всякое сообщеніе между гвардіей и покоюми императора.

Князь Зубовъ вышелъ, и я съ минуту оставался съ глазу на глазъ съ императоромъ, который только глядѣлъ на меня, не говоря ни слова. Мало-по-малу стали входить офицеры изъ тѣхъ, что слѣдовали за нами. Первыми были подполковникъ Яшвилъ, братъ артиллерійскаго генерала Яшвиля, майоръ Татариновъ и еще нѣсколько другихъ. Я сказалъ имъ: «Останьтесь, господа, при особѣ императора; онъ арестованъ, и не давайте ему выйти изъ комнаты». Я долженъ здѣсь прибавить, что, такъ какъ за послѣднее время было сослано и удалено со службы огромное количество офицеровъ всѣхъ чиновъ, то я уже не зналъ почти никого изъ тѣхъ, кого теперь видѣлъ передъ собой, и они тоже знали меня только по фамиліи. Тогда я вышелъ, чтобы осмотрѣть двери, ведущія въ другіе покои; въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, были заперты шпаги арестованныхъ офицеровъ. Въ эту минуту вошли еще много офицеровъ. Я узналъ потому тѣ немногія слова, какія произнесъ императоръ по-русски: сперва: «Арестованъ, что это значитъ—арестованъ?» Одинъ изъ офицеровъ отвѣчалъ ему: «Еще четыре года тому назадъ съ тобой слѣдовало бы покончить!» На это онъ возразилъ: «Что я сдѣлалъ?» Вотъ единственныя произнесенныя имъ слова.

Офицеры, число которыхъ еще возросло, такъ что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которыя были опрокинуты на полъ. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ освободиться отъ нихъ и бросился къ двери, и я дважды повторилъ ему: «Оставайтесь спокойнымъ, ваше величество,—дѣло идетъ о вашей жизни!»

Въ эту минуту я услышалъ, что одинъ офицеръ, по фамиліи Бибиковъ, вмѣстѣ съ пикетомъ гвардіи, вошелъ въ смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, въ чемъ будетъ состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Вернувшись, я вижу императора, распростертаго на полу. Кто-то изъ офицеровъ сказалъ мнѣ: «Съ нимъ покончили!» Мнѣ трудно было этому повѣрить, такъ какъ я не видѣлъ никакихъ слѣдовъ крови. Но скоро я въ томъ убѣдился собственными глазами. Итакъ, несчастный государь былъ лишенъ жизни непредвидѣннымъ образомъ и, несомнѣнно, вопреки намѣреніямъ тѣхъ, кто составлялъ планъ этой революціи, которая, какъ я уже сказалъ, являлась необходимой. Напротивъ, прежде было условлено увести его въ крѣпость, гдѣ ему хотѣли предложить подписать актъ отреченія отъ престола.

Припомните, генералъ, что было выпито много вина за ужиномъ, предложеннымъ генераломъ Талызинымъ офицерамъ, бывшимъ виновниками этой сцены, которую, къ несчастью, нельзя вычеркнуть

изъ исторіи Россіи. Долженъ прибавить, что графъ Паленъ, обращаясь къ этимъ офицерамъ, сказалъ имъ, между прочимъ: «Господа, чтобы приготовить яичницу, необходимо разбить яйца». Не знаю, съ какимъ намѣреніемъ было употреблено это выраженіе, но эти слова могли подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ. Я отправилъ немедленно офицера къ князю Зубову, чтобы извѣстить его о случившемся. Онъ засталъ его съ великимъ княземъ Александромъ, обоими братьями Зубовыми и еще нѣсколькими офицерами передъ фронтомъ дворцовой гвардіи. Когда объявили солдатамъ, что императоръ скончался скоропостижно отъ апоплексіи, послышались громкіе голоса: «Ура! Александръ!»

Новый государь велѣлъ позвать меня въ свой кабинетъ, гдѣ я засталъ его съ тѣми же лицами, которыя окружали его со времени нашего вступленія въ замокъ. Ему угодно было поручить мнѣ командованіе войсками, призванными для охраненія порядка въ Зимнемъ дворцѣ, куда онъ тотчасъ же прослѣдовалъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ.

Были отправлены приказы въ сенатъ и другія присутственныя мѣста—собраться неотложно и явиться къ 12 часамъ дня ко двору, чтобы присутствовать на молебнѣ въ дворцовой церкви. Всѣ другія церкви были также открыты для той же церемоніи принесенія вѣрнопоподданнической присяги новому государю, и народъ стекался туда толпами.

Вѣсть о кончинѣ Павла съ быстротою молніи пронеслась по всему городу еще ночью. Кто самъ не былъ очевидцемъ этого событія, тому трудно составить себѣ понятіе о томъ впечатлѣніи и о той радости, какія овладѣли умами всего населенія столицы. Всѣ считали этотъ день днемъ избавленія отъ бѣдъ, тяготѣвшихъ надъ ними цѣлыхъ четыре года. Каждый чувствовалъ, что миновало это ужасное время, уступивъ мѣсто болѣе счастливому будущему, какого ожидали отъ воцаренія Александра I. Лишь только разсвѣло, какъ улицы наполнились народомъ. Знакомые и незнакомые обнимались между собой и поздравляли другъ друга съ счастьемъ, и общимъ и частнымъ для cadaго порознь.

Графъ Паленъ взялъ на себя извѣстить императрицу о кончинѣ ея супруга. Хотя она часто страдала отъ его суровости, отъ его вспыльчивости и дурного нрава, но она всегда неизмѣнно была сильно привязана къ своему супругу и выносила тяжелыя минуты своей жизни съ ангельскимъ терпѣніемъ, можно даже сказать, что она подавала націи примѣръ доброй супруги и матери, творя во всѣхъ случаяхъ столько добра, сколько позволяли ей ея средства, ея власть и кредитъ. Я былъ свидѣтелемъ ея глубокаго горя при этой катастрофѣ, при потерѣ, близкой ея сердцу, однако благоразумныя размышленія и привязанность къ народу вскорѣ сумѣли положить предѣлы этому личному горю.

Итакъ, графъ Паленъ отправился къ оберъ-гофмейстеринѣ, графинѣ Ливенъ. Онъ приказалъ разбудить ее и объявилъ ей о кончинѣ императора, съ тѣмъ, чтобы она извѣстила о томъ императрицу. Графиня принялась за это со всѣми предосторожностями, внушенными ей ея благоразуміемъ, и, разбудивъ императрицу, объяснила ей, что императоръ внезапно заболѣлъ, и что состояніе его очень тревожное. Ея величество тотчасъ же встала, спѣша на помощь своему супругу. Но она нашла запертыми двери, черезъ которыя привыкла проходить. Наконецъ, она достигла одной двери, у которой нашла часовыхъ и офицеровъ, отказавшихся пропустить ее. Ни угрозы, ни просьбы не помогали. Когда ей сказали, что отданы приказанія не пропускать ее въ покои императора, она отправилась къ своимъ невѣсткамъ, супругамъ великихъ князей Александра и Константина. Мнѣ доложили объ этомъ, и я велѣлъ запереть двери, ведшія въ апартаменты великихъ княгинь.

По множеству часовыхъ и офицеровъ, встрѣченныхъ императрицей повсюду въ замкѣ, она могла догадаться, что дѣло идетъ не о простой болѣзни императора, и скоро ее дѣйствительно извѣстили, что ея супругъ скончался. Она пролила нѣсколько слезъ, но не предавалась тѣмъ порывамъ горя, какимъ обыкновенно предаются женщины въ подобныхъ случаяхъ.

До сихъ поръ императрица не была освѣдомлена, въ чью пользу была произведена эта революція. Ей сообщили, кому было поручено командованіе дворцовыми войсками. Когда она узнала, что командованіе поручено мнѣ, она приказала мнѣ явиться къ ней. Я уже освѣдомился о приказаніяхъ императора, который велѣлъ мнѣ передать, чтобы я отправился къ ней и посоветовалъ, попросилъ ее отъ его имени покинуть Михайловскій замокъ и ѣхать въ Зимній дворецъ, гдѣ ей будетъ сообщено все, что она пожелаетъ узнать. Вслѣдствіе этого я отправился въ апартаменты великихъ княгинь, гдѣ находилась императрица. Увидавъ меня, ея величество спросила, мнѣ ли поручено командовать здѣшними войсками. На мой утвердительный отвѣтъ она освѣдомилась съ большой кротостью и спокойствіемъ душевнымъ: «Значитъ, арестована?» Я отвѣчалъ: «Совсѣмъ нѣтъ, возможно ли это?»—«Но меня не выпускаютъ, всѣ двери на запорѣ». Отвѣтъ: «Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять нѣкоторыя мѣры предосторожности для безопасности императорской фамиліи, здѣсь находящейся, или тѣмъ, что могутъ еще случиться безпорядки вокругъ замка». Вопросъ: «Слѣдовательно, мнѣ угрожаетъ опасность?» Отвѣтъ: «Все спокойно, ваше величество, и всѣ мы находимся здѣсь, чтобы охранять особу вашего величества».

Тутъ я хотѣлъ воспользоваться минутой молчанія, чтобы исполнить данное мнѣ порученіе. Я обратился къ императрицѣ со словами: «Императоръ Александръ поручилъ мнѣ»... Но ея величество

прервала меня словами: «Императоръ! императоръ! Александръ! Но кто провозгласилъ его императоромъ?»—Отвѣтъ: «Голосъ народа». — «Ахъ! я не признаю его»,—пониживъ голосъ, сказала она:—«прежде чѣмъ онъ не отдастъ мнѣ отчета въ своемъ поведеніи». Потомъ, подойдя ко мнѣ, ея величество взяла меня за руку, подвела къ дверямъ и проговорила твердымъ голосомъ: «Велите отворить двери; я желаю видѣть тѣло моего супруга!» и прибавила: «Я посмотрю, какъ вы меня ослушаетесь!»

Тщетно я склонялъ ее къ умѣренности, говоря ей объ ея обязанностяхъ по отношенію къ народу, — обязанностяхъ, которыя должны побуждать ее успокоиться, тѣмъ болѣе, что послѣ подобнаго событія слѣдуетъ всячески избѣгать всякаго шума. Я сказалъ ей, что до сихъ поръ все спокойно, какъ въ замкѣ, такъ и во всемъ городѣ; что надѣются на сохраненіе этого порядка, и что я убѣжденъ, что ея величество сама желаетъ тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдетъ, то ея крики могутъ подѣйствовать на духъ солдатъ, какъ я уже говорилъ, весьма привязанныхъ къ покойному императору. На всѣ эти представленія она погрозила мнѣ пальцемъ, съ слѣдующими словами, произнесенными довольно тихо: «О, я васъ заставлю раскаяться». Смыслъ этихъ словъ не ускользнулъ отъ меня. Минута молчанія, и, быть можетъ, размышленія вызвали нѣсколько слезъ. Я надѣялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорилъ опять, сталъ побуждать ее къ умѣренности и уговаривать покинуть Михайловскій дворецъ и ѣхать въ Зимній. Здѣсь молодая императрица поддержала мой совѣтъ съ той кротостью и мягкостью, которыя были такъ свойственны этой великой княгинѣ, любимой всѣми, кто имѣлъ счастье знать ее, и обожаемой всей націей. Императрица-мать не одобрила этого шага и, обернувшись къ невѣсткѣ, отвѣчала ей довольно строгимъ тономъ: «Что вы мнѣ говорите? Не мнѣ повиноваться! Идите, повинуйтесь сами, если хотите!»

Это раздраженіе усиливалось съ минуты на минуту. Она объявила мнѣ рѣшительно, что не выйдетъ изъ дворца, не увидавъ тѣла своего супруга. Я тайкомъ послалъ офицера къ новому государю, чтобы испросить его приказаній на этотъ счетъ. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить, что если это можетъ обойтись безъ всякаго шума, то я долженъ сопровождать императрицу въ комнату, гдѣ стояло тѣло императора. Тѣмъ временемъ я пригласилъ графа Палена прибыть на минуту во дворецъ, въ виду того, что онъ имѣетъ счастье быть болѣе знакомымъ императрицѣ. Въ ту минуту, какъ она увидала его, она спросила: «Что здѣсь произошло?» Графъ отвѣчалъ со своимъ обычнымъ хладнокровіемъ: «То, что давно можно было предвидѣть».

Вопросъ: «Кто же зачинщики этого дѣла?»

Отвѣтъ: «Много лицъ изъ различныхъ классовъ общества».

Вопросъ: «Но какъ могло это совершиться помимо васъ, занимающаго постъ военнаго губернатора?»

Отвѣтъ: «Я прекрасно зналъ обо всемъ и поддался этому, какъ и другіе, во избѣжаніе болѣе великихъ несчастій, которыя могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилію». Онъ прибавилъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и затѣмъ удалился.

Все это не могло успокоить раздраженія императрицы. Она нѣсколько разъ брала меня за руку и подводила къ дверямъ, говоря: «Приказываю вамъ пропустить меня». Я отвѣчалъ неизмѣнно съ величайшей почитательностью, но твердо, что не въ моей власти повиноваться ей, пока я вижу ее такой взволнованной, и что только подъ однимъ условіемъ я могъ бы исполнить ея волю. «Какое же это условіе?»—спросила она.—«Чтобы ваше величество соблаговолило успокоиться». Эти слова навлекли на меня новую немилость. Ея величество сказала мнѣ: «Не вамъ предписывать мнѣ условія! Ваше дѣло повиноваться мнѣ! Прежде всего велите отпереть двери».

Мой долгъ предписалъ мнѣ еще разъ напомнить ей ея обязанности по отношенію къ народу и умолять ее избѣжать малѣйшаго шума, который могъ бы имѣть пагубныя и даже опасныя послѣдствія. Эти рѣчи очевидно произвели надлежащее дѣйствіе. Она почувствовала, что переворотъ уже нельзя измѣнить. Послѣ нѣкотораго молчанія и размышленія ея величество понизила голосъ и сказала мнѣ: «Ну, хорошо, обещаю вамъ ни съ кѣмъ не говорить».

Съ этого момента императрица вернулась къ свойственной ей кротости, отъ которой она уже не отрѣшалась, и которая дѣлаетъ ее столь достойной любви. Я приказалъ отпереть двери. Ея величество взяла меня подъ руку, чтобы подняться по лѣстницамъ, и сказала: «Прежде всего я хочу видѣть своихъ дѣтей». Когда она вошла въ свои апартаменты, обѣ великія княжны, Екатерина и Марія-Анна, уже находились тамъ съ графиней Ливенъ.

Эта сцена была поистинѣ самой трогательной изъ всѣхъ, какія мнѣ случилось видѣть. Великія княжны, обнимая свою мать, проливали слезы о смерти отца, и лишь съ трудомъ ихъ можно было оторвать отъ матери. Ея величество посидѣла еще нѣкоторое время въ этихъ покояхъ, потомъ встала и сказала мнѣ: «Пойдемъ, ведите меня».

Намъ пришлось пройти лишь двѣ комнаты, чтобы достигнуть той, гдѣ стояло тѣло покойнаго императора. Г. Роджерсонъ и я находились возлѣ ея величества, которую сопровождали обѣ великія княжны, графиня Ливенъ, двѣ камеръюнтферы и камердинеръ. Въ послѣдней комнатѣ ея величество сѣла на минуту, потомъ поднялась, и мы вошли въ спальню покойнаго императора, лежавшаго на своей постели въ мундирѣ своего гвардейскаго полка. Ширмы все еще заслоняли его постель со стороны той

двери, въ которую мы вошли. Ея величество нѣсколько разъ произнесла по-нѣмецки: «Боже, поддержи меня!» Когда наконецъ императрица увидала тѣло своего супруга, она громко вскрикнула. Г. Роджерсонъ и я поддерживали ее подъ руки. Черезъ минуту она стала приближаться къ тѣлу; встала на колѣни и поцѣловала руку покойнаго, проговоривъ: «Ахъ, другъ мой!» послѣ этого, все стоя на колѣняхъ, она потребовала ножницы. Камеръюнгфера подала ей ножницы, и она отрѣзала прядь волосъ съ головы императора. Наконецъ, поднявшись, она сказала великимъ князьямъ: «Проститесь съ отцомъ». Онѣ встали на колѣна, чтобы поцѣловать его руку. Обращеніе княженъ, неподдѣльная печаль, написанная на ихъ лицахъ, растрогали насъ. Императрица уже сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы удалиться, но, увидавъ обѣихъ княженъ еще на колѣняхъ, вернулась и проговорила: «Нѣтъ, я хочу быть послѣдней». И опять опустилась на колѣни, чтобы поцѣловать руку своему покойному супругу. Г. Роджерсонъ и я просили ее не затягивать этой печальной сцены, которая могла бы повредить ея здоровью, столь драгоценному и столь нужному всей императорской фамиліи. Мы взяли ее подъ руки, чтобы помочь ей встать, и затѣмъ вернулись въ покои императрицы. Ея величество удалилась въ уборную, гдѣ облеклась въ глубочайшій трауръ, и вскорѣ опять вышла къ намъ. Шталмейстеръ Мухановъ уже докладывалъ, что поданы экипажи для доставленія императрицы съ великими князьями изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Онъ просилъ меня еще разъ напомнить объ этомъ императрицѣ. Мы желали, чтобы она покинула Михайловскій замокъ еще до разсвѣта. Императрица, однако, затягивала отъѣздъ съ минуты на минуту до того, какъ совсѣмъ разсвѣло. Тогда она просила меня подать ей руку, спуститься съ лѣстницы и довести ее до кареты. Можно себѣ представить, какая собралась толпа по всему пути до Зимняго дворца. Ея величество опустила стекла въ каретѣ. Она кланялась народу, собравшемуся по пути. Такимъ образомъ она доѣхала до дворца, чтобы остаться тамъ.

Величайшій порядокъ былъ сохраненъ отъ начала до конца этой замѣчательной сцены. Да и могъ ли онъ быть нарушенъ среди ликованія, какое испытывало каждое отдѣльное лицо по случаю извѣщенія отъ рабства?

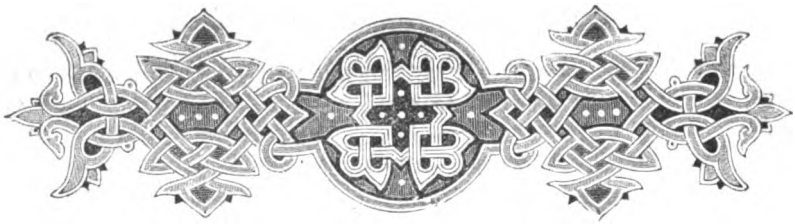
Вы видите, генераль, что мнѣ нечего краснѣть за то участіе, какое я принималъ въ этой катастрофѣ. Не я составлялъ планъ ея. Я даже не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто хранилъ эту тайну, такъ какъ я не былъ извѣщенъ о ней до самаго момента осуществленія переворота, когда все уже было условлено и рѣшено. Я не принималъ также участія въ печальной кончинѣ этого государя. Конечно, я не согласился бы войти въ комнату, если бъ зналъ, что есть партія, замышлявшая лишить его жизни,

Я подробно изложилъ вамъ, генералъ, абсолютную необходимость перемены правленія. Никогда смерть монарха не вызывала такой всеобщей радости среди народа, какую произвела кончина Павла I, и никогда ни одинъ государь не былъ привѣтствуемъ съ такимъ единодушнымъ восторгомъ при воцареніи, какъ Александръ I, отъ царствованія котораго народъ ожидаетъ величайшихъ благъ.

Подписано: Беннигсенъ.

Съ копіей вѣрно: Теод. Баркгаузенъ, рожденная Мюллеръ, v. g. von Reden.

КЪ ПОКУШЕНІЮ 4 АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ къ помѣщенному въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣсника» разсказу изъ воспоминаній г. Харламова «Казнь Каракозова», препровождаю въ редакцію отрывокъ изъ моихъ воспоминаній, относящихся къ той же эпохѣ и тѣмъ же событіямъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ казни Каракозова, предстояла казнь чрезъ повѣшеніе надъ главнымъ, если не единственнымъ, его сообщникомъ, Ишутинымъ.

Покойный братъ мой, служившій въ то время въ канцеляріи государственнаго совѣта, имѣлъ случай видѣть собственноручную резолюцію государя, которой даровалась Ишутину жизнь съ замѣною смертной казни пожизненной каторгой. Но милость эта должна была быть облечена тайной и объявлена приговоренному лишь въ самый послѣдній моментъ, на эшафотѣ. Имѣя это въ виду, мы съ братомъ рѣшились отправиться посмотреть на эту симуляцію казни. Она была назначена въ 6 час. утра на Смоленскомъ полѣ; вслѣдствіе этого, заказавъ извозчика съ вечера, мы выѣхали изъ дома очень рано, часа въ 4, едва стало разсвѣтать; дѣло происходило весной.

Несмотря на столь ранній часъ, на пути нашемъ отъ Милліонной до Смоленскаго поля, и въ особенности на Васильевскомъ островѣ, на улицахъ было большое движеніе; множество народа всякаго званія стремилось къ мѣсту казни. Мальчишки и взрослые тащили скамейки, табуреты, лѣстницы, очевидно, для лучшаго ли-

цезрѣнія, какъ это дѣлается во время майскихъ парадовъ на Марсовомъ полѣ и при другихъ торжественныхъ зрѣлищахъ. Къ удивленію нашему, насъ обогнало немало экипажей съ эlegantными, въ весеннихъ туалетахъ, дамами; онѣ весело щебетали и оживленно разговаривали, очевидно, предвкушая сенсационное зрѣлище, поднявшее ихъ столь рано, въ необычный для нихъ часъ.

На Смоленскомъ полѣ собрались громадныя толпы. Посрединѣ возвышается эшафотъ, деревянный помостъ, на немъ перекладина, скамейка, болтается веревка.

Черезъ нѣсколько минутъ толпа заволновалась, послышались крики: «везуть! везуть!» Толпа бросилась въ сторону приближающагося кортежа. Шествіе открывалъ полуэскадронъ конныхъ жандармовъ, за нимъ слѣдовала такъ называемая позорная колесница, попросту телѣга, запряженная парю лошадей, на телѣгѣ поперечная высокая скамейка, а на скамейкѣ, спиною къ лошадямъ, маленький приземистый человѣкъ съ скрученными назадъ руками, на груди этого человѣчка широкая черная доска, а на доскѣ написано мѣломъ слово «цареубійца». По бокамъ и сзади отрядъ пѣхоты, съ примкнутыми, играющими на солнцѣ, штыками. Казалось страннымъ такое внушительное развитіе военной силы для сопровожденія такого мизернаго на видъ, да и по существу ничтожнаго, человѣчка.

Съ приближеніемъ кортежа толпа стала тѣсниться къ эшафоту; невольно подались и мы съ братомъ; откуда-то изъ толпы вынырнулъ мальчишка и сталъ намъ предлагать скамейку, чтобъ лучше видѣть. Мы стали шутя торговаться. Мальчишка безбожно запрашивалъ; сошлись на 75 коп. съ брата. Своеобразный промышленникъ потребовалъ деньги впередъ; братъ, платя ему, шутя сказалъ: «а что если не повѣсятъ?» — «Какъ не повѣсятъ, будьте спокойны, видите, все готово», — отвѣчалъ тотъ, кивая на эшафотъ. — «Ну, то-то, смотри, — шутилъ братъ, — деньги назадъ потребуемъ». — «Не сумлѣвайтесь!»

Между тѣмъ трагическое представленіе развивалось. Ишутина ввели на эшафотъ, на которотъ показался здоровенный палачъ въ красной рубахѣ, своимъ внушительнымъ видомъ и размѣрами совершенно уничтожавшій скорчившагося осужденнаго. Прокуроръ сталъ читать длинный многословный приговоръ; минуты этого чтенія тянулись невыразимо долго, а что долженъ былъ чувствовать въ теченіе ихъ несчастный осужденный? Взмошелъ старенькій священникъ въ черной рясѣ, сталъ шептаться на ухо съ осужденнымъ, поднесъ къ его губамъ Евангеліе и крестъ. Затѣмъ, на его мѣстѣ появился палачъ, на осужденнаго надѣли бѣлый длинный балахонъ, скрутили назадъ руки, напялили на голову бѣлый колпакъ, на шею надѣли петлю... Мы съ братомъ переглянулись, сердце забилось у меня въ груди... «Да что же это? я самъ, однако,

видѣлъ», — прошепталъ смущенный братъ. Но въ это время въ ближнихъ къ эшафоту рядахъ произошло движеніе, показался фельдъегерь и передалъ бумагу распорядившемуся церемоніей. Осужденный былъ высочайше помилованъ. Раздались вздохи облегченія, ахи, охи и причитанія нѣсколькихъ старухъ, нѣкоторыя заплакали... Вдругъ непосредственно около нашей скамейки шорохъ, кто-то протискивается сквозь толпу и стремительно бѣжитъ по діагонали поля, только пятки сверкаютъ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, мы съ братомъ шутя кричимъ ему вслѣдъ: «стой, стой, деньги назадъ!» — но его и слѣдъ простылъ. Близъ стоящіе гогочуть.

Передавая въ точности этотъ эпизодъ изъ моихъ воспоминаній, я воздерживаюсь отъ всякихъ комментариевъ, предоставляя специалистамъ развивать современный больной вопросъ: нужна ли смертная казнь, достигаетъ ли она своей цѣли, каково ея дѣйствіе, должна ли она быть сохранена, или подлежить отмѣнѣ?

Считаю небезынтереснымъ дополнить эти воспоминанія и другими относящимися къ той же эпохѣ и къ тому же событію.

Первое покушеніе на жизнь императора Александра II (но, увы! не послѣднее) совершилось, какъ извѣстно, 4 апрѣля 1866 г. при выходѣ государя съ обычной прогулки въ Лѣтнемъ саду въ половинѣ 4-го часа дня, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время сооружена часовня. Покойный государь обыкновенно являлся на прогулку въ Лѣтнемъ саду между 3 и 4 часами пополудни. Пріѣзжалъ онъ всегда одинъ въ коляскѣ, въ ногахъ его обыкновенно лежала черная мохнатая легавая собака. Въ саду онъ дѣлалъ нѣсколько туровъ, никто его не сопровождалъ, съ встрѣчавшимися онъ привѣтливо кланялся, съ знакомыми разговаривалъ, не разъ принималъ прошенія и выслушивалъ просьбы. У выходныхъ воротъ на набережную Невы стоялъ обыкновенно нарядъ городовыхъ, тутъ же къ выходу государя обыкновенно собиралась небольшая группа любопытныхъ изъ числа случайно проходившихъ, человекъ 20—30. Такъ было и на этотъ разъ, 4 апрѣля 1866 г. Въ этой кучкѣ находился намѣренно Караковъ, произведшій роковой выстрѣлъ, и случайно картузникъ Комиссаровъ по пути на Петербургскую сторону, вѣроятно, по дѣламъ своей профессіи. По распространенной впослѣдствіи молвѣ, со словъ особо усердствующихъ, онъ якобы направлялся на богомолье въ домикъ Петра Великаго. Караковъ выстрѣлилъ, а Комиссаровъ будто бы подтолкнулъ его руку, вслѣдствіе чего пуля миновала государя. Пулю эту, сказавъ мимоходомъ, нигдѣ потомъ не нашли, несмотря на самые тщательные поиски. Свидѣтелемъ всему этому будто бы былъ случайно тутъ находившійся покойный генераль-адъютантъ Тотлебенъ.

Такова версія. Версія эта впослѣдствіи подвергалась немалымъ сомнѣніямъ и подвергается имъ и по сіе время многими современ-

никами событія, а самая личность Комиссарова-спасителя представляется въ значительной степени мнѣической. Я, разумѣется, не имѣю данныхъ ни за ни противъ и лишь констатирую фактъ. Личность стрѣлявшаго Каракозова долгое время не могла быть обнаружена, онъ упорно скрывалъ свое имя, и, лишь спустя нѣкоторое время, дознались, что это былъ Каракозовъ, происхожденіемъ изъ бѣдныхъ дворянъ Саратовской губерніи, не окончившій курса студентъ Московскаго университета. Бывшій незадолго передъ тѣмъ губернскимъ предводителемъ дворянства однофамилецъ его или дальній родственникъ тотчасъ ходатайствовалъ о перемѣнѣ своей фамиліи, и былъ названъ Михайловъ-Рославлевъ. Но имя Комиссарова тотчасъ разнеслось по всему городу, затѣмъ по всей Россіи и стало прямо легендарнымъ; народная молва присудила ему титулъ «спасителя». Этого Комиссарова мнѣ довелось видѣть въ моей жизни три, четыре раза. И его худенькая, тщедушная, испитая фигурка, въ длинной чуйкѣ мастерового, точно живая, и сейчасъ стоитъ передъ моими глазами.

Первый разъ я его видѣлъ непосредственно вслѣдъ за самымъ происшествіемъ въ Зимнемъ дворцѣ, куда экстренно были потребованы всѣ офицеры гвардіи и всего петербургскаго гарнизона. Во дворцѣ происходило чрезвычайное смятеніе; долгое время всѣ толпились, не зная, что именно случилось. Но вотъ раздались громкіе крики на площади, всѣ бросились къ окнамъ и увидали карету государя, возвращающуюся во дворецъ, какъ оказалось впоследствии, съ благодарственного молебна въ Казанскомъ соборѣ. За каретой толпой бѣжалъ народъ, махалъ шапками и кричалъ «ура». Вскорѣ въ залѣ появился государь, по правую его руку была императрица, по лѣвую — наслѣдникъ, по лицу котораго струились слезы. Что тутъ произошло, трудно описать; все бросилось впередъ, смѣшались чины и званія, шапки замахали въ воздухѣ, и разнеслось такое мощное «ура», какого мнѣ не доводилось слышать ни ранѣе ни позже. Государь былъ видимо тронутъ. Бурные восторги продолжались нѣсколько минутъ, наконецъ государь поднялъ руку кверху, требуя молчанія. Все затихло. Государь вволнованнымъ голосомъ спросилъ: «а гдѣ же мой спаситель?» Толпа генераловъ и офицеровъ разступилась, и передъ государемъ появился маленькій, худенькій человѣчекъ въ долгополомъ халатѣ мастерового. За нимъ стоялъ Тотлебенъ. Государь положилъ на плечо мастерового руку и прерывающимся голосомъ, съ разстановкою произнесъ: «Я... тебя... дѣлаю дворяниномъ! Надѣюсь, господа, — добавилъ онъ, — что вы всѣ этому сочувствуете». Могучее «ура» вновь потрясло своды дворца, и тысячи шапокъ (кэпи) замелькали въ воздухѣ. Императрица склонилась на плечо Комиссарова и заплакала, плакалъ и наслѣдникъ. Сцена была въ высшей степени трогательная, и всѣ видѣвшіе, конечно, ея не забудутъ.

Появилась версія въ городѣ, будто въ тотъ же вечеръ къ скромному жилищу Комиссарова подѣхала придворная карета (кумушки охотно добавляли, что золотая), и ш-ше Комиссарова была отвезена во дворецъ къ императрицѣ кушать чай.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Маринскомъ театрѣ шла опера «Жизнь за царя», очевидно, не по репертуару. Въ городѣ стало извѣстно, что на этомъ спектаклѣ будетъ Комиссаровъ. Билеты брались съ боя. Мнѣ довелось быть на этомъ спектаклѣ. Въ срединѣ перваго акта, одна изъ среднихъ ложъ, оставшаяся до того пустою при наполненномъ театрѣ, отворилась, и въ нее вошли Комиссаровъ съ супругой въ сопровожденіи плацъ-адъютанта. Вся публика поднялась съ мѣстъ и, обратившись лицомъ къ ложѣ, встрѣтила вошедшихъ такимъ взрывомъ рукоплесканій, какихъ никогда не слыхалъ ни одинъ артистъ, не выключая Шаляпина. Дамы махали платками, мужчины шляпами. Это была буря восторговъ. Представленіе, само собою разумѣется, прервалось, и артисты на сценѣ и участвующіе и не участвующіе присоединились къ оваціямъ публики. Раздались возгласы: «гимнъ, гимнъ!» и гимнъ былъ пропѣтъ и артистами и всей публикой четыре раза подъ рядъ и покрываемъ бурей аплодисментовъ и восторженныхъ кликовъ. Чета Комиссаровыхъ, несмотря на всю торжественность минуты, производила въ это время невольное самое комическое впечатлѣніе, и онъ все еще въ томъ же своемъ длиннополомъ халатѣ, она въ какой-то пестрой желтой шали, очевидно, прибрѣтенной по этому торжественному случаю, отвѣчая на восторженные привѣтствія публики, низко кланялись на всѣ стороны, усиленно мотая головами, при чемъ ш-ше Комиссарова усердствовала въ этомъ случаѣ болѣе своего супруга, очевидно, предполагая, что эти оваціи постольку же относятся къ ней, какъ и ея супругу. Затѣмъ раздались крики: «на сцену, на сцену!» и на сценѣ появился въ кругу Сусанина и его современниковъ уже совершенно ошалѣвшій Комиссаровъ. Ему хлопали и кричали изъ зрительной залы, хлопали окружавшіе его артисты и хористы, онъ кланялся, кланялся и наконецъ, очевидно, не выдержавъ схватилъ себя руками за голову и, заткнувъ уши, стремительно убѣжалъ за кулисы.

Въ антрактѣ на сценѣ появился поэтъ Аполлонъ Майковъ и съ большимъ чувствомъ прочелъ свое патріотическое стихотвореніе, изъ котораго я помню нѣсколько строкъ:

«Кто жъ онъ злодѣй? Откуда вышелъ онъ?
Изъ шайки ли злодѣйской,
Что революціей зовется европейской?
Кто бъ ни былъ онъ, онъ намъ чужой,
И нѣтъ ему корней ни въ современной намъ живой,
Ни въ исторической Россіи! (показывая на кулисы).

Весь спектакль прошелъ въ такомъ приподнятомъ патріотическомъ настроеніи, а третій актъ польскій даже и вовсе выпущенъ. Въ то время, когда личность Каракова не была еще обнаружена, въ обществѣ, вѣроятно, вслѣдствіе только что закончившагося польскаго восстанія, существовало убѣжденіе, что покушавшійся—непремѣнно полякъ. Когда припоминаешь эти патріотическіе взрывы народнаго энтузіазма въ нашемъ прошедшемъ, невольно становится грустно за невеселое настоящее...

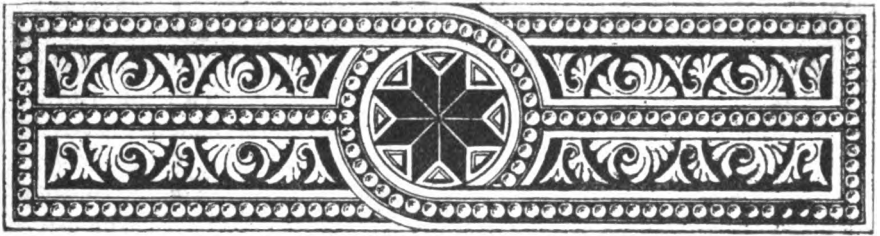
Нѣсколько дней спустя, проходя по Б. Морской мимо уголовного дома, принадлежавшаго тогда Руадзе, потомъ Кононова, а нынѣ, кажется, Пистолькорса, я обратилъ невольное вниманіе на рядъ стоящихъ на тротуарѣ женщинъ, преимущественно съ бумагами въ рукахъ, очевидно, просительницъ. На мой вопросъ, что это значитъ, и къ кому онѣ идутъ съ прошеніями, одна изъ нихъ отвѣчала мнѣ, что тутъ живетъ Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ, такъ вотъ онѣ идутъ къ нему съ прошеніями. «Да что же онъ можетъ для васъ сдѣлать?»—невольно вырвалось у меня.—«Да что вы, батюшка?»—отвѣчала она мнѣ:—Осипъ-то Иванычъ, да ему стоитъ слово сказать царю, и все сдѣлають». Блаженъ, кто вѣруеть,—подумалось мнѣ.

Вскорѣ послѣ покушенія 4 апрѣля петербургское дворянство давало въ честь государя балъ въ домѣ собранія. На этомъ балу мнѣ снова довелось встрѣтить Комиссарова-Костромскаго. Онъ былъ въ дворянскомъ мундирѣ, при шпагѣ и съ треугольной шляпой въ рукахъ. При немъ неотлучно находился генераль-адъютантъ Тотлебенъ и какъ бы сопровождалъ его. На меня лично видъ этого новоиспеченнаго дворянина въ мундирѣ и уже съ нѣкоторыми чертами самодовольства на лицѣ сдѣлалъ впечатлѣніе какъ бы нѣкотораго сожалѣнія о его длинномъ мѣщанскомъ халатѣ, въ которомъ я видѣлъ его первые два раза.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Комиссаровъ, что называется, скрылся съ петербургскаго горизонта; говорили, что ему купили большое имѣніе въ Костромской губерніи, откуда онъ происходилъ родомъ, недалековидные прислужники даже производили его родъ отъ Сусанина, спасителя царя Михаила Ѳеодоровича... Я проходилъ какъ-то лѣтнимъ вечеромъ по Невскому проспекту; меня обогналъ офицеръ одного изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ. Спущенная сабля гремѣла, волочась по панели, шпоры необыкновенно звонкія, шапка лихо загнута на бекрень, усы закручены кверху. Лицо его показалось мнѣ очень знакомымъ. Онъ вошелъ въ табачный магазинъ Бостанжогло, я невольно послѣдовалъ за нимъ, заглянулъ: Комиссаровъ! Затѣмъ я слышалъ, что онъ сильно зацѣпъ, зачертилъ, какъ говорилось на его прежнемъ жаргонѣ, и скорѣ умеръ.

Такъ закончилъ свою судьбу этотъ случайно выдавшійся человекъ. Имя его, конечно, не перешло въ потомство, и современному поколѣнію представляется случайнымъ, мимолетнымъ звукомъ.

А. Рембелинскій.

САШКА-ИНЖЕНЕРЪ,

(Изъ шлиссельбургскихъ воспоминаній).

ДЛЯ ВОЙНЫ надо имѣть три вещи: деньги, деньги и деньги. Это мнѣніе, приписываемое, кажется, Наполеону I, оправдывается на нашихъ глазахъ съ каждой новой войной. Современныя условія политической и экономической жизни такъ сложились, что безъ денегъ, безъ этого главнаго двигателя, дѣйствительно, нельзя вести никакого дѣла. Даже социаль-революціонеры, въ концѣ царствованія Александра II, поняли, что безъ денегъ нельзя вести борьбы съ правительствомъ.

— Денегъ, денегъ!—этотъ крикъ непрестанно раздавался въ разныхъ революціонныхъ кружкахъ того времени.

Одинъ видный членъ военной, революціонной организаціи 80-хъ годовъ передавалъ мнѣ, что въ нѣкоторыхъ кружкахъ положено было правиломъ—на каждомъ собраніи непремѣнно хоть одинъ часъ посвящать на обсужденіе, откуда и какимъ образомъ добыть денегъ. Нужда въ деньгахъ довела революціонеровъ до того, что принудила ихъ прибѣгать къ неблаговиднымъ средствамъ. Такъ, 3 іюня 1879 г., изъ херсонскаго губернскаго казначейства, посредствомъ подкopa изъ сосѣдняго дома, похищено было денегъ, принадлежащихъ государственному банку, слишкомъ полтора милліона рублей. Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ, 10 января 1880 г., выяснено, что участники этого дѣла—Елена Россикова, Людмила Тереньева, Яковъ Погорѣловъ и Татьяна Морозова—при-

надлежать «къ тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя».

Похищенные деньги назначались, какъ заявили обвиняемые на судѣ, «на борьбу за народное освобожденіе».

Судьи и эксперты были поражены, какъ могли эти люди, не имѣющіе specialнаго образованія, такъ искусно подкопаться подъ кладовую казначейства. Подкопъ былъ произведенъ изъ со-сѣдняго дома Камсина. Подземная галерея имѣла въ длину девять саженъ, а въ ширину и въ высоту по одному аршину. Подкопъ оканчивался пробойною, въ аршинъ діаметромъ, какъ разъ въ полу денежной кладовой.

— Кто же руководилъ вами?—спрашиваютъ подсудимыхъ.

— Сашка.

— Кто онъ такой?

— Не знаемъ.

— Должно быть, этотъ Сашка—хорошій инженеръ,—гѣшили слѣдователи.

Но Сашки-инженера и слѣдъ простыл!

Въ 1882 г., въ городѣ Николаевѣ, я нанималъ въ одномъ небогатомъ семействѣ комнату. Время отъ времени наѣзжалъ къ моей хозяйкѣ родственникъ ея—судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Случилось и мнѣ съ нимъ познакомиться. Однажды, въ разговорѣ, онъ упомянулъ, что ему пришлось принимать участіе въ поискахъ денегъ, похищенныхъ изъ херсонскаго казначейства.

— Нашли?—спрашиваю его.

— Почти все нашли. Растратили очень немного. Мнѣ лично удалось найти въ Алешкахъ и тѣ деньги, которыя зарылъ въ землю «Сашка-инженеръ».

— Такъ отыскивали слѣды «Сашки-инженера»?!

— Онъ давно арестованъ.

И слѣдователь рассказалъ мнѣ все, что зналъ о немъ. Однако отзывы его были не совсѣмъ лестные для Сашки-инженера. Потому я слышалъ, что его, какъ одного изъ виновниковъ похищенія денегъ изъ казначейства, сослали на Кару въ каторжныя работы.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я самъ былъ заключенъ на неопре-дѣленное время въ Шлиссельбургскую тюрьму.

Въ 1886 г., я имѣлъ два раза въ недѣлю совмѣстныя прогулки съ Н. А. Морозовымъ въ небольшой клѣткѣ тюремнаго двора. Когда мы изъявили желаніе гулять поочередно со всѣми заключенными, то въ слѣдующую прогулку ко мнѣ приводятъ невысокаго роста,

коренастаго брюнета. Рѣзкія крупныя черты лица обличали въ немъ что-то нерусское. На немъ былъ какой-то странный жилетъ-курточка изъ сѣраго арестантскаго сукна. Какъ только вошелъ онъ въ загородку, тотчасъ же бросился ко мнѣ на шею и сталъ крѣпко цѣловать меня.

Я отрекомендовался ему.

— А я—Федоръ Юрковскій. Слышали про меня?

— Не знаю васъ.

— А про «Сашку-инженера» слышали?

— Какъ же слышалъ! Такъ это вы—инженеръ?! Но почему же вы назвали себя Федоромъ, а не Александромъ?

— О, это только мое конспиративное имя, моя кличка—«Сашка-инженеръ». А на самомъ дѣлѣ я—и не Сашка, и не инженеръ. Я учился въ Морскомъ корпусѣ.

— Не вашъ ли родственникъ—морякъ Юрковскій, редакторъ газеты въ городѣ Николаевѣ?

— Родной братъ.

Кратко мы рассказали другъ другу наше прошлое. Будучи въ Морскомъ корпусѣ, Юрковскій сдѣлался членомъ революціоннаго кружка, скрывавшагося подъ скромнымъ названіемъ «Китоловнаго общества». Корпусное начальство скоро освѣдомилось о цѣли этого общества и нѣкоторыхъ членовъ его, въ томъ числѣ и Юрковскаго, исключило изъ Морского корпуса. Наступила для молодого чело-вѣка страдная пора. Онъ служилъ въ маленькихъ должностяхъ по разнымъ угламъ Россіи. Снова учиться въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, какъ исключенному «за неблагонадежность», нельзя. И Юрковскій всецѣло ушелъ въ революцію. Въ 1879 г. онъ принялъ участіе въ похищеніи денегъ изъ херсонскаго казначейства.

— Расскажите, пожалуйста, какъ это было?—спрашиваю его.

— Я, собственно, не принималъ участія въ веденіи подземной галлерей. Когда я пришелъ къ нимъ, подкопъ былъ уже готовъ. Меня попросили только вывезти деньги за городъ. Я нарядился угольщикомъ, приобрѣлъ пару быковъ, взвалилъ на телѣгу черныя мѣшки изъ-подъ угля, набитые деньгами, и пошелъ стегать воловъ: «цобъ, цобъ, цобѣ!»—покрикиваю. И благополучно выѣхалъ за городъ. Тамъ мы раздѣлили деньги и разѣхались въ разныя стороны. Я отправился въ Алешки, небольшое мѣстечко на берегу Днѣпра. Попадается мнѣ полицейскій. Разговорились. Я его уго-стилъ фруктами. Боясь, что при обыскѣ меня можетъ выдать большая сумма денегъ, я спряталъ ихъ въ землю, а самъ сѣлъ на херсонскій пароходъ, идущій въ Николаевъ, и удралъ отъ полицейскаго. У него, еще до моего пріѣзда въ Алешки, была уже телеграмма—арестовывать всѣхъ подозрительныхъ проѣзжихъ людей. Но я такъ обворожилъ его своею любезностью, что онъ не рѣшался сразу задержать меня, а нашелъ нужнымъ предварительно спра-

виться въ Херсонѣ телеграммою: что есть, молъ, въ Алешкахъ такой-то съ виду милый человекъ, но подозрительнаго ничего не внушаетъ. Такъ арестовывать ли его? Изъ Херсона дали отвѣтъ: «немедленно арестовать». Но уже было поздно. Я въ это время находился у родныхъ въ Николаевѣ, и съ первымъ отходящимъ пароходомъ отправился моремъ въ Одессу. Дали приказъ объ арестѣ въ Николаевѣ. Пока тамъ меня искали, я уже выѣхалъ изъ Одессы и гулялъ по Россіи.

— Скажите, почему же васъ назвали инженеромъ, если вы не участвовали въ подкопѣ?

Я это объясняю тѣмъ, что меня не было на судѣ, когда разбиралось дѣло о кражѣ денегъ. Подсудимые, видя, что меня нѣтъ, и взвалили все веденіе дѣла на неизвѣстное лицо—«Сашку». А подкопъ дѣйствительно сдѣланъ былъ великолѣпно! Рассказываютъ, казначей, ничего не подозревая, потому что печати и замки на дверяхъ были цѣлы, спокойно вошелъ въ кладовую. И представьте его ужасъ, когда онъ увидѣлъ пустой сундукъ! Осмотрѣлъ кладовую—все въ порядкѣ. Позвали полицію. При новомъ осмотрѣ нашли въ шкафу отверстие. Откуда оно ведетъ? Пошли догадки, споры. Просятъ одного городского спуститься внизъ. Боится. Другого—тоже боится. Наконецъ, выискался одинъ дворникъ, который взялся изслѣдовать галлерею. Спустился внизъ, проползъ по галлерей и вышелъ въ хорошо убранную квартиру. Сунулся туда, куда,—кругомъ заперто. Наконецъ, сообразилъ, въ какомъ онъ домѣ находится, и ползъъ обратно въ кладовую казначейства, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали храбраго дворника. Догадки его оказались правильными. Открыли квартиру, на которую онъ указалъ, и тамъ нашли около двадцати пяти воровъ свѣжей глины, вынутой изъ подземной галлерей.

Юрковскій много рассказывалъ о себѣ, о своей жизни въ тюрьмѣ и на Карѣ. Когда я ему замѣтилъ, что у него геркулесовское сложеніе, онъ привелъ мнѣ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ о его удивительной физической силѣ.

— Мы, Юрковскіе,—говорилъ онъ,—черногорскаго происхожденія. Отецъ мой обладалъ страшной силой. Когда ему приходилось въ качествѣ инспектора осматривать тюрьмы, то онъ любилъ шутить съ зрителями. Возьмется рукою за желѣзную рѣшотку окна, потрясетъ ее и вырветъ изъ стѣны. «Смотрите,—скажетъ тюремщикамъ,—какъ у васъ слабо прикрѣплена рѣшотка».

Съ Юрковскимъ я гулялъ раза три въ огородѣ тюрьмы¹⁾. Онъ приносилъ съ собою хлѣба и ѣлъ его съ лукомъ тутъ же на прогулкѣ.

¹⁾ См. въ февральской книжкѣ «Ист. Вѣстн.» мой очеркъ «Въ Шлиссельбургской тюрьмѣ».

— Вы замѣчаете, какъ я много ѣмъ. Одно время, вскорѣ послѣ ареста, я страдалъ ненасытностью. Обратились къ доктору. Докторъ велѣлъ давать мнѣ двойную и даже тройную порцію. Потомъ, говорилъ онъ, пройдетъ этотъ болѣзненный аппетитъ.

— А откуда у васъ такой странный костюмъ?—спрашиваю его.

— Съ Кары. Тамъ разрѣшали намъ перешивать куртки и халаты, какъ мы находили удобнѣе.

— Лучше вамъ было на Карѣ, чѣмъ здѣсь, въ Шлиссельбургѣ?

— Сначала тамъ мнѣ очень нравилось послѣ тюремной жизни въ городахъ Россіи. На Карѣ у насъ былъ казачій кругъ. Всѣ важныя дѣла рѣшались сообща въ кругу. Но потомъ постоянное совмѣстное сожительство все съ одними и тѣми же лицами такъ надоѣло, такъ было невыносимо, что, бывало, вспомнишь съ сожалѣніемъ и про одиночное заключеніе. Иной разъ такъ сильно захочется уединенія, что идешь къ смотрителю и просишь его, какъ милости, посадить въ карцеръ. Трудно рѣшить, гдѣ лучше, или правильнѣе—гдѣ хуже: въ одиночномъ заключеніи или многолѣтнее пребываніе въ тѣсной толпѣ все однихъ и тѣхъ же лицъ.

— А почему васъ перевели въ Шлиссельбургъ?

— За побѣгъ съ Кары. Нѣкоторымъ до такой степени надоѣла сутолока карійской тюрьмы, что они рѣшили убѣжать изъ нея, рискуя своею жизнью. Присоединился и я къ нимъ. Всю зиму мы готовились къ побѣгу. Сами отковали себѣ въ мастерскихъ ножи, сдѣлали запасы пищи, выработали планъ побѣга и только ждали весны, чтобы попытать свое счастье. Зная, что за нами будетъ погоня, мы рѣшили бѣжать въ разныя стороны. Мышкинъ (онъ тоже былъ съ нами) долженъ былъ отправиться на востокъ, къ Великому океану, другіе—на западъ, а мнѣ выпалъ жребій идти на югъ, къ китайской границѣ. Это мы намѣтили съ тѣмъ расчетомъ, что если ктонибудь изъ насъ привлечетъ погоню въ свою сторону, то остальные спасутся. Наступилъ май мѣсяцъ. Тайга стала освобождаться отъ снѣжнаго покрова. Намъ не терпится: весною такъ хочется на волю! Выбрали подходящую ночь и шмыгнули изъ тюрьмы. Я бодро пошелъ тайгою на югъ. Все было хорошо. Погони не чувствовалось. Запасъ хлѣба изрядный. Я совсѣмъ повеселѣлъ. Мнѣ казалось, что скоро должна быть и граница. Какъ вдругъ нахмурило, и пошелъ снѣгъ. Да вѣдь какой! Пройти нельзя. Бился, бился я въ тайгѣ: совсѣмъ изнемогъ отъ глубокаго снѣга! Что тутъ дѣлать?! Наконецъ, нашелъ что-то въ родѣ медвѣжьей берлоги подъ корнями сваленныхъ деревьевъ и забился въ нее. А погода, какъ нарочно, не унимается. Поднялся сильный вѣтеръ. Буря навѣялъ сугробы снѣга. Что тутъ дѣлать?! Сіжу въ своей пещерѣ да послѣдніе куски хлѣба дожевываю. Хоть и погибну здѣсь, а назадъ ни за что не вернусь,—рѣшилъ я про себя. Холодъ сковалъ меня. Даетъ знать о себѣ и голодъ. Я сталъ уже мысленно

прощаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Но чувство самосохраненія взяло верхъ. Я выползъ изъ своей берлоги. Мнѣ показалось, что вѣтеръ значительно стихъ. Пойду, поброжу по тайгѣ: авось, встрѣтятся пастухи-буряты. Они съ бродягами, съ бѣглыми каторжниками живутъ мирно. Всегда гостепріимно пріютятъ около своего костра, напоятъ чаемъ и накормятъ. За это и каторжные бродяги никогда ихъ не обижаютъ и не трогаютъ ихъ скота. Кое-какъ побрелъ я по снѣгу, высматривая въ лѣсу дымокъ отъ костра. Голодъ подгонялъ меня впередъ, и я порядочно далеко отошелъ отъ своей берлоги. Наконецъ, показался желанный дымокъ вдаль. Навѣрно, буряты! Сразу силы мои удвоились, и я пошелъ напрямки къ костру. Вдругъ изъ-за кустовъ поднимаются казаки съ ружьями. Все пропало: отъ пули не убѣжишь! Подхожу къ нимъ.

— Куда путь держишь?

— Да, такъ.... куда судьба ведетъ.

— Поди, прозябъ? Выпей-ка съ нами чайку.

Я подсѣлъ къ костру. Казакъ налилъ кружку изъ чайника и подаетъ мнѣ. Я жадно потянулся къ ней.... Вдругъ меня сзади схватываютъ за руки и моментально валятъ на спину. Два казака, пока ихъ товарищъ потчевалъ меня чаемъ, тихонько подкрались сзади и сразу опрокинули меня на землю. Я еще могъ бы стряхнуть ихъ съ себя, но вѣдь ихъ много, и всѣ они вооружены шапками и ружьями. Я только спросилъ ихъ:

— За мной посланы?

— Сколько времени разыскиваемъ тебя по тайгѣ!

Сейчасъ же связали мои руки какою-то лошадиною цѣпью. Обтянули меня по талии арканомъ и посадили на лошадь верхомъ. Впереди казакъ на лошади тянетъ меня арканомъ впередъ, а другой верховой казакъ тоже арканомъ держитъ меня сзади. Такъ мы гуськомъ отправились по тайгѣ на Кару. Чуть моя лошадь оступится,—я подаюсь впередъ. Задній казакъ тянетъ свой арканъ, а передній тянетъ въ свою сторону. Ну, и испыталъ же я тутъ пытку! Въ жизни моей не терпѣлъ я сильнѣе физическихъ страданій....

Юрковскій грустно замолкъ при этомъ воспоминаніи. Немного погода, я спросилъ его:

— Что же было съ вами потомъ?

— Переловили насъ всѣхъ да вотъ и отправили сюда въ Шлиссельбургъ.

— А какъ теперь ваше здоровье?

— Какое теперь здоровье! Вы слышите каждую ночь крики? Это я кричу въ кошмарѣ.

Дѣйствительно, не приходило въ Шлиссельбургъ ни одной ночи, чтобы раздирающій душу крикъ не потрясалъ стѣнъ тюрьмы.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1906 г., т. сив.

Въ одиночномъ заключеніи Юрковскій много мечталъ о возвращеніи на родину, въ Малороссію. Онъ не помышлялъ ни о борьбѣ съ правительствомъ, ни объ улучшеніи жизни людей, какъ другіе товарищи. Ему хотѣлось покоя послѣ многолѣтней тревожной жизни и немного личнаго счастья на малороссійскомъ хуторѣ, гдѣ бы онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. На эту тему онъ слагалъ длинные стихи, гдѣ непремѣнно фигурировали чернобровыя дивчины, тѣнистыя левады, кавуны на баштанахъ и тому подобное въ хохлацкомъ жанрѣ.

Послѣ трехъ свиданій съ Юрковскимъ я попросилъ смотрителя дать мнѣ хоть еще одну прогулку съ первымъ товарищемъ, Н. А. Морозовымъ, чтобы я могъ съ нимъ проститься. Меня опять соединили съ Николаемъ Александровичемъ и больше насъ не разлучали до самаго моего выхода изъ шлиссельбургской тюрьмы.

Что же стало съ Юрковскимъ?

Двѣнадцать лѣтъ онъ делѣвалъ мечту объ освобожденіи изъ Шлиссельбурга и... не дождался. Тюрьма ему стала могилой.

Вотъ что рассказываетъ о его послѣднихъ дняхъ Л. А. Волкенштейнъ, свидѣтельница его грустной кончины.

Юрковскій много лѣтъ страдалъ болѣзнью почекъ и былъ все время раздражительнымъ; но такъ какъ онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, то начальство и докторъ приписывали эту раздражительность его дурному нраву и немилосердно записывали его въ штрафной журналъ. Прямыхъ наказаній, впрочемъ, они избѣгали. Кончилось тѣмъ, что за два мѣсяца до смерти Юрковского, по усиленной просьбѣ его товарищей, зашелъ къ нему докторъ,—и черезъ два дня они узнали, что у него водянка. Администрація и докторъ почувствовали, повидимому, угроженіе совѣсти и въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ ухаживали за нимъ, какъ только могли. Когда же онъ сдѣлался совсемъ безпомощнымъ, хлопотали о переводѣ его въ петербургскую больницу для свиданія съ матерью—восьмидесятилѣтнею старушкою, которая тщетно много, много разъ хлопотала о свиданіи и, наконецъ, лѣтомъ 1896 г., въ письмѣ, полномъ отчаянія, прислала ему свое послѣднее благословеніе, крестъ и молитвенникъ, по которому она молилась въ теченіе всего времени заключенія Юрковского, т.-е., 16 лѣтъ, съ надписью, что больше не въ силахъ добраться до Петербурга. Хлопоты о переводѣ Юрковского въ Петербургъ оказались возможны вслѣдствіе происшедшаго въ это время—и даже нѣсколько раньше—обсужденія или уже рѣшенія о примѣненіи коронаціоннаго манифеста къ сидящимъ въ Шлиссельбургѣ, о чемъ они и не догадывались тогда. Юрковскій, навѣрное, былъ бы увезенъ изъ Шлиссельбурга по этому манифесту, такъ какъ онъ уже отбылъ свой пятнадцатилѣтній срокъ и теперь сидѣлъ въ тюрьмѣ за побѣгъ съ Кары. Юрковскій страшно хотѣлъ умереть не въ ненавист-

ной камерѣ, а хотя бы по дорогѣ, на пароходѣ, который онъ такъ любилъ по воспоминаніямъ семейнымъ и личнымъ; умеръ онъ въ камерѣ 5 сентября 1896 г. Смерть онъ встрѣтилъ мужественно. Ночью ему предложили пригласить священника, но онъ отказался, а просилъ дежурившихъ при немъ товарищей послать коменданту просьбу позволить проститься съ обѣими женщинами (съ В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ). Эту просьбу исполнили, и онъ простился съ ними въ полномъ сознаніи, хотя совсѣмъ уже задыхался. Черезъ два часа онъ умеръ¹⁾. Тѣло его, прибранное товарищами, лежало въ открытой камерѣ. Чтобы получить на это разрѣшеніе, потребовалось нѣкоторое время, и камера была заперта часа три. Когда принесли гробъ, всѣ въ послѣдній разъ простились съ нимъ и положили ему на грудь благословеніе матери. На другой день, въ 6 часовъ утра, когда раздавали чай, скрипнули ворота тюрьмы, и сторожившіе товарищи дали знать всѣмъ, что гробъ выносятъ. Вынесли сосновый ящикъ четыре солдата, впереди шелъ офицеръ, и... унесли за ворота крѣпости.

Такъ погибъ въ заточеніи сорокалѣтній богатырь. Не исключи его юношей изъ Морского корпуса за участіе въ такъ называемомъ «Китоловномъ обществѣ», Богъ знаетъ, можетъ быть, мы имѣли бы теперь въ немъ дѣльнаго и энергичнаго адмирала въ нашемъ флотѣ.

И. Ювачевъ.

¹⁾ Это былъ единственный больной, пользовавшійся въ такой мѣрѣ уходомъ и вниманіемъ товарищей и администраціи. Раньше никому невозможно было ничѣмъ помочь.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

Х.

ВЪ 1863 ГОДУ я окончилъ «Апраксинцевъ», очерки, которые я писалъ два года. Нѣсколько разъ я пересматривалъ рукопись, вставлялъ сцены, сглаживалъ, вымарывалъ, наконецъ, тщательно переписавъ рукопись, рѣшилъ отдать ее въ «Библіотеку для Чтенія». Положительно не помню, отчего я избралъ тогда именно этотъ журналъ. «Библіотеку для Чтенія» тогда только что приобрѣлъ пріѣхавшій въ Петербургъ П. Д. Боборыкинъ и самъ редактировалъ журналъ. Жилъ тогда П. Д. Боборыкинъ въ Малой Итальянской улицѣ (нынѣ улица Жуковскаго) и занималъ квартиру въ первомъ этажѣ каменнаго дома. Про него тогда говорили, что живетъ онъ лучше всѣхъ редакторовъ, и много рассказывали о какомъ-то лукулловскомъ обѣдѣ или ужинѣ, который онъ устроилъ приглашеннымъ въ журналъ сотрудникамъ. Говорили, что всѣмъ сотрудникамъ выданы щедрые авансы, что П. Д. Боборыкинъ даетъ деньги сейчасъ же послѣ принятія рукописи, а не по напечатаніи ея, чего прежде почти не практиковалось нигдѣ. Иногда это дѣлалъ только Некрасовъ,

¹⁾ Неожиданная кончина Н. А. Лейкина прервала начатія имъ воспоминанія на самомъ интересномъ періодѣ его жизни и литературной дѣятельности. Въ бумагахъ покойнаго оказалась еще одна глава, которую мы и печатаемъ, принося нашу благодарность за ея доставленіе вдовѣ нашего талантливаго и симпатичнаго писателя, Прасковѣ Никифоровнѣ Лейкиной. Ред.

и то для исключительныхъ, постоянныхъ сотрудниковъ. Редакція «Библіотеки для Чтенія» помѣщалась въ той-же квартирѣ, гдѣ жилъ П. Д. Боборыкинъ. Помню, что, передавая въ редакцію рукопись, я не видалъ самого редактора, но встрѣтилъ тамъ П. И. Якушкина, съ которымъ ужъ былъ знакомъ черезъ В. С. Курочкина. Когда отъ меня приняли рукопись, записали мой адресъ и велѣли зайти за отвѣтомъ недѣли черезъ двѣ, Якушкинъ отвелъ меня въ сторону и шепнулъ мнѣ:

— Просите впередъ. Дадутъ. Боборыкинъ пріѣдетъ черезъ часъ или часа черезъ полтора. Я самъ хочу у него взять на сапоги и на очки, и я жду его. У меня одно стекло разбито у очковъ.

Добродушный и милѣйшій Павелъ Ивановичъ Якушкинъ всегда довольствовался малымъ, и это значило, что онъ хочетъ взять авансомъ много, много десять рублей. Это былъ въ то время совѣмъ Діогенъ по своимъ потребностямъ, хотя, какъ рассказывали, въ юные годы, окончивъ университетъ и получивъ послѣ отца въ наслѣдство тысячъ двадцать, онъ въ короткое время прожилъ ихъ, развѣзая по великорусскимъ деревнямъ въ видѣ коробейника-офени съ коробомъ и записывая русскія пѣсни, пословицы и поговорки. Въ Петербургѣ онъ своей квартиры никогда не имѣлъ и жилъ у пріятелей и знакомыхъ. Два дня у одного поживетъ, три дня у другого и т. д. Столовался онъ, гдѣ придетъ, также у пріятелей и знакомыхъ, а если бывали деньги, то въ трактирахъ, и ѣлъ тогда исключительно или дутые пироги, или селянки. Ылъ онъ всегда очень мало, но зато пилъ много водки. Чай почти не пилъ, хотя любилъ «ходить пить чай» въ Балабинъ трактиръ со своими пріятелями-книгопродавцами, Кожанчиковымъ и Звонаревымъ, у которыхъ въ магазинахъ и хранилъ свои рукописи, записки и замѣтки. Балабинъ трактиръ тогда помѣщался на Садовой, рядомъ съ Публичной библіотекой. Пить чай онъ ходилъ не ради самого чая, а ради водки и закуски, которыя ему предшествовали. Чай онъ если и пилъ, то пилъ съ коньякомъ или ромомъ. Про чай у него была очень оригинальная поговорка: «чай не водка, его много не выпьешь». На одежду Якушкину также много не требовалось. Ходилъ онъ всегда въ красной рубахѣ, русскихъ высокихъ сапогахъ и въ засаленной черной однорядкѣ. Калошъ никогда не носилъ. Зимой на немъ былъ овчинный тулупчикъ, крытый сукномъ, и баранья шапка. Эту шапку онъ носилъ и лѣтомъ, такъ какъ шляпъ и картузовъ не любилъ. Часовъ карманныхъ у него никогда не бывало, а также никакихъ колецъ на пальцахъ, ни бумажника, ни кошелька. Единственная роскошь у него была— очки, стекла въ которыхъ онъ почему-то очень часто разбивалъ. Пріятели оказывали ему всегда широкое гостепримство, но онъ подолгу ни у кого не заживался и тотчасъ же переходилъ къ другому. У него были знакомые и среди будочниковъ, и иногда онъ но-

чеваль въ полицейскихъ будкахъ. Когда Якушкинъ проживалъ въ Петербургѣ, онъ никогда не писалъ ничего литературнаго, развѣ исправлялъ что нибудь, и тогда это дѣлалъ въ задней комнатѣ книжнаго магазина Бержанчикова на Невскомъ, гдѣ у него былъ тамъ также большой пріятель, приказчикъ Н. Н. Трапезниковъ, человекъ гигантскаго роста, извѣстный тогда и всей пишущей братіи. Статьи свои П. И. Якушкинъ писалъ и приводилъ въ порядокъ записанный у народа матеріалъ всегда въ деревнѣ у брата своего, Виктора Ивановича, въ Тульской губерніи, въ Чернскомъ уѣздѣ, въ селѣ Старухинѣ, гдѣ когда-то и мнѣ пришлось пользоваться гостепріимствомъ хозяина вмѣстѣ съ Н. С. Курочкинымъ, съ которымъ я завѣжалъ въ имѣніе В. И. Якушкина.

Прошло двѣ недѣли послѣ сдачи мной «Апраксинцевъ» въ редакцію «Библиотеки для Чтенія», и я, горя нетерпѣніемъ, пошелъ узнать о судьбѣ рукописи. На этотъ разъ я увидѣлъ самого П. Д. Боборыкина. Принялъ онъ меня въ своей штофной гостиной, о роскоши которой тогда было столько разговоровъ среди писателей. Вспоминая теперь эту гостиную, я нахожу, что это была самая заурядная по своей отдѣлкѣ, просто приличная, чистая гостинная, и нынѣ многіе изъ писателей имѣютъ куда болѣе роскошныя комнаты по своей обстановкѣ, не говоря уже объ издателяхъ газетъ и нѣкоторыхъ журналовъ, у которыхъ квартиры въ своихъ домахъ представляютъ чуть ли не музеи по предметамъ искусства и вообще роскоши. Но тогда писатели, да и издатели, всѣ жили очень скромно и даже сѣрвато, въ квартирахъ съ голыми стѣнами, среди поломанной и перемонтированной мебели, предупреждая посетителя, чтобы на такой-то и такой-то стулъ за ветхостью не садиться. Исключеніе представлялъ развѣ Старчевскій, издававшій «Сынъ Отечества». Некрасовъ и Краевскій имѣли тоже очень скромныя обстановки. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вѣяніе такое было въ журналистикѣ, что не только дѣлались нападки на роскошь издателей, но и на благосостояніе. Сколько нападковъ претерпѣвалъ Краевскій, а впоследствии Благосвѣтловъ за свои дома! Громили и Старчевскаго. Среди пишущихъ складывалось такъ, что писатель или издатель не долженъ имѣть недвижимой собственности, а жить какъ нибудь, какъ попало. И на самомъ дѣлѣ среди людей литературнаго труда сложился какой-то аскетизмъ, считалось неприличнымъ чѣмъ либо роскошнымъ обзаводиться и даже тратить много на свой костюмъ. Исключеніе представляли только книги, да и тѣ не хранились въ приличныхъ шкапахъ, а стояли просто на открытыхъ полкахъ, лежали на мебели, на подоконникахъ. О некрасовской собольей шапкѣ и роскошной шубѣ, которыя носилъ Некрасовъ зимою, и въ которыхъ онъ изображенъ на одномъ изъ своихъ портретовъ, какъ это ни странно покажется, тоже было много разговоровъ и осужденій, и даже въ печати. Причинной

такого осужденія малѣйшей роскоши, очень можетъ статья, былъ и малый гонораръ того времени за литературныя произведенія. У Краевского и Дудышкина въ «Отечественныхъ Запискахъ» обыкновенный гонораръ для непрогрѣвшихъ еще авторовъ былъ не болѣе 50 рублей за листъ въ 34.000 буквъ. Такой же гонораръ былъ и въ «Дѣлѣ» у Благосвѣтлова.

Но я уклонился.

Боборыкинъ былъ одѣтъ франтовски сравнительно съ тѣми писателями, которыхъ мнѣ приходилось тогда видѣть.

Онъ сказалъ мнѣ:

— Прочелъ вашу рукопись съ удовольствіемъ. Свѣжо, ново. Ваши очерки будутъ напечатаны въ слѣдующей же книжкѣ. Мы хотѣли извѣстить васъ объ этомъ письмомъ, но вотъ вы пришли сами.

Затѣмъ онъ разспросилъ меня, гдѣ я такъ изучилъ торговый бытъ; я рассказалъ ему, и мы познакомились. Помню, что я вкратцѣ рассказалъ ему всю мою біографію.

О гонорарѣ я не условливался. Заплачено мнѣ было потомъ редакціей «Библіотеки для Чтенія» по 75 рублей за листъ. Въ распоряженіи моемъ очутились такія деньги, о которыхъ я никогда не мечталъ. Пришлось что-то больше пятисотъ рублей, хотя я получилъ ихъ въ два раза, такъ какъ очерки были помѣщены въ двухъ книжкахъ. Я не вѣрилъ себѣ, хотя деньги были налицо. Признаюсь, я тогда сильно возгордился моимъ положеніемъ и ужъ сталъ небрежно относиться къ моимъ обязанностямъ по службѣ въ кладовой Боненблюста, гдѣ въ то время получалъ только 25 рублей въ мѣсяцъ за свой трудъ. Дядя и хозяинъ дѣлали мнѣ замѣчанія. Я не обращалъ на нихъ вниманія и ужъ не только читалъ «на дѣлѣ», то-есть во время служебныхъ часовъ, но даже писалъ на тюкахъ карандашомъ въ записной книжкѣ наброски моихъ разсказовъ, за каковымъ занятіемъ заставляли меня иногда покупатели и съ язвительными улыбочками говорили:

— Въ «Искру» пишете? Съ вами теперь опасно и разговаривать. Какъ разъ пропечатаете ни за что, ни про что.

Молва о моемъ сотрудничествѣ въ «Искрѣ» ходила ужъ по Гостиному двору и во временныхъ лавкахъ на пепелищѣ сгорѣвшихъ рынковъ.

Обращались торговцы и къ дядѣ, говоря ему:

— У васъ теперь страшно и покупать. Того и гляди, въ критику попадешь. Племянничекъ въ «Искрѣ» пописываетъ. Говорить говори, да оглядывайся, а то какъ разъ твои слова подслушаютъ и на смѣхъ тебя поднимутъ въ «Искрѣ».

Дядя смущался и отмалчивался. По всѣмъ вѣроятіямъ, то же самое торговцы говорили Боненблюсту, но они еще ничего не знали о моихъ «Апраксинцахъ». Толстые журналы совсѣмъ не читались

ими, и «Библиотека для Чтенія» никому изъ нихъ не попадала въ руки. Но скоро до нихъ дошли слухи и объ «Апраксинцахъ», и такъ какъ сами они не читали, то, очень можетъ быть, и въ превратномъ видѣ. Я сталъ получать отъ нихъ такія шпильки:

— Клеветой на своего брата торговца стали заниматься? Ловко! Зачѣмъ же тогда вы по торговлѣ служите, если свое сословіе мараете?

Я огрызался. Старался инымъ объяснить, что ни клеветы, ни маранья кого либо въ моихъ писаніяхъ нѣтъ, а есть только изображенія типовъ, быта, характеровъ. Меня не понимали. Становилось несносно. Я задумалъ бросить кладовую, искать себѣ другого мѣста. Но тогда мнѣ и въ голову не приходило, что можно существовать литературнымъ трудомъ. Тѣ деньги, которыя я получилъ за «Апраксинцевъ», казались мнѣ случайнымъ, временнымъ поступленіемъ. Я даже не рассчитывалъ, что опять могу написать такое большое сочиненіе.

Наконецъ и хозяинъ Боненблюстъ обратился ко мнѣ съ упрekomъ по поводу моего писанія, и сдѣлалъ онъ это въ слѣдующей формѣ:

— Я вообще русскихъ газетъ и журналовъ не читаю и иностранныя газеты читаю только серьезные, но мнѣ наши покупатели жаловались, что вы ихъ въ русскихъ журналахъ пробираете, печатаете про нихъ что-то и поднимаете на смѣхъ. Я не читалъ, но такъ мнѣ сказывали. Вы печатаете свои статьи?—задалъ онъ вопросъ.

— Печатаю, — отвѣчалъ я. — Я пишу въ свободное время, по вечерамъ и печатаю.

— Это хорошо, кто печатаетъ. Я не противъ этого, но печатать надо серьезные статьи и никого не трогать въ нихъ, въ особенности покупателей. Не надо забывать, что я, вашъ дядя и вы — мы всѣ живемъ отъ покупателей. Имъ надо угождать, а не раздражать ихъ, иначе — какая же это торговля!

Что можно было отвѣчать на это? Онъ по-своему былъ правъ.

Положеніе было натянутое. Меня если не увольняли, то только благодаря дядѣ, который для Боненблюста былъ безусловно необходимымъ человѣкъ. Я уже самъ хотѣлъ бросить кладовую, сказался больнымъ, остался дня на два дома и объявилъ о своемъ рѣшеніи дядѣ, но тотъ на это мнѣ отвѣчалъ:

— Прежде всего надо найти другое мѣсто, а потомъ и уходить. Боненблюстъ добрый человѣкъ и самъ ищетъ для тебя мѣсто въ какой нибудь конторѣ. Въ правленіи страхового общества у него есть пріятель управляющій, и, можетъ быть, онъ тебя туда къ нему помѣститъ.

Такъ и вышло. Впослѣдствіи по рекомендаціи Боненблюста я получилъ мѣсто въ конторѣ перваго страхового отъ огня обще-

ства, но это случилось черезъ годъ, послѣ моей тяжелой болѣзни, перелома ноги, такъ какъ я мѣсяца два пролежалъ съ крахмальной повязкой, долго поправлялся, а затѣмъ уѣхалъ въ Старую Руссу на воды для подкрѣпленія истощенныхъ силъ.

«Апраксинцы» мои были замѣчены и въ литературной средѣ. Объ очеркахъ говорили, появлялись лестныя для меня замѣтки въ печати, но, какъ это ни странно покажется, это было непріятно моему отцу и моему дядѣ. Купцы-торговцы, увидавъ себя въ «Апраксинцахъ», какъ въ зеркалѣ, при встрѣчѣ съ отцомъ и дядей, сѣтовали имъ на меня, говорили колкости и становились во враждебныя отношенія, что для отца и дяди было непріятно и даже невыгодно, въ особенности отцу, который, имѣя мѣсто старосты Гостиного двора, служилъ обществу торговцевъ и долженъ былъ угождать имъ. Отецъ мой, человекъ добрый, даже плакался на свою судьбу и разъ сказалъ мнѣ:

— Лучше бы ты чѣмъ нибудь другимъ занялся въ свободное время, чѣмъ это писаніе, а то черезъ тебя только получаешь непріятности. Мало ли есть другихъ занятій! Ты хорошо знаешь нѣмецкій языкъ—ну, переводи что нибудь, занимайся перепиской, пиши торговыя письма, а вѣдь ты въ своихъ разсказахъ задѣваешь тѣхъ, отъ которыхъ я завишу. Самъ я не противъ твоихъ разсказовъ, но вѣдь я могу черезъ тебя и мѣсто потерять. Да и для дяди нехорошо, непріятно.

Я горевалъ, что своимъ литературнымъ трудомъ приношу своимъ роднымъ непріятности, но все-таки продолжалъ писать, писалъ съ особеннымъ рвеніемъ, помѣщалъ свои разсказы попрежнему въ «Искрѣ» и началъ писать повѣсть «Биржевые артельщики».

Наступилъ 1864 г. Помню, что утромъ въ праздникъ, кажется, въ февралѣ въ нашей квартирѣ раздался звонокъ. Помню, что я самъ отворилъ наружную дверь. Передо мной стоялъ высокій господинъ въ шубѣ и шляпѣ, съ черными небольшими бакенбардами и говорилъ:

— Писателя Лейкина мнѣ надо видѣть. Здѣсь онъ живетъ?

— Здѣсь. Это я,—далъ я отвѣтъ.—Что вамъ угодно?

— Имѣю вамъ кое-что сказать. Позвольте раздѣться. Я—Салтыковъ... писатель Салтыковъ... Щедринъ... Пріѣхалъ отъ Некрасова переговорить съ вами.

Я обомлѣлъ и стоялъ, какъ истуканъ. Передо мной дѣйствительно стоялъ Салтыковъ-Щедринъ, котораго я теперь узналъ по имѣвшемуся у меня его портрету изданія «Художественнаго Листка» Тимма. Я не могъ и представить себѣ такой чести. Салтыковъ самъ снялъ съ себя шубу и повѣсилъ ее въ прихожей на вѣшалку. Я до того растерялся, что даже не помогъ ему сдѣлать этого. Кое-какъ оправившись, я, однако, пригласилъ его въ гостиную. Онъ самъ и началъ:

— Николай Алексѣвичъ Некрасовъ и я читали вашихъ «Апраксинцевъ» въ «Библиотекѣ для Чтенія», и намъ они очень понравились. Читали и ваши милые рассказы въ «Искрѣ». Очень своеобразно. Писать изъ купеческаго быта трудно послѣ Островскаго, но вы не подражаете... У васъ свое... И вотъ Некрасовъ поручилъ мнѣ заѣхать къ вамъ и просить васъ дать намъ что нибудь для «Современника».

Я, какъ говорится, земли подъ собой не слышалъ отъ радости и восторга. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ-Щедринъ кавался мнѣ чѣмъ-то великимъ, недосягаемымъ, и вдругъ онъ у меня! Я зачитывался его «Губернскими очерками», объ немъ я слышалъ столько восторженныхъ рѣчей отъ сотрудниковъ «Искры», отъ самого В. С. Курочкина, который даже ѣздилъ къ нему совѣтоваться съ нѣкоторыми рукописями, какъ мнѣ было извѣстно, а я и на Курочкина смотрѣлъ, какъ на нѣчто огромное.

Кое-какъ я оправился и отвѣчалъ:

— Мнѣ такъ лестно, такъ лестно ваше предложеніе, что я и выразить не могу. У меня есть начатая повѣсть «Биржевые артельщики», но она написана только на половину...

— «Биржевые артельщики»? О, это опять долженъ быть своеобразный бытъ, какъ и ваши «Апраксинцы». Давайте, давайте намъ эту повѣсть для «Современника». Давайте то, что у васъ есть. Мы напечатаемъ начало, а потомъ вы будете продолжать. Вѣдь вы скоро пишете?—говорилъ Салтыковъ.

— У меня и начало еще не отдѣлано. Черновикъ... Надо переписать...

— Такъ отдѣлывайте скорѣй и приносите намъ въ «Современникъ». Мы сейчасъ же напечатаемъ. А вы пишете продолженіе, поналягте хорошенько, поусидчивѣе пишете.

Помню, что на глазахъ моихъ были слезы радости. Они мѣшали мнѣ говорить.

Я обѣщаль доставить начало рукописи черезъ недѣлю и даже показалъ Салтыкову эту рукопись. Онъ перелистовалъ ее, посмотрѣлъ и проговорилъ:

— Хорошо, четко пишете... И переписывать не надо... И такъ наберутъ. И не такія рукописи набираютъ. Развѣ исправленія будете дѣлать...

Затѣмъ Салтыковъ распросилъ меня, гдѣ я служу, съ кѣмъ я живу, и, узнавъ, что живу въ большой семьѣ отца, покачалъ головой.

— Въ большой семьѣ трудно заниматься литературной работой,—сказалъ онъ.

Таково было посѣщеніе меня Салтыковымъ.

Приведу кстатѣ отзывъ моего дяди о посѣщеніи меня Салтыковымъ. Онъ не читалъ произведеній Салтыкова и не былъ зна-

комъ съ его литературнымъ значеніемъ. Здѣсь также выразилось его неудовольствіе къ моему литературному труду, а также и пренебрежительный взглядъ на мое положеніе. Онъ не сознавалъ, что я уже выдвигался на литературномъ поприщѣ и, какъ говорится, былъ на виду.

— Кто это у тебя былъ? — спросилъ онъ меня послѣ ухода Салтыкова.

— Знаменитый писатель, сатирикъ, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, — отвѣчалъ я, млѣя отъ восторга. — Приглашалъ меня работать въ «Современникъ».

Дядя нахмурился.

— Знаменитый... Былъ бы знаменитый, такъ къ тебѣ не прѣхалъ бы, — пробормоталъ онъ.

А дядя былъ добрый человекъ, много давалъ отцу въ подспорье на содержаніе нашей семьи и любилъ всѣхъ насъ безгранично.

«Современникъ» былъ на высокомъ счету. Сотрудники его считались литературными генералами. Приглашеніе Салтыкова меня окрылило.

Работа закипѣла. Я засѣлъ за отдѣлку повѣсти «Биржевые артельщики», никуда по вечерамъ не выходилъ изъ дома и писалъ. Даже сказавшись больнымъ, не пошелъ разъ въ кладовую и сидѣлъ надъ рукописью днемъ и ночью и наконецъ приготовилъ ее для отдачи въ «Современникъ». Первая часть повѣсти была написана такъ, что могла считаться какъ бы оконченной. Быть артельщиковъ былъ изображенъ вполне, и только фабула разсказа не имѣла еще конца.

Здѣсь я запишу, какъ я познакомился съ Некрасовымъ и при какой обстановкѣ видѣлъ его. Видѣлъ его я всего одинъ разъ и разговаривалъ съ нимъ не болѣе пяти минутъ, но память окончательно измѣняетъ мнѣ, видѣлъ ли я его тогда, когда относилъ рукопись въ «Современникъ», или уже по отпечатаніи ея въ журналѣ.

Часовъ около двухъ дня пришелъ я въ редакцію «Современника», находившуюся въ домѣ А. А. Краевского на Литейномъ проспектѣ, на углу Бассейной улицы, при квартирѣ Некрасова. Первое, что я увидалъ въ прихожей, — было чучело громаднаго медвѣдя, стоявшее на заднихъ лапахъ, опершись передними на толстую палку. Во второй комнатѣ, скудно меблированной, опять два медвѣдя — одинъ изображавшій диванъ, другой медвѣдь въ углу, на дыбахъ и съ подносомъ въ лапахъ, на которомъ стояли графинъ и стаканъ. Въ этой комнатѣ меня встрѣтили Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ и Аполлонъ Александровичъ Головачовъ. А. Н. Плещеевъ писалъ что-то за письменнымъ столомъ. Кажется, онъ въ то время былъ секретаремъ редакціи. Какъ съ Плещеевымъ, такъ и съ Головачовымъ я встрѣтился тогда въ первый разъ. Я

сказалъ свою фамилію, и мы познакомились. Плещеевъ тогда былъ полный блондинъ, еще безъ сѣдины, съ большой окладистой бородой, съ добродушными голубовато-сѣрыми глазами, съ очень густыми волосами на головѣ; Головачовъ—черный съ красноватымъ лицомъ, нѣсколько лысоватый уже и тоже съ окладистой бородой. Узнавъ, что я желаю видѣть Некрасова, они мнѣ сказали, что онъ занятъ съ кѣмъ-то, но скоро освободится.

Некрасовъ дѣйствительно скоро освободился, и я вошелъ къ нему въ кабинетъ, откинувъ тяжелую портьеру. Тамъ, въ кабинетѣ, были опять два медвѣдя: одинъ лежалъ подъ письменнымъ столомъ, другой стоялъ въ углу. Некрасовъ былъ страстный охотникъ, и эти медвѣди, изъ которыхъ были сдѣланы чучела, были имъ самимъ убиты, какъ рассказывали мнѣ. Некрасовъ поднялся изъ-за письменнаго стола и направился ко мнѣ навстрѣчу, когда я вошелъ къ нему. Съ маленькой черной бородкой съ просѣдью, съ рѣдкими волосами на головѣ, черезъ которые на лбу и на темени просвѣчивала кожа, одѣтъ онъ былъ въ бархатную жакетку, и изъ-за жилета выглядывалъ кусочекъ яркаго краснаго галстука. Некрасовъ въ то время имѣлъ видъ больного человѣка, лицо его было желтовато сѣрое, на ходу онъ какъ-то хлябалъ ногами и говорилъ сирымъ голосомъ.

— Читалъ, все ваше читалъ. Знакомъ съ вашими произведеніями. Мнѣ они нравятся. Да и вообще это такой быть, изъ котораго надо писать теперь, кто его знаетъ,—говорилъ онъ мнѣ.— Теперь надо знакомить читателя съ народомъ и съ тѣмъ людомъ, который выходитъ изъ народа. Вѣдь въ нихъ вся будущность Россіи... Пишите, батенька, намъ, пишите, а мы будемъ печатать. Вѣдь вы еще не окончили ту повѣсть, которую дали намъ... Мы ждемъ окончанія. И поторопитесь, поторопитесь окончаніемъ.

Я общалъ. Затѣмъ поднялся и сталъ откланиваться. Некрасовъ меня не удерживалъ. При прощаніи со мной, онъ взялъ мою руку одной рукой, прикрылъ ее другой своей рукой и хотя сирымъ, но ласковымъ голосомъ проговорилъ:

— До свиданія... Увидимся, когда принесете окончаніе рукописи. Пишите, пишите... У васъ хорошо выходитъ. Вы знаете тотъ быть, изъ котораго пишете. Но одно могу посовѣтовать... У васъ добродушно все выходитъ. А вы, батенька, злобы, злобы побольше... Теперь время такое. Злобы побольше...

Онъ потрясалъ мою руку и, когда я уже очутился въ дверяхъ, опять крикнулъ мнѣ:

— Помните, батенька: злобы побольше!

Окончаніе повѣсти «Биржевые артельщики» не удалось мнѣ доставить своевременно. Ранней весной, въ гололедицу, возвращаясь домой изъ гостей отъ моей тетки, вмѣстѣ со всей моей семьей, я упалъ на Загородномъ проспектѣ, у Пяти Угловъ, и такъ не-

удачно, что сломалъ себѣ ногу. Паденіе было ужасное по своимъ послѣдствіямъ. Изломъ оказался въ шейкѣ бедра. Сначала думали, что у меня только сильный ушибъ съ растяженіемъ связокъ, но потомъ врачи убѣдились, что былъ переломъ, такъ какъ нога укоротилась. Меня подняли безъ чувствъ, привезли домой, и дворникъ съ большимъ трудомъ внесъ меня на плечахъ въ нашу квартиру. Боль была страшная. Дѣло было ночью. Долго не могли найти доктора, и въ концѣ концовъ онъ пріѣхалъ только утромъ. Какъ бы то ни было, но въ результатѣ я былъ прикованъ къ постели. Сначала компрессы, а затѣмъ крахмальная повязка. Первое время нельзя было не только писать, но даже и читать. Малѣйшее движеніе причиняло невыносимую боль. Да и впослѣдствіи нельзя было не только садиться, но даже и приподниматься, такъ какъ повязка была положена до живота. И какъ же грызла меня совѣсть, что я не могу доставить окончаніе повѣсти въ «Современникъ»! А тамъ ждали и не печатали начала. Узнавъ о моей болѣзни, меня пріѣхалъ навѣстить А. А. Головачовъ и спрашивалъ объ окончаніи повѣсти. Я отвѣчалъ, что, какъ только немного мнѣ будетъ полегче, я хоть лежа, но примусь писать. А легче не дѣлалось. Съ постели я всталъ только въ маѣ, изнуренный, кое-какъ передвигался по комнатѣ на костыляхъ и писать совсѣмъ не могъ. Кромѣ того, меня угнетало то, что изломанная моя нога, хотя и срослась кое-какъ, но послѣ снятія повязки совсѣмъ не двигалась ни выше колѣна, ни въ колѣнѣ и висѣла, какъ плеть.

А въ «Современникѣ» ждали окончанія повѣсти и только въ іюлѣ, уже извѣрившись, что окончаніе будетъ доставлено, помѣстили въ № 7 журнала моихъ «Биржевыхъ артельщиковъ», не упомянувъ, что будетъ окончаніе повѣсти. Окончаніе я, однако, доставилъ къ ноябрьской книжкѣ «Современника», въ которой оно и было напечатано. Этимъ объясняется перерывъ повѣсти съ № 7 до № 10 журнала. А въ Петербургѣ, среди читающей публики, ходили слухи, что окончаніе повѣсти въ № 8 потому не было напечатано, что будто его не пропустила цензура.

Н. Лейкинъ.

УСТИНОВА ПРАВДА.

(Изъ деревенскихъ настроеній).

I.

ВЕСПОКОЙНОЕ еще съ лѣта настроеніе крестьянъ нашего уѣзда перешло осенью, какъ и вездѣ, въ открытое броженіе, быстро разгоравшееся подъ вліяніемъ неожиданно со всѣхъ сторонъ нахлынувшихъ «новыхъ» словъ, идей, фактовъ. И непонятные «манифесты», манящіе чѣмъ-то хорошимъ, желаннымъ, и тревожныя газетныя извѣстія о повсемѣстныхъ смутахъ, и появившіеся всюду «листки» съ смѣлыми и грозными рѣчами, зовущими однихъ куда-то въ заманчивую даль, а другихъ къ отвѣту, и откровенныя рѣчи «ораторовъ» на открывшихся вдругъ свободныхъ сходкахъ — все это произвело ошеломляющее впечатлѣніе на мирно дремавшихъ доселѣ крестьянъ. Было отчего закружиться ихъ головамъ и распататься нервамъ...

Въ томъ «новомъ», что такъ негаданно нахлынуло на крестьянъ, чувалось сначала что-то страшное, непонятное, загадочное. Но такъ было на первыхъ порахъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ошеломляющей новизны. Потомъ, когда первый угаръ прошелъ, крестьяне живо ориентировались по-своему въ хаосъ новыхъ идей и выудили оттуда только то, что съ незапамятныхъ временъ лелѣялось въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ народной души. Мозги народа, вѣками работавшіе волею-неволею въ одной узкой области практи-

ческих, шкурных интересовъ, именно сюда устремились и теперь, на зарѣ новой жизни. Ему показалось, что наступилъ давно желанный моментъ осуществленія тѣхъ мечтаній о «мужицкомъ раѣ» на землѣ, который споконъ вѣка мерещился отцамъ, дѣдамъ, прадѣдамъ...

Невѣсть отъ коихъ поръ прочно залегла у крестьянъ твердая вѣра въ то, что наступитъ время «чернаго передѣла», когда «вся земля будетъ мужицкою»... И вотъ вдругъ то самое, что только во снѣ снилось да потихоньку обсуждалось «промежь себя», какъ несбыточная мечта о «царствіи небесномъ» на землѣ, это самое какъ будто начинаетъ осуществляться наяву, да еще въ такой обольстительной обстановкѣ, о какой и не грезилось раньше...

Была объявлена «свобода», понятая крестьянами, какъ освобожденіе отъ всякихъ обязанностей, какъ свобода дѣйствій, какъ своеволие и самоволие. Такое толкованіе еще болѣе подтверждалось объявленною «свободою совѣсти», которую быстро поняли, какъ «свободу отъ совѣсти»... Все это было такъ ясно, просто, понятно и всѣмъ, кромѣ рѣдкихъ ригористовъ, пришлось по сердцу... Головы заработали во всю, а новые факты быстро несшейся кругомъ жизни только подливали масла въ огонь.

Начались желѣзнодорожныя, фабричныя, почтовыя забастовки, коснувшіяся отчасти и нашей мѣстности, но понятія населеніемъ своеобразно. Въ обиходъ крестьянской рѣчи вошли новыя слова: «забастовка», какъ означеніе всякаго насильственнаго дѣянія, сопровождаемаго погромомъ, сокрушеніемъ «животовъ», жилищъ и проч. «Забастовать» кого — это у насъ значить, разгромить домъ, повредить имущество и т. п., иногда и съ насиліемъ надъ личностью. «Холодная забастовка» — развитіе стеколъ или выемка оконныхъ рамъ въ домѣ.

Обогатился народный языкъ и другими новыми словами: «ораторъ», «митингъ», «республика», «революція» и др. — все это стало вдругъ понятно самому захудалому крестьянину. Даже малые ребята начали охотно играть въ какую-то новую свою игру — «забастовку».

А бородатые, взрослые «ребята» — отцы и братья — тоже повели новую игру, но посерьезнѣе. Рѣдкіе изъ болѣе развитыхъ крестьянъ, особенно изъ фабричной молодежи, сознательно отнеслись къ новымъ идеямъ революціоннаго характера, какія доходили до нихъ на митингахъ въ городѣ и на фабрикахъ и заводахъ уѣзда. Но и эти «крайніе лѣвые», и сознательные, и бессознательные, недалеко ушли въ своихъ конечныхъ стремленіяхъ отъ «лѣвыхъ», «умѣренныхъ» и «правыхъ». Всѣхъ одинаково обуяла жажда «землицы» — исконная жажда и русскаго, и всякаго крестьянства. Всѣ помыслы сюда устремились, и въ осуществленіи ихъ увидѣли единственный смыслъ новыхъ вѣнаній. Недурны и другія возвѣщенныя

блага — «свобода отъ совѣсти», «свобода отъ податей и отъ начальства» и проч. и проч., но все это было на второмъ планѣ, а краеугольнымъ камнемъ всего ставилось именно надѣленіе «даровой землицей».

И такой желанный выводъ получался не столько изъ рѣчей «ораторовъ» на сходкахъ, или изъ прокламацій крайнихъ и разной нелегальной литературы, распространявшейся у насъ, какъ и вездѣ въ фабричныхъ мѣстностяхъ. Все это было доступно далеко не всѣмъ крестьянамъ. Но то, что требовалось имъ, чего они жаждали, къ чему неудержимо стремились, — все это нашли они въ опубликованныхъ правительственныхъ актахъ—манифестахъ, указахъ и пр. Въ этихъ случаяхъ они—удивительные мастера «читать между строкъ» и вездѣ находятъ именно и только то, что имъ желательно...

Даже въ такомъ невинномъ актѣ, какъ «манифестъ 6 августа», крестьяне прозрѣли именно то, чего жаждутъ: выслушавшіе въ церкви манифестъ рѣшительно увѣряли, будто въ немъ шла рѣчь «объ отобраніи земли отъ помѣщиковъ»... А когда посыпались октябрьскія и ноябрьскія «милости», закружившія головы не однихъ крестьянъ, послѣдніе сочли вопросъ о землѣ безповоротно рѣшеннымъ и всецѣло въ ихъ сторону. Было отчего прійти въ восторгъ и потерять голову, когда изъ объявленныхъ «царскихъ милостей» крестьяне сдѣлали такой безапелляціонный выводъ:

— Слава-те Господу! Дождались... Вся земля теперь отойдетъ къ намъ и задаромъ: за все казна заплатитъ... Еще разокъ возьметъ съ насъ выкупныя, а потомъ ни-ни! Никакихъ податей съ насъ не будетъ...

Когда проникли въ деревню толки о государственной думѣ, крестьяне и сюда внесли своеобразное толкованіе, отвѣчавшее ихъ задушевному чаяніямъ... Они толковали:

— Ну, теперь шабашъ начальству!.. Ни тебѣ земскаго, ни судейскаго, ни урядника, ни исправника — никого не будетъ!.. Все будетъ вершить дума, а больше никого не надо — проживемъ и безъ начальства... Бude, покуражились вволю надъ нами!..

Такъ образовались три «кита», на которыхъ покоится вся суть крестьянскихъ вождедѣній: «вся земля наша, налоговъ никакихъ, начальства не полагается»... И больше ничего имъ не требуется, разъ эти три «кита» будутъ незыблемы... Не нужны имъ ни судъ, ни земство, ни школы, никакая культура, ничто «господское», «барское»!.. Дайте имъ жить «по-своему» и не мѣшайте образованію «мужичье земство», т. е. возвращеніе назадъ, «домой», ко временамъ «скиеовъ и сарматовъ»...

Къ такому антигосударственному и антикультурному выводу приходитъ народъ, прожившій болѣе 1000 лѣтъ какъ-никакъ, а все-таки въ формахъ государственной жизни, и даже проявившій

немалую прикосновенность къ міровой культурѣ!.. И пусть «лутчіе люди» этого народа идутъ не только рядомъ, но часто и впереди нашей интеллигенціи, служа одному идеалу культуры и общестственности,—тутъ мало утѣшительнаго, когда милліоны народныхъ массъ не идутъ за своими вождями, предпочитая превращеніе въ дикія орды первоначальниковъ земли, которыя сметутъ всю нашу еще такую скромную культуру...

Не даромъ многіе во всемъ этомъ видятъ ужасающій призракъ разложенія и, можетъ быть, умиранія націи... Но такъ страстно не хочется вѣрить въ возможность этого смертнаго приговора... такъ жаждешь уловить въ народномъ самосознаніи хотя бы ничтожныя черточки какихъ нибудь культурныхъ проявленій... такъ трепетно ищешь вездѣ хотя бы нѣсколькихъ «праведниковъ», ради которыхъ Богъ Русской земли пощадитъ ее отъ конечной гибели!..

И дѣйствительно, кое-гдѣ чуть-чуть проскальзываютъ малозамѣтные, очень-очень маленькіе, но все же свѣтлые лучи правды... Чаще всего она исходитъ оттуда, гдѣ и не ждалъ ея — отъ «малыхъ сихъ», сохранившихъ ее всецѣло, когда кругомъ вездѣ она затерялась, у всѣхъ закружились, угорѣли головы среди водворившейся всюду анархіи. Объ одномъ изъ такихъ бодрящихъ проявленій правды—объ «Устиновой правдѣ»—расскажу ниже.

II.

Наши «крайніе лѣвые» изъ тѣхъ крестьянъ, чтó сознательно относятся къ программѣ будущаго и не чужды культурныхъ стремленій, постоянно твердили колеблющимся:

— Мы стоимъ за правду!.. и мы добьемся ея — погодите!..

Болѣе или менѣе они были правы, утверждая такъ, но они забывали, что къ правдѣ нужно подходить правдивыми, честными путями, что чистое дѣло требуетъ и чистыхъ средствъ, что нечистыми руками нельзя прикасаться ни къ чему святому...

Правда, не было въ нашемъ уѣздѣ ни страшныхъ разгромовъ, ни озвѣрвія толпы, ни потоковъ крови. Сравнительно умѣренное настроеніе крестьянъ объясняется отчасти и спокойной натурой сѣверянина, и относительнымъ общимъ развитіемъ населенія фабричной, промышленной губерніи, и лучшими достатками его. Земля здѣсь неважная, но ея еще достаточно—«нищенскихъ» (даровыхъ) надѣловъ здѣсь не знали, а у бывшихъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ земли даже изобильно, не вся и обрабатывается. У рѣдкихъ обществъ нѣтъ лѣсовъ, а были они отведены почти всѣмъ. Урожай здѣсь посредственные, но зато полныхъ неурожаевъ и голодовокъ совсѣмъ не знаютъ. Нехватки съ земли восполняются съ избыткомъ заработкомъ на фабрикахъ, заводахъ, кустарныхъ и другихъ промыслахъ. Въ большомъ развитіи ягодное хозяйство,

посѣвы клевера и т. п. шаги къ интенсивному хозяйству. Улучшенныя сельскохозяйственныя орудія—въ большомъ ходу и спросѣ. Избы хорошія, немало и каменныхъ.

Словомъ, нужды здѣсь никогда не было (по крайней мѣрѣ, о ней не помнятъ) и сейчасъ нѣтъ (за единичными исключеніями, вездѣ возможными), и сами крестьяне говорятъ, что имъ «жить можно». И все же, это достаточное, развитое, энергичное крестьянство пошло на грабежи, поджоги и всякія насилія, когда насталъ періодъ революціи. У всѣхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, одинаково разгорѣлись аппетиты на чужое добро, зависть къ чужому благосостоянію и стремленіе урвать изъ него что нибудь для себя, поднять свои достатки на чужой счетъ, воспользоваться даровщиной...

Въ разгаръ революціи, въ октябрѣ и ноябрѣ, наступила зима, и единственнымъ объектомъ для проявленія новой «свободы» оказались одни лѣса, которыми еще богатъ нашъ уѣздъ. Первымъ дѣломъ крестьяне стали сводить свои лѣса, особенно далекіе отъ селеній, чтобы на нихъ не позарились ближайшіе крестьяне. Если же гдѣ надѣялись сохранить свой лѣсъ, тамъ его не трогали, а бросались на лѣса крупныхъ землевладѣльцевъ. Началось съ мелкихъ порубокъ, всегда существовавшихъ, но теперь усилившихся необычно. Извѣстно, что нѣтъ у лѣса болѣе страшнаго и «принципальнаго» врага, какъ русскій мужикъ... И вотъ для него настало полное раздолье, ничѣмъ не сдерживаемое.

Пресловутые «лѣсоохранительные комитеты» — притча во языцѣхъ и въ мирное время, теперь были сведены къ нулю, и veto на рубку лѣса перешло къ крестьянскимъ обществамъ. Всѣмъ землевладѣльцамъ, начавшимъ зимнюю сводку лѣса, проданнаго уже на фабрики, заводы и т. д., крестьяне «запретили» продолжать рубку, говоря, что сводимые лѣса «наши», или, «можетъ, будутъ наши», или же «были нашими»...

Владѣльцы и лѣсопромышленники вынуждены были не только подчиниться такому запрещенію сводки собственныхъ лѣсовъ, но и молча смотрѣть на всѣ дальнѣйшія насилія и грабежи крестьянъ. Кое-гдѣ крестьяне не трогали нарубленнаго владѣльцами лѣса, не позволяя, однако, и послѣднимъ воспользоваться своимъ добромъ. Но въ другихъ случаяхъ срубленный лѣсъ увозился крестьянами, ехидно при этомъ говорившими:

— Спасибо барину! добрая душа!... ишь сколько для насъ нарубилъ дровецъ — не на одну зиму хватить... добре! Вреды тутъ для насъ нѣту...

И, ничтоже сумняся, тащили чужое добро, ни во что ставя чужой трудъ—рубщиковъ, пильщиковъ, возчиковъ... Все это была своя же братія, сильно нуждавшаяся въ лѣсномъ заработкѣ и возмущенная потерей его. Но приходили сосѣди, предъявлявшіе на

лѣсъ фиктивныя права, и «снямали» лѣсныхъ рабочихъ. Послѣдніе иногда протестовали, мѣстами дѣло доходило «до кольевъ», но сила толпы и кулака вездѣ брала верхъ.

У одного землевладѣльца было нарублено до двухъ тысячъ сажень дровъ, и рубка была остановлена сосѣдними крестьянами, начавшими ватѣмъ таскать для себя и продавать на базарахъ чужія дрова. У другого остановили рубку въ одной части лѣса, ближайшей къ селу, а сами начали самовольно рубить въ болѣе отдаленной части того же лѣса. И во многихъ другихъ частныхъ лѣсахъ застучали немилосердно крестьянскіе топоры, рубя какъ попало, чтò приглянулось имъ и выходило «сподручно»... Индѣ рубили только фабричныя лѣса, а «барскіе» берегли, въ полной увѣренности, что послѣдніе принадлежатъ крестьянамъ и «по всѣмъ правамъ» къ нимъ отойдутъ. По тѣмъ же мотивамъ берегли для себя и удѣльные лѣса.

III.

Стонъ пошелъ по лѣсамъ... Разсказывали о любопытныхъ сценахъ, разыгрывавшихся тутъ. Отмѣчу кое-что изъ нихъ.

Крестьянинъ средняго достатка, сильно ухаживавшій за сосѣднею «господскою» усадьбою, въ чаяніи разныхъ благъ, приходитъ къ управляющему и говорить:

— Отпусти-ка мнѣ сажень дровецъ... Гдѣ наше не пропадало!... Еще разокъ куплю у васъ, а потомъ всѣ будемъ такъ брать, за даромъ...

Выдали ему билетъ на вывозку сажени дровъ. Черезъ нѣсколько дней, когда онъ уже вывезъ купленныя дрова, лѣсной сторожъ замѣтилъ на складѣ, что кто-то беретъ и увозитъ дрова самовольно, не заплативши денегъ. Прослѣдили—и оказалось, что воруется тотъ самый крестьянинъ, который такъ откровенничалъ съ управляющимъ. Его захватили «на мѣстѣ преступленія», и онъ отбоярился тѣмъ, что ходилъ де за новымъ билетомъ къ управляющему, да не засталъ его дома... Въ тотъ же день онъ «выправилъ» билетъ. Совѣстно было ему, достаточному мужику и первому оратору на мірскихъ сходкахъ, получить кличку «вора», да побоялся и въ «протоколъ» попасть.

Другой крестьянинъ купилъ у того же владѣльца двѣ сажени дровъ, а доставилъ въ городъ одному изъ мѣстныхъ бюрократовъ до десяти сажень... Такія выгодныя «поставки» были въ большомъ ходу и не преслѣдовались владѣльцами, чтобы «не дразнить мужичка», свободно нагуливавшаго большіе аппетиты къ чужому добру. Да и трудно было выводить на свѣжую воду эти продѣлки, разъ даже чиновные покупатели не прочь были «малость съэкономить» на «удачной» покупкѣ «завѣдомо краденаго».

Крестьяне безцеремонно относились къ лѣсамъ всѣхъ владѣльцевъ безъ разбора—и крупныхъ, и мелкихъ, и сильныхъ, и слабыхъ. Самымъ богатымъ лѣсовладѣльцемъ въ уѣздѣ состоитъ большой, «столбовой» баринъ, чиновная и титулованная особа, съ огромнымъ вліяніемъ въ уѣздѣ и значительнымъ въ губерніи, со связями въ Питерѣ. И вотъ даже такая «особа» не смогла защитить своихъ лѣсовъ отъ наѣздовъ «мужичковъ» и ограничилась такими «шутливыми» діалогами съ ними, когда они явились въ его лѣсъ съ топорами:

— Зачѣмъ рубите мой лѣсъ?

— Ишь, што сказалъ—«мой» лѣсъ!... ты што ли его насадилъ? Божій онъ, а не твой...

— Да и вы его не садили, какой же онъ вашъ?...

— И нашъ онъ, и твой, и всѣхъ, кому требуется...

— Когда будете сводить, оставьте и на мою долю...

— Ладно! оставимъ... мы по-божески... зачѣмъ озорничать?... Свой пай ты получишь... будь спокоенъ!...

Однако, лѣсовъ у сіятельной особы такъ много, что отъ лѣсныхъ операций сосѣдняго мужика они мало пострадали.

Не щадили крестьяне лѣсовъ даже своихъ завѣдомыхъ и обще-признанныхъ «вождей», полагавшихъ «за мужика» если не душу свою, то хотя время и языкъ... «Анфанъ-терриblemъ» нашего уѣзда оказался дворянинъ Слюнинъ, тоже изъ «столбовыхъ» помѣщиковъ, владѣлецъ порядочнаго имѣнія. Раньше онъ былъ земскимъ дѣятелемъ — членомъ управы, но вель земское дѣло чисто по-канцелярски, ничѣмъ не выдѣляясь изъ обычнаго ряда народившихся въ послѣднее время такого рода господъ. Но одна «партія» выжила его изъ управы, тогда онъ объявилъ походъ противъ земства, даже къ «литературѣ» тутъ прибѣгалъ... Кое-какая правда была въ его нападкахъ на мѣстное земство — и это дало ему большую извѣстность даже за предѣлами уѣзда, особенно среди крестьянъ, интересы которыхъ онъ открыто сталъ теперь отстаивать.

Въ періодъ революціи Слюнинъ еще болѣе «покраснѣлъ» и волею-неволею сдѣлался, если не главою крестьянскаго движенія въ уѣздѣ, то однимъ изъ руководителей его. Онъ устраивалъ митинги, ораторствовалъ на нихъ, распространялъ нелегальную литературу, пріобрѣталъ «агентовъ», какъ называли крестьяне его сотрудниковъ. Онъ «громилъ капиталъ», «поднималъ пролетаріатъ», организовывалъ «борьбу» послѣдняго съ первымъ, развѣтывалъ красные флаги и т. д.

Но... ему такъ хотѣлось въ сущности—«и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти»... Онъ примазался къ новому движенію, врядъ ли будучи его искреннимъ поклонникомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ и теперь не забывалъ своихъ личныхъ цѣлей. Имѣніе

его давно заложено, денегъ нѣтъ, дѣла запутались... А тутъ, когда началась пропаганда, у Слюнина вдругъ появились деньги, какъ говорятъ, въ большомъ количествѣ полученные имъ откуда-то на пропаганду. Пусть это и неправда, но Слюнинъ смѣло могъ теперь рассчитывать на другія «блага» въ будущемъ: ему мерещилось, если не званіе депутата въ російскомъ парламентѣ, то хотя верховенство въ мѣстномъ земствѣ. А то и другое улыбается вѣдь не однимъ почетомъ...

Но онъ не выдержалъ до конца взятой на себя роли и слишкомъ рано выложилъ свои карты на столъ... Натравливая крестьянъ «на капиталъ», онъ вдругъ самъ оказался капиталистомъ чистой воды...

Популярность его среди крестьянъ первое время была такъ велика, что, «разрѣшая» имъ «громить» все и всѣхъ, онъ былъ вполне увѣренъ, что ужъ его-то самого и его имѣніе «пальцемъ не тронуть»... Велико было разочарованіе Слюнина, когда обстоятельные мужички вдругъ начали дипломатически выпытывать у него на митингахъ:

— Значить, теперича такой порядокъ будетъ: вся земля у господъ къ мужику отойдетъ?..

— Все, все берите у нихъ, все ваше...—подтверждаетъ Слюнинъ.

— Такъ-съ... значить, и твоя земля нашей будетъ?..

Слюнинъ даже поперхнулся отъ неожиданности, но скоро «нашелся» и говоритъ, сбавивъ тономъ пониже:

— Видите ли... гм... но мое имѣніе... купленное...

Мужика опѣшили отъ такой наглої лжи, хорошо зная, что имѣніе Слюнина—родовое. Толпа загалдѣла:

— У кого жъ ты его купилъ? у родителя своего, что ли?.. а родитель купилъ у дѣда? Диковинная штука!.. вотъ такъ купленное!.. эка брякнулъ!..

Въ толпѣ послышался хохотъ... Авторитетъ «вождя» сразу сталъ блекнуть... Онъ поспѣшилъ «поправить» свой промахъ, говоря:

— То-есть... гм... видите ли... да, имѣніе я получилъ отъ отца, но оно теперь не мое: оно заложено въ банкѣ... и въ большой суммѣ... Если вы его возьмете, то долгъ на васъ перейдетъ...

Этотъ резонъ показался крестьянамъ убѣдительнымъ, и они замолчали. Но дурное впечатлѣніе было уже сдѣлано, и крестьяне стали осторожниѣ относиться къ рѣчамъ Слюнина, сомнѣваясь въ ихъ искренности. А новый провалъ «теорій» Слюнина, страшно разошедшихся съ его «дѣломъ», окончательно подорвалъ его престижъ.

Устроилъ онъ митингъ въ сосѣднемъ съ его имѣніемъ селѣ, принадлежащемъ богатой помѣщицѣ Варинѣ. Крестьяне отнеслись равнодушно къ высокому полету рѣчей Слюнина, но заявили ему о своей практической нуждѣ:

— Намъ бы вотъ лѣску прирѣзать...

— Чего тамъ прирѣзать!..—воскликнулъ Слюнинъ:—смѣло рубите вотъ тотъ лѣсъ Вариной...

— Поди, достанется за то...

— Ничего не будетъ... валите, сколько нужно!..

— Какъ бы не влетѣло намъ...

— Ничего, ничего... сводите смѣло!..

Уѣхалъ онъ, а мужики резонно разсудили, что «для пробы» лучше начать съ лѣса самого Слюнина... Такъ и сдѣлали на другой день: явились въ ближайшій къ селу лѣсъ Слюнина и начали рубить.

Узнаетъ Слюнинъ и не выдержитъ... заговорила кровь родовитаго капиталиста... Куда дѣлись «разрывныя» теории и «погромныя» рѣчи!.. Летитъ въ свой «купленный у родителя» лѣсъ и съ гнѣвомъ напускается на «свободныхъ пролетаріевъ», имъ же просвѣщенныхъ...

— Какъ вы смѣете рубить мой лѣсъ?.. я для васъ стараюсь... хлопочу за васъ... рискую всѣмъ... А вы—грабить меня?!

— Да вѣдь ты, баринъ, чай, самъ вечеръ сказывалъ, что все теперь наше... и лѣсомъ, значитъ, пользуйтесь, сколь душѣ угодно... Мы и повѣрили тебѣ...

— Да я вамъ сказалъ рубить лѣсъ Вариной...

— Точно, ты намъ это сказывалъ, да намъ твой лѣсъ куда сподручнѣе! Къ Вариной ѣхать—ишь каку гору надо одолѣть! коней перемучишь... А до твоего лѣску рукой подать: и намъ оно лестно, и конямъ приятно... Нѣтъ, ужъ коли ты самъ сказывалъ, что за порубку въ чужомъ лѣсу намъ ничего не будетъ, такъ намъ самый слѣдъ съ тебя и начать...

Принялся Слюнинъ уговаривать крестьянъ и насилу отстоялъ свой лѣсъ, давъ имъ что-то на водку...

Лѣсъ былъ спасенъ, но престижъ революціонера совсѣмъ погибъ, и недавній «анфанъ-террибль», наводившій ужасъ на весь уѣздъ, превратился въ мокрую курицу, не разъ потомъ едва уносившую ноги отъ тѣхъ же мужиковъ, которые недавно еще смотрѣли на него, какъ на вождя и пророка... Дѣтей нельзя обманывать: они чутки ко всякой фальши.

IV.

Разумѣется, «власти не дремали» и дѣлали отчаянныя попытки зажать голыми руками прорвавшуюся плотину...

Исправникъ у насъ—изъ русскихъ нѣмцевъ, бравый военный человекъ, весьма порядочный и умница, сердечно относящійся къ народу, умѣющій и говорить и ладить съ нимъ. Крестьяне «одобряютъ» его и прямо говорятъ о немъ:

— Коли бы все начальство было такое, какъ онъ, можно бы жить и не плакать...

Аттестация—очень высокая, разъ мужикъ знаетъ по горькому опыту, что всякое «начальство» надъ нимъ словно для того и установлено, чтобы онъ вѣчно отъ него «плакался»...

Затрещали отъ крестьянскихъ топоровъ лѣса одного изъ столбовыхъ дворянъ, и исправникъ полетѣлъ отстаивать ихъ. Долго онъ уговаривалъ крестьянъ всячески—и какъ представитель власти, и «какъ частный человекъ, желающій имъ добра». Но они упорно стояли на своемъ:

— Хошь въ острогъ насъ сади, хошь въ Сибирь ссылай, а рубить мы будемъ... Потому нельзя намъ не рубить, коли всѣ рубятъ!.. Эка благодать пошла, а мы станемъ отказываться?! какъ люди, такъ и мы... дождались праздничка своего!..

— Братцы! вы противъ царя идете: онъ запрещаетъ насилія и самовольство...—прибѣгаетъ исправникъ къ послѣдному доводу.

— Што ты говоришь?! — искренно удивляются мужики: — на этомъ самомъ мѣстѣ Слюнинъ давеча толковалъ намъ, што онъ былъ въ Питерѣ и съ самимъ царемъ говорилъ, и царь все ему приказалъ насчетъ, значить, мужика...

— Вретъ вашъ Слюнинъ! не вѣрьте ему!.. Какъ же! будетъ съ нимъ царь говорить!..

Нѣсколько часовъ бился съ ними исправникъ и ничего не добился. Махнулъ онъ рукою и на эту, и на всѣ остальные порубки, не прибѣгая къ силѣ, которой тогда и не было у него.

Да и что могъ подѣлать исправникъ, когда мужики смѣло рубили лѣса даже въ имѣннѣ мѣстнаго губернатора, несмотря на присутствіе тамъ самого сановнаго помѣщика? Когда къ нему обратился за совѣтомъ сосѣдній землевладѣлецъ, жалующься на вырубку его лѣса, губернаторъ откровенно сказалъ:

— Что дѣлать! и у меня рубятъ, и я не могу остановить ихъ... Потерпите... а пока записывайте виновныхъ въ порубкѣ...

Часть своего лѣса губернаторъ сводилъ самъ, запредавши дровъ на 12 тысячъ рублей сосѣдному заводу. Крестьяне остановили эту сводку, и въ самый разгаръ желѣзнодорожной забастовки, когда заводъ очень нуждался въ дровахъ. Чтобы выручить закупленные у губернатора дрова, директоръ завода сдѣлалъ крестьянамъ такое предложеніе: онъ выдаетъ имъ «расписку» въ томъ, что если судъ присудитъ лѣсъ въ пользу крестьянъ, то онъ вернетъ имъ 12 тысячъ рублей за дрова... Крестьяне согласились, взяли «расписку», «разрѣшили» возить дрова на заводъ и сами же взялись за этотъ подрядъ... Разумѣется, директоръ, уже заплатившій деньги губернатору, не боится второй уплаты, такъ какъ вполне убѣжденъ, что у крестьянъ нѣтъ никакихъ доказательствъ своего права на лѣсъ, кромѣ одного разыгравшагося аппетита...

Такъ все шло у насъ сравнительно «тихо и благородно»... Единственная трагикомедія разыгралась у богатаго дворянина Дрянина, владѣльца нѣсколькихъ имѣній, большого кулака высокой пробы, держащагося относительно крестьянъ, имѣющихъ несчастье быть его сосѣдами, политики штрафовъ, всяческихъ прижимокъ и обегориванія. За послѣднее лѣто онъ оштрафовалъ «своихъ» мужиковъ (небольшое село, около двадцати дворовъ) на цѣлыхъ 500 рублей. Когда началась «свобода», они порѣшили вернуть съ кулака натурою эти штрафныя деньги: все село, кромѣ трехъ дворовъ, не хотѣвшихъ насилія даже въ борьбѣ съ ненавистнымъ Дрянинымъ, порѣшило забрать скошенный овесъ на барскомъ полѣ и нарубленныя дрова въ его же лѣсу, всего именно «на 500 рублей», ни болѣе ни менѣе. Все разочло «дотошно», до послѣдней копеечки, какъ слѣдуетъ по мужицкой бухгалтеріи, самой точной изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ...

Узнавъ Дрянинъ, что разбираютъ дрова въ его лѣсу, и полетѣлъ туда съ кучеромъ на бѣговыхъ дрожкахъ, запасшись револьверомъ. Разумѣется, крестьяне только посмѣялись надъ его гнѣвомъ и угрозами и продолжали накладывать дрова на телѣги и увозить... Взбѣшенный Дрянинъ выстрѣлилъ въ толпу крестьянъ...

Это былъ единственный, первый и послѣдній «аграрный» выстрѣлъ въ нашемъ уѣздѣ... Счастье Дрянина, да, пожалуй, и уѣзда, что шальная пуля никого не задѣла: иначе не быть бы ему живу, а пролитая крестьянская кровь взбудоражила бы весь уѣздъ и вызвала бы не одно кровавое столкновеніе...

Кажется, Дрянинъ хотѣлъ еще стрѣлять, но въ отвѣтъ на первый выстрѣлъ полетѣли въ него и кучера дрова, и они едва успали отъ разсвирѣпѣвшихъ мужиковъ... Дрянинъ уцѣлѣлъ, но кучеру досталось: нѣсколько полѣньевъ задѣло его по лицу, плечамъ и рукамъ, нанеся поверхностныя раны.

Въ тотъ же день Дрянинъ удралъ съ женою въ Москву. . Позже, когда угаръ сталъ проходить, назначено было слѣдствіе, и крестьяне волею-неволею вернули почти всѣ захваченныя дрова, но овса вернуть не могли, такъ какъ давно распродали его на базарахъ.

Конечно, ненависть крестьянъ къ Дрянину еще болѣе усилилась, и, если впереди вновь возродится аграрное движеніе въ уѣздѣ, первую жертвою будетъ именно этотъ дворянинъ-кулакъ... Ни одно селеніе уѣзда не революціонировано такъ, какъ ближайшее къ Дрянинскому помѣстью.

Въ глубокой ненависти къ Дрянину его сосѣди дошли до такого курьеза: какой-то крестьянинъ «подалъ прошеніе, — пресерьезно рассказывала одна неглупая сельская обывательница, — въ святѣйшій синодъ (sic!) объ отобраніи всей земли у Дрянина, такъ какъ де онъ совсѣмъ не дворянинъ, а мужикъ, а мужику де не полагается владѣть такой уймай земли»...

Бѣдная, наивная деревня!.. даже готова къ «святѣйшему синоду» прибѣгнуть въ своей неутолимой жаждѣ «землицы»!.. Но она права, когда начинаетъ сомнѣваться въ «дворянствѣ» этого рыцаря наживы и видитъ въ немъ одно «мужичество»...

Заключительная мотивировка этого курьезнаго «прошенія» должна испугать, какъ всѣхъ «хозяйственныхъ мужичковъ», стоящихъ на стезѣ округленія своихъ достатковъ, такъ особенно тѣхъ изъ нихъ, кто уже бросилъ крестьянство и достигъ ранга «землевладельца», а иногда даже съ эпитетомъ «крупнаго»... Чисто «соціалистическія» идеи зароились въ головѣ мужика, который въ то же время додумался до того, что полагаетъ найти управу на кулака въ «святѣйшемъ синодѣ»... Наивные, взрослые ребята!..

V.

Добываясь правды всюду, даже въ «святѣйшемъ синодѣ», мужикъ проморгалъ, что правда ходитъ иногда около него, совсѣмъ близко... Кое-что изъ «мужицкой правды» не разъ проскальзовало и въ томъ, что выше рассказано, но ярче всего она сказала въ нижеслѣдующей исторіи.

На краю деревни Инской притулилась къ ряду хорошихъ избъ плохонькая избушка изъ тѣхъ, что строятся «на курьихъ ножкахъ»: такая маленькая, жалкая, косолапая... Живетъ въ ней крестьянинъ по званію, но бобыль въ дѣйствительности. Есть у него жена (дѣтей нѣтъ), но «хозяйство» ихъ равно почти нулю: нѣтъ ни лошади, ни коровы, ни овецъ, ни птицы домашней, никакого обзаведенія крестьянскаго. Есть кое-какое рухлядишко, да и то съ большими прорѣхами: дожилъ Устинъ до лѣтъ «настоящаго мужика», а до послѣдняго времени не могъ справиться себѣ даже тулупа на зиму. Во всякую непогоду, даже въ лютые морозы, работаетъ онъ въ какой-то кургузой курткѣ, очень подозрительной насчетъ даваемого ею тепла. И только на-дняхъ улыбнулось ему давно лелѣемое счастье—стать собственникомъ тулупа...

Лѣтомъ Устинъ съ женою то возится на своей полоскѣ озимой ржи, — только ее онъ и поднимаетъ кое-какъ, на чужой лошади, съ чужими орудіями, а для ярового посѣва не хватаетъ у него силъ,—то идутъ въ поденщики на чужіе сѣнокосы, пашни и пр. Съ трудомъ перебиваются они лѣтомъ, но зимою обстоятельства ихъ улучшаются. Тогда Устинъ превращается въ полурабочаго на сосѣдней усадьбѣ землевладельца Телѣгина. Какъ только молочный скотъ установится осенью на скотномъ дворѣ, Устинъ обязанъ очищать его отъ навоза и постепенно вывозить послѣдній на поля, пользуясь хозяйскими лошадьми и запряжкой. Живетъ онъ и тогда въ своей избѣ, а является въ усадьбу для работы въ разное время, когда ему лучше и удобнѣе. Словомъ, работаетъ онъ исподволь,

полегоньку и довольно самостоятельно, получая за всю зимнюю работу 45 рублей.

Работаетъ Устинъ добросовѣстно, не запуская скотнаго двора. Онъ дорожитъ работой, которая кормитъ его всю зиму и кое-что оставляетъ въ запасъ на лѣто. Но хозяинъ сталъ замѣчать, что въ наступившіе морозы Устинъ пересталъ вывозить навозъ на дальнія поля, ограничиваясь ближайшими. Когда выяснилось, что причина тутъ лежитъ въ невозможной курткѣ Устина, мало его согрѣвающей, Телѣгинъ настоялъ, чтобы тотъ взялъ у него денегъ и купилъ себѣ тулупъ. Долго деликатно отпѣкивался Устинъ, ссылаясь на дороговизну, а въ сущности опасаясь выйти изъ намѣченного бюджета. Но ему самому такъ давно и страстно хотѣлось обзавестись теплымъ платьемъ, что онъ наконецъ не выдержалъ искушенія и взялъ деньги на тулупъ. Соорудилъ онъ его самымъ хозяйственнымъ способомъ: самъ обстоятельно выбралъ и купилъ три овчины на базарѣ, и отдалъ шить сельскому овчиннику, наблюдая за работою очень придирчиво и неукоснительно, чуть не каждый день заглядывая туда. Надоѣлъ онъ овчиннику за эти дни страшно...

Большой праздникъ наступалъ для Устина, когда онъ вырядился въ собственный новый тулупъ и торжественно запагалъ по селу, направляясь въ церковь... Съ достоинствомъ выдерживалъ онъ массу устремленныхъ на него и на тулупъ любопытствующихъ взглядовъ сосѣдей. Всѣ привыкли видѣть его въ истрепанной, загрязненной кургузой курткѣ, и вдругъ—Устинъ въ хорошемъ, новенькомъ тулупѣ, распространяющемъ по всей церкви острый запахъ свѣжихъ овчинъ, не заглушаемый и ладаномъ... Даже попъ, обходя церковь съ кадиломъ, на минуту невольно задержался около, крутя носомъ отъ источаемыхъ тулупомъ ароматовъ, и лишній разъ окадилъ нѣсколько оторопѣвшаго Устина...

А когда вышли изъ церкви, и Устина окружила толпа, поздравляя съ новинкой и намекая на необходимость вспрыснуть ее, торжество его было безпредѣльно... Приземистый, неказистый, съ невыразительнымъ, блѣднымъ лицомъ, Устинъ вдругъ весь засіялъ, когда обстоятельно сталъ рассказывать исторію пріобрѣтенія тулупа. Не смутили его даже насмѣшки франтоватыхъ заводскихъ рабочихъ, одѣтыхъ въ хорошихъ мѣховыхъ пальто, съ барашковыми воротниками. Они ехидничали надъ нимъ:

— Поздравляемъ, Устинъ! изъ навоза шубу скроилъ... Съ навознымъ тулупомъ!.. то-то и пованиваетъ отъ него...

— Да, братцы!—отвѣчалъ Устинъ,—навозъ—великое дѣло: и хлѣбushка отъ него, и тулупъ вотъ себѣ заработалъ... Спасибо Телѣгину!..

— Больно ужъ ты хвалишь своего Телѣгина... кормишься отъ него!..

— Чай, и вы свой заводъ похваливаете? тоже кормитесь отъ него... У всякаго своя работа... каждому кусокъ свой дорогъ!..

И Устинъ отошелъ отъ заводской вольницы и пошелъ съ степенными мужиками своей деревни, продолжавшими серьезно обсуждать Устинову обновку. Въ концѣ концовъ Устинъ не устоялъ передъ соблазномъ вспрыснуть съ товарищами свою попку. Онъ весьма не прочь иной разъ выпить, особенно на даровщинку, но вообще старается не увлекаться виномъ, помня примѣръ отца— великаго пропойцы. Дѣдъ его былъ очень состоятельнымъ крестьяниномъ, но отецъ всё достатки спустилъ на вино. Устинъ никогда этого не забывалъ и велъ другую линію, стараясь выбиться на дорогу «настоящаго мужика».

И дѣйствительно, помаленьку да полегоньку онъ забираетъ все выше и выше. Помнить онъ, какъ начиналъ свою самостоятельную жизнь, соорудивши землянку на запустѣвшемъ въ концѣ отцовскомъ дворѣ. Потомъ вотъ и избенку построилъ, теперь тулупомъ обзавелся... Вотъ бы еще коня ему завести—и былъ бы онъ «настоящимъ мужикомъ»!.. Дни и ночи мечтаетъ о конѣ Устинъ, какъ женѣ его вѣчно снится собственная корова, но далеко еще имъ обоимъ до осуществленія этихъ задушевныхъ мечтаній.

Но эти мечты сбудутся непременно: очень ужъ ясную задачу поставилъ себѣ Устинъ и неуклонно къ ней стремится всѣми силами своими. Онъ не собьется съ этой линіи и, хотя не скоро, но задачу свою выполнить во что бы то ни стало.

Стремленіе его къ «хозяйственности» доходитъ иногда до курьезовъ. Увидѣлъ онъ какъ-то въ усадьбѣ Телѣгина брошенные и изломанные стѣнные часы и выпросилъ ихъ себѣ. Устинъ разобралъ ихъ и долго возился, пытаясь возстановить ходъ и бой. Разумѣется, изъ его попытокъ толку не вышло. Тогда онъ повѣсилъ часы на стѣну, какъ украшеніе избы. Ту же роль у него играютъ развѣшанные по стѣнамъ старые изломанные замки и разный желѣзный ломъ. Замки можно бы еще починить, но Устинъ не торопится: ему пока нечего запирать ими... Однако въ будущемъ «большомъ» хозяйствѣ «все пригодится»,— думаетъ онъ.

И мечтаетъ, мечтаетъ безъ конца Устинъ о счастливомъ будущемъ, не покладая рукъ въ настоящемъ.

VI.

Когда началось въ уѣздѣ крестьянское броженіе, и пошли толки о томъ, что господскія усадьбы надо грабить, жечь, сводить на нѣтъ, Устинъ былъ страшно потрясенъ ими и негодовалъ. Для него было бы чуть не смертельнымъ ударомъ лишиться постоянного и вѣрнаго заработка, если бы исчезла усадьба Телѣгина. Прочай тогда мечты о конѣ, коровѣ и дальнѣйшемъ благополучіи!..

Но этого мало. Его мысль заработала глубже и шире надъ картинами развертывавшейся анархіи... До чего она можетъ дойти!.. Сегодня разорять барскую усадьбу, а завтра пограбятъ богатыхъ мужиковъ, а тамъ дойдутъ и до такихъ бѣдняковъ, какъ онъ, Устинъ, и у нихъ отнимутъ послѣднее!.. Человѣкъ трудился, работалъ, всю жизнь бился, стремясь стать на ноги, а тутъ придетъ кучка «озорниковъ» и въ одинъ мигъ покончитъ съ многолѣтними трудами! Гдѣ же тутъ правда? Будь проклята такая «свобода»!.. Не нужна она Устину...

И онъ сдѣлался энергичнымъ проповѣдникомъ своей правды, не выносящей никакого насилія, своеволія, «озорничества»... Когда началось расхищеніе владѣльческихъ лѣсовъ, Устинъ громилъ и это проявленіе силы надъ чужимъ добромъ, хотя ему, какъ бѣдняку, не грѣшно было бы и поживиться тутъ. Не прельщали его и другія проявленія грабительскихъ аппетитовъ, вдругъ обуявшихъ мужика.

Но какъ ни отбодрялся Устинъ, а волею-неволею пришлось таки ему принять участіе въ одномъ мірскомъ дѣлѣ, котораго онъ рѣшительно не одобрялъ, — въ такъ называемомъ «гамазейномъ» движеніи. Ловко пущенная агитаторами крайнихъ партій мысль о предстоящемъ финансовомъ крахѣ правительства страшно смутила не только крестьянъ, но и людей съ большимъ развитіемъ и пониманіемъ. Всѣ заторопились выбирать изъ сберегательныхъ кассъ и казначейства свои сбереженія и вклады. Потянулись и крестьянскія общества за общественными капиталами, главнымъ образомъ за «гамазейными» деньгами, т.-е. собранными съ крестьянъ вмѣсто прежнихъ сборовъ зерна въ запасные «магазины».

Устинъ, какъ и нѣкоторые другіе крестьяне деревни Инской, рѣшительно былъ противъ выемки гамазейнаго капитала, въ чемъ не было никакой нужды, даже не хотѣлъ итти въ городъ за деньгами. Но міръ постановилъ оштрафовать на 2 рубля каждаго, кто не пойдетъ со всѣмъ міромъ, и Устинъ съ другими протестантами вынужденъ былъ уступить... Міръ силенъ и на всякую пакость способенъ, коли пойдешь противъ него... Пришлось и Устину итти за гамазейными деньгами и получать при разверсткѣ, вслѣдствіе паденія цѣнъ на ренту, всего 7 рублей, вмѣсто внесенныхъ имъ кровныхъ 10 рублей. Обидна была такая крупная для него потеря, и клялъ онъ новую «свободу» съ ея «порядками» и старого деспота—«міръ», а ничего подѣлать не могъ...

Но когда тотъ же міръ задумалъ увлечь Устину на скользкую дорогу «свободы отъ совѣсти», тутъ Устинъ объявилъ міру открытую войну и одержалъ надъ нимъ блестящую побѣду, поддержанный лучшими элементами деревни...

У общества деревни Инской есть свой небольшой лѣсокъ, а по сосѣдству съ нимъ «кусты» Телѣгина, т.-е. маленькая березовая

рощица, оцѣниваемая въ 200 рублей. Когда гамазейныя деньги были пропиты и прошли у большинства прахомъ, радикальная молодежь изъ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, поддержанная частью крестьянъ, предложила свести какъ общественный лѣсокъ, такъ и сосѣдніе «кусты» Телѣгина. Нужды въ дровахъ не было, но отчего же не пропить чужого добра, коли всѣ стали такъ поступать!..

Устинъ и другіе крестьяне рѣшительно протестовали противъ такого «озорничества», предложеннаго меньшинствомъ. Большую поддержку Устину оказалъ тутъ старый-престарый дѣдъ-колесникъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, работающій до сихъ поръ колеса, владѣлецъ такой же черезчуръ ветхой вѣтреной мельницы, большой книжникъ и начетчикъ св. писанія, въ которомъ такъ набилъ руку, что нерѣдко втѣпикъ ставитъ самого о. благочиннаго... Дѣдъ прямо заявилъ радикаламъ отъ лица своихъ единомышленниковъ:

— Свой лѣсъ мы будемъ валить, а въ кусты Телѣгина не пойдемъ... Чужого добра намъ не нужно... николи мы этимъ не займовались... грѣхъ!..

— Дураки! Теперь все можно... свобода!.. — стояла на своемъ молодежь.

— Толкуйте! — отвѣчалъ дѣдъ: — мы совѣсти еще не теряли и въ острогъ не хотимъ... А по васъ онъ плачетъ... дождетесь!..

Но какъ ни старались «лутчіе» люди, «средніе» мужики начали склоняться къ предложенію крайнихъ. Въ пользу послѣдняго образовалось большинство, рѣшившее собраться всѣмъ міромъ въ слѣдующее воскресенье и итти рубить и свой лѣсъ, и кусты Телѣгина, а кто не пойдетъ, того општрафовать на мірскую выпивку.

Задумался Устинъ и всю недѣлю бродилъ очень сумрачный, ломая голову надъ тѣмъ, какъ бы и самому не встрять въ воровское дѣло и отдѣлаться отъ мірскаго штрафа, да и всѣхъ отвести отъ зла... Придумалъ наконецъ и сильно обрадовался...

Въ назначенное воскресенье, когда пришли домой на побывку заводскіе и фабричныя крестьяне, собрался весь міръ деревни Инской для похода въ свой лѣсъ и въ кусты Телѣгина. Люди совѣсти, права и порядка снова запротестовали; дѣдъ-колесникъ убѣдительно опять заговорилъ отъ писанія, но ничто не могло повліять на разыгравшіеся аппетиты большинства.

Въ рѣшительную минуту выступилъ Устинъ и говорить:

— Стой, ребята! Слухай!.. Ладно, пусть буде по-вашему, поновому... Вамъ требуются дрова, а мнѣ дровъ не надо... А вотъ хлѣба у меня маловато... Такъ вотъ, уговоръ лучше денегъ: вы ступайте по дрова въ кусты Телѣгина, а я... отобью замки у вашихъ амбаровъ и возьму вашего хлѣба, сколько мнѣ требуется... вотъ и все!..

Толпа опѣшила и смолкла, переваривая такую простую, но здравую мысль Устина... Потомъ всѣ разомъ загадѣли, и всѣ почувствовали, что возражать противъ такой истины нечего. Большинство стало таять и переходить на сторону Устиновой правды. Дѣдъ-колесникъ бойко подхватилъ ее и мастерски сталъ развивать. Но радикалы еще не сдавались и приставали къ Устину, поднявшему противъ нихъ ихъ же оружіе... Они кричали ему:

— Ты шутки шутишь?..

— Какія тутъ шутки! вотъ и топоръ захватилъ...

— Да что ты задумалъ?.. какъ такъ смѣешь?.. кто тебѣ позволяетъ?..

— Ишь, вы, какіе сладкіе!.. кто мнѣ позволить!.. а вамъ кто позволилъ чужой лѣсъ грабить?! По-вашему же выходить, все едино: кому что требуется, то и тащи смѣло!.. Мнѣ вотъ требуется хлѣбъ...

— Ступай въ амбаръ Телѣгина!..

— Пошто мнѣ туда итти за двѣ версты, коли тутъ подѣ бокомъ ваши амбары?! да тамъ и въ шею наладутъ рабочіе... А тутъ дѣло разлюбезное и для меня сподручное: вы въ лѣсъ, а я въ амбары ваши!.. Ладно такъ?!

Вся толпа захохотала, кромѣ 2—3 самыхъ крайнихъ. Но они уже ничего не могли подѣлать: Устинъ сорвалъ прежнее рѣшеніе міра, и міряне пошли сводить только свой лѣсъ, сочувственно толкуя объ «Устиновой правдѣ».

«Кусты» Телѣгина были спасены, и крестьяне деревни Инской перестали зариться на чужое добро. Брошенная Устиномъ мысль пошла бродить и по округѣ, вездѣ находя сознательныхъ сторонниковъ.

Правда, кто-то изъ «озорниковъ» немного похозяйничалъ въ «кустахъ» Телѣгина—срубилъ менѣе десятка березъ, но это было именно озорничество, не выходящее изъ рамокъ обычныхъ, нормальныхъ порубокъ. Когда лѣсникъ шелъ осмотрѣть порубку, крестьяне, рубившіе по сосѣдству въ своемъ лѣсу, остановили его и говорятъ:

— Али хочешь насъ забастовать за порубку?..

— Нѣтъ... я мимо шелъ и не зналъ, что въ нашихъ кустахъ порубка...

— Ну, эка малость! чего тутъ?..

— Да вѣдь съ меня взыщется...

— Чего тамъ! таки пустяки!..

Очевидно, теперь ихъ смущала даже такая «малость»... «Устинова правда» дѣлала свое дѣло... Разумѣется, такіе Устины были и во многихъ другихъ мѣстахъ и вездѣ проводили свою правду. И она сыграла не послѣднюю роль въ наступившемъ вскорѣ умиротвореніи уѣзда, хотя тутъ повліяли, конечно, и многія другія причины...

Н. Н. Оглоблинъ.

НАСТРОЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ¹⁾.

VII.

«Не отъ государя, а отъ начальства не дано милости»...—«Солдатъ за умъ возьмется»...—Пролетаризація молодого крестьянства.—«Съ дарового урока надо начинать»...—Консерваторы и протестующіе.—Стражники.—Граньскіе и Федорыгнскіе ребята.—Отъ Государя будетъ земля, а не черезъ банкъ...—Государственная дума и царь.—«Господи, благослови!»

НЪ УДАЛОСЬ познакомиться съ настроеніемъ многихъ волостей Новоржевскаго уѣзда, Псковской губерніи, начиная съ Новинской. Въ той ея части, которая зовется «Марынщиной» (погостъ Марыни) и «Моховщиной»,—броженія въ народѣ не замѣтно; но въ остальной ея части, равно какъ и въ волостяхъ: Горской, Гривенской и Оршанской, мужики увѣренно и опредѣленно говорятъ объ улучшеніи ихъ быта «черезъ казну». Ожидали они его, какъ «царской милости», къ новому году.

— Это не отъ государя, а отъ начальства,—замѣчали они печально, когда этой милости не было дано имъ.

Другіе вспоминали государственную думу.

— Соберутся выборные и придумаютъ, какъ усовершенствовать господъ и мужику пособить...

— Ничего не будетъ,—возражали пессимисты.—Какъ было, такъ и останется... Не будетъ вамъ и государственной думы.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІІІ, стр. 911.

При этихъ словахъ большинство гнѣвно восклицало:

— А не будетъ государственной думы, такъ мы царю солдатъ не дадимъ... И старые солдаты уйдутъ. Пусть начальство на кулачкахъ воюетъ съ непріателемъ... Развѣ въ манифестѣ сказано про царскую думу съ народомъ для одной тихоты? Чтобы народъ и солдаты не волновались? А на дѣлѣ ничего не будетъ... Какъ такъ? Мы дома размножились, на одномъ шесту по нѣскольку сыновъ... Одинъ работаетъ въ полѣ, а прочіе хотъ коней чужихъ ходи воровать... Какое это хозяйство? Солдатъ тоже былъ на войнѣ, а и ему земли не будетъ... Онъ бьется за начальство, когда студенты бунтуютъ, а если мужики забунтуютъ — онъ не буде... Солдатъ мужицкую руку потяне... Съ войны кто пришелъ съ деньгами, а кто и безъ ногъ... Придетъ со службы, а ему избы негдѣ поставить... Земли нѣтъ. На службѣ онъ былъ сытъ, одѣтъ и стоялъ за начальство, но если дома онъ будетъ голодать, то и онъ за умъ возьметъся.

Вотъ что и какъ уже говорить псковскій мужикъ, перебравшійся изъ глухихъ моховыхъ пространствъ на суходолъ, ближе къ городу и шоссе, идущему отъ Витебска черезъ Опочку и Островъ...

— У отцовъ и дѣдовъ,—жалуются они,—земля есть, а у молодыхъ нѣтъ... Я вотъ старшій сынъ у отца, а, кромѣ меня, насъ еще трое братьевъ и у всѣхъ дѣти... А душа одна.

— Какъ же вы живете?

— А кто какъ! Въ Новоржевскомъ уѣздѣ исполу живемъ и аренду держимъ, въ Опочецкомъ уѣздѣ «пятинщики» платятъ барину пятинщину, или въ Финляндію ходятъ съ краснымъ товаромъ изъ Ежинской и Копылковской волостей, а надѣльной земли у молодыхъ нѣтъ... Все молодое крестьянство обезземелено.

Я невольно задумался объ этой давно начавшейся пролетаризаціи крестьянской массы. Меня вывелъ изъ задумчивости молодой голосъ:

— Читалъ я въ одной книжкѣ, баринъ, о черныхъ людяхъ въ Америкѣ... Какъ они жили у господъ въ рабствѣ, и какъ освободили ихъ безъ земли... Музыканты они хорошіе! Но и на инструментѣ надо умѣть играть... Пришелъ одинъ негръ къ барину и проситъ того поучить его... Хорошо,—говоритъ ему баринъ:—за первый разъ ты мнѣ плати примѣрно пять рублей, за второй разъ—три рубля, за третій—рубль, а потомъ даромъ... «Я согласенъ,—отвѣчаетъ рабъ,—но только, хозяинъ, начнемъ съ послѣдняго урока»... Вотъ такъ и мы, господинъ! При нашихъ средствахъ нельзя улучшить нашъ бытъ... Дадутъ землю на выкупъ, а денегъ у насъ нѣтъ и не будетъ. Надо съ дарового урока начать...

Вотъ до чего «дочитался» псковскій крестьянинъ, живущій ближе къ городамъ и газетамъ.

Конечно, и здѣсь консервативный элементъ очень силенъ, но онъ встрѣчаетъ болѣе рѣзкую оппозицію, чѣмъ въ болотно-моховыхъ районахъ.

Мой пріятель Купріянычъ, живущій вблизи знаменитой горы Судомы, на которой въ старину люди находили правосудіе въ томъ, что къ праведнику съ неба спускалась цѣпь, и онъ доставалъ ее рукою ¹⁾, и по сей день придерживается старинныхъ воззрѣній, когда дѣти его жалуются на то, что крестьянину живется съ каждымъ годомъ все хуже, и что каждый его можетъ обидѣть безнаказанно.

Купріянычъ укоризненно возражаетъ имъ:

— Не люди насъ бьютъ, а сами мы себя бьемъ... Мнѣ седьмой десятокъ лѣтъ скоро пойдетъ, а меня въ жизни никто пальцемъ не толкнулъ. Самъ я не дировался, на гулянки не ходилъ и людямъ уступалъ дорогу... За что же меня кто обидитъ? А гукни-ка ты самъ въ лѣсу — кто-то подастъ голосъ... Такъ и на вольной жизни. Какъ самъ гукнешь, такъ и жизнь тебѣ откликнется. Такъ насъ въ «старые годы» учили... Маленькому ребетенку учитель, бывало, говаривалъ: если встрѣтишь постарше себя, скажи «здравствуй, дяденька»; а нынѣ—нѣтъ... Школьники этого не скажутъ, а кричатъ: «лѣпи его снѣгомъ!»

Вся изба съ мужиками захотела, и Купріянычъ съ довольнымъ видомъ продолжалъ:

— Будетъ онъ сызмальства «лѣпить снѣгомъ» людей, а потомъ хвастать и приговаривать: что обманешь—то твое, а что не взялъ—то чужое... Не знаетъ того, что, какъ ни обманывай, — все дырявый карманъ... Воръ вѣкъ воруетъ, а все на одной лошади боронуетъ, и та не везетъ... Обмазурился нонѣ народъ! Обмазурился!

Старикъ гнѣвно кричалъ на присутствующихъ, раздражаясь ихъ равнодушными и насмѣшливыми выраженіями лицъ.

— Ты имъ въ глаза плюнь,—произнесъ онъ:—глаза не выѣсть... Я почитаю что и не видѣлъ въ нашей губерніи деревни читой (трезвой) да смирной... Ежинская волость посмирнѣе да потерезовѣе. Но она одна такая на весь Опочецкій уѣздъ, и то, думаю, оттого,

¹⁾ Но съ тѣхъ поръ, какъ люди обманули Судому, не стало и на ней правоты. Одинъ человекъ занялъ у другого деньги и, отказавшись платить долгъ, пошелъ судиться съ кредиторомъ на Судому. Должникъ сдѣлалъ себѣ палку съ пучотой внутри, куда и спряталъ занятыя деньги. Пришли они на вершину горы, и кредиторъ тотчасъ же досталъ цѣпь рукою. А когда настала очередь должника, послѣдній сказалъ: «Подержи-ка ты мой костыль»... Пока кредиторъ держалъ костыль съ деньгами, цѣпь должна была опуститься съ неба, и должникъ досталъ ее. Всѣ удивились, что оба они оказались правы; но послѣ суда должникъ опять взялъ свой костыль съ деньгами обратно и такимъ образомъ обманулъ и людей и Судому. Зато цѣпь правосудія, какъ поднялась на небо, такъ съ тѣхъ поръ ни разу уже не спускалась на Судому, когда люди вновь приходили къ ней искать правосудія.

что народъ ея давно ходитъ промышлять въ Финляндію... Ну, и научился онъ тамъ закону, отвыкъ водку пить и на гулянкахъ драться. Хозяйственность у ежинцевъ въ поляхъ, и въ избѣ занавѣски чистыя, а на окнахъ цвѣточки. Посмотри-ка на ихъ масляничные бѣга, когда сѣвжактся на озеро въ деревню Щукино нѣсколько тысячъ народу съ конями, даже изъ Ново-Сокольниковъ и Великихъ Лукъ. А брани на бѣгахъ и по деревнѣ не слышать, дракъ нѣтъ и веселье чисто господское: конями хвастаютъ и любятъ безъ спору. Нигдѣ нѣтъ такой гулянки, какъ здѣсь. А вся тихота изъ Финляндіи... А нашъ мужикъ по прочимъ волостямъ сталъ все лишѣй и лишѣй... Теперь еще какую моду задумали: господъ обижать... А никого не надо обижать! И господское добро не трогай, а что самъ своими руками замовуляешь, — то и твое счастье.

Толпа до тѣхъ поръ, пока онъ ругалъ ее самую, относилась добродушно къ его обличеніямъ, но разговоръ на злобу дня тотчасъ заставилъ всѣхъ «вспыхнуть».

— Счастье не инструментъ, — перебили его: — въ руку не зажмешь. Не замовуляешь имъ себѣ пальцы. Погляди-ка на господскія руки. Гдѣ ты видалъ у нихъ мозоли, а все царство забрано ими.

— На то Божья воля,—строго возразилъ онъ. — А вы бы хотѣли, чтобы баринъ за васъ оралъ, а вы за него начальствовали? Дожидай — этого не дождешься.

— А тебѣ старые годы, поди, лучше?

— Страхъ былъ!

— Не можешь разстаться съ нимъ?

Лицо старика покраснѣло, но онъ промолчалъ. А молодой и красивый ораторъ съ лаконической рѣчью вышучивалъ всѣ его доводы съ своеобразнымъ краснорѣчіемъ:

— Неужели Божья воля все для господъ, а мужикамъ и нѣтъ ничего? Богъ растилъ лѣсъ для всѣхъ, а гдѣ же онъ у насъ?

— А безъ закону нельзя взять и лѣсу,—отвѣтилъ старикъ. — О правѣ надо говорить, а не путать чужое за свое... Это ужъ не есть человѣкъ, а путаникъ! Не большая у насъ деревушка, а путаники—водятся... Не болтай и дожидай, чтобы Богъ и государь сдѣлали милость.

— До Бога высоко, а до царя далеко...

— Ну, и грабежомъ ничего не сдѣлаешь! Не тронь чужого... Силой только поземь пахаютъ.

— Не тронь чужого!—полувопросительно воскликнулъ ораторъ съ той же ироніей въ голосѣ.—А зачѣмъ господа и начальство-то трогаютъ наше силою? Дано намъ пособіе, а что земскіе «трогали» его, или нѣтъ? Обижали солдатокъ, или нѣтъ?

Старикъ безмолвствовалъ передъ фактами, но черезъ нѣсколько минутъ нашелъ оправданіе. Онъ усвоилъ насмѣшливый тонъ противника и прозвнесъ:

— Пойдемъ, ребята, у господъ брать печину!.. Да, смотри, какъ бы завтра не пришли солдаты и не сказали бы намъ: пойдѣмъ-ка съ нами въ Новоржевъ! Въ помѣщеніе! Унимать васъ будутъ... Послушай! Сказано — не болтай... Сами не устройте себѣ жизнь получше.

— А кто же намъ устроить ее?

— Слышалъ,—продолжалъ старикъ, не отвѣчая на вопросъ:—въ Шебановѣ что надѣлали Никулинскіе? Всѣ позахвачены и въ острогѣ...

Молодой ораторъ съ покойнымъ видомъ отозвался:

— Этимъ не грози. Сами себя они наказали. Хотѣли всѣ итти, а всѣ не пошли... Надо бы намъ всѣмъ заступиться, наша бы взяла.

— Быть тебѣ въ Новоржевѣ!

— А Христосъ даже и померъ за правду,—съ тѣмъ же достоинствомъ перебилъ его молодой крестьянинъ. За правду и умереть не страшно. Богъ воевалъ и намъ приказалъ... Съ чортомъ бился! Духъ на духъ былъ шедши... Съ того примѣръ и мы беремъ. До Христа мы какъ помремъ, бывало, такъ въ адъ и въ самый задъ... А теперь можемъ оправдаться. Христосъ побѣдилъ чорта, и намъ надо биться за правду.

— Унимать васъ будутъ! Унимать!

— Не грози, старикъ.

— Послушай, молодой. Не ляскай много... Жди-дожидай лучше, пока умнѣй тебя люди что надумаютъ.

Но всѣ были настроены противъ его совѣтовъ и смѣло закричали:

— Дожидай! Печина будетъ широкая!.. Вотъ мы пойдѣмъ ужинать, а ты не ходи... Дожидай. Такая твоя удача...

Одна насмѣшка смѣнялась другой.

— У него, гляди,—воскликнулъ ораторъ:—не взять ли вагонъ ворованной муки изъ пособія, что онъ такъ говоритъ? Ему и дождать съ украденной мукой—легкое дѣло.

— Мы,—говоритъ онъ:—люди небольшіе... Да міръ-то крестили не князи міра сего, а рыбаки простые...

Старикъ набрался силъ и пошелъ вновь противъ общаго настроєнія.

— Ну, постой,—перебилъ онъ, сверкая злыми на нихъ глазами:—будетъ начальство изъ крестьянства—еще хуже станеть. Всѣ будутъ брать и мукой и деньгами. Господинъ не возьметъ мужицкаго... У него своего много, а вы всѣ плуты. Кого хошь посади начальникомъ—всякій возьметъ.

— Чего-жъ ты самъ себя закопалъ?—перебили его.—Говорилъ, что господинъ не возьметъ мужицкаго, а теперь говоришь: «кого хошь посади начальникомъ,—всѣ возьмутъ»? Ты тяни господскую руку, да не оторви совѣмъ. Богу молись, а чорту фитьку (указа-

тельный палецъ изо рта) не показывай. А то у тебя и тамъ не то, и здѣсь не то, и вездѣ не то...

Толпа вновь смѣялась надъ старикомъ, и представитель ея не унимаясь острилъ:

— «Что замозуляешь бѣлыми руками, то и твое,—говоришь ты намъ... Евреи своей башкой наживаютъ капиталы, и намъ такъ надо». А у меня и голова, да я ничего не нажилъ. И руки въ мозуляхъ, а карманы пусты. Отчего же это? Скажи-ка ты! Ничего не сказать тебѣ мнѣ... Только и кавкаешь одно: жди-дожидай, покуда начальство дастъ милости мужикамъ... Ждали и мы къ новому году, не будетъ ли чего... Дождались стражниковъ!..

Рѣчь оратора дѣйствовала на нервы самымъ возбуждающимъ образомъ. Въ то же время онъ нисколько не былъ пропагандистомъ и исходилъ въ своихъ сужденіяхъ исключительно изъ фактовъ. Толпа раздѣляла его настроеніе.

И спросилъ нѣсколькихъ мужиковъ о стражникахъ.

— Ни къ чѣму они намъ,—рѣшительно отозвались мужики.—Бабнякъ они пугаютъ, а мужиковъ сами боятся. Вотъ священникъ въ церкви отслужилъ правила въ крещенскую каледу и сталъ дѣлать святую воду. Бабенки полѣзли за водой, забрякали посудой, а стражникъ вынулъ длинную и ясную саблю, да и кричитъ на нихъ: «потихе... Не нажимай, народъ! Вотъ какъ начну шашкой, полетятъ ваши головы, что коченья»... Вотъ онъ какой Аника-воинъ съ бабнякомъ, а отъ мужиковъ прячется. Чай, знаешь, въ Новинской волости гранскихъ мужиковъ... Они да еедорыинскіе—первые буяны и драчуны по волости.

— Знаю,—подтвердилъ я.

Мужики продолжали:

— Гранскіе всегда ѣздятъ въ лѣсъ за дровами во время ярмарокъ... Ты думаешь, имъ дрова нужны?

— А что же?

— Одинъ отводъ глазъ. Ёдутъ за дровами, а сами съ возами завернуть въ погостъ на ярмарку. Возы покинуть и, съ топорами подъ мышкой, гуляютъ по ярмаркѣ и бьютъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Чуть что: обухомъ въ лобъ и давай мять человѣка. А стражники гдѣ? Что глядѣли и зачѣмъ позволяли молодымъ ребятамъ гулять по ярмаркѣ съ топорами подъ мышкой? Да стражниковъ и не отыскать было въ ту пору, когда мужики въ погостѣ Марыни схватились за колья и задрались съ гранскими. Что же намъ въ такихъ стражникахъ? Не того мы ждали къ новому году.

Старикъ нашелъ возможнымъ перебить его вопросомъ:

— А вы ждали распустить къ новому году всю государскую землю по мужикамъ? Не придется такъ-то... Лучше торопитесь контракты писать съ господами на выгоны и сѣнокосы или выторговывайте подешевле землицу у нихъ, пока она продается ими.

— Это не отъ государя, а отъ господъ продается...

— Да что жъ такого?

Толпа въ одинъ голосъ отвѣтила ему:

— Государь возьметъ землю въ казну, а казна намъ... Отъ государя, а не отъ начальства пойдетъ наша жизнь... Какъ осина хороша, такъ и корыто сдѣлаешь хорошее. Изъ добра всегда будетъ добро: отъ государя намъ будетъ земля, а отъ Львова и Марковского (крупные землевладѣльцы Новоржевскаго уѣзда) мы не будемъ покупать ее.

Вотъ оно, подумалъ я, совершенно ясное представленіе объ аграрномъ вопросѣ у нашего мужика тамъ, гдѣ онъ еще вѣрить въ царя—доброхота. Эта вѣра въ большинствѣ изъ нихъ такъ велика, что они теперь не боятся уже и арестовъ, когда слышатъ, какъ администрація похватала въ Псковской губерніи всѣхъ членовъ такъ называемаго «крестьянскаго союза», оставивъ процвѣтать союзы: «17 октября» и отдѣленіе правового порядка—«Царь и свобода». Торжество грубой силы не дѣйствуетъ уже на воображеніе¹⁾.

— Платить надо въ казну,—говорятъ они,—но до думы не будемъ платить.

— Понуждать приѣдутъ власти со взысканіями! Продадутъ корову...

— А гдѣ ее найдешь? У многихъ ли имѣется скотинка? Что же, послѣднюю развѣ продавать стануть? А да пусть!.. Шестого августа Христось преобразился, и мы думаемъ въ этотъ день преобразиться въ государственной думѣ. Вся жизнь измѣнится и у насъ, и у господъ.

На основаніи такового ожиданія они избѣгаютъ многихъ добровольныхъ сдѣлокъ съ землевладѣльцами черезъ крестьянскій банкъ и увѣрены, что при принудительномъ отчужденіи земель послѣднія будутъ дешевле, чѣмъ при добровольномъ соглашеніи при большомъ спросѣ на землю.

— При покупкѣ черезъ банкъ,—разсуждаютъ крестьяне,—земля будетъ дорога, процентъ высокъ, и будемъ мы арендаторами банка всю свою жизнь... Земля дастъ доходъ только на то, чтобы пла-

¹⁾ Какъ нервы крестьянъ притупились отъ множества среди нихъ арестовъ, и народъ сталъ равнодушенъ къ послѣднимъ, такой же точно результатъ получается и среди интеллигентныхъ классовъ отъ смертныхъ казней и погромовъ. «Если въ Томскѣ, въ Москвѣ и Твери возможны были сожженія и разстрѣлы обезоруженныхъ людей, то почему же это не можетъ повториться и въ Петербургѣ?»—часто я слышу отъ самыхъ умѣренныхъ людей, совершенно безбоязненно смотрящихъ въ будущее. Раньше такого огрубѣнія нервовъ отъ постоянныхъ и всюду повторяющихся ужасовъ не замѣчалось въ русскомъ обществѣ. Грубая сила не дѣйствуетъ уже на воображеніе угрожающимъ образомъ.

тять процентъ, поземельные, мірскіе и другіе сборы, а себѣ ничего не останется. На кого же вновь работать мы осуждены? Но царь усовершенствуетъ начальство и все измѣнитъ, а черезъ банкъ мы не будемъ покупать землю.

Привожу по этому поводу копію любопытнаго документа:

«1906 г., января 3 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Псковской губерніи, Новоржевскаго уѣзда, Аполинской волости, должностныя лица и выборные на волостной сходъ, бывъ сего числа въ общемъ собраніи волостного схода, слушали предложеніе г. новоржевскаго земскаго начальника 3 участка отъ 30 декабря 1905 г. за № 1572 объ избраніи одного представителя отъ волости въ комиссію по оцѣнкѣ земель, приобретаемыхъ покупкою черезъ посредство государственнаго крестьянскаго поземельнаго банка. Обсудивъ настоящее предложеніе, нашли, что учрежденіе этой комиссіи до созыва государственной думы преждевременно, какъ и самая покупка земель черезъ посредство банка, въ виду поднятія цѣнъ на землю, будетъ для крестьянъ обременительною, такъ какъ при уплатѣ $5\frac{1}{2}\%$ при выдачѣ ссуды на $52\frac{1}{2}$ года каждая десятина земли не будетъ давать на столько прибыли, чтобы покрыть безъ ущерба въ хозяйствѣ уплату процентовъ и прочихъ повинностей, а потому постановили: отъ избранія представителя въ комиссію по оцѣнкѣ земель уклониться». (Подписи).

Въ приговорахъ крестьянъ упоминается о государственной думѣ, но крестьяне ссылаются на нее только для того, чтобы побудить начальство приступить къ рѣшенію аграрнаго вопроса.

— Мы знаемъ, — говорятъ они:—что разомъ нельзя распределить землю между нами, а нужно время для этого. Но пускай начальство начнетъ разсуждать объ этомъ, и мы будемъ видѣть, какъ что-то дѣлается для насъ... А то до сихъ поръ ничего не видать и не слышать!

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, они ждутъ государственной думы, но центръ тяжести всѣхъ ихъ надеждъ не въ ней, а въ государѣ. Съ его именемъ дума является мнѣческимъ олицетвореніемъ добра, а безъ него—ничѣмъ.

— Соберется царская дума, и царь усовершенствуетъ господъ и покажетъ, что надо дѣлать для народа.

— Да тамъ и царя-то не будетъ,—крикнетъ какой нибудь вольнодумецъ, освѣдомленный насчетъ думы по газетамъ.

Всѣ становятся втупикъ и не знаютъ, что сказать.

— Какъ такъ?! Царская дума да безъ царя...

— А зачѣмъ она ему?—утѣшаютъ себя старики.—Царь—орудіе Бога... Соберетъ онъ начальство и скажетъ: «Господи, благослови!» Только и всего... Старшой онъ надъ всѣми господами, и все будетъ по его слову. Какъ прикажетъ, такъ и сдѣлаютъ для мужиковъ... А наши выборщики гдѣ нибудь дорогой потеряются. Либо господа закупятъ ихъ, либо сами закупаютъ...

Странное, однако, дѣло: мысль о націонализаціи земли по приказу государя все-таки присуща болѣе мыслящему и молодому поколѣнію крестьянъ. Старики пугливо слушаютъ ораторовъ.

— Пусть бы,—говорили въ толпѣ:—казна скупала земли и давала бы намъ. Пусть она слѣдила бы, какая усадьба за что продается, и не упускала бы ее... А то теперь, изъ Витебска да Двинска, Вяземскій да Гуревичъ все закупили у насъ... Даже въ лѣса евреи забрались.

Мой Купріянычъ либерально заступился за евреевъ:

— Права такія даны. Торгуй всѣ, кто хочетъ.

— Да намъ-то, поди, не расторговаться. И голова у насъ не глупѣй еврейской, а денегъ нѣтъ. Взять неоткуда. Евреи—заодно и помогаютъ другъ дружкѣ, а намъ не найти помощи.

— А ты бы хотѣлъ, чтобы казна дала и земли, и денегъ?

— Своего просимъ! Не господскаго...

Старикъ удивленно перебилъ:

— Какъ бы за эти слова сдуру не свалиться, какъ съ дубу, не зная куда... Жарокъ огонь, а молодость — жарчѣй... Сиживать вамъ въ Новоржевѣ.

— Не грози... Говорятъ тебѣ, что за правду и Христосъ померъ.

— Да какая правда у васъ? Гдѣ она у васъ? Дураки вы... Бараньи головы—крутые роги! Дай казна вамъ кусокъ земли да денегъ, такъ вы возьмете и больше... Теперь дай земли, и на будущій годъ дай...

— Зачѣмъ же такъ?—отвѣтили ему молодые люди.—Кто самъ чужое беретъ, тотъ и людямъ не вѣрять.... Такъ и ты, видно. Казна вотъ намъ теперь ничѣмъ не помогаетъ... Ни землей, ни деньгами, а все, что ни возьмешь съ насъ, на господъ тратить... Да мы и то не ѣздимъ въ казенный лѣсъ воровать. А чѣмъ же будетъ хуже, если казна и намъ станетъ помогать?

— Меня вы не усовѣстите,—отозвался старикъ.—Не по правдѣ вы говорите. Господинъ былъ завсегда командиръ, и теперь онъ придетъ къ вамъ съ тросткой и хлопъ по спинѣ: «что плохо орешь?» Всегда такъ и напередъ будетъ.

Бѣлое лицо молодого крестьянина залило кровью, и, видимо, ему стоило большого труда говорить прежнимъ ровнымъ голосомъ:

— Въ старые годы господа драли съ насъ шкуру да на шесть вѣшали... Смотри, молъ, какая коровина! Что же и теперь и завсегда такъ будетъ?

— Не будетъ бархатника—не будетъ и лапотника...

— Мы-то обойдемся безъ него, Купріянычъ. Не грози!.. Надо обневолить господина... Никто не пойдетъ съ весны работать къ нему. Самъ ори и коси. Вотъ тогда онъ и прибѣжитъ къ намъ, а мы ему въ отвѣтъ: «не желаемъ у васъ покупать землю ни за какую цѣну, а отъ государя купимъ». Онъ и отдастъ ее кавнѣ, а казна—мужикамъ.

Старикъ не сдавался, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что почва ускользала у него изъ-подъ ногъ.

Осѣненный новыми соображеніями, онъ воскликнулъ:

— Зачѣмъ земля вамъ? У насъ мужики и свою землю отдаютъ въ аренду, и уходятъ въ Питеръ на заработки, а собственники продадутъ пустоши хоть сейчасъ... Да, развѣ у насъ граньскіе и еедорыгинскіе мужики рубятъ чужой лѣсъ отъ малоземелья и везутъ захваченныя ими деревья на хлѣбъ? На прогулъ все дѣлается.

— Не всѣ такъ-то дѣлаютъ, — слабо откликнулись соперники, чувствуя справедливость его словъ. — Не обрабатываютъ землю ради заработка въ Питерѣ... Жить нельзя болѣе мужику въ деревняхъ.

Мощный старикъ перебилъ ихъ воодушевленно:

— Дай новой земли — народъ сгибнетъ! Сопьется или облѣнится... У насъ въ Пехновѣ и Федьковѣ были лѣса, а крестьяне все продали и теперь по чужимъ лѣсамъ ходятъ. Развѣ это крестьяне? Гуляютъ каждую ночь, а на гулянкѣ надо провести мальцу каждый разъ 20—30 копеекъ... Вотъ изъ-за этой гульни мы и бѣдеемъ. Будетъ намъ и земля, и лѣсъ, а все собьется на то же, что и теперь: продадутъ все и деньги проведутъ на форсъ и на гулянки. Прежде люди жили проще: ходили въ сѣромъ самотканномъ платьѣ, а теперь давай синее... Не напастись стало денегъ.

Рѣчь старика ошеломила толпу, но не молодого оратора ея. Съ насмѣшливымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ, онъ терпѣливо слушалъ нападки на себя и, когда старикъ замолчалъ, онъ, поправивъ рукой свои свѣтлые волосы, произнесъ кратко:

— Жалѣютъ съ лаштами и грязью разстаться! Лыко не найдуть... Есть о чемъ жалѣть?.. Эта простота старыхъ годовъ—та же нищета... Намъ деньгами не козу ковать, а тратить ихъ надо и на хозяйство, и на гулянку... Бѣдноту не хвали, а полѣзай въ гору... Двадцать четыре церкви увидишь съ высоты и про лапти забудешь... Чего въ нихъ нашелъ хорошаго? Солнце тепло, что ли? Такъ ищи его у красной дѣвушки, а не въ стариной бѣднотѣ... А я вотъ хочу въ сапогахъ ходить, — крикнулъ онъ, притопнувъ ногой.

Онъ какъ будто сконфузился своего порыва и продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Старикъ коритъ насъ гульбой да волей... Лѣса мы продали и земли побросали... Ну, а господа какъ прожили свои села да лѣсныя дачи? Это, видно, ничего... Почему же онъ кричитъ противъ насъ за то, что мы хотимъ себѣ землю, а не кричитъ противъ жалованья для господъ?

— Не нужно никого обижать, — отвѣтилъ слабо старикъ, теряя вновь свои доводы.

Ораторъ съ чувствомъ отвѣтилъ ему:

— Господа тысячи возьмутъ за землю... Какъ ихъ обидишь?.. Что ты печалишься о нихъ? Надо хоть маленько поровнять ихъ.

Да, ты не трясися головой,—перебилъ онъ свою рѣчь, обращаясь къ старику, который протестовалъ мимикой.—Не трясися! Я говорю дѣло... Поровнять нужно. А то господа и жалованье забрали, и хотѣли оставить за собой и землю, и дарового работника. Ты все мужика костыляешь; и пьеть онъ, и гуляетъ, и блудному сыну не въ помощь богатство... Ну, пусть насъ половина такихъ, какъ ты сказываешь. А господъ сколько? Много ли ты видалъ изъ окаянныхъ постоянныхъ? То же и въ господахъ, какъ въ мужикахъ... И съ той, и съ другой руки много дурныхъ, но это не мѣшаетъ хорошимъ людямъ думать о хорошей жизни... А ты все противъ насъ.

— Богъ знаетъ, да государь, что будетъ и что хорошо для насъ, а не мы сами,—отвѣтилъ все тотъ же упрямый и убѣжденный старикъ.—Что святѣй: рига или церковь? Тебѣ не рѣшить, а государю можно... Не ровняй и господъ съ мужиками. Вонъ у барина и ружье на стѣнѣ виситъ, а наше валяется подъ лавкой... Почетъ, да не тотъ!

Молодой ораторъ, видимо, болѣе усталъ въ спорѣ, чѣмъ его противникъ. Онъ не нашелся возразить другимъ примѣромъ и въ отчаяніи воскликнулъ:

— Тебя не поймашь въ ступѣ пестомъ! Хочешь стукнуть, а онъ скокъ—вонъ...

Въ этомъ замѣчаніи не было ни тѣни неудовольствія или раздраженія. Всѣ ласково размѣялись, и старикъ остался доволенъ споромъ.

Но споръ опять возгорѣлся изъ-за фразы, когда старый философъ захотѣлъ подвести итогъ бесѣдѣ о крестьянской жизни и сказалъ:

— Воля привела мужиковъ къ неволѣ.

Всѣ дружно закричали:

— А въ чемъ была воля-то у мужиковъ? Петля висѣла всегда надъ нами и теперь только не задернута. Мы хотимъ новой земли, но и прежде мы жили не на воздухѣ, а также на землѣ и съ петель на шеѣ... Гдѣ же наша воля? И на землѣ нужна свобода и права... Ничего у насъ не было и нѣтъ... Посмотримъ, что дастъ государственная дума. Умножатся наши права, и уничтожатся расходы на господъ, или ничего не пойдетъ дальше?

VIII.

Псковскіе аресты.—Запуганный сельскій учитель.—Кривотолки.—Паника накануне государственной думы.

Мнѣ пришлось вскорѣ заѣхать въ одну изъ сельскихъ школъ, учителемъ которой былъ очень скромный и трудолюбивый человекъ, совершенно чуждый политики и восторженно преданный школьному дѣлу.

На лѣтнемъ съѣздѣ учителей минувшаго года сѣверныхъ губерній въ городѣ Павловскѣ онъ заходилъ ко мнѣ въ Петербургѣ и ни о чемъ другомъ не могъ говорить, какъ только о задачахъ школы, разрабатываемыхъ учителями на съѣздѣ.

Я замѣтилъ ему, что практика народной школы въ Россіи рѣдко выдвигаетъ живую и оригинальную личность на педагогическомъ поприщѣ, какъ выдвинулъ западъ Ланкастера, Песталоцци, Фребеля, Букера Вашингтона и т. д. У насъ были блестящіе профессоры и учителя гимназій, но народныхъ учителей съ именами Россія не знаетъ... А между тѣмъ, они должны быть и возможны у насъ, несмотря и на бѣдность народной школы, и на подозрительное отношеніе къ ней всякихъ министерствъ. Бѣдность и у Ланкастера въ Англіи была такъ велика, что онъ обучалъ дѣтей азбукѣ на пескѣ; у знаменитаго нынѣ учителя негритянской расы Букера Вашингтона первое время его преподаванія въ школѣ зданіе было въ такомъ жалкомъ состояніи, что, когда шелъ дождь, одинъ изъ учащихся постарше, обыкновенно, оставлялъ очень любезно свои уроки и держалъ надъ нимъ зонтикъ въ то время, какъ другіе ему отвѣчали свои уроки. Точно также не разъ держала надъ нимъ зонтикъ и его хозяйка, между тѣмъ, какъ онъ завтракалъ. Бѣдности было много и у Песталоцци, и у другихъ воспитателей подростяющаго поколѣнія. Но у каждого изъ нихъ дѣло шло впередъ, благодаря тому, что они умѣли заинтересовать населеніе судьбой школы, и оно стремилось помочь упрочиться ей. Каждая школа удовлетворяла насущной потребности той мѣстности, гдѣ она была выстроена. Ланкастеръ своей «системой помощниковъ» могъ обучать одновременно огромное число дѣтей, даже до школьнаго возраста, а Б. Вашингтонъ придумалъ, между прочимъ, обучать дѣтей кирпичному производству и этимъ увеличилъ не только средства для своей школы, но и выпустилъ изъ нея стѣнъ юношей, знающихъ и книжное дѣло, и полезное ремесло для данной мѣстности.

Мой учитель восторженно вторилъ этимъ примѣрамъ и грустно соглашался съ тѣмъ, что у насъ крестьяне постоянно жалуются на то, что школьничковъ въ деревнѣ очень много, а придетъ письмо — прочесть его некому, и надо итти къ писарю; равно и прошенія къ судѣ или иному начальству ни одинъ изъ учившихся не напишетъ, а надо итти въ контору и кланяться тому же писарю... А что касается ремесла или иного прикладнаго знанія для крестьянскихъ дѣтей, то никто изъ учителей не придаетъ этому серьезнаго значенія, хотя сами учителя для самихъ себя часто занимаются и садоводствомъ и пчеловодствомъ. А между тѣмъ, привлечь симпатіи населенія данной мѣстности къ школьному дѣлу весьма возможно, если учитель пойдетъ навстрѣчу потребностямъ населенія, какъ профессиональнымъ, такъ и обыденнымъ, приучивъ дѣ-

тей причесывать волосы, содержать руки въ чистотѣ, слѣдить за цѣлостью всѣхъ пуговицъ въ костюмѣ, за прорѣхами и жирными пятнами...

Учитель вполне соглашался съ этимъ требованіемъ и горячо ратовалъ противъ увлеченія политикой и находилъ, что школьное дѣло такъ велико, что оно должно удовлетворить всѣ запросы человѣческой души.

— Нельзя за два дѣла браться,—говорилъ онъ.—Что нибудь одно: либо дѣти въ школѣ, либо политика со взрослыми по избамъ мужиковъ.

Онъ очень былъ радъ, что на Павловскомъ съѣздѣ учителей послѣдніе исключительно занимались обсужденіемъ педагогическихъ темъ и не устроили никакой демонстраціи начальству.

— Если хотите,—полиберальничалъ онъ:—школа развиваетъ людей и къ общественной жизни гораздо лучше, чѣмъ обсужденіе политическихъ вопросовъ съ неграмотными и великовозрастными тупицами.

Въ то время эти «тупицы» еще не назывались черносотенцами, и я вполне согласился съ учителемъ, что хорошо поставленныя народныя школы могутъ поглотить всю жизнь преданнаго имъ челоуѣка, и у него не останется свободнаго времени на распропагандированіе злободневными вопросами малоразвитаго населенія.

«Если,—думалъ я,—классовыя нужды этого населенія выдвинуть передъ нимъ его собственный идеалъ, то населеніе можетъ увлечь за собою и учителей, но никогда—обратно».

Мое предположеніе оправдалось. Въ той же Псковской губерніи, въ самомъ городѣ и по его уѣздамъ, народное движеніе захватило интеллигенцію, но вмѣстѣ съ этимъ начались аресты среди земскаго персонала и такъ называемаго «крестьянскаго союза».

Но несомнѣнно, какъ бы ни были многочисленны псковскіе аресты среди интеллигенціи, она не играла активной роли въ народномъ движеніи псковитянъ. Арестованные сами захвачены движеніемъ, и большинство изъ нихъ совершенно легально примкнуло къ нему. Не всѣ могли мириться съ тѣмъ, чтобы конституціонное значеніе манифеста 17-го октября 1905 г. было игнорировано манифестомъ 20-го февраля 1906 г., и чтобы 1) законодательная власть народныхъ представителей, 2) учрежденіе ими бюджета и 3) отвѣтственность передъ ними административныхъ властей были парализованы государственнымъ совѣтомъ, въ значительной его части по назначенію, всегда готовымъ исполнить волю министерствъ, а не народныхъ представителей...

Эти интеллигенты захвачены волной проснувагося народа, и власти, вполне естественно, не могутъ усмотрѣть ихъ индивидуальной роли въ этомъ пробужденіи и не умѣютъ даже формулировать ко многимъ свои обвиненія. Интеллигенція имѣетъ значеніе въ

народной жизни, какъ таранъ для разрушенія непріятельскихъ стѣнъ; затѣмъ она поглощается сама народной жизнью и надолго теряетъ преобладающее значеніе. То же самое повторяется теперь не только въ исторіи псковскихъ арестовъ, но рѣшительно всюду. Представители интеллигенціи хотѣли бороться съ бюрократіей парламентарнымъ путемъ, но ихъ все время разочаровываютъ въ немъ...

Всеобщій энтузіазмъ по поводу манифеста 17 октября охватилъ самыхъ равнодушныхъ къ политикѣ людей, и правительство не въ правѣ дѣлать отвѣтственными за него отдѣльныхъ людей, тѣмъ болѣе изъ сельско-учительскаго персонала. Онъ всегда былъ чуждъ политической инициативы и преданъ своимъ специальнымъ задачамъ.

Въ этой увѣренности я заѣхалъ къ моему стародавнему знакомому въ сельскую школу и былъ очень удивленъ его тревогой и опасеніями.

Правда, я зналъ, что ничто не гарантируетъ въ настоящее время учителя отъ недоразумѣній: ни многолѣтняя труженическая жизнь въ школѣ, ни отсутствіе систематичности въ его бесѣдахъ съ кѣмъ либо и малѣйшаго признака на организаціонную связь съ какимъ либо обществомъ, ни личное и всегда недостаточное развитіе сельскаго учителя для агитаціонной роли и т. д. Но за даннаго учителя я былъ увѣренъ и, къ моему удовольствію, очень скоро убѣдился, что его тревоги о себѣ лишены всякаго основанія.

— Послѣ манифеста 17 октября, — говорилъ онъ высокопарнымъ слогомъ: — у всѣхъ интеллигентныхъ людей деревни духъ сталъ приподнятъ. Если, по времени года, на дворѣ стояла осень, то въ нашихъ мысляхъ чувствовалась весна... И какъ было не чувствовать ее? На 13 ноября насъ, учителей Новоржевскаго земства, пригласили въ земскую управу на совѣщаніе по школьно-хозяйственнымъ вопросамъ. Но на собраніи былъ поднятъ вопросъ о всероссійскомъ союзѣ учителей и отношеніи учителей къ обществу. Всѣ разговоры свелись къ тому, чтобы учителя дѣйствовали въ духѣ манифеста 17 октября и объяснили бы его народу. Мы разѣхались по своимъ школамъ въ приподнятомъ настроеніи. Вскорѣ намъ прислали изъ управы печатныя «поясненія для народа» по поводу манифеста и задачъ государственной думы. Раньше крестьяне ничего не слыхали объ этомъ. Я устроилъ въ школѣ собраніе, и до сихъ поръ не могу понять, какъ я на это рѣшился.

— Все это законно, и сама управа...

— Да, это такъ, — перебилъ онъ. — Я ничего не говорилъ про-тивоуправительственнаго, а напротивъ восхищался царскимъ манифестомъ...

— Такъ чего же вы?

— А все-таки боязно... Какъ стали въ печати появляться извѣстія о побойщахъ и погромахъ, такъ каждое слово и вспоминается... Ничего и нигдѣ не проговаривался я, да другіе могутъ перетолковать по-своему каждую фразу. Разбирайся да разъясняй, что не такъ было дѣло... Хорошо, если повѣрятъ.

— Повѣрятъ,—успокаивалъ я его.—Вы на хорошемъ счету и всегда сознательно сторонились отъ политическихъ безпорядковъ.

Учитель радостно воскликнулъ:

— Мнѣ и одной школы довольно. У меня теперь садъ и пчельникъ. Я весь день съ дѣтьми то въ классѣ, то въ саду. А все-таки боязно...

А между тѣмъ его либерализмъ былъ чисто школьнаго свойства. Онъ хотѣлъ бы дать дѣтямъ, кромѣ книжнаго ученья, и изученіе простой жизни въ избѣ мужика.

— Надо,—иногда говорилъ онъ,—чтобы дѣти мужика знали, гдѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ слѣдуетъ утромъ умываться въ избѣ, а не гдѣ попало; куда класть свою шапку, а не хватать первую попавшуюся подъ руку; какъ ѣсть вилкой и ножомъ, какъ обращаться съ одеждой, какъ убирать внутренность избы, какъ чтить праздники христіанскими дѣлами, а не драками на гулянкахъ, какъ хорошо бы общими силами дѣтей въ торжественные христіанскіе дни оказывать помощь больнымъ или бѣднымъ односельчанамъ и т. д.

Онъ мечталъ создать связь между школой и населеніемъ несомнѣнной ея полезностью. Кромѣ книжныхъ уроковъ и наученія культурному обиходу, чтобы не казаться его воспитанникамъ у себя дома «папуасами», ему хотѣлось ввести промышленные и ремесленные курсы въ школу, намотивъ какую нибудь преобладающую потребность въ данной мѣстности. Пчеловодство, садоводство, плотничество, кирпичное производство—все бы ему хотѣлось изготовлять руками учащихъ и привлечь ихъ родителей къ участію въ судьбахъ школы.

Онъ совершенно резонно говорилъ:

— При дарованіи народу 17 октября избирательныхъ правъ, послѣдній напоминаетъ негровъ въ день ихъ освобожденія, интересы которыхъ американскій педагогъ Букеръ Вашингтонъ защищалъ такими словами: «одна политическая агитація не спасетъ негра, и въ качествѣ гарантіи для подачи голоса онъ долженъ обладать собственностью, трудолюбіемъ, искусствомъ, бережливостью, умомъ и характеромъ, а безъ этихъ качествъ никакая раса не можетъ рассчитывать на прочный успѣхъ». То же и у насъ въ Россіи. Мужичкіе митинги будутъ гораздо плодотворнѣе на молочныхъ фермахъ и садахъ, мельницахъ и кузницахъ, чѣмъ въ обнищавшихъ, съ разобранными крышами избахъ... Движеніе снизу ближе къ мужику, и разомъ онъ не сдѣлается толковымъ депутатомъ.

Словомъ, въ этихъ немногихъ словахъ чувствовалось, что манифестъ 17 октября не оторвалъ его отъ школы, и что самую сво-

боду народа онъ обусловливалъ болѣе трудомъ въ собственной жизни крестьянъ, чѣмъ въ ихъ торжествѣ надъ другими классами родины.

Во всемъ этомъ было чрезвычайно много дѣловитости и постепенства. Это и есть та настоящая почва, на которой могли бы интеллигенція и народъ работать совмѣстно во имя культуры.

Тѣмъ не менѣе, совершенно трезвое отношеніе къ дѣйствительности все-таки не давало душевнаго мира сельскому мечтателю...

— Боюсь! Никогда этого не бывало прежде, — говорилъ педагогъ. — Если бы былъ проступокъ за мной, то я бы такъ не волновался. Самъ иногда смѣюсь надъ своимъ безотчетнымъ страхомъ, точно ребенокъ въ темной комнатѣ...

«Всѣ мы въ темной комнатѣ», думалъ я, сочувствуя бѣдному труженику.

— Никогда я не думалъ, — продолжалъ онъ: — что иностранцы правы въ своемъ опредѣленіи о томъ, что между русской интеллигенціей и народомъ промежутокъ времени въ сто лѣтъ, а теперь вижу, что эта пропасть существуетъ между ними.

Онъ разсказалъ мнѣ, что на «микунъ» (какъ называютъ крестьяне митингъ) собралось много народу, и всѣ вели оживленную бесѣду о манифестѣ. Ему самому пришлось вкратцѣ изложить исторію Русскаго государства о томъ, какъ изъ беспорядочнаго и мятежнаго удѣльнаго строя выростала и крѣпла княжеская власть въ единодержавіе; какъ, со смертью Грознаго, прекратилась династія Рюрика, и какъ русскій народъ принужденъ былъ выбирать на царство новаго царя, М. Ѡ. Романова.

— Ну, что же? Все это прекрасно, — сказалъ я въ заключеніе. — Никакой демонстраціи въ этомъ нѣтъ.

— Конечно, такъ! — радостно произнесъ учитель. — Но вышло то, что среди слушателей нашлись такія лица, которые стали задавать народу вопросы: «Что это учитель хочетъ выбирать новаго царя?» Какъ вамъ это нравится? Я разсказываю о томъ, какъ одна династія смѣнилась другой, а умныя головы что придумали? Страшно я струсилъ одно время и отъ безпокойства не спалъ нѣсколько ночей... Вины нѣтъ за мной, а боязно. Точно кто меня подвелъ подъ непріятность съ этимъ манифестомъ.

Онъ упомянулъ о другомъ порученіи управы учителямъ, о томъ, чтобы они доступными путями собрали свѣдѣнія о несостоятельности крестьянъ для выдачи таковымъ пособія. Этимъ порученіемъ управа очевидно хотѣла имѣть болѣе достовѣрныя свѣдѣнія по этому вопросу, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которые доставляются ей обыкновенно черезъ волостныя правленія. Но этимъ самымъ порученіемъ она естественно возбудила среди волостныхъ чиновъ недовольствіе противъ учительскаго персонала.

Знакомый мнѣ учитель собралъ дѣтей и прямо съ ихъ словъ записалъ о голодныхъ крестьянахъ въ ихъ деревняхъ. Но это

исполнение служебнаго порученія породило про учителя своеобразный толкъ, можетъ быть, пущенный къмъ либо изъ его недруговъ.

— Учитель подъ студентовъ подписываетъ народъ! Свою компанію собираетъ...

Въ равной степени, когда урядникъ пріѣхалъ въ волость для объявленія подъ расписку объ открытіи въ г. Порховѣ ярмарки, то и про него, со страху, стали говорить, что онъ «подъ черную сотню записываетъ народъ». Но насколько басни про урядника безвредны для него, настолько нелѣпая болтовня про учителя страшно перепугала бѣднягу.

«Не ты одинъ въ такомъ положеніи», подумалъ я опять и вспомнилъ, что передъ этимъ я уѣхалъ отъ помѣщика, тоже пребывавшаго въ трепетѣ у себя въ усадьбѣ изъ-за ни на чемъ не основанной боязни полиціи.

Много такихъ по провинціямъ «напуганныхъ» лицъ.

Не мудрено: ни въ чемъ неповинные люди схвачены и сидятъ въ тюрьмахъ, не имѣя силъ оправдаться. Мнѣ рассказывали, какъ Сорокинской волости, Порховскаго уѣзда, писарь Тимошей Никифоровъ, желая обругать волостного старшину, выразился: «Нашъ господинъ отцарствовалъ... Смигнуть его — будетъ новый». Этихъ словъ объ «отцарствованіи» было достаточно, чтобы свидѣтели повторили ихъ на допросѣ въ искаженномъ видѣ, и чтобы Никифоровъ былъ арестованъ.

А учитель Марынской школы, Алексѣй Семеновъ, какъ рассказываютъ, развѣ не арестованъ за бесѣду съ крестьянами о принудительномъ отчужденіи у господъ земель и лѣсовъ въ духѣ министерскаго проекта г. Кутлера и еще за то, что собиралъ подписи и подговаривалъ крестьянъ хлопотать о деньгахъ, которыя имъ причитаются? Лѣтомъ минувшаго года въ Бѣжаницахъ-Сущевѣ выдавали крестьянамъ пособіе при внесеніи ими задатка въ три рубля. Этихъ денегъ у нихъ не было, и за пособіемъ являлось немного лицъ. Тогда начальство и безъ задатка рѣшилось выдавать пособіе, но сотскіе не оповѣстили объ этомъ всѣ деревни. Одинъ изъ нихъ «забылъ передать», другому «надобности не было ходить по деревнямъ въ другую сторону» и т. д. Словомъ, сорокъ вагоновъ муки остались не розданными и были проданы; но гдѣ вырученныя деньги, — крестьяне не знаютъ. Учитель Семеновъ обѣщалъ тѣмъ изъ нихъ, которые не получили пособіе натурой, выхлопотать денежное пособіе, если они подадутъ объ этомъ прошеніе.

Всю эту исторію съ деньгами передавали мнѣ крестьяне въ этомъ видѣ, и, во всякомъ случаѣ, изъ ходатайства о деньгахъ, неизвѣстно куда исчезнувшихъ, нельзя усугублять виновность г. Семенова. Но въ провинціи подозрѣваемое лицо можетъ легко оказаться виноватымъ изъ-за неосторожной фразы и необдуманнаго, иногда въ пьяномъ видѣ, поступка, хотя бы вся жизнь

этого человѣка была безупречной, и въ будущемъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать въ немъ революціонера.

Паника растетъ въ провинціи... Утрачивается довѣріе въ мудрое и снисходительное отношеніе правительства къ подданнымъ... И это наканунѣ созыва государственной думы! А именно теперь-то, въ виду первостепенной важности событія, и необходимо всеобщее къ нему сочувствіе. Если справедливо, что каждый народъ стоитъ своего правительства, то и правительство, оказывая народу недоувѣріе и вражду къ нему, можетъ встрѣтить въ послѣднемъ тѣ же самыя чувства и даже бойкотъ государственной думы.

IX.

«Свобода связала».—«Фонарь данъ въ руки»...—«Какая у начальства милость къ намъ, такая и у насъ къ нему».—Критика народной школы мужиками и ихъ требованія къ ней.—Отношеніе мужиковъ къ «земскимъ» и «конторскимъ» людямъ.—«Путиловцы» и «сахарники».

Довѣріе къ мирному теченію государственной жизни слабѣетъ въ провинціи, а произволъ администраціи растетъ.

Тоска нѣкоторыхъ публицистовъ «по сильной власти» нашла себѣ сочувствіе и въ глухихъ уѣздахъ Псковской губерніи. Нѣсколько видныхъ дѣятелей въ г. Псковѣ говорили мнѣ:

— Глупо было испугаться и первой-то забастовки... Теперь, когда правительство увидѣло, какъ ничтожна кучка людей, требовавшихъ реформъ, оно не церемонится съ ними, и второй разъ оно уже не испугается пролетаріата... Манифестъ 20 февраля подтверждаетъ это.

Ликующія лица такъ ослѣплены разгромомъ пролетарскихъ силъ, что не замѣчаютъ кругомъ себя паники и новую грозную силу, въ видѣ крестьянства...

А между тѣмъ, когда я проѣзжалъ сравнительно тихую волость и спросилъ крестьянина, какъ живется, то тотъ характерно отвѣтилъ:

— Ничто себѣ, да свобода связала!

— Какъ такъ? За что?

— А за старое Рождество! Чуть ли не на другой день, послѣ свободы, стали арестовывать и увозить мужиковъ въ городъ.

— А спросить некого... Все бы ничто, если бы и въ арестантскую посадили, а только спросить некого—за что? Свобода связала..

Я продолжалъ задавать вопросы.

— «На микунъ» ходили?

Мужики удивленно отвѣтили:

— Да мы и прежде на сходѣ собирались, а «на микунъ» не смѣй... Мужики повѣрили манифесту 17 октября о свободѣ, а она-то вонъ какъ... Сейчасъ и въ Новоржевѣ тебя! Никогда этого

не бывало прежде, чтобы на волостные сходы съѣзжались стражники. Мы и безъ нихъ были и теперь обойдемся... Не бунтоваться собираемся мы, а свои дѣла рѣшать... За что же начальство нагнало на насъ стражниковъ?

— Можетъ быть,—замѣтилъ я:—начальство боится, что вы на сходѣ будете злоупотреблять свободой слова?

Мужики гнѣвно отвѣтили:

— Слѣпой и тотъ ощупью находитъ тропинку, а если по манифесту дана свобода слова, то, значить, народу фонарь данъ въ руки... Совсѣмъ стало видать тропинку. Хуже не будетъ, а лучше.

— По здравому смыслу оно такъ выходить, а на дѣлѣ вы кричите, что вамъ и zemstva не надо...

Они перебили меня съ тѣмъ же гнѣвомъ:

— А на чужой рогокъ не накинешь платокъ. Наше земство барское, а не мужицкое... Вотъ мы никуда и не будемъ платить денегъ. Сами волостью всѣ свои волостныя дѣла порѣшимъ... Извѣрились мы въ барское земство, и платить ему денегъ не стоитъ. Какая у начальства милость къ намъ, такая и у насъ къ нему.

Я пробовалъ заступиться за земство, и указывалъ на прекрасныя сельскія школы въ Новоржевскомъ уѣздѣ.

— И школъ намъ не надо,—въ раздраженіи отвѣтили мнѣ.

— Это вы говорите противъ себя,—протестовалъ я.—Всѣ школы переполнены вашими ребятами...

— Да, школы не такія надо! Школьниковъ у насъ вся деревня, а придетъ письмо или повѣстка, надо все равно ходить къ писарю, и никто въ деревнѣ не прочтетъ его. Какой же толкъ, что много школьниковъ? Читаютъ они книги, а не понимаютъ и рассказать не могутъ. Прошеніе написать тоже не смогутъ... Никто ничего и не разберетъ, если начнетъ писать. Много грамотныхъ у насъ, а защиты никто не дастъ... А обидь-ка тебя кто понапрасну, такъ ты сейчасъ распишешь свою обиду и къ начальству, и въ газету. А нашъ не сможетъ. И права есть у него, а не написать ему прошенія о своемъ же дѣлѣ.

Они еще долго критиковали недостаточность существующаго школьнаго образованія, не находя въ своихъ грамотныхъ людяхъ ни хорошаго чтенія письма, ни защиты въ тяжбахъ.

— Вотъ у насъ въ Барановской волости, въ деревнѣ Лыжицы,—произнесъ одинъ крестьянинъ:—мужики завздорили съ богачемъ Марковскимъ изъ-за участка земли съ лѣсомъ и лугами. Крестьяне обратились къ земскому, и тотъ сказалъ имъ на словахъ: «пока дѣло не разрѣшится судомъ, вы не берите изъ лѣсу дровъ, а Марковскій не тронетъ выкошеннаго вами сѣна». Но послѣдній не дождался суда и забралъ сѣно; тогда и мужики поѣхали въ лѣсъ за дровами. «Мы,—говорили они:—рубимъ его не ночью, не крадучись, а какъ свое. Если Марковскій въ силахъ заплатить

за сѣно, если судъ признаетъ сѣно нашимъ, то и мы въ силахъ уплатить за дрова Марковскому, если судъ признаетъ дрова его собственностью... Не съ вѣтру и мы взбунтовались». Не тутъ-то было,—докончилъ разсказъ крестьянинъ:—наѣхали стражники, и 7 человекъ изъ деревни Лыжницы были арестованы. Въ Сибири лучше жить, чѣмъ теперь въ деревнѣ. Некому заступиться за насъ, а грамотеевъ найдется у насъ много. Да, что толку, если нѣтъ у нихъ защиты?

— Однако,—возразилъ я:—надо улучшить дѣло, а вы собираетесь только бить всѣхъ земскихъ или отнять у нихъ жалованье: у докторовъ, учителей, ветеринаровъ, страховыхъ агентовъ, у всѣхъ, кого вы должны бы беречь и любить. Вы только не трогаете однихъ стражниковъ.

— Стражникамъ,—перебили меня:—царь платитъ... Казна отпускаетъ имъ содержаніе, а земскимъ да конторскимъ идутъ мужицкія деньги. Ветеринаръ служитъ помѣщику, а крестьяне не приглашаютъ его; страховой агентъ тоже нуженъ для собственниковъ. Мелкія страховки, до пятисотъ рублей, страхуютъ волостныя правленія, а свыше—агентъ... Прежде мы безъ агентовъ обходились. А съ ними весь запасной капиталъ ушелъ на вознагражденіе погорѣльцевъ, вслѣдствіе высокой оцѣнки имущества и построекъ... Мы тоже не зря отказались отъ нихъ. Мы согласны платить бы и учителямъ, если бы они доводили школьника до той степени, чтобы онъ могъ письмо прочесть и прошеніе намъ написать въ судъ; мы знаемъ, что надо платить и судьямъ, да мы не вѣримъ нашему суду... Писарь судить и вино, а не судья. Раньше, сряду послѣ воли, были «чередные судьи», и было нисколько не хуже... Мы не знали, кто будетъ судьей, а теперь они всѣ извѣстны, и ихъ подкупить можно...

Я молча слушалъ многочисленныя сѣтованія мужиковъ на ихъ внутреннюю жизнь, которую они стали передѣлывать въ настоящее время на всѣхъ своихъ волостныхъ сходахъ. Они точно вымещаютъ злобу противъ современнаго строя на «земскихъ» (учителяхъ, докторахъ, агентахъ и т. д.) и на «конторскихъ» (старшинахъ, писаряхъ и волостныхъ судьяхъ). Вездѣ на волостныхъ сходахъ идетъ сокращеніе бюджетовъ; вездѣ критическое отношеніе усиливается къ особенностямъ крестьянской жизни и достигаетъ высшаго напряженія, когда касается земскихъ начальниковъ и новоиспеченныхъ стражниковъ.

На простой вопросъ о состояніи счетовъ по продовольственному капиталу крестьяне озлобленно восклицаютъ:

— А и самъ чортъ некрещеный не узнаетъ ни у конторскихъ ни у земскаго начальника! Приди-ка въ контору да спроси,—такъ всего тебя сквозыряютъ на разныя манеры... Мы не вѣримъ ни правосудію, ни контролю... Недавно выработана комиссія отъ

волостей для ревизии материальной стороны в школах: приварка, расход в на покупку дров и т. д. Мужики сами же и толкуют о себя: попадут в нашу комиссию враги учителя, и будут они жидать ему, а дело не поправят.

— Надо,—говорю:— народу привыкать контролировать... Попривыкнет он, и будет хорошо. Жизнь—это та же школа. Не разом дается и грамота.

Меня перебили насмешливым голосом:

— Долго этого ждать, когда мужик, по словам Некрасова, понесет с рынка Гоголя да Бѣлинскаго...

Я уже перестал удивляться книжным отвѣтамъ за последнее время в народѣ, тѣмъ болѣе, я зналъ, что, напримеръ, Аполнинская волость выдаетъ до 900 паспортовъ в годъ крестьянамъ, идущимъ в Петербургъ, а Ежинская и Копылковская волости выдаютъ паспортовъ до двухъ и до трехъ тысячъ лицамъ, идущихъ торговать (коробейники) в Финляндію.

— Мы—«путиловцы»,—говорятъ многіе изъ нихъ о себѣ съ гордостью, сознавая свое превосходство надъ «кениговцами».

— Весь сахаръ кениговскій сдѣланъ нашими руками,—замѣчаютъ крестьяне, вернувшіеся изъ Петербурга съ заводовъ Кенига.

— Сахарники!—презрительно обзываютъ ихъ «путиловцы», болѣе развитые в политическомъ отношеніи рабочіе.—Не во нравъ имъ наше дѣло...

— Будь оно неладно!—огрызается «сахарникъ».—Не будете и вы больше приглашать смотрѣть царя ко дворцу... Кому охота умереть безъ покаянья!

— Чортъ ты некрещеный!...—ругается в отвѣтъ «путиловецъ».

Поругавшись по привычкѣ, они, какъ ни в чемъ не бывало—слышу—вмѣстѣ поютъ на улицѣ:

«Вставай, подымайся, рабочий народъ»...

— Ну, время,—замѣчаю я.—Вотъ время-то какое...

— Да, ужъ времечко,—сочувственно откликается консервативнаго образа мыслей старикъ.—Малецъ лѣзетъ черезъ порогъ на карачкахъ и еще не умѣетъ ногу переложить черезъ него, а ужъ кричать: «долой господъ», и новыя пѣсни играетъ...

Присутствующій «путиловецъ» смѣется и добродушно отвѣчаетъ ему:

— Старикамъ-то нечего хлопотать... Скоро на песчаную горку (на кладбище) сволокутъ, а мы, молодые, жить хотимъ...

X.

«Опочане». — Престижъ верховной власти и господь. — Крестьяне собираются дѣлать не землю, а урожай у помѣщиковъ. — Проектъ мѣстной газеты объ успокоеніи умовъ и арестъ ея редакціи.

Съ «путиловцами» мнѣ пришлось еще разъ встрѣтиться уже въ Опочецкомъ уѣздѣ, откуда мѣстнымъ землевладѣльцемъ были присланы за мной лошади съ предложеніемъ принять участіе въ облавѣ «на всячину».

Кучеромъ оказался одинъ изъ путиловцевъ, и между нами возникъ разговоръ о порубкѣ лѣса въ имѣніи графа Моля.

— Восемь человекъ арестовано...

— Да, зачѣмъ,—перебилъ я его:—рубить лѣсъ?.. Онъ вамъ же будетъ нуженъ послѣ, если вы думаете, что земля перейдетъ къ мужикамъ.

— Рубимъ!—угрюмо отвѣтилъ «опочанинъ». — Богъ знаетъ, кому еще весной онъ достанется. У насъ гдѣ какъ... Въ одномъ мѣстѣ крестьяне рубятъ лѣсъ, а въ другомъ не даютъ и самому владѣльцу рубить, не только постороннимъ мужикамъ... Въ селѣ Зенковѣ, Туровской волости, у барона Корфа, крестьяне близлежащихъ деревень, бывшіе его крѣпостные, прогнали дальнихъ крестьянъ, Макушевскихъ, когда тѣ поѣхали въ лѣсъ съ топорами. «Просите или рубите лѣсъ у своихъ господъ, а у нашего нельзя—намъ самимъ будетъ нужно»,—сказали они и поворотили ихъ лошадей назадъ.

— А что же вы не платите податей?—спросилъ я.

— А, може, манифестъ буде,—отвѣтилъ тотъ. — Царь дастъ землю и подати измѣнить.

— Ты думаешь?

— А какъ же! Жить стало невозможно... Что нибудь да буде отъ царя... Облегченіе какое да ни на есть выйдеть.

«Путиловецъ» такъ же, какъ и прочіе крестьяне, увѣренъ въ «облегченіи» болѣе отъ царя, чѣмъ отъ государственной думы. Если ихъ надеждамъ не суждено будетъ сбыться, то разочарованіе въ чиновникахъ перейдетъ и на верховную власть. Глубоко неосновательны поэтому высказанныя въ «Собраніи экономистовъ», отъ 3 февраля, опасенія директора канцеляріи министерства землеустройства и земледѣлія, г. Лисенкова, о томъ, что и при дополнительномъ надѣлѣ крестьяне начнутъ также жаловаться на свою судьбу, обвиняя по преимуществу во всѣхъ неудачахъ дополнительнаго отчужденія чиновниковъ и требуя все болѣе и болѣе радикальныхъ реформъ... Это опасеніе за репутацію чиновниковъ имѣло мѣсто въ прошломъ году, а теперь, когда народъ возлагаетъ всѣ свои надежды гораздо болѣе на государя, чѣмъ даже на госу-

дарственную думу,—чиновники, конечно, отходят на задній планъ. Создается опасеніе за авторитетъ верховной власти въ томъ случаѣ, если бюрократія оттолкнетъ ее отъ удовлетворенія народныхъ нуждъ. Народъ давно пересталъ вѣрить чиновникамъ, т.е. господамъ, какъ онъ выражается. Но обаяніе царскаго имени сильно и въ крайнихъ толкахъ крестьянства, и въ умѣренныхъ.

Зато престижъ господъ окончательно падаетъ.

На одномъ изъ отдыховъ, послѣ облавы на рысей, крестьяне шутя обратились къ помѣщику со словами:

— Погоди-ка, баринъ, мы придемъ къ тебѣ скоро село «баствовать».

Тотъ возразилъ имъ въ добродушномъ тонѣ:

— Зачѣмъ же вамъ разорять мое село? Я такъ же работаю, какъ и вы...

— Работа твоя трудная,—произнесъ одинъ изъ мальчугановъ, весело засмѣявшись.—Пойти прогуляться съ папиросою въ поле и посмотрѣть, гдѣ солнце всходитъ и куда заходитъ. Дюжо работаешь—пусть съ мѣста тронется отъ такой работы.

Товарищу моему не хотѣлось уступить въ этомъ спорѣ, и онъ сказалъ о себѣ, что, какъ мелкій землевладѣлецъ, онъ живетъ очень просто и ѣстъ пищу, какъ и всѣ крестьяне.

— Это и видно,—презрительно насмѣшливымъ тономъ закричали другіе подростки въ загонѣ.—Вонъ шея-то у тебя толще, чѣмъ у борава...

Загонщики сочувственно поощряли подростковъ.

— Барину,—говорили они:—мало трехсотъ десятинъ, а съ насъ довольно и трехъ десятинъ... Вотъ какъ господа судятъ о насъ! Мы же на нихъ работаемъ, а они все недовольны нами...

Мой спутникъ перебилъ ихъ уже съ раздраженіемъ:

— Я ничѣмъ вамъ не обязанъ...

— Какъ такъ?—перебилъ загонщикъ, жившій подолгу въ Петербургѣ.—Мы, что ли, обязаны господамъ? А сапоги на васъ чьими руками сдѣланы?

— Не вы же шили...

— Не мы, да наши братья... Все тоже.

— И у тебя шапка и сапоги.

Рабочій въ первую минуту растерялся отъ такого довода, но потомъ буквально отвѣтилъ такъ:

— Тутъ обмѣнъ труда на капиталъ... Фабрикантъ покупаетъ наши силы и даетъ деньги на шапку и сапоги; а господа кому продаютъ свои силы, и не изъ нашихъ ли силъ получаютъ они свои капиталы?

Я невольно подумалъ: «Вотъ такъ опочане... (жители Опочецкаго уѣзда). Едва ли они не развитѣе новоржевскихъ крестьянъ».

Мой спутникъ былъ тоже озадаченъ радикальнымъ возрѣніемъ

рабочаго, но замѣтилъ ему, что измѣнить положеніе вещей нельзя, что Россія не подготовлена къ равенству труда и капитала, и что кто этого не понимаетъ, того полезнѣе посадить въ тюрьму на время, покуда соберется государственная дума и установится спокойствіе въ странѣ.

Рабочій перебилъ его серьезнымъ тономъ:

— Такъ точно думаетъ, вѣроятно, и г. Дурново, припрятавъ Хрусталева и его товарищей въ крѣпость.

Помѣщикъ былъ большой либераль и очень сконфузился словами рабочаго. Онъ сталъ передо мной развивать подробнѣе свой взглядъ и доказывать неподготовленность Россіи къ лучшей исторіи.

— Это еще не скоро! Не скоро будетъ!—повторялъ онъ.

Рабочій опять перебилъ его:

— Не скоро-то оно не скоро... Темнаго народу много у насъ, что каменевъ въ полѣ. А какъ ни великъ камень, все-таки надо отесать его, свезти въ село и положить въ устои подъ домъ. Но и устраиваться намъ, и учиться надо съ чего нибудь начать... А теперь мы обнищали, и первое-наперво ждемъ земли.

Загонщики подхватили его заключеніе и повторили, что безъ новой земли имъ никакъ не улучшить своей судьбы.

— А не дадутъ,—крикнулъ кто-то въ толпѣ: — будемъ у господъ не землю дѣлать, а урожай, когда придетъ пора хлѣбъ убирать. Пускай господа весной засѣваютъ и обрабатываютъ поля, а убирать жатву осенью будемъ мы...

— Это же разбой...

— Разбой и есть,—повторили загонщики, но безъ всякаго раскаянія.

Прежній рабочій вынулъ изъ кармана своего рванаго полубубка печатную программу предполагавшагося изданія въ городѣ Псковѣ народной газеты подъ заглавіемъ: «Крестьянская газета Приозернаго края» (Псковская, Петербургская, Новгородская и прилежащія уѣзды Витебской, Лифляндской и Смоленской губерній).

Передавая намъ программу, онъ убѣжденно произнесъ:

— Разбой можно и не допустить, если крестьянство обсудитъ свое дѣло, и начальство приметъ это во вниманіе... Почитайте. Умные люди писали тоже...

Я пробѣжалъ глазами газетный листокъ:

«Крестьянское движеніе растетъ съ неудержимой силой. Но крестьянство, которое въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ держалось правительствомъ въ безправіи, нищетѣ и невѣжествѣ, не можетъ сразу найти вѣрныхъ путей, по которымъ оно вышло бы изъ старыхъ условій жизни, ставшихъ совершенно невозможными и невыносимыми. Этимъ крестьянское движеніе страшно. Не руководимое разумными силами страны, оно можетъ превратиться въ пугачевщину, которая принесетъ много ненужной пикуму крови,

много ненужнаго разоренія, много ненужныхъ страданій, и въ концѣ концовъ ничего не сдѣлаетъ для государственнаго устроенія. Необходимо дать этому движенію возможность попасть на правильный путь развитія. Но кому по силамъ теперь совладать съ этой стомилліонной массой, возбужденной и раздраженной? Конечно, только самому крестьянству. Необходимо поэтому прежде всего прислушаться къ голосу самого крестьянства. Этотъ голосъ уже раздался. Онъ будетъ говорить все громче и громче и все больше и больше приковывать къ себѣ вниманіе страны».

Я не сталъ далѣе читать программу не осуществившейся газеты, вслѣдствіе ареста въ городѣ Псковѣ главныхъ членовъ редакціи и видя въ программѣ общераспространенныя требованія объ улучшеніи народнаго быта. Но я не могъ не удивляться проникновенію газетнаго листка въ деревни.

— Прямо по почтѣ прислали намъ,— отвѣтилъ мой спутникъ, помѣщикъ. — И газеты, и брошюры теперь имѣются въ каждой деревнѣ. Такъ естественно это, впрочемъ... свобода требуетъ просвѣщенія. Прошлую зиму здѣсь я не слышалъ ничего подобнаго тому, что сейчасъ говорилось во всеуслышаніе. Свобода разомъ посвящаетъ людей въ ихъ классовыя нужды и идеалы... Мы, дѣйствительно, наканунѣ новой исторіи съ крестьянствомъ во главѣ. Нужно ли говорить, какъ необходимо его обезпечить отъ нищеты и воспитать годнымъ для избирательной борьбы?

Онъ грустно закончилъ свою рѣчь тѣмъ, что правительство до сихъ поръ не сумѣло воспитать несомнѣнно талантливый народъ гражданиномъ и изъ скрытаго врага интеллигенціи сдѣлать его носителемъ прогресса.

Остатокъ дороги мы ѣхали молча.

XI.

Опочечкое земство «разбѣжалось».—Крестьяне переносятъ всѣ несчастія на господъ...—Народъ о войнѣ.—«Мужицкій судъ»—«стоптать ногами всѣхъ господъ».—Графъ Гейденъ и «земляная блоха».—Заключительное слово: чиновническая программа и голосъ современной деревни.

Чѣмъ болѣе я двигался по Опочечкому уѣзду ближе къ городу, тѣмъ нагляднѣе казался мнѣ ростъ крестьянства за послѣднее время... Люди точно пережили столѣтіе!.. Конечно, и общественная жизнь Опочечкаго уѣзда протирали глаза народонаселенію все въ одномъ и томъ же направленіи. Земство въ немъ, такъ сказать, разбѣжалось... Предсѣдатель управы Пленъ, завѣдующій комитетскимъ продовольствіемъ Тихомировъ, земскій начальникъ Бизюкинъ и др. громогласно вызываютъ противъ себя нареканія и ропотъ. Пленъ, хотя и съ согласія земскаго собранія, выдалъ 16 тысячъ общественныхъ денегъ на частное предпріятіе, которое обан-

критилось, и онъ предлагаетъ возвать этихъ 16 тысячъ въ кассу возложить на населеніе. Конечно, послѣднее протестуетъ и требуетъ суда. Земскаго начальника Бизюкина мужики въ Синекольщинѣ едва не избили, обвиняя его въ томъ, что онъ взялъ изъ волостной кассы 500 рублей и пополнилъ ихъ рентой, не внося разницы вслѣдствіе паденія ренты, и не имѣя разрѣшенія схода замѣнить наличныя деньги бумагами. Озлобленіе противъ него было столь велико, что мужики избили даже его лошадей, а самого его съ трудомъ защитила полиція.

Такое же озлобленіе слышится въ говорѣ крестьянъ о Тихомировѣ и другихъ земцахъ.

Удивительно ли, что крестьяне переносятъ на господъ всѣ общественныя несчастія и даже военныя неудачи? Здѣсь же среди опочанъ я слышалъ запоздалыя сѣтованія:

— Куропаткинъ-то нашъ «холмичъ», а и онъ обманулъ насъ... У насъ и закону такого нѣтъ, чтобы Россія просила мира. Японецъ долженъ кориться, а вышло иное... Вотъ онъ, Куропаткинъ-то, какой дѣляга... Не тутъ-то было, чтобы побить врага... Нѣтъ, Митькой звали! Воздухомъ стало валить съ ногъ русскаго солдата въ крѣпости... Стессель писалъ, что Богъ милости ему прислалъ; Линевицъ, не перескочивши рѣчку, все кричалъ: гопъ! А ты кричи на томъ берегу, а не хвастай заранѣе. Куропаткинъ долго чванился и все думалъ: пускай больше будетъ бѣдъ—у солдатъ станетъ слаще обѣдъ... Писали, что онъ стоитъ съ войскомъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы начали воевать... А на дѣлѣ-то—эвона! Все время удиралъ отъ Портъ-Артура и считалъ на бумажкѣ, сколько у японцевъ воиновъ. Всю ночь мы здѣсь дрожали и нигдѣ мѣста не находили, какъ узнали, что враги Портъ-Артуръ взяли... А хвастали, что мы все бьемъ японцевъ. Стессель писалъ государю, что у него и припасовъ вволю, и кораблей, анъ, глядь, нехватки! Какъ эти начальники будутъ теперь отвѣчать передъ царемъ-то? Ихъ бы надо на мужицкій судъ... А то на-ка: припасовъ, увѣряли, на десять лѣтъ, а хватились, и на годъ нѣтъ. Гдѣ же они? Денежки за нихъ плачены, а государя подвели... Если распорядиться, то распорядиться надо правильно. Аэонцы—не мы... Они не обманули своего государя... Затвердятся теперь въ Портъ-Артурѣ и въ Маньчжуріи. А нашъ народъ плачетъ и горитъ... Сколько головушекъ положили... Нужно только подумать. Сильно роппцуть бабенки. А все виноваты господа... На судъ бы ихъ къ намъ: мы бы ихъ ногами стоптали.

«Стоптать ногами господъ» является во многихъ мѣстностяхъ Россіи мечтой крестьянства, и всѣ разговоры съ нимъ на злободневныя темы сводятся къ одному и тому же знаменателю. Неудивительно поэтому, что даже къ лучшимъ представителямъ помѣстнаго сословія крестьяне питаютъ недоувѣріе и злобу.

Когда предводитель дворянства Опочецкаго уѣзда, известный графъ Гейденъ, устраивалъ бесѣды съ крестьянами по волостямъ о манифестѣ 17 октября, то ему прямо въ глаза кричали:

— Толкуй! толкуй! Не больно нужна намъ твоя государственная дума... Такие же господа съ козлиной бородой съѣдутся, какъ и ты.

Онъ пробовалъ растолковать имъ всесословное ея значеніе, но мужики кричали свое:

— Гдѣ господа, тамъ мужику ничего не достанется... Намъ бы «союзъ союзовъ».

— И здѣсь, — пробовалъ онъ пояснить имъ, — имѣются представители сословій...

— Не правда! Это ты врешь! Тамъ все нашъ братъ... Царь да народъ, какъ писано въ газетахъ. А чиновникамъ да господамъ — теперь крышка. Остатній годъ гуляютъ. Казна выкупить землю у нихъ, раздѣлить крестьянамъ и налогъ положить на землю, чтобы вернуть свои деньги, отданныя господамъ. Мы же ихъ и вернемъ въ казну. У насъ же господа и деньги на много лѣтъ впередъ возьмутъ... Пусть убираются въ города, а мы и безъ нихъ проживемъ въ деревняхъ. Они и теперь меньше платятъ нашего казнѣ, а все манифеста дожидаются... Мало имъ того, что они, когда была дана воля, наши земли записали въ первый разрядъ, а свои въ нившіе; но и за послѣдніе сорта они не платятъ деньги, а все съ насъ дерутъ и дерутъ... Они и государя нашего осрамили на войнѣ. Лишить бы ихъ всего: и жалованья, и помѣстья...

— Взятъ собственность ни у кого нельзя, — возразилъ графъ. — Что бы вы заговорили, если бы я пришелъ къ кому нибудь изъ васъ за лошадью?

На этотъ вызывающій вопросъ онъ услышалъ отъ одного записнаго смѣлый возгласъ:

— А вотъ военные получаютъ ордена, а послѣ смерти куда эти ордена идутъ?

— Возвращаются въ капиуль орденовъ...

— Ну, такъ вотъ и вашимъ предкамъ, графамъ же, подарили за заслугу землю, а почему они не вернули ее въ казну, когда умерли, а передали вамъ?

Графъ ваволнованно отвѣтилъ, что у него земля купленная.

— А у твоей жены? — воскликнули мужики, зная, что та владѣетъ наслѣдственной землей.

Такъ бесѣды графа Гейдена съ крестьянами неоднократно кончались вызывающими заявленіями о социальной несправедливости, царящей между людьми.

Очень мѣтко охарактеризовалъ мнѣ графа Гейдена одинъ изъ его же бывшихъ крѣпостныхъ.

— Хотѣлъ бы «грахъ» спать покойно на перинѣ, да блоха мѣшаетъ... Мужику земля нужна, а господамъ умъ...

Эта «земляная блоха» не дастъ покоя и самимъ мужикамъ, куда они не добьются своего.

Между тѣмъ, многіе совершенно этого не понимаютъ. Такъ, въ одной изъ газетъ недавно помѣщена изъ Пскова слѣдующаго рода корреспонденція:

«Многіе псковичи, напуганные погромами, покушеніями и убійствами, повсюду происходящими, боялись возникновенія аграрныхъ безпорядковъ въ Псковской губерніи къ началу весны. Но лица, хорошо знающія нашихъ крестьянъ, утверждаютъ, что если они будутъ обеспечены продовольствіемъ и сѣменами на посѣвъ, то весна пройдетъ спокойно. Крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ государственной думы, которая разрѣшитъ имъ земельный вопросъ.

«По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, въ среднемъ по губерніи, на одинъ крестьянскій дворъ приходится 9 десятинъ земли. Менѣе пяти десятинъ на дворъ имѣетъ лишь $\frac{1}{3}$ крестьянскихъ хозяйствъ; половина крестьянскихъ хозяйствъ принадлежитъ къ группѣ, владѣющей отъ 5 до 10 десятинъ, и $\frac{1}{3}$ крестьянскихъ хозяйствъ владѣетъ свыше 10 десятинъ. Въ сосѣдней Лифляндіи владѣльцы двора, имѣющаго 10 десятинъ, существуетъ безбѣдно. У насъ же при плохой обработкѣ, недостаткѣ удобренія и засаженныхъ кустарникомъ покосахъ крестьянинъ и при 10 десятинахъ не можетъ прокормиться однимъ земледѣліемъ. Земство уже много лѣтъ стремится научить крестьянъ улучшеннымъ приемамъ обработки земли, но усилія эти пропадаютъ даромъ, такъ какъ неурожаи и недороды парализуютъ всѣ культурные успѣхи».

Корреспондентъ газеты полагаетъ въ дальнѣйшемъ своемъ сообщеніи, что бѣдствіе псковскаго мужика прекратится не съ увеличеніемъ земельной у него площади подъ пашнями и сѣнокосами. Но, пишетъ онъ, «единственный выходъ остановить это возрастающее разореніе состоитъ въ коренномъ преобразованіи продовольственнаго устава».

Нужно ли говорить, что система продовольственной помощи не измѣнить самаго строя мужика, потому что ссуду надо возратить съ процентами, а, во-вторыхъ, не можетъ же она быть столь значительной, чтобы хватило ея «и на ѣмино, и на сѣмена», и на скотинку, и на покупку прирѣзокъ.

А, между тѣмъ, любой псковичъ изъ крестьянъ констатируетъ обезземеленіе молодого крестьянства и говоритъ объ этомъ постоянно:

— У отцовъ и дѣдовъ есть земля, а у молодыхъ нѣтъ... Я вотъ старшій сыновъ у отца, а, кромѣ меня, еще трое сыновъ, и у всѣхъ дѣти... А земли ни у кого! Хоть коней иди воровать... Нечего дѣлать всѣмъ около голодной земли на душу. Дѣдовъ много, а душа одна...

Это всякій псковичъ изъ надѣльныхъ крестьянъ скажетъ, не взирая на статистическія цифры о томъ, что у нихъ нѣтъ малоземелья. Если земля у мужика даетъ недороды и неурожаи, а у барина рядомъ земля стоитъ цѣльной даже не разработанная подъ лѣсомъ, и онъ «барышничаетъ» ею, то естественно, что голодный мужикъ не помирится съ этимъ.

Удивительно, что множество людей изъ помѣстно-дворянскаго сословія не понимаютъ ни своего, ни мужицкаго положенія.

Мужики прямо заявляютъ, что они придутъ село «бастовать», дѣлить землю весной или снимать урожай осенью; что они не будутъ въ казну платить денегъ и т. д.

А помѣщики говорятъ другъ другу:

— Мужики только грозятся! А подзовешь иного поближе къ себѣ и попросишь повторить—онъ испугается и скажетъ совсѣмъ другое...

Не хотятъ господа вѣрить тому, что слышатъ, и притворяются глухими...

Бывшій министръ земледѣлія, А. С. Ермоловъ, признавая въ рѣдкихъ случаяхъ малоземелье и необходимость въ такихъ мѣстахъ дополнительнаго надѣла для крестьянъ, все-таки считаетъ нужнымъ писать: «Приступить къ этому надо не изъ страха передъ крестьянскими погромами помѣщичьихъ усадебъ и хозяйствъ, такъ какъ за такими погромами нельзя даже въ огромномъ числѣ случаевъ признавать характера аграрныхъ безпорядковъ, и не въ видахъ, тѣмъ менѣе, отвѣта на крестьянскія мечты о черномъ передѣлѣ»... («Слово» отъ 25 февраля).

Такимъ образомъ, несмотря даже на аграрное движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ или у насъ въ черноземныхъ губерніяхъ, все-таки оказывается возможнымъ не придавать значенія этому движенію, а самое стремленіе крестьянъ къ «черному передѣлу» считать «безсмысленными мечтаніями».

А, между тѣмъ, повсюду помѣщики окружены народной злобой, а гдѣ причина ея—не знаютъ... Зато крестьяне [все болѣе и болѣе чувствуютъ классовыя противорѣчія и ищутъ разрѣшенія ихъ въ переходѣ земель отъ господъ къ земледѣльцамъ и всякія новыя системы хозяйствованія и агрономическія улучшения считаютъ неосуществимыми при существующей у нихъ нищетѣ.

Въ этомъ направленіи воспитывается все ихъ міросозерцаніе, а за аргументами, какъ мы видѣли, они въ карманъ не лѣзутъ. Слишкомъ сильно они чувствуютъ не только проступки отдѣльныхъ лицъ, но и общее положеніе дѣлъ въ деревняхъ. Оно и не удивительно, если, по словамъ проф. Исаева, «въ странѣ, съ населеніемъ не больше 20—25 душъ на квадратную версту, съ безграничными площадями земель, удобныхъ для культуры, миллионы и миллионы людей, привыкшихъ къ сельскохозяйственному труду,

должны сидѣть на крошечномъ надѣлѣ, въ 1, даже $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ десятины, безъ возможности покрыть съ этого клочка скудныя потребности поселянина; если въ странѣ, съ огромнымъ запасомъ земель, лежащихъ впустѣ, съ государственнымъ бюджетомъ больше двухъ миллиардовъ, миллионы и миллионы крестьянъ поставлены, при занятіи своимъ промысломъ, въ условія, которыя властно диктуютъ имъ сосѣдніе помѣщики. Десятина данной земли, при невынужденной арендѣ, могла бы принести десять рублей дохода въ годъ; а крестьяне десятковъ губерній и сотенъ уѣздовъ поставлены въ необходимость платить за нее 20, 30 рублей и больше» (А. Исаевъ: «Смута и земельный вопросъ»).

Ко всему этому, повсемѣстно констатировано сокращеніе пастбищныхъ площадей и скотоводства у крестьянъ, переходъ отъ землевладѣнія къ арендѣ, превращеніе крестьянина въ батрака или фабричнаго наемника, переходъ отъ земледѣлія къ торговлѣ, отливъ денегъ отъ земли и уходъ ихъ изъ деревни, ростъ недоимокъ и долговъ, исчезновеніе мелкой деревни и зарожденіе капиталистическаго землевладѣнія съ машинами и сельскимъ пролетариатомъ и т. д. Но, конечно, эти крупныя плантаціи въ рукахъ немногихъ нельзя считать прогрессивнымъ ростомъ помѣщичьяго хозяйства, о которомъ постоянно пишетъ въ газетахъ бывшій министръ земледѣлія, А. С. Ермоловъ, и въ которомъ онъ видитъ опору крестьянскому хозяйству. Сконцентрированіе земель на счетъ слабыхъ едва ли можно считать условіемъ благополучія; а помѣстное хозяйство уцѣлѣваетъ только въ этомъ видѣ.

Вполнѣ несостоятельны его мнѣнія и въ томъ случаѣ, когда онъ говоритъ: 1) о благотѣльности для крестьянъ постороннихъ заработковъ и аренды земли у помѣщиковъ; 2) о прогрессивномъ и благотѣльномъ ростѣ помѣщичьяго хозяйства для крестьянъ, какъ двигателя сельскохозяйственнаго прогресса и какъ источника для заработка; 3) объ обѣднѣніи и разореніи страны при предполагаемомъ переходѣ частновладѣльческой, обрабатываемой самими помѣщиками, земли къ крестьянамъ, обрабатывающимъ землю гораздо хуже, и т. д.

Этотъ голосъ въ пользу помѣщиковъ крестьяне считаютъ за-поздалымъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что всѣ такъ называемые «сторонніе заработки» являются у крестьянина вслѣдствіе нехватки собственнаго хлѣба до нови и необходимости чрезмѣрныхъ платежей. Этими заработками весьма часто крестьянинъ закабалается у помѣщика въ ущербъ собственному хозяйству.

Что касается аренды, то и она чаще всего бываетъ «вынужденной», и никто изъ экономистовъ не считаетъ благополучіемъ переходъ крестьянина отъ землевладѣнія къ арендѣ, а это именно и замѣчается въ народномъ быту, какъ равно и превращеніе кре-

стьянина въ наемнаго рабочаго въ интересахъ капиталистическаго землевладѣнія.

А что касается обычныхъ помѣщичьихъ усадебъ, то и до 19 февраля 1861 г. онѣ были заложены въ опекуномъ совѣтѣ и выкуплены, благодаря кредиту у крестьянъ (выкупныя свидѣтельства); и послѣ 19 февраля онѣ очень скоро были заложены въ поземельный банкъ и остались за нимъ или перепроданы Сладкопѣвцевымъ, Деруновымъ, Колупаевымъ и Разуваевымъ; и теперь онѣ охраняются солдатами, и земля обрабатывается весьма посредственно «за отрѣзки», «исполу» крестьянами, ихъ же мужицкимъ инвентаремъ, или машинами и съ удобреніемъ за счетъ постороннихъ сбереженій барина.

Весьма возможно, что у А. С. Ермолова въ усадьбѣ Воронежской губерніи заведена *grande culture* съ многочисленными работками для крестьянъ, но для такого хозяйства нужно было получать А. С. Ермолову его министерское жалованье; весьма возможно, что и А. Н. Куропаткинъ вернется въ свою «Торопу» и займется образцовымъ хозяйствомъ, но вѣдь онъ получалъ огромное жалованье. Кто же говоритъ противъ того, что при такихъ условіяхъ можно поставить хозяйство на высокую степень культуры, и, что съ переходомъ ихъ земель въ руки крестьянъ, обработка земли и все веденіе хозяйства будетъ иное и хуже. Но развѣ этими и подобными капиталистическими хозяйствами можно разрѣшить аграрный вопросъ?

Конечно, если допустить сконцентрированіе земли все въ меньшей и меньшей группѣ людей и классовое просвѣщеніе обезземеленнаго пролетаріата, то, разумѣется, наступитъ моментъ, когда пролетаріи захотятъ принять участіе не только въ коллективномъ производствѣ богатства, но и въ его распредѣленіи. Но А. С. Ермоловъ едва ли посочувствуетъ такой марксистской теоріи о земельномъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время министерство землеустройства полемизируетъ противъ дополнительнаго надѣла крестьянъ за счетъ частновладѣльческихъ земель и отстаиваетъ просвѣтительную и производительную миссію помѣщиковъ...

Исторія уже сказала свое слово по адресу ихъ.

Теперь она выдвигаетъ на сцену русское крестьянство.

Между тѣмъ, министерство устами своего директора, г. Лисенкова, попрежнему провозглашаетъ выкупъ дополнительнаго надѣла немислимымъ на томъ основаніи, что у крестьянъ малоземелья нѣтъ, а свободныхъ земель нѣтъ у другихъ; что юридическія препятствія при выкупѣ земли также непреодолимы, какъ и безденежье казны для вознагражденія частныхъ лицъ за отчужденныя земли наличными деньгами, и что, наконецъ, если на размежеваніе одной губерніи требуется полстолѣтія, то какой ужасающій срокъ потребуется для размежеванія дополнительныхъ надѣловъ по всей Россіи.

— А главное,—говорилъ онъ въ «Собраніи экономистовъ»,—если въ этомъ году пройдетъ надѣленіе крестьянъ землей на выкупныхъ началахъ, то кто помѣшаетъ имъ требовать такого и въ будущемъ? Не явится ли въ народѣ неопредѣленность взглядовъ на право собственности, и не создадутся ли вѣчные передѣлы, убивающіе земледѣліе даже въ общинахъ? Такимъ образомъ, прирѣзками земли не только нельзя внести въ страну успокоеніе умовъ и уменьшить голодовки, но усилятся въ народѣ подозрѣнія, что во всемъ виноваты чиновники; что это не отъ государя, а отъ начальства, и что народу нужно добиваться болѣе широкихъ цѣлей болѣе рѣшительными средствами.

Нужно ли говорить, что это безпокойство о зарвавшихся въ своихъ требованіяхъ мужикахъ гораздо болѣе примѣнимо при осуществленіи чиновнической программы, въ которой на первомъ планѣ стоятъ: 1) добровольныя сдѣлки по продажѣ земель черезъ крестьянскій банкъ; 2) переселеніе; 3) урегулированіе арендныхъ отношеній, 4) уничтоженіе черезполосицъ, мелкополосицъ, длиннополосицъ, 5) устроеніе хуторскаго хозяйства, вмѣсто общиннаго, 6) снабженіе крестьянъ отборными сѣменами, лошадьми и орудіями, 7) поднятіе образованія, 8) установленіе кредита, 9) упорядоченіе найма и отхожаго промысла, 10) экономическія мѣры для борьбы съ кабалой скупщика и ростовщика, 11) устраненіе законодательныхъ стѣсненій въ жизни крестьянъ.

Все эти мѣры имѣютъ свою хорошую сторону, но онѣ нисколько не устраняютъ мужицкаго предположенія о виновности чиновниковъ въ ихъ судьбѣ...

Развѣ дѣйствительно министръ земледѣлія, г. Ермоловъ, чтонибудь сдѣлалъ по коренному бѣдствію крестьянскаго быта? Онъ даже теперь (см. газету «Слово» отъ 25 февраля) повторяетъ, что улучшенные приемы культуры и новая система хозяйствованія «важнѣе простаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія»; что «признать, что именно въ настоящихъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія лежитъ корень вопроса о крестьянской бѣдности,—въ видѣ общаго правила—нельзя»...

Правда, онъ не хочетъ «сводить весь вопросъ на мѣры только агрономическаго характера» и въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ дополнительный надѣлъ для малоземельныхъ. Но его ошибка все-таки состоитъ въ томъ, что онъ признаетъ послѣднее только «въ иныхъ случаяхъ», а не въ большинствѣ. Поэтому онъ рѣшительно заявляетъ:

«Никакого дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею не должно быть объявляемо, такъ какъ подобная мѣра могла бы быть только всеобщей, чего вовсе не требуется, и вызвала бы возжелѣнія, идущія гораздо далѣе возможности ихъ удовлетворенія; болѣе того, подобная мѣра, при первомъ приступѣ къ ея осуществ-

влению и при неизбежныхъ, но непредвидѣнныхъ крестьянами ограниченіяхъ въ ея примѣненіи, вмѣсто ожидаемаго умиротворенія, внесла бы только въ крестьянскую среду новый элементъ смуты и недовольства».

Здѣсь онъ, какъ и г. Лисенковъ, упускаетъ изъ виду то, что и его собственныя мѣры по части рациональнаго хозяйствованія также не остановятъ дальнѣйшихъ «вождедѣній» крестьянъ; но эти вождедѣнія уже будутъ касаться другихъ потребностей народной жизни, а не малоземелья...

Нужно признать, какъ общее правило, что при настоящихъ средствахъ народъ не можетъ улучшить свой бытъ...

Исключеніемъ бываютъ весьма немногія мѣстности, гдѣ благосостояніе крестьянъ не зависитъ отъ площади земли. Между тѣмъ, А. С. Ермоловъ все свое вниманіе направилъ на рѣдкія мѣстности, гдѣ, конечно, вполне примѣнимъ путь агрономическихъ улучшеній.

Что касается безденежья казны для уплаты землевладѣльцамъ за дополнительные надѣлы крестьянамъ, то этимъ самымъ отрицается самое осуществленіе крестьянскаго банка и другія многочисленныя функціи государства. Также и всякія мелкополосицы есть результатъ малоземелья. Урегулированіе аренды государствомъ не спасаетъ Ирландію отъ безпорядковъ, и борьба со скупщиками и ростовщиками немислима безъ кореннаго преобразованія народнаго благосостоянія. Въ клѣтку скупщика не посадишь. Развѣ казаковъ напустить на скупщиковъ и ростовщиковъ? Но это — «лошадиное средство». Поэтому скупщикъ и ростовщикъ останутся всегда спутниками народной нищеты, обнищаніемъ крестьянской жизни... Образованіе и устраненіе законодательныхъ стѣсненій необходимо, но прежде всего нужно дать народу «ѣсть». Сытые крестьяне — это тотъ фондъ, который можно противопоставить и аграрнымъ безпорядкамъ, и аграрнымъ забастовкамъ, весьма возможнымъ одновременно съ прилетомъ на поля веселыхъ жаворонковъ...

На томъ надѣлѣ, на которомъ живетъ крестьянинъ, послѣдній голодаетъ и существовать не можетъ — таковъ всеобщій голосъ современной деревни, и надо идти навстрѣчу ему, не дожидаясь «мушкетскаго суда»...

А. Фаресовъ.

НѢЖИНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ.

(18—24 октября 1905 г.) ¹⁾.

I.

СОБЫТІЯ, разыгравшіяся въ нашемъ городѣ въ періодъ времени отъ 18 до 24 октября включительно, хотя и не были полною неожиданностью для тѣхъ, кто не много слѣдилъ за внутреннею жизнью нашей учащейся и еврейской молодежи и настроеніемъ разныхъ слоевъ нашего интеллигентнаго и полунинтеллигентнаго общества, все же были такъ необычайны, такъ всколыхнули въ общемъ нашъ довольно мирный муравейникъ, что трудно еще разобратъся во всемъ происшедшемъ у насъ за это сравнительно короткое время и возсоздать хотя бы относительно полную картину нашей нѣжинской революціи и контръ-революціи.

Революція наша началась 18 октября такъ. Сначала такъ называемые у насъ народомъ «демократы», т.-е., главнымъ образомъ, русская и еврейская зеленая молодежь, вмѣстѣ съ разнымъ русскимъ и еврейскимъ сбродомъ, получивъ телеграфное извѣстіе о дарованныхъ государемъ «свободахъ» и вооружившись красными флагами и револьверами, начали закрывать лавки, магазины, пра-

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ частью по личнымъ наблюденіямъ, частью по сообщеніямъ кіевскихъ газетъ.

Авт.

вительственныя и общественныя учрежденія. Къ 11 часамъ дня были закрыты историко-филологическій институтъ князя Безбородка, мужская и женская гимназіи, техническое училище, земская управа и уѣздный сѣздъ, окружный судъ и уѣздное полицейское управление, ссудо-сберегательное товарищество и почтово-телеграфная контора, какъ и всѣ лавки и магазины на базарѣ и базарной площади и на нашей главной улицѣ Гоголевской, или Мостовой. Избѣжали общей участи сравнительно немногія учрежденія: это — городская управа и сиротскій судъ, городское полицейское и акцизное управленія, какъ и управление воинскаго начальника и 42-й артиллерійской бригады и др. По имѣющимся свѣдѣніямъ противодействие этому грубому акту насилія было оказано на первый день только въ двухъ случаяхъ, а именно: довольно энергичное въ нашемъ уѣздномъ казначействѣ и сравнительно слабое въ женской гимназіи. Въ первомъ случаѣ, когда довольно пестрая толпа молодежи ворвалась въ казначейство, навстрѣчу ей выступилъ мужественный казначей и, вынувъ два револьвера, заговорилъ съ ней приблизительно такъ: «Я принялъ присягу государю и считаю себя обязаннымъ исполнять только требованія моего непосредственнаго начальства, а не ваши; признаю только то правительство, какое существуетъ, а переимѣнится оно, объ этомъ дастъ знать мое начальство. Предупреждаю, что всякую попытку прикоснуться къ вѣренными мнѣ деньгамъ я буду отражать вотъ этими револьверами, и прикоснуться къ нимъ можно не иначе, какъ только переступивъ черезъ мой трупъ». Рѣшительный и внушительный тонъ рѣчи казначея произвелъ свое дѣйствіе: молодые революціонеры быстро оставили казначейство, несмотря на то, что ихъ раза въ три-четыре было болѣе, чѣмъ всѣхъ чиновниковъ и присяжныхъ казначейства вмѣстѣ. Въ женской гимназіи одна изъ старшихъ воспитанницъ обозвала «нахалами» ворвавшихся въ залу студентовъ и техникувъ въ калошахъ и фуражкахъ, а благопопечительное начальство, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, успѣшило удовлетворить дерзкое требованіе молодежи...

Особенно шумно и крайне вызывающе вела себя революціонная толпа молодежи на первоначальномъ своемъ сборномъ пунктѣ, на Богдано-Хмельницкой площади, до раздѣленія на партіи для закрытія лавокъ, магазиновъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Здѣсь собралось русской и еврейской молодежи обоюго пола болѣе 500 человекъ; большинство было вооружено револьверами. Изъ этой шумной и воинственной толпы ежеминутно раздавались оглушительные крики: «Долой самодержавіе! Долой полицію и казаковъ!.. Мы сами будемъ управляться»... Чтобы усилить впечатлѣніе и придать особую внушительность начавшейся демонстраціи, наши революціонеры или освободители позволяли себѣ забавлять собравшуюся на шумъ толпы публику, главнымъ

образомъ подростковъ-дѣтей, револьверными выстрѣлами въ воздухъ. Явившіеся сюда постовые городовые и десятокъ казаковъ, въ виду многочисленности собравшейся здѣсь революціонной толпы, волею-неволею должны были оставаться только лишь зрителями начавшейся демонстраціи. Между демонстрантами было предварительно условлено, въ случаѣ нападенія на нихъ полицейскихъ и казаковъ, моментально раздѣлиться на двѣ стороны и дать двухсторонній залпъ по нападающимъ. Этого не случилось, и наши революціонеры свободно ворвались въ сосѣднее техническое училище, прекратили въ немъ занятія, изорвали руками какихъ-то евреекъ царскій портретъ въ залѣ училища, и, присоединивъ къ себѣ учениковъ этого училища, всегда готовыхъ на всякія демонстраціи, отправились на дальнѣйшіе подвиги. На обратномъ пути отъ училища, около монастырской гостиницы толпа раздѣлилась на двѣ партіи: одна пошла по Гоголевской, или Мостовой улицѣ, другая по Кіевской и Судейской, съ цѣлью обѣимъ соединиться для совмѣстнаго дѣйствования на базарѣ. Первой, кромѣ лавокъ и магазиновъ по Гоголевской улицѣ, удалось закрыть женскую гимназію, общество взаимнаго кредита, городской общественный банкъ, и только лишь въ уѣздномъ казначействѣ потерпѣть крупную неудачу да въ женской гимназій слабое сопротивление. Вторая партія побѣдоносно прошла по Кіевской, Земской и Судейской улицамъ, прекративъ занятія въ уѣздной земской управѣ, уѣздномъ съѣздѣ и канцеляріи предводителя дворянства, уѣздномъ полицейскомъ управленіи и окружномъ судѣ; въ послѣднемъ, въ камерѣ прокурора, подрала царскій портретъ.

Вмѣстѣ съ этими достойными глубокаго сожалѣнія подвигами «революційно-украинская партія на Черниговщинѣ», къ каковой причисляли себя наши демонстранты, обильно разбрасывала изготовленную наканунѣ студентами историко-филологическаго института гектографированную прокламацію, обращенную къ учащимся города Нѣжина. Вотъ ея текстъ.

«Товарищи! Свѣжія газетныя извѣстія рисуютъ намъ то критическое положеніе, въ которомъ очутилась Россія въ теченіе послѣднихъ дней...

«Борьба двухъ стихій началась. Борьба страшная, невѣдомая доселѣ Россіи... Первый политическій протестъ желѣзнодорожныхъ служащихъ былъ первой ласточкой надвигающейся грозы. Мгновенно все освѣтилось въ заревѣ вспыхнувшей революціи. Самодержавіе судорожно мечется подъ напоромъ новыхъ страшныхъ силъ; оно безсвязно, растерянно лепечетъ слова милости, но... трудно сдержать рѣку въ ея теченіи...

«Мы видимъ, какъ рѣзко измѣнила жизнь общества свой характеръ за послѣдніе дни. Мы видимъ, какъ все вовлекается въ вихрь борьбы, мы видимъ, какъ общественныя учрежденія, учебныя за-

веденія постепенно отказываются отъ мысли правильно функционировать, при создавшемся положеніи вещей. Мы видимъ, какъ цѣлый рядъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній закрывается самими же учащимися, чутко прислушивающимися къ голосу общества. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно ли заниматься, вѣрнѣе углубляться въ классическія и другія «науки», усердно рекомендуемыя «министерствомъ народнаго умопомраченія», въ то время, когда все кругомъ рушится, когда никто не знаетъ сегодня, что будетъ съ нимъ завтра.

«Товарищи учащіеся! Вашъ нравственный долгъ поддержать то движеніе, къ которому примкнули уже многіе ваши товарищи. Теперь не время научныхъ занятій, а время борьбы. Мы зовемъ васъ къ политическому протесту—забастовкѣ. Помните, товарищи, что вы—будущіе общественные дѣятели, что вы съ честью должны поддержать это имя, что тяжкимъ позоромъ падеть на васъ судъ народа, если вы откажетесь отъ помощи ему въ его освободительномъ движеніи!

«Долой насиліе надъ гражданами! Долой самодержавіе! Долой государственную думу! Да здравствуетъ свободный политическій строй! Да здравствуетъ демократическая республика!

«Печать комитета Р. У. П. на Черниговщинѣ. 17 октября 1905 року».

Одновременно съ закрытіемъ лавокъ, магазиновъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и разбрасываніемъ прокламацій революціонной русской украинской партіи, молодежь приглашала всѣхъ желающихъ на первый свободный политическій митингъ въ Нѣжинѣ. Мѣстомъ собранія послѣдняго былъ назначенъ дворъ историко-филологическаго института князя Безбородка и соединенной съ нимъ классической гимназій. Здѣсь къ 12 часамъ дня собралась толпа, главнымъ образомъ изъ русской и еврейской молодежи, съ замѣтнымъ перевѣсомъ, впрочемъ, послѣдней, тысячъ до трехъ приблизительно человекъ, и расположилась передъ главнымъ зданіемъ института и гимназій, противъ параднаго входа и въ прилегающемъ сюда палисадникѣ. Бюро митинга расположилось на верхней площадкѣ параднаго входа между колоннами. За большимъ столомъ, покрытымъ, какъ и слѣдуетъ, институтскимъ зеленымъ сукномъ, возсѣдали здѣсь студенты, присяжные повѣренные, офицеры (2), профессора (2), евреи и еврейки... Предсѣдателемъ митинга былъ избранъ студентъ института, Шереметь, черниговскій уроженецъ. Первымъ дѣломъ собравшихся здѣсь вожаковъ нашего революціонно-освободительнаго движенія было избраніе депутаціи къ прокурору окружнаго суда съ ходатайствомъ, чтобы онъ освободилъ изъ тюрьмы всѣхъ политическихъ и уголовныхъ преступниковъ. Депутація состояла изъ одного купца-мануфактуриста, двухъ присяжныхъ повѣренныхъ, двухъ офицеровъ, одного профессора и нѣсколькихъ студентовъ, техни-

ковъ и другихъ лицъ. Прокуроръ разъяснилъ депутаціи неумѣстность ея требованія и согласился освободить лишь одного Гаврилея, веркiевскаго земскаго народнаго учителя, о которомъ еще наканунѣ состоялось постановленіе о передачѣ его на поруки по ходатайству его родственниковъ. Гаврилей — это завзятый украинецъ, шуринъ упомянутаго выше купца Сѣнника, привезшій недавно изъ Москвы, при возвращеніи со съѣзда пчеловодовъ, куда онъ былъ командированъ черниговской губернской земской управой по рекомендаціи уѣздной, сотни разныхъ зажигательныхъ революціонныхъ прокламацій и нѣсколько десятковъ финскихъ ножей, вѣроятно, для мѣстной боевой организаціи революціонной украинской партіи на Черниговщинѣ. Черезъ него и бывшаго его учителя Гужовскаго, теперь страхового агента губернскаго земства по Нѣжинскому уѣзду, шла усиленная пропаганда въ Нѣжинѣ, Веркiевкѣ и окрестностяхъ закордонныхъ львовскихъ изданій упомянутой выше революціонной партіи. Принималъ нѣкоторое участіе въ этой пропагандѣ и нѣжинскій родственникъ Гаврилея... При освобожденіи послѣдняго изъ тюрьмы присутствовала вся избранная на митингѣ депутація, и одинъ изъ ея представителей, нѣжинскій репортеръ освободительной «Кіевской Газеты», Фабрикантъ, человѣкъ съ темнымъ прошлымъ и настоящимъ, «вчерашній еврей-перекрестъ», какъ нелюбезно называютъ его мѣстные евреи, облобызавъ страдальца и мученика, привѣтствовалъ его по своему обычаю трескучимъ словомъ, а другимъ арестантамъ сулилъ скорое освобожденіе, хвастливо говоря, что онъ, Фабрикантъ, постарается о нихъ... Послѣ того Гаврилей съ депутаціей отправился на митингъ, гдѣ толпа шумно его привѣтствовала, кричала ему «ура» и пр., а ораторы митинга видѣли въ немъ борца за свободу, героя освободительнаго движенія. Въ такомъ же смыслѣ смастерилъ рѣчь для восхваленія героя и полуграмотный нѣжинскій родственникъ Гаврилея. Торжество веркiевскаго героя было полное, но не продолжительное, какъ и все на свѣтѣ...

Все предшествующее было лишь прелюдiей къ главному «дѣйству» со стороны нашихъ революціонеровъ-освободителей. Послѣднее наступило, когда надъ историко-филологическимъ институтомъ князя Бевбородка взвились два большихъ красныхъ флага, на одномъ изъ которыхъ ясно и выразительно красовалась надпись, вышитая бѣлыми нитками по красному фону: «Да здравствуетъ социаль-демократическая республика!» Предсѣдатель объявилъ собраніе открытымъ и призвалъ сильно шумѣвшую еврейскую публику къ порядку усиленнымъ звономъ институтскаго колокольчика. Началось чтеніе высочайшаго манифеста 17 октября. Читалъ самъ предсѣдатель митинга, комментируя по-своему каждое слово манифеста, въ особенности его вступительныя слова. Но что это было за комментированіе? Это было сплошнымъ издѣвательствомъ

и глумленіемъ и надъ манифестомъ, и надъ личностью Государя Императора со стороны молокососа-предсѣдателя.. Присоединившіеся случайно къ революціонной толпѣ граждане города, мѣщане и простые мужички съ предмѣстій города, были поражены, удивлены и ошеломлены происходящимъ. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что ни военные люди, ни профессора, ни присяжные повѣренные ни однимъ словомъ не выразили своего протеста или несочувствія къ совершающемуся глумленію, совершенно бессмысленному и рѣшительно ничѣмъ не оправдываемому. По заведенному предсѣдателемъ тону полились рѣчи рѣкою; говорили на русскомъ, малорусскомъ и даже еврейскомъ языкахъ, съ благоклоннаго разрѣшенія предсѣдателя митинга. Первое слово, конечно, было предоставлено президентамъ разныхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій, главнымъ же образомъ представителямъ еврейскаго «Бунда». Содержаніе всѣхъ рѣчей было однообразно и взято на прокатъ изъ освободительныхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ: это—сплошной призывъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ правительствомъ и самыя невозможныя оскорбленія Государя, какъ представителя верховной власти и какъ человѣка... Слышались рѣчи анархическаго и коммунистическаго содержанія. Болѣе умѣренными и сдержанными по содержанію и формѣ были рѣчи профессоровъ и офицеровъ, объяснявшихъ главнымъ образомъ общій смыслъ конституціонной формы правленія. Одинъ изъ ораторовъ, говоря о экономической и духовной бѣдности Россіи, обвиняя, конечно, въ томъ русское правительство, находилъ, что цѣны на всѣ предметы потребленія въ ней, главнымъ образомъ, вслѣдствіе необычайно поднятыхъ таможенныхъ пошлинъ, такъ высоки, какъ нигдѣ на свѣтѣ, и что съ устраненіемъ монархическаго государственнаго строя и отжившаго бюрократическаго режима все у насъ подешевѣетъ—хлѣбъ, чай, сахаръ, керосинъ, а бутылка водки при вольной продажѣ будетъ не дороже 15 коп. Такое реальное представленіе о благахъ конституціи вызвало чувство истиннаго умиленія у институтскихъ служителей и прислушивающихся къ рѣчамъ ораторовъ—мѣщанъ, крестьянъ и въ особенности мѣстныхъ извозчиковъ... Другой ораторъ, прославляя геройскіе подвиги такихъ борцовъ за свободу, какъ Балмашовъ, Коляевъ и др., поплатившихся за то своею жизнію, предложилъ собранію почтить память ихъ общимъ пѣніемъ «вѣчной памяти». Русская сторона собранія затянула довольно, впрочемъ, нестройно «вѣчную память», а еврейская, или по непривычкѣ къ этому пѣнію, или просто не понимая, въ чемъ дѣло, заорала «ура», дружно и сильно подхваченное рассыпавшимися по институтскому двору толпами, какъ и находящимися на институтской площади, за оградой института. При этомъ многіе храбрецы изъ еврейской молодежи начали стрѣлять изъ револьверовъ, и вышелъ въ общемъ большой кавардакъ и

немалое смятеніе въ разношерстной публикѣ, собравшейся здѣсь и совершенно не ожидавшей такого непріятнаго времяпровожденія, соединеннаго съ опасностью для жизни. Для многихъ русскихъ, случайно попавшихъ на этотъ необыкновенный митингъ, было бы резоннѣе, конечно, вмѣсто «ура» кричать «караулъ», какъ въ извѣстномъ анекдотѣ о недогадливомъ армянинѣ...

Митингъ окончился около 6 часовъ вечера пѣніемъ марсельезы, варшавянки, траурнаго марша и др. Отдѣльныя группы демократовъ-манifestантовъ далеко за полночь расхаживали по городу съ красными флагами, пѣніемъ и криками «ура», по временамъ останавливаясь для выслушанія равныхъ рѣчей, по преимуществу экономического и даже анархическаго характера, какъ, напримѣръ, намъ пришлось слышать около Монастырской гостиницы на Голеванной улицѣ.

Около 10 часовъ вечера были закрыты демократами оба наши клуба—купеческій и дворянскій, или общественный; распорядителямъ и членамъ ихъ было предложено безъ всякихъ разговоровъ равойтись по своимъ домамъ. И разошлись «страха ради іудейска». Около 2 часовъ ночи еврейская толпа молодежи, человекъ въ 20, снова ворвалась въ дворянскій клубъ и приказала прислугѣ освѣтить все клубное помѣщеніе, а повару съ его помощникомъ—распалить плиту и приготовить бесплатный ужинъ героямъ-освободителямъ. Такъ дѣйствовали наши «освободители», опьяненные успѣхомъ своей революціонной миссіи!..

Въ свою очередь вожаки нашихъ революціонныхъ фракцій вечеромъ же 18 октября устроили собраніе «учредительнаго комитета» въ институтской студенческой столовой съ чаемъ, выпивкой и закуской. Здѣсь собрались главари всѣхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій и наиболѣе выдающіеся ихъ члены. Главной задачей этого комитета было учрежденіе временнаго управленія въ городѣ. Предполагалось похѣрить организованныя при старомъ бюрократическомъ режимѣ думу и управу, а на мѣсто ихъ выбрать временнаго президента съ нѣсколькими къ нему помощниками. Намѣчены были и кандидаты: ихъ было довольно; евреи выставили съ своей стороны уже извѣстнаго намъ Фабриканта и врача-еврея Шафоренка; русскіе—вышеупомянутаго купца мануфактуриста и одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣдній, повидимому, имѣлъ болѣе шансовъ быть избраннымъ временнымъ президентомъ, такъ какъ за него была русская молодежь—студенты и техники, и многіе изъ еврейскаго лагеря. Въ виду разногласія въ вопросѣ о выборѣ президента вновь образующагося городского управленія и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній съ этой стороны, въ концѣ концовъ порѣшили съ этимъ дѣломъ такъ: поручить вышеуказаннымъ лицамъ принять въ свое вѣдѣніе городъ и изъ себя потомъ выбрать временнаго президента. Въ начальники кан-

целяри новаго городского управленія предназначался извѣстный въ городѣ Савка Бойко, казакъ, подпольный «аблокать», способный всякаго своего кліента раздѣть до рубахи, какъ и нѣкоторые изъ патентованныхъ адвокатовъ, наилиберальнѣйшаго пошиба, особенно изъ молодыхъ... Разогнать существующую городскую управу и принять городское управленіе въ руки избранныхъ учредительнымъ комитетомъ лицъ предположено было въ 11 часовъ утра 19 октября. Въстѣ съ тѣмъ на 19 назначена была однодневная политическая забастовка, въ ознаменованіе конституціи, и новый митингъ въ 11 часовъ утра у института князя Безбородка.

И въ учредительномъ комитетѣ было много рѣчей, но это были все тѣ же безплодные рѣчи, какъ и на предшествующемъ митингѣ. Такъ, профессоръ института П—скій снова развивалъ здѣсь свои мысли о конституціи; но ему одинъ изъ ремесленниковъ-евреевъ, потрепавъ дружески по плечу, наставительно замѣтилъ: «Товарищъ! Мы не того совсѣмъ хотимъ. Намъ нужна социаль-демократическая республика». Немногого такимъ образомъ недоставало, чтобы «социаль-демократическая республика», хоть на нѣсколько часовъ, водворилась у насъ и въ самомъ дѣлѣ...

Но вѣдь не все то осуществляется, что предполагается, даже и при лучше задуманныхъ предпріятіяхъ. Такъ случилось и съ нашими освободителями, или революціонерами тожъ. На другой же день послѣ своей революціонной вакханалии на митингѣ и послѣ него они встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны того самаго народа, на благо котораго якобы дѣйствовали, видимо, не считавъ, или вовсе не обративъ вниманія на то, что народъ у насъ на Руси ужъ очень твердъ и строгъ въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, и заморскихъ затѣй терпѣть не можетъ. Даже съ внѣшней европейской формой вотъ уже третье столѣтіе сжиться никакъ не можетъ, а все носить свою старорусскую сермягу и дореформенные чоботы...

Наступило 19 октября. Оно собственно началось вполнѣ благоприятно для нашихъ революціонеровъ, явившихся какъ бы господами положенія въ городѣ, а предсѣдатель митинга разыгрывалъ даже роль начальника города. Въ 7 часовъ утра явились къ нему въ институтъ извозчики съ вопросомъ: «можно ли ѣздить?» и получили въ отвѣтъ, что «можно до 11 часовъ, а тамъ, какъ хотять»... Вскорѣ сюда же явились приказчики-евреи съ просьбой содѣйствовать закрытію магазиновъ, которые были отперты, несмотря на постановленіе учредительнаго комитета. Видя такое неповиновеніе, предсѣдатель митинга вмѣстѣ съ нѣсколькими студентами, приказчиками и другими лицами, присоединившимися къ нимъ на пути, отправился лично закрывать лавки и магазины. На Гоголевской всѣ магазины, по преимуществу еврейскіе, были охотно закрыты, и только лишь на базарѣ пришлось встрѣтить

первое сопротивление распоряженіямъ новаго начальства. Въ виду базарнаго дня здѣсь собралось много простого народа изъ предмѣстій города и окрестныхъ селъ и деревень. Когда молодежь явилась на базаръ и начала отъ Преображенскаго моста разгонять прїѣхавшихъ съ сѣномъ и соломой на базаръ крестьянъ, послѣдніе запротестовали; а тутъ вдобавокъ еще какой-то черниговскій семинаристъ, перелицованный «Кіевской Газетой» въ техника, выстрѣлилъ изъ револьвера въ запаснаго солдата и за эту стрѣльбу тутъ же былъ жестоко избитъ крестьянскими оглоблями. Крестьяне скучились и начали наступать на молодежь; послѣдняя, въ виду значительности крестьянской толпы, быстро и поспѣшно кинулась по базару къ Гоголевской улицѣ. На углу Московской и Гоголевской улицъ явилось новое недоразумѣніе въ магазинѣ купца Литвиненка, собравшее также значительную крестьянскую толпу около этого магазина. Въ то время какъ кучка молодыхъ людей ворвалась въ магазинъ и потребовала его немедленно закрыть, онъ не удостоилъ ихъ даже отвѣтомъ, а на повтореніе требованія только пробурчалъ: «убирайтесь-ка подобру-поздорову, пока не влетѣло». Крестьяне же, находившіеся въ его магазинѣ, понявъ, въ чемъ дѣло, сначала запротестовали, а потомъ одинъ изъ нихъ посмѣлѣе подошелъ къ вожаку и залѣпилъ ему довольно полновѣсную оплеуху, подошли и другіе и тоже «пучили». Послѣ того молодымъ людямъ оставалось только бѣжать, что они и сдѣлали, подхвативъ своего разогорченнаго ножака. Толпа ихъ преслѣдовала съ криками: «что вы за начальство такое?.. Держи, лови предсѣдателя... Бей демократов!».. На Гоголевской произошло первое столкновеніе. Собравшіеся здѣсь болѣе зрѣлые руководители нашей революціонной молодежи—Фабрикантъ, братья Сѣнники, Савка Бойко, Гаврилей и др., думали остановить начавшееся народное движеніе противъ демократовъ. Съ одной стороны они уговаривали молодежь не заставлятъ торговцевъ закрывать лавки въ базарный день, чтобы не вызвать неудовольствія народа, съ другой—упрашивали толпу не прибѣгать къ насилію, говоря, что лавки на базарѣ не закроются... Это позднее благоразуміе не остановило народнаго движенія, а неумѣстный револьверный выстрѣлъ со стороны демократовъ еще болѣе озлобилъ народъ противъ нихъ. Начался настоящій бой народа съ демократами, при чемъ младшій Сѣнникъ получилъ ударъ камнемъ близъ глаза, вчерашній веркїевскій герой жестоко былъ избитъ своими же селянами, Фабрикантъ со старшимъ Сѣнникомъ подъ градомъ камней спаслись во дворѣ городского общественаго банка, а студенты съ своими сообщниками евреями стремительно побѣжали къ институту. Въ концѣ Лицейской, или Институтской, улицы они наскоро «сорганизовали» самооборону и встрѣтили напиравшую на нихъ народную толпу градомъ ре-

вольверныхъ выстрѣловъ. Чѣмъ бы окончилось это побоище между вооруженною русско-еврейскою молодежью и мѣстными крестьянами, нападавшими на своихъ противниковъ только съ кулаками, оглоблями, лушнями, шкворнями и цѣпами, трудно, конечно, сказать; но навѣрное впрочемъ молодежь была бы смята массою нападавшихъ, постоянно при томъ увеличивавшихся въ числѣ, и тогда послѣдніе расправились бы съ нею по-своему. Къ счастью для молодежи, исправлявшій въ то время должность полицеймейстера, г. Желиховскій, бывшій строевой офицеръ, собравъ своихъ полицейскихъ и дежурившихъ на базарѣ казаковъ, всего человекъ 20—30, врѣзался между противниками съ бокового переулка, и тѣмъ предотвратилъ возможныя кровавыя послѣдствія этого необыкновеннаго столкновенія. Вся его тактика заключалась только въ томъ, чтобы разъединить и отгѣснить противниковъ другъ отъ друга и тѣмъ сдѣлать невозможнымъ кровавое столкновение между ними; и эту задачу онъ выполнилъ съ большимъ успѣхомъ, не сдѣлавъ при этомъ ни одного выстрѣла и не употребивъ въ дѣло чрезвычайно вразумительныхъ въ подобныхъ случаяхъ казацкихъ нагаекъ. За такой подвигъ революціонная молодежь и ея негласные вдохновители должны бы поднести ему благодарственный адресъ, а они между тѣмъ ославили его въ своихъ освободительныхъ газетахъ, какъ «подстрекателя» и «попустителя» еврейскаго погрома и избіенія студентовъ и евреевъ. Результатомъ столкновений по имѣющимся свѣдѣніямъ на этотъ разъ было 14 человекъ побитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ побитыхъ камнями, кулаками и оглоблями 3, раненыхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ 11. Убитыхъ не было ни одного человека.

Какъ бы то ни было, это первое столкновение народа съ демократами ясно показало послѣднимъ, что народъ вовсе не раздѣляетъ ихъ возрѣній и не пойдетъ за ними въ начатомъ ими движеніи. Они теперь и сами убѣдились воочію, что нельзя безнаказанно оскорблять народныя чувства и вѣрованія, и потому второй митингъ, назначенный на институтскомъ дворѣ, на который уже собралась значительная часть нашихъ демократовъ, главнымъ образомъ евреевъ и евреекъ, былъ немедленно распущенъ изъ боязни, чтобы не вызвать еще большаго народнаго озлобленія и осложненія своего положенія...

Въ одно время съ происходившимъ на Гоголевской и Лицейской улицахъ, на базарѣ, подъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ демократическихъ рѣчей и сегодняшняго закрытія лавокъ, всюду среди взбудораженнаго народа шли оживленные разговоры на тему о текущихъ событіяхъ.

— Що це робытсья въ Ніжині: кажуть, що царя не треба?... Я самъ бувъ въ гимназїи, тамъ було тисячи зъ дві людей, и якийсь студентъ, чи паньчъ, вышовъ на вышку и казавъ: на що

намъ царь?.. Не треба царя, не треба земства, полиціи, ни якого правительства, мы сами самодержцы... Сколько царь грошей бере за водку, а безъ царя водка буде по золоту бутылка...

Въ свою очередь евреи держали себя крайне вызывающе, не смотря на сильное народное возбужденіе. Въ разныхъ кружкахъ селянъ слышались отъ нихъ такія рѣчи: «погодите, придетъ время, будутъ ключи отъ вашихъ церквей у нашего раввина; будете намъ кланяться, а царь вашъ будетъ у насъ подъ ногами»... Одни въ недоумѣніи и молчаніи слушали эти рѣчи, а другіе рѣдко возражали: «ні, мабутъ, не буде ни жидівъ, ни панівъ, а царь буде»...

Отъ словъ скоро перешли и къ дѣлу: начали бросать въ евреевъ на базарѣ комками грязи, булыжникомъ, принялись и за разграбленіе еврейскихъ лавокъ и еврейскаго имущества. Храбрые передъ тѣмъ евреи быстро смирились и начали разбѣгаться и прятаться по сосѣднимъ съ базаромъ дворамъ и домамъ. Толпа преслѣдовала ихъ по пятамъ, а дворы и дома, куда скрывались бѣглецы, подвергались бомбардированію камнями съ мостовой и комками грязи, на примѣръ, аптека Бялкевича въ домѣ Кашинцева, почтово-телеграфная контора и др., гдѣ нѣкоторые евреи нашли себѣ убѣжище. Были при этомъ и раненые. Начавшійся разгромъ еврейскихъ лавокъ некому было остановить: вся полиція и всѣ дежурившіе на базарѣ казаки какъ разъ въ то время дѣйствовали около Лицейскаго моста, охраняя отъ народнаго озлобленія русско-еврейскую самооборону, «сорганизованную» какимъ-то профессоромъ и имъ руководимую... Явились и особые громилы—разбиватели еврейскихъ лавокъ, которые только лишь выбрасывали товаръ изъ лавокъ, а женщины, подростки и любители чужой собственности, которыхъ у насъ очень и очень довольно, расхватавали и растаскивали товаръ по домамъ, разносили и развозили его по деревнямъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣяніи принимали, говорятъ, немалое участіе и только лишь передъ тѣмъ распущенные по домамъ солдаты нашего мѣстнаго запаснаго баталіона (72-й).

Около часа дня полиція съ казаками снова появилась на базарѣ и мало-по-малу оттѣснила съ него громилъ и любителей чужой собственности; но это не остановило ихъ гнуснаго дѣла. Толпы грабителей, вытѣсненные съ базара, разсыпались по сосѣднимъ съ базаромъ улицамъ и переулкамъ и тамъ продолжали свою разрушительную работу до поздней ночи. Въ помощь полиціи и выбившимся изъ силъ казакамъ съ вечера командиромъ 42 артиллерійской бригады организованы были и разсланы по разнымъ частямъ города конные артиллерійскіе развѣзды, довольно значительные по своему численному составу. Особенно энергично и успѣшно дѣйствовалъ конный развѣздъ отъ 17 восточно-сибирской горной батареи, въ районъ охраненія котораго входило почти десятиверстное пространство по своей длинѣ, именно отъ Ветхаго

до вокзала включительно. Этому разѣзду пришлось много поработать въ эту ночь и остановить разгромъ нѣкоторыхъ еврейскихъ ловченокъ и квартиръ на Авдѣевкѣ и около вокзала...

Когда мрачная осенняя ночь вступила въ свои права, нашъ городъ очутился безъ освѣщенія и извозчиковъ. Послѣдніе, по распоряженію новаго демократическаго начальства, съ 5 часовъ вечера прекратили свою ѣзду, и ни за какія деньги нельзя было случайно запоздавшаго извозчика заставить съ этого времени продолжать свое дѣло: такъ боялись они новаго начальства. Городское освѣщеніе также отсутствовало. Попытка городской управы заставить арендатора-еврея освѣтить городъ потерпѣла полную неудачу: арендаторъ скрылся, и нельзя было разыскать его. Это уже, повидимому, сдѣлано было по настоянію мѣстнаго еврейскаго Бунда...

Такъ закончился у насъ день 19 октября. Вечеромъ того же 19 октября собрались наши освободители въ зданіи уѣздной земской управы для выработки мѣръ къ успокоенію населенія и дальнѣйшему продолженію дѣла освобожденія при данныхъ условіяхъ. Здѣсь собрались нѣкоторые изъ представителей мѣстнаго дворянства и земства (былъ даже одинъ земскій начальникъ) и представители всѣхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій, и долго-долго разглагольствовали на тему о томъ, какъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать, какъ помочь такъ энергично начатому дѣлу освобожденія, видимо подвергшемуся опасности отъ ненавистныхъ имъ черносотенниковъ, хулигановъ тожъ. Какъ и въ учредительномъ комитетѣ наканунѣ, разногласица и здѣсь была страшная: одно предлагали представители умѣренной демократической партіи, другое — социаль-демократы, третье — анархисты и коммунисты. Однако, въ виду очевидной безнадежности положенія и фанатичности народной массы, всѣ болѣе или менѣе видные представители указанныхъ революціонныхъ организацій или кружковъ склонялись къ тому, что прежде всего нужно успокоить народъ, возбужденный ихъ же безтактными дѣйствіями и безпардонными криками на митингѣ: «Долой царя!» «Долой поповъ, войско, полицію!» «Вѣчная память самодержавію» и отжившему бюрократическому режиму и пр. При такихъ условіяхъ нѣжинскіе революціонеры-освободители рѣшились прибѣгнуть къ старому средству, давно испытанному на святой Руси: это—устроить торжественный крестный ходъ, въ которомъ приняли бы участіе всѣ священники города, и просить болѣе авторитетныхъ изъ нихъ и архимандрита мѣстнаго Благовѣщенскаго монастыря поговорить пастырски съ народомъ съ цѣлью его успокоенія. Тутъ же были намѣчены депутаты, и утромъ 20 октября отправлены были депутаціи ко всѣмъ священникамъ города, но особенно многолюдныя къ архимандриту нашего Благовѣщенскаго монастыря и къ мѣст-

ному благочинному. Архимандритъ отказался принять участіе въ этомъ дѣлѣ, а о. благочинный согласился: ходилъ по базару съ крестомъ и увѣщевалъ народъ прекратить насиліе, но безуспѣшно. Любопытно, что депутатами были главнымъ образомъ студенты, техники и даже евреи. Въ томъ же земскомъ засѣданіи сдѣлано было и другое предложеніе: войти въ сношеніе съ городской думой и ознакомить гласныхъ послѣдней съ стремленіями освободителей, въ виду назначеннаго на 10 часовъ утра 20 октября экстреннаго засѣданія думы, по поводу начавшихся въ городѣ беспорядковъ и еврейскаго погрома.

Въ то время, какъ происходило въ зданіи уѣздной земской управы вышеуказанное засѣданіе нѣжинскихъ освободителей и другихъ лицъ, въ квартирѣ городского головы состоялось другое засѣданіе изъ начальствующихъ лицъ города, военныхъ и гражданскихъ. И это послѣднее имѣло также своей задачей выработку мѣръ къ прекращенію беспорядковъ и еврейскаго погрома въ городѣ. Здѣсь, кромѣ городского головы, собрались: предводитель дворянства, прокуроръ окружнаго суда, командиръ 42 артиллерійской бригады, командиръ 2 дивизиона той же бригады, исправляющій должность полицеймейстера Желиховскій и др. Не разъ въ это засѣданіе являлись еврейскіе почетные граждане и просили о защитѣ ихъ жизни и имуществъ. Между прочимъ, здѣсь рѣшено было съ 6 часовъ утра слѣдующаго дня для охраны отъ погромщиковъ выставить на базарѣ и въ прилегающихъ къ нему улицахъ, кромѣ казаковъ и полицейскихъ, 200 человекъ конныхъ артиллеристовъ, а при вѣздѣ въ городъ поставить пикеты на случай подхода къ городу крестьянъ изъ сосѣднихъ селъ и деревень. Къ сожалѣнію, мѣра эта, благодаря неточности редакціи приказа командира бригады, была осуществлена не въ 6 часовъ утра, какъ предполагалось, а только лишь въ 9 часовъ, а потому погромъ и на этотъ разъ не былъ предотвращенъ и продолжался съ утра съ значительною силою, а, по вытѣсненіи громилъ съ базара солдатами, опять перешелъ на сосѣднія улицы—Васильевскую, Широкую и другія. Въ этотъ же день ранены легко изъ револьвера какими-то необнаруженными фанатиками два артиллериста — одинъ въ руку, другой въ лобъ. Въ этотъ же день появились въ первый разъ въ разныхъ частяхъ города и, главнымъ образомъ, на выѣздахъ изъ него еврейскія заставы, гдѣ евреи задерживали грабителей и отбирали у нихъ все награбленное. Такъ образовались цѣлыя склады награбленнаго и отнятаго товара. Въ этомъ дѣлѣ помогали евреямъ и студенты, по большей части, переодѣтые въ мѣщанскіе костюмы и проч. Съ тою же цѣлью были организованы и конные еврейскіе разъѣзды. Нерѣдко при этихъ отбиранияхъ происходили драки и даже стрѣльба, такъ что солдатамъ и казакамъ и тутъ приходилось употреблять въ дѣло свои нагайки. Ме-

жду тѣмъ народное возбужденіе противъ студентовъ и евреевъ росло все болѣе и болѣе, и до студентовъ стали доходить слухи о томъ, что толпа идетъ на институтъ требовать выдачи предсѣдателя митинга и другихъ тамошнихъ демократовъ. Въ частности о предсѣдателѣ митинга былъ пущенъ слухъ, что «жиды» будто бы избрали его царемъ. Ходили также слухи, что въ городъ идутъ крестьяне изъ сосѣднихъ волостей, въ томъ числѣ изъ Дреймайловской, «поучить» и «постращать» нѣжинскихъ панничей-студентовъ и евреевъ, бунтующихъ противъ Бога и царя...

Любопытно, что въ послѣднее засѣданіе, происходившее въ квартирѣ городского головы, явился около 2 часовъ ночи делегатъ отъ собранія въ земствѣ и предложилъ городскому головѣ въ имѣющее быть на утро думское засѣданіе пригласить нѣсколько лицъ изъ засѣдавшихъ въ земствѣ освободителей и другихъ лицъ, согласно предъявленному имъ при этомъ списку. На предложеніе делегата городской голова отвѣтилъ, что онъ можетъ доложить о томъ думѣ, и отъ думы уже будетъ зависѣть—приглашать или не приглашать указанныхъ въ списокѣ лицъ въ думское засѣданіе. Въ послѣднемъ первоначально предложеніе земскаго делегата было отклонено единогласно, и только настояніе мѣстнаго акцізнаго надзирателя, случайно появившагося въ засѣданіи думы, повернуло дѣло такъ, что дума отказалась отъ своего первоначальнаго рѣшенія, и освободители вмѣстѣ съ другими лицами были приглашены на думское засѣданіе 21 октября. Это было довольно многочисленное собраніе думы; кромѣ всѣхъ гласныхъ, приглашены были въ это засѣданіе представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, какъ и представители разныхъ слоевъ городскихъ обывателей до казаковъ и крестьянъ включительно. Засѣданіе было открыто въ 1 часть дня. Предсѣдатель собранія, по приѣствіи собравшихся представителей города, передалъ на обсужденіе собранія злободневный вопросъ: вопросъ о безпорядкахъ въ городѣ и производимомъ насиліи надъ евреями, и просилъ практическихъ указаній, какъ прекратить эти безпорядки и сдѣлать ихъ невозможными хоть на будущее время. Явившіеся въ засѣданіе «освободители» не нашли возможнымъ высказать здѣсь свои планы и намѣренія, и только земскій ветеринарный врачъ Хитинъ началъ было по своему обычаю широковъщательную рѣчь на тему о торжествѣ и свѣтѣ, пронесшемся надъ городомъ, какъ метеоръ, 18-го октября, но былъ остановленъ предсѣдателемъ собранія въ самомъ началѣ просьбой говорить какъ можно короче и только дѣло, оставивъ въ сторонѣ метеорный блескъ своего краснорѣчія, изъ котораго нельзя извлечь никакихъ практическихъ указаній для даннаго тяжелаго момента. Другой ораторъ изъ мѣстныхъ губернскихъ земцевъ много и бойко говорилъ, но такъ, что трудно было понять, что онъ хочетъ сказать: мысли его какъ бы горѣли огнемъ,

разбиваясь взаимно... На другой день одинъ изъ мѣстныхъ остроумныхъ людей высказался объ этомъ ораторѣ такъ: «Э, це, кажутъ гарній вітрячокъ, винъ меле на всяке зерно, а якъ зерна нема, той такъ меле, ажъ свыстыть»... Дума съ своей стороны намѣтила рядъ мѣръ для успокоенія населенія и прекращенія насилія: 1) просить мѣстнаго о. благочиннаго совмѣстно съ городскимъ духовенствомъ выйти съ крестнымъ ходомъ на базарную площадь, гдѣ и отслужить молебствіе въ присутствіи гласныхъ и городскихъ жителей, а также просить распоряженія о произнесеніи соотвѣтственныхъ случаю проповѣдей по церквамъ во время послѣдующихъ богослуженій на тему объ успокоеніи населенія, восстановленіи порядка и законности; 2) просить мѣстное начальство закрыть всѣ винныя лавки, ренсковые погреба и трактиры по всему городу впредь до восстановленія порядка; 3) просить г. полицеймейстера и начальника гарнизона во главѣ отрядовъ военной охраны поставить возможно большее число офицеровъ и принять рѣшительныя мѣры къ подавленію беспорядковъ въ предѣлахъ, закономъ имъ указанныхъ; 4) составить отъ думы воззваніе къ населенію; 5) просить казеннаго и духовнаго раввиновъ повліять на еврейскую молодежь выдать оружіе для успокоенія крестьянскаго населенія городскихъ предмѣстій и окружающихъ селъ и деревень. Последняя мѣра предлагалась потому, что еще съ ранней весны жители городскихъ предмѣстій и окрестныхъ селъ, хлѣборобы по преимуществу, сильно были недовольны на русскую и еврейскую учащуюся и неучащуюся молодежь за частыя демонстраціи съ ружейными и револьверными выстрѣлами, такъ какъ именно съ весны евреи прежде всего организовали самооборону и учились стрѣлять въ разныхъ концахъ города, какъ и внѣ его. Съ того же времени и русскіе революціонные кружки, по преимуществу учащіяся, стали запасаться оружіемъ и производить совмѣстно съ еврейскою молодежью и разными городскими хулиганами, готовыми на всякія безобразія, постоянныя вооруженныя демонстраціи — въ Гоголевскомъ скверѣ, Графскомъ саду, въ Ветхомъ, на бывшемъ Черновскомъ чугунномъ и колокольномъ заводѣ и другихъ мѣстахъ. Всѣ эти демонстраціи такъ терроризировали городское населеніе, что большинство жителей по вечерамъ боялось и показываться на улицахъ, а на ночь крѣпко запиралось въ своихъ домахъ. Тогда же уже ходили слухи, что народъ собирается «поучить» и «пристрашить» молодежь своими дубинками за ея вызывающія и шумныя демонстраціи, нерѣдко оскорблявшія народныя чувства и вѣрованія. Тѣ же вѣсти относительно народнаго «поученія» и «пристрашки» неслись и изъ окрестныхъ селъ и деревень. Такъ подготовлялась сама собою эта октябрьская народная буря, которую мы только что пережили...

Проектированныя думой мѣры были немедленно приведены въ исполненіе, за исключеніемъ послѣдней, осуществленной позже,

именно 24 октября, и то лишь отчасти, въ моментъ прекращенія безпорядковъ, какъ увидимъ ниже.

21 октября, въ пятницу, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, послѣ торжественнаго богослуженія и молебствія въ городскомъ соборѣ и военнаго парада на соборной площади, устроенъ былъ величественный крестный ходъ на базарную площадь, и совершено было тамъ опять молебствіе, собравшее почти десятитысячную народную массу. Это былъ, какъ и 19, базарный день, привлекшій множество народа и изъ окрестныхъ селъ и деревень. Народъ благоговѣйно по обычаю молился и внимательно выслушалъ одушевленное слово мѣстнаго уважаемаго проповѣдника, о. Димитрія Стопановскаго, призывавшаго именемъ церкви и Государя Императора къ порядку и миру. Проповѣдникъ говорилъ, что «ничѣмъ инымъ нельзя порадовать Государя въ день восшествия на престолъ, какъ прекращеніемъ смуты, миромъ и восстановленіемъ порядка», что только «порядокъ—залогъ благополучія для жизни общественной и государственной, какъ и для жизни всякаго отдѣльнаго человѣка, что власти Государевы и поставлены для поддержанія порядка и мира между гражданами»... Проповѣдникъ говорилъ, что «насиліе и грабежъ запрещаются и религіей христіанской — религіей мира и любви, какъ и закономъ гражданскимъ, что истинные христіане и истинные граждане не должны и думать о присвоеніи чужой собственности, а тѣмъ болѣе захватывать чужое насильно или грабить, какъ это дѣлается теперь у насъ. Предъ Богомъ всѣ люди равны и о всѣхъ ихъ заботится Отецъ Нашъ небесный»... Слова проповѣдника производили видимое впечатлѣніе; многіе плакали, другіе искренно высказывались: «Онъ діло каже. Грабить не слѣдуетъ, не надо»... Раздавались и иныя рѣчи болѣе энергичныя и запальчивыя, вызванныя видимо безтактными дѣйствіями и рѣчами революціонеровъ 18-го октября.

— Зачѣмъ жидаы и демократы Царя не уважають, рвутъ и топчуть его царскіе портреты?...

— Портретъ Царя потопкалы, мы же его діты, це все равно що насъ потопкалы...

Передъ портретомъ Государя и Государыни, которые народъ началъ носить съ ранняго утра по базару въ день восшествия на престолъ, и носилъ съ обнаженными головами и пѣніемъ: «Спаси, Господи, люди твоя» и народнаго гимна, раздавалось постоянное «ура» и крики: «Есть у насъ царь, нашъ батюшка кормилецъ... Брепшуть жидаы, что царь будетъ у нихъ подъ ногами, а ключи отъ церквей будутъ у ихъ раввиновъ... Мабуть, не буде ні жидівъ, ні панівъ, а царь буде»... Молебствіе на базарной площади соединило всю народную массу воедино, а предносимые предъ ней царскіе портреты воодушевляли ее однимъ чувствомъ, — чувствомъ

глубокаго негодованія къ противникамъ царя и разрушителямъ общаго порядка жизни. Грабежъ еврейскаго имущества отошелъ, видимо, на задній планъ; и все теперь сосредоточилось на торжественной патриотической манифестаціи и народномъ судѣ надъ демократами...

Послѣ торжественнаго молебствія на базарной площади, народная толпа, навѣрное, болѣе трехъ тысячъ человекъ, по большей части, прибывшихъ изъ деревень и селъ, съ значительнымъ числомъ царскихъ портретовъ, постепенно еще увеличивавшихся въ числѣ, направилась къ зданію историко-филологическаго института князя Безбородка. Нахлынувшая толпа потребовала предъявить ей студентовъ-демократовъ и царскій портретъ. «Подъвымось,—говорили въ толпѣ,—чи е у нихъ царскій портретъ, чи ні... мы имъ покажемъ, якъ царя нашего не поважать»... Студенты растерялись и не знали, что предпринять. Была даже мысль о вооруженномъ сопротивленіи; но она скоро была оставлена въ виду многочисленности народной толпы и категорическаго требованія институтскаго начальства: «пустъ выходятъ всѣ студенты, а также и предсѣдатель митинга»... Студенты вышли блѣдные, дрожащіе и, по требованію толпы, немедленно принесли большой во весь ростъ портретъ Государя изъ актовaго зала. При появленіи царскаго портрета толпа обнажила головы и привѣтствовала его многократными криками «ура»; затѣмъ настойчиво потребовала предсѣдателя митинга, «жидовскаго батьку», какъ называли въ толпѣ студента Шеремета. Онъ скрылся; но его гдѣ-то нашли во дворѣ института и заставили вмѣстѣ съ другими студентами нести царскіе портреты, окруживъ ихъ цѣлымъ лѣсомъ флаговъ, срываемыхъ по пути по улицамъ. Флагъ срывался обыкновенно какимъ либо мужикомъ и подносился студенту или какому либо иному демократу съ словомъ: «несыть»... Заставили нести большой институтскій царскій портретъ и одного институтскаго профессора, ораторствовавшаго на митингѣ 18 октября.

Отъ института торжественное шествіе съ царскими портретами и присоединенными къ шествію студентами института направилось къ собору. По требованію толпы студенты во время этого шествія должны были пѣть народный гимнъ; въ импровизированномъ хорѣ должны были принять участіе и всѣ евреи, которыхъ толпа по пути присоединяла къ шествію. Всѣ пѣли усердно, ибо за пѣвцами слѣдили. Остановки производились у всѣхъ тѣхъ учреждений, гдѣ были растерзаны портреты Государя, и подъ грознымъ взглядомъ крестьянства пѣніе гимна въ этихъ мѣстахъ было особенно громкимъ.

Около собора большой институтскій царскій портретъ былъ установленъ на самомъ видномъ мѣстѣ соборной площади; его окружалъ рядъ меньшихъ портретовъ царя и царицы. По уста-

новленіи царскихъ портретовъ раздалась команда: «Присягать! Жиды особно!» Для присяги студенты отведены были въ соборную церковь, гдѣ вызванный священникъ и приводилъ ихъ къ присягѣ. Не имѣя на такой случай формулы присяги, онъ составлялъ ее экспромтомъ самъ, а студенты, стоя на колѣняхъ и поднявъ правыя руки, произносили за священникомъ слова этой вновь составленной присяги. Нѣкоторые изъ мужичковъ при этомъ приговаривали: «не бунтовать, царя поважать»... По выходѣ изъ собора студенты поодиночкѣ подводились къ большому институтскому царскому портрету, становились предъ нимъ на колѣни и цѣловали его. Первымъ подведенъ былъ къ царскому портрету предсѣдатель митинга, «жидовскій батька»—Шереметь; по требованію толпы онъ преклонился предъ портретомъ на колѣни, поцѣловалъ его, затѣмъ кланялся народу, просилъ народъ простить его и обѣщался болѣе ничего и никогда не злоумышлять противъ своего царя. Тѣмъ же порядкомъ приводились къ присягѣ и евреи, но для этого былъ вытребованъ раввинъ и принесенъ особый еврейскій балдахинъ.

Отъ собора народная толпа, въ предшествіи царскихъ портретовъ, которые несли студенты и евреи, съ пѣніемъ народнаго гимна отправилась къ городской управѣ, гдѣ въ то время происходило многолюдное думское собраніе. Это было около 3 часовъ дня. Дума въ полномъ составѣ вышла навстрѣчу толпѣ; нѣкоторые изъ представителей города обращались здѣсь къ толпѣ съ словомъ, пытаясь успокоить ее (прокуроръ, о. Стопановскій и др.); но она отвѣчала одно: «Зачѣмъ жиды и студенты бунтуютъ и рвутъ портреты нашего царя? Пусть каются и прощенья просятъ». Между прочимъ, здѣсь обратился къ толпѣ съ рѣчью мѣстный казенный еврейскій раввинъ Бери, человекъ съ университетскимъ образованіемъ, бывшій помощникъ присяжнаго повѣреннаго, и говорилъ, что евреи—такіе же подданные государя, какъ и русскіе, и что они одинаково съ ними исполняютъ свои вѣрноподданническія обязанности по отношенію къ государю; но былъ кѣмъ-то изъ толпы рѣзко прерванъ: «Ты жидъ, и потому брешешь; евреи—не вѣрноподданные нашего государя. Не треба намъ жидівъ»...

Въ дальнѣйшемъ движеніи патріотическая манифестація оставалась главнымъ образомъ около тѣхъ учреждений, гдѣ растерзаны были революціонерами царскіе портреты 18 октября. Первою такою остановкою было техническое училище. Здѣсь толпа прежде всего пропѣла народный гимнъ и затѣмъ настойчиво предъявила требованіе выдать ей растерзанный еврейками портретъ государя. Его не оказалось; начальство училища заявило, что онъ уже отданъ въ починку. Не повѣривъ этому объясненію, толпа начала было производить свой розыскъ этого портрета; но какъ разъ въ этотъ моментъ вызванная чьимъ-то властнымъ распоряженіемъ военная

музыка заиграла около училища народный гимнъ, и толпа хлынула на училищный дворъ, обнажила головы и въ заключеніе его прокричала свое могучее «ура». Въ это время на училищномъ дворѣ среди народной толпы появился полуграмотный нѣжинскій репортеръ «Кіевской Газеты» Фабрикантъ, перекрестъ-еврей, одинъ изъ главныхъ подстрекателей молодежи въ ея лѣтнихъ и осеннихъ демонстраціяхъ, принимавшій дѣятельное участіе и въ событіяхъ 17—19 октября. Толпа подъ музыку поставила его на колѣни въ лужѣ грязи предъ портретомъ Государя, заставила его осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и поцѣловать портретъ Государя въ ноги. Въ заключеніе этой церемоніи подошелъ къ Фабриканту какой-то мужичокъ, сунулъ въ руки флагъ и довольно внушительно и властно пробурчалъ: «несыть»... Той же церемоніи были подвергнуты около Монастырской гостиницы разысканные къ тому времени агентами толпы демократы: братья Сѣвники, городской ветеринаръ Скоробогатько, городской врачъ Наркевичъ, присяжный повѣренный Корнѣйчикъ-Севастьяновъ и др. Искали, но не нашли присяжныхъ повѣренныхъ Киселевича, Круковского, земскаго ветеринара Эптипа, земскаго страхового агента Гужовскаго и др.

Послѣ того было еще двѣ остановки: одна около уѣздной земской управы, другая около окружнаго суда. Въ первомъ случаѣ толпа выкрикивала фамиліи нѣкоторыхъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, якобы приставшихъ къ демократамъ, но налицо не оказавшихся, а во второмъ—предъявила требованіе выдать ей растерзанный портретъ Государя въ кабинетъ прокурора. Портретъ былъ вынесенъ и присоединенъ къ общей коллекціи портретовъ, участвовавшихъ въ патріотической манифестаціи. Толпа снова выразила свое негодованіе по поводу растерзаннаго царскаго портрета, снова заявила: «Зачѣмъ жидаы и студенты рвутъ царскіе портреты, не уважаютъ государя?.. Не треба намъ ни жидівъ, ни студентовъ»... Здѣсь же, около зданія окружнаго суда, предсѣдателю злополучнаго митинга, студенту Шеремету, удалось оставить патріотическую процессію съ помощью одного артиллерійскаго полковника, сопровождавшаго и охранявшаго его отъ насилія толпы...

Къ 5 часамъ вечера толпа снова направилась къ зданію историко-филологическаго института, гдѣ и водворила большой институтскій царскій портретъ на свое мѣсто и вскорѣ разошлась, предъявивъ ко всѣмъ демократамъ требованіе, чтобы они на утро выдали «списокъ усихъ демократовъ» и «всю орудію». Студенты и евреи обѣщали выдать то и другое, но не исполнили своего обѣщанія и тѣмъ еше болѣе вооружили противъ себя ими же главнымъ образомъ взбудораженный народъ...

О спискахъ была рѣчь и на пресловутомъ митингѣ 18 октября. Тамъ, повидимому, говорили о томъ, чтобы опредѣлить численный

составъ разныхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій и соотвѣтственно тому распредѣлить роли въ дальнѣйшей мѣстной революціонной работѣ. Требованіемъ списковъ отъ «демократовъ» нашъ дѣловитый людъ, повидимому, хотѣлъ лишь только узнать, кто такіе демократы въ городѣ, и какова ихъ численная сила; выдачей же «орудіи» просто хотѣлъ обезопасить себя отъ вооруженныхъ демонстрацій, нарушавшихъ его мирный покой и угрожавшихъ его благосостоянію, такъ какъ нерѣдко слышались въ толпѣ рѣчи о возможности пожаровъ отъ «демократовъ».

Для полноты картины этого дня слѣдуетъ отмѣтить и то, что все время за народной патріотической манифестаціей слѣдовала масса любопытствующихъ горожанъ. Тутъ были: военные, чиновники, купцы, мѣщане, учащіе и учащіяся со многимъ множествомъ уличныхъ мальчишекъ впереди. Въ общемъ въ этой манифестаціи принимало участіе не менѣе 5—6 тысячъ человекъ, если не болѣе. Замыкалось торжественное шествіе небольшимъ отрядомъ полицейскихъ съ казаками и самимъ полицеймейстеромъ Басанько во главѣ, только что возвратившимся въ этотъ день изъ Чернигова. Разставленные по главнымъ улицамъ и площадямъ артиллерійскіе конные патрули отдавали честь царскимъ портретамъ, держа руки подъ козырекъ...

Въ нравственномъ отношеніи народная патріотическая демонстрація произвела ошелмляющее дѣйствіе на нашихъ демократовъ—русскихъ и евреевъ. Большинство изъ нихъ, главнымъ образомъ изъ позванныхъ, но не разысканныхъ толпой, разѣхалось изъ города въ ту же ночь по желѣзной дорогѣ: кто въ Кіевъ и Черниговъ, а кто даже въ Москву и Петербургъ и другія мѣста. Такъ они боялись попасться въ руки народной толпы, въ сущности весьма добродушной, такъ какъ она не сильно карала своихъ противниковъ, а только лишь, какъ школьниковъ, ставила на колѣни передъ тѣмъ, кого они ругали и надъ кѣмъ глумились, передъ портретомъ Государя, а потомъ отпускала съ тѣмъ, чтобы больше не грѣшили и не трогали священныхъ для нея именъ, кои народъ привыкъ чтить и всегда будетъ чтить... Фактовъ физическаго насилія надъ противниками 21 октября не было вовсе...

Въ субботу, 22-го, хотя день былъ и не базарный, а праздничный (Казанской Божіей Матери, чествуемой у насъ народомъ), народу собралось съ предмѣстій города и изъ окрестныхъ селъ и деревень, пожалуй, еще больше чѣмъ наканунѣ. Несмотря на сильный дождь съ ранняго утра, народъ «плавомъ плылъ», или «лавою шелъ» въ городъ, какъ говорили наши горожане, и къ 9 часамъ утра базарная и соборная площади были покрыты сплошной массой народа. Появились снова и царскіе портреты, въ томъ числѣ и растерзанный въ камерѣ прокурора. Къ 10 часамъ утра прошли въ соборную церковь на литургію всѣ оставшіеся въ институтѣ

студенты съ директоромъ и профессорами во главѣ и съ меньшимъ институтскимъ царскимъ портретомъ. У нихъ рѣшено было по настоянію директора и начальствующихъ лицъ отлужить молебень о здравіи Государя и тѣмъ успокоить расходившуюся противъ нихъ народную толпу. Молебень былъ отслуженъ подъ дождемъ на соборной площади, но народнаго успокоенія не послѣдовало: студенты съ директоромъ и профессорами очутились во власти толпы, осадившей соборную ограду. Несмотря на всѣ увѣщанія и просьбы духовенства и городского головы успокоиться и мирно разойтись по домамъ, предоставивъ законной власти разыскать «демократовъ» и обезоружить ихъ, толпа упорно и настойчиво твердила предъявленное наканунѣ требованіе: «пусть выдадутъ списокъ демократовъ и орудій»... Никакія увѣренія и заявленія, что у студентовъ ничего нѣтъ, не дѣйствовали на толпу... Появился среди вожаковъ толпы и какой-то списокъ «демократовъ». Стали дѣлать провѣрку; какъ только не оказывалось налицо внесеннаго въ списокъ «демократа», немедленно отряжалось въ поиски нѣсколько крестьянъ, разыскивали и приводили за соборную ограду. За весь этотъ день приведено было такимъ образомъ до 40 «демократовъ». Евреи требовались всѣ, независимо отъ того, фигурировали ихъ имена въ спискѣ или нѣтъ; многіе евреи заперлись въ домахъ; эти дома открывались, евреевъ извлекали оттуда и вели на соборную площадь, гдѣ они и проводили эту субботу подъ открытымъ небомъ и въ безпокойствѣ за свою судьбу передъ судомъ народнымъ... Ко всѣмъ приводимымъ за соборную ограду предъявлялись толпой разныя обвиненія; на примѣръ, одного студента университета св. Владимира изъ евреевъ, Р—на, толпа обвиняла въ томъ, что онъ неоднократно ѣздилъ на велосипедѣ на ихъ «кутокъ» и стрѣлялъ изъ револьвера, но всегда только лишь въ воздухъ... Обвинителями были все домовитые крестьяне-хлѣборобы, и видно было со стороны, что обвиненіе это имѣло какое-то реальное основаніе... Всѣ эти «демократы», собранные народомъ за соборной оградой, потомъ, по распоряженію прокурорскаго надзора, отведены были или въ тюрьму или въ арестное помѣщеніе при уѣздномъ сѣздѣ, и такимъ образомъ были изъяты изъ рукъ толпы и суда народнаго. Въ концѣ концовъ и студентамъ института князя Безбородка удалось оставить соборную ограду и достигнуть своего института подъ прикрытіемъ духовенства и портретовъ Государя, но образовавшаяся здѣсь толпа снова стала настаивать на своихъ требованіяхъ относительно выдачи «списка» и «орудій», и выражала общее свое негдованіе противъ студентовъ, какъ противниковъ и враговъ Государя, и такъ продолжалось до повднлаго вечера. Были попытки ворваться въ институтъ съ цѣлю отыскать скрытую якобы тамъ «орудію», какъ и случаи избіенія отдѣльныхъ лицъ, на примѣръ, былъ избитъ экономъ института, профес-

соръ М. и другіе, по большей части, однако, по мотивамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ возбужденіемъ народной толпы, какъ, напримѣръ, въ случаѣ съ проф. М. Но все это навело такую общую панику на студентовъ и профессоровъ, что они съ директоромъ во главѣ почти въ полномъ составѣ въ ночь на 23 октября оставили институтъ и Нѣжинъ и уѣхали въ Кіевъ, какъ мѣсто, болѣе для нихъ безопасное. Подъ вліяніемъ страха быстро слагались и разныя легенды, напримѣръ, что будто бы раздавались среди народной толпы общіе крики: «бей студентовъ, бей жидовъ», и угрозы въ родѣ слѣдующей: «всѣхъ треба повисить на хрести» и проч. Люди, находившіеся весь день среди толпы, этого не слышали, и лучшимъ доказательствомъ противнаго служить то, что евреевъ, находившихся весь день среди народа на соборной площади, никто и пальцемъ не тронулъ...

Въ этотъ день немало было и разнаго рода инцидентовъ, нерѣдко смѣшныхъ и крайне наивныхъ по общему своему характеру. Напримѣръ, толпа крестьянъ окружила за соборной оградой нѣсколькихъ богатыхъ евреевъ и начала укорять, зачѣмъ евреи рвутъ царскіе портреты и не уважаютъ Государя. Одинъ изъ евреевъ началъ защищаться и доказывать, что евреи—такіе же подданные Государя, какъ и русскіе, и одинаково съ ними почитаютъ и уважаютъ его, что указанный случай нельзя относить ко всѣмъ евреямъ, что онъ лично готовъ купить взаимнѣ подраннаго портрета самый дорогой царскій портретъ, какой только есть въ продажѣ, и поставить его тамъ, гдѣ они, крестьяне, захотятъ, хоть въ самомъ соборѣ, даже такой, какой они видѣли вчера въ институтѣ, стоящій будто бы тысячу рублей. Крестьяне выражали недовѣріе къ такому заявленію. Тогда еврей обращается къ извѣстнымъ и крестьянамъ русскимъ купцамъ, тутъ находившимся, и проситъ ихъ подтвердить, что онъ исполнитъ свое слово. Тѣ подтверждаютъ. Крестьяне замолчали; еврей торжествовалъ, что удалось ему такимъ легкимъ способомъ успокоить толпу... Но тутъ вдругъ произошла неожиданная перемена настроенія. Одинъ изъ крестьянъ, снявъ свой бриль (шляпу) и почесавъ свой щетинистый густой чубъ, по-своему объяснилъ сосѣду предложеніе еврея такъ, что евреямъ снова сдѣлалось жутко: «Бачишь, проклятая жидова царя купить хочеть»... Евреи такъ были ошеломлены такимъ оборотомъ дѣла, что моментально исчезли въ толпѣ...

Въ тотъ же день вечеромъ къ городскому головѣ приходило нѣсколько крестьянъ съ просьбой отправить телеграмму къ Государю съ ходатайствомъ закрыть институтъ, «бо студенты не хочуть учитця, а тѣлько бунтуютъ та царя ругаютъ; не треба намъ студентівъ и жидівъ». Нѣкоторые при этомъ говорили, что полезѣе будетъ для государства и города институтъ обратить въ казарму. Для составленія телеграммы назначено было ими и время—

11 часовъ утра слѣдующаго дня; но ни въ назначенное время, ни послѣ крестьяне не являлись. Въ частности, относительно евреевъ крестьяне и мѣщане не разъ обращались къ разнымъ властямъ съ просьбою, чтобы по общему приговору выселить ихъ изъ города, или лишить ихъ права аренды разныхъ городскихъ статей доходныхъ и даже права торговли. Раздавались голоса и противъ отдѣльныхъ гласныхъ думы, якобы приставшихъ къ «демократамъ», чтобы они были лишены права участвовать въ засѣданіяхъ думы.

23 октября пріѣхалъ въ Нѣжинъ черниговскій вице-губернаторъ, Н. М. Родіоновъ, обратился съ рѣчью къ народной толпѣ, говорилъ о необходимости порядка, прекращеніи всякихъ волненій, говорилъ, какъ огорченъ Государь вѣстами о погромахъ, о тяжелой за нихъ отвѣтственности. Народъ, повидимому, внимательно выслушалъ представителя губернской власти; но по окончаніи рѣчи раздались голоса: «жиды обидѣли нашего царя! не треба намъ жидівъ»... Посыпались и другія заявленія; говорили всѣ разомъ, перебивая другъ друга; слышались даже возраженія противъ нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ вице-губернаторомъ. Тогда Н. М. Родіоновъ вторично обратился къ толпѣ и высказался въ томъ смыслѣ, что онъ пріѣхалъ въ Нѣжинъ не съ тѣмъ, чтобы спорить съ народной толпой, а съ тѣмъ, чтобы водворить общественный порядокъ, тишину и спокойствіе, а потому приказываетъ всѣмъ вѣрноподаннымъ Государя немедленно возвратиться къ ихъ занятіямъ и не нарушать порядка никакими насиліями. «Помните,—сказалъ онъ въ заключеніе,—что судъ и расправа принадлежатъ одному царю и постановленнымъ имъ лицамъ, а не буйствующей толпѣ. Не вѣрьте подстрекателямъ, которые, распространяя ложные слухи, волнуютъ народъ и возбуждаютъ къ насиліямъ. Я призванъ охранять личную и имущественную безопасность всѣхъ гражданъ Нѣжина безъ различія вѣроисповѣданій и партій, и въ моемъ распоряженіи есть достаточно военной силы для предупрежденія безпорядковъ. Не дай Богъ мнѣ прибѣгать къ оружію, но, если это понадобится, я употребляю его въ дѣло, не колеблясь ни минуты. Помните, что ваше спокойствіе и безопасность охраняются властями, къ которымъ вы и должны обращаться за судомъ и защитой». Въ такомъ же смыслѣ и тонѣ писалъ вице-губернаторъ и въ печатномъ воззваніи «къ жителямъ города Нѣжина», появившемся на другой день, въ которомъ просилъ «всѣхъ вѣрноподанныхъ города Нѣжина спокойно возвратиться къ ихъ занятіямъ, не нарушать общественнаго порядка никакими насиліями и помогать властямъ въ водвореніи тишины и спокойствія».

Властное слово представителя губернской власти произвело соотвѣтствующее дѣйствіе. Несмотря на то, что и на другой день, 24 октября, собралось на базарѣ много народа какъ мѣстнаго городского, такъ и изъ окрестныхъ селъ и деревень,—были и такіе,

которые пришли на этотъ разъ за 30 и даже за 40 верстъ,—мѣстнымъ властямъ удалось разобщить интересы горожанъ и сельчанъ, и первые начали сами просить о прекращеніи безпорядковъ и удаленіи сельчанъ изъ города. Съ этою цѣлью горожане избрали особыхъ выборныхъ или уполномоченныхъ изъ своей среды въ числѣ 15 человекъ, которые, собравшись въ городской управѣ, снова выслушали требованія вице-губернатора и общимъ приговоромъ постановили: «объявить всемъ жителямъ города Нѣжина о необходимости прекратить всякое насиліе надъ личностью и имуществомъ и предложить сельскимъ жителямъ выйти изъ города въ свои села и деревни, заняться своимъ мирнымъ трудомъ, предоставить правительственнымъ властямъ возстановить и поддерживать порядокъ».

Благодаря немедленно послѣдовавшимъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ войскъ и горожанъ, базаръ былъ быстро очищенъ отъ пришлаго элемента, вносившаго съ собою проявленіе нѣкотораго своеволія. Не обошлось при этомъ дѣло и безъ нагаекъ, такъ какъ нѣкоторые сельчане упорствовали уходить изъ города съ пустыми руками, а потому нагайки и пришлось пустить въ ходъ. Въ числѣ упорствовавшихъ были, между прочимъ, жители села Черняховки, отстоящаго отъ города верстахъ въ пятнадцать. До нихъ почему-то вѣсть о нѣжинскомъ еврейскомъ погромѣ дошла довольно поздно, и потому они явились въ городъ только лишь 24, и очень были огорчены принятыми въ немъ мѣрами противъ погромщиковъ-сельчанъ. Испытавъ на себѣ лично непріятное дѣйствіе казацкихъ нагаекъ, они ушли изъ города крайне разобиженными, и за городскую неудачу захотѣли вознаградить себя въ ближайшемъ къ городу селѣ Липовомъ-Рогѣ, разграбивъ здѣсь одну или двѣ еврейскихъ лавченки. Въ свою очередь липорожцы заступились за своихъ «жидовъ», прогнали черняховцевъ, заявивъ при этомъ, что они и сами расправятся съ своими «жидами», когда придетъ время. «Жиды наши, а не ваши», приговаривали они, выгоняя друцемъ изъ села черняховцевъ. Подобнаго рода случаи были и въ другихъ мѣстахъ нашего уѣзда.

Утромъ же 24 октября евреи по настоянію полиціи выдали до 100 штукъ револьверовъ меньшаго калибра, припрятавъ револьверы Браунинга на всякій случай, въ виду возможной самообороны въ будущемъ. А между тѣмъ, по слухамъ, мѣстнымъ еврейскимъ бундомъ вооружено путемъ добровольнаго сбора средствъ на то болѣе 4 тысячъ человекъ изъ мѣстной еврейской молодежи.

Въ критическіе дни нѣжинскихъ безпорядковъ, именно 21—23 октября, когда въ городѣ было много пришлаго элемента и чувствовалось тревожное настроеніе народной толпы съ проявленіемъ нѣкотораго своеволія, можно было ожидать крупныхъ осложненій и даже кроваваго столкновенія между противниками. Этого, къ

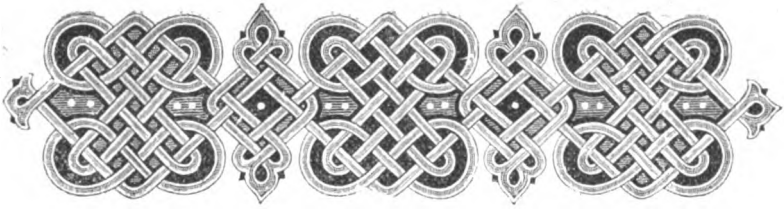
счастію, однако, не случилось, и не случилось, благодаря какъ мягкосердечности и дѣловитости нашего народа, такъ и благодаря тѣмъ нашимъ добровольцамъ изъ интеллигенціи, которые самоотверженно, безъ всякаго вооруженія, за исключеніемъ военныхъ лицъ, вступали въ ряды этой толпы и терпѣливо успокаивали и сдерживали ее, подвергаясь подчасъ и немалому риску. Эти-то добровольцы и были главною причиною того, что у насъ не было крайнихъ тяжелыхъ сценъ физическаго насилія съ убитыми и ранеными, какъ было въ другихъ мѣстахъ. Въ рядахъ этихъ добровольцевъ замѣтно выдѣлялись и чины прокурорскаго надзора, нѣкоторые командиры батарей и дивизионеры 42 артиллерійской бригады, нѣкоторые представители городского управленія и другія лица, не всѣ, конечно, въ одинаковой мѣрѣ. Благодаря ихъ нравственному мужеству и терпѣливой выдержкѣ, удалось сдержать народное негодованіе противъ революціонеровъ, или, по народной терминологіи, «демократовъ», въ извѣстныхъ границахъ, не прибѣгая къ чрезвычайъ крупнымъ мѣрамъ, какъ нѣкоторые того требовали, а въ особенности мѣстные евреи...

Такъ закончились наши революціонные безпорядки; но возбужденіе, произведенное ими, не улеглось еще и до настоящаго времени. Правда, наши революціонеры, въ особенности ихъ еврейская группа, увидавъ, что народъ рѣшился съ ними не шутить, попристѣхали, попрятали подальше свои Браунинги, поспѣшили снова принять образъ и подобіе мирныхъ тружениковъ. Но это только лишь спокойствіе кажущееся. Прочно свившія у насъ гнѣздо социаль-революціонныя партіи и теперь исподтишка не перестаютъ распространять свои прокламаціи, и распространяютъ ихъ съ цѣлью дискредитировать власть правительства и разжечь, какъ можно сильнѣе, народныя страсти. Въ прокламаціяхъ, обращенныхъ къ народу, онѣ призываютъ къ аграрнымъ безпорядкамъ и открытой революціи, а въ обращенныхъ къ войскамъ — къ открытому возстанію. Вообще же наши революціонеры страшно нападаютъ на тѣхъ русскихъ людей, которые имѣютъ твердыя политическія и религіозныя убѣжденія и беззавѣтно преданы царю и отечеству. Въ свою очередь, еврей-революціонеры все еще носятъ съ мыслью о своемъ равноправіи и вмѣстѣ съ русскими революціонерами настаиваютъ на требованіи учредительнаго собранія и пресловутой избирательной четырехвостки. Въ селахъ стараются вербовать подонки общества для вооруженной дружины и поселить недоувѣріе къ тѣмъ, кто стоитъ на стражѣ политическихъ и національныхъ русскихъ интересовъ. Народъ тяготится создавшимся положеніемъ дѣлъ; экономическая сторона революціонныхъ забастовокъ бьетъ его сильно по карману. Дѣло вѣдь ужъ доходитъ до того, что соль продается по 2—3 коп. за фунтъ, а керосинъ 6 коп. и болѣе — цѣны, еще никогда небывалыя и нелегкія для тощаго крестьян-

скаго кармана. Съ другой стороны, замѣтно нѣкоторое протрезвленіе и въ нашемъ обществѣ: до октябрьской контръ-революціи нельзя было и слова сказать противъ мнимаго «освободительнаго движенія» съ разрывными бомбами и кинжалами и форменной революціи, а теперь уже много перебѣжчиковъ, и только и слышно, что это, молъ, «жидовская вакханалія» и «мальчишеская революція»... Tempora mutantur...

Г. Г. Н.

ИЗЪ ЦЕНЗУРНАГО ПРОШЛАГО.

(Страничка воспоминаній).

ВЪ МАѢ 1900 г. я принялъ отъ А. М. Евреиновой издательство журнала «Сѣверный Вѣстникъ», и на меня сразу легла нелегкая задача выпуска запоздавшаго № 5 книжки съ тѣмъ убогимъ литературнымъ матеріаломъ, который мнѣ достался въ наслѣдіе отъ старой редакціи. Кое-какъ необходимый № былъ выпущенъ, а для іюньской книжки я уже получилъ нѣкоторую возможность улучшить содержаніе журнала. Вотъ тутъ-то впервые мнѣ и пришлось ознакомиться съ мытарствами по цензурѣ и съ хожденіемъ по цензорамъ, въ роли редактора подцензурнаго изданія. Первое мое знакомство было съ цензоромъ П—номъ, ставленникомъ всемогущаго тогда оберъ-прокурора синода, К. П. Побѣдоносцева. Собственно журналъ состоялъ въ завѣдываніи нынѣ уже покойнаго цензора, Смарагда Игнатъевича Коссовича, но послѣдній находился въ отпуску, и П—нъ временно правилъ его обязанности, а въ томъ числѣ читалъ и гранки подцензурнаго «Сѣвернаго Вѣстника». Не могу сказать, чтобы П. проявлялъ въ отношеніи журнала какую либо особенную «строгость» или «немилость»; съ этой стороны редакціи не приходилось на него жаловаться, да, въ сущности говоря, къ тому не давалось и достаточныхъ поводовъ: матеріаль, посылаемый на его утверженіе, былъ довольно безобиднаго свойства даже для того ужаснаго времени, и въ немъ не содержалось ничего такого, что бы грозило какой либо сторонѣ русской жизни и Русскаго государства опасностью и потрясеніемъ основъ. Правда, П. все же прохаживался красными чер-

нилами по отдѣльнымъ фразамъ и словамъ, показывая свое служебное усердіе, но такъ, чтобы при его благосклонномъ участіи исчезали цѣлыя статьи или страницы произведеній или мѣнялся смыслъ писаннаго, такого случая въ нашей редакціонной практикѣ съ нимъ не встрѣчалось. Главное неудобство сношеній съ П. была его ужасная лѣность. Я торопилъ типографію, чтобы нагнать упущенное прежде время и поставить выходъ журнала въ норму (къ 1-му числу каждаго мѣсяца), но она, при всемъ напряженіи работы, не могла удовлетворить моему требованію, ссылаясь на полную невозможность для нея во-время получать отъ П. обратнo посланный ему матеріалъ. Набранныя полосы валялись у него по нѣскольку дней, и тщетно разсыльные типографіи путешествовали къ нему на Пески, съ угла Казанской и Новаго переулка, гдѣ помѣщалась типографія покойнаго В. Ф. Демакова, печатавшаго журналъ. Демаковъ пріѣзжалъ ко мнѣ на Троицкую съ требованіемъ, чтобы я уже лично сдѣлалъ необходимое посѣщеніе П., грозя въ противномъ случаѣ запозданіемъ книжки. Приходилось подъ давленіемъ необходимости отправляться къ вершителю судебъ журнала и выпрашивать у него нужное ускореніе.

Изъ лѣтнихъ бесѣдъ съ П. я впервые фактически убѣдился, что для подцензурныхъ журналовъ законовъ о печати, какъ таковыхъ, въ сущности не имѣется, а все зависитъ отъ усмотрѣнія цензора и тѣхъ безчисленныхъ секретныхъ циркуляровъ, распоряженій и частныхъ указаній разныхъ министровъ, въ силу которыхъ цензорамъ предлагалось не пропускать въ подцензурной печати никакихъ не только неодобренныхъ, но и просто критическихъ отзывовъ о дѣятельности и работъ подвѣдомственныхъ имъ учреждений. Такъ, напримѣръ, въ силу указаній И. А. Вышнеградскаго, тогдашняго министра финансовъ, не допускалась въ подцензурныхъ органахъ правдивая критика его финансовой системы и его начинаній въ области граничныхъ займовъ и отечественнаго денежнаго обращенія. Эта сторона русской жизни исключалась изъ журнальнаго обсужденія, и цензору дозволялось пропускать лишь тѣ статьи, гдѣ или шло изложеніе только самихъ фактовъ, или гдѣ факты подносились читателямъ въ розовомъ освѣщеніи и подъ вывѣской полного ихъ благополучія. Отсюда невозможно трудное положеніе и редакціи общественно-политическаго журнала и сотрудниковъ и, пожалуй, самаго цензора, если только въ немъ соображенія служебной формальной дисциплины не совсѣмъ выхолащивали чувства совѣстливости. Публика жаловалась на редакцію за скудость сообщаемыхъ ей фактовъ и недостаточную полноту ихъ разработки, сотрудники не желали мириться съ искаженіями (порою до неузнаваемости!) ихъ работъ и избѣгали отдавать редакціи подцензурнаго журнала свои произведенія, редакція изнемогала, при такой невозможной постановкѣ

издательскаго дѣла, въ борьбѣ и съ цензорскимъ терроромъ, и съ непріязненнымъ отношеніемъ литературной братіи, и съ равнодушіемъ публики. Получалось въ итогѣ общее неудовольствіе, вносившее и порождавшее въ литературной жизни совершенно ненужное озлобленіе, горечь обиды и чувство возмущенія—съ одной стороны, и съ другой—вырабатывавшее совершенно особенный и въ сущности очень тлетворной способъ бесѣды съ читателями такъ называемымъ «эзоповскимъ языкомъ», т. е. систему намековъ, междустрочія, извѣстной недоговоренности, которыя только дразнили умъ читателей и приучали его искать во что бы то ни стало и всюду тотъ смыслъ, который имъ былъ желателенъ и который имъ лично казался для даннаго случая наиболѣе законнымъ и подходящимъ. Въ исторіи русскаго просвѣщенія этотъ «эзоповскій языкъ» сыгралъ безусловно недобрую роль и пагубно отозвался, какъ на качествѣ нашей культуры, такъ на ея ростѣ и развитіи. Въ жизненный обиходъ были искусственно введены самой же администраціей начала завѣдомаго обмана, лжи и растлѣнія ума и совѣсти...

П—нъ былъ еще, пожалуй, однимъ изъ лучшихъ представителей дѣйствовавшей тогда системы; для него выше всего было соображеніе о томъ, какъ отнесется къ той или иной статьѣ его главный патронъ—К. П. Побѣдоносцевъ, и этого онъ не скрывалъ отъ меня въ своихъ бесѣдахъ. Иногда, задержавъ гранки, онъ прямо такъ и мотивировалъ задержку: надо, молъ, справиться, какъ думаетъ или какъ поглядить на вопросъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. Это было альфою и омегою всего его цензорскаго критерія. Не законъ, не правительственное распоряженіе являлось предметомъ его справки и дѣйствій въ данномъ случаѣ, а экскурсія въ область хода мыслей и движенія сердца всемогущаго сановника. Вслѣдствіе такой постановки вопроса печать какъ будто оказывалась не въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а святѣйшаго синода, и на Литейной улицѣ, въ квартирѣ К. П. Побѣдоносцева, давалось главнымъ образомъ направленіе (формальное, конечно!) журнальному слову: тутъ надъ нимъ провозносился судъ и осужденіе.

Какъ сказано выше, съ П. можно было ладить, и, благодаря этому, мнѣ довольно легко удалось ввести въ журналъ совершенно новый отдѣлъ «Замѣтки и новости», долженствовавшій замѣнить собою тотъ отдѣлъ, который въ другихъ журналахъ шелъ подъ наименованіемъ «Хроники внутренней жизни» или «Общественной хроники». Дѣло въ томъ, что наличность такого отдѣла должна была создать журналу его, такъ сказать, общественное, политическое положеніе въ ряду другихъ собратьевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно утвержденной для «Сѣвернаго Вѣстника» программѣ, при его разрѣшеніи на изданіе А. М. Евреиновой, этотъ отдѣлъ не

былъ допущенъ. Тщетно домогалась бывшая издательница создать такую журнальную рубрику, ей этого не удавалось. И вотъ, воспользовавшись одною фразою въ программѣ журнала, гдѣ упоминались слова «событія и новости», я обрубилъ ее и получился отдѣлъ подъ такимъ именно наименованіемъ, куда и стали помѣщаться фактическія свѣдѣнія о событіяхъ нашей внутренней и общественной жизни съ освѣщеніемъ и легкой критикой этихъ событій. То, чего добивалась бывшая издательница, дѣйствуя прямою путемъ, было достигнуто обходнымъ способомъ.

Когда П—нъ, получивъ гранки для просмотра, увидалъ тутъ новую рубрику, онъ не сразу ее пропустилъ. Пришлось ѣхать лично объясняться и доказывать ему, что съ моей стороны нарушенія программы нѣтъ, и что я дѣйствую вполне законно. По справкамъ съ имѣвшейся у него программой, онъ увидалъ, что тамъ гдѣ-то стоятъ слова «извѣстія и новости», нашелъ это обстоятельство для меня съ формальной стороны благопріятствующимъ и разрѣшилъ новую рубрику. Волки оказались сыты, и овцы цѣлы. Такимъ-то труднымъ и мудренымъ путемъ приходилось подцензурной печати добиваться права жизни! Имѣющійся налицо элементъ комизма, увы, отдавалъ въ тѣ дни для участниковъ событій драматизмомъ...

Вотъ по финляндскому вопросу съ П. столкнуться было невозможно. Статьи о Финляндіи П. М. (П. М. Майкова), нынѣ вошедшія въ его только-что вышедшую книгу, «Финляндія: ея прошедшее и настоящее», возвращались послѣ цензурнаго просмотра въ совершенно окровавленномъ видѣ. Никакія мои представленія и резоны не дѣйствовали на П., и онъ старательно въ каждой строчкѣ искалъ тенденцій сепаратизма и стремленіе потрясать основы. Даже высочайшіе манифесты имъ не щадились: онъ прохаживался по нимъ красными чернилами или просто ихъ выкидывалъ.

— Что вы все говорите: «манифестъ», «высочайшія слова», — мало ли что когда писалось и говорилось? Для одного времени это было хорошо, а теперь иныя вѣянія, иныя на сей предметъ соображенія. Вотъ, руководствуясь съ этимъ, я и не могу пропустить данной исторической ссылки.

— Врядъ ли, однако, цензурному вѣдомству даны уполномочія входить въ обсужденіе дѣйствій высочайшей власти? Манифестъ остается всегда манифестомъ.

— Ну, да, толкуйте. Вотъ вы бы поговорили по настоящему вопросу съ Константиномъ Петровичемъ, тогда бы и поняли значеніе историческихъ документовъ въ ихъ примѣненіи къ основамъ современной внутренней политики. Впрочемъ, если вы недовольны, просите главное управленіе о перемѣнѣ цензора и жалуйтесь на меня.

— Помилуйте, — наивно распаркивался я и спѣшилъ покинуть недовольнаго моими приставаніями цензора. Слово «жалуйтесь»

было мнѣ тогда не ясно, и смыслъ его я понялъ лишь изъ поученій меня по сему предмету С. И. Коссовича, вернувшагося осенью изъ отпуска.

С. И. Коссовичъ былъ оригиналомъ, какого рѣдко встрѣтишь въ жизни. Человѣкъ несомнѣнно большого ума и большой образованности, онъ подходилъ къ каждому вопросу съ точки зрѣнія житейской повседневной практики и въ данномъ случаѣ рисовался передъ собесѣдникомъ настоящимъ циникомъ. Онъ откровенно ставилъ точки надъ *i*, совершенно сбрасывая съ себя обычное чиновничье фарисейство и маску лицемѣрія. Его цензорскій символъ вѣры (искренно или неискренно, не берусь о томъ судить—въ личной жизни я знакомъ съ нимъ не былъ) сводился къ слѣдующимъ положеніямъ: я—чиновникъ, получающій двадцатаго числа жалованье. Оно мнѣ нужно, какъ пропитаніе себя и моей семьи. Законовъ въ Россіи нѣтъ, а имѣются усмотрѣнія начальства, отъ коего и зависитъ мое двадцатое число. Его волю я долженъ чтить и исполнять, и тѣмъ я пунктуальнѣе исполняю эту волю, тѣмъ я становлюсь выше въ его глазахъ; на меня сыплются награды, изъявленія довольства и милости. Вы—литературный народъ, отданы намъ на расправу, и начальство довольно, когда мы съ вами круче расправляемся. Вы—враги этого начальства, и вотъ между нами и вами идетъ вѣчная борьба. Вы стараетесь обойти насъ, мы васъ ловимъ. Чѣмъ сильнѣе ваше поразеніе, тѣмъ славнѣе наша побѣда.

Съ октябрьской книжки Коссовичъ началъ тѣснить журналъ, и я пошелъ къ нему вечеромъ для личныхъ объясненій.

Онъ встрѣтилъ меня съ обычной ему нѣсколько суетливой, топорной вѣжливостью и съ мѣста началъ развивать свои любимыя положенія.

— Наступила осень, а тамъ недалеко и Рождество. Я человѣкъ семейный. Къ тому же вопросъ о моей пенсіи не за горами, и не слѣдуетъ объ этомъ забывать. Жалуйте на меня предсѣдателю цензурнаго комитета, главному управленію по дѣламъ печати.

— Помилуйте, зачѣмъ же я буду вамъ дѣлать непріятности...

— Непріятности!—Коссовичъ даже подскочилъ на мѣстѣ.—Вы простите меня, жалобы — не непріятность, а величайшая услуга и удовольствіе! Помилуйте, начальство узнаетъ о моей старательности, отличить, отмѣнить меня, а вы тутъ—«непріятности»!

Я нѣсколько оторопѣлъ передъ такой откровенностью.

— Васъ удивляютъ мои слова? Вотъ и видно новаго человѣка въ издательскомъ дѣлѣ. Я, бывало, когда цензировалъ «Дѣло» при Станюковичѣ, то всегда рекомендовалъ ему на осень запастись для каждой книжки двойнымъ матеріаломъ. Какъ осень, и дѣло идетъ къ рождественской наградѣ, становлюсь безпощадно строгъ и ма-раю статью за статьей. Ну, а тѣмъ болѣе вы, господа издатели и

редакторы, даете намъ къ тому достаточный поводъ. Вы, спасая знамя либерализма, стараетесь осенью передъ подпиской показать товаръ лицомъ, а мы цензора стараемся тоже для дѣла передъ начальствомъ. Каждый изъ насъ дѣлаетъ свое дѣло, рассматривая это дѣло и толкуя его подъ разными углами зрѣнія.

— Этакъ съ двойнымъ-то матеріаломъ скоро и прогоримъ!

— Скажите, чѣмъ огорчили! Да вѣдь это намъ на руку. Начальство, повѣрьте, будетъ довольно: однимъ либеральнымъ органомъ печати меньше; это прямая цѣль и задача нашей внутренней политики—спасти отечество отъ тлетворнаго вѣянiя либерализма. Кромѣ того, смѣю вамъ указать: идете на борьбу, готовьте и оружіе; на милость и пощаду нашу рассчитывать, надѣяться обойти нашу бдительность, это уже плохое служеніе дѣлу. Тогда бросайте журналъ.

Въ своей циничной откровенности Коссовичъ находилъ какое-то особенное удовольствіе. Онъ очевидно просто иногда глумился надъ всѣмъ и вся—и надъ своимъ аплуа блюстителя основъ, и надъ начальствомъ, какъ вершителемъ политики, и надъ собесѣдникомъ, который оказывался въ невѣдомыхъ ему какихъ-то путахъ, изъ коихъ трудно было освободиться. Комизмъ положенiя доставлялъ ему особенное удовольствіе, и онъ тѣшился находженіемъ отгадокъ для разрѣшенiя жизненныхъ ребусовъ.

Въ журналѣ печаталась повѣсть М. Н. Альбова «Тоска», вещь талантливая, выдающаяся въ нашей литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не вмѣющая рѣшительно никакого отношенiя къ политическимъ и общественнымъ злобамъ дня. И вдругъ, однажды разсылный приноситъ мнѣ изъ типографіи окровавленный листъ: Коссовичъ, стараясь передъ праздниками, ухитрился и въ беллетристикѣ М. Н. Альбова найти примѣненіе своимъ черниламъ. Смотрю и не понимаю, въ чемъ дѣло. Иду объясняться.

— Помилуйте, — серьезно и взволнованно говорить мнѣ цензоръ, — дѣйствующее лицо, выходя изъ ресторана, въ коридорѣ откалываетъ канканъ! Вѣдь вамъ должно быть прекрасно извѣстно, что канканъ—танецъ, не разрѣшенный начальствомъ въ общественномъ мѣстѣ, и рестораторъ такого плясуна долженъ при содѣйствіи полиціи вывести изъ помѣщенiя. Пропуская этотъ пассажъ, я какъ-бы санкціонирую незаконныя дѣйствiя, и читатели вашего журнала могутъ подумать, что отнынѣ всѣмъ и каждому разрѣшается танцевать въ общественномъ мѣстѣ канканъ.

Я прыснулъ со смѣха, а Коссовичъ совершенно серьезно продолжалъ:

— А какъ вы думаете? На это обстоятельство не обратятъ развѣ вниманiя, и мнѣ это не будетъ поставлено на видъ? Не премѣнно: объ этомъ постараются.

— Кто?

— Кто? сослуживцы. Вы думаете, у насъ служебнаго rivalité нѣтъ? Еще какой!

— Послушайте, Смарагдъ Игнатьевичъ, жаль портить беллетристику, и тѣмъ болѣе, что, благодаря вамъ сдѣланной выкидкѣ, получается непоследовательность въ изложеніи и пробѣлѣ. Мнѣ кажется, что герой Альбова не такъ уже виновенъ. Онъ, вѣдь, собственно не танцевалъ канкана, а такъ себѣ, сдѣлалъ всего нѣсколько па и сейчасъ же ушелъ изъ ресторана.

— А когда такъ,—съ живостью перебилъ Коссовичъ, прекрасно понявъ, что онъ перестарался въ своемъ циничномъ рвеніи,—дѣло мѣняется. Я согласенъ на уступку.

И онъ тутъ же зачеркнулъ свою помѣтку и ограничился лишь измѣненіемъ двухъ-трехъ словъ, благодаря которымъ порядокъ въ ресторанѣ не такъ уже нарушался.

Въ другой разъ онъ совершенно вычеркнулъ какое-то стихотвореніе не то К. Льдова, не то С. Фруга. Снова пришлось вступать въ объясненіе.

— Ничего не могу сдѣлать. Явный тенденціозный намекъ на нынѣшнее положеніе Россіи въ несочувственномъ правительству духѣ.

— Да въ чемъ же вы это видите? Вѣдь это чтеніе между строкъ, и чтеніе съ предвзятой точки зрѣнія.

— А какъ же иначе читать? Коли не читать между строкъ, то расплодится такая литература, что начальство только руками разведетъ. Наконецъ, если я буду читать лишь строки, то найдутъ, что у меня мало дѣла и навяжутъ еще работы. Вотъ у меня имѣется доказательство моей усидчивости.

— Воля ваша, тутъ никакого намека нѣтъ, и идеи автора могутъ быть приложены не только къ Россіи, но и ко всякой странѣ. Можетъ быть, онъ даже заимствовалъ свои положенія изъ какого нибудь источника.

— Вотъ и прекрасно. Такъ и напишите: «сюжетъ заимствованъ» или «переводъ». Скажите,—откуда, и я вамъ пропущу это стихотвореніе.

Я замаялся, но Коссовичъ ужъ шелъ мнѣ на помощь.

— Видите ли: заимствованія и переводы съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго нетрудно проконтролировать, и мы, цензора, можемъ быть тутъ легко въ отвѣтѣ, а вотъ заимствованіе... ну, съ американскаго или ирландскаго,—Коссовичъ лукаво вскинулъ на меня глазами,—этого никто не разберетъ, и останется лишь удивиться образованности автора, который знаетъ такіе языки, что встанешь втупикъ, имѣются ли они въ дѣйствительности на земномъ шарѣ, или это плодъ его фантазіи.

Выходъ былъ найденъ, и цензурная необходимость побудила пустить еще разъ въ оборотъ сомнительный пріемъ, рассчитанный

на невѣжество русскаго человѣка и вводившій въ литературу сознательный элементъ лжи и лингвистическую несообразность.

Съ выходомъ первыхъ зимнихъ книжекъ Коссовичъ сталъ нервнѣе и однажды черезъ посыльнаго типографіи попросилъ меня лично побывать у него вечеромъ.

— Послушайте,—началь онъ сразу свою бесѣду,—вы не можете сомнѣваться, что я вамъ лично желаю добра, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ предупредить, что журналу вашему грозитъ опасность. На него обращено вниманіе, и въ этомъ виноваты вы сами. Списокъ сотрудниковъ, обѣщанныхъ въ объявленіи, подборъ статей, крикливыя затѣянные у васъ полемики, по необходимости, заставляютъ меня быть особенно строгимъ и принять мѣры, чтобы какая нибудь случайность не причинила мнѣ, какъ цензору, по службѣ непріятности. Долженъ вамъ конфиденціально сообщить, что главноуправляющимъ по дѣламъ печати получено отъ Константина Петровича Побѣдоносцева письмо, гдѣ онъ обращаетъ его вниманіе на вредное направленіе нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, да и вообще всей прессы. Въ письмѣ, правда, указаны пока только въ качествѣ явно неблагонамѣренныхъ журналовъ «Вѣстникъ Европы» и «Русская Мысль»; «Сѣверный Вѣстникъ» не названъ, но тотъ фактъ, что содержаніе письма намъ, цензорамъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, сообщено, показываетъ, что главноуправляющій придаетъ этому письму серьезное значеніе и желаетъ, чтобы оно не оставалось безъ послѣдствій. Такъ вотъ-съ имѣйте это въ виду и не удивляйтесь, если я буду счечь требователемъ.

— Мнѣ кажется, что мы не даемъ особеннаго повода къ вашимъ неудовольствіямъ.

— Не о неудовольствіи идетъ рѣчь, а вотъ подборъ статей у васъ неподходящій. Что у васъ идетъ, напримѣръ, въ текущей книжкѣ?

Я перечислилъ заглавія статей и авторовъ.

— Ну-съ, вотъ видите: двѣ статьи, гдѣ въ заглавіи упоминается «народъ». Этого я допустить не могу, потому что это обратитъ на себя вниманіе. Можетъ быть, я и самыя статьи не пропущу,—тамъ видно будетъ, а пока что—измѣните заглавія, чтобы не бросалось въ глаза. Народъ теперь не въ аванжѣ, и эра у насъ дворянская. Я съ этимъ долженъ считаться.

— Я долженъ сначала переговорить съ авторами ¹⁾.

— Пожалуйста. Кромѣ того, имѣйте въ виду, что вамъ не слѣдовало бы пускаться въ одномъ и томъ же № нѣсколькихъ авто-

¹⁾ Дѣйствительно, вслѣдствіе этихъ переговоровъ С. Н. Терпигоревъ согласился перемѣнить первоначальное заглавіе своего разсказа, куда входило страшное слово «народъ», и окрестить его «Великою загадкою», при чемъ по требованію Коссовича разсказъ пришлось отложить до апрѣльской книжки, вмѣсто мартовской, въ которую онъ предназначался. Авт.

ровъ однородной общественной окраски, состоящихъ на замѣчаніи, какъ писатели тенденціозные.

— Помилуйте, что можно имѣть, напримѣръ, противъ Сергѣя Терпигорова, Баранцевича и другихъ?

— Какъ что! Терпигоревъ—бывшій сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», а что касается г. Баранцевича, то зачѣмъ намъ съ вами о немъ спорить? Наведемъ справку въ первоисточникъ.

Коссовичъ подошелъ къ угловому шкафу и вынулъ оттуда какую-то книжку. Я съ любопытствомъ слѣдилъ, что будетъ далѣе.

— Вотъ видите, существуетъ нѣкто, г. Семенъ Венгеровъ, — вѣроятно, его знаете,—издающій разные словари, гдѣ для чего-то валить о живыхъ писателяхъ все, что ему вздумается. Нужно ли это публикѣ. не знаю-съ, а вотъ намъ, цензорамъ, онъ оказываетъ добрую услугу. Спасибо ему за то. Такъ вотъ не угодно ли послушать, что и самъ г. Баранцевичъ о себѣ въ своей автобіографіи повѣствуетъ, и что говорить о немъ составитель словаря.

И Коссовичъ громко прочелъ нѣсколько цитатъ изъ критико-біографическаго словаря.

— Драгоцѣнное указаніе для руководства цензорамъ! Мы съ этимъ должны считаться, и г. Венгеровъ оказываетъ, конечно, безсознательно медвѣжьёю услугу г.г. писателямъ своими откровенными разоблаченіями.

Въ 1891 г. я волею судебъ распростился съ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ», покинувъ и издательство, и редактированіе его, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились и мои встрѣчи съ Смарагдомъ Игнатьевичемъ Коссовичемъ. Только черезъ 8 лѣтъ пришлось съ нимъ снова свидѣться, когда онъ уже занималъ мѣсто предсѣдателя цензурнаго комитета, т.-е. когда онъ являлъ собою въ нѣкоторомъ родѣ то самое начальство, которое въ былые годы выставялъ такимъ пугаломъ для подцензурной печати. Это столь сравнительно недавнее время было любопытнымъ временемъ, когда во главѣ вѣдомства управленія дѣлами печати стоялъ совершенно ненормальный субъектъ, создававшій страшную путаницу въ издательскомъ дѣлѣ, проявлявшій на каждомъ шагу слѣды своей невмѣняемости, и, тѣмъ не менѣе, вмѣсто психіатрической лѣчебницы на положеніи больного, былъ облеченъ властью вершить и править дѣломъ русскаго просвѣщенія. Покойный Михаилъ Петровичъ Соловьевъ,—рѣчь идетъ о немъ,—получилъ мѣсто главноуправляющаго по дѣламъ печати, благодаря рекомендаціи и протекціи К. П. Побѣдоносцева, который такимъ образомъ и поставилъ его на столь отвѣтственное мѣсто при покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ Сипягинѣ. Соловьевъ служилъ въ военномъ вѣдомствѣ по юрисконсультской части, былъ по слухамъ довольно плохимъ юристомъ-чиновникомъ, но зато пользовался извѣстностью въ ultra-консервативныхъ кругахъ, какъ представитель строгаго благочестія, вполне определен-

ныхъ монархическихъ взглядовъ и какъ знатокъ церковной литературы и церковной живописи. Дѣйствительно, по своей природѣ покойный Соловьевъ былъ человекъ неглупый, обладалъ несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ¹⁾ и артистическимъ чутьемъ, любилъ русскую литературу, зналъ ее и самъ владѣлъ бойкимъ перомъ. Но когда судьба послала ему выдающійся постъ въ нашей администраціи, онъ былъ уже совершенно больнымъ человекомъ, истерическимъ, желчнымъ и озлобленнымъ. Онъ не понималъ новаго назначенія, истолковавъ свое служебное ампуа, не какъ блюстителя опредѣленныхъ законоположеній и администратора вѣдомства съ строго очерченнымъ кругомъ дѣйствій, а пожелалъ явиться въ роли руководителя русской литературы въ прямомъ смыслѣ этого слова и вершителя ея культурныхъ и политическихъ задачъ. Отсюда получилась страшная путаница, обогатившая бюрократическую лѣтопись немалымъ числомъ страницъ характера и комическаго и драматическаго, эпизодами возмутительнаго беззаконія и правонарушеній.

Въ русской жизни можно неоднократно наблюдать удивительно курьезное явленіе: люди на какомъ нибудь поприщѣ выставляютъ совершенно опредѣленные цѣли достиженія, и что же получается въ результатъ? Сплошь и рядомъ этотъ результатъ оказывается въ полномъ противорѣчій съ намѣченными начинаніями. Сановникъ, шумно поднимающій въ своемъ вѣдомствѣ гоненіе противъ взяточничества, противъ неимовѣрнаго роста личнаго состава вѣдомства, противъ распущенности и рутинерства, въ концѣ концовъ плодитъ именно это взяточничество, доводитъ именно личный составъ служащихъ до невѣроятнаго размѣра и вноситъ въ жизнь именно мертвечину и безлиціе. Несуразная русская дѣйствительность реагируетъ, очевидно, на бюрократическія начинанія, какъ бы благи они ни были, совершенно особенно, обратно пропорціонально заданію, и въ результатъ все выходитъ шиворотъ-навыворотъ.

То же случилось и съ Соловьевымъ. Я не пишу ни его біографіи, ни подробныхъ воспоминаній о немъ—для того у меня нѣтъ въ распоряженіи матеріаловъ, да, кромѣ того, это и не входитъ въ задачи настоящаго очерка. Замѣчу лишь, что Соловьевъ съ какою-то роковою послѣдовательностью достигалъ результатовъ, обратныхъ всѣмъ своимъ первоначальнымъ стремленіямъ. Вступивъ въ управленіе вѣдомства послѣ долголѣтняго пребыванія здѣсь недоступнаго и олимпійски-сановнаго Е. М. Феоктистова, онъ сразу всколыхнулъ образовавшіяся за многіе годы стоячія воды дѣла управленія печати. Появились вдругъ сразу столь долго не разрѣшавшіеся органы прессы, но ихъ жизнь была коротка, и тотъ же

¹⁾ Кажется, имъ были изготовлены очень интересныя и прекрасно выполненные иллюстраціи для Библии.

Соловьевъ, ихъ разрѣшившій, ихъ же спѣшилъ хоронить. И совершалось это не въ силу какихъ либо измѣнившихся общихъ условій жизни, нѣтъ, все дѣлалось по его личной инициативѣ, по его произволу и полному непониманію и незнанію и того дѣла, къ которому онъ былъ приставленъ, и той среды, съ которой пришлось встрѣтиться его самодурству. Начавъ войну съ либерализмомъ во славу охранительной печати, онъ либерализма не поборолъ, но увлекъ въ стремительный потокъ и въ пучину именно ту самую печать, которую стремился возвеличить. Разгромъ «Русскаго Вѣстника» того времени былъ его рукъ дѣломъ. Стремясь улучшить составъ отвѣтственныхъ редакторовъ, онъ вдругъ откуда-то извлекалъ совершенно непричастныхъ литературѣ лицъ и приказывалъ издателямъ давать этимъ лицамъ редакторскія мѣста, при чемъ самъ же фиксировалъ и ихъ содержаніе. Печальной памяти г. Головинскій, на примѣръ, былъ креатурою Соловьева и былъ извлеченъ имъ изъ нѣдръ института земскихъ начальниковъ. Тутъ сказался весь бюрократическій складъ ума начальника управленія. Живое дѣло литературы сводилось имъ къ механическому производству, а воля начальства могла, по его мнѣнію, какъ будто вливать въ человѣка тѣ способности и таланты, которыхъ у него не было въ наличности.

Послѣдствія были печальныя: родился фаворитизмъ, создалось замаскированное лихоимство, и надъ всѣмъ и вся воцарился ужасающій произволъ. Ставленники Соловьева запускали руки въ издательскія кассы, а издатели, вѣчно угрожаемые редакторскимъ шантажнымъ «не позволяю», начали закрывать свои изданія, лишь бы освободиться отъ чиновниковъ-редакторовъ. Соловьевъ объявилъ войну беззаконію и поправалъ всяческіе законы. Онъ читалъ наставленія редакторамъ, какъ нужно руководить органами печати, издателямъ, какъ слѣдуетъ издавать, литераторамъ, что и какъ писать, и въ концѣ концовъ, гоняясь за призрачными цѣлями, созданными его больною фантазіей, совершенно дискредитировалъ то вѣдомство, во главѣ котораго былъ поставленъ, и то дѣло, которымъ долженъ былъ править. Въ его кабинетѣ происходили совершенно комическія сцены. Онъ оскорблялъ своихъ собесѣдниковъ, а тѣ его, онъ кричалъ, и на него кричали, онъ самъ падалъ въ обморокъ, просители тоже, курьеры бѣгали и носили стаканы съ водой, какъ своему начальнику, такъ и его посѣтителямъ. По городу разносились всякія сплетни, анекдоты и слухи...

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно.

Грустно за русскую государственность, за русскую культуру,
за русскую прессу...

И вотъ въ разгаръ самодурства Соловьева мнѣ пришлось съ нимъ познакомиться и опить таки при посредствѣ моего былого знакомаго, Смарагда Игнатьевича Коссовича. Дѣло произошло такъ. Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ я помѣщалъ почти въ каждой книжкѣ «Историческаго Вѣстника» по статьѣ, а иногда и по двѣ. Писалъ я много и по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, за своею подписью и подъ разными инициалами, и любезный редакторъ гостепріимно давалъ мнѣ мѣсто въ журналѣ, зная, что я нуждался въ работѣ и заработкѣ. Прихожу я однажды въ редакцію для обсуждения темы текущаго очерка. С. Н. Шубинскій показываетъ мнѣ наборъ статьи г. Викторова о Бакунинѣ, не пропущенной ранѣе въ какомъ-то другомъ журналѣ цензурою и предоставленной авторомъ въ полное распоряженіе «Историческаго Вѣстника». Статья лежала въ редакціи давно, и редакторъ рѣшилъ попробовать напечатать эту рукопись, въ связи съ нѣкоторыми другими архивными матеріалами, также поступившими къ тому времени въ портфель редакціи на ту же тему. Я взялся сдѣлать эту попытку и предложилъ свои услуги по обработкѣ матеріала, но осторожности ради было рѣшено, что я предварительно схожу въ цензурный комитетъ и нащупаю почву: какъ, молъ, встрѣчена будетъ тамъ статья о Бакунинѣ, и не подвергнется ли она вырѣзкѣ, что для журнала, хотя и безцензурнаго, всегда грозитъ значительнымъ убыткомъ и разстройствомъ правильности его выхода.

И вотъ я снова предсталъ передъ Коссовичемъ, бывшимъ тогда уже предсѣдателемъ цензурнаго комитета послѣ смерти Е. А. Кожухова, и снова, какъ во время оно, услышалъ его бравурныя откровенныя рѣчи на цензурныя темы. Встрѣтилъ онъ меня очень хорошо, какъ стараго знакомаго, сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ по поводу моей дѣятельности въ историческомъ журналѣ, за которымъ, какъ оказалось, онъ довольно внимательно слѣдилъ. Узнавъ затѣмъ о причинѣ моего прихода, заерзалъ на стулѣ и стремительно заговорилъ:

— Печатайте, а тамъ видно будетъ. Можетъ быть, пройдетъ, а, можетъ быть, и нѣтъ. Я заранѣе ничего сказать не могу. Я журналовъ по долгу службы не читаю, да и цензорскія обязанности теперь не на мнѣ лежать, такъ что предвидѣть будущее не могу.

— Ну, рисковать намъ не хочется. Это и убыточно, какъ для меня, автора, такъ и для издателя. Мнѣ хотѣлось бы знать лишь ваше принципиальное мнѣніе: можно говорить теперь въ историческомъ журналѣ о Бакунинѣ, или нѣтъ, внѣ вопроса объ освѣщеніи вопроса.

— И на это отвѣтить не могу. Это дѣло высшей политики, а она дѣлается въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Сходите туда и поговорите. Вы знакомы съ нынѣшнимъ начальникомъ?

— Нѣтъ, не имѣлъ случая встрѣчаться.

— Вотъ и кстати. Прелюбопытный типъ. Слышали, небось, немало про него, а теперь воочию увидите. Онъ человѣкъ, между нами говоря, въ полномъ смыслѣ слова невиняемый, прямо таки ненормальный. Поэтому-то я и не могу лично ничего сказать по вопросу, вами возбужденному. У Михаила Петровича семь пятницъ на недѣлѣ. Это не то, что при Θεоктистовѣ. Тамъ все было, хотя и жестко, но ясно и опредѣленно, что можно, что нельзя, насколько можно, насколько не дозволено. Тутъ же ничего не разберешь! Нѣтъ, ужъ сходите и переговорите сами и, коли будетъ не трудно, зайдите обратно сообщить, что вамъ тамъ сказали. Пригодится для дальнѣйшихъ соображеній.

Я поблагодарилъ за указаніе и уже выходилъ изъ кабинета, какъ Кассовичъ снова вернулъ меня и пониженнымъ конфиденціальнымъ тономъ замѣтилъ:

— Только вотъ что. Вы простымъ согласіемъ не удовлетворяйтесь, а попросите его превосходительство сдѣлать на вашихъ документахъ отмѣтку, что, такъ-то и такъ-то, препятствій съ его стороны къ напечатанію не встрѣчается.

Я улыбнулся.

— Да-съ, такъ-то будетъ спокойнѣе и вѣрнѣе, а то Соловьевъ своего слова держать не умѣетъ, и можетъ легко случиться, что отречется завтра отъ того, что сказалъ вамъ сегодня. Имѣйте это въ виду.

Я отправился въ главное управленіе, благо день у начальника былъ пріемный. Просителей оказалось, на мое счастье, немного, и я скоро удостоился быть принятымъ въ кабинетъ его превосходительства. Это было въ своемъ родѣ новшествомъ въ учрежденіи. Покойный Θεоктистовъ величественно выходилъ въ пріемную и, не подавая никому руки, поочередно лишь обходилъ, въ сопровожденіи своего секретаря, просителей; Соловьевъ оказался болѣе доступнымъ, попросилъ сѣсть и внимательно выслушалъ, по какому дѣлу я пришелъ. Пока я говорилъ, на его болѣзненномъ, нервномъ лицѣ пробѣгали какъ будто легкія судороги, и губы кривились въ желчную улыбку.

— Вы пожаловали съ вѣдома Смарагда Игнатьевича? Самъ-то онъ не рѣшился дать указанія?

— Повидимому, нѣтъ.

— Удивительно! О какомъ-то Бакунинѣ поднимается вопросъ! Да вамъ зачѣмъ надобно о немъ писать?

— Въ редакціи имѣется матеріалъ, его надо исчерпать. Онъ освѣщаетъ любопытный вопросъ о бѣгствѣ изъ Россіи важнаго политическаго агитатора при содѣйствіи самой администраціи.

— Что же тутъ удивительнаго? У насъ всегда такъ, по-родственному, ради родни готовы всю Россію продать. Да въ сущ-

ности, пожалуй, Муравьевъ хорошо и сдѣлалъ въ данномъ случаѣ. Однимъ негодяемъ стало у насъ меньше. Вообще что такое Бакунинъ? Гнилой вередъ на здоровомъ тѣлѣ Россіи. Онъ и лопнулъ гдѣ-то тамъ, въ Швейцаріи, заливъ Европу гнилью. Вы что же собираетесь апологію прочесть его политическимъ идеаламъ?

— Нѣтъ, я въ разборъ и изложеніе его ученія входить не собираюсь. Я имѣю въ виду лишь біографическій и фактический матеріалы.

— Будь я редакторомъ журнала, я бы не сталъ печатать такого матеріала, потому что не вижу въ немъ интереса. Какой интересъ можетъ быть въ Бакунинъ? Никакого рѣшительно. Другое дѣло— Герценъ. Это былъ человѣкъ серьезный, крупнаго таланта, вліятельный и увлекательный. Онъ можетъ быть опасенъ и о сю пору. А Бакунинъ... Пишите о немъ сколько угодно. Для Россіи Бакунинъ никакого значенія имѣть не можетъ. Ея здороваго организма проповѣдь анархіи и социальной революціи не заразить. Скажите, пожалуйста: вы гдѣ обыкновенно пишете?

Я назвалъ «Историческій Вѣстникъ».

— А, какъ же, встрѣчалъ вашу подпись, встрѣчалъ. Вы что-то писали недавно о провинціальной печати и издали какую-то программу собранія свѣдѣній?

— Да, ваше превосходительство, въ январской книжкѣ журнала была напечатана моя статья «Русская періодическая печать въ провинціи», а въ февралѣ я помѣстилъ «Письмо къ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ провинціальныхъ изданій» съ просьбою дать свѣдѣнія о провинціальныхъ газетахъ. Мнѣ хотѣлось бы дополнить свою статью свѣжими полученными свѣдѣніями изъ первоисточниковъ, съ мѣста, и составить такимъ образомъ цѣлое изслѣдованіе о печати въ провинціи. Для этого уже настала пора.

— Что жъ, въ добрый часъ! Провинціальныя газеты это больное мѣсто въ русской литературѣ, и мѣсто очень нездоровое. Постановку дѣла провинціального издательства надо радикально реформировать. Конечно, о всеобщей безцензурности тамъ рѣчи быть не можетъ. Это значитъ искусственно создавать очаги нигилизма и революціонной пропаганды, но вотъ составъ этой печати необходимо улучшить.

Я насторожился. Заявленіе начальника главнаго управленія было оригинально и, повидимому, обѣщало какія-то откровенности.

— Да, улучшеніе состава— это очередной вопросъ, — продолжалъ онъ съ живостью.— Помилуйте, въ чьихъ рукахъ въ провинціи газеты? Чортъ знаетъ, кто является издателями газетъ, напри- мѣръ, въ Сибири, а настоящіе писатели у нихъ въ подчиненіи. Такъ дѣло не можетъ стоять: журналистика должна принадлежать журналистамъ, а не спекулянтамъ. Затѣмъ всѣ эти маскарады съ под-

ставными редакторами и даже издателями! Что это такое? Это не может быть терпимо и, если вы по вашей программѣ выясните всю картину дѣла, окажете большую услугу дѣлу русскаго просвѣщенія.

— Я боюсь, что мое «Письмо» не дастъ желанныхъ результатовъ, и я не получу всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній. Русскій человекъ тяжелъ на подъемъ. Другое дѣло, если бы мнѣ позволено было поработать въ архивѣ главнаго управления по дѣламъ печати, — рѣшился я прибавить, видя, что его превосходительство обрѣтается въ добромъ настроеніи духа.

— Что жъ, съ Богомъ! Я ничего не имѣю противъ этого. Своей властью я, положимъ, разрѣшить вамъ просимаго не могу, надо доложить министру. На этой недѣлѣ я сдѣлать доклада не успѣю, а на будущей недѣлѣ общаюсь. Подайте прошеніе. Быть можетъ, не всѣ дѣла вамъ можно будетъ показать. Нѣкоторыя за послѣдніе годы, пожалуй, и нельзя, но... впрочемъ, чего таиться! Пользуйтесь и ими.

М. П. Соловьевъ, повидимому, готовъ былъ раздавить меня своимъ великодушіемъ, и я начиналъ чувствовать себя на седьмомъ небѣ. Мнѣ уже начинало казаться, что всѣ слухи о Соловьевѣ просто сплетни, и что онъ далеко не тотъ, каковыми его рисовали.

Моя аудіенція была кончена. Соловьевъ всталъ съ кресла и милостиво протянулъ мнѣ руку.

— Позвольте еще обезпокоить ваше превосходительство. Вы разрѣшили опубликовать матеріалы, касающіеся Бакунина. Во избѣжаніе недоразумѣній съ цензоромъ и цензурнымъ комитетомъ, не откажитесь вотъ на этихъ гранкахъ сдѣлать помѣтку, что съ вашей стороны препятствій не встрѣчается по существу вопроса. И Смарагдъ Игнатьевичъ будетъ болѣе спокоенъ.

Легкая судорога пробѣжала по нервному лицу Михаила Петровича, и я чувствовалъ, что благополучному исходу моей миссіи грозитъ печальный конецъ, но, видимо, день для меня былъ счастливый: лицо начальника снова приняло спокойное выраженіе, на губахъ зазвѣлилась саркастическая улыбка, и, взявъ со стола перо, онъ сдѣлалъ просимую отмѣтку.

— Покажите Коссовичу. Пусть успокоится: я Бакунина не боюсь! Да не задерживайте и прошенія о занятіяхъ въ архивѣ, только не забудьте приложить къ прошенію двѣ марки. Безъ этого не полагается движенія бумагъ.

Я откланялся и вышелъ отъ Соловьева сіяющимъ. Прошеніе я написалъ тутъ же въ канцеляріи, подаль его въ надлежащемъ порядкѣ съ марками и поспѣшилъ къ Коссовичу доложить о результатѣ моего свиданія съ начальникомъ главнаго управления.

— Ну, вамъ повезло, и вы попали въ удачный моментъ, — замѣтилъ Коссовичъ, по выслушаніи моего повѣствованія. — А какъ вы самого-то нашли?

— Повидимому, интересный субъектъ, нервень очень, но все ли правда то дурное и анекдотичное, что о немъ рассказываютъ?

Коссовичъ, по всей вѣроятности, ожидавшій отъ меня какого нибудь «крылатога слова» по адресу его «начальства», остался какъ будто недоволенъ моимъ отвѣтомъ. Онъ немного помолчалъ и затѣмъ, протягивая руку на прощаніе, замѣтилъ:

— Бакунина-то вы, конечно, напечатаете. Отмѣтка Михаила Петровича на гранкахъ имѣется, и тутъ ужъ отбоя бить нельзя, а вотъ насчетъ занятій въ архивѣ—это, простите меня за откровенность, пустая фантазія.

— Почему? Вѣдь Соловьевъ такъ охотно пошелъ навстрѣчу моему ходатайству?

Коссовичъ «поглядѣлъ лукаво и головою покачалъ»:

— Поживемъ—увидимъ.

Больше мнѣ ни съ Коссовичемъ, ни съ Соловьевымъ встрѣчаться не приходилось, хотя я нѣсколько разъ и заходилъ потомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати справиться о судьбѣ моего прошенія. Оно кануло въ воду; отвѣта ни отъ кого никакого не послѣдовало, и мои двѣ гербовыя марки пропали даромъ. Разрѣшенія на занятія въ интересномъ архивѣ я не получилъ, и мои благія намѣренія объ изображеніи исторической судьбы провинціальной печати такъ и канули въ лету. Коссовичъ оказался хорошимъ пророкомъ. Мало того. Черезъ нѣкоторое время въ главное управленіе поступилъ запросъ отъ одного вѣдомства относительно вышедшей тогда моей новой книжки для юношества «Царскія дѣти и ихъ наставники». Соловьевъ лично написалъ рецензію на эту книжку и притомъ въ неблагопріятномъ для меня направленіи, гдѣ старательно отмѣтилъ ея недостатки, авторскіе промахи и неудовлетворительный характеръ, какъ самостоятельнаго ученаго изслѣдованія, и направилъ рецензію въ официальные сферы. Обыкновенно спеціальныя отзывы, когда въ нихъ встрѣчается официальная надобность, составляются въ «ученомъ комитетѣ», гдѣ, однако, о той же книжкѣ, когда я ее туда представилъ, былъ данъ отзывъ иного рода, благодаря чему она и допущена была въ библиотеки средне-учебныхъ заведеній. Соловьевъ оказался, однако, строже комитета и бльшимъ блюстителемъ «научной правды». Онъ и въ настоящемъ случаѣ понялъ свое положеніе совсѣмъ по-своему—какъ руководителя науки и литературы, и нашелъ у себя даже настолько свободнаго времени, чтобы писать рецензію на книгу второстепеннаго значенія, при чемъ моментъ писанія для меня, какъ автора, очевидно, подвернулся неудачный. Какъ съ легкимъ сердцемъ онъ разрѣшилъ мнѣ занятія въ архивѣ, такъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ бросилъ мнѣ подъ ноги бревно. Очевидно, въ послѣднемъ случаѣ больная печень не давала ему покоя...

Б. Глинскій.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ГЕРМАНИИ И ПАРИЖѢ.

1.

Бѣгство русскихъ въ Германію.

ВЫБѢЖАЛЪ въ Германію въ моментъ всеобщаго бѣгства изъ Россіи, вскорѣ послѣ октябрьской революціи прошлаго года, которую до своего отъѣзда я наблюдалъ вблизи въ Одессѣ и въ Юго-Западномъ краѣ. Послѣ всѣхъ этихъ бомбъ, труповъ и кровопролитія, разразившагося передъ моими окнами на одесской Пушкинской улицѣ, послѣ этого непрерывнаго дикаго террора, свирѣпствовавшаго и днемъ и ночью, я удивлялся, почему изъ сравнительно спокойнаго Петербурга бѣжить такая масса публики за границу. Въ вагонахъ было полно. Подъ Вильной насѣла къ намъ масса евреевъ, старыхъ и молодыхъ со множествомъ дѣтей. Неуютные тѣсные вагоны русскихъ заграничныхъ поѣздовъ, казалось, уже не могли вмѣстить больше публики. Было невѣроятно душно. Кругомъ шли тревожные разговоры.

— Моему отцу рабочіе угрожали убійствомъ, — рассказывалъ молодой эмигрантъ, сынъ одного германскаго подданнаго, управлявшаго русской фабрикой: — мы предпочли ликвидировать дѣла въ Россіи и вотъ ѣдемъ за границу.

Глубокая ночь. Непроглядная зимняя тьма смотритъ въ окна вагона, свѣчи гаснутъ. Отъ паровоза летитъ брильянтовый дождь

искрѣ, которыя черезъ открытыя на потолокъ иллюминаторы попадаютъ и внутрь вагона.

— Какъ это непріятно,—жалуются пассажиры:—того и гляди, сгоришь. На этой дорогѣ уже были случаи пожаровъ вагоновъ отъ искрѣ.

Шестой часъ утра. Еще темно. Поѣздъ приходитъ въ Вержболово. Въ вагонахъ появляются жандармы и отбираютъ паспорта. Надо выходить на станцію и мѣнять русскія деньги на германское золото и серебро. Этой операціей занимаются здѣсь элегантные станціонные евреи, говорящіе и по-русски и по-нѣмецки. Раздражающая свѣжесть ранняго утра послѣ безсонной ночи пронизываетъ до костей. Кругомъ суета и движеніе.

Поѣздъ стоитъ въ Вержболовѣ долго. А германскій Эйдкуненъ всего въ 1½ верстѣ отсюда за пограничною рѣчкой. Паспорта наконецъ просмотрѣны, ихъ передаютъ намъ, и поѣздъ трогается въ путь. Эмигрирующіе евреи разомъ заговорили по-нѣмецки. Черезъ нѣсколько минутъ глянули въ окно вагона станціонные фонари Эйдкунена... Мы—въ Германіи.

— Трегеръ,—кричу я:—берите мой багажъ.

Но трегера не такъ-то легко дозваться. Ихъ мало. Пассажиры выносятъ багажъ сами или выжидаютъ появленія трегеровъ въ вагонахъ. Въ таможенной залѣ Эйдкунена быстро осматриваютъ вашъ багажъ, наклеиваютъ ярлыки, и все кончено. Васъ не задерживаютъ. Вы можете садиться въ ожидающій уже пассажировъ съ другой стороны вокзала германскій шнельцугъ, который сейчасъ помчитъ васъ въ Берлинъ.

Поѣздъ отходитъ въ 7 час. 25 мин. утра. Голубой разсвѣтъ все внимательнѣе глядитъ въ окна вагона. Недавно вы ѣхали по снѣжнымъ полянамъ Россіи, а тутъ въ Германіи вы съ удивленіемъ замѣчаете отсутствіе снѣга на поляхъ, и въ воздухѣ какъ будто теплѣе. Въ вагонахъ тѣсновато. Въ коридорахъ еще слышится русская рѣчь. Нѣмцевъ пока мало. Германскіе вагоны не имѣютъ двойныхъ оконъ, они легкаго типа и холодные, но прохладную атмосферу здѣсь умѣряютъ даже съ чрезмѣрностью усерднымъ отопленіемъ, отъ котораго пассажиры задыхаются... Въ концѣ концовъ мы просимъ кондукторовъ закрыть огненную печь.

Поѣздъ летитъ быстро, раскачиваясь на всѣ стороны. При малѣйшей неосторожности можно распѣловаться со своимъ чемоданомъ. Станцій въ пути мало. Большую часть ихъ шнельцугъ пролетаетъ безъ остановокъ. Всѣ эти поселки, группы уютныхъ бѣлыхъ домиковъ, благодаря раннему утру, еще спятъ мирнымъ сномъ.

Я попалъ въ вагонъ, идущій въ Берлинъ черезъ Торнъ по внутренней Германіи. Въ нашихъ купе начала понемногу появляться нѣмецкая публика. Скоро наполнился ею и вагонъ-ресторанъ, въ который я пришелъ пить чай.

— Вы въ Берлинъ ѣдете?—спрашиваетъ меня мой визави за табльдотомъ, солидный нѣмецъ.

— Да,—отвѣчалъ я.

— Вы тамъ застанете теперь очень много русскихъ. Говорятъ, около ста тысячъ русскихъ пріѣхало въ Германію за время вашей революціи. Больше всего понаѣхали въ Берлинъ и въ Кенигсбергъ. Нѣкоторые ѣдутъ черезъ Германію дальше въ Парижъ, въ Швей-

На границѣ Германіи. Вержболово.

царію. Въ Берлинѣ масса русскихъ евреевъ. Я удивляюсь,—продолжалъ мой нѣмецъ:—они, кажется, сами заварили революцію въ Россіи, а теперь бѣгутъ.

— Видите ли,—говорю я:—не все еврейство участвовало въ этомъ движеніи... Многіе евреи безвинно заплатились при погромахъ.

— О, несомнѣнно,—говоритъ нѣмецъ съ усмѣшкой.—Мы имѣемъ своихъ евреевъ и хорошо знаемъ ихъ... Въ Берлинѣ 60.000 евреевъ, а во всей Германіи свыше полмилліона. Они у насъ вполне равноправны. Въ германскихъ провинціяхъ евреевъ меньше, но Берлинъ скоро станетъ еврейскимъ городомъ. Онъ стягиваетъ къ себѣ и мѣстныхъ и пришлыхъ евреевъ... Они участвуютъ въ коммерческихъ дѣлахъ, въ торговлѣ, въ промышленности. Вы увидите теперь на Фридрихштрассе, въ кофейняхъ, въ ресторанахъ массу русскихъ евреевъ и услышите вездѣ русскую рѣчь. Эти евреи пріѣхали изъ Россіи, изъ мѣстъ еврейскихъ погромовъ. Они выжидаютъ въ Бер-

линѣ, когда утихнетъ русская революція, и тогда выѣдутъ обратно домой.

— Какъ относится нѣмецкое населеніе къ евреямъ?—спрашиваю я моего собесѣдника.

Онъ дѣлаетъ кислую гримасу. Очевидно, это—не поклонникъ еврейства.

— Въ Берлинѣ во многихъ предпріятіяхъ евреи осѣдлали нѣмцевъ и даже прижимаютъ ихъ, а въ нѣмецкихъ провинціяхъ евреевъ не долюбиваютъ.

— Неужели? Вѣдь нѣмцы такъ культурны, имъ не страшны евреи,—говорю я.

— Да развѣ тутъ въ культурности дѣло?—возражаетъ мой собесѣдникъ:—еврей вреденъ и опасенъ, потому что онъ хищникъ,—вотъ поживете въ Берлинѣ, все увидите!

Мой собесѣдникъ былъ ученый изъ Мюнхена. Оттого-то, вѣроятно, онъ и говорилъ такъ свободно о евреяхъ. Въ Берлинѣ, какъ я убѣдился потомъ, осторожно говорить о еврействѣ и, если вообще говорить о нихъ правду, то шопотомъ... чтобы ктонибудь не подслушалъ: вѣдь въ берлинскомъ банковомъ мірѣ евреи командуютъ коммерческимъ кредитомъ.

Путь оживляется большими станціями, на которыхъ снуютъ масса народа. Въ полдень около города Торна проѣзжаемъ черезъ широкую красивую рѣку Вексель, на которую открывается изъ оконъ вагона чудесный видъ.

II.

Отношеніе Германіи къ Россіи.

Берлинъ изящнѣе и чище Парижа,—говорятъ поклонники нѣмецкой аккуратности, и это совершенная правда. Въ то время, какъ Парижъ въ значительной части погруженъ во тьму, на улицахъ Берлина всегда ярко, свѣтло... Электрическія солнца сіяютъ во всю, въ небѣ вспыхиваютъ огненные рекламы, все здѣсь горитъ и блеститъ, свѣтло какъ днемъ, а ужъ о нѣмецкой чистотѣ и говорить нечего.

Во время моего пріѣзда въ Берлинъ гостиницы были дѣйствительно переполнены русскими, и стоило большихъ хлопотъ найти хорошій и приличный номеръ. Оставивъ свой багажъ въ вокзалѣ, я въ сопровожденіи какого-то прицѣпившагося ко мнѣ гида подъ проливнымъ дождемъ рыскалъ по отелямъ въ поискахъ свободныхъ комнатъ.

— Все занято,—съ сокрушеніемъ отвѣчали мнѣ:—русскіе понаѣхали.

Въ вагонѣ я прочиталъ рекламу о русскомъ отелѣ, содержимомъ, какъ гласила она, кофе-шенкомъ императора Александра II. Я нашелъ этотъ отель.

— Покажите мнѣ комнату,—говорю я.

— Охотно,—отвѣчаетъ хозяинъ,—только гдѣ же ваши вещи?

— Вещи оставлены въ вокзалѣ.

— Сначала давайте вещи,—говоритъ онъ,—а то у меня всѣ смотрятъ комнаты, и никто не останавливается.

Мною, наконецъ, завладѣли въ нѣмецкомъ отелѣ, возлѣ вокзала Фридрихштрассе.

— Сколько ни ищите, лучше насъ вы ничего не найдете,—храбро заявилъ мнѣ оберъ-кельнеръ, и, засвѣтивъ шикарную люстру въ моей комнатѣ, тотчасъ же послалъ въ вокзалъ взять мои вещи.

Я былъ прикрѣпленъ къ мѣсту.

Передъ моими окнами была площадь, вся заполненная ожидавшими поѣздовъ экипажами. Дальше тянулась эстакада, по которой бѣжали желѣзнодорожные поѣзда. Всѣ главные берлинскіе отели сосредоточены именно на этой площади, являющейся кипучимъ центромъ Берлина.

Несмотря на позднее время, жизнь въ Берлинѣ еще была ключомъ. Дождь пересталъ, и на Фридрихштрассе было движеніе рядной толпы, останавливавшейся передъ залитыми электричествомъ окнами магазиновъ. Несмотря на зимнее время, нѣмцы расхаживали въ легкихъ пальто и цилиндрахъ, а нѣмки въ изящныхъ легкихъ кофточкахъ и осеннихъ шляпкахъ. По мѣховымъ пальто, шубамъ и теплымъ шапкамъ нѣмцы тотчасъ узнавали русскую публику, которая сновала по улицамъ и наполняла кофейни и рестораны. Въ кафе «Монополь» была масса евреевъ изъ Россіи. Тамъ говорили по-русски о русской революціи и погромахъ. Въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ кафе тоже эмигрантовъ изъ Россіи было больше, чѣмъ нѣмцевъ.

Берлинъ по вечерамъ оживленнѣе, чѣмъ днемъ. Днемъ нѣмцы заняты на службѣ, а вечеромъ вся публика высыпаетъ на улицу, ѣздитъ въ дилижансахъ и автомобиляхъ, и все это людское море движется непрерывно почти всю ночь.

— Доволенъ ли Берлинъ нынѣшнимъ наплывомъ русскихъ?—спрашиваю я одного знакомаго, давно живущаго въ германской столицѣ.

— О, нѣмцы неизмѣнно довольны, когда имъ привозятъ русскій «гельдъ»,—говоритъ онъ.—У берлинскаго нѣмца нѣтъ ни особенныхъ симпатій, ни антипатій къ чужеземцамъ,—ничего нѣтъ въ сущности, кромѣ этого «гельдъ». Идейная публика—во внутренней Германіи, въ провинціи, а Берлинъ что такое?.. Это — рынокъ, биржа... Здѣсь довольны русскими... Чего же лучше: нѣмецкіе банки полны русскими деньгами, припрятанными отъ революціи. Въ Deutsche Bank уже около тридцати милліоновъ этихъ денегъ, въ виду такого изобилія онъ скоро даже уменьшитъ проценты по текущимъ счетамъ. Много русскихъ денегъ въ Рейхсбанкѣ... Берлинскіе отели въ восторгѣ отъ бѣгства русской публики. Они дѣ-

лаютъ большія дѣла и подняли цѣны. Магазины отлично торгуютъ, благодаря русскимъ, чего же лучше?.. Русская революція — это кладъ для доходовъ Берлина.

— А какъ настроено общественное мнѣніе Германіи? какъ относится оно къ событіямъ въ Россіи?

— Правящія сферы Берлина удручены. Они не могутъ понять, не могутъ уяснить себѣ, почему недавно такъ непростительно растерялось русское правительство. Да здѣсь бы революцію затушили въ два дня, правда, самыми суровыми мѣрами, но все обошлось бы безъ крупныхъ потрясеній, безъ такого кровопролитія, какъ въ

Дворецъ императора Вильгельма II въ Берлинѣ.

Россіи. Тамъ весь терроръ поддерживался только слабостью правительства и двойною игрою иныхъ русскихъ сановниковъ. А послѣдствія ужасны. Сколько крови бесполезно пролито... Авторитетъ Россіи подорванъ, кредитъ пошатнулся, и я не скрою отъ васъ, что, Германія, вложившая милліоны денегъ въ русскія бумаги и предпріятія, вовсе не склонна нести потери на русской революціи... Я не знаю, что бы это было, если бы русское правительство не поспѣшило прислать сюда милліоны рублей въ обезпеченіе уплатъ процентовъ по русскимъ цѣнностямъ. Здѣсь было очень скверное настроеніе; теперь съ полученіемъ денегъ оно измѣнилось къ лучшему, но если въ Россіи окончательно не потушатъ революціи собственными средствами, то нельзя ручаться за будущее. Не одна Германія, но и Австрія, Англія и Франція присматриваются къ русскому террору съ повышеннымъ вниманіемъ. Надо вамъ сказать,

что, благодаря личнымъ качествамъ императора Вильгельма, Берлинъ все болѣе дѣлается командующимъ политическимъ центромъ, и державы считаются съ его инициативой. Русская смута служитъ дурнымъ примѣромъ для другихъ націй, она повсемѣстно разжигаетъ беспорядки. Пока никто не сдѣлалъ рѣшительнаго шага, но при новыхъ осложненіяхъ въ Россіи не миновать того, что державы предъявятъ ультиматумъ и явятся къ вамъ въ качествѣ водворителей порядка.

— Но вѣдь оккупациі Россіи можетъ повлечь еще большіе беспорядки.

— Не беспокойтесь, — отвѣчалъ мой собесѣдникъ, — здѣсь не русскіе Маниловы, они знаютъ, что дѣлать. Они захватятъ прежде всего могущественныхъ покровителей русской революціи да разстрѣляютъ нѣсколько сотъ вожаковъ — тогда всякая революція утихнетъ. Введутъ временное управленіе... этакъ лѣтъ на двадцать. Съ этой перспективой надо считаться, дорогой мой, а у насъ въ Россіи, кажется, обо всемъ забыли.

— Но пока не похоже, — замѣтилъ я, — чтобы Германія или другія державы проявляли враждебность къ Россіи.

— Это ихъ тактъ, ихъ корректность. Цѣните это, — закончилъ мой оппонентъ: — они еще вѣрятъ въ Россію и думаютъ, что здравый смыслъ у насъ на родинѣ еще не изсякъ... Давно ли Россія была такой цѣльной, могучей и сильной... Всего десять—пятнадцать лѣтъ назадъ въ царствованіе императора Александра III... Вотъ почему въ Германіи еще и не исчезла вѣра въ силу русскаго правительства. А исчезнетъ эта вѣра — не дай Богъ, что будетъ. Отъ величія Россіи и помину не останется. Здѣсь вообще не дремлютъ и умѣютъ дѣйствовать энергично, а революціонные пожары тушатъ безпощадно.

Черезъ нѣсколько дней я убѣдился въ справедливости словъ моего собесѣдника. Въ Берлинѣ ожидалась революціонная буря въ знакъ сочувствія къ русской революціи. Соціалъ-демократы, которыхъ въ Берлинѣ достаточное количество, подготавливали демонстраціи на площади передъ дворцомъ императора Вильгельма. Повсемѣстно были устроены митинги съ рѣчами и революціонными призывами. Полиція насчитала такихъ митинговъ около ста, но надо сказать, что эти митинги здѣсь не принимали характера открытыхъ безобразій, какъ это бывало въ Россіи. Все болѣе или менѣе носило идейную окраску и не переходило въ уличный скандалъ. Демонстраціи приурочивались ко дню германскаго орденскаго праздника (и дню коронаціи), когда во дворцѣ императора Вильгельма бываетъ большой пріемъ иностранныхъ пословъ и дипломатовъ. Въ этотъ день изъ дворца присылаются придворныя кареты за иностранными послами, доставляющія послѣднихъ во дворецъ. Такъ какъ революціонеры быстро пришли въ движеніе, то во избѣжа-

ніе всякихъ инцидентовъ` обычай посылки каретъ на орденскій праздникъ былъ на этотъ разъ отмѣненъ. Послы отправлялись во дворецъ въ простыхъ извозчичьихъ каретахъ, но этимъ и ограничилась вся единственная маленькая уступка обычному этикету. Въ Берлинѣ были приняты самыя серьезныя предупредительныя мѣры. Еще наканунѣ орденскаго праздника мимо моихъ оконъ на Унтеръ-денъ-Линденъ прошли войска, проѣхала тяжелая артиллерія съ орудіями, а въ самый день орденскаго праздника съ утра физіономія Берлина рѣзко измѣнилась. На Unter-den-Linden раздались звуки военной музыки, и массы блестящихъ войскъ, кавалеристовъ и пѣхоты, подъ видомъ праздничной военной прогулки двигались отъ Бранденбургскихъ воротъ ко дворцу императора Вильгельма. Какая это была внушительная, какая блестящая картина!.. Бульваръ покрылся тысячами любопытной публики, которая одновременно покрывала всѣ балконы домовъ. На дворцовой площади состоялся грандіозный военный парадъ. Военная музыка не умолкала цѣлый день. Когда вы смотрѣли на эти красивыя безконечныя массы войскъ, невольно исчезала мысль о возможности какихъ нибудь революціонныхъ демонстрацій. вмѣсто ожидавшейся революціонной бури, публика прослушала прекрасный концертъ военной музыки, и въ Берлинѣ все обошлось въ высшей степени благополучно. Вотъ, подумалъ я, что значить могущественная предусмотрительность... А наши русскіе Маниловы?!

Въ республиканскомъ городѣ Гамбургѣ была буря, но тамъ существуютъ свои особыя условія, и тамъ, несмотря на республиканскій режимъ, такая масса недовольнаго пролетаріата, какъ нигдѣ въ Германіи. О Гамбургѣ и гамбургскихъ событіяхъ я, впрочемъ, скажу дальше...

III.

Русская колонія въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ до сихъ поръ чрезвычайно популярно имя графа П. А. Шувалова, бывшаго нашего посла въ Германіи. Во время моего пребыванія въ Берлинѣ графъ П. А. Шуваловъ гостилъ тамъ. Онъ пріѣхалъ для совѣтовъ съ берлинскими профессорами въ виду предстоявшей ему операціи. Пребываніе графа П. А. Шувалова было весьма замѣтнымъ. Императоръ Вильгельмъ замѣчательно относится къ нему, считая его своимъ личнымъ другомъ. Онъ оказываетъ ему выдающіяся почести и привыкъ посѣщать его запросто. Для устраненія всякихъ дипломатическихъ обидъ и кривотолковъ императоръ Вильгельмъ разъяснилъ разъ навсегда, что графъ Павелъ Андреевичъ—его личный другъ, и что его отношенія къ графу Шувалову—знакъ его личного душевнаго расположенія къ послѣднему, въ чемъ онъ отдаетъ отчетъ только себѣ

самому. Пребываніе графа Шувалова въ Берлинѣ на посту посла совпадало съ лучшими годами прошлаго могущества Россіи, когда всѣ искали нашей дружбы и симпатій. Теперь отъ Россіи всѣ отвернулись, но дружба могущественнаго кейзера съ графомъ Шуваловымъ, какъ показало время, переросла всѣ политическіе виды и расчеты.

Нынѣшній російскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Николай Дмитриевичъ Остенъ-Сакенъ занялъ этотъ постъ послѣ графа Шувалова въ 1890 г. Ранѣе онъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Мюнхенѣ.

Графъ Остенъ-Сакенъ—сынъ извѣстнаго военнаго администратора графа Остенъ-Сакена, бывшаго командующимъ войсками въ Одессѣ въ эпоху одесской бомбардировки 1854 г. при началѣ крымской войны. Графъ Остенъ-Сакенъ живетъ на Unter den Linden, въ большомъ трехъэтажномъ особнякѣ посольства. Рекомендательное письмо соотвѣтственнаго значенія открыло мнѣ входъ въ палаты російскаго посла. Пожилой сановникъ невысокаго роста, съ сѣдыми баками привѣтливо встрѣтилъ меня. Несмотря на свои преклонные годы, графъ Остенъ-Сакенъ выглядитъ довольно бодрымъ. Онъ отлично знаетъ Германію, интересуется жизнью русскихъ въ Германіи и благожелательно относится къ успѣхамъ русскаго дѣла въ Берлинѣ.

— Вы интересуетесь русской колоніей Берлина?—говорилъ мнѣ посолъ:—къ сожалѣнію, я долженъ немного разочаровать васъ. Здѣсь нѣтъ настоящей русской колоніи, или, вѣрнѣе, она очень ограниченная. Здѣсь всего нѣсколько сотъ душъ настоящихъ русскихъ семей, остальные, по большей части, еврей-эмигранты изъ Россіи. Въ послѣднее время они стали очень многочисленны. Есть здѣсь русскіе студенты, но среди ихъ немало анархистовъ и революціонеровъ. Какъ видите, русская колонія представлена здѣсь не совсѣмъ удачно. Надо оговориться, впрочемъ, — продолжалъ посолъ, — въ послѣднее время является сюда и серьезное студенчество, ищущее серьезныхъ занятій въ германскихъ университетахъ; они перекочевали сюда изъ-за невозможности учиться въ Россіи вслѣдствіе хроническихъ забастовокъ въ русскихъ университетахъ.

— Есть ли здѣсь какіе нибудь русскіе центры?—спросилъ я посла.

— Кромѣ русской церкви и посольства, центровъ почти никакихъ нѣтъ. Многочисленные отрицательные элементы и не ищутъ русскихъ центровъ. Они сторонятся русскаго посольства, къ русскимъ начинаніямъ они индифферентны. Въ Мюнхенѣ, гдѣ я былъ раньше, я встрѣчалъ русскую молодежь, они бесѣдовали со мной при случайныхъ встрѣчахъ, но какъ только узнавали, что я официальное лицо, такъ бѣжали безъ оглядки.

— Вотъ протоіерей Мальцевъ создаетъ здѣсь русскій центръ, — замѣтилъ я.—Какое симпатичное учрежденіе устроено имъ въ

Тегель, и какая прекрасная мысль устроить православный соборъ въ Берлинѣ.

— Да, — говорилъ посолъ, — протоіерей предпринялъ трудное дѣло. Онъ насаждаетъ повсюду въ Германіи русскія церкви.. Много труда и затратъ это ему стоитъ. Церквямъ нужны причты, содержаніе церквей требуетъ специальныхъ капиталовъ. Дѣло сложное, но протоіерей энергиченъ... все держится имъ. Мы желаемъ ему успѣха, но опасаемся одного: если онъ уйдетъ изъ Берлина, то вѣдь можетъ рушиться все это громадное, созданное имъ зданіе. Будетъ ли такое сложное церковное хозяйство по силамъ новому настоятелю? Что касается созданія православнаго собора въ Берлинѣ, то эта задача грандіозная, но средствъ на это дѣло пока мало. Нуженъ для собора также подходящій участокъ земли... Хорошо, если удастся выхлопотать землю въ центрѣ города, а покупать ее стоитъ непомерныхъ затратъ.

О русскихъ дѣлахъ и русской жизни въ Германіи я говорилъ въ Берлинѣ и съ другими лицами.

— Настоящіе русскіе люди, заброшенные службой или дѣлами въ Германію, — рассказывали мнѣ соотечественники, — все-таки тяготеютъ къ Россіи, они помнятъ и любятъ свою родину, но живущіе здѣсь «русскіе подданные» — часто русскіе только по имени, это преимущественно евреи, они ненавидятъ Россію, всячески позорятъ ее и смотрятъ на нее лишь, какъ на арену своей будущей политической игры, къ которой они готовятся въ кружкахъ здѣшнихъ социаль-демократовъ и революціонеровъ. Къ этой категоріи принадлежатъ часть студенчества, находящагося въ германскихъ университетахъ. Всѣхъ русскихъ студентовъ до послѣдняго времени насчитывалось въ Берлинѣ 600, изъ нихъ около половины социалисты. Русскіе анархисты и революціонеры обучаются здѣсь приемамъ революціонной тактики и пропаганды... Убійца великаго князя Сергѣя Александровича жилъ въ Германіи и былъ въ выучкѣ у здѣшнихъ революціонеровъ. Германское правительство слѣдило за этимъ опаснымъ субъектомъ, предупреждало русскихъ властей наканунѣ выѣзда его въ Россію, но ваши Маниловы все проспали. Германцы ненавидятъ революціонеровъ, гонятъ ихъ отъ себя и безъ всякихъ церемоній выдаютъ ихъ Россіи, но въ самой Россіи, несмотря на все причиняемое революціонерами зло, къ нимъ относятся необычайно индифферентно, и бездѣйствующія русскія власти даже какъ бы поощряютъ революціонную предприимчивость. Во время послѣдней русской революціи здѣшніе социалисты поспѣшно оставили Германію и выѣхали въ Россію, чтобы тамъ принять участіе въ событіяхъ. Спокойные нѣмцы страшно обрадовались массовому отъезду революціонеровъ. Въ германскихъ университетахъ осталось спокойное студенчество, дѣйствительно преданное наукѣ. Характерно, что въ то время, какъ революціонеры здѣсь сплочены,

мирная русская колонія Берлина страшно разрознена. Только еврейскіе кружки живутъ дружно. Студенты-евреи держатся отдѣльно отъ русскихъ. У нихъ свои собранія, свои фереины. Имъ благотѣльствуютъ еврейскіе финансисты.

— Здѣсь, конечно, безпрепятственно устраиваются митинги молодежи,—сказалъ я.

— Нѣтъ, не скажите,—отвѣтили мнѣ.—Здѣсь никогда не бываетъ совмѣстныхъ митинговъ студентовъ и рабочихъ, какъ это было въ Россіи, и вообще въ стѣнахъ университетовъ допускаются митинги только по ученымъ и университетскимъ вопросамъ, иначе молодежь собирается въ кофейняхъ. Надзоръ здѣсь строгъ, учебное начальство смотритъ въ оба, и молодежь въ Германіи куда болѣе дисциплинирована, чѣмъ въ Россіи. Хотя здѣсь и допускается совмѣстное обученіе студентовъ и студентокъ, но никакихъ вольностей и безобразій не бываетъ. Молодежь осторожна, вѣжлива. Наказанія для студентовъ: карцеръ, арестъ, остаются въ полной силѣ. Здѣсь удивлялись митингамъ, бывшимъ въ русскихъ университетахъ, гдѣ люди съ улицы провозносили политическія рѣчи и творили безобразія.

— А какъ держатъ себя приходящіе въ Германію русскіе рабочіе?—спрашивалъ я своего собесѣдника.

— О, этотъ элементъ несравненно безопаснѣ русской молодежи. Русскіе рабочіе стремятся сюда на фабрики, но нельзя сказать, чтобы германцы радушно встрѣчали ихъ. Замкнутые кружки германскихъ фабричныхъ рабочихъ не допускаютъ русскихъ рабочихъ на здѣшнія фабрики, и на ихъ долю остаются другіе виды труда: садоводство, огородничество. Пришлые рабочіе часто бѣдствуютъ.

Самая печальная вещь: русскіе, живущіе въ Германіи, перестаютъ быть русскими и безпощадно онѣмечиваются.

Въ Берлинъ пріѣхалъ русскій журналистъ, который, поговоривъ съ представителями мѣстной русской колоніи, былъ пораженъ отчужденностью берлинскихъ русскихъ другъ отъ друга и былъ пораженъ ихъ полной неосвѣдомленностью о событіяхъ и положеніи въ Россіи.

— Какъ вы живете...—говорилъ онъ своимъ знакомымъ.—У васъ нѣтъ никакой связи съ родиной. Вы все забыли, вы представляете себѣ русскую жизнь въ самомъ превратномъ видѣ, радуетесь тому, чему не слѣдуетъ радоваться, и печалитесь тѣмъ, на что русскій народъ возлагаетъ надежды... Да вы совсѣмъ потеряли русское чутье...

— Но мы слѣдимъ за русскими событіями по нѣмецкимъ газетамъ.

— Это и видно: у васъ исчезло всякое истинное представленіе о современной Россіи, исчезла всякая мѣрка.

Петербургскій журналистъ, наслышавшійся еще въ Россіи о совершенствѣ берлинскихъ типографій, началъ въ Берлинѣ изданіе русской газеты «Заграничный Голосъ». Дѣло оказалось труднымъ. Большинство берлинскихъ типографій не имѣло даже приблизительнаго понятія о русскомъ языкѣ, не имѣло ни русскаго шрифта, ни русскихъ наборщиковъ. Находились, правда, второстепенныя еврейскія типографіи, печатавшія революціонныя изданія о Россіи, но это были враждебныя Россіи притоны, не подходившіе къ задачѣ изданія.

Наконецъ, журналистъ нашелъ чистоплотную типографію, имѣвшую и русскій шрифтъ и русскихъ наборщиковъ. Типографія принадлежала большому акціонерному обществу. Газета стала печататься, но тутъ вышли неожиданности другого рода.

— Видите ли, ваше изданіе какъ будто юдофобское, — сказали ему акціонеры-типографы.

— Ну, такъ что жъ, — отвѣчалъ онъ. — Еврейскую революціонную агитацію мы считаемъ зломъ.

— Видите, вы можете очень повредить себѣ... — не унимались директора-акціонеры. — Здѣсь евреи въ большой силѣ, вся коммерція въ ихъ рукахъ...

— Но объ этомъ мы мало думаемъ.

— Но вы можете повредить и намъ... У насъ дѣла съ евреями.

Новому органу печати пришлось бѣдствовать въ тискахъ еврейскихъ вождельнѣй до устройства собственной типографіи.

IV.

Русская церковь въ Берлинѣ и протоіерей Мальцевъ.

Въ ближайшее же воскресенье, прийдя къ обѣднѣ въ русскую посольскую церковь, я убѣдился воочию, какъ необходима постройка русскаго православнаго храма въ столицѣ Германіи. Небольшая тѣсная посольская церковь, находящаяся во дворѣ посольства, переполняется прихожанами до крайности. Въ ней, что называется, яблоку негдѣ упасть... Часть молящихся толпится въ холодномъ церковномъ коридорѣ. Посольская церковь въ Берлинѣ во имя св. Владимира существуетъ издавна. Въ качествѣ походной церкви, при русскихъ послахъ, она была устроена въ 1718 г. и первые годы ютилась въ частныхъ домахъ, нанимавшихся для русскаго посольства. Въ 1837 г. императоръ Николай Павловичъ приобрѣлъ въ Берлинѣ отъ герцогини Саганъ собственный посольскій домъ на Unter den Linden, и съ этого времени церковь помѣщается во флигелѣ дома въ нижнемъ этажѣ. Живопись въ церкви, по большей части, русскаго происхожденія. Обѣдню служитъ здѣсь протоіерей А. П. Мальцевъ (во время его отъѣздовъ — второй священникъ о. Доснѣей Васичъ, сербъ, воспитанникъ Кіевской духовной ака-

деміи) и дьяконъ Н. Н. Сахаровъ. За отсутствіемъ русскихъ пѣвчихъ (ихъ мудрено найти въ Берлинѣ), поютъ на клиросѣ нѣмцы и нѣмки, получающіе по 3¹/₂—4 марки за службу. Они поютъ порусски, не зная, однако, русскаго языка, для чего понадобилось изобрѣсти особыя ноты, въ которыхъ текстъ русскихъ церковныхъ пѣснопѣній изображенъ по-нѣмецки, и этотъ текстъ воспроизводится германскими пѣвчими довольно добросовѣстно, такъ что молящіеся и не подозрѣваютъ, что иноземцы поютъ съ чужого голоса, не понимая смысла.

Послѣ богослуженія я бесѣдовалъ съ протоіереемъ А. П. Мальцевымъ въ его служебномъ кабинетѣ, находящемся въ зданіи церкви. Протоіерея осаждала масса публики, пріѣзжіе обращались къ нему со своими дѣлами, и пріѣзжіе не только изъ Россіи, но и со всѣхъ концовъ Германіи и Франціи.

Протоіерей Мальцевъ—ярославскій уроженецъ (что слышится въ его говорѣ)—пожилой, полный человекъ съ типичнымъ широкимъ и симпатичнымъ русскимъ лицомъ. Онъ служитъ въ Берлинѣ съ 1886 г. Приблизительно съ этого времени началась и его плодотворная работа на пользу русскаго дѣла въ Германіи. Его всѣ знаютъ въ Берлинѣ, онъ пользуется расположеніемъ самого императора Вильгельма.

— Вы видѣли нашу посольскую церковь, — говорилъ мнѣ протоіерей, — она тѣсна и неудобна. Въ большіе праздники нѣтъ мѣста многимъ прихожанамъ, церковь притомъ безъ колокола и звона. Если вы сравните эту церковь съ нашими храмами на Руси, то дѣлается тяжело и больно русскому сердцу. Русскій соборъ въ Берлинѣ необходимъ, и многіе русскіе, посѣщая Берлинъ, высказываютъ готовность прійти на помощь намъ въ этомъ дѣлѣ... Мы имѣемъ въ виду построить соборъ во имя св. Андрея Первозваннаго, есть уже значительныя суммы на это дѣло: нѣкоторый капиталъ собрало наше братство св. Владимира, жертвовали частныя лица изъ Россіи, московское и петербургское купечество. Всѣхъ пожертвованій имѣется сейчасъ около 200.000 герм. марокъ, или около 100.000 рублей, но этого, конечно, недостаточно. Нужно еще 300.000 марокъ, или 150.000 рублей.

— Вами устроены и другія церкви, — говорю я А. П. Мальцеву.

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ Тегель, — отвѣчаетъ онъ: — посмотрите тамъ церковь и русское кладбище. Кромѣ того, у насъ есть церкви въ Потсдамѣ, въ Гамбургѣ... Въ Киссингенѣ (въ Баваріи) — большая русская церковь во имя св. Сергія, выстроенная въ 1898 г. Есть церковь въ курортѣ Герберсдорфѣ, въ Силезіи, и скоро наше братство начинаетъ постройку церкви въ Наугеймѣ. Есть еще русская церковь въ Гомбургѣ, построенная не на братскія суммы, но она также приписана къ здѣшнему посольскому причту, и есть церковь—памятникъ въ Людвигслюстѣ... Это на половинѣ пути изъ

Берлина въ Гамбургѣ. Церковь стоитъ на могилѣ великой княгини Елены Павловны, дочери императора Павла I, бывшей замужемъ за великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ.

Людвиглость—это лѣтняя резиденція герцоговъ Мекленбургъ-Шверинскихъ. Тамъ гоститъ въ лѣтнее время великая княгиня Анастасія Михайловна, мать великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго (дочь, принцесса Цецилія, замужемъ за наслѣдникомъ германскаго престола, Фридрихомъ-Вильгельмомъ), и во время пребыванія Анастасіи Михайловны приглашается берлинскій причтъ для службъ въ мѣстной церкви.

V.

Русскій уголокъ въ Берлинѣ.

Сколько нужно было положить упорнаго труда, сколько энергіи для того, чтобы создать такой цвѣтущій русскій уголокъ, какой я увидѣлъ подлѣ Берлина въ Тегелѣ. И все это создала почти единоличная энергія протоіерея А. П. Мальцева, который имѣлъ мало сотрудниковъ, да и не могъ имѣть постоянныхъ сотрудниковъ, потому что за время его продолжительнаго пребыванія въ Берлинѣ составъ тамошней русской духовной миссіи постоянно мѣнялся.

Тегель—историческій уголокъ. Здѣсь жили и похоронены знаменитые нѣмецкіе ученые, братья Александръ и Вильгельмъ Гумбольдтъ. Тегель лежитъ не совсѣмъ близко отъ центра Берлина, ѣзды туда 45 минутъ по электрической конкѣ—отъ угла Унтеръ-денъ-Линденъ и Шарлотенштрассе. За десять пфениговъ конка доставляетъ васъ къ Шварцбрюке. Тамъ городъ кончился, и видна уже зелень окрестныхъ полей. Слѣва высится Strafgefängnis, или тюрьма, справа лежитъ поляна—участокъ земли, купленный русскимъ братствомъ св. Владимира. За этой поляной видна маленькая церковь, и въ зелени деревьевъ притаилось русское кладбище.

Братство св. Владимира въ Берлинѣ основано протоіереемъ А. П. Мальцевымъ въ 1890 г. Благодаря работѣ братства, русское дѣло въ Германіи окрѣпло и развилось. Братство преслѣдуетъ цѣли религіозныя, просвѣтительныя и благотворительныя, при чемъ въ обстановкѣ его работы послѣднія являются главными. Оно помогаетъ находящимся въ Германіи нуждающимся и больнымъ русскимъ подданнымъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, а также лицамъ православнаго исповѣданія всѣхъ націй. Попеченія братства не распространяются на евреевъ, о которыхъ заботится особое еврейское общество въ Берлинѣ. Помощь, оказываемая братствомъ, главнымъ образомъ трудовая (оплачиваемый трудъ). Оно беретъ пришлыхъ рабочихъ на работы по своему садоводству и цвѣтоводству и даетъ рабочимъ готовыя помѣщенія. Братство поддерживаетъ русскія церкви въ Германіи и имѣетъ свой капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ.

Пройдя черезъ поле, я увидѣлъ за красивой рѣшеткой среди сада каменный трехэтажный домъ. На воротахъ была надпись славянскими буквами: «Въ память императора Александра III». Тутъ въ верхнемъ этажѣ живетъ протоіерей Мальцевъ, въ оплачиваемой имъ квартирѣ (1.300 марокъ поступаютъ въ доходы братства), въ нижнихъ этажахъ—хозяйственные помѣщенія.

Я засталъ А. П. Мальцева дома. Онъ бесѣдовалъ съ какимъ-то прїѣзжимъ учащимся юношей — однимъ изъ многихъ ищущихъ

Домъ русскаго братства св. Владимира—въ память императора Александра III—въ Тегелѣ близъ Берлина.

счастья за границей. Выпивъ по стакану чая, мы отправились осматривать обширное и интересное Тегельское хозяйство. Намъ сопутствовалъ и молодой человекъ.

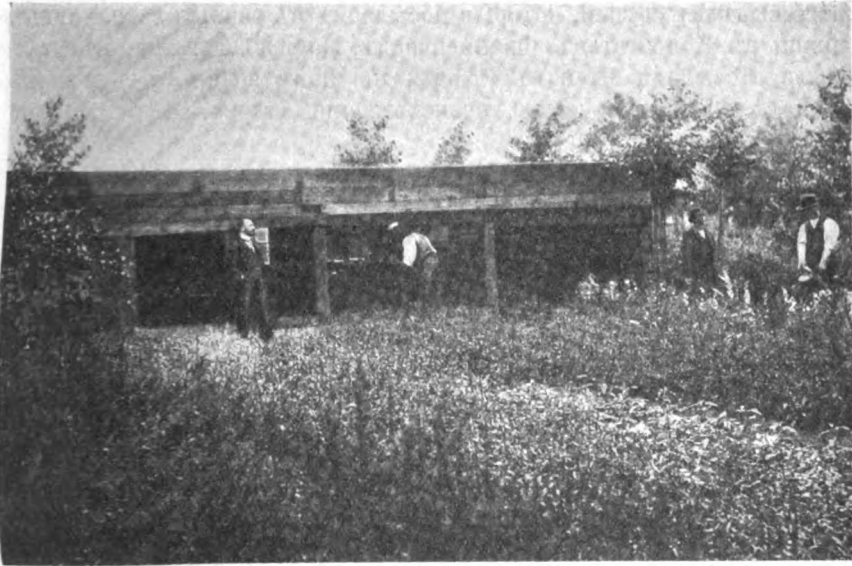
— Вотъ тутъ,—говорилъ намъ о. Мальцевъ, спускаясь въ нижніе этажи дома:—есть нѣсколько комнатъ для прїѣзжающихъ. Мы сдаемъ ихъ по 2 марки въ сутки для доходовъ братства. Въ подвальнойномъ помѣщеніи—мастерскія: свѣчная, столярная, прачечная и кладовая.

Въ комнатахъ нижняго этажа братскаго дома находится также большая библіотека братства—русская и частью нѣмецкая. Въ братскомъ домѣ сформированъ также свой музей: богатое собраніе гравюръ изъ русской исторіи и главнымъ образомъ изъ отечественной войны 1812 г.

Изъ дома мы вышли въ принадлежащій братству садъ, тутъ красовались въ зеленомъ уборѣ сосны и ели, тянулись безконеч-

ные ряды оранжерей и теплицъ, которыя, какъ оказалось, имѣютъ новѣйшее водяное отопленіе. Дальше красовалась братская пасѣка. Мы вошли въ оранжереи.

— Посмотрите на эти розы, левкои, гіацинты, хризантемы, фіалки,—говорилъ мнѣ о. протоіерей:—это все наши труды, наше искусство... Системой особаго переноснаго опыленія мы достигли рѣдкихъ экземпляровъ... Вотъ они.

Пасѣка братства св. Владимира въ Тегель.

Я любовался чудными цвѣтами оригинальныхъ, причудливыхъ красокъ.

— На цвѣточныхъ выставкахъ въ Лигницѣ и въ Эгерѣ,—продолжалъ А. П. Мальцевъ,—братское цвѣтоводство получило золотыя медали за альпійскія фіалки. Здѣсь въ Берлинѣ мы имѣемъ постоянный рынокъ сбыта для нашихъ цвѣтовъ, и братство получаетъ не особенно большіе, но зато постоянные доходы отъ цвѣтоводства.

Изъ оранжерейныхъ теплицъ мы прошли къ новому дому братства, гдѣ кипѣла еще ремонтная работа. Двухъэтажное зданіе приспособлялось подъ устройство типографіи съ машиннымъ отдѣленіемъ въ нижнемъ этажѣ.

— А вотъ здѣсь живутъ наши рабочіе,—сказалъ о. Мальцевъ, открывая одну изъ дверей.

Тамъ въ хорошо отапливаемыхъ комнатахъ помѣщались по два, по три рабочихъ.

— Откуда приходятъ сюда русскіе рабочіе?—спросилъ я:— изъ какихъ мѣстъ Россіи?

— Да, преимущественно изъ привислинскихъ губерній. Тамъ ихъ жметъ бѣдность, заработки ихъ невелики, по сорокъ копеекъ въ день, а здѣсь они имѣютъ двѣ марки въ день, т.-е. около рубля. Оно куда лучше. Рабочихъ является къ намъ около 300—350 человѣкъ въ годъ. Главное у насъ садовыя работы. Производимъ также выдѣлку свѣчей, которыя посылаемъ въ разныя заграничныя церкви: въ Копенгагенъ, Франценсбадъ, Маріенбадъ, даже въ Стокгольмъ. Посылали бы и въ Россію, но много возни съ таможней. Нужно доказывать русское происхожденіе свѣчей, а безъ этого ничего не выйдетъ.

По другую сторону дороги отъ братскаго дома, за массивной желѣзной рѣшеткой находится разбросанное на трехъ десятинахъ песчаной равнины русское кладбище. При входѣ въ него высится звонница въ русскомъ стилѣ со славянскою надписью: «Русское кладбище. 1892 г.», и по-нѣмецки: «Russischer Friedhof, Durchgang zum Leben».

Вотъ живописныя группы сосенъ и елей, подъ сѣнью которыхъ пріютились могилы извѣстныхъ и неизвѣстныхъ русскихъ людей. Тутъ похоронено немало лицъ изъ тяжело больныхъ, пріѣзжавшихъ въ Берлинъ къ мѣстнымъ медицинскимъ знаменитостямъ. Памятники и кресты называютъ вамъ имена: графа Ник. Мих. Муравьева, отца бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ (тѣло котораго перевезено сюда съ лютеранскаго кладбища), церемоніймейстера князя С. П. Голицына, генеральныхъ консуловъ Д. В. Казаринова и Г. П. Богословскаго, тайнаго совѣтника И. И. Ершова, штабс-ротмистра Баева, В. О. фонъ-Отта, А. Кошелева и друг. Всѣхъ могилъ на Тегельскомъ кладбищѣ около пятидесяти.

Въ сторонѣ, среди сосновой алеи, возвышается надгробный памятникъ и бюстъ Мих. Ив. Глинки, скончавшагося въ Берлинѣ въ 1857 г., съ слѣдующей на немъ надписью:

«Michael von Glinka
Kaiserl. Russ. Capellmeister,
geb. 20 Mai 1804
zu Novo-Spaskoje, Gouv. Smolensk,
gest. 15 Febr. 1857 zu Berlin».

Это уютное русское кладбище обязано своимъ существованіемъ тому же протоіерею Мальцеву, который открылъ и безвѣстную до него въ Берлинѣ могилу Глинки, предназначавшуюся къ уничтоженію. О. протоіерей поручалъ бѣдствующей въ Берлинѣ русской

учащейся молодежи разыскивать на мѣстныхъ лютеранскихъ кладбищахъ забытыя и заброшенныя русскія могилы, чтобы ихъ собрать воедино въ Тегель. На лютеранскомъ кладбищѣ оказалась могила Глинки съ памятникомъ, уже продававшимся на сломъ. А. П. Мальцевъ вслѣдъ за тѣмъ нашелъ и тотъ домъ въ Берлинѣ, въ которомъ въ 1857 г. скончался М. И. Глинка. Этотъ домъ находится на углу Канонирь-штрассе и Францозише-штрассе. Онъ называется теперь «Глинка-хаусъ». О. Мальцевъ объяснилъ владельцу дома значеніе М. И. Глинки въ Россіи и добился разрѣ-

Русское кладбище въ Тегель.

шенія укрѣпить на домѣ лабрадорныя доски съ соответственными надписями по-русски и по-нѣмецки. Подъ вліяніемъ А. П. Мальцева нѣмецкій домовладѣлецъ такъ расчувствовался и вдохновился, что пожелалъ и съ своей стороны тоже чѣмъ нибудь увѣковѣчить память М. И. Глинки... Онъ поставилъ на домѣ бюстъ композитора и фигуры Руслана и Людмилы.

Въ центрѣ Тегельскаго кладбища возвышается не большой, но изящный каменный пятиглавый храмъ свв. Константина и Елены, въ подземельѣ этого храма ставятся гробы съ покойниками. Мы вошли въ верхнюю церковь, когда уже стемнѣло; вечернія тѣни густо легли кругомъ и покрыли дорожки и аллеи кладбища. Въ церкви было очень холодно.

— Вѣроятно, службы бываютъ здѣсь рѣдко?—говорю я.

— Да, служимъ въ день храмового праздника и вообще не часто, — отвѣчалъ о. Мальцевъ. — Церковь сравнительно далеко отъ города.

Мы вышли изъ храма. Протоіерей закрылъ тяжелыя желѣзныя двери церкви.

— Храмъ этотъ уединенный, — продолжалъ онъ, — и, благодаря этому, его нѣсколько разъ обворовывали... къ стыду сказать, ворами были свои же рабочіе. Понадобились мѣры охраны. Мы провели отъ церковныхъ дверей сигналъ къ главному садовнику. Если кто ночью отворитъ двери, то звонокъ звонитъ, а садовникъ выходитъ съ ружьемъ и стрѣляетъ. Одинъ разъ мы сами чуть не поплатились за эту выдумку. Я съ кѣмъ-то изъ пріѣзжихъ пришелъ въ церковь вечеромъ, но забылъ предупредить садовника. Открыли мы двери, онъ выходитъ на звонокъ съ ружьемъ и хочетъ стрѣлять. Хорошо, что онъ уваль насъ!

Черезъ погрузившіяся въ темноту поля я съ моимъ спутникомъ пришли къ полотну электрическаго трамвая, и въ переполненномъ публикой вагонѣ пріѣхали изъ царства темныхъ полей въ залитыя электрическимъ свѣтомъ улицы Берлина.

VI.

Жизнь Берлина.

Берлинъ — коммерческій дѣловой центръ Германіи... Идейной жизни вы въ немъ не ищите, она таится въ нѣмецкихъ провинціяхъ, въ разныхъ умственныхъ центрахъ Германіи, въ городахъ и городкахъ. Въ Берлинѣ — расцвѣтъ коммерческихъ предпріятій, акціонерныхъ обществъ, банковскаго дѣла. Здѣсь — интересы рубля и наживы, здѣсь прозаическая жизнь безъ всякой заманчивой окраски, здѣсь торжество золотого тельца и Меркурія, и ради Бога по холодному, алчному и бездушному Берлину вы не судите о внутренней Германіи. Они слишкомъ не похожи другъ на друга. Если бы Берлинъ не былъ объединяющимъ политическимъ центромъ страны, то добродушная, благородная и мечтательная Германія отказалась бы отъ него. Что за радость имѣть своимъ представителемъ такого бездушнаго эгоиста! Принципъ kaufen-verkaufen, торжество финансовыхъ комбинацій и финансистовъ, забравшихъ власть, — вотъ что даетъ тонъ жизни Берлина. Берлинская биржа — господинъ положенія. Она командуетъ всѣмъ. Въ Берлинѣ, какъ въ фокусѣ, скрещиваются лучи германскаго финансоваго могущества. Отсюда расходятся руководящія нити къ ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ, по всему свѣту. Берлинъ опекаетъ Ближній Востокъ, благодѣтельствуетъ Турціи, онъ устраиваетъ коммерческое благо-

получіе Малой Азіи, онъ при подходящихъ обстоятельствахъ готовъ протянуть руку помощи великой, но нынѣ разоренной революціей и беспорядками Россіи... Въ Берлинѣ имѣется упитанный русскими симпатіями и благосклонностью русскаго рубля «русскій банкъ», какъ называютъ берлинцы банкирскій домъ биржевика-еврея г. Мендельсона. Г. Витте обращается къ нему за всѣми коммиссіями, за всѣми услугами и при подходящихъ обстоятельствахъ спрашиваетъ компетентныхъ совѣтовъ г. Мендельсона. Дружба ихъ трогательная. Но и г. Мендельсонъ уже нѣсколько охладѣлъ къ операціямъ съ Россіей, онъ видитъ, что съ русской революціей и ея авантюрами, пожалуй, прогорить.

Торжество рубля развратило Берлинъ. Денежный азартъ, матеріальный гнетъ кладетъ яркій отпечатокъ на всѣ стороны мѣстной жизни, здѣсь все продажно, и, безъ преувеличенія можно сказать, нѣтъ ничего святаго.

— Вотъ вы говорите, что Германія цѣломудренна, чиста, какъ Гретхенъ, и нравственна,—говорилъ мнѣ одинъ берлинскій старожиль.— Не спорю, въ германской провинціи нравы патріархальныя, чистыя и держится старый укладъ жизни. Но не относите этого къ Берлину. Берлинъ—это нравственная зараза, это клоака, и я не знаю города болѣе продажнаго, болѣе безнравственнаго, чѣмъ Берлинъ. Здѣсь, съ одной стороны, царство нѣмецко-еврейскаго капитализма, съ другой—бѣдственная нищета трудящагося класса, которому не подъ силу дороговизна берлинской жизни. Здѣсь все ищетъ лишняго денежнаго подспорья. Въ борьбѣ за существованіе здѣсь гибнетъ честь, совѣсть, нравственность, семейная жизнь въ упадкѣ, добродѣтели забыты, и идеальная нѣмецкая Гретхенъ давно торгуетъ собой на всѣхъ перекресткахъ Берлина, во всѣхъ кабакахъ... Что пользы въ томъ, что здѣсь нѣтъ открытаго публичнаго зла, нѣтъ публичныхъ притоновъ. Здѣсь есть гораздо худшее зло: тутъ открыто процвѣтаетъ рабовладѣніе и шантажъ. Безчисленные рабовладѣльцы Берлина эксплуатируютъ женскую бѣдность, и, какъ это ни странно, берлинскій режимъ покровительствуетъ имъ. Взгляните на картину ночного Берлина: десятки тысячъ продажныхъ женщинъ вытолкнуты нуждой на улицу. Это явленіе повсемѣстное въ большихъ городахъ, но здѣшняя женщина работаетъ не на себя, она кормитъ своимъ тѣломъ цѣлую свору сытыхъ и разжирѣвшихъ акулъ, живущихъ въ дорогихъ квартирахъ, въ комфортабельной обстановкѣ и загребаящихъ тысячи золота на эксплуатаціи женскаго стыда. И здѣшней женщинѣ, если она бѣдствуетъ, нѣтъ другого выхода, какъ обогащать свору хищниковъ. Каждая изъ этихъ несчастныхъ жертвъ должна принести своей сытой рабовладѣлицѣ такую уйму денегъ, чтобы не пошатнулись доходы послѣдней. Иначе иди, несчастная горемыка, и умирай голодной смертью. Откупщицы берлинскаго разврата наживаютъ со-

стоянія, имѣнія, дома, а жертвы ихъ гибнутъ въ тискахъ нищеты. Передъ вами освѣщенный огнями праздничный и веселый городъ. До глубокой ночи жизнь здѣсь не затихаетъ... На видъ какое это оживленіе, какое веселье, а на самомъ дѣлѣ это торжество рабовладѣнія, это издѣвательство сытыхъ надъ голодными, сильныхъ надъ слабыми. Вотъ вамъ чистая и нравственная столица Германіи!..

VII.

Русская колонія Александровка.

Когда я увѣзжалъ въ Германію, мнѣ говорили въ Петербургѣ: — Побывайте въ Потсдамѣ и посмотрите тамъ русскую колонію Александровку, это — интереснѣйшій историческій уголокъ.

Потсдамъ, старый германскій городъ, лѣтняя резиденція прусскихъ королей, находится недалеко отъ Берлина, онъ связанъ съ нимъ частымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ. Поѣзда съ Friedrichstrasse идутъ въ Потсдамъ около часа времени, а курьерскіе поѣзда съ Потсдамскаго вокзала (дорога на Парижъ)—всего полчаса. Я выѣхалъ съ дачнымъ поѣздомъ, обслуживающимъ окрестности Берлина: предмѣстья и дачные городки. Замѣчательно растутъ и развиваются эти берлинскіе пригороды, благодаря дороговизнѣ берлинской жизни. Эти городки имѣютъ иногда самостоятельный характеръ и свое отдѣльное городское хозяйство (Dusseldorf, Charlottenburg), въ нихъ ютится масса средняго трудящагося населенія. Въ пригородахъ жизнь дешевле, но не думайте, что эти пригороды—захолустья. Здѣсь полное благоустройство, пятиэтажные дома, прекрасныя улицы, электрическіе трамваи и электрическое освѣщеніе, а сообщеніе съ Берлиномъ быстрое и частое.

Потсдамскій поѣздъ идетъ черезъ Grünewald, тутъ тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги живописнѣйшіе лѣса. Количество ѣдущей публики по мѣрѣ удаленія отъ Берлина становится все меньше, она вышла на попутныхъ станціяхъ. Въ Потсдамѣ ѣздятъ мало. Спустилась, показывается Potsdamer Bahnhof, большой вокзалъ. Онъ находится на окраинѣ города, куда упирается линія конножелѣзной дороги, обслуживающей главныя улицы. Потсдамъ—патріархальный уголокъ. Послѣ Берлина это совсѣмъ тихій захудалый городокъ. Около вокзала тянутся сады, потомъ вы видите безлюдныя улицы со множествомъ типичныхъ старинныхъ построекъ подъ черепичными кровлями. Высятся старыя кирпичи. Какая здѣсь симпатичная и уютная германская старина, какая патріархальность! Пышныя дворцы находятся въ сторонѣ. Скромный и убогий городокъ оживаетъ только лѣтомъ, во время прїѣздовъ двора.

Я проѣхалъ съ вокзала прямо въ колонію Александровку, находящуюся въ концѣ Потсдама. Тамъ городъ переходитъ въ деревню,

и мощенныя улицы смѣняются широкой дорогой, пролегающей среди тѣнистыхъ вѣковыхъ деревьевъ. Дорога ведетъ къ Потсдамской русской церкви во имя св. Александра Невскаго, построенной въ 1829 г., прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III совместно съ императоромъ Николаемъ I—въ память императора Александра I.

Вотъ выглянула и русская колонія Александровка!

Въ зелени развѣсистыхъ деревьевъ, за заборами и палисадниками стоятъ типичныя красныя бревенчатые дома старой кон-

Русскій Александро-Невскій храмъ въ Потсдамѣ.

струкціи. При входѣ въ колонію красуется доска съ надписью на русскомъ языкѣ: «Колонія Александровская».

Что это за странная русская колонія на германской землѣ?

Исторія ея такова. Когда русскія войска въ 1814 г. послѣ занятія Парижа возвращались въ Россію черезъ Германію, то прусскому королю Фридриху-Вильгельму III чрезвычайно понравились русскіе военные пѣсенники. Императоръ Александръ I подарилъ ему пятнадцать человекъ этихъ пѣсенниковъ, которые и осѣли въ Германіи на участкѣ земли, принадлежащемъ прусской коронѣ. (1826 г.) Здѣсь появились бревенчатые дома: одноэтажные для холостыхъ, двухъэтажные для семейныхъ. При каждомъ домѣ былъ разведенъ садъ. Теперь въ колоніи живетъ уже третье поколѣніе этихъ пѣсенниковъ. Стариковъ осталось мало. Преобладаетъ молодежь, которая быстро онѣмечивается.

Когда я вошелъ въ колонию, то у перваго дома встрѣтилъ какого-то типичнаго нѣмецкаго бюргера съ бритой физиономіей. Оказалось, что это—русскій колонистъ Яблоковъ. Я заговорилъ съ нимъ по-русски, но оказалось, что онъ ни слова не понималъ, и мы перешли на нѣмецкій языкъ.

— Много ли тутъ такихъ домиковъ?—спросилъ я.

— Всего тринадцать,—отвѣчалъ онъ.

— А много ли стариковъ осталось?

— Очень мало, только въ трехъ семьяхъ. Вотъ тутъ,—продолжалъ, онъ—неподалеку, живетъ старѣйшій членъ колоніи, Фокинъ, онъ еще помнитъ старину, а молодежь ничего не знаетъ.

Я смотрѣлъ на бритое лицо этого типичнаго нѣмца и удивлялся: какой же это русскій колонистъ Яблоковъ, это—настоящій нѣмецкій Апфельманъ.

Я прошелъ дальше и повернулъ въ улицу къ домику, въ которомъ живетъ семья Фокиныхъ. На мой звонокъ вышла какая-то толстая нѣмка и спросила:

— Was wollen Sie?

Я объяснилъ, что хочу видѣть г. Фокина.

— Пожалуйте, онъ здѣсь, въ саду,—сказала она, отворяя калитку.

Я вошелъ въ садъ. Навстрѣчу мнѣ вышелъ пожилой бритый нѣмецъ въ мягкой шляпѣ, въ передникѣ, со связкой щепокъ и хворосту въ рукахъ. Это былъ по виду не то плотникъ, не то садовникъ.

— Я—русскій,—сказалъ я ему,—и желалъ повидать васъ, какъ старѣйшаго члена здѣшней русской колоніи.

Старикъ Фокинъ вытаращилъ глаза и, повидимому, ровно ничего не понималъ по-русски. Я повторилъ ему эту фразу по-нѣмецки, и тогда лицо его сдѣлалось привѣтливымъ, и онъ началъ спрашивать меня, давно ли я изъ Россіи, что тамъ и проч. Но онъ говорилъ о Россіи въ такомъ тонѣ, точно рѣчь шла о какойнибудь Новой Зеландіи. Совсѣмъ онѣмечился старикъ.

— Неужели во всей здѣшней колоніи никто не говоритъ и не понимаетъ по-русски?—спросилъ я г. Фокина.

— Представьте, никто. Наши отцы были русскіе люди, а мы выродились въ настоящихъ нѣмцевъ. Старина забыта, о Россіи, по правдѣ сказать, мы имѣемъ очень слабое представление. Я вотъ говорю немного по-французски,—продолжалъ онъ,—но русскаго языка не знаю.

Я заговорилъ съ нимъ по-французски, но оказалось, что онъ плохо понимаетъ французскій языкъ, и мы опять перешли на нѣмецкій діалектъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь здѣсь?—спросилъ я г. Фокина.

— У насъ сады, садовыя работы, фруктовыя деревья, огороды. Каждый изъ колонистовъ копошится въ своемъ углу. Вотъ те-

перь къ веснѣ начинаемъ работать въ садахъ и во дворахъ. Дѣлаемъ починки, поправки.

Г. Фокинъ ввелъ меня въ свой чистенькій, тщательно выбѣленный внутри домикъ. Здѣсь въ трехъ комнатахъ жила его семья. Въ комнатахъ была какая-то смѣсь полуремесленной, полугосподской обстановки. Въ парадной столовой стоялъ затѣйливый большой столъ, накрытый тяжелой красивой скатертью, за которымъ, видимо, никогда не обѣдали, другой мебели здѣсь не было. Въ комнатѣ было необычайно холодно, какъ это, впрочемъ, часто бываетъ въ нѣмецкихъ домахъ. Вся семья ютилась въ тѣсной, но теплой каморкѣ около кухни. Въ квартирѣ держался тяжелый запахъ рабочаго жилья. Къ намъ выбѣжала и весело поздоровалась съ нами золотокудрая малютка, внучка хозяина, лепетавшая нѣмецкія фразы.

Эта колонія—чудный цвѣтущій уголокъ. Пышная зелень окутываетъ тутъ лѣтомъ всѣ домики и улицы. Прелестные сады колонистовъ со свѣсившимися гроздьями винограда и фруктами составляютъ идиллическіе уголки. Прорѣзывающая колонію тѣнистая аллея тянется далеко въ гору до церкви. Увы! эти онѣмечившіеся люди только и сохранили всего отъ старины, что православную религію.

Съ тяжелымъ чувствомъ я уѣзжалъ изъ Александровки. Вотъ она, историческая русская колонія Германіи, которую я такъ жаждалъ увидѣть! Ни звука русскаго, ни русскаго лица! Это типичные нѣмецкіе бюргеры, а не русскіе люди. Холодомъ вѣетъ отъ колоніи, она чужда Россіи, и для нея русское имя—звукъ пустой. Станнымъ и непонятнымъ, однако симпатичнымъ для русскаго глаза призракомъ высится вдали надъ этимъ нѣмецкимъ уголкомъ крестъ православной церкви. Службы, однако, здѣсь совершаются только по-нѣмецки.

Колонія вымираетъ. Нѣкоторые домики уже и теперь необитаемы и стоятъ заколоченными. Очевидно, обитатели ихъ выселились внутрь Германіи и слились съ нѣмецкимъ населеніемъ. Проидетъ еще немного времени, и распадется этотъ крохотный русскій уголокъ, этотъ странный историческій курьезъ!..

VIII.

Въ «Вольномъ городѣ».

Вольный и ганзейскій городъ Гамбургъ имѣетъ историческія связи съ Россіей. Онъ когда-то велъ торговлю съ нашими ганзейскими городами: Новгородомъ, Псковомъ, Ладогой. Какъ это ни странно, но Гамбургъ и Берлинъ не имѣютъ ничего общаго между собою. Многие гамбургцы, несмотря на небольшое разстояніе, отдѣляющіе эти два города, никогда не бывали въ Берлинѣ, какъ и берлинцы въ Гамбургѣ. Складъ жизни тамъ и здѣсь различны. Историческій Гамбургъ со своей сѣдой стариною свысока смотритъ

на Берлинъ, какъ на выскочку, новичка, молокососа, и ревниво оберегаетъ свои старыя республиканскія традиціи. Гамбургцы не признають Вильгельма II, какъ императора, величаютъ его не величествомъ, а «его великолѣпіемъ», и избирають его своимъ почетнымъ бургомистромъ, когда не сердятся на него. Въ противномъ случаѣ его не избирають, и онъ числится сенаторомъ. Но премудрый кейзеръ очень мало огорчается этимъ обстоятельствомъ и пріѣзжаетъ въ Гамбургъ кататься на своей яхтѣ на пышномъ гамбургскомъ рейдѣ и благосклонно принимаетъ угощенія, устраиваемыя ему своенравнымъ вольнымъ городомъ.

Гамбургъ громаденъ; въ немъ съ пригородами Альтоной и Вансбекомъ 1.200.000 жителей. Гамбургская республика управляется сенатомъ изъ 18 членовъ-сенаторовъ, половина изъ нихъ юристы—доктора правъ, половина купцы, президентъ (первый бюргемейстеръ) и вице-президентъ — юристы. Сенаторы завѣдуютъ разными отраслями управленія на правахъ министровъ. Вольный городъ чеканитъ свою монету. Почта и таможня здѣсь обще-германскія, какъ и желѣзная дорога. Гамбургъ имѣетъ свой ганзейскій полкъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но полкъ этотъ входитъ въ обще-германскую армію.

Гамбургъ кичливъ: въ сенатѣ есть «комната республикъ», на которой демонстративно изображены старыя республики: Аѳины, Венеція, древній Римъ... Смотрите, молъ, въ родствѣ съ какими антиками стоитъ нашъ вольный городъ!..

Въ Гамбургѣ все дышитъ торговлей и политикой... Какъ только вы вѣхали въ этотъ рабочій городъ, утопающій въ облакахъ фабричнаго дыма, такъ невольно почувете его своеобразную атмосферу. Угрюмыя многоэтажныя зданія — мастерскія и рабочія казармы, стоятъ по окраинамъ города и въ боковыхъ улицахъ... Все говорить, что здѣсь господствуютъ фабрики и промышленность.

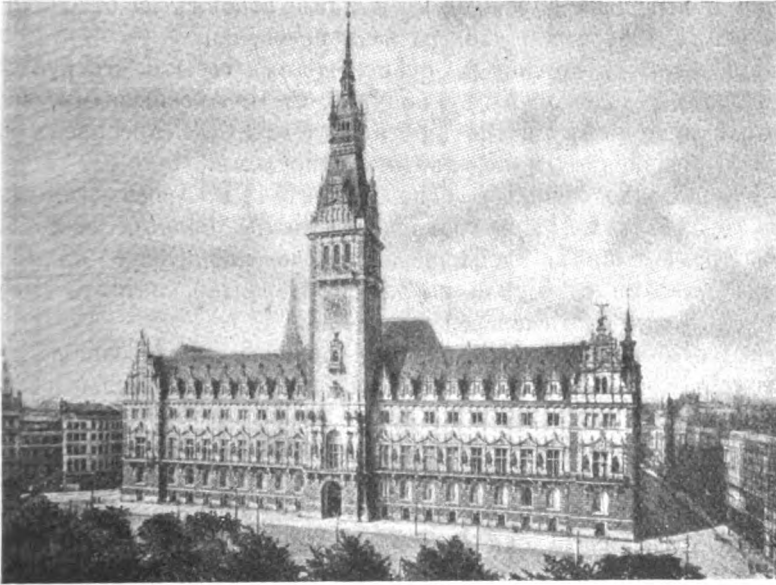
— Своенравный городъ,—говорили мнѣ въ Берлинѣ про Гамбургъ,—тамъ масса социаль-демократовъ, вы увидите типичныхъ рабочихъ-политикановъ, услышите гамбургскую марсельезу.

Я пріѣхалъ въ Гамбургъ въ тревожное время. Тамъ только-что вспыхнула революція изъ-за избирательныхъ правъ гамбургскаго пролетаріата. Изъ устъ въ уста передавались подробности только-что происшедшихъ столкновеній рабочихъ съ полицейскими отрядами. Безпокойное настроеніе охватило всѣхъ въ городѣ.

Еще утромъ въ день революціи было совершенно спокойно, и никто бы не предугадалъ, что черезъ часъ—два начнутъ беспорядки. Рабочій день на фабрикахъ, на заводахъ, въ корабельныхъ докахъ начался правильно. Но въ полдень раздался условный сигналъ съ одного стоявшаго въ гавани парохода, призывавшій къ общей забастовкѣ. Рабочіе побросали работы и группами, а потомъ толпами пошли на митинги. Громадная толпа около 80—90 тысячъ

рабочихъ сконцентрировалась въ городѣ и обложила гамбургскій сенатъ.

Надо сказать, что въ сенатѣ въ этотъ день было назначено рѣшительное собраніе для проведенія новаго закона о повышеніи избирательнаго ценза. Въ то время, какъ гамбургскіе социаль-демократы настойчиво добиваются общаго избирательнаго права, сенатъ рѣшилъ исключить изъ числа избирателей лицъ, имѣющихъ менѣе 2.500 марокъ дохода, до сихъ поръ пользовавшихся пра-

Rathaus въ Гамбургѣ.

вами. Изъ-за этого и возгорѣлась буря. Среди гамбургскаго пролетаріата была агитація, возбуждавшая народъ противъ своего выборнаго правительства.

Собравшіеся на площади демонстранты громко выражали протестъ противъ возвышенія ценза и хотѣли ворваться въ сенатъ, чтобы не дать сенаторамъ провести новый законъ. Полиція оцѣпила площадь и старалась разогнать протестующихъ. Въ городѣ творились безобразія. На улицѣ Фишмарктъ около строившагося дома толпа разобрала лѣса и соорудила баррикады. Тутъ произошла настоящая битва съ полиціей. Полиція подожгла баррикады и разгоняла толпу. Чернь разбивала и грабила магазины на Шоппенстеиль. Въ Гамбургѣ давно ожидали беспорядковъ, но они вспыхнули раньше, и войска не были наготовѣ. Только конная и пѣшая полиція боролась съ мятежниками. Вытребованы были всѣ поли-

цейскіе резервы. Изъ толпы раздавались выстрѣлы, а полиція была вооружена только холоднымъ оружіемъ. Революція, однако, окончилась болѣе благополучно, чѣмъ можно было ожидать. Убитыхъ не оказалось, а были только раненые съ обѣихъ сторонъ въ числѣ около двадцати человекъ. Воры и хулиганы послѣ этой революціи наполнили разграбленнымъ подъ шумъ революціи добромъ гамбургскіе ломбарды.

Городъ понесъ большія потери. На цѣлыхъ три дня, пока не затихло движеніе, жизнь въ портѣ остановилась, прекратилась на-грузка и выгрузка париходовъ, которые совсѣмъ не отходили въ свои рейсы. Фабрики и заводы бездѣйствовали.

Я бесѣдовалъ по поводу происшедшихъ событій съ русскимъ министромъ-резидентомъ изъ Гамбургѣ, С. В. Арсеньевымъ, моимъ старымъ знакомымъ еще по Иерусалиму, гдѣ С. В. Арсеньевъ былъ когда-то россійскимъ генеральнымъ консуломъ.

— Счастливо обошлось,—сказалъ мнѣ С. В. Арсеньевъ,—могло быть гораздо хуже. При громадности толпы полиціи всего было около трехъ тысячъ. Силы неравныя, но полицейскіе какимъ-то чудомъ все-таки водворили порядокъ. Вѣроятно, потому, что они отрѣзали толпу отъ главарей движенія...

— Въ Гамбургѣ,—говорилъ я,—сильное гнѣздо социаль-демократовъ... Но интересно, появляются ли здѣсь пришлые революціонные элементы, напримѣръ, изъ Россіи?..

— О, здѣсь своихъ слишкомъ достаточно,—отвѣчалъ С. В. Арсеньевъ:—хотя и пришлые бываютъ. Изъ пришлыхъ самый скверный элементъ, приходящіе сюда изъ Западной Россіи латыши. Нѣсколько лѣтъ назадъ они заварили здѣсь большую кашу, хотѣли привить на гамбургскихъ фабрикахъ рабочій день по своему плану съ уплатой имъ за лишніе часы усиленнаго вознагражденія. Вышла исторія, вооружившая фабрикантовъ противъ всѣхъ рабочихъ изъ Россіи.

— Неужели много русскихъ рабочихъ приходитъ сюда?—спросилъ я.

— Нѣсколько сотъ человекъ, пятьсотъ, шестьсотъ, все больше приходятъ изъ пограничныхъ польскихъ губерній. Рабочіе получаютъ въ Россіи льготные проходные билеты и широко пользуются этимъ правомъ, стремясь въ Германію на полевые работы.. Перспектива хорошихъ заработковъ за рубежомъ способствуетъ вѣчному приливу русскихъ рабочихъ...

Я интересовался русской колоніей Гамбурга и спросилъ о ней С. В. Арсеньева.

— Здѣшняя русская колонія довольно значительна, —сказалъ онъ:—но въ ней все больше евреи, поляки, остзейцы, настоящихъ русскихъ сравнительно мало. Греческая колонія не велика, здѣсь всего около 200 человекъ грековъ, но она замѣтна и вліятельна.

Греки всегда пристраиваются къ большимъ приморскимъ городамъ. Есть здѣсь польская колонія въ числѣ около 1.000 человекъ. Но есть въ Гамбургѣ и русское купечество. Надо вамъ сказать, что Гамбургъ ведетъ порядочную торговлю съ Россіей, съ Дальнимъ Востокомъ и съ Сибирью. Кромѣ того, гамбургскій портъ поддерживаетъ постоянныя сношенія съ русскими балтійскими портами: Либавой и Ригой.

IX.

Въ гавани «Вольнаго города».

Интересную картину представляетъ гавань Гамбурга, находящаяся въ устьѣ Эльбы въ 4 часахъ разстоянія отъ Нѣмецкаго моря. Вокругъ гавани столпился старый городъ съ типичными домами, точно снятыми съ декораций «Фауста».

Какое необъятное водное царство — этотъ гамбургскій портъ! Тутъ 21 гавань. Безконечный водяной городъ пристаней, товарныхъ пакгаузовъ, мастерскихъ, угольныхъ складовъ, элеваторовъ, доковъ съ поднятыми въ нихъ корпусами пароходовъ, вытянулся вдоль широкой Эльбы, катящей съ шумомъ свои хмурые свинцовыя волны. Океанскіе пароходы, полинявшіе въ борьбѣ съ зимними бурями, выстроились вдоль высокихъ моловъ и выпускаютъ изъ своихъ широкихъ трубъ дѣлливо ползающія струйки черного дыма. Здѣсь кипитъ работа по нагрузкѣ и выгрузкѣ. Гамбургъ ведетъ торговлю со всѣми странами, съ портами всего міра. Отсюда плывутъ пароходы въ Америку, въ Африку, въ Востъ-Индію, въ Китай, на Ближній и Дальній Востокъ. Громадная гамбургская компанія Hamburg-Amerika Ligne переправляетъ на своихъ океанскихъ судахъ десятки тысячъ эмигрантовъ изъ Стараго свѣта въ Новый, зарабатывая на этой операциі полтора милліона чистаго дохода. Въ числѣ эмигрантовъ много переселенцевъ изъ Россіи.

— Благодаря смутамъ въ Россіи и русской революціи, — рассказывали мнѣ въ Гамбургѣ, — компанія дѣлаетъ великолѣпныя дѣла съ русскими переселенцами, число ихъ сильно возрастаетъ. За послѣдній годъ выѣхало черезъ Гамбургъ въ Америку 58.000 тысячъ эмигрантовъ, а съ 1901 по 1905 г. Гамбургъ отправилъ 242.000 человекъ. Это — населеніе добраго губернскаго города въ Россіи.

— Въ числѣ эмигрантовъ, вѣроятно, все больше русскіе инородцы? — замѣчаю я.

— О, да. Уѣзжаютъ главнымъ образомъ евреи, спасающіеся отъ воинской повинности. Эмигрируютъ также поляки изъ Западнаго края. Компанія Hamburg-Amerika Ligne завела въ Россіи своихъ агентовъ, которые дѣлательно вербуютъ переселенцевъ, получая по 6 марокъ съ каждой соблазненной ими души. Результаты — валицо.

Кромѣ Гамбурга, переселенцы ѣдутъ и черезъ англійскіе порты. Главное эмигрантское движеніе направляется въ Сѣверную Америку, движеніе евреевъ въ Аргентину—сравнительно небольшое.

Мнѣ пришлось натолкнуться въ Гамбургѣ на тѣсный кружокъ коммерсантовъ, ведущихъ дѣла съ Россіей, главнымъ образомъ съ Сибирью и съ тихоокеанскими окраинами. Среди нихъ были нѣмцы, отлично говорящіе по-русски, были и настоящіе русскіе. Въ числѣ ихъ я увидѣлъ рыбопромышленника Жижина изъ Астрахани.

— Въ Гамбургъ привозится много русскихъ товаровъ,—говорили они мнѣ:—сюда идетъ русскій хлѣбъ, сырье, кожи, сибирское коровье масло, цѣнное орѣховое дерево съ Кавказа, живность, яйца. На Дальній Востокъ отправляютъ отсюда массу строительныхъ матеріаловъ: желѣзо, балки, асфальтъ, цементъ, гвозди, стекло, краски. На 200.000 рублей привозится въ Гамбургъ русской икры съ Астраханскихъ промысловъ. Она здѣсь очень дорога: первый сортъ 32 марки, или 16 рублей фунтъ. Гамбургъ посылаетъ отъ себя русскіе товары въ Англію и въ Америку. Вся торговля Гамбурга съ Россіей совершается на сумму около 30 милліоновъ рублей.

— Не повліяла ли война и русскія событія на торговлю съ Россіей?—спросилъ я гамбургскаго экспортера.

— Очень повліяли,—сказалъ онъ.—Нѣсколько недѣль мы не имѣли правильныхъ сношеній съ Сибирью. Телеграфъ бездѣйствовалъ, запросы Сибири приостановились, и мы не знали, что тамъ дѣлается. Теперь все исправилось, но торговлѣ съ Дальнимъ Востокомъ грозитъ другая опасность... Какъ бы этой торговлей не завладѣли японцы...

— Почему же это можетъ случиться?

— А уничтоженіе порто-франко во Владивостокѣ? Вѣдь если уничтожатъ порто-франко, то вся морская торговля даже и съ Сибирью перейдетъ въ японскій Портъ-Артуръ. Существованіе порто-франко было очень важно для торговли Сѣверной Маньчжуріи и Восточной Сибири.

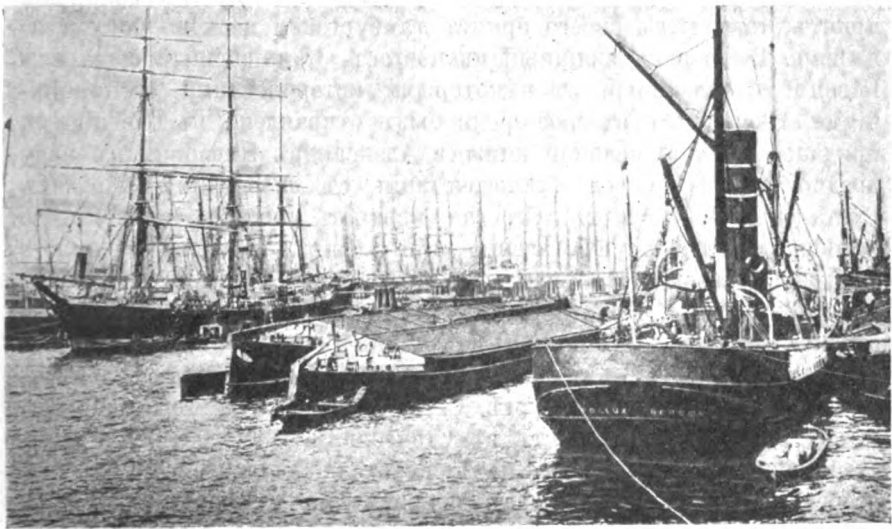
Въ Гамбургѣ, оказалось, есть свой русскій клубъ, онъ называется «Русское общество въ Гамбургѣ» и эмблемой своей имѣетъ русскій національный флагъ. Общество это существуетъ уже второй годъ, оно санкціонировано правительствомъ, цѣль общества, какъ гласятъ его статуты, «соединеніе живущихъ въ Гамбургѣ любителей русской литературы, музыки и конversaціи». Собранія кружка бывають еженедѣльно по пятницамъ. Право на вступленіе въ члены имѣють всѣ лица, умѣющія говорить по-русски, русскій языкъ по желанію учредителей является господствующимъ въ клубѣ. Въ то время какъ народившійся въ Берлинѣ «Русскій семейный кружокъ» сдѣлался настоящимъ еврейскимъ гнѣздомъ,

гамбургское «Русское общество» является дѣйствительно русскимъ не по названію только. Въ кружкѣ, кромѣ русскихъ, есть и нѣмцы-русофилы. Предсѣдателемъ кружка состоитъ гамбургскій коммерсантъ г. Биберштейнъ, уроженецъ гор. Кіева. Гамбургскій русскій клубъ недавно выбралъ своимъ почетнымъ членомъ русскаго берлинскаго протоіерея А. П. Мальцева.

Х.

Русскій уголокъ въ Гамбургѣ.

— Когда вы будете въ Гамбургѣ,—говорилъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Берлина протоіерей А. П. Мальцевъ, — посѣтите тамъ нашу сіонскую горницу—нашу православную церковь, устро-

Гавань въ Гамбургѣ.

енную братствомъ. Она находится въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ братству, а у насъ тамъ уже два дома.

По приѣздѣ въ Гамбургъ я повидался съ секретаремъ російской миссіи, П. К. Минкевичемъ, однимъ изъ дѣятельныхъ помощниковъ А. П. Мальцева по устроению русскаго дѣла въ Гамбургѣ. П. К. Минкевичъ живетъ въ домѣ братства (на Чешской улицѣ—Böhmersweg, 4) и управляетъ братскими домами.

На Böhmersweg ходятъ изъ города вагоны электрической конки. Въды минутъ двадцать. Прибывъ на мѣсто, я полюбовался двумя стоящими рядомъ узкими, но довольно высокими братскими домами, они красовались за небольшими палисадниками съ вѣчно зелеными деревцами.

— Сначала мы владѣли однимъ домою, купленнымъ за 35.000 марокъ,— говорилъ мнѣ П. К. Минкевичъ,— потомъ купили и смежный. Вся покупка обошлась братству въ 63.000 марокъ. Дома приносятъ доходъ, квартиры въ нихъ заняты, и эти деньги служатъ подспорьемъ братству.

Съ П. К. Минкевичемъ мы поднялись въ верхній этажъ стараго дома и вошли въ маленькую, но привѣтливую и изящную русскую церковь. Когда-то гамбургцы имѣли свои церкви въ Россіи—въ Новгородѣ и Ладогѣ, а теперь и мы добились устройства своего храма въ громадной столицѣ германскаго мореходства.

Русская церковь въ Гамбургѣ устроена въ 1900 г. Здѣсь на высотѣ четвертаго этажа, надъ моремъ гамбургской сутолоки, ярко горитъ свѣточъ православія. Нѣсколько разъ въ годъ тутъ раздаются слова русской молитвы. Для богослуженій наѣзжаетъ берлинскій причтъ, такъ какъ своего причта гамбургская церковь покуда не имѣетъ. Въ церкви изящный иконостасъ, доставленный сюда изъ Швеціи и связанный съ нѣкоторыми историческими воспоминаніями. Иконостасъ въ свое время былъ отправленъ въ Швецію въ приданое русской великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ въ виду предполагавшагося ея бракосочетанія съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV (1796 г.). Строгая вѣрность княжны православію помѣшала тогда осуществленію этого брака, и великой княжнѣ суждено было стать заѣмъ супругой эрцъ-герцога Юсифа, палатина венгерскаго. Присланный ей иконостасъ находился при храмѣ русской миссіи въ Стокгольмѣ, и заѣмъ онъ оттуда перевезенъ и переданъ гамбургской церкви стараніями нынѣшняго русскаго министра-резидента въ Гамбургѣ, С. В. Арсеньева, до того занимавшаго дипломатическій постъ въ Стокгольмѣ.

Гамбургскій храмъ посвященъ святителю и чудотворцу Николаю, особенно почитаемому у насъ покровителю путешествующихъ и плавающихъ по морямъ. А въ Гамбургъ плывутъ люди со всѣхъ концовъ свѣта и русскіе представители изъ Америки.

«Я желалъ бы,— писалъ въ 1901 г. инициаторъ и устроитель православнаго храма и русскаго дома въ Гамбургѣ, о. протоіерей Мальцевъ, преосвященнѣйшему Тихону, епископу алеутскому и американскому,— чтобы наши заокеанскіе друзья въ Америкѣ, наше православное духовенство, часто слѣдующее черезъ Гамбургъ къ мѣстамъ своего служенія и обратно, какъ при своемъ назначеніи въ Америку, такъ и при отпускахъ на родину, было поставлено въ извѣстность, что они могутъ найти себѣ пріютъ въ братскомъ домѣ въ Гамбургѣ, и въ воскресенье или въ праздникъ отслужить тамъ литургію или всенощную, оповѣстивъ о томъ русскую православную колонію Гамбурга».

Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ созданъ этотъ привѣтливый и уютный русскій уголокъ въ Гамбургѣ. Шесть лѣтъ, какъ крошечная

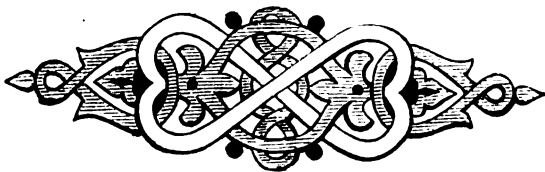
сіонская горница, церковь св. Николая Чудотворца, служить дѣлу православія въ этомъ громадномъ зарубежномъ городѣ, объединяя разсѣянные среди сплошнаго нѣмецкаго населенія горсточки славянъ и русскихъ. При торжествѣ русской идеи въ созданіяхъ братства, въ Гамбургѣ теперь каждый чувствуетъ, что и русскому имени, безвѣстному въ другихъ зарубежныхъ краяхъ, здѣсь принадлежитъ не послѣднее мѣсто.

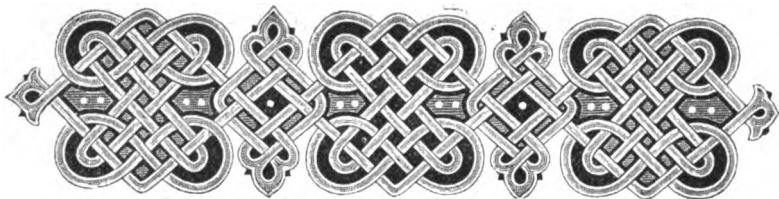
Благословенъ будь этотъ привѣтливый русскій уголь, думалъ я, находясь въ маленькой гамбургской церкви, и да благословить Богъ ратоборцевъ труднаго русскаго дѣла на чужбинѣ!

Гамбургъ, связанный съ древней Россіей,—нынѣ почти чужой для насъ... Но мы, русскіе, слава Богу, здѣсь не чужіе...

Путникъ (Н. Н. Лендеръ)

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О В. А. КРЫЛОВѢ.

I.

АРТА 3-го, въ 10 часовъ вечера, на 68 году отъ рожденія, скончался въ Москвѣ извѣстный писатель-драматургъ, Викторъ Александровичъ Крыловъ. Последнія 5—6 лѣтъ слава и популярность Крылова пошли на убыль. Покойный переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и почти уединился въ своемъ собственномъ родовомъ домѣ, на Большихъ Палашахъ. Москвичъ по рожденію, онъ былъ связанъ съ первopрестольной обширнымъ родствомъ и еще болѣе обширнымъ знакомствомъ. У него въ Москвѣ было много друзей. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе годы, какъ я сказаль уже, онъ жилъ почти уединенно. Покойный не могъ мириться съ тѣмъ, что пережилъ свою славу и былъ, какъ говорится, сданъ въ архивъ. Слѣдя за вновь народившимся репертуаромъ на русской сценѣ, за новыми вѣяніями и теченіями въ области драматическаго искусства, Крыловъ многимъ восторгался, но еще большимъ возмущался. Такъ, пьеса г. Найденова «Дѣти Ванюшина», которая шла въ театрѣ Корша, произвела на опытнаго драматурга большое впечатлѣніе. Онъ восхищался первымъ произведеніемъ начинающаго драматурга и рекомендовалъ всѣмъ смотрѣть эту пьесу.

— Найденовъ—несомнѣнный талантъ... Это оазисъ среди пустыни... говорилъ онъ.

Но если таковъ былъ его отзывъ о Найденовѣ, то покойному Чехову, а въ особенности Горькому, отъ него доставалось. Въ

Чеховъ онъ не находилъ никакого драматическаго таланта, а о Горькомъ, какъ о драматическомъ писателѣ, говорилъ не иначе, какъ съ пѣной у рта.

— Помилуйте,—кипятился Крыловъ,—ни фабулы, ни дѣйствія... Одна только длинная и безконечная канитель сквернословія, пошлости, безъ начала и конца, которая можетъ быть продолжена до безконечности...

Помню. Пришелъ я къ нему обѣдать. Крыловъ, услышавъ мой голосъ изъ передней, поспѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу съ № «Новаго Времени» въ рукахъ. Давно не видѣлъ его такимъ сіяющимъ и торжествующимъ.

— Не именинникъ ли вы сегодня?—улыбнулся я, подавая ему руку.

— Да, пожалуй именинникъ,—въ свою очередь улыбнулся Крыловъ.—На-те, читайте...

И тутъ же, въ передней, онъ вручилъ мнѣ № «Новаго Времени» и, ввявъ подъ руку, ввелъ въ кабинетъ, усадилъ за своимъ письменнымъ столомъ и торопливо проговорилъ:

— Читайте... читайте фельетонъ Буренина...

Я приступилъ къ чтенію фельетона и по временамъ изъ-за газетнаго листа наблюдалъ за Крыловымъ, который усѣлся противъ меня и въ свою очередь слѣдилъ за мной глазами, желая прочесть на моемъ лицѣ, какое производитъ на меня впечатлѣніе статья г. Буренина. Глаза Крылова сверкали, и онъ, то и дѣло, двигался на своемъ креслѣ. Онъ чувствовалъ потребность высказаться, но въ то же время не хотѣлъ мѣшать мнѣ.

Я дочиталъ статью и поднялъ глаза на Крылова.

— Ахъ, Буренинъ!.. Это—единственный человѣкъ, который говоритъ, какъ думаетъ... Вы знаете, онъ мнѣ попортилъ много крови... Всю жизнь онъ преслѣдовалъ меня... Но за этотъ фельетонъ я бы обнялъ его и расцѣловалъ... Это—единственный критикъ, который не боится высказывать правду, ни предъ кѣмъ не халуствуетъ, не заискиваетъ у толпы, не гладитъ по шерсти, страха ради іудейска, пошляковъ и бездарностей... Да, какъ же иначе? Вѣдь онъ не только остроуменъ, но и уменъ, какъ бѣсъ... У него вкусъ настоящій, онъ художникъ въ душѣ и, какъ заправскій литературный критикъ по призванію, не можетъ мириться съ пошлостью, низменностью, невѣжествомъ, бездарностью и наглостью корифеевъ современной литературы и драматургіи... Халуй прессы, именно прессы, а не литераторы,—на-те, кушайте и давитесь...—Крыловъ ткнулъ пальцемъ въ газетный листъ.—Любуйтесь вашимъ героемъ... Хорошъ онъ, нечего сказать... Ахъ, Буренинъ! Милый Буренинъ, спасибо тебѣ, великое спасибо...

И долго, очень долго продолжалъ Крыловъ на одну и ту же тему: ругалъ безпощадно Горькаго и разсыпался въ похвалахъ

г. Буренину. Продолжалось это и во время обѣда, и послѣ обѣда, и весь вечеръ, вплоть до моего ухода. Крыловъ какъ будто помолодѣлъ и поздоровѣлъ, онъ былъ радостенъ и доволенъ.

Признаюсь, сначала впечатлѣніе отъ этого вечера, проведеннаго у Крылова, было далеко не въ пользу В. А. Мнѣ казалось, что Крыловымъ руководила профессиональная зависть къ Горькому. Онъ не могъ простить пѣвцу босяковъ его сценическіе триумфы, которыхъ самъ ужъ былъ лишенъ, а потому ругалъ его и былъ счастливъ, когда г. Буренинъ въ своемъ фельетонѣ такъ беспощадно отдѣлалъ ненавистнаго ему соперника-драматурга. Но я былъ не справедливъ къ Крылову. Онъ ненавидѣлъ и презиралъ Горькаго-драматурга не за то, что тотъ пользовался успѣхомъ, а за то, что видѣлъ въ немъ писателя, созданнаго модой и рекламой, драматическія произведенія котораго ничего общаго не имѣли съ настоящимъ искусствомъ, вторгавшимся на русскую сцену въ грязныхъ и вонючихъ опоркахъ и подъ видомъ искусства вносившимъ на сцену смрадъ, зловоніе и сквернословіе... Что такъ оно именно и было, свидѣтельствуетъ отношеніе Крылова къ другимъ драматургамъ-писателямъ, появившимся ему на смѣну. Ну, хоть бы къ тому же г. Найденову, о которомъ я ужъ упомянулъ. Когда послѣ «Дѣтей Ванюшина» въ томъ же театрѣ Корша была поставлена вторая пьеса молодого драматурга, Крыловъ былъ очень огорченъ, что его надежды не оправдались, что вторая пьеса г. Найденова оказалась слабой и провалилась.

— Неужели я ошибся въ Найденовѣ?—жаловался онъ мнѣ.— Неужели его хватило только на одну пьесу?.. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно... Въ этой его слабой пьесѣ все-таки имѣются нѣсколько сценъ весьма талантливыхъ... Онъ еще молодъ, онъ еще выпитется и дастъ крупныя произведенія... Онъ поторопился съ своимъ вторымъ произведеніемъ, не отдѣлалъ его, не обработалъ, какъ слѣдуетъ... Ахъ, и время же какое подлое; все дѣлается второпяхъ, на спѣхъ, лишь бы поскорѣе поставить...

Большимъ нравственнымъ ударомъ для Крылова былъ состоявшийся приговоръ театральнаго-литературнаго комитета, по которому послѣдняя комедія его «Горячее сердце» (не ручаюсь за точность заглавія) не была допущена на императорскую сцену. Комедія эта отличается блестящимъ діалогомъ, которымъ такъ мастерски владѣлъ покойный драматургъ. Крыловъ былъ увѣренъ, что постановкой этой комедіи онъ воскреситъ свою былую славу... Надежда его не осуществилась: пьесу не допустили на сцену...

Обиднѣе всего было Крылову, что каждый изъ гг. членовъ театральнаго-литературнаго комитета рассыпался передъ нимъ въ похвалахъ за эту комедію, что не помѣшало имъ, однако, коллегіально наложить на нее свое veto. Изъ петербургскаго комитета пьеса была перенесена на разсмотрѣніе въ московскій, и тамъ ее постигла та же участь: ее забраковалъ и московскій комитетъ.

— Судьи-то, судьи кто?—волновался Крыловъ.—Это они устроили противъ меня заговоръ... А вѣдь нѣкоторымъ изъ нихъ я оказывалъ услуги, дѣлалъ добро (онъ назвалъ этихъ лицъ и под-

Викторъ Александровичъ Крыловъ.

крѣпилъ свои слова документами)... А вотъ теперь они унизили меня, осрамили на старости лѣтъ...

Жалко было смотрѣть на Крылова въ эти моменты. Онъ, дѣйствительно, былъ задѣтъ за живое и глубоко страдалъ отъ нанесенной ему обиды; страдалъ, какъ человѣкъ и какъ писатель...

Встрѣтившись съ однимъ литераторомъ, близко стоявшимъ тогда къ членамъ театрално-литературнаго комитета, я рассказаль ему о мученіяхъ Крылова и спросиль его: неужели пьеса В. А. такъ плоха, что ее нельзя было допустить на сцену?

— Плоха ли, не плоха, но она не допущена по весьма уважительнымъ соображеніямъ...

— Какія же это соображенія?..

— А хоть бы и то, что Крыловъ достаточно уже нажился... Помилуйте, дома его въ Москвѣ занимають цѣлый кварталъ, изъ общества драматическихъ писателей онъ получаетъ такой доходъ, какой никогда даже Островскому не снился, у него больше ста тысячъ наличныхъ!.. Пора ему успокоиться и другимъ дать жить... Разрѣши ему пьесу — авторское вознагражденіе за полъ-сезона изъ обоихъ театровъ — петербургскаго и московскаго — попало бы въ бездонные карманы Виктора Александровича... Надо же было положить конецъ его жадности...

— Значить, — перебилъ я моего собесѣдника, — вы боялись, что пьеса Крылова будетъ имѣть большой успѣхъ, и онъ получитъ значительные авторскіе, а потому и не одобрили ее къ представленію.

Собесѣдникъ мой вспыхнулъ и раздраженно проговориль:

— Не понимаю, какая вамъ охота заступаться за Крылова. В. А. никогда никому не дѣлалъ добра; кого можно было грабить — онъ грабилъ... Кого-кого только онъ не «окрылилъ», и за это окрыленіе клалъ себѣ куши въ карманъ... Онъ былъ безцеремоненъ не только съ драмодѣлами, но не стѣснялся обирать и заправскихъ писателей... Мёрдеръ, Величко...

— И за это вы его наказали и отвергли его пьесу?..

— Кто вамъ говорить, что за это? — съ еще большимъ раздраженіемъ перебилъ меня собесѣдникъ. Было очевидно, что онъ раскаивался въ томъ, что выболтнулъ мнѣ свой секретъ. — Мы забраковали пьесу Крылова потому, что она пустая, безсодержательная... Крыловъ старъ, онъ исписался... Его новая комедія — это старческій бредъ... Нельзя же запрудить хламомъ казенную сцену... Ну, да вы что это, С. К.? — пережънилъ мой собесѣдникъ свой раздражительный тонъ на искусственно-добродушный. — Вы словно увлечены вашимъ Крыловымъ и готовы за него копыя ломать... Напрасно... Мало вы его знаете... Онъ у насъ, у всѣхъ, вотъ гдѣ сидѣлъ, — онъ похлопалъ себя по шеѣ. — Думаю, и вамъ онъ въ копеечку обошелся... Небось, «Контрабандисты» вы-то написали, а г. Крыловъ получалъ авторскіе наравнѣ съ вами...

— Какое вамъ дѣло до моихъ расчетовъ съ Крыловымъ? — грубо оборвалъ я моего собесѣдника.

II.

Вышеприведенный разговоръ я потому привелъ въ подробности, что, по-моему, онъ раскрываетъ нѣкоторымъ образомъ главный мотивъ, почему цокойнаго драматурга такъ ненавидѣли товарищиписатели и почему такъ преслѣдовали его и издѣвались надъ нимъ въ печати и обществѣ. Крылову завидовали за его относительную обеспеченность. Ему не прощали его аккуратность, его скопидомство, его уравновѣшенность, — качества, чуждыя нашему брату, писателю, — что дало ему возможность на старости лѣтъ быть обеспеченнымъ и сохранить независимость.

Но былъ ли дѣйствительно Крыловъ жаденъ и посягалъ ли на чужую копейку?

Ничего подобнаго. Крыловъ былъ экономенъ—да; онъ не рачиталъ зря трудомъ добытую копейку; не любилъ роскошествовать и транжирить, но никогда не былъ скупъ и никогда не желалъ чужого. Человѣкъ труда и умѣренныхъ потребностей, онъ всегда осуждалъ товарищей, не умѣвшихъ соразмѣрить свои расходы съ доходами и расточавшихъ трудомъ добытое на излишества и роскошь. Крыловъ ничего не пилъ и даже не курилъ, о кутежѣ даже въ молодые свои годы онъ не имѣлъ понятія. Онъ дорожилъ своимъ временемъ, которое было у него строго соразмѣрено, а потому безъ особаго напряженія могъ дать такое большое количество творческой работы. Его изумительная плодовитость не была слѣдствиемъ жадности къ заработку, а была слѣдствиемъ душевной потребности труда, работы, которая доставляла ему удовольствіе. Въ тѣ дни, когда работа ему особенно удавалась, онъ чувствовалъ самое высшее наслажденіе и былъ счастливъ. Крыловъ устроилъ свою жизнь разумно и пользовался ея благами умѣренно: послѣ умѣренной работы онъ давалъ себѣ умѣренный отдыхъ. На разумныя развлечения онъ никогда не скупился. Онъ любилъ разѣзжаться и по Россіи, и за границей, и каждое лѣто предпринималъ путешествія, болѣе или менѣе дорого стоящія. Тутъ онъ никогда не скупился на удобства: по желѣзной дорогѣ ѣздилъ всегда въ первомъ классѣ и останавливался въ первоклассныхъ гостиницахъ и отеляхъ. Дома у себя онъ былъ хлѣбосолень и, какъ истый москвичъ, любилъ, чтобъ за его обѣденнымъ столомъ бывали гости. Врядъ ли онъ когда либо кого либо угощалъ обѣдомъ или ужиномъ въ ресторанахъ, и это потому, что самъ не любилъ ресторанныхъ обѣдовъ и ужиновъ, предпочитая свой домашній столъ, который гарантировалъ его отъ всякихъ желудочныхъ заболѣваній, къ которымъ организмъ его былъ склоненъ. Онъ всегда, насколько это было возможно, избѣгалъ всякіе обѣды по подпискѣ по случаю ли литературныхъ юбилеевъ или другихъ общественныхъ и литературныхъ событій. Многіе приписывали это его скупости, на

самомъ же дѣлѣ онъ просто боялся ресторанной кухни. Въ прошломъ году, когда Вас. Ив. Немировичъ-Данченко возвратился съ театра военныхъ дѣйствій, и его въ Москвѣ чествовали обѣдомъ въ ресторанахъ «Эрмитажъ», Крыловъ долго не рѣшался записаться на этотъ обѣдъ.

— Положительно не знаю, какъ быть,—жаловался онъ мнѣ.— Что они находятъ въ этомъ скверномъ ресторанномъ обѣдѣ, въ этомъ противномъ шампанскомъ?!.. И еще въ такое время, когда на Дальнемъ Востокѣ проливается кровь и люди гибнутъ и отъ голода и отъ холода... Я бы понялъ, если бъ въ честь Вас. Ив. устроили по подпискѣ его имени три-четыре кровати для раненныхъ въ какомъ нибудь лазаретѣ, или стипендію въ пользу сироты, а то соберутся жрать и пить... Это значитъ: плати деньги и порти себѣ желудокъ въ честь Вас. Ив....

— Если вы такъ противъ подобныхъ обѣдовъ, то и не участвуйте въ немъ...

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать... Во-первыхъ, я Вас. Ив. очень люблю и цѣню, чествованія онъ вполне заслуживаетъ, и разъ его чествуютъ обѣдомъ, я долженъ участвовать въ этомъ обѣдѣ. Во-вторыхъ, если откажусь отъ участія, то скажутъ, что я пожалѣлъ десяти рублей... Вѣдь о моей жадности цѣлыя легенды ходятъ?.. Съ какимъ удовольствіемъ,—заключилъ онъ,—я пожертвовалъ бы 25—50 рублей на просвѣтительное учрежденіе имени Вас. Ив., а эти десять рублей на обѣдъ мнѣ дѣйствительно жалко...

— Вы бы предложили, чтобъ вмѣсто обѣда чествовали Вас. Ив. иначе..

— Пробовалъ, да ничего не вышло... Вѣдь всѣмъ устроителямъ хочется за свои деньги и пожрать и попить, а главное произносить рѣчи и о себѣ заявить...

— А вы рѣчь произносить не будете?..

— Рѣчь?.. Нѣтъ, рѣчи произносить не буду... Стихотвореніе напишу и прочту...

— Вотъ, значитъ, за свои десять рублей и о себѣ заявите...

Крыловъ засмѣялся.

Очень обидно, что Крылову молва создала репутацію Плюшкина; еще обиднѣе то, что создателями этой молвы были люди, меньше всего имѣвшіе право жаловаться на скупость Крылова. Въ архивѣ покойнаго драматурга имѣются десятки документовъ, въ видѣ письменныхъ благодарностей за оказанныя матеріальныя услуги (иногда довольно значительныя) отъ литераторовъ и артистовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ я читалъ, и, если никого изъ благодѣтельствованныхъ Крыловымъ не называю, то, во-первыхъ, чтобы гусей не раздражить, а, во-вторыхъ, самъ покойный драматургъ никогда не рассказывалъ о своихъ обидчикахъ, которые платили ему за добро клеветой и инсинуаціями и распространяли

о немъ всякія небылицы. Вѣроятно, и я бы объ этомъ ничего не зналъ, если бѣ въ послѣднее время, когда Крыловъ ослѣпъ на одинъ глазъ и боялся потерять и другой глазъ, онъ, желая привести въ порядокъ свой архивъ, не былъ вынужденъ прибѣгнуть къ сторонней помощи. Отчасти въ этой работѣ помогъ ему и я.

И вотъ, разбирая многолѣтнюю переписку Крылова (преимущественно, если не исключительно литературную), я впервые натолкнулся на документы, которые съ несомнѣнной очевидностью доказываютъ, какъ былъ оклеветанъ и оболганъ покойный драматургъ людьми, пользовавшимися его услугами нравственными и матеріальными. Въ особенности былъ я возмущенъ, когда прочелъ письмо одного весьма виднаго литератора, который разсыпался предъ Крыловымъ въ благодарностяхъ и между прочимъ написалъ ему:

...«Вы мой спаситель. Безъ вашей дружеской помощи я бы погибъ. Если бѣ знали, изъ какого омута вытащили меня. Умирать буду—не забуду вашей дружеской услуги, на которую не смѣлъ надѣяться послѣ того, какъ мнѣ отказали въ помощи... (переименованы нѣсколько лицъ), а вѣдь это все друзья и завадыки... Къ скрягѣ Крылову я обратился съ отчаянія... Не ожидалъ я, что мой посланный возвратится съ требуемой суммой. Глазамъ своимъ не вѣрилъ, когда нашелъ въ конвертѣ 250 рублей. Спасибо вамъ тысячу разъ...».

Литераторъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда нашелъ въ конвертѣ 250 рублей, которые послалъ ему Крыловъ (замѣчу: деньги эти не были Крылову возвращены), а я не вѣрилъ моимъ глазамъ, что держу въ рукахъ письмо этого литератора къ Крылову.

— Неужели это письмо отъ N?..—обратился я къ В. А.:—онъ вамъ это написалъ?..

— Ну, да. Чему вы такъ удивляетесь?

— Помилуйте... Сколько гадостей онъ вамъ дѣлаетъ, а вы молчите... Напомнили бы ему, что онъ вамъ обязанъ?..

— Чѣмъ же я ему могу напомнить?

— А хоть бы письмо это напечатали... По нынѣшнему времени найти газету, чтобъ учинить скандалъ, легко... Хотите, я вамъ это устрою?..

— Нѣтъ,—Крыловъ махнулъ рукой.—Не надо... Богъ съ нимъ!.. И развѣ онъ одинъ такъ со мною поступаетъ? Есть и другіе... Всѣмъ имъ сдѣлать скандалы, самъ еще такъ же оскандалишься... Пусть ихъ...

Въ архивѣ Крылова, какъ сказано, имѣется много писемъ отъ лицъ, которымъ В. А. помогалъ, и которыя потомъ чернили покойнаго драматурга.

Крыловъ, конечно, особой мягкостью не отличался; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ отличался черствостью и скупостью.

Онъ былъ расчетливъ, да; но не настолько, чтобы равнодушно пройти мимо истинной нужды. Для истинно нуждающихся его кошелекъ всегда былъ открытъ, и приходилъ онъ людямъ на помощь деликатно, щадя ихъ самолюбіе, не задѣвая его, и при этомъ избѣгалъ благодарности.

Такимъ образомъ, сложившаяся легенда о феноменальной скупости и скарденности Крылова, обязана своимъ происхожденіемъ зависти товарищей его по драматургіи, которые не могли простить ему его достатокъ, его обезпеченное матеріальное положеніе.

III.

Имѣются два факта въ жизни Крылова, которые, повидимому, рисуютъ покойнаго драматурга съ несимпатичной стороны и какъ бы оправдываютъ сложившееся о немъ мнѣніе, какъ о скупцѣ и какъ о посягательѣ на чужую копейку. Это—его столкновенія съ покойными Величко и Н. И. Мердеръ.

О столкновеніи Крылова съ Величко, къ сожалѣнію, не могу говорить подробно, такъ какъ о немъ я знаю только по рассказамъ Крылова, и у меня объ этомъ дѣлѣ имѣются такимъ образомъ показанія лишь отъ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, для меня не подлежитъ сомнѣнію, что Крыловъ имѣлъ право считать комедію «Первая муха» своей наравнѣ съ Величко. Я видѣлъ эту комедію въ исполненіи Крыловской переделки и въ первоначальномъ ея видѣ, гдѣ авторомъ ея является единолично покойный поэтъ. Въ первомъ видѣ она смотрѣлась съ возрастающимъ интересомъ, вызывала бурные аплодисменты и имѣла большой успѣхъ; во второмъ ея видѣ она оказалась растянутой, скучной, тягучей и провалилась.

Другое дѣло—столкновение Крылова съ Н. И. Мердеръ. Объ этомъ столкновеніи мнѣ извѣстны подробности отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, и узналъ я эти подробности, нѣсколько лѣтъ спустя, когда страсти улеглись, и спорившіе не только успокоились, но и помирились.

Даровитая писательница съ свойственнымъ ей добродушіемъ и присущимъ ей тонкимъ юморомъ рассказывала мнѣ о своемъ судбищѣ съ Крыловымъ. Распря между ними первоначально возникла исключительно на этической почвѣ. Маститая писательница не могла примириться съ тѣмъ, чтобы у рожденнаго ею муками творчества дѣтища на первомъ планѣ значился заправскимъ родителемъ приглашенный только къ облегченію мукъ роженицы выдающійся акушеръ. Она сознавала, что заплатить ему слѣдуетъ щедро, но не могла назвать его въ награду за его труды главнымъ творцомъ ея произведенія. Крыловъ же былъ увѣренъ, что безъ его участія дѣтище Н. И. Мердеръ, какъ сценическое произведеніе, не

имѣло никакой цѣны, и только онъ своей работой сдѣлалъ это произведеніе сценичнымъ. Отсюда и конфликтъ между ними. Н. И. Мердеръ была оскорблена въ своемъ писательскомъ достоинствѣ и, какъ женщина, рѣзко протестовала противъ притязаній Крылова, написавъ ему письмо въ оскорбительномъ, какъ показалось Крылову, тонѣ. Онъ съ своей стороны отвѣтилъ тоже рѣзкостью. Дальше—больше. Крыловъ выдвинулъ вопросъ о вознагражденіи и сталъ доказывать, что механической работы въ написаніи «Генеральши Матрены» на его долю выпало больше, а потому и фамилія его должна стоять на афишѣ первой, и процентное вознагражденіе за представленіе пьесы на сценѣ ему принадлежитъ большее, чѣмъ Н. И. Мердеръ. Старая писательница, конечно, была возмущена. Друзья-пріятельи вмѣсто того, чтобы успокоить воюющія стороны, еще больше подливали масла въ огонь. Разыгрался скандалъ. Былъ назначенъ для разбора дѣла третейскій судъ. Крыловъ, наконецъ, одумался и сталъ уступать. Инцидентъ въ сущности былъ исчерпанъ, когда Крыловъ на всѣ требованія Н. И. Мердеръ далъ свое согласіе до постановленія приговора суда, и вмѣсто постановленія приговора судъ составилъ протоколъ о мировомъ соглашеніи.

Дѣло это, повторяю, не оставило никакихъ слѣдовъ горечи въ душахъ тягавшихся. Старая писательница помирилась съ Крыловымъ. Когда она переѣхала на жительство въ Варшаву, а Крыловъ въ Москву, Н. И. Мердеръ съ нимъ переписывалась, давала ему мелкія необременительныя порученія, которыя Крыловъ всегда охотно исполнялъ. Она всегда передавала ему свой голосъ на общихъ собраніяхъ общества русскихъ драматическихъ писателей; если же у Крылова голосовъ было много, и по уставу общества самъ онъ не могъ пользоваться голосомъ Н. И. Мердеръ, то писательница по указанію Крылова передавала свой голосъ лицу, ей лично неизвѣстному.

Въ началѣ зимы 1904 г. Крыловъ заболѣлъ, Н. И. Мердеръ жила уже тогда въ Москвѣ. Захожу я къ ней однажды, и она встрѣчаетъ меня вопросомъ:

— Что съ Викторомъ Александровичемъ, онъ очень боленъ?..

— Да, онъ чувствуетъ себя неважно...

— Бѣдный, вѣдь онъ совершенно одинокъ... Скажите, кто за нимъ ухаживаетъ?.. О его болѣзни мнѣ сообщилъ С. Н. Шубинскій и совѣтуетъ мнѣ навѣстить его... Что жъ, я не прочь... Передайте Крылову, что собираюсь къ нему заѣхать, и спросите, когда могу побывать у него...

— Да, когда угодно, — отвѣтилъ я. — Онъ всегда радъ будетъ видѣть васъ...

— Вы думаете?..

— Я увѣренъ въ этомъ... Кромѣ хорошаго, ничего отъ него о васъ не слыхалъ, а въ своемъ уединеніи онъ радъ всякому, кто о немъ вспомнить.

— Въ такомъ случаѣ на этихъ же дняхъ къ нему заѣду.

— И хорошо сдѣлаете, доставите удовольствіе больному.

Я передалъ Крылову о желаніи Н. И. заѣхать къ нему, и онъ этому очень обрадовался. Но свиданіе ихъ не состоялось: Н. И. Мердеръ сама прихворнула, и, когда оправилась отъ болѣзни, Крыловъ, раньше ея выздоровѣвшей, уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы.

Но если Н. И. Мердеръ и покойный Крыловъ сочли нужнымъ забыть случившееся между ними недоразумѣніе и вычеркнуть его изъ своей памяти, то не забыла объ этомъ злоба людей, къ этому недоразумѣнію совершенно непричастныхъ...

IV.

Перехожу къ личнымъ моимъ отношеніямъ съ В. А. Крыловымъ и расскажу вкратцѣ исторію моей совмѣстной работы съ нимъ по написанію «Контрабандистовъ».

Главнымъ виновникомъ появленія этой драмы несомнѣнно слѣдуетъ считать С. Н. Шубинскаго: онъ познакомилъ меня съ Крыловымъ, онъ уговорилъ меня писать вмѣстѣ съ нимъ пьесу, и онъ же настоялъ, чтобъ я выставилъ свой псевдонимъ (С. Литвинъ) рядомъ съ Крыловымъ на пьесѣ, когда послѣдняя была написана, и я отказывался отъ пьесы и не хотѣлъ выступать ни ея соавторомъ, ни пользоваться доходами отъ пьесы, по соображеніямъ исключительно литературнаго свойства, о которыхъ подробно расскажу ниже.

Познакомилъ меня С. Н. Шубинскій съ Крыловымъ въ 1896 г. Это было недѣли за двѣ до масленицы. Прихожу я къ С. Н., по обыкновенію, утромъ, въ часы его приѣма. С. Н. встрѣтилъ меня словами:

— Хорошо, что пришли; я вѣдь собирался написать вамъ и просить зайти ко мнѣ въ субботу... Тутъ одно дѣло для васъ интересное...

— Какое дѣло?—заинтересовался я.

— Былъ у меня вчера В. А. Крыловъ; онъ очень заинтересовался вашими рассказами и просилъ меня непремѣнно познакомиться его съ вами.

— Зачѣмъ я ему такъ понадобился?

— Онъ прямо сказалъ мнѣ, что хочетъ написать вмѣстѣ съ вами пьесу изъ еврейской жизни... Кажется, его очень привлекаетъ сюжетъ вашей повѣсти «Среди евреевъ»... Онъ очень расхвали-

валъ повѣсть и восхищался ея сюжетомъ... Вѣроятно, ее-то онъ и хочетъ передѣлать въ драму...

— Такъ пусть и передѣлаешь, я-то тутъ при чемъ?

— Онъ передѣлаешь ее вмѣстѣ съ вами.

— Со мною вмѣстѣ?.. Но я никогда не работалъ вдвоемъ и не понимаю, какъ можно вдвоемъ работать...

— Ну, этого и я не знаю,—улыбнулся С. Н.,—Крыловъ вамъ это объяснить...

— Да стоитъ ли съ нимъ связываться? Молва о немъ идетъ такая нехорошая.

— Во-первыхъ,—отвѣтилъ мнѣ С. Н.,—молва о Крыловѣ, если и не хороша, то онъ въ этомъ гораздо меньше виноватъ, чѣмъ думаютъ мало знающіе его люди... Онъ — мой старинный пріятель и даже другъ... Я знаю его хорошо и считаю его человѣкомъ весьма порядочнымъ... Во-вторыхъ, сойдется ли вы съ нимъ и напишете ли вмѣстѣ съ нимъ пьесу, въ это я не вхожу, но я далъ ему слово познакомить его съ вами,—онъ очень настаивалъ,—и я прошу васъ, приходите въ субботу.

Избѣгать знакомства съ Крыловымъ у меня причинъ не было, и я далъ слово С. Н. быть у него въ субботу.

Моя первая встрѣча съ Крыловымъ запечатлѣлась въ моей памяти. Когда я пришелъ въ субботу къ С. Н., я уже засталъ В. А. у него въ кабинетѣ. С. Н. насъ познакомилъ. Крыловъ прямо заявилъ мнѣ, что онъ чрезвычайно заинтересовался моими рассказами изъ еврейской жизни и желалъ бы написать вмѣстѣ со мною пьесу изъ жизни евреевъ, что такая пьеса непременно заинтересуетъ публику и будетъ имѣть громадный успѣхъ. Затѣмъ онъ сталъ разбирать нѣкоторые мои рассказы, о которыхъ отзывался съ преувеличенными похвалами, чѣмъ приводилъ меня въ немалое смущеніе, и заявилъ, что въ каждомъ изъ нихъ имѣется достаточно матеріала для драмы. Крыловъ говорилъ долго, останавливался на подробностяхъ въ моихъ рассказахъ, разбиралъ ихъ съ точки зрѣнія сценическихъ эффектовъ и кончилъ тѣмъ, что въ сотрудничествѣ со мною ему удастся написать пьесу, которая произведетъ фуроръ новизной фабулы и быта, никѣмъ еще для сцены на затронутого.

— Развѣ нѣтъ пьесъ изъ еврейской жизни?—перебилъ я его.— Существуютъ «Уриель-Акоста», «Натанъ Мудрый»,—вы же его переводили,—«Не тотъ жидъ, кто еврей...», «Менахемъ бенъ-Израель», есть и другія...

— Все это не то... Настоящихъ еврейскихъ пьесъ изъ современной жизни нѣтъ ни одной, и первый, кто такую напишетъ, будетъ имѣть большой успѣхъ...

Отъ С. Н. мы вышли вмѣстѣ, и по дорогѣ онъ продолжалъ уговаривать меня написать съ нимъ вмѣстѣ пьесу изъ еврейской

жизни. Окончательнаго обѣщанія я ему на этотъ разъ все-таки не далъ и сказалъ, что необходимо подумать. Крыловъ, очевидно, былъ недоволенъ моею уклончивостью, и на этомъ мы разстались.

Прошли двѣ недѣли. Кончилась масленица, а съ ней и зимній театральный сезонъ. Во вторникъ, на первой недѣлѣ Великаго поста, въ 9 часовъ утра, ко мнѣ пришелъ В. А.

— Ну, что? Рѣшились, наконецъ?—задалъ онъ мнѣ вопросъ.

— Нѣтъ, не рѣшилъ.

— Отчего?

— Очень просто, никогда не работалъ вдвоемъ и не понимаю, какъ можно вдвоемъ работать.

— Ну, это пустяки. Вы только согласитесь и увидите, какъ это удобно и просто.

И Крыловъ нарисовалъ мнѣ картину нашей будущей совместной работы. Но, какъ ни былъ Крыловъ убѣдителенъ и краснорѣчивъ, онъ и на этотъ разъ моего согласія на совместную съ нимъ работу отъ меня не добился, и я обѣщалъ ему дать окончательный отвѣтъ чрезъ три-четыре дня.

Мнѣ совместная работа съ кѣмъ бы то ни было рѣшительно не улыбалась, и въ данномъ случаѣ я не зналъ, какъ мнѣ поступить. Остановился, наконецъ, на томъ, что посоветуюсь съ С. Н. Шубинскимъ и, какъ онъ посоветуетъ, такъ и поступлю. Сказано—сдѣлано: въ тотъ же день зашелъ я къ С. Н. и изложилъ ему мои сомнѣнія о возможности совместной работы.

— Признаюсь вамъ,—сказалъ на это С. Н.,—и я тоже не вполне понимаю, какъ можно вдвоемъ творить, а все-таки мое мнѣнiе: вамъ не слѣдуетъ отказываться... Попробуйте... Если увидите, что работа не клеится, и что она вамъ не по душѣ приходится, можете въ любой моментъ отстать отъ нея, отказаться... Въдѣ не контрактъ съ неустойкой вы будете связаны съ Крыловымъ.

— Такъ вы, значить, благословляете?..

— Благословляю попробовать,—улыбнулся С. Н.

Итакъ, я рѣшился на совместную работу съ В. А. Крыловымъ по написанiю пьесы изъ еврейской жизни по благословенiю С. Н. Шубинскаго.

Когда Крыловъ узналъ о моемъ согласiи, онъ былъ очень обрадованъ и не скрылъ этого отъ меня.

— Я убѣжденъ,—сказалъ онъ мнѣ,—что напишемъ крупное произведение, которое будетъ имѣть громадный успѣхъ... Но мы сдѣлаемъ это не торопясь... Мнѣ необходимо предварительно поработать и много поработать раньше, чѣмъ приступить къ писанiю пьесы... Чрезъ два мѣсяца уѣзжаю за границу, пробуду тамъ все лѣто... Соберу всякiе материалы, тамъ ихъ проштудирую, а на обратномъ пути остановлюсь на нѣкоторое время въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, въ Двинскѣ, поживу тамъ и постараюсь изучить героевъ нашего

будущаго произведенія въ натурѣ... Пока же намъ необходимо почаще видѣться и бесѣдовать о нашей будущей драмѣ...

Съ тѣхъ поръ я сталъ часто видѣться съ Крыловымъ: не меньше двухъ-трехъ разъ въ недѣлю онъ заходилъ ко мнѣ по утрамъ, и столько же разъ въ недѣлю я у него обѣдалъ. Мы съ нимъ сошлись весьма быстро, и я былъ весьма доволенъ моими бесѣдами съ нимъ и сталъ надѣяться, что работать съ нимъ будетъ для меня и легко и полезно.

Въ началѣ мая Крыловъ уѣхалъ за границу, захвативъ съ собой нѣсколько десятковъ томовъ матеріала по исторіи и быту евреевъ на нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ.

V.

Возвратился Крыловъ изъ-за границы къ началу театральнаго сезона, послѣдняго его управленія драматической труппой императорскихъ театровъ. До ноября мѣсяца онъ былъ занятъ по службѣ, и мы съ нимъ видались рѣдко. Съ ноября же занятія его по театру уменьшились, онъ сталъ часто бывать у меня, а я у него опять сталъ обѣдать по три, по четыре раза въ недѣлю. Начались разговоры о томъ, что пора приступить къ написанію пьесы. Крыловъ за это время успѣлъ достаточно ознакомиться съ бытомъ евреевъ и по книгамъ и на опытѣ: перечиталъ онъ массу и по еврейской исторіи (чуть ли не всего Греца) и по еврейскому законодательству, а что касается беллетристики изъ еврейской жизни, то, кромѣ выдающихся авторовъ изъ евреевъ, какъ Рабиновичъ, Леванда, Багровъ, онъ перечиталъ много хламу. Кромѣ того, проживая въ Вильнѣ, Варшавѣ и еще въ какихъ-то городахъ Сѣверо-Западнаго края, онъ на мѣстѣ изучалъ еврейскій бытъ. Словомъ, къ нашей общей работѣ онъ подготовился въ высшей степени добросовѣстно и по временамъ положительно удивлялъ меня и своимъ знаніемъ и пониманіемъ еврейской жизни.

Однажды утромъ получаю отъ него записку:

«Приходите непременно сегодня обѣдать. Сдѣлайте такъ, чтобы могли остаться у меня на весь вечеръ? Пора приступить къ работѣ. Думаю, что мы совершенно уже къ этому подготовлены».

Когда послѣ обѣда мы перешли съ Крыловымъ изъ столовой въ его кабинетъ, онъ усѣлся у письменнаго стола, меня усадилъ рядомъ въ мягкихъ креслахъ и произнесъ:

— Помните, на-дняхъ вы рассказали мнѣ случай съ контрабандой,—случай весьма интересный. Я вдумался въ него и пришелъ къ заключенію, что лучшей основы для фабулы пьесы трудно найти. И для евреевъ это будетъ не обидно: контрабандисты хотя и мошенники, но они же и герои... Общество къ контрабандистамъ относится съ симпатіей и смотритъ на нихъ, не какъ

на простыхъ жуликовъ, а какъ на жуликовъ-рыцарей, какъ на людей, занимающихся опаснымъ спортомъ...

Съ этимъ я согласился, и Крыловъ заставилъ меня вторично рассказать случай съ контрабандой, при чемъ я долженъ былъ ему изобразить въ лицахъ нѣкоторыя детали моего разсказа и охарактеризовать дѣйствующія лица моего разсказа въ томъ видѣ, какъ они мнѣ рисовались, также долженъ былъ передать ему, какое, по моему мнѣнію, общественное положеніе должно занимать то или другое лицо въ моемъ разсказѣ. Поинтересовался онъ также знать о наружности будущихъ героевъ драмы и многомъ другомъ... Такъ продолжался мой разсказъ, постоянно прерываемый Крыловымъ, останавливавшимъ меня на подробностяхъ и требовавшимъ разъясненій и дополненій. Наконецъ, я благополучно дошелъ до заключенія разсказа.

— Прекрасно,—произнесъ Крыловъ.—Теперь можно составить подробный сценарій,—онъ взялъ въ руки перо и продолжалъ:—Прекрасная фабула. Мы разобьемъ ее на четыре дѣйствія и 5 картинъ. Первое дѣйствіе—въ корчмѣ, второе—у коммерсанта... И такъ далѣе дошелъ онъ до послѣдней картины и тутъ же написалъ на большемъ листѣ писчей бумаги: «Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ».

Но тутъ же онъ отложилъ въ сторону первый листъ, взялъ другой и на немъ написалъ: «Дѣйствіе первое, явленіе 1-е». Затѣмъ онъ подробно обозначилъ, сколько человѣкъ должны находиться на сценѣ въ первомъ явленіи, о чемъ они должны разговаривать, какъ должны двигаться, гдѣ каждый изъ нихъ долженъ стоять или сидѣть, и тому подобное. За первымъ явленіемъ слѣдовало второе съ такими же подробностями, за вторымъ—третье, до конца 1-го дѣйствія. Точно также набросалъ онъ на бумагѣ содержаніе явленій слѣдующихъ дѣйствій драмы. Работалъ Крыловъ молча, сосредоточенно, при чемъ большой, прекрасный лобъ его то и дѣло покрывался морщинами, а глаза его, когда онъ отводилъ ихъ отъ лежащей предъ нимъ бумаги и, сосредоточивъ свой взглядъ на мнѣ, предлагалъ вопросы, какъ-то особенно блестящі, что чрезвычайно молодило его и сообщало всей его фигурѣ благородство вдохновенія.

Работа затянулась до часа ночи. Крыловъ тщательно сложилъ исписанные имъ листы и, вручая ихъ мнѣ, сказалъ:

— Теперь, С. К., берите съ собой сценарій и приступите къ работѣ. Напишите пьесу, какъ Богъ на душу положить. Не думайте ни о сценичности, ни о законченности діалоговъ и сценъ, а валяйте прямо, не выходя изъ начертанныхъ рамокъ... Ваша работа должна послужить для меня лишь матеріаломъ для созданія пьесы, и я отъ васъ лишь сырой матеріалъ требую... Такъ вотъ—этого сырья и не жалѣйте, и чѣмъ больше вы мнѣ его подготовите, тѣмъ будетъ лучше...

Мнѣ эта рѣчь Крылова не особенно понравилась, но я ему ничего не отвѣтилъ и, молча положивъ въ карманъ сценарій, простился съ нимъ.

На слѣдующій день я приступилъ къ работѣ. Взявъ тетрадку, я на первой ея страницѣ написалъ крупными буквами: «Дѣйствующія лица»; затѣмъ, углубившись въ сценарій, окрестилъ будущихъ героевъ пьесы именами съ обозначеніемъ соціального положенія каждаго изъ нихъ. Дальше работа моя не подвигалась, и въ тотъ день я на этомъ и покончилъ. Не подвигалась моя работа впередъ и въ слѣдующіе дни и недѣли. Бывало сядешь за письменный столъ, даже перо обмокнешь въ чернила, и ни единой буквы не выведешь. Мнѣ было положительно противно работать по указкѣ, въ опредѣленныхъ, другимъ лицомъ начертанныхъ, рамкахъ. Не могъ я мириться съ тѣмъ, что мнѣ предстоитъ нагромоздить сырой матеріалъ для какой-то художественной работы, которую сдѣлаетъ другой, а не я. Что я такой за черноработчій? Никогда имъ не былъ и не желаю имъ быть, да и не могу, физически не могу. Я убралъ со стола крыловскій сценарій и уложилъ въ ящикъ. Прошло мѣсяца полтора. Крыловъ былъ увѣренъ, что я сижу за работой, и не тревожилъ меня своими визитами, чтобъ не мѣшать. Но вотъ Крыловъ ко мнѣ пришелъ, веселый и радостный, и говорить:

— Давайте, С. К., посмотрѣть, что вы написали... Вы, полагаю, уже кончаете... Надо поторопиться: недѣльки черезъ двѣ уѣзжаю за границу и тамъ, на лонѣ природы, обработаю вашъ матеріалъ на славу...

Если приходъ Крылова поставилъ меня въ затруднительное положеніе, и мнѣ было передъ нимъ совѣстно, что до сихъ поръ не далъ ему знать о моемъ твердомъ рѣшеніи отказаться отъ совмѣстной съ нимъ работы, то его заявленіе, что онъ обработаетъ мой матеріалъ, разсердило меня, и я, безъ всякихъ объясненій, выдвинулъ ящикъ изъ письменнаго стола и подаль ему тетрадь, на первой страницѣ которой крупнымъ шрифтомъ красовалось въ одну строчку: «Дѣйствующія лица», а затѣмъ эти лица были названы, а дальше слѣдовали чистыя страницы.

— Что же это такое?—недоумѣвающе развелъ Крыловъ руками и даже поблѣднѣлъ.

— А то,—раздраженно отвѣтилъ я,—что рѣшительно отказываюсь готовить матеріалы для вашей пьесы... Я не привыкъ работать по чужому указанію... Сколько ни насиловалъ себя, не могъ приступить къ работѣ...

— Ваше дѣло... Но зачѣмъ вы таяли и не дали мнѣ знать?..

Мнѣ стало совѣстно, и я сталъ предъ нимъ оправдываться.

Крыловъ былъ очень встревоженъ и врядъ ли прислушивался къ моимъ оправданіямъ.

— Возвратите мнѣ мой сценарій,—перебилъ онъ меня и, когда я исполнилъ его требованіе, онъ, молча, подаль мнѣ руку и ушелъ.

Я вздохнулъ свободно, что освободился отъ совмѣстной съ Крыловымъ работы, и поспѣшилъ къ С. Н. Шубинскому рассказать ему объ этомъ. Къ моему конфузу, я засталъ у него Крылова, который, какъ оказалось, прямо отъ меня тоже отправился къ нему, чтобы рассказать ему о произшедшемъ. Хотя Крыловъ и поднялся съ мѣста, чтобъ поздороваться со мной, но постарался не глядѣть на меня и, просидѣвъ не больше двухъ, трехъ минутъ, ушелъ.

— Очень онъ жаловался на меня? — спросилъ я С. Н. послѣ ухода его.

— Достаточно, но не вполне: вы своимъ приходомъ помѣшали ему.

— Ну, слава Богу, покончилъ съ этой совмѣстной работой... Развязался съ Крыловымъ...

— И не покончили съ Викторомъ Александровичемъ и не развязались съ нимъ, — и на лицѣ С. Н. появилась его тонкая, добродушная усмѣшка. — Мало вы знаете Крылова. Онъ человѣкъ упорный, и если что задумалъ, то непременно выполнить... Онъ васъ заставитъ поработать вмѣстѣ съ нимъ, и вы непременно напишете вдвоемъ еврейскую пьесу...

— Желалъ бы я знать, какъ это онъ меня заставитъ?

— Какъ? Этого я самъ пока не знаю, но, будьте увѣрены, Крыловъ найдетъ способъ...

Такъ оно и случилось.

VI.

Въ серединѣ іюля 1898 г. получилъ я изъ Францесбада длинное посланіе отъ Крылова, въ которомъ покойный драматургъ извѣстилъ меня, что онъ написалъ драму и, какъ только возвратится въ Петербургъ, предоставитъ ее на мое разсмотрѣніе и переработку. Я съ этимъ письмомъ отправился къ С. Н. Шубинскому, который встрѣтилъ меня словами:

— А что я вамъ говорилъ? Я сказалъ вамъ, что Крыловъ напишетъ съ вами вмѣстѣ пьесу...

— Да вы откуда знаете, что Крыловъ опять со мной вступилъ въ сношенія?

— Вотъ у меня отъ него письмо... Онъ проситъ моего содѣйствія, чтобъ я на васъ повліялъ...

Крыловъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября.

На второй день своего пріѣзда онъ пришелъ ко мнѣ утромъ и, какъ будто между нами не было никакихъ недоразумѣній, дружески поздоровался со мною и даже расцѣловался.

— Ну, С. К.,—приступилъ онъ прямо къ дѣлу,—на этотъ разъ вы отъ меня не отвертитесь. Пьесу, какъ вы уже знаете, я на

писалъ. Вотъ она,—онъ подалъ мнѣ толстую тетрадь,—а вы ужъ, голубчикъ, не откажитесь прочитать ее съ карандашомъ въ рукахъ и исправить... Не стѣсняйтесь, пожалуйста, правкой... Зачеркивайте все, что найдете лишнимъ... Передайте все по-своему... Я не только не буду обижаться, какъ авторъ, но буду вамъ благодаренъ... Можете сдѣлать и вставки... Однимъ словомъ, смотрите на мою рукопись, какъ на собственную, и распоряжайтесь ею, какъ найдете нужнымъ... Только объ одномъ прошу васъ: дѣйствуйте карандашемъ, а не чернилами, чтобъ не испортить моего текста... Вы согласны исполнить мою просьбу?

— Охотно соглашаюсь... Прочту съ удовольствіемъ вашу пьесу и сдѣлаю все, что могу...

На этомъ мы дружески расстались.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я прочелъ всю пьесу Крылова безъ карандаша, и пришелъ къ заключенію, что, какъ сценическое произведеніе, оно красиво и хорошо, но въ литературномъ и бытовомъ отношеніяхъ неудовлетворительно. Прежде всего хромалъ языкъ въ пьесѣ: не такъ говорятъ евреи, какъ заставилъ говорить своихъ героевъ Крыловъ, а затѣмъ и поступки героевъ, ихъ манера дѣйствовать, какъ будто не вытекали изъ ихъ характеровъ и ничего специально бытового еврейскаго собою не представляли. Да и обрядовая сторона въ пьесѣ нуждалась въ поправкахъ. Приступая на слѣдующій день къ чтенію пьесы, съ карандашомъ въ рукѣ, я сначала исключительно занялся правкой діалоговъ въ смыслѣ построенія рѣчи, т. е., постарался придать самому слогу въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ пьесы специфическій оттѣнокъ, дабы въ построеніи рѣчи дѣйствующихъ лицъ чувствовалось, что разговариваютъ евреи. Увлечшись этой отдѣлкой слога пьесы, я невольно увлекся и своей работой и самой пьесою, такъ что, когда дошелъ до конца 1 дѣйствія, то не могъ удержаться, и, отложивъ въ сторону пьесу Крылова, самъ написалъ конецъ этого дѣйствія. Точно такимъ же образомъ переработалъ и второе и третье дѣйствія, но, вставляя сцены и передѣлывая Крыловскій текстъ, я все-таки въ общемъ не посягалъ ни на архитектуру его пьесы и не особенно отступалъ отъ развитія фабулы, какъ сдѣлалъ ее Крыловъ. Но съ послѣдними двумя картинами, какъ онѣ вышли изъ-подъ пера Крылова, я совершенно не могъ мириться, а потому и написалъ эти картины, не руководствовавшись Крыловскимъ текстомъ, по-своему. Тутъ, по необходимости, пришлось мнѣ ломать и первоначальную фабулу Крылова и центръ тяжести всей пьесы основывать не на Саррѣ и ея отцѣ, а на Авраамѣ, которому отводилъ первое мѣсто, и который, по-моему, больше другихъ героевъ пьесы заслуживалъ, чтобы его поставили въ центрѣ. Драма такимъ образомъ, на мой взглядъ, выигрывала и въ литературно-художественномъ отношеніи и даже въ сценическомъ. Когда работа

была окончена, и я прочиталъ Крылову мои поправки и вставки, онъ выразилъ мнѣ буквально восторгъ, но когда я дошелъ до послѣднихъ картинъ, и онъ увидѣлъ, что я заново ихъ написалъ, онъ сконфуженно мнѣ замѣтилъ:

— Конечно, чрезвычайно сильно и эффектно, но очень, очень тяжело будетъ для зрителей... Такъ дѣйствовать на зрителя нельзя со сцены; необходимо сообразоваться съ его нервами и соблюдать экономію въ производимыхъ впечатлѣніяхъ... Впрочемъ, я еще подумаю... Во всякомъ случаѣ, тутъ у васъ очень много хорошихъ выраженій и словъ, ими непременно воспользуюсь...

Мы порѣшили на томъ, что онъ проредактируетъ пьесу въ окончательной формѣ и дастъ мнѣ ее на просмотръ.

Въ первыхъ числахъ ноября Крыловъ прислалъ мнѣ пьесу въ окончательной формѣ. Внимательно прочитавъ ее, я пришелъ къ заключенію, что никоимъ образомъ не долженъ подписать пьесу, какъ соавторъ ея, и вообще долженъ отказаться отъ всякихъ на нее правъ, такъ какъ, начиная со второй половины 3 дѣйствія до самаго конца ея, она въ литературномъ отношеніи мнѣ не нравилась, а финалъ ея, когда Крыловъ заставляетъ отца собственными руками задушить свою единственную дочь, прямо таки возмутителенъ, не соотвѣтствуетъ правдѣ и не вытекаетъ изъ характера дѣйствующаго лица.

Все это высказалъ я Крылову, когда онъ пришелъ ко мнѣ въ редакцію газеты «Свѣтъ», въ которой я тогда состоялъ секретаремъ.

— И вы окончательно отказываетесь отъ пьесы?—Крыловъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Да, окончательно и безповоротно!...

— Да почему же, почему?...

— Я же вамъ говорилъ и повторяю... Вы можете выпустить эту пьесу и имѣть большой успѣхъ, никто не взыщетъ съ васъ за возмутительный четвертый актъ... Вамъ, какъ природному русскому, простятъ то, чего мнѣ никоимъ образомъ не простятъ... Вы могли по незнанію такъ написать... Меня же будутъ ругать и обвинять въ клеветѣ и будутъ правы...

Крыловъ выходилъ изъ себя и доказывалъ, что я не правъ.

— Не знаю, соотвѣтствуетъ ли послѣдній актъ правдѣ, но увѣряю васъ: онъ красивъ, сцениченъ, и мы будемъ имѣть успѣхъ...

— Ну, и давай вамъ Богъ! Отъ всей души желаю вамъ успѣха и барышей. Извольте — даю вамъ росписку въ томъ, что въ этой пьесѣ не участвовалъ, что она — ваша единоличная ответственность...

— Не могу, не могу безъ васъ выпустить пьесу... Никто не повѣритъ, что я безъ вашего участія написалъ ее... Всѣ уже знаютъ, что мы писали пьесу вмѣстѣ... Это ужъ разошлось...

— Это—не моя вина... Говорю вамъ въ послѣдній разъ, что отказываюсь отъ пьесы, если послѣдній актъ ея не пойдетъ въ моей редакціи...

— Невозможно!.. Невозможно!..

И онъ ушелъ отъ меня разстроенный и сердитый.

Я тоже былъ чрезвычайно разстроенъ и, когда въ этотъ день обѣдалъ у В. В. Комарова, супруга его, Екатерина Григорьевна, замѣтила это и спросила, что со мной случилось. Я рассказалъ. Екатерина Григорьевна стала заступаться за Крылова и доказывала мнѣ, что я не имѣю права такъ упорствовать и настаивать на своемъ. А Виссаріонъ Виссаріоновичъ съ свойственной ему откровенностью проговорилъ:

— Вы, С. К., ужъ очень о себѣ возмечтали... Гордости въ васъ много... Крыловъ—старый писатель съ большимъ именемъ, въ драматическомъ искусствѣ онъ смыслить больше вашего. Съ вашей стороны и грубо и неприлично такъ упорствовать... Другой этого вамъ не скажетъ, а я вамъ это говорю прямо и рѣзко, потому что люблю васъ и желаю вамъ добра...

Екатерина Григорьевна стала тогда еще больше уговаривать меня, чтобы я согласился на требованіе Крылова.

— Хорошо,—пошелъ я на уступку.—Завтра утромъ зайду къ С. Н. Шубинскому, посоветуюсь съ нимъ, и, если онъ тоже будетъ одинаковаго съ вами мнѣнія,—я соглашусь...

— Шубинскій вѣрно вамъ посоветуетъ то же самое,—въ этомъ я убѣжденъ,—но при вашемъ упорствѣ и самомнѣніи послушаетесь ли вы и его, сомнѣваюсь...

На слѣдующій день С. Н. Шубинскій дѣйствительно посоветовалъ мнѣ подписать пьесу, и его совѣту не послѣдовать у меня духа не хватило; я согласился выступить соавторомъ В. А. Крылова въ «Сынахъ Израиля», «Контрабандисты»—тожъ.

Черезъ нѣсколько дней состоялось въ квартирѣ Крылова чтеніе пьесы въ присутствіи А. С. Суворина, который для этого пріѣхалъ. Выслушавъ пьесу, А. С. заявилъ, что она ему понравилась, и что онъ ее беретъ для постановки въ Маломъ театрѣ.

— Пьеса хорошая, но долженъ вамъ сказать, что послѣ ухода Гошки со сцены, въ третьемъ дѣйствіи, интересъ ея идетъ ужъ подъ гору...

Я былъ совершенно согласенъ съ А. С. Суворинымъ, но смолчалъ, а Крыловъ покраснѣлъ.

Поднялся вопросъ, какое названіе дать драмѣ. Я предложилъ скромное заглавіе: «На окраинѣ»; оно не понравилось. А. С. Суворинъ посоветовалъ назвать пьесу «Контрабандисты». Крыловъ ухватился было за это названіе, но чрезъ минуту полувопросительно произнесъ:

— А не окрестить ли драму заглавіемъ «Сыны Израиля»?

— И чудесно,—одобрилъ А. С.

Такъ за пьесой и утвердилось первое заглавіе: «Сыны Израиля».

VII.

При первой попыткѣ поставить драму на сценѣ литературно-художественнаго кружка произошелъ скандалъ во время второй репетиціи, который былъ учиненъ Крылову и мнѣ г. Бравичемъ, и мы взяли свою пьесу и ушли. Отмѣчу одну подробность. Г-жа Яворская, которая репетировала Сарру, уговаривала меня не огорчаться и утѣшала, что все уладится, и пьеса пойдетъ, а спустя два года, она же содѣйствовала обрушившемуся вторичному скандалу изъ-за этой пьесы.

Мы отдали нашу пьесу на императорскую сцену. Приблизительный день ея перваго представленія на Александринской сценѣ былъ назначенъ. Предъ своимъ отъѣздомъ въ Екатеринбургъ, гдѣ я взялъ на себя обязанности редактора газеты «Ураль», я вмѣстѣ съ Крыловымъ нѣсколько разъ видѣлись съ Е. П. Карповымъ и съ общаго согласія распредѣлили роли и уговорились о нѣкоторыхъ подробностяхъ въ постановкѣ. Въ Екатеринбургѣ узналъ я изъ газетъ, что новый директоръ императорскихъ театровъ вычеркнулъ изъ репертуара «Сыновъ Израиля». Потомъ Крыловъ сообщилъ мнѣ, что пьеса пойдетъ въ театрѣ г. Суворина.

О случившемся скандалѣ во время перваго представленія «Контрабандистовъ» я говорить не буду; не буду распространяться и о той печатной травлѣ, которой я подвергся; то и другое еще не окончательно изгладилось изъ памяти современниковъ. Но вотъ о чемъ хочу сказать нѣсколько словъ. Если спросить, почему я въ свое время не заявилъ печатно, что главнымъ виновникомъ появленія пьесы на сценѣ былъ Крыловъ, и что онъ былъ главнымъ ея авторомъ, чтобы этимъ ослабить удары, которые сыпались на мою голову въ такомъ изобилии, то на это отвѣчу:

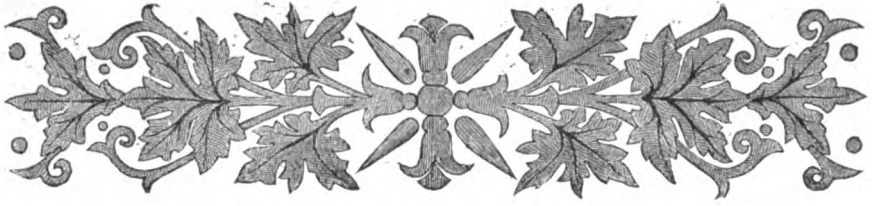
Во-первыхъ, я вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что, если бѣ «Контрабандисты» шли на сценѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ-подъ моего пера, что тогда скандала не происходило бы; во-вторыхъ, я не хотѣлъ дать пищу моимъ друзьямъ обвинять меня въ трусости, что, молъ, я желаю свалить бѣду на другого, потому что испугался скандала; въ-третьихъ, мнѣ было жаль Крылова, который такъ огорчился скандаломъ, что заболѣлъ и страдалъ изъ-за нападковъ на меня больше, чѣмъ я самъ; въ-четвертыхъ... но стоитъ ли продолжать?..

Прибавлю. Въ своихъ денежныхъ со мною расчетахъ Крыловъ оказался не только джентльменомъ, но даже сверх-джентльменомъ. Онъ не только дѣлился со мной доходами отъ пьесы попо-

ламъ, какъ это было условлено, но въ двухъ случаяхъ предоставилъ въ мою личную пользу довольно значительныя суммы, когда зналъ, что я нуждался. Объ одномъ случаѣ извѣстно и А. С. Суворину и С. Н. Шубинскому. Кромѣ того, въ послѣдніе четыре года, живя съ нимъ въ одномъ городѣ (въ Москвѣ), я имѣлъ случай изучить этого суроваго на видъ, какимъ былъ покойный, человѣка и настолько подружился съ нимъ и полюбилъ его за его порядочность, доброту и деликатность, что, получивъ телеграмму о его кончинѣ, пролилъ искреннія слезы, и воспоминанія о непріятностяхъ, которыя перенесъ изъ-за «Контрабандистовъ», не могутъ помѣшать мнѣ до конца дней моихъ сохранить добрую память о незабвенномъ для меня Викторѣ Александровичѣ Крыловѣ.

С. Эфронъ (Литвинъ).

Л. Х. СИМОНОВА.

(Некрологъ).

В Г. ТАШКЕНТѢ 12 марта скончалась писательница, Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова. Она происходила изъ старинной дворянской фамилии Эстляндской губерніи — Ребиндеровъ, предки которыхъ въ числѣ первыхъ рыцарей поселились на берегахъ Финскаго залива. Одинъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, Христофоръ Ребиндеръ, женился на небогатой помѣщицѣ, Орловской губерніи, Измайловой. Отъ этого брака родилась въ 1838 г. дочь Людмила. Ея родители въ это время жили въ г. Вологдѣ. Воспитывалась Людмила Христофоровна на Александровской половинѣ Смольнаго института. Во время своего пребыванія въ его стѣнахъ, она осиротѣла и, по окончаніи курса въ 1857 г., была взята сестрой въ Пермскую губернію. Здѣсь она вскорѣ вышла замужъ за чиновника министерства государственныхъ имуществъ — Симонова, и второй разъ — за Хохрякова.

Бѣдная развлеченіями провинціальная жизнь вызвала въ молодой и любознательной женщинѣ желаніе сопровождать перваго мужа въ его ревизіонныхъ поѣздкахъ по волостямъ. Это дало ей возможность основательно присмотрѣться къ жизни тогдашняго крестьянскаго населенія и впоследствии провести въ литературу нѣкоторые типы и картины хозяйственной и семейной жизни, какъ мѣстнаго крестьянскаго населенія за Ураломъ, такъ и инородцевъ, примыкающихъ къ нимъ. Таковы ея произведенія: «Вымирающее племя», «Боской», «Чортово яблоко», «На окраинѣ», «Бѣглые» и т. д.

— Во время поѣздокъ съ мужемъ по деревнямъ, — рассказывала мнѣ Симонова, — я и не думала, что когда нибудь примкну къ литературѣ, а записывала всѣ наблюденія собственно изъ любви къ искусству. Овдовѣвъ въ 1864 г., я пріѣхала въ Петербургъ и получила мѣсто на телеграфѣ. Въ это время судьба свела меня съ писателями и издателями журналовъ... Одна изъ моихъ институтскихъ подругъ была замужемъ за издателемъ «Церковно-Общественнаго Вѣстника», Александромъ Ивановичемъ Поповицкимъ. Когда я съ нимъ познакомилась, онъ возсталъ противъ того, чтобы я подъ спудомъ хранила массу интереснаго матеріала, и заставилъ меня писать въ его газетѣ, не большой по размѣру, но значительной по тѣмъ либеральнымъ тенденціямъ, какія въ ней проводились въ пользу бѣлаго духовенства.

Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ Людмила Христофорова говоритъ:

«Быть бѣлаго духовенства былъ мнѣ знакомъ еще съ Сибири. Здѣсь же я познакомилась со всѣми вопросами, которые проводились тогда въ жизнь. Но участіе мое въ газетѣ А. И. Поповицкаго выражалось въ небольшихъ публицистическихъ статьяхъ. Редакторъ отдалъ въ мое распоряженіе общественную жизнь, самъ же занимался церковной. Скоро я очень привязалась къ газетѣ. Дѣло пошло такъ: каждый новый вопросъ въ церковной жизни я отгвняла беллетристическимъ рассказомъ или очеркомъ. Въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» были напечатаны мною по вопросу о второбрачїи — «Порченный»; по вопросу о реформахъ бѣлаго духовенства — святочный рассказъ «Рогъ изобилїя»; по поводу 300-лѣтїя завоеванїя Сибири — нѣсколько сибирскихъ очерковъ и легендъ, а «Непраздничныя мысли» есть отвѣтъ на строгость цензуры того времени. Напечатаны также «Женитьба священника», «Чудакъ» и др. Интересуясь веденіемъ своего общественнаго отдѣла, я, разумѣется, не пропускала случая сообщать читателямъ всѣ новости женскаго вопроса, съ которыми еще въ послѣдній годъ моего пребыванїя въ институтѣ нашъ учитель, Николай Дмитріевичъ Старовъ, познакомилъ институтокъ въ либеральномъ и гуманитарномъ духѣ. Я написала повѣсть «На свободѣ», но не для «Церковно-Общественнаго Вѣстника»... Героиня ея, поссорившись съ родными, пріѣзжаетъ въ Петербургъ искать себѣ умственнаго труда, но увидѣвъ, что всѣ рассказы о женскомъ трудѣ, предложенїя, приглашенїя, поощренїя были только «игрою словъ» у сторонниковъ женскаго движенїя, — героиня покончила съ голоду и одиночества самоубійствомъ. Повѣсть имѣетъ мрачный характеръ, потому что тѣ розовыя перспективы, которыя передъ нами въ 1857 г. развивалъ Николай Дмитріевичъ, — не осуществились. Я сама имѣла случай убѣдиться, что всѣ разговоры тогда о женскомъ вопросѣ были не искренни или теоретичны. Повѣсти моеї пришлось долго

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1906 г., т. сѣв.

лежать въ портфель, такъ какъ, если я показывала ее редактору либеральной газеты, то онъ чуть не кричалъ мнѣ: «Что вы дѣлаете? Намъ нужно, чтобы женщины бросали все и бѣжали въ столицы; вы же стараетесь какъ бы напугать ихъ и тѣмъ задержатъ движеніе». Если я приносила въ ретроградный журналъ, то мнѣ говорили: «Это напечатать невозможно — у васъ слишкомъ мрачный взглядъ на вопросъ». Я хотѣла издать «На свободѣ» сама и отдала ее на просмотръ въ цензурный комитетъ. Тамъ, послѣ довольно крупныхъ дебатовъ, наложили на нее запрещеніе и у фамиліи моеѣ поставили крестикъ. Впослѣдствіи повѣсть эта была напечатана подъ названіемъ «Одна» въ «Живописномъ Обзорѣніи» вренъ А. К. Шеллера.

Такимъ образомъ г-жа Симонова очень рано въ своей литературной дѣятельности усмотрѣла въ женскомъ вопросѣ двѣ стороны: идеальную и практическую. Сочувствуя первой, она не щадила красокъ для изображенія второй, со всѣми ея отрицательными сторонами. Ту же манеру письма проявила Симонова впослѣдствіи и при изображеніи народнаго быта.

Въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» продолжали появляться рассказы г-жи Симоновой изъ быта священниковъ, но въ то же время у нея зрѣли и накапливались наблюденія и изъ другихъ сферъ. Ея произведенія понравились извѣстному писателю Александру Константиновичу Шеллеру, и тотъ пригласилъ ее сотрудничать въ «Живописномъ Обзорѣніи». Тамъ были помѣщены: «Баской», «Чортово яблоко», «Бѣглые», «Подъ покровомъ приличія», «На поискахъ за богатствомъ» (послѣдній романъ, подъ псевдонимомъ «Соборный»), «Вымирающее племя», «Отдохнуть бы», «Убила» (романъ), «Спутница» и «Одна» («На свободѣ»).

Въ то время, когда Симонова писала романъ «Убила», она управляла городскою телеграфною станціею и жила за Невскою заставой.

Вблизи фабрикъ и заводовъ она опять столкнулась съ печальною жизнью женщинъ изъ «народа» и съ самимъ народомъ.

«Въ моемъ сердцѣ опять разбередилось то большое мѣстечко, которое у меня образовалось въ Сибири,— писала Симонова объ этомъ времени въ одномъ изъ частныхъ писемъ. — Многіе изъ фабричныхъ рабочихъ выписывали своихъ женъ и старшихъ дѣтей изъ деревень. Женъ помѣщали они на бумагопрядильныя фабрики, а мальчиковъ — на заводы «Русскаго Общества» и «Сѣмянникова» вертѣть гайки и проч. Мальчики могли зарабатывать по 12 рублей въ мѣсяцъ, а бабы между 15 и 20 рублями. Такимъ образомъ этими деньгами семья могла быть обеспечена, если бы глава ея, имѣя заработокъ семьи, не пропивалъ свой собственный. Послѣ каждой получки за свой личный трудъ, въ двѣ недѣли разъ, онъ, не заходя домой, отправлялся въ городъ и прокучивалъ въ

два дня все свое жалованье, а въ воскресенье вечеромъ возвращался пьяный и билъ свою жену. Предоговъ было много: или она изъ своей полочки не сумѣла уплатить весь мѣсячный долгъ, или за то, что у нея не было налично денегъ на продолженіе пьянства, или просто за то, что передъ нимъ находился человекъ, носящій въ себѣ укоръ, часто не выражавшійся на словахъ, а лишь во взглядѣ... И вотъ изъ домовъ, населенныхъ рабочими, слышались вопли то тутъ, то тамъ. Тѣ же отношенія и въ деревнѣ, у деревенскаго мужика къ своей женѣ, лѣнивое отношеніе мужиковъ къ своему хозяйству, плохая работа, плохіе посѣвы, продажа хлѣба иногда на корню и деньги, пропитыя въ кабакахъ... И тамъ тоже передъ мужемъ стоитъ женщина съ укоромъ во взглядѣ и на словахъ; и тамъ онъ отстаиваетъ свои жестокіе, несправедливые поступки кулаками, вожжами, сапогами и проч.».

Всѣ такія картины создали типъ многострадальной Марѣи (романъ «Убила»). Онъ былъ напечатанъ въ «Живописномъ Обзорѣніи» 1884 г. Романъ этотъ вызвалъ различные отзывы. Одна изъ газетъ назвала его «юридическимъ», на который даже «Юридическое Обзорѣніе» дѣлало ссылки. Многіе признавали въ романѣ рельефное изображеніе русской женщины по обычному праву, по которому она не гарантирована отъ посягательствъ мужа, какъ на ея имущество, такъ и на ея личность. По поводу романа «Убила» было сказано въ газетахъ, что, идеализируя семью, какъ союзъ, основанный на любви и сотрудничествѣ, наше законодательство и доселѣ еще не выработало основаній для дѣйствительнаго воплощенія въ жизни подобнаго идеала. За закономъ слѣдуетъ признать и значительное воспитательное значеніе для массъ, между тѣмъ, отдавая жену на произволъ мужа, судья тѣмъ самымъ какъ бы укрѣпляетъ въ народѣ взглядъ на жену, какъ на подневольную для мужчины работницу, закрѣпленную за нимъ закономъ. Безъ сомнѣнія, семья гораздо больше приближалась къ идеалу, начертанному для нея нашимъ законодательствомъ, если бы оно строго преслѣдовало рѣзкое уклоненіе отъ него. Разумѣется, одно наказаніе, какъ показала практика, не достигаетъ въ этомъ случаѣ цѣли. Единственнымъ для законодательства выходомъ, стало бытъ, оказывается признаніе совершившагося факта и юридическое расторженіе брака въ тѣхъ случаяхъ, когда на практикѣ рѣзко нарушены основныя его начала, другими словами, когда семьи уже на самомъ дѣлѣ не существуетъ, когда она выродилась въ рядъ возмутительныхъ насилій мужчины надъ женщиной. Другіе писатели и редакторы возмутились противъ этого романа, говоря, что выпускъ его въ свѣтъ несвоевременно. Начиная съ 1860-хъ и 1870-хъ годовъ, литература положительно поставила крестьянина на пьедесталъ и приписывала ему только однѣ хорошія черты. А такое отношеніе крестьянина къ женѣ, какое выведено въ романѣ

Симоновой, разумѣется, компрометировало его нравственность. Такое мнѣніе высказывалось въ газетахъ, и приходилось слышать его Людмилѣ Христофоровнѣ и въ частныхъ литературныхъ собраніяхъ.

«Но,—писала Симонова,—присмотрѣвшись и къ другимъ слоямъ общества, я замѣтила во многихъ семьяхъ если не побои вожжами, то очень странное и возмутительное отношеніе мужей къ женамъ. И здѣсь я находила такія семьи, въ которыхъ мужъ свое скудное жалованье чуть не дѣлилъ на два дома, превращая свою квартиру въ какую-то станцію, куда онъ является пить, ѣсть и спать, и гдѣ жена была и кухарка, и прачка, и нянька. Все же свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ обществѣ товарищей и свободнаго нрава дѣвицъ. Не видя въ мужѣ ни друга, ни любовника, ни воспитателя собственныхъ дѣтей, женщина становится забитой, впадаетъ въ серьезныя болѣзни или ожесточается и мститъ своему мужу измѣной съ тѣмъ человѣкомъ, который окажетъ вниманіе и сочувствіе ея положенію. Такая, на примѣръ, изображена мною въ романѣ «Спутница». Нѣкоторымъ борцамъ мужской самостоятельности этотъ романъ также не понравился: «стрѣла попала не въ бровь, а въ глазъ». Въ рецензіяхъ отозвались, что будто бы я романомъ «Спутница» разрушаю семейныя основы и ввожу безнравственность въ семейную жизнь. Подобная рецензія была въ «Русской Мысли» и въ «Руси» Аксакова. Я написала Аксакову разъяснительное письмо, но въ «Руси» оно не было напечатано, а напечатано въ «Новостяхъ». Та же мысль и тѣ же нравы отмѣчены изъ купеческаго быта въ романѣ «Самъ» въ «Еженедѣльномъ Обзорѣніи» за 1884 г. При чемъ «Самъ» этотъ не принадлежалъ къ лицамъ, выведеннымъ Островскимъ, а въ первый разъ выведенъ въ литературѣ мною».

Литературный заработокъ давалъ писательницѣ уже достаточно средствъ къ существованію. Она могла переѣхать изъ-за Невской заставы въ Петербургъ и заняться всецѣло литературой, которая стала для нея насущной потребностью. Рассказы изъ сибирской жизни печатались въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Романъ «Баской» можно считать этнографическимъ, какъ отмѣтило его географическое общество. Герою романа является политическій преступникъ, бѣжавшій отъ рукъ правосудія. Въ зимнее время онъ попадаетъ на Уралъ и тамъ отъ истощенія и голода падаетъ на дорогѣ. Крестьяне подобрали его, обогрѣли и вылѣчили. Итти далѣе пришельцу было некуда, и онъ остался въ деревнѣ, весь отдавшись обученію ребятишекъ. Крестьяне сдружились съ нимъ, полюбили его. Между тѣмъ, мѣстный священникъ сталъ завидовать его популярности и интриговать противъ него. Наконецъ, онъ сдѣлалъ на него доносъ. При появленіи властей молодой человѣкъ лишилъ себя жизни...

Наиболѣе этнографически-беллетристическимъ произведеніемъ надо считать очеркъ подъ заглавіемъ «Голодъ», напечатанный въ «Русскомъ Богатствѣ».

Сюжетъ взятъ изъ инородческой жизни вогуловъ и остяковъ въ ту пору ихъ жизни, когда звѣрь убѣжалъ въ новыя мѣста, какъ только въ лѣсу раздавался звукъ топора и шумъ русскихъ селеній, подвигавшихся все болѣе и болѣе къ сѣверу; когда и птица улетѣла, и инородцамъ нечего было стрѣлять, и нечѣмъ было питаться. О томъ, что гдѣ-то существуютъ запасные хлѣбные магазины, они не имѣли понятія и сами запасать что нибудь не могли, находясь въ эксплуатаціи русскихъ. Они продавались имъ въ крѣпостные работники, или умирали съ голоду.

Въ одну изъ своихъ раннихъ поѣздокъ съ мужемъ Людмила Христофоровна была разбужена ночью какимъ-то шумомъ и возней въ деревнѣ. Оказалось, что крестьяне поймали двухъ бѣглыхъ. Изъ сообщенія крестьянъ она узнала объ ихъ преступленіи, за которое они были пойманы, о дорогахъ, какими они шли, и какими средствами они находили себѣ пропитаніе. Это дало ей сюжетъ для очерка «Бѣглые». Онъ обратилъ на себя вниманіе сибирскихъ газетъ и «Восточнаго Обзорѣнія». Одинъ изъ очерковъ былъ посланъ ею въ «Восточное Обзорѣніе». Редакторъ, Николай Михайловичъ Ядринцевъ, напечаталъ его и написалъ Симоновой письмо съ выраженіемъ своего ей сочувствія и желанія познакомиться съ ней ближе. Она была приглашена на собранія «Сибирскаго кружка», происходившія у Ядринцева по четвергамъ. Въ этомъ кружкѣ преобладали интересы сибирской жизни, и члены его раздѣлялись по мѣсту жительства. Были въ немъ «томичи», «тоболяки», «иркутяне», «забайкальцы» и др. землячества. Кружокъ Ядринцева былъ не многочисленъ, но въ числѣ его членовъ были люди замѣчательные, какъ, напримѣръ, молодой ученый по антропологіи, Михаилъ Викторовичъ Малаховъ. Онъ доказалъ, что на Уралѣ существовалъ каменный вѣкъ, тогда какъ десятки ученыхъ, производившихъ до него изслѣдованія, не могли найти искомымъ доказательствъ и отказались отъ мысли о существованіи тамъ каменнаго вѣка. Михаилъ Викторовичъ страстно любилъ свое дѣло и погибъ жертвою научной любознательности. Въ холодную осень онъ продолжалъ свои изслѣдованія, простудился и получилъ скоротечную чахотку.

«Была я на годовыхъ обѣдахъ, — писала мнѣ Симонова, — гдѣ всегда была общая, откровенная, честная бесѣда между сибиряками; высказывались разнообразныя нужды края. Иногда тутъ же шла подписка, и все это дѣлалось изъ любви къ родинѣ. Антропологъ Малаховъ, этнографъ Потанинъ, беллетристъ Наумовъ были видными лицами этого кружка. Масса учащейся молодежи-сибиряковъ посѣщали журъ-фиксы Ядринцева. Душой всего этого кружка, да-

вавшей жизнь ему, конечно, былъ самъ Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Иллюстраціей къ журъ-фиксу можетъ служить глава изъ романа «На поискахъ за богатствомъ», написаннаго мною подъ псевдонимомъ «Соборный». Иногда на какомъ нибудь журъ-фиксѣ высказывались идеи, скорѣйшее осуществленіе которыхъ было для всѣхъ очень желательно, и Николай Михайловичъ совѣтовалъ намъ провести ихъ въ газетахъ. Многие изъ присутствующихъ дѣлили между собою газеты, въ которыхъ и помѣщались ихъ замітки. Мнѣ, большею частью, доставались «Новое Время», «Молва» и «Церковно-Общественный Вѣстникъ».

«Конечно, Николая Михайловича радовало, что въ одно и то же утро въ нѣсколькихъ газетахъ появлялись одновременно статьи на темы, интересовавшія сибиряковъ. Цѣлый рядъ вопросовъ: школы, средне-учебныя заведенія, университетъ, земство, удобныя пути сообщенія, гуманное отношеніе къ инородцамъ и т. д., былъ поднятъ сибиряками и захватывалъ меня всецѣло».

Такимъ образомъ, въ своей литературной дѣятельности Симона была охвачена тремя вѣяніями: вопросами церковно-общественными, сибирскими и идеями шестидесятыхъ годовъ, исходившими изъ кружка лицъ, группировавшихся около А. К. Шеллера.

«Это было самое счастливое время моей жизни,—писала Симона. — Мнѣ казалось тогда, что я не живу, а горю. Около меня въ свою очередь собирались молодые литераторы, художники, учащая молодежь, и я съ живымъ интересомъ относилась къ каждому новичку, его планамъ, его мечтамъ и начинаніямъ. Ихъ честные порывы придавали и мнѣ самой и жизнь, и бодрость. Мнѣ никогда не было скучно выслушивать ихъ рукописныя сочиненія, и я по возможности старалась быть полезна имъ своимъ уже приобретеннымъ опытомъ».

Около Шеллера взгляды Людмилы Христофоровны на внутренне вопросы русской жизни расширились, и писательница еще съ большей осмысленностью пыталась воспроизводить въ своихъ сочиненіяхъ дѣйствительность. Но неожиданныя обстоятельства вызвали ея отъѣздъ въ Ташкентъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, въ качествѣ сначала учительницы нѣмецкаго языка въ ташкентской гимназій и потомъ начальницы четырех-класнаго училища въ г. Самаркандѣ. По прошествіи многихъ лѣтъ, Л. Х. Симона оставила Самаркандѣ, и мѣстныя газеты писали о ней:

«Въ 1890 г. Л. Х. была назначена начальницей вновь открытаго тогда въ г. Самаркандѣ 4-хъ-класнаго Маріинскаго женскаго училища. Въ десять лѣтъ усидчивой работы, стоя во главѣ учебнаго заведенія, Л. Х. поставила его на образцовомъ положеніи, такъ что, когда училище было преобразовано въ гимназію, ученицы оказались настолько подготовленными, что могли съ успѣхомъ, безъ экзамена, продолжать курсъ ученія по программѣ гимназій».

Во все время своей педагогической дѣятельности Л. Х. отдавала всю душу и всё помышленія на это дѣло. Она глядѣла на ученицъ, какъ на своихъ дѣтей, вникала въ ихъ положеніе, многимъ, чѣмъ могла, помогала, любила ихъ и берегла. Особенно много она содѣйствовала преобразованію училища въ гимназію. Многіе родители, вмѣсто того, чтобы отправлять своихъ дѣтей въ чужой городъ, могутъ имѣть ихъ при себѣ и воспитывать на глазахъ.

Новый край, новые люди, ихъ нравы и обычаи подталкивали ее къ описанію ихъ, но она получила предостереженіе отъ ближайшаго начальства отдаваться болѣе службѣ, чѣмъ литературѣ.

— Однако,—говорила мнѣ Симонова:— это бы меня не утратило. Но занятій было такъ много, что писать было некогда. Тѣмъ не менѣе я написала нѣсколько мелкихъ вещей: «Легенда о Сауранѣ», «Сартянки», «Разказы о взытіи Самарканда», «Андрей Евграфовъ Маловъ»—герой туркестантскихъ войнъ, «Гаданіе и лѣченіе ташкентскихъ и самаркандскихъ сартянокъ», «Путешествіе изъ Оренбурга до Ташкента».

Симонова участвовала въ двухъ дѣтскихъ журналахъ: въ «Родникѣ» и въ «Журналѣ для дѣтей», помѣстивъ въ нихъ этнографическіе разказы изъ жизни сибирскихъ инородцевъ: «Лаачи», «Эзе», «Ортикъ», «Въ лѣсу» и т. д. Эти разказы имѣютъ до сихъ поръ успѣхъ, одобрены ученымъ комитетомъ для народнымъ школь и женскихъ учебныхъ заведеній, читаются съ волшебнымъ фонаремъ, переведены на французскій языкъ. Получивъ за выслугу лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія пенсію въ 300 рублей, она вышла въ отставку и вновь вернулась къ литературѣ. Но писать много она уже не могла, здоровье ея распаталось, и она могла только диктовать, вспоминая разнообразно прожитую жизнь. Скончалась она отъ паралича сердца на 68 году жизни.

Вполнѣ заслуженной характеристикой для покойной писательницы служить стихотвореніе одного изъ нашихъ поэтовъ, посвященное Людмилѣ Христофоровнѣ при ея жизни:

Каждому правому дѣлу готово
Въ васъ и горячее честное слово,
Умное слово безъ фразъ,
И энергическій, сонныхъ будящій
Вожіею искрой во взоръ горящій
Истинно женскій экстазъ.
Долгіе годы труда и печали
Силы энергіи въ васъ не сдомали,
Лишь закалили въ бою;
Эту-то свѣжесть и чувствъ, и совнанія,
Юморъ безъ признаковъ ногти брызжанія,
И въ васъ душевно люблю.

А. Фаресовъ.

ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ ТУРЧАНИНОВА.

АРТА 4 исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины придворнаго протоіерея, П. З. Турчанинова, замѣчательнѣйшаго духовнаго композитора.

П. З. Турчаниновъ внесъ большой вкладъ въ нашу церковную музыку своими композиціями, въ которыхъ выказывается наиболѣе соответствующій православному богослуженію характеръ умиленія и выразительности текста молитвъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые произведенія покойнаго уже позабыты; ими пользовались только, какъ матеріаломъ и духовнымъ источникомъ, нѣкоторые новые композиторы.

Напримѣръ, почти никогда не слышишь его переложенія канона 1-й недѣли Великаго поста: «Помощникъ и покровитель», гдѣ особенно трогательно звучитъ: «Помилуй мя, Боже».

Протоіерей Турчаниновъ родился въ Петербургѣ 20 ноября 1779 г., онъ замѣчателенъ, какъ музыкантъ-самородокъ. Безъ всякаго музыкальнаго образованія вышелъ онъ изъ солдатъ. Хотя по рожденію дворянинъ, но, должно быть, бѣдный, онъ, поучившись немного въ кievскомъ, а потомъ харьковскомъ казенномъ училищахъ, началъ службу стражникомъ пѣшихъ стрѣлковъ и попалъ въ хоръ полковыхъ пѣвчихъ, въ составѣ которыхъ находился и тогда уже, когда, пройдя писарскую должность, былъ произведенъ въ гражданскій чинъ губернскаго регистратора и служилъ въ харьковской палатѣ уголовного суда. Какъ на юношу съ голосомъ и слухомъ, обратилъ на Турчанинова вниманіе А. Л. Ведель, адъютантъ генераловъ: Леванидова, а потомъ Теплова, обучавшій пѣнію полковыхъ пѣвчихъ. Съ Веделемъ Турчаниновъ перешелъ на службу изъ Кіева въ Харьковъ. Тамъ, достигши чина губернскаго секретаря, вышелъ въ отставку и оставилъ также военный хоръ,

а занялся, по приглашенію генерала Теплова, обученіемъ собственныхъ пѣвчихъ генерала. Вскорѣ Тепловъ былъ назначенъ въ Кіевъ губернаторомъ, а затѣмъ также скоро сенаторомъ въ Петербургъ. Съ нимъ было поѣхалъ и Турчаниновъ, но проѣздомъ черезъ Сѣвскъ Турчаниновъ повнакомился съ преосвященнымъ орловскимъ Досиѣемъ, извѣстнымъ своимъ крутымъ нравомъ, но большимъ любителемъ и знатокомъ пѣнія. Досиѣей предложилъ молодому человѣку мѣсто регента своихъ пѣвчихъ, съ жалованьемъ въ 300 р. и съ правомъ на доходы съ священническаго мѣста въ самомъ богатомъ въ епархіи селѣ Дросовкѣ.

Тутъ ужъ мѣнялась судьба Турчанинова, незачѣмъ было ѣхать въ Петербургъ, явилось и занятіе любимое, и содержаніе, по тому времени богатое. По совѣту Досиѣя, Турчаниновъ женился на молодой дѣвушкѣ Зайцевой, дочери бѣдной дворянки, и 12 марта 1803 г. былъ посвященъ во священника. Это тоже было необыкновенно по тому времени, ибо ни онъ, ни жена его не принадлежали къ духовному сословію. Турчаниновъ сталъ священникомъ въ Сѣвской архангельской церкви, а потомъ и благочиннымъ 16 сѣвскихъ церквей. Тутъ-то онъ занялся любимымъ своимъ дѣломъ. Давно чувствуя въ себѣ искру творчества, онъ приступилъ къ переложеніямъ съ древнихъ напѣвовъ; онъ первый обратилъ вниманіе на сопровожденіе ихъ соответствующимъ характеромъ, но зависть, столь не чуждая міру духовныхъ, испортила его отношенія къ Досиѣю; однако Турчаниновъ, уже приобрѣвшій себѣ извѣстность, все-таки нашелъ себѣ мѣсто по ходатайствамъ оберъ-священника Державина, сенатора Теплова и др. въ Петербургской епархіи, сначала въ Гатчинскомъ военномъ госпиталѣ, а потомъ экономомъ въ С.-Петербургской духовной семинаріи. Тутъ же скоро онъ сталъ и регентомъ митрополичьяго хора, и тогда извѣстность его разнеслась по всей столицѣ. Всѣ, кто только могъ изъ жителей, считали долгомъ сходить въ лавру послушать хоръ Турчанинова.

Здѣсь встаетъ сказать, что композиторъ и прекрасный регентъ былъ и человѣкомъ съ доброю душой и энергіей. Узнавъ, что одинъ изъ его прежнихъ знакомыхъ, архимандритъ Филаретъ, тоже преслѣдуется суровымъ Досиѣемъ, Турчаниновъ тотчасъ выступилъ на защиту Филарета, не побоявшись, вліятельнаго архіерея, и результатомъ этого было, что Филаретъ, заброшенный въ Уфу, вмѣсто того, чтобы кончить жизнь въ безвѣстномъ монастырѣ, вскорѣ былъ вызванъ въ столицу, получилъ мѣсто епископа, а затѣмъ сталъ и митрополитомъ кіевскимъ, на югѣ извѣстнымъ, пожалуй, не менѣе, чѣмъ и его знаменитый соименникъ Филаретъ московскій.

Въ 1814 г. Турчаниновъ получилъ санъ протоіерея, черезъ четыре года переведенъ настоятелемъ церкви Маріинской больницы, гдѣ довелъ до изумительнаго совершенства ея хоръ пѣвчихъ. О талантахъ композитора уже знала царская семья, и императоръ

Николай I въ 1827 г. самъ назначилъ Турчанинова учителемъ пѣнія придворной капеллы, а черезъ 5 лѣтъ Турчаниновъ уже былъ придворнымъ протоіереемъ и настоятельствомъ въ церкви Мраморнаго дворца, а затѣмъ въ Стрѣльнинской. Тутъ онъ посѣщалъ часто сосѣднюю Сергіевскую пустынь, слава монашескаго хора которой многимъ была тогда обязана Турчанинову, написавшему при томъ немало нотъ для обители. Въ 1841 г. Турчаниновъ, уже недомогавшій, вышелъ въ отставку, но онъ прожилъ еще до 1856 г., когда скончался на 78 году жизни.

Человѣкъ совсѣмъ бездипломный, только одаренный природою, энергичный и трудолюбивый, Турчаниновъ самъ себя образовалъ и изъ простаго солдата достигъ званія придворнаго протоіерея и извѣстности композитора, произведенія котораго, какъ сказалъ священникъ Знаменскій въ проповѣди въ день юбилейной памяти Турчанинова, всегда живы и всегда будутъ будить лучшія чувства въ молящемся, уносить его изъ міра низменнаго въ область неба, къ Творцу всего прекраснаго.

Изъ числа произведеній Турчанинова чуть не во всѣхъ церквяхъ петербуржцы слушаютъ на Страстной недѣлѣ его «Тебе одѣющаго свѣтомъ» и «Да молчитъ всякая плоть».

Ни одного духовнаго концерта не составитя безъ композицій Турчанинова.

Память покойнаго композитора почтила въ день 4-го марта церковь Маріинской больницы, гдѣ онъ настоятельствомъ. Всю обѣдню изъ его сочиненій пѣлъ извѣстный хоръ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, и вмѣсто «Достойно» онъ удачно пѣлъ его же «О Тебе радуется». Служилъ литургію настоятель о. Знаменскій, панихиду вышли служить, собравшіеся въ церкви, почитатели и пѣнители покойнаго: протоіереи и священники (въ числѣ ихъ и пріѣзжіи изъ Твери о. Волковъ) и новый исаакіевскій протоіакоу Богословскій. Панихида почти вся написана Турчаниновымъ. Его звуками и молились за него.

Въ церкви Больше-Охтенскаго кладбища, гдѣ погребенъ протоіерей Турчаниновъ, было совершено его поминовеніе, пѣлъ хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ подъ регентствомъ Тернова. На могилу покойнаго (кстати требующую поправки) возложенъ красивый вѣнокъ изъ вѣтви пальмы и искусственныхъ цвѣтовъ съ національными лентами и надписью: «композитору протоіерею Петру Турчанинову—русское собраніе».

Турчаниновъ участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ по разработкѣ и изданію духовныхъ музыкальныхъ сочиненій. Композиціи Турчанинова строгаго стила, отличающіяся величественностью, простотой и задушевныя, сдѣлались достояніемъ всего православнаго міра, перешли и къ славянамъ. «Тебе одѣющаго свѣтомъ», «О Тебе радуется» исполняются и въ южныхъ земляхъ славянъ.

В. Прокофьевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812. Томы. I—III. Спб. 1905.

ВОСКОШНО изданные три тома историческаго труда великаго князя Николая Михайловича содержатъ собраніе документовъ, касающихся двухъ великихъ императоровъ, Александра и Наполеона, въ знаменательную эпоху ихъ видимой дружбы, закрѣпленной многочисленными увѣреніями, но скрывавшей тайное сознаніе неизбѣжности разрыва и роковой борьбы двухъ народовъ. Многое изъ этой дипломатической переписки использовано русскими и иностранными историками, но полное и систематическое изданіе ея появляется въ свѣтъ впервые, почему и должно считаться совершенно новымъ и самостоятельнымъ вкладомъ въ исторію 1812 г. Донесенія пословъ, генерала Савари и графа П. А. Толстого, были полностью напечатаны въ LXXXIII и LXXXIX томахъ «Сборника Императорскаго Русскаго историческаго Общества», равно какъ и письма А. И. Чернышева изъ Парижа императору Александру и канцлеру за 1809—1811 г.г. въ XXI томѣ того же «Сборника», но донесенія и письма Коленкура и князя Куракина цѣликомъ не были напечатаны до сихъ поръ въ Россіи. Несмотря на множество сочиненій, пытающихся дать правильную и безпристрастную оцѣнку политики двухъ императоровъ, «едва ли,—какъ пишетъ въ своемъ обширномъ введении къ первому тому авторъ книги,—до сихъ поръ вполне опредѣлилась роль каждаго изъ актеровъ Тильзитскаго свиданія».

Первое впечатлѣніе, произведенное Наполеономъ на Александра, было несомнѣнно чарующее, и онъ видимо искренно шелъ на всякія предложенія им-

ператора французовъ, забывъ, казалось, Аустерлицъ и другія пораженія. Но отсюда начинается почти четырехлѣтняя дипломатическая игра, въ которой Наполеонъ дѣйствуетъ послѣдовательно и согласно своимъ общавамъ, а Александръ проявляетъ двойственность, утаивая чувство обиды и жажду реванша. Перемены въ политикѣ русскаго императора многіе склонны видѣть во влияніи приближенныхъ лицъ, но такое сужденіе едва ли справедливо. Русское общественное мнѣніе и особенно знаменитый триумvirатъ: графъ Строгановъ, Новосильцевъ и князь Чарторыйскій, сильно ошибались, предполагая, что Александръ отдался всецѣло обаянію своего недавняго соперника и подчинить ему интересы русскаго императора. Даже въ Тильзитѣ на ряду со словами дружбы и взаимными изліяніями Александръ произнесъ въ присутствіи королевы прусской Луизы, къ которой далеко не было равнодушно его сердце, загадочную въ то время фразу: «Все это къ лучшему, будущее покажетъ». Фраза эта должна была утѣшить оскорбленное и униженное самолюбіе прусской королевской четы, которая въ Тильзитѣ, казалось, присутствовала на похоронахъ нѣмецкой независимости. Александръ не могъ забыть пропшаго и, какъ бы ни увлекался онъ обаятельнымъ образомъ геніальнаго корсиканца, въ его ушахъ звучали злыя намеки, сдѣланные Наполеономъ еще въ бытность первымъ консуломъ, на мартовскія событія 1801 г. и на роль въ нихъ наслѣдника русскаго престола.

Авторъ введенія совершенно отрицаетъ какое либо влияніе на Александра министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, который не пользовался особымъ расположеніемъ императора и не подписалъ даже Тильзитскаго договора, такъ какъ былъ тактично отстраненъ отъ участія въ переговорахъ: слухъ французскаго императора могла бы непріятно поразить нѣмецкая фамилія посредника, и русскій министръ оставался все время въ Тильзитѣ свидѣтелемъ знаменитаго свиданія въ качествѣ безгласнаго и бездѣтельнаго статиста. Александръ дѣйствовалъ самостоятельно, не считаясь съ чьимъ либо мнѣніемъ, и если его чувство тщеславія и самолюбія было удовлетворено отношеніемъ Наполеона, въ сердцѣ хранилась горечь при мысли о недавнемъ прошломъ.

Чувства Наполеона были совсѣмъ другія. Онъ находился въ апогѣе своей славы, онъ унижилъ Пруссію и нанесъ сильный ударъ могуществу Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не сознавать, что сѣверный колоссъ далеко не сломленъ, что борьба съ нимъ крайне рискованна по своему исходу, что одновременно у Франціи есть другой врагъ — Англія, дѣйствующая всегда въ свою пользу и преслѣдующая свои выгоды въ распряхъ другихъ народовъ. Для Наполеона прямой и тѣсный союзъ съ Россіей былъ выгоденъ. Пылкое воображеніе этого бога войны рисовало картину совмѣстной борьбы съ англичанами и раздѣла всего міра на двѣ державы: французскую и русскую. Онъ вѣрилъ въ нравственную побѣду надъ Александромъ, вѣрилъ въ искренность союза съ Россіей и въ радужныхъ мечтахъ пожиналъ новые лавры славы.

При такомъ отношеніи другъ къ другу двухъ союзниковъ, изъ которыхъ одинъ въ упоеніи неизмѣнявшаго до сихъ поръ успѣха искалъ дружбы и помощи ради дальнѣйшихъ завоеваній, а другой подъ наружной искренностью скрывалъ уязвленное самолюбіе и вѣру въ часть расилаты,— конечно, особенно

важное значеніе имѣютъ личности довѣренныхъ пословъ обѣихъ сторонъ и ихъ роль въ дипломатическомъ турнирѣ властителей Запада и Востока.

Выборъ Наполеона нельзя назвать удачнымъ. Первый послѣ Тильзита временно-уполномоченный посолъ, генералъ Савари, несмотря на дружелюбный приемъ Александра, былъ встрѣченъ русскимъ высшимъ обществомъ холодно и даже враждебно. Петербургская аристократія не могла простить генералу его дѣятельнаго участія въ разстрѣляніи герцога Англенскаго. Посолъ негодовалъ и бѣсился, не понимая, какъ общество можетъ не раздѣлять благоволенія императора, и только больше еще портилъ дѣло, не обладая талантомъ терпѣливаго и вкрадчиваго дипломата.

Савари былъ скорѣ замѣненъ Коленкуромъ, близкимъ лицомъ къ Наполеону, и оставался въ Петербургѣ вплоть до самаго разрыва.

Русскимъ посломъ въ Парижѣ Александръ назначилъ графа П. А. Толстого. Весьма трудно понять, почему изъ окружавшихъ въ то время государя выборъ палъ именно на этого война екатерининскихъ временъ, солдата и полководца, но отнюдь не дипломата. Толстой, повидимому, и самъ сознавалъ свою непригодность къ порученному ему дѣлу. Онъ вовсе не пытался сблизиться съ французскимъ дворомъ, держалъ себя холодно, серьезно, являлся къ Наполеону со скорбнымъ непроницаемымъ лицомъ, какъ бы заботясь лишь о сохраненіи достоинства побѣжденнаго, и нисколько не способствовалъ закрѣпленію дружбы между Франціей и Россіей.

Несмотря, однако, на явную неспособность Толстого, несмотря на собственныя его просьбы объ отставкѣ, Александръ не замѣнилъ тотчасъ подобно Наполеону своего посла другимъ, болѣе способнымъ. Прошелъ цѣлый годъ, и только въ Эрфуртѣ, во время второго свиданія, русскій императоръ вспоминаетъ о Толстомъ и, соглашаясь на его отставку, назначаетъ на его мѣсто князя Куракина.

Нельзя не видѣть и здѣсь двойственной политики Александра. Въ то время, какъ Коленкуръ обласканъ въ Петербургѣ, постоянно пользуется аудіенціей государя, чуть не ежедневно приглашается во дворецъ на обѣды и балы, русскій посолъ въ Парижѣ не дѣлаетъ ни шага къ сближенію съ Наполеономъ и вызываетъ недоумѣніе своей холодною и сдержанною. Александръ сумѣлъ завоевать довѣріе Коленкура, и тотъ до того проникся увѣренностью въ его искренности, что посылалъ французскому императору самыя восторженныя письма и оптимистическія донесенія. Наполеонъ не безъ чувства недовольства называлъ даже Коленкура «monsieur le russe».

Князь Куракинъ обнаружилъ качества истиннаго дипломата, но, видимо, не пользовался особыми полномочіями отъ русскаго императора, почему его дѣятельность являлась далеко не рѣшающею во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ державъ. Рядомъ съ Куракинымъ въ Парижѣ велъ дипломатическую игру Чернышевъ, не стѣняясь подкупами для пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній, а совѣтникъ русскаго посольства, графъ Нессельроде, оживленно переписывался со Сперанскимъ. Такимъ образомъ всѣ упреки современниковъ въ неумѣлости нашего посла едва ли справедливы. Онъ не былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Александръ до конца не открывалъ никому изъ приближенныхъ

тайны своей политики, и, можетъ быть, одному только русскому императору было ясно, что дѣло идетъ къ неизбежному столкновению.

Великій князь Николай Михайловичъ заканчиваетъ свое введеніе, составленное крайне интересно и послѣдовательно, подтверждающее взглядъ историка на характеръ сношеній Александра и Наполеона, опредѣленіемъ отвѣтственности двухъ императоровъ за войну 1812 г., далеко не соответствующимъ общепринятымъ взглядамъ, относящимъ вину къ одной изъ сторонъ.

«Наполеонъ объявилъ войну, вторгнувшись со своими полчищами въ русскіе предѣлы, Александръ мечталъ о ней и ничего не сдѣлалъ, чтобы ее предотвратить, кромѣ внѣшнихъ проявленій обезпеченія мира».

Наполеонъ рѣшилъ войну съ Россіей только въ 1810 г., убѣдившись окончательно въ неискренности своего союзника, Александръ предвидѣлъ столкновение еще въ Тильзитѣ. «Онъ только и сблизился съ Наполеономъ, чтобы его погубить, и, когда насталъ моментъ, воспользовался гениально всѣми обстоятельствами, ставъ всенародно жертвой коварства и честолюбія своего союзника».

1812 годъ былъ роковымъ для обоихъ императоровъ. Наполеонъ съ вершины славы упалъ на островъ св. Елены и медленно умиралъ, отрѣзанный океаномъ отъ всего міра. Александръ «изнывалъ отъ бремени жизни», заглушивъ въ мистицизмъ всѣ благія начинанія своей юности.

Кромѣ донесеній Коленкура и князя Куракина, собраніе документовъ содержитъ депеши Лористона изъ Петербурга къ Наполеону и министру иностранныхъ дѣлъ Шампани, а сверхъ того инструкціи французскаго и русскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ посламъ, частныя письма князя Куракина къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова) и письма графа Нессельроде Сперанскому, часть которыхъ только недавно напечатана въ мемуарахъ, издаваемыхъ его внукомъ въ Парижѣ.

Въ первомъ томѣ воспроизведенъ прекрасный портретъ императора Александра, оригиналъ котораго принадлежитъ графинѣ Мордвиновой; во второмъ — портретъ Наполеона (съ оригинала Аппиани), въ третьемъ — Коленкура (съ миниатюры Изаб). Послѣдніе два портрета принадлежатъ собранію августѣйшаго автора.

Е. Военскій.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ.

Выпуски I, II, III и IV. М. 1905.

Открывшееся около 8 лѣтъ тому назадъ въ С.-Петербургѣ Русское генеалогическое общество до сихъ поръ проявило свою дѣятельность сравнительно въ малой степени. Вышедшіе въ свѣтъ два тома его «Извѣстій» въ большей своей части представляютъ работу одного Н. П. Лихачева. Какъ бы въ противовѣсъ ему, въ концѣ 1904 г., по инициативѣ и стараніямъ небезызвѣстнаго русскаго генеалoga, Л. М. Савелова, открывается и въ Москвѣ «Историко-родословное общество», и въ первый же годъ своей дѣятельности печатаетъ четыре выпуска своей «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ». Въ первый изъ нихъ вошла обстоятельная монографія Ю. В. Тати-

цева—«Дѣятели Смутнаго времени. I. М. II. Татищевъ». Во второмъ выпускѣ, по которому точнѣе можно опредѣлять и вообще содержаніе будущихъ выпусковъ «Лѣтописи», подраздѣляющемся на отдѣлы: 1) «Исслѣдованія, біографіи родословія», 2) «Семейные архивы, матеріалы», 3) «Замѣтки. Вопросы и отвѣты», и 4) «Библиографія», — находимъ небезынтересную статью С. В. Арсеньева о «Русскихъ дворянскихъ родахъ въ Швеціи» (Нащокиныхъ, Разладинныхъ, Калитиныхъ, Пересвѣтовыхъ и др.); далѣе—описаніе архива Костюриныхъ, съ родословной этого рода и описью документовъ, составленную Н. Мятлевымъ, и наконецъ въ приложеніи довольно обширную статью Т. И. Вяземскаго: «Проф. И. Н. Чернопятовъ. (Къ двадцатипятилѣтію его кончины)».

Во главѣ третьяго выпуска встрѣчаемъ статью Л. М. Савелова: «Происхожденіе и составъ дворянства на Дону въ XVIII вѣкѣ»; затѣмъ въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» — нѣсколько данныхъ о родѣ Ивинскихъ, сообщаемыхъ Ю. В. Татищевымъ, и наконецъ въ «Замѣткахъ» — «Списокъ стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ, которымъ жить на Москвѣ въ 1649 г.», сообщенный по документамъ архива Оружейной палаты Ю. В. Арсеньевымъ.

Наконецъ, въ четвертомъ выпускѣ В. Н. Смольяниновъ напечаталъ «Матеріалы для родословія князей Гедиминовичей, извлеченные изъ архива князя Ф. А. Куракина», куда вошли, какъ нигдѣ еще не напечатанныя: 1) «Объявленіе о родствѣ князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ. Отъ которыхъ чрезъ корень произыде, пишутъ лѣтописцы въ своихъ исторіяхъ»; 2) «Родство князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ съ сторонними князьями, короли и съ цесарями римскими»; 3) «Родство князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ не токмо съ королями польскими, но и съ королями гишпанскими, французскими, послѣднее и съ цесарями христіанскими». «Авторомъ вышеприведенныхъ трехъ статей», говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, «весьма плохо переведенныхъ съ польскаго въ первой четверти XVIII в. и безъ всякаго пониманія переписанныхъ въ послѣдней его четверти, былъ, вѣроятно, князь Янушъ Антоній Вишневецкій († 1741) или кто-либо изъ его окружающихъ». 4) «Переводъ съ письма господина князя Вишневецкаго, писаннаго изъ Львова іюля 7-го 1724 года»; 5) «Обученіе краткое о Ягеллонскомъ домѣ князей Корибутовыхъ»; 6) «Письмо князя Дм. М. Голицына къ князю Борису Ивановичу Куракину», и 7) «Письмо кн. П. Вл. Долгорукова къ князю Алексѣю Бор. Куракину». Въ отдѣлѣ «замѣтокъ» этого выпуска заслуживаютъ упоминанія сообщеніе Н. Мурзанова о незаконной дочери императора Павла I, «дѣвицѣ Марѣ Павловнѣ Мусиной-Юрьевой», и «Переписка между ген.-ад. Бенкендорфомъ и управляющимъ министерствомъ юстиціи, кн. Долгоруковымъ, по поводу объявленнаго женами декабристовъ Шаховскаго и фонъ-деръ Бриггена желанія ѣхать къ мужьямъ ихъ».

В. Р.—въ.

Сватиковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895). Изданіе «Донской Рѣчи». Ростовъ на Дону. 1905.

Настоящая книга имѣетъ цѣлью подвести общіе итоги всего историческаго матеріала по вопросу о проектахъ и попыткахъ измѣненія государственнаго

строю въ Россіи за послѣднія 200 лѣтъ. Книга состоитъ изъ двухъ частей. Первая изложена по докторской диссертациі автора на тему: «Entwürfe der Aenderung der russischen Staatsverfassung. Zur Endwicklung der konstitutionellen Ideen in Russland (1730—1819), Heidelberg, 1904»; вторая—по неизданнымъ до сихъ поръ въ Россіи источникамъ и материаламъ въ видѣ различныхъ сборниковъ, мемуаровъ, политическихъ программъ, брошюръ и т. п. Авторъ, какъ объ этомъ онъ сообщаетъ въ предисловіи, нацѣленно ограничилъ свою работу тѣмъ, что «изложилъ во всѣхъ проектахъ и программахъ лишь часть, касающуюся политическаго переустройства Россіи, все же касающееся развитія соціальныхъ требованій и теорій исключено».

Обращаясь къ содержанию книги, можно видѣть, что авторомъ затронуты почти всѣ проекты и попытки, клонившіяся къ измѣненію традиціоннаго у насъ порядка правленія. Въ первой части ея изложеніе, начиная съ идеаловъ Посошкова о «народосоветіи» и извѣстныхъ кондицій верховниковъ, доведено до смерти Николая I. Здѣсь нашли себѣ мѣсто и болѣе или менѣе подробно изложены проекты дворянства при Аннѣ Іоанновнѣ, конституціонные планы Н. И. Панина (1762 г. и позднѣе), взгляды на самодержавіе кн. Щербатова, Радищева, Николева и Княжнина; изложена судьба екатерининской комиссіи (1767 г.), совѣты Дидро о необходимости народнаго представительства. Подводя итогъ XVIII вѣка, авторъ указываетъ, что въ наибольшей степени стремленіе къ личнымъ и политическимъ правамъ проявилось у дворянства. Но добиться дворянству политическихъ правъ не удалось; взаи́мнѣ, однако, оно получило освобожденіе отъ обязательной службы и усиленіе власти надъ крестьянами. Наибольшее число проектовъ падаетъ на время Александра I. Авторъ передаетъ содержаніе проектовъ Строганова, Муравьева, Воронцова, Державина, Зубова, Разенкамыца, Новосильцева, Чарторыйскаго и Сперанскаго. Виднѣйшимъ проектамъ, каковыми были, напимѣръ, проекты Новосильцева и Сперанскаго, авторъ даетъ сравнительную оцѣнку. Какъ извѣстно, всѣ конституціонные проекты не приводили ни къ чему. Но мысли автора, главная причина неуспѣха, кромѣ личныхъ свойствъ Александра I и другихъ второстепенныхъ обстоятельствъ, лежала въ «инстинктивномъ сопротивленіи всей массы дворянства», которому жилось вполне прекрасно и при самодержавномъ режимѣ, и которое, боясь посягательства при конституціонныхъ порядкахъ на его привилегированное положеніе рабовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ, никакихъ «конституціевъ» не желало. Такое положеніе вызвало къ жизни тайныя общества и движеніе декабристовъ, которое и разсмотрѣно авторомъ довольно обстоятельно. При Николаѣ I произошелъ разгромъ русскаго либерализма, однако освободительныя идеи еще были живы и проявлялись въ извѣстныхъ литературно-общественныхъ кружкахъ 40-хъ г.г., во взглядахъ славянофиловъ и западниковъ, Кирилло-Меводіевскаго братства (1847 г.), Герцена, Н. И. Тургенева, Петрашевскаго и др. Все это и передано авторомъ, правда, мѣстами довольно бѣгло.

Вторая часть книги посвящена второй половинѣ XIX вѣка (со времени смерти Николая I). Здѣсь нашли себѣ мѣсто взгляды и программы правительственные, общественныя и частныхъ лицъ, затронуты проекты и попытки сла-

вянофиловъ, Герцена, Бакунина, И. С. Тургенева, кн. Васильчикова, тайныхъ обществъ: «Земская Дума» (1862 г.), «Земля и Воля», «Молодая Россія», партій «Чернаго Передѣла» и «Народной Воли», указаны планы и заявленія дворянскихъ депутатовъ и дворянскихъ собраній, постановленія и ходатайства земствъ и взгляды отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей; изложены проекты конституцій: правительственный 1863 г., великаго князя Константина (1865 г.) и «конституція» Лорисъ-Меликова. Послѣ 1881 г., когда началась реакція, конституціонные планы на время исчезли съ фона общественной жизни, но они тотчасъ же появились съ момента вступленія на престолъ Николая II. Это движеніе ясно сказалось въ адресахъ земствъ, поднесенныхъ государю по случаю восшествія его на престолъ. Отвѣтомъ была извѣстная рѣчь Николая II о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ» и категорическій отвѣтъ: «пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель». На этомъ и кончается книга.

Не вдаваясь въ подробный разборъ содержанія книги г. Сватикова, можно сказать, что при всѣхъ ея достоинствахъ въ ней встрѣчается рядъ пропусковъ, неточностей и промаховъ. Впрочемъ это сознаетъ и самъ авторъ, говоря, что его «работа написана спѣшно», въ ней замѣтно «недостаточно полное изложеніе проектовъ, пропуски, умолчанія и нѣкоторая несоразмѣрность частей». Нужно, однако, отдать справедливость автору, онъ сумѣлъ сгруппировать многочисленный матеріалъ и дать въ общемъ довольно вѣрную картину общественнаго движенія въ сторону конституціонализма. Значеніе его книги возрастаетъ оттого, что до сихъ поръ у насъ подобнаго обзора въ литературѣ не было. Его же попытку можно назвать волюнъ удачной.

К—въ.

П. А. Смирновъ. Жизнь и ученіе преосвященнаго Теофана, вышенскаго затворника. Шацкѣ. 1905.

Въ Вышенской пустыни Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, 6 января 1894 г. скончался извѣстный русскій архипастырь, преосвященный Теофанъ, одинъ изъ рѣдкихъ русскихъ моралистовъ не по ученію только, но и въ жизни, къ голосу которыхъ, къ сожалѣнію, мало прислушивается интеллигентное русское общество, выдвигающее, взамѣнъ того, своихъ «учителей», несущихъ невозможную «отсебятину», противную для мало-мальски дисциплинированнаго ума и проникнутаго истинно христіанскимъ чувствомъ сердца. Въ виду современнаго у насъ оживленія въ области церковно-религіозныхъ идей, г. Смирновъ хорошо сдѣлалъ, издавъ, въ память десятилѣтія со дня смерти епископа Теофана, свою о немъ книгу.

Сочиненіе г. Смирнова состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Въ первой изъ нихъ (стр. 10—19) разсказывается о домашнемъ воспитаніи и школьномъ образованіи епископа Теофана, въ мірѣ Георгія Васильевича Говорова, родившагося въ 1815 г. въ семьѣ священника Орловской губерніи, закончившаго ученіе въ Кіевской духовной академіи, подъ руководствомъ ректора Иннокен-

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1906 г., т. CIV.

18

тія, извѣстнаго церковнаго витія. Во второй главѣ (стр. 20—49) рѣчь идетъ объ учебно-воспитательной службѣ епископа Теофана и раскрываются его педагогическія воззрѣнія. Въ третьей главѣ (стр. 50—54) разсказывается о службѣ епископа Теофана въ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ вмѣстѣ съ знаменитымъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ и въ Константинополь, въ должности настоятеля посольской церкви. Въ главѣ четвертой (стр. 55—83) рѣчь идетъ о службѣ преосвященнаго Теофана въ санѣ епископа тамбовскаго и владимирскаго.

Въ 1866 г. епископъ Теофанъ отказался отъ кафедры и удалился въ Вышенскую пустынь. Онъ ушелъ отъ міра, чтобы быть наединѣ съ Богомъ. «Ибо затворъ что есть?—писалъ епископъ въ одномъ своемъ письмѣ:— то, когда умъ, заключившись въ сердцѣ, стоитъ предъ Богомъ въ благоговѣніи и выходитъ изъ сердца и ни чѣмъ нибудь другимъ заниматься не хочетъ». Въ пятой главѣ книги (стр. 83—154) описывается жизнь епископа Теофана въ затворѣ, указывается внѣшняя обстановка затвора, подробно излагается содержаніе его сочиненія: «Путь ко спасенію», служащаго ключемъ къ пониманію жизни автора въ затворѣ, описываются его труды и подвиги — молитва, духовное писательство и занятія рукодѣліемъ, нестяжательность, дѣла милосердія, смиренія и т. п.

Слѣдующія пять главъ (VI—X, стр. 154—323) посвящены обстоятельному обзору сочиненій епископа Теофана—нравоучительныхъ, гомилетическихъ, истолковательныхъ, многочисленныхъ его писемъ и переводовъ («Добротолубіе»). Г. Смирновъ предлагаетъ ихъ частью въ изложеніи, частью въ буквальныхъ выдержкахъ, поставляя сочиненія въ связь съ жизнью епископа и излагая религіозно-нравственное мировоззрѣніе вышенскаго затворника по руководству его собственныхъ трудовъ.

Въ XI главѣ (стр. 323—335) описывается послѣднее время жизни епископа Теофана и его кончина, а въ послѣдней (XII) главѣ (стр. 335—349) оцѣнивается общественно-нравственное значеніе его жизненнаго подвига. Епископъ Теофанъ былъ учителемъ жизни не только путемъ своихъ сочиненій, но и подвигомъ жизни, что важнѣе. Его ученіе понятно и доступно всѣмъ, а не только избраннымъ, такъ какъ всецѣло основывалось на христіанствѣ—религіи жизни. Знакомство съ его сочиненіями въ высшей степени полезно.

Хорошо сдѣлалъ и г. Смирновъ, напоминивъ русскому обществу о замѣчательномъ современномъ моралистѣ-христіанинѣ. Авторъ хорошо изучилъ многочисленные сочиненія епископа Теофана и воздалъ должную дань своего «глубочайшаго благоговѣнія къ памяти великаго христіанскаго учителя и подвижника».

Σ.

Н. Ончуковъ. Старина и старообрядцы. Спб. 1905.

Книга г. Ончукова представляетъ сводъ его наблюденій надъ жизнью населенія и положеніемъ старинной традиціи на крайнемъ сѣверѣ. Исслѣдователь сдѣлалъ двѣ поѣздки. Въ 1903 г. онъ посѣтилъ Поморье, Терскій и Мурманскій берега, а въ 1904 г.—Петрозаводскій, Шудожскій, Каргопольскій и Повѣнецкій уѣзды Олонецкой губерніи.

За послѣднее время изслѣдователи крайняго сѣвера отиѣчаютъ упадокъ тамъ старинныхъ традицій (Григорьевъ: «Архангельскія былины и историческія пѣсни», М., 1904). То же самое констатируетъ и г. Ончуковъ. Изслѣдователь почти не встрѣчалъ людей, знающихъ былины и сказки; его любознательность къ послѣднимъ была совершенно непонятна крестьянамъ. Причину этому г. Ончуковъ видитъ въ усиливающемся влияніи города. Особенно большую роль въ отдаленіи населенія отъ народнаго творчества сыграла, на его взглядъ, газета. Въ глубинѣ народной души, по свидѣтельству изслѣдователя, происходитъ «переоцѣнка цѣнностей», состоящая въ тѣсной зависимости отъ измѣненія экономическихъ условій жизни; народъ уже не удовлетворяется старыми идеалами, а ищетъ новыхъ. Въ связи съ этимъ и стоитъ упадокъ старинной традиціи. «Былины, — говоритъ г. Ончуковъ, — могли храниться, любиться и пѣться до тѣхъ поръ, пока къ нимъ могло существовать, такъ сказать, религиозное отношеніе, пока мораль, въ нихъ проповѣдуемая, была моралью для тѣхъ, кто пѣлъ былины, пока идеалы героевъ почти совпадали и взгляды на жизнь были тождественны со взглядами пѣвцовъ». Въ борьбѣ старой русской культуры съ новыми, еще очень смутно выяснившимися началомъ, принимаетъ большое участіе въ посѣщенныхъ г. Ончуковымъ мѣстностяхъ очень сильный по влиянію элементъ — старообрядчество.

Подъ административнымъ давленіемъ, господствующимъ въ полной силѣ за послѣднее десятилѣтіе, этотъ элементъ значительно ослабъ. Изслѣдователь рисуетъ любопытную картину полицейскаго произвола и возмутительнаго отношенія къ старообрядцамъ и памятникамъ старинной культуры мѣстныхъ административныхъ лицъ и духовенства. Посѣщенные г. Ончуковымъ мѣстности очень богаты памятниками старины. Здѣсь изслѣдователь встрѣчалъ множество церквей старинной архитектуры, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ попадались ему интересныя иконы, книги и рукописи. Храмы, представляющіе цѣнные памятники древняго зодчества, за послѣднее время «реставрируются». Это реставрированіе состоитъ въ томъ, что совершенно измѣняютъ лики на иконахъ, старинное оригинальное чешуйчатое покрытие кровлей замѣняется тесомъ или желѣзомъ, словомъ, уничтожаются всѣ остатки старины. Особенно возмутительно отношеніе къ древнимъ книгамъ и рукописямъ. Такъ, г. Ончуковъ видѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на примѣръ, въ городѣ Оксинѣ на Печорѣ, въ Сумѣ, въ Кандалакшѣ и др., какъ цѣлыя кучи рукописей и старопечатныхъ книгъ, среди которыхъ есть очень цѣнныя въ научномъ отношеніи, валяются безъ всякаго присмотра въ сырыхъ подвалахъ среди разнаго хлама.

Въ своихъ поѣздкахъ г. Ончуковъ не ограничился своей прямой задачей — записываніемъ сказокъ, былинъ, собираніемъ старинныхъ вещей, древнихъ книгъ и рукописей, но и дѣлалъ наблюденія надъ жизнью населенія, надъ его нравами, всматривался въ его бытъ. Имъ сдѣланы интересныя наблюденія надъ эволюціей мировоззрѣнія народа и надъ ролью въ этомъ старообрядчества. Взглядъ на правовое положеніе послѣдняго, а также симпатіи г. Ончукова вполне примыкаютъ къ взглядамъ и симпатіямъ тѣхъ изслѣдователей, виднымъ представителемъ которыхъ является г. Пругавинъ. (А. Фомиинъ.)

D-r. A. Brückner. Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig. 1905.

За послѣднія лѣтъ пятьдесятъ русская литература прочно заняла подобающее ей мѣсто въ западномъ мірѣ. Тургеневъ, напримѣръ, до того акклиматизировался въ Европѣ, что его слѣдуетъ считать писателемъ не только русскимъ, но и всемірнымъ. Были случаи, когда онъ писалъ по-французски и потомъ уже переводилъ на русскій языкъ. Его вліяніе хватаетъ даже черезъ Атлантическій океанъ, и историки литературы въ состояніи указать на явные слѣды подражанія Тургеневу у молодыхъ американскихъ беллетристовъ. Толстого нигдѣ такъ не читаютъ и не изучаютъ, какъ въ Англіи: тамъ создавалась о немъ цѣлая литература. Идея даже такого темнаго для европейскаго читателя писателя, какъ Достоевскій, также входятъ въ общелитературный оборотъ, и теперь никто не будетъ спорить, что имѣвшій въ свое время большой успѣхъ романъ Бурже «Le disciple» навѣявъ «Преступленіемъ и наказаніемъ». Дѣи minore русской литературы тоже находятъ за границей радушный приѣмъ. Укажемъ хотя бы на тотъ фактъ, что изъ нашихъ современниковъ переведенъ въ значительной степени Чеховъ, а Горьковское «На днѣ» было даже поставлено на одной изъ берлинскихъ сценъ.

По мѣрѣ увеличенія интереса западнаго читателя къ идеямъ русскихъ писателей, естественно, развивалась и критическая о нихъ литература. Брандесъ въ Копенгагенѣ, Цабель въ Берлинѣ, Диллонъ въ Лондонѣ и Вогкэ въ Парижѣ пристально слѣдили и слѣдятъ, насколько то для нихъ возможно, за развитіемъ этой литературы, столь не похожей ни на одну изъ западныхъ. «Что-то они всѣ готовятъ и обрабатываютъ тамъ, и молодые, и старые, всѣ люди, одаренные доброю волею?»— спрашиваетъ Брандесъ, кончая одинъ изъ своихъ этюдовъ по русской литературѣ. «Грандіозную, богатую, теплую природу... безконечно разросшуюся, наполняющую душу грустью и надеждой... непроницаемую, глубоко таинственную... материнское ложе для новыхъ явленій жизни и новой мистики... Россію и будущее».

Уже четверть вѣка тому назадъ нѣмцы сдѣлали попытку понять развивающіяся въ нашей литературѣ идеи въ ихъ послѣдовательной исторической связи. Въ результатъ явилась обширная исторія русской литературы Рейнгольдта. Теперь она, конечно, устарѣла, не удовлетворяетъ своему назначенію, и на смѣну ей явился недавно трудъ Валишевскаго, красиво написанный, но совершенно не научный и испорченный бьющей въ глаза тенденціей. Вслѣдъ за Валишевскимъ за благодарную задачу объяснить западу русскую литературу взялся берлинскій профессоръ Брикнеръ. Если не ошибаемся, онъ занимаетъ въ Берлинѣ катедру славянскихъ языковъ и, стало быть, находится для такой работы въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что, судя по цитатамъ, онъ хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ. Если принять во вниманіе званіе, спеціальность автора и возможность для него въ подлинникъ изучить русскихъ писателей, заранѣе можно сказать, что въ его трудъ не найдемъ фактическихъ ошибокъ. И дѣйствительно, читая книгу г. Брикнера, испытываешь такое впечатлѣніе, какъ будто она написана гдѣ нибудь въ Россіи и

только потому переведена по-нѣмецки. Автору отлично извѣстна вся, такъ сказать, анекдотическая сторона дѣла вплоть до казуса съ пресловутымъ фельетонистомъ, г. Амфитеатровымъ, въ газетѣ «Россія».

Но, конечно, для настоящей исторіи литературы, особенно написанной ученымъ специалистомъ, однихъ фактическихъ данныхъ и общихъ, давно извѣстныхъ и шаблонныхъ характеристикъ еще недостаточно. Нужно выяснитъ и дать читателю почувствовать самый геній народа, отразившійся въ его литературѣ. Надо вскрытъ тотъ процессъ, въ которомъ наши писатели готовятъ Россію... и будущее. Вотъ на это-то г. Брикнера не хватило.

Уже читая сдѣланную имъ характеристику Пушкина, начинаешь сомнѣваться въ правильности его критической мѣрки. Пушкинъ, по мнѣнію берлинскаго профессора, мѣнялъ свои убѣжденія, какъ перчатки. Это безнадежное замѣчаніе не оставляетъ сомнѣній, что не г. Брикнеру оцѣнить широту и разносторонность природы Пушкина, котораго никакъ не уложишь въ рамки какого нибудь одного опредѣленнаго направленія. Непониманіе природы Пушкина, естественно, приводитъ автора и къ ложному выводу: Пушкинъ національный русскій поэтъ, но поэзія его вовсе не національна (!). (*P. ist der nationale Dichter der Russen, obwohl seine Dichtung durchaus nicht national ist.*)

Особенно слабъ г. Брикнеръ тамъ, гдѣ ему приходится имѣть дѣло съ чисто русскими, національными идеями. Славянофильство, напримѣръ, представляется ему не болѣе, какъ шовинизмомъ кружка московскихъ дворянъ, связанныхъ между собою узами родства и свойства. «Славянофильское пониманіе братской любви и мірового призванія Россіи для насъ простое шарлатанство», — говоритъ онъ. Больше всего достается отъ автора Хомякову. Приводитъ его мысли о томъ, что именно Россія суждено дать Западу настоящее христіанское просвѣщеніе, г. Брикнеръ сопровождаетъ это мѣсто ироническимъ восклицаніемъ: и это при существованіи 3-го отдѣленія, цензуры и святѣйшаго синода! Авторъ какъ будто и не догадывается, что славянофилы сами не меньше ратовали противъ излишняго государственнаго гнета, чѣмъ западники. Такъ же пренебрежительно трактуются богословскіе труды Хомякова, хотя его противники: англичанинъ Пальмерсъ и католическій богословъ Лоранси, были насчетъ нихъ другого мнѣнія. Жаль читателя, который вздумаетъ познакомиться съ славянофильствомъ по книгѣ г. Брикнера.

Для окончательнаго опредѣленія степени проникновенности и критической прозорливости автора, попробуемъ еще разобратся въ его воззрѣніяхъ на такого писателя, какъ Достоевскій. Брикнеръ относится къ нему съ восторгомъ и справедливо замѣчаетъ, что Достоевскій является «великимъ учителемъ Наше», предшественникомъ новѣйшихъ декадентовъ, сатанистовъ и оргіастовъ. Онъ пораженъ глубиною и силою его психическаго анализа и увѣренъ, что пока метафизическіе вопросы о добрѣ и злѣ, о поусторонней природѣ (*Nachseite*) человѣческаго духа будутъ занимать людей, до тѣхъ поръ будетъ читаться и Достоевскій. Конечно, все это вѣрно. На какъ скоро рѣчь заходитъ о религіозно-философскихъ идеяхъ автора «Братьевъ Карамазовыхъ», опять выступаетъ на сцену то же непониманіе сущности дѣла, какое авторъ уже обнаружилъ, говоря о славянофилахъ. Тутъ для нѣмецкаго историка Достоевскій

превращается въ зауряднаго «энтузіаста византійскаго православія и монгольскаго самодержавія». Нѣтъ надобности доказывать, что такая оцѣнка Достоевскаго и фальшива и въ высшей степени груба. Въ ней можно было бы, пожалуй, увидѣть тенденціозность автора. Но намъ думается, что онъ просто органически не способенъ къ воспріятію глубокихъ мистическо-религіозныхъ идей. Говоря объ извѣстной ссорѣ между Грановскимъ и Герценомъ, Брикнеръ замѣчаетъ, что послѣ разрыва Герцень сталъ чистымъ атеистомъ и социалистомъ, а Грановскій остался при своей вѣрѣ въ безсмертіе души и «при прочей романтикѣ».

Конечно, если для нѣмецкаго историка русской литературы вѣра въ безсмертіе души есть только романтика, то многое въ русской литературѣ покажется ему нелѣпымъ и непонятнымъ. Но тогда лучше и не приступать къ выясненію все еще загадочной для европейца области.

А. Б.—въ.

Н. Козминъ. Н. И. Надеждинъ. Спб. 1905.

Хотя вопросъ о романтизмѣ, его роли и значеніи въ исторіи русской литературы освѣщенъ довольно хорошо, но критика того времени и ея представители еще недостаточно.

Изученію современной романтизму критики посвятилъ себя г. Козминъ. Два года тому назадъ онъ выпустилъ объемистую книгу объ одномъ изъ самыхъ видныхъ критиковъ того времени — Полевомъ: «Очерки по исторіи русскаго романтизма. Н. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи» (Спб., 1903). Настоящій трудъ посвященъ другому видному критику этой эпохи — Надеждину. Первая работа г. Козмина, не отличаясь какими либо особенными достоинствами, обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное трудолюбіе. То же самое приходится сказать и о второй.

Книга автора представляетъ пространную біографію Надеждина, при чемъ составитель не пользуется новыми матеріалами, а основывается на старыхъ, давно уже извѣстныхъ. Къ сожалѣнію, г. Козминъ не говоритъ, какую задачу преслѣдуетъ онъ въ своемъ трудѣ. Намъ кажется, что главной задачей работы объ историческомъ дѣятелѣ, о которомъ уже существуетъ довольно обширная литература, является — внести новыя, еще неизвѣстныя черты для его обрисовки, дать на основаніи ихъ новую, болѣе полную характеристику. Составлять же біографію, не внося ничего новаго, имѣть смыслъ только тогда, когда работа носитъ популярный характеръ, и цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы напомнить обществу о забытомъ имѣ дѣятелѣ. Но трудъ г. Козмина предназначенъ не для широкой публики, а скорѣе для спеціалистовъ. Для послѣднихъ онъ, однако, въ силу указаннаго, не имѣетъ никакого значенія.

Но даже, и какъ пространная біографія, книга не выдерживаетъ критики: характеристика Надеждина, данная авторомъ, не полная и не яркая. Имѣ, напри- мѣръ, не отмѣчены противорѣчія, въ которыя часто впадаетъ критикъ, о чемъ сообщаетъ Бѣлинскій, что имѣетъ важное значеніе для общей обрисовки. Кромѣ того, говоря о работахъ и лекціяхъ критика, г. Козминъ не даетъ яснаго пред-

ставленія о нихъ, плохо выясняетъ основные взгляды Надеждина. Самый же важный недостатокъ труда заключается въ томъ, что авторъ почти обходитъ вопросъ о роли Надеждина, какъ профессора, и о вліяніи его на современную молодежь.

Въ виду этого не получается яснаго представленія объ этомъ видномъ дѣятелѣ, его вліяніи на современное ему общество и о его историческихъ заслугахъ. Г. Венгеровъ на нѣсколькихъ страницахъ примѣчанія къ издаваемымъ имъ сочиненіямъ Бѣлинскаго сумѣлъ дать яркую характеристику Надеждина, между тѣмъ, г. Козминъ въ специальной и довольно объемистой работѣ не сказалъ ничего существеннаго, а повторилъ лишь давно извѣстное.

Отмѣчая это, мы не жалаемъ отнимать отъ г. Козмина его заслугъ, какъ трудолюбиваго работника. Всякій, кто знакомъ хотя бы съ упомянутымъ его трудомъ о Полевомъ, согласится съ нами. Жаль, что при наличности трудолюбія г. Козминъ не обладаетъ качествомъ, необходимымъ для всякаго изслѣдователя историко-литературныхъ явленій.

А. Фомиль.

Сказки Кавказа. Жемчужное ожерелье. Собраны и изложены В. А. Гатцукомъ. Изданіе А. С. Понафидиной. 9 выпусковъ. М. 1904—1905.

Подъ заглавіемъ «Жемчужное ожерелье» издано 9 выпусковъ сказокъ различныхъ племенъ Кавказа. Сюда вошли сказки осетинъ, чеченцевъ, кабардинцевъ, грузинъ (свановъ, мингрельцевъ), армянъ, горцевъ-евреевъ, татаръ, кумыковъ, дагестанцевъ и др. Всего мы насчитали 56 сказокъ. Текстъ иллюстрированъ рисунками, характеризующими не только героевъ сказокъ, но и быть тѣхъ племенъ, устное творчество которыхъ послужило матеріаломъ для «Жемчужнаго ожерелья». Трудъ г. Гатцука не представляетъ механическаго собранія кавказскихъ сказокъ, заимствованныхъ изъ различныхъ печатныхъ источниковъ. Авторъ сборника задался цѣлью ознакомить «большую» публику съ міровоззрѣніемъ и поэтическимъ творчествомъ кавказскихъ племенъ. Въ этихъ видахъ онъ отказался отъ мысли приводить сказки текстуально и излагалъ ихъ, перерабатывая, не отрываясь отъ почвы народнаго творчества, сдерживая свою фантазію въ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ бытовымъ особенностямъ, религиознымъ вѣрованіямъ (чинка, каджи, Рокапи), степени культурнаго развитія того племени, сказкъ котораго онъ придавалъ художественную форму. Иногда онъ связывалъ отрывки, на примѣръ, «Дорогой перстень» различныхъ сказокъ, принадлежащихъ одному племени, но такъ искусно, что получается вполне цѣльное и законченное впечатлѣніе. При такой мозаичной работѣ авторъ обнаружилъ тонкое литературное чутье и недюжинный художественный талантъ. Картины природы и быта Кавказа очерчены имъ съ истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Можно было бы, конечно, выбрать иныя сказки, болѣе характерныя и типичныя (на примѣръ, «Въ кузницѣ цыганъ нужнѣ князя») для того или иного племени Кавказа, столь пестраго въ своемъ этнографическомъ составѣ. Нерѣдко сказка, означенная осетинской, представляетъ

полную аналогію обращающейся среди грузинъ подобной сказкѣ (напримѣръ, «Муравей и кузночикъ»); есть сказки, источникъ которыхъ сохранился лишь въ письменной литературѣ и успѣлъ исчезнуть въ устной передачѣ (напримѣръ, «Тритино»); слѣдовало бы точнѣе опредѣлить племенное происхожденіе «сказокъ дагестанскихъ», ибо Дагестанъ является небольшимъ этнографическимъ калейдоскопомъ. Составитель сказокъ за рѣдкимъ исключеніемъ удачно объяснял оставленные имъ термины для обозначенія бытовыхъ и религіозныхъ особенностей, но есть и не вполне точныя ихъ толкованія (въ родѣ «чуста», «кожаная зурна»), неправильныя транскрипціи («видеми» вм. дэви, «хаджи» вм. каджи, «Мкемъ» вм. Микентъ), смѣшеніе фамилій (напримѣръ, въ горско-еврейской сказкѣ герой носить грузинскую фамилію). Эти погрѣшности не умаляютъ достоинствъ «Жемчужнаго ожерелья» г. Гатцука, въ художественной обработкѣ излагающаго сказки кавказскихъ племенъ, при томъ болѣе стройно и изящно, чѣмъ это удавалось его предшественникамъ. Пожелаемъ широкаго распространенія этому прекрасному труду г. Гатцука и будемъ ждать съ нетерпѣніемъ X выпуска, который будетъ отведенъ главному герою кавказскихъ сказокъ — Амирану.

А. Хахановъ.

С. Ф. Годлевскій. Къ вопросу о свободѣ и правѣ. Спб. 1906.

Брошюра С. Ф. Годлевскаго «Свобода и право» представляетъ краткое популярное изложеніе основныхъ условій правового развитія. Основная мысль автора та, что всякія общественныя формы обусловливаются естественными потребностями человѣческой личности, и что всякое дѣйствующее право, даже государственное, опредѣляющее форму правленія, оказываетъ то или другое вліяніе на жизнь человѣка, а потому право дѣйствительно лишь постольку, поскольку оно отвѣчаетъ естественнымъ потребностямъ человѣка. Оно должно служить средствомъ всесторонняго развитія человѣческой личности и народовъ и объединенія ихъ въ общечеловѣческомъ союзѣ, т.-е. человѣкъ, хотя и подчиняется закону, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и его творецъ, вслѣдствіе чего человѣкъ стоитъ выше всякаго права, ибо «творецъ не можетъ быть рабомъ своего творенія». Вотъ почему автономная идеальная человѣческая личность въ ея стремленіи къ высшему развитію и къ всеобщей свободѣ является вѣчнымъ, животворящимъ началомъ права, а отождествленіе личной воли съ общественными и классовыми интересами путемъ глубокаго проникновенія правосознанія въ народныя массы и въ сознаніе отдѣльныхъ лицъ — вотъ неизбѣжное основаніе всякаго истиннаго прочнаго правопорядка.

Со временъ французской революціи въ западно-европейскихъ государствахъ началось всестороннее правовое развитіе, и этотъ періодъ отмѣченъ широкимъ развитіемъ чувства общественности.

Въ этотъ періодъ нынѣ вступила Россія. Государство постепенно превращается въ общество — въ этомъ заключается смыслъ переживаемаго нами въ настоящее время переворота. На первый планъ выступаютъ стремленія и потребности собирательной человѣческой личности, которымъ должны быть подчинены интересы власти и правящихъ классовъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой интересной брошюры. При этомъ почтенный авторъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на постепенное развитіе права, начиная съ первобытныхъ временъ и кончая современнымъ его состояніемъ. Онъ подробно останавливается на ученіи Гуго Гроція, общепризнаннаго основателя новой философіи права, которому принадлежитъ идея, что единственный источникъ общечеловѣческаго права есть человѣческій разумъ, и его знаменитое сочиненіе «О правѣ войны и мира» имѣло цѣлью открытіе такихъ началъ права, которыя были бы обязательны для всѣхъ временъ и народовъ. Исходной точкой для Гуго Гроція служитъ положеніе, что «человѣку свойственны стремленія жить съ подобными себѣ въ общеніи разумномъ и благоустроенномъ». Изъ общей системы права онъ выдѣляетъ цѣлую область естественнаго, вытекающаго изъ выводовъ разума и составляющаго его неизмѣнное начало, обязательное для всѣхъ временъ и народовъ. Этотъ взглядъ послужилъ основой для извѣстной «декларациі правъ человѣка» и большинства послѣдующихъ революціонныхъ ученій. Затѣмъ авторъ подробно останавливается также на теоріи Гоббса, изложенной въ сочиненіяхъ его: «О матеріи формъ власти государствъ духовной и гражданской», «О человѣкѣ» и «О гражданинѣ». По ученію Гоббса, основаніе естественнаго права есть борьба за существованіе. Таково, по его мнѣнію, естественное первобытное, догосударственное состояніе людей. Подтвержденіемъ этого взгляда являются отношенія дикарей между собою, частыя междуособныя войны, кровавая, неумолимая борьба за существованіе, которую ведутъ государства въ теченіе многихъ столѣтій. Эта борьба сопровождается постояннымъ страхомъ, потому что ни у одного человѣка и ни у какого государства не можетъ быть увѣренности, что побѣда всегда останется на ихъ сторонѣ. Поэтому люди стремятся къ безопасности, т.-е. къ миру, а для достиженія мира необходимо каждому отказаться отъ принадлежащаго ему естественнаго права на все. Въ этомъ именно заключается второй основной законъ природы. Но послѣдствіемъ односторонняго отказа явилось бы рабство того, кто прежде другихъ отказался бы отъ борьбы. Слѣдовательно необходимо, чтобы всѣ въ равной степени отказались отъ стремленія осуществить свое естественное право на все. Это всеобщее отреченіе, эта взаимная жертва людей ради общаго блага лучше всего выражена въ евангельской заповѣди: «не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь». Отказъ отъ права выражается или путемъ простаго отреченія отъ принадлежащихъ данной личности правъ, или путемъ передачи ихъ другому лицу или группѣ лицъ. Въ этой послѣдней формѣ самоограниченія личности заключается, по мнѣнію Гоббса, начало государственной власти. Такимъ образомъ, государство, по словамъ Гоббса,—единственный представитель и обладатель абсолютнаго права на все, которое первоначально въ естественномъ состояніи принадлежало всякому человѣку, и отъ котораго онъ отказался ради вѣрнѣйшаго обезпеченія своей безопасности.

Сопоставивъ противоположныя системы двухъ упомянутыхъ мыслителей, авторъ полагаетъ, что право слагается путемъ взаимодѣйствія и неизбежнаго компромисса между исторически возникшей государственной властью, съ одной стороны, и человѣческимъ разумомъ и человѣческими потребностями, съ другой.

М. Л. де-Вальденъ.

**С. Боркгаймъ. Движеніе чартистовъ. Переводъ съ нѣмецкаго
И. Вилька. Спб. 1905.**

Огромная орда позорныхъ своимъ рабскимъ страхомъ россіянь, наводнившая въ теченіе 1905 г. всѣ столицы и курорты Европы, наполнившая русскими деньгами иностранные банки, съ какимъ невѣжествомъ она обобщала каждое субъективное впечатлѣніе, какъ была слѣпа и глуха къ урокамъ исторіи, хотя бы лишь одного минувшаго вѣка!..

«Рѣшено было: вынуть въ одинъ и тотъ же день вклады изъ банковъ, чтобы произвести заминку въ дѣлахъ», «отпраздновать святой мѣсяць», въ теченіе котораго всѣ работы должны быть прекращены; вооружиться, какъ то подобаетъ свободнымъ людямъ». Это резюме манифеста 13 мая 1839 г., изданнаго конвентомъ чартистовъ въ Бирмингамѣ. Этотъ эпизодъ, какъ и цѣлый рядъ другихъ изъ исторіи движенія чартистовъ въ Англіи, положительно злободневенъ и несомнѣнно близокъ современному читателю. Злободневенъ и по нынѣшнимъ временамъ положительно поучителенъ и весь общій ходъ чартистскаго движенія. Партія чартистовъ была партіей промышленнаго пролетаріата, объединившая своимъ знаменемъ всѣ его политическія и социальныя надежды и идеалы, но вмѣстѣ съ этимъ включившая въ свою среду значительный кругъ мелкой и средней либеральной буржуазіи. Собственно говоря, рабочая хартія (Charte), давшая названіе всему движенію, заключала въ себѣ лишь исключительно политическія требованія, выраженные въ слѣдующихъ знаменитыхъ «шести пунктахъ хартіи народа»: 1) Всеобщее право голоса для совершеннолѣтнихъ мужчинъ, находящихся въ здоровомъ умѣ и не уличенныхъ въ какихъ либо преступленіяхъ; 2) ежегодный парламентъ; 3) жалованье депутатамъ; 4) тайные выборы путемъ баллотировки; 5) равные избирательные округа; 6) отмена имущественнаго ценза для кандидатовъ въ члены парламента.

Нынѣ почти всѣ пункты хартіи проведены въ жизнь, но осуществленіе ихъ въ 1830—1840 гг. минувшаго вѣка привело бы Великобританію къ полнѣйшей реорганизации всего социальнаго строя, къ настоящей социальной революціи. Соціальный характеръ всего движенія усиливался тѣмъ, что подъ политическое знамя хартіи въ концѣ концовъ собрались сторонники всевозможныхъ реформъ. Тутъ были борцы за десятичасовой рабочій день, ярые противники новаго закона о бѣдныхъ, проповѣдники аграрной реформы и агитаторы за отмену хлѣбныхъ законовъ. Соціальную сторону чартизма прекрасно понялъ и мѣтко освѣтилъ въ одной своей рѣчи выдающійся дѣятель движенія Стефенсъ. «Чартизмъ, друзья мои,—сказалъ онъ,—не политическій вопросъ, при которомъ рѣчь идетъ о томъ, что вы получите избирательныя права и т. д., а вопросъ ножа и вилки; хартія означаетъ хорошее жилище, хорошія пищу и платье, хорошее содержаніе и непродолжительное рабочее время».

Весь періодъ чартистскаго движенія и особенно бурные его годы (1846—1847) ознаменовались множествомъ изъ ряда вонъ выходящихъ и нерѣдко выдающихся по трагизму эпизодовъ. Безконечная вереница острыхъ впечатлѣ-

ній, безперервно ложасть на души изнервничавшихся современниковъ, создала иллюзію гибели всѣхъ основныхъ началъ общежитія всего соединеннаго королевства. «Не закатится ли скоро среди бѣла дня солнце великой Англіи?» — спрашивалъ одинъ ораторъ. «Вы не можете указать, — продолжаетъ онъ, — почти ни одного средства, которое могло бы вывести націю изъ теперешняго кризиса и спасти ее отъ паденія». А въ дѣйствительности развязка чартизма была близка. Чтобы лучше понять ее, выслушаемъ авторитетнѣйшаго теоретика современной социалдемократіи. «Буржуазное общество, — пишетъ Каутскій, — слишкомъ сложно, чтобы большое революціонное движеніе могло быть дѣломъ одного какого либо класса». Хотя ядро чартизма состояло изъ промышленнаго пролетаріата, но его окружали, придавая мощный и широкий характеръ всему движенію, широкіе слои мелкой и средней буржуазіи. Чѣмъ шибче шель чартизмъ по революціонному пути, тѣмъ быстрѣ рѣдѣли ряды его буржуазныхъ сторонниковъ. Часть ихъ отхлынула, напуганная крайностями движенія, другая удовлетворилась частичными правительственными реформами. Десятое апрѣля 1848 г. — день неудачной чартистской демонстраціи, можно считать поворотнымъ пунктомъ движенія, съ котораго оно быстро пошло на убыль. Оставленный буржуазіей, — вспомните цитированныя слова Каутскаго, — революціонный пролетаріатъ оказался неспособнымъ развить прежнюю интенсивную дѣятельность, и до середины 1850-хъ г. чартизмъ влачилъ жалкое существованіе и затѣмъ совсѣмъ канулъ въ лету. Съ гибелью чартизма рабочее движеніе, сойдя съ политической и социальной почвы, вошло въ рамки мирнаго, почти консервативнаго, профессиональнаго движенія. Въ исторіи социал-демократіи чартизмъ представляется этапомъ крупнаго размаха. Именно съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ движеніе Боркгаймъ. Это кладетъ несомнѣнный субъективный отпечатокъ на его работу, но отнюдь не обезцѣниваетъ ея. Книжку Боркгайма можно рекомендовать, какъ назидательное и поучительное чтеніе, помогающее съ помощью конкретнаго историческаго примѣра разобраться въ хаосѣ настоящаго.

Е. М. Вороновъ.

Кабанесъ и Нассъ. Революціонный неврозъ. Спб. 1906.

Даже обширныя сочиненія по исторіи великой французской революціи даютъ, хотя и отчетливыя, но общія очертанія этого безиримѣрнаго въ прошломъ переворота. Они обыкновенно имѣютъ дѣло лишь съ гребнемъ общественной волны, смывшей отжившій старый порядокъ, но уличная жизнь, мелкія, но характерныя для настроенія революціонныхъ эпохъ происшествія, попадаютъ на страницы научныхъ трудовъ лишь изрѣдка, въ особенно трагическихъ случаяхъ. Чтобы представить себѣ, что дѣлалось на улицахъ Парижа, Ліона, Марсеа и другихъ городовъ, охваченныхъ мятежнымъ духомъ, нужно погрузиться въ литературу мемуаровъ того времени, переписку современниковъ и, набравъ оттуда фактовъ, сгруппировать ихъ въ общую картину. Такую работу и продѣлали Кабанесъ и Нассъ. Въ своей книгѣ они собрали цѣлый рядъ, такъ сказать, моментальныхъ фотографическихъ снимковъ съ парижскихъ

площадей и улиц, залитыхъ бующей, озвѣрѣвшей толпой, безмысленная жестокости которой явно говорятъ о ея патологическомъ состояніи. Къ сожалѣнію, для выясненія психическаго состоянія толпы во время разгромовъ авторы сдѣлали очень мало, ограничившись размѣщеніемъ снимковъ по извѣстнымъ рубрикамъ. Хотя отъ этого книга и получила анекдотическій характеръ, но сами по себѣ приведенные въ ней факты такъ ярки, что читателю не трудно подмѣтить въ нихъ типичныя для революціонной толпы явленія: паническій страхъ, саунизмъ, оболещеніе красивыми или сильными словами, безмысленная страсть къ разрушенію и дѣтская легкомысленность въ самыхъ серьезныхъ вопросахъ.

Для насъ послѣ пережитой Московской революціи книга Кабанеса и Насса представляетъ нѣкоторый спеціальныи интересъ: мы можемъ отыскать параллели къ французскимъ событіямъ въ русскомъ революціонномъ движеніи. Кое-гдѣ такія параллели и приведены переводчикомъ книги въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Конечно, такія аналогіи не представляютъ полного сходства, такъ какъ у насъ открытая массовая революція была подавлена въ самомъ началѣ. Но тѣмъ знаменательнѣе такія совпаденія: они указываютъ, что съ разгаромъ борьбы и наша толпа «товарищей» способна дойти до такихъ же страшныхъ подвиговъ, какъ французскіе санкюлоты 1789 г.

А. Б—въ.

Матеріалы для исторіи російской духовной миссіи въ Пекинѣ. Изданы подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Выпускъ I. Съ приложеніемъ одного рисунка. Спб. 1906.

По вполне понятнымъ причинамъ, въ настоящее время у насъ долженъ пробудиться значительный интересъ къ изученію Дальняго Востока, и, при огромной важности даннаго вопроса, изученіе это не должно ограничиваться настоящимъ, а быть вмѣстѣ съ тѣмъ и историческимъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія настоящей книги, особенно подѣ редакціей такого знатока исторіи Востока, какъ профессоръ Н. И. Веселовскій, который опубликовалъ уже огромное количество весьма дѣбнаго матеріала по исторіи нашихъ сношеній съ азіатскими сосѣдями. Въ основѣ книги лежитъ изданіе записки о русской миссіи въ Пекинѣ, составленный 8-мъ по общему счету начальникомъ ея, архимандритомъ Софроніемъ Грибовскимъ (1794—1808 гг.). Записка эта, носящая заглавіе: «Увѣдомленіе о началѣ бытія россиянь въ Пейдзингѣ (китайское названіе Пекина) и о существованіи въ ономъ грекороссійской вѣры», была извѣстна въ литературу уже съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а затѣмъ исчезла, и до такой степени основательно, что нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ стали даже сомнѣваться въ ея существованіи. Только въ весьма недавнее время списокъ этой записки, вмѣстѣ съ другими болѣе мелкими матеріалами, оказался въ бумагахъ извѣстнаго синолога, покойнаго проф. В. П. Васильева, который около 40 лѣтъ держалъ у себя рукопись, полученную имъ отъ императорскаго археологическаго общества, куда она пожертвована была въ 1858 г. преосвященнымъ Ниломъ Исаковичемъ, авторомъ извѣстной книги о буддизмѣ.

Впрочемъ, за долгій періодъ пребыванія у него рукописи В. П. Васильевъ дополнилъ ее свѣдѣніями объ 11—14 миссіяхъ, въ одной изъ которыхъ (въ 12-й), онъ принималъ непосредственное участіе. Несмотря на сравнительную краткость изложенія, записка Грибовскаго сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ изъ жизни миссіи, но факты эти—увы!—далеко не всегда говорятъ въ пользу нашихъ миссіонеровъ. Главнымъ недостаткомъ ихъ являлось неумѣренное пьянство, такъ, іеромонахъ Антоній... «въ пьянствѣ ожогъ себя, лежа на горячемъ кану, отъ чего въ недолгомъ времени и скончался», а про одного ученика миссіи, нѣкоего Якова Коркина, Грибовскій сообщаетъ, что этотъ Коркинъ былъ не только пьяница, но и «забѣяка, которымъ китайскія матери малыхъ своихъ дѣтей, когда онѣ плачутъ, пугаютъ». Не обнаруживали также, повидимому, миссіонеры и особаго стремленія сойтись ближе съ туземнымъ населеніемъ, доказательствомъ чему служить самъ Грибовскій, который, пробывъ въ Пекинѣ 13^{1/2} лѣтъ, не ознакомился ни съ китайскимъ, ни съ маньчжурскимъ языками. По основательному предположенію проф. Н. И. Веселовскаго, архим. Грибовскій, при составленіи своего труда, долженъ былъ усердно пользоваться запиской о миссіи іеромонаха Θεодосія Смержевскаго, бывшаго въ Пекинѣ въ половинѣ XVIII в. Эта работа Смержевскаго, извлеченіе изъ которой издано и въ настоящей книгѣ, доселѣ еще не опубликована въ цѣломъ видѣ и должна содержать много неслышанныхъ подробностей о нашихъ миссіонерахъ въ Пекинѣ, Впрочемъ, истинное мѣстонахожденіе этой записки неизвѣстно. Изданію матеріаловъ предпослано обстоятельное введеніе, въ которомъ изложены исторія и содержаніе рукописи, бывшей у В. П. Васильева, и приведены біографическія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ ней лицахъ. Настоящая книга издава императорскаго Русскимъ археологическимъ обществомъ и украшена хорошимъ фотографическимъ снимкомъ съ нарисованнаго китайскимъ художникомъ и нынѣ не существующаго сѣвернаго подворья миссіи.

А. М.

Ульрихъ Штутцъ. Церковное право. Переводъ подъ редакціей Евг. Темниковскаго, профессора Демидовскаго юридическаго лицея. Ярославль. 1905.

Названная книга представляетъ собою русскій переводъ обширной статьи У. Штутца, помѣщенной въ послѣднемъ, шестомъ изданіи (1903—1904 г.), редактированномъ І. Колеромъ, основанной Гольцендорфомъ «Энциклопедіи юридическихъ наукъ».

Работа Штутца ставитъ своею задачей дать возможно сжатый, но цѣльный очеркъ западнаго церковнаго права на основаніи всей новѣйшей литературы предмета, которая очень полно указана въ книгѣ, и, надо сознаться, выполняетъ поставленную задачу съ большимъ усиліемъ. Она раздѣляется на двѣ почти равныя по объему части (1—203 и 204—361 стр. русскаго изданія)—исторію и систему церковнаго права, которыя въ свою очередь раздѣляются на отдѣлы права католической и евангелической церковей. Съ методологической точки зрѣнія такое дѣленіе науки прежде всего на исторію и систему

права представляет большія преимущества, потому что, если вообще система всякой юридической науки не может быть основательно изучена и изложена безъ исторіи ея предмета, то особенно система церковнаго права, которое не только въ православной и католической, но въ значительной мѣрѣ и въ евангелической церкви, покоится на непрерывномъ историческомъ преданіи, ведущемъ свое начало отъ Спасителя и апостоловъ, или отъ реформы.

Между тѣмъ, въ литературу церковнаго права не было доселѣ хотя бы краткаго, но цѣлаго очерка даже западнаго церковнаго права, а лишь частичныя историческія изслѣдованія Planck'a, Bickell'я, Locning'a, Sohm'a и другія, изъ коихъ послѣднее—R. Sohm, Kirchenrecht, erster Band: Die geschichtlichen Grundlagen, 1892, Leipzig—наиболѣе полное изъ всѣхъ, сильно своимъ историко-критическимъ анализомъ, но по своей конфессионально-протестантской тенденціозности очень далеко отъ научной объективности. Кроме того, историческія основы отдѣльныхъ важнѣйшихъ институтовъ указаны у Hinrichus'a: Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten, I—VI, 1 (1869—1897), и у другихъ, а также предъ изложеніемъ системы права обычно помѣщается исторія ея источниковъ и устройства церкви. Но такое частичное и разрозненное изложеніе не даетъ возможности представить себѣ цѣльной исторической картины и уяснить несомнѣнно существующую зависимость между отдѣльными, повидимому, совершенно обособленными институтами права, напримѣръ, между институтомъ права собственности на церкви и развитіемъ епископской власти и діоцезальнаго устройства (Штутцъ, § 21). Работа У. Штутца восполняетъ именно этотъ пробѣлъ литературы, и потому должна быть встрѣчена съ полнымъ вниманіемъ и благодарностью, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ. Дальнѣйшая особенность разбираемой книги заключается въ выдѣленіи въ особые отдѣлы католическаго и евангелическаго права, которыя также неумѣстно смѣшивать, или излагать поочередно, какъ и исторію и систему, а также отчетливое и вполнѣ правильное дѣленіе исторіи на періоды. Это особенно относится къ праву католической церкви, пережившей рядъ послѣдовательныхъ эпохъ, со своеобразной фізіономіей каждой, вплоть до книгъ дѣйствующаго «ватиканскаго права».

Система права отличается выдѣленіемъ (въ I и II отд.) общихъ ученій католическаго и руководящихъ принциповъ нѣмецкаго церковно-государственнаго права, а также изложеніемъ ея не по традиціонному плану, основанному на различеніи власти священнослуженія, ученія и управленія, но въ частности католическаго, по содержанію папскаго *primatus iurisdictionis* (послѣ источниковъ права и устройства—право законодательства, управление культомъ, ученіе, карательная и судебная власть, правовыя нормы относительно должностей и управленіе церковнымъ имуществомъ).

Что касается до самаго содержанія научныхъ положеній и выводовъ Штутца, то особаго вниманія заслуживаетъ, какъ основная, первая глава книги—церковный порядокъ ранней христіанской эпохи, связанный съ миссіей (распространеніемъ христіанства). Авторъ съ большимъ искусствомъ подводитъ итоги обширной, часто взаимно противорѣчивой литературы, высказывая и свои оригинальные взгляды, съ чѣмъ можно еще очень много спорить.

Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, тенденціозныя крайности настолько сглажены, что въ связи съ возможной новой постановкой вопроса о правѣ вообще и о церковномъ правѣ въ частности (противъ Sohм'a и несовершенной «волевой» теоріи самого Штутца, § 54) можно уже надѣяться на возможность удовлетворительнаго рѣшенія самыхъ сложныхъ контрверзъ науки, напирѣтъ, вопроса о возникновеніи іерархіи и отношеніи ея къ харизматикамъ.

Съ вѣшной стороны переводъ изданъ опрятно и дешево, хотя то, что книга не сброшюрована, дѣлаетъ ее неудобной для чтенія. Переводъ очень приближается къ подлиннику, и потому, еще вслѣдствіе сжатости рѣчи Штутца, иногда очень труденъ для чтенія.

Какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своему характеру, книга предназначена для спеціалистовъ.

Павель Верховской.

Исторія римской литературы. Дополненіе къ изданію 1888 г. лекцій по исторіи римской литературы, читанныхъ въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ проф. В. И. Модестовымъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Москва. 1906.

Несмотря на то, что болѣе или менѣе основательное изученіе классическихъ языковъ существуетъ въ Россіи сравнительно довольно давно, наша филологическая литература очень бѣдна оригинальными научными трудами общаго характера. Одно изъ видныхъ мѣстъ среди подобныхъ сочиненій занимаютъ «Лекціи по исторіи римской литературы» проф. В. И. Модестова, выдержавшія нѣсколько изданій, послѣднее изъ которыхъ вышло въ 1888 г. Въ настоящее время у почтеннаго ученаго явилась благая мысль освѣжить свой солидный трудъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія библиографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ исправить нѣкоторыя погрѣшности преимущественно типографскаго характера, вкравшіяся въ предшествующее изданіе. Такимъ образомъ въ настоящей книгѣ данъ, между прочимъ, обстоятельный отчетъ о новѣйшихъ изысканіяхъ объ этрусскомъ языкѣ, о Фалискахъ, о древнѣйшей латинской надписи, найденной на Римскомъ форумѣ въ 1899 г., и т. д. Что касается библиографіи, то, конечно, В. И. Модестовъ, по его собственному признанію, не могъ стремиться здѣсь къ абсолютной полнотѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ ему пришлось бы издать томъ объема, равнаго всѣмъ его лекціямъ. Конечно, дѣлать дополненія къ подобной субъективной библиографіи весьма затруднительно, все же позволимъ себѣ указать, что мы не нашли въ трудѣ почтеннаго ученаго нѣкоторыхъ капитальныхъ иностранныхъ трудовъ, знакомство съ которыми, по общему отзыву спеціалистовъ, необходимо особенно для начинающихъ филологовъ; таковыя труды суть: изданіе Эвнія Фалена (1903), представляющее результатъ пятидесятилѣтней работы этого ученаго надъ текстомъ отца римской литературы; изданіе Луцилія Маркса (1904); статьи извѣстнаго французскаго ученаго Г. Буасье о Саллюстіи (въ *Revue des deux Mondes*, нынѣ объединены въ отдѣльномъ изданіи); изданіе 6-й книги Энеиды — Нордена; большое изданіе Одъ и Эподовъ Горация покойнаго проф. Л. Ад. Миллера (1900); комментарий къ Процерцію Ротштейна (1898, 2 т.) — единствен-

ное въ настоящее время цѣнное объяснительное изданіе этого древняго поэта; изданіе поэмы объ Эгій Зудгауса и нѣкоторые другіе. Съ особенной любовью отнесся почтенный ученый, по его словамъ, къ русской филологической литературѣ, не различая въ данномъ случаѣ ни враговъ, ни друзей. Но и здѣсь отмѣчено имъ далеко не все, напримѣръ, пропущены указанія на образцовый переводъ рѣчи Цицерона проф. Зѣлинскаго, на его же изданіе 5-й рѣчи противъ Верреса, на диссертацию проф. Варнеке: «Очерки изъ исторіи римскаго театра», на диссертацию проф. Гельвиха объ языкѣ Плавта, на изслѣдованіе объ *Agroetia* Горация проф. Негушила, на труды объ Овидіи проф. Покровскаго, на переводъ Петронія проф. Холодняка, на диссертацию о Лактанціи проф. Садова и на нѣкоторыя другія болѣе незначительныя работы. Изъ мелкихъ неточностей книги отмѣтимъ, что извѣстный англійскій филологъ W. M. Lindsay называется по-русски то Линдса, то Линдземъ; итальянскій издатель Лукреція былъ не Гуссани (Gussani), а Джуссани (Giussani); сообщеніе на основаніи одной малоазійской надписи (стр. 62), что личное имя Тацита было Публій, невѣрно. Очень жаль, что товарищество М. О. Вольфъ, издавшее полезную книжку проф. Модестова, пустило ее въ продажу по сравнительно дорогой цѣнѣ (71 стр. крупнаго шрифта за 75 коп.). Въ заключеніе отъ души желаемъ, чтобы почтенный ученый по окончаніи своего капитальнаго труда по Римской исторіи подарилъ намъ и новое изданіе своихъ «Лекцій по исторіи римской литературы», а не ограничивался однимъ только дополненіемъ къ нимъ. М.

Макс. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Выпускъ первый. Спб. 1906.

Планъ построенія интересной книги Баха чрезвычайно любопытенъ, представляя собою попытку освѣтить исторію монархіи Габсбурговъ въ XIX вѣкѣ съ своеобразной точки зрѣнія. Центральной картиной своего изложенія авторъ сдѣлалъ бурныя событія революціи 1848 г., и событія австрійской исторіи до этого факта изображены такъ, чтобы представить собою фонъ, на которомъ развертывается облюбованная Бахомъ картина. Въ соотвѣтствіи съ этимъ самое заглавіе книги оказывается слишкомъ для нея широкимъ: въ этой «Исторіи Австріи» совершенно не затронуты вопросы дипломатическаго характера, вся исторія международныхъ отношеній совсѣмъ исчезаетъ. Преимущественнымъ вниманіемъ автора пользуются вопросы крестьянскій и рабочій; здѣсь Бахъ изъ той массы фактовъ, въ которой онъ является полнымъ господиномъ, старательно и искусно выбираетъ тѣ, которые объясняютъ неизбежность возникновенія революціоннаго движенія, постоянно подтверждая свои выводы цифровыми данными и конкретными примѣрами, обращаясь мимоходомъ и къ критикѣ тѣхъ взглядовъ на объективированныя имъ явленія, съ каими онъ почему либо не можетъ согласиться. Нельзя не отмѣтить, что такой взглядъ автора на происхожденіе событій 1848 г. является въ значительной степени одностороннимъ: австрійская революція была по преимуществу движеніемъ

національного характера, и даже вѣнскія событія, во многомъ порожденныя ученіями и фактами характера соціалистическаго и радикальнаго, тоже протекали не безъ извѣстнаго воздѣйствія всевѣмецкой идсд и національно-германскихъ отношеній; эта сторона революціоннаго взрыва совершенно оставлена Бахомъ безъ разсмотрѣнія. Очень удачно и умѣло построена картина административнаго строя Австріи предъ революціей, съ его системой централизаціи, подавленія общественнаго самосознанія и общественной самодѣятельности, съ его тенденціей къ мракобѣсію, съ его «патріархальнымъ деспотизмомъ». Но и здѣсь въ упрекъ автору можно поставить недостаточное вниманіе къ дѣятельности императора Франца и Меттерниха: личный элементъ въ исторіи не можетъ быть отрицаемъ совершенно, особливо въ монархіи абсолютной, гдѣ личная воля, личные качества монарха оказываютъ могущественное воздѣйствіе на жизнь страны; а вѣдь Меттернихъ и Францъ, творцы пресловутой «системы», сыграли въ жизни Австріи слишкомъ большую роль, чтобы можно было однимъ-двумя словами о нихъ, брошенными вскользь, считать свою задачу выполненной.

Книгу Баха нельзя назвать книгой совершенно объективной; симпатіи автора сказываются не только въ извѣстной группировкѣ фактовъ, но и въ нѣкоторой страстности тона, доходящей мѣстами даже до рѣзкости выраженій. Нельзя требовать отъ историка, особливо изображающаго судьбу своей родной страны, полнаго отреченія отъ извѣстныхъ симпатій и антипатій, но умѣние изображать событія *sine ira et studio*—это одно изъ первыхъ условій историчности изображенія, и этому условію трудъ Баха удовлетворяетъ не вполне.

Настоящій 1-й выпускъ посвященъ нарастанію волны движенія 1848 г. Остается ожидать, что переводчики, подарившіе нашу литературу уже не однимъ тщательно и добросовѣстно выполненнымъ переводомъ, не замѣдятъ выпускомъ въ свѣтъ и 2-ой части книги Баха. М. П—й.

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1900 и 1901 г.г. Спб. 1905.

Среди прибавленій библиотеки по отдѣленію рукописей обращаетъ на себя вниманіе большая коллекція музыкальныхъ автографовъ русскихъ композиторовъ новой школы, принесенная въ даръ извѣстнымъ любителемъ музыки, меценатомъ и издателемъ, покойнымъ М. П. Бѣляевымъ. Здѣсь мы находимъ прозведенія Бородина, Глазунова, Кюи, Лядова, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Скрябина (въ «Отчетѣ» напечатаны инициалы А. А., должно быть: А. Н.), Тавѣва и др.

Затѣмъ слѣдуетъ небольшое собраніе славяно-русскихъ рукописей, принадлежавшихъ епископу угличскому Амфилохію, который при жизни и самъ жертвовалъ библиотекѣ рукописи. Изъ нихъ болѣе интересны слѣдующія: Апокалипсисъ XVIII вѣка съ миниатюрами, Сборникъ XVI вѣка съ житіями русскихъ святыхъ, нѣсколько сборниковъ съ богословскими сочиненіями византійскаго и русскаго происхожденія и т. д. Въ одномъ изъ нихъ помѣщены такія загадки, нерѣдкія, впрочемъ и въ другихъ рукописяхъ: «Коль хочешь быть спасенъ —

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1906 г., т. ств.

19

12 вещей признавай, 7 проси и 10 исполняй?» Отвѣтъ: «Символа вѣры 12 членовъ, 7 даровъ св. Духа, 10 заповѣдей, Моисею данныхъ». «Что рѣдко видитъ царь, пастухъ то зрить всегда, а Богъ не видывалъ отъ вѣка никогда?» Отвѣтъ: «Рѣдко видитъ царь царя, пастухъ пастуха—всегда, а Богъ подобнаго себѣ—никогда». Для исторіи мистицизма въ Россіи интересенъ переводъ сочиненія нѣмецкаго мистика XVIII вѣка Ретцеля: «Краткое извѣщеніе о невидимомъ существѣ и о находящихся въ неизмѣримомъ пространствѣ тваряхъ добрыхъ и злыхъ, также звѣздныхъ и стихійныхъ духахъ, о происхожденіи духовъ, ихъ существѣ и дѣйствіи, о снахъ и всякихъ фантазіяхъ, о привидѣніяхъ и волшебныхъ силахъ и иныхъ, еще къ тому принадлежащихъ вещахъ, изъ естественнаго познанія собранное и со священнымъ писаніемъ и съ здравыми разума заключеніями соглашенное». Въ томъ же году С. А. Рачинскій принесъ въ даръ собраніе писемъ къ нему разныхъ лицъ за періодъ отъ 1881 по 1894 г., въ 60 томахъ. Интересныя для исторіи русской общественности, къ сожалѣнію, эти письма переданы въ бібліотеку съ условіемъ не пользоваться ими раньше извѣстнаго срока.

Изъ отдѣльныхъ приобрѣтеній за 1900 г. много интереснаго, а иногда и ненапечатаннаго. «Дѣло 1768 г. о крестьянинѣ Яковѣ Чиракинѣ, объявившемъ планъ Новой Земли», содержитъ официальные документы о первой экспедиціи на Новую Землю, предпринятой по повелѣнію Екатерины II. Первые извѣстія о Новой Землѣ, оказывается, доставилъ крестьянинъ Чиракинъ, который въ 1766 г. ходилъ для лова звѣрей и снялъ планъ ея; сваряжена была экспедиція подъ начальствомъ штурмана Розмыслова; въ ней принималъ участіе и Чиракинъ, который умеръ въ дорогѣ. Затѣмъ слѣдуетъ подробное «Начертаніе торжественнаго обряда высочайшаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священнѣйшаго коронованія государя императора Павла Петровича»; «Обзоръ военныхъ дѣйствій 1812 г.» неизвѣстнаго современника отечественной войны; «Изъ воспоминаній о Крымской кампаніи 1854 г.» П. Ф. Хомутова; «Геркулесъ и Деявира», трагедія въ стихахъ съ хорами Тейльса, сочиненная въ 1807 г.; бумаги, принадлежавшія бывшему директору Публичной бібліотеки бар. М. А. Корфу; копіи съ писемъ нѣмецкаго ученаго Юганна Циммермана, состоявшаго, между прочимъ, въ перепискѣ съ Екатериною II; Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи въ XVIII и началѣ XIX вѣка Циргольца, на нѣмецкомъ языкѣ; Альбомъ съ автографами лицестовъ выпусковъ 1817, 1819, 1820 и 1823 годовъ, поднесенный воспитанниками директору лицея Е. А. Энгельгардту. Въ числѣ другихъ, имѣется поразительно безграмотный автографъ Пушкина; передаемъ его безъ сохраненія орфографіи: «Пріятно мнѣ думать, что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между именами молодыхъ людей, которые обязаны вамъ счастливейшими годами жизни ихъ, вы скажете: въ лицѣ не было неблагодарныхъ». Наконецъ, интересъ представляютъ письма и документы Пинокентія, митрополита московскаго и коломенскаго; письма Н. В. Кукольника и къ нему отъ разныхъ лицъ; письма къ В. В. Стасову композиторовъ Балакирева, Римскаго-Корсакова, мариниста Боголюбова, Полины Віардо, музыкальнаго критика В. Ленца, изслѣдователя русскаго церковнаго пѣнія свящ. Д. Разумовскаго, московскаго

коллекціонера П. М. Третьякова; неизданное стихотвореніе А. М. Жемчужникова и нѣсколько музыкальныхъ произведеній-автографовъ.

Отдѣльныя покупки бібліотеки за слѣдующій отчетный годъ также дають много новаго. Среди нихъ находимъ сборники духовнаго содержанія и раскольническія рукописи; Московскую лѣтопись XVII вѣка въ 4 томахъ; ненапечатанное изслѣдованіе В. Тимковскаго: «Опытъ изслѣдованія о жизни, подвигахъ и ученыхъ трудахъ князя Курбскаго» (1816), посвященное «споспѣшествователю русскаго бытописанія графу Николаю Петровичу Румянцеву»; переводную исторію Екатерины II въ общемъ—анекдотическаго характера, но съ интересными и неизвѣстными до сихъ поръ подробностями о фаворитахъ императрицы и княжѣ Таракановой (1823). Было бы желательно знать мнѣніе объ этой исторіи специалистовъ. Обращаютъ на себя вниманіе и другіе матеріалы: ненапечатанная исторія турецкой войны 1806—1811 г.г., сочиненіе генераль-лейтенанта С. П. Маевскаго (воспоминанія его изданы въ «Русской Старинѣ» за 1873 г.); интересные воспоминанія генераль-адъютанта А. П. Красовскаго о войнахъ Россіи съ Турціей, въ Польшѣ и съ французами (между прочимъ, описано сраженіе адмирала Сенявина въ 1806 г.); «Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, состоящихъ въ войскѣ Донскомъ», составленныя генераль-лейтенантомъ Богдановичемъ, съ иллюстраціями (1834 г.) и др. Слѣдующій отдѣлъ составляютъ рескрипты, указы, донесенія, торжественныя оды, автографы, сборники стихотвореній и пѣсенъ XVIII вѣка, бумаги извѣстнаго военнаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, письма къ нему партизана-поэта Д. В. Давыдова, записки Д. П. Бутурлина о войнахъ съ Турціей въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, письма Екатерины къ скульптору Фальконету (1769—1773 г.г.), письма Жуковскаго, Плетнева, А. Суворова, Новикова, Липранди, декабриста Горбачевскаго, автографы-черновики Тургенева и Жуковскаго, Надсона, духовное завѣщаніе Гончарова, дѣла, относящіяся къ Пушкину, и т. д. Многое изъ нихъ еще не использовано, а среди матеріаловъ выдѣляются «Посланія священноархимандрита Фотія дѣвиць, духовной дщери, двора ихъ императорскихъ величествъ камеръ-фрейлинѣ, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской» (1823) съ поправками автора и сборникъ бумагъ, касающихся дѣла о М. В. Буташевичѣ-Петрашевскомъ (1849 г.).

Было бы желательно, чтобы «Отчеты» Публичной бібліотеки выходили въ свѣтъ возможно скорѣе. При замѣтно возрастающемъ интересѣ къ изученію прошлаго богатыя новыя поступленія бібліотеки дѣлаются доступными только послѣ выхода «Отчетовъ»; а долгій срокъ, который проходитъ между составленіемъ ихъ и выходомъ изъ печати, нерѣдко ослабляетъ интересъ къ тому, чтó представляетъ достояніе всего русскаго общества.

А. Я.

Корниловъ, А. А. Крестьянская реформа. Спб. 1905.

Указанная работа входитъ въ серію книгъ: «Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ», издаваемыхъ подъ редакціей І. В. Гессена и А. И. Каминка. Первые главы этой книги въ значительной мѣрѣ

19*

воспроизводить все то, что изложено было авторомъ въ его болѣе раннихъ статьяхъ: «Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 г.г.» («Русское Богатство», 1904, №№ 1 — 5) и «Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.» (Сборникъ «Крестьянскій строй», Спб., 1905), хотя при этомъ въ настоящемъ трудѣ авторъ гораздо подробнѣе останавливается на выясненіи участія литературы и журналистики въ крестьянской реформѣ. Остальная часть, посвященная дальнѣйшей судьбѣ реформы вплоть до нашихъ дней, написана впервые. Здѣсь авторомъ были приняты во вниманіе какъ доступные официальные матеріалы, такъ и матеріалы, изданные частными лицами. Исторію и развитіе крестьянскаго дѣла г. Корниловъ, слѣдуя по совершенно правильному пути, старался изложить не отдѣльно и изолированно, а въ связи съ общей исторіей нашей государственной и общественной жизни.

Слѣдуетъ сказать, что авторъ весьма обстоятельно вслѣдовалъ какъ самый ходъ реформы во время 60-хъ годовъ, такъ и достаточно ярко показалъ ту основную тенденцію дальнѣйшаго крестьянскаго законодательства, которая сказалась въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ. Вскорѣ послѣ 1861 г. крестьянская реформа, по вѣрному замѣчанію автора, не сдѣлала ни шагу вглубь, она лишь разлилась по поверхности, захватывая собой широкіе слои крестьянъ, но не развивая въ себѣ тѣхъ основныхъ положеній, которыя, по смыслу закона 19 февраля, должны были вести къ надѣленію крестьянъ «полными правами» россійскихъ обывателей. Съ 70-хъ же годовъ усилилась охрана сословной обособленности крестьянъ и политика административной опеки надъ ними. Г. Корниловъ отмѣтилъ «цѣлый kaleidoscope» разныхъ мѣропріятій и предначертаній правительства, которыми оно хотѣло распутать крестьянскій вопросъ, однако эти мѣропріятія не упрощали, а, наоборотъ, запутывали дѣло. Мы снова стоимъ предъ необходимостью произвести коренныя реформы въ положеніи крестьянства. Авторъ надѣется, что законо-избранные представители народа, безъ сомнѣнія, сумѣютъ окончателно и полно разрѣшить и этотъ вопросъ.

Наиболѣе любопытной главой въ книгѣ г. Корнилова является та, въ которой онъ разсматриваетъ вліяніе печати на крестьянскую реформу. До сихъ поръ нерѣдко встрѣчаются въ литературѣ голословныя утвержденія, что печать оказала громадную просвѣтительную услугу въ дѣлѣ реформы (см., напримѣръ, Джаншіева, «Эпоха великихъ реформъ», стр. 107). Г. Корниловъ, охарактеризовавъ нѣкоторыя статьи изъ «Современника», «Отечественныхъ Записокъ», «Библиотеки для Чтенія», «Русскаго Вѣстника» и другихъ тогдашнихъ журналовъ, приходитъ къ слѣдующему выводу: «Самостоятельной творческой роли въ развитіи и направленіи крестьянскаго вопроса журналистика пятидесятихъ годовъ, по словамъ автора, имѣть не могла. Для такой роли она явилась слишкомъ поздно. Съ другой стороны, журналистика радикальнаго направленія носила во многомъ отвлеченный характеръ и прямого приложенія къ русской жизни по своей непрактичности не имѣла. Разумѣется, расширеніе арены и свободный обмѣнъ мнѣній имѣли первоклассное значеніе въ смыслѣ пропаганды идей и могли бы вліять на ходъ реформы гораздо больше, если бы они явились гораздо раньше, и если бы имъ не препятствовала

и въ 1858 г. и вѣскольکو позднѣе цензура. Собственно, на губернскіе комитеты всѣ эти журнальныя статьи не могли оказать большого вліянія уже потому, что многіе губернскіе комитеты заканчивали свои работы въ то время, когда журналамъ было позволено свободно заговорить о выкупѣ и о полномъ освобожденіи крестьянъ. На реформу, по указанію г. Корнилова, гораздо больше тогдашней радикальной журналистики (въ Россіи) оказали заграничныя «Колоколъ» Герцена, который въ то время былъ значительно умѣреннѣе «Современника», а также умѣренные журналы «Русскій Вѣстникъ», «Русская Бесѣда» и «Сельское Благоустройство». Въ либерально-консервативномъ направленіи послѣднихъ журналовъ — разгадка ихъ вліянія на помѣщичью среду и на ходъ самой реформы, вліянія, сказавшагося, впрочемъ, не столько въ углубленіи вопроса, сколько въ разработкѣ деталей и въ разъясненіи помѣщикамъ, что отъ реформы ихъ собственные интересы не пострадаютъ. К.

Букеръ Т. Вашингтонъ. Изъ рабства—къ благамъ жизни. (Автобіографія). Переводъ съ англійскаго. Изданіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Спб. 1906.

Автобіографія Букера Т. Вашингтона представляетъ собою не только любопытное жизнеописаніе негра, добившагося изъ рабства всѣхъ благъ жизни исключительно трудомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко философскій трактатъ о воспитаніи человѣка вообще и въ частности о поднятіи культурнаго значенія цвѣтныхъ расъ, какъ необходимаго условія ихъ политическаго могущества при дарованіи имъ правъ избирательной борьбы.

Въ Америкѣ неудивительны примѣры того, какъ простые дровосѣки и портные дѣлались президентами республики, умѣвшими не только руководить ею, но и умирать за идеалъ свободы и равенства. Этому возвышенію энергичныхъ и талантливыхъ людей способствуетъ весь строй американской жизни, что подтверждаетъ и автобіографія В. Вашингтона. Онъ пришелъ полуграмотнымъ ребенкомъ, безъ гроша въ карманѣ, въ Хамптонскій институтъ проситься въ ученые и въ настоящее время уже состоитъ директоромъ промышленнаго института въ Таскиги (Алабама), имѣя славу первокласснаго оратора и удивительнаго педагога.

Онъ былъ принятъ въ школу послѣ чисто американскаго экзамена. Главная наставница Хамптонскаго института приняла его первоначально за бродягу или проходнича, но вдругъ сказала ему:

— Вотъ эту классную комнату нужно вымести. Возьмите щетку и выметите.

В. Вашингтонъ говоритъ:

«Я вымелъ классную комнату три раза. Затѣмъ досталъ тряпку и четыре раза обтеръ вездѣ пыль. Всюду, гдѣ было дерево, на стѣнахъ, каждую скамью, столъ и пишущій прошесть я своей тряпкой по четыре раза. Кромѣ того, вся мебель сдвигалась съ мѣста, и всѣ шкафы и углы въ комнатѣ были

совершенно вычищены. Я чувствовалъ, что будущее мое въ значительной степени зависить отъ впечатлѣнія, какое будетъ произведено на наставницу чистой этой комнаты. Окончивъ, я доложилъ главной наставницѣ. Она была изъ «янки» и знала отлично, гдѣ и что слѣдуетъ смотрѣть. Она вошла въ комнату, и осмотрѣла полъ и шкафы, затѣмъ вынула платокъ изъ кармана и потерла имъ о дерево на стѣнахъ, о столъ и скамейки. Не въ состояніи найти хоть чуточку грязи на полу или пылинку на мебели, она спокойно замѣтила: «ну, вась, я думаю, примуть въ это заведеніе». Я былъ однимъ изъ счастливейшихъ существъ на землѣ. Подметаніе этой комнаты было моимъ приемнымъ экзаменомъ, и никогда ни одинъ юноша для вступленія въ лучшей изъ американскихъ университетовъ не сдавалъ экзамена, который доставилъ бы ему болѣе полное удовлетвореніе. Съ тѣхъ поръ мнѣ приходилось сдавать много разныхъ экзаменовъ, но я всегда чувствовалъ, что это былъ самый лучший, какой я когда либо сдавалъ».

Поступивъ въ Хамптонскій институтъ, Б. Вашингтонъ все болѣе и болѣе развивалъ въ себѣ привычку «дѣлать обыкновенное необыкновенно хорошо» и впоследствии въ собственномъ институтѣ въ Таскигѣ осуществилъ тотъ же принципъ: научиться дѣлать что либо такъ совершенно, что никто не будетъ въ состояніи улучшить того, что сдѣлано; научиться дѣлать услуги свои настолько цѣнными, что безъ нихъ нельзя обойтись.

Эта трудовая честность въ томъ, чтобы всякое дѣло, за которое взялся, довести до конца, до предѣловъ всѣхъ своихъ силъ, — слѣдуетъ признать лучшимъ воспитаніемъ человѣка.

Оно дѣйствительно и осуществлено въ негритянскомъ промышленномъ институтѣ Букера Вашингтона, который глубоко убѣжденъ въ томъ, что по окончаніи американской войны Юга съ Сѣверомъ негритянскія школы должны содѣйствовать культурному подъему цвѣтной расы никакъ не менѣе дарованія имъ равныхъ политическихъ правъ съ бѣлыми.

Онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «когда негритянка-дѣвушка научится стряпать, мыть посуду, шить, писать книги, или негръ-мальчикъ научится уходу за лошадьми, разведенію пататовъ, выдѣлкѣ масла, постройкѣ домовъ или медицинской практикѣ также хорошо или лучше, чѣмъ ктонибудь другой, они будутъ награждены независимо отъ расы или цвѣта кожи. Съ теченіемъ времени міръ стремится къ лучшему, и никакія различія въ расѣ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ или въ прошломъ не удержатъ міръ долго отъ того, что ему нужно. Я думаю, что все будущее моей расы вертится около вопроса, можетъ ли она сдѣлаться настолько цѣнной, чтобы населеніе въ городѣ или штатѣ, гдѣ мы живемъ, чувствовало, что присутствіе наше необходимо для счастья и благосостоянія общины».

Педагогическую точку зрѣнія Б. Вашингтонъ внесъ и въ политическую программу объ участіи только что освобожденной отъ рабства негритянской расы въ республиканскомъ управленіи страной... Этотъ вопросъ, или, лучше сказать, рѣшеніе его Букеромъ Вашингтономъ не безразлично въ настоящее время и для нашего народа, впервые призываемаго къ политической жизни страны.

Б. Вашингтонъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ постоянно проводитъ ту мысль, «что хотя негра и не должно лишать правъ свободнаго человѣка, но одна политическая агитація не спасетъ его, и что въ качествѣ гарантіи для подачи голоса онъ долженъ обладать собственностью, трудолюбіемъ, искусствомъ, бережливостью, умомъ и характеромъ, а безъ этихъ качествъ никакая раса не можетъ рассчитывать на прочный успѣхъ».

«Нѣтъ ничего страннаго, — говоритъ онъ о своихъ одноплеменникахъ, — что, невѣжественные и неопытные, мы въ первые годы нашей новой жизни начали сверху, а не снизу; что за мѣстомъ въ конгрессѣ, или въ законодательномъ собраніи штата гнались больше, чѣмъ за недвижимымъ имуществомъ или промышленнымъ искусствомъ; что политическія собранія или публичныя рѣчи имѣли для насъ больше привлекательности, чѣмъ трудъ на молочной фермѣ или въ промышленномъ саду».

Такимъ образомъ, понимая хорошо, что умѣнье къ самоуправленію дается человѣку одновременно съ предоставленіемъ ему права голосованія, какъ искусство плаванія съ кушаньемъ въ рѣкѣ, Б. Вашингтонъ сосредоточилъ свое вниманіе не только на «правахъ» его расы, но также и на гарантіяхъ успѣшнаго пользованія этими правами, чтобы политическая жизнь негровъ была обусловлена культурнымъ подъемомъ ихъ жизни, во имя котораго онъ и призывалъ къ взаимному общенію бѣлыхъ и черныхъ.

«Во всемъ чисто социальномъ, — восклицаетъ онъ, — мы можемъ быть раздѣльны, какъ пальцы, но, какъ рука, должны представлять одно цѣлое во всемъ, что имѣетъ существенное значеніе для общаго нашего прогресса».

Онъ предостерегаетъ бѣлыхъ правителей, стремящихся урѣзать ростъ негра, мудрыми словами: «почти шестнадцать милліоновъ рукъ будутъ помогать вамъ въ томъ, чтобы втащить грузъ наверхъ, или же они будутъ тащить грузъ внизъ, въ противоположную отъ васъ сторону. Мы будемъ составлять одну треть (или больше) невѣжества и преступленій Юга, или же одну треть его интеллигенціи и прогресса; мы будемъ на одну треть содѣйствовать торговлѣ и промышленному процвѣтанію Юга, а не то мы окажемся настоящимъ мертвымъ тѣломъ, задерживающимъ, замедляющимъ, парализующимъ всякое усиліе двигать впередъ политическій организмъ».

Эти замѣчанія по негритянскому вопросу едва ли не имѣютъ и у насъ равное значеніе въ разрѣшеніи какъ расовыхъ предрасудковъ, такъ политической правоспособности кореннаго населенія Россіи.

Вся автобіографія Б. Вашингтона наполнена такимъ образомъ крайне поучительными для насъ фактами изъ его педагогической и политической дѣятельности. Самая книга снабжена портретомъ автора и фототипными видами Таскигскаго нормальнаго и промышленнаго виститута. А. Фаресовъ.

Н. Карѣвъ. Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1881—1905). Спб. 1905.

Въ время поѣздки по славянскимъ землямъ Австріи лѣтомъ прошлаго года намъ не разъ приходилось слышать отъ польскихъ ученыхъ похвалы по адресу проф. Н. И. Карѣва. Его называли однимъ изъ очень немногихъ «москалей», сочувствующихъ полякамъ, какъ талантливому и братскому славянскому народу, и въ то же время знающихъ польское прошлое и польскую дѣйствительность. Правда, судя по общимъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ нами во время пребыванія въ Краковѣ, первый разрядъ «москалей» теперь—далеко не рѣдкость, и давно миновали тѣ времена, когда о полякахъ судили по «Клеветникамъ Россіи» — довольно печальному *larsus* у Пушкина. Но русскихъ, знающихъ хорошо поляковъ, у насъ все еще мало, — и г. Карѣвъ составляетъ счастливое исключеніе. Рядъ его статей по исторіи религіозной реформаціи въ Польшѣ, польскаго сейма, историографіи и т. д. признаны не только въ Россіи, но переведены на польскій языкъ вмѣстѣ съ другими его работами, напримѣръ, «Введеніе въ исторію новѣйшаго времени», «О самообразованіи молодого поколѣнія въ Россіи», «Письма къ учащейся молодежи». Кстати прибавимъ, что недавно вышелъ переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на шведскій языкъ. Поѣтому переизданіе всего, что Карѣвъ писалъ о польско-русскихъ отношеніяхъ, начиная съ 1881 г. и кончая прошлымъ годомъ,—является въ-время.

Интересно, между прочимъ, что въ первой же статьѣ, посвященной этимъ отношеніямъ и напечатанной въ «Русской Мысли», Карѣвъ уже вѣрилъ въ возможность фактическаго сближенія съ поляками и фундаментомъ для сближенія считалъ прежде всего взаимную освѣдомленность. «Одинъ молодой краковскій ученый,—разсказываетъ проф. Карѣвъ въ другой статьѣ,—съ которымъ я познакомился въ Италіи, когда онъ собирался по надобностямъ своей науки ѣхать въ Петербургъ и Москву, говорилъ мнѣ впоследствии, что онъ съ великимъ страхомъ ѣхалъ къ намъ, наслушавшись разныхъ предупрежденій о трудномъ положеніи поляка среди «москалей», и что, конечно, былъ пріятно разочарованъ, когда увидѣлъ, что у насъ вовсе нѣтъ ненависти къ полякамъ. Въ бытность въ Краковѣ я при встрѣчѣ съ нимъ въ большомъ обществѣ напомнилъ ему объ этомъ его признаніи, иллюстрируя на такомъ частномъ примѣрѣ то общее положеніе, что русская и польская интеллигенція мало знаютъ одна другую и даже хуже еще этого—имѣютъ одна о другой очень ложныя представленія». И вотъ, съ цѣлью проложить путь къ сближенію двухъ славянскихъ народовъ, на первыхъ порахъ хотя бы въ области культурной, проф. Карѣвъ помѣстилъ въ «Русской Мысли» восемь «Польскихъ писемъ» (1881—1885), начатыхъ имъ по предложенію основателя журнала С. А. Юрьева. Въ нихъ онъ знакомилъ русскихъ читателей съ польской прессой и ея представителями, реферировалъ болѣе замѣчательныя статьи политическаго характера, писалъ объ онѣмеченіи поляковъ въ Познани, о мнимой денационализаціи этнографической русской Польши (царства Польскаго, или, какъ его называютъ официально,—Привислинскаго края), экономическомъ ея развитіи, «органической работѣ», о «станчикахъ», Варшавскомъ университетѣ и т. д. Особенно

пріятное впечатлѣніе производитъ отзывъ Карѣева о первомъ номерѣ варшавской «Правды» и ея редакторѣ А. Свентоховскомъ, въ то время еще молодомъ писателѣ (стр. 25). Этотъ отзывъ въ нашихъ глазахъ цѣненъ потому, что по первымъ номерамъ журнала легко было ошибиться, но авторъ «Польскихъ писемъ» какъ будто угадалъ, что черезъ 25 лѣтъ Свентоховскій сдѣлается самымъ виднымъ изъ передовыхъ польскихъ журналистовъ. Слѣдующая статья—«Новѣйшая польская историографія и переворотъ въ ней» (1861—1886 гг.), гдѣ рѣчь идетъ о Шуйскомъ, Бобжинскомъ и другихъ. «Мои отношенія къ полякамъ», «Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ», «Польская національность о русско-польскихъ отношеніяхъ», «Новая польская партія» и «Письмо къ знакомымъ полякамъ»—всѣ эти статьи имѣютъ значеніе не только для прошлаго и для нашихъ дней (многія напечатаны въ «Правдѣ» за прошлый годъ), но и для будущаго. По нимъ лучше всего можно прослѣдить, какъ на нашихъ глазахъ таетъ ледяная глыба, долго раздѣлявшая насъ отъ поляковъ; и теперь, оказывается, возможны даже такіе случаи, какъ рѣчь русскаго ученаго, произнесенная въ Краковѣ по-русски. «Мнѣ говорили потомъ,—разсказываетъ г. Карѣевъ,—что это была первая рѣчь на русскомъ языкѣ въ чисто польскомъ собраніи, и что нѣсколько лѣтъ назадъ такой фактъ былъ бы совершенно невозможенъ. Въ числѣ моихъ слушателей было немало лицъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ; другіе понимали меня, зная по-русински (по-малорусски), но много было и такихъ, которые въ первый разъ слышали звуки русскаго языка. На другой день газеты отмѣтили оказанный мнѣ пріемъ, какъ своего рода «событіе», и нѣкоторые выразили сочувствіе основной мысли моей рѣчи о желательности болѣе частыхъ польско-русскихъ встрѣчъ для лучшаго ознакомленія другъ съ другомъ путемъ свободнаго обмѣна мыслей и благожелательныхъ чувствъ». Для насъ лично, повторяемъ, такой пріемъ не кажется даже неожиданнымъ,—и вѣра въ полную возможность русско-польскаго сближенія должна окрылять всякаго, кто работаетъ въ этой области на хотя бы почвѣ только книжной.

А. И. Яцимирокій.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ III. Спб. 1905.

Академическая комиссія для изданія сочиненій Пушкина выпустила недавно третью книжку статей, посвященныхъ Пушкину и вообще пушкинской эпохѣ. Въ разбираемой книжкѣ девять статей. Первая—академика Ѳ. Е. Корша: «Опыты окончанія «Русалки». Г. Коршъ возвращается къ скандальной исторіи съ грубой и безвкусоной поддѣлкой окончанія пушкинской драмы, введшей его, какъ извѣстно, въ заблужденіе и вызвавшей толстую книгу, на нѣсколькихъ сотняхъ страницъ которой г. Коршъ неудачно покушался музыку пушкинскаго стиха «разъять, какъ трупъ», и доказать, что Пушкинъ писалъ глуше стихи. Всѣмъ памятна направленная противъ г. Корша остроумная полемика А. С. Суворина (см. его сборникъ «Поддѣлка «Русалки» Пушкина», Сиб., 1900), заступившагося за Пушкина со всѣмъ негодованіемъ цѣвителя

прекраснаго и поклонника великаго поэта. Г. Корши вспоминаетъ, какъ Д. П. Зуевъ, «сохранившій безграмотное окончаніе «Русалки», вынималъ свою «записъ» изъ «ящика, стоявшаго въ его кабинетѣ, на Захарьевской, на лѣвомъ концѣ письменнаго стола, у стѣны, противоположной входу»... Точность изумительная и необходимая! По мнѣнію г. Корша, не Д. П. Зуевъ пользовался «работами» двухъ другихъ продолжателей, г. Штукенберга и г-жи Богдановой, а, наоборотъ они использовали «записъ» Зуева. Этому важному вопросу посвящены 22 страницы. Между тѣмъ не проще ли было бы совсѣмъ предать забвенію всѣхъ этихъ Штукенберговъ, ни въ какомъ духовномъ родствѣ съ Пушкинымъ не состоящихъ, и перестать оскорблять память Пушкина сооставленіемъ его славнаго имени съ именами разныхъ горе-мистификаторовъ и литературныхъ проходимцевъ? Очень интересна и обстоятельна небольшая монографія Е. А. Боброва «Пушкинъ въ Казани», подобныя частныя изслѣдованія будутъ большимъ подспорьемъ біографу Пушкина, котораго ждетъ—не дождется наша литература. В. В. Сиповскій («Пушкинъ и Рылѣевъ») прослѣдилъ вліяніе, оказанное на пушкинскую «Полтаву» Войнаровскимъ Рылѣева и написанной А. О. Корниловичемъ біографіей Мазены, по темы «Пушкинъ и Рылѣевъ» далеко не исчерпалъ, потому что главнаго пункта отношеній обоихъ поэтовъ, замѣчательной переписки Рылѣева, А. А. Бестужева и Пушкина о современной литературѣ и въ частности о романтизмѣ г. Сиповскій не коснулся. Интересна, какъ всѣ разысканія дѣятельно изучающаго пушкинскую эпоху Б. Л. Модзалевскаго, его статья: «О. Ф. Юрьевъ и послѣніе къ нему Пушкина (1819 г.)». Въ «Пушкинскихъ замѣткахъ» покойнаго проф. А. П. Маркевича есть кое-какія архивныя матеріалы, относящіяся, между прочимъ, до знаменитой одесской командировки Пушкина на истребленіе саранчи. Въ концѣ выпуска помѣщенъ «Планъ словаря языка А. С. Пушкина», составленный академикомъ А. И. Соболевскимъ и занимающій менѣе одной страницы крупнаго шрифта, планъ, набросанный слишкомъ бѣгло и поэтому недостаточный, и «планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ рѣемъ» акад. Э. Е. Корша. Позволяя себѣ не согласиться съ академикомъ, что словарь рѣемъ бываетъ необходимъ и «самому царовитому поэту», все-же находимъ, что такой словарь будетъ полезенъ исторіи русскаго языка. Вообще, наступаетъ время всесторонняго изученія нашего величайшаго поэта, начинается разработка оставленнаго имъ родному языку наслѣдія. Печатаются уже «Опытъ грамматики языка Пушкина» проф. Е. Будде. Въ виду несовершенства существующихъ изданій со стороны текста и ихъ неполноты, подобныя работы покуда еще преждевременны.

Л.

Библиотѣка «Просвѣщенія». Спб. 1905—1906.

Подъ такимъ заглавіемъ извѣстная книгоиздательская фирма «Просвѣщеніе» выпускаетъ съ конца прошлаго года рядъ книгъ, переводныхъ и оригинальныхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ наиболѣе характерные моменты политической борьбы и общественной эволюціи, цѣль которыхъ—дать возмож-

ность среднему читателю ориентироваться въ различныхъ экономическихъ и социальныхъ вопросахъ, имѣть объ нихъ представленіе.

Наше общество въ большинствѣ совершенно незнакомо съ такими вопросами общественнаго знанія, знаніе которыхъ прямо таки необходимо для всякаго гражданина. Въ настоящее время многіе сознали этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи и съ жаромъ принялись читать въ этой области все, что ни предлагаютъ услужливые издатели: серьезные цѣнные труды перемѣшиваются съ пустыми брошюрами. Но едва ли кто будетъ теперь отрицать, что для того, чтобы хорошо ознакомиться съ какой либо отраслью знанія, надо непремѣнно вести чтеніе въ систематическомъ порядкѣ. Вотъ почему мысль т-ва «Просвѣщенія» выпускать систематически подобранную «Библиотеку» по социальнымъ и экономическимъ вопросамъ заслуживаетъ большого вниманія.

Хотя издательство не претендуетъ на строгую выдержанность системы въ выпускаемыхъ имъ книгахъ, въ выборѣ ихъ видны знаніе, обдуманность. Такъ, оно выпустило такіа сочиненія, какъ Менгера—«Право на полный продуктъ труда», Зомбарта—«Рабочій вопросъ», пользующееся большой извѣстностью въ экономическомъ мірѣ. Замѣтимъ, что трудъ Менгера въ этомъ изданіи является въ русскомъ переводѣ въ первый разъ.

Т-во «Просвѣщеніе» является въ настоящее время одной изъ лучшихъ русскихъ книгоиздательскихъ фирмъ,—кто не знаетъ его цѣнныхъ изданій? Но, къ сожалѣнію, высокая цѣна ихъ служитъ большимъ препятствіемъ для многихъ. Въ «Библиотекѣ» это устранено: цѣна книгамъ назначена до поразительности низкая. Напримѣръ, такой объемистый трудъ, какъ Менгера, стоитъ всего лишь 30 коп. Такимъ образомъ, за небольшую сумму можно составить хорошую библиотеку по экономическимъ и социальнымъ наукамъ.

Въ большое достоинство «Библиотеки» мы поставимъ еще то, что издательство подбираетъ книги такъ, чтобы онѣ дали возможность читателю ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ въ освѣщеніи представителей и сторонниковъ различныхъ экономическихъ и политическихъ ученій.

А. Фоминыхъ.

Труды Харьковской комиссіи по устройству XIII археологическаго сѣзда въ г. Екатеринославѣ. Изданы подъ редакціей профессора Е. К. Рѣдина. Харьковъ. 1905.

Труды всѣхъ археологическихъ сѣздовъ издаются, и научное значеніе ихъ отмѣчается въ библиографическихъ замѣткахъ специальныхъ и общепедагогическихъ журналовъ. Но другая сторона сѣздовъ въ большинствѣ случаевъ остается неизвѣстной публикѣ, не бывшей на нихъ. Это—временныя выставки предметовъ древностей и занятія подготовительныхъ комиссій. Если не ошибаемся, одни харьковскіе ученые въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе. Два года тому назадъ подъ редакціей профессора Е. К. Рѣдина вышелъ цѣнный альбомъ выставки XII харьковскаго сѣзда съ подробнымъ описаніемъ коллекцій, а теперь въ сборникъ мѣстнаго историко-филологиче-

скаго съѣзда вышли труды харьковской комиссіи по устройству XIII съѣзда въ Екатеринославѣ. Большой томъ въ 800 слишкомъ страницъ (цѣна 5 рублей) оказывается настолько интереснымъ, что обойти молчаніемъ его выходъ нельзя. Снабженные множествомъ снимковъ съ произведеній стариннаго южно-рускаго искусства, историческихъ и бытовыхъ предметовъ, «Труды харьковской комиссіи» обращаютъ на себя вниманіе, какъ разнообразіемъ статей, такъ и научной ихъ цѣнностью.

Статьи, числомъ болѣе 40, напечатаны безъ опредѣленнаго порядка въ содержаніи, — и при перечисленіи ихъ въ нашей библиографической замѣткѣ мы предложимъ собственную группировку ихъ, укажемъ на главное въ ихъ содержаніи. На первомъ мѣстѣ поставимъ статьи, касающіяся доисторическихъ древностей: В. Городцова — «Краткія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи» (курганы четырехъ типовъ и погребенія), В. Давилевича — «Стоянка и мастерская около слободы Хухры, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губерніи» (керамическія издѣлія, каменные орудія и металлическіе предметы, относимые авторомъ къ двумъ эпохамъ — каменной и поздней неолитической), В. Бабенко — «Волчанское городище» (судя по кремневымъ предметамъ и черенкамъ, городище относится къ неолитической эпохѣ и было мѣстомъ для совершенія моленій или убѣжищемъ въ опасное время), его же «Раскопки катакомбнаго могильника въ Верхнемъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи» (признаки культуры разныхъ народовъ — хозарь, печенѣговъ, половцевъ и славянъ), Ю. Морозова — «Замѣтки и матеріалы по археологіи» (ископаемые мѣдныя издѣлія и лѣсные курганы). Конечно, въ томъ видѣ, въ какомъ эти статьи напечатаны, онѣ мало доступны обыкновенному читателю, но слѣдующій отдѣлъ «Трудовъ», этнографическія статьи, представляютъ болѣе широкій интересъ, такъ какъ написаны вполне доступно. Отмѣтимъ статьи профессора Н. Θ. Сумцова (кое-что было напечатано раньше или является въ переработанномъ видѣ): «Бытовая старина въ «Энеидѣ» П. Котляревскаго», «Г. Θ. Квитка, какъ этнографъ», «Сонце заходитъ» стихотвореніе Тараса Шевченка со стороны бытовой и литературной, «П. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ», «Субботы святого Дмытра» (по поводу стихотворенія малорусскаго поэта Якова Щеголева авторъ припоминаетъ обычай 26 октября) и «Современное изученіе кобзарства». Чтобы судить, насколько замѣтно вымираетъ народная музыка, — достаточно привести тотъ фактъ, что изъ числа 4.221 слѣпыхъ-нищихъ Кіевской губерніи только 13 занимаются игрой на лирѣ; а прежде слово «лирникъ» было обычнымъ синонимомъ нищаго-слѣпца. Статья П. Иванова «Дни недѣли» даетъ свѣжій матеріалъ, собранный въ Купянскомъ уѣздѣ, о повѣрьяхъ и обрядахъ, связанныхъ съ народнымъ календаремъ. «Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ предварительнаго комитета XII археологическаго съѣзда», редактированныхъ А. В. Ветуховымъ, обращаютъ на себя вниманіе заговоры, заклинанія и «шептанія». В. Бабенко помѣстилъ статьи «Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи», гдѣ даетъ вѣчто новое о жилищѣ, одеждѣ, свадебномъ ритуалѣ малороссовъ и бытѣ грековъ.

Остальные статьи касаются южно-русского искусства, литературы и истории. Изъ первой рубрики укажемъ на замѣтку «Къ исторіи украинской иконописи» и «Рисунки и картины Т. Шевченка» профессора Н. Сумцова, «Образъ плачущаго Спасителя въ Екатеринославскомъ кафедральномъ соборѣ» и «Матеріалы къ изученію церковной старины Украины» В. Машукова, «Церкви города Харькова» профессора Е. Рѣдина, съ массою снимковъ. Далѣе слѣдуютъ статьи по южно-русской литературѣ и письменности: «Главные мотивы поэзіи Т. Шевченка» и «Духовныя сочиненія Николая Флавицкаго» Н. Сумцова, «Малорусская ода 1807 года» и «Климовскій-Климовъ, казакъ-стихотворецъ» В. Срезневскаго, «Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій» М. Халавскаго. Статьи изъ исторіи и юридическихъ дисциплинъ—немногочисленны; наиболѣе интересны изъ нихъ «Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ Московскаго государства» Н. Бѣлявскаго, «Къ вопросу о землевладѣніи и торговыхъ промыслахъ духовенства въ XVIII вѣкѣ» А. Лебедева, «Справка по исторіи малороссійскихъ казаковъ» П. Короленка, «Матеріалы для исторіи города Харькова въ XVII вѣкѣ» Д. Багалъя и др.

А. И. Яцимирскій.

Марекъ Конколь. Коммуна 1871 года. Переводъ съ польскаго А. Котика. Книгоиздательство «Лучъ». Спб. 1906. — Б. Баксъ. Парижская коммуна 1870 — 1871 г.г. Переводъ съ англійскаго А. С—ва. Изданіе «Донской Рѣчи» Н. Парамонова. Ростовъ на Дону. 1905.

Восемнадцатое марта 1906 г. является юбилейнымъ днемъ парижской коммуны. Это обстоятельство въ связи съ измѣнившимися условіями русской печати вызвало цѣлый рядъ брошюръ, посвященныхъ движенію 1871 г.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ авторами, почти сходящимися въ принципиальной точкѣ зрѣнія на коммуны, но, тѣмъ не менѣе, рассказывающими о ней совершенно въ различныхъ стиляхъ. Полякъ Конколь пишетъ въ нѣсколько приподнятомъ французскомъ стилѣ, безжалостно топя и безъ того скудный фактичскій матеріалъ своей брошюры въ морѣ риторики. Гораздо интереснѣе и обстоятельнѣе изложены происхождение и ходъ движенія у англичанина Бакса.

Разсматривая исторію коммуны 1871 г., необходимо принять во вниманіе европейскую атмосферу въ предшествующій ей періодъ. Если теперь изъ числа социальныхъ системъ, обещающихъ реорганизацію и обновленіе человеческого общества на началахъ справедливости, ни одна не можетъ тягаться по вліянію, организаціи и научной обоснованности съ социаль-демократіей, то совершенно иначе обстояло дѣло въ современную коммунѣ эпоху. Тогда о современной социалистической опредѣленности не могло быть и рѣчи, и на ряду съ различными мелкими социальными сектами сталкивались въ постоянной борьбѣ за преобладаніе три главнѣйшихъ идейныхъ теченія: прудонисты, бланкисты и едва оперившіеся марксисты. Отсюда, вспомнивъ національную способность французовъ легко и цѣликомъ усвоивать главнѣйшія идеи эпохи, легко по-

нять, что идеологическій фундаментъ парижской коммуны состоятъ изъ пестраго ряда идейныхъ теченій, лишь механически скрѣпленныхъ между собою.

Это разнообразіе идейныхъ предпосылокъ движенія, наложившее на него violentъ опредѣленную печать и впоследствии вызвавшее рѣзкіе конфликты, долгое время находилось въ скрытомъ состояніи.

Вначалѣ ненависть къ завоевателямъ-пруссакамъ, воспоминанія о позорномъ царствованіи малелькаго Наполеона и радужныя надежды на республиканскій строй тѣсно объединили подъ краснымъ знаменемъ и послѣдовательныхъ социалистовъ, которые потомъ при голосованіи проекта комитета «общественнаго спасенія» рѣзко разграничили себя отъ другихъ революціонеровъ, и обаятельную фигуру революціонера стараго закала Делеклюза, едва ли понимавшаго социалистическія тенденціи коммуны, и тотъ же развившій еще классового сознанія пролетаріатъ, представитель котораго на вопросъ англійскаго корреспондента, во имя чего онъ идетъ умирать на баррикады, отвѣтилъ: за человѣческую солидарность.

Упомянувъ выше о красномъ знамени, кстати приведу любопытную историческую справку о происхожденіи и значеніи этой эмблемы.

Во время возстанія національныхъ мастерскихъ въ іюнѣ 1848 г. «красный флагъ» принятъ былъ инсургентами, какъ символъ, и всюду встрѣчался привѣтственными кликами, какъ знамя сознательнаго пролетаріата и социалистическаго республиканства» (В. Баксъ, стр. 7).

Нитцше, какъ извѣстно, видѣлъ вредъ исторіи въ томъ, что она своимъ тысячелѣтнимъ прошлымъ развращающе дѣйствуетъ на молодые поколѣнія, втягивая, въ концѣ концовъ, каждое новое начинаніе въ старое, уже испытанное русло. Вредъ исторіи, — говоритъ онъ, — въ парализующемъ сознаніи своего эшигонства. Въ общемъ эта мысль, пожалуй, вѣрна. Во Франціи, наиримѣръ, вплоть до послѣдняго времени, каждое новое революціонное движеніе сознательно сбивалось на подражаніе революціи 1789 г. и вообще находилось подъ властью ея традицій. Такъ было и съ парижской коммуной 1871 г. Когда 31 октября 1870 г. въ осажденномъ Парижѣ толпа, собравшись у городской ратуши, впервые потребовала учрежденія коммуны, то это было сдѣлано подъ несомнѣннымъ вліяніемъ воспоминаній первой революціи. Тогда, возникнувъ въ памятный день 10 августа 1792 г., съ извѣстнымъ Петіономъ во главѣ, парижская коммуна сдѣлалась одной изъ самыхъ вліятельныхъ силъ революціоннаго движенія. Но тогдашняя коммуна стояла въ тѣсной связи со всей Франціей, остальные общины которой почти во всемъ слѣдовали примѣру революціоннаго Парижа. Иначе обстояло дѣло съ коммуной 1871 г. Оторванная сначала прусскою осадой, а потомъ войсками Тьера отъ остальной Франціи, которая лишь отдѣльными, легко подавляемыми вспышками поддерживала возставшій Парижъ, коммуна все время оставалась одинокой. Въ этомъ, конечно, лежатъ главнѣйшая причина ея гибели. Центральной идеей, провозглашенной 18 марта коммуной, была республиканская Франція съ полной внутренней автономіей Парижа и всѣхъ остальныхъ городовъ и коммунъ, объединенныхъ между собою центральнымъ совѣтомъ делегатовъ. Внутреннее устройство каждой изъ общинъ предполагалось на самыхъ демократическихъ началахъ, и подъ словами «да

здравствуетъ коммуна» само собою подразумѣвались «принципъ уничтоженія постоянной арміи, вооруженіе всего народа, уничтоженіе косвенныхъ податей, введеніе подоходнаго налога, отдѣленіе церкви отъ государства, избираемость всѣхъ чиновниковъ, судей, учителей, работа для всѣхъ трудящихся, хлѣбъ для всѣхъ голодныхъ» (Конколь, стр. 20).

За 72 дня своего существованія коммуной была проявлена огромная энергія, направленная главнымъ образомъ на борьбу съ осаждавшими Парижъ версальцами и насущнѣйшія потребности данной минуты. Всѣ ея практическія мѣропріятія носили вполне опредѣленный принципиальный характеръ, но наиболѣе типичнымъ для соціального характера всего движенія является постановленіе коммуны о конфискаціи всѣхъ недѣйствующихъ фабрикъ и мастерскихъ и немедленной передачѣ ихъ рабочимъ товариществамъ для использованія на кооперативныхъ началахъ.

Трагическая гибель коммуны хорошо извѣстна, и на ней нѣтъ надобности останавливаться. Независимо отъ всѣхъ комментаріевъ обоихъ авторовъ, къ морю крови, пролитому Тьеромъ въ Парижѣ, нельзя относиться хладнокровно. И когда читаешь съ содроганіемъ о послѣднихъ дняхъ коммуны, приходятъ на память слова Ревана: «Если бы историческія науки такъ же мало возбуждали публику, какъ химія, то онѣ успѣли бы гораздо больше; но то, въ чемъ заключается ихъ неудобство, составляетъ и ихъ благородство».

Е. Михайловичъ.

Публий Овидій Назонъ. Пѣсни любви. (Amores). Въ трехъ книгахъ. Переводъ Я. Б. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1906.

Ослабленіе цензурнаго гнета выразилось, между прочимъ, въ нашей литературѣ и тѣмъ, что стали появляться переводы нѣкоторыхъ болѣе фривольныхъ произведеній древности: такъ, въ 1904 г. вышло въ свѣтъ Овидіево «Искусство любить» и даже сряду въ двухъ изданіяхъ, а теперь мы получаемъ переводъ и болѣе ранняго, чѣмъ «Искусство», сборника любовныхъ элегій того же поэта. Большинство этихъ стихотвореній группируется около связи Овидія съ женщиной, обозначенной имъ подъ псевдонимомъ Коринны, но, по обычаю древности, поэтъ весьма тѣсно перемѣшалъ дѣйствительность съ вымысломъ, такъ что разграничить ихъ почти невозможно. Кромѣ того, въ сборникѣ есть нѣсколько элегій, являющихся чисто риторическими упражненіями безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности, таково, напримѣръ, искусное проведеніе параллели между любовью и военной службой (I, 9) и нѣкоторыя другія. Переходя къ разсмотрѣнію труда г. Я. Б., прежде всего отмѣчу, что переводчикъ добросовѣстно постарался передать рѣшительно всѣ стихотворенія сборника, не опустивъ даже и нѣсколько шокирующую современное нравственное чувство элегію III, 7, гдѣ поэтъ рассказываетъ, какъ, приступивъ къ любовному наслажденію, онъ не рассчиталъ своихъ силъ. Затѣмъ переводъ исполненъ гекзаметрами, которые даются г. Я. Б. далеко нелегко, такъ что стихи, въ родѣ «Видѣлъ ночью порой съ побагровѣвшимъ ликомъ луну», у него отнюдь не рѣдки. Часто также встрѣчаются неудачно построенныя фразы, какъ, напри-

мѣръ: «Я посрединѣ постели члены свои раскидалъ». Сдѣланъ переводъ, по-видимому, дѣйствительно съ латинскаго оригинала, но съ сильнымъ пользованіемъ двумя иностранными предшественниками г. Я. Б.: французомъ Леметромъ и нѣмцемъ Линдеманомъ. Болѣе новыхъ трудовъ по толкованію Amores г. Я. Б. не знаетъ вовсе. Текстъ оригинала въ весьма многихъ случаяхъ совершенно не понять, такъ, напримѣръ, Овидій говоритъ, что нѣкая колдунья пользуется для своихъ чаръ жидкостью, текущей у ярящейся кобылы, а нашъ переводчикъ понимаетъ это такъ, что колдунья «вылѣчить можетъ отъ течки кобылы»; или, по Овидію, та же колдунья, занимаясь сводничествомъ, поставила себѣ цѣлью разрушать счастливые браки, а, по г. Я. Б., «Спальня найдется у ней, гдѣ она охраняетъ стыдливость»; или Овидій высказываетъ ту мысль, что божество Венеры не преслѣдуетъ за ложныя клятвы въ любви, а г. Я. Б. передаетъ это такъ: «Ухо Венеры закрыто для тѣхъ, кто любовь потерялъ». Переводъ каждой книги сопровождается краткими примѣчаніями, гдѣ также далеко не все обстоитъ благополучно: такъ, греческій поэтъ Каллимахъ именуется основателемъ города Кирены, тогда какъ этотъ послѣдній возникъ за 300 слишкомъ лѣтъ ранѣе Каллимаха; или, что болѣе поразительно, г. Я. Б. называетъ серьезнаго греческаго поэта Арата легкомысленнымъ именемъ Аретина. Идиллически звучитъ столь же категорическое, какъ и ошибочное утвержденіе, что въ древности «двери лишь притворяли», а не запирали. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что у г. Я. Б. нѣтъ никакихъ слѣдовъ пользованія его гораздо болѣе талантливыми русскими предшественниками: Фетомъ, переведшимъ изъ Amores 4 стихотворенія, и г. Пл. Красновымъ, переведшимъ 2 элегій. Будемъ надѣяться, что пикантное заглавіе книжки г. Я. Б. все же привлечетъ къ ней довѣрчивыхъ покупателей, и по распродажѣ перваго изданія авторъ кореннымъ образомъ переработаетъ свой трудъ.

А. М.—нѣ.

С. Д. Пападимитріу. Теодоръ Продромъ. Одесса. 1905.

Профессоръ Новороссійскаго университета Пападимитріу посвятилъ обширное спеціальное изслѣдованіе личности и сочиненіямъ византійскаго писателя Теодора Продрома. Онъ истратилъ много труда, работалъ въ заграничныхъ бібліотекахъ, привлекъ немало рукописнаго матеріала, добросовѣстно ознакомился съ литературою предмета, и, тѣмъ не менѣе, результаты получивъ довольно скудные. Произошло это отъ выбора темы.

Теодоръ Продромъ не былъ ни крупноі исторической личностью, ни выдающимся писателемъ. Послѣ кропотливыхъ изысканій автору удалось установить слѣдующую біографію изучаемаго имъ византійца.

Между 1070 и 1075 г.г. родился въ Константинополь отъ знатныхъ родителей Теодоръ Продромъ; дѣдъ его, Продромъ по имени, былъ благочестивый священникъ, а дядя, по имени Христоръ, весьма образованный человекъ, назначенъ былъ впоследствии митрополитомъ кievскимъ подъ монашескимъ именемъ Іоанна (1077—1078 г.г.). Онъ получилъ образованіе у самыхъ лучшихъ учителей того времени и усовершенствовался въ грамматикѣ, риторикѣ,

философiи, геометрiи и ариѳметикѣ. По окончанiи курса ученiя ему не удалось скоро устроиться. Въ это время, по всей вѣроятности, онъ сталъ принимать у себя учениковъ, но скоро его назначили учителемъ царевны Анны Комнинной, и онъ получилъ доступъ во дворецъ.

Счастье Продрома было непродолжительно, уже въ 1105 г. онъ чувствуетъ себя на родинѣ необезпеченнымъ и собирается ѣхать въ Трапезунтъ. Каковы были причины такой перемѣны обстоятельствъ, намъ неизвѣстно. Но можно предполагать, что Продромъ или во время преподаванiя или въ какомъ либо изъ многочисленныхъ своихъ трудовъ выразился по какому нибудь вопросу слишкомъ неосторожно, чѣмъ воспользовался одинъ изъ его противниковъ и сдѣлалъ на него доносъ, обвиняя его въ неблагочестiи.

Вскорѣ послѣ этого Теодоръ Продромъ заболѣлъ оспой и сдѣлался лысымъ и рябымъ. Онъ давалъ частные уроки, но вознагражденiе, которое онъ получалъ, было ничтожно, и этимъ путемъ онъ не могъ приобретать достаточно средствъ для того, чтобы содержать свою многочисленную семью.

Въ царствованiе Мануила Комнина, Продромъ пользовался благосклонностью новаго императора, и ему поручено было написать надгробныя эпиграммы надъ могилой умершаго царя.

Годъ смерти Теодора Продрома неизвѣстенъ, но, по соображенiямъ автора, онъ умеръ нѣсколько раньше Рождества 1153 г.

Третья часть изслѣдованiя профессора Пападимитрiу посвящена обзорѣню литературнаго наслѣдiя Теодора Продрома. Здѣсь онъ даетъ библиографiю всѣхъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненiй византiйскаго писателя съ подробнымъ перечисленiемъ изданiй и рукописей и съ критикой тѣхъ произведенiй, которыя неправильно приписываются Продрому.

Автору удалось разрѣшить нѣкоторые специальные вопросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволяетъ себѣ совершенно произвольныя предположенiя и изъ нихъ дѣлаетъ якобы научные выводы.

Такъ, напримѣръ, профессоръ Пападимитрiу старается доказать, что упоминаемый въ комментарiяхъ Теодора Продрома орфанотрофъ Константинъ Никомидiйскiй—не кто иной, какъ извѣстный византiйскiй ученый Михаилъ Пселль, которому посвящена диссертация П. В. Безобразова.

Доказать подобную ни на чемъ не основанную догадку очень трудно. Пселль не могъ называться Никомидiйскимъ, потому что былъ уроженецъ Константинополя. Биографiя его извѣстна намъ очень хорошо, и мы знаемъ, что должности орфанотрофа онъ не занималъ.

Но профессоръ Пападимитрiу этимъ нисколько не смущается.

Хотя во множествѣ источниковъ византiйскiй писатель носитъ фамилiю Пселль, современный ученый увѣряетъ, что Константинъ (до постриженiя Михаилъ Пселль назывался Константиномъ), по всей вѣроятности, получилъ прозвище Пселль (зайка), будучи еще ученикомъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ онъ былъ зайкой. Такое прозванiе осталось за нимъ и послѣ, какъ выражающее существенный его недостатокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольнo содѣйствовало къ вытѣсненiю настоящей его фамилiи.

Всѣ фамиліи произошли отъ прозвищъ, но профессоръ Пападимитріу забываетъ, что въ Византіи былъ еще другой ученый, жившій въ IX-мъ вѣкѣ, и тоже Пселль по фамиліи. Неужели и тотъ былъ тоже заикой?

Гораздо проще признать, что орфанотрофъ Константинъ Никомидійскій и протосикритъ и ипатъ философовъ Михаилъ Пселль—разныя лица.

Отъ подобныхъ произвольныхъ толкованій теряетъ изслѣдованіе профессора Пападимитріу, которое въ общемъ не лишено серьезныхъ достоинствъ.

П. В.

Посильная помощь. Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. М. 1906.

Сборникъ этотъ изданъ редакціей журналовъ: «Свѣтлячокъ», «Путеводный Огонекъ», «Дѣло и Потѣха». Онъ заключаетъ въ себѣ болѣе 300 стр. съ произведеніями извѣстныхъ писателей, художниковъ и композиторовъ, представившихъ свои произведенія безвозмездно. Здѣсь находимъ стихотворенія гг. П. Вейнберга, О. Чюминой, Фофанова, П. В. Бунина, П. Бѣлоусова-Шуфъ, П. Холодковского, Ап. Коринескаго, С. Дрожжина, С. Хазова, В. Гиляровскаго-Аванасьева, А. Круглова, Федорова-Давыдова и др.; рассказы гг. Мамина-Сибиряка, Н. Крашенинникова, Баранцевича, Кайгородова, О. Шаиръ, Лукашевичъ, гр. Салиаса, Телешова, Засодимскаго, Ф. Соллогуба и др.; рисунки съ картинъ Васнецова, Архипова, Андреева, Ге, Коровина, Максимова, Рѣпина, Насъ, Далькевича и др., этюды Пастернака, Сурикова, рисунки Кучеренко, Клодта и др. Сборникъ изданъ изящно и даетъ очень много интересныхъ произведеній, частью уже напечатанныхъ ранѣе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ концѣ сборника приложены два нумера изъ отдѣла музыки и пѣнія: «Весенняя пѣсня», музыка Ц. Кюи, слова А. А. Федорова-Давыдова, и «Изъ города въ деревню» (дѣтскій хорикъ), музыка А. Гречанинова, слова Н. Некрасова. Сборникъ изданъ въ количествѣ 7.500 экземпляровъ. Весь чистый доходъ отъ продажи его будетъ переданъ въ управленіе дѣлами общеземской организаціи помощи населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.

А. X—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БАЛЬЗАКА «Dilecta»¹⁾. Въ предыдущей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» было говорено о статьѣ Ржевусскаго въ защиту своей тетки, г-жи Ганской. Какъ бы въ дополненіе къ ней въ «La Revue hebdomadaire» появилась статья Фелисьена Паскала — «La Dilecta», въ которой авторъ, говоря о героиняхъ романовъ Бальзака, останавливается на его первой любви, которую онъ прозвалъ «dilecta». За послѣдніе годы съ особенной жадностью перелистываютъ страницы романовъ, пережитыхъ самими авторами и перенесенныхъ ими въ свои произведенія. Однако у нѣкоторыхъ романистовъ не такъ легко добраться до истины и угадать настоящее имя героини, чтобы прослѣдить, точно ли переданы пережитыя чувства, и насколько они прикрашены, а приходится посвятить долгое время на изслѣдованіе различныхъ документовъ, какъ, напримѣръ, писемъ и т. д. Другіе писатели, въ родѣ Жанъ-Жака Руссо, не стѣсняясь, даже нѣсколько цинично, сообщали читателю всѣ подробности своихъ интригъ. Шатобрианъ также не могъ удержаться, чтобы не сообщить о каждой своей любовной интригѣ; впрочемъ онъ дѣлалъ это сдержаннѣе перваго, такъ же, какъ и Ламартинъ, который намекалъ на источникъ любви, но смутно, неопредѣленно; напротивъ, Жоржъ-Сандъ и Альфредъ Мюссэ свою любовь дѣлали достояніемъ публики. Но кто съ особенной тщательностью старался скрыть слѣды своей любви и окружить завѣсой тайны женщину, раздѣлявшую съ нимъ страсть, а завѣсу выведенную въ его романахъ героиней, — это Бальзакъ. Подобное явленіе тѣмъ болѣе выставляетъ на видъ деликатную натуру автора «Человѣческой

¹⁾ «La «Dilecta hebdomadaire de Balsac», par Felicien Pascal. La Revue» 17 Fevrier 1906.

комедіи», что онъ любить, какъ художникъ, писать съ натуры, и моделями брать своихъ знакомыхъ. Такъ въ «*Béatrix*» фигурируютъ подъ вымышленными именами Жоржъ-Сандъ, графиня д'Агу и Гюставъ Пляншъ. Въ «*Louis Lambert*» онъ выставилъ себя въ юношескіе годы, въ «*Peau de Chagrin*» тоже себя, а также во многихъ другихъ романахъ. Но когда дѣло шло о какойнибудь женщинѣ, съ которой Бальзакъ находился въ любовной связи, то онъ всѣми силами старался, чтобы героиню не узнали современники. Только послѣ появленія его «*Переписки*» можно было установить имена героинь его романовъ, да и то не всѣхъ; осталось нѣсколько близкихъ ему лицъ, имена которыхъ до сихъ поръ не разгаданы. Говорятъ, будто Федора въ «*Peau de Chagrin*» не кто иная, какъ г-жа Рекамье,—такъ предполагаетъ Геррио въ своемъ сочиненіи «*Madam Récamier et ses amis*», и есть основаніе это утверждать, такъ какъ Бальзака ей представили, и онъ бывалъ у нея до появленія въ свѣтъ этого романа. Съ другой стороны есть намекъ, что это была жена Россини, Олимпія Пелисье, изображенная художникомъ Вернэ на его картинѣ «*Юдиель*». До своего брака съ Россини она была въ связи съ Вернэ и Евгениемъ Сю. Въ письмѣ къ г-жѣ Ганской Бальзакъ упоминалъ, что ожидаетъ къ себѣ обѣдать Россини и его «*сага доуа*», Олимпию. Въ «*Une page oubliée de H. de Balsac*», гдѣ Медей Пипо критикуетъ «*Peau de Chagrin*», говорится: «Мы не совсѣмъ увѣрены, что Бальзака положительно узнали, но Федору, безсердечную женщину, мы узнали. Мы видали Рафаэля у нея. Мы были тамъ вечеромъ, когда онъ скрывался за оконной занавѣской, чтобы незамѣтно присутствовать при ея раздѣваніи. Да, мы видѣли, какъ онъ туда скользнулъ, и если не сказали горничной Жюли, то потому, что считали его присутствіе желательнымъ Федорѣ; она такъ часто хвалила его черные глаза, одаренные настоящей притягательной силой». — «Намеки слишкомъ ясны на Олимпию Пелисье (съ тѣхъ поръ г-жу Россини),—прибавляетъ Лованжуръ, отыскавшій эти строки. Въ эту эпоху ея салонъ очень посѣщался артистами, и Бальзакъ тамъ часто бывалъ». Въ «*Дневникъ доктора Меньера*» говорится, что Бальзакъ ее обожалъ и ваялъ моделью для своей героини въ «*Peau de Chagrin*». Онъ съ удовольствіемъ соединилъ бы свою жизнь съ ея жизнью въ эпоху своего затруднительнаго денежнаго положенія. Тогда у нея было 25.000 годового дохода, и Бальзакъ очень за нею ухаживалъ. Герцогъ Фицъ-Джемсъ и многія другія важныя лица встрѣчались у нея, какъ на нейтральной почвѣ. Она обладала прекраснымъ голосомъ и брала уроки пѣнія у Россини. Во время путешествія по Италіи она сказала ему, что у нея 30.000 фр. ренты. «Это легко устраиваетъ браки»,—замѣтилъ онъ. Бальзакъ очень скоро сдѣлался ихъ семейнымъ другомъ. Такимъ образомъ теперь установлено, что Федора—не кто иная, какъ Олимпія Пелисье, и любовь къ ней Бальзака носила сентиментальный характеръ, что помогло ему вывести типъ Рафаэля. Но въ этомъ же романѣ есть Полина, дочь консьержа, которая такъ деликатно пришла на помощь Рафаэлю и обнаружила къ нему свою любовь только тогда, когда какимъ-то чудомъ разбогатѣла; о ней еще положительно ничего не извѣстно. Бальзакъ говорилъ своей сестрѣ, г-жѣ Сюрвилъ, когда отиравался въ Невшатель знакомиться съ г-жей Ганской: «Какую тайну я тебѣ скажу: я—отецъ, а мать ребенка—миленькая особа, самое

Наивное существо, какое только есть, и, какъ цвѣтокъ, свалившееся мнѣ съ неба; она приходитъ ко мнѣ украдкой и не требуетъ ни переписки съ нею, ни моихъ заботъ о ней, а только говорить: «люби меня одинъ годъ, я буду тебя любить всю жизнь». Трудно установить, къ сожалѣнiю, тождество этой личности съ Полиной. Наивное существо, о которомъ говорилъ сестрѣ Бальзакъ, приходило къ нему въ 1833 г., а «*Peau de Chagrin*» въ это время уже появилось. Этой незнакомкѣ онъ посвятилъ «*Eugénie Grandet*» гдѣ называлъ ее Маріей; поэтому приходится довольствоваться мыслью, что Полина была мечта, а Марія реализировала мечту, которую Бальзакъ воплотилъ въ Полину. Въ различныхъ героиняхъ позднѣйшихъ романовъ знаменитаго автора и специально въ герцогинѣ Ланжэ, мы находимъ, подъ вымышленной наружностью, г-жу Кастри. Повидимому, она первая начала за нимъ ухаживать, желая развлечься отъ постигшаго ее удара—смерти страстно ею любимаго сына Меттерниха, случившейся при трагическихъ условiяхъ. Она рѣшила для развлечения окружить себя артистами и начала съ Бальзака, написавъ ему безымянное письмо, въ которомъ говорила, что удовольствiе, которое она испытываетъ, читая его произведенiя, заставляетъ ее желать встрѣчъ съ нимъ. Бальзакъ придалъ большее значенiе ея признанiю, чѣмъ оно имѣло на самомъ дѣлѣ и думая, что она уже его любитъ, самъ влюбился до безумiя въ эту неизвѣстную ему поклонницу, какъ только ее увидалъ. Она обворожила его кокетствомъ, но сама никогда не теряла своего холоднаго разсудка и не сдавалась. Бальзакъ очень отъ этого страдалъ, и въ его «*Histoire des Treize*» весь его сдержанный гнѣвъ выраженъ въ бѣшенствѣ графа Монтриво противъ герцогини де-Ланжэ. Ради г-жи Кастри Бальзакъ порвалъ связь, длившуюся десять лѣтъ, съ прекрасной благородной женщиной, но на двадцать два года старше его. «Въ ангела превратилась эта несравненная женщина,—говорилъ о ней Бальзакъ; я далъ себѣ волю страдать на ея груди, скрывъ отъ нея, какъ я страстно жажду любви молодой, красивой женщины, но она отгадала это и сказала мнѣ: «когда она придетъ, я буду твоей матерью, моя любовь будетъ материнской, преданность—материнской». Эта чудная женщина была *Dilecta*, подлинную личность которой долго не могли установить. Начало любовной интриги Бальзака съ г-жею Кастри указало *Delect'ъ*, что часъ наступаетъ, когда ей придется ступешаться. Красивая молодая женщина, любви которой Бальзакъ такъ страстно желалъ, повидимому, сдавалась. Какъ бы по взаимному соглашенiю *Dilecta* и Бальзакъ сразу порвали физическую связь, но моральная все-таки осталась: они взаимно обѣщали уважать прошлое, сохранять ихъ тѣсную умственную близость, нѣжность и прежнюю сердечную привязанность другъ къ другу. Этотъ разрывъ освободилъ Бальзака и въ надеждѣ одержать окончательную побѣду, онъ поспѣшилъ въ Ахенъ, куда его призывала г-жа Кастри. Но онъ ошибся и никогда отъ нея не добился ничего «окончательнаго». «Успокойтесь,—писалъ онъ,—впослѣдствiи г-жѣ Ганской: — г-жа К. все еще увѣряетъ, что любила одного М., и теперь еще эта Артемиза Эфесская любитъ его». Но прекрасной, молодой женщины, о которой Бальзакъ плакалъ на груди своей преданной любовницы, онъ такъ и не дождался; вмѣсто нея появилась г-жа Ганская, да и то ему пришлось страдать восемнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ онъ повѣнчался

съ нею, для того, чтобы вскорѣ умереть. Прежняя любовница обѣщала быть ему матерью и вполнѣ исполнила обѣщаніе; она хотѣла любить ту, которая осуществить всѣ мечты Бальзака. Но когда онъ посвятилъ ее въ тайну своей любви къ г-жѣ Ганской, въ ней что-то возмутилось, хотя она дѣлала надъ собою усиліе. Въ своемъ письмѣ къ сестрѣ, Бальзакъ признается, что совершенно ошьянѣлъ, когда въ первый разъ увидѣлъ г-жу Ганскую и, перебирая лицъ, которымъ не могъ признаться въ своемъ счастьѣ, онъ говоритъ: «Не ей же, моей дорогой, ревнующей меня болѣе, чѣмъ ревновала бы мать свое молоко, которымъ питаетъ своего ребенка? Она не любитъ незнакомки, потому что незнакомка, повидимому, завоевала меня». Въ первомъ письмѣ къ г-жѣ Ганской когда Бальзакъ еще не зналъ ея имени, онъ говорилъ ей, что въ благодарность за удовольствіе, какое доставили ему ея письма, онъ посвящаетъ ей четвертый томъ «*Scènes de la vie privée*», и на заголовкѣ этого тома сдѣлалъ загадочную надпись: «*Diis Ignotis*», и изображеніе печати, которой она запечатывала письма. При этомъ онъ ей написалъ: «Одна личность, какъ бы вторая мать для меня, капризы или даже ревность которой я долженъ уважать, потребовала отъ меня, чтобы это нѣмое свидѣтельство моихъ тайныхъ чувствъ исчезло». Лованжуль говоритъ, что Бальзакъ не безъ сожалѣнія порвалъ связь съ *Dilect'ой*; ея нѣжную любовь не могла замѣнить даже любовь г-жи Ганской: новая любовь не заставила его забыть прежней. «Прошу васъ, — писалъ онъ г-жѣ Ганской въ 1840 г., спустя четыре года послѣ смерти ея *Dilect'ы*: — не дѣлайте сравненій между собою и г-жею Б. Она была безконечно добра и безусловно предана мнѣ; она была тѣмъ, чѣмъ она была. Вы дѣльная со своей стороны, какъ она со своей. Никогда не сравниваютъ двухъ большихъ величинъ; каждая изъ нихъ сама по себѣ». Почему Бальзакъ называлъ свою первую любовь *Dilecta*, удалось узнать изъ его «Переписки» и «Писемъ къ незнакомкѣ». Онъ называлъ ее такъ потому, что, посвящая «*Louis Lambert*» ей, онъ не хотѣлъ обнаружить ея имени, и написалъ на заголовкѣ: «*Et nunc et semper dilectae dicamini*», т. е. «посвящается женщинѣ, любимой теперь и всегда». Лованжулю удалось найти черновикъ его первыхъ писемъ къ *Dilect'ѣ* и часть ея писемъ, полученныхъ отъ нея въ концѣ весны и въ началѣ лѣта 1832 г. Нѣкоторые отрывки черновика Бальзака, къ сожалѣнію, по словамъ Лованжуля, трудно разобрать. Въ теченіе ея десятилѣтней связи съ Бальзакомъ, она безусловно подарила себя ему и была его любовницей, матерью и просвѣщеннымъ другомъ, готовымъ всегда прийти къ нему на помощь. Хотя она была замужемъ, но умѣла найти свободныхъ два часа въ день для ежедневныхъ свиданій. Голубая комнатка при типографіи, за которую его пробирали въ семьѣ, была предназначена для этихъ свиданій. Когда обои загрязнились, Бальзакъ самъ, съ помощью товарища, Анри Латуша, обтянулъ ее матеріей; здѣсь *Dilecta* его утѣшала, ободряла въ его предпріятіи; онъ себѣ обѣщаль разбогатѣть, но вмѣстѣ того задолжалъ около ста тысячъ франковъ. Она на колѣняхъ просила его принять эти деньги, и Бальзакъ ихъ принялъ. Онъ выплатилъ ей послѣднюю часть всей суммы—6.000 франковъ съ процентами въ 1836 г. Впослѣдствіи г-жа Ганская хотѣла также поступить и помочь Бальзаку въ его все болѣе запутывающихся обстоятельствахъ, но онъ отказался, говоря, что

такое покровительство можно принять, не оскорбляясь, въ молодые годы, когда начинаешь жить, въ зрѣлыя же годы это становится позорнымъ. Такую денежную помощь Бальзакъ принималъ не отъ единственной Dilect'ы. Во время Луи-Филиппа существовала тюрьма для несостоятельныхъ должниковъ, и Бальзакъ рисковалъ попасть туда, если бы его не спасла еще одна дама — г-жа Деланнуа, другъ семьи Бальзака, такъ же, какъ и семья Dilect'ы. Въ перепискѣ съ своей сестрой въ 1822 г. Бальзакъ упоминалъ о г-жѣ Деланнуа: «Я былъ у г-жи Д.; она прекрасна и соблазнительна... Я ее нашелъ разодѣтой, какъ ангелъ; все та же красивая талія, безжизненное лицо и томные глаза. Она упрекала меня, что я къ ней не хожу; мы бесѣдовали сначала о платонической любви, а потомъ о физической, и она кончила тѣмъ, что пригласила меня на ея вечера, по четвергамъ». Въ дальнѣйшихъ его письмахъ видно, что она ему одолжала значительныя суммы, какъ и Dilect'a, съ которой свачала ихъ смѣшивали. «Recherche de l'absolu» посвящено г-жѣ Деланнуа, урожденной Думерь. Отъ времени до времени ея имя попадаетъ въ его «Перепискѣ», но обыкновенно въ связи съ уплатою ей долга, безъ какихъ либо проявленій любви, тогда какъ съ именемъ Dilect'ы всегда связаны вѣжныя изліянія. Въ перепискѣ съ какой-то Луизой, которую онъ зналъ только по письмамъ, онъ писалъ: «въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ одинъ ангелъ похищаетъ у свѣта, у семьи, у обязанностей и у всѣхъ оковъ парижской жизни ежедневно два часа, чтобы провести ихъ со мною, и никто объ этомъ не знаетъ; слышите ли вы, двѣнадцать лѣтъ? Могу ли я желать, чтобы эта чудная, спасающая меня, преданность вновъ возобновилась?» Смерть Dilect'ы настолько поразила Бальзака, что онъ впалъ въ пристрацію. Онъ спалъ отъ пятнадцати до шестнадцати часовъ въ день и признавался, что ничего не можетъ дѣлать, даже двигаться. Онъ говорилъ въ письмѣ къ той же неизвѣстной корреспонденткѣ, что Dilect'a была для него больше, чѣмъ какое либо существо можетъ быть для другого: «она меня поддерживала словомъ, дѣйствіемъ и преданностью во время страшныхъ бурь; если я жилъ, то только ею; она была для меня — все; хотя въ продолженіе двухъ лѣтъ болѣзнь и время насъ разъединили но мы видѣли другъ друга на разстояніи: она воздѣйствовала на меня; она была моимъ нравственнымъ солнцемъ». Рискую возбудить ревность въ г-жѣ Гавской, онъ постоянно говорилъ ей о Dilect'ѣ въ письмахъ. «Да, — писалъ онъ ей, — я избалованъ этой чудной женщиной; я признаю это, работаю для усовершенствованія того, что она подготовила во мнѣ». Сестрѣ онъ признавался, что былъ неутѣшенъ въ потерѣ этой единственной подруги, и чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе возрождается въ его сердцѣ. Лишенный ея литературныхъ совѣтовъ и ея помощи въ жизненныхъ невзгодахъ, онъ призывалъ ее во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ: «Что сказала бы она, если бы была жива?» — спрашивалъ онъ себя въ такихъ случаяхъ. Пока она была жива, онъ подчинялся въ своихъ работахъ ея совѣтамъ. «Г-жа Б... — писалъ онъ, — не одобрила меня. Она знаетъ, что критикуетъ». Его «Письма къ писателямъ» ее такъ глубоко взволновали, что вызвали припадокъ болѣзни сердца. «Я не люблю болѣе этихъ страницъ», — писалъ по этому поводу Бальзакъ. Прочитавъ его «L'us dans la vallée», поправленную по ея указаніямъ, она объявила Бальзаку, что

можетъ сказать одно объ этомъ произведеніи, что это настоящая *Lys dans la vallée*. «Въ ея устахъ,—замѣтилъ Бальзакъ,—это большая похвала: она очень требовательна». «Г-жа Морсовъ въ «*Lys*»,—писалъ Бальзакъ,—блѣдное выраженіе самаго мельчайшаго изъ качествъ этой особы; въ ней только ея отдаленное отраженіе, такъ какъ меня возмущаетъ передавать мои душевныя волненія публикѣ, и потому ей никогда не будетъ извѣстно, что со мною случилось». Но теперь читателямъ уже отчасти его чувства къ *Dilect'* въ знакомы, такъ какъ сталъ извѣстно, что въ Феликсѣ де-Вандиессѣ Бальзакъ представилъ себя, а въ г-жѣ Морсовъ—*Dilect'*у. Кто такая была эта *Dilecta*, узнали случайно Габриэль Ганото и Габриэль Викеръ, когда писали «*Balsac imprimeur*» и для этого просматривали различные документы, отнесенныя прямо или косвенно къ его банкротству. Между прочимъ, въ одномъ изъ документовъ находилось имя Луизы-Антуанеты Гиннеръ, жены де-Берни, которая отвратила разореніе, грозящее Бальзаку. Ганото и Викеръ принялись собирать подробности объ этой личности. Вспомнивъ, что у королевы Марии-Антуанеты былъ придворный артистъ Гиннеръ, они справились, не его ли это родственница. Оказалось, что Гиннеръ женился на Луизѣ-Маргаритѣ-Эмили-Гётцѣ де-Лабордъ, камерфрау королевы, и у нихъ родилась дочь. Ея воспитанниками были король и королева, которыхъ замѣнили при обрядѣ крещенія Антуанъ Дюплессе де-Ришелье, герцогъ Фронсакъ и герцогиня Фицъ-Джемсъ, принцесса Шимэ. Эта дочь и была *Dilecta*. Впоследствии ея мать, овдовѣвъ, вышла за Ренье де Жоржэ, который вмѣстѣ съ Ферзенемъ и барономъ Батцомъ были самыми преданными слугами королевской семьи. Предъ своею смертью король послалъ Жоржэ въ Туринъ съ порученіемъ къ графу Прованскому, а г-жа Жоржэ съ дочерью остались однѣ. Предъ казнью Марія-Антуанета, любившая ее, передала ей на память прядь своихъ волосъ и серьги кольцами, которыя королева носила въ ухахъ во время своего заключенія въ тюрьмѣ. Этотъ подарокъ обратилъ вниманіе революціоннаго трибунала на г-жу Жоржэ, и она была заключена въ тюрьму вмѣстѣ съ дочерью. Тамъ послѣдняя познакомилась съ де-Берни, и 8 мая 1793 г. состоялась ихъ свадьба. Въ это время ей было 15 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, а жениху 24 года. О мужѣ *Dilect'*ы извѣстно только, что у него былъ беспокойный, брызгливый характеръ, и что Бальзакъ посвятилъ ему свой романъ «*Madame Firmiani*»; объ ихъ отношеніяхъ ничего не упоминается. Повидимому, мужъ *Dilect'*ы умеръ ранѣе ея, но о его похоронахъ нигдѣ не говорится, между тѣмъ это интересно знать для большаго выясненія отношеній между Бальзакомъ и *Dilect'*ой. У г-жи Берни было девять человѣкъ дѣтей, но они доставляли ей одни лишь огорченія и были отчасти причиной ея болѣзни сердца, длившейся два года. Она была умной, образованной, способной и сентиментальной женщиной, и, по мнѣнію Ганото и Викера, волюнѣ олицетворяла въ то время прославленный типъ «непонятой женщины». Можетъ быть, по ихъ словамъ, она часто вспоминала прежнее величіе и сокрушалась, къ тому же подошли годы, въ это время она встрѣтила Бальзака, и его молодость и сила очаровали ее. Жизненные невзгоды сблизили ихъ, а взаимное сожалѣніе сроднило ихъ души; сентиментальность сначала заставила ихъ позабыть разницу лѣтъ. Благодаря *Dilect'*ѣ, женщины получили право любить лишніа пятнадцать лѣтъ, не

вызывая насмѣшекъ за слабость сердца, тогда какъ до Бальзака романисты не допускали проявленія любви у женщины за тридцать лѣтъ. Впрочемъ, новѣйшіе французскіе писатели идутъ дальше Бальзака, и ихъ героини имѣютъ право на любовь, уже будучи бабушками. Авторъ «Человѣческой комедіи» обязанъ г-жѣ Берни не только открытіемъ, что женщина за сорокъ лѣтъ можетъ заставить себя любить, но и сформированіемъ своего ума и направлениемъ его идей. Настѣдуя отъ родителей монархическія идеи, что подтверждаетъ сочиненіе о Бальзака Эдмона Бирэ, онъ еще болѣе укрѣпилъ ихъ, благодаря вліянію на него г-жи Берни. Ея рассказы о придворной жизни, о пережитыхъ страданіяхъ королевской семьи, о подкладкѣ революціи, воскресили въ его воображеніи прошлое, и потому въ его «Les Chouans», «Madame de la Chauterie», «Un episode sous la Terreur» и т. д. живо и вѣрно представлены типы стараго режима. Обнаружившаяся связь Бальзака съ г-жею Берни вполнѣ должна удовлетворить неустанное любопытство его поклонниковъ, жаждавшихъ узнать, насколько онъ былъ искрененъ въ описаніи любви, какихъ женщинъ онъ любилъ, и какъ онъ его любилъ. Бальзакъ болѣе, чѣмъ какой либо другой писатель, возбуждалъ во всѣхъ любопытство, какъ романистъ, специально описывающій женщинъ всего XIX вѣка. Его связь съ г-жею Берни не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно точности изображенныхъ имъ чувствъ всевозможныхъ отгѣнковъ, которыя онъ заставлялъ переживать своихъ героинь. Любовь къ Dilect'ѣ, о которой онъ вѣчно напоминалъ г-жѣ Ганской, можетъ служить послѣдней оправданіемъ ея холодныхъ отношеній къ Бальзаку предъ его смертію, за которыя на нее такъ жестоко нападаетъ парижское общество.

— Пятидесятилѣтніе кончины Гейне. 17 февраля нынѣшняго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти великаго поэта и общечеловѣческаго дѣятеля — Генриха Гейне. Восторженно откликнулись всѣ культурныя страны на этотъ юбилей, и на всевозможныхъ языкахъ сочувственно помянули знаменитаго автора «Книги пѣсенъ», «Путевыхъ картинъ», «Романцеровъ» и т. д. И, несмотря на это, дикое противодѣйствіе большинства Германіи все еще не дозволяетъ его соотечественникамъ воздвигнуть памятникъ своему незабвенному поэту и гражданину. Только на островѣ Корфу, предъ замкомъ покойной австрійской императрицы, возвышается статуя Гейне прямо противъ моря, которое онъ такъ великолѣпно воспѣвалъ. Вдвоемъ съ такимъ же великаномъ поэзіи и мысли — Байрономъ, Гейне раздѣляетъ честь не имѣть памятника, что, конечно, позоритъ не великихъ, славныхъ поэтовъ, а ихъ лицемѣрныхъ, недостойныхъ соотечественниковъ. За неимѣніемъ памятника не было и достойнаго у его подножія прославленія того, чье имя никогда не умретъ во всемъ свѣтѣ, но все-таки драгоцѣнную память Гейне величали на всѣхъ языкахъ, какъ на словахъ, такъ и въ печати, въ тотъ день, когда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ скончался поэтъ послѣ девятилѣтней роковой агоніи въ своей «матрацной могилѣ», какъ онъ юмористически называлъ тѣ двѣнадцать матрацовъ, на которыхъ ему было суждено лежать во время его страшной болѣзни спинного мозга. Всячески чувствуя Гейне, писатели всѣхъ странъ вспоминали о послѣднихъ временахъ, проведенныхъ имъ на землѣ, когда, среди самыхъ страшныхъ мученій, онъ писалъ однѣ изъ лучшихъ своихъ

произведеній, говоря: «Какъ ослышенная ласточка, я пою тѣмъ прекраснѣе». Его другъ Мейснеръ справедливо приходя въ восторгъ, восклицалъ: «Какіе стихи, какіе звуки! Вы никогда не писали ничего подобнаго». А Гейне отвѣчалъ: «Не правда ли? Да, я самъ знаю, что это прекрасно. Это жалоба, выходящая какъ бы изъ гроба: тутъ кричить во тѣмъ заживо погребенный. Да, да, такихъ звуковъ еще не слышала нѣмецкая лирика, да и не могла ихъ слышать, потому что до сихъ поръ ни одинъ поэтъ не находился въ такомъ положеніи». Въ послѣднія свои минуты онъ заканчивалъ «Романцера», «Лазаря» и «Послѣднія стихотворенія», которыя дышатъ мрачнымъ отчаяніемъ, задушевной прелестью и безнадежнымъ пессимизмомъ. Тѣмъ ужаснѣе было положеніе несчастнаго Гейне, что за нимъ ухаживала его жена, Матильда Мира, — типичная, легкомысленная парижанка, которая сама иногда не понимала, что говорила страдальцу. Такъ, напримѣръ, когда однажды онъ выражалъ желаніе умереть, и тѣмъ прекратить свои страданія, она воскликнула: «Нѣтъ, нѣтъ, Анри, ты не долженъ теперь умереть; сегодня утромъ только что умеръ мой душка поугай, и если ты также теперь умрешь, то я этого не вынесу». Самъ Гейне, рассказывая этотъ анекдотъ одному своему пріятелю, прибавилъ: «Видишь, я и продолжаю жить, какъ мнѣ приказано: ужъ очень хороша представленная мнѣ причина, чтобы не умирать». Этотъ грустно-комическій инцидентъ былъ противоположенъ другому мрачному эпизоду, случившемуся за нѣсколько дней до его смерти. Съ нимъ захотѣлъ проститься знаменитый историкъ древней Франціи, Огюстенъ Тьері, и его довели до «роковыхъ матрацовъ», такъ какъ онъ былъ совершенно слѣпъ; онъ не видѣлъ Гейне, но тихо нагнулся къ нему, а умирающій поэтъ едва двигавшимися пальцами поднялъ свои опущенныя вѣки, чтобы кое-какъ разглядѣть слѣнца. Послѣдніе годы, когда Гейне превратился изъ революціоннаго поэта въ поэта индивидуальной жизни, онъ пѣлъ о своихъ страданіяхъ, о своихъ фантастическихъ видѣніяхъ и только нѣсколько утѣшался посѣщеніями «Мухи» (Камиллы Сельденъ), которую онъ полюбилъ чистой, наивной любовью. За нѣсколько дней до смерти поэта кто-то спросилъ его: примирился ли онъ съ церковью? «Не беспокойтесь, — отвѣтилъ онъ: — Богъ мнѣ проститъ: это Его ремесло». Почти до послѣдней минуты онъ писалъ по шести часовъ въ день свои мемуары, до сихъ поръ вполнѣ не напечатанные, и наканунѣ смерти онъ еще потребовалъ бумагу и карандашъ; но это были его послѣднія слова, и на другое утро онъ умеръ.

Изъ всѣхъ литературныхъ изреченій Гете относительно Гейне, быть можетъ, самое извѣстное, что автору «Романцера», обладающему многими блестящими качествами, недостаетъ любви. Эти слова приводятся многими писателями въ стихахъ и прозѣ, какъ подлинныя и заимствованныя изъ разговора Гете съ Эккерманомъ, но, по случаю юбилея Гейне, англійскій критикъ, Джемсъ Гендерсонъ, занялся специальнымъ изученіемъ этихъ разговоровъ ради этой знаменитой фразы и отвергаетъ это. Въ *Ateneum*'ѣ онъ приводитъ результаты своей работы, и оказывается, что у Эккермана нигдѣ не упоминается въ этой фразѣ имени Гейне, а въ нѣкоторыхъ изданіяхъ даже вовсе нѣтъ имени поэта, которому, по словамъ Гете, недостаетъ любви; въ первомъ же изданіи Эккермана 1836 г. упоминается нѣмецкій поэтъ, но не Гейне, а Платенъ, врагъ

и противник Гейне. Такимъ образомъ къ пятидесятилѣтнему юбилею Гейне уничтожилась одна клевета противъ него. Замѣчательно, что великій поэтъ самъ говорилъ въ своемъ сочиненіи «Über Polen», написанномъ въ 1822 г., что французская школа философіи тоже отличалась недостаткомъ любви. Также по случаю этого юбилея вышли двѣ французскія книжки М. Лэгра и А. Лихтавберже съ интересными характеристиками Гейне, какъ поэта, мыслителя, художника и влюбленнаго. Рядомъ съ его великой способностью къ лирической поэзіи, онъ обладалъ и сатирическимъ талантомъ. Онъ принималъ энергичное участіе во всѣхъ политико-литературныхъ поединкахъ своего времени и всегда говорилъ: «Я—мечъ, я—пламя». Сначала до ссоры съ Бёрне онъ былъ послѣдователемъ Сенъ-Симона, потомъ республиканцемъ, радикаломъ и сторонникомъ Лассаля и Карла Маркса; но его художественное чутье было такъ нѣжно, что онъ отворачивался отъ народной черни. Какъ объясняетъ Лихтавберже, «онъ любилъ народъ, но какъ аристократъ, и ничего такъ не боялся, какъ правленія черни, у которой руки грязны, которая, по его словамъ, воняетъ табакомъ, атеизмомъ и водкой». Она мечтаетъ только уничтожить своими мозолистыми руками музеи, статуи, всю красоту. Онъ ожидалъ вмѣстѣ съ достиженіемъ власти чернью возвращеніе къ варварству. Еще во время июльской монархіи, сдѣлавшись писателемъ не германскимъ, а французскимъ, онъ предсказывалъ возвращеніе бонапартизма, и съ величайшей радостью приветствовалъ на своемъ смертномъ одрѣ декабрьскій переворотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предсказывалъ и коммуны, уничтоженіе Вандомской колонны интернаціоналистами и роковой результатъ франко-германской войны. Никто болѣе Гейне не издѣвался, не смѣялся надъ нѣмцами, но и о французахъ онъ также говорилъ: «голубое небо Франціи для меня омрачается; этотъ легкомысленный народъ становится мнѣ въ тягость». Наконецъ онъ не жалѣлъ и своего родного народа—еврейскаго; вообще, этотъ страшный насмѣшникъ и жестокий сатирикъ одинаково былъ опасенъ для друзей и враговъ. Въ шутку онъ называлъ себя первымъ человѣкомъ XIX столѣтія, увѣряя, что онъ родился 1 января 1800 г., но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ онъ родился 13 декабря 1797 г., слѣдовательно его столѣтній юбилей пропущенъ уже девять лѣтъ тому назадъ. Гейне родился въ Дюссельдорфѣ, а умеръ въ Парижѣ: онъ пришелъ на свѣтъ евреемъ, а удалился въ вѣчность лютераниномъ. Впрочемъ, онъ торжественно заявлялъ въ своемъ завѣщаніи, что «вѣруетъ въ Единого Бога, въ Творца міра», и проситъ себя хоронить безъ всякаго духовенства. На скромномъ Монмартрскомъ кладбищѣ, подъ уединеннымъ памятникомъ съ простой надписью «Анри Гейне» покоится уже пятьдесятъ лѣтъ несравненный пѣвецъ, который говорилъ о себѣ: «Гейне не умретъ, какъ первый встрѣчный, и когти тигра переживутъ тигра».

— Столѣтній юбилей Элизабеты Барретъ Броунигъ. 6 марта праздновали въ Англіи столѣтіе величайшей англійской поэтессы Элизабеты Барретъ Броунигъ. По случаю этого юбилея не только въ Англіи вышла интересная книга Перси Люббока, «Elisabeth Barrett Browning in her letters», но и во Франціи за нѣсколько мѣсяцевъ до юбилея появился предестный очеркъ г-жи Дюкло: «Ménage de poètes», чрезвычайно основательная, научно соста-

вленная монографія г-жи Мерлеттъ: «Etude sur la vie et les oeuvres d'Elizabeth Barrett Browning», а также новый переводъ на французскій языкъ поэмъ и стиховъ знаменитой поэтессы. Такимъ образомъ можно составить полную характеристику Элизабеты Барретъ, родившейся 6 марта 1806 г. въ Лондонѣ. Она была дочерью богатаго англійскаго купца, бывшаго плантатора, отца одиннадцати дѣтей. Воспитаніе она получила превосходное, и одинаково изучала философію, естественныя науки и классическіе языки. Съ дѣтства она отличалась поэтическимъ талантомъ и въ молодыхъ лѣтахъ писала стихи и статьи о греческихъ и древнихъ христіанскихъ поэтахъ. Ея первымъ крупнымъ литературнымъ трудомъ былъ переводъ въ стихахъ трагедіи Ѡсила «Прометей», а затѣмъ вышла ея поэма «Серафимъ», въ которой она пыталась выразить христіанскую мистерію въ формѣ греческой трагедіи. Отличаясь поэтическими стремленіями, миссъ Барретъ провела юность очень печально, такъ какъ долгіе годы находилась на одрѣ болѣзни. Причиной ея была неожиданная смерть любимаго брата, который утонулъ. Въ теченіи девяти лѣтъ она лежала то въ постелѣ, то на кушеткѣ, со всѣхъ сторонъ окруженная англійскими и греческими книгами и бюстами Гомера и Чосери, красовавшимися на стѣнѣ. Хотя ея отецъ, по странной эксцентричности, своимъ дѣтямъ запрещалъ жениться или выходить замужъ, но Елизабета на это не жаловалась, такъ какъ она не имѣла ни малѣйшаго стремленія къ браку и вела самую уединенную жизнь съ своей любимой собачкой «Флешъ», принимая у себя только добраго стараго пріятеля отца, мистера Кеньона. Этотъ добрый старикъ однажды привелъ къ больной дѣвушкѣ молодого поэта, Роберта Броунинга, который восторгался ея поэзіей, какъ и она его стихами. Мало-по-малу молодые люди сблизились, и Робертъ ежедневно сталъ посѣщать больную или переписываться съ нею. До тѣхъ поръ мрачная, унылая Елизабета просіяла и собралась съ силами, благодаря свѣтоточу, наконецъ блеснувшему въ ея жизни. «Берегись, — говорилъ ей ея дядя, — если ты полюбишь, то полюбишь не на половину». Дѣйствительно, она полюбила Броунинга, несмотря на всѣ мѣры, принятыя противъ этого. Она боялась этой любви и всячески боролась противъ нея. Робертъ со своей стороны страстно влюбился въ больную дѣвушку, да еще старше его, но непреодолимыя препятствія, какъ болѣзнь Элизабеты и запретъ отца вступать въ бракъ—мѣшали ихъ союзу. Несмотря на все, любовный романъ завязался въ тюрьмѣ больной, и молодая дѣвушка стала мало-по-малу ощущать блаженство счастья. Въ письмѣ къ Роберту, написанномъ 20 декабря 1842 г. она говорила: «Самая большая моя способность—любить. Я это чувствовала, я объ этомъ мечтала даже раньше чѣмъ васъ увидѣла. И хотя всякая женщина могла бы васъ полюбить, но ни одна не полюбила бы съ такою страстью, какъ я. Вы для меня — все, вы для меня счастье, блаженство. Изъ глубины бездны люди лучше видятъ блескъ звѣздъ и de profundis amavi». Отголоскомъ ея глубокой любви было лучшее ея произведеніе: «Португальскіе советы», которые она нарочно назвала португальскими, какъ будто они переведены съ португальскаго языка, въ сущности же они выражали источникъ ея любви. Наконецъ, въ 1847 г. ея здоровье какъ бы немного поправилось и она пошла въ маленькую сосѣднюю церковь и тамъ тайно обвѣнчалась съ Ро-

бертомъ. Затѣмъ они поѣхали въ Италію, гдѣ прожили до смерти великой поэтессы въ 1861 г. Большую часть времени они провели во Флоренціи, гдѣ она и похоронена подъ скромнымъ мраморнымъ мавзолеемъ, на которомъ красуются только три буквы: Е. В. В. Въ Италиіи окончательно развилась ея благородная, гуманная и возвышенная поэзія, и тамъ вышла ея романъ въ стихахъ: «*Aurora Leigh*», который считается ея лучшимъ произведеніемъ и заключаетъ въ себѣ защиту женской свободы. Кромѣ того она написала: «*The casa Guidi windows*» и «*Poems before congress*», въ которыхъ она пламенно воспѣвала свободу и единство Италиіи. Проведя четырнадцать лѣтъ въ самомъ идеалистическомъ блаженствѣ среди прелестной итальянской природы, Елизабета Барреттъ Броунингъ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ разсталась съ своимъ обожаемымъ мужемъ и любимымъ сыномъ.

— Смерть Евгенія Рихтера. 25 февраля скончался въ Лихтерфельдѣ знаменитый германскій политическій дѣятель, журналистъ и публицистъ—Евгеній Рихтеръ. Онъ родился въ Дюссельдорфѣ въ 1838 г. и былъ сыномъ военнаго доктора, но самъ предпочелъ медицину—право, и, окончивъ высшее образованіе въ Боннѣ, Берлинѣ и Гейдельбергѣ, поступилъ на государственную службу въ своемъ родномъ городѣ. Однако онъ вскорѣ навлекъ на себя неудовольствіе правительства за свои политическія рѣчи и статьи въ газетахъ и когда его выбрали бургомистромъ въ Нельвидѣ, то онъ не былъ утвержденъ, а переведенъ насильно въ Ромбергъ. Оскорбленный Рихтеръ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1864 г. посвятилъ себя политикѣ. Черезъ три года онъ былъ избранъ депутатомъ рейхстага, а съ 1871 г. членомъ германскаго рейхстага, гдѣ и засѣдалъ до своей смерти, хотя въ послѣднее время онъ не могъ уже присутствовать на засѣданіяхъ вслѣдствіе слѣпоты и тяжелой болѣзни. Кромѣ того онъ еще состоялъ депутатомъ прусскаго ландтага. Сначала онъ былъ главою прогрессивной партіи, а потомъ остался во главѣ той же партіи, когда она переименовалась въ свободомыслящую народную партію. Онъ постоянно боролся на два фронта: съ бисмарковскою политикой и съ социализмомъ. Долгое время этотъ природный политическій боецъ стоялъ во главѣ либераловъ, но съ усиленіемъ социалистовъ онъ потерялъ свою силу, и его партія значительно сократилась. Во времена Бисмарка Рихтеръ былъ его главнымъ противникомъ, и желѣзный канцлеръ называлъ его «чортомъ», или какъ нѣмцы выражаются, «духомъ отрицанія». Дѣйствительно, всю свою жизнь Рихтеръ представлялъ великій духъ отрицанія: онъ отрицалъ и правительство и социалистовъ и католиковъ. Однако, когда того требовали выгоды его партіи, онъ заключалъ коалицію съ католиками, и такимъ образомъ добивался большинства въ парламентѣ противъ Бисмарка. Послѣдователь Манчестерской школы, онъ пламенно защищалъ свободу торговли, возставалъ противъ казенной монополіи желѣзныхъ дорогъ и колониальной, правительственной политики, а также противъ государственнаго социализма. Хотя онъ не отличался особымъ даромъ краснорѣчія и говорилъ въ парламентѣ съ своего мѣста, глухимъ, невзвучнымъ голосомъ, но его рѣчи отличались рѣдкой выразительностью, и каждая его фраза вонзалась въ грудь противника, какъ отравленная стрѣла; особенно ѣдко и зло онъ говорилъ противъ бюджетовъ, и

его нападки на правительственную систему финансовъ и военные законы производили сильное впечатлѣніе. Рихтеръ дѣйствовалъ всегда принципиально и никогда не дѣлалъ уступокъ даже ради интересовъ партіи, такъ что Бебель не разъ называлъ его измѣнникомъ меньшинства. Такимъ образомъ въ послѣднее время съ уменьшеніемъ его партіи, стало слабѣть и его вліяніе, а правительственные офиціозы, для позора нѣкогда великой фигуры Рихтера, стали его похваливать. Однако всѣ депутаты, къ какой бы партіи они не принадлежали, отдають полную справедливость его уму, знанію, честности и постоянной борьбѣ за свободу парламентаризма. Поэтому въ день смерти Рихтера консервативный депутатъ Гидебрандъ произнесъ при громкихъ единодушныхъ рукоплесканіяхъ самую лестную рѣчь въ пользу человѣка, который всегда и всѣми силами защищалъ то, что онъ считалъ пользой отечества. Умеръ Рихтеръ еще не старымъ человѣкомъ, шестидесяти семи лѣтъ, отъ склероза артерій. Кромѣ политической дѣятельности онъ занимался публицистикой и напечаталъ нѣсколько замѣчательныхъ книгъ: «О государственномъ долѣ Пруссіи», «Политическая азбука», «Ошибки социальной демократіи», «Воспоминанія: старый парламентъ» и т. д.

— Поминки Грохова. 2 (25) февраля исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ со времени битвы подъ Гроховымъ. Гроховъ— въ настоящее время чуть не предмѣстье Варшавы—75 лѣтъ тому назадъ былъ подгороднею деревнею, уже и тогда памятною въ польской исторіи. Въ 1656 г. 16—18 іюля здѣсь произошло сраженіе между Яномъ-Казиміромъ, и шведскимъ королемъ Карломъ-Густавомъ, окончившееся занятіемъ Варшавы шведами. Въ 1809 г. 25 апрѣля, тутъ же генералъ Сокольникій разбилъ австрійскаго генерала Мора. Битвѣ 12—13 февраля (ст. ст.) 1831 г., предшествовало пораженіе польской кавалеріи Янковскаго и пѣхоты Малаховскаго подъ деревнею Бялолэнкою. Русскихъ было свыше 72.000. Начальствовалъ надъ ними фельдмаршалъ графъ Дибичъ. Большинство командировъ частей были нѣмцы (Мейендорфъ, Розенъ, Гейсмаръ, Сонъ и др.). Поляками предводительствовали: Михаилъ Радзивиллъ, Круковецкій, Кицкій, Чужевскій; верховнымъ вождемъ состоялъ Хлопицкій. Убитыхъ и раненыхъ осталось на полѣ сраженія въ общей сложности до 20.000 человѣкъ. О результатѣ битвы, покойный А. К. Пузыревскій даетъ такой отзывъ: оба войска покрыли себя въ этой важной битвѣ неувадаемою славою, благодаря своему мужеству и храбрости. Мы побѣдили, но только тактикою, а не стратегіею. Наша побѣда не была полною, польское войско осталось на своихъ позиціяхъ. Положеніе воюющихъ сторонъ послѣ Гроховской битвы измѣнилось даже не въ нашу пользу. Фельдмаршалъ полагалъ, что, побѣдивъ польскую армію, покорить Варшаву и поляковъ, которые на другой день приплюютъ депутацію съ выраженіемъ покорности. Но онъ жестоко ошибся. Настало утро, и поляки приготовились къ дальнѣйшей яростной защитѣ. О сдачѣ не было даже рѣчи. Польская варшавская пресса, пользуясь относительною свободою печати, почтила день Грохова многочисленными обширными статьями. «Tygodnik Ilustrowany» и другія періодическія изданія помѣстили рисунки и иллюстраціи, относящіяся къ гроховскому бою. «Kurier Warszawski»— одна изъ наиболѣе старыхъ газетъ—издалъ стихотворенія поэтовъ, современ-

никовъ «Грохова»: Стефана Гарчинскаго (1805 † 1833), Константина Гашинскаго († 1866) и др., произведенія которыхъ не могли до сихъ поръ появиться у насъ по цензурнымъ соображеніямъ. Въ той же газетѣ появилась весьма интересная статья г. Владислава Коротынскаго—«Въ годовщину Грохова». Мысли, высказанныя въ ней авторомъ, заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія. Сославшись на приведенныя выше слова Пузыревскаго, г. Коротынский говоритъ: «итакъ, мы имѣемъ право гордиться битвою подъ Гроховомъ и съ почтеніемъ вспоминать павшихъ тамъ защитниковъ отечества, не считая ненависти къ тѣмъ, отъ чьей руки они пали. Не народъ русскій боролся съ поляками въ олешиникѣ Грохова, на болотахъ Остроленки и пескахъ Воли, но правительственный абсолютизмъ, осужденный тѣмъ «друзьями москалями», которыхъ «братскую руку» пожималъ Мицкевичъ,—абсолютизмъ, нынѣ осужденный и отвергнутый самимъ русскимъ правительствомъ. Польскій народъ не велъ борьбы съ русскимъ народомъ. Студенчество въ первые же дни возстанія двинулось толпою въ греческую церковь на Подвале, желая выразить свое сочувствіе русскому народу. Юный Юлій Словацкій въ распространенномъ въсѣхъ газетами гимнѣ «Богородица» взывалъ: «и тамъ есть люди, и тамъ существуютъ души». Русскіе плѣнные были окружены предупредительнымъ вниманіемъ, офицеры-плѣнники даже бывали на сеймовыхъ собраніяхъ. А подъ Гроховомъ надъ польскими полками развѣвалась знамена съ надписью «*За naszą wolność i waszą*» (за нашу и вашу свободу!). Въ манифестѣ польскаго народа, санкціонированномъ сеймомъ, 20 декабря 1830 г., сказано: «не руководила никакая національная ненависть противъ русскихъ, великой, какъ и мы, отрасли славянскаго племени. Мы услаждали первый моментъ исторгнутой нами вновь независимости тою мыслію, что соединеніе подъ однимъ скипетромъ доставитъ сорокамилліонному народу участіе въ свободахъ конституціонныхъ, кои стали во всемъ цивилизованномъ мірѣ потребностью какъ правящихъ, такъ и управляемыхъ... Если Провидѣніе предназначило землѣ этой быть въ вѣчномъ рабствѣ, если въ этомъ послѣднемъ бою польская свобода падетъ на развалинахъ городовъ и трупахъ своихъ защитниковъ,—истинный полякъ погибнетъ съ утѣхою въ сердцѣ, что если небеса не дали ему спасти собственной свободы и отчизны, то онъ борьбою не на животь, а на смерть заслонилъ, хотя бы на минуту, находящіяся въ опасности свободы европейскіхъ народовъ». И—на самомъ дѣлѣ—возстаніе черезъ полгода послѣ Гроховской битвы было подавлено, но русскіе полки не пошли поднимать опрокинутые троны Франціи и Вельгій... В. Коротынский кончаетъ свою статью напоминаніемъ завѣта Мицкевича: «подопоклонники справляютъ свои праздники—веселые или печальные—всегда одинаково: ѣдою и выпивкою, столъ—ихъ алтарь, а брюхо—Богъ. Вы же празднуйте ваши народныя праздники—праздникъ возстанія, и праздникъ Грохова, и праздникъ Вавра, по обычаю вашихъ предковъ: утромъ идя въ костелъ и цѣлый день постясь. Такого празднованія никакое правительство не запретитъ, и для такого празднованія нѣтъ надобности ни нанимать большіе дома, ни собираться толпами на рынкахъ».

С М Ъ С Ъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ историческое общество. 9 марта, въ 9 час. вечера, состоялось въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго величества государя императора, при участіи его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича, годичное общее собраніе императорскаго Русскаго историческаго общества. По открытіи засѣданія предсѣдатель А. А. Половцовъ представилъ отчетъ о дѣятельности общества. Общество продолжаетъ печатаніе томовъ: 1) переписка императора Николая I съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ съ 1825 по 1831 г., подъ редакцію Д. Θ. Кобеко; 2) бумаги Екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта новаго улаженія (часть XI), подъ редакціей В. И. Сергѣевича; 3) бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны за 1738 г. (часть VIII), подъ редакціей А. Н. Филипова; 4) политическая переписка императрицы Екатерины II (часть VIII), подъ редакціей барона Θ. Р. Остенъ-Сакена; 5) донесенія князя Лобковича князю Кауницу съ 1772 г. Если за истекшіе два года печатаніе «Сборника» происходило не съ такой быстротою, какъ бы то было желательно, то къ настоящему собранію были представлены четыре тома «Русскаго Биографическаго Словаря», на буквы Д, О, П и Ч—Ш, по порядку изданія 8-й, 9-й, 10-й и 11-й. Представивъ отчетъ о трудахъ общества, докладчикъ перешелъ къ понесеннымъ утратамъ. 12 іюня 1904 г., общество лишилось одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ тружениковъ, Николая Федоровича Дубровина. 26 ноября 1904 г., умеръ дѣйствительный членъ общества Александръ Николаевичъ Пыпинъ, и 5 февраля 1905 г. скончался великій князь Сергій Александровичъ, избранный въ члены общества 10 марта 1904 г.

Послѣ сего были прочитаны и послужили предметомъ бесѣды доклады: С. О. Платонова: «Изъ первыхъ лѣтъ царствованія царя Михаила Федоровича» (наблюденія надъ составомъ московскаго правительственнаго круга за 1613—1619 г.г.); А. З. Мышлаевскаго: «Военное дѣло въ Московскомъ государствѣ предъ реформами Петра Великаго», и графа В. Н. Ламздорфа: «Критика реформъ Петра Великаго при его ближайшихъ преемникахъ» (прочель А. Н. Куломзинъ). Кромѣ того, собранію были прочтены два не обнаруженные историческіе документа: письмо императора Александра Николаевича, написанное государемъ въ первые дни по водареніи и живо рисующее тогдашнія отношенія наши къ Австріи, и письмо королевы Гортензіи къ императору Александру I, писанное въ сентябрѣ 1814 г., подтверждающее то впечатлѣніе, какое императоръ произвелъ на парижское населеніе, не исключая и тѣхъ лицъ, которыя пострадали отъ сверженія Наполеона. Въ заключеніе были избраны на новое трехлѣтіе въ предсѣдатели А. А. Половцовъ, въ члены совѣта Д. О. Кобеко, О. О. Мартенсъ и избраны: въ вице-предсѣдатели А. Н. Куломзинъ, въ члены ревизіонной комиссіи С. А. Панчулидзевъ, въ дѣйствительные члены: заслуженный профессоръ В. С. Иконниковъ и профессоръ Г. В. Форстенъ и въ члены корреспонденты Альбертъ Сорель.

Приостановленныя изданія. До 10 марта, опредѣленіями с.-петербургской и московской судебныхъ палатъ, по сообщеніямъ «Русск. Госуд.», приостановлены до судебного приговора слѣдующіе повременные органы печати: въ гор. С.-Петербургѣ — газеты на русскомъ языкѣ: «Свободное слово», «Русская Газета», «Сынъ Отечества», «Новая Жизнь», «Свободный Народъ», «Начало», «Сѣверный Голосъ», «Набатъ», «Наши дни», «Рабочій Голосъ», «Буревѣстникъ», «Народная Свобода», «Нашъ Голосъ», «Обновленная Россія», «Молодая Россія», «Еврейскій Рабочій» и «Радикаль». На еврейскомъ языкѣ: «Деръ Фрайндъ». На эстонскомъ языкѣ: «Edasi» («Впередъ»). На латышскомъ: «Peterburgas Awises» и «Galwas Filsehtas Awises». На финскомъ: «Uusi Unkeri». Журналы: «Дятель», «Свобода», «Сигналъ», «Зритель», «Паяцъ», «Книжка за книжкой», «Знамя», «Русское Богатство», «Страна Мечты», «Голосъ Средне-Учебныхъ Заведеній». Въ Москвѣ — газеты: «Борьба», «Впередъ» и «Вечерняя Почта». Кромѣ того, наложенъ арестъ на отдѣльные номера выходящихъ въ гор. С.-Петербургѣ журналовъ: «Забіяка», «Журналъ» («Зритель»), «Зеркало», «Девятый Валь», «Ядъ», «Рабочая Недѣля» — на первые номера, «Жупель» — на первый, второй и третій номера, «Буреломъ» — на второй номеръ, «Митингъ» — на четвертый, «Стрѣлы» — на девятый и «Крестьянинъ и Рабочій» — на декабрскій номеръ. Журналы: «Молодость», «Буря», «Паяцы» и «Гвоздь»; газета «Рабочая Жизнь»; журналы: «Рабочій Народъ», «Голосъ Фармацевта» и «Фискаль». Наложень арестъ на листокъ подъ названіемъ «Воззваніе къ русскому народу», приостановленъ журналъ «Современныя Записки». По опредѣленію с.-петербургской судебной палаты — приостановлены слѣдующія повременныя изданія на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ въ г. Рягъ: 1) «Peterburgas Latwets», 2) «Apskats», 3) «Fauna Deenas Lapa», 4) «Darbs», 5) «Kahwi»; въ г. Ревель: 1) «Uus Aeg», 2) «Teataja» и 3) «Eesti Postimees». По опредѣленію ярославскаго окружнаго суда приостановлена вы-

ходящая въ гор. Ярославль газета «Сѣверная Область». Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и московскимъ центральнымъ комитетомъ возбуждены уголовныя преслѣдованія: въ С. Петербургѣ—противъ редактора «Полярная звѣзда» П. Б. Струве; издателя-редактора журнала «Гвоздь» — И. М. Муравкина; издателя-редактора газеты «Рабочая Жизнь» — В. Ф. Андреева, издателя-редактора журнала «Водоворотъ» — С. Н. Мендельсона; редакторовъ газетъ: «Страна» — М. М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова, «Вечерній Голосъ» — М. И. Кофтуновскаго, и журналовъ: «Заноза» — Р. Л. Антропова, «Наканунъ» — В. К. Агафонова, «Безъ Заглавія» — С. Н. Прокоповича, «Истина» — А. Ф. Семенова, «Альманахъ» — С. В. Чухонина, «Рабочій Народъ» гг. Кирьякова и Сафонова, издателя-редактора газеты «Право» прив.-доцента В. М. Гессена, журнала «Голосъ Фармацевта» — Л. М. Клячко, «Голосъ Средне-Учебныхъ Заведеній» — А. С. Волгиной, издателя-редактора «Фискаль» — Г. В. Нарусбека, «Наша Мысль» — А. Г. Циммермана, издателя-редактора газеты «Современная Жизнь» — П. П. Сойкина, редактора «Русской Газеты» — И. Исакова, редактора журнала «Буреваль» В. Е. Турока «Прометей». Въ Москвѣ: противъ редактора газеты «Вѣкъ». Московскимъ цензурнымъ комитетомъ — возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ редакторовъ газетъ: «Жизнь и Свобода», «Другъ Народа», «Русское Дѣло»; журналовъ: «Булочникъ», «Русская Мысль», «Новое Слово», «Будущее», «Новости Дня», журналовъ: «Ветеринарное Обозрѣніе», «Голосъ Жизни», «Свѣтасть», «Дикарь», «Земля и Свобода». Изъ провинціальныхъ изданій, — съ 1 января по 4 февраля с. г., по свѣдѣніямъ главнаго управленія по дѣламъ печати, подверглись уголовнымъ преслѣдованіямъ слѣдующія: «Саратовскій Листокъ», «Саратовскій Дневникъ», «Волжско-Уральскій Листокъ», «Сибирская Народная Газета», «Жизнь Крыма», «Тавричанинъ», «Крымъ», «Двѣпровскій Вѣстникъ», «Смоленскій Вѣстникъ», «Смоленскій Голосъ», «Народный Голосъ», «Русскій Туркестанъ», «Волна», «Южный Край», «Царицынская Жизнь», «Витебская Жизнь», «Южный Курьеръ», «Сѣверный Край», «Сѣверная Область», «Сѣверная Газета», «Nedeldienio Skaitymas», «Витебская Жизнь», «Новая Заря», «Сѣверо-Западный Голосъ», «Der Wecker», «Вечернее Эхо» «Волжскій Листокъ», «Южный Курьеръ», «Бессарабская Жизнь», «Громадська Думка», «Курскія Записки», «Курское Эхо», «Neue Lodzer Zeitung», «Нижегородскій Листокъ», «Одесскій Листокъ», «Оренбургскій Край», «Оренбургскій Листокъ», «Полтавщина», «Звѣньковецъ», «Рідний Край», «Полтавское Дѣло», «Полтавскій Работникъ», «Самаркандъ», «Самарская Газета» и «Самарскій Курьеръ», «Костромской Голосъ»; «Запорожье», «Добра Порада», «Смоленскій Вѣстникъ», «Rozwoj», «Южный Вѣстникъ», «Харьковская Жизнь», «Южный Край». Итого приостановлено: въ Петербургѣ 24 газеты и 18 журналовъ; въ Москвѣ 3 газеты и въ провинціи 9 газетъ. Наложень арестъ на отдѣльные номера журналовъ въ Петербургѣ на 13 номеровъ.

Возбуждены уголовныя преслѣдованія: въ Петербургѣ противъ 6 газетъ и 12 журналовъ, въ Москвѣ противъ 5 газетъ и 9 журналовъ, и въ провинціи противъ 56 газетъ, а всего приостановлено 36 газетъ и 18 журналовъ и возбуждено 86 уголовныхъ преслѣдованій.

Защита диссертациі. Профессоръ Томскаго университета С. Е. Сабининъ 24 февраля успѣшно защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацию: «О договорѣ займа по римскому праву», представленную имъ на соисканіе степени магистра русскаго права. Трудъ профессора С. Е. Сабинина былъ признанъ юридическимъ факультетомъ Московскаго университета солиднымъ вкладомъ въ науку римскаго права. При громкихъ аплодисментахъ присутствующей публики диспутантъ былъ объявленъ достойнымъ искомой имъ степени.

Составъ комитета литературнаго фонда въ нынѣшнемъ году слѣдующій: предсѣдатель—П. И. Вейнбергъ (Фонтанка, 25; личные приемы въѣтъ); товарищъ предсѣдателя—Ф. Д. Батюшковъ (Надеждинская, 1; приемъ по воскресеньямъ и четвергамъ отъ 11 до 1 ч.); секретарь—Д. Н. Овсянко-Куликовскій (Николаевская, 75; приемъ по субботамъ отъ 2—4 ч.); казначей—С. А. Венгеровъ (Разъѣзжая, 39; приемъ по четвергамъ отъ 11—1 ч.). Остальные члены комитета: Н. А. Котляревскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. А. Меншуткинъ, П. Н. Милоковъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, С. Е. Савичъ и П. О. Якубовичъ.

Томскій отдѣлъ православнаго миссіонерскаго общества. 6 марта состоялось годичное собраніе Томскаго православнаго миссіонерскаго общества. Послѣ свѣтой хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ молитвы и нѣсколькихъ вступительныхъ словъ преосвященнаго томскаго Макарія, епископомъ бійскимъ Иннокентіемъ былъ прочтенъ отчетъ комитета православнаго миссіонерскаго общества за 1905 г. Томскій комитетъ существуетъ уже 35 лѣтъ. Задачей его дѣятельности было, какъ и въ прежніе годы, содѣйствіе православному миссіонерскому обществу въ его стремленіи къ просвѣщенію язычниковъ свѣтомъ христіанства и утвержденію новокрещенныхъ въ правилахъ святой вѣры. Главное вниманіе комитета обращала алтайская миссія. Изъ многочисленныхъ ея нуждъ была выдвинута на первый планъ необходимость прочней постановки пріютовъ для сиротъ крещеныхъ инородцевъ—Чемальскаго и Чулышманскаго. До сего времени былъ лишь 1 пріютъ въ селѣ Улалѣ. Значеніе такихъ пріютовъ очень велико. Они являются питомниками и разсадниками религіозно-нравственной жизни среди инородцевъ и вѣрнымъ средствомъ ихъ христіанскаго просвѣщенія. Привлекать вниманіе комитета также упадокъ миссіонерскаго значенія Чулышманскаго монастыря и изысканы средства для его поднятія. Не оставался комитетъ равнодушнымъ и къ различнымъ нуждамъ новоокрещенныхъ: такъ, напримѣръ, черезъ его посредство была назначена комиссія для передѣлки земли, раздѣленіе которой было неправильно произведено землеустроительной партіей. Всѣхъ сборовъ въ отчетномъ году поступило 4331 р. 48 к., болѣе предыдущаго на 164 р. 44 к.

Общее собраніе членовъ общества взаимной помощи бывшихъ воспитанниковъ Орловскаго-Бахтина кадетскаго корпуса постановило собрать подробныя свѣдѣнія о семьяхъ убитыхъ и раненыхъ во время японской войны товарищей для оказанія имъ, въ мѣрѣ имѣющихся средствъ, денежной помощи или иной поддержки. Комитетъ общества разсчитываетъ на дружное содѣйствіе всѣхъ членовъ общества въ исполненіи этого святого долга и усердно проситъ бывшихъ орловцевъ и всѣхъ неучастныхъ къ обществу лицъ, коимъ извѣстны мѣстопробываніе, составъ и настоятельныя нужды семей раненыхъ

или убитыхъ въ японской войнѣ бывшихъ орловскихъ кадетъ, безотлагательно сообщить всѣ данныя о нихъ секретарю комитета (С.-Петербургъ, Гулярная, 4, кв. 3), съ указаніемъ той формы помощи этимъ семьямъ, какая для нихъ наиболѣе нужна (ссуды, пособія, содѣйствіе въ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія, въ исходатайствованіи пенсій и пособій изъ казны, въ присканіи службы и т. п.). Комитетъ проситъ указывать при этомъ, въ которомъ году убитый и раненый окончилъ курсъ въ корпусѣ, изъ какого училища выпущенъ въ офицеры и въ какой части служилъ во время войны.

Правленіе общественной библіотеки имени Бѣлинскаго въ городѣ Чембарѣ, Пензенской губерніи, желая увѣковѣчить память знаменитаго своего земляка—Виссаріона Григорьевича, который дѣтскіе и первые учебные годы провелъ въ Чембарѣ, пришло къ мысли, что наиболѣе достойнымъ памятникомъ для великаго творца русской художественной критики и славнаго проповѣдника народническихъ идеаловъ будетъ устройство въ городѣ Чембарѣ народнаго дома памяти Бѣлинскаго. Въ народномъ домѣ «Бѣлинскаго» должны быть сосредоточены слѣдующія образовательныя учрежденія: 1) общественная библіотека имени писателя, существующая и въ настоящее время, но не имѣющая собственнаго помѣщенія и вынужденная кочевать по квартирамъ, 2) народная аудиторія для народныхъ чтеній спектаклей, лекцій, образовательныхъ курсовъ и т. п., 3) небольшая первоначальная школа. Для осуществленія указанной мысли правленіе библіотеки имени В. Г. Бѣлинскаго въ Чембарѣ рѣшило обратиться чрезъ посредство печати къ русскому обществу съ приглашеніемъ откликнуться своими пожертвованіями и тѣмъ посодѣйствовать осуществленію вышеизложеннаго предположенія. Правленіе чембарской общественной библіотеки имени Бѣлинскаго, принимая пожертвованія, сочтетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ публиковать какъ имена жертвователей и сумму пожертвованій, такъ и дальнѣйшія практическія мѣропріятія по устройству въ Чембарѣ народнаго дома памяти Бѣлинскаго. Правленіе проситъ направлять пожертвованія по адресу: Городъ Чембаръ Пензенской губерніи, предсѣдателю правленія общественной библіотеки имени В. Г. Бѣлинскаго, Николаю Семеновичу Серебрякову.

НЕКРОЛОГИ.

ВИТАЛІЙ, епископъ. † 14 марта въ Петербургѣ скончался отъ паралича старообрядческій епископъ Виталій. Онъ родился въ 1846 г. въ деревнѣ Богатково, Александровскаго уѣзда, Тульской губерніи, служилъ долгое время причетникомъ при старообрядческомъ храмѣ въ городѣ Тулѣ. 10 апрѣля 1888 г. московскимъ архіепископомъ Савватіемъ рукоположенъ въ священника въ городѣ Егорьевскъ; 5 апрѣля 1904 г. московскимъ архіепископомъ Іоанномъ постриженъ въ иночество и 9 числа того же мѣсяца, согласно соборнаго постановленія, архіепископомъ Іоанномъ въ сослуженіи съ епископомъ Иннокентіемъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа, съ назначеніемъ на кафедру петроградскую. Покойный пользовался особенной любовью своей паствы, отличался начитанностью, знаніемъ церковнаго устава и строгимъ исполненіемъ церковной службы.

† **Гуревичъ, Я. Г.** 3 марта въ Петербургѣ скончался скоропостижно Яковъ Григорьевичъ Гуревичъ. Покойный пользовался извѣстностью и популярностью въ педагогическомъ мірѣ. Онъ былъ педагогомъ въ истинномъ значеніи этого слова, посвятивъ съ двадцатипятилѣтняго возраста свои силы воспитанію и образованію дѣтей и юношей. Онъ всецѣло отдался учительству и въ дѣлѣ просвѣщенія былъ горячимъ и энергичнымъ поборникомъ такого образованія, которое считалось бы съ индивидуальными особенностями учащихся. Онъ не мало поработалъ также надъ вопросомъ подготовленія преподавателей къ дѣлу воспитанія и обученія. Дѣятельность покойнаго расширилась, когда онъ въ 1883 г. сталъ во главѣ собственной гимназіи, прибрѣтенной пмѣ послѣ Бычкова. Онъ соединилъ подъ одной кровлей гимназію и реальное училище,

заботился о подборѣ педагогическаго состава изъ лучшихъ преподавательскихъ силъ и сумѣлъ поставить свои учебныя заведенія такъ, что изъ нихъ выходили юноши съ основательнымъ образованіемъ безъ подавленія своихъ духовныхъ особенностей. Въ средѣ директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній Я. Г. былъ сторонникомъ неотложной необходимости кореннаго преобразованія школы. Его горячія и убѣдительныя рѣчи по этому вопросу въ разнообразныхъ министерскихъ и попечительскихъ комиссіяхъ, куда онъ приглашался въ качествѣ свѣдущаго и опытнаго педагога, имѣли значительное вліяніе на выработку новыхъ учебныхъ плановъ и программъ. Кромѣ того, Я. Г. имѣлъ крупное значеніе въ педагогическомъ мірѣ, какъ редакторъ-издатель «Русской Школы» — изданія, чуждаго административной опеки и посвященнаго вопросамъ высшей и средней школы. Онъ издавалъ журналъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ и лично принималъ въ немъ живѣйшее участіе. Я. Г. родился въ Одессѣ 1 января 1843 г. Учился въ мѣстной гимназій, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ на юридическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ; перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, въ которомъ кончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ. Получивъ университетскій дипломъ, покойный избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще и началъ учительство въ новгородской гимназій. Онъ преподавалъ исторію и географію. Вскорѣ для усовершенствованія своихъ знаній онъ отправился за границу и слушалъ въ Берлинскомъ и Боннскомъ университетахъ лекціи профессоровъ Дройзена, Момзена, Зибеля и Кампфшulte по исторіи и Гельда по политической экономіи и государственному праву, занимаясь одновременно въ семинаріи Дройзена. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ только что открывшійся петербургскій учительскій институтъ. Въ учительскомъ институтѣ онъ занимался десять лѣтъ, преподавалъ исторію и методику исторіи. Одновременно онъ состоялъ преподавателемъ исторіи въ третьей гимназій и читалъ лекціи по всеобщей и русской исторіи въ Константиновскомъ и Михайловскомъ артиллерійскихъ училищахъ. Послѣ смерти профессора Бауэра, съ начала 1883 г., въ теченіе трехъ лѣтъ онъ читалъ лекціи по новой исторіи на высшихъ женскихъ курсахъ. Въ 1883 г. покойный былъ назначенъ директоромъ перешедшей къ нему отъ Бычкова гимназій. Въ 1885 г. былъ избранъ приватъ-доцентомъ Петербургскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи и въ теченіе трехъ лѣтъ читалъ на старшихъ курсахъ лекціи по новой и новѣйшей исторіи. Гуревичъ считался однимъ изъ выдающихся преподавателей исторіи. Онъ умѣлъ пріохотить своихъ учениковъ къ изученію своего предмета и развить въ нихъ любовь къ чтенію историческихъ сочиненій. Въ 1870-хъ годахъ Я. Г. напечаталъ цѣлый рядъ статей въ различныхъ педагогическихъ журналахъ по методикѣ исторіи, составилъ историческія конспектированныя таблицы по новѣйшей исторіи, издалъ одинъ изъ лучшихъ учебниковъ: «Исторія Греціи и Рима», удостоенный преміи императора Петра Великаго два тома: «Исторической хрестоматіи по новой исторіи» и три тома «Хрестоматіи по русской исторіи». Нѣкоторые томы хрестоматіи были составлены имъ совмѣстно съ Б. А. Павловичемъ, затѣмъ уже переработаны и дополнены единоличнымъ трудомъ. Его учебникъ и хрестоматіи составили

цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу и выдержали до пяти изданій. Затѣмъ подъ его редакціей переведены: «Общій очеркъ исторіи Европы» Фримана и «Герои Рима» Штоля. Досуги отъ своей педагогической работы покойный посвящалъ дѣлу сближенія педагоговъ между собою и дѣятельности литературнаго фонда, онъ былъ однимъ изъ организаторовъ педагогическаго клуба, предсѣдательствовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ педагогическомъ обществѣ, былъ казначеемъ и членомъ комитета литературнаго фонда и въ послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя кассы взаимопомощи бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета. Я. Г. отличался необычайно доброжелательнымъ характеромъ и замѣчательною привѣтливостью и отзывчивостью. Его волновало каждое общественное событіе и находило живой откликъ въ его кипучей натурѣ. Умеръ онъ внезапно, почувствовавъ себя на извозчикѣ дурно и заѣхавъ въ одинъ изъ магазиновъ выпить воды. Добрая память о немъ будетъ долго жить среди его многочисленныхъ учениковъ и всѣхъ знавшихъ его.

† Копкаровъ, М. П. Послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни скончался 18 февраля членъ совѣта министра финансовъ Михаилъ Павловичъ Копкаровъ на 50 году жизни. По окончаніи въ 1878 г. курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, покойный со степенью кандидата математическихъ наукъ поступилъ на службу въ государственную канцелярію. Въ дальнѣйшемъ прохожденіи службы былъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, членомъ ученаго комитета министерства финансовъ и наконецъ въ 1901 г. сдѣлался членомъ совѣта министра финансовъ. Эти сухія офиціальныя данныя ровно ничего не прибавляютъ для выясненія значенія человѣка, не какъ чиновника, а какъ извѣстнаго полезнаго дѣятеля, не даютъ никакого представленія о томъ, что имъ сдѣлано хорошаго, дающаго право сказать о немъ, что недаромъ прошла его жизнь, что онъ не зарылъ своего таланта въ землю. Вотъ о томъ полезномъ, что сдѣлано покойнымъ М. П., и слѣдуетъ сказать и напомнить. А сдѣлано имъ немало: избравъ своей спеціальностью исторію и статистику русскихъ финансовъ новѣйшаго времени, онъ оказался крупнымъ и солиднымъ работникомъ въ этой области, внесшимъ, какъ принято выражаться, цѣнные вклады въ нашу финансовую литературу. И вкладовъ этихъ М. П. внесъ немалое число: помимо сотрудничества въ «Вѣстникѣ Финансовъ» и «Русскомъ Экономическомъ Обзорѣніи», онъ далъ пять большихъ работъ. Первою изъ нихъ былъ «Обзоръ бюджетнаго законодательства Россіи за 1862—1890 гг.», вышедшій въ 1891 г. Книга эта содержитъ въ себѣ, въ обработанномъ видѣ, сводъ матеріаловъ для исторіи преобразованія нашего бюджетнаго дѣла и контроля со всѣми позднѣйшими до 1891 г. дополненіями и перемѣнами. Это необходимая справочная книга для интересующихся нашимъ бюджетнымъ и контрольнымъ дѣломъ. Въ 1894 г. появилась другая работа того же характера: «Историческій обзоръ законодательныхъ работъ по общему устройству земскихъ повинностей» — книга, безусловно полезная для имѣющихъ касательство къ земскимъ вопросамъ и ими интересующихся. Въ слѣдующемъ 1895 г. Копкаровъ является уже съ новымъ трудомъ; это были: «Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства за послѣднее

десятилітїе (1885—1894). Статистическое изслѣдованіе». Тутъ сведены всѣ важнѣйшія бюджетныя и контрольныя данныя о состояніи нашего финансоваго хозяйства за означенный періодъ времени, приблизительно на рубежѣ перехода завѣдыванія финансами изъ рукъ осторожнаго Н. Х. Бунге въ руки смѣлаго и рѣшительнаго И. А. Вышнеградскаго. Для интересующихся этой эпохой исторіи нашихъ финансовъ книга эта цѣнный источникъ свѣдѣній, дающій изложеніе офіціальныя матеріаловъ въ сжатомъ и удобочитаемомъ видѣ. Въ 1898 г. появилась новая работа неутомимаго изслѣдователя: «Денежное обращеніе въ Россіи» (2 тома). Тутъ изложенъ въ стройномъ обзорѣ законодательный и статистическій матеріалъ по вопросу о денежномъ нашемъ обращеніи и денежной реформѣ 1897 г. Это самая интересная работа Кошкарова. Эпоха финансоваго управленія С. Ю. Витте не могла не обратить на себя вниманія нашего усерднаго изслѣдователя, и вотъ въ 1903 г. появились «Финансовыя итоги послѣдняго десятилітїя» (2 тома). Тутъ рукою опытнаго изслѣдователя искусно сгруппированы всѣ данныя, какія можно было извлечь изъ офіціальныя матеріаловъ для оцѣнки блистательной въ своемъ родѣ финансовою политики С. Ю. Витте. Во всѣхъ своихъ работахъ Кошкаровъ является не только усерднымъ собирателемъ и искуснымъ обработчикомъ матеріаловъ, но и специалистомъ, близко знакомымъ съ разнообразными сторонами техники финансоваго хозяйства. Не навязывая читателю своихъ взглядовъ и умозаключеній, онъ говоритъ совершенно объективно, фактами и цифрами, выводы изъ которыхъ сами собой напрашиваются читателю. Къ сожалѣнію, далеко не всегда выводы эти слагаются въ пользу бывшихъ руководителей финансовъ нашихъ въ разсмотрѣнное авторомъ время.

† Крыловъ, В. А. Въ Москвѣ скончался 28 февраля писатель-драматургъ, Викторъ Александровичъ Крыловъ. Покойный былъ хорошо извѣстенъ своими многочисленными пьесами. Большинство ихъ были поставлены на сценахъ Александринскаго и московскаго Малаго театровъ, отличались рѣдкой сценичностью и свидѣтельствовали о замѣчательномъ знаніи автора условій сцены. Рѣдкій театральныи сезонъ въ 70, 80 и 90 годахъ обходился безъ новыхъ, иногда нѣсколькихъ пьесъ покойнаго, подписанныхъ обычно псевдонимомъ «Викторъ Александровъ». Крыловъ не только хорошо изучилъ сцену, но близко зналъ особенности таланта наиболѣе выдающихся артистовъ. Это званіе позволяло ему писать такія пьесы, въ которыхъ дарованіе современныхъ артистическихъ силъ могло проявиться выпуклѣе, рельефнѣе. Его пьесы очень часто выбирался для бенефисныхъ спектаклей и создавали крупный успѣхъ, какъ бенефициантамъ, такъ и ихъ автору. Можно безошибочно утверждать, что В. А. былъ однимъ изъ самыхъ плодovitыхъ драматурговъ. Онъ разрабатывалъ въ пьесахъ разнообразныя вопросы общественной жизни, считаясь въ большинствѣ случаевъ съ условіями времени и настроеніемъ общества. В. А. родился въ Москвѣ 29 января 1838 г. въ семьѣ стряпчаго изъ духовнаго званія. Его мать была нѣмка, и съ этой стороны онъ приходился въ дальнемъ родствѣ съ извѣстнымъ Брокгаузомъ, основателемъ издательской фирмы «Энциклопедическаго Лексикона». Учился сначала въ одной изъ московскихъ гимназій, затѣмъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и академіи. По

окончани курса былъ недолго преподавателемъ начертательной геометріи въ нѣсколькихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ посвятилъ свои силы литературѣ, выйдя въ отставку капитаномъ. На литературномъ поприщѣ Крыловъ выступилъ въ 1862 г., въ годы подъема общественнаго движенія и обличительной гласности. На страницахъ тогдашнихъ журналовъ стали появляться его произведенія въ видѣ пьесъ и разсказовъ съ характеристикой отрицательныхъ элементовъ общественной жизни и обличеніемъ отдѣльныхъ крупныхъ провинціальныхъ дѣятелей. Иногда мѣткость его пера заставляла обличенныхъ преслѣдовать его судомъ, но судебная волокита всегда кончалась оправдательнымъ приговоромъ. Таковъ его романъ «Столбы» съ характеристикой помѣщиковъ-эксплоататоровъ крестьянской темноты, бывший предметомъ громкаго процесса въ 1869 г. На театральномъ сценѣ произведенія покойнаго появились впервые въ 1865 г. Въ этомъ году была представлена его драма изъ крѣпостного быта «Противъ течения», доставившая автору крупный успѣхъ. Затѣмъ его пьесы завоевали себѣ почетное и видное мѣсто въ современномъ репертуарѣ. Въ разное время имъ написано болѣе тридцати оригинальныхъ пьесъ и болѣе семидесяти переводнымъ или съ заимствованнымъ содержаніемъ. Изъ его первыхъ оригинальныхъ пьесъ извѣстны «Земцы», «Не ко двору», драма изъ жизни учительницы, «Къ мировому». Затѣмъ появились «По духовному завѣщанію», «Горе-злосчастіе», «Въ духъ времени», «Семья», «Городъ упраздняется», «Отрава жизни», «Змѣй-Горынычъ» и друг. Жанръ какъ оригинальныхъ, такъ и передѣланныхъ пьесъ Крылова разнообразенъ. Чаще же всего онъ писалъ комедіи веселаго характера. Большимъ успѣхомъ пользовались его «Лавомый кушачекъ», «Шалость», «Валовень», «Сорванецъ», «Кому живется весело», «Лѣтнія грезны». Въ послѣдніе годы имъ написана пьеса специально для народнаго театра «Петръ Великій». В. А. являлся неоднократно дѣятельнымъ сотрудникомъ въ творествѣ другихъ авторовъ пьесъ. Вмѣстѣ съ П. Н. Полевымъ онъ писалъ историческія пьесы «Царевна Софія» и «Дѣвичій переполохъ», вмѣстѣ съ Величко комедію «Первая муха», съ Мёрдеръ «Генеральша Матрена», съ Эфрономъ «Контрабандисты» (поставлена на сценѣ театра литературно-художественнаго общества). Пьесы покойнаго собраны и изданы въ семи томахъ. В. А. Крыловъ помимо пьесъ написалъ цѣлый рядъ статей о театрѣ. Изъ нихъ «Драма страстей Господнихъ въ Оберъ-Аммергау» была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1881 г., «Очерки театральнаго дѣла въ Европѣ» въ «Русской Мысли» въ 1893 г., нѣсколько статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ», между прочимъ, «Сестры Самойловы» (изъ театральныхъ впечатлѣній), «Воспоминанія о композиторѣ Кюи», «Эпизодъ на литературномъ конгрессѣ въ Вѣнѣ», «Святыни города Лурда» и друг. Нѣкоторое время, съ переходомъ «Сиб. Вѣд.» къ В. Ѳ. Коршу въ 1863 г., В. А. былъ постояннымъ сотрудникомъ театральнаго отдѣла, но оставилъ критику, когда пьесы его стали появляться на сценѣ. Онъ владѣлъ стихомъ и писалъ стихотворенія. Извѣстенъ его стихотворный переводъ «Натана Мудраго» Лессинга съ подробными комментаріями и библиографическими указаніями. Словомъ, покойный работалъ на литературномъ поприщѣ, какъ говорится, не покладая рукъ. Въ 1893 г., когда поднятъ былъ вопросъ о необходимости улучшеній императорскихъ драматическихъ

театровъ, В. А. былъ приглашенъ завѣдывать репертуарной частью Александринскаго театра. Онъ былъ начальникомъ репертуара около трехъ лѣтъ и за это время много потрудился надъ постановкой классическихъ пьесъ европейскихъ и русскихъ авторовъ. Покойный до послѣднихъ лѣтъ своей жизни сохранилъ свою удивительную работоспособность и энергію. Въ концѣ жизни онъ ослѣпъ на одинъ глазъ, и параличъ разбилъ одну руку его, но онъ продолжалъ интересоваться театромъ и собиралъ матеріалъ для пьесы изъ жизни Екатерины Второй. Достигнувъ того, что провель на сцену Петра Великаго, онъ хотѣлъ провести и Екатерину. Умеръ онъ 68 лѣтъ, завоевавъ себѣ замѣтное мѣсто въ исторіи нашей драматической литературы. Лучшіе актеры и актрисы императорскихъ и провинціальныхъ театровъ многимъ обязаны его пьесамъ. Въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, репертуаръ не обходился безъ его пьесъ оригинальныхъ, передѣланныхъ съ французскаго и нѣмецкаго (оба языка онъ зналъ прекрасно) или переведенныхъ. Успѣхъ В. А. Крылова, давшій ему возможность составить довольно значительное состояніе, создалъ ему много враговъ, которые старались всячески набросить тѣнь не только на его литературную дѣятельность, но и на частную жизнь. По духовному завѣщанію онъ назначилъ крупныя суммы на разныя просвѣтительныя литературныя дѣла, между прочимъ, 55 тысячъ рублей на учрежденіе въ Петербургѣ или Москвѣ школы его имени.

† Мердеръ, Н. И. 13 марта въ Москвѣ скончалась писательница, Надежда Ивановна Мердеръ, рожденная Свѣчина, болѣе извѣстная подъ псевдонимомъ Северинъ. Она родилась въ 1839 г. и довольно поздно начала свою литературную дѣятельность. Первая ея повѣсть «Не въ порядкѣ вещей» появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1877 г. Затѣмъ, ея романы, повѣсти и рассказы ежегодно печатались въ разныхъ журналахъ: въ «Дѣлѣ», «Живописномъ Обзорѣннѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Наблюдателѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Новомъ Времени», «Нивѣ», «Гуслярѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Русскомъ Обзорѣннѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Сѣверѣ» и др. Плодовитость ея была необычайна. Ею написано болѣе ста разнообразныхъ беллетристическихъ произведеній. Въ одномъ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ періодъ времени съ 1891 по 1896 г., напечатано восемь ея романовъ, преимущественно бытоваго содержанія. Кромѣ того, ей принадлежатъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ на сценѣ: драма «За Волгой» (написанная вмѣстѣ съ Свободинимъ), комедіи: «Супружеское счастье», «Познакомились», «Перепутала», «Генеральша Матрена» (вмѣстѣ съ В. А. Крыловымъ) и др. Воспитанная въ старинной дворянской семьѣ, Н. И. Мердеръ хорошо изучила бытъ и нравы того общества, которое описывала въ своихъ произведеніяхъ, отличающихся вѣрностью эпохѣ и талантливостью. Но всѣ романы и повѣсти ея послѣднихъ годовъ имѣютъ строго консервативное направленіе, и потому наша критика обходила ихъ молчаніемъ, и никто изъ современныхъ историковъ литературы не удостоилъ упомянуть, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, объ этой даровитой писательницѣ. Въ текущемъ году Н. И. рѣшила попробовать свои силы въ историческомъ романѣ

п, по нашему мнѣнію, весьма удачно, такъ какъ мы охотно приняли и печатаемъ «Звѣзду цесаревны» въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

† **Случевскій, К. К.** 14 марта скончался бывшій членъ военнаго совѣта и совѣта государственной обороны, инженеръ-генералъ Канитовъ Константиновичъ Случевскій. Покойный приходился младшимъ братомъ извѣстному К. К. Случевскому и пользовался на военномъ поприщѣ репутаціей опытнаго полевого инженера. Особенно памятно участіе покойнаго въ послѣдней русско-японской войнѣ. Онъ отправился на войну, какъ командиръ 10 армейскаго корпуса. Во главѣ корпуса онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ японцами. Въмѣстѣ съ генераломъ Величко укрѣплялъ Лаоянъ, распорядился боемъ у Анпина, работалъ надъ укрѣпленіемъ мукденской позиціи и находился во время боевъ при Шахѣ на Мавдаринской дорогѣ, удерживая наступленіе Куроки. Въ октябрѣ 1904 г. покойный передалъ командованіе корпусомъ генералу Церпицкому, а самъ получилъ назначеніе состоять при главнокомандующемъ для объединенія технической части всѣхъ трехъ армій. Въ мартѣ 1905 г. генералъ Случевскій отбылъ съ театра военныхъ дѣйствій. Его опытность, техническія знанія и заслуги въ это время отмѣчены двумя крупными орденами, Бѣлаго орла и св. Александра Невскаго, оба съ мечами, и назначеніемъ его членомъ вновь образованнаго совѣта государственной обороны. Предыдущая служба генерала протекала преимущественно въ инженерныхъ войскахъ и въ послѣдовательномъ командованіи гвардейскимъ сапернымъ батальономъ, первой саперной бригадой, 19 и 10 армейскими корпусами. Во время русско-турецкой войны онъ въ чинѣ полковника былъ отправленъ во главѣ гренадерскаго сапернаго батальона на театръ военныхъ дѣйствій для подкрѣпленія дѣйствовавшей арміи, но ему не удалось участвовать въ дѣлахъ съ турками. К. К. родился въ 1843 г., образованіе получилъ въ Николаевскихъ инженерныхъ училищѣ и академіи. Въ послѣдней кончилъ курсъ по первому разряду. Послѣ него осталась интересная переписка съ главными дѣятелями японской войны и подробныя воспоминанія о нихъ. Эта своя домашняя лѣтопись нашихъ военныхъ неудачъ въ свое время явится интереснымъ матеріаломъ для историка войны.

† **Черепнинъ, Н. П.** 26 февраля въ Петербургѣ внезапно скончался докторъ медицины, Николай Петровичъ Черепнинъ. Это былъ извѣстный популяризаторъ врачебной науки вообще и ученія объ острозаразныхъ болѣзняхъ въ особенности. Его «Бесѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ» выдержали рядъ изданій. Немало напечатавъ онъ статей по вопросамъ школьной и дѣтской гигиены. Специальностью его были внутреннія и кожные болѣзни. По этой специальности онъ напечаталъ нѣсколько работъ въ «Медицинскомъ Журналѣ», «Врачѣ и другихъ изданіяхъ. Какъ врачъ-практикъ, дѣятельность котораго протекла исключительно въ Петербургѣ, Черепнинъ пользовался популярностью опытнаго медика и человѣка рѣдкой доброты и отзывчивости. Н. П. Черепнинъ родился въ 1841 г., среднее образованіе получилъ въ петербургской третьей гимназіи, а высшее на физико-математическомъ факультетѣ Петербургскаго университета по естественному отдѣленію и въ медико-хирургической академіи. Въ 1869 г. по выдержаніи установленнаго испытанія на

степень доктора медицины, онъ былъ командированъ за границу съ ученой цѣлью, гдѣ слушалъ лекціи лучшихъ дерматологовъ, главнымъ образомъ, германскихъ. По возвращеніи изъ-за границы онъ предпринялъ поѣздки по большимъ городамъ и изучалъ острую форму заразныхъ болѣзней.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Кадминой.

(Отвѣтъ г. Журналисту).

Въ началѣ марта былъ мнѣ доставленъ по почтѣ отъ неизвѣстнаго (изъ Чугуева), которому я очень благодаренъ за вниманіе, № 8713 (отъ 26 февраля) харьковской газеты: «Южный Край», гдѣ въ статьѣ «У забытой могилы» г. Журналистъ, почему-то не рѣшившійся назвать свою фамилію, между прочимъ бросаетъ мнѣ странный, совершенно несправедливый упрекъ, при этомъ выраженный въ крайне рѣзкой, неприличной формѣ, по поводу моихъ воспоминаній объ Е. П. Кадминой («Историч. Вѣстникъ», 1905 г., № 12). Только глубокое уваженіе къ покойной артисткѣ заставляетъ меня отвѣчать, иначе я, понятно, не тратилъ бы напрасно времени на безполезную полемику съ человѣкомъ, не смѣющимъ яснаго представленія объ истинѣ.

Привожу дословно его фразы.

«...Хочу съ памяти этой замѣчательно талантливой женщины и глубоко несчастнаго, какъ многіе отечественные таланты, челоѣка святъ... то подозрѣніе, которое бросилъ на нее съ такой неосмотрительностью г. В. Умановъ-Каплуновскій въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника». Не знаю, откуда взялъ этотъ писатель, — извините за вульгарное выраженіе, — ту чушь, которою онъ заканчиваетъ свои воспоминанія, вообще коротенькія и невѣрные. Вотъ этотъ скверный вымыселъ: «У памятника, воздвигнутаго на могилѣ Кадминой, появивился большой образъ св. Евладія, въ ликѣ которой замѣчалось сходство съ чертами лица артистки, и одна высокопоставленная духовная особа зачастую прѣзжала сюда молиться у этой иконы»... Вникните въ этотъ вымыселъ. Что ни слово здѣсь, то вздоръ и грубая ложь! Высокопоставленная духовная особа эта, конечно, епископъ, и вотъ такая особа могла позволить себѣ подобное, совершенно немыслимое, и притомъ еще, частное посѣщеніе могилы актрисы, чтобы молиться у иконы, изображающей ее! Хотя это и явная недѣлность, но, вѣдь, это же напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ»!.. Отъ всякой клеветы, какъ извѣстно, что нибудь да остается. Если она не можетъ коснуться бывшихъ въ тѣ времена въ Харьковѣ епископовъ

(въ началѣ 80-хъ годовъ архіерейскую кафедру занималъ здѣсь извѣстный аскетъ, епископъ Нектарій), то на памяти Кадминой остается подозрѣніе о возможной близости ея съ какою-то духовною особою... а, между тѣмъ, память Кадминой въ этомъ смыслѣ чиста, какъ жемчугъ; она была безупречна. Въ чемъ-въ чемъ, но въ любовныхъ конвенансахъ и авантюрахъ Кадмина не была грѣшна. Я зналъ близко и хорошо ея жизнь и утверждаю, что среди роя ея обожателей и поклонниковъ не было близкаго ей человѣка. Г. Умановъ-Каплуновскій слышалъ звонъ, да не знаетъ, откуда онъ. Была, дѣйствительно, исторія съ образомъ св. Евлаліи, но совсѣмъ не та, которую онъ разсказывалъ»...

Далѣе г. Журналистъ повѣствуетъ, какъ этотъ образъ былъ повѣшенъ въ кладбищенской церкви, какъ по настоянію ключаря собора и двухъ членовъ консисторіи былъ снятъ и спрятанъ въ шкапѣ, и какъ затѣмъ онъ безслѣдно исчезъ, и заканчиваетъ свою, повторяю, странную и непонятную полемическую статью словами: «Какъ видите, вся эта исторія рѣшительно ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что сообщалъ «Историческій Вѣстникъ». Положительно, недоумѣваю, чѣмъ я провинился въ отношеніи правды, которой вообще служу вѣрно и неизмѣнно! Г. оппонентъ самъ же подтверждаетъ существованіе образа и положительно не вноситъ ничего новаго, кромѣ исторіи исчезновенія иконы, которой я совсѣмъ не касался. Относительно посѣщенія могилы «духовной особой» г. Журналистъ высказываетъ упрямое недоумѣніе, бравируя его тѣмъ, что «частныя посѣщенія» (?) могилы актрисы не мыслимы для епископа, да еще къ тому же аскета (?). Самъ того, вѣроятно, не подозрѣвая, онъ забрасываетъ грязью и память артистки, которую я старался окружить въ моихъ воспоминаніяхъ свѣтлымъ ореоломъ, и ту «духовную особу», которую онъ даже называетъ по имени — епископомъ Нектаріемъ (!).

Г. Журналистъ — плохой защитникъ. Своей непрошенной апологіей онъ оказалъ медвѣжьёу услугу и Кадминой, и «духовной особѣ». Почему посѣщеніе кладбища и молитва у могилы есть непременно результатъ бывшей любовной связи?.. И до такого неостроумнаго вывода могъ додуматься неожиданный защитникъ артистки!.. Во всей статьѣ сквозитъ какая-то логическая прыскачка мысли. Съ большой фантазіей нельзя брать за обличительное перо, вѣдь, иной услужливый другъ бываетъ «опаснѣе врага», что г. Журналистъ и доказалъ на этотъ разъ собственной неосмотрительностью, обвиняя, однако, въ этомъ меня...

Я убѣжденъ, что каждый безпристрастный читатель ничего оскорбительнаго для памяти Кадминой не найдетъ въ моемъ воспоминаніи, напротивъ, вынесетъ одна хорошія впечатлѣнія, а г. Журналисту не мѣшало бы помнить стихи Тютчева:

«Ахъ, если бы живыя крылья
 Души, парящей надъ толпой,
 Спасали отъ насилья
 Безсмертной пошлости людской!»

В. Умановъ-Каплуновскій.

II.

По поводу статьи «Нищие-милліонеры»¹⁾.

Въ февральскомъ номерѣ журнала «Историческій Вѣстникъ» 1906 г. (т. СШ, стр. 539 — 545) помѣщена замѣтка Н. С. Колынина «Нищие-милліонеры», въ которой отъ имени стараго нищаго-милліонера разсказывается, будто казна обидѣла крестьянъ Олонецкой губерніи, Вытегорскаго уѣзда, деревни Стрѣльниковскаго-Починка, отнявъ у нихъ пожалованныя имъ въ старину царемъ Василиемъ Шуйскимъ земли. «А лѣса наши рубить и губить начальство. Когда этому будетъ конецъ, и кто насъ защититъ отъ озорного начальства?» — спрашиваетъ разсказчикъ.

Легенда объ обидѣ крестьянъ деревни Стрѣльниковской казною довольно давняго происхожденія и до сихъ поръ живетъ среди стрѣльниковцевъ. Дѣйствительно, царь Василій Шуйскій, за оказанныя ему услуги, пожаловалъ предкамъ стрѣльниковскихъ крестьянъ находившіяся у нихъ въ то время во владѣніи земли въ собственность, какъ тогда говорили, «объялилъ» земли, откуда и крестьяне получили названіе «объяльныхъ», т.-е. не платящихъ поземельныхъ сборовъ. Грамота царя Василя Шуйскаго объ объяленіи стрѣльниковцевъ точно указываетъ, какое именно количество земли пожаловано крестьянамъ. Преемники Василя Шуйскаго своими грамотами подтверждали привилегію стрѣльниковцевъ. Въ 1787 г., при производствѣ генеральнаго межеванія нынѣшней Олонецкой губерніи (въ то время Вѣлозерской провинціи), между прочимъ, была вымежевана казенная дача въ 35 тысячъ десятинъ, названная, по правиламъ межеванія, по имени находившейся въ дачѣ деревни — Стрѣльниковской. При этомъ крестьянамъ Стрѣльниковскаго-Починка было вымежевано 55 десятинъ, принадлежавшихъ имъ, согласно жалованнымъ грамотамъ, а, сверхъ того, еще отведено изъ казенной земли по 15 десятинъ надѣльной земли на душу; этимъ дѣйствіямъ межевыхъ чиновъ крестьяне вполне подчинились. Впослѣдствіи, однако, среди стрѣльниковцевъ возникло ни на чемъ не основанное предположеніе, будто имъ принадлежитъ вся Стрѣльниковская дача, а вовсе не одинъ отмежеванный въ ихъ собственность въ 1787 г. участокъ. Права свои крестьяне рѣшили отстаивать судебнымъ порядкомъ. Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, въ которыя дѣло переходило изъ одной инстанціи въ другую, состоялось, наконецъ, окончательное рѣшеніе правительствующаго сената въ пользу казны. Именно, указомъ отъ 22 января 1891 г. правительствующій сенатъ установилъ, что: 1) объяльнымъ крестьянамъ деревни Стрѣльниковскаго-Починка изъ общаго количества земли въ генерально-отмежеванной въ 1787 г. Стрѣльниковской дачѣ (35.130 дес. 497 саж.) принадлежитъ въ собственность по жалованнымъ грамотамъ лишь 55 дес. 2.051 саж., согласно рѣшенію палаты 7 февраля 1795 г. и указу правительствующаго се-

¹⁾ Настоящее разъясненіе и опроверженіе свѣдѣній, сообщенныхъ въ статьѣ г. Колынина «Нищие-милліонеры», прислано намъ управленіемъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ Олонецкой губерніи, за подписью за начальника управленія г. Маршнера и чиновника особыхъ порученій г. Розенберга.

ната 22 октября 1808 г., по произведеннымъ въ исполненіе сихъ рѣшеній на-рѣзкамъ землеѣровъ Сучкина и Артемьева 1810 г., каковая земля и должна быть оставлена во владѣніи крестьянъ, какъ равно и земля, нарѣзанная имъ тѣмъ же землеѣромъ Артемьевымъ въ томъ же 1810 г. въ 15-десятичную пропорцію, въ количествѣ 1.337 дес. 733 саж., и 2) притязанія объѣльныхъ крестьянъ на остальную землю въ дачѣ, а именно 33.970 дес. 1.397 саж., по-ступившую въ казну въ качествѣ примѣрной, на основаніи тѣхъ же судеб-ныхъ рѣшеній 1795 и 1808 г.г., лишены законнаго основанія.

Не удовлетворившись такимъ рѣшеніемъ правительствующаго сената, крестьяне принесли на него жалобу на высочайшее имя. Государь императоръ, въ 6 день мая 1892 г., высочайше повелѣть соизволил: всеподданнѣйшую жалобу на опредѣленіе межевого департамента правительствующаго сената объѣльныхъ крестьянъ Стрѣльниковаго-Почивка по дѣлу съ казною о владѣ-ніи Стрѣльниковаго дачею оставить безъ послѣдствій.

Въ настоящее время производится возстановленіе границъ, проведенныхъ въ 1810 г. землеѣромъ Артемьевымъ, но не полюбовно, а судебнымъ поряд-комъ, во исполненіе рѣшенія правительствующаго сената отъ 31 мая 1903 г. Это рѣшеніе состоялось опять-таки по жалобѣ стрѣльниковскихъ крестьянъ, не пожелавшихъ размежеваться съ казною полюбовно и попрежнему настаивавшихъ на вымежеваніи въ ихъ собственность всей Стрѣльниковской дачи. 1 сентября минувшаго года состоялось рѣшеніе петрозаводскаго окружнаго суда, признававшего правильными границы, указанные олонецкимъ управле-ніемъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. На это рѣшеніе жалоба крестьянами до сего времени не принесена.

III.

Отвѣтъ рецензенту А. Я.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», за 1906 г. А. Я. напечаталъ небольшой отзывъ о первомъ выпускѣ моихъ работъ по описанію книжныхъ богатствъ Патріаршей бібліотеки въ Москвѣ, посвященномъ Ново-спасской коллекціи рукописей. Казалось бы, въ краткой рецензіи не трудно было бы избѣгнуть ошибокъ, но не то вышло на дѣлѣ.

1) А. Я., утверждаетъ, напримѣръ, что «за послѣднее время» въ Патріар-шую бібліотеку поступили рукописи «нѣсколькихъ подмосковныхъ мона-стырей», тогда какъ со времени патріарха Никона ни одно собраніе ни изъ одной подмосковной обители въ нее не передавалось, да и въ срединѣ XVII вѣка для исправленія богослужбныхъ книгъ отчуждались не цѣльныя коллекціи, а отдѣльныя рукописи.

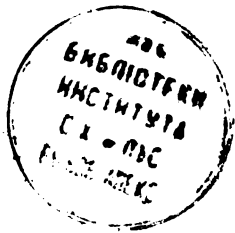
2) Бросивъ лишь поверхностный взглядъ на описаніе одной псалтири № 1 въ началѣ ея, рецензентъ, тѣмъ не менѣе, нашелъ возможнымъ послать по моему адресу цѣлый рядъ упрековъ. Такъ онъ укоряетъ меня за то, что я опустилъ при описаніи названной псалтири указанія Ундольскаго и Григорьева, признавая ихъ для меня совершенно необходимыми. Если бы А. Я. прочелъ мой этюдъ о псалтири № 1, помѣщающійся въ той именно книжкѣ, которую онъ

рецензировалъ, то, безъ сомнѣнія, не послалъ бы мнѣ укора въ небрежности. Я не только зналъ описанія Ундольскаго и Григорьева, но изучалъ и самыя рукописи, ихъ вызвавшія: о позднихъ и крайне неисправныхъ отрывкахъ псалтири № 15 изъ собранія Ундольскаго я не упомянулъ въ своей книгѣ, такъ какъ рѣшительно ничѣмъ не обязанъ имъ, а псалтирь архивская (но рефератъ г. Григорьева) дала мнѣ многое. Я установилъ (худо или хорошо — другой вопросъ), что псалтирь № 1 и однородная съ ней архивская принадлежатъ школѣ А. М. Курбскаго и покрыты примѣчаніями, вышедшими изъ-подъ его пера. Этого-то рецензія и не примѣтила, все равно, будемъ ли мы признавать его дѣйствительнымъ или иллюзорнымъ: перваго А. Я. долженъ былъ отмѣтить, а противъ второго выступить съ научной критикой.

3) Не прочитавъ въ книгѣ, что слѣдовало, рецензентъ нашелъ въ ней то, чего не слѣдовало: «доносъ автора», пишетъ онъ про меня, «на своего предшественника по работѣ, г. Лотоцкаго (с. VI), производить на читателя необыкновенно гадливое впечатлѣніе». Простая порядочность требовала бы повѣдать читателю, у котораго легко можетъ не быть подъ руками моей книги, что именно А. Я. считаетъ доносомъ, а не вводитъ въ заблужденіе людей, стоящихъ не въ курсѣ дѣла, таинственной цифрой вмѣсто факта. Въ моей же книгѣ отмѣчено, что г. Лотоцкій, разрисовывая бумажныя филигрانی ветхой рукописи XIV вѣка карандашемъ прямо по тексту, прорѣзалъ книгу Варлаама и Иосафа, и потому знаки ея скоро выпадутъ и утратятся вмѣстѣ съ приходившимся на нихъ текстомъ. Опубликованіе этого факта и названо со стороны А. Я. доносомъ. Но понятіе доноса поддается учету, и разобраться въ немъ не трудно. Доносъ (*denuntiatio, delatio*) есть сообщеніе частнымъ лицомъ подлежащей власти о совершенномъ кѣмъ либо преступленіи или проступкѣ съ цѣлью вызвать судебное разслѣдованіе или наказаніе виновнаго. Какъ ясно съ перваго взгляда, ничего подобнаго нѣтъ въ опубликованномъ фактѣ: свѣдѣніе сообщено не власти, а немногочисленной ученой средѣ, читающей описанія рукописей, сообщено не для разслѣдованія или наказанія виновнаго, а въ назиданіе людямъ, малоопытнымъ въ обращеніи съ памятниками древности. Кромѣ того, опубликованіемъ факта оградилась репутація моя личная, другихъ ученыхъ и Патріаршей бібліотеки, ибо, разъ не указанъ виновникъ порчи рукописи, подозрѣніе въ этомъ дѣяніи могло бы падать на меня (кромѣ насъ съ Лотоцкимъ, никто не штудировалъ книги), на другихъ людей, которые займутся памятникомъ, и на бібліотеку за то, что она не умѣетъ охранять своихъ сокровищъ отъ поврежденія. Кстати замѣчу критику, что аналогичными съ моими доносами занимались: Карамзинъ, Малиновскій, Гебгардтъ всѣ о хищеніяхъ и порчѣ рукописей Маттеи; А. Н. Поповъ — о расколѣ, выжегшемъ букву «п» въ имени Иисусъ на протяжении всей книги, Пападопуло-Керамевсъ о вырѣзываніи листовъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ; и друг.

Въ заключеніе не могу обойти молчаніемъ того факта, что кто дѣлалъ критическіе отзывы о моей книгѣ по ознакомленіи съ ней, относятся къ работѣ далеко не съ тѣмъ высокомъ уровнемъ, которое проявилъ г. А. Я. въ своей рецензіи.

Н. Поповъ.

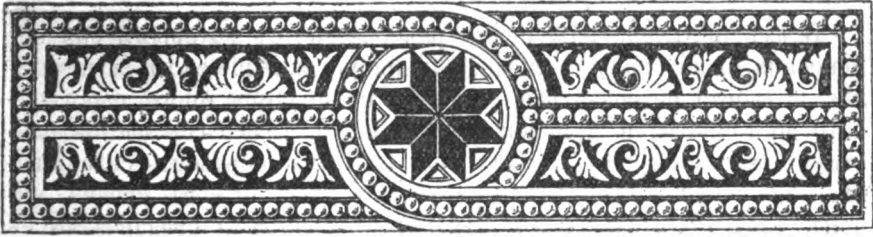

UNIV. OF
CALIFORNIA

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ПЕТРЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Съ гравированнаго портрета Штенглива.

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ ¹⁾.

(1710 — 1734 г.).

IX.

ВАСТУПИВШАЯ осень принесла для цесаревны особенно много неприятностей и огорчений.

Великая княжна Наталья Алексѣевна заболѣла, какъ говорили, отъ огорчений, причиняемыхъ ей черезъ Долгорукихъ царемъ, который охладѣлъ и къ ней, какъ и къ теткѣ, столь нѣжно имъ раньше любимой. Слабаго здоровья, съ расположеніемъ къ чахоткѣ, великая княжна не выдержала ежедневныхъ и ежеминутныхъ раздраженій, опасеній и оскорбленій, она занемогла и скончалась, не успѣвъ примириться съ цесаревной. Смерть сестры сильно поразила царя и еще больше сблизила его съ Долгорукими, которые наперерывъ изощрялись въ придумываніи разнообразныхъ развлеченій, чтобъ заставить его забыть печаль. Въ развлеченіяхъ этихъ цесаревна участія принимать не могла, во-первыхъ, потому, что про нее умышленно забывали, а, во-вторыхъ, потому, что она вовсе не расположена была о себѣ напоминать и сама отдалялась отъ враговъ, сдѣлавшихся лучшими друзьями ея царственного племянника.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIV, стр. 5.
«истор. вѣстн.», май, 1906 г., т. CIV.

Всѣхъ поражало кажущееся равнодушіе, съ которымъ она переносила свою опалу, и люди, раньше упрекавшіе ее въ легкомысліи, не могли не сознаться, что она проявляетъ много царственнаго достоинства и душевнаго величія въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, при которыхъ самымъ безотраднымъ образомъ складывалась ея жизнь. По цѣлымъ недѣлямъ жила она въ своемъ милomъ Александровскомъ съ фаворитомъ своимъ и преданными ей слугами, изъ которыхъ каждый съ радостью отдалъ бы за нее жизнь: такъ умѣла она привлекать къ себѣ сердца ласковымъ обращеніемъ, впечатлительностью, участіемъ къ чужому горю и готовностью помочь нуждавшимся всѣми зависѣвшими отъ нея средствами. Все прощалось ей за эту отзывчивость, и она съ этого времени приобрѣла себѣ друзей на всю жизнь во всѣхъ слояхъ общества, начиная отъ важныхъ сановниковъ и кончая крестьянами, духовенствомъ, пѣвчими ея капеллы, слугами ея, всѣми, кто имѣлъ счастье ее видѣть и слышать, всѣ ею любовались, восхищались ею и страстно желали имѣть ее царицей.

Изъ-за нея любили и Шубина, находя его простымъ, добрымъ, доступнымъ каждому, неспособнымъ ни на чванство, ни на то, чтобъ забыться передъ высокой личностью, удостоившей его своей любви.

Весело, спокойно и беззаботно жилось въ Александровскомъ въ то время, какъ Москва кишѣла интригами, подвохами, подозрительностью, слухами объ арестахъ, обыскахъ, ссылкахъ и казняхъ.

Возрастая съ каждымъ днемъ, могущество Долгорукихъ казалось уже многимъ несокрушимо, и мрачное отчаяніе овладѣвало всѣми истинно русскими людьми. Водворился полнѣйшій застой во всѣхъ дѣлахъ, какъ частныхъ, такъ и государственныхъ. Неувѣренныя въ завтрашнемъ днѣ обыватели прекратили обычныя свои занятія, деньги прятались въ тайники на черный день, кто могъ, тотъ удалялся въ деревню. Верховный совѣтъ бездѣйствовалъ и распадался, члены его отсутствовали, кто ссылаясь на болѣзнь, какъ Голицыны, кто изъ опасенія быть удаленнымъ Долгорукими самъ удалялся. Такая оказывалась бѣдность въ государственныхъ дѣятеляхъ, что некому было замѣнять даже и умершихъ, все, что было лучшаго въ Россіи, умнаго, способнаго, честнаго и преданнаго родинѣ, попряталось и притаилось въ ожиданіи... чего именно—никто не зналъ, но положеніе казалось всѣмъ слишкомъ тяжкимъ, чтобъ продолжаться, тѣмъ болѣе, что разладъ и крамола начинали уже заражать воздухъ въ самомъ дворцѣ царя.

Народъ начиналъ громко роптать, но ропотъ его до царя достигнуть не могъ: онъ проводилъ всю свою жизнь въ забавахъ либо въ селѣ Измайловѣ, либо въ Горенкахъ, загородномъ имѣніи Долгорукихъ, зорко слѣдившихъ за тѣмъ, чтобъ ничто имъ вра-

ждебное до него не доходило, и чтобъ за развлеченіями и удовольствіями у него не оставалось ни одной минуты на то, чтобъ задуматься о заботахъ и обязанностяхъ, сопряженныхъ съ его положеніемъ.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ положеніе все больше и больше обострялось. Цесаревна, какъ дочь Петра Великаго и какъ первая претендентка, по праву рожденія, на престолъ, стояла слишкомъ высоко, убрать ее съ дороги, какъ другихъ, было не безопасно, надо было сначала ослабить ея партію преслѣдованіями, разсѣять ее, отнять у нея энергію, доказать ей тщету ея надеждъ, бессмысленность ея упованій.

Травля на приверженцевъ Елисаветы Петровны началась, и въ самое короткое время она лишилась многихъ изъ своихъ приверженцевъ, сосланныхъ изъ Москвы въ деревни и дальше, въ самую Сибирь. Но враги дѣйствовали ловко и съ хитро рассчитанною осторожностью, удаляя сначала тѣхъ, отсутствіе которыхъ не было достаточно чувствительнымъ для привязчиваго сердца цесаревны: къ самымъ ея близкимъ еще не придирались и оставляли ихъ до поры до времени въ покоѣ. Но спокойствіе это было не продолжительно.

Тоскливый осенній день клонился къ вечеру. Промежъ спутанныхъ голыхъ вѣтвей деревьевъ, окружавшихъ Александровскій дворецъ, рѣзко вырѣзывавшихся на темномъ небѣ, начинали уже то въ одномъ окнѣ, то въ другомъ зажигаться огни, и ночной сторожъ, гремя ключами, уже подходилъ къ параднымъ воротамъ, чтобъ ихъ запереть, какъ вдругъ отдаленный звонъ колокольчика заставилъ его остановиться и прислушаться.

Долго не могъ онъ понять, откуда достигъ до его ушей звонъ, и дѣйствительно ли кто-то ѣдетъ къ нимъ, или ему это только кажется: звонъ то приближался, то отдалялся, а по временамъ и совсѣмъ замолкалъ, такъ что, соскучившись прислушиваться къ нему, старикъ ужъ рѣшился запереть ворота и идти ужинать, но въ ту самую минуту, когда онъ уже схватился за створку, чтобъ потянуть ее къ себѣ, звонъ раздался такъ явственно, что всякое сомнѣніе въ томъ, что къ нимъ ѣдутъ гости, исчезло. Звонъ не смолкалъ, залаяли на деревнѣ собаки, завторили имъ свои, слышались торопливые шаги сбѣгавшагося изъ всѣхъ службъ народа, и съ дворцоваго крыльца сбѣжало нѣсколько лакеевъ узнать о причинѣ неожиданнаго переполоха въ такой неурочный часъ, когда метрдотель ужъ хлопоталъ у стола, на которомъ разставляли посуду для ужина, ключникъ вытѣзалъ изъ подвала съ винами, въ сопровожденіи мальчишки съ фонаремъ, а камеръ-юнгферы освѣжали спальню и оправляли цесаревнѣ кровать на ночь.

А колокольчики (теперь можно было различить, что ихъ было нѣсколько) звенѣли все звонче и звонче, приближаясь къ околицѣ,

замыкавшей широкую аллею изъ липъ и дубовъ, которая тянулась къ ней отъ воротъ на полверсту, по крайней мѣрѣ. Отъ толпы зѣвакъ, скопившейся у воротъ, обмѣниваясь замѣчаніями и предположеніями, отдѣлился мальчишка пошустрѣ прочихъ и кинулся опрOMETRY, извѣстнымъ ему кратчайшимъ путемъ, отпирать изгородь, и минуты черезъ три звонъ колокольчиковъ, лошадиный топотъ и стукъ колесъ раздались уже по аллеѣ, освѣщая пространство, по которому придвигался поѣздъ, освѣщенный колеблющимся свѣтомъ зажженныхъ фонарей, къ которому вскорѣ присоединились факелы, высланныхъ навстрѣчу гостямъ, верховыхъ. Впереди скакали вооруженные люди, за ними слѣдовала огромныхъ размѣровъ дорожная колымага, запряженная восемью лошадьми, съ тремя форейторами и внушительной наружности кучеромъ, на такихъ широкихъ козлахъ, что по обѣимъ сторонамъ вполне удобно помѣщалось двое слугъ, въ ливрейныхъ плащахъ и въ шляпахъ, украшенныхъ галунами. На запяткахъ вытягивались двое гайдуковъ, а за колымагой слѣдовало нѣсколько повозокъ съ прислугой и со всѣмъ необходимымъ для долгаго путешествія.

— Бояринъ Нарышкинъ къ намъ въ гости! — пронеслось въ толпѣ.

Обширный дворъ оживился бѣгущими взадъ и впередъ людьми съ фонарями, распахнулась на верху лѣстницы тяжелая дверь, освѣтились парадные покои во дворцѣ, гдѣ суета всюду, а въ особенности въ столовой, съ минуты на минуту усиливалась; вынимали изъ высокихъ рѣзныхъ поставцовъ посуду, бѣгали изъ кладовыхъ въ кухню, изъ кухни въ погреба за виномъ: принесенныхъ на ужинъ цесаревны трехъ бутылокъ венгерскаго оказывалось теперь недостаточно для угощенія гостя со свитой.

Готовилась къ встрѣчѣ гостей и хозяйка, наскоро приводя въ порядокъ перемятый домашній туалетъ и прическу. Извѣстіе о пріѣздѣ Нарышкина застало ее врасплохъ. Она намѣревалась скорѣе откушать со своими приближенными и лечь почивать, чтобъ на другой день пораньше встать и ѣхать на охоту за тетеревами. Но старика Нарышкина она любила, и какъ родного, и какъ преданнаго друга; она еще больше обрадовалась бы его посѣщенію, если бъ не мысль, что пріѣхалъ онъ къ ней съ дурными вѣстями.

Она не ошиблась: онъ заѣхалъ съ нею проститься передъ отъѣздомъ въ ссылку. Ему было велѣно удалиться на неопредѣленное время въ одно изъ его отдаленнѣйшихъ имѣній, въ Саратовское воеводство.

— За что же? Какъ смѣли они тебя тронуть, дядя? И какъ это царь за тебя не заступился? Какъ дозволила старая царлица? — вскричала внѣ себя отъ негодованія и испуга цесаревна, когда послѣ первыхъ привѣтствій онъ съ нею удалился въ дальній покой и, оставшись съ нею наединѣ, передалъ ей о постигшей его бѣдѣ.

— Чего они теперь не могутъ? Такъ облагѣли, что можно отъ нихъ всего ждать, — отвѣчалъ онъ. — Большую намъ всѣмъ надо теперь соблюдать осторожность, и я бы тебѣ совѣтовалъ, красавица, жить потише, чтобъ меньше про тебя гнилыхъ слуховъ по свѣту расплозлось...

— Что же, по-твоему, въ монастырь что ли поступить, постричься въ монахини? — съ досадою спросила она.

— Зачѣмъ постригаться? Можно и безъ постриженія въ монастырѣ надежное убѣжище отъ интригановъ найти...

Она задумалась. Покинуть Александровское, этотъ милый сердцу уголокъ, гдѣ все было устроено по ея вкусу и желанію, гдѣ ей такъ покойно и счастливо жилось, среди дорогихъ сердцу людей, гдѣ она наслаждалась любовными радостями съ человѣкомъ, который души въ ней не чаялъ, который всюду за нею слѣдовалъ, какъ вѣрный песъ, и въ каждомъ движеніи, каждомъ взглядѣ и словѣ котораго она читала безпредѣльное обожаніе! Разстаться съ нимъ и со всѣмъ, что составляло ея счастье и утѣшеніе, что заставляло ее забывать о горестяхъ и неудачахъ ея бурной жизни, чтобъ запереться въ дальній монастырь, гдѣ она будетъ одна среди чужихъ, строгихъ, мрачныхъ, занятыхъ только молитвой и презирающихъ всѣ мірскія утѣхи и радости женщинъ, подолгу ничего не зная о милыхъ сердцу, о томъ, что дѣлается въ Москвѣ, не слышать любимыхъ гѣсенъ, не видѣть веселящейся молодежи и не имѣть возможности самой съ нею веселиться!... Нѣтъ, нѣтъ, она не могла на это рѣшиться! Будь, что будетъ, а она не разстанется со своимъ сердечнымъ дружкомъ и не покинетъ Александровскаго!

— Да къ чему они придрались, чтобъ тебя удалить? — спросила она у своего собесѣдника, уклонясь отъ отвѣта на его совѣтъ.

— Долгорукимъ взятки не даль. Надоѣли они мнѣ. Точно видѣть, какъ имъ всѣ потворствуютъ, какъ откупаются отъ ихъ наглости, не хочу подличать больше, — объявилъ онъ, отрывисто произнося слова, — будетъ. Пусть хоть отъ одного человѣка получать отпоръ, авось либо это заставитъ и другихъ послѣдовать моему примѣру, да и ихъ задуматься... Что жъ, не принимаешь моего совѣта насчетъ монастыря? — продолжалъ онъ, помолчавъ немного и искоса на нее посматривая, съ горькой усмѣшкой.

— Нѣтъ, подожду еще немножко, можетъ, и безъ монастыря не погибну, — отвѣчала она со свойственнымъ ей прямодушіемъ. — Ты посмотри, какъ мы тутъ привольно живемъ! Нагрѣшишь еще, пожалуй, пуще въ монастырѣ-то, монашекъ въ соблазнъ введешь, матерей въ страхъ, замутишь только безъ толку мирное ихъ житіе, что же хорошаго!

— Ну, да хранить тебя Богъ! На Него только на Одного и надежда, вотъ какія подошли времена! — проговорилъ онъ со вздохомъ, поднимаясь съ мѣста.

— Ты ужь ѣхать собираешься? Неужтожь даже и хлѣба-соли моей не откушаешь?—вскричала съ горестнымъ изумленіемъ цесаревна.

— Нельзя, красавица, каждая просроченная минута можетъ мнѣ надѣлать большихъ непріятностей, и мнѣ и всѣмъ моимъ. Да и тебя не пожалѣютъ, если узнаютъ, что по пути я къ тебѣ заѣзжалъ и у тебя угощался. Надо и тебя, да и людишекъ моихъ, да и себя побережь,—прибавилъ онъ, обнимая ее и цѣлуя въ заплаканное лицо.

Провожать гостя вышли на крыльцо вмѣстѣ съ цесаревной всѣ ея домашніе, и, замѣтивъ Праксину, уѣзжавшій въ дальнюю ссылку бояринъ не оставилъ своей лаской вдову челоуѣка, пожертвовавшаго жизнью за счастье высказать правду коварному временщику, и сказалъ ей, что видѣлъ вчера ея сына у своего пріятеля, Михаила Ларіоновича, и слышалъ о немъ много хорошаго.

— Онъ тебѣ будетъ утѣшеніемъ и отрадой, когда вырастетъ, а вамъ, сударь,—обратился онъ къ тутъ же стоявшему Ветлову,—хорошимъ и благодарнымъ пасынкомъ, въ память отца. Берегите нашу цесаревну, какъ покойный Петръ Филиппычъ берегъ царя, чѣмъ и заслужите благодарность всѣхъ ея вѣрныхъ слугъ, изъ коихъ первымъ есмь азъ, многогрѣшный, какъ вблизи, такъ и вдали,—прибавилъ онъ, повертываясь съ низкимъ поклономъ къ царственной хозяйкѣ, смотрѣвшей на него съ верхней ступеньки высокаго крыльца влажнымъ отъ слезъ взглядомъ.

Всѣ раздѣляли ея печаль. Когда карета, покачиваясь на высокихъ рессорахъ, отѣхала и скрылась изъ виду въ концѣ аллеи, цесаревна обернулась къ окружавшей ее толпѣ, и когда увидала, что всѣ вмѣстѣ съ нею оплакиваютъ разлуку съ преданнымъ ей челоуѣкомъ, сердце ея наполнилось такимъ умиленіемъ и признательностью, что она не въ силахъ была удержаться отъ желанія во всеуслышаніе высказать волновавшія ее чувства.

— Друзья мои милые! Жестоко испытываетъ насъ Господь! Но пока со мною останется хоть одинъ изъ васъ, я не смѣю считать себя несчастной и Богомъ покинутой!—проговорила она громкимъ голосомъ, протягивая руки къ толпѣ широкимъ движеніемъ, какъ бы желая всю ее обнять и прижать къ своему великодушному и любвеобильному сердцу.

Всѣ кинулись хватать эти протянутыя къ нимъ дорогія руки, чтобъ осыпать ихъ слезами и поцѣлуями.

Растроганная и взволнованная до глубины души, цесаревна вернулась въ свои покои, гдѣ дожидался ея тотъ, который въ эту минуту ей былъ такъ милъ и дорогъ, что при одной мысли о немъ всякая печаль смягчалась и всякій страхъ пропадалъ. Никогда, можетъ быть, не чувствовала она такой потребности забыться въ его объятіяхъ, какъ въ эту минуту, и, съ глубокимъ вздохомъ за-

перевъ за ними дверь, Праксина вернулась на половину Мавры Егоровны, которую нашла въ оживленной бесѣдѣ съ Ветловымъ.

Онъ разсказывалъ слышанное отъ людей, сопровождавшихъ Нарышкина въ ссылку, и новости эти были такъ ужасны, что слушательница его, не взирая на привычку жить въ постоянномъ страхѣ и въ опасеніяхъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, содрогалась при мысли о неизбѣжныхъ напастяхъ, ожидавшихъ ея го-спожу и всѣхъ ея приверженцевъ.

Долгорукіе, въ полномъ смыслѣ этого слова, остервенились. Они ужъ зарвались до точки, съ которой поворота къ исправленію надѣланнаго зла ожидать невозможно. Ни передъ чѣмъ они не останутся, чтобъ упрочить за собою положеніе, завоеванное хитростью, коварствомъ, насиліемъ; всякаго, кто имъ мѣшаетъ, сметутъ они съ дороги, а всѣхъ опаснѣе для нихъ цесаревна и ея приверженцы. Какъ ни оплетаетъ князь Иванъ съ отпомъ и со всѣми Долгоруковскими клеветами царя, каждую минуту можетъ случиться такое обстоятельство, отъ котораго вліяніе ихъ можетъ пошатнуться, и тогда къ кому же бросится онъ за поддержкой, какъ не къ теткѣ? Ближе ея у него никого нѣтъ на свѣтѣ, послѣ смерти сестры. Найдутся люди, которые ему о ней напомнятъ, если только кредитъ временщиковъ хоть крошечку пошатнется.

Одна только надежда на подобную случайность и поддерживала обитателей Александровскаго дворца, но время шло, и ожиданія ихъ не сбывались. Царь все больше и больше привыкалъ къ опекаѣ надъ собою Долгорукихъ, и привязанность его къ князю Ивану доходила до того, что онъ чувствовалъ себя совершенно несчастнымъ, когда этотъ послѣдній оставлялъ его все чаще и чаще, чтобъ веселиться въ обществѣ взрослой молодежи, съ которой онъ, разумѣется, находилъ для себя несравненно больше удовольствія, чѣмъ съ капризнымъ и набалованнымъ мальчикомъ-царемъ.

Разсказывали также, что красавица княжна тоже скучала необходимостью развлекать маленькаго вѣнценосца и, искусно увлекая его опытнымъ кокетствомъ, не переставала оказывать вниманіе красавцу, графу Миллизимо, чѣмъ возбуждала ревность царя и безсовѣстно будила въ немъ преждевременно чувственность.

О Меншиковыхъ совсѣмъ забыли. Самые близкіе къ нимъ раньше люди вспоминали о нихъ для того только, чтобъ досадовать на нихъ за то, что они не сумѣли удержаться въ силѣ и дали себя свергнуть.

Въ ноябрѣ пронесся слухъ, что въ Лефортовскомъ дворцѣ у царя и въ домѣ Долгорукихъ дѣлаются большія приготовленія для празднествъ, имѣвшихъ цѣлью показать царю предназначенную ему невѣсту въ еще болѣе обольстительномъ видѣ: никто

такъ не танцоваль, какъ она, никто не умѣлъ съ такимъ изящнымъ вкусомъ одѣться, и на балѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, соперницъ у нея не было.

Первый балъ былъ назначенъ въ день ея именинъ у ея отца, и обойти на него приглашеніемъ цесаревну не было никакой возможности. Не могла и цесаревна отъ этого приглашенія отказаться, и домашніе ея, не безъ страха и волненія, стали собирать ее въ Москву.

Сама она такъ скучала печальною необходимостью разстаться даже на короткое время съ близкими сердцу людьми и съ обстановкой, въ которой забывала все неприятное на свѣтѣ, что не скрывала своего раздраженія и тяжелыхъ предчувствій.

— Набаловалась я тутъ съ вами свободой да привольемъ, противно будетъ придворному этикету подчиняться, каждое слово обдумывать и сердце свое сдерживать, чтобъ ни единымъ взглядомъ и движеніемъ не выдать себя,—говорила она Лизаветѣ Касимовнѣ въ то время, какъ эта послѣдняя вынимала изъ шкаловъ роскошные робы, а изъ красивыхъ, обитыхъ бархатомъ ковчежцевъ драгоценности, чтобъ укладывать ихъ въ баулы и важи.—Поди, чай, и тебѣ не охота съ женихомъ разставаться, чтобъ въ Москву тащиться?

— Что дѣлать, ваше высочество, не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ,—возразила Праксина, оправляя длинный бѣлый атласный, вышитый разноцвѣтными шелками, шлейфъ, прежде чѣмъ уложить его въ продолговатую длинную, выложенную штофомъ, вазу.

— Не Богъ, а Долгорукіе! — запальчиво вскричала цесаревна.

Лизавета на это ничего не возражала, и воцарившаяся тишина ничѣмъ не нарушалась, кромѣ шуршанія шелка и треска горѣвшихъ въ каминѣ дровъ.

Лежа на французской кушеткѣ, вмѣстѣ съ остальной мебелью привезенной изъ Парижа для ея уборной, цесаревна задумчиво смотрѣла на пылавшія дрова, и по мѣрѣ того, какъ мысли одна за другой набѣгали ей на умъ, измѣнялось и выраженіе ея живого, подвижнаго лица, изъ мрачнаго оно становилось то сосредоточенно серьезнымъ, то, постепенно проясняясь, какъ небо подъ пробивающимися лучами солнца сквозь тучи, озарялось улыбкой, отражавшейся веселымъ лукавымъ блескомъ въ глазахъ.

— Молоденекъ мой племянникъ, а ужъ какой кутерьмы въ двухъ женскихъ сердцахъ понадѣлалъ! У одной совсѣмъ на всю жизнь любовное счастье разрушилъ, и другую та же печальная участь ждетъ,—проговорила она съ усмѣшкой.—Такая ужъ, видно, ему судьба на такихъ невѣсть нападать, которыя безъ ума въ другихъ влюблены. Смѣялась тогда княжна Катерина надъ Марьей Меншиковой, что вѣчно, бывало, съ заплаканными глазами являлась

на всѣ пиры, что въ честь ея обрученія съ царемъ давали, а теперь, можетъ, и самой придется слезы лить по милому сердцу, съ которымъ ей разлучиться придется, если удастся просватать ее за царя... А что, ничего не слышать про Меншиковыхъ? Какъ они тамъ въ Березовѣ поживаютъ? Вспоминаетъ ли княжна Марья то время, когда она въ русскія императрицы готовилась?

Тонъ, съ которымъ былъ произнесенъ этотъ вопросъ, не понравился Праксиной. Ей казалось, что въ виду страшнаго несчастья, постигнаго врага, можно было бы и простить ему и пожалѣть его. Она была убѣждена, что случись нѣчто подобное съ Долгорукими при жизни ея мужа, онъ иначе отнесся бы къ ихъ судьбѣ. Не даромъ говорится, что «лежачаго не бьютъ»... На нее тѣмъ болѣе неприятно подѣйствовали слова цесаревны, что она находилась подъ впечатлѣніемъ свиданія съ Ермилычемъ, который проявился въ Москвѣ, какъ всегда нежданно-негаданно, нѣсколько дней тому назадъ и прямо изъ Сибири, гдѣ видѣлся съ Меншиковыми. О свиданіи этомъ было такъ опасно говорить, что Ветловъ, которому старикъ довѣрилъ свою тайну, передалъ ее одной только своей невѣстѣ, и оба умилялись духовной пережвѣнъ, происшедшей въ душѣ гордаго и жестокаго временщика. Ермилычъ собственными глазами видѣлъ церковку, которую онъ, можно сказать, собственными руками строилъ на скудные средства, скопленные цѣною невѣроятныхъ лишеній, изъ грошей, отпускаемыхъ ему и семьѣ его на содержаніе, въ крошечной избенкѣ, жить въ которой въ бывшее время не согласился бы ни одинъ изъ его дворовыхъ холоповъ. Ермилычъ съ нимъ говорилъ, и начитанность бывшаго вельможи въ священномъ писаніи поразила его столько же, сколько живая его вѣра и покорность судьбѣ. Восхищался онъ также и дѣтьми его.

— Сжалился надъ ними Господь, посѣтилъ ихъ на благо и на спасеніе ихъ душъ! Очистилъ страданіями ихъ сердца, сдѣлалъ достойными царствія небеснаго!—повторялъ онъ съ восхищеніемъ.

Самъ Александръ Даниловичъ разсказалъ ему про смерть жены, скончавшейся святою кончиной, благодаря Бога за неисполненное Имъ испытаніе. По словамъ Ермилыча, ихъ тамъ всѣ любятъ и уважаютъ. А народъ тамъ простой и неиспорченный, никакія новшества туда еще не дошли, да и долго; Богъ дастъ, не дойдутъ. Людей Меншиковы не чуждаются, и слушать Александра Даниловича весьма назидательно. Съ Ермилычемъ онъ былъ такъ искрененъ и простъ, что чистосердечно каялся передъ нимъ въ прошлыхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, и сынъ казненнаго Бутягина не вытерпѣлъ, чтобъ не открыть ему своей души, не сказать, кто онъ, и не напомнить ему про своего отца.

— И оказалось, что онъ все помнитъ, всѣхъ своихъ жертвъ, въ томъ числѣ и батюшку,—разсказывалъ Бутягинъ. — Помнитъ

даже и всѣ подробности первой встрѣчи со мною и какъ онъ заронилъ противъ меня злое чувство въ сердцѣ царя, потому что я съ перваго взгляда показался ему опаснымъ. Они тогда оба, и царь и онъ, воображали себѣ, что благое дѣло дѣлаютъ, все коверкая и ломая на своемъ пути, чтобъ дойти безъ преградъ... сами не зная — куда! Все имъ хотѣлось сдѣлать скорѣе, скорѣе, точно боялись, что жизни имъ не хватитъ на все затѣянное. И вѣдь впрямь не хватило. Царь умеръ, не только ничего прочно не сдѣлавши, но даже не разобравшись въ обломкахъ разрушеннаго. Вотъ ужъ кого смерть-то застала врасплохъ! Какъ онъ долженъ былъ страдать, чувствуя, что все уплываетъ у него изъ рукъ въ безобразномъ хаосѣ, въ которомъ никому изъ его наслѣдниковъ не разобратся... Какъ всегда, передъ концомъ, на него нашло просвѣтлѣніе, и, познавъ свое заблужденіе, вмѣстѣ съ невозможностью исправить содѣянное съ такою дерзкою и преступною самонадѣянностью, онъ ужъ не смѣлъ ничего сдѣлать, чтобъ укрѣпить шатающееся хрупкое зданіе, воздвигнутое на крови и слезахъ столькихъ русскихъ хорошихъ людей, въ угоду чужому, иноземному вліянію. Разорилъ родное гнѣздо, чтобъ на его мѣстѣ свить другое по чужеземному образцу, да и умеръ на полпути, оставивъ за собою обломки стараго и не находя вокругъ себя ни единого человѣка, которому онъ могъ бы довѣрить продолженіе начатаго дѣла... Ну, развѣ можно тутъ не видѣть воли Господа, налагающаго проклятiе безсилія на паскудное, дьявольское дѣло?

Ермилычъ разговаривалъ съ бывшимъ своимъ погубителемъ, какъ бы встрѣтившись съ нимъ на томъ свѣтѣ, гдѣ на все земное должны смотрѣть умершіе для земли люди другими глазами, чѣмъ здѣсь: ясно, безпристрастно, съ очищеннымъ разумомъ, при свѣтѣ вѣчной истины.

Много рассказывалъ Лизаветѣ Ермилычъ, и она находилась подъ впечатлѣніемъ этихъ рассказовъ, когда прискакалъ изъ Москвы гонецъ къ цесаревнѣ съ приглашеніемъ на торжество бракосочетанія. Какъ въ чаду, всѣмъ своимъ существомъ обрѣтаясь въ другомъ далекомъ мірѣ, отъ котораго ей было до боли трудно отрываться, чтобъ жить насущными заботами и хлопотами, стала Праксина готовиться къ отъѣзду съ цесаревной въ Москву, гдѣ ей предстояло погрузиться въ такую мерзостную и грѣшную суету, что никогда, кажется, не хотѣлось ей такъ страстно все это бросить, чтобъ бѣжать въ лѣсъ, о которомъ скучалъ и Ветловъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе.

Не соразмѣрили они своихъ силъ, давая обѣщаніе Петру Филипповичу не покидать цесаревну, пока она въ несчастіи! Помочь ей они ничѣмъ не могутъ и только понапрасну душу свою губятъ въ этомъ водоворотѣ страстей, интригъ, ужасовъ и страховъ. Но обѣщаніе было дано мертвецу; онъ не придетъ съ того свѣта, чтобъ

освободить ихъ отъ него, значить, надо нести крестъ до конца. Хорошо еще, что они могутъ жить въ Александровскомъ, гдѣ по временамъ все-таки можно было забывать про то, что дѣлается въ Москвѣ! У Ветлова было въ одномъ изъ флигелей дворца отдѣльное помѣщеніе, гдѣ онъ и помѣстилъ Ермилыча, когда этотъ послѣдній пришелъ повидать его съ Лизаветой изъ Москвы прежде, чѣмъ отправиться въ свой монастырь. Тутъ онъ прожилъ три дня, и такъ вышло ладно, что удалось отъ всѣхъ скрыть его присутствіе въ Александровскомъ. Пришелъ онъ чуть свѣтъ и ушелъ также рано, благословивъ свою куму съ нареченнымъ ея на бракосочетаніе, которое совѣтовалъ совершить по возможности скорѣе.

И вотъ именно объ этомъ и намѣревалась сказать Лизавета цесаревнѣ, когда зашелъ разговоръ про Меншиковыхъ. Солгать на вопросъ, не слыхала ли она чтонибудь про нихъ, Лизаветѣ не хотѣлось, а сказать правду было опасно, и она рѣшила отклонить вниманіе своей собесѣдницы на другой предметъ.

— Ваше высочество изволили намъ разрѣшить откровенно вамъ сказать, когда мы рѣшимъ обвѣнчаться съ Иваномъ Васильевичемъ, — начала она, притворяясь, что не разслышала послѣдняго ея вопроса, за хлопотами уложить получше парадное платье, чтобы не смѣлось: — такъ мы и рассудили покончить съ этимъ дѣломъ послѣ Рождества, вернувшись сюда изъ Москвы.

— Давно бы такъ! — вскричала обрадованная цесаревна. — Ужъ мы съ Маврой Егоровной отчаявались, чтобы ты когданибудь сжалилась надъ бѣднымъ Иваномъ Васильевичемъ. Мы, значить, вернувшись изъ Москвы, и примемся готовиться къ вашей свадьбѣ.

— Моя свадьба вдовья, чѣмъ тише будетъ да скромнѣе, тѣмъ приличнѣе, — замѣтила Лизавета.

— Ну, нѣтъ, я на это не согласна! Ты во второй разъ вѣнчаешься, а Иванъ Васильевичъ въ первый, пусть, значить, все будетъ, какъ у людей. Въ посаженные проси Мавру Егоровну и Шувалова, а въ шафера Алексѣя Григорьевича. А у Ивана Васильевича я буду посаженой съ Шепелевымъ... На свадьбу я подарю тебѣ вотъ это самое платье, которое ты мнѣ теперь укладываешь, — продолжала она, одушевляясь перспективой пріятнаго домашняго праздника, какъ вознагражденія за непріятную необходимость присутствовать при торжествѣ своихъ враговъ, среди людей, жаждущихъ ея гибели.

Праксиной было больно, что ей не удалось исполнить желаніе Ермилыча, убѣдительно просившаго ее замолвить словечко цесаревнѣ за несчастныхъ колодниковъ, томившихся въ нуждѣ и лишеніяхъ, такихъ жестокихъ, что трудно было себѣ представить весь ужасъ ихъ положенія. Совѣсть ей говорила, что грѣшно съ ея стороны откладывать заботу о нихъ, изъ боязни причинить безпокойство цесаревнѣ и себѣ. Развѣ не должна была она воспользо-

ваться случаемъ попытаться, во что бы то ни стало, облегчить ихъ судьбу? И мысль, что каждый поступилъ бы въ данномъ случаѣ, какъ она, не заставляла смолкнуть упрекавшій ее въ жестокосердїи и въ эгоизмѣ внутренній голосъ.

А, между тѣмъ, въ настоящее время въ Москвѣ не было чело-вѣка, который, будучи въ трезвомъ умѣ, рѣшился бы упомянуть при царскомъ дворѣ имя Меншиковыхъ, хотя, безъ сомнѣнія, мно-гіе про нихъ вспоминали, благодаря заносчивости и мстительности ихъ преемниковъ.

Кто знаетъ, можетъ быть, и самъ царь мысленно сравнивалъ гордую красавицу, смотрѣвшую на него сверху внизъ своими боль-шими, свѣтлыми глазами, взглядъ которыхъ, невзирая на желание придать имъ нѣжность и преданность, оставался безжалостно власт-нымъ и холоднымъ, съ печальной и кроткой дѣвушкой, мѣняв-шейся съ нимъ кольцами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, пе-редъ священникомъ.

— Ему, кажется, и выспаться не дадутъ,—разсказывала цеса-ревна послѣ утренняго визита къ своему царственному племян-нику. — Видь у него самый жалкій, страсть какъ похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись. Меня онъ въ первую минуту какъ будто даже испугался, вотъ какъ много наговорили ему про насъ дурного! Но потомъ, какъ послѣ этикетныхъ реверан-совъ я подошла къ нему да заговорила съ нимъ приватно, вспомнилъ прошлое, глазенки его радостно засверкали, и онъ хо-тѣлъ мнѣ что-то такое сказать, да тутъ подошелъ Алексѣй Гри-горьевичъ, и онъ весь съежился, а въ глазахъ опять явилась по-дозрительность и страхъ... Поди, чай, колдуньей представили, вѣдь-мой на помелѣ, а домъ мой бѣсовскимъ притономъ, полнымъ вся-кой нежити и хохловъ, — прибавила она съ горькой усмѣшкой. — Вѣдь хохлы-то у насъ всѣ колдунами слывуть. Надо мнѣ непре-мѣнно съ царемъ по душѣ поговорить и все ему, какъ слѣдуетъ, представить, одурѣетъ онъ у насъ совсѣмъ съ одними Долгору-кими, надо свѣжаго воздуха ему въ душу напустить, чтобъ не очумѣлъ въ конецъ, — продолжала она съ возрастающимъ одуше-вленіемъ, отъ котораго такъ много выигрывала ея величественная, жизнерадостная красота.—Кое-что ему напомяну, перестанетъ тогда меня бояться!

«Теперь бы ей сказать», вертѣлось въ головѣ Лизаветы въ то время, какъ она убирала снятые съ цесаревны драгоценные на-ряды, а цесаревна, полулежа въ глубокомъ креслѣ передъ ками-номъ, смотрѣла на разгоравшіяся въ немъ дрова. Въ высокомъ, глубокомъ покоѣ, никого, кромѣ ихъ двухъ, не было, и болѣе удоб-ной минуты трудно было найти. Но не успѣла она открыть ротъ, чтобъ приступить къ щекоотливому разговору, какъ вошла Шувалова, и пришлось волей-неволей снова отложить обѣщаніе, данное куму.

Мавра Егоровна сопровождала свою госпожу, и рассказывать ей о томъ, что сама она видѣла и слышала, было не для чего. Какъ и всѣ, замѣтила она смущеніе и угрюмость царя, а также, какъ онъ избѣгалъ смотрѣть на тетку; видѣла она также собственными глазами торжество фамиліи Долгорукихъ и ихъ приверженцевъ,—торжество, омраченное отчасти неотразимыми прелестями цесаревны.

— Чтобы вамъ, ваше высочество, задать имъ праздникъ у насъ, въ Александровскомъ! Показали бы мы имъ, какъ люди съ чистой совѣстью веселятся,—сказала Шувалова, присаживаясь къ столику съ шкатулкой изъ розоваго дерева, съ жемчугомъ, который она принялась наживать на крѣпкую, вощеную нитку.

Мысль эта пришлась, какъ нельзя больше, по вкусу цесаревнѣ.

— И то!—весело вскричала она.—Сегодня же закину объ этомъ словечко царю. Мы имъ такую охоту на зайцевъ да на волковъ устроимъ, какой Долгорукіе и во снѣ не видывали! Потомъ, катанье ночью, при свѣтѣ факеловъ, въ паркѣ, иллюминированномъ разноцвѣтными фонарями... Въ деревьяхъ-то, покрытыхъ инеемъ, какъ будетъ чудесно! А какихъ онъ у насъ пѣсенниковъ услышитъ! Заставимъ и слѣпца нашего, Григорія Михайлова, ему родную пѣсню спѣть, а малороссы наши пусть передъ нимъ по-своему пропляшутъ. Веселили же мы его въ Петербургѣ при Меншиковыхъ, почему же не позабавить его при Долгорукихъ?.. А что-то теперь подѣлываетъ разрушенная невѣста?—продолжала она все еще съ ироніей, но, какъ показалось Лизаветѣ, на этотъ разъ не безъ отбѣнка жалости въ голосѣ.—Кстати,—прибавила она, обращаясь къ Праксиной,—я вчера спрашивала у тебя, не слыхала ли ты чего нибудь про Меншиковыхъ, и отвѣта на мой вопросъ не дождалась: ты заговорила про свою свадьбу... Почему не хочешь ты со мною говорить про Меншиковыхъ, тетка? Я давно замѣчаю, что ты избѣгаешь даже имя ихъ при мнѣ произносить, почему?

— Не хочется разстраивать ваше высочество неприятными воспоминаніями.

— Ну, то, что происходитъ теперь, такъ скверно, что, пожалуй, вспомнить про прошлое даже отраднo,—со вздохомъ замѣтила цесаревна.—Я часто про Меншиковыхъ вспоминаю, и мнѣ досадно, что ни отъ кого не могу ничего про нихъ узнать... Ты вѣрно что нибудь про нихъ слышала, тетка?

— Слышала, ваше высочество,—рѣшилась отвѣтить Лизавета, притворяясь, что не замѣчаетъ знаковъ, которые ей дѣлала испуганная Шувалова.

— Скажи мнѣ все, все, что ты слышала! Я хочу знать... Отъ кого ты объ нихъ слышала? Кто тамъ былъ? Да не бойся же, глупая! Развѣ я могу тебя выдать? Чего же ты боишься?

— Одного только—огорчить ваше высочество, ничего больше, и, если вы приказываете, я вамъ все скажу, что узнала о нихъ отъ

человѣка, который прямо оттуда, изъ Березова, и который ихъ видѣлъ, говорилъ съ нами...

— Говори, говори!

Лизавета стала рассказывать слышанное отъ Ермылыча.

Долго длился ея рассказъ. Въ то время, какъ она постепенно одушевлялась подъ впечатлѣніемъ слышаннаго отъ старика, въ воображеніи ея воскресали, какъ живыя, картины ужаса, тоски и отчаянія, переживаемыя сосланными и переносимыя ими съ такимъ изумительнымъ терпѣніемъ и душевнымъ величіемъ. Передавала она эти подробности такъ живо и краснорѣчиво, что у слушательницъ ея морозъ подиралъ по кожѣ, и сама она холодѣла отъ мысленно переживаемыхъ чужихъ страданій.

Короткій зимній день подошелъ къ концу, и уборная погрузилась въ тьму. Въ каминѣ давно прогорѣли дрова, и начинали ужъ подергиваться золой уголья. Чтобъ не нарушать настроенія, которому и она тоже невольно поддавалась вмѣстѣ съ цесаревной отъ рассказа Праксиной, Мавра Егоровна тихонько поднялась съ мѣста и подложила дровъ въ каминъ... Забѣгали по уголькамъ огненные языки, ожили пестрые цвѣты ковра, покрывавшаго полъ комнаты, забѣлѣлся кружевной шляфрокъ цесаревны, заалѣли туфельки на ея стройныхъ ножкахъ, вытянутыхъ съ низкаго кресла, передъ каминомъ, и выступило изъ тьмы ея, поблѣднѣвшее отъ душевнаго волненія, лицо, съ широко раскрытыми отъ ужаса и изумленія глазами.

— А она... Марія, бывшая царская невѣста... передъ которой всѣ здѣсь преклонялись, на которую мы всѣ смотрѣли, какъ на будущую царицу?.. Видѣлъ онъ ее? Очень она несчастна? Очень перемѣнилась? Боже мой, Боже мой, какъ можно жить при такихъ условіяхъ! Какъ можно не сойти съ ума!

— Ваше высочество, дозвоьте мнѣ вамъ въ другой разъ рассказать то, что я узнала про княжну Марію: вамъ скоро пора одѣваться, чтобъ ѣхать во дворецъ, и я боюсь...

Сбивчивое и растерянное возраженіе Праксиной прервали на полусловѣ. Цесаревна догадалась, что она не желаетъ продолжать свое повѣствованіе при свидѣтельницахъ, и, повернувшись къ Шуваловой, она попросила ее распорядиться о какихъ-то подробностяхъ ея прически, тутъ же ею придуманныхъ, о которыхъ надо было переговорить съ волосочесомъ.

Догадалась и Мавра Егоровна, для чего ее высылаютъ, и безпрекословно, поднявшись съ мѣста, вышла, затворивъ за собою плотно дверь.

Очень можетъ быть, что опытная въ придворныхъ интригахъ Шувалова и сама была рада не слышать то, что было опасно знать въ это смутное и полное подвоховъ и злыхъ подозрѣній время.

— Мы теперь однѣ, можешь говорить безъ опасеній,—сказала цесаревна, переждавъ, чтобъ удалились шаги покинувшей ихъ гофмейстерины.

И, предвкушая открытіе, еще интереснѣе и любопытнѣе слышаннаго, она усѣлась въ креслѣ своемъ поудобнѣе и приказала Лизаветѣ подойти къ ней ближе и сѣсть на подушку у ея ногъ.

— Ваше высочество,—начала Праксина не безъ волненія:—то что я вамъ скажу, никто здѣсь не знаетъ, и, если, Боже сохрани, дойдетъ до Долгорукихъ, нашихъ страдальцевъ постигнуть такіа муки...

— Говори! Какъ ты смѣешь мнѣ не довѣрять?—вскричала запальчиво цесаревна.—Со вчерашняго дня, что ли, ты меня знаешь? Не ожидала я этого отъ тебя,—прибавила она смягчаясь и съ грустью въ голосѣ.

— Ваше высочество, это—чужая тайна. Если бъ дѣло меня касалось или самыхъ ко мнѣ близкихъ, сына моего, Ивана Васильевича...

— Знаю, знаю, что ты такъ же мало задумаешься пожертвовать за меня жизнью, какъ пожертвовалъ своею твоей мужъ за царя. Вотъ тебѣ крестъ, что никто не узнаетъ про то, что ты мнѣ скажешь!

Цесаревна повернулась къ углу, гдѣ сверкали золотыя ризы образовъ въ свѣтѣ слабо теплившейся лампы, и перекрестилась большимъ крестомъ.

— Княжну Марію возлюбилъ Господь, и послалъ ей большое утѣшеніе въ ея тяжелой долѣ: она вышла замужъ за человѣка, который ее такъ безумно любитъ, что покинулъ все на свѣтѣ, чтобъ сдѣлаться ея мужемъ...

— Что ты говоришь? Кто этотъ человѣкъ? Какъ это могло случиться?—вскричала цесаревна, внѣ себя отъ изумленія, подаваясь впередъ, и схвативъ руку Праксиной, что есть силы, сжала ее въ своихъ похолодѣвшихъ отъ волненія пальцахъ.

— Князь Федоръ Васильевичъ Долгорукій, ваше высочество.

— Не можетъ быть! Онъ за границей, въ чужихъ краяхъ...

— Онъ въ Сибири, ваше высочество. Тотъ человѣкъ, который мнѣ это сказалъ, видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, не больше, какъ два мѣсяца тому назадъ.

— Этотъ человѣкъ, значитъ, прямо оттуда сюда пріѣхалъ?

— Не пріѣхалъ, а пѣшкомъ пришелъ, ваше высочество; онъ—странникъ, ему не въ диковинку такіа путешествія, онъ два раза былъ въ Іерусалимѣ...

— Что же онъ говоритъ про нихъ, про этихъ чудныхъ молодыхеневъ? Уйти въ Сибирь, въ Березовъ, чтобъ обвѣнчаться съ любимой дѣвушкой! Вотъ такъ любовь! Да неужтожь это правда?

— Правда, ваше высочество. Тотъ человѣкъ, отъ котораго я это знаю, мнѣ въ подробности рассказалъ про нихъ. Онъ передалъ мнѣ все, что они ему сказали...

— Какъ увидѣлъ онъ ихъ въ первый разъ? Гдѣ?

— Узналъ онъ про великое счастье, посланное княжнѣ Маріи Богомъ, отъ самого бывшаго князя Александра Даниловича. Сидѣли они вдвоемъ у слюдяного окошечка, раствореннаго въ огородъ...

— Какъ это у слюдяного окошка? Развѣ тамъ окна безъ стеколъ?—перебила слушательница.

— Безъ стеколъ. Тамъ про стекла и помину нѣтъ.

— Дальше, дальше! Ты меня уморишь отъ нетерпѣнія!

— Князь Александръ Даниловичъ рассказывалъ ему про самоотверженіе князя Федора Васильевича и плакалъ при этомъ отъ умиленія, благодаря Бога за ниспосланное его невинной страдальцѣ, дочери, великое счастье—быть такъ беззавѣтно любимой, что, не взирая на нищету и на ссылку въ ужаснѣйшую и суровѣйшую во всѣхъ отношеніяхъ страну, ее разыскалъ человѣкъ, полюбившій ее въ лучшіе дни, и не задумался пожертвовать всѣми благами міра, чтобъ предложить ей свою руку и сердце. Князь Александръ Даниловичъ видѣлъ въ этомъ знаменіе Господа и для себя: значить, не прогнѣвался до конца на него Всемогущій, если далъ ему дожить до счастья дочери... И вотъ, во время этихъ разговоровъ, видитъ Ермилычъ, что со стороны огорода приближаются двое, мужчина съ женщиной, оба молодые и статные, съ красивыми, оживленными лицами. Онъ—въ шелковомъ французскомъ кафтанѣ, правда, очень поношенномъ, но, тѣмъ не менѣе, такого фасона, какого тамъ никто и не видывалъ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ (день былъ на диво по тогдашнему климату теплый) и въ треугольной шляпѣ...

— Это былъ князь Федоръ?

— Онъ самый, и съ нимъ, вѣжно на него опираясь, она, княжна Марія, первая царская невѣста...

— А она какъ была одѣта?—не вытерпѣла, чтобъ снова не прервать рассказчицу, цесаревна: такъ велико было ея нетерпѣніе скорѣе узнать всѣ подробности этого интереснаго романа, превосходившаго въ чудесности все, что ей доводилось читать въ книгахъ, сочиненныхъ людьми.

— На ней было порыжѣвшее черное бархатное платье съ серебрянымъ кружевомъ на подолѣ...

— Помню я это платье! Я ее видѣла въ немъ на первомъ выходѣ послѣ смерти императрицы, нашей матери!—вскричала, всплескивая руками отъ волненія, цесаревна.—Боже мой! Боже мой! какъ все это чудно и невѣроятно! Ни за что бы я этому не повѣрила, если бъ не отъ тебя слышала! Ни за что! И что жъ она? Очень перемѣнилась? похудѣла?

— Перемѣнилась она къ лучшему. Человѣкъ, отъ котораго я это знаю, видѣлъ ее раньше, и вотъ когда именно: онъ стоялъ у подъѣзда дворца вашего высочества, когда она пріѣзжала къ вамъ

съ визитомъ въ день паденія ея отца. Помните, ваше высочество, этотъ день? Вы собирались на царскую охоту и поѣхали только къ ужину въ загородный дворецъ, потому что васъ задержали гости, между прочимъ, княжна Марія...

— Разумѣется, помню! Развѣ можно забыть такой день, который сулилъ мнѣ столько счастья? въ который намъ удалось свергнуть въ прахъ злѣйшаго и опаснѣйшаго нашего врага? Увы, радость наша была не продолжительна... Но рассказывай дальше, пожалуйста!

— Дальше сказать нечего. Они вошли въ избу; князь Александръ Данилычъ познакомилъ ихъ со своимъ посѣтителемъ и сталъ имъ передавать слышанное отъ него о московскихъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, но они не проявляли къ этому никакого интереса: видно было, что они ужъ такъ освоились съ новой своей жизнью, что не желали и вспоминать про старую. Оживились они тогда только, когда посѣтитель сталъ ихъ спрашивать о ихъ планахъ на будущее; тутъ оба наперерывъ стали распространяться насчетъ дома, который они хотятъ построить верстахъ въ двухъ отъ Березова, въ мѣстности, по ихъ мнѣнію, очень красивой...

— Да развѣ тамъ есть красивыя мѣстности?—удивилась цесаревна.

— Все сравнительно, ваше высочество. Княгиня Марья Александровна съ такимъ же восхищеніемъ говорила о сосновомъ лѣсочкѣ и о родникѣ чистой вкусной воды, протекавшемъ въ этомъ лѣсочкѣ, какъ и отецъ ея о маленькой церковкѣ, надъ построеніемъ которой онъ работалъ въ то время, а князь Федоръ о садѣ, который онъ намѣревался развести у новаго дома, да о ребенкѣ, появленіе на свѣтъ котораго они ожидали позднею осенью.

— Ребенокъ? Она беременна? Боже мой, Боже мой!

— И какъ они этому радуются, ваше высочество!

— И что жъ, начали они строить этотъ домъ?

— Нѣтъ еще, ждуть того времени, когда здѣсь гнѣвъ на нихъ поутихнетъ, и можно будетъ просить дозволенія Марьѣ Александровнѣ поселиться отдѣльно отъ родителя, съ мужемъ...

— Какъ это позволенія? Развѣ они даже и этого не смѣютъ?

— Они—колодники, ваше высочество. При нихъ находится постоянно стражникъ, приставъ, который обязанъ доносить о каждомъ ихъ словѣ и шагѣ. Ваше высочество теперь понимаете, почему я затруднялась выдать ихъ тайну? Если здѣсь узнаютъ про бѣгство князя Федора въ Березовъ да про то, что онъ повѣнчался съ княжною Меншиковою, бывшей царской невѣстой...

— Понимаю, понимаю, не безпокойся. Надо такъ сдѣлать, чтобъ, не выдавая ихъ, имъ помочь...

Увы, при первомъ взглядѣ на свою госпожу, когда она вернулась во дворецъ съ бала и прошла въ свою уборную въ сопровожденіи своей гофмейстерины и еще двухъ дамъ изъ ея свиты, Салтыковой и Мамоновой, Праксина догадалась, что ей не только ничего не удалось сдѣлать въ пользу несчастныхъ ссыльныхъ, но что она даже какъ будто забыла о нихъ; такъ она была разстроена и взволнована, что не обратила вниманія на полный мучительной тревоги взглядъ, которымъ встрѣтила ее любимая камерфрау, и, не произнеся ни слова, дала съ себя приближеннымъ снять богатая украшенія. Стоя передъ трюмо, отражавшимъ ея красивую, величественную фигуру, съ блѣднымъ, искаженнымъ сдержаннымъ гнѣвомъ лицомъ, она ни на чемъ не останавливала глазъ и ни единымъ словомъ не нарушала воцарившагося въ покоѣ молчанія. Молча отпустила она свою свиту, молча прошла въ сопровожденіи Праксиной въ свою спальню и продолжала молчать, оставшись съ этой послѣдней наединѣ, пока она убирала ея волосы на ночь, одѣвала ее въ ночное платье и разувала ее.

Лизавета, все еще ожидая отъ нея обычной откровенности, медленно поднялась съ колѣней, снявъ съ стройныхъ ножекъ башмаки на высокихъ красныхъ каблукахъ и тонкіе, какъ паутина, шелковые ажурные чулки, накрыла ее атласнымъ пуховымъ одѣяломъ, погасила свѣчи въ канделябрахъ у трюмо и, прежде чѣмъ выйти въ сосѣднюю комнату, гдѣ ей была приготовлена постель, подошла къ кіоту, чтобъ поправить огонь въ лампадкѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, она обернулась, чтобъ раскланяться и, пожелавъ своей госпожѣ доброй ночи, удалиться, и увидѣла, что цесаревна лежитъ съ открытыми глазами, устремивъ пристальный взглядъ на образа, мягко сверкашіе золотомъ и драгоценными камнями своихъ ризъ въ таинственномъ свѣтѣ лампадки.

— Спокойной ночи, ваше высочество,—проговорила Лизавета съ низкимъ поклономъ.

Голосъ ея какъ-то странно прозвучалъ въ тишинѣ, наполнявшей глубокой и высокой покой, казавшійся еще выше и глубже отъ мрака, сгущавшагося особенно черно въ углахъ, до которыхъ не достигалъ свѣтъ отъ лампы. По стѣнамъ, постепенно замирая, трепетали фантастическими очертаніями тѣни отъ высокихъ шкаповъ и поставцовъ, украшенныхъ богатой рѣзьбой съ бронзой, отъ балдахина съ тяжелыми складками алаго штофа, сливаясь съ искаженными темнотою фигурами, выступавшими, тамъ и сямъ, капризными пятнами на гобеленахъ, украшавшихъ эти стѣны.

— Спокойной ночи,—разсѣянно повторила цесаревна, не отрывая пристального взгляда съ образовъ.

Ждать было больше нечего, и Лизавета прошла въ свою комнату.

Раздѣвшись, она стала на молитву и долго, долго молила Бога о душевномъ мирѣ и покоѣ, которыхъ съ каждымъ днемъ все

больше и больше жаждала ея измученная душа. Но, видно, такое ужъ наступило для русскихъ людей время, что и молитва не помогала. Ничѣмъ не успокоивалось душевное смятеніе, гнетъ неизвѣстности и злыхъ предчувствій ни на секунду не переставалъ давить сердце, и куда бы ни обращались мысли, всюду встрѣчали онѣ одинъ только таинственный мракъ и зло. Все доброе, честное, свѣтлое и чистое точно вымерло, торжествующее зло надвигалось все ближе и ближе, а помощи ждать было не отъ кого и неоткуда.

Казалось, самъ Господь отступался отъ жаждущихъ правды.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ становилось тяжелѣе дышать въ атмосферѣ произвола и беззаконія, подвоховъ и лжи, при отсутствіи настоящей, Богомъ освященной, власти, представителемъ которой являлся слабовольный ребенокъ, которымъ управляли ловкіе себялюбцы, давно забывшіе законы совѣсти. Тяжко было при гонителѣ русскихъ устоевъ Петрѣ, но тогда было съ кѣмъ бороться, и русскій православный человекъ зналъ, за что онъ страдаетъ и умираетъ, теперь и этой послѣдней отрады страдать за родину онъ лишентъ: его давятъ и гнетутъ въ угоду временщикамъ, которые сами ведутъ между собою ожесточенную борьбу, увлекая при паденіи ни въ чемъ неповинныхъ и возвышая при побѣдѣ недостойнѣйшихъ, и потому только, что люди безъ Бога и безъ совѣсти мѣшать имъ не могутъ.

Иванъ Васильевичъ все чаще и чаще заговариваетъ съ нею про ихъ имѣніе въ лѣсу, и, хотя онъ въ этомъ ей сознаваться не смѣетъ, она не можетъ не догадываться, что онъ спитъ и видитъ скорѣе ее туда увести отъ здѣшняго грѣха и соблазна, отъ всякаго страха и зла. И чѣмъ ближе она съ нимъ сходится, чѣмъ лучше узнаетъ его сильную и чистую душу, тѣмъ отрадаѣе ей останавливаться на мысли, что настоящая ихъ жизнь начнется тамъ, и что отъ нея зависить, чтобъ жизнь эта началась скорѣе. Почему же она медлитъ бѣжать изъ ада въ рай? Что ее здѣсь удерживаетъ? Какую можетъ она здѣсь приносить пользу? Теперь, при Долгорукихъ, стало невозможно сдѣлать то, что сдѣлалъ покойный Петръ Филипповичъ, царь такъ тѣсно окруженъ ихъ клеветами, что даже съ опасностью жизни къ нему не дадутъ подступиться... По всему видно, что и цесаревну также стѣснять. До сихъ поръ еще не рѣшались явно гнать ея приближенныхъ, какъ гонять ея приверженцевъ всюду, гдѣ бы они ни находились, за исключеніемъ Александровскаго. Удалили такого богатаго и сильнаго боярина, какъ Нарышкина, примутся теперь и за оставшихся при ней личныхъ слугъ. Набралась смѣлости отъ удачи-то, поди, чай, послѣ обрученія! Какъ начнутъ ее стращать да грозить сослать Алексѣя Григорьевича, да самоѣ ее въ монастырь заключить, не вынесетъ душевной муки и сдастся. Сила солому ломить. Не лучше ли имъ самимъ добровольно и во-время удалиться, чѣмъ

ждать бѣды? Долго ли взвести на нихъ клевету и сослать ихъ въ Сибирь, да еще въ разныя мѣста, чтобъ разлучить ихъ при этомъ? Отъ такихъ жестокосердныхъ всего можно ждать... А она уже чувствовала, что не въ силахъ будетъ переносить жизнь безъ Ветлова, да еще при мысли, что виной его несчастья—она, ея упорство оставаться при цесаревнѣ, ни на что не взирая... Раньше у нея была отговорка, сынъ, но теперь, благодаря Воронцову, она насчетъ мальчика своего покойна, изъ него сдѣлаютъ человѣка, полезнаго родинѣ: на человѣка, взявшагося замѣнить ему отца, можно положиться, какъ на каменную гору. Господь милостивъ, снялъ съ души ея самую тяжкую заботу, ей теперь надо пожалѣть Ветлова, который любить ее больше жизни, и который заставилъ ее понять лучшее, высочайшее счастье на землѣ—любовь!.. Завтра же, переговоривъ съ Маврой Егоровной, которая, она была въ этомъ увѣрена, ее одобритъ, будетъ она искать случая выпросить у цесаревны увольненія, и въ этомъ ей поможетъ и Алексѣй Григорьевичъ, который къ ней и къ жениху ея очень благоволитъ...

Въ мысляхъ этихъ было такъ много успокоительнаго, что мало-помалу душевное смятеніе стихло, возбужденіе нервовъ подалось физическому утомленію, и она стала засыпать. Но недолго длился ея покой: сдержанныя рыданія, раздававшіяся изъ спальни все громче и громче, заставили ее въ испугѣ проснуться и сорваться съ постели, чтобъ подбѣжать босикомъ къ двери и прислушаться.

Да, слухъ ея не обманулъ: это цесаревна рыдала. Оставить ее въ такую минуту одну у Лизаветы не хватило силъ. Пусть разсердится и выгонитъ вонъ, но она войдетъ къ ней, выскажетъ ей свою преданность и любовь, будетъ съ нею плакать, если ей нечѣмъ ее утѣшить...

Не успѣло это рѣшеніе образоваться въ ея умѣ, какъ ее позвали.

— Тетка!—прерывающимся отъ рыданій голосомъ проговорила цесаревна.

— Сейчасъ, ваше высочество.

— Ты не одѣта, это ничего... иди скорѣе!—съ нетерпѣніемъ закричала цесаревна.—Я хотѣла тебя будить, когда услышала, что ты подошла къ двери... мнѣ такъ тяжело... такъ тоскливо, что я не могу больше быть одна,—продолжала она, когда Праксина, накидывая на ходу платье, поспѣшно приблизилась къ кровати, на которой металась въ горькихъ слезахъ дочь Петра Великаго.—Если бъ ты только видѣла, какъ меня тамъ весь вечеръ оскорбляли! Какъ мнѣ на каждомъ шагу доказывали, что я въ ихъ власти, и что отъ нихъ зависитъ меня погубить! Какъ я все это вынесла! Какъ могла я молча и притворяясь, что ничего не замѣчаю, все это стерпѣть! Какъ я могла!—повторяла она, притягивая къ себѣ Лизавету, силой сажая ее на кровать рядомъ съ собой и прижимаясь къ ней трепещущимъ отъ негодованія и обиды тѣломъ.

— Нельзя вашему высочеству не проявлять силы воли прѣвыше остальныхъ смертныхъ, вы—царская дочь,— вымолвила Лизавета, прижимаясь губами къ ея рукамъ и нѣжно ея обнимая.— Будетъ еще и на вашей улицѣ праздникъ, Богъ дастъ!

— Когда же? Когда же? Долго ли мнѣ еще терпѣть?—съ возрастающими раздраженіемъ прервала ее ея слушательница.—Тебѣ хорошо говорить, и ты даже и представить себѣ не можешь, на что способны Долгорукіе!..

Это она говорила женщинѣ, мужа которой Долгорукіе замучили до смерти! Но Лизавета слишкомъ хорошо понимала, что справедливости и безпристрастія нельзя въ эту минуту отъ нея ждать, чтобъ оскорбляться ея безпамятностью, и только продолжала молча цѣловать ея руки.

— Имъ уже кажется, что они породнились съ царемъ, что княжна Екатерина ужъ его супруга, и что имъ все дозволено съ той высоты, на которую они залѣзли! Они на всѣхъ смотрятъ, какъ на подданныхъ, судьба которыхъ въ ихъ власти... Ты все повторяешь, что я—царская дочь! Поди къ нимъ, скажи имъ это, увидишь, какъ они это примутъ! Старый князь позволилъ себѣ сегодня покоситься на французскаго посланника за то, что онъ поклонился мнѣ тотчасъ послѣ царя и раньше, чѣмъ его дочери... вотъ до чего дошла его дерзость! Они, кажется, не останоятся передъ объявленіемъ войны тому государству, представитель котораго не будетъ прѣсмывать передъ дѣвчонкой, которая ничѣмъ не выше всѣхъ остальныхъ нашихъ подданныхъ... И вотъ теперь она возмнила себя выше всѣхъ, выше меня! Выше царской дочери, ближайшей къ престолу особы, и все потому только, что, забывъ всѣ благодѣянія, которыми осыпалъ его мой отецъ, проклятый Меншиковъ сошелся съ моими врагами, чтобъ отнять у меня престолъ! А я его еще жалѣла, этого злодѣя! я хотѣла просить царя оказать милость его дочери! Я забыла все зло, которое они мнѣ сдѣлали! Какъ могла я это забыть? Не понимаю! Не понимаю! Ну, теперь Долгорукіе заставили меня вспомнить, и ужъ, конечно, навсегда. Что такое ихъ бѣдствія сравнительно съ тѣмъ, что я переносу? Что такое Меншиковъ, когда мой отецъ вытащилъ его, на мое горе, изъ подлости и нищеты? Что такое утратилъ онъ, что принадлежало бы ему по праву рожденія? Ровно ничего... Я знаю, что ты хочешь сказать,—продолжала она, взглянувъ на Праксину и читая выраженіе упрека въ ея глазахъ,—что дѣти его не виноваты, что они родились въ роскоши, другой жизни раньше не знали, и что Марья готовилась сдѣлаться царицей! Да, да, все это такъ, но развѣ я-то въ чемъ нибудь виновата, чтобъ выносить то, что меня заставляютъ выносить? Развѣ я не родилась царскою дочерью отъ самодержавнаго русскаго царя, наслѣдовавшаго престолъ отъ предковъ? Они такъ подлы, что упрекаютъ меня въ

томъ, что я родилась до брака, но вѣдь отъ царя же, не отъ человѣка подлаго происхожденія, какъ Меншиковъ! А мать моя была дважды вѣнчана на царство... И всѣ они это знаютъ, и царенокъ, какъ ни притупили ему разумъ умышленно, чтобъ дольше за него управлять государствомъ, это знаетъ, вотъ почему боится меня. Они ему вдолбили въ голову, что меня народъ любитъ, что у меня много приверженцевъ, и что я имѣю несравненно больше правъ на престолъ, чѣмъ онъ... и теперь онъ такъ меня ненавидитъ и опасается, что, не задумываясь, подпишетъ какой угодно приговоръ противъ меня, хотя бы смертный... Но, прежде чѣмъ меня убить, они меня такъ истерваютъ, что я и смерти буду рада, какъ избавленію... они отнимутъ у меня всѣхъ, всѣхъ, кого я люблю, и безъ кого мнѣ жизнь будетъ невыносимой пыткой, они у меня отнимутъ моего дружка, тебя, Мавру... И я не въ силахъ буду васъ защитить, удержать васъ при себѣ! Бѣгите отъ меня, спасайтесь, пока еще не поздно! Никого они изъ милыхъ мнѣ не пощадятъ, никого! Толстыхъ до смерти замучили въ монастырской тюрьмѣ... сынъ ужъ умеръ, не выдержалъ мукъ... Дивьера, Бутурлина, Писарева, Нарышкина, всѣхъ, всѣхъ они продолжаютъ мучить и преслѣдовать изъ-за меня... Сегодня самъ старикъ, какъ узналъ о смерти молодого Толстого, первымъ долгомъ спросилъ: «а отецъ? неужто еще живъ?» и ужъ сегодня навѣрно будетъ туда посланъ приказъ еще тѣснѣе его содержать, перевести изъ монастырской кельи въ подземелье, лишить его пищи и тепла... Это человѣка, котораго такъ любилъ мой отецъ, что все ему спускалъ за умъ, за смѣтливость и преданность! О, уходите вы всѣ отъ меня, ради Самого Бога! Довольно жертвъ! Не хочу! Нѣтъ у меня больше надежды воздать вамъ за все, что вы изъ-за меня терпите, все пропало, сама хожу среди разставленныхъ кругомъ меня тенетъ, какъ птица, намѣченная охотниками, куда ни повернешься—всюду опасность, всюду бѣда неминуемая! А ты еще хочешь, чтобъ я за Меншиковыхъ хлопотала! Для самой себя, для васъ ничего не могу сдѣлать, о!..

Голосъ ея снова порвался въ рыданіяхъ.

— Ничего намъ не надо, ваше высочество, кромѣ счастья умереть за васъ, за дочь нашего царя, и никогда мы васъ не покинемъ, пока насъ силой отъ васъ не оторвутъ, чтобъ вести на казнь,—вымолвила Лизавета такимъ твердымъ голосомъ, что рѣшимость ея благотворно подѣйствовала на рыдавшую цесаревну, которая крѣпко прижала ее къ своей груди.—Ивольте успокоиться, ваше высочество,—продолжала Праксина, съ трудомъ сдерживая волненіе,—Богъ васъ не оставитъ. На Него надо полагаться, а не на людей. Люди, при всемъ желаніи, ничего безъ Его помощи не могутъ сдѣлать... И судьба ихъ, безъ различія званія и рожденія, въ Его пресвятыхъ рукахъ.

— Вотъ для Бога-то я и не хочу васъ губить! Ты, можетъ быть, думаешь, что я давнымъ давно не думаю, какъ мнѣ устроить

Алексѣя Григорьевича покойнѣе, чтобы онъ могъ безбѣдно и безопасно прожить свою жизнь вдали отъ меня? Ошибаешься,— продолжала она, постепенно успокоиваясь и устремляя взглядъ на свою собесѣдницу, которая давно ужъ спустилась съ кровати на колѣни, чтобъ въ болѣе почтительномъ положеніи продолжать интимный разговоръ, которымъ ее удостаивали,— я ужъ рѣшила отдать ему Александровское и, чтобъ окончательно спасти его отъ преслѣдованій, заставить его жениться...

— Ни за что онъ на это не согласится, ваше высочество! Не оскорбляйте его мыслью, чтобъ онъ могъ такой страшной цѣной купить себѣ жизнь и спокойствіе! Я васъ тоже не покину,— прибавила она порывисто, подъ напоромъ проснувшихся съ новой силой чувствъ любви и преданности въ ея растроганномъ сердцѣ.

— И ты думаешь, что Ветловъ тебѣ это позволить?—съ счастливой улыбкой протягивая ей руку, спросила цесаревна.

— Если бъ я могла подоарѣвать въ немъ другія чувства, чѣмъ тѣ, что у меня, развѣ я согласилась бы сдѣлаться его невѣстой? Если ему тяжело здѣсь оставаться, пусть уѣзжаетъ въ деревню; я къ нему пріѣду, когда моя обожаемая цесаревна будетъ на престолѣ,—вымолвила она, покрывая слезами и поцѣлуями протянувшую ей руку.

— А если этого никогда не будетъ?

— Тогда я до самой смерти при васъ останусь, вотъ и все.

Цесаревна нагнулась къ ней, приподняла ея голову и крѣпко поцѣловала ее въ губы.

— Я меньшаго отъ тебя не ждала, тетка, но все-таки ты такъ меня утѣшила, что мнѣ теперь и дышится легче, и силъ и терпѣнія на борьбу прибавилось,—проговорила она съ чувствомъ,— и увѣренности, что съ такими друзьями, какъ тѣ, которыми наградила меня Господь, мнѣ не погибнуть!

— Вотъ такъ-то лучше, ваше высочество! Имъ только то и нужно, чтобъ васъ въ уныніе привести, и поддаваться имъ отнюдь не слѣдуетъ! Бороться надо до послѣдняго издыханія съ врагами, а не уступать имъ. Да вѣдь я вамъ и не вѣрила, когда вы на себя наговаривали съ досады да съ обиды, я знала, что моя цесаревна не способна впастъ въ отчаяніе, положить оружіе, когда она еще такъ молода, сильна и обаятельна, что съ каждымъ днемъ число ей преданныхъ людей будетъ увеличиваться, а у Долгорукихъ враговъ будетъ все больше и больше. Мало ли что можетъ случиться, ваше высочество! Вѣдь всѣмъ міромъ управляетъ Господь, и воля Его ото всѣхъ сокрыта.

— Правда, тетка. Я вѣдь тебѣ высказала только дурное, только то, чѣмъ нестерпимо болѣло у меня сердце, а было и хорошее... Не даромъ Долгорукій такъ подозрительно и злобно отнесся къ французскому посланнику, у него было предчувствіе, что оказан-

ное мнѣ отмѣнное вниманіе не есть простая случайность, и вотъ почему, во время менуэта, на который я выбрала представителя французскаго короля въ кавалеры, онъ приказалъ своимъ клевретамъ вертѣться воокрѣ насъ, чтобъ подслушивать нашъ разговоръ...

— Вы, надѣюсь, были осторожны, ваше высочество? — не вытерпѣла, чтобъ не спросить, Лизавета.

— Не беспокойся, я ужъ не та глупая дѣвчонка, какой была два года тому назадъ, когда дала себя обойти Меншикову. Я устроила такъ, чтобъ узнать то, что мой кавалеръ имѣлъ мнѣ передать, въ такую минуту, когда никто насъ подслушать не могъ.

— Какъ же вы это сдѣлали?

— Очень просто: я предложила посланнику проводить меня до кареты и уѣхала въ то время, когда всѣ окружали царя съ его невѣстой. Посланникъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ очень много конфиденціального мнѣ передать отъ имени своего короля, но сдѣлаетъ это тогда, когда нельзя будетъ меня компрометировать, а теперь ограничится увѣреніемъ короля въ его исключительной ко мнѣ дружбѣ и преданности. Вотъ понимаешь теперь? Надо этого француза залучить къ намъ въ Александровское, чтобъ узнать остальное, и я увѣрена, что Ветловъ найдетъ средство это устроить. Поговори съ нимъ объ этомъ при свиданіи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мы завтра же вернемся домой, мнѣ здѣсь больше дѣлать нечего, и если царь поинтересуется узнать, почему я такъ скоро покинула Москву, и въ самый разгаръ празднествъ по случаю его обрученія, я скажу, что онъ такъ мало мнѣ оказывалъ вниманія, что я не желаю долже беспокоить его моимъ присутствіемъ. И какъ мнѣ будетъ пріятно ему это сказать, тезка! — прибавила она ужъ совсѣмъ весело и съ обычною легкомысленною беззаботностью.

Х.

Наступилъ новыи 1730 годъ.

Москва веселилась воею. Дня не проходило безъ новаго празднества, безъ новыхъ выдумокъ. Изобрѣтательны были Долгорукіе на развлеченія царя. Никогда еще не было въ Россіи такого молодого, беззаботнаго и жизнерадостнаго двора. Со смертью великой княжны Натальи Алексѣевны, послѣднее облачко разума и совѣсти разсѣялось на горизонтѣ окружавшей мальчика-государя атмосферы, никто ужъ больше не напоминалъ ему ни о чемъ неприятномъ, ни объ обязанностяхъ передъ народомъ, ни о необходимости приобрѣтать знанія для управленія государствомъ и беречь здоровье свое и силы на предстоящій ему тяжелый и трудный подвигъ служенія родинѣ въ качествѣ ея главы и представителя, ничего подобнаго никто ему не говорилъ, а изоцрялись только наперерывъ заглушить въ душѣ его тѣ зачатки добра,

которые онъ проявлялъ раньше, когда систематическая порча его умственныхъ и душевныхъ способностей не достигла намѣченной цѣли: воспитать изъ него безвольнаго кретина, ни на что доброе не способнаго, да сдѣлаться ему настолько необходимыми, чтобъ онъ чувствовалъ себя безъ Долгорукихъ вполне растеряннымъ и безпомощнымъ.

И этого достигли: своей воли, своихъ мыслей и даже вкусовъ у него больше не было, на все смотрѣлъ онъ ихъ глазами, и, къ ужасу немногихъ русскихъ людей, еще не изгнанныхъ изъ дворца, сама невѣста, тщеславная красавица съ умнымъ, властнымъ взглядомъ и хитрыми губами, съ каждымъ днемъ овладѣвала все сильнѣе и сильнѣе всѣмъ его существомъ; онъ такъ ея боялся, что въ ея присутствіи окончательно терялъ всякое самообладаніе и не только говорилъ, но и думалъ только то, что она хотѣла.

— Колдуны, чистые колдуны,—говорили про Долгорукихъ жители Москвы и окрестностей, крестясь дрожащими руками, чтобъ отогнать лукаваго, не перестававшаго въ это страшное время напентывать имъ опасныя мысли.

По увеличивавшимся съ каждымъ днемъ предосторожностямъ противъ скрытыхъ враговъ, принимаемымъ временщиками, можно было догадаться о томъ, какъ мало чувствовалъ себя царь въ безопасности среди русскаго народа, а исчезающіе почти каждый день люди разнаго званія и состоянія, изъ числа сторонниковъ цесаревны и неосторожныхъ хулителей самозваннаго правителя государства, служили краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этихъ догадокъ.

Казалось, что одна только забота о безопасности своей и своихъ занимала правителя. Всѣ государственныя дѣла были въ еще худшемъ востокѣ, чѣмъ при Меншиковыхъ, а о засѣданіяхъ членовъ тайнаго верховнаго совѣта всѣ забыли и вспоминать, точно никогда ихъ и не бывало.

Хорошо, что на окраинахъ бодрствовали и не щадили жизни для родины такіе молодцы изъ русскихъ людей, какъ Иванъ Максимычъ Шуваловъ на финляндской границѣ, графъ Головинъ, князь Урусовъ и другіе въ Остзейскомъ краѣ, Панинъ и гетманъ Апостоль съ малороссійскими казаками на границѣ Польши и Ливоніи, а Бутурлинъ охранялъ Россію отъ кочевья въ то время, какъ генераль Таракановъ зорко наблюдалъ за турками, калмыками и донскими казаками на Дону. Оскудѣвъ Русская земля честными людьми, не роди она такихъ героевъ, быть бы ей расхищенной на клочки многочисленными и вѣковѣчными своими врагами нѣмцами, поляками и басурманами.

Но долго оставаться въ такомъ положеніи государству было не мыслимо, и всѣ это понимали, всѣ, начиная съ тѣхъ самыхъ, которые создали изъ корыстныхъ видовъ это положеніе.

Что-то готовилось. Чего-то ждали, и ждали съ тоскливой тревогой и съ недовѣріемъ къ вершителямъ судьбы Россіи.

Въ концѣ Рождественскаго поста, темною ночью съ снѣжною мятелью, свирѣпствовавшей съ вечера, въ входную дверь небольшого флигеля близъ дворца, прятавшагося за высокими деревьями, покрытыми инеемъ, постучались.

Тутъ жилъ управитель Александровскаго, Ветловъ, и онъ ужъ давно спалъ въ спальнѣ, съ плотно притворенными дубовыми ставнями, когда ближайшій его слуга, Петруша, поднялся съ постели, чтобъ подойти къ двери въ прихожей, растворить ее и, выйдя въ сѣни, спросить у стучащихъ со двора:

— Кто тутъ, и кого нужно?

Странно ему показалось, что стуку этому не предшествовалъ ни стукъ растворяемыхъ воротъ, ни лай собакъ, ни скрипъ половецъ по снѣгу, ни топотъ лошадиныхъ копытъ. «Пѣшкомъ, видать, приперъ кто, но откуда же пролѣвъ, когда вся усадьба обнесена изгородью, и у всѣхъ воротъ замки и сторожевыя собаки?»— думалъ онъ, предлагая свой вопросъ незнакомцу.

— Отворяй скорѣе, паренекъ, давно ужъ я тутъ околачиваюсь, надобность мнѣ до Ивана Васильевича пребольшая. Впусти меня хоть въ сѣни, заябъ я дюже на вѣтру-то. Да скажи ему, что изъ Лебедина Сашуркинъ пришелъ.

Голосъ, произносившій эти слова, показался Петрушѣ знакомымъ, и онъ впустилъ ночного посѣтителя въ сѣни, заперъ за нимъ дверь и побѣжалъ будить своего барина.

Узнавъ, что къ нему пришелъ человекъ изъ лѣса, Иванъ Васильевичъ приказалъ тотчасъ же ввести его въ спальню, а самъ принялся наскоро одѣваться, въ полной увѣренности, что уснутъ ему въ ту ночь ужъ больше не придется.

Посѣщеніе это такъ живо напомнило ему предпоследнее свиданіе съ покойнымъ Праксинымъ, когда, рѣшившись итти на добровольную страду, онъ зашелъ къ своему молодому другу съ предсмертнымъ наставленіемъ для жены и сына, что морозъ пробѣжалъ у него по тѣлу отъ предчувствія новой бѣды. И предчувствіе не обмануло его. Посланецъ изъ лѣса явился съ просьбой отъ всѣхъ жителей лѣса какъ можно скорѣе туда пріѣхать, чтобъ всѣхъ ихъ спасти отъ великой опасности.

Броженіе, начавшееся по всей Россіи, начинало уже проникать и въ лѣсъ, благодаря появленію «новыхъ» людей.

— Уговариваютъ народъ сниматься съ мѣста, чтобъ присоединиться къ какой-то громадѣ, которая рѣшила, будто бы, овладѣть всѣми городами по берегамъ Волги и всѣми барскими помѣстьями, господъ всѣхъ повыгнать и убить, а самимъ расселиться въ захваченныхъ домахъ и усадьбахъ и такимъ образомъ положить начало новому всероссійскому царству вольныхъ православныхъ людей. Да бѣда въ томъ, что подстрекаютъ на это дѣло такіе людишки, которымъ вѣры нельзя давать, — объяснялъ Сашуркинъ, неболь-

шого роста крестьянинъ, съ умнымъ лицомъ, въ опрятномъ суконномъ кафтанѣ изъ верблюжьяго сукна, подпоясанномъ алымъ кушакомъ домашней пряжи.

Давно ужъ у лѣсныхъ жителей и сукно свое ткали и красили его.

— Что это за люди?—спросилъ Ветловъ.

— Разные, Иванъ Васильчъ, есть и казаки, и хохлы, и поляки, и русскіе; изъ-подъ Москвы даже двое проявились и хвастаются, что имъ все до крошечки извѣстно про то, что здѣсь дѣлается... Если имъ вѣрить, такъ ужъ царя-то и въ живыхъ нѣтъ, а будто подъ его именемъ Долгорукіе какого-то своего племяша на Москвѣ народу показываютъ...

— Вадоръ это, царь живъ и здоровъ,—объявилъ Ветловъ.

— Знаемъ мы, кабы умеръ, ты бы насъ оповѣстилъ, вѣдь тогда на престолѣ быть цесаревнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, всѣ мы за нее жизнь положить съ радостью готовы. Такъ вотъ наши старики и послали просить тебя къ намъ скорѣе пожаловать, чтобъ враки прищельцовъ прекратить. Зачали они свое проклятое дѣло съ села Яшкина...

— Это господъ Ратмировыхъ?

— Точно такъ. Тамъ, ты самъ знаешь, господъ-то никогда и не видывали, даже на освященіе храма никто не пріѣхалъ, а теперь имѣние принадлежитъ сироткѣ малолѣтней, которая у родственниковъ въ Москвѣ живетъ, а родственники тѣ, говорятъ, ближайшими людьми при Долгорукихъ состоятъ, у изводителей царя, ну, самъ посуди, въ какомъ тамъ смятеніи всѣ умы, и въ какое броженіе они сосѣдей приводятъ. Ужъ и въ Лебединѣ начинаютъ поговаривать, что давно отъ тебя нѣтъ вѣстей, и живъ ли ты, и почему не хлопчешь ты за цесаревну, если царенка-то больше на свѣтѣ нѣтъ. Кому же охота подъ Долгоруковскимъ отродьемъ быть, самъ ты посуди?

— Говорю же я тебѣ, что все это враки! Неужтожъ я бы васъ безъ вѣстей оставилъ, кабы взаправду царь Петръ Алексѣевичъ жизнь бы свою покончилъ! Развѣ не оповѣстилъ я васъ, и когда Меншиковыхъ сверзили, и когда великая княжна скончалась?—вскричалъ запальчиво Ветловъ.—Отъ меня, не отъ кого другого, узнали вы и про смерть Петра Филипповича, и за что ему мученическая кончина была, обо всемъ, что происходитъ при дворѣ, и что вамъ нужно знать, я васъ оповѣщаю, а вы тамъ какихъ-то воровъ, пришлыхъ и незнаемыхъ, къ себѣ пускаете и даете имъ народъ мутить враками! Да васъ, такимъ образомъ, и не вѣсть въ какой омутъ затануть! Разбойниковъ и поджигателей изъ васъ сдѣлаютъ! Креста на васъ, что ли, нѣтъ, чтобъ на такія воровскія рѣчи уши распускать?

— Мы, Иванъ Васильчъ, за тобой для того и послали, чтобъ ты нашихъ дураковъ образумилъ. Пріѣдешь, увидятъ тебя,

всему, что ты скажешь, повѣрятъ и незваныхъ гостей такъ турнуть, что въ другой разъ побоятся сунуться. Что дѣлать, слабъ народъ, постоянно подтягивать его надо. А ужъ какъ на пустыя розсказни лакомъ, такъ словъ нѣтъ сказать!

— Бога вы гнѣвите, вотъ что!—продолжалъ ворчать Ветловъ.— Отъ счастья да отъ спокойной жизни разжирѣли и забываться стали. И чего только старцы ваши смотрятъ, не понимаю! Ваше дѣло какое? Жить себѣ припѣваючи, работать да Бога благодарить, что никому до васъ дѣла нѣтъ, что забыли про васъ и про лѣсъ, въ которомъ вы пріютъ отъ людскихъ невгодъ нашли...

— Такъ, такъ, исполнѣ правильно ты говоришь, Василичъ,— съ глубокимъ вздохомъ вставилъ посланецъ.

— Времена таперича тяжкія, такого лихолѣтья на Руси давно не бывало,—продолжалъ, постепенно одушевляясь, Ветловъ.— Былъ лютой царь Иванъ, былъ Петръ, настоящій бичъ Божій, много русскій народъ отъ обоихъ вынесъ мучительства и глумленій, но оба царями были, и чувствовалась ихъ власть надъ Россіей; оба были русскими царями, и при нихъ намъ чужіе не страшны были; сами отъ нихъ страдали, но за родину не боялись, знали, что они Россію не выдадутъ и честь русскую передъ папистами, басурманами и всякими тамъ иновѣрцами погаными отстоятъ, а теперь нѣтъ у насъ царя настоящаго, потому что того мальчика неразумнаго, котораго на царство вѣнчали, поколь онъ не выростетъ и разума не наберется, правителемъ считать нельзя, и завладѣли имъ люди злые и корыстные. Надо, значить, ждать, да Богу молиться о терпѣннѣ и народъ тому же учить. Ничего больше не остается православному народу російскому дѣлать...

— Вотъ ты, Василичъ, этому самому терпѣннѣ нашъ народъ и научи, онъ тебя послушаетъ, какъ покойнаго Петра Филиппыча слушалъ. Ты и о насъ позаботься, да и о себѣ, да и о вдовѣ-то Петра Филиппыча съ сыночкомъ тоже, жалко вѣдь и всѣмъ намъ будетъ, если, Боже храни, эти людишки у насъ обоснуются, да зачнутъ ужъ, не какъ пришлецы, а какъ хозяева, нашъ народъ портить. Вонъ они теперь хуторъ Григорича торгуютъ, старикъ-то Григоричъ померъ, остался одинъ сынъ, и они этого парня подговариваютъ въ польскую землю переѣхать съ женой и тамъ торговлей заняться. И вѣдь хорошую цѣну за хуторъ-то ему даютъ. Не проста это, Василичъ.

— Злые люди никогда ничего проста не дѣлаютъ, братецъ, злого человѣкомъ «простымъ» не похвалишь,—замѣтилъ со вздохомъ Ветловъ.— Когда же ты въ Москву пришелъ и какъ къ намъ попалъ?—спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія.—И зачѣмъ такъ тайлся? Оно правда, что мы здѣсь съ опаской живемъ, отъ Долгоруковскихъ соглядатаевъ нашу цесаревну оберегаячи, но больше отъ бояръ, простые люди къ намъ сюда свободный имѣютъ входъ, и мы со всѣми здѣшними невозбранно знакомство водимъ.

— Я, Василичъ, отъ здѣшнихъ-то и таился. Мнѣ бы такъ обернуться здѣсь, чтобъ никому на глаза не попадаться... Такое дѣло,—продолжалъ не безъ смущенія Сашуркинъ.—Я вчера съ, еще днемъ, изъ сада къ твоему дому пробрался и до тѣхъ поръ подъ крыльцомъ притаившись сидѣлъ, пока вся усадьба не угомонилась, и все не стихло, тогда только осмѣлился изъ засады своей вылѣзти, чтобъ въ дверь постучаться...

— Какъ собаки тебя, татя ночного, не разорвали?—съ улыбкой спросилъ Ветловъ.

— Пріятель мой у васъ здѣсь, онъ отъ собакъ меня оберегалъ.

— Кто такой?

— Конюхъ Митрай Масленкинъ, изъ нашихъ вѣдь онъ, изъ лѣсныхъ.

— Вотъ кто! А мнѣ и не вдомекъ. Какъ ему было не пора дѣтъ родному человѣчку, земляку! Ужъ если мы, лѣсники, да другъ другу помогать въ нуждѣ не станемъ, не стоитъ тогда, на свѣтѣ жить... Чего же тебѣ еще надо, окромя того дѣла, для котораго тебя ко мнѣ прислали? Говори, не бойся, вѣдь я тоже землякъ и, въ чемъ можно, помогу тебѣ.

Но парень продолжалъ конфузиться и мяться.

— Да ужъ не знаю, право, какъ и сказать, Иванъ Васильевичъ...

— Чего тутъ не знать? Языкомъ скажи, какъ и все прочее.

— Прочее то все по порученію стариковъ, а это мое, моя выдумка...

— И свою выдумку скажи, вмѣстѣ мы ее обмыслимъ,—настаивалъ Ветловъ, не на шутку заинтересованный намѣреніями своего лѣсного знакома, который стоялъ передъ нимъ въ великомъ смущеніи, опустивъ глаза въ полъ и почесывая въ густой кудрявой копнѣ включенныхъ волосъ.

— Мнѣ бы супругу покойнаго нашего Петра Филиппыча надо повидать... проговорилъ онъ наконецъ съ отчаянною рѣшимостью, вскидывая на своего слушателя умоляющій взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ.

— Елизавету Касимовну?—съ удивленіемъ спросилъ Ветловъ.— На что она тебѣ? Ты вѣдь ее совсѣмъ не знаешь?

— Она ближайшая при цесаревнѣ...

— Ну?

— А мнѣ надо... Старики, какъ провожали меня, молвили такъ: постарайся безпремѣнно хоша бы издали на нашу цесаревну поглядѣть, чтобъ было здѣсь у насъ хоша бы одному изъ молодыхъ сказать, что самъ, своими глазами, видѣлъ дочь царя Петра, которую Меншиковы съ Долгорукими престоломъ обошли,—выпалъ онъ однимъ духомъ, набравшись наконецъ смѣлости.

— Что жъ, эта мысль дѣльная, и старики наши правы: вы за нее стоите, вамъ надо ее видѣть. Поживи тутъ у насъ еще денекъ.

Я найду времечко тебя Елизаветѣ Касимовнѣ представить, а она ужъ знаетъ, какъ тебѣ нашу цесаревну показать.

— Спасибо тебѣ, Василичъ, большое спасибо!—радостно вскричалъ наивный малый, съ просіявшимъ отъ счастья лицомъ, отвѣшивая низкій поклонъ своему собесѣднику.—Такъ я, значить, пойду теперь, пока еще не разсвѣтало...

— Куда ты пойдешь?

— Туда же, откуда пришелъ, подъ крыльцо...

— Оставайся адѣсь, глупышъ. Прибраться тебѣ надо, отдохнуть, помыться... Другой одежи у тебя нѣтъ съ собой?—продолжалъ Ветловъ, оглядывая съ ногъ до головы Сашуркина.

— Какъ не быть! Есть. Суму свою я у Митаева оставилъ, мнѣ бы съ нею подъ крыльцо-то и не пролѣзть.

— Хорошо. Ступай сюда,—продолжалъ Ветловъ, вводя своего гостя въ сосѣднюю горницу, служившую складочнымъ мѣстомъ для ненужныхъ вещей:—никто тебя здѣсь, кромѣ Петруши, не увидитъ...

— Петруша не выдастъ, онъ изъ нашихъ...

— У меня тутъ никто тебя не выдастъ. Ты—мой гость. Видишь тюкъ съ коврами, можешь ихъ разостлать и на нихъ прикурнуть. Когда будетъ нужно, мы тебя разбудимъ. Ёсть не хочешь ли?

— Спасибо, Иванъ Василичъ, весь вечеръ со скуки жевалъ пироги подъ лѣстницей, сытъ-сытешенекъ.

Устроивъ посланца въ надежномъ мѣстѣ, Ветловъ сталъ раздумывать о новостяхъ, принесенныхъ изъ лѣса. И чѣмъ больше думалъ онъ о томъ, что тамъ происходитъ, тѣмъ больше убѣждался, что старики правы: ему надо туда немедленно ѣхать.

Можетъ быть, и вся смута-то тамъ происходитъ потому, что давно тамъ его не видѣли. Въдь послѣ смерти Петра Филипповича къ нимъ изъ московскихъ никто не заглядывалъ, ну, и ослабѣлъ народъ безъ поддержки. Очень просто и за все, что тамъ происходитъ, за все волненіе и смуту, главной причиной онъ. Развѣ Петръ Филипповичъ не поручалъ лѣсного народа на его попеченіе вмѣстѣ съ женой и съ роднымъ сыномъ? И развѣ онъ не оставилъ ему живого примѣра, какъ надо о немъ заботиться и поддерживать въ немъ православный духъ, чтобъ не угасъ? Какъ могъ онъ такъ долго объ этомъ забывать! Какъ могъ съ легкимъ сердцемъ брать себѣ такой тяжкій грѣхъ на душу?!

Ничто не мѣшало ему предаваться размышленіямъ, вокругъ него царилъ та предутренняя тишина, которая всегда овладѣваетъ землей въ послѣднія минуты передъ пробужденіемъ людей и животныхъ къ всеневней жизни, съ обычными ея заботами и тягостями, какъ бы для того, чтобъ придать всему живущему силъ бороться съ этими тягостями. Воспоминанія длинной вереницей проходили передъ его духовными очами, озаряя настоящее такимъ яркимъ свѣтомъ, что въ сіяніи его видѣлось будущее.

— Блюди народъ нашъ лѣсной!

Слова эти такъ явственно прозвучали въ его ухахъ, что онъ вздрогнулъ и порывисто сорвался со стула, на которомъ сидѣлъ передъ столомъ, облокотившись и опустивъ голову на руки, чтобъ оглянуться по сторонамъ. Но все тутъ было, какъ всегда, и, кромѣ него, въ горницѣ, освѣщенной лампадкой, теплившейся передъ образами, никого не было... кромѣ Бога, Который вездѣ и читаетъ во всѣхъ сердцахъ. Раздавшіяся въ ухахъ его слова были произнесены покойнымъ Праксинымъ въ тихую же, какъ эта, снѣжную ночь, скоро годъ тому назадъ, и сегодня онъ въ первый разъ ихъ вспоминаетъ... Давно ужъ образъ Праксина является въ его воображеніи не иначе, какъ съ Лизаветой, и для того только, чтобъ напомнить ему, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, и что мѣсто свое въ сердцѣ жены онъ уступаетъ ему... Ну, а теперь онъ думаетъ про Лизавету только вскользь, чтобъ сообразить, какимъ образомъ объяснить ей необходимость покинуть ее надолго... Еще съ мѣсяцъ тому назадъ, это было бы легко, она тогда еще не любила его такъ сильно, какъ теперь... съ каждымъ днемъ сливаются они душою все ближе и ближе, нѣтъ ужъ у нихъ мысли, которой они бы не подѣлили другъ съ другомъ... Давно ли былъ онъ убѣжденъ, что любить ее больше, чѣмъ онъ ее любить,—невозможно, а теперь оказывается, что то, что онъ чувствовалъ къ ней раньше,—любовью нельзя назвать въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ чувствуетъ къ ней теперь. Тяжело будетъ разстаться. Но онъ даже на одно мгновеніе не останавливался на мысли не исполнить завѣтъ своего умершаго друга и не повиноваться требованію лѣсныхъ стариковъ. Между ними были такіе, все прошлое которыхъ обязывало къ повиненію имъ безпрекословно, такъ много выстрадали они за православіе отъ гонителей святой вѣры и русскихъ устоевъ... Не даромъ Петръ Филипповичъ былъ имъ преданъ всей душой и, какъ вблизи, такъ и вдали, жилъ и дѣйствовалъ въ одномъ съ ними духѣ и для одной общей съ ними цѣли—сохранить въ неприкосновенности, хотя бы въ одномъ уголкѣ Россіи, то, чѣмъ создалась родина, и чѣмъ живъ въ ней духъ, и когда нибудь, когда Господь уважетъ, доказать несчастнымъ, сбившимся съ истиннаго пути, соотечественникамъ, что можно, оставаясь русскими и не измѣняя православной вѣрѣ, жить привольно и свободно, пользуясь иноземными изобрѣтеніями и открытіями, вводя ихъ у себя, не поганяясь сближеніемъ съ иновѣрцами и иноземцами. Самъ Ветловъ былъ слишкомъ молодъ, чтобъ знать лично русскихъ бояръ, соблазненныхъ царемъ Петромъ въ иноземщину, но не даромъ прожилъ онъ лѣтъ десять въ постоянномъ общеніи съ Праксинымъ, который самъ пострадалъ отъ царя Петра, жилъ въ тѣсной, могущественной и сильной средѣ, окружавшей царя и вмѣстѣ съ нимъ трудившейся надъ истребленіемъ русскаго духа въ Россіи. Всѣхъ

этихъ главнѣйшихъ дѣятелей коротко зналъ Праксинъ и про всѣхъ про нихъ такъ много рассказывалъ своему ученику, что этому послѣднему часто казалось, что и онъ тоже, не по рассказамъ только, а на собственныхъ плечахъ вынесъ ихъ иго, собственными глазами видѣлъ, какъ они постепенно извращались подъ натискомъ чуждыхъ, насильно привитыхъ ихъ душѣ иноземныхъ понятій, представленій, чувствъ и вкусовъ. Развѣ Толстой, Петръ Андреевичъ, могъ бы быть такъ жестокъ къ своимъ, къ русскимъ, если бъ не находился постоянно, какъ въ чадѣ отъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чужихъ краевъ? Развѣ Меншиковъ превратился бы въ дьявола честолюбія, алчности и жестокости, если бъ не погасилъ въ себѣ вѣры въ Бога и въ святость русскаго народа? Теперь онъ, славу Богу, говорятъ, раскаялся и прозрѣлъ, но не всякому посылаетъ Господь такую благодать, а только избраннымъ своимъ... Врядъ ли Долгорукій когда нибудь прозрѣеть... Остервенился человѣкъ въ грѣхъ и въ жадности земныхъ благъ до умопомраченія, кромѣ зла, ничего отъ него не жди... Кто эти люди, которые пришли въ лѣсъ смущать сокрывшихся тамъ русскихъ людей... можетъ, подосланные отсюда или изъ Петербурга отъ Долгорукихъ, или отъ ихъ присныхъ... чтобъ забрать всю Россію для нихъ?.. Платятъ же имъ дань другіе села и города, черезъ воеводъ и ихъ ставленниковъ, захотѣлось, можетъ быть, и отъ обитателей лѣса вымучить выкупъ за покой и свободу?..

Все это надо обслѣдовать на мѣстѣ, и старики знали, что дѣлали, посылая за Ветловымъ. Послѣ Праксина имъ и обратиться-то больше не къ кому...

— Господи, помоги! Движи и направляй мою волю, Всеблагій! — шепталъ онъ воспаленными губами, падая на колѣни передъ образами. — Умудри меня исполнить завѣтъ раба твоего Петра, животъ свой положившаго за други своя! Подкрѣпи меня на великое дѣло, Господи! И да будетъ воля твоя со мною, грѣшнымъ, только спаси Россію!

Молился онъ до разсвѣта, и когда поднялся съ колѣней, то почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ тогда, когда подъ гнетомъ недоумѣнія и страха, обратился къ Тому, въ Котораго упованіе никогда не обманываетъ.

Усадьба проснулась, и подъ окнами флигеля управителя раздавались голоса и шаги по скрипучему снѣгу. Водовозы везли на салазкахъ воду изъ проруби сосѣдней рѣчки во дворецъ и во всѣ прилегающія къ нему строенія; печники разносили по печамъ дрова. Въ царской кухнѣ давно пылалъ огонь, да и въ другихъ уже началась стряпня. Черезъ часъ времени можно будетъ повидать Лизавету, передъ пробужденіемъ цесаревны и прежде, чѣмъ она позоветъ ее къ себѣ.

Ветловъ растворилъ дверь въ сосѣднюю горницу, служившую ему кабинетомъ, и позвалъ Петрушу, который въ ожиданіи этого зова убиралъ комнату.

И Петруша тоже долго не могъ сомкнуть глазъ послѣ появленія посланца изъ лѣса, поджидая выхода его изъ бариновой спальни, да такъ и заснулъ, его не дождавшись. Вѣрно, самъ баринъ ему отперъ на дворъ дверь, чтобъ никого не беспокоить... Однако, войдя въ спальню и услышавъ храпъ въ кладовой, онъ догадался, что баринъ уложилъ его здѣсь, и нисколько не удивился, когда Иванъ Васильевичъ приказалъ ему принести поѣсть посѣтителю и наблести, чтобъ здѣсь никто не догадался о его присутствіи въ усадьбѣ.

— Этотъ паренекъ изъ Лебедина,—нашелъ онъ нужнымъ ему объяснить.

— То-то мнѣ онъ показался знакомымъ по голосу. Въ сѣняхъ-то было совсѣмъ темно, когда я ему отворилъ и провелъ къ вашей милости.

— Кромѣ Петряева, про него никто здѣсь не знаетъ.

— Что Петряевъ, что могила: все единственно.

— Во дворцѣ проснулись?—спросилъ Ветловъ, почему-то стѣсняясь прямо освѣдомиться про Лизавету Касимовну.

Но Петруша догадался, про кого онъ спрашиваетъ.

— Лизавета Касимовна, говорятъ, прошли въ маленькую столовую завтракъ для Алексѣя Григорьевича готовить... Да вотъ и самъ Алексѣй Григорьевичъ, по тропинкѣ въ палисадникъ прогуливается, вѣрно, вашего выхода изволить поджидать, — прибавилъ онъ, указывая на окно въ палисадникъ, по которому дѣйствительно ходилъ взадъ и впередъ съ поникшей головой и съ озабоченнымъ лицомъ фаворитъ цесаревны въ нарядномъ мѣховомъ кафтанѣ, покрытомъ свѣтло-голубымъ бархатомъ и въ высокой собольей шапкѣ.

«О чемъ кручинится, добрый молодецъ?» — подумалъ Ветловъ, любуясь статнымъ и красивымъ молодымъ человѣкомъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и сдвинутыми темными, тонкими бровями, съ которымъ онъ наканунѣ вечеромъ видѣлся за ужиномъ. Онъ былъ тогда, по обыкновенію, веселъ, беззаботенъ и живнерадостенъ, развлекалъ свою царственную возлюбленную шутками и забавными рассказами. Что такое могло случиться ночью, чтобы испортить расположеніе его духа и нагнать такое мрачное выраженіе на все его существо? Онъ шагаль медленно, какъ старикъ, погруженный такъ глубоко въ думы, что тогда только замѣтилъ Ветлова, когда послѣдній подошелъ къ нему совсѣмъ близко и, поклонившись ему, пожелалъ добраго утра.

— Это вы, Иванъ Васильевичъ? Я васъ ждалъ, чтобы съ вами пройтись по хояйству передъ завтракомъ, надо любимую тройку

цесаревны посмотрѣть; вчера коренная что-то плохо бѣжала, ногу какъ будто зашибла, — заговорилъ онъ съ неестественнымъ оживленіемъ, отвертываясь отъ взгляда Ветлова, чтобы скрыть несомнѣнные слѣды слезъ на его припухшихъ вѣкахъ.

— Очень кстати, Алексѣй Григорьевичъ. Миѣ тоже нужно вамъ кое-что передать, — отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ.

— Такъ пойдемте въ паркъ; тамъ большая аллея кстати почищена.

Они прошли дворъ, завернули у самыхъ воротъ на тропинку между высокими сугробами, въ длинную прямую аллею изъ столѣтнихъ дубовъ, что вела къ пруду, и тутъ Шубинъ со свойственной ему экспансивностью сталъ распространяться о постигшемъ его горѣ. Цесаревна на него разгнѣвалась за то, что онъ позволилъ себѣ замѣтить ей, что они были бы гораздо счастливѣе, если бы она навсегда перестала думать о коронѣ.

— А развѣ я не правъ? Что ей эти мечтанія до сихъ поръ принесли? Ничего, кромѣ слезъ, досады, гнѣва и разочарованій, да опасности быть убитой или отравленной какимъ нибудь, подкупленнымъ Долгорукими, злодѣемъ, — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта на предложенный вопросъ. — И чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже, до тѣхъ поръ, пока у враговъ ея будутъ причины ея опасаться...

— Причины эти только съ ея смертью могутъ уничтожиться, — замѣтилъ Ветловъ, — а охранять ее отъ покушенія на ея жизнь, слава Богу, есть кому, начиная съ васъ, Алексѣй Григорьевичъ, послѣдній изъ здѣшнихъ жителей не задумается жизнью за нее пожертвовать.

— Правда, но каково жить въ этихъ постоянныхъ опасеніяхъ и ей самой и всѣмъ намъ, въ особенности, когда не знаешь, долго ли это будетъ продолжаться? Вѣдь царю всего только тринадцать лѣтъ недавно минуло; онъ можетъ и ее и всѣхъ насъ пережить... Да и непременно переживетъ, жизнь его обставлена сравнительно спокойно и во всякомъ случаѣ безопаснѣе нашей...

— Въ жизни и въ смерти Господь Богъ воленъ, а не люди, Алексѣй Григорьевичъ.

— Оно такъ-то такъ, а все же, кабы Долгорукіе не убили Праксина...

— Праксинъ самъ пошелъ на вольную страсть, такъ же добровольно, какъ и мы съ вами въ случаѣ надобности пойдемъ...

Говоря такимъ образомъ, Ветловъ спрашивалъ себя, для чего именно фаворитъ зазвалъ его въ паркъ, и что у него на умѣ. Но Шубину неудобно было, повидимому, самому про это заговорить. Какъ человѣку недаленовидному, ему было досадно, что такъ туго понимаются его намеки, и онъ все больше и больше въ нихъ запутывался, такъ что наконецъ Ветловъ надъ нимъ сжалился и

прямо спросилъ у него, чѣмъ онъ такъ разсердилъ цесаревну, что до сихъ поръ не можетъ оправиться отъ происшедшей съ нею ссоры.

— Быть не можетъ, чтобы все это вышло изъ-за того, что вы ей предложили отказаться отъ претензій на престолъ! Она бы вамъ на это отвѣтила, что это невозможно, вотъ и все.

— Нѣтъ, не за одно это: я ей сдѣлалъ предложеніе...

— Какое предложеніе?

— Послушайте, вѣдь сватаютъ же ее за разныхъ иноземныхъ принцевъ, чтобы отъ нея избавиться, почему же бы ей не выйти замужъ за русскаго человѣка, который ее безумно любитъ, и котораго она тоже любитъ, когда это спасло бы ее отъ преслѣдованій Долгорукихъ?

Ветловъ понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло.

— И вы ей предложили съ вами обвѣнчаться?

— Да. Что же тутъ такого особенно глупаго? Не понимаю! Она любить меня больше всѣхъ людей на свѣтѣ, она сама мнѣ объ этомъ говорила многое множество разъ... даже сегодня ночью... Вѣдь не зря же я ей это сказалъ, не сбухта-барахта, а послѣ того, какъ она мнѣ сказала, что счастлива только со мной, что поль- жизни отдала бы, чтобы намъ никогда не разлучаться и жить такъ, какъ простые люди живутъ... Я, разумѣется, ей повѣрилъ и предложилъ ей обвѣнчаться со мною и зажить такую жизнью, которая ей такъ нравится... А она разсердилась на меня за это и сказала, чтобы я никогда не смѣлъ думать о такой глупости. Какая же это глупость, Иванъ Василичъ? Я не понимаю.

У него въ голосѣ звучали слезы, и онъ смотрѣлъ на Ветлова такъ печально, что этому послѣднему стало его жаль.

— Надо исполнить волю цесаревны, Алексѣй Григорьевичъ, и вамъ это тѣмъ легче, что вѣдь не для себя же, не для своей безопасности, а для нея, придумали вы то, что предложили ей...

— Разумѣется, не для себя, — съ живостью подхватилъ онъ, точно испугавшись такого предположенія. — Неужели наплись бы люди, которые усомнились бы въ безкорыстїи моей любви къ цесаревнѣ!? Это было бы ужасно! Я былъ бы прямо въ отчаянїи...

— Что вамъ до мнѣнїя остальныхъ людей на свѣтѣ, когда вы увѣрены, что она никогда не заподозритъ васъ ни въ чемъ низкомъ и подломъ?

— О, въ этомъ я вполне увѣренъ!

— Нечего вамъ, значить, и сокрушаться, живите себѣ, наслаждайтесь вашею любовью, а о будущемъ не задумывайтесь; вотъ все, что я могу вамъ посовѣтовать.

— Такъ вы думаете, что надо забыть о случившемся?

— Само собою разумѣется... А доказательствомъ того, что и цесаревна этого желаетъ... вотъ она сама идетъ сюда къ вамъ, не

найдя васъ во дворцѣ,— продолжалъ онъ, указывая на боковую аллею, по которой торопливо шла въ алой парчевой душегрѣйкѣ на собольемъ мѣху и въ атласномъ бѣломъ капорѣ, отороченномъ лебяжьимъ пухомъ, цесаревна, весело улыбаясь морозному воздуху, румянившему ея щечки, и прищуривая свои синіе, большіе глаза, чтобы скорѣе различить проежъ покрытыхъ инеемъ вѣтвей фигуру своего возлюбленнаго.

— Куда ты запропастился, Алеша? — спросила она, устремляя на Шубина нѣжный взглядъ.— Вотъ ужъ съ полчаса, какъ я ищу тебя по всему дворцу... Ужъ начинала думать, не ускакалъ ли ты отъ меня за тридевять земель, чтобы наказать меня за то, что я назвала тебя дуракомъ... Сказалъ онъ тебѣ, за что, Иванъ Васильичъ? — обратилась она къ Ветлову, который, поцѣловавъ у нея руку, хотѣлъ было удалиться, и котораго она знакомъ удержала отъ этого намѣренія.

— Сказалъ, ваше высочество, и мы вмѣстѣ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ посмѣялись надъ его шуткой,—отвѣчалъ Ветловъ.

— Такъ это ты пошутилъ, Алеша?—обратилась она снова къ растерявшемуся молодому человѣку, который недоумѣвающимъ взглядомъ смотрѣлъ то на нее, то на Ветлова, не понимая цѣли его выдумки.— Вотъ и прекрасно! А вѣдь я подумала, что ты это серьезно, и потому такъ разсердилась, — прибавила она такъ поспѣшно, что готовое сорваться съ губъ его опроверженіе такъ и осталось невысказаннымъ.— Ну, помиримся и забудемъ о случившемся, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Она обняла руками его шею и звонко чмокнула въ губы, а затѣмъ спросила у Ветлова, почему они оба здѣсь вмѣсто того, чтобы итти въ столовую завтракать.

— Лизавета Касимовна не знаетъ, что и думать, часъ битый сидитъ за столомъ, кушанье стынетъ, и никто къ ней не идетъ. Бѣжимъ къ ней скорѣе!

И, взявъ своего сердечнаго друга за руку, она быстро направилась къ дворцу, куда за ними послѣдовалъ болѣе степеннымъ шагомъ Ветловъ.

Такъ и не удалось ему въ то утро сказать ей о своемъ намѣреніи уѣхать въ лѣсъ. Послѣ завтрака, чтобы окончательно разогнать печальное настроеніе Шубина, цесаревна затѣяла вмѣстѣ съ нимъ прокатиться до ближайшей деревни въ гости къ пасѣчнику, и Лизавета, оставшись одна, отправилась съ работой къ Маврѣ Егоровнѣ, куда вскорѣ явился и женихъ ея, чтобы обсудить сообща вѣсти, привезенныя изъ лѣса, и рѣшить, что именно изъ слышаннаго сообщить цесаревнѣ, чтобы получить отъ нея разрѣшеніе туда ѣхать.

— Скажите ей чистую правду, безъ утайки, бѣды въ томъ не будетъ, если она узнаетъ, что дѣлается въ Россіи, и какія на нее

возлагаетъ упованія русскій народъ,—сказала Мавра Егоровна.— Нѣтъ ничего дурного также и въ томъ, что вашъ посланецъ желаетъ ее видѣть, чтобъ удостовѣрить тамошній народъ, что она жива, здорова и благодарна ему за хорошія къ ней чувства. Мало ли что можетъ случиться, а преданностью и любовью народа всегда заручиться не худо! Я сама ей все это объясню и сумѣю ей представить, что необходимо вамъ тамъ лично побывать, какъ можно скорѣе... Вѣдь къ Пасхѣ вы къ намъ вернетесь?

— Къ Пасхѣ!—печально вскричала Лизавета.—Но вѣдь у насъ еще нѣтъ и Рождества!

— Хорошо, если удастся обернуться къ веснѣ,—замѣтилъ Ветловъ со вздохомъ.—Вѣдь тамъ придется пожить, чтобъ народъ вернуть на путь истинный и заставить опасныхъ пришельцевъ удалиться восвояси; скоро такія дѣла не дѣлаются.

— А нельзя вамъ эту поѣздку на нѣсколько дней отложить?—спросила Мавра Егоровна, замѣтивъ испугъ и отчаянье, вырвавшееся на лицѣ Лизаветы.

— Для чего?—освѣдомился Ветловъ.

— А хотя бы для того, чтобъ не оставлять Лизавету Касимовну вдовой на долгое время.

— Ну, это дѣйствительно причина изъ самыхъ важныхъ,—замѣтилъ Ветловъ, стараясь придать шуточный отгѣнокъ произносимымъ имъ словамъ. Но ему это плохо удавалось; онъ не смотрѣлъ на Лизавету, чтобъ окончательно не расчувствоваться, но чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, и ему было такъ больно, что большого стоило труда, чтобъ не кинуться къ ней и не сказать ей, чтобы она успокоилась, что, если ей такъ тяжело съ нимъ разстаться, онъ никуда не поѣдетъ.

— Я ничего противъ этого не имѣю, и если Иванъ Васильевичъ этого желаетъ, онъ уѣдетъ отъ насъ моимъ мужемъ,—объявила вдругъ Лизавета.

— Прекрасно, я сегодня же скажу все это цесаревнѣ и впередъ ручаюсь вамъ за ея согласіе,—подхватила Мавра Егоровна, поднимаясь съ мѣста и выходя изъ комнаты, чтобъ оставить своихъ гостей вдвоемъ.

— Скажите только слово, Лизавета Касимовна, и мы вмѣстѣ уѣдемъ въ дѣсь!—сказалъ Ветловъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго Лизавета сидѣла неподвижно, устремивъ пристальный взглядъ въ пространство, въ тяжеломъ раздумьѣ, а онъ смотрѣлъ на нее, спрашивая себя, какъ могъ онъ такъ легкомысленно рѣшиться на разлуку съ нею, когда онъ даже и одного часу прожить вдали отъ нея не въ силахъ.

— Я сказала все, что должна была вамъ сказать, Иванъ Васильевичъ. Вамъ надо ѣхать, а я должна оставаться здѣсь при цесаревнѣ, которой дала слово ея не покидать, пока она въ страхѣ

и въ печали. Но, мнѣ кажется,—прибавила она, поднимая на него полный любви взглядъ,—что намъ обоимъ разлука будетъ менѣе тяжела, если мы будемъ обвинены.

Растроганный до глубины души, онъ упалъ къ ея ногамъ и прижался лицомъ къ ея колѣнямъ, а когда черезъ минуту поднять голову, она увидала на глазахъ его слезы, которыя стерла подцѣлуемъ... первымъ, обвиненнымъ между ними, съ тѣхъ поръ, какъ они согласились принадлежать другъ другу.

Отъѣздъ Ветлова былъ отложенъ на два дня. Вънчался онъ въ дворцовой церкви. Посаженой у Лизаветы была цесаревна, а посаженнымъ пріѣхавшій по этому случаю изъ Москвы Михаилъ Ларионовичъ Воронцовъ, съ Филиппомъ, который несъ въ церковь образъ. Ветлова благословляли Мавра Егоровна съ Шубинымъ. Между присутствующими при брачномъ обрядѣ находился Сашуркинъ, который въ эти два дня не только успѣлъ вдоволь наглядѣться на дочь царя Петра, но и долго бесѣдовать съ нею о жизни въ лѣсу и о его обитателяхъ. Цесаревна послала съ нимъ поклонъ и обѣщаніе съѣздить лично познакомиться съ ними и поблагодарить ихъ за ихъ преданность и любовь.

Выѣхали Ветловъ съ Сашуркинымъ за недѣлю до праздника, и ѣхали они такъ скоро и счастливо, что пріѣхали въ Лебедино въ самый день Рождества Господня, да такъ удачно, что успѣли переодѣться и попасть въ церковь, въ Яшкино, къ обѣднѣ.

Съ ними пріѣхалъ въ новый для него и совсѣмъ невѣдомый край и Грицко. Съ поступленіемъ Авдотьи Петровны въ монастырь да съ переѣздомъ его маленькаго барина въ домъ Воронцовыхъ, ему въ Москвѣ дѣлать было больше нечего, и, не желая разставаться съ семьей, которой посвятилъ всю свою жизнь, онъ принялъ предложеніе Ветлова помогать ему устраивать теплое и уютное гнѣздышко для милой жены и коротать съ нимъ время, дѣлать тоску одиночества въ ожиданіи воли Божіей, когда, сжалившись наконецъ надъ ихъ бѣдствіями, Ему, всемилостивому, угодно будетъ соединить ихъ вдали отъ мірской суеты, грѣха и страха.

Обрадовалась Лизавета, узнавъ, что ея старшій Грицко ѣдетъ съ Иваномъ Васильевичемъ въ лѣсное ихъ имѣніе: отпуская его съ нимъ, она какъ бы отпускала часть своей души, такъ близокъ ей былъ этотъ старикъ, на рукахъ котораго она трехлѣтнимъ ребенкомъ пріѣхала въ Москву и съ которымъ не разставалась до поступленія на службу къ цесаревнѣ, поручивъ на попеченіе его то, что у нея было всего дороже на свѣтѣ—сына.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ¹⁾.

(1751 — 1758).

III.

В МАѢ мѣсяцѣ я снова почувствовала признаки беременности. Мы поѣхали въ Люберцы, имѣніе великаго князя, верстахъ въ 12 или 14 отъ Москвы. Тамошній каменный домъ, нѣкогда построенный княземъ Меншиковымъ, развалился, и мы не могли жить въ немъ. Для насъ разбили на дворѣ палатки. Поутру, съ 3 или 4 часовъ, я просыпалась отъ удара въ топора и отъ стукотни плотниковъ, которымъ велѣно было поскорѣе выстроить новый деревянный флигель, чтобы мы въ то же лѣто могли перейти въ него. Они работали, можно сказать, въ двухъ шагахъ отъ нашихъ палатокъ. Почти все время мы охотились или гуляли; я больше не ѣздила верхомъ, а въ кабриолетѣ. Около Петрова дня мы возвратились въ Москву, гдѣ со мною сдѣлалась такая спячка, что я каждый день не просыпалась раньше 12 часовъ, иногда едва могли разбудить меня къ обѣду. Петровъ день отпраздновали по обычаю; я нарядилась, была въ церкви, за обѣдомъ, на балу и на ужинѣ. На другой день я почувствовала боль въ почкахъ. Чоголова привела повивальную бабushку, которая сказала, что я выкину, что дѣйствительно и случилось въ слѣдующую ночь. Беременность моя продолжалась всего два или три мѣсяца. Въ теченіе тринадцати дней я была въ большой опасности; боялись, что послѣдъ не весь

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIV, стр. 47.

вышелъ изъ меня, и не говорили мнѣ о томъ. Наконецъ въ 13-й день оставшаяся часть послѣда дѣйствительно вышла сама собой, безъ боли и усилій. По этому случаю я должна была шесть недѣль оставаться въ комнатѣ, гдѣ было невыносимо жарко. Императрица навѣстила меня въ первый же день моей болѣзни, и, повидимому, очень сострадала мнѣ. Эти шесть недѣль я провела въ смертельной скукѣ. Все мое общество состояло изъ Чоголовой (да и та приходила довольно рѣдко) и изъ маленькой калмычки, которую я любила, потому что она была премилое существо. Отъ скуки я часто плакала. Что касается до великаго князя, то онъ, по большей части, сидѣлъ у себя въ комнатѣ съ камердинеромъ своимъ, мало-россіяниномъ Карновичемъ, пьяницею и дуракомъ, который забавлялъ его, какъ умѣлъ, и доставлялъ ему игрушекъ, вина и другихъ крѣпкихъ напитковъ, сколько могъ. Это дѣлалось тайкомъ отъ Чоголова, котораго, впрочемъ, всѣ обманывали и надъ которымъ всѣ забавлялись. Но на этихъ ночныхъ и тайныхъ вакханаліяхъ часто случалось, что камердинеры, въ числѣ которыхъ было нѣсколько человекъ калмыковъ, не слушались великаго князя и не хотѣли служить ему, потому что напивались до безсознательности и забывали про своего господина, и что господинъ этотъ— великій князь. Въ такихъ случаяхъ его императорское высочество прибѣгало къ палочнымъ ударамъ или обнажалъ шпагу; но, несмотря на то, прислуга плохо повиновалась ему, и онъ не разъ приходилъ ко мнѣ жаловаться на людей своихъ и просилъ, чтобы я ихъ вразумила. Я отправлялась къ нему, держала къ нимъ рѣчь, напоминала имъ ихъ обязанности, и они тотчасъ становились покорны и послушны. По этому случаю великій князь не разъ говорилъ мнѣ и повторялъ также Брессану, что онъ не понимаетъ, какъ я умѣю обращаться съ этими людьми, что онъ сѣчетъ ихъ, и все-таки они его не слушаются, а я однимъ словомъ дѣлаю изъ нихъ, что мнѣ угодно. Однажды по этому же случаю я вошла въ комнату его высочества и была поражена представившимся зрѣлищемъ. По серединѣ кабинета, который онъ устроилъ себѣ, прорубивши стѣну, была повѣшена огромная крыса. Я спросила, что это значитъ, и получила въ отвѣтъ, что крыса эта совершила уголовное преступленіе, и по военнымъ законамъ подверглась жесточайшему наказанію, что она забралась въ бастионы картонной крѣпости, стоявшей у него на столѣ въ этомъ кабинетѣ, и на одномъ изъ бастионовъ она съѣла двухъ поставленныхъ на стражу часовыхъ изъ крахмала, что за это онъ приказалъ судить преступницу военнымъ судомъ, что его собака-ищейка поймала крысу, которую немедленно затѣмъ повѣсили съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ казни, и которая въ теченіе трехъ сутокъ будетъ висѣть на глазахъ публики для внушенія примѣра. Я не могла удержаться отъ хохота, выслушавъ эту удивительную нелѣпость; но это очень

не понравилось великому князю, и видя, какую важность придаетъ онъ казенной крысѣ, я ушла и сказала, что, какъ женщина, ничего не смыслю въ военныхъ законахъ. Но онъ не переставалъ дуться на меня за тотъ хохотъ и за то, что, въ оправданіе крысы, я говорила о необходимости, прежде чѣмъ вѣшать ее, спросить и выслушать ея оправданіе.

Когда мы въ этотъ разъ жили въ Москвѣ, одинъ изъ придворныхъ лакеевъ сошелъ съ ума и даже сталъ бѣситься. Императрица поручила первому своему медику Бюргаву заняться этимъ чело-вѣкомъ. Его помѣстили во дворцѣ, въ комнатѣ, находившейся недалеко отъ комнатъ Бюргавы. Случайно въ этотъ же годъ еще нѣсколько чело-вѣкъ сошло съ ума. По мѣрѣ того, какъ императрица узнавала о томъ, ихъ брали ко двору и помѣщали поблизости къ Бюргаву, такъ что при дворѣ образовалось небольшое заведеніе умалишенныхъ. Помню, что замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были майоръ гвардейскаго Семеновскаго полка Чедаевъ, подполковникъ Линтрумъ, майоръ Чоглоковъ, одинъ монахъ изъ Воскресенскаго монастыря, отрѣзавшій себѣ бритвою дѣтородныя части, и многіе другіе. Сумасшествіе Чедаева состояло въ томъ, что онъ воображалъ себя шахомъ Надиромъ, или иначе Тахмасъ-Кулиханомъ, тираномъ и похитителемъ персидскаго престола. Медики, подобно Господу Богу, не будучи въ состояніи вылѣчить его отъ глупости, передали его на руки попамъ. Тѣ убѣдили императрицу, что его слѣдуетъ отчитывать. Ея величество сама присутствовала при отчитываніи, но Чедаевъ остался такъ же глупъ, какъ былъ или казался прежде. Нѣкоторые сомнѣвались въ его сумасшествіи, потому что онъ говорилъ здраво обо всемъ, какъ скоро не заговаривалъ о Надиръ-шахѣ; даже старые друзья приходили къ нему совѣтоваться о дѣлахъ своихъ, и онъ давалъ имъ весьма благоразумные совѣты. Подозрѣвавшіе его сумасшествіе говорили, что онъ притворяется для того, чтобы этою хитростью развязаться съ однимъ непріятнымъ дѣломъ: съ самаго начала царствованія императрицы онъ занимался повѣркою подушныхъ, былъ обвиненъ въ взяткахъ, долженъ былъ подпасть подъ судъ, и, страшась суда, выдумалъ свое сумасшествіе, которое избавляло его отъ законнаго преслѣдованія.

Въ половинѣ августа мы возвратились въ деревню. Именины свои, 5-е сентября, императрица провела въ Воскресенскомъ монастырѣ; когда она молилась Богу, громовой ударъ упалъ въ церковь; по счастью, ея величество стояла въ придѣлѣ, а не въ главной церкви, и узнала о случившемся только по испуганнымъ лицамъ своихъ придворныхъ; впрочемъ не было ни раненыхъ, ни убитыхъ. Вскорѣ затѣмъ она возвратилась въ Москву, куда и мы пріѣхали изъ Люберець. Въ самый день пріѣзда въ городъ мы были свидѣтелями, какъ принцесса Курляндская цѣловала публично

руку у императрицы, благодаря за то, что ей позволено было итти замужъ за князя Григорія Хованскаго: она поссорилась съ первымъ своимъ женихомъ Петромъ Салтыковымъ, который въ свою очередь тотчасъ послѣ этого женился на княжнѣ Сонцовой. 1-го ноября этого года, часовъ около трехъ послѣ обѣда, сидя въ комнатѣ у Чоглоковой, я видѣла, какъ Чоглоковъ, С. Салтыковъ, Л. Нарышкинъ и многіе другіе придворные кавалеры отправились въ покои къ камергеру Шувалову поздравлять его со днемъ рожденія, который приходился въ это число. Мы съ Чоглоковой и княжною Гагариной разговаривали между собою, какъ вдругъ услышали какой-то шумъ въ небольшой молельной, находившейся рядомъ съ комнатою, гдѣ мы сидѣли. Вслѣдъ затѣмъ явилось нѣсколько человекъ изъ тѣхъ, которые отправились къ Шувалову; они сказали намъ, что въ дворцовыхъ залахъ загорѣлось, такъ что они не могли пройти ими. Я тотчасъ пошла къ себѣ и, проходя одною изъ переднихъ комнатъ, увидала, что угловая балюстрада большой залы вся въ огнѣ. Это было въ двадцати шагахъ отъ нашего флигеля. У себя въ комнатахъ я встрѣтила солдатъ и лакеевъ, которые выбирали мебель и выносили, что было можно. Чоглокова была со мною, и такъ какъ больше ничего не оставалось дѣлать въ домѣ, который долженъ былъ непремѣнно загорѣться, то мы съ Чоглоковой вышли изъ него и, встрѣтивъ у крыльца коляску капельмейстера Арайи, пріѣхавшаго на концертъ къ великому князю (котораго я сама извѣстила о пожарѣ), сѣли въ эту коляску. На улицѣ было очень грязно, потому что нѣсколько дней сряду шелъ дождь, и мы, сидя въ коляскѣ, смотрѣли на пожаръ и на то, какъ выносили мебель изъ всѣхъ выходовъ дворца. Тутъ мнѣ случилось увидѣть удивительную вещь: необыкновенное множество крысъ и мышей спускались съ лѣстницы одна за другою, даже вовсе не торопясь. Не было возможности спасти это огромное деревянное зданіе: пожарныхъ инструментовъ было очень мало, да и тѣ стояли подъ самою тою залою, которая загорѣлась и которая находилась почти въ самой серединѣ зданія, занимавшаго со всѣми пристройками около двухъ или трехъ верствъ въ окружности. Я вышла изъ него ровно въ 3 часа, а въ 6 часовъ отъ него не оставалось уже никакого слѣда. Жаръ отъ огня былъ такъ великъ, что ни я, ни Чоглокова не могли долѣе выносить его, и приказали кучеру отъѣхать на нѣсколько сотъ шаговъ, въ ближайшую деревню. Наконецъ къ намъ прибыли Чоглоковъ и великій князь и объявили, что императрица перебралась въ Покровскій дворецъ, а намъ приказала ѣхать въ домъ къ Чоглокову, находившійся на правой рукѣ, на первомъ углу большой Слободской улицы. Мы тотчасъ отправились туда. Домъ этотъ состоялъ изъ залы по серединѣ и четырехъ комнатъ на каждой сторонѣ. Хуже помѣщенія врядъ ли можно было сыскать. Ото-

всюду несло сквознымъ вѣтромъ, окна и двери на половину сгнили, въ щели между бревнами можно было просунуть три и четыре пальца, и вдобавокъ пропасть всякихъ насѣкомыхъ. Въ немъ жили дѣти и прислуга Чоголовыхъ; какъ только мы прїѣхали, ихъ тотчасъ вывели, и мы расположились въ этомъ страшномъ домѣ, въ которомъ, сверхъ всего, почти не было на чемъ сѣсть. На другой день моего житья въ этомъ домѣ я имѣла случай сдѣлать наблюденіе надъ калмыцкимъ носомъ. Поутру, когда я проснулась, дѣвочка моя, калмычка, показала мнѣ на носъ свой и сказала: «У меня тутъ орѣхъ». Я пощупала ея носъ и ничего не нашла; но она все утро безпрестанно толковала, что у нея въ носу орѣхъ. Это былъ ребенокъ лѣтъ четырехъ или пяти; никто не могъ понять, о какомъ орѣхѣ говоритъ она. Около обѣда она съ разбѣгу упала, наткнувшись на столъ, стала плакать, вынула платокъ, и когда вытирала себѣ носъ, орѣхъ выпалъ у нея изъ носу. Я сама видѣла это и убѣдилась въ разницѣ между калмыцкимъ и европейскимъ носомъ; въ семъ послѣднемъ орѣхъ никакъ не можетъ помѣститься такъ, чтобы его не было замѣтно, а въ углубленіи калмыцкаго носа, вдающагося въ голову между двумя толстыми щеками, помѣщается. Платья наши и всѣ необходимыя вещи остались въ грязи передъ сгорѣвшимъ дворцомъ; намъ привозили ихъ въ теченіе ночи и на слѣдующій день. Мнѣ особенно жаль было моихъ книгъ; я тогда дочитывала четвертую часть Бэйлева лексикона. Я читала его въ теченіе двухъ лѣтъ, проходя каждые полгода по одной части, изъ чего можно себѣ представить, какую уединенную жизнь я вела. Наконецъ мнѣ принесли ихъ; платья мои также нашлись. Владиславова, ради любопытства, показала мнѣ при этомъ случаѣ юбки графини Шуваловой: онѣ всѣ были сзади подбиты кожею, потому что владѣтельница ихъ, съ тѣхъ поръ, какъ родила въ первый разъ, не могла больше удерживать урины, отчего, разумѣется, юбки страшно воняли. Я поскорѣе отослала ихъ къ ней. Въ этотъ пожаръ императрица лишилась всего своего огромнаго гардероба, который привезенъ былъ въ Москву. Я имѣла честь слышать отъ нея самой, что при этомъ сгорѣло 4.000 паръ платьевъ, и что изъ всѣхъ ихъ она жалѣетъ только объ одномъ, именно спитомъ изъ той матеріи, которую я ей подарила, и которая была прислана мнѣ матушкою. Тутъ же погибли и другія драгоценныя вещи императрицы, между прочимъ, огромный тазъ съ рѣзными каменьями, который былъ купленъ графомъ Румянцевымъ въ Константинополь, и за который заплачено было 8.000 червонцевъ. Всѣ эти вещи хранились въ гардеробной, находившейся надъ тою самою залою, которая загорѣлась. Зала эта служила аванзалой другой большой дворцовой залѣ; въ 10 часовъ истопники пришли топить ее, положили дровъ въ печь и затопили по обыкновенію. Зала наполнилась ды-

момъ; истопники подумали, что дымъ проходитъ сквозь незамѣтныя скважины, и начали замазывать промежутки между кафелями фаянсовою глиною; но дымъ не прекращался; они стали искать щелей въ самой печкѣ и, ничего не нашедши, догадались, что щель — въ простѣнкѣ, отдѣлявшемъ залу отъ той комнаты, откуда топилась печь. Этотъ простѣнокъ былъ деревянный. Они пошли за водою и погасили огонь въ печи; но дымъ шелъ еще больше прежняго, и проникъ въ переднюю комнату, гдѣ стоялъ на часахъ конногвардеецъ. Сей послѣдній хотѣлъ тушить, но не смѣлъ до срока сойти съ мѣста, и потому разбилъ окошко и началъ кричать. Его никто не слышалъ, и никто не приходилъ на помощь. Тогда онъ выстрѣлилъ изъ ружья въ окно. Этотъ выстрѣлъ услышали на гауптвахтѣ, находившейся напротивъ дворца. Прибѣжавшіе люди были встрѣчены густыми облаками дыма, изъ котораго они вывели часового. Истопниковъ взяли подъ стражу. Они воображали, что могутъ сами потушить огонь или, по крайней мѣрѣ, остановить дымъ, и съ настоящимъ усердіемъ занимались этимъ въ теченіе пяти часовъ. По случаю этого пожара Чоглокову удалось сдѣлать открытіе. Въ комнатахъ великаго князя было нѣсколько огромныхъ комодовъ; когда ихъ выносили, нѣсколько ящиковъ, не запертыхъ или плохо запертыхъ, обнаружили передъ зрителями ихъ содержаніе. Повѣрять ли? Всѣ ящики были биткомъ набиты множествомъ винныхъ бутылокъ и водочныхъ штофовъ. Это былъ погребъ его императорскаго высочества. Чоглоковъ разсказалъ мнѣ о томъ; я сказала ему, что обстоятельство это было мнѣ неизвѣстно, и сказала правду: дѣйствительно я ничего не знала о томъ, хотя часто и почти ежедневно видѣла великаго князя пьянымъ.

Послѣ пожара около шести недѣль мы оставались въ домѣ Чоглокова. Намъ часто приходилось проѣзжать мимо одного дома съ садомъ, находившагося недалеко отъ Салтыкова моста; домъ этотъ принадлежалъ императрицѣ и назывался архіерейскимъ, потому что императрица купила его у одного архіерея. Намъ вздумалось, безъ вѣдома Чоглоковыхъ, попросить императрицу, чтобы она позволила намъ перейти въ этотъ домъ, который, какъ мы слышали и какъ казалось, былъ помѣстительнѣе Чоглоковскаго. Намъ позволили поселиться въ архіерейскомъ домѣ. Это было очень ветхое деревянное строеніе безъ всякаго виду; оно было выстроено надъ каменными погребями и потому было выше Чоглоковскаго одноэтажнаго дома. Печки были такъ ветхи, что, когда ихъ топили, можно было насквозь видѣть огонь, такъ много было скважинъ; дымъ обыкновенно наполнялъ комнаты, и отъ него у насъ болѣли головы и глаза. Мы подвергались опасности сторѣть живыми; въ домѣ всего была одна деревянная лѣстница, а окна очень высоки отъ земли. Дѣйствительно, пока мы оставались въ немъ, онъ за-

горался раза два или три, но всякій разъ тушили. У меня разболѣлось горло, и сдѣлалась лихорадка. Въ самый день, когда я занемогла, у насъ долженъ былъ на прощанье ужинать г. Брейтхардтъ, вновь пріѣхавшій въ Россію отъ вѣнскаго двора. Я встрѣтила его распухая и съ красными глазами. Онъ подумалъ, что я плакала, и не ошибся; скука физическая и нравственная неловкость и неудобство моего положенія наводили на меня ипохондрію. Я цѣлый день просидѣла съ Чоглоковою въ ожиданіи тѣхъ, которые не являлись. Чоглокова безпрестанно твердила: вотъ какъ насъ помнятъ. Мужъ ея устроилъ гдѣ-то обѣдъ и всѣхъ пригласилъ на него; С. Салтыковъ увѣрялъ насъ, что уйдетъ отъ этого обѣда, но, несмотря на всѣ свои обѣщанія, воротился не раньше самого Чоглокова. На все это я злилась, какъ собака. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней намъ позволили отправиться въ Люберцы, которые показались намъ раемъ. Тамошній домъ былъ только что выстроенъ и довольно хорошо расположенъ. Мы каждый вечеръ танцовали, и къ намъ собирался весь нашъ дворъ. На одномъ изъ этихъ баловъ мы замѣтили, что великій князь что-то очень долго говорилъ на ухо Чоглокову, послѣ чего Чоглоковъ сдѣлался печаленъ, задумчивъ, меньше говорилъ, какъ-то черезчуръ насупился и чрезвычайно холодно обращался съ С. Салтыковымъ. Сей послѣдній подсѣлъ къ дѣвицѣ Марѣѣ Шафировой и сталъ развѣдывать у нея, откуда такая необыкновенная дружба у великаго князя съ Чоглоковымъ. Шафирова отвѣчала, что она не можетъ объяснить этого, но что великій князь нѣсколько разъ говорилъ ей: «С. Салтыковъ и жена моя неслыханнымъ манеромъ обманываютъ Чоглокова. Онъ влюбленъ въ великую княгиню, а она терпѣть его не можетъ. Сергѣй Салтыковъ сдружился съ Чоглоковымъ и увѣряетъ его, будто ухаживаетъ за моею женою для него, между тѣмъ какъ ухаживаетъ для самого себя; а она терпитъ С. Салтыкова, потому что съ нимъ ей весело и пользуется имъ, чтобы дѣлать изъ Чоглокова, что ей угодно; на самомъ же дѣлѣ она смѣется надъ ними обоими. Я долженъ разувѣрить бѣднаго Чоглокова; мнѣ жаль его. Я открою ему правду, и тогда онъ увидитъ, кто настоящій другъ ему, я или жена моя». Узнавъ объ этомъ опасномъ діалогѣ и о непріятныхъ послѣдствіяхъ его, С. Салтыковъ рассказалъ обо всемъ мнѣ. Затѣмъ онъ подсѣлъ къ Чоглокову и сталъ спрашивать его, что съ нимъ. Тотъ сначала ничего не хотѣлъ отвѣчать и только вздыхалъ, потомъ принялся пѣть іереміаду о томъ, какъ трудно сыскать вѣрныхъ друзей, и, наконецъ, С. Салтыковъ, пытая его съ разныхъ сторонъ, добился того, что онъ передалъ ему свой разговоръ съ великимъ княземъ. (Надо было непременно узнать о томъ въ точности, ибо догадаться объ ихъ разговорѣ, конечно, было трудно). Его императорское высочество началъ съ того, что распространился передъ

Чоглоковымъ въ увѣреніи дружбы, говоря, что истинныхъ друзей можно отличить отъ ложныхъ только въ настоятельныхъ случаяхъ жизни, что онъ хочетъ доказать ему искренность своей дружбы и удостовѣрить его въ своемъ чистосердечіи. «Я знаю навѣрное,— говорилъ онъ,— что вы влюблены въ великую княгиню; я вамъ не ставлю этого въ вину, можетъ быть, она кажется вамъ достойной любви, человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ, но я долженъ предупредить васъ, что вы ошибаетесь въ выборѣ друзей. Вы воображаете, что С. Салтыковъ—другъ вашъ, и что онъ ухаживаетъ за великой княгиней для васъ; вы и не подозреваете, что онъ—вашъ соперникъ и ухаживаетъ за ней для самого себя; а она смѣется надъ вами обоими. Но ежели вы хотите послѣдовать моему совѣту и довѣриться мнѣ, то увидите, что я—вашъ единственный и настоящій другъ». Чоглоковъ много благодарилъ великаго князя за дружбу и за изъявленія дружбы, но въ сущности онъ считалъ его слова пустяками и игрою воображенія; въ самомъ дѣлѣ трудно было выбрать своимъ повѣреннымъ человѣка, который и по характеру и по положенію своему былъ столько ненадеженъ, какъ и бесполезенъ. Послѣ такого признанія уже не стоило С. Салтыкову большого труда разсвѣять сомнѣнія и успокоить Чоглокова, который и самъ привыкъ не придавать большой цѣны и не обращать вниманія на слова человѣка, вовсе безразсуднаго и прослышшаго такимъ. Когда я узнала обо всемъ этомъ, то, признаюсь, очень разсердилась на великаго князя, и, чтобы впередъ отучить его отъ подобныхъ вещей, я дала ему почувствовать, что мнѣ извѣстно происходившее между нимъ и Чоглоковымъ. Онъ покраснѣлъ, не сказавъ ни слова, ушелъ и сталъ дуться на меня. Тѣмъ дѣло и кончилось.

По возвращеніи въ Москву насъ перевели изъ архіерейскаго дома и дали особое помѣщеніе въ такъ называемомъ Лѣтнемъ дворцѣ императрицы, который уцѣлѣлъ отъ пожара. Императрица приказала отстроить себѣ новые покои въ шесть недѣль; для этого брали и перевозили бревна изъ Перовскаго дома и изъ домовъ графовъ Гендриковыхъ и князей Грузинскихъ. Наконецъ, къ новому году она перешла туда. Первое января 1854 г. императрица праздновала въ этомъ дворцѣ, и мы, великій князь и я, имѣли честь публично обѣдать съ нею подъ балдахиномъ. За столомъ ея величество казалась очень весела и разговорлива. Возлѣ трона разставлены были столы, за которыми обѣдало нѣсколько сотъ человѣкъ первыхъ классовъ. Во время обѣда императрица спросила, указывая на одну дѣвицу: «Кто это сидитъ тамъ, сухая, дурнолицая, съ журавлиной шеей?» Ей отвѣчали, что это—Марѳа Шафирова. Ея величество захохотала и сказала, обратившись ко мнѣ, что эта дѣвушка напоминаетъ ей русскую пословицу: «шейка долга, на висѣлицу годна». Я не могла удержаться отъ смѣха,

услышавъ этотъ злой императорскій сарказмъ, который тотчасъ былъ подхваченъ придворными, такъ что, когда мы встали изъ-за стола, уже многіе знали о немъ и повторяли его. Не знаю, дошелъ ли онъ до великаго князя; знаю только, что онъ ни слова не говорилъ о немъ, и ежели услышалъ, то, конечно, не отъ меня.

Ни въ одинъ годъ не было такъ много пожаровъ, какъ въ 1753 и 1754 г.г. Изъ моихъ оконъ во дворцѣ мнѣ иногда случалось видѣть разомъ по два, по три, по четыре и даже по пяти пожаровъ въ различныхъ сторонахъ Москвы. На масленицѣ императрица приказала быть баламъ и маскарадамъ у себя въ покояхъ. На одномъ изъ маскарадовъ я замѣтила, что ея величество долго разговаривала съ генеральшей Матюшкиной. Сія послѣдняя не соглашалась на бракъ сына своего съ фрейлиной моею, княжною Гагариной, но императрица уговорила ее, и княжна Гагарина, которой было тогда слишкомъ 38 лѣтъ, получила позволеніе выйти замужъ за Дмитрія Матюшкина. Она была очень довольна этимъ, я—также. Этотъ бракъ былъ по склонности; Матюшкинъ въ то время былъ очень хорошъ собою.

Въ Лѣтнемъ дворцѣ я жила безъ Чоглоковой, которая подъ разными предлогами осталась жить съ дѣтьми у себя въ домѣ, находившемся недалеко отъ дворца. Настоящая причина этого заключалась въ томъ, что Чоглокова, несмотря на свое благоразуміе и любовь къ мужу, возымѣла страсть къ князю Петру Репнину, а вслѣдъ затѣмъ жестокое отвращеніе къ мужу. Она вообразила себѣ, что для счастья ей необходима пріятельница, и выбрала меня въ повѣренныя тайнъ своихъ. Мнѣ показывались всѣ письма, которыя она получала отъ своего возлюбленнаго; я хранила ея тайну строго, съ самою мелочною точностію и предусмотрительностію. Ея свиданія съ княземъ происходили въ великой тайнѣ, но, несмотря на то, супругъ возымѣлъ нѣкоторыя подозрѣнія. Ихъ внушилъ ему нѣкто Камынинъ, офицеръ Конной гвардіи, старый знакомый Чоглоковыхъ, который по характеру своему былъ воплощенное подозрѣніе и ревность. Чоглоковъ разсказалъ свои подозрѣнія С. Салтыкову, и тотъ старался его успокоить. Я нарочно не говорила С. Салтыкову, что знаю о томъ, потому что боялась нескромности, иногда произвольной. Наконецъ самъ мужъ сталъ со мной заговаривать. Я притворилась ничего не знающею, выразила мое удивленіе и не сказала ни слова.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я почувствовала признаки беременности. На самое свѣтлое воскресенье въ церкви Чоглоковъ заболѣлъ сухою коликой. Ему давали много лѣкарствъ, но болѣзнь только усиливалась. На Святой недѣлѣ великій князь поѣхалъ кататься верхомъ съ кавалерами нашего двора, въ числѣ которыхъ былъ и Салтыковъ. Я оставалась дома, потому что меня боялись выпускать въ моему положеніи, тѣмъ болѣе, что я уже два раза

выкидывала. Я сидѣла одна въ своей комнатѣ, какъ Чоглоковъ прислалъ просить, чтобы я пришла къ нему. Я пошла въ его комнату и застала его въ постели. Онъ началъ распространяться въ жалобахъ на жену свою, говорилъ, что она видаётся съ княземъ Репнинымъ, что онъ ходитъ къ ней пѣшкомъ, что однажды на масленицѣ, когда при дворѣ былъ балъ, онъ пришелъ къ ней въ шутовскомъ нарядѣ, что Камынинъ подмѣтилъ его, и проч. Въ ту минуту, какъ Чоглоковъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ передавалъ мнѣ эти подробности, явилась супруга его; тогда онъ въ моемъ присутствіи началъ осыпать ее упреками, говоря между прочимъ, что она покидаетъ его больного. Оба они были люди очень ограниченные и подозрительные. Я смертельно боялась, чтобъ Чоглокова, слыша отъ мужа всѣ подробности свиданій своихъ съ княземъ Репнинымъ, не вообразила, будто онъ узналъ ихъ отъ меня. Она съ своей стороны говорила мужу, что нечему удивляться, если она наказываетъ его за его поведеніе относительно ея, что до сихъ поръ онъ и никто на свѣтѣ не имѣли права обвинять ее въ супружеской невѣрности, и что наконецъ не ему бы жаловаться. Оба они безпрестанно обращались ко мнѣ, ссылались на меня и требовали моего мнѣнія въ своемъ спорѣ. Я отмалчивалась, боясь оскорбить кого нибудь, или обоихъ вмѣстѣ, и самой попасть въ бѣду. Лицо у меня горѣло отъ волненія; я была одна съ ними. Въ самый разгаръ спора явилась Владислава съ извѣстіемъ, что императрица пришла ко мнѣ въ комнаты; я тотчасъ побѣжала туда. Чоглокова вышла со мною вмѣстѣ, но вмѣсто того, чтобы слѣдовать за мною, она, какъ послѣ мнѣ сказывали, осталась въ коридорѣ и сѣла на лѣстницѣ, выходившей въ садъ. Я же, вся запыхавшись, пришла къ себѣ въ комнату и дѣйствительно застала тамъ императрицу. Видя меня впопыхахъ и съ лицомъ немного краснымъ, она спросила, гдѣ я была. Я отвѣчала, что была у больного Чоглокова, гдѣ мнѣ сказали, что она изволила ко мнѣ пожаловать, и что я бѣжала, желая поскорѣй притти. Больше она не спрашивала меня о томъ, но, повидимому, слова мои показались ей странными и заставили ее задуматься. Однако она продолжала говорить со мною. Она не спросила у меня, гдѣ великій князь, потому что сама знала о томъ: во все ея царствованіе ни онъ, ни я не смѣли выѣзжать ни изъ дому, ни изъ городу, не пославши напередъ спросить у нея позволенія. Владислава стояла тутъ же. Императрица нѣсколько разъ обращалась то къ ней, то ко мнѣ, говорила о неважныхъ предметахъ, и, пробывъ съ нами безъ малаго полчаса, сказала, что по случаю беременности моей я могу не выходить въ публику 21 и 25 апрѣля, и затѣмъ ушла. Меня одно удивило, отчего Чоглокова не пришла ко мнѣ въ комнату; по уходѣ императрицы я спрашивала у Владиславой, чтѣ сдѣлалось съ Чоглоковой, и получила въ отвѣтъ, что она

сидѣла на лѣстницѣ и плакала. Когда возвратился великій князь, я рассказала С. Салтыкову все, что со мною было во время ихъ прогулки, какъ меня призывалъ Чоглоковъ, какъ я тревожилась, слушая ихъ перебранку съ женою, и какъ потомъ посѣтила меня императрица. Тогда онъ мнѣ сказалъ: «если это такъ, то я думаю, что императрица приходила посмотреть, что вы дѣлаете въ отсутствіе великаго князя; я тотчасъ пойду со всѣми нашими къ Ивану Шувалову; пусть тамъ увидятъ насъ, какъ есть, съ ногъ до головы въ грязи; это послужитъ имъ доказательствомъ, что вы оставались одни, и были только у Чоглокова». Дѣйствительно, когда великій князь ушелъ къ себѣ, С. Салтыковъ со всѣми тѣми, которые ѣздили верхомъ съ великимъ княземъ, пошелъ къ Ивану Шувалову, жившему во дворцѣ. Когда они пришли къ нему, онъ сталъ ихъ расспрашивать о подробностяхъ ихъ прогулки, и, какъ С. Салтыковъ послѣ рассказывалъ мнѣ, по его вопросамъ можно было догадаться, что ему хотѣлось что-то вывѣдать. Съ этого дня болѣзнь Чоглокова безпрестанно усиливалась; 21 апрѣля, въ день моего рожденія, доктора отчаялись въ его выздоровленія. Доложили о томъ императрицѣ, которая, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, приказала перевести больного въ его собственный домъ, чтобы онъ не умеръ во дворцѣ, потому что она боялась мертвецовъ. Узнавъ, въ какомъ положеніи находится Чоглоковъ, я очень огорчилась. Онъ умеръ въ то самое время, когда послѣ многихъ годовъ труда и усилій удалось сдѣлать его не только менѣе несноснымъ и зложелательнымъ, но когда онъ сталъ общителенъ, и когда посредствомъ прилежнаго изученія его характера можно было совсѣмъ перевоспитать его. Что касается до жены его, то въ это время она меня искренно любила, сдѣлавшись изъ суроваго и подозрительнаго аргуса преданнымъ и надежнымъ другомъ. Въ домѣ своемъ Чоглоковъ прожилъ еще нѣсколько дней и умеръ 25 апрѣля послѣ обѣда, въ день коронаванія императрицы. Я посылала навѣдываться къ нему каждую минуту, и меня тотчасъ же извѣстили о его кончинѣ. Она меня поистинѣ огорчила, и я долго плакала. Жена его въ послѣдніе дни болѣзни мужа тоже должна была лечь въ постель: онъ лежалъ въ одномъ углу дома, а она—въ другомъ. С. Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ сидѣли у ней въ комнатѣ въ то время, какъ скончался мужъ ея; въ комнатѣ были раскрыты окна; влетѣла птичка и сѣла на карнизѣ потолка, противъ самой постели Чоглоковой. Увидавъ ее, она сказала: «Я увѣрена, что мужъ отдалъ душу; пошлите спросить». Посланный пришелъ съ извѣстіемъ, что онъ дѣйствительно умеръ. Она говорила, что птичка эта—душа ея мужа, и невозможно было разувѣрить ее въ томъ; напрасно говорили ей, что это—обыкновенная птичка: такъ какъ никто не видалъ, какъ она влетѣла, то

Чоглокова осталась увѣренно, что душа мужа прилетала навѣстить ее.

Когда похороны Чоглокова были кончены, вдова покойника захотѣла побывать у меня; но императрица, увидавъ ея экипажъ на Яузскомъ мосту, тотчасъ послала человѣка сказать, что она увольняетъ ее отъ должности при мнѣ, и что потому она можетъ ѣхать назадъ. Ея величество находила неприличнымъ такой ранній выѣздъ послѣ смерти мужа. Въ тотъ же день она назначила преемникомъ покойнаго Чоглокова, въ должности при великомъ князѣ, Александра Ивановича Шувалова. Надо сказать, что этотъ Шуваловъ не самъ по себѣ, а по занимаемому имъ мѣсту наводилъ страхъ на дворъ, на городъ и на всю имперію. Онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго судилища, которое тогда называлось тайною канцелярією. Рассказывали, что отъ этихъ занятій у него сдѣлались особаго рода судорожныя движенія во всей правой сторонѣ лица, начиная отъ глаза и до подбородка. Его дергало всякій разъ, какъ онъ бывалъ чѣмъ нибудь встревоженъ, чему нибудь радовался, на что нибудь сердился, или чего нибудь боялся. Удивительно, какъ человѣка съ такою отвратительною гримасою выбрали постояннымъ собесѣдникомъ молодой, беременной женщины; ну, если бы я родила ребенка съ такими несчастными подергиваніями, я думаю, императрица была бы не очень этимъ довольна. Между тѣмъ это могло случиться, потому что я видала его безпрестанно, никогда съ охотою и большею частію съ нѣкотораго рода отвращеніемъ, внушаемымъ мнѣ и личностью его, и его роднею, и его должностію, отъ которой разговоръ съ нимъ, конечно, не становился пріятнѣе. Но это было лишь слабое начало тѣхъ удовольствій, которыя готовились намъ и въ особенности мнѣ. На утро мнѣ сказали, что императрица хочетъ снова опредѣлить ко мнѣ графиню Румянцеву. Я знала, что женщина эта была заклятымъ врагомъ С. Салтыкова, что она терпѣть не могла князю Гагарину и очень повредила моей матушкѣ во мнѣніи императрицы. Когда мнѣ сказали, что ее снова приставятъ ко мнѣ, я потеряла всякое терпѣніе, принялась горько плакать и объявила графу Александру Шувалову, что назначеніе этой женщины я почту великимъ для себя несчастіемъ, что она нѣкогда повредила моей матушкѣ, очернивъ ее въ глазахъ императрицы, что теперь она то же сдѣлаетъ со мною, что когда она жила съ нами, ея боялись, какъ чумы, и что если онъ не найдетъ средствъ предотвратить это назначеніе, многіе будутъ отъ того несчастны. Онъ обѣщалъ похлопотать и старался меня успокоить. Онъ боялся огорчать меня въ моемъ положеніи, ушелъ къ императрицѣ и, возвратившись оттуда, сказалъ мнѣ, что, можетъ быть, назначеніе графини Румянцевой не состоится. Дѣйствительно не было больше о томъ рѣчи, и при дворѣ всѣ исключительно

заялись сборами въ Петербургъ. Положено было, что мы останемся въ дорогѣ 29 дней, т.-е. будемъ дѣлать въ день не болѣе одной почтовой станціи. Я смертельно боялась, что С. Салтыкова и Льва Нарышкина оставятъ въ Москвѣ; но не знаю, какимъ образомъ умилосердились и внесли ихъ въ списокъ нашей свиты.

Наконецъ 10 или 11 мая мы выѣхали изъ Московскаго дворца. Въ каретѣ со мною сидѣли: жена графа Александра Шувалова, женщина самая скучная, какую можно себѣ вообразить, Владислава и повивальная бабушка, которую сочли необходимымъ приставить ко мнѣ, потому что я была беременна. Сидя въ каретѣ, я умирала со скуки, и то и дѣло плакала. Наконецъ княжна Гагарина (которая лично не любила графиню Шувалову за то, что дочь ея, бывшая замужемъ за Головкинымъ, дурно обращалась съ роднею своего мужа) воспользовалась благопріятною минутою и дала мнѣ знать, что она старается расположить въ мою пользу Владиславу, потому что, какъ она, такъ и всѣ боятся, чтобъ ипохондрія моя не повредила мнѣ и моему будущему дитяти. Что касается до С. Салтыкова, то онъ не смѣлъ подходить ко мнѣ ни близко, ни издали, потому что Шуваловы, мужъ и жена, постоянно были со мною и не выпускали меня изъ виду. Дѣйствительно княжна Гагарина успѣла вразумить Владиславу въ необходимости нѣкотораго снисхожденія, чтобы сколько нибудь дать мнѣ свободы: ипохондрія моя, овладѣвшая мною противъ моей воли, происходила именно отъ этого постоянного принужденія. И такъ мало нужно было, чтобы облегчить меня! Какихъ нибудь нѣсколько минутъ разговора. Наконецъ разговоръ этотъ удался. Послѣ 29-ти-дневной скучной дороги мы пріѣхали въ Петербургъ, въ Лѣтній дворецъ. Великій князь тотчасъ возобновилъ свои концерты, что иногда давало мнѣ возможность имѣть разговоръ; но ипохондрія моя усилилась до такой степени, что я готова была плакать всякую минуту и по всякому случаю: тысячи опасеній волновали меня; я не могла выгнать изъ головы мысли, что все клонилось къ удаленію С. Салтыкова. Мы поѣхали въ Петергофъ; тамъ я много дѣлала движенія; но, несмотря на то, печальныя мысли всюду за мной слѣдовали. Въ августѣ мѣсяцѣ мы возвратились въ городъ и попрежнему поселились въ Лѣтнемъ дворцѣ. Я была чрезвычайно огорчена, узнавши, что для родинѣ мнѣ отвели комнаты рядомъ съ покоями императрицы и составлявшія продолженіе ихъ. Александръ Шуваловъ повелъ меня посмотреть мое помѣщеніе. Это были двѣ комнаты, какъ всѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ, печальныя, съ однимъ выходомъ, плохо убранныя цунцовою камкою, почти безъ мебели и безъ всякихъ удобствъ. Я увидѣла, что буду въ полномъ одиночествѣ, безъ всякаго общества, несчастна, какъ камень. Я сказала о томъ С. Салтыкову и княжнѣ Гагариной, которые, хотя не любили другъ

друга, но соединялись въ чувствѣ дружбы ко мнѣ. Они были совершенно согласны со мною, но помочь было нечѣмъ. Въ среду я должна была перейти въ эти комнаты, находившіяся очень далеко отъ комнатъ великаго князя. Во вторникъ вечеромъ я легла въ постель и ночью проснулась отъ болей. Я разбудила Владиславову; та послала за повивальною бабушкою, которая объявила, что я должна скоро родить. Пошли разбудить великаго князя, спавшаго у себя въ комнатѣ, и графа Александра Шувалова. Сей послѣдній извѣстилъ императрицу, которая не замедлила прійти. Это было около 2 часовъ утра. Я очень страдала; наконецъ, на другой день, 20 сентября, около полудня, я родила сына. Только что спеленали его, явился по приказанію императрицы духовникъ ея и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего императрица тотчасъ велѣла бабушкѣ взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели. Надо замѣтить, что постель эта стояла противъ самой двери, сквозь которую падалъ на меня свѣтъ; справа и слѣва были еще двѣ двери, изъ которыхъ одна вела въ мою уборную, а другая въ комнату Владиславовой; сзади меня—два большія окна, плохо затворявшіяся. Какъ скоро императрица удалилась, великій князь съ своей стороны тоже ушелъ, вслѣдъ за нимъ графъ и графиня Шуваловы, и я никого больше не видала до самаго четвертаго часа. Я много потѣла и просила Владиславову переменить мнѣ бѣлье и положить меня въ мою обыкновенную постель; она отвѣчала, что не смѣетъ. Она нѣсколько разъ приказывала позвать бабушку, но та не приходила. Я спрашивала пить, и всякій разъ получала тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, послѣ трехъ часовъ явилась графиня Шувалова, вся разряженная. Увидавъ меня все еще на томъ мѣстѣ, на которомъ она меня оставила, она вскрикнула и сказала, что такъ можно уморить меня. Было чѣмъ утѣшиться! Но я и безъ того заливалась слезами съ той самой минуты, какъ родила. Меня особенно огорчало то, что меня совершенно бросили. Послѣ тяжелыхъ и болѣзненныхъ усилій я оставалась рѣшительно безъ призору, между дверями и окнами, плохо затворявшимися; я не имѣла силъ перейти въ постель, и никто не смѣлъ перенести меня, хотя постель стояла въ двухъ шагахъ. Шувалова тотчасъ ушла и, должно быть, велѣла позвать бабушку, потому что черезъ полчаса сія послѣдняя явилась и сказала намъ, что императрица была очень занята ребенкомъ и не отпускала ея отъ себя ни на минуту. Обо мнѣ вовсе и не думали. Такое забвеніе или небрежность, конечно, не могли быть мнѣ лестны. Я умирала отъ жажды; наконецъ меня перенесли въ постель, и въ этотъ день я никого больше не видала, даже не присылали навѣдаться о моемъ здоровьѣ. Его императорское высочество съ своей стороны не замедлилъ устроить попойку съ тѣми, кто попался ему подъ руку, а императрица занималась

ребенкомъ. Въ городѣ и въ имперіи была великая радость по случаю этого событія. На утро я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и лѣвой ноги. Боль эта не давала мнѣ спать, и сверхъ того со мною сдѣлалась сильная лихорадка; но, несмотря на то, и въ этотъ день я не удостоилась большого вниманія: никто не приходилъ ко мнѣ, никто не присылалъ спросить, что со мною. Впрочемъ великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я безпрестанно плакала и стонала; въ комнатѣ со мною была только одна Владиславова; въ душѣ она жалѣла обо мнѣ, но ей нечѣмъ было мнѣ помочь. Да и я не любила, чтобы обо мнѣ жалѣли, и сама не любила жаловаться; я имѣла слишкомъ гордую душу, и одна мысль быть несчастною была для меня невыносима; до сихъ поръ я дѣлала все, что могла, чтобы не казаться таковою. Конечно, ко мнѣ приходили графъ Александръ Шуваловъ и жена его, но это были существа до такой степени скучныя и нелѣпыя, что я всегда радовалась ихъ уходу. На третій день пришли спросить у Владиславовой отъ императрицы, не осталась ли у меня въ комнатахъ голубая атласная мантилья, которую во время моихъ родинъ ея величество надѣла, потому что у меня тогда было очень холодно. Владиславова стала вездѣ искать эту мантилью и наконецъ нашла ее въ углу моей уборной, гдѣ она лежала незамѣченною, потому что въ эту комнату со времени моихъ родинъ почти никто не входилъ. Нашедши, она тотчасъ ее отослала. Вскорѣ затѣмъ мы узнали, что по поводу этой мантильи произошелъ довольно странный случай. У императрицы не было опредѣленнаго часа ни для сна, ни для вставанья, ни для обѣда, ни для ужина, ни для туалета. Въ одинъ изъ этихъ трехъ дней, однажды послѣ обѣда, она легла на диванѣ, приказавъ положить на него тюфякъ и подушки; такъ какъ было холодно, то лежа она спросила себѣ эту мантилью; ее стали вездѣ искать и не находили, потому что она оставалась у меня въ комнатѣ. Тогда императрица велѣла посмотрѣть, нѣтъ ли ея въ подушкахъ подъ изголовьемъ. Сестра госпожи Крузе, эта любимая камерфрау императрицы, пропустила руку подъ изголовье ея величества и, вынувъ ее, сказала, что мантилья подъ изголовьемъ нѣтъ, но что она ощупала тамъ какой-то свертокъ съ волосами. Императрица немедленно встала съ дивана и приказала снять тюфякъ и подушки. Къ немалому удивленію зрителей, найденъ былъ бумажный свертокъ и въ немъ какіе-то коренья, оберченные волосами. Тогда императрицыны женщины и сама она принялись толковать, что, вѣроятно, это какія нибудь чары или колдовство, и стали дѣлать догадки, кто бы такой осмѣлился положить этотъ свертокъ подъ изголовье ея величества. Подозрѣніе пало на одну изъ любимѣйшихъ женщинъ импе-

ратрицы, извѣстную подѣ именемъ Анны Дмитріевны Домашевой. Она не задолго передѣ тѣмъ овдовѣла и вышла замужъ во второй разъ за одного изъ камерлакеевъ императрицы. Шуваловы не любили ея и боялись, потому что она, съ молодыхъ лѣтъ пользуясь довѣріемъ императрицы, легко могла найти случай, чтобы повредить, имъ. У Шуваловыхъ тоже были приверженцы, которые и начали толковать, что дѣло съ сверткомъ есть уголовное преступленіе; императрицу убѣдить въ этомъ было не очень трудно, потому что она сама вѣрила въ чары и колдовство. Вслѣдствіе этого она приказала графу Александру Шувалову арестовать женщину, мужа ея и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, а другой камерпажемъ императрицы. Мужъ на третій день своего ареста спросилъ бритвы побриться и перерѣзалъ себѣ горло. Что касается до самой Домашевой и дѣтей ея, то ихъ долго держали подѣ стражею, и она призналась, что, желая продолжить къ себѣ милости императрицы, дѣйствительно употребляла чары и положила нѣсколько крупинокъ четверговой соли въ стаканъ венгерскаго вина, поднесенный императрицѣ. Дѣло это кончили тѣмъ, что ее съ дѣтьми сослали въ Москву; затѣмъ распущенъ былъ слухъ, будто обморокъ, который императрица имѣла не задолго до моихъ родинъ, былъ слѣдствіемъ питья, даннаго ей этою женщиной; но дѣло въ томъ, что женщина дала ей всего двѣ или три крупинки четверговой соли, что, конечно, не могло ей сдѣлать вреда. Домашева была виновата только въ смѣлости и суевѣріи.

Наконецъ великій князь соскучился по моимъ фрейлинамъ; по вечерамъ ему не за кѣмъ было волочиться, и потому онъ предпочиталъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графинею Елизаветою Воронцовой, которая, какъ нарочно, была хуже всѣхъ лицомъ. На шестой день происходили крестины моего сына. Онъ уже едва было не умеръ отъ молочницы; я должна была украдкою навѣдываться о его здоровьѣ; ибо просто послать спросить значило бы усомниться въ попеченіяхъ императрицы и могло быть очень дурно принято. Она его помѣстила у себя въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый крикъ его; излишними заботами его буквально душили. Онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго пике на ватѣ, а сверхъ этого еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видала его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ выросъ, то простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя своимъ излишнимъ и

неумѣстнымъ усердіемъ причинили ему несравненно больше физическаго и нравственнаго зла, нежели добра.

Въ самый день крестинъ, послѣ церемоніи, императрица пришла ко мнѣ въ комнату и принесла мнѣ на золотой тарелкѣ указъ своему кабинету, повелѣвавшій выдать мнѣ сто тысячъ рублей. Къ этому она присоединила небольшой ларчикъ, который я раскрыла уже по ея уходѣ. Деньги очень мнѣ пригодились, потому что я имѣла пропасть долговъ, и у меня не было ни копейки; ларчикъ же, когда я раскрыла его, не произвелъ на меня большого впечатлѣнія: въ немъ лежали очень бѣдное маленькое ожерелье, серьги и два жалкихъ перстня, которые я постыдилась бы подарить моей камерфрау; во всѣхъ вещахъ не было ни одного камня, который бы стоилъ сто рублей, и это не вознаграждалось ни работою, ни вкусомъ. Я не сказала ни слова и велѣла спрятать императорскій ларчикъ. Но ничтожность этого подарка была слишкомъ очевидна, и, вѣроятно, ее почувствовали, потому что графъ А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что ему велѣно узнать, какъ мнѣ понравился ларчикъ; я отвѣчала, что привыкла считать безцѣннымъ все, что получаю изъ рукъ ея императорскаго величества. Онъ ушелъ съ этимъ комплиментомъ, очень веселый. Впослѣдствіи онъ опять завелъ о томъ рѣчь, замѣтивъ, что я никогда не надѣваю этого прекраснаго ожерелья и еще менѣе жалкихъ серегъ; онъ говорилъ, чтобы я ихъ надѣла. Я отвѣчала, что на праздники императрицы я привыкла надѣвать, что есть у меня лучшаго, и именно потому не надѣваю этого ожерелья и этихъ серегъ. Дня черезъ четыре или черезъ пять послѣ того, какъ мнѣ принесли пожалованныя императрицею деньги, кабинетъ-секретарь, баронъ Черкасовъ, сталъ просить, чтобы я ради Бога дала ихъ въ займы кабинету, потому что императрица спрашиваетъ денегъ, а въ кабинетѣ нѣтъ ни полушки. Я отослала ему деньги; онъ ихъ возвратилъ мнѣ въ январѣ мѣсяцѣ. Великій князь, узнавъ, что я получила отъ императрицы подарокъ, ужасно разсердился, отчего ему ничего не дали. Онъ съ горячностью говорилъ о томъ графу А. Шувалову, тотъ пересказалъ императрицѣ, которая немедленно приказала выдать ему точно такую же сумму, какую получила я: для этого и занимали у меня деньги. Надо сказать правду, Шуваловы вообще были люди очень боязливаго свойства, и напугавши можно было дѣлать съ ними, что угодно, но въ то время эти прекрасныя стороны характера еще не вполне обнаружились.

Послѣ крестинъ моего сына, при дворѣ были праздники, балы, иллюминаціи и фейерверки, я же попрежнему оставалась въ постели, въ страшной скукѣ и страданіяхъ. Наконецъ выбрали семнадцатый день послѣ моихъ родинъ, чтобы разомъ сообщить мнѣ двѣ очень пріятныя новости: первое, что С. Салтыкова отправляютъ въ Швецію съ извѣстіемъ о рожденіи моего сына; второе, что свадь-

ба княжны Гагариной назначена на слѣдующую недѣлю. Это значило попросту, что у меня скоро отнимутъ двухъ людей, которыхъ я наиболѣе любила изъ всѣхъ окружавшихъ меня. Я болѣе чѣмъ когда либо замкнулась въ своей комнатѣ, и то и дѣло плакала. Чтобъ не выходить, я сказала, что у меня возобновилась боль въ ногѣ, и что я не могу встать съ постели, но въ сущности я не могла и не хотѣла никого видѣть, потому что на душѣ было тяжело.

Во время моихъ родинъ великій князь тоже имѣлъ кручину; графъ А. Шуваловъ сказалъ ему, что прежній его егеръ, Баштейнъ, которому, нѣсколько лѣтъ назадъ, императрица приказала жениться на моей прежней камеръ-фрейлинѣ Шенкъ, явился къ нему съ доносомъ на Брессана и говорилъ, что онъ, не знаю отъ кого-то слышалъ, будто Брессанъ хотѣлъ чѣмъ-то опохмѣть его, великаго князя. Надо сказать, что этотъ Баштейнъ былъ большой плутъ и пьяница; онъ иногда участвовалъ въ попойкахъ великаго князя, и, повздоривши съ Брессаномъ, который, какъ ему казалось, пользовался больше, чѣмъ онъ, милостью великаго князя, вдумалъ насолить ему этимъ доносомъ. Великій князь любилъ ихъ обоихъ. Баштейнъ былъ посаженъ въ крѣпость; Брессанъ ждалъ той же участи, но отдѣлался однимъ страхомъ. Баштейнъ потерпѣлъ изгнаніе и былъ сосланъ съ женою въ Голштинію, а Брессанъ удержался на мѣстѣ, потому что онъ былъ для всѣхъ нуженъ, какъ шпіонъ. С. Салтыковъ послѣ нѣкоторыхъ отерочекъ, происходившихъ отъ того, что императрица рѣдко и неохотно подписывала бумаги, отправился; тѣмъ временемъ княжна Гагарина вышла замужъ въ назначенный срокъ.

Черезъ сорокъ дней послѣ родовъ, когда я должна была брать очистительныя молитвы, императрица во второй разъ пришла ко мнѣ въ комнату. Чтобы принять ее, я встала съ постели; но она, видя мое истомленіе и слабость, позволила мнѣ сидѣть въ то время, какъ ея духовникъ читалъ молитвы. Въ комнату ко мнѣ принесли моего сына, котораго я тутъ въ первый разъ увидала послѣ его рожденія. Онъ мнѣ показался очень хорошъ, и видъ его нѣсколько развеселилъ меня; но какъ скоро молитвы были кончены, императрица приказала тотчасъ унести его и сама ушла. Перваго ноября, черезъ шесть недѣль послѣ родовъ, императрица приказала мнѣ принять обычныя поздравленія. Для этого въ сосѣднюю съ моей комнатой поставили богатѣйшую мебель; я сидѣла на розовой бархатной постели съ серебрянымъ шитьемъ; всѣ подходили и цѣловали мнѣ руку. Императрица также пришла и потомъ прямо отъ меня отправилась въ Зимній дворецъ, куда намъ было велѣно слѣдовать за нею дня черезъ два или черезъ три. Тамъ насъ помѣстили въ комнатахъ, въ которыхъ жила моя матушка, и которыя собственно составляли часть дома Ягузинскаго и половину дома Рагузинскаго; въ другой половинѣ сего послѣд-

няго дома помѣщалась коллегія иностранныхъ дѣлъ. Зимній дворецъ на большой площади въ то время еще строился.

Я переѣхала изъ Лѣтняго дворца въ наше зимнее жилище съ твердою рѣшимостью не выходить изъ своей комнаты до тѣхъ поръ, пока не почувствую въ себѣ достаточно силъ для преодоленія моей ипохондріи. Я читала тогда исторію Германіи и всеобщую исторію Вольтера, послѣ чего въ эту зиму я прочитала столько русскихъ книгъ, сколько могла достать, въ томъ числѣ два огромныхъ тома Баронія, въ русскомъ переводѣ; потомъ мнѣ попался «Духъ законовъ» Монтескьё, послѣ чего я прочла лѣтописи Тацита, произведшія странный переворотъ въ головѣ моей, къ чему, можетъ быть, немало способствовало печальное расположеніе моего духа въ эту эпоху. Я начинала смотрѣть на вещи съ болѣе дурной стороны и отыскивать въ вещахъ, представлявшихся моему взору, причинъ, болѣе глубокихъ и болѣе зависящихъ отъ различныхъ интересовъ. Я собралась съ силами, чтобы выйти на Рождество, и дѣйствительно пошла къ обѣднѣ; но въ самой церкви почувствовала во всемъ тѣлѣ боль и лихорадочную дрожь, такъ что должна была пойти назадъ, раздѣться и лечь въ постель. Постель моя состояла изъ длиннаго кресла и находилась у заколоченной двери, сквозь которую, повидимому, вовсе не дуло, потому что дверь, кромѣ двойной суконной занавѣски, была заставлена большимъ экраномъ; но, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что отъ этого происходили всѣ мои простудныя опухоли въ эту зиму. На другой день Рождества лихорадочный жаръ достигъ такой степени, что я не помнила себя; когда я закрывала глаза, мнѣ безпрестанно представлялись скверные рисунки кафельной печки, въ которую упиралось мое длинное кресло; комната была мала и тѣсна. Въ спальню свою я почти вовсе не входила, потому что она была очень холодна и обращена окнами на востокъ и на сѣверъ, съ двухъ сторонъ на Неву. Вторая причина, выгонявшая меня изъ спальни, была близость комнатъ великаго князя, гдѣ во весь день и до поздняго вечера происходила постоянная возня въ родѣ той, какая бываетъ на гауптвахтахъ. Кромѣ того, какъ огонь, такъ и его приближенные чрезвычайно много курили, и оттуда несло сквернымъ табачнымъ запахомъ. Такимъ образомъ всю зиму я оставалась въ этой жалкой, тѣсной комнатѣ съ тремя дверьми, двумя окнами и однимъ простѣнкомъ, всего на все въ 7 или 8 аршинъ длины и въ 4 ширины.

Такъ начался 1755 г. Съ Рождества до поста при дворѣ и въ городѣ происходили постоянныя правдства, все по случаю рожденія моего сына. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ давали обѣды, балы, маскарады, устраивали иллюминаціи и фейерверки, самыя лучшіе, какіе было можно. Я подъ предлогомъ болѣзни не участвовала ни въ одномъ изъ этихъ увеселеній.

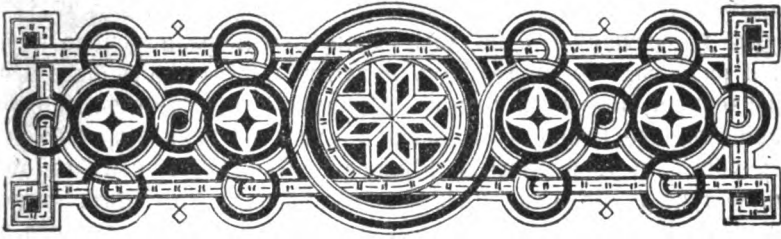
Къ концу масленицы С. Салтыковъ возвратился изъ Швеціи. Во время его отсутствія великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, прислалъ мнѣ извѣстія, которыя онъ получалъ о немъ, и депеши тогдашняго русскаго посланника въ Швеціи, графа Панина. Мнѣ передавала эти бумаги Владиславова, получавшая ихъ отъ своего зятя, перваго чиновника при великомъ канцлерѣ; я отсылала ихъ тѣмъ же путемъ. Тутъ же я узнала, что, какъ скоро С. Салтыковъ возвратится, положено было отправить его русскимъ министромъ въ Гамбургъ, на мѣсто князя Александра Голицына, котораго перемѣщали въ армію. Это новое распоряженіе не уменьшило моей печали. Когда С. Салтыковъ возвратился, онъ прислалъ черезъ Льва Нарышкина спросить, не найду ли средствъ увидѣться съ нимъ; я поговорила съ Владиславовой, и та согласилась на это свиданіе. Онъ долженъ былъ прійти къ ней и отъ нея ко мнѣ; я ждала его до трехъ часовъ утра, но онъ не пришелъ; я смертельно мучилась, не зная, что могло помѣшать ему. На другой день я узнала, что графъ Воронцовъ увезъ его въ франкъ-масонскую ложу, и онъ увѣрялъ, что не могъ оттуда выбраться, не возбудивъ подозрѣнія. Но, разспрашивая и вывѣдывая Льва Нарышкина, я увидела ясно, какъ день, что онъ не пришелъ по небрежности и невниманію ко мнѣ; онъ не хотѣлъ оцѣнить моихъ страданій и забылъ, что я такъ давно терплю ихъ единственно изъ привязанности къ нему. Самъ Левъ Нарышкинъ, хотя и другъ его, почти ничего не могъ представить ему въ оправданіе. Признаться, это меня очень оскорбило; я написала къ нему письмо, въ которомъ горько жаловалась на его поступки; онъ отвѣчалъ мнѣ и пришелъ ко мнѣ; ему не стоило труда меня успокоить, потому что я была склонна къ тому. Онъ убѣдилъ меня выйти въ публику; я послѣдовала его совѣту и вышла 10 февраля, въ день рожденія великаго князя, наканунѣ поста. Для этого дня у меня было приготовлено великолѣпное платье изъ голубого бархата, шитое золотомъ. Въ моемъ уединеніи, послѣ многихъ и многихъ размышленій, я рѣшилась, насколько будетъ отъ меня зависѣть, доказать тѣмъ, которые причинили мнѣ столько различныхъ огорченій, что меня нельзя оскорблять безнаказанно, и что со мною слѣдуетъ обращаться хорошо, если хотятъ склонить меня въ свою пользу и заслужить мое расположеніе. Вслѣдствіе этого я не пропускала ни одного случая, когда могла, показать Шуваловымъ, какъ они мнѣ милы; я выражала имъ глубокое презрѣніе, я указывала другимъ на черноту ихъ сердце, на глупость ихъ головы; вездѣ, гдѣ могла, я находила ихъ смѣшныя стороны и преслѣдовала ихъ сарказмами, которые потомъ распространялись по городу и дѣлались потѣхою злыхъ языковъ; однимъ словомъ, я мстила имъ всѣми средствами, какія могла выдумать; въ ихъ присутствіи я нарочно была внимательна съ тѣми, которыхъ они не любили. Такъ какъ у нихъ было

много непріятелей, то это облегчало мнѣ дѣло; я болѣе, чѣмъ когда либо, ласкала графовъ Разумовскихъ, которыхъ, впрочемъ, всегда любила; я удвоила мое вниманіе и вѣжливость ко всѣмъ, исключая Шуваловыхъ; короче сказать, я шла твердымъ шагомъ, высоко подымала голову, не только не казалась угнетенною и униженною, напротивъ, какъ будто стояла во главѣ цѣлой, огромной партіи. Шуваловы смутились и не знали, на какой ногѣ плясать. Они держали между собою совѣтъ, и прибѣгли къ проискавъ и придворнымъ кознямъ. Въ это время появился въ Россіи нѣкто Брокдорфъ голштинскій дворянинъ, нѣкогда прогнанный отъ русскихъ границъ тогдашними приближенными великаго князя, Брюмюромъ и Берхгольцемъ, которые знали его за интригана и чловѣка дурного характера. Его пріѣздъ былъ очень съ руки для Шуваловыхъ. Въ качествѣ голштинскаго камергера, Брокдорфъ имѣлъ право посѣщать великаго князя, который, впрочемъ, готовъ былъ ласково принимать всякаго чурбана, пріѣзжавшаго изъ Голштиніи. Кромѣ того, Брокдорфъ нашель доступъ къ графу Петру Шувалову, и вотъ какимъ образомъ. Онъ познакомился съ нимъ въ гостиницѣ, въ которой стоялъ съ нѣкимъ Брауномъ, чловѣкомъ, который шатался по петербургскимъ трактирамъ и безпрестанно ходилъ къ тремъ довольно хорошенькимъ нѣмкамъ, по имени Рейфенштейнъ. Одна изъ этихъ дѣвицъ жила на содержаніи у графа Петра Шувалова. Браунъ, бывшій нѣкотораго рода сведчикомъ по всякимъ дѣламъ, ввелъ Брокдорфа къ тремъ нѣмкамъ, и тотъ познакомился тамъ съ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Сей послѣдній увѣрялъ его въ своей необыкновенной привязанности къ великому князю и мало-по-малу сталъ жаловаться на меня. Брокдорфъ при первомъ же случаѣ обо всемъ донесъ великому князю, котораго убѣдили въ необходимости, по ихъ выраженію, образумить супругу. Съ этою цѣлью его императорское высочество однажды послѣ обѣда явился ко мнѣ въ комнату и сталъ говорить, что я начинаю быть невыносимо горда, и что онъ сумѣетъ меня образумить. Я спрашивала, въ чемъ заключается моя гордость. Онъ отвѣчалъ, что я хожу черезчуръ прямо. Я спрашивала, развѣ для того, чтобы быть ему угодною, слѣдуетъ ходить, согнувши спину, какъ рабы великаго могола. Онъ разсердился и сказалъ, что онъ непремѣнно меня образумить. Какъ же?—спросила я. Тогда онъ прислонился спиною къ стѣнѣ, обнажилъ до половины шпагу и показалъ ее мнѣ. Я спросила его, что это значить; если онъ вздумалъ со мною драться, то мнѣ тоже нужно имѣть шпагу. Тутъ онъ вложилъ полуобнаженную шпагу въ ножны и сказалъ, что я сдѣлалась страшно зла. Въ чемъ же?—Да съ Шуваловыми,—пробормоталъ онъ. На это я ему сказала, что долгъ платежеймъ красенъ, и что лучше ему не толковать о томъ, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ. Онъ началъ говорить: «вотъ что

значить не довѣряться истиннымъ друзьямъ своимъ, и выходить дурно. Если бы вы довѣрились мнѣ, съ вами было бы все хорошо». Я ему сказала: да въ чемъ же довѣряться? Тогда онъ началъ говорить такую околесину, заносился такъ далеко, и слова его были до такой степени лишены самаго обыкновеннаго человѣческаго смысла, что я больше не прерывала его, а, воспользовавшись благоприятною минутой, посоветовала ему идти спать, потому что видѣла ясно, что вино помутило ему разумъ и лишило послѣдняго смысла. Онъ послушался и ушелъ спать. Надо сказать, что уже въ то время отъ него начало постоянно нести виномъ и табачнымъ запахомъ, такъ что буквально не было возможности стоять подлѣ него близко. Въ тотъ же вечеръ, когда я сидѣла за картами, графъ Александръ Шуваловъ пришелъ объявить мнѣ отъ имени императрицы о послѣдовавшемъ запрещеніи дамамъ носить извѣстныя матеріи. Чтобы показать ему, какъ мало на меня подействовала сцена съ великимъ княземъ, я засмѣялась ему поднось и сказала, что ему вовсе не зачѣмъ сообщать мнѣ это запрещеніе, потому что я никогда не ношу матерій, которыя не нравятся ея величеству, и, кромѣ того, полагаю мое достоинство не въ красотѣ и не въ нарядахъ; что, когда первая проходитъ, вторые становятся странны, и неизмѣннымъ остается только характеръ. Онъ выслушалъ это до конца, по своему обыкновенію помаргивая правымъ глазомъ, и ушелъ съ гримасою. Я стала его передразнивать, такъ что все наше общество расхохоталось. Нѣсколько дней спустя, великій князь сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ попросить денегъ у императрицы для своихъ голштинскихъ дѣлъ, которыя съ каждымъ днемъ становились хуже, и что Брокдорфъ присоветовалъ ему это. Я видѣла ясно, что Шуваловы хотятъ приманить его на эту удочку, и спросила, нѣтъ ли средствъ поступить какънибудь иначе. Онъ отвѣчалъ, что покажетъ мнѣ то, что голштинцы представляли ему на этотъ счетъ, и дѣйствительно принесъ мнѣ бумаги; разсмотрѣвъ ихъ, я сказала, что, мнѣ кажется, онъ могъ бы не просить милостыни у тетюшки, которая, очень вѣроятно, ему откажетъ, такъ какъ не далѣе шести мѣсяцевъ онъ получилъ отъ нея сто тысячъ рублей. Но онъ остался при своемъ мнѣніи, я — при своемъ. На повѣрку вышло, что его долго манили обѣщаніями и ничего не дали.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРАШНЫЙ ГОДЪ.

(Разсказъ старой помѣщицы).

А, 1812 годъ недаромъ называютъ разореннымъ,—начала свой разсказъ старая барыня,—въ нашемъ углу самыя ужасы начались уже тогда, какъ французы были выгнаны изъ Россіи. Мать и няня такъ часто и такъ подробно разсказывали мнѣ о томъ, что тутъ происходило, и все это такъ живо врѣзалось въ моему умѣ, что такъ и кажется, будто все это я видѣла собственными глазами. Отецъ мой былъ тогда на войнѣ, а мать, очень молоденькая женщина, оставалась въ его усадьбѣ.

Конечно, матери пріятнѣе было бы пробывать это тяжелое время у своего отца; въ родной семьѣ она не чувствовала бы себя такъ одиноко, но противъ этого возстали бы родные: вышла замужъ, живи въ домѣ мужа и занимайся его хозяйствомъ, хотя, говоря по правдѣ, хозяйство отъ присутствія моей матери ничего не выигрывало, такъ какъ мать ровно ничего въ немъ не понимала.

Въ полѣ и на барщинѣ всѣмъ завѣдывалъ бурмистръ Филиппъ, умный, распорядительный, на него вполне можно было положиться, въ домѣ же и въ дворнѣ завѣдывали дворецкій Петръ и старая няня моего отца, славная, добрая, мы ее ужасно любили, и она очень была предана нашей семьѣ. Моей матери оставалось только выслушивать доклады своихъ вѣрныхъ слугъ, хвалить ихъ распоряженія и во всемъ съ ними соглашаться. Хотя моя мать вышла замужъ почти-что поневолѣ, но потомъ она страстно привязалась къ моему отцу, разлука съ нимъ была для нея большимъ

горемъ, и, оставшись одна, она страшно тосковала, только и было у ней радости, что письма отъ мужа, но и эта радость была непродолжительна. Получить письмо, обрадуется, прочтаетъ, да вдругъ вспомнить, что война не кончена, и мужъ во всякое время можетъ быть убитъ, и тоска охватить еще сильнѣе. Разъ какъ-то зимою мать получила отъ отца письмо. Онъ писалъ, что живъ, здоровъ, не раненъ и получилъ Георгія. Не помня себя отъ радости, она прочтала письмо нянѣ, потомъ схватила на руки Наташу, цѣлуетъ ее, объясняетъ, что отецъ отличился, хотя дѣвочкѣ было только полгода, потомъ побѣжала въ дѣвичью.

— Ну, дѣвушки!—говоритъ она,—сегодня у насъ праздникъ, баринъ отличился и получилъ Георгія, бросайте мою работу, да спойте чтонибудь повеселѣе.

Сѣла на скамейку, смѣется отъ радости, слушаетъ пѣсни, шутить, разговариваетъ, всѣхъ ей обласкать хочется. Вѣдь, когда хорошо на душѣ у человѣка, всѣ люди становятся какъ-то ближе и милѣе.

Но за обѣдомъ она затосковала, въ голову такъ и полѣзли разные ужасы.

«Господи! — подумала она, — я тутъ веселюсь, а у него, можетъ быть, вороны глаза выклевали, волки тѣло изорвали и кости разнесли по всему полю. А, можетъ быть, оторвало руки или ноги, лежитъ изувѣченный въ больницѣ, страдаетъ, мучится».

Пообѣдала она кое-какъ, ушла въ спальню, легла на постель и такъ разрыдалась, что услышали изъ другой комнаты, и старая няня прибѣжала къ ней.

— Господи! вы опять за слезы? Да будетъ вамъ изводить себя! Чѣмъ бы радоваться, а вы вотъ что дѣлаете,—заговорила старуха.

— Страшно за барина,—сквозь слезы выговорила мать.

— Чего страшиться? Вспомните, въ какомъ огнѣ былъ нашъ баринъ, а вотъ не вредимъ, значитъ, Господь хранить его, и не судьба ему умереть на войнѣ. А вы извольте встать, посмотрите, какой у насъ чудный ленъ уродился, сейчасъ надо его раздать бабамъ.

Умная была старуха, все понимала; какъ увидить, что мать разстроена, такъ и заговорить о другомъ. Мать, бывало, сначала разсердится, а потомъ и развлечется.

— Ни до чего мнѣ нѣтъ теперъ дѣла, и ничего мнѣ не надо,—говорить маменька.

— Вотъ и плохо, сударыня, что вамъ ни до чего дѣла нѣтъ. Вы—хозяйка, вы и должны все знать и обо всемъ позаботиться.

— Ты, няня, сдѣлаешь это гораздо лучше моего, вѣдь я ровно ничего не понимаю ни во льнѣ, ни въ пряхѣ.

— Вотъ вы всегда такъ: не знаю да не понимаю, а кто же будетъ за васъ понимать?—ворчить няня и притворяется, что сер-

дится.—А какъ я свалюсь, тогда кто будетъ дѣлать? Вѣдь года-то мои не маленькіе.

Няня въ сотый разъ принялась рассказывать, какъ и сколько лѣтъ назадъ поступила она въ нашу дворню. Въ это время въ комнату вбѣжала дочь Петра, Маша. Молоденькая, хорошенькая была дѣвушка, маменька очень ее любила.

Запыхалась она, вся раскраснѣлась и будто чего-то испугалась.

— Барыня, голубушка, къ намъ французы идутъ!—говорить она не своимъ голосомъ.

Французы не были уже страшны, но маменька такъ и присѣла отъ страха.

— Далеко ли они?—спрашиваетъ.

— А вотъ извольте посмотрѣть по дорогѣ къ селу.

Маменька посмотрѣла въ окно и видитъ, что по дорогѣ отъ села идутъ человѣкъ десять.

— А почему ты знаешь, что это—французы?—спросила она Машу.

— Сейчасъ Сенька, конюхъ, ихъ обогналъ,—говорить, они.

— Вотъ еще напасть! откуда она на насъ свалилась? Бѣги, Маша, къ твоему отцу, пусть онъ бѣжитъ скорѣй подъ гору, чтобы тамъ всѣ двери на запоръ, чтобы никто не смѣлъ дать имъ ни одной корки хлѣба, вернется, и здѣсь запереть,—говорить мать.

Маша мигомъ бросилась изъ комнаты, а маменька осталась подъ окномъ и, не отрывая глазъ, смотрѣла на французовъ.

— Да, что вы, сударыня, беспокоитесь? Вѣдь они уже давно тутъ шляются,—говорить няня.

— Какъ же я объ этомъ не знала?

— Не хотѣли васъ беспокоить; вѣдь это только Маша такая полоумная, влетѣла, какъ бомба, и бухъ прямо: французы идутъ!—передразнила няня.

— Тутъ уже нечего скрывать, когда французы подошли почти къ самой усадьбѣ.

А Маша отдала приказаніе отъ барыни и опять прибѣжала къ ней.

— Теперь ужъ дольше нечего отъ васъ скрывать, сударыня,—затараторила она, стараясь высыпать накопившіяся новости,—ужъ они недѣли двѣ тутъ шляются. А сколько ихъ мерзавецъ, страсть! На Шоховской горѣ человѣкъ 20 зарыто безъ гробовъ, безъ отпѣванія, просто свалить въ яму, заруютъ и конецъ. Шоловцы еще ничего, хоть безъ гробовъ, а все-таки хоронять, а другіе такъ и совсѣмъ не прибираютъ: валяются въ лѣсу или на дорогѣ. А на меня, барыня, такой страхъ напалъ, просто бѣда: какъ вечеръ, ни за что одна за дверь не пойду, такъ и кажется, кто-то меня хватаетъ.

Слушаетъ это маменька и никакой жалости не чувствуетъ, словно не про людей, а про дикихъ звѣрей ей рассказываютъ; послѣ сама удивлялась, какъ это могло быть такое ожесточеніе.

— Замолчи, пустая мельница, барыня испугаются и ночь не заснутъ,—ворчить няня.

— Ничего, Маша, рассказывай, до ночи еще далеко,—говорить маменька.

— Вотъ вы, барыня, не слышали, а Демьянъ шоловскій къ себѣ французъ взялъ,—снова заговорила Маша.—Пришелъ онъ къ Демьяну проситься ночевать. Молоденькій такой, ни усовъ, ни бороды, а блѣдень, худъ, въ чемъ душа держится. Хотѣлъ Демьянъ его прогнать, да вдругъ такая жалость на него напала, просто бѣда. Иди, говоритъ, переночуй, Богъ съ тобой. На другой день поднялся французъ, сталъ собираться, а у самого руки дрожать, проговорилъ что-то по-своему, а слезы, какъ градъ, такъ и посыпались. У Демьяна сердце заняло отъ жалости. «Живи, говоритъ, у меня, пока миръ будетъ». Указалъ на образъ, потомъ на лавку. Французъ понялъ, что его оставляютъ, низко, низко поклонился хозяйкамъ, на образъ посмотрѣлъ, перекрестился по-своему. Теперь ничего, говорятъ, поправился, даже за работу взялся: скотъ убираетъ, воду таскаетъ, дрова носить, и по-нашему сталъ немного понимать.

— Ну, ужъ это совсѣмъ напрасно,—сказала мать:—мы ихъ не звали, и пусть мерзнутъ или умираютъ отъ голода.

— Правда ваша, сударыня, они насъ не жалѣли, и ихъ не за что жалѣть,—говорить няня.

А французы уже подошли къ усадьбѣ, поднялись на гору, остановились противъ дома, говорятъ что-то, кланяются, худые, оборванные. Маменькѣ особенно бросился въ глаза одинъ молодой французъ, высокій, блѣдный, съ небольшими темными усиками и бородкой, одѣтый въ женскую шубу! онъ сталъ поодаль отъ другихъ, прислонился къ столбику и съ такимъ горемъ смотрѣлъ на окна, что у матери невольно сжалось сердце, и она, чтобы не беспокоить себя, поскорѣе отошла отъ окна.

Постояли французы, поклонялись, поняли, вѣроятно, что здѣсь имъ не будетъ мѣста, и пошли прочь отъ дома.

На другой день недалеко отъ усадьбы нашли двухъ мертвыхъ французовъ, другіе два лежали въ верстѣ отъ усадьбы. Что было съ остальными, неизвѣстно, вѣроятно, тоже замерзли. Всѣмъ извѣстно, что французы мерзли во множествѣ, трупы ихъ валялись тамъ, гдѣ заставала смерть; исключенія дѣлались только для тѣхъ, которые умирали въ деревняхъ, но и ихъ не зарывали въ землю, а просто сволокутъ, бывало, въ лѣсъ или въ поле и бросятъ тамъ, какъ скотину. И вѣдь почти никто этимъ не возмущался.

Вѣроятно, вы упрекнете мою мать въ безсердечіи, но, право, она была не плохой человекъ. Чтобы понять ее, надо пережить то, что переживалось тогда. Кромѣ личнаго горя, каждый видѣлъ разореніе страны, изувѣченныхъ солдатъ, осиротѣлыя семьи, и кто

изъ васъ поручится, что при данныхъ условіяхъ вы поступили бы человѣчнѣе моей матери? И потомъ надо согласиться, что всё мы страшно подчиняемся общему настроенію, а общее настроеніе было страшное озлобленіе противъ французовъ.

Слушаешь, бывало, и становится непонятнымъ, какъ это въ сущности далеко незлые люди могли производить такія жестокости. Я передамъ вамъ то, что слышала отъ очевидцевъ.

Это было верстахъ въ десяти отсюда.

Въ началѣ зимы мужики захватили человѣкъ десять французовъ, между ними была одна женщина. Мужики связали ихъ, привели въ деревню, собрали сходку, потолковали, рѣшили зарыть ихъ живыми въ землю и тутъ же, у нихъ на глазахъ, начали рыть для нихъ общую могилу.

Французы держались съ большимъ достоинствомъ. Всѣ они были блѣдны, но смотрѣли бодро, и никто изъ нихъ не просилъ пощады. Когда яма была готова, они будто по командѣ сложили руки, стали на колѣна, потомъ перекрестились, встали и твердо подошли къ могилѣ.

Не то было съ женщиной: она все время рыдала, билась о землю, цѣловала ноги мужиковъ, обнимала ихъ колѣна. Ничто не помогло; французенку потащили къ ямѣ. Женщина взвизгнула, рванулась и вдругъ, ловко изогнувшись, изо всей силы впилась зубами въ руку тащившаго ее мужика. Тотъ вскрикнулъ и отскочилъ въ сторону. Но въ то же мгновеніе ее схватили другіе два мужика, одинъ за локти сзади, другой сдавилъ ей шею и такимъ образомъ столкнули несчастную въ могилу.

Зарыли мужики французовъ и безъ всякихъ упрековъ совѣсти разошлись по домамъ, еще и посмѣивались, вспоминая, какъ рыдала французенка и валялась у нихъ въ ногахъ. За этотъ звѣрскій поступокъ поплатился только тотъ, котораго укусила французенка, рука его такъ разболѣлась, что мужикъ крикомъ кричалъ, думали, что придется ее отнять: этого, положимъ, не случилось, но владѣлъ онъ этой рукой плохо, пальцы совсѣмъ не гнулись.

Понятно, что появленіе французовъ на усадьбѣ ужасно взволновало мать и дворню; нѣсколько дней только и говорили, что объ этомъ; большинство дворовыхъ относилось къ французамъ враждебно, немногіе о нихъ жалѣли, но всѣ, за исключеніемъ кружевницы Марѳы, находили поступокъ матери совершенно правильнымъ. Какъ же поступить иначе съ врагами нашей родины?

— Какіе они враги? Приказало ихъ начальство, вотъ и воевали, — возражала Марѳа.

— Ну, и мы воюемъ.

— Какіе они теперь войны, когда у нихъ и въ рукахъ ничего нѣтъ? Странники они теперь, и больше ничего. Въ писаніи ска-

«нотор. ввстн.», май, 1906 г., т. сѣв.

зано: пригрѣй странника, накорми голоднаго, а мы голодныхъ странниковъ на морозъ выгнали; большой намъ грѣхъ за это.

Марѳа потомъ была моею няней, большая была постница и богомольщица, она знала грамотѣ и ужасно любила читать божественныя книги. Бывало, въ праздничный вечеръ посадить насъ около себя и читаетъ вслухъ житіе какого нибудь мученика или святого. Мы что поймемъ, чего не поймемъ, а слушаемъ съ удовольствіемъ.

Прошло недѣли двѣ, впечатлѣніе, произведенное появленіемъ французовъ, уже значительно ослабѣло, и жизнь въ усадьбѣ пошла прежнимъ порядкомъ.

Разъ какъ-то, рассказывала мать, сидитъ она въ дѣтской и рассматриваетъ только что вытканый коверъ. У насъ ткали чудные ковры, краски для шерсти составляли дома изъ разныхъ травъ и цвѣтовъ. Сидитъ это она, любитъ ковромъ и ни о чемъ другомъ не думаетъ. Вдругъ, какъ вѣтеръ, влетѣла Маша, перепуганная такая, даже въ лицѣ измѣнилась, остановилась передъ матерью и слова не выговорить. «Ну,—думаетъ мать,—случилось что-то недоброе», хочетъ спросить и боится.

— Ну, что прилетѣла?—спросила старая няня.

— Ахъ, Акулина Ивановна, какіе ужасы у насъ дѣлаются!—говоритъ Маша, а сама чуть не плачетъ.

— Ты у насъ всегда первая вѣстовщица, влетитъ, какъ вѣтеръ, и напугаетъ барыню. Ну, говори, что тамъ случилось?

— Иванъ Болда отрубилъ ноги у мертваго француза, привезъ домой и положилъ отогрѣвать на печку.

— Мели, пустая мельница, рассказывай, что люди врутъ. Подумай только, на что ему эти ноги понадобились?

— Истинная правда, Акулина Ивановна, въ деревнѣ только объ этомъ и трубятъ. Сегодня утромъ ѣздилъ Болда въ лѣсъ за дровами. Ёдетъ оттуда домой, а онъ и лежитъ въ ельникѣ, недалеко отъ дороги. Лицо бѣлое, глаза и ротъ закрыты, руки закинута подъ голову, какъ будто спитъ; вытянулся во весь ростъ. длинный такой и совсѣмъ еще молодой.

Мать и про коверъ забыла.

— А вѣдь это, должно быть, тотъ, который былъ у насъ,—говоритъ она нянѣ,—молодой, высокій.

— Посмотрю я на васъ, сударыня, вы словно дитя малое, всего боитесь, придумали, что тотъ самый, а мало ли ихъ молодыхъ да высокихъ,—говоритъ няня. Она всегда старалась успокоить мать и ухаживала за ней, какъ родная.

— И ты, тараторка, чуть что услышишь, сейчасъ къ барынѣ та-та-та, та-та-та, все и выспала,—попрекнула она Машу.

— Да вѣдь не утерпишь, такъ и хочется рассказать.

— Ничего, Маша, рассказывай, нечего отъ меня скрывать,—говоритъ мать.

— Вы всегда такъ: рассказывай да рассказывай, а потомъ ночь не будете спать,— проворчала няня.— А ты, тараторка, если ужъ начала, такъ рассказывай.

— Подошелъ Иванъ къ этому французу,—продолжала Маша,—смотреть, одѣтъ такъ чисто, сапоги хорошіе, новые. Что онъ спитъ или умеръ, думаетъ Иванъ и толкъ его ногой. Тотъ покачнулся, и бухъ на прежнее мѣсто. Болда толкнулъ его посильнѣе. Покойникъ сдвинулся съ мѣста и опять, покачнулся, а руки, какъ лежали подъ головой, такъ и остались безъ движенія. Дай, думаетъ, сниму сапоги, все равно пропадутъ даромъ. Сталь тянуть, хоть бы капля подались, ноги-то совсѣмъ застыли, не гнутся. Мужикъ, недолго думая, хватъ топоръ изъ-за пояса, отрубилъ ноги и повезъ дошой. Жена чуть не умерла отъ страха, набросилась на него, вези, говоритъ, сейчасъ назадъ. А онъ какъ крикнетъ на нее: дура ты, говоритъ, набитая! не пропадать же новымъ сапогамъ, на что они покойнику? Швырь ноги на печку, оттаялъ ихъ тамъ, снялъ сапоги, а ноги отвезъ опять къ покойнику.

Всѣ такъ и застыли на мѣстѣ, слушая Машу.

— Бываютъ же такіе безстрашные люди,—проговорила молодая няня,—теперь этотъ французъ отдыха не дастъ Ивану, будетъ приставать: отдай мои ноги, отдай мои сапоги.

— Закаркали вороны, напугаете мнѣ барыню,—ворчитъ старая няня.

— И какъ это онъ Бога не боится? Вѣдь грѣхъ это, барыня?—спросила Маша.

— Да, Маша, большой грѣхъ,—отвѣтила мать.

Какъ ни были обозлены противъ французовъ, но отъ поступка Ивана всѣ пришли въ ужасъ и находили его страшно грѣховнымъ. Въ деревнѣ только и говорили что объ этомъ, судили, рядили, удивлялись, но никто не ожидалъ того, что случилось потомъ. Не успѣли еще успокоиться деревенскіе толки, какъ совершенно неожиданно заболѣлъ Болда. Схватило его ночью, начало жечь и корчить.

Утромъ поѣхали за священникомъ, священникъ пріѣхалъ уже къ покойнику. Такъ умеръ Иванъ безъ покаянія.

Божье наказаніе, рѣшили сосѣди. Но Божье наказаніе развилось не надъ однимъ Болдой.

Не успѣли похоронить Ивана, какъ заболѣла его жена, потомъ сынъ, невѣстка, взрослая дочь, и въ одинъ день изъ дома Болды вынесли четырехъ покойниковъ.

Болѣзнь перешла къ сосѣдямъ и пошла косить по деревнѣ, что день, то два, да три покойника. Выздоровливающихъ не было, кто заболѣлъ, зови умершимъ. Бороться съ болѣзью не было никакой возможности, и люди совсѣмъ потеряли головы отъ страха.

Видитъ мать, что дѣло плохо, деревня и усадьба—почти рядомъ, болѣзнь непремѣнно перейдетъ и сюда, а умирать никому не хочется, особенно если человѣкъ молодъ и счастливъ.

— Ахъ, нянечка, боюсь, что эта болѣзнь къ намъ перейдетъ,— говоритъ она.

— Что дѣлать, сударыня, отъ Бога никуда не уйдешь.

— Отъ Бога не уйдешь, а отъ болѣзни, можетъ быть, и спрячемся.

— Куда же прятаться, развѣ къ папашѣ съ мамашей уѣдете?

— Туда ѣхать не приходится, кто знаетъ, можетъ быть, и тамъ эта болѣзнь, ѣхать туда 290 верстъ, пожалуй, на дорогѣ умрешь, это еще хуже, чѣмъ здѣсь.

— Ну, что же мнѣ съ вами дѣлать? Тутъ боюсь, туда не могу.

— Мы, няня, тутъ спрячемся, въ этомъ домѣ. Останемся здѣсь я, ты, маленькая барышня, Петръ и Марѳа, остальные пусть идутъ подъ гору. Прикажемъ очистить избу, которая почище, и пусть тамъ живутъ, пока болѣзнь кончится. Провизіи у насъ здѣсь на цѣлую зиму хватить, корова для барышни стоитъ здѣсь, колодезь есть, за водой намъ бѣгать не надо, прикажемъ привести воровъ пять сѣна и безъ всякой нужды можемъ просидѣть здѣсь хоть цѣлую зиму.

Вы подумайте, какъ догадлива была моя мать! Молоденькая, о карантинѣ и понятія не имѣла, а вотъ узнала, что дѣлать; послѣ всѣхъ сосѣди удивлялись ея находчивости и характеру.

— Умница вы, барыня,—похвалила старуха,—мнѣ, старой дурѣ, и въ голову бы этого не пришло. Только возьмемъ съ собой Машу, ужъ очень я люблю эту дѣвчу, жаль будетъ, какъ умереть.

— Я и сама ее люблю, но оставить здѣсь боюсь, очень она шустра, не усидитъ здѣсь, непремѣнно сбѣгаетъ подъ горку, вѣдь я и всѣхъ бы не прочь оставить, да поди, поручись, что они туда не сбѣгаютъ.

— Кто за нихъ поручится? Заснешь, а они маршъ, ужъ и слетали,—согласилась няня.

Надо вамъ объяснить, что домъ, барская кухня и хлѣвъ для любимой маменькиной коровы стояли здѣсь на горѣ, тутъ же былъ колодезь, который видите и теперь, людскія же избы и прочія хозяйственныя постройки были разбросаны подъ горой, немного въ сторонѣ отъ фасада, но изъ оконъ дома они всѣ были видны, какъ на ладони. Отецъ любилъ широкій видъ, и передъ фасадомъ не росло ни одно деревцо.

Когда объявили въ дѣвичьей барскую волю, всѣ какъ-то разомъ приуныли. Въ другое время дѣвушки, можетъ быть, были бы рады скрыться подальше отъ барскихъ глазъ; положимъ, мать ихъ не стѣсняла, она боялась тишины и любила, чтобы въ дѣвичьей пѣли и разговаривали, но какъ бы ни были хороши господа, а подальше

отъ нихъ каждый чувствовалъ себя свободнѣй. При данныхъ же условіяхъ приказаніе удалиться изъ барскихъ покоевъ прозвучало чѣмъ-то страннымъ и зловѣщимъ; каждый сильнѣе сознавалъ приближеніе опасности.

— Такъ сегодня же и уходите, поселитесь въ той избѣ, которую вамъ укажутъ, и живите вмѣстѣ. Да смотрите, сюда ни ногой, что бы тамъ ни случилось, никакихъ вѣстей мнѣ не надо, гости прїѣдутъ, скажите, что уѣхала къ папенькѣ,—строго приказала мать. — Петръ и Марѳа останутся со мной и, пока болѣзнь кончится, подъ гору ни ногой.

Петру очень не хотѣлось остаться съ барыней, онъ боялся за семью; конечно, онъ хорошо понималъ, что тамъ онъ ничему не поможетъ, но все-таки въ столь опасное время рѣдко кто захочетъ разстаться съ близкими людьми.

Но слуги того времени не были похожи на теперешнихъ, среди которыхъ уже не найдете такихъ преданныхъ и покорныхъ. Петръ былъ именно покорный, преданный лакей, а потому ни слова не возразилъ маменькѣ. Марѳа тоже была очень хорошая, но у нея были свои понятія.

— Отпустите меня, сударыня, не могу я здѣсь оставаться, когда въ народѣ, въ самой нашей деревнѣ, такое горе, не ручаюсь за себя, не утерплю и уйду туда. Она низко поклонилась матери.

— Да зачѣмъ же тебѣ уходить? Все равно, ты тамъ ничему не поможешь,—говорить мать.

— Можетъ быть, и помогу, сударыня, буду за больными ходить, покойниковъ убирать, псалтирь читать. А у васъ моя Матрешка справится, она—дѣвочка проворная и послушная.

— Да ты, можетъ быть, за нее и боишься?—такъ я и ее здѣсь оставлю.

— Ничего я не боюсь, отъ Божьей воли никуда не уйдешь, кому назначено умереть, такъ и тутъ умрешь, а нѣтъ на то Божьей воли, и тамъ будешь живъ.

— Отпустите ее, сударыня, положилъ ей Господь потрудиться для больныхъ, пусть трудится, грѣшно мѣшать доброму дѣлу,—присовѣтовала няня.

— А справимся ли мы тутъ съ Матрешкой?

— Отчего не справиться? Тутъ не Богъ знаетъ какія дѣла будутъ.

— А какъ Марѳа изъ деревни въ дворню-то болѣзнь занесетъ?

— Не беспокойтесь, сударыня, если уйду въ деревню, такъ въ дворню и показываться не буду; вотъ если, сохрани Богъ, въ дворнѣ болѣзнь покажется, тогда приду.

— Ну, Господь съ тобой, ступай, если уже есть у тебя такое желаніе, а Матрешка пусть здѣсь останется.

— Ну, теперь, прощайте, сударыня, не поминайте лихомъ, да не бросайте мою дѣвочку, если умру.

— Не беспокойся, мы съ няней ее не бросимъ. А теперь надо присѣсть да Богу помолиться, положимъ, дорога не дальняя, но зато опасная.

Всѣ разжѣстились по лавкамъ, няня зажгла передъ образомъ лампадку, сама присѣла, потомъ встали, помолились Богу, стали прощаться. Маменька расплакалась, всѣхъ перецѣловала. Дѣвушки тоже плакали.

— Ну, прощайте, дѣвушки, дай Богъ опять всѣмъ увидѣться,— сказала мать.

— Дай-то, Господи,—отвѣтила Марѳа.

Дѣвушки еще разъ перекрестились и вышли вонъ изъ дома.

Захлопнулась дверь, затворились ворота ограды, и дѣвушки тихо, какъ будто нехотя, стали спускаться съ горы, а мать оставилась подъ окномъ, смотреть имъ вслѣдъ, а слезы такъ и застилаютъ глаза, сердце такъ и надрывается отъ горя. Богъ знаетъ, сколько изъ нихъ вернутся назадъ, когонибудь да вырветъ эта болѣзнь, думаетъ мать. И ей жаль было своихъ дѣвушекъ, вѣдь она уже два года жила съ ними, привыкла, привязалась, особенно послѣ того, какъ проводила мужа.

Дѣвушки скрылись за дверью одной изъ людскихъ избъ, а мать пошла въ дѣтскую.

Наташа возилась на полу съ какимъ-то краснымъ лоскуткомъ, трое взрослыхъ людей сидѣли, словно въ воду опущенные, особенно Петръ; онъ такъ былъ убитъ, что казался постарѣвшимъ на десять лѣтъ. При входѣ матери они поднялись съ мѣста, но она ихъ снова усадила.

— Намъ цѣлые вечера придется сидѣть вмѣстѣ, такъ нельзя же вамъ стоять все это время,—проговорила она, садясь на лавку.

— А скучно, няня, будто я что потеряла,—прибавила она, немного помолчавъ.

— Что дѣлать, сударыня, не однимъ вамъ скучно, всѣ теперь горюютъ.

— Кто-то изъ нихъ вернется?

— Господь вѣдаетъ, вотъ, какъ мои родители умерли, тоже былъ большой моръ, говорятъ, почти въ каждомъ дворѣ былъ покойникъ, а дворню Богъ миловалъ, никто не умеръ.

— Рѣдко это бываетъ, няня.

— А все-таки случается, я хорошо помню этотъ моръ, въ рѣдкомъ домѣ не было мертвеца, а у насъ въ семьѣ даже никто не болѣлъ,—проговорилъ Петръ.

— Можетъ быть, и теперь пронесетъ Богъ тучу мимо.

— Дай-то, Господи.

Смодкъ и опустѣлъ барскій домъ, не слышно въ немъ веселаго говора и дѣвичьяго смѣха. Встанутъ, бывало, наши жильцы и сейчасъ къ окнамъ посмотрѣть, что дѣлается въ дворнѣ.

Вотъ отворились ворота, скотникъ погналъ на водопой скоть, конюхъ гонитъ туда же лошадей, кучера ведутъ провѣдныхъ, нѣсколько человѣкъ прошли въ кормовые сараи и возвращаются отсюда съ вязанками сѣна и соломы, въ людскія носятъ ушатами и ведрами воду,—однимъ словомъ, жизнь въ дворнѣ идетъ заведеннымъ порядкомъ.

— Ну, слава Богу, должно быть, у насъ все тамъ благополучно,— скажетъ ктонибудь изъ жильцовъ.

— Дай-то Богъ,—крестясь отвѣтятъ другіе.

Слуги принимаются за дѣла, а мать остается съ Наташей, нянчить ее, а сама то и дѣло подходитъ къ окну и смотритъ на дорогу. Увидитъ, вдали что-то движется, и заранѣе увѣрена, что это—похороны. Подѣдутъ ближе, и точно везутъ гробъ, за гробомъ идутъ нѣсколько человѣкъ, голоса бабы. Священника нѣтъ, онъ не имѣетъ возможности поднять и проводить всѣхъ покойниковъ. Потомъ везутъ другой, третій, четвертый гробъ, былъ одинъ день, когда провезли десять.

— Неужели все это изъ нашей деревни везутъ? Вѣдь такъ мы останемся безъ крестьянъ и сдѣлаемся нищими,—вадыхаетъ мать.

— Что, вы, сударыня? Не по одной нашей деревнѣ обрушится, вѣрно и въ другія перейдетъ,—утѣшаетъ няня.

— Хорошо, если бы такъ; а какъ все это наши?

— Не можетъ этого быть, не такая болѣзнь, появилась въ одной деревнѣ, весь приходъ переберетъ, да и въ другіе перейдетъ.

Настанетъ вечеръ, тишина въ домѣ становится еще замѣтнѣе, только пискъ и возня мышей дѣлаются слышнѣе, да стукъ и трескъ мороза гудче раздается въ пустыхъ комнатахъ. Соберутся четыре жильца въ дѣтскую, мать вышиваетъ шерстью или бисеромъ, няня и Матрешка вяжутъ чулки, Петръ сидитъ безъ всякаго дѣла, или, если не спитъ Наташа, возится съ нею.

Дѣвочка всѣхъ развлекала. Не будь ея, и жизнь въ домѣ была бы еще скучнѣе; она иногда и разсмѣшитъ и утѣшитъ. Сидятъ, бывало, всѣ четверо и молчатъ, а если и говорятъ, то о войнѣ, о морѣ да о покойникахъ. Послѣ такихъ разговоровъ на мать и на Матрешку нападалъ такой страхъ, что просто бѣда.

Какъ останутся однѣ въ комнатѣ, имъ чтонибудь да представится, или въ окно чтонибудь увидятъ, или слышатся, что кто-то ходитъ по пустымъ комнатамъ.

— Боятесь, вотъ и представляется,—скажетъ, бывало, няня.

— Да нѣтъ, нянечка, сами видѣли, пробѣжалъ мимо окна кто-то бѣлый, высокій.

— И никто тамъ не пробѣгалъ, представилось, вотъ и все.

— Это вы напрасно говорите, Аксинья Ивановна, народъ всякій бываетъ, а смертность большая, можетъ быть, кого земля не приняла,—степенно замѣчаетъ Петръ.

— Смотрю я на васъ, Петръ Захарычъ, и удивляюсь,—покачаетъ головой няня,—старый вы человекъ, а не понимаете. Я и сама знаю, что въ такое время все можетъ случиться,—только зачѣмъ же говорить объ этомъ барынѣ?

— Простите, сударыня, я, старый дуракъ, объ этомъ не подумалъ.

— То-то не подумали, а извѣстно, народъ всякій бываетъ,—ворчитъ старуха,—мнѣ бабушка покойница рассказывала, дай Богъ ей царство небесное, въ нашемъ селѣ былъ случай.... И няня, забывая всякую осторожность, расскажетъ что нибудь такое страшное, что у всѣхъ морозъ по кожѣ подеретъ, и волосы на головѣ зашевелиятся.

Недѣли полторы жильцы барскаго дома не замѣчали, чтобы въ усадьбѣ произошло что нибудь особенное. Жизнь подъ горой шла самымъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Но вотъ однажды, подойдя къ окнамъ, они ясно увидали, что тамъ неблагополучно. Сначала они не замѣтили ничего особеннаго: такъ же, какъ всегда, гоняли на водопой скотъ, водили туда же проѣздныхъ лошадей, носили изъ сараевъ кормъ, таскали дрова и воду. Но когда кончилась утренняя суета, они какъ-то разомъ замѣтили толпу людей, беспорядочно двигавшуюся около одной изъ людскихъ избъ, одни входили въ сѣни, другіе выходили оттуда и, отойдя немного отъ двери, становились въ сторону.

Жильцы испуганно переглянулись, но не сказали ни слова. Вотъ изъ воротъ выѣхали двѣ лошади, запряженныя въ дровни и завожжанныя холстомъ; онѣ остановились противъ той избы, у которой толпился народъ. Люди зашевелились, мужчины сняли шапки, всѣ стали креститься. Сомнѣнія не было, въ дворнѣ два покойника. Еще минута, и изъ двери одинъ за другимъ вынесли два некрашенныхъ гроба.

— Сударыня, позвольте мнѣ сбѣгать узнать, кого хоронять,—рванулса Петръ.

— Ни за что! еще болѣзнь занесешь.

— Позвольте, сударыня, я издали спрошу.—Петръ весь дрожалъ.

— Сказано, ни за что.

— Узнать бы, за кого молиться.

— Не все ли равно, кто умеръ, послѣ узнаемъ, молись за новопредставленныхъ.

— Вамъ, сударыня, все равно, а у меня тамъ жена, дѣти, внуки.—Петръ зарыдалъ.

— Ну, и пусть будетъ надъ ними воля Божія,—говоритъ мать. Лошади тронулись съ мѣста и понуро поплелись по дорогѣ.

— Пустите, барыня, можетъ быть, это мамку хоронять, проститься,—зарыдала Матрешка.

— Ты еще чего хнычешь! Цѣла будетъ твоя мамка!—крикнула няня.

— А вы-то чего, Петръ Захарычъ? Матрешка—ребенокъ, не

понимаетъ, а вы—настоящій человѣкъ, должны понять, что нельзя беспокоить барыню.

— Сердце не терпитъ, Акуинья Ивановна.

— А вы поддержитесь, ну, если тамъ что и случилось, слезами горю не поможешь, надо покориться Божьей волѣ.

— Вамъ можно такъ разсуждать, вы тутъ вся, а у меня семья.

— А мнѣ-то, думаешь, хорошо? Изъ деревни возили, возили, а теперь изъ двора начали таскать,—сказала мать.

— У васъ, сударыня, тамъ семья нѣтъ, а чужихъ хоть и жаль, а все не такъ, какъ своихъ.

— Какъ чужихъ? Мои крестьяне мрутъ, а ты говоришь—чужихъ, да вѣдь мы, можетъ быть, нищими останемся.—Маменька зарыдала.

— Ну, вотъ видите, что надѣлали: совсѣмъ разстроили барыню,—попрекнула няня. Преданная была душа, только о маменькѣ и заботилась.—Бѣги, Матрешка, за водой! Сядьте, сударыня, на диванчикъ; да полноте, всѣ не умрутъ, ктонибудь и на нашу долю останется, безъ слугъ не будемъ.

Долго плакала мать, наконецъ кое-какъ успокоилась, пора была приниматься за дѣла, но мать очень боялась покойниковъ и ни за что не хотѣла остаться одна въ домѣ и никого отъ себя не отпускала; но потомъ, послѣ долгихъ уговоровъ, согласилась остаться съ Матрешкой, и пока няня возилась въ кухнѣ, старикъ одинъ управлялся съ остальными работами.

Сильно затосковалъ Петръ, за обѣдомъ онъ почти ни до чего не дотронулся, а потомъ, когда всѣ прилегли, онъ ушелъ въ дѣвичью, сталъ на колѣни передъ образомъ Спасителя и долго горячо молился.

Нѣсколько дней носили гробы изъ двора. Петръ уже не просился, чтобы узнать, кого хоронять, но съ каждымъ днемъ дѣлался все мрачнѣе и молчаливѣе, а въ полдень и вечеромъ становился на молитву.

Наконецъ, гробовъ стали вонять меньше, провожать ихъ за ними почти не было, случилось, что за гробомъ шелъ одинъ только возница.

— Господи! должно быть, всѣ перемерли и провожать некому,—говоритъ мать.

— А что, сударыня, если правда—перемерутъ, только мы останемся? Скучно будетъ,—отзывается Матрешка.

— Не мели, пустая мельница, никогда не бывало, чтобы всѣ люди умерли,—останавливаетъ няня.

Петръ такъ убитъ, что рѣдко когда проронитъ слово, даже сердилась на него мать.

— Все ты только о себѣ и думаешь, нѣтъ того, чтобы обо мнѣ подумать,—скажетъ бывало она.

Старикъ только вздохнетъ.

Матрешка часто вспоминала свою мать и рвалась подъ гору, одну няню никуда не тянуло, она дѣйствительно была вся тутъ. Еще совѣмъ маленькой круглой сироткой взяла ее моя прабабка. Сначала дѣвочка стерегла барскую птицу, подросла, стала кружевницей, а когда у Аксюши ослабѣло зрѣніе, попала къ папенькѣ въ няньки. Дѣвушка она была красивая, но замужъ не пошла, шашней не заводила, такіе люди очень привязывались къ своимъ господамъ. Особенно любила она папеньку, просто какъ мать родная. Ну, и отецъ любилъ и уважалъ свою няню, во всемъ, бывало, съ ней совѣтуется.

Прошло шесть недѣль съ тѣхъ поръ, какъ мать засѣла у себя на горѣ. Наконецъ, видятъ, что по дорогѣ не провезли ни одного гроба.

— Слава Богу, должно быть, болѣзнь кончилась, — крестясь проговорила мать.

— А, можетъ быть, всѣ перемерли, отъ того и не хоронятъ, — отвѣтила Матрешка.

— Мели, пустая мельница. Развѣ не видала, что въ усадьбѣ скотъ убирали. Значитъ, не всѣ умерли, — проворчала няня.

— Не прикажете ли, сударыня, сбѣгать туда? — робко спросилъ Петръ.

— Нѣтъ, подожди, можетъ, болѣзнь еще не прекратилась, или зараза гдѣ нибудь осталась, — остановила мать.

Прошло еще двѣ недѣли. Похоронъ не было, и жизнь подъ горой, казалось, вошла въ свой обыкновенный порядокъ. Маменька рѣшилась наконецъ сойти съ горы.

Зажгли лампадку, помолились Богу.

— Ну, да будетъ воля Божія, — сказала мать, — ты, няня, останься съ Наташей, а мы пойдемъ, не вѣкъ же здѣсь сидѣть.

Петръ былъ блѣденъ, на глазахъ у него стояли слезы, руки тряслись, ноги подкашивались.

— Господи! кто-то тамъ уцѣлѣлъ? — проговорилъ чуть слышно старикъ, перекрестился и пошелъ вонъ изъ дома.

Страшно было и матери, только Матрешка обрадовалась, что вырвалась на волю, и, ни о чемъ не думая, весело побѣжала съ горы.

Дворовые увидѣли барыню, и всѣ вышли къ ней навстрѣчу.

Но, Боже! что же это такое? Все старые да малые, а молодыхъ, сильныхъ, третьей части не осталось. Женщины плачутъ, мужчины точно пришибленные.

Матрешка приостановилась, но вдругъ вскрикнула отъ радости и бросилась на шею Марѣ.

— Мапочка, жива?

— Жива, дочка, Господь помиловалъ, не захотѣлъ, чтобы ты осталась круглой сиротой.

Маменька ничего не спросила, само видно. Расплакалась она, вошла въ хату, сѣла на лавку, дворовые стали передъ ней и, хоть бы кто слово, только слезы утираютъ.

— Да, многихъ вы тутъ безъ меня похоронили,—выговорила наконецъ мать.

— Да, сударыня, много.

— Вотъ и дѣвушекъ моихъ немного осталось, Машеньки нѣтъ.

— Горничныхъ восемь схоронили, семь осталось. А съ Машеньки и болѣзнь началась, по ней уже шесть недѣль отправили. Вотъ и сыночекъ Петра Захарыча овдовѣлъ, пятеро дѣтокъ осталось безъ матери.

— Дѣточки мои милыя, и проститься мнѣ съ вами не пришлось,—горько плакалъ Петръ.—Лучше бы вы, барыня, Машу съ собой взяли, молодыхъ бы и берегли, а мнѣ, старику, и умереть не бѣда.

— Полно вамъ, Петръ Захарычъ, попрекать барыню, вѣрно, вашей Машѣ до этого времени жить назначено, отъ Божьей воли никуда не уйдешь,—убѣжденно проговорила Марea.

— Правда твоя, Марea, отъ Божьей воли не спрячешься, а главное Маша ни за что бы не усидѣла на горѣ,—согласилась мать.

— Какъ не усидѣть, если вы прикажете?—возразилъ Петръ.

— И не усидѣла бы, хоть ночью, а прибѣжала бы насъ провѣдать,—вступилась жена Петра.

— И непремѣнно бы занесла болѣзнь,—говорить маменька.

— И не занесла бы: болѣзнь приходитъ къ тому, кому Богомъ опредѣлено. Вотъ вамъ: батюшка отецъ Василій къ каждому покойнику ѣздилъ, каждого больного приобщалъ, а цѣлъ, и въ семьѣ у него никто не былъ боленъ,—стояла на своемъ Марea.

Послѣ мать узнала, что тутъ же, какъ только пришла изъ дома, Марea отправилась въ деревню и не отходила отъ больныхъ во все время заразы. Давала имъ пить, согрѣвала, растирала, убирала нечистоты и, говорятъ, нѣсколько человекъ спасла отъ смерти. Она же убирала покойниковъ и, если хватало времени, читала по нимъ псалтирь.

Долго сидѣла маменька съ своими дворовыми. Сердце у нея надрывалось отъ жалости, когда она смотрѣла на ихъ слезы и слушала рассказы о смерти того или другого.

— А въ деревнѣ что?—спросила она, вволю наплакавшись.

— То же, что и здѣсь: остались старые да малые.

— Пзовите ко мнѣ старосту. Живъ онъ, или нѣтъ?

— Онъ живъ, а половину взрослой семьи оторвало: умерли два взрослыхъ сына, дочь и невѣстка. Куда прикажете его позвать—въ домъ или сюда?

— Пусть идетъ въ домъ, болѣзнь кончилась, значить, бояться нечего. Дѣвушки, которыя остались, идите опять въ горницу.

Часа черевъ два явился Филиппъ.

— Здравствуй, Филиппъ, живъ?—поздоровалась мать.

Филиппъ низко поклонился и молча остановился у порога.

— Слышала я о твоёмъ горѣ. Что дѣлать! Божья воля. Вотъ и мы совсѣмъ разорились.

Горе Филиппа было такъ велико, что онъ долго не могъ выговорить слова.

— Да,—заговорилъ онъ наконецъ, собравшись съ духомъ,—наказалъ Господь, а все за нашу жестокость, что они, французы-то, пришли къ намъ голодные и холодные, а мы не только живыхъ не накормили и не обогрѣли, даже надъ мертвыми надругались, оставляли гнить не погребенными волкамъ и собакамъ на съѣденіе. А вѣдь они—тоже люди, и къ намъ шли, можетъ быть, а пришли не по своей волѣ, вѣдь у нихъ тоже есть начальство, приказалъ ихъ царь, и пошли.

— Да, Филиппъ, согрѣшили мы.

— Еще какъ согрѣшили-то, не отмолишь. Ко мнѣ, окаянному, подошелъ французъ, тощій такой, видно, что голодный. Перекрестился, на небо показавъ, значить, во имя Христа просилъ. А я, грѣшникъ, выбѣжалъ изъ избы, схватилъ здоровое полѣно да хлопъ его по головѣ. На ногахъ не устоялъ бѣднякъ, потомъ поднялся и пошелъ шатаясь отъ моей хаты. И вѣрите ли, сударыня, тогда у меня сердце не дрогнуло, а теперь, какъ вспомню его, такъ сердце и замретъ, жаль его, какъ родного.

— Что дѣлать, не одинъ ты, всѣ согрѣшили. Скажи, много ли у насъ народу осталось.

— Ахъ, сударыня, и не говорите: остались старики да дѣти, и тѣхъ, что тягло несутъ, едва ли пятая часть осталась.

— Сколько, однако?

— Въ точности не могу сказать, завтра пересчитаю.

На другой день староста заявилъ, что изъ 97 тяглы осталось одиннадцать.

— Съли мы съ тобой, какъ ракъ на мели,—говорить мать.

— Да, сударыня, съли, теперь надо подумать, что дѣлать съ ребятишками.

— Ужъ и сама не знаю; присовѣтуй, ты старше меня.

— Я вотъ что придумалъ: надо собрать оставшихся бабъ и ребятишекъ, пересчитать и раздѣлить такъ, чтобы на каждую бабу ребятишекъ пришлось поровну. У которой много своихъ дѣтей, той дать немного, можно и совсѣмъ не давать, у которой немного, или совсѣмъ нѣтъ дѣтей, той дать больше.

— Значить, ты хочешь пересчитать и тѣхъ дѣтей, которыя не остались сиротами?

— Я думалъ такъ, сударыня.

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему.

Болѣзнь особенно сильно обрушилась на нашу деревню, много умирало и въ другихъ деревняхъ, но все-таки не такъ, тамъ болѣзнь ослабѣла, были и выздоравливающіе.

Пришло лѣто, урожай отличный, травы чудныя, а убирать некому, половина ржи осталась несжатой, больше половины луговъ искошенными. Пришлось уменьшить скотъ. Нѣсколько лѣтъ сряду имѣніе приносило одни убытки.

Послѣ войны отецъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и заняться хозяйствомъ. Но и это не помогло, отецъ быстро шелъ къ разоренію. А между тѣмъ у насъ было нѣсколько тысячъ десятинъ земли, изъ которой нѣсколько сотъ десятинъ подъ заливыми лугами и тысячи подъ чуднымъ вѣковымъ лѣсомъ, одинъ этотъ лѣсъ стоилъ бы теперь громадныхъ денегъ, сосны были въ два обхвата. А дубы! теперь такихъ дубовъ не найдете. Но тогда имѣніе цѣнилось по числу крѣпостныхъ душъ, лѣсъ же въ нашей мѣстности не имѣлъ никакой цѣны; на моей памяти его срубали цѣлыми десятинами для того, чтобы очистить мѣсто для посѣва, самыя лучшія деревья увозили, остальные тутъ же сжигали.

Теперь вы понимаете, что при тѣхъ условіяхъ имѣніе безъ крѣпостныхъ цѣнилось очень дешево. Но тогда люди были другіе, крѣпко стояли за сословные интересы, и моего отца выручили дворяне. Они выбрали его исправникомъ въ нашемъ уѣздѣ, эта должность давала въ то время, по крайней мѣрѣ, 6.000 р. въ годъ самыхъ безгрѣшныхъ доходовъ. Дѣла отца быстро поправились; всѣ невзгоды, перенесенныя въ 1812 г., миновались, и когда я подросла, у насъ жили весело и въ полномъ довольствѣ.

Е. И. Зарина.

КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Изъ записокъ княгини Д. Х. Ливенъ.

АРІЯ Христофоровна фонъ-Бенкендорфъ, сестра всеильнаго николаевскаго шефа жандармовъ, была дочерью рижскаго военнаго губернатора, но мать ея, урожденная баронесса Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, издавна дружила съ великой княгинею Маріею Феодоровною. Расположеніе отъ матери перенеслось на дочь; получила она воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ подъ внимательнымъ призоромъ императрицы, которая пожаловала 14-лѣтнюю дѣвочку по выходѣ изъ института въ свои фрейлины. Весьма вѣроятно, при посредничествѣ императрицы же состоялся въ 1800 г. и бракъ 15-лѣтней фрейлины съ любимцемъ императора Павла и его 25-лѣтнимъ военнымъ министромъ, графомъ Х. А. Ливеномъ.

Главною опорой для юной четы при дворѣ перемѣнчиваго Павла являлась мать Ливена, графиня Шарлотта-Екатерина Карловна, которая еще въ царствованіе Екатерины и по выбору послѣдней была назначена воспитательницею дочерей и сыновей цесаревича, сумѣла, несмотря на свою прямоту и рѣзкость нрава, снискать благоволеніе Павла и удерживала совершенно исключительное положеніе при дворѣ въ теченіе четырехъ царствованій. Въ 1826 г., по случаю коронаціи императора Николая, Ш.-Е. Ливенъ съ нисходящимъ потомствомъ была возведена въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости и умерла глубокою старухою въ 1828 г.

Княгиня Д. Х. Ливенъ такимъ образомъ отъ ранней юности находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ царской семьѣ и по свойственной ей любознательности и наблюдательности была вполне точно освѣдомлена во всѣхъ перипетіяхъ, которыя привели императора Павла къ скорбному его концу.

Послѣдующее царствованіе открыло графу Хр. Андр. Ливену еще болѣе широкое и отвѣтственное поприще, хотя сама по себѣ его личность совершенно меркла и подавлялась даровитостью его супруги. Назначенный послѣ Тильзитскаго мира посланникомъ въ Берлинъ, графъ Ливенъ въ 1812 г., по возобновленіи дружественныхъ отношеній съ Великобри-

таніей, былъ аккредитованъ при сентъ-джемскомъ дворѣ и оставался здѣсь до 1834 г., когда получилъ назначеніе въ воспитатели великаго князя Александра Николаевича.

Пройдя дипломатическую школу еще въ Берлинѣ, графиня Д. Хр. въ Лондонѣ, по выраженію Ф. Ф. Вигеля, «при мужѣ исполняла должность посла и совѣтника и сочиняла депеши».

Необычайно вѣжливая и благовоспитанная, графиня не выносила скуки и посредственныхъ людей и сумѣла создать въ Лондонѣ блестящій салонъ, гдѣ собирались дипломатическія знаменитости и выдающіеся политическіе дѣятели самыхъ противоположныхъ взглядовъ.

Благодаря знакомству съ дѣтскими лѣтъ съ интимною стороною дворцовыхъ отношеній у насъ и за границей, графиня Д. Х. изъ постоянного общенія съ выдающимися европейскими дѣятелями усвоила всѣ тонкости тогдашней европейской политики. Отъ нея не ускользали ни политическія новости, ни слухи, она съ большою наблюдательностью и догадливостью ловила налету ничтожные факты, схватывала истинное настроеніе лицъ, стоявшихъ во главѣ правительства, сопоставляла случайно оброненныя фразы и намеки и выводила заключенія, которыми дѣлилась съ мужемъ. Онъ предложилъ ей какъ-то составить депешу для сообщенія графу Нессельроде, и вскорѣ эти необычныя обязанности посланницы перестали быть тайною и для русскаго двора. Графъ Нессельроде, минуя посланника, завелъ непосредственную интимную переписку съ графинею, гдѣ обсуждались вопросы, имѣвшіе касательство къ русской политикѣ, да и самъ императоръ Александръ оказывалъ графинѣ милостивое вниманіе, бесѣдовалъ съ нею объ европейской политикѣ и снабжалъ словесными инструкціями, а въ 1818 и 1822 г.г. графиня была Александромъ подъ рукою приглашена присутствовать на Ахенскомъ и Веронскомъ конгрессахъ.

Когда, по назначеніи Стратфорга Канинга посланникомъ въ Петербургъ, отношенія между Россіею и Англіею обострились, Ливены покинули Лондонъ, при чемъ княгиня удостоилась рѣдкаго для иностранки въ Англіи вниманія: графиня Сутерлендъ поднесла ей отъ имени лондонскихъ дамъ драгоценный браслетъ, «въ знакъ сожалѣнія объ ея отъѣздѣ и на память о многихъ годахъ, проведенныхъ въ Англіи».

По возвращеніи въ Петербургъ, княгиня Д. Х. почувствовала себя совершенно вырванною изъ обычной колеи: привычная ей западно-европейская обстановка, политическіе и общественные интересы были въ казенномъ Петербургѣ совершенно невѣдомы. Потерявъ весной 1835 г. двухъ сыновей, одного вслѣдъ за другимъ, въ возрастѣ 10 и 14 лѣтъ, княгиня окончательно возненавидѣла Петербургъ и суровость его климата; какъ за ней ни ухаживали и императоръ Николай, и другія лица царской фамилии, она настояла на своемъ намѣреніи выселиться назадъ за границу. Къ мужу она давно охладѣла, а послѣ его смерти и всѣ ея связи съ Россіею порвались, такъ какъ государь Николай Павловичъ рѣшительно вознегодовалъ на княгиню за ея вѣчное пребываніе внѣ родины.

Проживая постоянно въ Парижѣ, гдѣ она купила старинный отель Талейрана, княгиня возобновила тамъ свой салонъ, который приобрѣлъ мировую славу и неотразимо привлекалъ самое блестящее по талантамъ и политическому значенію общество до царствованія Наполеона III включительно.

Особенно сблизилась княгиня съ историкомъ Гизо, которому оказала существенную поддержку, когда бывший министръ Людовика-Филиппа, послѣ февральской революціи 1848 г., оказался безъ всякихъ средствъ къ существованію; дочерей Гизо княгиня надѣлила богатымъ приданымъ, а сыну Гизо предоставила возможность закончить образованіе.

Въ распоряженіе же историка Гизо княгиня передъ смертью (весной 1857 г.) оставила отрывки своихъ записокъ о смерти императора Павла, о пребываніи союзныхъ монарховъ въ Лондонѣ въ 1815 г. и объ основаніи Греческаго королевства. Записки эти далеко не полностью использованы Гизо въ его біографіи княгини Ливенъ (въ *Mélanges biographiques et historiques*).

Здѣсь мы помѣщаемъ въ переводѣ съ французскаго отрывокъ изъ записокъ кн. Д. Х. Ливенъ, касающійся смерти императора Павла и напечатанный въ книгѣ проф. Шиманна: «Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I».

В. фонъ-Штейнъ.

Я только-что вышла замужъ. Мой мужъ уже три года управлялъ военнымъ министерствомъ. Министерскій портфель онъ получилъ 22 лѣтъ отъ роду, былъ уже генераль-адъютантомъ и пользовался полнымъ довѣріемъ и милостью императора. Служба его при особѣ государя начиналась съ 6^{1/2} часовъ утра, разставался онъ съ государемъ только въ обѣденную пору, по тогдашнему обычаю въ часъ пополудни. Въ четыре часа мужъ опять пріѣзжалъ во дворецъ и освобождался не ранѣе восьми часовъ вечера. Какъ извѣстно, военная служба была преобладающею страстью Павла и любимымъ его занятіемъ. По этой причинѣ изъ всѣхъ министровъ мой мужъ всего чаще видѣлся съ государемъ и наиболѣе былъ къ нему приближенъ. Онъ вообще нравился императору, относившемуся къ нему съ неизмѣнною добротою и милою фамиллярностью, которая трогаетъ и привязываетъ людей. Отъ рѣзкихъ выходокъ, обильно сыпавшихся на окружающихъ, мужъ былъ совершенно огражденъ. Единственный разъ, сколько я знаю, государь вспылилъ на мужа, а именно въ Гатчинѣ, въ концѣ 1800 года.

Императоръ, диктуя, приказалъ ему выразить благоволеніе какому-то полку, отправлявшемуся въ походъ, и велѣлъ ему прочесть этотъ рескриптъ въ его присутствіи на парадѣ, послѣ отдачи приказа. Послѣ церемоніальнаго марша государь поворачивается и говоритъ: «Ливенъ, читай!» А Ливена нѣтъ. О приказаніи государя онъ позабылъ, а отъ присутствованія на парадахъ вообще былъ освобожденъ. Государь пришелъ въ ярость и чрезъ пять минутъ въ мою спальню, гдѣ мужъ спокойно отдыхалъ, уже воѣгалъ, запыхавшись, флигель-адъютантъ, полковникъ Альбедиль. Это былъ толстый, добродушный нѣмецъ, питавшій немалый респектъ къ Ливену, состоявшему въ то же время начальникомъ военно-походной императорской квартиры. Альбедиль остановился, какъ вкопанный, не рѣшаясь ни выговорить порученное, ни ослушаться государя. Тѣмъ не менѣе пришлось выговорить слово «дуракъ» — съ такимъ порученіемъ прислалъ его государь. Произнесъ Альбедиль это слово съ такимъ потѣшнымъ выраженіемъ ужаса на лицѣ,

что оба мы могли только расхохотаться. Разрѣшившись руганью, Альбедиль успѣшилъ спастись бѣгствомъ. Повторяю, то былъ единственный случай, когда мужу досталось отъ императора.

Вообще, характеръ Павла представлялъ странное смѣшеніе благороднѣйшихъ влеченій и ужасныхъ склонностей. Дѣтство и юность протекли для него печально. Любовью матери онъ не пользовался. Сначала императрица совсѣмъ его забросила, а потомъ обижала. Въ теченіе долгихъ лѣтъ проживалъ онъ чуть не изгнанникомъ въ загородныхъ дворцахъ, окруженный шпионами императрицы Екатерины. При дворѣ Павелъ появлялся рѣдко, а когда это ему разрѣшалось, императрица принимала его съ холодностью и строгостью и проявляла къ наслѣднику отчужденіе, граничившее съ неприличіемъ, чему, конечно, вторили и царедворцы. Собственныя дѣти Павла воспитывались вдали отъ него, и онъ рѣдко даже ихъ видѣлъ. Не пользуясь вѣсомъ, не соприкасаясь съ людьми по дѣловымъ отношеніямъ, Павелъ влачилъ жизнь безъ занятій и развлеченій—на такую долю былъ обреченъ въ теченіе 35 лѣтъ великій князь, который долженъ былъ бы по-настоящему занимать престолъ, и во всякомъ случаѣ предназначался его занять хоть впоследствии.

Императоръ Павелъ былъ малъ ростомъ. Черты лица имѣлъ некрасивыя за исключеніемъ глазъ, которые у него были очень красивы; выраженіе этихъ глазъ, когда Павелъ не поддавалъ подъ власть гнѣва, было безконечно доброе и пріятное. Въ минуты же гнѣва видъ у Павла былъ положительно устрашающій. Хотя фигура его была обдѣлена граціею, онъ далеко не былъ лишенъ достоинства, обладалъ прекрасными манерами и былъ очень вѣжливъ съ женщинами; все это запечатлѣвало его особу истиннымъ изяществомъ и легко обличало въ немъ дворянина и великаго князя. Онъ обладалъ литературною начитанностью и умомъ бойкимъ и открытымъ, склоненъ былъ къ шуткѣ и веселію, любилъ искусство; французскій языкъ и литературу зналъ въ совершенствѣ, любилъ Францію, а нравы и вкусы этой страны воспринялъ въ свои привычки. Разговоры онъ велъ скачками (*saccadé*), но всегда съ непрерывнымъ оживленіемъ. Онъ зналъ толкъ въ изощренныхъ и деликатныхъ оборотахъ рѣчи. Его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себѣ представить что либо болѣе изящное, чѣмъ краткія милостивыя слова, съ которыми онъ обращался къ окружающимъ въ минуты благодушія. Я говорю это по опыту, потому что мнѣ не разъ до и послѣ замужества приходилось соприкасаться съ императоромъ. Онъ нерѣдко наѣзжалъ въ Смольный монастырь, гдѣ я воспитывалась; его забавляли игры маленькихъ дѣвочекъ, и онъ охотно самъ даже принималъ въ нихъ участіе. Я прекрасно помню, какъ однажды вечеромъ въ 1798 г. я играла въ жмурки съ нимъ, послѣднимъ королемъ Польскимъ, принцемъ Конде и

фельдмаршаломъ Суворовымъ; императоръ тутъ продѣлалъ тысячу сумасбродствъ, но и въ припадкахъ веселости онъ ничѣмъ не нарушалъ приличій. Въ основѣ его характера лежало величіе и благородство—великодушный врагъ, чудный другъ, онъ умѣлъ прощать съ величіемъ, а свою вину или несправедливость исправлялъ съ большою искренностью.

На ряду съ рѣдкими качествами, однакоже, у Павла сказывались ужасныя склонности. Съ внезапностью принимая самыя крайнія рѣшенія, онъ былъ подозрителенъ, рѣзокъ и страшенъ до чудачества. Утверждалось не разъ, будто Павелъ съ дѣтства обнаруживалъ явные признаки умственной аберраціи, но доказать, чтобъ онъ дѣйствительно страдалъ такимъ недугомъ, трудно. Никогда у него не проявлялось положительныхъ признаковъ этого; но, несомнѣнно, его странности, страстные и подчасъ жестокіе порывы намекали на органическіе недочеты ума и сердца, въ сущности открытыхъ и добрыхъ. Всемогущество, которое кружить и сильныя головы, совершило остальное, и печальные задатки постепенно настолько разрослись, что въ ту эпоху, о которой я стану рассказывать, императоръ уже являлся предметомъ страха и всеобщей ненависти.

Мой мужъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выѣзжалъ изъ дому по причинѣ довольно серьезной болѣзни, которая уже миновала, но онъ охотно замедлялъ окончательное выздоровленіе, потому что съ нѣкотораго времени служба ему опротивѣла. За послѣдній годъ подозрительность въ императорѣ развилась до чудовищности. Пустѣйшіе случаи выростали въ его глазахъ въ огромные заговоры, онъ гналъ людей въ отставку и ссылалъ по произволу. Въ крѣпости не переводились многочисленныя жертвы, а порою вся ихъ вина сводилась къ слишкомъ длиннымъ волосамъ или слишкомъ короткому кафтану. Носить жилеты совсѣмъ воспрещалось. Императоръ утверждалъ, будто жилеты почему-то вызвали всю французскую революцію. Достаточно было императору гдѣ нибудь на улицѣ запримѣтить жилетъ, и тотчасъ же его злосчастный обладатель попадалъ на гауптвахту. Случалось туда попадать и дамамъ, если онѣ при встрѣчахъ съ Павломъ не высказывали достаточно стремительно изъ экипажа, или не дѣлали достаточно глубокаго реверанса. Полицейское распоряженіе предписывало въ ту пору всѣмъ, мужчинамъ и женщинамъ, сообразоваться съ этими капризами. Благодаря этому, улицы Петербурга совершенно пустѣли въ часъ обычной прогулки государя, съ 12 до 1 часа пополудни. За послѣднія шесть недѣль царствованія свыше 100 офицеровъ гвардіи были посажены въ тюрьмы. Моему мужу тяжело было служить орудіемъ этихъ расправъ. Все трепетало передъ императоромъ. Только одни солдаты его любили, потому что хотя и измучивались чрезмѣрною дисциплиною, но зато

пользовались щедрыми царскими милостями. Суровое отношеніе къ офицерству Павелъ неизмѣнно уравнивалъ широкою раздачею денегъ солдатамъ.

Со времени затворничества мужа, графъ Паленъ, съ которымъ онъ стоялъ на интимной ногѣ и къ тому же имѣлъ и частыя сношенія по службѣ, ежедневно завязалъ къ мужу провести съ нимъ часть, другой. Графъ Паленъ соединялъ въ своей особѣ самыя отвѣтственныя государственныя должности. Онъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи иностранныя дѣла, финансы, почту, высшую полицію и состоялъ въ то же время военнымъ губернаторомъ столицы, что предоставляло ему начальство надъ гвардіею. Отсюда уже видно, какую власть императоръ передалъ въ его руки. Паленъ былъ человекъ крупный, широкоплечій, съ высокими лбомъ и открытою, привѣтливою, добродушною фізіономіею. Очень умный и самобытный, онъ въ своихъ рѣчахъ проявлялъ большую тонкость, шутливость и добродушіе. Натура, не изощренная образованіемъ, но сильная; большое здравомысліе, рѣшительность и отважность; шутливое отношеніе къ жизни. Словомъ, онъ былъ воплощеніемъ прямоты, жизнерадостности и беззаботности. Графъ Беннигсенъ, который насъ тоже навѣщалъ, но не особенно часто, былъ длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя командора изъ Донъ-Жуана. Я съ Беннигсеномъ была мало знакома, и онъ во мнѣ только и оставилъ описанное впечатлѣніе. Что касается графа Палена, то я всегда поджидала его посѣщеній съ безконечнымъ удовольствіемъ. Онъ не уставалъ меня смѣшить я, повидимому, самъ находилъ въ этомъ удовольствіе. Первымъ его движеніемъ было повеселиться, и я всегда чувствовала себя обиженною, когда разговоръ принималъ болѣе серьезное направленіе, и меня выпроваживали прочь. Паленъ общалъ мужу о всемъ происшедшемъ за день; тутъ я оказывалась лишнею, но я была нѣсколько любопытна, и добивалась отъ мужа, чтобы онъ мнѣ потомъ рассказывалъ все новенькое. Между прочимъ, вспоминаю я и такой фактъ, который случился, кажется, дней за пять, за шесть передъ катастрофою.

Въ одномъ изъ припадковъ подозрительности, не щадившей ни собственной семьи, ни собственныхъ дѣтей, императоръ какъ-то послѣ обѣда спустился къ своему сыну, великому князю Александру, къ которому никогда не заходилъ. Онъ хотѣлъ поймавъ сына врасплохъ. На столѣ между другими книгами Павелъ замѣтилъ переводъ «Смерти Цезаря». Этого оказалось достаточно, чтобы утвердить подозрѣнія Павла. Поднявшись въ свои апартаменты, онъ разыскалъ исторію Петра Великаго и раскрылъ ее на страницѣ, описывавшей смерть царевича Алексѣя. Развернутую книгу Павелъ приказалъ графу Кутайсову отнести къ великому князю и предложить прочесть эту страницу. Чрезъ нѣсколько дней

графъ Паленъ довѣрилъ мужу свои опасенія насчетъ того, что императоръ, повидимому, собирается заключить императрицу, свою супругу, въ монастырь, а обоихъ старшихъ сыновей—въ крѣпость, потому что и Константинъ, которому отецъ до тѣхъ поръ отдавалъ предпочтеніе, сдѣлался ему подозрительнымъ, въ виду тѣснаго сближенія съ старшимъ братомъ.

Дѣло дошло до того, что императору приписали даже намѣреніе жениться на актрисѣ французскаго театра, г-жѣ Шевалье, въ то время любовницѣ Кутайсова.

Распространяли ли заговорщики такія клеветы нарочно, съ цѣлью вербованія единомышленниковъ, или дѣйствительно такія недѣлости пробѣгали въ головѣ императора? Какъ бы то ни было, розказни эти распространялись, повторялись, и имъ вѣрили.

Недоумѣніе и страхъ преисполняли всѣ умы. Въ то же время навязывалась и мысль о приближеніи роковой развязки, и наиболѣе ходкою фразою было: «Такъ дольше продолжаться не можетъ!»

Графъ Паленъ уже послѣ рокового событія признавался мужу, что, при каждой съ нимъ встрѣчѣ, онъ хотѣлъ и его привлечь къ заговору, но сознаніе того, что болѣзнь помѣшаетъ мужу дѣятельно послужить этому дѣлу, удерживала Палена отъ этого намѣренія.

Это была одна изъ удачъ на житейскомъ поприщѣ мужа, и онъ не разъ впоследствии разбиралъ этотъ вопросъ передъ мною. Какъ бы онъ долженъ былъ поступить съ столь опасною тайною, если бы ее ему вѣрили? Долгъ бы повелѣвалъ спасти императора. Но что же дальше? Вѣдь это было равносильно тому, чтобы предать императору на отомщеніе и суровый гнѣвъ все великое и возвышенное, что тогда имѣлось налицо въ Россіи. А гдѣ бы остановились гоненія, разъ заговорщики были столь многочисленны? Значить, эшафоты, ссылка и тюрьма для всѣхъ? А дальше что бы послѣдовало? Еще пуцій гнетъ, чѣмъ тотъ, подъ бременемъ котораго изнемогала вся Россія! Альтернатива мужу рисовалась во всякомъ случаѣ ужасная, и онъ увѣрялъ, что, если бы Паленъ сообщилъ ему о заговорѣ, ему ничего другого не осталось бы сдѣлать, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ.

Врачъ императора, по приказанію послѣдняго, ежедневно навѣщалъ мужа—то былъ англичанинъ мистеръ Бекъ, дѣйствовавшій въ интересахъ Ливена. Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ заболѣлъ, императоръ сносился съ нимъ записками. Этотъ способъ веденія дѣлъ въ концѣ концовъ вызвалъ нетерпѣніе въ Павлѣ, и, обмѣнявшись 11 марта со своимъ министромъ нѣсколькими записочками, въ которыя вкрались какія-то недоразумѣнія,¹ въ 11 часовъ вечера императоръ написалъ Ливену слѣдующее: «Ваше нездоровье затягивается слишкомъ долго, а такъ какъ дѣла не могутъ быть направляемы въ зависимости отъ того, помогаютъ ли вамъ мушки, или нѣтъ, то вамъ придется передать портфель военнаго министерства князю Гагарину».

Эта записочка на русскомъ языкѣ была послѣднею, написанною императоромъ Павломъ передъ смертью, и, если я не ошибаюсь, находится теперь въ обладаніи императора Николая, равно какъ и вся переписка мужа съ покойнымъ императоромъ. Записку эту государь написалъ въ покояхъ княгини Гагариной, его метрессы, гдѣ онъ всегда заканчивалъ вечера послѣ ужина съ императрицею. Княгиня Гагарина жила въ Михайловскомъ замкѣ, занимая помѣщеніе подъ личными апартаментами государя. Спустия часъ, Павелъ ушелъ къ себѣ, чтобы лечь спать.

Князь Гагаринъ, которому предстояло замѣстить моего мужа въ управленіи военнымъ министерствомъ, упросилъ государя оказать Ливену какойнибудь знакъ благоволенія для позлащенія немилости. Гагаринъ, мужъ фаворитки, былъ добрякъ, водившій болѣе или менѣе дружбу съ Ливеномъ. Императоръ на это согласился и приказалъ включить въ завтрашній приказъ производство Ливена въ чинъ генераль-лейтенанта. Уже изъ тона записки государя Ливенъ заключилъ, что пришелъ конецъ его фавору, хотя ему и обѣщалось производство. Онъ улегся въ постель разстроенный, такъ какъ достаточно зналъ характеръ государя и опасался послѣдствій неудовольствія, имъ на себя навлеченнаго.

Мы крѣпко спали, когда камердинеръ внезапно вошелъ въ спальню и разбудилъ мужа вѣстью, что отъ императора присланъ фельдъегерь съ спѣшнымъ порученіемъ. Было 2¹/₂ часа утра. Шумъ разбудилъ и меня. Мужъ мнѣ тутъ же сказалъ: «Дурныя вѣсти, вѣроятно. Пожалуй, угрожу въ крѣпость».

Черезъ минуту, не давъ мужу даже встать, въ спальню явился фельдъегерь. Замѣтивъ, что мужъ не одинъ, онъ сказалъ:

— Громко я боюсь говорить.

Мужъ нагнулся къ нему ухомъ.

— Его величество приказываютъ вамъ немедленно явиться къ нему, въ кабинетъ, въ Зимній дворецъ.

Такъ какъ государь съ царскою семьею жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, то приказаніе, переданное чрезъ фельдъегеря, не имѣло смысла.

Мой мужъ тутъ же и сказалъ фельдъегерю:

— Вы, должно быть, пьяны.

Обиженный офицеръ рѣшительно возразилъ:

— Я повторяю дословно слова государя императора, отъ котораго только-что вышелъ.

— Да вѣдь императоръ легъ почивать въ Михайловскомъ замкѣ.

— Точно такъ. Онъ и теперь тамъ. Только вамъ онъ приказываетъ явиться къ нему въ Зимній дворецъ, и притомъ немедленно.

Тутъ пошли разспросы о томъ, что случилось. Зачѣмъ императору понадобилось выѣзжать изъ замка посреди ночи? Что его подняло на ноги?

Фельдъегерь на это отвѣчалъ:

— Государь очень боленъ, а великій князь Александръ Павловичъ, т.-е. государь, послалъ меня къ вамъ.

Мой мужъ переспросилъ опять, но фельдъегерь только повторялъ прежнее.

Страхъ обуялъ теперь Ливена.

Отпустивъ фельдъегера, онъ принялся обсуждать со мною значеніе непонятнаго таинственнаго приказанія. Ужъ не спятилъ ли съ ума фельдъегерь? Или, быть можетъ, императоръ ставить Ливену ловушку? А если это испытаніе, то какому риску подвергаетъ себя мужъ? Ну, а если фельдъегерь сказалъ правду?..

Напрасны были попытки разобраться во всѣхъ этихъ загадкахъ. А принять рѣшеніе все-таки было нужно. Мужъ всталъ, приказалъ запрячь сани и перешелъ въ туалетную, выходящую окнами во дворъ. Спальня же наша выходила окнами на Большую Милліонную, какъ разъ напротивъ казармы перваго баталіона Преображенскаго полка, такъ какъ улица эта примыкаетъ къ Зимнему дворцу. Мужъ меня заставилъ подняться съ постели и приказалъ, вставъ около окна, наблюдать, что происходитъ на улицѣ, и передавать ему о томъ.

Ну, вотъ я и наряжена въ часовые.

Мнѣ было тогда всего пятнадцать лѣтъ, нравъ у меня былъ веселый, я любила всякую новизну и относилась легкомысленно къ роковымъ событіямъ, интересуясь только однимъ, лишь бы они внесли разнообразіе въ повседневную рутину городской жизни. Я съ любопытствомъ думала о завтрашнемъ днѣ. Въ какой же дворецъ мнѣ предстоитъ ѣхать съ визитомъ къ свекрови и великимъ княжнамъ, которыхъ я навѣщала ежедневно? Это меня наиболѣе интересовало въ данную минуту. Въ спальнѣ горѣлъ только ночникъ. Я подняла занавѣсъ у окна, присѣла на подоконникъ и устремила взоры на улицу. Ледъ и снѣгъ кругомъ. Ни одного прохожаго. Полковой часовой забрался въ будку и, должно быть, прикурнулъ. Ни въ одномъ изъ оконъ казармы огня не видать, не слышно и шума. Мужъ изъ туалетной спрашиваетъ меня отъ времени до времени, не вижу ли я чего — отвѣтъ одинъ: «Ничего не вижу». Мужъ не особенно торопился съ туалетомъ, колеблясь, выѣзжать ли ему. Одна четверть часа смѣнялась другою, и я только раздражалась тѣмъ, что ничего ровно не вижу. Мнѣ хотѣлось спать. Но вотъ послышался отдаленный шумъ, въ которомъ мнѣ почудился стукъ колесъ. Эту вѣсть я громко возвѣстила мужу, но, прежде чѣмъ онъ перешелъ въ спальню, экипажъ уже проѣхалъ. Очень скромная пароконная каретка (тогда какъ всѣ

въ ту пору въ Петербургѣ развѣзжали четверикомъ или шестерикомъ); на запяткахъ, впрочемъ, вывѣздныхъ лакеевъ замѣняли два офицера, а при мерцаніи снѣга мнѣ показалось, что въ каретѣ я вижу генераль-адъютанта Уварова. Такой вывѣзд представлялся необычайнымъ. Мой мужъ пересталъ колебаться, вскочилъ въ сани и отправился въ Зимній дворецъ.

Моя роль на этомъ и окончилась. Все послѣдующее я сообщая со словъ мужа и свекрови.

Экипажъ, который я видѣла, везъ не Уварова, но великихъ князей Александра и Константина. Выѣхавъ по Адмиралтейскому бульвару къ противоположному краю Зимняго дворца, мужъ дѣйствительно увидѣлъ въ кабинетѣ великаго князя Александра освѣщеніе, но по лѣстницѣ поднимался очень неувѣренно.

Въ пріемной мужъ засталъ великаго князя Константина и нѣсколькихъ генераловъ. Великій князь заливался словами, а генералы ликовали, опьяненные происшедшимъ избавленіемъ. Въ какихъ нибудь полъ-минуты Ливенъ уже узналъ, что императора Павла не стало, и что ему предстоитъ привѣтствовать новаго императора. Государь требуетъ Ливена. Гдѣ Ливенъ? Мой мужъ бросается въ кабинетъ, и императоръ падаетъ ему въ объятія съ рыданіями: «Мой отецъ! Мой бѣдный отецъ!» И слезы обильно текутъ у него по щекамъ.

Этотъ порывъ продолжается нѣсколько минутъ, потомъ государь выпрямился и воскликнулъ: «Гдѣ же казаки?»

На этотъ вопросъ отвѣтъ могъ дать дѣйствительно только мужъ.

Три мѣсяца назадъ императоръ Павелъ въ гнѣвной всыпкѣ рѣшилъ предать уничтоженію все Донское казачество.

Подъ предлогомъ поддержанія политики Бонапарта, перваго консула, къ которому онъ вдругъ воспылалъ фанатическимъ расположеніемъ, Павелъ рѣшилъ послать казаковъ тревожить съ тыла Индійскія владѣнія англичанъ. На самомъ же дѣлѣ императоръ рассчитывалъ, что при продолжительномъ зимнемъ походѣ болѣзни и военныя случайности избавятъ его окончательно отъ казачества¹⁾. Предлогъ и истинная цѣль экспедиціи должны были храниться въ великой тайнѣ. Никто въ Россіи не долженъ былъ ничего знать о маршрутѣ экспедиціи, и только Ливенъ изъ кабинета государя подъ царскую диктовку отдавалъ для безпрекословнаго выполненія подробные приказы, предписывавшіе переселеніе цѣлаго племени. Курьеръ получилъ въ самомъ кабинетѣ государя запечатанные конверты для отвоза на Донъ, и Павелъ

¹⁾ Тутъ княгиня впадаетъ въ преувеличеніе. Казачья экспедиція была обстоятельно договорена съ Наполеономъ и была направлена противъ англійскихъ владѣній въ Индіи. Въ экспедиціи участвовали только нѣсколько казачьихъ полковъ: ни о какомъ выселеніи донскихъ казаковъ и помину не было.

строго-настрого запретилъ Ливену кому либо сообщать о сдѣланныхъ чрезъ него распоряженіяхъ. Даже и всемогущій Паленъ ничего объ этомъ не провѣдалъ. Чрезъ нѣкоторое время по вѣстямъ изъ провинціи удостовѣренъ былъ необычайный фактъ выселенія всего Донскаго казачества. Объ истинныхъ побужденіяхъ императора стали догадываться,—извѣстна была его ненависть къ независимымъ формамъ внутренняго управленія казачества, но представлялось совершенно невозможнымъ проникнуть въ тайну дѣйствительнаго слѣдованія Донскихъ полковъ, и уже нѣсколько недѣль были потеряны послѣдніе слѣды снаряженной экспедиціи. Это обстоятельство и было, между прочимъ, одною изъ причинъ, ускорившихъ трагическую кончину императора.

Мужъ сообщилъ императору Александру всѣ свѣдѣнія объ экспедиціи. Тотчасъ же былъ написанъ, подписанъ и отправленъ приказъ о немедленномъ возвращеніи казаковъ. Послѣ этого императоръ поручилъ мужу отправиться въ Михайловскій замокъ и уговориться съ г-жею Ливень ¹⁾, какъ убѣдить императрицу-мать покинуть роковое обиталище. Въ то же время Александръ сообщилъ мужу о безуспѣшности своихъ попытокъ свидѣться съ своею родительницею.

Въ пять часовъ утра Ливень былъ уже въ Михайловскомъ замкѣ.

Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ, я опишу, что узнала о роковой сценѣ, разыгравшейся въ ту ночь въ замкѣ.

Еще въ полночь въ замкѣ и около него царила глубочайшая тишина. По несчастному затемненію ума, императоръ Павелъ, заподозрѣвая всѣхъ, съ недоувѣріемъ относился даже и къ императрицѣ, преданнѣйшей ему и почтенной женщинѣ, которую даже вопіющія гласныя измѣны мужа не отвратили въ ея страстной привязанности къ государю.

Онъ заперъ на ключъ и преградилъ сообщеніе между апартаментами императрицы и своими. Поэтому, когда въ 12^{1/2} часовъ ночи заговорщики постучались къ Павлу въ опочивальню, онъ самъ же лишилъ себя единственнаго шанса къ бѣгству. Извѣстно, что, не найдя Павла въ постели, заговорщики сочли свое дѣло почти проиграннымъ, но тутъ одинъ изъ нихъ открылъ Павла, притаившагося за ширмами... Чрезъ десять минутъ императора уже не стало. Успѣй Павелъ спастись бѣгствомъ, и показись онъ войскамъ, солдаты бы его охранили и спасли.

Вѣсть о кончинѣ Павла была тотчасъ же доведена до свѣдѣнія графа Палена, который расположился на главной аллеѣ у замка съ нѣсколькими баталіонами гвардіи. Войска были собраны по его

¹⁾ Графиней Шарлоттой Карловной, рожденной баронессой Гаугребенъ, воспитательницею дочерей императора Павла.

приказу, чтобы, глядя по обстоятельствамъ, или явиться на подмогу императору, или послужить для провозглашенія его преемника. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ графъ Паленъ питалъ увѣренность, что ему на долю достанется первенствующая роль. Онъ поспѣшилъ отправиться къ великому князю Александру и склонился предъ нимъ на колѣни. Великій князь въ ужасѣ приподнялъ его.

Разсказывали не разъ, будто великій князь былъ нѣсколько посвященъ въ заговоръ, такъ какъ заговорщики для обезпеченія себѣ безопасности должны были принять въ этомъ направленіи нѣкоторыя предосторожности.

Великій князь былъ молодъ, всѣ видѣли, что онъ скорбитъ и терзается за другихъ, оплакивая жертвы подозрительной тираніи, дѣйствіе которой отражалось прежде всего на немъ самомъ. Его, быть можетъ, и увѣрили въ томъ, что обращеніе къ императору рѣшительныхъ и энергичныхъ требованій отъ особъ, приближенныхъ къ престолу и преданныхъ служенію родинѣ и славы имперіи, образумятъ наконецъ императора, и онъ отжѣнитъ прежніе жестокіе указы и вернется къ болѣе умѣренному образу дѣйствій. Неопытность могла заставить Александра повѣрить такимъ обѣщаніямъ. Только въ такихъ предѣлахъ и могъ онъ санкціонировать дѣйствія заговорщиковъ, направляемыхъ къ такой именно цѣли. Но это и все. Для всякаго, кто зналъ ангельскую чистоту характера Александра, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что дальше благонамѣренныхъ пожеланій его воображенію ничто другое и не рисовало, а самые порывы отчаянія, какимъ государь предавался вслѣдъ за неожиданной катастрофой, устранили въ многочисленныхъ свидѣтеляхъ этихъ ужасныхъ минутъ всякую тѣнь сомнѣній въ этомъ отношеніи.

Первою мыслью Александра была его мать. Императрица-мать пользовалась большимъ почтеніемъ и любовью своихъ дѣтей. Никогда никакая женщина лучше не постигала и безукоризненнѣе не выполняла всѣхъ своихъ обязанностей. Ничто не можетъ сравниться съ ея жалостливостью, разумнымъ милосердіемъ и постоянствомъ въ привязанностяхъ. Она любила свой санъ и умѣла поддерживать свое достоинство. Она обладала сильнымъ умомъ и возвышеннымъ сердцемъ. Она была горда, но привѣтлива. Она была еще очень красива и, высокая ростомъ, производила внушительное впечатлѣніе.

Великій князь приказалъ графу Палену отъ его имени отправиться къ моей свекрови, воспитательницѣ дѣтей покойнаго императора, и, сообщивъ ей роковую вѣсть, попросить приготовить къ ней и императрицу-мать. Графъ Паленъ безъ всякихъ предосторожностей вошелъ къ г-жѣ Ливенъ, разбудилъ ее самъ и неожиданно объявилъ ей, что императора постигъ апоплектический ударъ, и чтобы она поскорѣе довела объ этомъ до свѣдѣнія императрицы.

Моя свекровь приподнялась съ постели и тотчасъ же вскричала:

— Его убили!

— Ну, да, конечно! Мы избавились отъ тирана.

Г-жа Ливенъ съ омерзѣніемъ оттолкнула графа Палена и сухо промолвила: «я знаю свои обязанности». Она тотчасъ же встала и направилась въ апартаненты къ императрицѣ. Сторожевой постъ, расположенный внизу дѣлстницы, скрестилъ штыки. Г-жа Ливенъ властно потребовала пропуска. Въ каждомъ залѣ она натыкалась на такія же препятствія, но умѣло ихъ устраняла. Она была женщина очень рѣшительная и властная. Въ послѣднемъ залѣ, который открывалъ доступъ съ одной стороны къ апартанентамъ императрицы, а съ другой—къ покоямъ императора, запретъ слѣдовать дальше былъ выраженъ безапелляціонно: стража тутъ была особенно многочисленна и рѣшительна. Г-жа Ливенъ громко вскричала:

— Какъ вы смѣете меня задерживать? Я отвѣчаю за дѣтей императора и иду съ докладомъ къ государынѣ о великомъ князѣ Михаилѣ, которому нездоровится. Вы не смѣете мѣшать мнѣ въ исполненіи моей обязанности!

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній дежурный офицеръ склонился предъ властною старухою. Она вошла къ императрицѣ и, прямо подойдя къ ея кровати, разбудила ее и предложила встать. Императрица, вскочивъ спросонья, перепугалась и воскликнула:

— Боже мой! Бѣда случилась? Съ Мишелемъ?

— Никакъ нѣтъ. Его высочеству лучше, онъ спитъ спокойно.

— Значитъ, кто нибудь изъ другихъ дѣтей заболѣлъ?

— Нѣтъ, всѣ здоровы.

— Вы меня вѣрно обманываете, Катерина?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Только вотъ государь очень плохо себя чувствуетъ.

Императрица не понимала. Тогда свекровь принуждена была сказать государынѣ, что ея супругъ пересталъ жить. Императрица посмотрѣла на г-жу Ливенъ блуждающими глазами и словно не хотѣла понять истины. Тогда свекровь проивнесла рѣшительно:

— Вашъ супругъ скончался. Просите Господа Бога принять усопшаго милостиво въ лоно свое и благодарите Господа за то, что онъ вамъ столь многое оставилъ.

Тутъ императрица соскочила съ постели, упала на колѣни и предалась молитвѣ, но довольно машинально и по усвоенной ею привычкѣ вѣрить и уважать слова моей свекрови, такъ какъ г-жа Ливенъ неотразимо вліяла на императрицу и на всѣхъ авторитетностью, которая всегда выказываетъ величіе характера. Чрезъ нѣсколько мгновеній, однакоже, императрица начала сознавать постигшую ее потерю, а когда поняла все, лишилась чувствъ. Тутъ сбѣжалась ближняя свита, позвали доктора, который дер-

жался наготовѣ, и ей тотчасъ же пустили кровь. Великій князь Александръ, извѣщенный о состояніи родительницы, захотѣлъ къ ней войти, но свекровь этому воспротивилась, опасаясь первой послѣ рокового событія встрѣчи при свидѣтеляхъ, поздне же сама императрица стала упорно отказывать сыну въ свиданіи.

Когда къ императрицѣ окончательно вернулось сознаніе, роковая истина предстала предъ ея разсудкомъ въ сопровожденіи ужающихъ подозрѣній.

Она съ крикомъ требовала, чтобы ее допустили къ усопшему. Ее убѣждали, что это невозможно. Она на это восклицала:

— Такъ пусть же и меня убьютъ, но видѣть его я хочу!

Она бросилась къ апартаментамъ, но роковыя задвижки преграждали туда доступъ. Тогда императрица направилась кружнымъ путемъ черезъ залы. Стража вездѣ была многочисленная. Какой-то офицеръ подошелъ объяснить ей, что получилъ формальное приказаніе никого не пропускать въ опочивальню къ усопшему. Царица, не обращая на слова вниманія, пошла дальше, но тутъ офицеръ принужденъ былъ ее остановить за руку. Императрица, впавъ въ отчаяніе, бросилась на колѣни; она заклинала всю стражу допустить ее къ усопшему. Она не хотѣла подняться съ колѣнъ прежде, чѣмъ не удовлетворятъ ея просьбы. Но это представлялось прямо невозможнымъ. Обезображенное тѣло государя покоилось въ сосѣдней комнатѣ. Никто не зналъ, что дѣлать. Императрица продолжала стоять на колѣняхъ, близкая къ обмороку. Какой-то гренадеръ подошелъ къ ней съ стаканомъ воды. Она его оттолкнула въ испугѣ и горделиво поднялась на ноги. Старые гренадеры вскричали:

— Да ты, матушка, насъ не бойся, мы всѣ тебя любимъ!

Императрица, побѣжденная наконецъ усовѣщиваніями своей свекрови, согласилась вернуться въ свои покои, взявъ, однако, формальное обѣщаніе, что ее допустятъ къ усопшему.

Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ графъ Ливенъ для выполненія приказаній императора Александра.

Когда моя свекровь увидѣла своего сына, у нея вырвался крикъ ужаса. Такъ какъ она не видѣла сына цѣлыхъ три недѣли и знала, что онъ боленъ, то внезапное его появленіе въ замкѣ въ эту роковую ночь вселило въ нее самыя тяжкія подозрѣнія. Ливенъ умолялъ мать его выслушать, она на это не соглашалась, но когда онъ торжественно поклялся, что оставался совершенно чуждъ катастрофѣ и ничего ровно не зналъ о ея подготовленіи, г-жа Ливенъ ему повѣрила и допустила его къ исполненію возложеннаго на него порученія. Ливенъ тотчасъ же понялъ безповоротность рѣшенія императрицы покинуть замокъ не раньше, чѣмъ она простится съ прахомъ супруга. Поэтому Ливенъ ускорилъ приготовленія, необходимыя для того, чтобы показать императрицѣ тѣло усопшаго, по возможности не обнаруживая истинныхъ причинъ его кончины.

Императоръ Павелъ нѣсколько минутъ боролся съ заговорщиками, и эта борьба оставила особенно замѣтный слѣдъ на лбу. Тѣло одѣли въ мундиръ, нахлобучили шляпу по самыя брови и уложили въ парадную постель.

Въ 7 часовъ утра императрица была наконецъ допущена къ тѣлу супруга. Сцена произошла раздирательная; она не хотѣла покинуть усопшаго; наконецъ, въ 8 часовъ утра мужу удалось перевезти ее въ Зимній дворецъ со всѣми членами императорской фамилии.

Только въ 11 часовъ утра допустила императрица-мать къ себѣ сына-императора. Свиданіе происходило безъ свидѣтелей. Государь вышелъ отъ императрицы-матери очень взволнованный. Съ этого мгновенія вплоть до кончины императоръ проявлялъ къ своей родительницѣ самое восторженное почтеніе, внимательность и нѣжность, а она, въ свою очередь, показывала страстную привязанность къ своему первенцу.

Яркое солнце взошло надъ этимъ роковымъ и великимъ днемъ.

Я уже говорила, что часть гвардіи была собрана у валовъ замка. Лишь по возвращеніи въ казармы узнали солдаты, что на слѣдующій день предстоитъ принесеніе присяги новому императору. Великаго князя Александра солдаты боготворили. Да и всѣ его боготворили.

Въ столицѣ раздавались клики радости и освобожденія. Улицы Петербурга наполнились толпами.

Незнакомые цѣловались другъ съ другомъ, какъ въ Пасху, да и дѣйствительно это было воскресеніе всей Россіи къ новой жизни. Все устремлялось къ (Зимнему) дворцу. Тамъ въ полдень назначенъ былъ сѣздъ сенату, высшимъ сановникамъ имперіи, двору, офицерству и чиновничеству для принесенія присяги новому императору.

Молодой императоръ (ему было всего 23 года) сдѣлалъ выходъ съ императрицею Елисаветою. Она тогда была юна и очень красива, обладала большимъ изяществомъ и достоинствомъ, и въ простенькомъ кисейномъ платьицѣ, безъ всякаго головного убора, съ свѣтлыми кудрями, рассыпавшимися по шеѣ, была очень мила, и это тѣмъ болѣе, что обладала чудною фигурою, изящною походкою и манерами. Императоръ тоже былъ красавецъ и сіялъ молодостью и тою душевною ясностью, которая составляла отличное его свойство. Вообще парочка эта производила чарующее впечатлѣніе, и все передъ нею склонялось, окружая ее любовью, граничившею съ боготвореніемъ.

У насъ въ ту пору отсутствовали поэты и историки, которые бы смогли съ достаточною яркостью описать тогдашнее восторженное оупьяненіе общества. Четыре года деспотизма, граничившаго съ безуміемъ и порою доходившаго до жестокости, отошли въ

область преданія; роковая развязка или забывалась или восхвалялась — середины между этими крайностями не было. Время для справедливаго суда надъ событіями пока еще не наступило. Вчера русскіе люди, засыпая, сознавали себя угнетенными рабами, а сегодня уже проснулись свободными счастливыми. Эта мысль преобладала надъ всѣмъ прочимъ; всѣ жаждали насладиться счастьемъ свободы и предавались ему, твердо вѣря въ его вѣчность.

Среди всеобщихъ ликованій не было мѣста ни сожалѣніямъ, ни размышленіямъ, и только вдова императора Павла замкнулась въ свое личное горе, которое еще болѣе усилила вѣсть о кончинѣ великой княгини Александры Павловны, супруги палатина Венгерскаго, умершей въ Прессбургѣ, отъ несчастныхъ родовъ, за нѣсколько дней предъ умерщвленіемъ Павла. Я встрѣтилась съ императрицею-матерью на слѣдующій же день у моей свекрови, которую разыгравшіяся событія настолько потрясли, что она серьезно занемогла. Императрица и тутъ кинула мнѣ пару милостивыхъ словъ съ обычною своею добротою. Выраженіе ея лица было серьезное и суровое, она сильно поблѣднѣла, а вытянувшіяся черты лица указывали глубокую скорбь и не менѣе глубокую покорность Провидѣнію.

Передъ императрицею лишь постепенно открылись всѣ обстоятельства, сопровождавшія умерщвленіе Павла. Сначала она продолжала принимать у себя графа Палена; но, узнавъ объ истинной его роли въ заговорѣ, перестала его пускать къ себѣ на глаза. Вскорѣ она узнала фамиліи остальныхъ заговорщиковъ, и они разъ навсегда были изгнаны изъ ея присутствія. Она громко требовала для нихъ наказанія, но это представлялось совершенно невозможнымъ. Самая важность сана и многочисленность заговорщиковъ не позволяли молодому императору возбудить противъ нихъ свирѣпыхъ преслѣдованій, не говоря уже о томъ, что сегодняшнихъ освободителей нельзя преобразить въ завтрашнія жертвы. Содѣянное предпріятіе всѣми прославлялось и не укладывалось въ рамки безпристрастнаго обсужденія. Скандалъ оказывался крупный — общественное мнѣніе рѣзко расходилось съ нравственностью и правосудіемъ, а пренебреженіе въ этомъ случаѣ общественнымъ мнѣніемъ угрожало слишкомъ явною опасностью.

Трудно себѣ даже и представить всѣ рассказы, въ ту пору свободно обращавшіеся въ столицѣ. Не только никто изъ заговорщиковъ не таился въ совершенномъ злодѣяніи, но всякій торопился изложить свою версію о происшедшемъ и не прочь былъ даже въ худшую сторону преувеличить свое личное соучастіе въ кровавомъ дѣлѣ. А когда чей нибудь голосъ возмущался чудовищностью совершеннаго дѣянія, на это давался отвѣтъ:

— Что же, вы хотѣли бы вернуться къ прежнему царствованію? Ну, и дождались бы того, что вся императорская фамилія была бы

ввержена въ крѣпость, а сами бы вы отправились въ ссылку, въ Сибирь!

Преодо мною такія заявленія высказывались, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать въ гостиной у свекрови, хотя эта вѣрная долгу женщина отказывалась входить въ обсужденіе причинъ заговора и стояла на фактѣ, совершенно для нея непреложномъ:

— Вы—убійцы вашего императора!

И, произнося эти суровыя слова, она только поднимала руки къ небесамъ.

Всѣ обстоятельства и подробности, сопровождавшія роковую развязку, собирались съ большою жадностью. Было вполне удостоверено, что императора неоднократно предупреждали о готовящейся ему участи.

Несомнѣнно, смутные въ своей неопредѣленности доносы и заставляли покойнаго по слѣпой случайности обречь на заточеніе все новыя жертвы, а несправедливыя эти преслѣдованія, въ свою очередь, умножали число недовольныхъ и легко превращали послѣднихъ въ заговорщиковъ.

Много анекдотовъ рассказывалось о сообщеніяхъ, дѣлавшихся Павлу. Среди нихъ я выбираю тотъ, который лично слышала отъ графа Палена послѣ катастрофы, этимъ же фактомъ и ускороенной.

Я передаю этотъ рассказъ въ подлинныхъ выраженіяхъ графа Палена, которыя отчетливо запомнила.

«Наканунѣ кончины императоръ Павелъ неожиданно меня спросилъ, не отводя пристальнаго взгляда отъ моихъ глазъ, знаю ли я, что противъ него замышленъ заговоръ, весьма развѣтвленный и участниками котораго, между прочимъ, являются лица, очень близкія царю. Взглядъ государя былъ пронизывающій, подозрительный и настолько навелъ на меня страхъ, что я похолодѣлъ. Я чувствовалъ, какъ у меня во рту пересыхаетъ, и я, пожалуй, не смогу даже слова промолвить. Но я не потерялся и, желая оправиться, расхохотался. «Государь, вѣдь если заговоръ этотъ проявляется дѣятельность, то потому, что самъ же я имъ и руковожу. Я съ такою ловкостью сосредоточилъ всѣ нити заговора въ собственныхъ рукахъ, что помимо меня ничего не дѣлается. Будьте совершенно покойны, ваше величество. Никакія злоумышленія рукъ моихъ не минуютъ, я въ томъ отвѣчаю вамъ собственной головою». Государь ласково взялъ меня за руку и сказалъ: «Я вамъ вѣрю». Тутъ только вздохнулъ я свободно».

Я была тогда молода, и, признаюсь, цинизмъ разсказа вызвалъ во мнѣ дрожь.

Несомнѣнно, въ душѣ молодого императора должна была происходить тяжкая борьба. Его восшествію на престолъ, сопровождавшемуся ликованіемъ и проявленіями любви, предшествовало пролитіе крови и прочіе ужасы. Справедливое отвращеніе, которымъ

его родительница воспылала къ дѣйствовавшимъ въ ужасной трагедіи лицамъ, являло тягостный контрастъ съ попустительствомъ и безнаказанностью заговорщиковъ, на которыя государя обрекала необходимость. Наиблагодарнѣйшіе порывы разбивались тутъ о его беспомощность. Покарать преступленіе онъ былъ безсиленъ. Страдая отъ столь прискорбнаго противорѣчія душевныхъ вѣлнѣй, государь осыпалъ императрицу-мать всѣми проявленіями внимательной почтительности; онъ охотно уступалъ ей все придворное представительство; Александръ старался предупреждать всѣ желанія и фантазіи Маріи Ѳеодоровны и даже мирился съ большою ея вліятельностью во всемъ, что не касалось наиважнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Въ этомъ образѣ дѣйствій инстинктивно чуялось какое-то искупленіе и призваніе трогательнаго долга по отношенію къ вдовѣ Павла.

Эта завѣдомая для всѣхъ и неоспоримая авторитетность матери надъ сыномъ возбуждала въ высокой степени зависть и недоброжелательство со стороны графа Палена. Онъ, вѣдь, надѣялся, что станетъ управлять и имперіею и императоромъ, а дѣйствительность разбивала всѣ его надежды, и онъ сознавалъ себя униженнымъ, благодаря вліянію вдовствующей императрицы. Пытался онъ и клеветать на Марію Ѳеодоровну и создать противовѣсъ ея вліянію. Паленъ обнаруживалъ въ своихъ дѣйствіяхъ больше, чѣмъ опрометчивость, а на многочисленныя предостереженія друзей отвѣчалъ неизмѣнно: «Бояться императора! Онъ не посмѣетъ меня тронуть!» Жестокія слова эти, несмотря на преднамѣренность и гнусный смыслъ, которые Паленъ думалъ имъ придать, разбивались о чистоту славы императора Александра.

Съ одной стороны, и императрица-мать не упускала случаевъ указывать императору не неприличіе удерживать вблизи своей особы и во главѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ личность, которая подготовила умерщвленіе его родителя, а, съ другой стороны, и графъ Паленъ всѣми возможными способами старался убѣдить государя въ зловредности материнскаго вліянія. Отчаявшись въ успѣхѣ своихъ навѣтовъ, графъ принялся возмутительнѣйшимъ образомъ поносить императрицу-мать. Между прочимъ, рассказывали, будто у него вырвалось и такое заявленіе: «Я расправился съ супругомъ, сумѣю отдѣлаться и отъ супруги!» Въ припадкѣ озлобленія и наглости Паленъ распорядился убрать изъ какой-то церкви образъ, только-что подаренный императрицею.

Эта дерзость, конечно, не могла пройти незамѣченною. Императрица-мать заявила Александру, чтобы тотъ немедленно же высладалъ графа Палена изъ Петербурга, въ противномъ случаѣ столицу покинетъ сама Марія Ѳеодоровна.

Два часа спустя, графъ Паленъ былъ высланъ подъ охраною фельдъегеря въ свои курляндскія имѣнія съ воспрещеніемъ жизненнаго вѣзда въ Петербургъ и Москву.

Русское общество отнеслось съ полнымъ равнодушіемъ къ вѣсти о паденіи могущественнаго вельможи, даже пріобрѣтшаго нѣкоторую популярность своимъ преступленіемъ. Я знаю чрезъ моего отца, который былъ другомъ дѣтства и сотоварищемъ графа Палена по военному поприщу и поддерживалъ съ нимъ сношенія по самую его смерть, что графъ Паленъ со времени ссылки совершенно не выносилъ одиночества въ своихъ комнатахъ, а въ годовщину 11 марта регулярно напивался къ 10 часамъ вечера мертвецки пьянымъ, чтобы опаматоваться не раньше слѣдующаго дня.

Умеръ графъ Паленъ въ началѣ 1826 г., чрезъ нѣсколько недѣль послѣ кончины императора Александра...

ПЕРВЫЙ ЗЕМСКІЙ СЪѢЗДЪ.

(Воспоминанія шестидесятника).

ПЕРВЫЙ земскій съѣздъ собирався въ Москвѣ въ 1871 г.

Мысль о немъ зародилась, такъ сказать, органически среди наиболѣе преданныхъ земскому дѣлу лицъ, изъ самого дѣла и практической необходимости, помимо политическихъ перспективъ. Онѣ обозначались въ будущемъ сами собой, силой логики фактовъ и характеромъ реформъ начала царствованія Александра II.

Дѣла у земства тогда было много: правильное распредѣленіе налоговъ, переложеніе натуральной повинности на денежную, организація лѣчебнаго и учебнаго дѣла, народное продовольствіе, разработка вопроса о сеудо-сберегательныхъ товариществахъ и проведеніе ихъ въ народную жизнь, возникновеніе учительскихъ семинарій, вопросъ о всесословной волости и т. п.

Приходилось бороться съ искусственнымъ облегченіемъ налоговъ съ торговли и промышленности въ ущербъ крестьянскому общинному и землевладѣльческому элементу. Это облегченіе исходило изъ министерства финансовъ и было одной изъ первыхъ бюрократическихъ попытокъ раздробить цѣлостность и цѣлесообразность мѣстнаго земскаго самоуправленія.

Во многихъ вопросахъ одиночнымъ земствамъ было очень трудно разбираться.

Особенно это относилось къ вопросамъ, вопіющимъ и не терпящимъ отлагательства, напримѣръ, къ голодовкамъ конца 60-хъ г.г., когда земскимъ учрежденіямъ приходилось бороться и съ бѣд-

ствіемъ, требующимъ немедленнаго облегченія, и съ бюрократическими органами, упорно отрицавшими самое существованіе бѣдствія. Едва ли это не было первымъ серьезнымъ столкновеніемъ между земствами и административными властями, развившимся въ печальныя послѣдствія, глубоко отражающіяся на государственномъ хозяйствѣ нашей родины и по сію минуту.

Губернаторы доносили министру (согласно донесеніямъ исправниковъ)¹⁾, что во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ все обстоитъ благополучно. Министръ—тогда П. А. Валуйевъ—въ обычномъ февральскомъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ сообщалъ монарху, что въ имперіи по части видовъ на урожай все обстоитъ благополучно. А, между тѣмъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ уже съ осени было видно, что къ концу зимы народу нечего будетъ ѣсть, а весной нечѣмъ обсѣять поля.

Земскія управы, собравъ доказательства такого грознаго положенія, изыскивали средства предупредить бѣдствіе; былъ необходимъ созывъ экстренныхъ собраній для обсужденія дѣла, а губернаторы не разрѣшали ихъ. Если же и разрѣшали, то не пропускали земскихъ постановленій, обнаруживавшихъ ошибочность свѣдѣній, включенныхъ во всеподданнѣйшій отчетъ; отказывались представлять земскія ходатайства о принятіи мѣръ въ министерствѣ. А ходатайства были спѣшныя. Минуты промедленія могли стоить жизни тысячамъ людей, не говоря уже объ упадкѣ податной силы государства въ обесиленныхъ безхлѣбницей губерніяхъ.

Губернаторы упорствовали подъ предлогомъ, что постановленія и ходатайства переходятъ за предѣлы «мѣстныхъ польвъ и нуждъ», а въ существѣ потому, что земства осязательными фактами доказывали, что губернаторы, обманутые исправниками (которые, въ свою очередь, можетъ стать, были обмануты становыми, а становые—десятскими и т. д.), ввели въ заблужденіе министра, а министр—верховную власть. И всѣ тѣ, кто обманывалъ, сознательно или безсознательно, старались доказать, что источникъ обмана—земство, будто бы выдуманное голодѣ. Тяжелое это было время!

Одному изъ этихъ голодовъ (Архангельскому) повѣрили въ высшихъ столичныхъ сферахъ только тогда, когда обнаружилось, что англичане, проживающіе въ Архангельскѣ, стали собирать въ Лондонѣ подписку для прокормленія русскихъ мужиковъ. Другіе голода въ сѣверныхъ губерніяхъ выяснялись (часто запоздало), благодаря усиліямъ земствъ, усиліямъ тѣмъ болѣе тяжкимъ, что каждому изъ нихъ приходилось дѣйствовать въ одиночку. П. А. Валуйевъ долженъ таки былъ покинуть постъ министра внутреннихъ дѣлъ, когда уже нельзя было не вѣрить земству, и была назначена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича

¹⁾ «Фотографія»—Л. Рускина. «Отеч. Зап.», 1882 г.

(впослѣдствіи императора Александра III), который призвалъ въ нее, между прочимъ, земскихъ представителей изъ пораженныхъ голодомъ губерній, но (какъ извѣстно тѣмъ, кто стоялъ близко къ дѣлу въ то время) губернаторы остались на своихъ мѣстахъ, и высшая бюрократія осмѣливалась даже затруднять практическую дѣятельность комисси, во главѣ которой стоялъ наслѣдникъ престола.

Противодѣйствіе бюрократіи, особенно мѣстной, начинало въ концѣ 60-хъ г.г. обнаруживаться, хотя и слабо, въ другихъ отрасляхъ земской дѣятельности, особенно училищной. Однако, благодаря тому, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ еще теплилось сочувствіе къ мѣстной, по крайней мѣрѣ, автономіи, оно не принимало еще въ началѣ 70-хъ г.г. угрожающихъ формъ, какъ увидимъ ниже. И не это противодѣйствіе составляло главную побудительную причину съезда, а сознаніе земцами необходимости пробѣрить свои взгляды на практическіе мѣстные вопросы взаимнымъ обмѣномъ мыслей съ сосѣдями; вѣдь въ экономическомъ отношеніи части одной и той же губерніи иногда разнятся между собой гораздо болѣе, чѣмъ съ прилегающими частями сосѣднихъ, и обратно.

Но какъ обмѣниваться мыслями?

Не только общеземскаго періодическаго органа тогда не существовало, но и мѣстныхъ не было. Управы и собранія разныхъ губерній могли обмѣниваться постановленіями, докладами и отчетами, пропущенными губернаторами, но это было весьма неудовлетворительно.

Провинціальной періодической прессы, кромѣ «Губернскихъ Вѣдомостей», не существовало.

Столичная пресса слѣдила за земской дѣятельностью поверхностно, несамостоятельно. Только «С.-Петербургскія Вѣдомости», благодаря свѣтлымъ взглядамъ ихъ редактора, В. О. Корша, и сочувствію дѣлу самоуправленія одного изъ компетентныхъ сотрудниковъ, Н. Ф. Жохова, помогали обобщенію свѣдѣній о земскихъ дѣлахъ.

Но Коршу въ то время приходилось вести упорную борьбу съ министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Толстымъ, по поводу классицизма въ учебныхъ заведеніяхъ. А Жоховъ вскорѣ палъ на дуэли жертвой клеветы по политическому дѣлу Гончарова, обвинявшагося въ распространеніи революціонныхъ прокламацій.

При такихъ обстоятельствахъ было весьма естественно желаніе земцевъ свидѣться для личнаго обмѣна мыслей.

Нашъ московскій съездъ былъ скромнымъ и по численности и по цѣлямъ. Цѣли, повторяемъ, были совершенно невинныя въ политическомъ смыслѣ, хотя много обѣщающія въ пользу «мѣстныхъ

нуждѣ», совокупность которыхъ представляетъ интересъ государственный.

Съѣхались по преимуществу представители среднихъ и сѣверныхъ губерній.

Къ занятіямъ примкнули нѣкоторые москвичи, земцы, думцы, ученые. Въ нихъ, между прочимъ, участвовали профессоръ Чичеринъ, Самаринъ, князь Черкасскій и др. Собравшись въ Москву, съѣздъ не пряталъ ни отъ кого своихъ цѣлей. Аккуратно каждое утро собирались мы въ числѣ около 30 человекъ въ гостепріимномъ домѣ Петра Алексѣевича Васильчикова, тогда виднаго земскаго дѣятеля въ Москвѣ (это былъ двоюродный братъ князя Александра Иларіоновича, — автора «Самоуправленія», — который не имѣлъ тогда возможности пріѣхать въ Москву по семейнымъ обстоятельствамъ, какъ онъ мнѣ писалъ). Предсѣдателемъ избранъ былъ Петръ Алексѣевичъ. Публичности засѣданія не добивались, но, если кто изъ москвичей интересовался тѣмъ, что говорилось на съѣздѣ, не возбранялось слушать наши пренія. Обѣдали мы и проводили вечера земскими, такъ сказать, группами, болѣе въ частныхъ домахъ, у мѣстныхъ земцевъ, москвичей: у скромнаго, патриархальнаго земскаго человека Д. А. Наумова, долгіе годы — и до и послѣ съѣзда — бывшаго предсѣдателемъ московской губернской управы; у князя А. В. Мещерскаго, московскаго губернскаго предводителя дворянства; у извѣстнаго тогда агронома Шатилова; у князя В. В. Оболенскаго, петербургскаго земца, имѣвшаго домъ въ Москвѣ, и проч. Иногда бывали въ Англійскомъ клубѣ, только въ карты не играли. Въ то время это не считалось признакомъ неблагонадежности. Обѣденное и вечернее время проводилось по преимуществу тоже въ бесѣдахъ о вопросахъ, занимавшихъ наши утреннія совѣщанія. Въ разговорахъ принимали участіе посторонніе, случайно присутствовавшіе знакомые. Словомъ, земцы ни отъ кого не скрывали ни себя, ни своихъ цѣлей. Между тѣмъ, тогда еще породистыя, не выродившіяся еще въ ублютковъ, сторожевыя ищейки Страстнаго бульвара никому на насъ не доносили. Впрочемъ и онѣ тогда, занятыя охраненіемъ окраинъ, еще вѣровали, хотя и со своей точки зрѣнія, въ будущее земства.

Вообще, земство того времени, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ пользовалось симпатіями. Никто еще не посягалъ на его коренное искалѣченіе, хотя нѣкоторыя бюрократическія группы начинали чувствовать стѣснительность его откровенной настойчивости и пытались даже дискредитировать его со стороны «благонамѣренности».

Напримѣръ, земскія учрежденія С.-Петербургской губерніи на первыхъ же порахъ были совершенно вычеркнуты изъ закона, а гласные, наиболѣе выдающіеся своимъ критическимъ отношеніемъ къ произволу администраціи, подвергались разнымъ карамъ. Земское

положеніе 1864 г. уже полегоньку искажалось не законодательнымъ путемъ, а произвольно, административными толкованіями. Земскія ходатайства, не соответствовавшія видамъ нѣкоторыхъ бюрократическихъ группъ, отклонялись, тормозились. Лица, особенно громко и стойко заявлявшія о вредѣ для государства такой системы, нерѣдко подвергались карамъ. Графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ, двоюродный братъ шефа жандармовъ (расходившійся, однако, съ нимъ діаметрально во взглядахъ на систему внутренняго управленія), за рѣчи, произнесенныя въ с.-петербургскомъ земскомъ собраніи перваго выбора, былъ высланъ изъ Петербурга, невазя на то, что государь зналъ его лично (или, можетъ быть, именно потому, какъ мы увидимъ ниже) за честнаго, прямодушнаго человѣка. Другіе же его товарищи по петербургскому земству, между прочимъ П. Л. Лавровъ, были сосланы въ глушь подъ надзоръ полиціи.

Князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ, губернский гласный новгородскаго земства, по поводу задержанія министромъ внутреннихъ дѣлъ неотложныхъ ходатайствъ земства и отказовъ на нѣкоторыя изъ нихъ, произнесъ извѣстную въ свое время рѣчь. Суть ея приблизительно такова: «Если самостоятельная дѣятельность молодого земства, права на которую дарованы высочайшей властью, будутъ насильственно и произвольно урѣзываться, то земству невозможно будетъ работать съ пользою для края. Про земскія собранія справедливо будутъ говорить, что они собираются единственно для того, чтобы выбирать изъ своей среды служащихъ да назначать имъ (т.-е. самимъ себѣ) жалованье» и т. д. Эта рѣчь тотчасъ же дошла до Петербурга. Когда князь Васильчиковъ пріѣхалъ туда изъ своего старорусскаго имѣнія и встрѣтился съ оберъ-церемоніймейстеромъ высочайшаго двора (Александръ Иларіоновичъ состоялъ въ званіи церемоніймейстера), послѣдній какъ бы мимоходомъ замѣтилъ, что государь недоволенъ, когда придворныя чины живутъ не въ столицѣ, а въ провинціи. Намекъ и его причина были ясны. Князь Васильчиковъ подалъ въ отставку.

Это, однако, не помѣшало ему написать свое капитальное сочиненіе о самоуправленіи, обратившее на себя вниманіе всего русскаго интеллигентнаго общества.

Настойчивѣе всего стѣсняла бюрократія земство въ сферѣ народнаго образованія. Учрежденіе учительскихъ семинарій и устройство учительскихъ съѣздовъ почти во всѣхъ земскихъ губерніяхъ встрѣчало стѣсненія со стороны учебнаго вѣдомства.

Однако, невзирая на неблагопріятные признаки, земство въ то время не теряло еще вѣры въ свою будущность. Административныя распоряженія затрудняли, правда, благотворную цѣлесообразность работъ: ходатайства земскихъ собраній залеживались въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и другихъ учрежденіяхъ, что для болѣе отдаленныхъ губерній было, конечно, очень стѣснительно.

Въ этомъ отношеніи земства, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ Петербургу губерній имѣли возможность посылать своихъ ходочковъ въ столицу для личныхъ объясненій съ властными его антагонистами. Земскіе ходоки, пройдя тамъ разныя мытарства¹⁾, могли объяснить, что надо вразумить кого слѣдуетъ, и наконецъ кой-чего добиться. Кстати отмѣтить слѣдующее характерное обстоятельство. Тогда уже оказывалось, что старѣйшіе бюрократы-администраторы относились къ земству благожелательнѣе и внимательнѣе, чѣмъ юнѣйшіе, которые впоследствии замѣнили первыхъ. Большинство «отцовъ» бюрократовъ примирилось (а многіе и сочувственно) съ освобожденіемъ крестьянъ и неизбѣжно плодотворной въ будущемъ ролью земства, а сыновья—нѣтъ.

Мы знали новгородскаго губернскаго гласнаго, который жилъ обыкновенно въ столицѣ — это былъ Александръ Николаевичъ Струговщиковъ. Онъ часто добровольно отправлялъ должность земскаго ходока. Въ 40—50-хъ годахъ онъ былъ довольно извѣстенъ, какъ поэтъ, первый переводчикъ Фауста въ Россіи. Когда-то онъ богато жилъ, постоянно числился на службѣ, у него сохранились связи во вліятельныхъ слояхъ общества. При открытіи земства онъ имѣлъ уже чинъ тайнаго совѣтника, что не мѣшало ему и въ старости оставаться вѣрнымъ традиціямъ сороковыхъ годовъ. Онъ былъ преданъ земскимъ надеждамъ, весьма настойчиво и хорошо знакомъ съ людьми и нравами центрального административнаго лабиринта. Когда онъ бралъ на себя земскія хлопоты въ Петербургѣ, то не оставлялъ въ покоѣ ни одного начальника отдѣленія, тормозившаго какое нибудь земское ходатайство; преслѣдовалъ директоровъ департамента и всяческими способами, когда было нужно, умѣлъ добиваться не официальной, а непременно частной бесѣды съ самими министрами. Ему неоднократно удавалось достигать цѣли. Такъ вотъ, между прочимъ, отъ этого усерднаго земца (а, впрочемъ, изъ нашего личнаго опыта, а также изъ сообщеній другихъ земскихъ ходочковъ разныхъ губерній) намъ было извѣстно, что гораздо легче было склонить на сторону земскихъ интересовъ высшихъ властей, чѣмъ побороть бюрократическое упорство относительно молодыхъ карьеристовъ. Послѣдніе уже тогда провидѣли въ мѣстномъ представительствѣ серьезную помѣху ихъ властолю-

¹⁾ Земская душа на мытарствахъ—Л. Рускина. «Недѣля», 1876 г.

бывымъ аппетитамъ и глубокомысленно оправдывали свое направленіе «заботами о благѣ государства».

Но все-таки, повторяемъ, тогда еще можно было многого добиться, во-первыхъ, потому, что самая суть дѣла, самое ядро закона, оставалось еще почти неприкосновеннымъ, а, во-вторыхъ, потому, что высшіе сановники, сочувственно участвовавшіе въ созиданіи земскихъ реформъ, еще не сошли со сцены.

Мы уже указали, что во время голода въ концѣ 60-хъ годовъ, котораго не хотѣла признавать администрація, голосъ земства былъ въ концѣ концовъ услышанъ.

Выборы земскихъ гласныхъ тогда еще производились по указаніямъ основного закона 1864 г., и безъ мѣстно-административныхъ давленій. Мѣстная мировая юстиція — судьи — оставались земскими избранниками; самое избраніе мировыхъ судей и утвержденіе ихъ не касалось губернаторовъ, а шло прямо въ сенатъ. Я близко знаю случай, когда губернаторъ желалъ задержать утвержденіе сенатомъ избраннаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ участковаго мирового судьи, потому что тотъ судился нѣсколько лѣтъ ранѣе сенаторской комиссіей по дѣлу объ участіи въ тайномъ обществѣ «Земля и Воля», однако не былъ признанъ виновнымъ. Когда это лицо было потомъ избрано въ мировые судьи, то губернаторъ протестовалъ, сенатъ же не уважилъ доводовъ губернатора, усмотрѣвъ, что ценъ избраннаго вполне удовлетворялъ всѣмъ законнымъ требованіямъ. Замѣтимъ, кстаті, что этотъ мировой судья прослужилъ безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ по выборамъ послѣ того нѣсколько трехлѣтій.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земскія учительскія семинаріи упорно преслѣдовались министерствомъ народнаго просвѣщенія и даже внутреннихъ дѣлъ. Въ нихъ хотѣли видѣть рассадники крамолы. Но когда какому нибудь земцу, имѣвшему связи, удавалось исхodataйствовать, чтобы семинарія была принята подъ покровительство особы августѣйшаго семейства, дѣло налаживалось и обнаруживало, что, соотвѣтствуя мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, оно ничего опаснаго въ себѣ не заключаетъ.

Главная же причина осторожнаго обращенія съ земствомъ высшихъ правительственныхъ сферъ заключалась въ томъ, что государь, какъ полагали многіе, не желаетъ отказаться отъ преслѣдованія цѣли, въ виду которой онъ совершилъ реформы начала своего царствованія: отъ введенія въ Россіи представительнаго правленія. Что это было такъ, доказываетъ между прочимъ, слѣдующій малоизвѣстный, но вѣскій фактъ.

Мы уже упомянули, что на первыхъ же порахъ петербургскія земскія учрежденія были вычеркнуты изъ закона, а гласные подвергались карамъ. Вскорѣ, однако, земскія права были возвращены столичной губерніи, а черезъ немного лѣтъ нѣкоторые высланные

гласные были возвращены изъ изгнанія, въ томъ числѣ и графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ. Вскорѣ послѣ его возвращенія очередное дворянское собраніе Петербургской губерніи избрало его первымъ кандидатомъ въ губернскіе предводители. Утвержденіе его высочайшей властью въ этомъ званіи было, однако, настолько замедлено (какъ многіе тогда полагали, вслѣдствіе вліяній III-го Отдѣленія и министерства внутреннихъ дѣлъ), что можно было ожидать утвержденія второго кандидата ¹⁾.

Однако, по истеченіи нѣсколькихъ дней, Андрей Павловичъ Шуваловъ былъ призванъ во дворецъ, гдѣ государь имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ.

Разговоръ этотъ былъ переданъ мнѣ почти дословно Андреемъ Павловичемъ черезъ нѣсколько дней послѣ высочайшей аудіенціи, и я возстановляю его суть, насколько помню.

— Петербургское дворянство,—сказалъ государь,—избрало тебя губернскимъ предводителемъ. Это званіе, сопряженное съ предѣлательствомъ въ земскомъ собраніи, вообще, представляетъ въ настоящее время очень важное значеніе, а тѣмъ болѣе въ Петербургѣ, къ которому, естественно, провинціальныя земства и дворянства относятся съ особымъ интересомъ. Несомнѣнно, что у тебя крупная партія, ибо ты избранъ огромнымъ большинствомъ. Между тѣмъ, еще недавно я былъ вынужденъ покарать тебя за рѣчи, направленные къ порицанію и колебанію закона, кторыя ты говорилъ въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Кромѣ того, мнѣ нынѣ сообщаютъ, будто бы ты стоишь во главѣ конституціонной партіи въ Россіи. Я самъ понимаю, что въ Россіи будетъ установлено представительное правленіе, и желаю этого. Къ этому я направлялъ мои реформы. Но покуда я считаю конституцію у насъ, къ сожалѣнію, еще преждевременной и слѣдовательно вредной. Словомъ, я не рѣшаюсь утверждать твое избраніе, не выслушавъ твоего объясненія. Я повѣрю тому, что ты скажешь, потому что давно,—еще съ юности, когда мы вмѣстѣ служили въ кавалергардскомъ полку,—знаю тебя лично за честнаго, прямого человѣка.

Поблагодаривъ монарха за довѣріе, Шуваловъ отвѣтилъ приблизительно такъ:

— Я не стою во главѣ русской конституціонной партіи, потому что такой партіи въ Россіи еще не существуетъ, но я не оправдалъ бы вашего ко мнѣ довѣрія, если бы не добавилъ откровенно, что будь у насъ такая партія, я былъ бы счастливъ стоять во главѣ ея. Что же касается до моихъ рѣчей въ земскомъ собраніи, за ко-

¹⁾ По закону губернское собраніе избираетъ двухъ кандидатовъ въ предводители, но государь избираетъ изъ нихъ одного; обыкновенно утверждается кандидатъ, получившій большее число шаровъ. Въ данномъ случаѣ это былъ гр. Андрей Павловичъ Шуваловъ.

торья я былъ высланъ, то о нихъ вашему величеству было доложено превратно. Я никогда и никого не побуждалъ къ неповиновенію законамъ, но указывалъ на незаконныя, произвольныя толкованія закона, въ ущербъ земскому дѣлу, министрами. Это имъ было неудобно, и они представили вамъ въ ложномъ свѣтѣ мои рѣчи и мою земскую дѣятельность. Если я, какъ земскій гласный, считалъ долгомъ держаться такого направленія, то тѣмъ паче нынче, занявъ предсѣдательское мѣсто, долженъ буду отстаивать интересы земства.

Александръ II, очень внимательно выслушавъ эти объясненія, сдѣлалъ нѣсколько общихъ вопросовъ и заключилъ ихъ слѣдующимъ:

— Однимъ словомъ, ты не стоишь во главѣ конституціонной партіи и общаешь мнѣ противъ существующихъ законовъ не возбуждать ни земства, ни дворянства?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ простился было съ графомъ, но тотъ, прежде чѣмъ откланяться, обратился со своей стороны къ государю съ нѣсколькими вопросами.

Во-первыхъ, Шуваловъ спросилъ, можетъ ли онъ считать себя утвержденнымъ въ должности губернскаго предводителя дворянства.

Государь сказалъ:

— Да.

— Тогда,—обратился къ нему Шуваловъ,—я въ виду пользы тѣхъ учрежденій, во главѣ которыхъ буду имѣть честь стоять, вынужденъ беспокоить ваше величество большой просьбой. Повторяю, что возбуждать неповиновеніе законамъ я не буду, но, какъ я уже сказалъ, я буду поддерживать протесты въ земскомъ и дворянскомъ собраніяхъ противъ произвола и извращенія закона министерствами, вообще бюрократическими учрежденіями. Несомнѣнно, послѣднія будутъ доводить до свѣдѣнія вашего величества объ этомъ, и по возможности въ превратномъ видѣ. Это будетъ нынче опасно уже не мнѣ лично, а дѣлу, которому я служу. Потому я всепокорнѣйше прошу васъ, государь, при возникающихъ сомнѣніяхъ призывать меня и дозволить мнѣ каждый разъ, когда я буду знать о такихъ толкованіяхъ, являться къ вашему величеству для откровеннаго разъясненія дѣла безъ соблюденія обычныхъ формальностей.

Государь согласился, но Андрей Павловичъ еще добавилъ:

— И, кромѣ того, разрѣшите мнѣ о милостивѣйшемъ согласіи вашимъ и о разговорѣ, которымъ вы меня удостоили, передать свободно всѣмъ, дабы узнали о томъ и лица, съ которыми мнѣ придется вести борьбу. Ибо, какъ я полагаю, зная о вашемъ милостивомъ разрѣшеніи, они сами будутъ воздерживаться, и мнѣ едва ли придется утруждать ваше величество.

Александръ II согласился и на это.

Мы привели главные черты разговора императора съ Шуваловымъ, какъ доказательство того, что земство въ началѣ 1870-хъ г.г.

имѣло основаніе полагать, что мѣстная хозяйственная автономія постепенно разовьется въ государственное-представительное правленіе, и что таково желаніе царя.

Въ то время въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ имѣли это въ виду.

Напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, осторожный водчій земскихъ учреждений (хотя слишкомъ односторонне наблюдавшій за своимъ созданіемъ, когда въ него была вдохнута жизнь), видѣлъ въ нихъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ школу къ неизбѣжному поступательному движенію правительственныхъ формъ по пути къ объединенію представительной выборной дѣятельности на пользу имперіи и народа.

Онъ устраивалъ въ своемъ домѣ рауты, на которые приглашались лица, принадлежащія къ разнороднымъ слоямъ общества. На этихъ раутахъ онъ самъ и его приближенные старались вызывать гостей на бесѣды о представительномъ образѣ правленія вообще и о примѣнительности его въ Россіи.

Я былъ тогда едва ли не самымъ молодымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Въ 1865 г. я потерялъ жену и, подавленный горемъ, думалъ удалиться отъ общественной дѣятельности. Когда я видѣлъ Валуева въ Петербургѣ, то онъ мнѣ сказалъ, между прочимъ:

— Вы молоды, а въ настоящее время, когда земскія учрежденія представляютъ такія широкія государственныя перспективы въ будущемъ, вамъ не слѣдуетъ покидать общественной дѣятельности и своего поста.

Правда, когда я въ тотъ же день передалъ слышанное отъ министра одному своему родственнику (тогда либеральному члену государственнаго совѣта), то послѣдній замѣтилъ:

— Очень возможно, что Валуевъ предвидитъ конституцію, но расширение представительнаго элемента въ управленіи государствомъ, навѣрно, постарается отодвинуть на возможно долгое время—когда его самого уже не будетъ: «après nous le déluge».

Въ сущности такъ и было. Предвидѣнія Валуева и его странные рауты не мѣшали, однако, ему (а въ особенности его преемникамъ) затягивать дѣло, парализовать его и быть: «plus royalistes que le roi».

Но, какъ бы то ни было, во время московскаго земскаго съѣзда противодействие земской самостоятельности со стороны администраціи проявлялось еще настолько слабо, что могло быть въ большинствѣ случаевъ приписываемо временнымъ, случайнымъ уклоненіямъ, послѣдствіямъ недоразумѣній.

По крайней мѣрѣ, такъ могли полагать мы, земцы, съѣхавшіеся въ Бѣлокаменную 30 слишкомъ лѣтъ назадъ. Съѣздъ могъ заниматься разработкой вопросовъ о мѣстныхъ нуждахъ, увѣренный,

что трудится на общее благо государства, что дѣлаеть очень небольшой шагъ, но все-таки впередъ къ неизбежному лучшему будущему родины.

Вѣра въ свѣтлое, широкое будущее Россіи, желаніе содѣйствовать мирной подготовкѣ этого будущаго были искренни и горячи. Появлялись въ земскихъ сферахъ (правда, какъ всегда и во всякомъ дѣлѣ) нежелательныя исключенія. Но земство и общество тогда полагали, что эти исключенія, — какъ и бюрократическія стѣсненія, — временны, что рано или поздно вліяніе тѣхъ и другихъ утратитъ практическое значеніе, всякую силу предъ благами, которыя будутъ истекаать изъ постепеннаго расширенія выборнаго представительства въ государствѣ.

Таково было настроеніе перваго земскаго съѣзда, можно сказать, настроеніе большей части земства и наиболѣе просвѣщенной части русскаго общества.

Какую массу благотворной энергии, общественной и государственной, могли бы накопить къ настоящему горькому времени свѣжія силы націи, призванныя во-время къ дѣятельности реформами Александра II, сколько жестокихъ бѣдствій и потрясеній онѣ могли бы отвратить, если бы ихъ, вопреки здравому смыслу и экономическимъ потребностямъ страны, не удушали, а относились бы къ нимъ съ довѣріемъ.

Вѣдь тогда основная цѣль земства, совпадавшая съ духомъ законодательства начала 1860-хъ г.г., была такъ ясна и проста:

...«чтобъ голодный каждый день обѣдалъ,
«чтобы батюшка-царь нашъ всю правду вѣдалъ»...

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

ЧТО Я ПЕРЕЖИЛЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ ВЪ ДНИ СМУТЫ.

ВАЗВИТІЕ того общественнаго движенія въ Россіи, которое теперь принято называть «революціоннымъ», представляетъ величайшій научный интересъ.

Конечно, выводы изъ фактовъ этого развитія сдѣлаетъ будущій историкъ, социологъ или общественный психологъ. Но для этихъ выводовъ необходимо сохранить малѣйшія детали совершавшихся явленій, со всѣми ихъ бытовыми, психологическими и внѣшними чертами, съ ихъ смѣнявшимися настроеніями, борьбой, надеждами, вѣрой и разочарованіями.

Однако, чтобы всѣ эти черты сохранились для грядущаго, необходимо, чтобы наивозможно большее число лицъ записало свои наблюденія, свои впечатлѣнія, какъ отъ общаго теченія этого рѣдкаго въ исторіи процесса, такъ и отъ его подробностей.

Я назвалъ этотъ процессъ рѣдкимъ. Да, въ исторіи народовъ онъ случается однажды въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, образуя эпохи въ жизни націй. Гораздо чаще случаются солнечныя затмѣнія, а, между тѣмъ, посмотрите, съ какой тщательностью и подробностью изучаютъ ихъ астрономы, разсылая наблюдателей во всѣ концы міра. Тамъ, каждый изъ нихъ, снабженный всевозможными инструментами для самаго точнаго изученія рѣдкаго явленія, заноситъ полученные результаты въ свои записки съ полной объективностью. Наука объ обществѣ еще не такъ выработана и не настолько развилась, чтобы поступать подобно астрономіи, заготовляя сознательно матеріаль для будущихъ выводовъ. А, между тѣмъ, матеріаль исторіи не повторяется дважды никогда во всей своей

индивидуальной особенноти. Такимъ образомъ, навсегда погибають драгоцѣннѣйшія черты его.

Историческія общества и историческіе журналы могли бы отчасти восполнить этотъ недостатокъ, обращаясь ко всѣмъ лицамъ, способнымъ дать безпристрастныя, объективныя и точныя наблюденія даннаго историческаго процесса. Но это только «обтѣванная земля» исторической и общественной науки, а пока приходится довольствоваться случайными и разрозненными наблюденіями. И чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ лучше. Несомнѣнно, что, если они назначаются для историческихъ журналовъ, то имъ необходимо давать форму, интересную не только для историка и человѣка науки, но и для широкаго круга современныхъ читателей.

Вотъ почему, рѣшившись напечатать мои наблюденія и впечатлѣнія, вызванныя новѣйшимъ движеніемъ въ провинціи, я придалъ имъ форму почти беллетристическую, форму образовъ и картинъ, настроеній и волненій, какъ они переживались мною и людьми, окружавшими меня. Ближайшимъ предметомъ моихъ наблюденій былъ одинъ изъ губернскихъ городовъ южной Россіи. Но на его движеніи отражалось несомнѣнно то, что происходило въ Петербургѣ и другихъ городахъ, всѣ слухи, привозимые пріѣхавшими, сообщаемые газетами, телеграммами, даже прокламаціями. Въ виду этого, для полноты картины приходится подчеркивать и этого рода явленія, насколько они отражались на мѣстномъ процесѣ.

Долженъ предупредить, что цѣлью моею не будетъ хронологическая точность событій. Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, ихъ психологическое развитіе и психологическую точность.

По весьма понятнымъ причинамъ, я не называю нигдѣ именъ и не обозначаю точно мѣстности, а стараюсь придать моимъ наблюденіямъ ту типическую форму, которая дѣлаетъ ихъ болѣе общими, хотя и не выбрасываетъ живыхъ индивидуальныхъ деталей. Такъ поступаетъ каждый беллетристъ, хотя бы онъ и держался такъ называемаго «протокольнаго» направленія въ искусствѣ.

I.

Тотъ южный губернской городъ, въ который я пріѣхалъ въ концѣ 1904 г., представляетъ многія особенноти, о которыхъ нужно сказать прежде всего. Его называютъ «русскимъ Манчестеромъ».

По внѣшности онъ не только чрезвычайно красивъ, благодаря географическому положенію на возвышенномъ берегу чуднаго Днѣпра, но онъ почти роскошенъ для провинціального города по своимъ постройкамъ, сооруженіямъ, массѣ магазиновъ, гостиницъ, ресторавовъ, не уступающихъ не только столичнымъ, но и заграничнымъ.

На главной улицѣ, прямой, какъ Невскій проспектъ (назовемъ ее условно «Днѣпровскимъ проспектомъ»), начинающейся у вокзала, прорѣзывающей весь городъ и поднимающейся въ концѣ, противоположномъ вокзалу, на гору, гдѣ находится соборъ, соборная площадь и прилегающая къ ней нагорная часть, вы забываете, что находитесь въ Россіи, а не перенесены въ какойнибудь изъ южныхъ иностранныхъ городовъ. Передъ вашими глазами ежеминутно проносятся изящные вагончики электрическаго трамвая, переполненные нарядной публикой. Рельсовый путь для трамвая двойной, такъ что вагоны, идущіе въ одну сторону, не мѣшаютъ вагонамъ, идущимъ въ противоположную сторону. Движенію пѣшеходовъ и экипажей трамвай не мѣшаетъ, потому что его рельсы идутъ между двухъ широкихъ аллей или бульваровъ изъ бѣлыхъ и розовыхъ акацій; эти аллеи не имѣютъ себѣ ничего подобнаго даже на западѣ, по своей длинѣ, прямизнѣ и ширинѣ. Напоминая немного парижское Avenue de Bois de Boulogne, онѣ взбѣгаютъ вдали вмѣстѣ съ трамваемъ на соборную гору и служатъ для гуляющихъ пѣшеходовъ, подобно берлинской «Unter den Linden». По бокамъ этихъ бульваровъ идутъ мощенныя улицы для экипажей, обрамленныя тротуарами и, наконецъ, домами. Ихъ магазины, отели, рестораны и кофейни «по-европейски» выдвигаютъ на тротуары свои навѣсы со столиками для посѣтителей.. По вечерамъ все это залито электрическимъ свѣтомъ. Массы публики наполняютъ бульвары и кофейни, сады и театры въ садахъ, которыхъ здѣсь нѣсколько, съ труппами—русской, малороссійской и даже еврейской, съ оперетками и «шантанами».

Такова главная артерія этого города. Отъ нея идутъ подъ прямымъ угломъ боковыя улицы: налѣво — приближающіяся къ Днѣпру (его правому берегу), а направо—поднимающіяся на горы. Такимъ образомъ, та главная артерія города, которую мы называемъ «Днѣпровскимъ проспектомъ», лежитъ какъ бы въ котловинѣ: спереди и съ праваго бока (считая отъ вокзала) она ограждена горами, на которыхъ размѣщаются остальные части города, а слѣва она примыкаетъ своими боковыми улицами къ Днѣпру.

Если вы пойдете по этимъ боковымъ улицамъ отъ главной артеріи налѣво ли къ Днѣпру или направо въ нагорныя части, вы замѣтите одну общую особенность: вблизи отъ главной артеріи улицы довольно красивы, имѣютъ хорошіе, иногда изящные дома; ихъ тротуары обсажены рядами густыхъ деревьевъ. Но чѣмъ дальше къ окраинамъ, тѣмъ ярче выступаетъ бѣдность и даже нищета коренного населенія, преимущественно еврейскаго. Цѣлые ряды совершенно немощеныхъ улицъ, осенью непроходимыхъ отъ глубокой грязи, а лѣтомъ отъ невѣроятной пыли, застилающей свѣтъ солнца; вотъ закулисная сторона этого центра заводской металлургической промышленности, этого русскаго Манчестера. Покосив-

пшеса, вросшіе въ землю деревянные и глиняные домишки, съ ветхими, провалившимися крышами, съ окнами, часто заклеенными бумагой, вмѣсто стеколъ, съ продыравленными заборами и воротами. И все это переполнено, набито биткомъ еврейскими семьями, со множествомъ дѣтей, стариковъ, старухъ,—несчастнымъ пролетариатомъ, который долженъ добывать себѣ ежедневно хлѣбъ насущный, откуда можетъ и чѣмъ можетъ, замкнутый въ чертѣ осѣдлости, гдѣ на каждый грошъ, добываемый съ невѣроятными усилиями, есть сотни и тысячи протянутыхъ къ нему истощенныхъ нуждою рукъ, и на каждый кусокъ хлѣба сотни голодныхъ ртовъ.

Такова закулисная сторона русскаго Манчестера на одной части горы, возвышающейся справа. Но, когда вы подниметесь на эту гору, и передъ вами откроется огромная панорама всего города, т.-е. и тѣхъ частей, которыя лежатъ на горахъ, и тѣхъ, которыя внизу окаймляются широкимъ, раздѣленнымъ островами и отмелями, Днѣпромъ,—вы увидите самую главную «закулисную» часть, почти половину нашего Манчестера, т.-е. «рабочія слободы». Онѣ занимаютъ обширныя нагорныя пространства въ сторону вокзала и за вокзаломъ. Тамъ живутъ десятки тысячъ рабочихъ, цѣлая армія ихъ. И въ той же сторонѣ, гдѣ виднѣются эти слободки, залитыя по ночамъ электрическимъ свѣтомъ, вы видите днемъ, какъ буквально полъ-неба застлано черной, синеватой тучей дыма отъ заводовъ, съ ихъ сотнями черныхъ, высокихъ трубъ... Въ этой сторонѣ неба—вѣчная тьма, вѣчная гривовая туча, въ синечерный фонъ которой врываются безпрестанно какіе-то оранжевыя пары и языки пламени; оттуда за цѣлыя версты слышенъ грохотъ гигантскихъ молотовъ и лязгъ желѣзныхъ полосъ, сотрясающій и рѣжущій нервы... По ночамъ же эта сторона неба представляется вѣчнымъ кровавымъ заревомъ отъ отблесковъ на дымной тучѣ пламени «домнъ» или плавильныхъ печей, вспыхивающихъ и погасающихъ тамъ и сямъ. Оттуда доносятся безпрестанно протяжные гудки, слышныя во всемъ городѣ даже сквозь двойныя рамы: такъ они могучи и сильны. И мнѣ всегда казалось, что это—коллективные, тысячеголосные призывы и вопли огромной рабочей арміи, то жалобные, то воинственные и бурные. И мой инстинктъ не обманывалъ меня: ознакомившись съ жизнью нашего Манчестера, я узналъ, что бываютъ дни, когда весь городъ прислушивается съ трепетомъ къ этимъ «гудкамъ» и повторяетъ: «Ну, опять забастовали на N—скомъ заводѣ! Чѣмъ-то это кончится?»...

И городъ знаетъ, что нерѣдко это кончается временной остановкой всей его жизни, всего движенія — веселаго и шумнаго на его главной, показной артеріи: останавливается движеніе красивыхъ вагончиковъ трамвая, гаснетъ электричество на улицахъ и въ домахъ, прекращаются работы въ типографіяхъ и мастерскихъ, запираются двери и окна магазиновъ... Городъ погружается ночью

въ тьму, а днемъ представляетъ обширное кладбище, по которому развѣвжаютъ казаки, ходятъ патрули съ ружьями, и только рѣдкіе прохожіе торопливо идутъ по роскошнымъ бульварамъ, пугливо оглядываясь...

Однако, такія общія забастовки «по сочувствію» бывають не часто. Администраторы заводовъ торопятся поскорѣй уладить дѣло съ забастовавшими рабочими того или другого завода, чтобы не вынуждать ихъ къ требованіямъ поддержки со стороны всего работающаго населенія въ городѣ... Однако, на моихъ глазахъ были случаи, когда забастовка одного завода вызывала отказъ отъ работъ даже пекарей въ булочныхъ, даже прислуги. И вотъ тогда-то чувствовалось ясно, что тамъ, на горахъ, въ сторонѣ вокзала, живетъ могучая сила, напоминающая гигантскую подземную силу вулкана, которая изрѣдка потрясаетъ всю окрестность, и, если разовьется, то вся «показная» часть нашего Манчестера можетъ обратиться въ ничто...

Но, къ счастью, эта грозная сила вулкана въ послѣдніе годы перестала представлять стихійную неразумную силу, способную все жечь и ломать на своемъ пути. И это произошло потому, что она уже значительно сорганизовалась, европеизировалась, сдѣлалась дисциплинированной арміей съ опредѣленными экономическими и политическими credo и соотвѣтственными вожаками и программами. Когда городъ созналъ и понялъ это изъ ряда фактовъ, онъ не только пересталъ бояться этого вулкана, вѣчно клокочущаго по сосѣдству, онъ, наоборотъ, сталъ видѣть въ этой арміи свою почти единственную защиту отъ другой, гораздо меньшей арміи, но страшной своей распушенностью, дикостью и некультурностью. Эта ужасная армія ютится внизу, у Днѣпра, около пристаней и вокругъ вокзала. Это—грузчики, носильщики, поденщики; это—всевозможные отбросы общества, ютящіеся по берегамъ, часто подъ открытымъ небомъ или въ лачугахъ предмѣстій, или въ подвальныхъ этажахъ окраинныхъ нижнихъ улицъ. Оборванная, грязная, босая, пьяная,—эта армія представляетъ интересный матеріалъ для этюдовъ художника, когда валается на голой землѣ, по берегамъ, подъ яркими жгучими лучами южнаго солнца, или толчется на базарахъ, у мелкихъ лавченковъ со съѣстными припасами, старой одеждой и обувью. Какихъ тутъ костюмовъ и лицъ не увидишь!..

Повторяю, вотъ этой-то небольшой арміи и боится теперь городъ больше всего, потому что изъ ея разрозненныхъ элементовъ иногда вдругъ образуются толпы, которыя все громятъ, все жгутъ, разрушаютъ, или расхищаютъ, что попадется на пути.

Но и эта армія почти никогда не сливается въ громящую толпу по своей собственной инициативѣ. Инициаторами являлись и всегда являются люди совсѣмъ иного типа и общественнаго положенія. Но ихъ мы еще увидимъ ниже... Таковъ общій видъ и главнѣй-

шія группы населенія нашего Манчестера. Ознакомившись съ ними въ общихъ чертахъ, мы можемъ перейти къ болѣе детальному повѣствованію о постепенномъ возникновеніи и развитіи новѣйшаго движенія.

II.

Когда я пріѣхалъ въ нео-Манчестеръ въ концѣ 1904 г., въ городѣ царило полное спокойствіе. Буржуазія и чиновники, по обыкновенію, собирались въ клубахъ играть въ карты. Дамы не составляли исключенія и «рѣзались» до разсвѣта въ какія-то «новыя» игры съ характеромъ азартныхъ. Бюрократическая машина работала по обыкновенію и даже проявляла изрѣдка такой либерализмъ, что выразила письменно «протестъ» противъ полиціи одного изъ центральныхъ губернскихъ городовъ, когда тамъ толпа при участіи городскихъ и пожарныхъ избила гимназистовъ и гимназистокъ. Мѣстный губернаторъ счелъ необходимымъ напечатать по этому поводу заявленіе въ мѣстныхъ газетахъ (ихъ было двѣ, кромѣ официальныхъ губернскихъ вѣдомостей и нѣмецкой газеты), въ которомъ, хотя и высказывалъ, что такіе «протесты» выходятъ изъ предѣловъ вѣдомства полиціи, однако находилъ, что самое побужденіе полицейскихъ «протестантовъ»—симпатично.

И такое объявленіе было въ тотъ моментъ весьма своевременно: подонки общества, освѣдомившись изъ газетъ объ избіеніяхъ гимназистовъ и студентовъ въ другихъ городахъ и въ Москвѣ, начали изрѣдка расправляться и въ нашемъ Манчестерѣ съ «малышами». Это могло принять хроническій характеръ, такъ какъ «подонки» были почему-то увѣрены, что подобныя расправы съ учащеюся молодежью пріятны правительству. Я сказалъ: «почему-то» были увѣрены. Въ дѣйствительности, всѣмъ было извѣстно—«почему». Духовныя особы высшаго ранга не упускали случая въ своихъ рѣчахъ съ церковныхъ кафедръ громить науку и учащихся за «безбожіе», вредныя идеи и т. п., обвиняя огульно учащуюся молодежь въ террористическихъ покушеніяхъ на жизнь тѣхъ или иныхъ особъ, которыя имѣли мѣсто въ предшествующій періодъ.

Учащаяся молодежь обвинялась повально и огульно. Официальныя сферы, очевидно, не знали, что среди самой передовой учащейся молодежи имѣются направленія, возстающія противъ покушеній и всякихъ вооруженныхъ возстаній. Тогда еще не было выяснено раздѣленіе на партіи въ средѣ молодежи, хотя движеніе въ этомъ направленіи давно начиналось, подъ вліяніемъ раздѣленія въ Европѣ социалистическихъ группъ. Это западное раздѣленіе, конечно, сперва образовалось въ заграничныхъ русскихъ изданіяхъ, а затѣмъ становилось темой споровъ, въ концѣ концовъ, и раздѣленій среди мѣстной молодой интеллигенціи.

Эти дебаты происходили въ небольшихъ кружкахъ, въ частныхъ квартирахъ. Обыкновенно, прѣзжалъ изъ-за границы или изъ какого нибудь болѣе крупнаго центра «референтъ». Его знакомые сообщали своимъ знакомымъ, что въ такой-то квартирѣ тогда-то (обыкновенно, вечеромъ) будетъ прочитанъ рефератъ, — положимъ, — о раздѣленіи западно-европейскихъ социалистическихъ группъ. Собиралось по такому приглашенію человекъ тридцать-сорокъ; хозяйка квартиры устраивала «чай», или предварительные общіе разговоры на темы дня. Среди присутствующихъ были и дамы, и дѣвушки съ разныхъ мѣстныхъ курсовъ, и адвокаты (очень немного), и инженеры, и студенты мѣстнаго спеціального института. Присутствующіе знали обыкновенно заранее, что необходимо внести небольшую сумму (отъ 50 к. до 1 р.), — скажемъ, — на возмѣщеніе путевыхъ издержекъ прѣзжаго референта. Когда распорядители видѣли, что собралось достаточное количество лицъ изъ числа приглашенныхъ, референтъ занималъ мѣстечко у стѣны самой большой комнаты въ квартирѣ, за небольшимъ столикомъ и, выложивъ тетрадку или листочки съ замѣтками, дѣлалъ докладъ. Публика окружала его, разсѣвшись на имѣющихся въ квартирѣ стульяхъ и креслахъ; остальная часть ея стояла. Послѣ чтенія референта начинались дебаты; изъ нихъ можно было заключить о зарожденіи главнѣйшихъ разногласій между социаль-демократами (чистыми послѣдователями Карла Маркса), социаль-революціонерами (вносившими въ марксизмъ и въ его чисто экономическія программы элементъ революціонно-террористическій, а впоследствии — крестьянско-народнический) и, наконецъ, анархистами. Этихъ послѣднихъ, въ то время, въ мѣстной молодежи почти не было и, если о нихъ иногда упоминали референты, то больше теоретически, чтобы, такъ сказать, предотвратить заранее ихъ возможное появленіе и пропаганду. Впоследствии выяснилась и еще одна группа, назвавшаяся длиннымъ именемъ «поалей-сіонистовъ». Насколько я могъ составить себѣ понятіе о ея идеяхъ, — которыя узнавалъ по слухамъ, — она имѣла характеръ социалистическій, но не признавала организациі. Говорили, что она состоитъ почти исключительно изъ очень зеленой и горячей молодежи. Почти всѣ проявленія неорганизованнаго, случайнаго протеста, иногда нецѣлесообразныя и рискованныя, сваливали обыкновенно на эту группу, и другія «передовыя» группы увѣряли, что «съ нею ничего не подѣлаешь», что «она не хочетъ никого и ничего слушать». Нѣсколько примѣровъ я приведу дальше, оговариваясь, однако, что рѣшительно не могу утверждать, дѣйствительно ли то были дѣйствія поалей-сіонистовъ или только «слухи» о нихъ. Не ручаюсь и за то, что были вѣрны и слухи о сущности ихъ идей и направленія.

Въ остальномъ обществѣ нашего Манчестера освободительное движеніе проявлялось въ самыхъ скромныхъ и умѣренныхъ фор-

махъ, преимущественно въ засѣданіяхъ педагогическихъ и научныхъ обществъ, въ чтеніи совершенно легальныхъ лекцій мѣстными и пріѣзжими лекторами,—въ собраніяхъ «родительскихъ» кружковъ особенно горячихъ, когда они бесѣдовали по поводу избіенія учащейся молодежи (въ другихъ городахъ).

Дальше составленія петицій и просьбъ либерализмъ не шелъ въ этихъ собраніяхъ. Иногда кто нибудь произносилъ горячую рѣчь о необходимости большихъ обезпеченій для личности; рѣчь сопровождалась аплодисментами, а затѣмъ собравшіеся мирно расходились, какъ послѣ обыкновеннаго раута...

И замѣчательно, что почти вездѣ говорили сколько нибудь сносно одни и тѣ же ораторы; ихъ было не болѣе трехъ-четырехъ. И это, конечно, потому, что въ то время говорить еще не научились (если не считать адвокатовъ). Однако, желающихъ непременно сказать что нибудь было всегда много, но о большинствѣ изъ нихъ думалось невольно: «охота смертная, а участь горькая».

Это относительное спокойствіе парило, впрочемъ, въ верхнихъ слояхъ общества. У молодежи жизнь развивалась своимъ особымъ путемъ: здѣсь получались и читались заграничныя изданія, иногда были попытки заводить свои маленькіе тайные печатные станки, фигурировавшіе затѣмъ подъ громкимъ именемъ «тайныхъ типографій». И я глубоко увѣренъ, что эти мирныя, полудѣтскія попытки жажды свободнаго слова среди молодежи были обращены въ настоящій общественный пожаръ безтактностью,—чтобы не сказать больше,—полиціи. Полиція эти станки отыскивала, арестовывала любителей этого дѣла и, какъ рассказывали многіе, жестоко избивала этихъ любителей во время ареста, а затѣмъ въ участкахъ. Кончилось это, конечно, тѣмъ, что развилось страшное озлобленіе, месть беззащитности. Результатомъ было, между прочимъ, еще до моего пріѣзда покушеніе на жизнь мѣстнаго полицеймейстера. Всѣ увѣряли, что онъ долженъ былъ поплатиться жизнью именно за такія расправы съ арестованными. Но особенно много рассказовъ о жестокомъ обращеніи съ арестованными ходило про одного помощника пристава: рассказы о его расправахъ съ юношами и даже дѣвушками,—особенно еврейскими, которыхъ онъ не считалъ, повидимому, за людей,—а также и съ попадавшими къ нему молодыми рабочими, производили потрясающее впечатлѣніе даже на самыхъ мирныхъ и лояльныхъ обывателей болѣе зрѣлаго возраста. Рассказывали, что на полицеймейстера и на этого помощника пристава подавались жалобы то губернатору, то прокурору, но всѣ дѣла, начатыя противъ нихъ, скоро прекращались какой-то невѣдомой властью. Губернаторъ увѣрялъ въ частныхъ бесѣдахъ, что онъ давно распорядился объ удаленіи и того и другого. Но всегда въ результатѣ оказывался или временный переводъ въ другой городъ, или причисленіе къ губернскому правленію, съ на-

значеніемъ «исправлять» какую нибудь полицейскую должность и т. п. Мѣстный прокуроръ жаловался въ частныхъ бесѣдахъ, что онъ безсиленъ сдѣлать что нибудь противъ полицейскихъ насилій надъ арестованной молодежью,—что имъ начато было нѣсколько дѣлъ противъ вышеупомянутаго пристава, на котораго подавали жалобы не одни политическіе, но и простые арестанты,—и всѣ дѣла были прекращены.

Чтобы иллюстрировать для читателей наглядно, какого рода были слухи объ истязаніяхъ въ полицейскихъ участкахъ вообще, расскажу одинъ случай, который передаю съ буквальной точностью, хотя ручаюсь только за точность передачи рассказа, но не за содержаніе его.

Въ редакцію газеты, гдѣ я работалъ, явились однажды три молодыя дѣвушки, чисто и прилично одѣтыя, но «по-мѣщански», т. е. не въ шляпкахъ, а въ платочкахъ. Онѣ рассказали редактору, въ присутствіи всѣхъ остальныхъ сотрудниковъ, что ихъ только-что выпустили изъ 4-го участка, въ которомъ онѣ просидѣли четырнадцать дней, а затѣмъ выпустили, предварительно подвергнувъ истязаніямъ; состояли эти истязанія въ томъ, что ихъ раздѣли до рубашки, свели въ какой-то подвалъ и тамъ, по указанію какого-то «доктора», предварительно ихъ изслѣдовавшаго и назначавшаго каждой число ударовъ,—били плетью. Одна дѣвушка рассказывала, что со второго удара упала, но докторъ далъ ей понюхать что-то въ родѣ нашатырнаго спирта. Причина ихъ ареста состояла въ томъ, что онѣ шли по улицѣ въ тотъ моментъ, когда толпа полицейскихъ окружила и вела въ участокъ группу забастовавшей прислуги. Нѣкоторыя изъ женщинъ этой группы закричали имъ: «Эй, подружки! присоединяйтесь къ намъ». Этого было достаточно, чтобы забрали и ихъ, хотя они увѣряли, что живутъ при родителяхъ и нигдѣ не служили и не служатъ. Послѣ наказанія плетью ихъ выпустили, но онѣ при выходѣ заявили полицейскимъ, что пойдутъ «жаловаться въ редакцію». Тѣ имъ отвѣтили (конечно, въ насмѣшку), что дадутъ по сто рублей каждой, если онѣ не будутъ жаловаться.

Желая оформить этотъ ужасающій случай и, кромѣ того, помочь остальнымъ арестованнымъ женщинамъ (забастовавшей прислугѣ), оставшимся въ участкѣ, по словамъ дѣвушекъ, въ числѣ сорока человекъ,—редакторъ далъ дѣвушкамъ записку къ знакомому присяжному повѣренному, на энергію котораго для дѣла подобнаго сорта можно было вполне рассчитывать. Адреса дѣвушекъ мы записали, и онѣ дали намъ слово прямо отъ адвоката и, во всякомъ случаѣ, не поздиѣ, какъ на другой день, снова явиться въ редакцію.

Однако онѣ не только не явились, но не были даже и у адвоката, куда были нами посланы. Нѣкоторые изъ членовъ редакціи

и жена редактора отыскивали ихъ по указаннымъ адресамъ, но, какъ говорится, ихъ и слѣдъ простылъ. Всѣ предполагали въ то время, что дѣвушки были или высланы изъ города, или ихъ такъ припугнули, что онѣ сами попрятались. Объ арестованныхъ же сорока женщинахъ изъ забастовавшей прислуги не было ни слуха ни духа, и узнать объ ихъ судьбѣ не представлялось никакой возможности.

Удалить изъ 4 части главнаго дѣятеля этихъ истязаній удалось только послѣ того, какъ редакторы двухъ мѣстныхъ газетъ, рассказавъ этотъ и подобные ему случаи губернатору, указали ему на одинъ изъ рассказовъ Максима Горькаго. Въ этомъ рассказѣ было напечатано названіе нео-Манчестера и рассказано нѣсколько случаевъ подобныхъ же истязаній въ часткѣ...

«Вѣдь, этотъ рассказъ, — сказали губернатору редакторы, — будетъ прочтенъ не только всей Россіей, но и будетъ переведенъ на европейскіе языки, какъ и всѣ рассказы Максима Горькаго».

Говорятъ, губернаторъ поблѣднѣлъ и спросилъ взволнованнымъ голосомъ: «А у Горькаго сказано, въ какомъ году это случилось?»

Добавлю, что этотъ разговоръ съ губернаторомъ былъ мнѣ переданъ обоими редакторами тотчасъ по возвращеніи ихъ отъ него, и, конечно, ни одинъ изъ нихъ не откажется отъ своихъ словъ.

Послѣ этого случая полицеймейстеръ былъ переведенъ въ другой городъ исправникомъ, а прославившійся побоями помощникъ частнаго пристава оставался долго безъ платнаго мѣста, хотя, какъ я слышалъ, и его пристроили потомъ куда-то въ становые.

Мои читатели могутъ, конечно, вообразить себѣ, какъ слухи и повседневные рассказы въ обществѣ о подобномъ поведеніи полиціи возмущали всѣхъ въ городѣ, какое негодованіе кипѣло во всѣхъ сердцахъ, даже самыхъ мирныхъ. И такъ мало-по-малу создавалось то представленіе, близкое къ кошмару, о «власти» бюрократіи, которое потомъ стало общимъ лозунгомъ.

О горячѣй и впечатлительной молодежи нечего и говорить! Зная, что подобнымъ же истязаніямъ подвергались и арестованные юноши и дѣвушки, молодежь буквально доходила до нервной болѣзни, до психова, до невмѣняемаго изступленія, способнаго каждую секунду вылиться въ какой нибудь безцѣльный и невѣроятный актъ мести. Главныхъ виновниковъ этихъ истязаній буквально засыпали угрожающими письмами и приговорами, объявлявшими имъ смертную казнь.

И эта накоплявшаяся ненависть и жажда возмездія и кары выразилась, между прочимъ, если не ошибаюсь, 1 мая 1905 г., слѣдующимъ «покушеніемъ», которое, если вѣрить слухамъ, было исполнѣ случайнымъ и совершенно неожиданнымъ для самого «покушавшагося».

Какъ извѣстно, 1-е мая считается всѣмъ европейскимъ пролетариатомъ «его» праздникомъ. Мѣстная полиція, по всей вѣроятности,

предполагала, что рабочіе и молодежь въ этотъ день задумываютъ устроить и у насъ «мирное» шествіе. И вотъ заранѣе были вывѣшены объявленія, воспрещавшія всякія сборища на улицахъ; вездѣ ѣздили казаки и ходили патрули. Мысль о шествіи, кажется, была оставлена, если и была раньше.

Около городского сада всегда и въ обыкновенные дни толпились кучки народа, такъ какъ у входа въ него продается мороженое, прохладительные напитки, фрукты и т. п. Въ этотъ разъ здѣсь была также кучка людей, быть можетъ, нѣсколько больше, чѣмъ въ обыкновенные дни. Собирались небольшія группы молодежи и на бульварахъ.

Полицеймейстеръ и частные пристава безпрестанно появлялись съ казаками то тамъ, то здѣсь, удаляя съ бульваровъ даже отдѣльных гуляющихъ. Этому свидѣтелемъ былъ я лично, такъ какъ возвращался изъ подгородной деревни, гдѣ былъ въ гостяхъ у одного знакомаго помѣщика. Я ѣхалъ на его лошадахъ мимо бульваровъ, направляясь къ своей квартирѣ, выходявшей окнами также на бульваръ. И вотъ я видѣлъ, что даже одинокіе гуляющіе юноши и «парочки», которыхъ всегда немало на бульварѣ, удалялись со скамеекъ бѣгающими повсюду полицейскими.

Было около двухъ часовъ дня, яснаго, солнечнаго, весенняго.

Едва я вошелъ въ свою квартиру и успѣлъ переодѣться, какъ услышалъ почти подъ моими окнами три громкихъ выстрѣла. Сперва одинъ, затѣмъ, послѣ нѣкотораго промежутка, еще два, быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ.

Я бросился къ окну и увидѣлъ, что около воротъ городского сада, которыя находятся на противоположной сторонѣ улицы, но не прямо противъ моихъ оконъ, а значительно лѣвѣе, шагахъ во ста—происходитъ какая-то свалка; отсюда доносятся крики толпы, тамъ суетятся, бросаясь изъ стороны въ сторону, какіе-то люди. А черезъ улицу бѣжатъ человѣкъ въ бѣломъ полицейскомъ кителѣ, безъ фуражки, и на его груди алѣютъ два большихъ кровавыхъ пятна.

Я одѣлся и сошелъ внизъ въ редакцію (я жилъ въ мезонинѣ, надъ нею). Она была пуста; былъ праздничный день, никого изъ сотрудниковъ не было, а вся прислуга убѣжала на мѣсто происшествія, когда услышала выстрѣлы.

По тротуарамъ и на бульварѣ бѣжалъ народъ.

По улицѣ промчалась пара лошадей, въ пролеткѣ, съ переломленной оглоблей, безъ кучера. На такой парѣ съ пристяжной ѣздилъ только полицеймейстеръ.

Скоро вернулся швейцаръ и рассказалъ мнѣ, что стрѣляли въ частнаго пристава, которому сдѣлали двѣ раны. Что стрѣлялъ какой-то высокій, солидный господинъ, котораго тутъ же страшно избили, «изуродовали», какъ выразился швейцаръ.

— Я самъ видѣлъ,—говорилъ онъ,—какъ одинъ солдатъ, проходившій мимо съ ружьемъ, ударилъ его прикладомъ по головѣ. Пристава повезли въ больницу, а стрѣлявшаго—въ часть.

— А не извѣстно, за что этотъ господинъ стрѣлялъ?

— Да говорятъ, частный пристава приказывалъ разойтись и толкнулъ въ грудь барышню, которая шла съ этимъ господиномъ, а господинъ крикнулъ что-то и выстрѣлилъ. А другіе толкуютъ, что господинъ этотъ хотѣлъ убить полицеймейстера, да принялъ за него этого пристава...

Впослѣдствіи въ редакціи репортеры, собиравшіе свѣдѣнія отъ очевидцевъ, рассказывали объ этомъ событіи различно. Иные говорили, что и барышня, на которую набросился пристава, вынула изъ кармана револьверъ, но не успѣла выстрѣлить. Другіе рассказывали, что она выстрѣлила, но промахнулась. Большинство же сходилось на слѣдующемъ: господинъ, шедшій съ дамой (его имя уже было извѣстно: это былъ братъ одного изъ членовъ О—ской судебной палаты и мѣстнаго товарища прокурора, недавно пріѣхавшій въ нашъ городъ), попросилъ пристава быть повѣжливѣе—не браниться и не толкаться. Тотъ въ отвѣтъ началъ вынимать изъ ноженъ саблю; тогда господинъ, вообразивъ, повидимому, что передъ нимъ самъ полицеймейстеръ, закричалъ:

— А, это—ты! Тебя давно нужно проучить!—и сдѣлалъ въ него нѣсколько выстрѣловъ.

Молодежь, приходившая потомъ въ редакцію, увѣряла, что стрѣлявшій господинъ—самый мирный человѣкъ, никогда не думавшій, что ему придется пустить въ ходъ револьверъ. Онъ носилъ его съ собой, какъ носили и всѣ въ нашемъ городѣ, «на всякій случай», а такихъ случаевъ было много: на улицахъ нерѣдко хулиганы нападали на прохожихъ, задирали ихъ и били. Въ иныхъ мѣстахъ по вечерамъ нельзя было ходить, особенно гимназистамъ и студентамъ.

Въ то время, какъ я разговаривалъ съ швейцаромъ, какъ разъ подъ окнами редакціи проходила группа солдатъ, безъ оружія, возвращавшаяся, повидимому, съ мѣста происшествія: въ рукахъ у нѣкоторыхъ были какіе-то обломки досокъ. А, быть можетъ, они шли съ работы. Навстрѣчу имъ шелъ молодой человѣкъ, одѣтый скромно, даже бѣдно, какъ одѣваются рабочіе. Сказалъ ли онъ имъ что нибудь обидное, или, наоборотъ, они сами задѣли его, но я видѣлъ, какъ одинъ, затѣмъ другой стали бить его по лицу и головѣ; онъ упалъ на колѣни и прижалъ лицо къ землѣ, прикрывая голову руками. Его ударили еще нѣсколько разъ въ спину; наконецъ, одинъ изъ солдатъ приподнялъ его, поставилъ на ноги и, ударивъ по шеѣ, сказалъ:

— Ну, бѣги скорѣе, пока цѣлъ...

Молодой человѣкъ, согнувшись, бросился, какъ заяцъ, бѣжать. Солдаты даже не посмотрѣли на него и мирно пошли себѣ дальше.

Повидимому, такія происшествія, какъ это покушеніе, соединенныя съ пролитіемъ крови, возбуждаютъ въ людяхъ особый подъемъ инстинктовъ саморасправы. Эта группа солдатъ оказалась сравнительно добродушной и жалостливой, а тотъ солдатъ, который поднялъ съ земли побитаго рабочаго и толкнулъ его, чтобы онъ убѣжалъ, очевидно, хотѣлъ избавить его отъ болѣе жестокой расправы со стороны своихъ товарищей. Но въ тотъ же день, часомъ позже, передъ нашими же окнами произошла болѣе жестокая сцена, которой я не видалъ самъ, но передаю ее со словъ швейцара, бывшаго очевидцемъ.

По аллеѣ бульвара шель молодой человѣкъ съ барышней въ бѣлой кофточкѣ. Они о чемъ-то горячо говорили между собою и совершенно не замѣтили, что казакъ, ѣхавшій по улицѣ съ полдюжиной другихъ, отдѣлился отъ нихъ, перескочилъ загородку бульвара и поѣхалъ вслѣдъ за барышней и господиномъ по аллеѣ. Надо пояснить, что это былъ, вѣроятно, не казакъ, а конный городской, которыхъ простой народъ здѣсь зоветъ «казаками».

— Вдругъ я увидѣлъ,—разсказывалъ швейцаръ,—что казакъ взмахнулъ нагайкой и такъ сильно ударилъ барышню по спинѣ нѣсколько разъ, что разсѣкъ кофточку, и кровь брызнула у нея фонтаномъ вверхъ. Барышня страшно закричала, «заверещала», а молодой человѣкъ крикнулъ казаку: «Что ты дѣлаешь? Какъ ты смѣешь? За что ты ее?» Тогда казакъ сталъ хлестать и его, а когда тотъ упалъ, сталъ топтать его копытами своей лошади, послѣ чего преспокойно ускакалъ къ товарищамъ.

— Гдѣ же теперь избитые?—спросилъ я.

— Ихъ увезли въ каретѣ скорой помощи. Какой-то господинъ и дама прибѣжали къ намъ въ редакцію и вызвали ее по нашему телефону.

Конечно, всѣ такіе случаи оставались совершенно безнаказанными: кто жъ могъ бы отыскать этого казака? Всякія жалобы были бы бесполезны.

Поэтому подобные случаи и повторялись довольно часто: такъ, отецъ и мать одного изъ сотрудниковъ нашей газеты, М—на, оба старики (евреи), задумали какъ-то вечеромъ пройтись за городъ, подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ. Какъ и подобаетъ старикамъ, они отправились на свое еврейское кладбище. Для чего-то мимо него проѣзжало нѣсколько казаковъ (опять не ручаюсь, не были ли это конные городовые). Безъ всякой причины,—какъ увѣрялъ нашъ сотрудникъ,—они избили и старика и старуху. Последняя послѣ этой расправы пролежала долго въ постели. Хотѣли жаловаться, но раздумали: бесполезно. Надо добавить, что старикъ—очень почтенный учитель еврейской школы (хедеръ).

Всѣ эти факты, слухи и рассказы я припомнилъ здѣсь, главнымъ образомъ, для того, чтобы читатель поставилъ себя умственно

въ положеніе молодежи (и еврейской въ особенности) и попробовалъ вообразить, что почувствовалъ бы онъ самъ, если бы его отца или мать, или друга, или любимую дѣвушку можно было на каждомъ шагу безнаказанно истязать, какъ угодно и сколько угодно... Только поставивъ себя на мѣсто этой молодежи, только попытавшись прочувствовать, хотя бы въ легкой степени, то, что должна была чувствовать она,—читатель въ состояніи будетъ понять психологически тѣ послѣдствія, которыя явились повдѣе. Многіе осуждали то нерѣдко безцѣльное поведеніе молодежи, которое на первый взглядъ казалось всякому бравадой, излишествомъ; но не представляли ли эти ненужныя излишества просто невольный рефлексъ тѣхъ излишковъ страданія, оскорбленій, насилій, которыя переполнили чашу, били черезъ край сосуда, называемаго юнымъ человѣческимъ сердцемъ? И такое душевное состояніе развивалось все сильнѣе не у одной только молодежи, а и у самыхъ солидныхъ, самыхъ мирныхъ русскихъ буржуа, чиновниковъ и т. п. Я самъ видѣлъ и слышалъ лично, какъ они со слезами на глазахъ восклицали, слушая рассказы о подобныхъ насиліяхъ: «Такъ не можетъ продолжаться! Нельзя, нельзя такъ жить!» Чувство, которое я назвалъ бы «правовымъ», созрѣвало уже во многихъ, и оно-то возмущалось.

Всѣ эти безчинства были истинной увертюрой повдѣйшихъ движеній, дошедшихъ до крайностей. Но то были только первыя ноты этой увертюры.

Повторю еще разъ: для меня совершенно ясно, что въ провинціи обостреніе освободительныхъ мирныхъ зародышей, доведшее эти зародыши до гигантскаго психоза, до болѣзненнаго кошмарнаго протеста и революціонной борьбы, вызвано было почти исключительно безтактными и противозаконными жестокостями и распоряженіями нѣкоторыхъ администраторовъ.

Приведу еще одинъ наглядный и весьма яркій примѣръ того, какъ дѣйствія администраторовъ раздували въ то время самыя слабыя искры въ настоящій пожаръ, или, вѣрнѣе, въ элементы будущаго пожара.

Я говорю о дѣлѣ рабочихъ-стачечниковъ мѣстныхъ заводовъ, которое разбиралось судебной палатой съ участіемъ сословныхъ представителей въ первые дни моего приѣзда въ нео-Манчестеръ, хотя стачка и все, что послѣдовало за нею, произошли почти за годъ до моего приѣзда.

III.

Подробности этого дѣла, насколько онѣ выяснились на судѣ, я знаю, благодаря слѣдующему обстоятельству.

Въ вечеръ того дня, когда судебная палата постановила приговоръ о нѣсколькихъ десяткахъ рабочихъ, обвинявшихся по этому

дѣлу, въ одну частную квартиру были приглашены лица, участвовавшія въ процессѣ, и на глазахъ которыхъ онъ прошелъ съ начала до конца. Ихъ просили сдѣлать докладъ о томъ, что происходило на судѣ. Такихъ докладчиковъ было около семи. Среди нихъ были и присяжные повѣренные, и свидѣтели, дававшіе показанія передъ палатой, и даже одинъ изъ оправданныхъ подсудимыхъ. Они распредѣлили между собою «роли» въ этомъ замѣчательномъ коллективномъ докладѣ, съ цѣлью выяснить дѣло всесторонне, во всѣхъ его моментахъ. У каждого были замѣтки, сдѣланныя еще на судѣ. У нѣкоторыхъ были записаны цѣликомъ показанія особенно характерныхъ свидѣтелей и набросаны даже характеристики наружности этихъ свидѣтелей, ихъ манеръ и способовъ держать себя. Докладчики изрѣдка поправляли или дополняли сообщенія того или другого изъ своихъ товарищей, если память измѣняла ему. Такимъ образомъ, въ точности этого коллективнаго отчета о процессѣ рабочихъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Слушателями этого судебного реферата были человекъ двадцать пять или тридцать выдающихся представителей мѣстной интеллигенціи: профессоровъ мѣстной специальной высшей школы, врачей, инженеровъ, членовъ редакцій мѣстныхъ газетъ, земцевъ. Было два-три студента и нѣсколько дамъ. Это небольшое собраніе, какъ и собранія для чтенія «рефератовъ», описанныя выше, — имѣли совершенно частный, семейный характеръ. Тутъ были всѣ знакомы другъ другу. Въ столовой пили чай, предлагаемый любезной хозяйкой.

Докладъ, или, точнѣе, доклады дѣлались покойно, объективно, иногда даже юмористически, напримѣръ, при характеристикѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей и при изложеніи ихъ показаній. А, какъ читатели сейчасъ увидятъ, для юмора было немало мѣста, на ряду съ потрясающими трагическими моментами.

Я, какъ недавно пріхавшій въ городъ, почти никого не зналъ, кромѣ хозяевъ квартиры и еще трехъ-четырехъ лицъ, объясненіями которыхъ и пользовался, когда нужно было узнать, кто въ данный моментъ дѣлалъ докладъ и говорилъ.

Меня, какъ и всѣхъ, интересовалъ въ этомъ процессѣ больше всего вопросъ: что представляли собой рабочіе, которыхъ судили? Была ли это — безсознательная, недисциплинированная толпа, или, наоборотъ, люди, задѣтые идеями новаго соціально-экономическаго движенія?

Въ то время коллективная физиономія рабочихъ представлялась крайне неопредѣленной. Петербургскій инцидентъ 9 января, съ священникомъ Гапономъ во главѣ, съ иконами и хоругвями, съ наивной цѣлью — видѣть лично государя и рассказать ему свои нужды, сбивалъ съ толку. Слухи, шедшіе отъ лицъ, близкихъ къ рабочимъ, что среди нихъ есть уже немало сознательныхъ по-

борниковъ ученія Маркса, не всѣмъ внушали довѣріе: вѣдь, извѣстно каждому, что люди, увлеченные сами какой нибудь идеей, теоріей, ученіемъ, становятся способны видѣть ея воплощеніе или торжество вездѣ и во всемъ. Этому особенно помогаетъ то, что они постоянно вращаются среди однихъ и тѣхъ же лицъ своего кружка и начинаютъ мало-помалу поддаваться иллюзіи, о которой говорилъ еще И. С. Тургеневъ: они начинаютъ видѣть въ своемъ тѣсномъ кружкѣ весь міръ, всю Россію, все общество.

Поэтому-то докладъ очевидцевъ процесса представлялъ величайшій общественный интересъ. Вѣдь, всѣ сознавали ужъ въ то время, что рабочая масса, включающая въ себя десятки тысячъ физически могучихъ индивидовъ, является огромной силой,—что, быть можетъ, будущность всѣхъ остальныхъ классовъ населенія зависитъ отъ того, представляетъ ли эта сила недисциплинированную, опасную своей тьмой, орду, или у нея есть уже опредѣленные идеи, какъ у западныхъ «культурныхъ» рабочихъ, есть зародыши организаціи, а, стало быть, и дисциплины, и разумности въ будущихъ движеніяхъ. Въ первомъ случаѣ, общество должно было ежеминутно трепетать за свою культуру и цивилизацію, которую въ любой моментъ могли опрокинуть и разрушить страшные «варвары», живущіе тамъ, на дымящейся горѣ, дышащей пламенемъ и ядовитыми парами. Во второмъ же случаѣ, общество могло быть болѣе или менѣе покойно за свою культуру и даже могло надѣяться на защиту ея со стороны рабочихъ отъ темныхъ и некультурныхъ массъ босняковъ.

У меня нѣтъ намѣренія передавать здѣсь подробно всѣ моменты процесса; для цѣли, поставленной мною себѣ въ этой части моего очерка, мнѣ важно почерпнуть изъ «докладовъ» все то, что наглядно покажетъ читателю, 1) какъ мирная искра мирнаго чисто экономическаго движенія была раздута мѣстными администраторами въ элементы огромнаго политическаго и соціально-революціоннаго пожара, 2) во что обратилось уже въ то время рабочее движеніе подъ вліяніемъ безтактныхъ гоненій. Я позволяю себѣ нѣкоторое обобщеніе мѣстныхъ моихъ наблюденій на томъ простомъ основаніи, что, во-первыхъ, событія, какъ всѣмъ извѣстно, протекали почти одинаково по всей Россіи, а, во-вторыхъ, извѣстія о всѣхъ крупныхъ явленіяхъ жизни рабочихъ какого либо одного города распространялись съ быстротой молніи по всѣмъ рабочимъ центрамъ Россіи посредствомъ «незаконныхъ» бюллетеней, листовъ и т. п. Настроеніе или впечатлѣніе, произведенное ими въ одномъ городѣ, становилось настроеніемъ и впечатлѣніемъ всѣхъ или значительнаго большинства всѣхъ русскихъ рабочихъ. Этимъ впечатлѣніямъ и настроеніямъ придавала окончательную форму и опредѣленное освѣщеніе заграничная печать. Она проникала невидимкой во всѣ, даже захолустные уголки страны, неуловимая, страстно вооду-

шевленная. Мнѣ приходилось еще раньше этого времени бывать въ настоящихъ медвѣжьихъ захолустьяхъ Россіи. Но и тамъ,—съ большимъ или меньшимъ опоздавіемъ,—я находилъ заграничную русскую печать, прокламаціи, бюллетени и т. п. Эта удивительная распространенность «нелегальной» печати объясняется весьма просто тѣмъ, что въ печати легальной нельзя было ничего говорить о явленіяхъ, интересовавшихъ всего болѣе всю культурную часть населенія Россіи. Поэтому понятно, что вся эта часть, буквально безъ исключенія, жадно искала свѣдѣній объ интересовавшихъ ее событіяхъ въ печати нелегальной. Вѣдь, слухи о событіяхъ этого рода и устно разносились или развозились повсюду; но въ устномъ распространеніи они часто были преувеличены, раздуты, въ нихъ нельзя было различить факты отъ преувеличенія или даже отъ легенды, созданной отчасти паникой, отчасти воодушевленіемъ...

Послѣ этого вступленія я могу начать изложеніе того, что выяснилось намъ, посторонней публикѣ, изъ доклада лицъ, бывшихъ на судѣ, — относительно одного изъ самыхъ первыхъ въ нашей мѣстности проявленій въ крупныхъ размѣрахъ рабочаго движенія.

Дѣло шло о самой обыкновенной на западѣ Европы мирной экономической забастовкѣ рабочихъ одного изъ заводовъ. Къ нимъ рѣшили присоединиться, ради поддержки, рабочіе другого завода (а, быть можетъ, и другихъ). Рѣшено было собраться на общій, «внушительный» митингъ подъ открытымъ небомъ. Съ этой цѣлью рабочіе «сочувствующаго» завода пошли массой къ заводу забастовавшему, чтобы въ извѣстномъ пунктѣ соединиться съ ними.

Губернатора въ то время не было въ городѣ, и его должность «исправлялъ» вице-губернаторъ, человекъ,—по отзывамъ мѣстныхъ обывателей,—мягкій и «хорошій», но, повидимому, совершенно растерявшійся. Какъ рассказывали на судѣ, онъ при первомъ извѣстии о массовомъ шествіи рабочихъ уѣхалъ на вокзалъ желѣзной дороги, велѣлъ будто бы приготовить для себя экстренный поѣздъ, окружилъ себя полиціей и солдатами и сталъ «ожидать послѣдствій», готовый каждую минуту покинуть городъ. Насколько все это справедливо, я, конечно, поручиться не могу. Да и не это важно, а нижеслѣдующее.

Въ это время въ рабочемъ предмѣстьѣ совершилось вотъ что. Послѣ приказанія, даннаго рабочимъ, разойтись (а, по словамъ нѣкоторыхъ, даже безъ всякаго приказанія и предупрежденія) въ мирныя, невооруженныя массы велѣно было сдѣлать нѣсколько залповъ. Кто былъ этотъ «велѣвшій», показанія естественно расходились, такъ какъ въ сумятицѣ никто не могъ опредѣлить, кому должна быть отдана пальма первенства за это распоряженіе. Одни утверждали, что это былъ полицеймейстеръ, и что именно за это ему былъ объявленъ впослѣдствіи смертный приговоръ и произведено покушеніе на его жизнь; другіе увѣряли, что приказаніе дано

было съ вокзала вице-губернаторомъ, которому также угрожало потомъ «покушеніе», но онъ покинулъ нео-Манчестеръ и былъ переведенъ на службу въ Петербургъ; третьи утверждали, что распоряженіе было сдѣлано какимъ-то мѣстнымъ приставомъ или даже офицеромъ.

Какъ бы то ни было, но результатомъ заповѣ было (если не ошибаюсь въ цифрѣ) 37 труповъ убитыхъ рабочихъ, среди которыхъ были и юноши.

Изъ показаній на судѣ свидѣтелей-полицейскихъ отмѣчу только два, особенно характерныхъ.

У одного полицейскаго пристава свидѣтели защиты добивались точнаго отвѣта, какимъ образомъ онъ установилъ «личности» подсудимыхъ, противъ которыхъ является свидѣтелемъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ потому, что приставъ, когда его попросили указать, кто изъ числа сидящихъ на скамьяхъ подсудимыхъ,—Х и кто Z или Y,—совершенно перепуталъ лица, т.-е. Икса называлъ Игрекомъ, Игрека—Зетомъ и т. д.

И вотъ какъ онъ оправдывался въ этихъ своихъ *qui pro quo*: «Я сидѣлъ въ темнотѣ по сосѣдству съ той комнатою, гдѣ происходила сходка, и фizioноміи не могъ видѣть, а слышалъ, какъ называли собравшіеся другъ друга по именамъ».

Другой показывалъ объ одномъ изъ подсудимыхъ, что видѣлъ, какъ тотъ передавалъ рабочимъ прокламаціи.

Кто-то изъ защитниковъ спросилъ его: что онъ называетъ «прокламаціями» и почему узналъ, что передавались именно прокламаціи?

Свидѣтель самодовольно отвѣтилъ:

— Какъ же мнѣ не знать! Я уже много лѣтъ служу въ полиціи. Прокламаціи, это—такія книжки въ красной обложкѣ, которыя печатаются въ Женевѣ.

Къ числу курьезовъ судебного слѣдствія относилось и прочтеніе на судѣ показанія одного изъ подсудимыхъ, даннаго какому-то жандармскому чину и записанное этимъ послѣднимъ на предвѣтельномъ слѣдствіи. Прочтеніе его было вызвано на судѣ тѣмъ, что подсудимый, давшій жандармскому офицеру самое утонченное, почти поэтическое описаніе одной сходки рабочихъ, оказался со всѣмъ безсловеснымъ, т.-е. не умѣющимъ связать двухъ словъ, да при томъ еще малороссомъ. Между тѣмъ, въ его «записанномъ» показаніи были, между прочимъ, такія выраженія, какъ «революціонное настроеніе», «пропаганда» и т. д.

Ему прочли все это и спросили:

— Что значитъ «революціонное настроеніе»?

Онъ нѣсколько разъ просилъ повторить эти слова и, наконецъ, понялъ ихъ въ томъ смыслѣ, что дѣло идетъ о чемъ-то «ревізійномъ» (вѣроятно, онъ принялъ слово «революціонный» за «реви-

зіонный»). Онъ сталъ увѣрять и божиться, что ни о чемъ такомъ «ревизионномъ» онъ ничего не зналъ и не говорилъ.

Болѣе трагическій характеръ носило показаніе одного очень развязнаго молодого человѣка въ «штатскомъ», который, какъ выяснилось на допросѣ, служилъ при полиціи, исполняя обязанности то околоточнаго надзирателя, то сыщика.

Онъ заявиль, что считаетъ себя человѣкомъ «образованнымъ», и съ развязной улыбкой обвинялъ не только подсудимыхъ, но даже ихъ родителей въ необыкновенной невѣжливости и дерзости. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ разсказалъ нижеслѣдующій трагическій случай и разсказалъ въ такомъ комористическомъ тонѣ и съ такой улыбкой, которые показывали, что онъ ничего не понималъ въ сообщаемомъ имъ фактѣ, кромѣ дерзости старухи-матери одного изъ убитыхъ, при чемъ эта дерзость показалаь ему столь нелѣпой и дикой, что онъ не могъ не смѣяться.

— Дѣло было такъ,—разсказывалъ онъ:—я дежурилъ при трупахъ убитыхъ, допуская осматривать ихъ и опознавать приходившимъ родственникамъ. И вотъ пришла одна старуха и отыскала среди труповъ своего сына, почти мальчика. Когда его стали поднимать и выпрямили, у него изъ горла хлынула кровь, и немного ея попало на мое штатское пальто. Я торопливо разстегнулъ его, намѣреваясь снять пальто, чтобы вытереть и не замарать кителя, бывшаго на мнѣ внизу, подъ пальто. Едва старуха увидѣла, что я полицейскій чиновникъ, она набросилась на меня, какъ вѣдьма, съ нелѣпыми и глупыми криками: «Пей, пей эту кровь! Пей кровь моего сына!» И вообще кричала такія глупости, что я не хотѣлъ ихъ даже слушать! Вотъ какъ эти невѣжественные люди относятся къ полицейской службѣ!

Я упомянулъ объ этомъ показаніи, чтобы наглядно иллюстрировать читателю, до какой безпредѣльной степени озлобленія доводились дѣйствіями администраціи даже такія безгласныя существа, какъ эта старуха. Изъ того же факта можно заключить, каково было настроеніе зрѣлыхъ и начавшихъ мыслить рабочихъ послѣ убійства ихъ товарищей и друзей. Вѣдь, устраивая демонстрацію, рабочіе считали ее «мирной». Нѣкоторая освѣдомленность ихъ въ западно-европейской жизни заставляла ихъ думать, что въ подобной демонстраціи нѣтъ ничего противозаконнаго, вреднаго или опаснаго... И вдругъ въ результатѣ нѣсколько десятковъ убитыхъ товарищей!..

Настроеніе рабочихъ выразилось окончательно на судѣ въ заключительныхъ рѣчахъ подсудимыхъ, которые произвели потрясающее впечатлѣніе даже на судей. Нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы сдѣлали ихъ всѣхъ настоящими фанатиками революціоннаго движенія. И этому особенно помогъ одинъ случай, происшедшій въ тюрьмѣ за нѣсколько дней до суда, и по которому прокуроръ воз-

будиль даже слѣдствіе о тюремномъ смотрителѣ и его помощникахъ. По разсказамъ подсудимыхъ, дѣло состояло въ слѣдующемъ. Тюремное начальство было очень озлоблено на «политическихъ» арестантовъ за то, что они не разъ жаловались на него прокуратурѣ и губернатору то за дурную пищу, то за грубое обращеніе. И вотъ, какъ предполагали арестанты,—это озлобленіе мелкаго «начальства» выразилось въ слѣдующемъ актѣ мести: по какому-то поводу тюремщики рѣшили произвести у «политическихъ» повальный обыскъ. Для этого ихъ вывели на дворъ и заставили снять сапоги. День былъ морозный, а наканунѣ арестанты были въ банѣ. Нѣкоторые стали протестовать, говоря, что послѣ бани стоять босыми ногами на холодныхъ камняхъ это значить заболѣть навѣрняка.

Тогда на протестующихъ набросились, повалили ихъ на землю и били нещадно прикладами, сапогами... Крики избиваемыхъ слышали арестанты, которыхъ еще не вывели на дворъ; они подняли страшный крикъ. Бой перешелъ со двора на лѣстницу тюрьмы и въ камеры. Арестантовъ таскали по лѣстницѣ за ноги, били головами о ступени ея и о камни мостовой и т. д., и т. д.

Въ результатѣ было нѣсколько изувѣченныхъ. Хотя прокуратура и высшіе представители администраціи и принялись за это дѣло, однако этимъ нельзя было заставить подсудимыхъ забыть боль и ужасъ обиды. Этотъ случай подлил масла въ огонь страшной ненависти, и безъ того бушевавшей.

И вотъ результатомъ всей совокупности этого настроенія было то, что заключительныя рѣчи подсудимыхъ носили, всѣ безъ изъятія, совершенно фанатическій характеръ революціоннаго энтузіазма.

Одинъ молодой рабочій сказалъ, что до ареста и тюрьмы не имѣлъ яснаго понятія объ идеяхъ социалистовъ, но что послѣ того, что онъ видѣлъ при разстрѣлѣ мирной сходки товарищей, и особенно послѣ того, что пережилъ въ тюрьмѣ, онъ считаетъ нужнымъ открыто заявить суду, что онъ теперь — самый непримиримый социалистъ и врагъ правительства, что его могутъ казнить, выслать, рѣзать на части, а онъ будетъ кричать, даже умирая, два слова, въ которыхъ къ тому времени формулировалась накопившаяся ненависть. Они выкрикивались позднѣе на всѣхъ собраніяхъ, писались на всѣхъ красныхъ знаменахъ, сдѣлавшись чѣмъ-то въ родѣ «поговорки» или лозунга позднѣйшей смуты ¹⁾.

Замѣчательно, что эту же формулу выкрикнулъ вслѣдъ за товарищемъ и почти безсловесный малороссъ, о которомъ я разсказалъ выше. Онъ не могъ быть обвиненъ судомъ и, вѣроятно, предвидѣлъ это по ходу дѣла. Ему пришлось говорить послѣднимъ, и вотъ на вопросъ предсѣдателя: «не имѣетъ ли чего сказать въ

¹⁾ «Долой самодержавіе!»

дополненіе къ рѣчамъ защитниковъ», онъ спокойно отвѣтилъ своимъ малороссійскимъ жаргономъ:

— А что жъ я буду говорить? То жъ, что и всѣ товарищи...

И затѣмъ крикнулъ во весь голосъ извѣстную формулу изъ двухъ словъ.

Особенно замѣчательны были двѣ рѣчи: одного молодого рабочаго и одной дѣвушки-работницы. Эта послѣдняя обрисовала жизнь фабричныхъ-работницъ, ихъ безправіе, нищету, отсутствіе всякаго просвѣта даже въ грядущемъ, изнуряющую массу труда въ ужасающей обстановкѣ и т. д., и т. д.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ плакали, слушая ея рассказъ объ этой безпросвѣтной, невозможной жизни...

Закончила же она его тѣмъ, что «для такихъ, какъ она, могло бы быть два пути: первый — итти на улицу, продавать себя. Но этотъ путь честную дѣвушку приводитъ въ ужасъ. Другой путь — это тѣ надежды на лучшее, которыя даются ученіемъ социалистовъ. И она имъ повѣрила и вѣрить, и будетъ вѣрить до послѣдняго вздоха и жизнь свою положить за нихъ... Есть еще третій выходъ — смерть. Но когда есть надежда, хотя бы и слабая, о смерти не думаютъ. А у нея не слабая надежда, а глубокая, ничѣмъ не поколебимая вѣра, что лучшее, свѣтлое будущее идетъ и придетъ, созданное дружными усиліями рабочихъ всѣхъ странъ»...

Одинъ юноша рабочій высказался почти на ту же тему, хотя болѣе горячо и рѣзко, такъ что предсѣдатель нѣсколько разъ пробовалъ его остановить, оговариваясь, впрочемъ, что онъ останавливаетъ его, не какъ предсѣдатель, не въ силу данной ему власти, а какъ человѣкъ, изъ жалости къ молодой жизни подсудимаго: его ожидаетъ сравнительно слабое наказаніе, но въ своей рѣчи онъ близокъ къ такимъ выраженіямъ, которыя могутъ сильно отягчить его участь.

— Вѣдь, всѣ мы знаемъ то, что вы можете сказать. Для насъ ничего новаго въ вашихъ словахъ нѣтъ. Для чего же вы губите себя? Товарищи ваши не могутъ васъ услышать.

Въ отвѣтъ на это юноша, фанатизированный до крайней степени всѣмъ, что онъ пережилъ, дошелъ, — какъ говорили очевидцы, — до иступленнаго паэоса. Весь дрожа, блѣдный, какъ смерть, онъ закричалъ:

— Да, мои товарищи сейчасъ не услышатъ меня! Но вы ошибаетесь, воображая, что они меня совсѣмъ не услышатъ! Камни этихъ стѣнъ слушаютъ меня, они расплавятся отъ моихъ словъ и увесутъ мою рѣчь къ великой арміи рабочихъ-братьевъ.

Фактическая же сущность его рѣчи сводилась къ тому, что для рабочаго человѣка нѣтъ иной надежды, нѣтъ иного выхода, какъ социализмъ.

— Мой дѣдъ былъ всю жизнь рабочимъ и умеръ рабочимъ, — говорилъ онъ. — И вотъ я знаю отъ моего отца и отъ моей матери,

что онъ и она жили съ дѣтства въ нищетѣ и лишеніяхъ. Мой отецъ былъ также рабочимъ до самой смерти, и, живя при немъ, я, мои братья и сестры не видѣли ничего, кромѣ нищеты и страшной нужды. Наконецъ, я самъ сталъ рабочимъ, я трудился, какъ и отецъ, какъ и дѣдъ, не жалѣя силъ, и я оставался и остаюсь нищимъ, какъ и они. Когда я понялъ это, я сталъ приходить въ отчаяніе. Я понялъ ясно, что изъ этой вѣчной бѣды не выберешься никакими усиліями, никакими трудами и никакой молитвой, на которую надѣялись дѣдъ и отецъ, надѣялся и я, пока не увидѣлъ, что она бесполезна. И вотъ тогда-то мнѣ блеснулъ лучъ надежды: я услышалъ, что есть люди ученые и умные, которые говорятъ, что такъ не можетъ быть всегда, что эта бѣда кончится скоро, если рабочіе соединятся и станутъ дружно помогать себѣ взаимно... И я сталъ стараться узнать побольше объ этихъ людяхъ, объ ихъ надеждахъ, объ ихъ вѣрѣ... И я узналъ, услышалъ и много прочиталъ, и ихъ вѣра стала моей вѣрой... И такъ сильна эта новая вѣра, что я готовъ за нее итти на пытки, на костеръ и смерть, какъ шли мученики-христіане за свою вѣру,—и я умеръ бы за нее съ такою же радостью, съ какой умирали они»... и т. д., и т. д.

На этомъ я могу закончить пересказъ реферата о засѣданіи этого замѣчательнаго суда, добавлю только, что, по словамъ всѣхъ присутствовавшихъ, предсѣдатель держалъ себя чрезвычайно корректно, какъ подобаетъ представителю закона, и что нѣсколько подсудимыхъ было оправдано, а остальнымъ приговоры были даны снисходительные, конечно, въ предѣлахъ, допускаемыхъ закономъ.

Читатели могутъ судить теперь, какое впечатлѣніе получило общество отъ этого процесса, детали котораго, конечно, на другой же день стали извѣстны всѣмъ и не только по докладу, описанному мною, но и сотнями другихъ путей: вѣдъ, и сами судьи—люди и не могли не сообщать о процессѣ хотя бы своимъ ближайшимъ знакомымъ.

Общее же впечатлѣніе было таково, что рабочій классъ въ Россіи теперь уже не та невѣжественная, некультурная масса, какой она была еще недавно. Общій подъемъ культурности, образованія, развитіе промышленности, обострившее классовыя отношенія и приведшее къ развитію классоваго самосознанія, совершили огромное дѣло: они передѣляли варвара въ культурнаго человѣка. Идеи же западныхъ реформаторовъ бросили въ эти пробужденные умы лучи новой религіи,—религіи пролетаріата и рабочаго класса.

Однимъ словомъ, та дилемма, которая упомянута мною выше,—дилемма,—вопросъ: чего можно ожидать отъ рабочихъ—разрушенія ли культуры и цивилизаціи, или, наоборотъ, поддержки ихъ?—рѣшалась, повидимому, въ смыслѣ второго положенія. И общество вздохнуло свободнѣе. Но... впрочемъ, объ этомъ «но» поговоримъ въ своемъ мѣстѣ...

IV.

А между тѣмъ интеллигенціи очень была нужна увѣренность въ томъ, что за нею есть такая крупная сила, какъ сила рабочихъ массъ, уже потому, что даже самой легальной и мирной работѣ грозила опасность и не со стороны одной лишь администраціи, но и со стороны невѣдомой темной силы, названной позднѣе «черной сотней». Ея угрозы не переставали получаться, напримѣръ, сотрудниками и редакціями мѣстныхъ газетъ за самыя невинныя статьи, пропущенныя цензурой, если въ нихъ заключались возраженія, напримѣръ, противъ несправедливыхъ нападокъ реакціонныхъ газетъ на интеллигенцію, на евреевъ, на поляковъ. Бѣда была напечатать статью въ защиту молодежи противъ уличныхъ изобіеній или возражать противъ пущеннаго дикаго слуха о подкупѣ газетъ японскими и англійскими милліонами. По городской почтѣ то и дѣло получались анонимныя письма на имя авторовъ такихъ статей или редакціи, гдѣ ихъ называли «продавшимися жидамъ», обѣщали «разгромить», «избить», «высѣчь» и т. д. Все это обѣщалось въ самомъ непродолжительномъ времени. Письма обыкновенно подписывались такъ: «русскій человѣкъ», «крестьянинъ», «солдатъ». Нѣкоторыя изъ нихъ были искусственно безграмотны; напримѣръ, вездѣ, гдѣ нужно было писать букву «ѣ», стояло «е», и наоборотъ. Это заставляло догадываться, что письма писались не безграмотными людьми, а только имитирующими безграмотность.

Наибольшій терроръ вызывали эти угрозы въ еврейскомъ населеніи, которое вѣчно жило подъ страхомъ. Безпрестанно по рукамъ ходили «прокламаціи» этой таинственной группы, въ которыхъ требовалось «бить жидовъ», помогающихъ будто бы японцамъ, и выражалось требованіе—распространять эти прокламаціи среди знакомыхъ. Кончались эти прокламаціи обыкновенно словами: «за это спасибо скажетъ царь».

Одновременно съ этимъ интеллигенція по какимъ нибудь исключительнымъ случаямъ устраивала,—впрочемъ, не часто,—митинги въ видѣ ужиновъ, на которыхъ говорились рѣчи съ либеральными словами. На этихъ митингахъ, какъ и на лекціяхъ, стали появляться кучки молодежи, бросавшей въ публику прокламаціи, т.-е. печатные, а чаще гектографированные листки съ общими мѣстами революціонной фразеологии, не производившими рѣшительно ни на кого впечатлѣнія, исключая, быть можетъ, самой зеленой молодежи. Вотъ эти-то вторженія и приписывались группѣ «поалей-сіонистовъ»¹⁾.

¹⁾ Отъ этихъ дѣйствій открещивались мѣстные С. Д. (соціалъ-демократы) и С. Р. (соціалъ-революціонеры). Дѣло въ томъ, что эти вторженія повлекли за собою нѣкоторыя распоряженія администраціи, фактически предпрятвшія возможность самыхъ скромныхъ и легальныхъ лекцій, о чемъ подробнѣе разскажу ниже.

Авт.

Учрежденіе такъ называемой «булыгинской комиссіи» подняло среди интеллигенціи вопросъ: «слѣдуетъ ли въ ней участвовать, если пригласятъ?» Устраивались для обсужденія этого вопроса небольшія собранія въ частныхъ домахъ. Такія же собранія устраивались въ столицахъ, и ближайшемъ университетскомъ центрѣ. Нѣкоторые мѣстные ораторы ѣздили туда и возвращались съ чѣмъ-то въ родѣ программъ, носившихъ сперва умѣренно конституціонный характеръ въ духѣ журнала Струве «Освобожденіе». Программа комиссіи Булыгина въ нихъ рѣшительно отвергалась. Участіе въ работахъ этой комиссіи признавалось чѣмъ-то почти позорнымъ. Требовалось, чтобы будущій соборъ имѣлъ не только совѣщательный, но и рѣшающій голосъ, право законодательной инициативы, контроля министровъ, разсмотрѣнія бюджета и тому подобное. Требовалась предварительная амнистія, свобода слова, печати, собраній и неприкосновенность личности.

Если кто нибудь на такихъ собраніяхъ пытался доказывать, что соборомъ, каковъ бы онъ ни былъ, необходимо воспользоваться для проведенія тѣхъ самыхъ «свободъ», которыя требовались отъ правительства, какъ предварительныя гарантіи, на того сыпались презрительныя заподозриванія и обвиненія въ реакціонерствѣ, такъ что весьма рѣдкіе смѣльчаки рѣшались защищать мысль о необходимости удержать синицу, которую уже дали въ руки, а не ожидать, что дадутъ журавля, еще летающаго въ небѣ. Самій вѣскій доводъ, состоявшій въ томъ, что странно и противорѣчиво ожидать или требовать окончательныхъ реформъ отъ бюрократіи, неспособность которой доказывается тутъ же и тѣми же ораторами, пропускаясь какъ-то мимо ушей, не встрѣчая возраженій. Вообще, слушать и обсуждать возраженія болѣе практическихъ людей, опиравшихся на условія окружающей дѣйствительности, а не на готовые доктрины и программы, просто не хотѣли. Отъ нихъ отдѣльвались намеками на то, что представители рабочаго движенія, имѣющаго въ своихъ рукахъ громадныя силы, стануть во враждебныя отношенія ко всякой «уступчивости», «постепенщинѣ», что реформы нужно «брать», а не «просить» ихъ, что реформа, если она дана, можетъ быть и взята обратно, что подобная реформа, давъ правительству нѣкоторую опору въ народномъ представительствѣ,—совершенно де мнимомъ и фальсифицированномъ,—укрѣпитъ его реакціонныя намѣренія и т. д.

На собраніяхъ являлись ораторы, говорившіе отъ имени рабочаго класса и объявлявшіе, что этотъ классъ признаетъ только самыя радикальныя мѣры и реформы, которыхъ само правительство не можетъ дать, и никакіе соборы не дадутъ, а только затормозятъ ихъ; онѣ должны быть взяты инымъ путемъ и будутъ взяты рабочимъ классомъ: «кто не за насъ, тотъ противъ насъ!»—объявляли эти ораторы. Обыкновенно, это были совсѣмъ юноши.

Увѣренность, съ какой они пророчили побѣду радикализма, если не убѣждала, то подавляла и терроризировала нѣкоторую часть интеллигенціи. У меня на глазахъ были поразительные примѣры: люди разумные, серьезные, обладающіе крупной эрудиціей и достаточнымъ краснорѣчіемъ, съ большимъ успѣхомъ отстаивали сперва болѣе умѣренный и постепенный образъ дѣйствій на мѣстныхъ собраніяхъ интеллигенціи. Но вотъ тотъ же ораторъ не рѣшался возражать, когда выступалъ ораторъ изъ крайней «молодежи». Если этотъ мирный человѣкъ ѣхалъ въ столицу, посѣщалъ тамошнія собранія, то по возвращеніи былъ неузнаваемъ: онъ изъ умѣреннаго становился ультра-радикальнымъ и теперь разбивалъ то, что доказывалъ раньше самъ. Но прежде у него были солидные доводы «изъ жизни», были историческія справки и ссылки; теперь же онъ строилъ свои доказательства исключительно на слухахъ, надеждахъ и гипотезахъ, которымъ, очевидно, глубоко вѣрили всѣ въ столичныхъ собраніяхъ. Насколько раньше онъ былъ человѣкомъ «реальныхъ условій» реальной жизни, вида эту жизнь и народъ вблизи, какъ обитатель провинціи,—настолько теперь онъ являлся доктринеромъ-теоретикомъ, разсматривавшимъ всѣ вопросы, вызываемые предстоящими реформами, съ точки зрѣнія отвлеченныхъ идеаловъ абсолютно-совершеннаго государственнаго устройства, какого нѣтъ даже ни у одной изъ болѣе культурныхъ западно-европейскихъ странъ. Мнѣ это представлялось какъ бы гипсовомъ, психической эпидеміей, охватывающей постепенно всѣхъ и все.

Особенно выдвигалась впередъ, какъ настоящій символъ вѣры, формула выборовъ, названная кѣмъ-то впоследствии «четырехвосткой» (т. е., что выборы должны быть «прямые, равные, тайные и всеобщіе»). Каждый, кто пробовалъ дѣлать какія либо возраженія, хотя бы самаго практическаго свойства, противъ «четырехвостки», казался отсталымъ реакціонеромъ, становился отщепенцемъ, ренегатомъ. Казалось, что вся жизнь Россіи, исцѣленіе всѣхъ ея бѣдствій, неурядицъ и ужасовъ зависятъ отъ этой магической четырехвостки, и всѣ напасти растають, «какъ воскъ отъ лица огня». Это было магическое слово, которымъ все начиналось, и которымъ все кончалось. Впоследствии такую же роль играла амнистія за всѣ политическія и религіозныя преступленія, свобода печати, слова, собраній и сходокъ. Вотъ лозунги, которые слышались вездѣ, гдѣ собирались «сливки интеллигенціи», начиная съ литераторовъ, врачей и адвокатовъ и кончая гимназистами и гимназистками... Всѣ вопросы реальной жизни были забыты, забыты грядущій голодъ въ деревняхъ и опасность, грозившая оттуда, забыто невѣжество крестьянства и городскихъ массъ, ихъ полная неподготовленность даже къ менѣе крайнимъ и сложнымъ формамъ избранія; забывалось время, необходимое для проведенія этой формулы; забывались вопросы, связанные съ войной на Востокѣ, съ возвращеніемъ войскъ

домой, въ голодныя деревни, забывались раненыя и необходимость обезпечить ихъ, забывалась опустошенность казны и пр. и пр. Или, говоря точнѣе, все это не забывалось и даже указывалось, когда заходила рѣчь о негодности старой формы управленія (бюрократіи), но забывалось въ томъ смыслѣ, что практически, т.-е. дѣловымъ образомъ, всѣхъ этихъ вопросовъ совершенно не обсуждали, они всѣ должны были рѣшиться только въ будущемъ послѣ осуществленія все той же магической четыреххвостной формулы... Никому и въ голову не приходило, какъ же будетъ жить разоренная, опустошенная, лишенная финансовъ страна до той поры, когда осуществится магическая формула, и сколько времени можетъ пройти, судя по исторіи другихъ народовъ, пока она осуществится легально или путемъ революціи.

Я долженъ пояснить только-что сказанное болѣе подробнымъ изложеніемъ моихъ мыслей объ этомъ удивительномъ, почти гипнотическомъ состояніи общества. Оно представляетъ замѣчательную общественно-психологическую задачу.

Когда я говорю «все общество», я въ сущности допускаю ту же невольную иллюзію, какую на каждомъ шагѣ допускали почти всѣ органы печати какъ реакціонныя, такъ и радикальныя, восклицавшіе: весь народъ требуетъ голосованія прямого, равнаго, тайнаго, всеобщаго и т. д.; весь народъ требуетъ амнистіи, свободы слова и пр., или наоборотъ: весь народъ требуетъ, чтобы это не было дано.

Но я сознаю ясно ту невольную ошибку, какая заключается въ моихъ словахъ «все общество», и потому долженъ раскрыть эту иллюзію, т.-е. показать, что я подразумѣваю подъ словами «все общество».

Для этого необходимо напомнить, что, вѣдь, тутъ дѣло идетъ не о какомъ нибудь западно-европейскомъ, а о русскомъ обществѣ, которое до самаго послѣдняго времени въ своемъ огромномъ большинствѣ ни о чемъ никогда серьезно не думало, а только играло въ карты, справляло именины, крестины, свадьбы, похороны, ѣло пирога и пило водку, наливки, ликеры, шампанское. Въ видѣ десерта оно острило или рассказывало полушопотомъ анекдоты и стихи о высокопоставленныхъ особахъ, вообще втихомолку будировало, но въ сущности не ударяло пальцемъ о палецъ для какихъ либо положительныхъ дѣйствій въ области ли желательныхъ реформъ или нуждъ текущей, практической жизни. Исключеніе составляли нѣкоторыя земцы и земскія группы, да и ихъ было немного въ Россіи. Но никогда исключеніе не бываетъ правиломъ.

Въ сущности, общество спало, или, говоря точнѣе, его у насъ и не было, если не считать маленькой группы лучшихъ людей. Были отдѣльныя «человѣки», почти исключительно типа чеховскихъ героев; они тянули свои служебныя, дѣловыя, земскія, врачевныя,

адвокатскія, педагогическія и профессорскія лямки, получали жалованье или доходы съ имѣній, ѣли, пили, спали и отъ этихъ великихъ трудовъ отдыхали, но рѣшительно ни о чемъ не заботились, кромѣ сохраненія своего благополучнаго и мирнаго бытія, да развѣ еще повышеній по службѣ; не прочь они были помечтать о повышеніи доходности своихъ имѣній, фабрикъ, но безъ всякаго труда для этого. Эти люди заспались и разлѣнились до послѣдней степени. Имъ было лѣнь не только что nibудь дѣлать, но и думать серьезно. Они привыкли вѣрить, что за нихъ должно думать и все дѣлать вездѣсущее и всевѣдущее правительство, какъ они привыкли, чтобы въ ихъ имѣніяхъ, заводахъ все дѣлали за нихъ управляющіе, а въ канцеляріяхъ—столоначальники и ихъ помощники. Они же только «принимали» и «критиковали».

Случался ли голодъ, о немъ заботиться должно было правительство; недоставало помѣщикамъ ихъ доходовъ на широкую и привольную жизнь, объ ихъ благоденствіи должно было заботиться правительство; фабриканты и заводчики не имѣли кредита и заказовъ,—кредитъ и заказы должно было дать имъ правительство. Правда, ихъ нѣсколько оправдывало то, что само правительство въ теченіе сотенъ лѣтъ приучало ихъ къ лѣни и самонедѣтельности, къ хожденію на его помочахъ, къ жизни подъ его полной опекой. Если что nibудь было плохо, русскій «культурный» человекъ умѣлъ только ворчать: «и чего смотреть наше правительство!» Въ церкви, въ школахъ — вездѣ думало и дѣйствовало правительство; оно устраивало нравственность, оно насаждало религію и сельско-хозяйственную культуру, оно оберегало крестьянство отъ образованія, обсуждая въ разныхъ комиссіяхъ способы для подъема его благосостоянія... Это былъ Фигаро, относительно котораго можно было сказать: «Figaro-ci, Figaro-là!»

И вдругъ японская война стала обнаруживать, — какъ обнаружила когда-то война севастопольская, — что хотя русскій Фигаро поспѣваетъ и сі и là, но никто не можетъ сдѣлать все и «объять необъятное», а потому онъ хотя и дѣлаетъ все, но черезъ пень колоду, и это довело Россію до того, что еѣ разбила вдребезги крохотная Японія,—что хлопоты вездѣсущаго Фигаро о флотѣ и артиллеріи, сооруженіи крѣпостей на Дальнемъ Востокѣ, стоившія миллиарды, уничтожены и въ своей гибели уничтожили русскую казну,—что заботы Фигаро о насажденіи крупной промышленности кончились развитіемъ у насъ грознаго соціального и пролетарскаго вопроса,—что хлопоты его о благосостояніи крестьянина привели къ безземелью крестьянъ и страшному аграрному вопросу,—что его заботы о просвѣщеніи привели къ остановкѣ школъ средних и высшихъ по всей странѣ etc., etc.

Русское общество, которое и всегда-то ворчало на своего Фигаро,—впрочемъ, исподтишка, потому что знало о силѣ и тяжести

его кулаковъ,—теперь стало ворчать громче. Правительство, бравшее на себя все, оказывалось и виноватымъ во всемъ передъ Ильей Ильичемъ Обломовымъ. Оно же должно было исправить и всё обнаружившіяся прорѣхи и разрушенія. А общество-баринъ продолжало только ворчать, браниться и требовать. Какъ прежде для этого барина-Обломова все дѣлалъ его Фигаро-Захаръ, и дѣлалъ очень скверно, потому что самъ былъ обломовскаго склада, такъ и теперь тотъ же Фигаро долженъ былъ сочинить для Обломова конституцію и непременно «высшей марки», съ голосованіемъ прямымъ, всеобщимъ, равнымъ и такъ далѣе, какихъ нѣтъ и въ Европѣ. На меньшее русскій баринъ не согласенъ. Ужъ если давать, такъ давать все сразу. И тотъ же Фигаро долженъ былъ дать и свободу слова, и свободу собраній, и обезпеченіе личности... и т. д., и т. д. Удивительно еще, какъ отъ него не потребовали, чтобы онъ же устроилъ русскому обществу республику, а себя сослалъ куда нибудь въ Камчатку или даже казнилъ. До этого не дошло, но многія требованія были положительно на границѣ этого абсурда. Обломовъ до такой степени облѣнился и привыкъ, чтобы Захаръ снималъ съ него не только сапоги, но и чулки, что ему казалось неприличнымъ въ своемъ будущемъ соборѣ или въ проектированной позднѣе государственной думѣ добиться самому того, что ему казалось теперь панацеей отъ всѣхъ бѣдъ. Онъ и этихъ панацей требовалъ отъ своего Захара.

Его попробовали позвать для совѣщанія объ этихъ панацеяхъ, даже пригласить въ министры.

— Многоуважаемый Илья Ильичъ, пожалуйста, посоветуйтесь сообща! Помогите мнѣ!

Но онъ величественно отвѣчалъ:

— Стану я путаться съ какими-то Захарами бюрократіи, пока еще нѣтъ и не приготовлено для моей работы полного барскаго комфорта—свободы для моихъ рѣчей, для моихъ сходовъ и собраній, для моихъ писаній, нѣтъ еще четырехчленки для моихъ выборовъ. Пусть Захары бюрократіи приготовятъ все для моего приема, и тогда я встану съ моего дивана и пойду «засѣдать» и вершить дѣла...

— Да помилуйте, Илья Ильичъ, — говорили ему: — вѣдь, тогда важъ и вершить будетъ нечего: все ужъ сдѣлаютъ Захары...

Но онъ не сдавался на такіе доводы.

Позднѣе Илья Ильичъ пошелъ еще дальше въ своихъ требованіяхъ: онъ пожелалъ, чтобы Захары бюрократіи устроили ему заранѣе «учредительное собраніе» вмѣсто «государственной думы». «А не то я самъ «возьму» его», — говорилъ онъ.

Конечно, онъ отлично зналъ, что самъ ничего не сможетъ «свять», но онъ самоувѣренно полагалъ, что къ его услугамъ бу-

детъ новый Захаръ-Фигаро, рабочій классъ, который де сила и все сможетъ...

Правда, когда Илья Ильичъ (въ лицѣ московскаго земско-городскаго съѣзда) вздумалъ протянуть руку этому предполагаемому, новому Захару-Фигаро, т.-е. пролетариату, то оказалось, что этотъ послѣдній вовсе не намѣренъ вытаскивать ему каштаны изъ огня и служить для него новымъ Захаромъ. Бѣднаго Илью Ильича порядочно треснули по протянутой рукѣ, это его поразило до такой степени, что онъ попробовалъ теперь броситься снова къ старому своему Захару—бюрократіи.

— Ну, милый Захарушка! Я, пожалуй, готовъ притти къ тебѣ на помощь. Только ты все-таки устрой мнѣ предварительно и то, и это, чтобы мнѣ самому не возиться: ну, тамъ, что нѣбудь этакое—всеобщее, прямое, тайное, ну, еще автономію національностей... Я теперь уступчивѣе...

Но, увы, было уже поздно. Старый Фигаро потерялъ склонность услуживать Обломову, какъ только узналъ о его размолвкѣ съ пролетариатомъ... И вотъ его и здѣсь хлопнули по протянутой рукѣ...

Я прошу извиненія у русскаго интеллигентнаго общества за вышеприведенное сравненіе. Я готовъ прибавить, что эта обломовщина значительно шире, чѣмъ у гончаровскаго героя, потому что въ ней есть кое-что и гоголевское, напоминающее и Манилова, и Тентетникова, есть кое-что и тургеневское, напоминающее Рудина, etc. Но, по существу, это тотъ же обломовскій типъ, только перенесенный въ XX вѣкъ.

Если мы позволимъ себѣ теперь забѣжать впередъ, въ эпоху осеннихъ (1905 г.) погромовъ помѣщичьихъ усадьбъ, то увидимъ и послѣдній актъ исторіи Обломова: январскія (1906 г.) торопливыя попытки продать поскорѣе и за что угодно обломовскія земли крестьянскому банку, т.-е. опять-таки прибѣгнуть къ Захару! Но, увы, это случилось уже въ то время, когда у Захара (т.-е. ни у этого банка, ни у казны) не было денегъ, и даже занять ихъ было негдѣ.

Но вернемся снова къ вопросу: что же я понимаю подъ словами: «этого желало все русское общество»? И почему я думаю, что въ этой фразѣ скрывается если не ложь, то иллюзія?

Я думаю это по весьма простой причинѣ: никто изъ насъ не знаетъ и не можетъ знать, чего хочетъ и что думаетъ все русское общество. Оно въ своемъ цѣломъ ничего не думаетъ, а чего оно желаетъ, это давно сказалъ Щедринъ: «Не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ!» Во всякомъ случаѣ гораздо больше севрюжины съ хрѣномъ, такъ какъ о конституціи оно имѣетъ самое туманное понятіе, и если у него спросить, желаетъ ли оно собора, думы или положенія усиленной охраны и даже военнаго по-

ложенія, оно, быть можетъ, пожелаетъ послѣдняго или отвѣтитъ смиренно: «какъ прикажетъ начальство!» Вѣдь, немалое число дворянскихъ и земскихъ собраній, какъ и городскихъ думъ и 141 членъ группы 17 октября въ московскомъ февральскомъ собраніи ходатайствовали о сохраненіи въ ихъ мѣстностяхъ военнаго положенія и положенія усиленной охраны. Въ нашемъ нео-Манчестерѣ городская дума просила губернатора ввести военное положеніе, когда тамъ уже было введено положеніе усиленной охраны. Губернаторъ разъяснилъ представителямъ города, явившимся къ нему съ этой просьбой, что существуютъ различныя неудобства и чисто практическія невыгоды военнаго положенія, и только послѣ этого городъ отказался отъ своего ходатайства.

Итакъ, очевидно и фактически неоспоримо, что то, что въ газетахъ называютъ «всѣмъ русскимъ обществомъ», которое «ждетъ и даже требуетъ» того-то и того-то, есть вовсе не все русское общество и даже не большинство его, а сравнительно незначительное меньшинство. И вотъ, когда я говорю «все общество», я имѣю въ виду только это меньшинство, эти наиболѣе культурныя верхушки его, задѣтыя правовыми и освободительными идеями и настроеніями нашей эпохи.

И когда я говорилъ, что русское общество, въ сущности, это обломовскій типъ въ широкомъ смыслѣ, я имѣлъ въ виду нѣкоторую часть только культурнаго меньшинства. Вѣдь, Обломовъ Гончарова, какъ и Маниловы, и Тентетниковы у Гоголя, какъ Бѣлтовъ у Герцена и Рудинъ у Тургенева, отнесенные еще Добролюбовымъ къ обломовскому типу, были не худшими, а, пожалуй, лучшими людьми русскаго общества своего времени, были его идеалистами, его «культурными вершинами», его интеллигенціей. И, тѣмъ не менѣе, это были Обломовы, не приспособленные ни къ какой практической, живой, цѣлесообразной дѣятельности, а въ лучшемъ случаѣ — теоретики и доктринеры, — по чувствамъ и идеямъ своимъ, очень гуманные, хорошо чувствующіе, честные, недурно и горячо говорящіе, и все же Обломовы немощные и неспособные по своему историческому воспитанію въ самостоятельности...

Конечно, среди этого культурнаго меньшинства въ современной Россіи есть и нѣкоторыя исключенія — люди практическіе, люди настоящаго живого дѣла. Но ихъ, сравнительно, очень немного. Доктринерство и теоретичность губятъ нашу лучшую интеллигенцію, которая десятками лѣтъ жила только теоретической, умственной жизнью, европейскими книжками, европейскими идеями, оторванная отъ жизни народа и отъ всякой живой практической дѣятельности на нивѣ народной. Ничего нѣтъ удивительнаго, что, когда свобода была уже почти въ рукахъ у этихъ людей, они отнеслись къ ней, не какъ люди дѣла, не какъ цѣпкіе и рабочіе европейцы, а какъ теоретники, доктринеры, какъ идеалисты, не ви-

дѣятели дѣйствительности изъ-за своихъ идеаловъ. И это бы ничего. А бѣда въ томъ, что и въ путяхъ достиженіи идеала они требуютъ математически прямой, т.-е. идеальной линіи, и не хотятъ знать никакихъ временныхъ компромиссовъ. Ихъ обломовщина сказывается ясно въ томъ, что они надѣются всѣ эти идеалы получить привычнымъ путемъ отъ правительства, т.-е. отъ своего Захара, а если этотъ не дастъ, то отъ другого новаго Захара—пролетарія!

Всѣ эти мысли я передумалъ и перестрадалъ на тѣхъ собраніяхъ интеллигенціи, гдѣ обсуждались вопросы дня, вопросы о всякихъ бойкотахъ: сперва булыгинской комиссіи, а впослѣдствіи и государственной думы по манифесту 17 октября. Я пережилъ эти мысли и во время моего приѣзда въ Петербургъ на одно изъ собраній литераторовъ; наконецъ, тѣ же мысли мучили меня, когда я читалъ наши самыя передовыя газеты. Газеты же непередовыя мучили меня противоположнымъ доктринерствомъ, не знающимъ жизни, и, въ концѣ концовъ, я пересталъ ихъ читать совершенно. Я предвидѣлъ еще годъ тому назадъ и говорилъ многимъ изъ близкихъ мнѣ людей, что доктринерство русской интеллигенціи, ея упорная и слѣпая теоретичность погубятъ освободительное движеніе въ Россіи и породятъ много бѣдствій, еще небывалыхъ до сихъ поръ, и всѣ мои предвидѣнія сбылись ¹⁾. А предсказанія эти сдѣлать было вовсе не трудно: достаточно было для этого видѣть ясно, какъ видѣлъ каждый, знающій Россію (между прочимъ, Трубецкіе, Родичевы, Шиповы), въ какомъ взаимномъ соотношеніи находятся у насъ различныя общественныя группы и представляемыя ими общественныя силы. Вся разгадка лежитъ въ томъ опредѣленіи конституціи какой либо страны, которое было сдѣлано Фердинандомъ Лассалемъ, а именно: «конституція страны есть взаимное соотношеніе въ ней ея силъ». Этого-то реального соотношенія не видѣла та часть общества, которую я считалъ нашей культурной вершиной. Не видѣла же она этого соотношенія потому, что судила о немъ не на основаніи строгаго, тщательнаго наблюденія надъ жизнью, а на основаніи все тѣхъ же своихъ доктринъ, теорій, желаній, надеждъ, мечтаній и книжекъ. Такъ и Маниловъ не видѣлъ передъ собой дѣйствительности, а видѣлъ то, что ему подсказывала его мечтательная фантазія Обломова, у котораго отъ «недѣланія» было много времени мечтать и много привычки принимать мечты за дѣйствительность. То, что мною сказано въ этой главѣ, резюмируетъ мое впечатлѣніе, вынесенное изъ многихъ собраній или митинговъ нашей интеллигенціи, какъ въ нео-Манчестерѣ, такъ и въ столицахъ. Поэтому дальше я не буду описывать этихъ собраній и митинговъ въ частности. Всѣ они были

¹⁾ На-дняхъ Леруа Боле въ письмѣ къ М. М. Ковалевскому высказалъ тотъ же взглядъ «Мало принциповъ, нужно имѣть въ виду и факты», и т. д. Авт.

похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды, и моя общая характеристика ихъ, по-моему, не нуждается въ примѣрахъ и иллюстраціяхъ.

Въ заключеніе этой главы повторю еще разъ то, что уже сказано выше: среди этой доктринерской интеллигенціи были и личности иного типа, понимавшія положеніе дѣлъ. Но у нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало мужества итти противъ потока, другіе сознали опытомъ, что это бесполезно, наконецъ, третьи возражали противъ доктринерства, но ихъ встрѣтило отверженіе, остракизмъ, и они, оставшись вѣрными себѣ, или уединились и стали только созерцателями, или же попробовали собрать и организовать вокругъ себя группу людей, мыслящихъ одинаково съ ними. Отсюда образовались новыя подраздѣленія партій, и возникла даже, если не группа, то сумма людей, не принадлежащихъ ни къ какой партіи, — такъ называемыхъ «дикихъ».

V.

Въ то время, какъ наша интеллигенція то будировала правительство и заигрывала въ своихъ «резолуціяхъ» и платформахъ съ пролетаріатомъ, протягивая ему руку, то, получивъ ударъ по этой рукѣ, протягивала ее къ правительству, — въ это время пролетаріатъ велъ упорную, невидимую работу сплоченія, объединенія и организаціи рабочихъ массъ всей страны. Строго говоря, эту работу вела социаль-демократія. И чего она успѣла достигнуть, это видѣлъ весь міръ въ первой всеобщей политической забастовкѣ, окончившейся манифестомъ 17 октября, которымъ правительство дало Россіи главнѣйшія, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ «свободъ», о которыхъ дѣлало свои резолуціи «все» русское общество (въ смыслѣ, разъясненномъ выше).

Остальныя крайнія группы, считавшія своихъ послѣдователей въ сравнительно ничтожномъ числѣ, тоже «дѣйствовали», но или совершенно бесплодно для общаго «освободительнаго» движенія (за нѣкоторыми исключеніями), или даже вредно для него, потому что запугивали общество (и теперь уже въ подлинномъ, широкомъ смыслѣ слова) призракомъ полной анархіи, тогда какъ большинство общества всегда стоитъ за законный порядокъ.

Рядъ анархическихъ, пугающихъ дѣйствиій, возбуждающихъ консервативный, реакціонный духъ, въ «широкомъ» обществѣ, имѣлъ мѣсто еще до всеобщей забастовки и до манифеста 17 октября. Такъ, въ нео-Манчестерѣ на засѣданіе общества взаимопомощи народныхъ учителей явилась однажды группа молодежи (говорятъ, полей-сіонисты) и потребовала, чтобы ей уступили на нѣсколько часовъ залъ народнаго дома, гдѣ происходило засѣданіе общества. Засѣданіе было прервано, и начался митингъ, не имѣвшій съ нимъ ничего общаго.

Еще ранѣе былъ устроенъ ученицами зубо-врачебныхъ курсовъ литературно-музыкальный вечеръ съ танцами, въ пользу бѣднѣйшихъ ученицъ этихъ курсовъ. Въ срединѣ вечера вошла въ залъ группа молодежи, на эстрадѣ явились ораторы, стали бросать прокламаціи, сопровождая ихъ все тѣми же обычными и всѣмъ извѣстными формулами.

Публика стала разбѣгаться въ испугѣ. Осталось человѣкъ сорокъ. Одинъ сотрудникъ мѣстной газеты, молодой, любимый, попробовалъ убѣдить вошедшую группу, что она поступаетъ противъ интересовъ своихъ же сестеръ-пролетарокъ, что онѣ затратили на устройство этого вечера немало денегъ и еще больше труда и хлопотъ,—что провозглашаемыя ими формулы давно всѣмъ извѣстны, что странно, почему они не выберутъ мѣстомъ своихъ внезапныхъ митинговъ театральныя представленія, великосвѣтскіе концерты и т. п., а мѣшаютъ помочь голодающимъ бѣднымъ дѣвушкамъ.

Въ отвѣтъ раздались свистки, шиканье, крики «долой оратора», а кончилось все тѣмъ, что полиція заставила разойтись и остатки публики, къ счастью, безъ насилія и кровопролитія на этотъ разъ.

Совершенно подобный же случай былъ повднѣе: «Общество защиты дѣтей» устроило литературно-музыкальный вечеръ въ пользу предполагаемой «колыбельни» для дѣтей работницъ. Было сдѣлано немало затратъ, роздано много билетовъ, но часа за четыре до начала «вечера», въ помещеніе «Англійскаго клуба», гдѣ устраивался этотъ вечеръ, явилась огромная толпа, просившая уступить ей залъ на нѣсколько часовъ и обѣщавшая, что къ 7 часамъ она его очиститъ. Обѣщаніе это было исполнено, но вечеръ пришлось отложить, такъ какъ залъ оказался въ значительномъ безпорядкѣ послѣ митинга: пришлось мести полы, вновь разставлять стулья, сдвинутые съ мѣста толпой; въ одной изъ стеклянныхъ дверей зала было выдавлено,—конечно, не умышленно, а вслѣдствіе тѣсноты и давки,—большое стекло. Наконецъ, вѣсть о томъ, что залъ клуба «занятъ» группой «революціонеровъ», успѣла облетѣть городъ, и никто не рѣшался прійхать.

Было и еще нѣсколько такихъ же случаевъ. Повторяю: они только пугали и раздражали широкіе круги общества, тѣмъ болѣе, что въ результатѣ получилось рѣшеніе полиціи дозволить такія собранія и даже лекціи лишь подъ условіемъ, чтобы устроители давали подписку, что они отвѣчаютъ за порядокъ. А такая подписка влекла за собою или штрафъ въ 300 рублей, или арестъ на 3 мѣсяца.

Конечно, послѣ этого прекратились всякія лекціи и открытыя собранія, хотя полиція и не запрещала ихъ, давала разрѣшенія, но никто не соглашался взять на себя роль «устроителей».

Весьма понятно, что большую публику и даже многихъ изъ молодежи эти приемы невѣдомой группы чрезвычайно раздражали.

Винниковъ называли или просто «молодежь» или «революціонерами», и противъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ начинали накапливаться враждебныя чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ обыватель сдвигался постепенно слѣва вправо. Это впоследствии и доказалъ неоманчестеръ, давъ огромное большинство голосовъ партіи 17 октября, когда вездѣ прошли кадеты ¹⁾).

Послѣ манифеста 17 октября такіе же приемы невѣдомой группы обострились и приняли болѣе крупныя размѣры. Я говорю—невѣдомой, потому что не смѣю утверждать, состояла ли эта группа изъ поалей-зіонистовъ или изъ представителей какого либо другого направленія. Одно можно сказать, что въ обыкновенной публикѣ или толпѣ было убѣжденіе, что «все это евреи», и противъ евреевъ закипала все болшая ненависть.

Но дню 17 октября, какъ чрезвычайно знаменательному, я отвожу особую главу.

VI.

Когда въ редакціи газеты, въ которой я участвовалъ, была получена телеграмма съ этимъ манифестомъ, наступило неописуемое состояніе восторга, охватившаго не только всѣхъ сотрудниковъ и редакцію, но и типографскихъ рабочихъ. По телефону были извѣщены о телеграммѣ всѣ лица, ближайшія къ редакціи по своимъ взглядамъ, а ужъ черезъ какой нибудь часъ въ самой большой комнатѣ редакціи были поставлены соединенныя въ одинъ рядъ столы, покрытыя горами всевозможныхъ закусокъ, винъ, бутылокъ пива, и началось торжество. Кричали «ура», говорили тосты, качали на рукахъ редактора, сотрудниковъ, издателя. Казалось, что люди не столько опьянѣли отъ радостной вѣсти о свободѣ, сколько старались повѣрить въ нее и поддержать въ себѣ давно невѣданную гостью—радость.

Но уже въ концѣ этого торжества можно было уловить струю, угрожавшую въ будущемъ совершенно инымъ настроеніемъ и теченіемъ.

Въ числѣ тостовъ были два-три, въ которыхъ уже заявлялось, что свободы эти не «даны», а «взяты», и взяты исключительно одними социаль-демократами. Да, одними только ими, исключительно ими, что поэтому можно провозглашать тосты только за эту партію и за рабочихъ, выразительницей которыхъ она является, и ни за кого другого...

Это говорилъ одинъ изъ молодыхъ и симпатичныхъ сотрудниковъ газеты, хотя и занимавшій въ ней очень маленькое амплуа.

Ему возражали, указывая, что развитіе самосознанія рабочаго

¹⁾ «Кадетами» называется конституціонно-демократическая партія; названіе «кадетъ» произведено отъ первыхъ буквъ двойного названія: «К» и «Д».

класса было бы немыслимо безъ общаго развитія сознательности и критики въ обществѣ. А этому развитію содѣйствовала вся русская литература, не исключая Радищева, Фонвизина, Грибоѣдова, Гоголя, Бѣлинскаго, Добролюбова, Успенскаго, Щедрина и т. д. и т. д. Юношѣ старались показать, что, требуя, чтобы тосты были предлагаемы только за одну партію, онѣ вносятъ новый аристократизмъ, новое неравенство, новое поклоненіе «сильнѣйшему», а это противорѣчитъ основнымъ требованіямъ принциповъ свободы и равенства.

Горячій юноша тотчасъ согласился съ этимъ и предложилъ рядъ тостовъ за другія группы, но не прошло и четверти часа, какъ онѣ снова выкрикивалъ прежній тостъ за «одну только» социаль-демократію. Эти переходы показывали, что на его молодую голову, не привыкшую къ алкоголю, подѣйствовало то небольшое количество вина, которое онѣ успѣлъ выпить.

Но не даромъ пословица говоритъ: «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ».

Дня черезъ два послѣ этого торжества, закончившагося дружно, мирно и тихо, мнѣ пришлось присутствовать въ засѣданіи одного мѣстнаго ученаго общества, гдѣ однимъ пожилымъ и талантливымъ профессоромъ дѣлался докладъ о значеніи земства въ освободительномъ движеніи.

Докладъ былъ очень интересенъ и убѣдителенъ; публики было много, и весьма солидной, но среди нея было и много молодежи мужской и женской.

Когда профессоръ кончилъ докладъ и предложилъ, по обычаю, установленному въ этомъ обществѣ и предусмотрѣнному его уставомъ, сдѣлать замѣчанія и возраженія, впередъ выступило нѣсколько лицъ, но не изъ членовъ общества, а изъ гостей.

Все это была зеленая молодежь, и среди нихъ только одинъ оппонентъ болѣе солиднаго возраста, сразу проявившій необыкновенную горячность, когда зашелъ вопросъ о томъ, допускать ли къ преніямъ «гостей». Предсѣдатель послѣ долгихъ пререканій, весьма горячихъ и настоятельныхъ со стороны молодыхъ оппонентовъ, обратился съ вопросомъ къ членамъ общества, которые и рѣшили допустить гостей къ преніямъ.

И вотъ одинъ за другимъ на кафедре всходили молодые ораторы. Они волнуясь и горячась доказывали, что «земство»¹⁾ не сдѣлало ровно ничего въ освободительномъ движеніи, что, наоборотъ, когда группа земцевъ съ покойнымъ Трубецкимъ во главѣ (онѣ тогда былъ еще живъ) являлась во дворецъ, то Трубецкой въ своей рѣчи выразилъ достаточно ясно, что реформы необхо-

¹⁾ Подъ этимъ понималась либеральная партія вообще.

димы именно для того, чтобы общество могло помочь правительству обуздать крайнія партіи и смуту.

Каждый изъ ораторовъ, становясь на кафедрѣ, называлъ ту группу или партію, представителемъ которой онъ считалъ себя. Каждый приписывалъ наибольшія заслуги своей партіи и подчеркивалъ въ своемъ очеркѣ исторіи освободительнаго движенія тѣ моменты, которые были созданы его партіей и влекли за собою уступки правительства русскому обществу.

Многіе кончали свои возраженія на докладъ тѣмъ двучленнымъ возгласомъ, который я вначалѣ назвалъ общераспространеннымъ въ то время. Предсѣдатель пытался остановить и предупредить такіе возгласы, прося не отступать отъ темы доклада. Изъ среды дѣйствительныхъ членовъ общества послышались протесты противъ того, что дали говорить «постороннимъ», тогда какъ общество собралось слушать своихъ членовъ-докладчиковъ (на очереди былъ еще другой докладъ).

Я почувствовалъ, что не могу дольше оставаться въ этой атмосферѣ разгорающейся внутренней вражды. Не дождавшись конца преній, я ушелъ, испытывая самое грустное, удрученное состояніе. Для меня было совершенно ясно, что уступки правительства не только не удовлетворили крайнихъ партій и молодежи, но еще и породили въ нихъ увѣренность, гораздо большую, чѣмъ прежде, въ ихъ силѣ, создали въ нихъ огромную гордость и самомиѣніе. Я видѣлъ ясно, что процессъ русскаго освобожденія не кончится мирно, что Россіи еще готовятся огромныя внутреннія потрясенія. И я чувствовалъ, что это неотвратимо, какъ разлившійся потокъ. Реформы были ранѣе очень замедлены.

И послѣдствія показали, что мои предчувствія не обманули меня.

На другой же день по городу съ утра распространился слухъ, что рабочими всѣхъ заводовъ готовится огромная уличная процессія.

И дѣйствительно часамъ къ 12 кто-то вбѣжалъ въ редакцію и крикнулъ:

— Идутъ, идутъ! Тысячныя толпы! Съ массой красныхъ флаговъ!

Мы бросились—кто къ окнамъ, кто на улицу.

Уже издали доносилось пѣніе, видѣлись раздуваемые вѣтромъ огромныя красныя знамена и чернѣвшая, какъ войско, тысячная толпа. Вотъ первыя колонны ея приблизились къ нашей редакціи.

У насъ на крышѣ и заборахъ были вывѣшены, по случаю манифеста 17 октября, трехцвѣтные національные флаги. Два-три юноши изъ шедшихъ по бокамъ процессіи совѣтовали снять ихъ и замѣнить красными, а если нѣтъ у насъ красныхъ, то лучше де не вывѣшивать никакихъ. Дворникъ-крестьянинъ испугался и

полѣзъ было на крышу снимать флаги, но кто-то изъ редакціи остановилъ его, и національные флаги остались, не обративъ на себя никакого вниманія остальной массы проходившей процессіи.

Первое ея впечатлѣніе, особенно издали, было, пожалуй, величественнымъ: казалось, что идутъ сотни тысячъ людей, и это безчисленное множество красныхъ знаменъ и флаговъ, волнующихъ вѣтромъ въ яркій солнечный осенній день, казалось гигантскимъ пламенемъ или потокомъ крови, которые способны охватить страну, если она не пойдетъ вслѣдъ за этой стотысячной толпой.

Но вблизи толпа оказалась далеко не стотысячной. Тысячи четыре или три въ ней было, но не больше, и главное ея ядро составляла молодежь съ красными ленточками въ петлицахъ, были и дѣвушки, и дамы; многія изъ дамъ въ ярко красныхъ шляпкахъ или пальто... Шли не вплотную, а группами. Я замѣтилъ въ одной изъ группъ даже стараго жандарма. Очевидно, къ шествію присоединялись многіе, совершенно не понимавшіе его смысла или понимавшіе его, какъ простое чествованіе «царской милости» (манifesta). Когда въ какой нибудь приближавшейся группѣ было достаточно настоящихъ рабочихъ болѣе зрѣлаго возраста, то процессія производила болѣе внушительное впечатлѣніе, и это тѣмъ чувствовалось по выраженію лицъ и тихимъ восклицаніямъ редакціонной и типографской прислуги: они называли по именамъ тотъ заводъ, изъ котораго была та или иная группа рабочихъ, и въ тонѣ ихъ было замѣтно уваженіе.

Почти всѣ лица, составлявшія шествіе, шли безъ шапокъ, а потому и встрѣчавшіеся обнажали голову. Передъ окнами редакціи случайно стоялъ городской, и я видѣлъ, какъ онъ снялъ шапку передъ процессіей. Впрочемъ, говорили, что этого требовали юноши, шедшіе по бокамъ и составлявшіе какъ бы охрану отъ возможныхъ случайностей или нападеній.

На другой день устроился митингъ на открытомъ воздухѣ, въ городскомъ саду.

Чтобы передать мое впечатлѣніе отъ этого «перваго» митинга, опишу въ двухъ словахъ мѣстонахожденіе городского сада.

Его высокая рѣшетка, или заборъ, выходятъ на главную артерію нео-Манчестера, которую я назвалъ Днѣпровскимъ проспектомъ. Въ срединѣ этой рѣшетки—широкія ворота съ калитками по бокамъ. Въ этомъ мѣстѣ Днѣпровскій проспектъ образуетъ что-то въ родѣ большой площади съ фонтаномъ срединѣ, окаймленнымъ цвѣтникомъ съ желѣзной рѣшеткой.

И вотъ на площади, между этимъ фонтаномъ и воротами сада, собралась значительная толпа «обывателей», не желавшихъ войти въ садъ или боявшихся итти туда, такъ какъ всѣ привыкли въ предыдущіе дни, что на митинги могли явиться солдаты и конные городовые и начать расправу нагайками и проч. Правда, въ первые

дни послѣ манифеста 17 октября полиція и казаки не появлялись на улицахъ, но «осторожные» люди, очевидно, не вѣрили «свободамъ».

Ворота въ садъ были открыты настежь, и въ нихъ нѣсколько юношей, совсѣмъ зеленыхъ и безбородыхъ, собирали въ протягиваемыя шапки пожертвованія на всевозможныя нужды «революціи». Каждый выкрикивалъ ту специальную нужду, на которую онъ собиралъ, выкрикивалъ громко, такъ что было слышно на цѣлую площадь. Иныя восклицанія (напримѣръ, «на бомбы», и еще болѣе крайнія, о которыхъ не хочу упоминать) возбуждали негодование среди толпы, описанной выше. Дѣйствительно, тотчасъ послѣ манифеста 17 октября эти крайнія выходки производили тяжелое впечатлѣніе. Лишь немногіе подсмѣивались надъ этими выходками, какъ надъ мальчишествомъ, не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. «Ну, что жъ, пусть подурачатся въ первые дни освобожденія!»—говорили они:—«вѣдь, это дѣти! Посмотрите, какъ скачутъ и кричатъ ребятишки, когда ихъ только что отпустятъ изъ школы! Покричатъ, разомнутъ свои легкія и члены, утомленные сидѣньемъ, и перестанутъ».

Но, повторяю, были негодующіе. И такъ какъ среди кричащихъ юношей, судя по произношенію, были евреи, то враги еврейства пользовались этимъ случаемъ, чтобы возбудить окружающихъ противъ всей національности. Люди благоразумные тутъ же говорили, что это—большая безтактность со стороны еврейской молодежи, и что она накличетъ на еврейство новую ужасную бѣду. Но при чемъ тутъ было еврейство? Пожилыхъ и старыхъ евреевъ не было ни тутъ въ толпѣ, ни въ саду. Они сидѣли по домамъ и, конечно, даже и не подозрѣвали о томъ, что дѣлалось у входа въ садъ да и въ самомъ саду. Молодежь же, принадлежавшая къ опредѣленнымъ партійнымъ группамъ, вся была внутри сада на митингѣ, или, вѣрнѣе, на митингахъ, такъ какъ въ саду былъ не одинъ митингъ, а сразу четыре или пять, разныхъ партій крайняго лагеря.

Для меня все это было очевидно: юноши, кричавшіе у воротъ и собиравшіе пожертвованія въ свои шапки, были просто какіе-то «добровольцы», и насколько имъ не придавалъ никто значенія даже изъ людей, участвовавшихъ въ митингахъ, я убѣдился изъ того, что въ ихъ шапкахъ валялось двѣ—три мелкихъ мѣдныхъ монеты, а между тѣмъ въ садъ прошли мимо нихъ цѣлыя тысячи народа. И, однако, ихъ безтактныя, мальчишескія выкрикиванія ставились позднѣе въ вину всему еврейству и даже «передовой интеллигенціи» и формально, конечно, выставлялись однимъ изъ оправданій погрома, послѣдовавшаго черезъ нѣсколько дней.

Я прошелъ въ садъ мимо этихъ юношей, которые буквально надрывались и даже осипли отъ усерднаго пользованія «свободой

слова». Они ею тѣшились, какъ игрушкой, были очень веселы, прыгали, какъ дѣти, и не подозрѣвали, какъ дѣти, что играютъ съ огнемъ, который черезъ нѣсколько дней испепелитъ жилища и скудные достатки ихъ отцовъ, потому что этими криками не преминутъ воспользоваться заклятые враги еврейства.

Да, я все это предчувствовалъ и, смотря на этихъ кричащихъ мальчугановъ, готовъ былъ заплакать. Но отчего я не попробовалъ остановить ихъ? Я пробовалъ сдѣлать это косвенно, сообщивъ мои предчувствія двумъ-тремъ изъ болѣе зрѣлой молодежи, которые согласились со мной и даже направились въ садъ потолковать съ распорядителями. Прямо же что нибудь сказать кричавшимъ юношамъ я не могъ просто оттого, что ясно сознавалъ, насколько мои слова будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынь: вѣдь все, что дѣлалось въ тѣ дни, не исключая и вчерашней, вызывающей уличной процессіи, не исключая и этихъ сегодняшнихъ митинговъ, было чѣмъ-то стихійнымъ, какъ водопадъ, образовавшійся на мѣстѣ прорванной плотины, и эти юноши были только брызгами, летѣвшими отъ этого водопада...

И мнѣ казалось столь же нецѣлесообразнымъ убѣждать этихъ дѣтей быть благоразумными, какъ убѣждать брызги водопада не разсыпаться и не летѣть кругомъ, или убѣждать водопадъ не падать внизъ такъ стремительно, а течъ покойно, какъ солидная и покойная, благоразумная рѣка...

Когда я вошелъ въ садъ, я увидѣлъ картину, которая сразу показала мнѣ, что эти митинги были настоящимъ водопадомъ, устремившимся черезъ прорванную плотину.

Вездѣ были развѣшены красные флаги съ надписями болѣе или менѣе революціоннаго содержанія. Послѣ первыхъ входныхъ воротъ въ саду есть вторыя ворота, въ родѣ триумфальной арки, очень причудливой архитектуры. И вотъ эта арка и вверху, и по бокамъ вся была въ красныхъ флагахъ. На ея фронтовѣ была прибита широкая полоса красной матеріи также съ революціонной надписью огромными золотыми буквами. Впослѣдствіи антисемиты увѣряли, что была даже надпись: «долой Россію!» Но это была явная неправда; по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ ничего подобнаго, хотя обошелъ весь садъ.

За вторыми воротами или аркой, описанной сейчасъ, садъ представляетъ громадную поляну или площадку, съ цвѣтникомъ и фонтаномъ посрединѣ.

Здѣсь могутъ помѣститься десятки тысячъ людей, не занявъ и десятой части пространства. Эта поляна или площадка обрамлена уже деревьями сада, между которыми во всѣхъ направленіяхъ вы видите: слѣва лѣтній театръ, за нимъ далѣе двухъэтажную галерею, гдѣ лѣтомъ продаются прохладительные напитки и мороженое; за этой галереей—одноэтажный кіоскъ съ такой же про-

даже, а какъ разъ передъ вами, на противоположной сторонѣ поляны, двухъэтажный, съ галлереями ресторанъ. Правѣе отъ него опять кіоски, и совсѣмъ направо, ви-за-ви съ лѣтнимъ театромъ, второй ресторанъ.

Кромѣ того, впереди справа бесѣдка или ротонда для музыкантовъ и такая же бесѣдка, полуротондой, почти рядомъ съ вышеописанной аркой, вправо отъ нея.

И вотъ ораторы митинга раздѣлили между собою всѣ тѣ зданія, которыя позволяли подняться выше толпы, чтобы быть видными и слышными издалека. Такъ, одинъ ораторъ говорилъ съ верхняго этажа галлерей налѣво, другой—съ верхней галлерей дальняго ресторана, третій—съ музыкантской ротонды, четвертый—съ полуротонды.

Увѣряли, что каждый изъ ораторовъ говорилъ отъ лица своей партіи, и что толпы, собиравшіяся вокругъ каждаго изъ нихъ, состояли изъ принадлежащихъ къ его партіи. Но я рѣшительно этого не думаю. Въ саду было много совершенно не партійныхъ зрителей, пришедшихъ изъ любопытства или любознательности посмотреть на невиданное никогда въ Россіи зрѣлище. Они переходили отъ одной группы къ другой.

Правда, весьма вѣроятно, что ядро каждой изъ группъ составляли люди, сочувствующіе партіи оратора. Но этого никакъ нельзя было сказать обо всѣхъ.

Я остановился въ двухъ-трехъ группахъ и рѣшительно не могъ ничего разслышать изъ того, что говорили ораторы, хотя они видимо старались выкрикивать свои рѣчи, какъ можно громче. Это было ясно по ихъ напряженнымъ лицамъ, по ихъ энергичной жестикуляціи... Особенно выдавался напряженностью своихъ криковъ и жестикуляціи какой-то (судя по костюму) молодой рабочій, говорившій съ полуротонды. И, тѣмъ не менѣе, окружающая его толпа была такъ значительна, что до меня долетали только напряженные звуки голоса, но не слова.

Откровенно говоря, я ожидалъ чего-то болѣе грандіознаго отъ этого перваго публичнаго митинга рабочихъ. Правда, народа было много, однако не больше тысячъ четырехъ-пяти. И, затѣмъ, по большей части, это былъ народъ молодой, и ораторствовали передъ ними юноши, и эта обстановка, всѣ эти красные флаги, надписи, красныя ленточки въ петличкахъ, все это было юношеское, немножко дѣтское, а не солидное и серьезное, не истинно—рабочее, какъ оно мнѣ рисовалось въ воображеніи. Скорѣе я назвалъ бы эти митинги сектантскими, но уже никакъ не народными... Юноши, выкрикивавшіе въ воротахъ свои лозунги, были, пожалуй, нѣкоторой увертюрой, вывѣской къ «моложавости» или юношескому характеру самыхъ митинговъ...

Вечеромъ былъ назначенъ митингъ въ народномъ домѣ, но онъ не состоялся. Устроителями его было получено извѣстіе, что «черная сотня» зашевелилась и придетъ громить народный домъ и собравшихся въ немъ.

Тихо и безъ шума распорядители попросили публику расходиться, совѣтуя пустить впередъ женщинъ небольшими группами, подъ защитой вооруженной охраны изъ молодежи.

Такъ и было сдѣлано, и все обошлось благополучно.

Уже на второй день началось второе дѣйствіе этой трагедіи, которое слѣдуетъ назвать «ультра-патріотическимъ», въ противоположность первому дѣйствію—революціонно-юношескому. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

Теперь же дополню эту главу однимъ замѣчаніемъ. Присутствовавшіе на митингѣ сообщали, что нѣкоторые ораторы крайнихъ партій жестоко нападали въ своихъ рѣчахъ на мѣстныхъ либераловъ и на либерализмъ вообще. Они говорили, что у рабочихъ свои пути и свои планы, что либераловъ поддерживать не слѣдуетъ и т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, ораторы рабочей группы, почувствовавъ силой эту группу, стали все откровеннѣе и рѣзче проводить не только границу между либерализмомъ и пролетарскими идеями, но и старались создать между ними антагонизмъ.

А, между тѣмъ, оказалось, что на митингѣ въ саду присутствовали и нѣкоторые изъ этихъ либераловъ. Ихъ пригласили, ихъ просили говорить и, вѣроятно, по убѣжденію, а также подъ влияніемъ обстановки, среди тысячи рабочихъ, они говорили, какъ сторонники рабочаго класса. Нѣкоторые изъ нихъ являлись ранѣе его блестящими защитниками на судѣ (описанномъ выше). Но ничто не спасло ихъ отъ самаго тяжкаго осужденія, и только за то, что они были не рабочіе. Уже началось «мѣстничество», создавались іерархія и неравенство на почвѣ социальныхъ идей. И все это было грустно и больно до чрезвычайности. И тѣмъ болѣе грустно, что, какъ увидимъ сейчасъ, «либералы» оказались между молотомъ и наковальней— между начавшимся безъ всякой причины (кромя доктринерства) антагонизмомъ со стороны вожаковъ-ораторовъ рабочаго класса, а, съ другой стороны, между жестокимъ гоненіемъ и расправой, которыя готовили для нихъ (либераловъ) вожди черной сотни.

VII.

Въ редакціи нашей газеты было извѣстно, что мѣстные патріоты собираются послѣ молебна въ соборѣ устроить свою патріотическую манифестацію съ иконами, хоругвями и національными флагами...

Я уже говорилъ, что соборъ находится на горѣ, куда подни маются и бульвары или аллеи Днѣпровскаго проспекта.

Репортеры и прислуга при редакціи нѣсколько разъ выбѣгали на улицу посмотрѣть, не идетъ ли эта процессія. Волновались и служащіе въ конторѣ; всѣ были нѣсколько блѣдны, какъ будто ожидали чего-то страшнаго. И это волненіе станетъ понятнымъ читателю, если онъ припомнить, что почти во всѣхъ городахъ патриотизмъ захваченъ былъ въ руки такой группой населенія и такими ея представителями, которые ужъ никакъ не могли считаться друзьями газетъ и ихъ редакцій. Были между ними домовладѣльцы, хозяйева небольшихъ промышленныхъ заведеній. Были и чиновники и, по всей вѣроятности, полицейскіе, которыхъ такъ или иначе задѣла или обличила печать.

И оказалось, что предчувствіе обитателей и прислуги нашей редакціи не обмануло ихъ: намъ грозила огромная опасность, и мы избѣжали ее, только благодаря нѣсколькимъ счастливымъ случайностямъ.

Кто-то вбѣжалъ въ редакцію и крикнулъ: «идутъ, идутъ!»

Вышли на улицу и увидѣли, что съ горы по проспекту спускается огромная толпа съ сверкающими на солнцѣ иконами, хоругвями, съ пестрыми національными знаменами.

Ужъ издали доносились звуки народнаго гимна и несмолкаваго «ура». Они приближались. Толпа спустилась съ горы, остановилась противъ дома губернатора и пошла снова. Звуки гимна и «ура» были теперь слышны даже сквозь двойныя рамы. Вдругъ всѣ замолкли. Бывшіе на улицѣ вбѣжали въ редакцію съ криками: «громить» «Вѣстникъ Юга»... Это была вторая газета, издававшаяся въ нашемъ нео-Манчестерѣ. Редакторъ ея былъ талантливый адвокатъ-еврей, сотрудники — тоже евреи. Между этой редакціей и нашей было дома три-четыре, т.е. менѣе квартала.

Однако, эта торопливая вѣсть оказалась потомъ не вполне точной. Была только попытка разгромить эту редакцію, но она оказалась запертой, редакторъ скрылся заранѣе: а завѣдующій домомъ, въ которомъ помѣщалась редакція, человекъ хорошо извѣстный толпѣ и ея вожакамъ, какъ свой, вышелъ на балконъ и сталъ убѣждать громилъ, что редакціи они никакого вреда не причинятъ, а домъ разрушатъ. Толпа ограничилась разбитіемъ нѣсколькихъ стеколъ и направилась дальше, къ нашей редакціи.

Въ грозномъ молчаніи она остановилась со своими иконами и хоругвями на бульварахъ передъ нашими окнами (домъ нашъ — одноэтажный, съ мезониномъ). Изъ нея выдѣлилась меньшая толпа человекъ въ полтораста и окружила вплотную нашъ домъ. Раздались звонки у входной двери и рѣзкій нетерпѣливый стукъ въ нее.

Бросились отворять, и въ комнаты ворвались человекъ десять. Это были какіе-то «чуйки», въ высокыхъ сапогахъ, какой-то, по-

видимому, отставной чиновникъ, въ фуражкѣ съ кокардой и съ опухшимъ небритымъ лицомъ. Въ суматохѣ, послѣдовавшей за этимъ, я различилъ и запомнилъ только два этихъ лица и еще одного сухого маленькаго старика, быть можетъ, лавочника, но не изъ крупныхъ, или стараго приказчика какой нибудь лавки. Онъ выдѣлялся тѣмъ, что больше другихъ кричалъ, приказывалъ, грозилъ и топалъ ногами, распоряжаясь, какъ генералъ въ завоеванномъ городѣ.

— Мерзавцы! Негодяи!—кричалъ онъ, подступая съ кулаками къ каждому изъ попадавшихся ему въ редакціи:—жидовская газета! Но мы вамъ сейчасъ покажемъ! Давайте сюда редактора! Редактора сюда!

И все это громовымъ голосомъ, съ топаньемъ ногъ.

Но редактора въ комнатѣ не было, я побѣждалъ искать его. Прислуга, прятаяшаяся въ заднихъ комнатахъ, сказала мнѣ, что онъ выбѣжалъ на дворъ. Я его дѣйствительно нашелъ тамъ; этотъ солидный, серьезный человѣкъ метался по двору, повидимому, потерявъ совершенно присутствіе духа. Я сказалъ ему, что его требуетъ ворвавшаяся толпа, и онъ тотчасъ же вернулся въ редакцію, гдѣ сразу такъ овладѣлъ собой, что, мнѣ кажется, его хладнокровію мы были обязаны своимъ спасеніемъ, а также и издавтелю газеты, крупному домовладѣльцу и капиталисту, очень уважаемому въ городѣ. Редакторъ и онъ, стоя на крыльцѣ передъ толпой, читали ей небольшую статью, только наканунѣ помѣщенную у насъ. Въ этой статьѣ одинъ изъ сотрудниковъ доказывалъ, что послѣ манифеста 17 октября слѣдуетъ совершенно устранить насильственные революціонные приемы, что теперь открылся путь для мирнаго и законнаго развитія страны и т. д. Это чтеніе нѣсколько успокоило толпу. Но она устроила намъ еще одно испытаніе.

Буйный старикъ, упомянутый мною выше, снова появился въ редакціи и требовалъ, чтобы мы дали ему портретъ государя. Къ счастью, такой портретъ, большихъ размѣровъ и въ золоченой рамѣ, оказался въ типографіи. Прислуга сама догадалась принести его въ редакцію, и требованіе старика было удовлетворено. Тѣмъ не менѣе, онъ еще продолжалъ грозить, браниться и топать ногами и заставилъ редактора дать обѣщаніе, что завтра же будетъ напечатано въ газетѣ о молебнѣ въ соборѣ, на который приглашаются всѣ, желающіе помолиться по случаю манифеста 17 октября. Послѣ того, какъ изъ редакціи былъ вынесенъ портретъ государя, вся главная часть толпы двинулась дальше, и передъ нашими окнами оставалась еще меньшая толпа, выдѣлившаяся изъ первой, очевидно, ради погрома. Теперь и эта часть двинулась вслѣдъ за первой подъ предводительствомъ своего буйнаго руководителя.

Мы всѣ вздохнули свободнѣе. Бѣда миновала, острая опасность прошла. Но не прошелъ ужасный осадокъ отъ пережитаго уни-

женія, отъ этихъ свирѣпыхъ, повелительныхъ криковъ, брани, топанья ногами, угрозъ, отъ того ужаснаго безсилія, которое чувствовалъ передъ этимъ буяномъ, не смѣя возразить ему, унять его, дать ему отпоръ, потому что за нимъ была толпа, вѣрящая ему, а насъ считающая своими врагами...

Маленькій, но курьезный эпизодъ въ заключеніе: во время вторженія въ редакцію черной сотни у насъ сидѣлъ одинъ изъ сотрудниковъ газеты, мѣстный помѣщикъ и земець, живущій недалеко отъ города. Когда толпа ушла, онъ весь блѣдный сталъ ходить по комнатамъ и что-то отыскивать.

— Что вы ищете? — спросилъ я.

Онъ отвелъ меня въ сторону и шопотомъ сказалъ:

— У меня было съ собой два револьвера, но когда толпа во-
рвалась, я ихъ положилъ на кресло въ комнатѣ швейцара. Однако, ихъ тамъ нѣтъ, и я нигдѣ не могу ихъ найти.

Я отправился на поиски, разспросилъ швейцара, и что же оказалось? Никакого кресла въ его комнатѣ не было. Наконецъ, онъ нашелъ револьверы въ сѣняхъ, гдѣ среди всякаго хлама было дѣйствительно старое кресло, и въ немъ оказались револьверы. Почтенный писатель такъ растерялся, что забылъ даже, куда онъ бросилъ свои револьверы. Мнѣ хотѣлось спросить его: «зачѣмъ же вы ихъ возите съ собою, если при первой опасности бросаете куда ни попало?» но мнѣ не хотѣлось смѣяться надъ нимъ. Его волненіе и растерянность были понятны. Лично о себѣ я долженъ сказать, что я не чувствовалъ во время разыгравшейся сцены того, что обыкновенно называютъ страхомъ. Нѣтъ, это было душевное состояніе особаго рода: я какъ-то замеръ, застылъ и смотрѣлъ на все происходившее скорѣе съ любопытствомъ, какъ посторонній зритель, совершенно забывъ, что и самъ я подвергаюсь опасности и что самъ являюсь однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, надъ которыми виситъ опасность. Говорятъ, что такое душевное состояніе бываетъ иногда съ приготовляемыми къ казни, когда они вдругъ начинаютъ смотрѣть на приготовленія палача, на орудія казни и на все окружающее, какъ на что-то назначенное не для нихъ. Они становятся посторонними зрителями и наблюдателями своей собственной гибели. На первый взглядъ, это можетъ показаться неестественнымъ психологически, но я испытывалъ, хотя и въ меньшей степени, подобное состояніе не разъ: однажды, присутствуя при смерти и похоронахъ самаго дорогого мнѣ существа; въ другой разъ — при пожарѣ въ театрѣ, гдѣ я былъ съ женой... Это странное раздвоеніе сознанія полезно въ одномъ отношеніи: оно помогаетъ ориентироваться во время опасности, не поддаваться общимъ паническимъ движеніямъ, оно даетъ возможность обдумать средства и пути для спасенія, не слѣдуя за стадными порывами окружающей толпы, почти всегда наиболѣе гибельными.

VIII.

Послѣ описаннаго происшествія самыя ужасныя, самыя трагическія событія послѣдовали одно за другимъ съ такой быстротой и потрясающимъ кровавымъ эффектомъ, что я рѣшительно перепуталъ ихъ послѣдовательность (хронологію), несмотря на то, что вель почти постоянно замѣтки о моихъ впечатлѣніяхъ. .

Во-первыхъ, мнѣ вспоминается забастовка и послѣдовавшая во время ея попытка,—бѣдная, дѣтская попытка,—устроить уличную революцію даже съ баррикадами и проволочными загражденіями, совсѣмъ, какъ въ Парижѣ!

Во время забастовки, какъ я уже упомянулъ въ началѣ моихъ очерковъ, обыкновенными людьми овладѣваетъ особое жуткое чувство безпредѣльнаго безсилія и заброшенности. Полная остановка жизни, заколоченные магазины и лавки, невозможность достать не только провизіи, но даже и хлѣба, прекращеніе всякаго движенія на улицахъ, отсутствіе на улицахъ и въ квартирѣ привычнаго электрическаго свѣта, темные вечера и ночи, полная неизвѣстность о грядущемъ...

Остановка движенія на желѣзныхъ дорогахъ дополняетъ еще эту жуткость тѣмъ, что вы вдругъ оказываетесь отрѣзаннымъ отъ всего міра, съ которымъ привыкли ежедневно сообщаться при помощи газетъ и сотенъ телеграммъ, постоянно получаемыхъ редакціей какъ въ теченіе дня, такъ даже и ночью. Теперь весь міръ можетъ погибнуть, и вы ничего не будете знать.

На меня забастовка производила особенно тягостное впечатлѣніе. Я жилъ въ мезонинѣ надъ редакціей, жилъ одинъ, безъ семьи. Но въ обычные дни до меня доносилась изъ нижнихъ этажей шумная жизнь обширной типографіи, съ ея машинами и десятками рабочихъ. Подъ одной изъ моихъ комнатъ было помѣщеніе для прислуги, швейцара съ женой и поломойки. Къ нимъ приходила прислуга изъ типографіи, отъ издателя, изъ конторъ; ихъ говоръ, смѣхъ, иногда пѣсни доносились до меня, и въ обыкновенное время я не чувствовалъ себя совершенно одинокимъ и покинутымъ. Я всегда могъ или самъ сойти внизъ, или нажать пуговку электрическаго звонка, чтобы очутиться среди людей. Наконецъ, я могъ выйти на улицу, въ театръ и т. д.

Во время забастовки наоборотъ: типографія не работала, сотрудники въ редакцію не являлись; прислуга каждый вечеръ куда-то разбѣгалась. Жена швейцара тайкомъ сообщила мнѣ, что и между ними ходятъ требованія «забастовать», и при этомъ горько плакала и жалѣла о хорошемъ мѣстѣ.

Мое полное одиночество нарушилъ одинъ потрясающій эпизодъ. Какъ-то передъ вечеромъ издатель газеты пришелъ ко мнѣ и рассказалъ, что одно изъ лицъ высшей администраціи просило его

по секрету сообщить пятерымъ представителямъ мѣстной интеллигенции, — особенно дѣятельнымъ членамъ либеральной группы, — чтобы они въ эту же ночь непременно скрылись изъ города, хотя на недѣлю или на двѣ, потому что до свѣдѣнія администраціи дошло рѣшеніе какой-то невѣдомой патріотической группы схватить ихъ сегодня и повѣсить на фонарныхъ столбахъ. Это были: одинъ бывший предсѣдатель губернской земской управы и директоръ банка, другой — очень популярный врачъ и три присяжныхъ повѣренныхъ. Изъ нихъ двое русскихъ и одинъ еврей. Нѣкоторыхъ издатель уже предупредилъ, но одного (бывшаго предсѣдателя управы) еще необходимо было предупредить, хотя бы по телефону. За это дѣло взялся я. Приговоренный къ повѣшенію оказался на своей квартирѣ и отвѣтилъ, что онъ уже предупрежденъ объ этомъ приговорѣ другимъ путемъ, но что «гражданская честь не позволяетъ ему бѣжать и скрываться».

Только что я окончилъ эти переговоры по телефону, какъ у дверей раздался звонокъ, и въ редакцію вошелъ другой изъ приговоренныхъ, симпатичный и талантливый изъ мѣстныхъ адвокатовъ, русскій. Онъ пришелъ съ женой. Оба были страшно разстроены, хотя старались казаться покойными. Онъ былъ предупрежденъ черезъ своего брата о приговорѣ невѣдомой клики, перевезъ свою семью въ квартиру одного изъ знакомыхъ, а самъ скрывался уже трое сутокъ въ квартирѣ другого. Сегодня вечеромъ какая-то толпа явилась къ его квартирѣ, но, найдя ее пустой и заколоченной, пустилась искать самого хозяина. Такимъ образомъ, вѣсть о приговорѣ была не мистификаціей, а дѣйствительнымъ фактомъ. И вотъ онъ съ женой рѣшился уѣхать куда нибудь. Въ то время еще было движеніе на нѣкоторыхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Поездъ уходилъ въ 11 часовъ, а было только девять. Извозчикъ, на которомъ они пріѣхали въ редакцію, могъ знать въ лицо приговореннаго и сообщить «кликъ» о томъ, что онъ находится у насъ. Если эти господа не рѣшатся явиться въ редакцію, то они могутъ подкараулить, когда бѣглець поѣдетъ на вокзалъ. Необходимо было обставить этотъ отъѣздъ съ возможными предосторожностями.

Мы сидѣли втроемъ въ небольшой комнатѣ и думали, какъ бы лучше все это устроить. Наконецъ придумали вызвать по телефону одного очень порядочнаго и богатаго господина, у котораго были свои лошади и карета. А чтобы бѣглеца не могли перехватить на вокзалѣ, рѣшили послать впередъ нашего швейцара взять билеты и ожидать тамъ пріѣзда адвоката и его жены. Такъ какъ и швейцаръ былъ мнѣ подозрителенъ, то адвокатъ не долженъ былъ показываться ему на вокзалѣ. Билеты могла взять отъ него жена и затѣмъ, сойдясь съ мужемъ передъ третьимъ звонкомъ, быстро войти въ вагонъ.

Швейцаръ уѣхалъ, и мы остались одни во всемъ домѣ. Мужъ и жена были, видимо, въ такомъ лихорадочномъ состояніи, что

мы почти все время молчали. Никакихъ вещей съ ними не было, кромѣ плада, которымъ она и кутала мужа, еще не вполне оправившагося отъ очень тяжелой недавней болѣзни. Мнѣ хотѣлось хотя бы напоить ихъ чаемъ (они, кажется, съ утра ничего не ѣли), но вся прислуга разбѣжалась, и пришлось отказаться отъ этого желанія.

Минуты казались часами. Безпрестанно думалось: вотъ у подъѣзда раздастся стукъ и бѣшенный звонокъ, какъ тогда, когда къ намъ ворвалась черная сотня,—и что тогда будетъ съ этимъ превосходнымъ, симпатичнымъ человѣкомъ, виноватымъ только въ томъ, что онъ благородно мыслить, былъ гуманистъ, талантливъ, защищалъ въ политическихъ процессахъ, боролся въ думѣ съ хищниками...

Но вотъ, наконецъ, подъ окнами раздался мягкій трескъ кареты, какъ разъ въ условленное время. Въ ней пріѣхалъ и самъ владѣлецъ ея. Мы усадили бѣглецовъ, и рысаки помчали ихъ къ вокзалу. Но я провелъ еще цѣлый часъ въ тревогѣ, пока не вернулся швейцаръ и не сообщилъ, что «господа уѣхали».

Онъ хвалилъ ихъ за то, что ему дали рубль на чай, но настойчиво допрашивалъ меня о томъ, кто они такіе.

Затѣмъ я цѣлые вечера и ночи былъ совершенно одинъ въ огромномъ, пустомъ домѣ, не освѣщенномъ, покинутомъ, какъ старая развалина.

Изрѣдка я открывалъ въ своей комнатѣ, выходившей на проспектъ, внутренній ставень у окна. Но съ улицы на меня глядѣла непроницаемая тьма. Если гдѣ нибудь на горѣ, въ далекой части города, вдругъ загорится красной искрой огонекъ, я былъ радъ ему, какъ другу, какъ признаку жизни, которая, значитъ, еще не кончилась въ городѣ. И я долго смотрѣлъ на этотъ огонекъ, пока онъ не погасалъ...

И вотъ въ одну изъ такихъ ужасныхъ ночей гдѣ-то далеко, быть можетъ, въ предмѣстьѣ, раздался потрясающій гулъ взрыва, затѣмъ другой, третій... Затѣмъ оттуда же, какъ барабанная дробь, посыпались звуки ружейной пальбы.

Гдѣ-то сражаются. Гдѣ-то льется кровь, умираютъ, убиваютъ! Гдѣ? За что? Какъ узнать? У кого спросить? Никого нѣтъ кругомъ.

И такъ тянется цѣлая ночь до утра.

Утромъ въ редакцію приходятъ два репортера. Оба они рассказываютъ то, чему были очевидцами, и чему не хочется вѣрить: до такой степени это дѣтски-наивно. Рабочіе одной изъ слободокъ устроили двѣ баррикады, которыми загородили одну изъ улицъ предмѣстья съ двухъ ея концовъ: одинъ конецъ ея выходитъ на площадь, другой на бульваръ. Они засѣли въ этой улицѣ; для чего—неизвѣстно! Посланы были казаки и солдаты, которые безпрепятственно заняли мѣсто передъ баррикадой, выходящей на

площадь, и мѣсто передъ баррикадой, выходящей на бульваръ. Тогда въ нихъ бросили съ одной изъ баррикадъ двѣ или три бомбы, которыми убило нѣсколько казацкихъ лошадей и двухъ или трехъ казаковъ. Солдаты сдѣлали залпъ и пошли на баррикаду со стороны бульвара, взявъ ее безъ всякаго сопротивленія, такъ какъ защитники баррикады убѣжали съ нея послѣ залпа и попрятались въ домахъ и за заборами улицы. За тѣми же заборами стояло множество любопытныхъ, смотря черезъ щели, что будетъ дальше, и чѣмъ кончится это удивительное и непонятное революціонное предпріятіе.

Но спрятавшіеся и любопытные жестоко поплатились. Когда солдаты перебѣжали баррикаду, они изъ опасенія, что въ нихъ будутъ бросать бомбы и стрѣлять изъ домовъ и изъ-за заборовъ, пустились бѣгомъ вдоль улицы, стрѣляя безъ прицѣла направо и налево, въ заборы и домишки. Огъ этихъ выстрѣловъ пало во дворахъ около трехъ десятковъ раненыхъ и убитыхъ. Насколько случайны были эти жертвы невѣроятной игрушечной революціи, видно, между прочимъ, изъ того, что были убиты среди нихъ два чернорабочихъ издателя нашей газеты, которые проживали въ его небольшомъ домѣ въ той же улицѣ и никакого отношенія къ баррикадамъ не могли имѣть.

Солдаты, пробѣжавъ улицу до другой баррикады, перешли черезъ эту послѣднюю безъ малѣйшаго сопротивленія, такъ какъ на ней никого не оказалось.

Наши репортеры собрали эти свѣдѣнія на мѣстѣ почти въ моментъ самой катастрофы, такъ какъ явились въ баррикадированную улочку вмѣстѣ съ врачомъ въ качествѣ его помощниковъ и все время дѣйствительно подбирали, носили и перевязывали раненыхъ.

Въ редакцію пришелъ молодой инженеръ, знакомый съ военнымъ дѣломъ. Онъ успѣлъ осмотрѣть баррикады и все спрашивалъ: кому и для чего было нужно все это удивительное, наивное возстаніе, кончившееся черезъ нѣсколько минутъ полнымъ поражениемъ? Кто руководилъ такимъ необъяснимымъ революціоннымъ опытомъ чисто-игрушечнаго свойства? «Но баррикады построены превосходно!»—добавилъ онъ.

Думаешь, ломаешь голову и, конечно, не можешь придумать никакого отвѣта, никакого объясненія на подобные вопросы.

А на другое утро еще большій ужасъ, уже дневной!

Дѣти—гимназисты и гимназистки—рѣшили также устроить баррикаду въ одной изъ улицъ, идущей съ горы на проспектъ, въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ она граничитъ съ проспектомъ.

Собралась толпа. Приѣхали казаки. Пришлось разгонять толпу нагайками; были и выстрѣлы. Убита, между прочими, совершенно случайно приѣзжая семнадцатилѣтняя дѣвушка, дочь генерала, вышедшая на балконъ, чтобы взглянуть, что дѣлается на улицѣ.

И въ то же время, въ другой части города, недалеко отъ вокзала, сдѣланъ проходившимъ взводомъ солдатъ совершенно шальной залпъ въ кучку интеллигентныхъ людей, среди которыхъ были и дѣвушки. Они выходили со службы въ управленіи желѣзной дороги. Почему и зачѣмъ въ нихъ выстрѣлили, никто не могъ сказать, но залпомъ убито семеро, и одна совсѣмъ молоденькая барышня, симпатичная, тихая и скромная. Многіе ее знали и уважали. Ко мнѣ приходятъ три ея знакомыхъ барышни и рыдая рассказываютъ объ этомъ, и торопятся поскорѣе увидать умершую, узнать подробности...

Черезъ нѣсколько дней—похороны этихъ невинно пострадавшихъ жертвъ всеобщей сумятицы. Похороны грандіозныя, съ десятками тысячъ народа. На нихъ соединили гробы убитыхъ на баррикадахъ рабочихъ съ гробами интеллигентовъ, павшихъ отъ залпа. Тысячи красныхъ знаменъ съ угрожающими надписями. Процессія такъ велика, что растянулась на двѣ версты. Солдаты, хотя и приведены, но согласно обѣщанію губернатора никого не трогаютъ. Взамѣнъ и ему дано обѣщаніе молодежью, что никакого беспорядка не будетъ. Порядокъ охраняется студентами. Толпѣ объявлено этими распорядителями, что, если ктонибудь изъ ея среды позволитъ себѣ выстрѣлить, тотъ будетъ признанъ провокаторомъ и убитъ тутъ же на мѣстѣ.

И въ тотъ же вечеръ были похороны убитыхъ казаковъ и солдатъ... И тѣхъ провожали «свои», и тамъ эти похороны накопляли вражду, ненависть, месть... Боже мой, Боже мой! А въ сущности, вѣдь, и тамъ, и здѣсь были братья... люди... дѣти одной родины!..

Что же ихъ бросило другъ на друга? Что заставляло лить братскую кровь другъ друга?

Это былъ какой-то ужасный кошмаръ, мучительный сонъ съ безумными сновидѣніями, бессмысленными и дикими...

И это была недѣля только-что народившейся русской свободы!

И все это мнѣ пришлось пережить въ полномъ одиночествѣ, въ своемъ мезонинѣ, съ мучительными мыслями и вопросами, на которые не было отвѣта; а сердце не хотѣло вѣрить этимъ ужасамъ и рвалось на части отъ боли и состраданія... ко всѣмъ, ко всѣмъ... людямъ, ко всей несчастной, темной Россіи...

Но меня ждали еще большіе ужасы. До сихъ поръ была только кровь, смерть, выстрѣлы, взрывы... Къ этому недоставало еще огня, пожара и разрушенія.

Я пережилъ и этотъ ужасъ. Но о немъ въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Какъ и съ чего начался еврейскій погромъ, ни я, да и никто не могъ бы отвѣтить.

Всѣ говорили о немъ заранѣе. Предупреждали губернатора. Онъ отвѣчалъ, что самъ слышалъ, что приняты мѣры, но что онъ почти безсиленъ, такъ какъ наканунѣ забастовали всѣ городовые, и онъ остался безъ рукъ...

Началось, какъ это постоянно бываетъ, съ маленькихъ лавченокъ и рундуковъ на одномъ изъ базаровъ...

Грошковые товары расхищали или рвали, лавченки поджигали, торговцевъ и торговокъ били и даже убивали...

Изъ молодежи уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ образовалась «дружина» для охраненія жителей отъ погромовъ. И вотъ эти дружинники, вооруженные револьверами, раздѣлили между собою городъ и пытались охранять жителей, ихъ имущество, магазины и лавки.

Но тутъ произошло что-то странное и непонятное. Расскажу то, что говорили всѣ, но чего видѣть я самъ, конечно, не могъ. Едва двумъ-тремъ изъ этой молодежи удавалось разогнать (выстрѣлами на воздухъ) толпу хулигановъ-громилъ, какъ являлись солдаты или казаки и стрѣляли не въ громилъ, а въ дружинниковъ, многихъ изъ нихъ убивали, другіе разбѣгались и прятались.

А на улицѣ снова появлялись громилы и начинали уже безнаказанно грабить и поджигать. Ихъ солдаты и казаки не трогали... Выходило такъ, что войско имѣло назначеніемъ защищать громилъ отъ дружинниковъ, а не помогать этимъ послѣднимъ въ защитѣ жителей. Повторяю: я самъ этого не видѣлъ, но это говорили всѣ—и евреи, и русскіе, и прислуга изъ редакціи, и ни одинъ изъ жителей нео-Манчестера въ этомъ не сомнѣвался. Разница была въ томъ, что одни одобряли такое веденіе дѣла солдатами, а другіе, наоборотъ, проклинали его.

Погромы продолжались трое сутокъ, затихая лишь на нѣсколько часовъ ночью. Съ базаровъ они перешли на проспектъ, на всѣ боковыя улицы, на предмѣстья. Вездѣ происходило одно и то же, какъ по предписанію. Небольшая группа темныхъ личностей разбивала двери магазиновъ, вытаскивала товары. Цѣлыя стаи хулигановъ, босяковъ и простого люда—прислуги, чернорабочихъ—набирали себѣ всевозможныхъ вещей, связывали ихъ въ узлы и выносили. Солдаты и казаки смотрѣли и не мѣшали, но стоило гдѣнибудь показаться дружинникамъ, хотя бы для того, чтобы отнять у хулигановъ награбленныя вещи, и если это замѣчали солдаты, они стрѣляли въ дружинниковъ. Если эти послѣдніе стрѣляли въ громилъ изъ какого нибудь дома, то разстрѣливался весь домъ, всѣ его окна, и даже стѣны обращались въ рѣшено. А еще чаще

такіе дома поджигались. Къ ночи второго дня погрома пылало уже полъ-города. . Къ ужасамъ предыдущей забастовки прибавилось теперь то, что по ночамъ половина неба надъ городомъ пылала, и со всѣхъ сторонъ вокругъ моей квартиры, не переставая, трещали выстрѣлы, трещали разваливающіеся и горячіе дома. Пожаровъ никто не тушилъ. Это было что-то невѣроятное!

Выйти изъ дому не только ночью, но и днемъ не было возможности. Я какъ-то на минуту вышелъ на крыльцо, когда выстрѣлы, казалось, стихли. За мной вышелъ швейцаръ и его жена взглянуть, что дѣлается около насъ. Мы увидѣли, что толпа, человекъ въ двадцать, ломаетъ на бульварѣ кіоскъ съ продажей папирозъ и фруктовыхъ водъ... Въ то же мгновеніе раздались выстрѣлы, и нѣсколько пуль съ неприятнымъ лязгомъ ударились о каменную притолоку подъѣзда, какъ разъ у меня надъ головой. Швейцаръ, вообразивъ, что я убитъ, схватилъ меня въ охапку и втащилъ въ комнату. Конечно, когда онъ убѣдился, что я живъ, это насъ всѣхъ только насмѣшило.

Но мы всѣ были, если не на волосокъ, то на палецъ отъ того, чтобы уже не смѣяться никогда.

Вблизи оконъ нельзя было сидѣть. Даже въ комнатѣ, сосѣдней съ тою, которая выходила на улицу, было не безопасно. Такъ, въ городской думѣ засѣдала въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ комиссія. И вдругъ среди мирно бесѣдовавшихъ людей послышался выстрѣлъ. Сперва думали, что выстрѣлилъ кто нибудь изъ гласныхъ думы. Но изслѣдованіе показало, что въ стѣну, почти надъ ихъ головами, влетѣла пуля, вошла въ камень на 1,5 вершка и тамъ разорвалась. А для того, чтобы попасть въ ихъ комнату, она пробилла сперва двѣ рамы у окна, выходящаго на улицу изъ думскаго зала, перелетѣла весь залъ, пробилла притолоку двери той комнаты, гдѣ засѣдала комиссія, и все еще сохранила такую силу, что вошла въ камень на полтора вершка.

Днемъ нельзя было закрывать ставней (внутреннихъ, какъ это вездѣ устроено на югѣ). У одного изъ сотрудниковъ газеты жена закрыла днемъ ставни. Тотчасъ передъ домомъ остановился проходившій взводъ солдатъ, и офицеръ, позвонивъ въ квартиру, произвелъ настоящій, хотя и вѣжливый допросъ: «Для чего заперли ставни? Не было ли въ квартирѣ дружинниковъ?» и т. д. Уходя, онъ посовѣтовалъ не закрывать днемъ ставней, чтобы не вызвать стрѣльбы со стороны казаковъ и солдатъ. Ночью же, наоборотъ, совѣтовалъ не открывать ихъ.

И это правило было извѣстно, повидимому, всѣмъ. Когда однажды вечеромъ у меня сидѣлъ одинъ изъ конторщиковъ типографіи, я хотѣлъ взглянуть при немъ, въ какомъ положеніи окружающій пожаръ. Но едва я пріотворилъ ставень, какъ онъ съ крикомъ: «что вы дѣлаете! васъ убьютъ!» — бросился ко мнѣ, за-

хлопнулъ ставень, а меня оттащилъ отъ окна. Дѣло въ томъ, что войска и казаки, напуганные бомбами, которыя въ нихъ бросали, довели свою предосторожность до крайности. Послѣ этого, если я не могъ преодолѣть ночью невольнаго любопытства и хотѣлъ взглянуть на пожаръ, я сперва гасилъ свѣчу и уже послѣ того пріоткрывалъ ставень. Впрочемъ, и это я позволялъ себѣ дѣлать лишь тогда, когда временно ослабѣвала стрѣльба.

Ужасный видъ представлялся тогда моимъ глазамъ: все залито багровымъ свѣтомъ пожара—деревья, дома. Небо до самаго зенита папоминаетъ раскаленное желѣзо, по которому мчатся и клубятся мириады искръ... Въ воздухѣ стоитъ гулъ и трескъ... Но проходитъ минута-двѣ, и стрѣльба начинается снова: вездѣ кругомъ—спереди, сзади, съ боковъ трещать выстрѣлы, то рѣдкіе, то частые, какъ барабанная дробь...

Я уже сказалъ, что стрѣльба умолкала лишь часа на три ночью. И тогда можно было заснуть. До тѣхъ же поръ, если и приходилось засыпать, то на нѣсколько минутъ, послѣ которыхъ просыпался въ испугѣ отъ новыхъ и новыхъ залповъ или отдѣльных выстрѣловъ.

Въ результатѣ погрома—сотни сожженныхъ домовъ, нѣсколько сотъ разрушенныхъ магазиновъ и лавочекъ, и болѣе полутораэта человѣкъ убитыхъ, среди которыхъ нѣсколько дѣтей и одинъ даже грудной!

Кому и для чего было это нужно,—ходило много догадокъ, но я не буду сообщать ихъ. Однако, всѣ кругомъ были увѣрены, что это дѣло велось систематично, и что если бы его не желали какія-то сильныя, но невидимыя и стоявшія за кулисами, личности, оно могло бы кончиться въ пять минутъ. Это и случилось, когда погромщикамъ было сказано кѣмъ-то: «Ну, ребята, погуляли три дня, и довольно!» И погромы тотчасъ же кончились. Сотни погромщиковъ, нагруженные узлами краденыхъ вещей и товаровъ, покойно шли мимо нашей редакціи. Ихъ сопровождалъ сзади пѣшкомъ губернаторъ, а за нимъ взводъ казаковъ съ пиками на коняхъ. Ихъ узловъ никто не трогалъ. Говорили, что вещи будутъ отбирать, когда погромщиковъ выведутъ за городъ, но... никакихъ подтвержденій этого слуха я не имѣю. Зато я видѣлъ самъ, какъ на тротуарѣ, противъ самой редакціи, одна женщина остановилась съ огромнымъ мѣшкомъ и тутъ же стала изъ него продавать ботинки какимъ-то женщинамъ. Онѣ, не стѣсняясь, на улицѣ примѣряли ботинки. И это какъ разъ въ то время, когда проходилъ губернаторъ и казаки. И никто не обращалъ на это вниманія.

Не могу не отмѣтить вообще отношенія русскаго простонародья къ еврейскимъ погромамъ и къ евреямъ вообще. На второй день погрома въ редакцію пришелъ одинъ изъ репортеровъ, который рассказалъ слѣдующій ужасный фактъ. Онъ возвращался изъ

г. К—га, куда ѣздили по порученію редакціи; ѣхалъ онъ на пароходъ вмѣстѣ съ сотрудникомъ другой мѣстной газеты. Когда они подъѣхали къ нео-Манчестеру, то ихъ предупредили, чтобы они спрятались, такъ какъ громилы только-что ворвались на пароходъ, пришедшій ранѣе, и побросали въ Днѣпръ всѣхъ евреевъ, ѣхавшихъ на немъ. Нашъ репортеръ и его спутникъ успѣли спрятаться гдѣ-то въ кочегарнѣ, и погромщики, обыскивая пароходъ, не нашли ихъ. Переждавъ нѣкоторое время, они выбрались на берегъ и, чтобы добраться въ городъ, два раза заплатили крупный выкупъ жокаамъ громиль, которые останавливали ихъ на пути.

Такъ вотъ эту-то ужасную исторію о выкинутыхъ въ воду людяхъ я рассказывалъ нашему швейцару и его женѣ. Оба они—люди молодые, грамотные, на видъ очень симпатичные, изъ крестьянъ Орловской губерніи, но жили и въ Питерѣ, и въ Крыму.

И вотъ жена швейцара, выслушавъ мой рассказъ, воскликнула:

— Ой, Господи! Да что же это русскихъ бросали въ воду?!

— Нѣтъ, евреевъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, слава Богу! А я испугалась, думала, что русскихъ.

Ея мужъ, смотря вмѣстѣ со мной въ окно, увидѣлъ ѣдущихъ на телѣжкѣ четырехъ евреевъ. Какъ разъ въ это время мы говорили съ нимъ объ убитыхъ на баррикадахъ рабочихъ.

— Вотъ этихъ бы подстрѣлить хорошо!—воскликнулъ онъ, указывая на евреевъ.

Одними только недѣльными слухами, которые распускались кѣмъ-то во время погрома, этой ненависти объяснить нельзя. А слухи были самые дикіе: вбѣгаетъ, наприимѣръ, нашъ дворникъ и сообщаетъ, что евреи взорвали бомбами соборъ, что это ему рассказала кухарка конторщика, которая сейчасъ сама, своими глазами, это видѣла. Видъ у него при этомъ такой, что вотъ сію минуту онъ бросится на перваго встрѣчнаго еврея и убьетъ его за взрывъ православнаго храма: лицо красно, глаза выскочили изъ орбитъ.

Въ редакціи былъ издатель газеты, и, чтобы успокоить мужика, онъ при немъ спросилъ по телефону губернатора, вѣренъ ли этотъ слухъ. Тотъ отвѣтилъ, что и до него этотъ слухъ дошелъ, и онъ вызывалъ ктиторъ собора, который отвѣтилъ, что ничего подобного не было.

Мужикъ ушелъ смущенный и бранилъ кухарку:

— Ахъ, ты, бестія! А, вѣдь, говорить, сама видѣла!

Въ такомъ же родѣ былъ слухъ, что евреи вооружились и собрались на кладбище, откуда пойдутъ рѣзать всѣхъ русскихъ. Въ этомъ слухѣ, какъ оказалось послѣ, было вѣрно только одно: нѣкоторые семьи, спасаясь отъ погрома, спрятались съ дѣтьми на

своёмъ кладбищѣ, и вотъ тутъ явились будто бы казаки и расправились съ ними.

Никакое поведеніе евреевъ было не способно, повидимому, смягчить эту дикую ненависть. Такъ, истопникъ при нашей типографіи, придурковатый малый, рассказывалъ въ моемъ присутствіи цѣлой дюжинѣ прислугъ нашихъ и сосѣднихъ, какъ его поймали дружинники съ наворованными вещами.

— У меня, братцы, — хвастался онъ, — были набиты и за рубашку и въ порты часы, кольца золотыя, просто рублей на тысячу. Богатымъ бы сталъ. Да они, проклятущіе, замѣтили, что я толстъ, схватили меня, и давай обыскивать! Все отобрали. Ну, думаю, теперь мнѣ конецъ: разстрѣляютъ. Вотъ одинъ замѣтилъ на мнѣ новые штаны, господскіе. «Не снять ли ихъ?»—говорить. А другой ему: «Что ты, что ты? Дождь, холодъ. Вѣдь, онъ простудится!» Дали мнѣ подзатыльника да и сказали: «Ну, иди, да помни, какъ съ вами поступаютъ жидаы, и какъ вы--съ ними!» А вещи все же отобрали, подлецы!

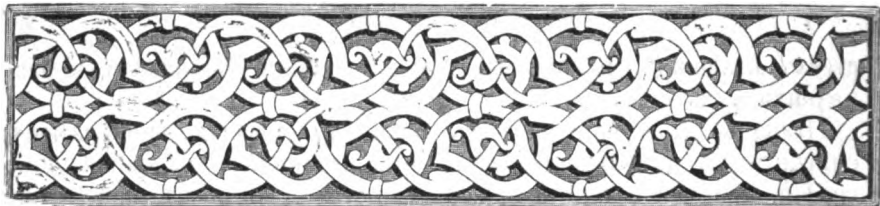
Этимъ эпизодомъ я закончу бѣглый очеркъ тягостныхъ впечатлѣній, которыя я пережилъ.

Бросая на нихъ общій, ретроспективный взглядъ, я не могу позволить себѣ дать ключъ къ этимъ страннымъ загадочнымъ событіямъ, поражающимъ сразу и своей нелѣпностью, своей нелогичностью, и въ то же время своей психологической послѣдовательностью, которая совсѣмъ не то, что послѣдовательность логическая.

Нѣтъ, иногда послѣдовательность психологическая идетъ въ совершенный разрѣзъ съ разумной логикой. И это мы видимъ въ описанныхъ выше событіяхъ. Въ нихъ поражаетъ полная нелогичность, и въ то же время психологическая послѣдовательность, т.е. послѣдовательное развитіе разныхъ чувствъ, настроеній, которыя влекутъ цѣлые ряды дѣйствій, ускользящихъ отъ господства разумной логики.

Л. Е. Оболенскій.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

ОСТАВЛЯЮ послѣ себя состояніе приблизительно стоимостью около двухъ сотъ тысячъ рублей. Все это нажито даннымъ мнѣ отъ природы дарованіемъ, моимъ неустаннымъ трудомъ и аккуратной, скромной жизнью. Родители мои сдѣлали все, чтобы поставить меня на ноги, но наслѣдства мнѣ никакого дать не могли, они сами доживали свой вѣкъ на очень малые средства. Я съ умиленіемъ вспоминаю о послѣднихъ трехъ рубляхъ, подаренныхъ мнѣ отцомъ, когда я 16-тилѣтнимъ мальчикомъ пріѣзжалъ въ Москву въ отпускъ изъ инженернаго училища, гдѣ я воспитывался. Отецъ вынесъ мнѣ зелененькую бумажку, говоря:

— Ужъ извини, Викторъ, больше никакъ дать не могу, у самого нѣтъ.

Мнѣ стало какъ-то жутко и словно совѣстно, точно я просилъ, чтобъ мнѣ дали болѣе, и въ то же время такъ трогательны были эти слова отца, который всю жизнь свою работалъ для семьи и всѣмъ намъ, его дѣтямъ, помогъ честно выбратъ на трудовую дорогу жизни. Восемнадцати лѣтъ я былъ выпущенъ въ офицеры въ инженерную академію, двадцати одного я кончилъ полный

¹⁾ Въ пакетѣ, переданномъ покойнымъ В. А. Крыловымъ по духовному завѣщанію одному изъ его душеприказчиковъ, З. А. Я., между прочими бумагами овалася рукопись, имѣющая автобіографическое значеніе. Ознакомившись, благодаря любезности З. А. Я., съ этой рукописью, мы нашли, что она заключаетъ въ себѣ не только матеріалъ для біографіи умершаго драматурга, но представляетъ также и общелитературный интересъ, и потому испросили разрѣшеніе напечатать ее въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

курсъ и выброшенъ въ жизнь. Въ инженерномъ училищѣ я жилъ на всемъ готовомъ, отецъ давалъ мнѣ по рублю въ мѣсяцъ на мелкіе расходы, дядя дарилъ рублей по десяти въ годъ. Съ офицерства я сталъ жить на одно мое жалованье рублей около трехъ сотъ въ годъ. Я платилъ за комнату отъ жильцовъ по восьми рублей въ мѣсяцъ. Я обѣдалъ въ кухмистерской по 33 копейки за обѣдъ, покупая впередъ по десяти обѣденныхъ билетовъ. Я былъ здоровъ, у меня не было никакихъ лишнихъ потребностей, съ меня хватало. Долговъ я никогда не зналъ, напротивъ, мнѣ постоянно кто нибудь былъ долженъ. Даже въ эти нищенскіе годы офицерства, товарищи, пользуясь тѣмъ, что мы получали жалованье по третямъ и въ это время сразу имѣли болѣе крупныя деньги, ухитрялись брать у меня въ займы, рассчитывая на полочки отъ своихъ родителей. Приходилъ срокъ уплаты, мнѣ часто не отдавали, не на что было купить обѣденныхъ билетовъ, и я питался чаемъ съ булкой. Я сердился, бранился, но все-таки былъ веселъ, меня поглощала моя жажда литературной работы, и за этимъ исчезало все остальное. Предоставленный самому себѣ, я прикомандировался ко 2-му кадетскому корпусу учителемъ начертательной геометріи. Жить на одно жалованье все-таки было трудновато, особенно когда меня потянуло въ театръ. Я съ радостью схватывался за излишнюю работу, уѣзжалъ на лагерное время съ кадетами на практическія занятія, преподавая имъ съемку плановъ мѣстности. За это я получалъ сверхъ жалованья сто рублей, великая роскошь — цѣлая треть моего годового содержанія. Да еще, кромѣ денегъ, въ этомъ сухомъ занятіи я находилъ и постороннія радости; я сблизился съ кадетами, порученными моему руководству, входилъ въ ихъ интересы. Они любили меня и однажды поднесли мнѣ на прощанье большой букетъ цвѣтовъ; меня тѣшило выбрать изъ него нѣсколько цвѣтковъ, засушить ихъ, наклеить на бумагу и вставить въ рамку картинкой въ воспоминаніе нашей дружбы. Это было въ 1859 г. Картинка эта до сихъ поръ виситъ у меня на стѣнѣ. Служба моя давала мнѣ большой досугъ, и я весь отдался литературнымъ занятіямъ. Къ сожалѣнію, у меня не было никакого руководителя, а образование мое литературное по лекціямъ закоруцалаго Плаксина было слабо. Мнѣ приходилось перечитывать самыхъ извѣстныхъ всѣмъ классиковъ русскихъ и иностранныхъ. Къ счастью, дома меня выучили языкамъ французскому и нѣмецкому. Въ это время я уже много сочинялъ всякой всячины: стиховъ, небольшихъ пьесъ. Двѣ изъ нихъ были сыграны на любительскомъ спектаклѣ въ день дѣвятишника передъ свадьбой композитора Кюи. Наконецъ, я написалъ первую большую статью: разборъ исполненія комедіи «Горе отъ ума» на Александринскомъ театрѣ, возобновленной въ бенефисъ Левкѣевой въ 1862 г. Эта статья такъ понравилась въ кружкѣ близкихъ мнѣ людей, что мнѣ совѣтовали

ее напечатать. Я отправился съ ней къ тогдашнему редактору газеты «Сѣверная Пчела», Усову. Онъ взялъ статью и напечаталъ ее двумя фельетонами. Какъ мало я думалъ о деньгахъ и какъ много о своей работѣ, доказываетъ то обстоятельство, что я попросилъ редактора сдѣлать мнѣ оттиски моей статьи и ради нихъ отказался отъ всякаго гонорара. Мнѣ было любо имѣть эту статью въ видѣ маленькой книжечки. Я очень наивно предполагалъ, что мысли, въ ней высказанныя, будутъ многимъ интересны, а въ газетѣ онѣ забудутся, и, несмотря на мое нищенство, пренебрегъ деньгами, ради возможности раздавать статью друзьямъ. Книжечка, однако, сослужила мнѣ хорошую службу: я снесъ ее Валентину Федоровичу Коршу, только что начинавшему тогда изданіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и онъ, совершенно не зная меня, на основаніи только этой одной статьи поручилъ мнѣ критику театральнаго отдѣла всѣхъ театровъ Петербурга. Это сразу основало мою карьеру, открыло мнѣ двери театра, дало любимое занятіе, измѣнило нѣсколько и матеріальное мое положеніе. Хотя тогда гонораръ платили далеко не такой, какъ теперь, особенно начинающему автору (я получалъ по 5 копеекъ за строку), но при моихъ малыхъ требованіяхъ, печатая довольно часто большіе фельетоны въ газетѣ, я находилъ мой заработокъ очень хорошимъ, такъ что, когда директоръ инженернаго училища, куда я перешелъ служить изъ кадетскаго корпуса, нашелъ мои литературныя занятія несовмѣстимыми съ военной службой, я съ легкимъ сердцемъ бросилъ службу, отдался весь моей работѣ, сталъ жить однимъ гонораромъ отъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ 1864 г. я поставилъ на сцену мою первую пьесу «Противъ теченія». Она имѣла большой успѣхъ и въ одинъ мѣсяцъ дала мнѣ 300 рублей. Хотя этимъ и огранился мой заработокъ за пьесу, такъ какъ съ наступившимъ постомъ главная артистка, участвовавшая въ ней (Брошель), сошла со сцены, и пьесу не возобновили, но я жилъ такъ скромно, что и эти триста рублей не зналъ, куда дѣвать. Ихъ взялъ у меня взаймы одинъ пріятель, и такъ они за нимъ и пропали. Тѣмъ не менѣе въ нѣсколько лѣтъ я отъ заработка моего скопилъ 600 рублей, которые употребилъ цѣликомъ на поѣздку за границу въ 1867 г. По моему характеру меня не манили ни пирушки, ни лучшая обстановка, но когда представилась возможность путешествовать, я на это потратилъ все, что отложилъ. Впрочемъ, и это была отчасти счастливая случайность: я откладывалъ деньги, не имѣя цѣли, а просто потому, что мнѣ ничего не было нужно, у меня не было тратъ. Я былъ очень счастливъ въ моей наемной комнатѣ отъ жильцовъ съ моими кухмистерскими обѣдами, такъ меня поглощала моя работа. Часто работалъ я въ читальной залѣ Императорской Публичной библіотеки. Цѣлыя пьесы написалъ я тамъ. Меня даже вдохновляла эта обстановка: множество живыхъ

людей кругомъ, каждый занятый своимъ дѣломъ, чтеніемъ, письмомъ, и эта крупная кипучая жизнь среди полной тишины. Быть колесомъ въ этой громадной тихой машинѣ было пріятно. Въ 1869 г., семейство Боткиныхъ попросило меня сопровождать старшаго Боткина, Василя Петровича, въ Ахенъ, куда онъ отправлялся лечиться отъ тяжелой болѣзни, и потомъ сопутствовать ему при возвращеніи въ Петербургъ. Когда мы вернулись, Василій Боткинъ такъ привязался ко мнѣ, что просилъ остаться жить у него. Я согласился, но это житье продолжалось недолго: чрезъ недѣлю по возвращеніи изъ-за границы Боткинъ умеръ. Мнѣ уплатили за поѣздку 700 рублей—и наслѣдники Боткина, кромѣ того, на память объ немъ и за мои услуги подарили мнѣ еще 2.000 рублей. Получивши сразу такія большія деньги, какихъ я въ жизнь мою не видывалъ, я просто не зналъ, что съ ними дѣлать. Надоумилъ меня Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. Какъ теперь помню, встрѣчаю его на Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста, и рассказываю о моемъ благополучіи.

— Такъ вы на эти деньги купите выигрышныхъ билетовъ,—сказалъ онъ мнѣ,—все-таки будете получать проценты и можете выиграть.

Я такъ и сдѣлалъ, и съ тѣхъ поръ, какъ только у меня оставались деньги отъ житья, я покупалъ на нихъ разныя процентныя бумаги по совѣту одного друга, стараго товарища. Главная радость моей жизни была постоянно моя работа, потомъ путешествіе за границу. Удовлетворять эти радости мнѣ было не трудно, и остатокъ денегъ постоянно возрасталъ вмѣстѣ съ успѣхами моими на сценѣ.

Тогда была система бенефисовъ въ императорскихъ театрахъ. Бенефицианты постоянно нуждались въ новыхъ пьесахъ, въ хорошихъ роляхъ; они знали, что получаютъ ихъ отъ меня, и потому на мою работу былъ большой спросъ. Хотя гонораръ того времени былъ на двѣ трети меньше теперешняго, я получалъ значительно больше того, что тратилъ, и мой маленькій капиталъ постоянно увеличивался. Въ это время основалось «Общество драматическихъ писателей», и провинціальныя театры понемногу стали тоже оплачивать представленія драматическихъ пьесъ. Мой доходъ возрасталъ, часто даже совершенно неожиданно для меня. Такъ, напримѣръ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, было въ большомъ ходу исполненіе всевозможныхъ куплетовъ на злобу дня. Въ посту въ Александринскомъ и Михайловскомъ театрахъ устраивались концерты съ живыми картинами, привлекавшіе публику по преимуществу исполненіемъ куплетовъ. Актеры Монаховъ и Сазоновъ особенно отличались въ этомъ искусствѣ, они распѣвали куплеты и читали разные стихи по клубамъ, за что получали по сту и болѣе рублей въ вечеръ. Понятно, что новинка куплетовъ была для испол-

нителѣй всегда особенно интересна. Стихамъ и куплетамъ моего сочиненія очень посчастливилось. Они были сценично написаны и давали возможность актеру примѣнить свое творчество. Однажды Савоновъ пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ устроить вмѣстѣ въ Александринскомъ театрѣ концертъ съ живыми картинами, онъ бралъ на себя всѣ хлопоты по устройству: разрѣшеніе дирекціи, приглашеніе артистовъ. Я долженъ былъ для каждаго изъ нихъ сочинить номера пѣнія или чтенія, сообразно дарованію каждаго. За это онъ уплачивалъ мнѣ одну треть того, что выручить съ концерта. Я зналъ хорошо данныя предполагавшихся артистовъ участниковъ, и въ нѣсколько недѣль дѣйствительно исполнилъ эту работу. Концертъ состоялся и далъ на одну мою долю свыше шести сотъ пятидесяти рублей. Въ 1871 г. умеръ мой отецъ, въ 1873 г. умеръ мой братъ. Эти двѣ смерти нѣсколько измѣнили складъ моей жизни. Мои родители передъ этимъ все еще жили въ Москвѣ, въ томъ небольшомъ домѣ въ Палашевскомъ переулкѣ, въ которомъ я родился. Средства ихъ были очень скудны, квартира имъ ничего не стоила, но доходъ ихъ ограничивался платою жильцовъ за одну квартиру съ другого небольшого ихъ же дома. Между тѣмъ, площадь земли, на которой были расположены эти два дома, была въ 1.100 квадратныѣхъ сажень. Мой братъ былъ инженерный офицеръ, онъ служилъ въ Ригѣ и, наѣзжая въ Москву, сообразилъ, что недвижимая собственность родителей имѣетъ прекрасную будущность, и ею можно хорошо воспользоваться. Онъ уговорилъ отца продать ему эту собственность. Продажа совершилась особымъ способомъ: отецъ передалъ имущество брату по духовному завѣщанію съ обязательствомъ содержать нашу мать по день ея смерти и съ другими маленькими выплатами. Все имущество пошло въ цѣну 20.000 рублей. Тогда только что возникло городское кредитное общество. При помощи его братъ перестроилъ одинъ домъ, и цѣнность имущества видимо возросла. Братъ чувствовалъ, что своей аферой онъ какъ бы нѣсколько обездолилъ своихъ двухъ братьевъ и младшую сестру. Когда я пріѣзжалъ въ Москву ставить новую пьесу и останавливался у него, онъ часто по вечерамъ приходилъ въ свой кабинетъ, гдѣ я ночевалъ, и старался убѣждать меня, что онъ ничего не выгадалъ.

Но мнѣ было не до объясненій, мои всѣ мысли были на сценѣ Малаго театра, среди моихъ артистовъ, и я съ грубоватостью петербургскаго нигилиста прогонялъ его.

— Поди ты къ чорту,—говорилъ я ему,—какое мнѣ дѣло, получилъ ты тутъ выгоду, или нѣтъ, и обидѣлъ ли когонибудь изъ насъ? Мнѣ надо обдумать хорошенько завтрашнюю репетицію и выпасться, чтобы съ свѣжими силами ею распорядиться.

Братъ дѣйствительно мало выгадалъ отъ своего пріобрѣтенія, но по своей винѣ. Онъ былъ человѣкъ довольно легкомысленный,

любилъ попойки, развѣзды по гостямъ и т. п. и умеръ скоропостижно, истощивъ свое тѣло неправильной жизнью. Имущество осталось въ рукахъ его вдовы и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, обремененныхъ долгами. Вдова взялась за управленіе вновь построенными домами, но это ей совсѣмъ не удавалось. Она была молода, 23-хъ лѣтъ, безъ всякой житейской опытности. Постройка приходила въ упадокъ, квартиры пустѣли, доходъ уменьшался, а между тѣмъ деньги постоянно требовались и для кредитнаго общества и на ремонтъ. Нѣсколько разъ кредитное общество объявляло имущество къ продажѣ; я помогаль, сколько былъ въ состояніи; но было ясно, что такъ дѣло продолжаться не можетъ и когданибудь непременно рухнетъ. Тогда одинъ изъ товарищей брата, тоже инженеръ, Р—скій, предложилъ мнѣ купить имущество у опеки.

— Вамъ,—говорилъ онъ,—это будетъ выгодно потому, что мы заплатимъ вашимъ роднымъ значительно больше, чѣмъ при продажѣ съ аукціона; а мнѣ будетъ выгода въ томъ, что ваши родные, вѣря вамъ, продадутъ намъ имущество не на наличныя деньги, а на векселя.

Чтобы спасти какіянибудь деньги для моей матери и для семейства моего брата, я согласился на эту покупку, хотя скрѣпя сердце: настолько я былъ чуждъ такого рода владѣнія. По счастью, у меня была двоюродная сестра, дѣльная, распорядительная и преданная мнѣ, которая вполне могла замѣнить меня въ общихъ заботахъ съ моимъ компаніономъ.

Цѣнность имущества по смерти брата оказалась тысячъ въ пятьдесятъ, но мы купили его у опеки за семьдесятъ четыре тысячи, почему и Сиротскій судъ, которому подчинены были сироты брата, на эту продажу легко согласился. Такимъ образомъ нежданно-негаданно я сталъ владѣльцемъ недвижимаго имущества. Мы выдали векселя, на которые платили 8⁰/₀, и стали перестраивать наше владѣніе, частью кладя свои накопленные деньги, частью занимая ихъ въ кредитномъ обществѣ. Мать моя переѣхала въ Петербургъ, и только тутъ, въ концѣ 1870-хъ годовъ, я впервые сталъ жить въ своей квартирѣ, съ матерью, а не въ комнатахъ отъ жильцовъ.

Однажды, въ маѣ 1883 г., я пригласилъ къ себѣ поэта Константина Константиновича Случевского и моего пріятеля Иліодора Яновича, чтобъ прочитатъ имъ первые два акта моей новой комедіи: «Городъ упраздняется», написанной на тему, данную мнѣ Случевскимъ.

Я прочиталъ первый актъ, и я самъ и мои слушатели остались имъ вполне довольны. Веселые, смѣющіеся, мы собирались итти завтракать, какъ вдругъ раздался звонокъ, и мнѣ подали телеграмму изъ Москвы. Двоюродная сестра писала: «У насъ былъ большой пожаръ, все сгорѣло до тла, пріѣзжай немедленно». Какъ впослед-

ствии оказалось, мой компаніонъ началъ стройку новыхъ деревянныхъ флигелей; огромный срубъ для двухъэтажнаго дома стоялъ сложенный вчернѣ, и длинныя бороды пакли висѣли по стѣнамъ, время было жаркое, сухое, какой-то рабочій зажегъ спичку, чтобъ закурить папиросу, пакля загорѣлась, и въ одно мгновеніе весь срубъ былъ объятъ пламенемъ; пожаръ былъ такъ силенъ, что пожарные ничѣмъ помочь не могли, и, кромѣ сруба, сгорѣли два совершенно готовые двухъэтажные дома. Все это было очень слабо застраховано; страховая премія вся пошла въ уплату долга кредитному обществу.

Получивъ это извѣстіе, я сразу понялъ, что понесъ убытокъ не въ одинъ десятокъ тысячъ, но такъ какъ я всецѣло былъ настроенъ содержаніемъ моей новой пьесы, то нисколько не смутился телеграммой; мы весело болтали за завтракомъ, также весело послѣ него прочиталъ я второе дѣйствіе и на другой день уѣхалъ въ Москву. Здѣсь я засталъ моего компаніона совсѣмъ убитымъ; пожарище было ужасно, ни печла, ни какихъ либо развалинъ не было видно, только чернѣла отъ угля земля; но мнѣ было весело, я чувствовалъ, что моя комедія удавалась. Я уговорилъ моего компаніона уѣхать мѣсяца на два къ своимъ знакомымъ въ деревню, чтобы оправиться здоровьемъ, а самъ остался въ Москвѣ жить на маленькой квартиркѣ, нанятой подлѣ пожарища, и сталъ принимать бревна для новой стройки въ долгъ, конечно. Для начала мы вложили каждый еще по десяти тысячъ и принялись строить заново. Это въ сущности тяжелое для меня время прошло для меня весьма легко. Отъ постройки я возвращался къ моей комедіи, работа шла живо, увлекательно, и я не чувствовалъ ущерба отъ пожара. Я часто потомъ ставилъ этотъ случай въ примѣръ того, какъ наслажденіе любимымъ трудомъ можетъ спасти отъ всякихъ матеріальныхъ невзгодъ и давать бодрость въ минуту неудачи. Постройка наша была благополучно окончена, но мы оказались завалены долгами. Дохода съ имущества не хватало на уплату въ кредитное общество, мы должны были приплачивать изъ нашихъ сбереженій. Мнѣ это было дѣлать легче, чѣмъ моему компаніону, такъ какъ онъ и основныя десять тысячъ занялъ и уплачивалъ по нимъ большіе проценты. Управление имуществомъ шло неправильно. Мой компаніонъ нерѣдко получалъ съ жильцовъ плату за квартиры и тратилъ на себя эти деньги, записывая ихъ, какъ долгъ общему имуществу; изъ-за этого уплата въ кредитное общество запаздывала, приходилось платить пени, выходили недоразумѣнія и споры между моимъ компаніономъ и моей двоюродной сестрой. Въ виду всего этого мой компаніонъ предложилъ мнѣ одно изъ двухъ: или купить у него его половину имущества или продать ему мою. Конечно, продать пришлось бы въ долгъ, взявши самое имущество въ залогъ. Я зналъ, что

послѣднее мнѣ было бы очень выгодно, такъ какъ мой компаніонъ никогда бы не выплатилъ мнѣ этого долга, и имущество досталось бы мнѣ не въ примѣръ дешевле, чѣмъ при куплѣ его половины, но я зналъ тоже, что такимъ образомъ были бы разорены и мои родные, у которыхъ въ долгъ было куплено имущество, и другіе частные кредиторы моего компаніона.

Кромѣ того, что самый фактъ былъ бы для меня очень тяжелъ, я не избѣгъ бы нареканія, что будто бы воспользовался затруднительнымъ положеніемъ моего компаніона для пріобрѣтенія имущества по болѣе сходной цѣнѣ. Компаніонъ мой былъ фантазеръ, слишкомъ увѣренный въ свои строительныя силы, онъ мечталъ дѣлать новыя перестройки, чего бы, конечно, не осуществилъ. Я рѣшилъ взять на себя тяжелую обузу—купить у моего компаніона его половину и съ нею вмѣстѣ взять на себя всѣ его долги общіе и частные. Имущество тогда компаніонъ оцѣнилъ въ сто тридцать пять тысячъ рублей; хотя къ этому времени были построены новыя большіе флигеля, и количество квартиръ возросло до 16, все-таки эта стоимость была слишкомъ высока. Но мнѣ нельзя было не согласиться на эту сумму. Половинная стоимость, принадлежавшая компаніону, почти вся должна была итти на уплату его долговъ; если бъ я торговался, это пало бы ущербомъ на его кредиторовъ, и опять таки я же былъ бы осужденъ за это. Мое несчастье было въ томъ, что я связался съ легкомысленнымъ компаніономъ, положившись на его архитектурныя познанія въ стройкѣ. Но что дѣлать, это все были области, мнѣ совсѣмъ чуждыя, я весь былъ занятъ моимъ театромъ. Я обязался выплатить шестьдесятъ семь тысячъ, такъ что этотъ домъ легъ великой тяжестью на мой бюджетъ. Но я былъ здоровъ, силенъ, и театральное дѣло шло блистательно. Съ воцареніемъ императора Александра III и съ новой дирекціей императорскихъ театровъ, гонораръ авторскій возросъ втрое, были разрѣшены частные театры, упрочилось Общество драматическихъ писателей. Оно одно приносило мнѣ въ годъ отъ четырехъ до пяти и семи тысячъ рублей, иногда даже больше. Мои процентныя бумаги тоже были удачно куплены въ свое время, капиталъ бумажный уже сталъ давать дивидендъ. Сестра моя управляла домомъ хорошо, долги выплачивались аккуратно при помощи моихъ сбереженій, наконецъ сталъ и домъ приносить доходъ. Въ три года моего управленія русской Петербургской труппой императорскихъ театровъ я получалъ жалованья по восьми съ половиной тысячъ рублей въ годъ. Такимъ образомъ, провладѣвъ домомъ двадцать пять лѣтъ, я упорнымъ трудомъ и аккуратнымъ веденіемъ дѣла погасилъ всѣ долги моего компаніона и мои (въ городское кредитное общество) и очистилъ домъ, коего стоимость теперь не менѣе той, въ какую цѣну я его пріобрѣлъ. Да, кромѣ того, накопилъ я и процентныхъ бумагъ. Я взялъ на

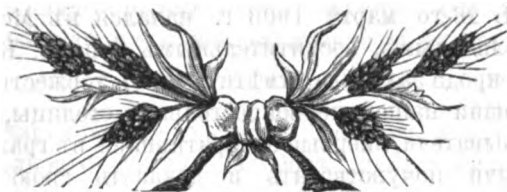
свое попеченіе мою мать, и мы продолжали жить хорошо, не отказывая себѣ ни въ чемъ необходимомъ, но безъ всякихъ излишнихъ тратъ. Моимъ главнымъ удовольствіемъ продолжали быть моя работа и путешествіе за границу. Первая не только не стоила ни копейки, но приносила доходъ, путешествіе стоило недорого, да это была единственная постоянная трата. Въ половинѣ девятыхъ годовъ я внесъ въ кредитное общество остатокъ долга; домъ и я окончательно очистились отъ всякихъ долговъ. Съ тѣхъ поръ и домъ сталъ мнѣ приносить доходъ, съ него сталъ получаться мною чистый доходъ въ три тысячи рублей. И вотъ такимъ путемъ мало-по-малу я обезпечилъ свою старость, могъ выполнить всѣ обязательства, налагаемыя на меня нравственнымъ долгомъ, и оставляю послѣ себя капиталъ (считая стоимость дома и процентныхъ бумагъ) въ двѣсти тысячъ рублей.

Все это завѣщалъ я частью моимъ роднымъ и близкимъ, частью на основаніе въ Петербургѣ школы моего имени, съ двумя стипендіями для особенно выдающихся ея учениковъ, и на премію за лучшее драматическое сочиненіе при С.-Петербургскомъ университетѣ. Выполненіе этихъ послѣднихъ моихъ распоряженій, можетъ быть, нѣсколько затянется изъ-за необходимыхъ формальностей.

Я считалъ нужнымъ набросать эти нѣсколько строкъ о моихъ денежныхъ дѣлахъ, потому что мнѣ отраднo сознавать, что каждая копейка моя была заработана трудомъ; отраднo думать, что и другіе будутъ это знать. Я это не въ похвалѣ себѣ говорю; мнѣ легко было такъ поступать. Въ сущности, при разныхъ невзгодахъ и несправедливыхъ преслѣдованіяхъ, я былъ все-таки очень счастливъ въ моей жизни. Главное, наибольшее счастье мое заключалось въ томъ, что мой трудъ былъ моимъ наслажденіемъ. Я всегда съ жадностью садился за работу, это были однѣ изъ пріятнѣйшихъ минутъ моей жизни. Удовольствіе усиливалось еще и хорошимъ результатомъ, удачей, постояннымъ успѣхомъ. Если бъ со всякимъ человѣкомъ было то же самое, то кто же бы тяготился трудомъ? Лѣнливыхъ и нерадивыхъ не было бы на свѣтѣ. Второе мое счастье было всегдашнее довольство тѣмъ, что я имѣлъ. Я даже всегда, сообразно съ моими потребностями, чувствовалъ излишекъ въ томъ, что доставалось на мою долю. Правда, я не любилъ кутежей, они мнѣ всегда казались очень скучными,—и потому одно время актеры меня считали скупымъ и подсмѣивались надо мной, но когда я поступилъ управляющимъ труппой, они до крайности всѣ удивились, что я не отказывался отъ подписокъ и другихъ расходовъ по сценѣ и оказывался щедрѣе многихъ. Не говорю уже о томъ, что нѣкоторые изъ актеровъ неоднократно брали у меня деньги взаймы.

Мой примѣръ показываетъ, что если умѣешь находить разумныя радости и въ нихъ ищешь себѣ счастье, а не въ потачкѣ пошлымъ страстямъ, литературный трудъ при извѣстныхъ данныхъ, при способности автора, можетъ вполне обезпечить и его жизнь, и его старость. И это тоже я пишу никакъ не въ укоръ тѣмъ моимъ товарищамъ-литераторамъ, которые нерасчетливо тратятъ свое дарованіе, чтобъ расточить свой крупный заработокъ на прожиганіе жизни, вредное и нелѣпое,—отнюдь нѣтъ. Я душевно имъ соболѣваю — горько жалѣю, что они ищутъ себѣ радостей не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и лишены высочайшаго блага любить свое дѣло ради дѣла, а не ради результатовъ, такъ плохо прикладываемыхъ къ жизни, что иной работникъ, начавшій жизнь крупнымъ заработкомъ, кончаетъ ее нищетой.

Викторъ Крыловъ.

ОКОЛО ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ УРНЪ.

(Изъ наблюденій очевидца).

ЕНЬ 26-го марта 1906 г. начался въ Москвѣ яснымъ, солнечнымъ, восхитительнымъ утромъ. Казалось, сама природа захотѣла отмѣтить этотъ торжественный день въ жизни нашей первопрестольной столицы, когда простые обыватели, впервые превратившись въ гражданъ, должны были почувствовать и доказать свою политическую зрѣлость. И надо отдать полную справедливость москвичамъ-избирателямъ, даже самымъ «сѣрымъ» изъ нихъ, — они шли исполнять свой гражданскій долгъ передъ родиною съ сознаниемъ громадной отвѣтственности лежавшей на нихъ задачи. Объ этомъ свидѣтельствовали ихъ серьезныя, молчаливо-сосредоточенныя лица, въ то время какъ они медленно, шагъ за шагомъ, строго соблюдая очередь, подходили къ столамъ, за которыми члены избирательныхъ комиссій принимали отъ нихъ бюллетени. Порядокъ всюду царилъ образцовый: полиціи совсѣмъ нечего было дѣлать, и она какъ-то сконфуженно ступевалась.

— Посмотримъ, что-то скажетъ наша Москва! — слышалось въ этотъ день со всѣхъ сторонъ.

Всѣ почему-то ожидали, что выборы въ Москвѣ дадутъ совершенно иные результаты, нежели въ Петербургѣ, гдѣ конституціоналисты-демократы («кадеты») одержали верхъ надъ правыми партіями; думали, что старушка Бѣлокаменная, вѣрная традиціямъ старины и «исконнымъ началамъ», непремѣнно скажетъ свое слово, которое, исходя изъ самаго сердца Россіи, и должно считаться «истинно-русскимъ».

Однако и въ Москвѣ «кадеты» не дремали. Они бойко вели агитацию во всѣхъ избирательныхъ участкахъ, энергіей и искусствомъ значительно превосходя своихъ противниковъ, такъ называемыхъ «октябристовъ», т.-е. членовъ «Союза 17-го октября» и торгово-промышленной партіи, объединившихся въ одинъ союзный блокъ. Съ ранняго утра 26-го марта ихъ агитаторы, съ зелеными значками «партіи народной свободы» въ петлицахъ, бѣшено мчались на лихачахъ, развозя во всѣ концы города «агитационную литературу»: программы, воззванія, бюллетени и проч. Это была преимущественно учащаяся молодежь, сознательно и самоотверженно работавшая на пользу партіи, въ противоположность наемнымъ агитаторамъ отъ «блока», морально ничуть не заинтересованнымъ въ успѣхѣхъ своей пропаганды. Послѣднихъ можно было сразу отличить даже по внѣшнему облику,—по выцвѣтшимъ, старенькимъ пальто, по сапогамъ «бутылками», по грубымъ манерамъ. Большинство изъ нихъ, обладая зычнымъ голосомъ, старалось, что называется, «взять глоткой», тогда какъ агенты конституціонно-демократической партіи весьма искусно умѣли воздействовать на психику избирателей, индивидуализируя cadaго изъ нихъ въ отношеніи приемовъ агитации: быстро оцѣнивъ кліента по внѣшности, «кадетъ» или «кадетка» говорили ему какъ разъ то, что нужно было сказать въ данный моментъ.

Обозрѣніе картины московскихъ выборовъ я началъ съ Тверского избирательнаго участка, наиболѣе центрального и интеллигентнаго по своему составу. Огромный вестибюль думы, ея великолѣпная лѣстница и коридоръ по направленію къ Малому залу и самый этотъ залъ кишмя кишѣли агитаторами. Кругомъ стоялъ невообразимый гомонъ. Въ ухахъ то и дѣло раздавалось: «Партія народной свободы! Союзъ 17-го октября! Граждане! голосуйте за партію народной свободы!»

Я сразу почувствовалъ себя атакованнымъ со всѣхъ сторонъ и съ трудомъ протискивался сквозь толпу юнцовъ и барышень, совавшихъ мнѣ въ руки «партійную литературу».

— Граждане! тщательно провѣряйте списки кандидатовъ партіи народной свободы... Остерегайтесь поддѣлокъ! — басилъ какой-то юный студентикъ, перебѣгая изъ одного мѣста въ другое.

— Граждане! провѣряйте списки! Берегитесь обмана!—вторилъ ему звонкій женскій госось.

Оказалось, какъ я потомъ узналъ, «кадетами» была перехвачена масса конвертовъ «народной свободы», гдѣ были вложены списки кандидатовъ другихъ партій; впоследствии же обнаружили еще болѣе ловкую штуку: на столъ «народной свободы» въ Маломъ залѣ кѣмъ-то весьма искусно была подложена кипа «смѣшанныхъ» бюллетеней, гдѣ только первыя три или четыре фамиліи были «кадет-

скія». Это обстоятельство произвело среди «кадетовъ» большой переполохъ, и они тотчасъ же принялись громогласно предупреждать избирателей, что «купцы плутуютъ».

Наконецъ, я—у самой лѣстницы, — и тутъ агитаторы, они выстроились въ двѣ шеренги, и нѣтъ никакой возможности спастись отъ ихъ печатныхъ листовъ, которые приходится машинально разсовывать по карманамъ и спѣшить подниматься вверхъ, стараясь не оглядываться по сторонамъ, а то сейчасъ же задержать и снабдить новымъ бумажнымъ балластомъ.

На верху опять препятствіе, и притомъ самаго неожиданнаго свойства: двѣ очаровательныя барышни, брюнетка и блондинка, раздаютъ газеты.

— «Путь», сегодняшній номеръ, бесплатно!—мило выкрикиваетъ одна изъ нихъ нѣжнымъ, звонкимъ голоскомъ.—Прочитайте воззваніе партіи народной свободы!

— Граждане!—воскликаетъ другая барышня.— Берите сегодняшній номеръ «Народнаго дѣла», берите бесплатно!

Обѣ барышни имѣютъ колоссальный успѣхъ: избиратели всѣхъ возрастовъ и положеній такъ и льнутъ около нихъ, газеты разбираются живо.

— Ну, и молодцы же кадеты!—замѣчаетъ пожилой господинъ, безцеремонно разглядывая обѣихъ красавицъ.— Хорошую выставили приманку! Этакія двѣ штучки всякаго въ кадеты превратятъ, даже самого Грингмута!

Кругомъ послышался смѣхъ: острота понравилась.

Иду дальше. Вотъ и Малый думскій залъ. Здѣсь цѣлое вавилонское столпотвореніе: крикъ, шумъ, гамъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ ораторствуютъ, раздаются аплодисменты; передъ урнами длинные хвосты избирателей.

Всѣ урны одинаковаго образца. Онѣ сдѣланы въ видѣ четырехугольной тумбы изъ ясеневаго дерева, съ прорѣзомъ на верху, съ боковой поднимающейся стѣнкой, на которой изображенъ гербъ города Москвы. Такихъ урнъ нѣсколько.

Каждый избиратель подходитъ сначала къ столу, гдѣ, назвавъ свою фамилію, передаетъ одному изъ членовъ комиссіи входный билетъ; этотъ членъ, отыскавъ предварительно фамилію избирателя въ спискѣ и вычеркнувъ ее тамъ, ставитъ на билетѣ штемпель: «личность удостовѣрена»; послѣ этого избиратель подходитъ къ избирательной урнѣ, передаетъ стоящему тутъ другому члену комиссіи свой билетъ вмѣстѣ съ бюллетенемъ, и бюллетень опускается въ ящикъ,—вотъ и вся процедура выборовъ.

Пока я наблюдалъ эту картину, неожиданно произошелъ слѣдующій инцидентъ. У самаго входа въ залъ «блокеры» вывѣсили огромный плакатъ: «не голосуйте за представителей конституціонно-демократической партіи: если они возьмутъ верхъ, то это грозитъ

распаденіемъ Россіи». Кадеты немедленно вывѣсили рядомъ опроверженіе: «не вѣрьте, граждане: все, что говорится здѣсь о партіи народной свободы! — ложь и клевета». Около плакатовъ поднялся шумъ. Особенно неистовствовалъ одинъ изъ «торговопромышленниковъ», широкоплечій дѣтина, ростомъ въ косую сажень.

— Пр-равильно написано! Отъ кадетовъ все зло: ежели они верхъ возьмутъ—Россіи не сдобровать...

— Совершенно вѣрно,—поддержалъ его товарищъ, повидимому, изъ мелкихъ торговцевъ: — потому эти самые кадеты за жидовъ стоятъ...

— Бить ихъ надо, сукиныхъ дѣтей!—гаркнулъ дѣтина, сердито сверкнувъ своими большими буркалами.—Ежели бъ я былъ губернаторомъ, я бы ихъ штыками разогналъ,—честное слово!

Въ разговоръ вмѣшался сѣденькій, небольшого роста старичокъ, полунинтеллигентнаго вида.

— Я не знаю, какой изъ васъ вышелъ бы губернаторъ,—ядовито замѣтилъ онъ дѣтинѣ,— а городской получился бы хорошій!

И онъ смѣрилъ дѣтину насмѣшливымъ взглядомъ съ головы до пятъ. Тотъ вломился въ амбицію.

— А ты чего лѣзешь, ежели съ тобой не разговариваютъ? — огрызнулся онъ.—Проваливай своей дорогой!

Старикъ вспыхнулъ.

— Во-первыхъ, вы не смѣете обращаться ко мнѣ на «ты», — громко отчеканилъ онъ, — я вамъ не свать и не братъ... Это нахальство!

— Ишь, ты... баринъ какой! Кадеты!—презрительно кинулъ ему въ отвѣтъ дѣтина и отвернулся отъ него.

Вскорѣ плакаты обратили на себя вниманіе членовъ избирательной комиссіи и, по распоряженію предсѣдателя, признавашаго ихъ неумѣстными, были сняты со стѣны. Не знаю, чѣмъ кончился происшедшій изъ-за нихъ конфликтъ, потому что я поспѣшилъ покинуть думу и направился въ другіе участки.

Было около полудня, когда я подѣхалъ къ огромному зданію Политехническаго музея, гдѣ происходили выборы по Мясницкой части. Агенты конституціонно-демократической партіи вели здѣсь чрезвычайно дѣятельную агитацію.

— Граждане, голосуйте за партію народной свободы!—кричатъ въ вестибюль сразу нѣсколько голосовъ.

— Граждане, провѣряйте списки, они невѣрны, въ нихъ подлогъ!—вторили имъ другіе.

— За вѣру, за царя! — выкрикиваетъ монархистъ и тутъ же прибавляетъ:—не голосуйте за евреевъ!

— Голосуйте за тѣхъ, кто стоитъ за цѣлость Россіи, кто за царя!—поддерживаетъ его товарищъ, обводя публику мутными глазами; походка у него нетвердая, слегка надтреснутый голосъ дрожить.

— Граждане, провѣряйте списки народной свободы: «октябристы» учинили подлогъ!—звучнымъ теноркомъ провозглашаетъ черно-волосый студентъ съ закрученными кверху маленькими усиками.

Немедленно подлетаютъ къ нему два «октябриста», изъ коихъ одинъ длиннополый. Лица у нихъ красныя, точно они изъ бани вышли.

— Какой такой подлогъ?—обиженнымъ тономъ замѣчаетъ длиннополый.—Пожалуйста, такъ не выражайтесь!

— Такъ нельзя выражаться!—поддерживаетъ его другой октябристъ, болѣе интеллигентнаго вида.

— По-вашему нельзя такъ выражаться! А подлогъ можно дѣлать?—усмѣхнувшись, обрываетъ студентъ и съ презрѣніемъ поворачивается къ нимъ спиной.

«Октябристы» очень разобижены и, крѣпко ругнувшись, отходя отъ студента; длиннополый дѣлаетъ даже угрожающій жестъ по адресу противника и энергично сплевываетъ на полъ.

Вскорѣ происходитъ другой инцидентъ. Приходитъ какой-то священникъ, къ нему подлетаетъ миловидная барышня-«кадетка» и суетъ ему въ руки «литературу» партіи. Тотъ, молча, принимаетъ ее, но, пробѣжавъ глазами одинъ изъ листковъ, возгорается такимъ искреннимъ, неподдѣльнымъ негодованіемъ, что моментально разрываетъ въ клочки всю «литературу» и нѣсколько разъ съ прекомичнымъ ожесточеніемъ отплевывается.

А въ это время, въ другомъ концѣ вестибюля, вдругъ раздаются шумныя, продолжительныя рукоплесканія. Это привѣтствуютъ двухъ главныхъ вожаковъ конституціонно-демократической партіи, Милюкова и Гессена, пріѣхавшихъ въ Москву «на гастроліи». Ихъ тотчасъ же окружаетъ цѣлая толпа «кадетовъ» и «кадетокъ», нѣтъ никакой возможности подойти къ нимъ близко, и едва слышно, что они говорятъ, по крайней мѣрѣ, до моего слуха долетаютъ лишь обрывки фразъ,—Гессенъ говоритъ громче, но общей связи въ его рѣчи все же никакъ нельзя уловить.

Отхожу разочарованнымъ и уже безпокойно поглядываю на часы. Медлить нельзя: впереди еще много дѣла.

— Куда ѣхать-то?—спрашиваетъ возница.

— Катай на Домниковскую!

Здѣсь въ училищномъ зданіи происходили выборы по двумъ частямъ: Мѣщанской и Срѣтенской.

Вотъ пронесся мимо насъ лихачъ. У него зеленая лента черезъ плечо, а на ней крупная надпись: «партія народной свободы».

— Ишь, какой ряженный!—усмѣхнулся мой возница.—Точно на святкахъ! Дѣлать нечего господамъ-то!—закончилъ онъ сентенціозно.

При поворотѣ въ Скорняжный переулочекъ моимъ глазамъ представилась такая картина: весь дворъ училищнаго зданія былъ сплошь усыянъ обрывками газеты «Русскій Голосъ» и бюллетеней блока. Очевидно, что это было дѣло рукъ «кадетовъ», уничтожавшихъ ненавистную имъ «литературу».

Вхожу во дворъ. У подъѣзда и на лѣстницѣ зданія цѣлая толпа агитаторовъ всевозможныхъ ранговъ и оттѣнковъ: тутъ и «кадеты», и «блокисты», и члены «Союза русскихъ людей», и даже хоругвеносцы. Всѣ они орудуютъ не за страхъ, а за совѣсть. Гулъ стоитъ неумолчный.

Между прочимъ, наблюдаю любопытную сцену. Къ одному избирателю предупредительно подбѣгаетъ юркій «блокистъ» и суетъ ему въ руку листокъ:

— Возьмите бюллетень торгово-промышленной партіи, голосуйте за ея кандидатовъ!

Избиратель досадливо отмахивается отъ него, какъ отъ назойливой мухи, и идетъ впередъ. Тогда «блокистъ» нагоняетъ его снова и, протягивая тотъ же самый листокъ, говоритъ:

— Возьмите бюллетень партіи народной свободы, провѣренный, безъ обмана!

Избиратель беретъ бюллетень и, не читая, кладетъ его въ карманъ. И—какъ знать?—быть можетъ, онъ опустилъ его потомъ въ урну по разсѣянности. По крайней мѣрѣ, я слышалъ, что нѣчто въ этомъ родѣ произошло въ другомъ участкѣ. Одинъ замоскворѣцкій купецъ, пока подходилъ къ урнѣ, всѣ карманы набилъ себѣ «партійной литературой», и въ самый рѣшительный моментъ подалъ вмѣсто монархическаго «кадетскій» бюллетень. Говорятъ, что онъ долго потомъ ругался и требовалъ, чтобъ ему вернули записку обратно.

Я уже собирался уходить, когда мимо меня два дюжихъ парня пронесли на рукахъ безногаго, разбитаго параличемъ старца лѣтъ 80-ти. Старецъ блаженно улыбался, его тусклые, кроткіе глаза сіяли безконечнымъ торжествомъ, точно онъ явился праздновать одну изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ горячо любимой родины.

— Дождались, дождались свѣтлаго дня... Слава тебѣ, Господи!—шамкалъ онъ беззубымъ ртомъ, крестясь и какъ-то порываясь впередъ всѣмъ тѣломъ.

Когда его поднесли къ урнѣ, то онъ подалъ бюллетень,—какъ я узналъ потомъ,—партіи «народной свободы», держа его обѣими дрожащими руками, какъ святыню, и со слезами на глазахъ сказалъ:

— Голубчики! 80 лѣтъ я дожидался этого счастливаго дня... Теперь я могу спокойно умереть!

Появленіе этого старца произвело на всѣхъ присутствующихъ глубокое впечатлѣніе. Говорили потомъ, что нѣсколько человѣкъ изъ партіи «блока», узнавъ, что старецъ «голосовалъ за народную свободу», раздобыли себѣ «кадетскіе» бюллетени и... неожиданно стали ренегатами.

Слѣдующимъ этапомъ въ моихъ скитаньяхъ по Москвѣ былъ Басманный участокъ, пріютившійся въ александровскомъ коммерческомъ училищѣ на Старой Басманной. Здѣсь вся агитація была сосредоточена у деревянныхъ мостковъ, проложенныхъ отъ воротъ къ училищу по невылазной грязи на дворѣ. Публика здѣсь сѣрая, преобладаютъ агитаторы изъ «октябристовъ», артельщики, «молодцы» и разные другіе «люди» въ кавычкахъ.

На лѣстницѣ обращаютъ на себя вниманіе огромные, широко-вѣщательные плакаты,—почти всѣ отъ «блока». Это какія-то коленкоровыя (въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова!) простыни, съ которыми, конечно, не могутъ состязаться въ прочности обыкновенные бумажные плакаты «кадетовъ».

Но «кадеты» только посмѣиваются.

— Наша бумага прочнѣе коленкора будетъ!—заявляютъ они съ увѣренностью.

— Посмотримъ, чья возьметъ!—отвѣчаютъ «октябристы», предвкушая побѣду, въ которой они, повидимому, не сомнѣваются.

Дѣйствительно, ихъ много въ этомъ участкѣ, и они прекрасно сплочены. Ихъ агитаторы дѣйствуютъ смѣло, рѣшительно, берутъ быка прямо за рога. Замѣтивъ избирателя съ бюллетенемъ «народной свободы», агентъ «блока» тотчасъ же къ нему подскакиваетъ и начинаетъ его усовѣщивать:

— Помилуйте! что вы дѣлаете? За кого подаете?!

— За кого надо, за того и подаю!—рѣзко отвѣчаетъ иной избиратель.

«Блокистъ» не унимается.

— Кадеты—первые враги Россіи,—продолжаетъ онъ,—они хотятъ привести ее къ гибели, раздѣлить ее, продать жидамъ...

Если избирателя можно отнести по виѣшности къ какомунибудь ремесленному цеху, агитаторъ «блока» пробуетъ поиграть на другой стрункѣ.

— Послушайте, милый человѣкъ,—начинаетъ онъ,—если вы будете голосовать за кадетовъ, то сами себѣ выроете яму: кадеты разорятъ васъ забастовками, они пустятъ васъ по міру съ вашими семьями... Это—безбожники, революціонеры... Попробуйте только выбрать ихъ въ думу, вы безъ работы будете сидѣть, вы будете

голодать и холодать... Вот вам бюллетень,— берите! Здѣсь выставлены всѣ наши лучшіе кандидаты...

Послѣ нѣкотораго раздумья избиратель принимаетъ бюллетень, и «блокистъ» торжествуетъ побѣду.

Когда я поднимался по лѣстницѣ, меня настигъ какой-то господинъ въ темныхъ очкахъ и съ растрепанной прической. Видѣ у него былъ дикій, и я подумалъ, что это, вѣроятно, «истинно русскій человѣкъ». Дѣйствительно, онъ, не говоря ни слова, сунулъ мнѣ въ руку бюллетень, отмѣченный на верху осьмиугольнымъ крестомъ, изъ чего я уже могъ смѣло заключить, что это былъ агентъ «монархической партіи», и побѣжалъ дальше, не давъ мнѣ опомниться ни одной секунды.

А въ это время съ верхней площадки лѣстницы раздавались окрики членовъ избирательной комиссіи:

— Тише, тише! Нельзя же такъ шумѣть!

Любезно принявъ на себя исполненіе полицейскихъ обязанностей, гг. члены осаживали такимъ образомъ не въ жѣру раскодившихся внизу агитаторовъ.

Ѣду въ Лефортово. Это—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ участковъ. Народный домъ на Введенской площади—главная цитадель «октябристовъ». Здѣсь кипитъ страстная, ожесточенная борьба партій, здѣсь орудуетъ самъ лидеръ «Союза 17-го октября», А. И. Гучковъ. Онъ сидитъ около одного изъ двухъ избирательныхъ ящиковъ. Говорили, что онъ сильно сомнѣвался въ побѣдѣ «блока»; но видѣ у него совершенно спокойный: какъ истинный европеецъ, онъ отлично умѣетъ владѣть собой.

Самая страстная агитація идетъ на улицѣ, передъ Народнымъ домомъ. Огромная толпа разбилась на группы, въ которыхъ кипятъ горячіе споры. Между «кадетами» и «октябристами» въ одномъ мѣстѣ происходитъ ожесточенная схватка. Какой-то «молодецъ» изъ мелкихъ лавочниковъ особенно горячится и размахиваетъ руками.

— Скажите на милость, почему такое я долженъ по-заграничному жить, коли я—русскій человѣкъ? Дѣды не глупѣе насъ были, а жили по-своему, не обезьянничали,—значитъ, и намъ нечего у себя заграничные порядки заводить, безъ нихъ проживемъ... Что у насъ умныхъ людей, что ли, нѣтъ?

— Какъ не быть? Есть и у насъ умные люди,— отвѣчаетъ ему собесѣдникъ, по внѣшнему виду, мастеровой,—только они больше по тюрьмамъ сидятъ.

Въ публикѣ слышится смѣхъ. «Молодецъ» горячится еще больше.

— Отъ этихъ умниковъ вашихъ добрымъ людямъ житья нѣтъ—вотъ что! Они и дураковъ-то всѣхъ перебаламутили... Бра-

тишка у меня меньшей, въ школу еще бѣгаетъ, а тоже баррикады строилъ, съ дружинниками компанію водилъ...

Въ разговоръ неожиданно вмѣшивается новое лицо неизвѣстной профессіи, съ виду полуинтеллигентъ: на немъ старенькое, порыжѣвшее пальто, изъ-подъ воротника котораго виднѣется грязный воротничекъ накрахмаленной рубашки.

— Ну, такъ что жъ, что велъ компанію съ дружинниками?— началъ «полуинтеллигентъ» съ большимъ задоромъ.— Все лучше, чѣмъ съ черной сотней-то якшаться!

— А съ какой такой черной сотней?—позвольте васъ спросить!—вскипѣлъ «молодецъ».—Кого это вы такъ величаете-съ?

— Кого? Вашу партію! Всѣхъ, которые противъ народной свободы, которые думаютъ, что народъ можно воспитать при помощи казацкой нагайки, вотъ кто—черная сотня!

— Ну, а вы—красная сотня!—выпалилъ «молодецъ», окончательно обзовлившись на своего противника.—Мы за вѣру и за царя стоимъ, а вы за жидовъ... Не кадеты вы, а революціонеры!

Къ спорящимъ подходитъ чуйка и вставляетъ свои замѣчанія:

— Правильно сказано! Отъ этихъ самыхъ кадетовъ для Расеи погибель... Вонъ теперьча губернатора Слѣпцова убили,—черезъ кого? Все черезъ нихъ же, черезъ кадетовъ...

— Вѣрно, вѣрно!—послышалось сразу нѣсколько голосовъ.— Выслать ихъ нужно, мерзавцевъ!

Началась перебранка между отдѣльными лицами, быстро переходя въ отборнѣйшую ругань. Поднялся невообразимый шумъ, кое-гдѣ начиналась драка...

Пришлось покинуть Лефортово подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ.

Отсюда я сдѣлалъ большой перегонъ, исколесивъ, по крайней мѣрѣ, полъ-Москвы, и очутился въ зданіи Мирового съѣзда, гдѣ происходили выборы по Якиманской части. Здѣсь преобладала «сѣрая» публика, среди которой такъ и шныряли агенты блока. Нѣкоторые изъ нихъ обращались съ избирателями крайне безцеремонно. Я, наприимѣръ, былъ свидѣтелемъ, какъ «блокистъ» схватилъ за плечи одного избирателя, одѣтаго въ длиннополый кафтанъ, и потащилъ его къ окну.

— Видишь, — указалъ онъ ему на храмъ Спасителя, — если партія народной свободы одержитъ верхъ, то въ этомъ храмѣ будетъ еврейская синагога!

Запуганный такимъ предсказаніемъ избиратель постѣшилъ, разумѣется, отречься отъ всякой народной свободы и признать себя сочувствующимъ партіямъ союзнаго блока.

Другой агитаторъ почему-то неизмѣнно повторялъ одну и ту же нелѣпную фразу: «Если въ Сибирь желаете, голосуйте за партію

народной свободы!» Съ нимъ, между прочимъ, произошелъ на моихъ глазахъ такой инцидентъ. Проходить мимо него молодой еще парень на костыляхъ: у него отрѣзана правая нога. «Блокистъ», какъ попугай, произноситъ свою фразу. Вдругъ парень останавливается и бросаетъ на него негодующій взглядъ.

— Я за народную свободу, — громко отчеканиваетъ онъ. — Что? Взять? Вотъ тебѣ и Сибирь!

Послѣ нѣкоторой паузы онъ прибавилъ:

— Въ Сибирь-то, знаешь, кто долженъ пойти? Тѣ, которые довели Россію до позора, которые разорили ее, которые погубили тысячи невинныхъ жертвъ.

Меня заинтересовала интеллигентная рѣчь этого парня, по внѣшности, простолюдина, и, улучивъ потомъ удобный моментъ, я съ нимъ заговорилъ. Оказалось, что это былъ фабричный рабочій, окончившій начальную школу. Во время декабрьскаго возстанія въ Москвѣ ему оторвало ногу осколкомъ гранаты, — и вотъ онъ сталъ калѣкою и лишился заработка. Бѣднягѣ нечѣмъ было бы существовать съ большой семьей, если бы не заботился о немъ одинъ благотворитель, назначившій ему ежегодную пенсію. Кое-какъ онъ перебивался, не прося милостыни, и чтеніе сдѣлалось теперь его любимымъ занятіемъ. Онъ читалъ рѣшительно все, что попадалось ему подъ руку, но особенно восхищался Максимомъ Горькимъ, въ которомъ видѣлъ нѣчто родственное себѣ по духу.

Было уже около 8 часовъ вечера, когда я, разгуливая по Москвѣ и наблюдая картину выборовъ, вспомнилъ, что не успѣлъ еще осуществить своего собственнаго избирательнаго права. До окончанія выборовъ оставалось не болѣе часу, и я долженъ былъ поспѣшить на Міусскую площадь, гдѣ въ огромномъ училищномъ зданіи происходили выборы по Суцшевскому участку, въ которомъ я былъ записанъ.

На площади и на дворѣ передъ домомъ — изрядная толпа. Агитаторы такъ и снуютъ. Одинъ еврей усердно предлагаетъ мнѣ газету «Путь» и бюллетень партіи народной свободы, но я отказываюсь, такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ не нуждаюсь. Вхожу въ вестибюль и поднимаюсь по лѣстницѣ. Здѣсь уже какая-то барышня суетъ мнѣ все тотъ же неизмѣнный «Путь» и опять «кадетскій» бюллетень.

— Не нужно, — говорю, — у меня есть!

— Возьмите еще! — нѣжно звучитъ дѣвичій голосокъ.

Дѣлать нечего: беру лишній бюллетень и кладу его въ карманъ. Потомъ поднимаюсь выше и совершаю все то, что отъ меня требуется по части выборной процедуры.

Среди членовъ комиссіи встрѣчаю нѣсколько знакомыхъ лицъ. Вотъ бывший товарищъ городского головы, И. А. Лебедевъ, монархистъ pur sang. Онъ сосредоточенно-угрюмъ и мраченъ: видно, что сердце его чувствуетъ недоброе.

— Ну, что, Иванъ Алексѣевичъ, плохо?—спрашиваю его.

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

А вотъ «октябристъ» и профессоръ Д. Н. Головинъ. Этотъ тоже сидитъ за столомъ, какъ въ воду опущенный. Я успѣлъ перекинуться съ нимъ двумя-тремя словами и увидѣлъ, что онъ самъ относится къ своимъ шансамъ попасть въ выборщики болѣе, чѣмъ скептически, вѣрнѣе даже, потерялъ всякую надежду на это.

Далѣе встрѣчаюсь съ милѣйшимъ И. П. Чеховымъ, братомъ Анто́на Павловича. У И. П. лицо сияетъ радостью.

— Побѣда кадетовъ несомнѣнна, — объявляетъ онъ съ торжествующей улыбкой. — Теперь это окончательно выяснилось: кадетовъ будетъ не менѣе восьмидесяти процентовъ!

— Однако! Это въ черносотенномъ-то участіи? — выразилъ я удивленіе.

— Вотъ подите же! Нельзя было ожидать... Много здѣсь перебывало всякаго народа, глазъ наметался достаточно, а все-таки приходится ошибаться на каждомъ шагу. Иного избирателя, кажется, безошибочно можно опредѣлить: видъ свирѣпый, волосы рыжіе, исключенные, — навѣрное, думаешь, либо монархистъ, либо «погромныхъ дѣлъ мастеръ»... Смотрите, а онъ подаетъ кадетскій бюллетень...

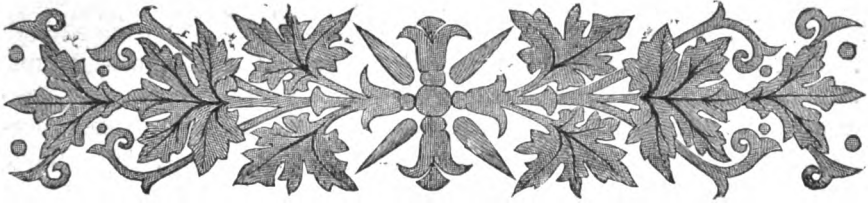
— А вы почему знаете, что кадетскій? Развѣ это видно?

Иванъ Павловичъ улыбнулся.

— Не видно, но на оцупъ можно сейчасъ же различить: кадетскіе бюллетени мягкіе, у октябристовъ они немного жестче, а монархистскіе бюллетени совсѣмъ шершавые.

Блестящая побѣда партіи народной свободы въ Москвѣ стала извѣстна на другой день вечеромъ: всѣ сто шестьдесятъ выборщиковъ оказались «кадетами». Вме́стѣ съ тѣмъ выяснилось, что болѣе 80% общаго числа избирателей воспользовались своимъ избирательнымъ правомъ, такъ что въ этомъ отношеніи старая «салопница» Москва значительно опередила молодой, культурный Петербургъ, гдѣ къ избирательнымъ ящикамъ явилось всего только 62 процента.

Князь Б. А. Щетининъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ПОГИБШИХЪ ТАЛАНТОВЪ.

В ТО ВРЕМЯ, какъ въ подвалахъ города Казани выковывались подъ тяжелымъ молотомъ нужды таланты-самородки: А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горькій) и Ѳ. И. Шалапинъ, когда студенчество зачитывалось въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» рассказами Е. Чирикова, въ родѣ «Капрала», выдвигая изъ своей среды новаго беллетриста, г. Телешева, въ мокринскихъ трущобахъ бился въ предсмертныхъ конвульсіяхъ даровитый композиторъ, Викторъ Никандровичъ Пасхаловъ, авторъ извѣстнаго романса «Дитятко», «Пѣсни о рубашкѣ» и оперы «Первый винокуръ». Въ семидесятыхъ годахъ въ музыкальномъ мірѣ много говорили о молодомъ талантливомъ композиторѣ Пасхаловѣ, предсказывали ему блестящую будущность, но потомъ замолчали и лишь изрѣдка, когда въ программѣ какого нибудь концерта стоялъ романсъ этого композитора, вспоминали съ сожалѣніемъ о безвременной гибели послѣдняго, а большинству представителей новаго поколѣнія это имя едва ли даже и говорить что нибудь.

Зимой 1886 г., будучи студентомъ, я увлекался «трущобнымъ паломничествомъ» — посѣщеніемъ знаменитыхъ казанскихъ «мокринскихъ» трущобъ. Товарищемъ моимъ въ этихъ экскурсіяхъ былъ студентъ Г-къ. Отправляясь въ странствованіе, мы одѣвались соотвѣтствующимъ образомъ: рваное пальтишко, парусиновыя обтрепанныя брюки, стоптанныя валенки, рваный татарскій малахай составляли нашъ босяцкій костюмъ. Въ припрыжку, подгоняемые

20 — 25-градуснымъ морозомъ, мы добирались до Мокрой улицы, заходили въ одинъ изъ трактировъ и тамъ на нѣсколько часовъ сливались съ постоянными обитателями труппы, наблюдая ихъ горемычное существованіе и болѣя душой за гибель человѣка. Чаще всего мы бывали въ трактирѣ Подвывайлова. Огромный, грязный, сырой подвалъ всегда былъ полонъ самыми разнообразными типами босяцкого міра. Тутъ можно было встрѣтить и безногаго Сидорку, ежедневно истерическимъ голосомъ взывавшаго у Пассажа къ сердцу прохожихъ, и татарина Абдулку, шарившаго по карманамъ зазѣвавшихся покупателей, и эксъ-студента Р., подстерегавшаго въ опоркахъ на босу ногу въ трескучій морозъ «коллегъ» около университета, чтобы выпросить на ночлегъ 3 копейки, и бывшаго учителя-математика одной изъ мѣстныхъ гимназій, слывшаго въ труппахъ за «аблаката». Словомъ, трактирѣ Подвывайлова являлся «клубомъ знаменитостей», какъ называлъ его студентъ Р.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, когда мы сидѣли за отдѣльнымъ столомъ и время отъ времени, чтобы не возбуждать среди завсегдатаевъ подозрѣнія насчетъ нашей босяцкой фальсификаціи, прикладывались къ рюмкамъ, въ трактирѣ вбѣжалъ скрюченный, весь посинѣвшій отъ холода, новый, до этого нами не замѣчаемый, посѣтитель. Эксъ-студентъ громко его привѣтствовалъ:

— А, г. композиторъ, солистъ, скрипистъ и нигилистъ... Что давно не былъ? Или по стезѣ добродѣтели заскучалъ? А?..

— Оставь, паяць...—хрипло проговорилъ вошедшій и сталъ разсматривать публику.

Мы съ любопытствомъ остановили на немъ свои взоры, что, вѣроятно, не ускользнуло отъ вниманія Р., и онъ подбѣжалъ къ намъ.

— Г.г. кандидаты въ члены нашего клуба, позвольте познакомиться васъ съ знаменитымъ композиторомъ Пасхаловымъ. Вы, вѣроятно, въ болѣе счастливые дни вашей жизни, когда имѣли возможность каждый день обѣдать и были причастны къ студенчеству (мы числились подъ рубрикой «бывшіе студенты»), слышали романсъ «Дитятко»—это вотъ его музыка... Желаете познакомиться? Интересный типъ...

Зная прекрасно, изъ-за чего хлопочетъ Р., мы, тѣмъ не менѣе, были рады поближе посмотрѣть на Пасхалова, имя котораго намъ было хорошо извѣстно. Композиторъ молча пожалъ наши руки и грузно сѣлъ на лавку, а эксъ-студентъ помѣстился противъ него. Новые компаніоны не утруждали насъ насчетъ церемоніи угощенія, и скоро наша полбутылка была выпита, а на ея мѣсто появилась уже цѣлая бутылка. Эксъ-студентъ все время безъ умолку болталъ всякій вздоръ, кривляясь и громко хохоча, а Пасхаловъ пилъ молча, съ какимъ-то мрачнымъ ожесточеніемъ.

— Слушай, г. композиторъ, что ты глотаешь сіе зелье, точно лѣкарство? Это — свинство. Ты долженъ помнить, что сіе есть веселье, а потому хохочи, пой, пляши и кувыркайся.

Паскаловъ взглянулъ на него своими выцвѣтшими глазами, нервно передернулъ плечами и хрипло заговорилъ:

— Ты правъ, г. эксъ-студентъ, профессорскій отпрыскъ, надо плясать и пѣть,—легче бываетъ; ну, а если вмѣсто этого душа рыдать хочетъ?

— Ну, и рыдай, чортова скрипка... А, впрочемъ, лучше спой намъ своего «Дитятко».

— Отстань...

Мы удивились этой неожиданной просьбѣ, такъ какъ намъ казалось положительно невѣроятнымъ, чтобы хриплый простуженный голосъ могъ издать что нибудь положее на пѣніе. Поэтому мы не поддержали Р. Паскаловъ опустилъ отяжелѣвшую голову на руки и погрузился въ безмолвное созерцаніе стоявшей передъ его глазами бутылки. Мы тоже молчали, отдавшись своимъ думамъ. Эксъ-студентъ тихо затанулъ:

«Ди-тятко, милость Господня съ тобой»...

Паскаловъ вздрогнулъ, поднялъ голову и, вперивъ взоръ въ грязный потолокъ комнаты, сиплымъ голосомъ зашѣлъ:

«спи, ненаглядный ты мой»...

Р. замолчалъ, а Паскаловъ продолжалъ пѣть, съ каждой нотой воодушевляясь. Глаза его заблестѣли, лицо покрылось красными пятнами, грудь высоко вдымалась, голосъ становился чище и точно рыдалъ. Да, рыдалъ: другого опредѣленія я не могу подыскать той вибраціи, съ которой пѣвецъ велъ своей романсъ. Каждая нота дышала тяжкою скорбью, и мы невольно поддались настроенію пѣвца; мы чувствовали, что онъ рыдаетъ за свою погибшую жизнь, за гибель тысячъ подобныхъ же жизней. А голосъ все сильнѣе и чище звучалъ, и чудилась въ немъ былая мощь, когда молодая грудь, полная радужныхъ надеждъ и дерзкихъ мечтаній, рвется въ высь... Вдругъ послышался рыдающій крикъ:

— Да перестань ты, проклятый, томить душу... вѣдь мы же люди, вѣдь и у насъ же есть сердце...

Мы не замѣтили, какъ вокругъ нашего столика собрались всѣ трактирные гости и замерли, слушая пѣніе Паскалова. Многія лица были мокры отъ слезъ, а многія выражали отчаянную тоску... Одинъ изъ нихъ, рослый пожилой крючникъ, не вынесъ этой муки и крикнулъ.

Оборвался аккордъ. Пѣвецъ бессильно опустилъ голову на руки и глухо зарыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ отнялъ отъ стола свое мокрое лицо, обвелъ мутнымъ взглядомъ публику, залпомъ выпилъ стаканъ водки и выбѣжалъ изъ трактира.

Спустя недѣли двѣ, я вечеромъ пробирался по грязной лѣстницѣ одного дома на Малой Проломной улицѣ, разыскивая товарища. Въ коридорѣ я столкнулся съ субъектомъ, который пристально посмотрѣлъ на меня, какъ бы вспоминая мое лицо. Это былъ Пасхаловъ.

— Это вы, Викторъ Никандровичъ? — невольно вырвалось у меня.

Пасхаловъ вздрогнулъ и быстро сталъ спускаться по лѣстницѣ. Я нагналъ его уже на улицѣ. Онъ оглянулся и, круто повернувшись ко мнѣ, озлобленно спросилъ:

— Что вамъ угодно отъ меня? Я—босякъ, алкоголикъ, у меня другой жизни, какъ въ трущобѣ, нѣтъ, а вы напоминаете о томъ, что и у меня была иная жизнь и могла бы быть другой... Зачѣмъ мучите? Стыдно, милостивый государь, котораго я не имѣю чести знать...

Произнеся эту тираду, онъ скрылся за первой трактирной дверью.

Скоро я узналъ о трагической смерти Пасхалова.

Я. Я. Полферовъ.

М. Л. КРОПИВНИЦКІЙ И ЮЖНОРУССКІЙ ТЕАТРЪ.

ТРУДНО себѣ представить челоуѣка съ большей энергіей и выдержкой, чѣмъ неутомимый Маркъ Лукичъ Кропивницкій.

Въ этомъ году истекаетъ 35-лѣтіе его литературно-артистической дѣятельности, а неподражаемый художникъ-артистъ и драматургъ все еще кипитъ молодыми порывами, огнемъ творческаго вдохновенія, полонъ яркихъ надеждъ и стойко стоитъ на славномъ посту съ тѣмъ же горячимъ сердцемъ гражданина-борца, съ той же вѣрой въ дорогу Украину...

Его справедливо называютъ «батькой» малорусской сцены. Онъ—ея возродитель, ея Пигмалионъ.

Не будь Кропивницкаго, кто знаетъ, что бы пережилъ южнорусскій театръ, исторія котораго есть пестрая лѣтопись сплошной борьбы съ литературными партіями, настроенными въ высшей степени враждебно по отношенію къ украинской рѣчи, какъ самостоятельному языку, къ украинской словесности, даже къ безобидной «кулишовкѣ»,—фонетическому письму, принятому съ 1870-хъ годовъ послѣдователями малорусскаго научно-литературнаго движенія, центромъ котораго явился въ Кіевѣ «Югозападный отдѣлъ Императорскаго Русскаго географическаго общества».

Кромѣ силы воли, кромѣ необыкновенной преданности любимому дѣлу и твердой увѣренности въ успѣхъ, нуженъ былъ и стихійный могучій талантъ первостепеннаго артиста, и виртуозный художественный даръ писателя-драматурга.

Кропивницкій соединилъ въ себѣ всѣ эти рѣдкія стороны чело-
вѣческой природы и смѣло выступилъ на цѣлину для неуспынаго
служенія родному искусству, родной мысли... Въ нихъ видѣлъ онъ
«солнце правды».

Малорусскій театръ (если не считать ложноклассическихъ школь-
ныхъ драмъ съ интермедіями Г. Конисскаго, Довгалевскаго, Лащев-
скаго) возникъ въ самомъ началѣ XIX столѣтія, т.-е. со времени
появленія «Наталки-Полтавки» и «Москаля-чаривныка» И. П. Кот-
ляревскаго, который, хотя и продолжалъ традиціи кievскихъ интер-
медій въ нѣкоторыхъ комическихъ персонажахъ, тѣмъ не менѣе
открылъ новую полосу, далъ смѣлый толчокъ духовному развитію
южнорусскаго общества, ввелъ украинскій языкъ въ кругъ лите-
ратурныхъ языковъ Европы.

Сентиментально-юмористическій тонъ всегда искреннихъ произ-
веденій Котляревскаго, державшійся въ границахъ художествен-
ной мѣры,—у его послѣдователей: Артемовскаго («Запорожець за
Дунаемъ») и Кухаренка («Черноморскій побытъ»), не устоялъ,
однако, на прежней идейной высотѣ и мѣстами впадалъ въ шаржъ.

Г. Ѡ. Квитка-Оснoвъяненко искалъ въ своихъ сюжетахъ не
однихъ только шуточныхъ эпизодовъ, но также и общественныхъ
темъ, бытовыхъ идеаловъ, показывавшихъ украинскую народность
со всѣми ея богатыми разновидностями, и вотъ «Шельменко-пы-
сарь», «Шельменко-деньщыкъ», «Щыра любовь», «Бой-жынка» и
«Сватанія на Гончарывци» внесли струю патетическаго сентимента-
лизма, которую поддерживали его ближайшіе послѣдователи С. Пи-
саревскій («Купала на Ивана»), К. Тополя («Чары») и Дмитренко
 («Кумъ мырошныкъ»).

Это направленіе смѣнила волна украинскаго націонализма и
славянофильства въ лицѣ А. П. Стороженка («Гаркуша»), Н. И.
Костомарова («Сава Чалый», «Загадка», «Переяславська ничъ»),
П. А. Кулиша («Колія», «Байда», «Царь Налывай», «Сагайдач-
ный»), впослѣдствіи давшаго чудные переводы изъ Шекспира.
Сюда же слѣдуетъ отнести великаго поэта Т. Г. Шевченка, пламен-
наго борца за освобожденіе («Назаръ Стодоля»), и композитора Н. В.
Лысенка (оперы: «Рядвяна ничъ», «Утоплена», «Черноморци»).

Наконецъ, новѣйшая стадія малорусскаго театра это—реально-
натуралистическая школа, задавшаяся цѣлью, путемъ изображенія
неблагоприятныхъ условій крестьянскаго быта, защищать унижен-
ное челоуѣческое достоинство и отстаивать попранныя права обез-
доленнаго простолюдина. Само собою разумѣется, находясь зача-
стую подъ цензурнымъ запрещеніемъ и получивъ сравнительно
лишь въ недавнее время нѣкоторый проблескъ относительной сво-
боды, южнорусскій театръ (у насъ, въ Россіи) до послѣднихъ
дней связанъ условностью фабулы и не рѣшается поднимать болѣе
широкіе міровые вопросы, соціальные и философскіе, чѣмъ тѣ,

что даетъ ему обыкновенная узко-мѣщанская или деревенская среда, — все строится, большею частью, на счастливой или несчастной любви. Конечно, и въ этихъ ограниченныхъ рамкахъ возможны

Маркъ Лукичъ Кропивницкій.

психологическія темы, сильные характеры, занимательная, строго обоснованная интрига, дающая вмѣстѣ съ тѣмъ и пищу для ума.

Тутъ, несомнѣнно, всегда можетъ выдѣлиться чуткій талантъ, умѣющій глубоко заглянуть даже въ самый, повидимому, ничтожный уголокъ жизни, охватить его своими лучами и художественно воспроизвести въ драматической или комической обрисовкѣ цѣль-

ныхъ оригинальныхъ типовъ и положеній, смотря по особенностямъ сюжета. Среди этихъ натуръ-реалистовъ наиболѣе обращаютъ вниманіе: И. С. Нечуй-Левицкій («На кожумьякахъ», «Маруся Богусловка»), М. П. Старицкій, удачный переводчикъ «Гамлета» («Тарасъ Бульба», «Богданъ Хмельныцкій», «Остання ничъ», «За правду»), П. Нищинскій, передѣлавшій Софоклову «Антигону», Гушалевиць («Пидгоряне»), Устыановиць («Верховинци»), Цеглинскій («Аргонавты», «Шляхта Ходачкова»), Карпенко-Карый («Наймычка», «Мартынъ Боруля», «Чумаки», «Бондарывна», «Бурлака», «Суета», «Безталанна»), П. Мирный («Лымеривна», «Перемудрывъ»), Бораковскій («Маруся Чурай»), Яновская («На зеленый клынъ»), Гринченко («Ясны зоры», «Нахмарыло», «На громадскій роботѣ»), Людмила Старицкая («Сафо»), Тогобочный-Щоголевь («Золоти кайданы», «Борци за мріє»), Манько («Несчасне кохання»), Ванченко-Писанецкій («Недлюды»), Ө. В. Левицкій («Въ мутній води»), Суходольскій («Хмара»), В. Самійленко, переводчикъ Мольеровскаго «Тартюфа», модернизованный символистъ В. Пачовскій, уже увлотившійся отъ реально-натуралистической школы въ сторону декадентскихъ вѣяній («Сонъ украинской ночи»), и другіе. Среди этой обширной плеяды современныхъ драматическихъ писателей, далеко неравныхъ по своимъ заслугамъ и таланту, одно изъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ, безспорно, Маркъ Лукичъ Кропивницкій, который впервые вывелъ на сцену бытъ правобережной «херсонщины» (типы лѣвобережья уже достаточно были извѣстны по сочиненіямъ другихъ драматурговъ). Лучшіе изъ его комедій и драмъ: «Дай сердцу волю—заведе у неволю», «По ревызіи», «Глумъ и помста», «Глытай, або-жъ павукъ», «Помырылысь», «Пошылысь у дурни», «Олеся», «Мамаша» и долго находившаяся подъ запрещеніемъ зѣса «Доки сонце зійде—роса очы выистъ», гдѣ выставлены послѣдніе годы владычества «барщины».

Его драматическія произведенія выпущены въ Харьковѣ въ трехъ томахъ («Повный збирникъ творивъ»), при чемъ первый выдержалъ уже нѣсколько изданій; два послѣдніе вышли во второй половинѣ 1903 г. Тутъ же включены, между прочимъ, и его весьма популярныя куплеты («Тере-фере-куку!», «Кумъ Гаврыло», «Удовыця», «Гандзю-кнышъ», «Бычокъ» и «Колы-бъ свини та рогы»). Конечно, это изданіе далеко не обнимаетъ всего написаннаго Кропивницкимъ. Плодовитый драматургъ уже приготавливаетъ къ выпуску въ свѣтъ четвертый томъ, куда войдутъ: «Мамаша», «Кононь Блискавиченко», «На вокзали», «Ошыбка провзойшла», «Замуняни джерела» и только-что написанныя на современные событія: «Розгардіяшъ» и «Загальныи скрутъ». Драматическая цензура все еще свирѣпствуетъ, и почти всѣ изъ этихъ пьесъ, кромѣ послѣдней (находящейся пока на разсмотрѣніи), или совсѣмъ не дозволены къ представленію, или урѣзаны до неузнаваемости (изъ «Конона»

вычеркнуто 19 страниц!). Свобода—свободой, а цензорскій карандашъ не признаетъ никакихъ освободительныхъ реформъ и дѣйствуетъ по старой испытанной системѣ запретовъ... Трудно посл этого быть передовымъ украинскимъ драматургомъ!..

Какъ бы ни былъ талантливъ Маркъ Лукичъ въ области писательства, какъ сценическій дѣятель — онъ гораздо выше и до сихъ поръ, несмотря на свой преклонный возрастъ (ему теперь 66 лѣтъ), остается недосыгаемымъ «украинскимъ Сальвини». Онъ одинаково высокъ и въ роляхъ трагическихъ, и въ бытовыхъ резонерскихъ, и въ комическихъ. Безконечная галерея удивительно жизненныхъ образовъ проходитъ передъ вами,— оригинальныхъ, не похожихъ другъ на друга, точно вылѣпленныхъ искусной рукой гениальнаго ваятеля.

То яркіе штрихи, то нѣжные полутона, то едва уловимыя тончайшія линіи... Можно ли перечестъ всѣ его роли? Рядомъ съ тяжелымъ желѣзнымъ XV вѣкомъ—типы начала XIX столѣтія и послѣдующихъ десятилѣтій. Вотъ упрямый полковникъ Бульба съ грубой прямою казацкаго нрава, съ могучимъ характеромъ истаго запорожца; вотъ лукавый гетманъ Мазепа; вотъ полные комизма Иванъ Карась («Запорожець за Дунаемъ»), казакъ Цыбуля («Сорочинскій ярмарокъ») и старшина («По ревізій»), блестящіе искрами гоголевскаго юмора; вотъ глубоко-психологическій типъ ростовщика-міроѣда Бычка («Глытай»), сотникъ («Вій»), окруженный элегическою дымкою; вотъ, наконецъ, грозный Хома Кычатый («Назаръ Стодоля»)... Только первостепенный талантъ способенъ на такое изумительное разнообразіе перевоплощеній; ни одна черточка, ни одинъ жестъ не повторяется артистомъ. Вы чувствуете, какъ передъ вами мелькаютъ событія, разворачивается жизнь съ ея пороками, увлеченіями, страданіями, высокими порывами рѣдкаго героизма, съ трогательной поэзіей и просторомъ тѣхъ синихъ степей, которыя такъ задушевно и красиво описаны Гоголемъ и Шевченкомъ. Мнѣ припоминается одинъ любопытный эпизодъ... На югѣ Россіи въ одномъ изъ небольшихъ городовъ еще сравнительно недавно, когда М. Л. Кропивницкій, со свойственной ему художественной правдой, изображалъ до иллюзіи жизненный типъ деревенскаго паука нѣкоторые изъ публики (въ провинціи не угасли еще непосредственныя натуры!) такъ прониклись дивною игрою артиста, что забыли и свѣтъ рампы, и театральную обстановку, сцену приняли за дѣйствительность и съ негодованіемъ начали кричать, какъ передавалъ мнѣ очевидецъ: «Держите, бейте его!» Не менѣе сильное впечатлѣніе производилъ Маркъ Лукичъ и исполненіемъ роли горбуна Гата («Ой, не ходы, Грыцю»). Нервы зрителей подчасъ не выдерживали, и театръ наполнялся истерическимъ плачемъ...

Кропивницкій, обладающій вообще сочнымъ голосомъ съ виртуозными интонаціями,—удивительный чтець и рассказчикъ. Гри-

мируется онъ съ большимъ умѣньемъ и нѣсколькими чисто рѣпинскими мавками придаетъ лицу индивидуальныя признаки изображаемаго типа, такъ что съ перваго взгляда и не признаешь Кропивницкаго. Фигура, манеры, выраженіе глазъ, голосъ — все преобразуется до неузнаваемости. Въ этой области, какъ и въ игрѣ, онъ тоже не уступаетъ европейскимъ корифеямъ сцены, хотя бы, напримѣръ, тому же Сальвини, съ которымъ мы его смѣло сравниваемъ. Кропивницкій—драматургъ, Кропивницкій—артистъ и чтець... Переходимъ теперь къ Кропивницкому, какъ къ возродителю малорусскаго театра.

Съ конца XVIII до половины XIX вѣка малорусскіе спектакли не были постояннымъ явленіемъ и носили кочевой или случайный характеръ, то въ видѣ представленій домашней «крѣпостной» группы какого нибудь украинскаго магната, то въ видѣ гастролей странствующихъ польскихъ труппъ (преимущественно въ правобережной Украинѣ). Въ лѣвобережѣ существовали болѣе или менѣе дружно сплоченныя любительскія кружки, дававшіе смѣшанные спектакли изъ малорусской пьесы и русской (ценаурное *conditio sine qua non*, только недавно исключенное изъ обязательныхъ постановленій).

Въ подобныхъ-то любительскихъ спектакляхъ сталъ выступать и М. Л. Кропивницкій, и довольно таки рано—съ 14-лѣтняго возраста, будучи тогда еще ученикомъ елисаветградскаго (херсонской губерніи) уѣзнаго училища (родился онъ, кстати замѣтимъ, въ этомъ же уѣздѣ, въ с. Бешбайракахъ, 25 апрѣля 1840 г.). Даровитый юноша появлялся въ отвѣтственныхъ роляхъ гоголевскаго городничаго и Стецька («Сватанья»), уже тогда указывавшихъ на амплу будущаго артиста. Роль Стецька сдѣлалась впоследствии его коронной ролью; она вообще—труднѣйшая въ малорусскомъ репертуарѣ и служить въ немъ такимъ же краеугольнымъ камнемъ, какъ Гамлетъ—въ репертуарѣ актера европейскаго театра. Мушинъ-Пушкинъ, находившійся тогда въ ссылкѣ, въ Бобринцѣ, обратилъ вниманіе на выдающіяся сценическія способности юнаго любителя, но его благоразумный совѣтъ—«исключительно заняться развитіемъ и усовершенствованіемъ таланта», не пришелся по вкусу отцу Кропивницкаго, который непременно желалъ видѣть въ сынѣ не актера, а чиновника (обычная слабость многихъ родителей!). Разумѣется, сухая служба по гражданскому вѣдомству не могла удовлетворить молодого человѣка съ чуткой артистической организаціей, съ широкими кругозорами, съ пламенной душой свободнаго художника. Маркъ Лукичъ записался вольнослушателемъ на юридическій факультетъ кievскаго университета, но черезъ два года, вынужденный семейными обстоятельствами, прервалъ научныя занятія и снова возвратился къ канцелярской лямкѣ, по временамъ, однако, продолжая участвовать въ любительскихъ спектакляхъ и терпѣливо снося неприятности по службѣ (начальство усматривало въ этомъ актерствованіи умаленіе чиновничьяго престижа).

Вскорѣ потомъ умеръ отецъ, и Кропивницкій немедленно подалъ въ отставку, а 22 ноября 1871 г. съ шумнымъ усгѣхомъ дебютировалъ въ одесскомъ народномъ театрѣ въ извѣстной роли Стецька. Съ этихъ-то поръ и началась его кипучая дѣятельность— кочевая жизнь актера и рядомъ литературное творчество (первая его пьеса «Дай сердцу волю» была поставлена въ 1873 г.). Пришлось много путешествовать; онъ побывалъ во всѣхъ наиболѣе крупныхъ городахъ Россіи, ѣздилъ и въ Галичину, гдѣ правильная малорусская труппа уже орудовала съ 1864 г., пользуясь субсидіей мѣстнаго сейма и сравнительной свободой (въ цензурномъ отношеніи).

Въ родномъ уѣздѣ онъ въ какой-то сезонъ не только игралъ на сценѣ и режиссерствовалъ, но и занимался оркестровкой, управлялъ музыкантами и даже самъ писалъ декораціи.

Словомъ, не зналъ ни отдыха, ни сроку, жертвуя рѣшительно всѣмъ своимъ временемъ для поднятiя и процвѣтанiя театральнаго дѣла.

Въ 1881 г. онъ задумалъ возбудить ходатайство передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи дать нѣсколько малорусскихъ спектаклей и, добившись его, выступилъ уже (сначала въ сообществѣ съ М. Старицкимъ), какъ организаторъ южнорусскаго театра, основывая послѣдовательно разные товарищества (въ 1881, 1888 и 1894 г.г.), изъ которыхъ, въ свою очередь, стали отдѣляться и образовываться новыя (какъ-то ихъ насчитывалось приблизительно до 50), къ сожалѣнію, враждовавшія другъ съ другомъ и поэтому способствовавшія не развитію, а постепенному паденію дѣла, съ такимъ блескомъ организованнаго Кропивницкимъ. Одна изъ этихъ труппъ (подъ управленіемъ Деркача) предприняла было поѣздку въ Парижъ (въ періодъ наивысшаго подъема французскихъ симпатій), но антреприза, неправильно поставленная, быстро прогорѣла, и бѣднымъ артистамъ, несмотря на хорошіе сборы и блестящій отзывъ остроумнаго критика Ф. Сарса въ «Figaro», пришлось чуть не голодать. Во французской прессѣ поднимался даже крайне щекотливый вопросъ о благотворительности въ пользу «голодающихъ малороссовъ». Если бы не распорядительность артиста О. З. Суслова, который поѣхалъ въ посольство и отъ имени труппы не только отказался принять пожертвованіе, носившее характеръ нищенской подачи (хотя и достигшей сравнительно крупной суммы), но и выдалъ подписку, что и впредь обязуется никогда не обращаться къ благотворительности французскихъ гражданъ, — малорусской труппѣ трудно было бы избавиться отъ нежелательныхъ нареканій. Давъ затѣмъ спектакль на половинныхъ началахъ съ директоромъ какого-то третьестепеннаго театра, Сусловъ вывезъ труппу въ Бордо, въ Марсель и оттуда на пароходѣ прибылъ въ Батумъ... Въ настоящее время наиболѣе видныя труппы: двухъ братьевъ—

Саксаганскаго и Карпенко-Караго, Сулова и Л. К. Квитки (подъ управленіемъ Ѡ. В. Левицкаго). Возвращаемся, однако, къ Марку Лукичу.

Какъ опытный учитель, онъ создалъ цѣлую школу даровитыхъ артистовъ, изъ которыхъ выдѣляются такія крупныя величины, какъ М. К. Заньковецкая («украинская Дуэ»), А. П. Затыркевичъ-Карпинская (Якиманская), Боярская (†), Садовскій, Саксаганскій, Максимовичъ (†),—такъ сказать, богатыри старшіе, и Е. Ф. Зарницкая, Липицкая, Ѡ. В. Левицкій, Суловъ, Манько, Глазуненко, Марьяненко—богатыри младшіе.

Образцовая труппа подняла малорусскій театръ и вызвала сочувственный приѣмъ повсемѣстно въ Россіи, не исключая Москвы и Петербурга.

Въ первыя поѣздки (въ 1886—1887 г.г.) труппа Кропивницкаго явилась рѣдкой новинкой для обѣихъ столицъ и обратила на себя всеобщее вниманіе, пользуясь небывалымъ, колоссальнымъ успѣхомъ, сразу упрочившимъ ея карьеру.

Вдохновенное исполненіе Марка Лукича и Марьи Константиновны Заньковецкой въ чудномъ ансамблѣ захватило холодныхъ невскихъ зрителей, наэлектризовало ихъ, воснулось глубокихъ сердечныхъ струнъ... Побѣда была полная...

Кропивницкій съ лучшимъ своимъ составомъ игралъ и въ Мариинскомъ театрѣ («Наталка-Полтавка» и «Бувальщина»), и во дворцѣ, въ присутствіи царской семьи («Назаръ Стодоля» и «Якъ ковбаса та чарка, то менетця й сварка»), при чемъ за доставленное художественной игрой эстетическое наслажденіе получилъ (съ нѣкоторыми другими артистами) подарокъ изъ кабинета его величества.

Покойный императоръ Александръ III жалъ руку Кропивницкому (въ театрѣ «Фантазія») и говорилъ:

— Желаю вамъ успѣха. Большое удовольствіе доставила мнѣ игра вашей труппы... Желанные гости...

И Кропивницкій искренно радовался за Украину.

«И насъ признали!» — съ гордостью повторялъ онъ и строилъ яркіе воздушные замки, надѣясь на свѣтлое будущее.

Шли дни, мѣсяцы, годы...

22 ноября 1896 г. въ одесскомъ «Русскомъ театрѣ» весьма торжественно чествовалось 25-лѣтіе артистической и литературной дѣятельности Кропивницкаго. Юбиляръ удостоился самыхъ сердечныхъ привѣтствій отъ своихъ многочисленныхъ почитателей; но въ 1901 г., когда было намѣреніе праздновать 30-лѣтіе артиста, онъ отклонилъ отъ себя эту «честь». Доставшіеся лавры (повитые терніемъ) не принесли ему душевнаго успокоенія... Явились вдругъ сомнѣнія. Обычная вѣра словно поколебалась...

Онъ сознавалъ, что въ своемъ краю все равно пророкомъ не будешь, и, не мечтая о почестяхъ, думалъ только о добрѣ, хотѣлъ

дѣйствительно принести какую нибудь осязательную, возможно скорую фактическую пользу украинскому народу; вѣдь, прошло около 15 лѣтъ послѣ его первыхъ петербургскихъ триумфовъ, а, между тѣмъ, въ Малороссіи по-старому не было ни народной школы съ преподаваніемъ на малорусскомъ языкѣ, ни періодическихъ изданій, попрежнему вышучивали южнорусскій театръ, не признавали украинскаго языка, глумились надъ дѣятелями украинской литературы!..

И вотъ Маркъ Лукичъ написалъ прошеніе въ Петербургъ о разрѣшеніи ему открыть въ Украинѣ сельскую школу съ правомъ преподаванія на родномъ языкѣ, подкрѣпля ходатайство тѣмъ несомнѣннымъ доводомъ, что простолюдину-малороссу будутъ недоступны лучи знанія, свѣтъ правды до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ дозволено читать и писать по-малорусски, т.-е. на языкѣ, на которомъ онъ говоритъ и думаетъ съ младенчества.

Но просьба эта такъ и не была уважена.

Въ Галичинѣ проектируется учрежденіе украинскаго львовскаго университета; тамъ, въ зарубежной Руси, печатаются на малорусскомъ языкѣ ученые труды, напримѣръ, «Записки науковаго товариства им. Шевченка» (т.-е. малорусской академіи наукъ), журналы и газеты, а у насъ—ни одной школы (со временъ еще Петра I), а періодическія изданія появляются лишь въ самое послѣднее время (напримѣръ, «Вильна Украина», «Ридный край», «Шершень» и др.).

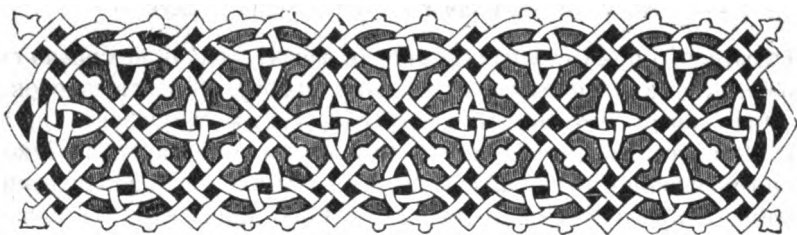
Всѣ эти національныя неудачи, конечно, болѣзненно уязвляли національное самолюбіе славнаго артиста-писателя.

Послѣднее время, благодаря развившейся глухотѣ, Кропивницкій рѣже сталъ выступать на сценѣ (хотя помощь суфлеровъ ему не особенно нужна—онъ давно уже знаетъ на память всѣ роли своего обширнаго репертуара); мастистый артистъ проживаетъ то въ Харьковѣ, то въ хуторѣ («Затышокъ») и, повидимому, мечтаетъ приступить въ недалекомъ будущемъ къ изданію малорусской газеты для народа.

Въ Петербургъ онъ навѣдывался довольно часто—больше для участія на вечерахъ въ память Т. Г. Шевченка, а въ 1904 г.—какъ гастролеръ въ труппѣ Ѳ. П. Волика.

Пожелаемъ же почтенному Марку Лукичу въ его 35-лѣтнюю годовщину поскорѣ увидѣть вполне свободнымъ малорусскій языкъ,—языкъ сильнаго художественнаго творчества, которому обязанъ «многими лучшими страницами своей истории» Харьковскій университетъ (какъ это было публично засвидѣтельствовано 5 апрѣля 1905 г. университетскимъ совѣтомъ).

В. Умановъ-Каплуновскій.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ГЕРМАНИИ И ПАРИЖѢ ¹⁾.

ХІ.

Въ тревожные дни.

НЕ ЗАБУДУ, какъ съ замираніемъ сердца мы, русскіе, заброшенные на чужбину, прислушивались къ вѣстямъ, идущимъ изъ несчастной потрясенной Россіи. Вѣсти были одна хуже другой. Возстаніе въ Прибалтійскомъ краѣ, повсемѣстно въ Россіи—бомбы, беспорядки, погромы... Что ждетъ нашу бѣдную родину?—думали мы. Въ это время разрозненная русская колонія Германіи была больше, чѣмъ обыкновенно, сплочена. Даже иностранцы жалѣли Россію, раздираемую смутами и революціей, въ которой въ эти тяжкіе дни не было ни своего Минина, ни Пожарскаго, а былъ одинъ графъ Витте съ его эквилибристической политикой и бушующіе революціонные комитеты. Маленькіе кружки русскихъ собирались въ Берлинѣ и обсуждали положеніе. Чины и ранги въ это время неволью забывались, и всѣ отъ посла до послѣдняго затерявшася въ Германіи русскаго бѣдняка чувствовали себя просто страдающими русскими людьми. Только еврей-эмигранты и интернаціональное студенчество сочувствовали успѣху русской революціи и радовались тревожнымъ вѣстямъ, привозимымъ въ Берлинѣ новопрїѣзжими изъ Россіи.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIV, стр. 202.

— Не утихаетъ, совсѣмъ не утихаетъ, — съ огорченіемъ сообщали русскіе другъ другу, а лица зарубежныхъ евреевъ оварялись злорадной улыбкой.

Нѣкоторые русскіе эмигранты, опасаясь разграбленія банковъ въ Россіи, привозили съ собой и свои сбереженія.

Въ крохотной русской церкви при берлинскомъ посольствѣ, гдѣ каждое воскресенье собиралось множество молящихся, трогательно звучали слова молитвы о ниспосланіи мира и покоя несчастной родинѣ, и всѣ настоящіе русскіе люди объединялись въ этой западавшей въ душу молитвѣ. Находившіеся въ церкви вновь прибывшіе изъ Россіи дѣлались предметомъ общаго любопытства, у нихъ разспрашивали о событіяхъ, о новостяхъ, и всѣ мы были невыразимо счастливы, если въ разказахъ прибывшихъ звучалъ хоть малѣйшій намекъ на возможность успокоенія дорогой Россіи.

Железнодорожное сообщеніе съ Россіей то прерывалось, то возобновлялось. Русскія газеты по причинѣ типографскихъ, железнодорожныхъ и почтовыхъ забастовокъ временами не получались, и это всегда вызывало тревогу среди русскихъ тѣмъ болѣе, что въ раскупавшихся нарахватъ берлинскихъ уличныхъ листкахъ печатались самыя невѣроятныя телеграммы то изъ Москвы, то изъ Владивостока. Германская публика всему вѣрила, въ Берлинѣ циркулировали самыя фантастическіе слухи о русскихъ дѣлахъ и событіяхъ, и только берлинскій листокъ «Русскій Голосъ» временами разсѣивалъ дикія басни о Россіи, переходившія всякія границы.

— Ну, времена, — говорили члены берлинской русской колоніи, — теперь не знаешь, чему вѣрить... Здѣшнія газеты уже упразднили Россію.

А въ германскихъ правящихъ сферахъ съ негодованіемъ восклипали:

— Да что же это за безобразіе! Русское правительство само себя упраздняетъ. И что дался имъ этотъ Витте?.. При немъ никогда не затихнетъ революція... Неужели же въ Россіи нѣтъ стойкихъ и искреннихъ людей?.. Безобразіе, безобразіе!..

Вопреки всѣмъ тенденціознымъ сообщеніямъ Петербургскаго телеграфнаго агентства, въ политику графа Витте въ Германіи никто не вѣрилъ, эта политика признавалась двоедушной и рискованной. Нѣмцы возмущались и тѣмъ, что, благодаря русской революціи, у нихъ вспыхивали то тамъ, то здѣсь свои безпорядки, и Германіи стоило большого труда, чтобы сохранить до конца личину невмѣшательства и нейтралитета по отношенію къ Россіи.

— Эта зараза къ намъ переходитъ, — говорили въ Берлинѣ и настаивались.

Дипломатическій языкъ очень тонокъ, но даже и въ мягкихъ рѣчахъ выдержанныхъ нѣмецкихъ дипломатовъ проскальзывали такія рѣзкія нотки, которыя ясно говорили, что европейское терпѣніе истощается.

— Мы рассчитываемъ... мы увидимъ... мы остаемся въ положеніи соболѣзнующихъ Россіи зрителей событій.

Такъ тянулась вся зима. Германія переполнилась русскими, которые, по правдѣ говоря, производили тяжелое и странное впечатлѣніе, какъ спугнутыя птицы, которымъ нѣтъ мѣста и покоя на родинѣ.

— Вотъ она, русская революція,—указывали берлинцы на русскихъ.—Нѣсколько негодяевъ заварили кашу, а публика бѣжитъ къ намъ. Видно, не особенно заманчивы блага, общаемыя «обновленіемъ» Россіи и русскими «свободами».

Нѣмцы были очень освѣдомлены о политическомъ броженіи въ Россіи, они называли авторовъ русской революціи, удивлялись охватившей всѣхъ въ Россіи слѣпотѣ и смѣялись надъ авторитетнымъ обѣщаніемъ графа Витте «спасти Россію». Они мало вѣрили въ искренность русской революціи, въ «назрѣвшее народное движеніе» и считали всю революцію организованнымъ разбоемъ, внутренняго пружины котораго не имѣли ничего общаго съ народнымъ благомъ.

— Народное движеніе... ха, ха, ха!..—замѣчали они.—Упраздните власть и законы—и вездѣ будетъ такое же безобразное народное движеніе. Русская машина плохо дѣйствуетъ—вотъ и все. Законы нѣтъ, а тутъ еще на разжиганіе русской революціи отпускаются капиталы. Вотъ гдѣ *der Hund ist begraben*. Пока есть деньги на революцію, она и шумитъ, а о прекращеніи ея никто искренно не заботится.

Общее угнетенное состояніе не мѣшало, однако, наѣхавшей въ Германію легкомысленной публикѣ изучать веселящійся Берлинъ. Въ берлинскихъ театрахъ, театрикахъ и безчисленныхъ кафе-шантанахъ вы могли каждый вечеръ видѣть много русскихъ... А театры Берлина, по правдѣ сказать, незавидные. Берлинскій королевскій *Opernhaus* куда хуже нашего Маринскаго театра. Въ немъ полновластно царитъ репертуаръ Вагнера, собирающій особую специальную публику изъ числа вагнеристовъ и вагнеристокъ. Средніе театры Берлина и особенно театры легкаго жанра блещутъ обстановкой, костюмами, но внутренняго содержанія въ нихъ не ищите. Вы подчасъ поражаетесь, что за убожество вкуса, что за низкій уровень требованій держится здѣсь у театральной публики. Кафе-шантаны еще того хуже, въ нихъ интересна только внѣшность. Въ роскошномъ и громадномъ Винтергартенѣ, потолокъ котораго представляетъ сплошное усыпанное электрическими звѣздами небо, царитъ поразительно убогій репертуаръ: неважные акробаты, комики и куплетисты, дрессированныя собаки—вотъ чѣмъ занимаютъ посѣтителей. Но непритязательные нѣмцы въ искреннемъ восторгѣ отъ подобныхъ представленій и, заплативъ три марки за мѣсто, упиваются на десять марокъ и хохочутъ во все

свое широкое горло... Уровень требованій поразительно низкій—точно вся эта публика какія-то дѣти, въ первый разъ въ жизни попавшія въ театрѣ.

Веселящійся Берлинъ никогда не знаетъ отдыха, театры полны. Въ одномъ изъ второстепенныхъ театровъ давались пьесы нашего

Россійскій посоль въ Берлинѣ, графъ Н. Д. Остенъ-Сакентъ.

россійскаго свѣтила, Максима Горькаго, и хотя нѣмцы ровно ничего не поняли изъ русскихъ мотивовъ, разработанныхъ Горькимъ, но откровенно смѣялись даже надъ тѣмъ, надъ чѣмъ слѣдовало бы плакать. Берлинскій нѣмецъ — не философъ. Онъ не ищетъ въ театрѣ ни вдохновеній, ни глубокихъ идей, онъ хочетъ только, чтобы ему было занятно, весело, чтобы двѣ-три марки, заплаченные за мѣсто, были истрачены продуктивно. Если ему и не занятно въ театрѣ, то онъ все-таки дѣлаетъ видъ, что онъ доволенъ, ибо самое горькое для него прійти къ заключенію, что онъ потерялъ свои кровныя марки.

XII.

Бельгійская ночь.

Знаете ли вы украинскую ночь? Но не дай Богъ узнать, что такое бельгійская ночь. А это вы узнаете на опытѣ, если поѣдете изъ Берлина на Парижъ.

Прямой поѣздъ изъ Берлина въ Парижъ отходитъ съ Potsdamer Bahnhof въ 12 часовъ 55 минутъ дня. Приѣхавъ на вокзалъ изъ мирнаго берлинскаго отеля, вы попадаете въ парижскомъ поѣздѣ въ тотъ своеобразный потокъ смѣшанной интернаціональной публики, который постоянно переливается между Петербургомъ и Парижемъ. Мирный домосѣдъ-нѣмецъ по собственной волѣ не поѣдетъ въ Парижъ, и движеніе изъ Берлина во Францію очень невелико, но космополитическая волна тутъ бушуетъ во всю. Въ Парижъ стремится главнымъ образомъ русская публика, переполняющая вагоны парижскихъ экспрессовъ. Ѣздятъ также вездѣ и впередъ много бельгійцевъ: имъ тѣсно въ ихъ маленькой странѣ, и они стремятся раскинуть свои дѣловыя сѣти и аферы по всему міру. Такими дѣловыми пассажирами изобилывалъ и нашъ вагонъ. Кромѣ бельгійскихъ купцовъ и дѣльцовъ, въ моемъ купѣ помѣстилась и какая-то нѣжная парочка молодоженовъ съ попечительной мамашей.

По дорогѣ тянулись скучные фабричныя поселки, показались германскія поля, на этотъ разъ избыточно покрытыя только-что выпавшимъ пушистымъ снѣгомъ. Въ вагонѣ немилосердно топили, трубы нагрѣвались, удушливый запахъ отравлялъ существованіе.

— Не желаете ли обѣдать?—спросилъ насъ явившійся въ купѣ оберъ-кельнеръ и предъявилъ обѣденную карту.—Обѣдъ у насъ въ часъ дня.

Многочисленная публика потянулась изъ всѣхъ вагоновъ поѣзда въ вагонъ-ресторанъ. Насъ накормили достаточно сквернымъ обѣдомъ, но зато давали отличное пиво, какого не найдешь въ Берлинѣ.

Поѣздъ мчался по Германіи черезъ Магдебургъ и Эрбельфельдъ. Въ десять часовъ вечера мы прибыли въ Кельнъ. Тутъ началась великая суета. Въ теплыя купѣ къ мирно дремавшимъ пассажирамъ врывались цѣлыя банды иностранцевъ, по большей части, англичанъ и бельгійцевъ, стремившихся кто въ Льежъ кто въ Парижъ.

— Настоящее нашествіе иноплемениковъ!—сердито говорила мамаша моихъ молодоженовъ и усиленно куталась въ свое манто отъ несшагося холода изъ раскрытой двери.

Раскачиваясь на всѣ стороны, германскій поѣздъ несся во весь духъ изъ Кельна въ предѣлы Бельгіи, но часто останавливался на бельгійскихъ станціяхъ. Въ вагоны входили новыя группы без-

церемонныхъ пассажировъ. Они громко разговаривали, спорили, смѣялись, и спавшую публику послѣ бани отопленія вновь обдало холоднымъ воздухомъ. Дерзкіе иностранцы отдергивали занавѣски вагонныхъ фонарей, и неожиданный свѣтъ слѣпилъ наши заспаные глаза. Была глубокая ночь, а никто изъ насъ не могъ заснуть.

— Вотъ безобразіе,—ворчали уже многіе пассажиры:—чортъ бы побралъ этихъ нахаловъ!

Бельгіицы, наполнивъ купэ, стояли въ проходахъ и въ вагонныхъ коридорахъ, высчитывали вслухъ какія-то тысячи и милліоны франковъ, которые они нашли или собираются найти, и имѣли такой предпримчивый видъ, точно это была не ночь, а самые бойкіе часы дневныхъ гешефтовъ.

— Счастливый народъ,—говоритъ мнѣ мой визави-нѣмецъ:—они погибаютъ отъ избытка свободныхъ капиталовъ, денегъ у нихъ некуда дѣвать, не къ чему пристроить, но Россіи денегъ въ займы не даютъ потому, что напуганы русской революціей и не вѣрятъ въ вашего графа Витте.

Пока поѣздъ проходитъ по Бельгіи, суета, шумъ и гамъ въ вагонахъ не прекращаются; самые терпѣливые пассажиры возмущаются.

Слава Богу, что бельгійская таможня насъ, ѣдущихъ въ Парижъ, не потревожила. Мы заснули въ третьемъ часу ночи, но на границѣ Франціи начался новый содомъ. Изъ всѣхъ щелей полѣзли къ намъ таможенные чиновники и потребовали предьявленія контрабанды.

— Déclarez, si vous avez quelque chose!.. кричали наши мучители.

А мы, потревоженные среди сладкаго сна, широко раскрывали глаза и ничего не понимали.

— Открывайте чемоданы, вотъ этотъ, вотъ тотъ!—командовали чиновники, и нужно было стаскивать съ полокъ тяжелые чемоданы черезъ головы сосѣдей.

Германская таможня куда миролюбивѣе французской.

— Vous avez des cigarettes!—волнуется чиновникъ, потрясая въ воздухъ найденными у меня папиросами, и старается нагнать на меня страху за содѣянное преступленіе.

Я отъ души проклиная и этого чиновника, и французскую таможню, и всю эту ужасную бельгійскую ночь, благодаря которой

Настоятель русской посольской церкви въ Берлинѣ, протоіерей А. II. Мальцевъ.

мы прѣвѣжаемъ въ Парижъ въ семь часовъ утра истерзанными, измученными и простуженными.

Хмуро встрѣчаетъ насъ Парижъ. Кругомъ какая-то сырость, полумракъ зимнихъ испареній, жидкая грязь на улицахъ, и въ довершеніе всѣхъ несчастій въ отелѣ, куда вы прѣвѣжаете послѣ получасового путешествія отъ вокзала, васъ встрѣчаетъ настоящій собачій холодъ. Отъ зимняго холода въ легкомысленномъ Парижѣ нѣтъ спасенія.

— Отчего въ комнатахъ такъ холодно? — спрашиваю я при- слугу.

— Оттого, что теперь зима,—конфузливо отвѣчаютъ они.

Въ комнатахъ отеля та же температура, что и на улицѣ. Двой- ныхъ рамъ въ окнахъ нѣтъ, печи отсутствуютъ, и на всѣ ваши жалобы вамъ предлагаютъ только затопить каминъ, отъ котораго тепла едва хватитъ на часъ времени.

— Да неужели здѣсь нѣтъ хорошихъ отелей съ центральнымъ паровымъ отопленіемъ?—говорю я своему проводнику:—вѣдь такими теплыми отелями полонъ Берлинъ.

— Представьте, здѣсь теплыхъ гостиницъ очень мало, боль- шинство ихъ предпочитаютъ получать даровое тепло отъ солнца, а солнца у насъ уже три дня не было.

Ужасно досадный это дефектъ въ обиходѣ парижской жизни. Столица міра лишена гигиеническихъ удобствъ. Въ квартирахъ мерзнуть, сидятъ въ теплыхъ курткахъ и ватныхъ пальто. Парижскія стѣны насквозь пропитаны холодомъ. Огромныя и не- уключія парижскія окна, замѣняющія балконы, — источникъ по- стоянныхъ простудъ. За стеклами валитъ густой снѣгъ, щиплетъ морозъ, а въ «благоустроенномъ» жилищѣ защита отъ всѣхъ не- взгодъ—только жалкій, несчастный каминъ. Не мудрено, что этой зимой жесточайшая инфлуэнція вихремъ прошла по Парижу и без- пощадно косила жертвы за жертвами. При всей безпомощности парижанина климатъ Парижа особенно въ послѣдніе годы—далеко не милостивый.

XIII.

Борьба церкви съ республикой.

По дорогѣ во Францію я прочиталъ въ газетахъ тревожныя телеграммы изъ Парижа о столкновеніяхъ и стычкахъ въ церк- вахъ.

Во Франціи только-что вошелъ въ силу новый законъ объ от- дѣленіи церкви отъ государства, и во французскихъ церквахъ производились описи церковныхъ имуществъ, переходящихъ въ собственность казны. Это и вызвало цѣлый рядъ враждебныхъ манифестацій по отношенію къ республиканскому правительству и кровавыхъ столкновеній въ церквахъ Парижа и въ провинціи.

Должностныя лица, которымъ было поручено составленіе переписи, встрѣтили въ большинствѣ храмовъ сопротивленіе со стороны священниковъ и прихожанъ, этимъ лицамъ не давали войти въ церкви и принуждали ихъ удалиться. Ожесточенное столкновеніе произошло у церкви св. Клотильды, гдѣ толпа сбросила съ паперты муниципальнаго совѣтника Мерсана. Префектъ полиціи велѣлъ чинамъ республиканской гвардіи ломать рѣшетку церкви. Манифестанты били ногами и палками чиновъ гвардіи, которые отвѣчали ударами ружейныхъ прикладовъ. Когда рѣшетка была сломана, началась неопикуемая свалка. Женщины падали на землю, гдѣ ихъ топтали ногами. Изнутри церкви бросали стулья и камни. Было ранено около пятидесяти чиновъ полиціи и солдатъ и тридцать человекъ изъ числа манифестантовъ. Подобное же столкновеніе произошло въ церкви св. Петра въ предмѣстьѣ Гро-Кальу, гдѣ собралось до десяти тысячъ манифестантовъ, сопротивлявшихся описи. Пожарные ввламывали топорами дверь, примыкающей къ церкви, часовни Богоматери. На нихъ сыпался градъ камней и кирпичей. Въ толпѣ раздавались свистки и крики. Конные гвардейцы съ обнаженными саблями атаковали толпу. Много манифестантовъ было ранено. Пожарные, взобравшись на крышу, обливали находившихся въ церкви водой, а изъ храма въ нихъ стрѣляли изъ револьверовъ. Въ храмѣ были сооружены изъ стульевъ баррикады. Все въ церкви оказалось переломаннымъ. При выходѣ изъ церкви полицейскаго чиновника толпа плевала на него.

Въ числѣ арестованныхъ въ церкви св. Петра оказались нѣкоторые почетныя лица: бывшій городской совѣтникъ Обеленъ и совѣтникъ Гастонъ Мери.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ въ Парижѣ, происходившемъ въ день событій въ церквахъ, страсти были возбуждены. Депутатъ Кенель крикнулъ: «въ церкви св. Клотильды теперь течетъ кровь!»— и часть депутатовъ, поднявшись со своихъ мѣстъ, покинула залъ засѣданія. Раздавались громкіе голоса о религіозной войнѣ, возникали стычки по вопросу о церковныхъ описяхъ. Шумъ и бурные инциденты прерывали занятія...

Я попалъ въ Парижъ въ разгаръ горячихъ и страстныхъ толковъ по поводу происшедшихъ событій. Одни относились къ нимъ сдержанно и сочувствовали новому закону объ отдѣленіи церкви, другіе возмущались этими церковными описями.

— Республика не признаетъ, не оплачиваетъ и не субсидируетъ никакого культа,—говорили первые,—а такъ какъ церкви и ихъ имущества—собственность государства, то и зданія и движимости должны перейти въ казну. Эти протесты, этотъ народный фанатизмъ ничего не значать. Это было бы еще простительно въ какойнибудь провинціальной глуши, но въ Парижѣ это безобразіе... Вѣрѣ и религіи не грозитъ опасность, а между тѣмъ церкви охраняются

прихожанами, какъ крѣпости. Двери забаррикадированы, нужна военная сила, чтобы завладѣть церквами.

Иные объясняли эти событія особой политической агитаціей наканунѣ всеобщихъ выборовъ. Объ этомъ говорилъ въ Парижѣ и бывший министръ президентъ Рувье.

Однако, не невѣжество, не фанатизмъ толпы играли роль въ этихъ событіяхъ и не политическая агитація. Въ чемъ же разгадка всѣхъ происшедшихъ ужасныхъ столкновений и кровопролитія? Эта разгадка — вся исторія Франціи послѣднихъ лѣтъ.

— Пронесшаяся буря—послѣдній взрывъ народнаго энтузіазма, народнаго самосознанія гибнущей французской націи,—горячо сказалъ мнѣ одинъ изъ роялистовъ, принимавшій участіе въ этомъ движеніи.

— Но почему же «гибнущей»?—спросилъ я его.

— Потому что у всѣхъ налицо—гибель національной идеи, —и гибель роялистовъ. Вы обратили ли вниманіе,—продолжалъ онъ,—кто былъ защитникомъ церквей отъ натиска республиканскихъ описей? Духовенство и старые французскіе патріоты, извѣстные роялисты. Казалось бы, что особеннаго вноситъ въ жизнь церковная реформа? На видъ она задѣваетъ только матеріальные интересы церквей и духовенства, но не трогаетъ нравственныхъ чувствъ французскаго народа, но это только на видъ... Исторія дѣла такова. По конкордату Наполеона I зданія церквей и всѣ церковныя имущества составляли самостоятельную область, церковныя дѣла санкціонировались властью больше для вида. Духовенство было почти независимо, положеніе его было почетное. Оно было оплотомъ французской монархіи, и по своимъ убѣжденіямъ оно явилось потомъ врагомъ республики. Неужели вы думаете, что въ странѣ всѣ легко примирились съ торжествомъ республики? Далеко нѣтъ, именно католическое духовенство Франціи является яркимъ выразителемъ національнаго протеста противъ республиканскаго режима, который ведетъ страну не къ расцвѣту, а къ гибели, и признаки этой гибели уже налицо... Все во Франціи продажно, народъ не вѣритъ въ республику. Къ духовенству тяготѣетъ большая и сильная группа убѣжденныхъ гражданъ, сторонниковъ монархическаго режима. Во всей новѣйшей исторіи Франціи красной нитью проходитъ борьба духовенства и роялистовъ съ республикой, которая въ свою очередь ненавидитъ духовенство и насъ. Борьба эта обострилась при Греви, и республика все время готовилась нанести серьезный ударъ духовенству. Орудіемъ было выбрано вмѣшательство правительства въ церковныя дѣла. Инициаторами этой реформы явились Клемансо и Вальдекъ Руссо, а авторомъ и исполнителемъ — Комбъ, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ республики. Первой угрозой духовенству было снятіе въ школахъ распятій. Мѣра эта явилась какъ бы наказаніемъ духовенству за проповѣдь въ школахъ монархическихъ

идей, служащихъ къ подрыву авторитета республики. Теперь республика рѣшила довести дѣло до конца, и вотъ вамъ новый законъ о церковныхъ имуществахъ. Республика вырываетъ у духовенства его гражданскую мощь, лишаетъ его имущественной опоры, лишаетъ его жалованій, положенныхъ духовенству во времена Франціи-имперіи, она дѣлаетъ церкви и церковныя имущества подкон-

Русская церковь въ Парижѣ въ rue Daug.

трольной собственностью городовъ. Духовенство обречено на разореніе, пенсіи оставлены только старымъ служащимъ, новые священники лишены ихъ и отнынѣ будутъ существовать только доходами церквей. Республика все беретъ въ свои руки. Церковь, этотъ союзникъ и оплотъ монархизма, оказывается въ тискахъ этого жестокаго и безпощаднаго деспота—республиканскаго режима. Она побѣждена и обезсилена... Вотъ этотъ натискъ республики и всполошилъ всѣхъ... вся страна встрепенулась, всѣ люди, которымъ дороги національная идея и національная церковь, поднялись на защиту духовенства и церквей. Что далъ намъ республиканскій режимъ?.. Торжество инородческаго начала, господство

юдаизма и подавленность французскаго національнаго духа. Такъ удивляться ли взрыву негодованія противъ кощунственныхъ посягательствъ республики на церковь? И вотъ вамъ разгадка этой исторіи. Духовенство сплотило около себя тысячи прихожанъ, всѣ роялисты поспѣшили на помощь къ нему. И вы видѣли, какой это былъ протестъ—страдальческій, даже кровавый, потому что многіе заплатились ранами и кровью... Лучшіе, почетнѣйшіе люди доказали, что они—не друзья республики. Но путемъ кровопролитія и даже поруганія святыни республика кощунственно завладѣваетъ теперь духовной жизнью и душой народа, которому она противна.

— Имущества отобраны, но религія остается неприкосновенной,—говорилъ я моему собесѣднику.

— Можетъ быть,—сказалъ онъ,—но зато идея монархизма теперь задавлена. Монархисты видятъ, что имъ уже не за что ухватиться. Нѣтъ никакой опоры. Все гибнетъ для нихъ въ когтяхъ республиканскаго режима, всѣ свѣтлые горизонты для Франціи закрылись... и повѣрьте мнѣ,—воскликнулъ мой собесѣдникъ,—это несчастье для страны. Масса искреннихъ людей, преданныхъ Франціи и своему народу, убѣдились теперь, что въ родной странѣ для нихъ все умерло. Страна подписала себѣ смертный приговоръ... и исторія еще покажетъ все значеніе нашей борьбы за великую идею...

Изъ разговоровъ съ другими монархистами я все болѣе убѣждался, что во Франціи есть сильная національная группа, которая горячо возстаётъ противъ республиканскаго строя, съ послѣднимъ здѣсь далеко не всѣ примирились и имъ далеко не всѣ довольны. Историческіе счеты Франціи еще не погасли, они тлѣютъ въ народѣ. Защита церковей отъ лапъ республики подняла на борьбу десятки тысячъ чистаго французскаго народа.

Республика, усердно поддерживающая безразличіе національностей, подготавливаетъ торжество масонства во Франціи.

— Въ Парижѣ слишкомъ ужъ много космополитизма,—говорятъ роялисты:—еврейство достигло небывалаго въ исторіи Франціи могущества, народъ ясно видитъ, что въ существующихъ условіяхъ нѣтъ будущности для французской націи, она поработается масонствомъ и еврействомъ. Эта борьба масонства и еврейства съ христіанствомъ на видъ какъ будто потушена усмирненнымъ столкновеніемъ изъ-за церковныхъ имуществъ, но протестъ противъ республики и ея посягательствъ на народныя идеалы живетъ въ народѣ, и его не вытравить изъ народной души. Что такое масонство, какъ не смерть націи и не проводникъ космополитизма? Масоны расширяютъ власть еврейства до неограниченныхъ предѣловъ, и народъ инстинктивно чувствуетъ опасность.

Связь стараго масонства съ новымъ—слабая. Прежде масонство носило болѣе идейную окраску. Теперь масоны преслѣдуютъ

прежде всего цѣли матеріальнаго господства и матеріальныхъ выгоды, и масонство имѣетъ своими застрѣльщиками еврейскихъ руководителей. Самое крупное средоточіе масонскихъ ложъ—въ Лондонѣ и Кельнѣ, но и Франція дошла уже до того, что здѣсь ни одной

Внутренній видъ русской церкви въ Парижѣ.

видной должности, ни одного министерскаго поста почти никогда не получаетъ лицо, не принадлежащее къ масонству. Здѣсь 30 тысячъ официально зарегистрированныхъ масоновъ, въ числѣ которыхъ, къ сожалѣнію, немало христіанъ. Это обидно и досадно, такъ какъ христіане въ масонствѣ—это безсмысленное стадо случайно вовлеченныхъ людей безъ убѣжденій, ведущихъ націю къ гибели.

Въ Лондонѣ и Кельнѣ какая нибудь сотня людей управляютъ міромъ. Кто эти главари? Ихъ надо искать въ семьѣ Ротшильдовъ и въ Alliance Israélite, командующихъ масонскимъ движеніемъ. Эти масоны работаютъ тихо и незамѣтно, но работа ихъ сильна и у всѣхъ налицо.

— Къ сожалѣнію, — говорили мнѣ въ Парижѣ: — теперь и въ Россіи завелись масоны и даже сидятъ на видныхъ постахъ, уродуя русскую жизнь и распространяя свое вліяніе на радость еврейству, которому завоеваніе Россіи до сихъ поръ не удавалось. Теперь оно пойдетъ быстрѣе. Масоны раньше служили лютеранству и германскому вліянію въ Россіи, а теперь они открыто служатъ еврейству, и только слѣпые могутъ этого не видѣть. Массонство — врагъ не только Россіи, но врагъ всего славянства, которому нѣтъ будущности при торжествѣ масоновъ, оно приведетъ Россію и славянъ къ такой же гибели, къ которой открыто идетъ теперь порабощенный имъ французскій народъ.

XIV.

Славянская идея въ Парижѣ.

Съ особеннымъ интересомъ я узналъ, что въ Парижѣ недавно народилась проповѣдующая борьбу съ масонствомъ Латино-славянская лига—*Ligue Latino-Slave*, въ числѣ передовыхъ дѣятелей которой оказались даже русскіе люди.

Латино-славянская лига возникла въ 1904 г. въ цѣляхъ укрѣпленія франко-русскаго союза сгруппированіемъ вокругъ него другихъ славянскихъ и латинскихъ народовъ, въ числѣ ихъ, главнымъ образомъ, Италіи, которой, по мнѣнію лиги, нѣтъ будущности въ тройственномъ союзѣ. Отдѣленіе лиги уже открыто въ Римѣ и функционируетъ тамъ.

— Обратите вниманіе на слѣдующее обстоятельство, — сказалъ мнѣ гостившій въ Парижѣ предсѣдатель московскаго отдѣла славянскаго общества, А. И. Черепъ-Спиридовичъ, дѣятельный пропагандистъ латино-славянскаго сближенія и инициаторъ лиги. — Черезъ двадцать лѣтъ во Франціи будетъ менѣе сорока милліоновъ французскаго народа, и онъ очутится въ грозномъ сосѣдствѣ со ста милліонами нѣмцевъ Германіи и Австріи. Положеніе Франціи трудное. Нѣмцы очень сильны и за предѣлами Германіи и Австріи, сильны они въ Россіи и въ Турціи, въ которой они все поработили. Въ Швейцаріи нѣмцы черезъ 20 лѣтъ будутъ составлять четыре пятыхъ народонаселенія. Громадны успѣхи нѣмцевъ также въ Голландіи, Бельгіи, Люксембургѣ. Германизація Польши, Чехіи, Хорватіи и всѣхъ балканскихъ государствъ, можетъ быть, не за горами. Все это выростаеъ грознымъ призракомъ для Франціи и

для Россіи, все это должно побудить Францію къ тому, чтобы при недостаткѣ своего населенія возстать противъ германизациі пробужденіемъ славянскихъ народностей. Только въ латино-славянскомъ союзѣ заключается надежный щитъ противъ нѣмцевъ, въ немъ освобожденіе націй отъ грядущаго экономическаго и политическаго рабства у Германіи.

— Нашли ли вы благодарную почву во Франціи для идей латино-славянскаго сближенія?—спросилъ я г. Черепъ-Спиридовича.

Протоіерей о. Василій Прилежаевъ, многолѣтній настоятель русской церкви въ Парижѣ.

— О, громадную,—отвѣтилъ онъ.—Въ Парижѣ уже человѣкъ 800 записались членами нашей лиги, въ числѣ ихъ много именитыхъ французовъ: Поль Думеръ, президентъ палаты депутатовъ, бывшіе министры Локруа и Гильенъ, вице-президенты палаты, Этьенъ—военный министръ, Флурансъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ; у насъ много сенаторовъ, какъ, на примѣръ: Лурти, президентъ франко-испанской лиги, Польа, М. Форъ, депутаты Мильвуа, Берри, Ш. Бокье, президентъ франко-итальянской лиги, Дени Кошенъ и друг.

Въ списокъ членовъ лиги оказались также генераль Буадефрѣ, адмираль Жерве, баронъ де-Бай, Доссе—президентъ франко-чешскаго кружка, Эмиль Арно—президентъ международной лиги мира и свободы, Фонъ-Сенъ—президентъ Alliance Française, президентъ франко-португальской лиги Карвальхо и итальянцы: генералы Р.

Гарибальди, Тюрръ, Питгалуга и бывший посолъ графъ Грешпи, профессора, а также шефы албанскаго, арабскаго, армянскаго и македонскаго движенія.

— Нарожденіе нашей лиги было довольно торжественно,—разсказывалъ мнѣ г. Черепъ-Спиридовичъ.—Въ Сорбоннѣ въ декабрѣ 1904 г. было многочисленное собраніе лиги въ 5.000 чел. Затѣмъ были и другія собранія. Основавшись въ Парижѣ, какъ въ столицѣ міра, лига формируетъ свои отдѣленія во всѣхъ латинскихъ и славянскихъ центрахъ. Лига работаетъ, между прочимъ, для упроченія европейскаго мира, такъ какъ она доказываетъ безопасность панславизма для Европы и проповѣдуетъ необходимость независимости славянскихъ народностей, ибо гнетъ славянъ, гдѣ бы онъ ни проявлялся: на Западѣ или на Востокѣ, продолжаетъ разжигать страсти и распри.

— Есть ли въ составѣ лиги русскіе?—спросилъ я.

— Къ сожалѣнію, почти нѣтъ. Но оно и немудрено. Вы знаете, какой русскій элементъ за границей: или жуирующая публика, равнодушная ко всѣмъ серьезнымъ идеямъ, или анархисты. На первыхъ разсчитывать трудно, а о вторыхъ и говорить нечего. Вѣдь наша лига консервативна и преслѣдуетъ положительныя идеи націонализма.

— А какъ относятся къ вашему дѣлу русскіе официальные представители во Франціи?

— Имъ извѣстны наши идеи и задачи,—сказалъ г. Черепъ-Спиридовичъ:—но мы не ждемъ живого участія отъ дипломатовъ-чиновниковъ. Они холодны къ намъ. Официальный міръ Франціи болѣе расположенъ къ намъ. Мы имѣемъ въ виду достигнуть сближенія и солидарности между славянскою лигой въ Парижѣ, славянскимъ обществомъ въ Лондонѣ (Балканскій комитетъ) и славянскимъ обществомъ въ Москвѣ, предсѣдателемъ котораго состою я. Предсѣдателемъ лондонскаго комитета былъ нашъ московскій почетный членъ, Джемсъ Брайсъ, нынѣ избранный въ министры въ новый англійскій кабинетъ.

— Мнѣ кажется, что основаніе лиги въ Парижѣ можетъ имѣть непосредственное значеніе и для Россіи,—замѣтилъ я.

— О, да,—сказалъ г. Черепъ-Спиридовичъ:—славянская лига можетъ быть свѣтлымъ центромъ во Франціи при повсемѣстномъ у насъ изобиліи за границей и въ той же Франціи отрицательныхъ элементовъ.

Я искалъ другихъ живыхъ объединительныхъ русскихъ центровъ во Франціи и, увы, ничего не нашель. Русскою идейною жизнью въ Парижѣ не замѣтно. Вездѣ за границей мы, русскіе, разрознены, а потому слабы и индифферентны.

Единственнымъ русскимъ центромъ въ Парижѣ служитъ только великолѣпная русская церковь.

XV.

Русская церковь въ Парижѣ.

Русская церковь въ Парижѣ, находящаяся въ улицѣ Daug, составляетъ въ настоящемъ своемъ видѣ одно изъ выдающихся нашихъ сооружений за границей. Стройная, величественная, красивая, она высится внутри просторнаго двора, по бокамъ котораго стоятъ постройки съ квартирами для причта. Церковь еще болѣе бы выиграла, если бы она стояла отдѣльно, а не по сосѣдству съ закрывающими ее пятиэтажными домами парижскихъ улицъ. Церковь въ Парижѣ имѣетъ свою исторію. Первая церковь существовала здѣсь въ rue de Berry еще во времена Петра Великаго. Нынешняя церковь была построена въ царствованіе императора Александра II при российскомъ послѣ въ Парижѣ, графѣ Киселевѣ, который вмѣстѣ съ протоіереемъ І. Васильевымъ, тогдашнимъ настоятелемъ церкви, были инициаторами дѣла. Графъ Киселевъ далъ письмо о. І. Васильеву къ императору Александру II, который чутко откликнулся на это дѣло, сдѣлавъ крупное пожертвованіе на церковь въ 50 тысячъ рублей, и вызвалъ своимъ приѣздомъ другое такое же пожертвованіе со стороны святѣйшаго синода. Императрица Марія Александровна, съ своей стороны, предложила для парижской церкви уже готовый, выработанный архитекторомъ Штромомъ, планъ, предназначавшійся первоначально для русской церкви въ Афинахъ. Постройка парижской церкви начата была въ 1859 г., а въ 1861 г. она была закончена и освящена въ присутствіи виновниковъ торжества: посла графа Киселева и протоіерея о. Іосифа Васильева. Церковь строилъ профессоръ архитектуры Кузьминъ, соорудившій въ нижнемъ ея этажѣ такія толстыя массивныя стѣны, что французскіе архитекторы приходили смотрѣть на нихъ, какъ на диковинку, и говорили, ужъ не крѣпость ли это строятъ! Нижняя церковь во имя св. Духа замѣнила прежнюю церковь петровскихъ временъ. Въ ней теперь ставятъ только покойниковъ, а богослуженіе происходитъ преимущественно въ верхнемъ храмѣ во имя св. Александра Невскаго. Церковь вмѣстѣ съ домовыми постройками, квартирами настоятеля и причта, обошлась въ одинъ милліонъ сто тысячъ франковъ.

Церковь выстроена въ византійскомъ стилѣ. Наружный видъ ея все-таки ничто въ сравненіи съ изящнымъ и величественнымъ внутреннимъ видомъ, который напомнилъ мнѣ не такъ давно посѣщенную мною нашу посольскую церковь въ Вѣнѣ. Но парижская церковь еще больше, еще величественнѣе. Въ ней цѣлый рядъ художественныхъ сокровищъ, между прочимъ, прекрасныя работы профессора Боголюбова (двѣ картины въ нишахъ); одна изъ нихъ особенно понравилась императору Александру III при посѣщеніи

имъ въ семидесятихъ годахъ Парижа проѣздомъ изъ Лондона (въ бытность Александра III наслѣдникомъ), при чемъ императоръ, по свидѣтельству старожиловъ, сказалъ художнику:

— Лучше и выше этого ты, Алексѣй Петровичъ, ничего не напишешь!

Картины Боголюбова изображаютъ: одна—Хожденіе по водамъ на евангельскій текстъ (отъ Матѳ., 14 глава, 25 стихъ): «Въ четвертую же стражу ночи пошелъ къ нимъ Иисусъ, идя по морю», другая—ученіе съ лодки (Ев. отъ Луки, 5 гл., 3 ст.): «Вошедъ въ одну лодку, которая была Симонова, Онъ просилъ его отплыть нѣсколько отъ берега, и сѣвъ училъ народъ изъ лодки».

Но Боголюбовскія картины много проигрываютъ отъ того, что въ мѣстахъ ихъ нахождения сравнительно мало свѣту, особенно въ ненастные дни, которые такъ часты въ Парижѣ.

Кромѣ работъ Боголюбова, въ церкви имѣются художественныя работы старыхъ мастеровъ: Сорокина, Васильева (изображеніе пророковъ въ куполѣ) и Бейдемана. Запрестольное распятіе—работы Бронникова. Вообще вся церковь изобилуетъ образцами русской художественной работы и цѣнными приношеніями русскихъ людей. На жертвенникѣ находится образъ св. Александра Невского, пожертвованный императоромъ Александромъ II въ 1867 г. послѣ покушенія на него въ Парижѣ Березовскаго (императоръ подвергся нападенію въ Булонскомъ лѣсу), съ его собственноручной надписью: «Въ память моего чудеснаго спасенія». Именитое петербургское купечество жертвовало парижской церкви цѣнныя иконы, и С. П. Елисеѣвъ недавно прислалъ изъ Петербурга драгоцѣнную плащаницу русской работы.

Сердце радуется, когда видишь во всей красотѣ этотъ благоустроенный родной храмъ, выросшій на собственной землѣ при энергичныхъ русскихъ представителяхъ. Устроителю дѣла, отцу Юсифу Васильеву, наслѣдовалъ въ качествѣ настоятеля церкви другой памятный въ лѣтописяхъ русской колоніи священникъ, о. Василій Прилежаевъ. Онъ былъ попечительнымъ хозяиномъ парижской церкви въ теченіе 18 лѣтъ.

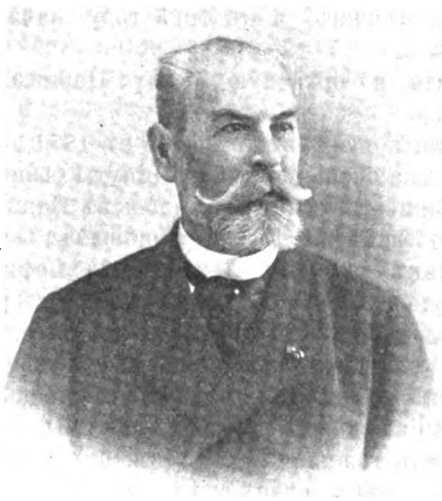
Русскаго кладбища въ Парижѣ нѣтъ, но на французскихъ кладбищахъ имѣется немало могилъ нашихъ прошлыхъ дѣятелей. На Монмартрскомъ кладбищѣ похороненъ графъ Муравьевъ-Амурскій, тамъ же могилы П. Д. Бутурлина и Мансурова. На Перъ-Лашезскомъ кладбищѣ находятся могилы Анатолія Демидова, князя Санъ-Донато, и графини Самойловой, урожденной Паленъ. Все это были свидѣтели прошлыхъ блестящихъ дней Французской имперіи.

— А теперь съ республикой все опустилось, — говорятъ старики: — аристократія нѣтъ, господствуютъ пролетаріатъ и жида. Русская колонія совершенно ничтожна и никакой роли не играетъ.

XVI.

Русская колонія въ Парижѣ.

— Если вы интересуетесь русской жизнью въ Парижѣ,—говорили мнѣ соотечественники,—вамъ непременно слѣдуетъ познакомиться съ патриархомъ нашей колоніи, Георгіемъ Саввичемъ Тесельскимъ, дьякономъ русской церкви. Ему семьдесятъ лѣтъ, онъ жи-

Старѣйшій членъ русской духовной миссіи въ Парижѣ, Г. С. Тесельскій, дьяконъ русской посольской церкви, находящійся въ Парижѣ со временъ Второй Французской имперіи.

ветъ здѣсь со временъ Французской имперіи. На его глазахъ прошла вся жизнь нашей колоніи, онъ былъ свидѣтелемъ развитія русскаго дѣла въ Парижѣ и созиданія русской церкви.

Въ парижской церкви, послѣ обѣдни, я встрѣтился и познакомился съ Г. С. Тесельскимъ. Онъ оказался чрезвычайно бодрымъ, несмотря на свои почтенные годы, и живымъ старикомъ. Увидѣвъ его послѣ службы въ элегантномъ свѣтскомъ костюмѣ (русскіе священники и діаконы за границей ходятъ внѣ церкви въ свѣтскихъ костюмахъ), я бы ни за что не принялъ его за русскаго діакона. Высокій, красивый, съ изящными манерами, онъ за дол-

гіе годы своего пребыванія въ Парижѣ сдѣлался настоящимъ парижаниномъ.

— Я прибылъ въ Парижъ въ началѣ 1865 года, — рассказывалъ мнѣ Г. С. Тесельскій, — и засталъ здѣсь еще имперію, служилъ при Наполеонѣ III, при императрицѣ Евгеніи, въ нашей русской церкви видѣлъ многихъ коронованныхъ особъ. Республиканскій режимъ начался здѣсь на моей памяти въ 1870 году, ему теперь тридцать семь лѣтъ.

— При васъ же создавалась и русская церковь? — спросилъ я Г. С. Тесельскаго.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — я помню первые годы церкви, но при освященіи ея въ 1861 году я присутствовалъ не діакономъ, а въ качествѣ хориста, пѣвчаго, а въ 1865 году началась здѣсь моя официальная служба.

— Вы помните и прусскую осаду Парижа? — спросилъ я почтеннаго діакона.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — въ то время, въ 1871 году, вся русская колонія Парижа была очень невелика. Минуты были тяжелыя, опасныя. Всѣ разѣхались, русскихъ осталось въ Парижѣ только двадцать человѣкъ во главѣ съ Д. А. Татищевымъ. Оставались, между прочимъ, художникъ Чумаковъ, Леманъ и библиофилъ Полторацкій. Чумаковъ, — продолжалъ Г. С. Тесельскій, — старожилъ Парижа, ему теперь 83 года, онъ живетъ здѣсь съ пятидесятихъ годовъ. Вы знаете его знаменитыя картины на библейскіе сюжеты: «Бичеваніе Спасителя», «Спаситель и богатый юноша». Прежде Чумаковъ писалъ специально историческія картины, а послѣ бросилъ ихъ и сталъ писать головки à la Грѣвъ, отъ которыхъ французы въ восторгѣ, и онъ здѣсь очень извѣстенъ.

— Оставалась ли здѣсь русская колонія въ семидесятихъ годахъ во время послѣдней французской революціи? — спросилъ я.

— Нѣтъ, во время революціи русскихъ въ Парижѣ не было, всѣ разѣхались.

Кромѣ старика Чумакова, въ Парижѣ живетъ немало русскихъ художниковъ. Въ прежніе годы здѣсь жили Рѣпинъ, Полѣновъ, покойный Гунъ, умершій въ чахоткѣ, и здѣсь провелъ послѣдніе годы своей жизни профессоръ А. П. Боголюбовъ. Но русскій художественный кружокъ существуетъ и теперь. Художникъ Харламовъ, скульпторъ Бернштамъ, Леманъ и другіе не покидаютъ Парижа. Подъ предсѣдательствомъ Харламова здѣсь функционируетъ общество художниковъ и артистовъ. Художественный кружокъ существуетъ уже давно и былъ вызванъ къ жизни еще Тургеневымъ и профессоромъ Боголюбовымъ. Въ «Société russe de bienfaisance» и въ «Société de secours mutuels et de bienfaisance des artistes russes à Paris», въ числѣ покровителей и членовъ, состоятъ наши официальные представители въ Парижѣ.

Въ Парижѣ я засталъ громадную русскую колонію, усиленную бѣглецами изъ Россіи.

— Русскихъ набралось здѣсь видимо-невидимо, — говорили мнѣ. — По полицейскимъ спискамъ значится 11 тысячъ человѣкъ русскихъ. Этотъ расцвѣтъ русской колоніи вызванъ революціей и смутами въ Россіи, отъ которыхъ всѣ бѣгутъ. Въ спокойное время русская колонія насчитываетъ всего нѣсколько тысячъ человѣкъ русско-подданныхъ, но и то какіе это русскіе: все больше евреи, поляки, студенты-революціонеры, а настоящихъ русскихъ православныхъ наберется 500—600 человѣкъ, не больше. Русскихъ здѣсь двѣ категоріи, не примиримыхъ между собою и даже враждебныхъ другъ другу. Богатая обезпеченная публика, наѣзжающая въ Парижъ или живущая здѣсь постоянно, держится вдали отъ разношерстныхъ соотечественниковъ изъ категоріи учащагося пролетаріата. Недостаточная молодежь ютится преимущественно въ Латинскомъ кварталѣ и держится своимъ кружкомъ.

— Тяжелый годъ выдался нынче для здѣшней русской молодежи, — рассказывали мнѣ русскіе парижане. — Молодежь эта положительно бѣдствуетъ вслѣдствіе слабаго притока денегъ изъ разоренной революціей Россіи. Заработковъ здѣсь никакихъ, а у родителей ихъ у кого пропали капиталы, у кого разорены усадьбы.

Студенты имѣютъ въ Парижѣ свой клубъ, свою читальню, свои рестораны, кофейни, свои скромные отели; въ русской церкви эта молодежь никогда не бываетъ, да и мало имѣетъ общаго съ нею, потому что эта молодежь — сплошь и рядомъ евреи.

XVII.

Парижскіе будни.

Парижъ послѣ Берлина и мраченъ и грязенъ. Съ самаго момента вѣзда въ Парижъ на громадный и неуклюжий вокзалъ Gare du Nord, куда прибываютъ поѣзда изъ Берлина и изъ Россіи, вы удручены этимъ сѣрымъ колоритомъ, разлитымъ здѣсь повсюду, грязными и кривыми улицами окраинъ города, невзрачнымъ видомъ сѣрыхъ многоэтажныхъ гробницъ-домовъ, и только немного отдыхаетъ вашъ глазъ, когда вы попадаете въ болѣе приглядныя части Парижа — на Avenue de l'Opéra, на Boulevard des Italiens и Boulevard des Capucins. Я приѣхалъ въ Парижъ рано утромъ, когда только-что начиналось на улицахъ рабочее движеніе, сновали нагруженные повозки съ припасами и ломовые, городъ еще спалъ, и въ гостиницахъ выходили мнѣ навстрѣчу заспанная фізіономіи портье и лакеевъ. Складъ жизни здѣсь иной, чѣмъ въ Берлинѣ. Парижъ поднимается поздно, оживленіе наступаетъ въ городѣ только послѣ полудня, и въ 1 часъ дня, когда Берлинъ обѣдаетъ, въ Парижѣ только завтракаютъ.

Въ 11 часовъ вечера Берлинъ спитъ, тамъ всѣ театры и концерты окончены, а въ Парижѣ царитъ въ это время полное оживленіе и жизнь затихаетъ лишь въ 2—3 часа ночи. Размахъ жизни въ Парижѣ куда шире, чѣмъ въ Берлинѣ, который въ общемъ городъ болѣе мѣщанскій. Театральный Парижъ, конечно, не можетъ итти въ сравненіе съ Берлиномъ. Но въ театральномъ отношеніи Берлинъ неизмѣримо цѣломудреннѣе и скромнѣе Парижа, гдѣ торжество женщины и женской красоты на сценѣ принимаетъ съ каждымъ днемъ уже слишкомъ вызывающія, откровенныя и циничныя формы. Берлинскій нѣмецъ потерялся бы въ парижскомъ театрѣ и убѣжалъ бы безъ оглядки изъ парижскаго кафе-шантана, гдѣ излюбленнымъ имъ акробатамъ и ученыхъ собакамъ не отводится мѣста, а ему показываютъ только вызывающе оголенныя женщины. Берлинъ—недоразвившійся младенецъ въ сравненіи съ Парижемъ, а упитанная пивомъ невзыскательная нѣмецкая публика найдетъ въ парижскихъ развлеченияхъ только оскорбленіе своихъ стыдливыхъ вкусовъ. Нѣмцы тяжелы для Парижа, и развратъ ими поощряется у себя въ Берлинѣ только, когда онъ легализированъ нѣмецкимъ режимомъ и существуетъ, такъ сказать, во славу процвѣтанія буржуазнаго капитала берлинскихъ тапан.

Впрочемъ, и въ Парижѣ достаточно своей патриархальности въ искусствѣ. Въ парижской Grande Opéra, о которой мы слышимъ чуть не съ колыбели и которой привыкли заочно восторгаться, я засталъ представленіе допотопной оперы Глюка съ самыми посредственными пѣвцами, которыхъ едва ли бы пустили на нашу Маринскую сцену. Чрезвычайно плохъ былъ толстый, вялый, неподвижный теноръ, но парижская публика снисходительно слушала и тенора и всю древнюю оперу и даже по временамъ аплодировала. Театръ Grande Opéra ласкаетъ глазъ своимъ изящнымъ видомъ; его фасадъ щеголяетъ чудеснымъ кружевнымъ рисункомъ архитектурныхъ линий. Залъ театра красивъ, всюду тонкая лѣпка, хорошо фойе, просторны и легки входы и коридоры, но старый этотъ театръ, свидѣтель многихъ поколѣній парижскихъ меломановъ, отвратителенъ въ смыслѣ удобствъ для публики. Кресла тѣсныя, проходы узки, и здѣсь невозможно пробраться на свое мѣсто, не отдавивъ колѣна сосѣдямъ.

Легкій театральный жанръ культивировался на Boulevard de Klitchi, куда неизмѣнно тяготеетъ прїѣзжая публика. Рядъ театровъ, кафе-шантановъ и типичныхъ французскихъ cabarets показываютъ вамъ и мрачный адъ и блаженное ослѣпительное небо. Черти, прислуживающіе въ «аду», хорошо вошли въ роль.

— Monsieur, — спрашиваютъ они, — не желаете ли вы принять яду или pilules de diable?

Въ качествѣ яда подается лимонадъ, въ качествѣ pilules de diable—вишни.

Тутъ на маленькой сценѣ горитъ костеръ, вызываются изъ публики охотники сгорѣть заживо. Помощью свѣтовыхъ эффектовъ и дыма достигается полная иллюзія сжиганія добровольцевъ.

Въ театрахъ и кафе-шантанахъ идутъ безчисленныя парижскія revues. Они прочно смѣнили теперь прежнюю кафе-шантанную программу, которой отводится уже болѣе скромное мѣсто.

Безчисленные проводники, сплошь и рядомъ эмигрировавшіе изъ Россіи евреи, рассказываютъ по Avenue de l'Opéra и Boulevard

Набережная рѣки Сены въ Парижѣ.

des Italiens въ поискахъ за русскими туристами. Они предлагаютъ показать вамъ всѣ сокровищницы и достопримѣчательности дневного и вечерняго Парижа.

— Не желаете ли посмотрѣть Hageme de Rascha? Это замѣчательно любопытно. Иностранцы въ восторгѣ,—говорятъ они,—или вотъ еще Хрустальный дворецъ.

Но эти же проводники удивительно неумѣлы. Даже въ знакомой имъ обстановкѣ Парижа они не могутъ устроить вамъ ни интересной прогулки, ни достать билета въ театръ и только всегда вводятъ васъ въ лишніе расходы, заставляя за все платить втридорога.

XVIII.

Историческій уголокъ.

Въ предобѣденные часы безчисленные экипажи катятся въ Bois de Boulogne, въ Елисейскія поля. Я ѣду туда по набережной Сены, мирно струящейся среди парижскаго шума и гама въ виду наряд-

ныхъ домовъ-дворцовъ, подъ безчисленными мостами. По рѣкѣ снуютъ крошечные пароходы *de mouches*, поддерживающіе сообщеніе съ историческимъ Сенъ-Клу—убѣжищемъ Карла X во время Іюльской революціи 1830 года. У набережныхъ стоятъ суда и баржи. Маленькая Сена—важная артерія Франціи, служащая интересамъ промышленности. Я давно слышалъ объ удивительно заботливомъ отношеніи французовъ къ этой игрушечной рѣкѣ, которую они превратили въ образцовый водный путь. Въ то время, какъ наши богатая русскія рѣки Волга и Днѣпръ ежегодно страдаютъ отъ мелководья, перекатовъ и карчей, крошечная Сена не знаетъ никакихъ невгодъ.

— Здѣшнее министерство путей сообщенія,—говорили мнѣ,—нянѣтся съ Сеной, какъ съ куклой.

Начиная отъ Сенъ-Клу, рѣка шлюзована черезъ каждыя 15 верстъ до Руана. Эти шлюзы всегда поддерживаютъ въ ней полноводный уровень, удовлетворяющій правильному судоходству. Оттого-то Сена и играетъ такую роль въ экономической жизни Франціи. Кромѣ пассажирскаго движенія, Сена имѣетъ большое торговое судоходство. Пароходы буксируютъ идущія изъ Гавра баржи съ товарами, привозимыми изъ Англіи и изъ Америки. Рѣка широко служитъ запросамъ внутренней и заграничной торговли.

Русская публика ѣздитъ въ Парижъ для разсѣянной жизни, для развлеченій, но что говоритъ Парижъ вашему сердцу? Въ пестротѣ уличной и театральной жизни Парижа, которую только и приходится наблюдать нашимъ доморощеннымъ туристамъ, теряется все то, что старая столица міра, пережившая бури и историческіе перевороты, можетъ подсказать намъ своими памятниками и святынями.

Войдите подъ мрачные своды *Notre-Dame de Paris*. Вотъ гдѣ все дышитъ историческими воспоминаніями, легендами Виктора Гюго, гдѣ надъ группами молящихся невидимо рѣетъ властное дыханіе покорившаго латинскій міръ католицизма. Здѣсь все исторія и въ этихъ массивныхъ каменныхъ плитахъ, выросшихъ громаду собора, и въ рѣзныхъ окнахъ, и въ таинственности великаго алтаря, и въ стройныхъ стильныхъ башняхъ, въ амбразурахъ которыхъ воображеніе рисуетъ вамъ неразлучнаго съ соборомъ Квазимодо. Плавно разливались подъ этими тяжелыми сводами звуки органа, когда я входилъ въ соборъ, мелькали въ полусвѣтѣ желтые огни свѣчей, изъ алтаря долетали обрывки молитвенныхъ восклицаній всенда, но въ храмѣ среди царящаго холода и полумрака было пустынно, виднѣлось всего нѣсколько человѣкъ богомольцевъ. Звуки органа временами замолкали, и весь соборъ въ своемъ величіи казался въ эту минуту онѣмѣвшимъ и застывшимъ надъ шумнымъ Парижемъ историческимъ привидѣніемъ. А тамъ за стѣнками переливалась какая-то чуждая ему пестрая космополитическая жизнь.

Я заглянулъ въ находящійся около собора Парижскій моргъ. Несчастнѣйшій пролетарскій Парижъ прислалъ сюда свои жертвы. За большими стеклами лежатъ распухшіе трупы утопленныхъ или утопившихся, безвѣстныхъ, растерзанныхъ бродячими собаками и нуждой мужчинъ и женщинъ. Какія лица, какія выраженія! Вчерашній ли это бродяга или мирный труженикъ, выбитый изъ колеи? Смерть наложила уже на ихъ лица печать глубокаго равнодушія къ судьбѣ, къ жизни и смерти. Масса любопытныхъ толпится кругомъ, простонародье, рабочіе, какія-то невзрачныя женщины и уличные дѣти-подростки... Можетъ быть, иные изъ нихъ узнаютъ въ этихъ трупахъ своихъ вчерашнихъ сотоварищей и товарокъ... Сегодня ты, а завтра—я!

А шумный и блестящій Парижъ неугомонно катитъ по улицамъ и площадямъ свои волны автомобилей и экипажей. Все лихорадочно мчится куда-то вдаль, равнодушно пробѣгая мимо историческихъ святынь, мимо величія смерти; эти суетливые люди не остановятся ни на минуту, они несутъ жизнь, счастье, мечты, завѣты и чувства туда... въ горнило страстей, на рынокъ борьбы...

XIX.

Заржавѣвшая дружба.

На пути изъ Парижа въ Берлинъ я жестоко простудился. Погода была скверная, удобствъ въ дорогѣ мало, и я жаждалъ скорѣе прибыть въ Берлинъ, чтобы расположиться на покой въ своей мирной гостиницѣ. Но не тутъ-то было. Всѣ отели въ Берлинѣ оказались переполненными, не находилось свободныхъ комнатъ, и въ томъ отелѣ, гдѣ я жилъ раньше, съ сокрушеніемъ заявили мнѣ, что съ трудомъ припасли для меня помѣщеніе, какое пришлось, ибо свободныхъ комнатъ совсѣмъ нѣтъ.

— Что же случилось?—спросилъ я.

— Понаѣхали аграріи изъ провинціи... сельскіе хозяева. Они всегда пріѣзжаютъ въ это время, сидятъ здѣсь недѣлю-другую, совѣщаются о своихъ дѣлахъ, потомъ когда уѣдутъ, то всѣ гостиницы разомъ освободятся.

Русскихъ въ Берлинѣ въ это время было уже нѣсколько меньше, многіе или выѣхали на родину или собирались выѣхать. Въ Россіи стало потише. Однако, на Unter den Linden и на Фридрихштрассе я встрѣчалъ еще знакомыхъ евреевъ и русскихъ. Въ это время изъ Берлина уѣхалъ и В. Н. Коковцевъ, закончившій свою поѣздку въ Парижъ по дѣламъ русскаго займа. Въ Германіи подробно знали уже обо всѣхъ условіяхъ этого займа, но въ Россіи тогда еще не знали.

— Россіи даютъ деньги,—говорили нѣмцы,—только не особенно щедро и на тяжелыхъ условіяхъ.

А графъ Витте еще бомбардировалъ телеграммами своего любимца, берлинскаго банкира Мендельсона, хотя изъ ихъ нѣжныхъ отношеній никакого толку не выходило.

Наши отношенія съ Германіей разстроились. Принявъ въ мароккскихъ дѣлахъ сторону Франціи, мы уязвили Германію въ самое сердце. Она отказалась отъ участія въ русскомъ займѣ, и берлинскіе банкиры могли осуществить это участіе только окольными путями. Нѣмцы упрекали насъ въ черной неблагодарности. Сотни русскихъ евреевъ, застрявшихъ въ Берлинѣ, которыхъ германцы терпѣли ранѣе, какъ подданныхъ дружественной Россіи, были безъ особенныхъ церемоній высланы изъ нѣмецкихъ предѣловъ, какъ опасный въ революціонномъ смыслѣ и ненужный нѣмцамъ пролетаріатъ.

Мнѣ сказали въ Берлинѣ:

— Всего неблагоприятѣе разрывъ съ Германіей для положенія Россіи на Ближнемъ Востокѣ, надъ которымъ гордо вѣетъ германскій орелъ... Какъ это ни грустно, но Россія неизбежно столкнется съ отрицательнымъ вліяніемъ Германіи въ своихъ дѣлахъ въ Турціи.

Я выѣхалъ въ Россію въ обществѣ евреевъ, старыхъ и молодыхъ, наводнившихъ вагоны желѣзной дороги. Мой визави усиленно ѣлъ яблоки, наполнявшія весь его помѣстительный чемоданъ, въ которомъ не заключалось ничего другого.

— Налегкѣ ѣдете! — замѣтилъ ему сосѣдъ, старый солидный еврей. Этотъ солидный еврей имѣлъ мрачный видъ, кряхтѣлъ и жаловался на дѣла, революцію и погромы.

— Вы знаете, — говорилъ онъ, — я бросилъ въ Россіи дѣло, стоящее, по меньшей мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ.

— Зато, можетъ быть, вы спасли свою жизнь, — отвѣчали ему.

— И что жизнь, когда нѣтъ деньги! — сказалъ онъ и безнадежно махнулъ рукой.

Россія встрѣтила насъ весенней распутицей. На поляхъ бѣлѣлъ еще снѣгъ.

На другой день въ тоскливой туманной дымкѣ выглянулъ громадный закрытый облаками и дымомъ Петербургъ.

Что-то повѣдаетъ онъ намъ, чѣмъ порадуется?

Путникъ (Н. Н. Лендеръ).

ПАМЯТИ Н. И. МЕРДЕРЪ.

Не говори о нихъ: ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію: были.

Н КОНЧАВШАЯСЯ 13 марта въ Москвѣ, писательница Надежда Ивановна Мердеръ (литературный псевдонимъ Н. Северинъ) принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые оставляютъ послѣ себя долго не смываемое время-немъ воспоминаніе. Они подобны тому свѣтилу, которое давно уже исчезло, а между тѣмъ мы все еще видимъ его блескъ, различаемъ его яркіе лучи, испытываемъ его живительную теплоту, которая никогда не забывается сердцемъ и будитъ въ насъ, людяхъ, перешагнувшихъ роковую грань жизни, дорогія, незабвенныя чувства... Покойная писательница являлась живымъ олицетвореніемъ той эпохи, которая можетъ быть названа расцвѣтомъ русской интеллигенціи. Сороковые годы до сихъ поръ у насъ еще очень мало оцѣнены и поняты. О людяхъ сороковыхъ годовъ обыкновенно говорятъ, какъ о такихъ, совершенно забывая, что они являлись отцами того поколѣнія, которое вынесло всѣ освободительныя реформы шестидеся-
тыхъ годовъ.

Н. И. Мердеръ родилась въ 1839 г. Дѣвичья ея фамилія — Свѣчина. Отецъ ея былъ богатый помѣщикъ, отставной военный. Въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ¹⁾ Надежда Ивановна такъ характеризуетъ свою семью:

¹⁾ Воспоминанія эти, доставленныя въ редакцію «Историческаго Вѣстника» за годъ до кончины писательницы, представляютъ начало обширной автобіографической записки, къ сожалѣнію, не доведенной до конца. Тѣмъ не менѣе, ре-

«Дѣдушка Василій Карповичъ былъ человѣкъ нехозяйственный и нерасчетливый, большой хлѣбосоль, затѣйникъ дорогихъ развлеченій во вкусѣ тогдашняго времени и далеко не примѣрный мужъ. Бабушка была съ нимъ несчастна. Старики и старухи, которыхъ мы застали въ живыхъ, въ родовомъ нашемъ имѣннѣ Торжковскаго уѣзда, Смердовѣ (нѣкогда богатомъ селѣ въ нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ и такъ быстро растаявшемъ въ рукахъ дѣда, что отъ него остался только клочокъ земли съ флигелемъ да запущенный уголокъ нѣкогда роскошнаго парка), старики эти намъ рассказывали про горькую жизнь молодой барыни Елисаветы Александровны, какъ она забивалась на полати въ дѣтской, на антресоляхъ, чтобъ не встрѣчаться съ веселымъ обществомъ мужа. Не довольствуясь кутежами съ такими же, какъ и самъ онъ, беззаботными пріятелями, пріѣзжавшими къ нему охотиться за дичью и за хорошенькими новоторками издалека, онъ завелъ себѣ цѣлый гаремъ продажныхъ красавицъ, на которыхъ просаживалъ свое состояніе. Его несчастная жена, не перестававшая, ни на что не взирая, любить невѣрнаго мужа, не въ силахъ была выдержать нравственную муку, которой ее подвергали, и скончалась, когда третьему ея сыну, нашему отцу, было лѣтъ пять. Второму его брату, Егору, было лѣтъ шесть, а старшему, Василию—семь. Вскорѣ за женой послѣдовалъ и мужъ. Дѣти остались круглыми сиротами и были призрѣны родственниками, Львовыми и Державинимъ, у котораго уже воспитывались другіе сироты, дѣти родной сестры его жены, Дарьи Алексѣевны, Марьи Алексѣевны Львовой. Но въ то время, какъ дѣти Свѣчины, благодаря отцу ихъ, разорялись, состояніе Львовыхъ, благодаря правильной жизни Николая Александровича и его хозяйственнымъ способностямъ, а, можетъ быть, также и помощи со стороны Дьяковыхъ, увеличивалось, такъ что большая часть земель нашего Смердова послужила къ округленію имѣнія Никольскаго Николая Александровича Львова, тоже въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Круглые сироты и разоренные малолѣтніе Свѣчины, Егоръ, Василій и Иванъ, нашли пріютъ и родственное попеченіе у родственниковъ съ материнской стороны, Львовыхъ. Ни малѣйшаго слѣда участія къ нимъ не встрѣчаемъ мы со стороны родныхъ ихъ отца, Свѣчиныхъ. Въ чемъ искать причину этого явленія, въ духовномъ ли складѣ обѣихъ семей или въ другихъ какихъ нибудь обстоятельствахъ,—сказать не могу, знаю только, что другихъ родныхъ, кромѣ Львовыхъ, нашъ отецъ не зналъ, и растили насъ въ чувствахъ любви и благодарности къ Львовымъ,

дакція предполагаетъ ее напечатать въ виду содержащагося въ ней цѣлаго ряда крайне интересныхъ данныхъ, имѣющихъ историческое значеніе, какъ-то: характеристика личности Александра I, паденіе Сперанскаго, дѣятельность іезуитовъ въ Россіи, характеристика Фотія и пр.

а въ особенности къ дѣтямъ брата нашей бабушки, Николая Александровича, женатаго на дочери Николая Семеновича Мордвинова: Леониду Николаевичу, женатому на Ковляниновой; Лизаветѣ Николаевнѣ, замужемъ за Ѳедоромъ Петровичемъ Львовымъ; Вѣрѣ Николаевнѣ,—за Воейковымъ и Прасковѣ Николаевнѣ—за Бороздинымъ. На дочери этой послѣдней, Варварѣ Константиновнѣ, т.-е. на

Надежда Ивановна Мердеръ.

своей двоюродной сестрѣ, къ величайшему смущенію родныхъ и прискорбію матери, женился сынъ Вѣры Николаевны, Леонидъ Алексѣевичъ Воейковъ, и, вскорѣ овдовѣвъ, поселился съ маленькой дочерью, Ольгой, въ имѣніи матери, Ольшанкѣ. Здѣсь я должна была съ нимъ ближе познакомиться. Когда скончалась наша мать, онъ пріѣзжалъ навѣстить папеньку и прожилъ у насъ съ недѣлю, но я его очень мало видѣла, и единственное впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ него, была его наружность: очень красивая и

благородная, но довольно таки высокоумѣрная и презрительно сдержанная. На меня онъ, разумеется, никакого вниманія не обратилъ: дѣвочка тринадцати лѣтъ интересоваться его не могла.

13 лѣтъ отъ роду Надежда Ивановна лишилась матери и поступила на попеченіе тетки своей, Вѣры Николаевны Воейковой, которой была обязана русскими духовными началами, съ лѣтами не только не разсѣявшимися, но все крѣпче и сознательнѣе развивавшимися въ ея душѣ. Вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни, она говоритъ: «Въ голову лѣзутъ грустныя мысли, въ памяти воскресаютъ картины одна мрачнѣе другой, проходятъ вереницей сцены болѣзни и смерти маменьки; отчаяніе отца, страхъ потерять и его, предчувствіе долгихъ дней печали и траура подъ гнетомъ чужой воли, властной, требовательной, безъ ласки и любви, подчиненіе безъ уваженія и безъ увѣренности въ правѣ повелѣвать и строить нашу жизнь по-своему». Жилось Надеждѣ Ивановнѣ далеко не весело: съ одной стороны, отецъ, отдавшійся совершенно хозяйству, съ другой—гувернантка. «Послѣ смерти матери жизнь наша дома проходила между тоскующимъ по женѣ и вѣчно занятымъ службой отцомъ и гувернанткой, старой дѣвой, съ упорнымъ, ограниченнымъ умомъ и узкимъ кругозоромъ. Самонадѣянно опираясь на извѣстныя правила воспитанія, заимствованныя ею (на наше несчастье) въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ она начала свою педагогическую дѣятельность при условіяхъ, созданныхъ для нѣмецкихъ дѣтей, она избрала себѣ цѣлью жизни оставаться, во что бы то ни стало, вѣрной этимъ правиламъ, не поддаваясь ни жалости, ни размысленію о послѣдствіяхъ своей metody. Въ Лифляндіи находили эту методу отличной для дѣтей того барона, который привезъ ее въ свою семью прямо со скамьи Николаевского института, значитъ, и для русскихъ дѣтей ничего лучшаго не надо. Развѣ нѣмцы не культурнѣе во много разъ русскихихъ? Развѣ русскіе, если бы у нихъ была хоть капля здраваго смысла въ головѣ, не должны были бы во всемъ слѣпо имъ подражать, предавъ полному забвенію все родное, дикое, русское? Она даже старалась одѣвать насъ и причисывать на нѣмецкій ладъ. Узко религіозная, соблюдая всѣ внѣшнія правила православія, она и въ религію вносила противный намъ иностранный элементъ, несноснѣйшую педантичность въ исполненіи религіозныхъ обрядностей исключительно поверхностнаго свойства, убивающую духъ вѣры и всякій порывъ къ живому Богу. Старшая въ семьѣ (мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я попала подъ ея иго), я одна во всемъ домѣ сопротивлялась ея стремленію убить во мнѣ волю, мысль и чувство. Не повиноваться ей я не осмѣливалась и на явный бунтъ противъ ея власти ни за что бы не рѣшилась, но она не могла не видѣть и не чувствовать, что нравственнаго авторитета надо мною она никогда не будетъ имѣть уже потому, что

нечѣмъ ей меня покорить, ни внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ, весьма у нея скуднымъ, ни внѣшними преимуществами: кончила она одной изъ первыхъ курсъ въ институтѣ лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ, какъ къ намъ поступить, а учиться мнѣ было отъ нея нечему: я говорила по-французски лучше ея, знала больше ея изъ исторіи, изъ литературы французской и русской; знала безпорядочно и безъ системы, изъ прочитаннаго и слышаннаго урывками отъ старшихъ, но именно то, о чемъ она не имѣла и понятія; разумѣется, это приводило ее въ ярость. Выдержки, характера у нея было очень много, и, можетъ быть, сердце у нея было доброе, но все это атрофировалось страстью властвовать и всѣхъ гнуть подъ свой ноготь, систематически, терпѣливо и безжалостно. Она способна была и привязываться къ тѣмъ, кто ей покорялся, но могла также жестоко преслѣдовать тѣхъ, кто ее отгадывалъ и при этомъ не въ состояніи былъ этого скрыть. У нея былъ особенный талантъ разспрашивать и заглядывать въ затаяннѣйшіе уголки души, но сама она никогда ни въ чемъ не высказывалась, и обращеніе ея было съ нами такъ корректно, что ненависть ея можно было только чувствовать, такъ ловко умѣла она воздерживаться отъ всякихъ такихъ проявленій, которыя дали бы оружіе противъ нея».

Такъ проходила молодость Надежды Ивановны. Живой и пылкий умъ ея не встрѣчалъ поддержки въ саратовскомъ обществѣ 1840-хъ годовъ, среди котораго она жила. Тамъ увлекались уже новыми вѣяніями. «Саратовъ,—говоритъ она,—начиналъ уже эмансипироваться отъ такихъ понятій, какъ православіе, самодержавіе и народность, сѣмя космополитизма и жажда свободы во всѣхъ ея видахъ, заброшенное разными «пришельцами», начинало уже всходить и обѣщало роскошный расцвѣтъ. Не даромъ Чернышевскій, уроженецъ Саратова, пріѣзжалъ сюда изъ Петербурга и занимался здѣсь педагогіей. Мнѣ въ то время случалось его встрѣчать въ домѣ, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ репетитора и развивателя, но я была тогда такъ «еще не развита» въ этомъ направленіи, что если бъ даже и услышала что нибудь «передовое», то врядъ ли поняла бы изъ этого что нибудь. Къ намъ приходила тогда и хорошенькая брюнетка, Оленька Васильева, дочь нашего домашняго доктора, Сократа Евгеньича Васильева, веселая, беззаботная хохотушка, съ такими оригинальными ухватками, что наединѣ съ нами ее разъ навсегда запрещено было оставлять. Она была забавная и симпатичная, и можно себя представить, какъ заинтересовало насъ извѣстіе, облетѣвшее въ одинъ прекрасный день весь городъ, что Оленька бѣжала изъ родительскаго дома съ сыномъ протоіерея Чернышевскаго. Событіе это передавалось въ домѣ шепоткомъ, съ большими предосторожностями, но тайственность эта только усиливала наше любопытство, и долгое время находились мы подъ

впечатлѣніемъ этого интереснаго романа, героиня котораго была намъ знакома съ дѣтства. Какъ сейчасъ помню, какъ трудно намъ было скрывать наше волненіе при появленіи послѣ этого Сократа Евгеньевича въ нашей дѣтской, какъ всегда въ одиннадцать часовъ утра, передъ завтракомъ, послѣ перваго урока. Говорили, будто поступокъ дочери очень его огорчилъ, и даже будто онъ предпринималъ мѣры вернуть бѣглецовъ, но видъ его опровергалъ всѣ эти слухи; какъ всегда, былъ онъ добродушно разсѣянъ, съ доброй усмѣшкой освѣдомлялся о нашемъ здоровьѣ и надѣлялъ маленькихъ братьевъ пропитанными табачнымъ запахомъ финиками и орѣхами, изъ засаленнаго бокового кармана».

Съ 19-лѣтняго возраста Надежда Ивановна начала сильно хворать ногами и лѣчилась постоянно, что лишало ее возможности пользоваться радостями жизни, которыя даетъ молодость. Въ это время Надежда Ивановна вышла замужъ. Позднѣе, черезъ много, много лѣтъ, она такъ писала о своемъ замужествѣ: «Мнѣ было всего только 26 лѣтъ, а сыну моему семь лѣтъ, когда мы разстались съ мужемъ навсегда, а между тѣмъ извѣстіе о его смерти такъ меня разстроило, что я до сихъ поръ оправиться не могу. И вся жизнь всплыла на память, все тяжелое, которымъ я обязана была этому человѣку, противъ брака съ которымъ такъ возставалъ мой отецъ. И почему это случилось, даже и теперь понять не могу. Гувернантка, къ которой онъ подбился, и которой лестно было разыграть роль свахи, да глупость восемнадцатилѣтней дѣвчонки, ничего не понимающей ни въ жизни, ни въ чувствахъ».

Оставшись одна, Надежда Ивановна рѣшилась заняться литературой. Первая ея повѣсть: «Не въ порядкѣ вещей», написанная за нѣсколько лѣтъ до появленія въ печати, появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1877 г. Вскорѣ затѣмъ, благодаря содѣйствію А. К. Шеллера, она становится сотрудницей журнала «Дѣло» и пишетъ подъ псевдонимомъ «Н. Северинъ». Въ письмѣ къ С. Н. Шубинскому она говоритъ о себѣ слѣдующее: «Работаю я съ 1877 г., за исключеніемъ двухъ лѣтъ (1881 и 1882 г., когда по болѣзни глазъ ничего не могла дѣлать), постоянно, и менѣе тридцати листовъ въ годъ не писала, судите поэтому, какая масса бумаги исписана. Отдѣльными изданіями вышло немного книгъ, и все давнымъ давно разошлось, такъ что сама я ни одной не могла найти. Мнѣ нечего вамъ говорить, какъ я была бы счастлива, если бы все это у меня купили. Вы это, по вашей сердечной отзывчивости, отлично понимаете, и знаю, что сдѣлаете все возможное, чтобы мнѣ въ этомъ помочь, но надежды имѣю очень мало; приглашали меня писать во всѣхъ почти журналахъ, уходила я изъ редакцій по своему собственному желанію, и очень рѣдко случалось мнѣ испытывать непріятность отказа въ помѣщеніи; но

газеты такъ дружно и систематически меня замалчивали и замалчиваютъ до сихъ поръ, что ужъ одно это должно служить преградой для продажи изданія. Во всякомъ случаѣ, рѣшаюсь воспользоваться вашимъ ко мнѣ добрымъ расположеніемъ еще лишній разъ, и, каковъ бы ни былъ результатъ, заранее благодарю васъ за вашу ко мнѣ доброту и снисходительность».

До конца 1900 г. Н. И. почти безвыѣздно прожила въ Петербургѣ и въ этомъ году, по случаю перевода сына на службу въ Варшаву, переѣхала въ этотъ городъ. Здѣсь со свойственною ей почти юношеской любознательностью и любовью къ старинѣ она увлеклась исторіей Польши, и въ головѣ ея созрѣлъ планъ историческаго романа изъ эпохи русско-польскихъ отношеній временъ Екатерины. Въ 1902 г. она пишетъ мнѣ: «Работу я дѣлаю пренеприятную: романъ изъ временъ перваго раздѣла Польши. Первая часть очень понравилась Сергѣю Николаевичу Шубинскому. Увлекаюсь теперь второй частью. Если бы мнѣ, хоть бы передъ смертью, судьба послала года два матеріальнаго спокойствія, чтобы мнѣ работать, не думая о гонорарѣ для жизни, какъ я была бы счастлива и навѣрное написала бы что нибудь такое, что много лучше всего прежняго». «Фабула у меня заимствована,—пишетъ она въ томъ же году С. Н. Шубинскому,—разумѣется, изъ истиннаго происшествія и исторически обставлена настолько вѣрно, насколько я нашла возможнымъ это сдѣлать съ помощью печатныхъ документовъ, разныхъ мемуаровъ того времени и свѣдѣній, почерпнутыхъ у такихъ компетентныхъ людей, какъ проф. К., занимающійся исторіей Польши... Эпоху взяла я передъ вторымъ раздѣломъ Польши, въ началѣ царствованія Екатерины, когда еще Репнинъ дѣйствовалъ русскимъ посломъ въ Польшѣ». Въ другомъ письмѣ она пишетъ: «Не могу не подѣлиться съ вами впечатлѣніями, нанесенными отъ записокъ изъ польской старины XVIII вѣка, которыми я теперь зачитываюсь. Попались мнѣ эти записки потому, что я просила доставить мнѣ все, что можно найти о связи нашего князя Репнина съ княгиней Изабеллой Чарторыйской, матерью знаменитаго Адама. Никогда раньше не слыхала объ этомъ интереснѣйшемъ романѣ и задумала написать повѣсть на этой канвѣ. Надо хорошенько ознакомиться съ дворомъ Станислава-Августа, при которомъ и состоялъ нашъ Репнинъ отъ Екатерины. Чарторыйская хотѣла, чтобы королемъ польскимъ былъ избранъ ея мужъ, и по примѣру всѣхъ полекъ пыталась этого достигнуть своими женскими чарами. Но Репнинъ хотя и вступилъ съ нею въ связь, однакожъ политическими своими убѣжденіями не поступился, и королемъ былъ избранъ Понятовскій. Пренеприятная фигура этотъ Репнинъ, судя по польскимъ источникамъ, и много горя причинила ему эта поганая баба. Что особенно пріятно для такой русской, какъ я, это то, что если бы всѣ знали, въ ка-

комъ поляки были положеніи (по собственному же ихъ сознанию) до раздѣла Польши, то, право же, они должны были бы благодарить Бога за выпавшую имъ судьбу; да и намъ бы не мѣшало получше ознакомиться съ бытовой ихъ исторіей».

О Варшавѣ, въ которой Н. И. прожила съ лишнимъ три года, она говоритъ: «Здѣсь интересный край, много интереснѣе, чѣмъ я думала, и совершенно въ другомъ смыслѣ, чѣмъ принято воображать въ Россіи, но, разумѣется, много и тѣневыхъ сторонъ и даже больше, чѣмъ свѣтлыхъ, но зато какъ все свѣтлое радуется и бодритъ»...

Переѣхавъ въ началѣ 1904 г. въ Москву, Надежда Ивановна окончательно устроилась здѣсь и здѣсь же окончила свое земное поприще. Писала она много, много печаталась, но все-таки продолжала оставаться неизвѣстной писательницей, совершенно не популярной и мало кѣмъ читаемой. Причина этого явленія кроется въ ея направленіи. Писала ли Надежда Ивановна свои воспоминанія, или воскрешала типы прошлаго, рисовала ли она широкія историческія картины,—во всемъ и всегда она оставалась чисто русскимъ человѣкомъ, не понимавшимъ ни компромиссовъ, не шедшимъ ни на какія отклоненія отъ завѣтныхъ устоевъ русской жизни. Она была консервативна до мозга костей, убѣжденно, страстно, подчасъ рѣзко проводя этотъ консерватизмъ въ своихъ произведеніяхъ, и потому, конечно, должна была оставаться одинокой. Она это чувствовала и сознавала, но поступиться своими убѣжденіями не могла. Этимъ, повидимому, слѣдуетъ объяснить фактъ, что такая плодovitая и безусловно талантливая писательница, какъ Надежда Ивановна, не только систематически замалчивалась критикою, но даже не попала на страницы многочисленныхъ за послѣднее время біографическихъ сборниковъ, если не считать сборника покойнаго князя Н. Н. Голицына, въ которомъ подъ ея именемъ помѣщена краткая біографія совершенно другого лица, и гдѣ ей приписано сочиненіе, напечатанное въ 1838 г., т.-е. за годъ до ея рожденія. Въ другихъ же «Словаряхъ», гдѣ подбираются только «свои» писатели, люди своего направленія, она, конечно, не нашла себѣ мѣста.

Въ іюлѣ 1905 г. она пишетъ С. Н. Шубинскому: «Такъ какъ мы едва ли увидимся, то я вамъ напишу то, что у меня на душѣ, въ первый и послѣдній разъ: обстоятельства у насъ такъ сложились, что мнѣ писать просто нестерпимая мука, и я о работѣ даже помышлять не могу безъ сердечной боли. Давно уже знаю я, что писать мнѣ некуда. Извлекать мысли и любимые образы изъ ума и сердца, чтобы подвергать все это кастраціи и калѣченью господъ С..., право же, нестерпимая нравственная пытка... Да и не могу я ничего сдѣлать съ убѣжденіемъ, что никому работа моя не нужна. Будь я моложе, я, можетъ быть, сумѣла бы къ нимъ приноровиться, да и то врядъ ли. Ну, значить, надо поставить точку».

Изъ этого письма ясно видно, что Н. И. была не изъ тѣхъ людей, которые, въ угоду времени, мѣняютъ свои убѣжденія. Она готова была лучше оставить свою работу, чѣмъ сдаться, поступиться своими убѣжденіями. Такая твердость духа, конечно, не могла не вызывать глубокаго уваженія.

Этой точки она, однако, не поставила и продолжала работать. Въ Москвѣ написала она свой послѣдній историческій романъ «Звѣзда цесаревны». По этому поводу она сообщаетъ С. Н. Шубинскому: «Пишу вамъ, чтобы сказать, что работа моя настолько подвинулась, что я уже могу сказать приблизительно, что изъ нея выйдетъ. И, разумѣется, чтобы просить васъ не оставить меня вашими всегда хорошими совѣтами насчетъ книгъ. Я имѣю возможность пользоваться богатѣйшей библіотекой Румянцевскаго музея, откуда мнѣ присылаютъ на домъ все, что я прошу. Начала я романъ-хронику изъ конца царствованія Анны Ивановны, царствованія Елисаветы Петровны, и надѣюсь его кончить въ половинѣ царствованія Екатерины. Давно уже соблазняла меня мысль изобразить въ романѣ картину положенія русскаго общества въ провинціи въ то время, въ связи съ политическими событіями въ столицѣ, и, наконецъ, послѣ довольно продолжительной и мучительной невозможности приступить къ дѣлу, собрать разлетавшіяся мысли, остановиться на извѣстныхъ лицахъ и событіяхъ, создать завязку съ развязкой, дѣло наладилось, и теперь работа идетъ, слава Богу, такъ успѣшно, что ужъ виденъ конецъ, остается только до него добрести. Сколько въ тѣ времена скрывалось въ лѣсахъ и степяхъ, въ помѣщичьихъ усадьбахъ и въ поселеніяхъ вольныхъ людей, по всей Россіи и на окраинахъ, несчастныхъ ссыльныхъ, бѣглецовъ, спасшихся отъ казни, не прерывавшихъ сношеній съ уцѣлѣвшими близкими людьми въ столицахъ; сколько утратившихъ всякую надежду на воскресеніе къ прежней жизни и дѣятельности и сколько чающихъ движенія воды вслѣдствіе переворотовъ! Чѣмъ больше читаешь про эти времена, тѣмъ больше лѣзетъ въ голову представленій. Взяла читать «Семью Разумовскихъ» и «Екатерину» Бильбасова, пока, но нужно еще читать изъ этой эпохи; цѣлое лѣто я изъ нея не вылѣзу. Назовите, пожалуйста, мнѣ заглавія книгъ, относящихся къ этому времени, дорогой Сергѣй Николаевичъ. На мое горе я такъ забывчива на имена и заглавія, что даже запомнила названіе послѣдняго произведенія Забѣлина о Москвѣ, а мнѣ оно такъ теперь нужно. Впрочемъ про это я узнаю, а вы мнѣ скажите, что еще, кромѣ этого, прочитать. Остаюсь все лѣто безвыѣздно въ городѣ, и дай Богъ, чтобы была все время такъ же здорова, какъ теперь, тогда непременно кончу въ концѣ октября, романъ».

Въ другомъ письмѣ она пишетъ: «Романъ мой, благодаря неожиданному знакомству съ П. И. Бартеневымъ, такъ подвинулся,

что подходит къ концу, и я надѣюсь выслать вамъ въ началѣ августа вполне законченную повѣсть. Это—хроника семьи, страдавшей за преданность православію, какъ олицетворенію родины, въ продолженіе 75 лѣтъ—при Петрѣ, Биронѣ (отъ нѣмцевъ) и Екатеринѣ (отъ іезуитовъ). Чувствую, что выходитъ интересно, во всякомъ случаѣ не менѣе послѣдняго моего романа у васъ. Столько перестрадала я теперь душой за Россію, что для меня большая отрада выливать эти страданія въ разсказѣ о страданіяхъ русскихъ людей, давно отжившихъ свое горе».

Относительно современныхъ событій и ужасовъ послѣднихъ дней она держалась своего мнѣнія и считала это все временнымъ явленіемъ, наказаніемъ Божьимъ. Она уходила въ прошлое, понимая въ то же время, что оно мало кого интересуеетъ: «Очень мало читателей будутъ въ состояніи,—пишетъ она С. Н. Шубинскому,—читать мой романъ съ какимъ бы то ни было взглядомъ на исторію. Что у насъ въ Москвѣ въ настоящее время дѣлается,—даже словъ нѣтъ сказать, всѣ точно съ ума сошли. Здѣсь хуже, грубѣе и наглѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, здѣсь и революція общая вспыхнетъ, если Богъ не вмѣшается такъ или иначе въ дѣло. Только на Него и надежда, хотя нельзя не сознавать, что мы ничѣмъ не заслужили Его милость. Церкви полны, и можно встрѣтить множество рабочихъ и студентовъ, усердно молящихся. На-дняхъ я ѣздила по дѣлу къ извѣстному здѣсь архіерею, Трифону (въ міру князь Туркестановъ), замѣчательно умному и образованному человѣку, у котораго нашла цѣлую толпу студентовъ и офицеровъ, которыхъ онъ провожалъ, встрѣчая меня въ назначенный имъ самимъ для моего визита часъ. Вся эта молодежь у него засидѣлась, и онъ долженъ былъ имъ сказать, что дальше съ ними бесѣдовать въ этотъ день не можетъ. Какъ все это странно, не правда ли?».

Ей пришлось пережить, однако, декабрьскіе ужасы въ Москвѣ, и она писала о нихъ... «Слава Богу, стрѣляютъ теперь только по окрестностямъ, и можно не ждать каждую минуту пожара отъ бомбы, или что ворвутся въ домъ, чтобъ изъ него сдѣлать себѣ засаду, предварительно выбросивъ всю мебель для баррикады, какъ это дѣлали во многихъ мѣстахъ и очень отъ насъ близко. Теперь боимся только за три дома по нашему переулку, хозяева которыхъ завѣдомо принадлежатъ къ анархистамъ, дома эти охраняются полиціей, и, слава Богу, въ нихъ сдѣлали обыски, но говорятъ, что нѣкоторые изъ жильцовъ не все показали, что у нихъ хранится на пагубу, или, вѣрнѣе сказать, для провокаціи. Во время самыхъ большихъ ужасовъ я вовсе не боялась и только одну провела страшную ночь, когда сынъ не вернулся ночевать домой, за невозможностью пройти по прилежащимъ къ нашему переулку улицамъ, его удержали у знакомыхъ на Мясницкой, ни телеграфировать, ни

телефонировать нельзя было, разумѣется, все порвано и разломано. Теперь какъ-то тяжелѣе, хотя опасность и проходить, такая беретъ досада на дураковъ и на злодѣевъ, устроившихъ эту гнусную игру въ революцію, благодаря параличу, въ которомъ обрѣтается наше гнусное правительство, что жалости нѣтъ мѣста въ сердцахъ. Если бы вы видѣли, какъ относится все московское населеніе къ «выбиванію» пушками бунтовщиковъ изъ засадъ, вамъ бы страшно стало за человѣчество. Радуются ихъ гибели, какъ истребленію какихъ нибудь ядовитыхъ змѣй. Даже трудно повѣрить, что рѣчь идетъ о людяхъ, когда слышишь радостные рассказы о томъ, что тамъ-то ихъ убили двѣсти, тамъ триста. Право же, такое настроеніе, что надо надъ собою дѣлать усиліе, чтобъ вспомнить, что дѣло идетъ о людяхъ, и что, ни на что не взирая, надо ихъ жалѣть и за нихъ молиться. Зато, какъ оплакивается гибель каждого солдата, какая къ нимъ благодарность, нѣжность! Вѣдь про нихъ распространяли самые гнусные слухи, что они измѣняютъ и присоединятся къ злодѣямъ. Никогда не забуду я, съ какимъ сіяющимъ лицомъ прибѣжалъ ко мнѣ нашъ дворникъ, чтобъ сказать, что на солдатиковъ наврали, что они за народъ, противъ злодѣевъ. Ну, что у себя въ гнѣздахъ шипитъ интеллигенція, этого мы не знаемъ, газеты вѣдь не выходятъ, слава Богу, такъ что гланья пока совсѣмъ нѣтъ, а то, что люди видѣли своими глазами, да что слышали отъ вернувшихся изъ шаяекъ раскаявшихся рабочихъ, то никогда не забудется. Сейчасъ долго разговаривала съ бастовавшимъ письмоноскомъ, какъ много интереснаго онъ мнѣ рассказывалъ, какъ они всѣ озлоблены на сбившихъ ихъ съ толку начальниковъ: «М—ръ-то—баринъ, отъ котораго вся кутерьма пошла, 200 тысячъ у него при обыскѣ нашли. Что ему при такомъ капиталѣ служба! Спалалъ взятку, да и поднялъ всѣхъ насъ обманными улещиваніями! Всѣ они воры и казнить бы ихъ!» Онъ рассказывалъ мнѣ и про то, какія это были улещиванія, и съ какихъ поръ ведется, по его выраженію, порча народа православнаго, а я, слушая его, благодарила Бога за то, что народъ началъ прозрѣвать. Изъ простого народа въ Москвѣ, можно сказать, что нѣтъ ни души, сочувствующей возстанію, и рассказамъ самаго мерзкаго свойства про вожаковъ нѣтъ конца, а отсюда расплывается про нихъ молва по всей Россіи... Вы меня простите, голубчикъ, можетъ быть, высказываю противное вашимъ убѣжденіямъ, но я всегда была, по сердцу, за Бога, за законъ и за порядокъ и всегда чувствовала обманъ и пошлость нашихъ революціонеровъ и куда они ведутъ родину, потому, можетъ быть, что долго жила за границей и близка была къ той части народонаселенія, съ которой наши никогда не сближаются. Тамъ удивительно много здраваго смысла и холодной разсудительности, тамъ никого не надуешь пустозвонными фразами, тамъ неподобающаго значенія такимъ идеямъ, какъ

свобода и наука, не придаютъ, а цѣнятъ только полезное и для обыденной жизни удобоисполнимое и удобное, на фразеровъ же и утопистовъ смотрятъ, какъ на уродовъ въ семьѣ. Разумѣется, у насъ многое, почти все, и въ бюрократизмѣ, и въ педагогикѣ, и въ юстиціи, надо измѣнить, но вѣдь не въ желаемомъ нашими передовыми смыслѣ, а совершенно наоборотъ. Что-то сдѣлаетъ дума. Мало на нее надежды...

«Домъ П. И. Бартенева въ самомъ пеклѣ, осколки бомбъ сыпались къ нему на крышу, и самого его чуть было не убили, когда онъ отправлялся на обычную прогулку «посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ». Почти каждый день присылалъ онъ узнавать, какъ мы поживаемъ, и присылалъ мнѣ книгъ».

Таковъ нравственный и духовный обликъ Надежды Ивановны, какъ человѣка и писательницы. Не вдаваясь въ критическій разборъ ея произведеній, многія изъ которыхъ хорошо извѣстны читателямъ «Историческаго Вѣстника», нельзя не отмѣтить, что она останется рѣдкимъ примѣромъ удивительнаго въ наше время существа, насквозь проникнутаго одной идеей, проходившей красной нитью въ большинствѣ ея произведеній, придававшей особенный характеръ ея творчеству. Идея эта—«Россія для русскихъ». Съ этимъ девизомъ Надежда Ивановна выступила на литературное поприще. Съ нимъ она и умерла.

Работала она очень много, жила совершенно одиноко, занимаясь въ первые годы воспитаніемъ сына, и работа составляла ея единственное развлеченіе. Бывало тяжело, приходилось себѣ во многомъ отказывать. Сынъ выросъ, поступилъ на службу, но Надежда Ивановна не переставала работать. Сынъ часто уѣзжалъ по службѣ, и снова она была одна у своего стола, заваленнаго книгами. Надъ своими произведеніями она работала въ высшей степени совѣстливо, много читала, знакомилась съ источниками и часто для того, чтобы убѣдиться въ точности какогонибудь мелкаго историческаго факта, перерывала массу книгъ. Несмотря на свою громадную начитанность, она до самой смерти сомнѣвалась въ своихъ познаніяхъ и обращалась за совѣтами и указаніями чаще всего къ С. Н. Шубинскому, къ покойному Н. К. Шильдеру, котораго была большой почитательницей; въ послѣднее время, живя въ Москвѣ—къ маститому П. И. Бартеневу, о которомъ восторженно отзывалась, называя его «живымъ кладеземъ знаній» въ области нашей старины. Изъ писателей Н. И. была дружна съ А. К. Шеллеромъ, А. Н. Майковымъ, Н. С. Лѣсковымъ, Н. К. Шильдеромъ, Т. П. Пассекъ, гр. Л. Ростопчиной, П. И. Бартеневымъ (послѣдніе 2 года), особенную же сердечную дружбу питала къ С. Н. Шубинскому, съ которымъ, помимо своего сотрудничества въ «Историческомъ Вѣстникѣ», состояла въ долготѣней, дружеской перепискѣ.

Начавъ сравнительно повдно свою литературную дѣятельность, Н. И. Мердеръ написала около ста очерковъ, рассказовъ и повѣ-

стей и болѣе десяти романовъ, печатаясь въ толстыхъ журналахъ, иллюстрированныхъ изданіяхъ и газетахъ; писала преимущественно повѣсти, рассказы и за послѣднее время романы, нѣсколько театральныхъ пьесъ (изъ которыхъ «Супружеское счастье» и «Генеральша Матрена» имѣли значительный успѣхъ) и двѣ біографіи («Воспоминанія о Вѣрѣ Ивановнѣ Анненковой» и «Памяти С. А. Леонтьевой-Левицкой»). Постоянный ея псевдонимъ «Н. Северинъ», а въ послѣдніе годы подписывалась полной фамиліей. Романъ «Въ смутные годы»—правдивая исторія нѣсколькихъ близкихъ къ автору лицъ во время движенія 80-хъ годовъ—вышелъ за подписью: «Н. Павлова». Большинство ея романовъ напечатаны за послѣднія 10 лѣтъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Наиболѣе значительные изъ нихъ: «Отжившіе типы» (очерки изъ временъ ея молодости), «Хроника Воротынцевыхъ», «Коржинскіе коршуны», «Въ годину бѣдствій» и наконецъ «Звѣзда цесаревны», печатающаяся теперь въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

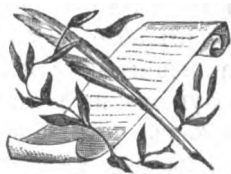
Всѣ свои произведенія Н. И. переписывала сама, никогда ихъ не диктовала никому, такъ какъ постоянно исправляла, передѣлывала ихъ и любила держать корректуру. Въ послѣдніе годы нервныя боли въ правой рукѣ отъ писанія заставили ее писать на машинкѣ.

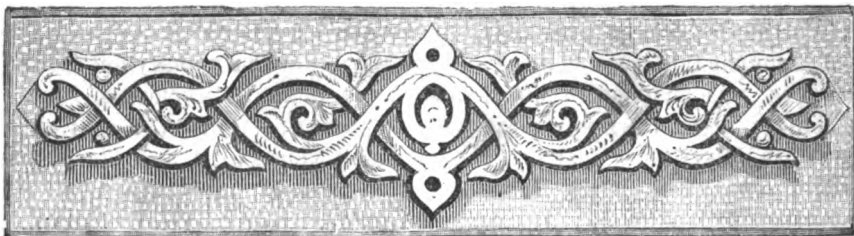
13 марта 1906 г. Надежды Ивановны не стало. Странно говорить, помня преклонный возрастъ почтенной писательницы, что смерть застала ее въ самомъ расцвѣтѣ ея дарованія. Она писала гораздо лучше, чѣмъ писала десять лѣтъ назадъ, и шла впередъ, не предвидя даже въ далекомъ будущемъ того рокового момента въ жизни художника, который называется творческимъ банкротствомъ. Но судьбѣ было угодно вырвать у нея изъ рукъ перо и властно приказать:

— Довольно.

Да, дѣйствительно ей было довольно писать, потому что голосъ ея въ наше грустное время звучалъ бы одиноко. Имя Надежды Ивановны Мердеръ не будетъ забыто тѣми, кому дорого все истинно русское, все наше дорогое прошлое.

К. Военскій.

ПОЛЬСКІЯ ПАТРІОТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ, ИМЕНУЕМЫЯ „РЕВОЛЮЦІОННЫМИ“.

(Историческая справка).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ, обнародованное 31 октября 1905 г., желая оправдать репрессивныя мѣры, предпріятыя въ отношеніи населенія губерній царства Польскаго, указало, между прочимъ, на то, что «въ разныхъ городахъ Привислинскаго (?) края совершаются многотысячныя уличныя шествія съ пѣніемъ революціонныхъ польскихъ гимновъ».

О какихъ гимнахъ идетъ рѣчь? Насколько извѣстно, во всѣхъ «уличныхъ шествіяхъ» пѣли: «Boże coś Polskę», «Jeszcze Polska nie zginęła» и «Z dymem pożarów».

Значить, правительственное сообщеніе говоритъ о нихъ именно.

Но дѣйствительно ли эти гимны «революціонные» и для предрежащей власти опасны? Такъ ли это?

Пора выяснитъ настоящій вопросъ. Заняться этимъ необходимо во имя справедливости, въ виду того, что пѣніе помянутыхъ патріотическихъ пѣсней всегда у насъ обходилось дорого полякамъ, стоило имъ большихъ жертвъ: лишенія личной свободы, пени, изгнанія изъ отечества и т. д. Пишущему настоящія строки, во время его службы въ царствѣ Польскомъ по административному вѣдомству (1887—1903) памятно, съ какимъ рвеніемъ мѣстная власть «выводила» изъ употребленія «запрещенныя пѣсни» въ то время, когда въ сосѣдней Австріи военные оркестры играли въ публич-

ныхъ мѣстахъ «Jeszcze Polska nie zginęła», — и Австрія, слава Богу, отъ этого не развалилась.

Итакъ, обратимся къ тексту «страшныхъ» пѣсень.

«Boże coś Polskę» — гимнъ скорѣе религіозный, нежели національный. Написанъ Алоизіемъ Фелинскимъ, директоромъ славной памяти Кременецкаго лицея (род. въ 1771 г., умеръ въ 1820 г.).

Текстъ гимна слѣдующій:

Boże! coś Polskę przez tak długie wieki
 Otaczał blaskiem potęgi i chwały,
 Coś ją osłaniał tarczą Twojej opieki
 Od nieszczęść, które przygnębić ją miały.
 Przed twe ołtarze zanosim błaganie:

Ojczyznę, wolność, racz nam wrócić Panie!
 Ty, któryś potem tknięty jej upadkiem
 Walczących wspierał za najświętszą sprawę,
 A chcąc świat cały mieć jej męstwa świadkiem,
 Wśród samych nieszczęść pomnażał jej sławę.

Przed twe ołtarze etc.
 Wróc biednej Polsce świetność starożytną!
 Użyzniaj pola, spustoszone łąny,
 Niech szczęście, wolność na wieki w niej kwitną,
 Przestań nas karać, Boże zagniewany!

Przed Twe ołtarze etc.
 Niedawność wolność zabrał z polskiej ziemi,
 A już krwi naszej popłynęły rzeki,
 O, jakże musi być okropnie z temi,
 Którzy Ojczyznę utracą na wieki!

Przed Twe ołtarze etc.
 Boże, którego ramię sprawiedliwe
 Żelazne berła władców świata kruszy,
 Skrusz naszych wrogów zamiary szkodliwą,
 Obudź nadzieję w biednej naszej duszy.

Przed Twe ołtarze...
 Boże Najświętszy! od którego woli
 Istnienie świata całego zależy,
 Wyrwij lud polski z tyranów niewoli,
 Wspieraj szlachetne zamiary młodzieży.

Przed Twe ołtarze...
 Boże Najświętszy! Przez Chrystusa rany,
 Świeć wiekiście nad braćmi zmarłymi,
 Wejrzyj na lud Twój, niewolą znękaną,
 Przyjmij ofiary synów polskiej ziemi.

Przed Twe ołtarze...
 Boże Najświętszy! Przez Twe wielkie cudy.
 Oddalaj od nas klęski, mordy boju,
 Połącz wolności węzłem Twoje ludy
 Pod jedno berło Anioła pokoju.

Przed Twe ołtarze...
 Gdy naród polski dzisiaj we łzach tonie,
 Za naszych braci poległych błagamy,
 By ich męczeństwem uwieńczone skronie,
 Nam do wolności otworzyły bramy.

Przed Twe ołtarze...
 Jedno Twe słowo, ziemskich władców Panie,
 Z prochów nas znowu podnieść będzie zdolne,
 A gdy zasłużym na Twe ukaranie,
 Obróć nas w prochy, ale w prochy wolne,
 Przed Twe ołtarze...

Въ русскомъ переводѣ это значить:

«Боже, въ теченіе столькихъ вѣковъ окружавшій Польшу блескомъ могущества и славы, заслонявшій ее щитомъ Своей опеки отъ грядущихъ на нее несчастій,— у алтарей Твоихъ приносимъ мольбы: отчизну и свободу благоволи возвратить намъ, Господи! Ты, будучи тронутъ ея падевіемъ, помогалъ борющимся за святѣйшее дѣло, а, желая цѣлый міръ поставить свидѣтелямъ ея мужества, посреди несчастій умножалъ ея славу. Возврати несчастной Польшѣ прежній блескъ, утучни поля и опустошенныя нивы, пусть счастье и свобода вовѣки въ ней процвѣтаютъ! Перестань карать насъ, разгнѣванный Боже! Ты и не такъ давно лишилъ свободы Польскую землю, а уже крови нашей потекли рѣки. А какъ же должно быть невыносимо тѣмъ, которые утратили отчизну навсегда! Боже, сокрушающій праведною десницею желѣзные скипетры властелиновъ земныхъ, сокруши погибельные замыслы нашихъ враговъ, пробуди надежду въ нашей несчастной душѣ! Боже Пресвятыи, Владыка цѣлаго свѣта, вырви польскій народъ изъ неволи тирановъ. Поддержи благородные порывы нашей молодежи! Ради ранъ Христовыхъ, упокой души усопшихъ братій. Возври на Твой народъ, истомленный неволею! Прими жертвы сыновъ Польской земли. Отстрани отъ насъ несчастія и смертоубійства. Сочетай Твои народы союзомъ свободы подъ однимъ скипетромъ Ангела мира. Въ то время, когда польскій народъ утопаеть въ слезахъ, молимъ за нашихъ павшихъ братьевъ, дабы ихъ мученичествомъ увѣнчанныя длани отверзли намъ врата къ свободѣ. Твое одно слово, Владыка владыкъ земныхъ, можетъ насъ снова поднять изъ праха. А если мы когда либо снова станемъ достойны Твоего наказанія, обрати насъ въ прахъ, но въ прахъ свободный!»

Какъ видитъ безпристрастный читатель, ни въ одной строкѣ гимна нѣтъ ничего революціоннаго или возбуждающаго. Даже больше. Восьмая строфа:

Boże Najświętszy! Przez Twe wielkie cudy,
 Oddalaj od nas kłęski, mordy boju,
 Połącz wolności węzłem twoje ludy
 Pod jedno berło Anioła pokoju, —

имѣеть прямое отношеніе къ императору Александру Благословенному, который на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. восстановилъ цар-

ство Польское (królestwo Polskie), далъ его населенію, 15 (27) ноября того же года, конституціонную хартію и неразрывнымъ узломъ соединилъ его съ Русскою имперією, принявъ титулъ царя (króla) польскаго и передавъ послѣдній своимъ преемникамъ.

«Jeszcze Polska nie zginęła» — патріотическая пѣсня, одинаково неправильно считаема народнымъ гимномъ и мазуркою Домбровскаго («Mazurek Dąbrowskiego»).

Вотъ ея слова:

Jeszcze Polska nie zginęła,
 Kiedy my żyjemy;
 Co nam obca przemoc wzięła,
 Szablą odbierzemy.
 Marsz, marsz, Dąbrowski,
 Z ziemi włoskiej do Polski;
 Za twoim przewodem
 Złączym się z narodem.
 Przejdziem Wisłę, przejdziem Wartę,
 Będziem Polakami;
 Dał nam przykład Bonaparte,
 Jak zwyciężać mamy.
 Marsz, etc.
 Jak Czarniecki do Poznania,
 Po szwedzkim zaborze,
 Dla ojczyzny ratowania
 Wrócim się przez morze.
 Marsz, etc.
 Mówił ojciec do swej Basi,
 Cały zapłakany:
 Słuchaj jeno, pono nasi
 Biją w tarabany.
 Marsz, etc.

Въ переводѣ на русскій языкъ значить:

«Еще Польша не погибла, когда мы живы! То, что насиліе чужихъ отняло,—отберемъ саблею. Маршъ, маршъ, Домбровскій¹⁾, изъ Итальянской земли въ Польшу. Послѣдуемъ за тобою, обратимся съ народомъ. Переплывемъ Вислу, переправимся черезъ Варту, будемъ поляками. Бонапартъ далъ намъ примѣръ, какъ надо побѣждать. Какъ Чарнецкій²⁾ въ Познань послѣ шведскаго погрома,—для спасенія отчизны вернемся черезъ море. Отецъ молвилъ своей Басѣ весь въ слезахъ: «Послушай, это, кажется, наши бьютъ въ барабаны»... Маршъ, маршъ, Домбровскій, изъ Итальянской земли въ Польшу!»

¹⁾ Генераль польскихъ войскъ (1755—1818). Въ 1796 г., съ согласія францускаго правительства, составилъ въ Италіи польскій корпусъ (легионъ), во главѣ котораго принималъ участіе во многихъ битвахъ 1797—1800 г.г.

Г. В.

²⁾ Славный вождь польскій (1599—1665). См. объ немъ нашу статью въ «Историч. Вѣстн.», 1902 г., кн. VII.

Г. В.

Значеніе пѣсни въ приведенной редакціи чисто историческое.
Два стиха:

Marsz, marsz, Dąbrowski,
Z ziemi włoskiej do Polski,—

показываютъ, что пѣсня написана въ Италіи въ первый періодъ существованія легионовъ, и что не самъ Домбровский ея написалъ. Авторомъ ея былъ Іосифъ Выбицкій¹⁾, въ 1799 г., во время неаполитанской экспедиціи Championnet²⁾. Автографъ хранится въ библиотекѣ Каэтана Крашевскаго. Извѣстный польскій историкъ Тадеушъ Корзонъ, на столбцахъ «Kurjer'a Warszawsk'ago» (1905 г.), сообщилъ, на основаніи имѣющейся въ его распоряженіи переписки Костюшко въ Выбицкимъ, что послѣдняго побудилъ написать гимнъ «Jeszcze Polska nie zginęła» герой Радавиць.

Refrain гимна:

Marsz, marsz, Dąbrowski,

и фраза во второй строфѣ:

Dał nam przykład Bonaparte,

находящаяся во всѣхъ спискахъ гимна, изданныхъ въ Галиціи, Познани и въ царствѣ Польскомъ (въ послѣднемъ съ цензурнаго разрѣшенія), указываетъ на то, что «Jeszcze Polska nie zginęła» — солдатская пѣсня эпохи легионовъ, въ содержаніи которой отразились обстоятельства того времени.

Патріотической пѣсни «Jeszcze Polska nie zginęła» существуетъ нѣсколько вариантовъ. Такъ, въ пѣсни легионеровъ 1798 г., кромѣ приведенныхъ четырехъ строфъ, имѣющихся въ «мазуркѣ Домбровскаго», находятся еще слѣдующія:

Niemiec Polski nie posiadzie —
Dobyszy pałasza,
Hasłem wszystkich wolność będzie
I Ojczyzna nasza.

Marsz, marsz, Dąbrowski
Z ziemi włoskiej do Polski,
Za twoim przewodem
Złączym się z narodem.

Już tu ziomek pilnie słuha
Czy armata ryczy;
Walecznego pełen ducha
Každy moment liczy.

¹⁾ І. Выбицкій — сенаторъ, воевода, предсѣдатель верховнаго суда въ царствѣ Польскомъ, писатель, родился въ 1747 г., умеръ въ 1822 г. Г. В.

²⁾ Ходзько, І. «La Pologne historique, litteraire» и т. д. Paris. 1836. Т. I, стр. 430. Г. В.

Marsz, marsz, Dąbrowski,
Z ziemi włoskiej do Polski,
Przyłączyc się rada
Jęcząca gromada.

Czy Polacy, czy Sarmaci
Będziem imię nosić,—
Byle w gronie miłych braci
Dawną wolność głosić!

Marsz, marsz, Dąbrowski,
Z ziemi włoskiej do Polski,
Naród na cię czeka!
Przyjdź z prawem człowieka.

Choć sąsiady nas zniszczyły,
I broń nam zabrali,
Sparty murem piersi bylij
I te nam zostały.

Marsz, marsz, Dąbrowski,
Z ziemi włoskiej do Polski,
Każdy z nas chęć czuje
Wodza nie brakuje.

Dzielność wolnego oręża
Starzec opowiada,
Aby szukać tego męża
Młody na koń siada.

Marsz, marsz, Dąbrowski,
Z ziemi włoskiej do Polski,
Wolność, dawne hasło,
Jeszcze w nas nie zgasło.

(«Нѣмецъ не завладѣеть Польшею посредствомъ оружія. Лозунгомъ всѣхъ будетъ свобода и наша родина. Маршъ, маршъ, Домбровскій, изъ Итальянской земли въ Польшу! Послѣдуемъ за за тобою, побратаемъ съ народомъ. Землякъ внимательно прислушивается: не рычитъ ли пушка; исполненный мужества, считаетъ минуты. Маршъ, маршъ, Домбровскій, охотно къ тебѣ примкнетъ стенающій людъ. Поляковъ ли, сарматовъ ли будемъ носить имя— наша задача одна: среди милыхъ братьевъ провозглашать давнюю свободу. Маршъ, маршъ, Домбровскій, народъ тебя ожидаетъ. Приди съ правами челоувѣка. Сосѣди довели насъ до паденія и отобрали отъ насъ оружіе, но вѣдь оплотомъ Спарты были груди,—тотъ же оплотъ остается и для насъ. Маршъ, маршъ, Домбровскій, каждый изъ насъ чуетъ охоту встать на защиту своихъ правъ; есть и предводитель. Старецъ рассказываетъ о подвигахъ оружія, а юноша садится на коня, чтобы разыскать этого мужа. Маршъ, маршъ, Домбровскій, свобода—старый лозунгъ—еще въ нашихъ сердцахъ»).

Пѣснь молодежи (текстъ А. Боруцкаго) звучитъ иначе:

Jeszcze Polska nie zginęła,
Póki młodzież żyje!
Nasza wolność nie minęła,
Gdy w niej serce bije.

Marsz, marsz, młodzieży
Przodem, jak należy;
Za twoim przewodem
Będziem znów narodem.
Młodzież polska, wiara laska,
Ma serce z płomieni;
Dusza żyje w niej sarmacka
I twarz się rumieni.

Marsz, marsz и т. д.
Nikt goręcej nie pojmuje,
Czem ojczyzna święta;
Młodzież jedna nam rozkuje
Niewolnicze pęta.

Marsz, marsz и т. д.
Starodawna ojców wiara
I obyczaj stary
To nie pusta u nich mara,
Ale dogmat wiary.

Marsz, marsz и т. д.
A więc szumno, a więc dumno
Młode sokołęta,
Meżnie, krewko, a rozumno,
Niech was świat pamięta.
Marsz, marsz и т. д.

Т.-е. «Еще Польша не погибла, пока молодежь жива. Свобода наша не минула, разъ въ ней (молодежи) бьется сердце. Маршъ, маршъ, впередъ за молодежью, подъ ея водительствомъ будемъ снова народомъ. Молодежь—польская, вѣра—ляцкая, сердце у нея пламенное, душа ея сарматская, румянецъ играетъ у ней на щекахъ. Никто такъ не чувствуетъ, какъ родина, что только молодежь раскуетъ наши рабскія оковы. Старинная вѣра отцовъ и старья традиціи въ ея глазахъ—не пустая мечта, но догматъ вѣры. Итакъ, молодые соколята, будьте мужественны, стойки и разумны въ своихъ дѣйствіяхъ. Пусть память о васъ сохранится вовѣкъ».

Оригиналенъ варіантъ 1863 г.—польская марсельеза:

Jeszcze Polska nie zginęła, póki my żyjemy!
Co nam obca moc wydarła—mocą odbierzemy.
Co wszczeła rozpacz—to dokona mężtwo.
Marsz, marsz, polacy! Da nam Bóg zwycięstwo!
Ojczyzna, z grobu wstająca, woła na swe dzieci:
Kto mój syn, kto prawy polak—niech do boju leci!
O, Matko nasza, Ojczyzno święta,
My twoje dzieci, my skruszym twę pęta!
Za wolność, za kraj rodzinny, spieszymy do oręża.
Wszak, bracia, nie wielka liczba, lecz mężtwo zwycięża.
Honor i sława są przy naszej stronie,
Słodko jest hinąc w ojczyzny obronie.
O, ziemio naszych pradziadów, ziemio krwią ich złana,
Jużes naczą, już obcego nie będziesz mieć pana!
Do broni, bracia, do broni, do broni.
Pod świętem znakiem Orła i Pogoni!

. («Еще Польша не погибла, пока мы живы. То, что чужая сила отняла у насъ,—отберемъ силою. Что начало отчаяніе,—то довершитъ мужество. Маршъ, маршъ, поляки! Богъ даруетъ намъ побѣду. Отчизна, возстающая изъ гроба, взываетъ къ своимъ дѣтямъ: кто мой сынъ, кто истинный полякъ, пускай стремится въ бой! О мать наша, святая родина, мы твои дѣти, мы сокрушимъ твои оковы! За свободу, за родимый край поспѣшимъ къ оружію. Братья, вѣдь, не численность, но мужество одерживаетъ побѣду. Честь и слава на нашей сторонѣ. Приятно умирать, защищая родину. О земля нашихъ прадѣдовъ, земля, облитая ихъ кровью, ты уже наша, уже не будешь имѣть чужого владѣтеля. Къ оружію, братья, къ оружію, подъ святымъ знаменемъ Орла и Погони!»¹⁾).

Ни въ одномъ изъ приведенныхъ вариантовъ самый придирчивый читатель не отыщетъ ничего возбуждающаго. Даже цензура наша, — печальной памяти, суровая цензура, «на окраинахъ» въ особенности, — неоднократно пропускала и слова и мелодію мазурки Домбровскаго. Многие еще помнятъ, какъ военные оркестры до 1863 г. играли эту мазурку; она же положена въ основу марша одного изъ кавалерійскихъ шефскихъ полковъ «молодой» гвардіи, постоянно квартирующихъ въ Варшавѣ.

Хораль «Z dymem pożarów» принадлежитъ перу знаменитаго Корнеля Уэйскаго (1823—1895). Написанъ подъ впечатлѣніемъ галиційской рѣзни¹⁾.

Это—жалоба, обращенная къ Небу по поводу братоубійственной войны.

Z dymem pożarów, z kurzem krwi bratniej,
Do Ciebie, Panie, bije ten głos,
Skarga to straszna, jęk to ostatni,
Od takich modłów bieleje włos.
My już bez skargi nie znamy śpiewu,
Wieniec cierniowy wrósł w naszą skroń,
Wiecznie jak pomnik Twojego gniewu,
Sterczy ku Tobie błagalna dłoń!
Ileż to razy Tyś nas nie smagał,
A my ze świeżych nie zmyci ran,
Znowu wołamy: «On się przebłagał,
Bo On nasz Ojciec, bo On nasz Pan!»
J znów powstajem w ufności szczerzi,
A za Twą wołą zgniata nas wróg
I śmiech nam rzuca jak glaz na piersi:
«A gdzież ten Ojciec, a gdzież ten Bog?»
I patrzam w niebo, czy też ze szczytu
Sto słońce nie spadnie wrogom na znak?

¹⁾ Орелъ бѣлый—гербъ Польши, погонь—всадникъ—гербъ Литвы.

Г. В.

²⁾ Избиеніе польской шляхты крестьянами 19—22 февраля нов. ст. 1846 г., сопровождавшееся неслыханными жестокостями.

Г. В.

«истор. вѣстн.», май, 1906 г., т. сiv.

16

Cicho, cicho pośród błękitu,
 Jak dawiej buja swobodny ptak.
 Owoż wziętą strasznej rozterce,
 Nim naszą wiarę ocucim znów,
 Polużnią Ci usta, choć płacze serce;
 Sądz nas po sercu, nie według słów!
 O, Panie, Panie! ze zgrozą świata
 Okropne dzieje przyniosł nam czas,
 Syn zabił ojca ¹⁾, brat zabił brata,
 Mnóstwo Kainów jest pośród nas.
 Ależ o, Panie, oni nie winni,
 Choć naszą przyszłość cofnęli wstecz,
 Inni szatani byli tam czynni,
 O! rękę karaj, nie ślepy miecz.
 I z archaniołem Twoim na czele,
 Pójdziemy potem na wielki boj,
 I na drgającym szatana ciele
 Zatkniemy sztandar zwycięski Twój!
 Dla błędnych braci otworzym serca.
 Winę ich zmyje wolności chrzest,
 Wtenczas usłyszysz podły bluźnierca
 Naszą odpowiedź: «Bóg był i jest!»

(«Сопровождаемый дымомъ пожаровъ и пролитіемъ братской
 крови, къ Тебѣ, Господи, вопіеть этотъ голосъ. Это—страшная жа-
 лоба, это—послѣдній вопль; отъ такихъ моленій сѣдѣють волосы.
 Мы уже безъ жалобъ не знаемъ пѣсенъ: терновый вѣнецъ вросъ
 въ наше чело. Какъ воспоминаніе о Твоемъ гнѣвѣ, простерты къ
 Тебѣ длани съ мольбою. Сколько разъ Ты насъ ни наказывалъ,
 мы же, имѣя свѣжія, не обмытыя раны, снова взываемъ: «Онъ
 умилосердился, ибо Онъ—нашъ Отецъ и Господь!» И опять воз-
 стаемъ преисполненные вѣрою. Между тѣмъ, по волѣ Твоей, насъ
 угнетаетъ врагъ и, какъ камень, бросаетъ насмѣшку: «Гдѣ же
 этотъ Отецъ? Гдѣ же этотъ Богъ?» Смотриимъ на небо: не обру-
 шится ли оттуда сотня солнцъ на враговъ? Но тамъ тихо, по-
 среди лазури попрежнему парить въ воздухѣ свободная птица.
 И вотъ, среди сомнѣній и несогласій, пока пріобрѣтемъ снова вѣру,
 уста Тебя оскорбляютъ, хотя сердце плачетъ; суди насъ по сердцу,
 а не по словамъ! О Господи, ужасныя совершаются въ настоящее
 время дѣянія—сынъ убилъ отца, братъ умертвилъ брата, множе-
 ство Кайновъ существуетъ среди насъ. Но, Господи, они не ви-
 новаты, хотя нашу будущность и отодвинули назадъ,—иные дя-
 вола были тамъ дѣятелями. Накажи руку (т.-е. руководителей),
 а не слѣпой мечъ (т.-е. исполнителей). Потомъ, съ Твоимъ архан-
 геломъ во главѣ, пойдемъ въ великій бой и на трепещущемъ демона
 тѣлѣ водрузимъ Твою побѣдную хоругвь. Для заблудшихъ бра-
 тьевъ откроемъ сердца; вину ихъ смоетъ крещеніе свободы. То-

¹⁾ По другому варианту: «Syn zabil matkę (мать)»...

гда-то услышитъ гнусный богохульникъ нашъ отвѣтъ: «Богъ былъ и есть!»).

Замѣчательна по силѣ выраженій четвертая строфа хорала:

O, Panie, Panie! ze zgrozą świata
Okropne dzieje przyniosł nam czas:
Syn zabił ojca, brat zabił brata,
Mnóstwo Kainów jest pośród nas.

Она, какъ нельзя болѣе, подходитъ къ современному положенію дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, и никакая молитва не могла бы полнѣе ея выразить чувствъ, переполняющихъ сердце преданнаго родинѣ гражданина.

Итакъ, гдѣ же въ приведенныхъ пѣсняхъ революціонный элементъ ¹⁾?

Недаромъ К. Залевскій, редакторъ пріостановленной варшавскимъ генераль-губернаторомъ газеты «Kurjer Narodowy», помѣстившей въ одномъ изъ номеровъ, подъ знакомъ бѣлаго орла, приведенныя пѣсни,—открыто на страницахъ «Kurjer'a Warszawsk'аго» требуетъ преданія себя суду, будучи увѣренъ, что никакіе судьи свободнаго русскаго народа не поставятъ ему его дѣянія въ вину.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Можетъ быть, существуютъ еще какіе нибудь оскорбительные для правительства варианты этихъ пѣсенъ,—мыѣ это неизвѣстно; знаю только, что въ процессіяхъ толпы распѣвали приведенный выше текстъ. Тогда преслѣдуйте эти варианты судомъ, но не налагайте руку на оригиналы, творчество нартднаго духа. Чѣмъ виновать, напримѣръ, Грибоѣдовъ, что его безсмертная комедія подверглась передѣлкѣ въ порнографическомъ смыслѣ? Развѣ это обстоятельство даетъ право на изгнаніе «Горя отъ ума» со сцены и изъ учебниковъ?

ПАМЯТИ Г. Г. ДАНИЛОВИЧА.

В МИНУВШЕМЪ апрѣлѣ скончался состоявшій при особѣ Государя Императора генераль-адъютантъ Григорій Григорьевичъ Даниловичъ, имени котораго принадлежитъ видное и почетное мѣсто въ русскомъ педагогическомъ мѣрѣ. Г. Г. Даниловичъ въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ тогдашняго военнаго министра, Дмитрія Алексѣевича Милютина, по реформѣ военно-учебныхъ заведеній. Они работали въ интересное время происходившей борьбы старыхъ суровыхъ воспитательныхъ началъ и желѣзной дисциплины кадетскихъ корпусовъ — съ новыми началами, провозвѣстникомъ которыхъ явился на своемъ посту Д. А. Милютинъ. Тяжелый казарменный строй нашихъ старыхъ военно-учебныхъ заведеній не легко поддавался ломкѣ, но новыя начала гуманности и сердечнаго попеченія о юношествѣ уже неотразимо входили въ жизнь, какъ отголосокъ широко охватившихъ Россію освободительныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Удачнымъ выразителемъ этого новаго направленія въ педагогическомъ дѣлѣ кадетскихъ корпусовъ явился Г. Г. Даниловичъ. Кадетскіе корпуса обращались въ военныя гимназій съ весьма широкой общеобразовательной программой (особенно въ отрасляхъ математическихъ наукъ), и въ нихъ оставлялись лишь самыя необходимыя части военной программы и строевыхъ занятій. Г. Г. Даниловичъ былъ

однимъ изъ первыхъ руководителей этихъ обновленныхъ учебныхъ заведеній и въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ должность директора второй военной гимназіи въ С.-Петербургѣ (на Петербургской сторонѣ), при которой имъ же были учреждены педагогическіе курсы для подготовки преподавателей-практиковъ въ военныя гимназіи.

Г. Г. Даниловичъ памятенъ на этомъ посту не одному поколѣнію своихъ питомцевъ, у которыхъ съ его именемъ неизмѣнно соединяется образъ доброжелательнаго педагога-гуманиста, довольно ярко выдѣлявшагося среди галереи типичныхъ дореформенныхъ «дядекъ» того времени, отъ присутствія которыхъ не совсѣмъ освободились корпуса и послѣ произведенной въ нихъ реформы. Но путемъ контрастовъ и сопоставленій еще ярче выступала мягкая и деликатная личность генерала Даниловича.

При всей мягкости его натуры нельзя, однако, сказать, чтобы онъ не имѣлъ вліянія на молодежь. Напротивъ, онъ пользовался въ военныхъ гимназіяхъ большимъ авторитетомъ.

Онъ былъ строгъ для всѣхъ вмѣстѣ. Конечно, не ангелы же воспитывались въ гимназіяхъ. Но, умѣя держать въ подобающемъ режимѣ всю массу школьниковъ, Г. Г. Даниловичъ никогда не отличался суровостью ни къ кому въ отдѣльности.

Въ корпусахъ жизнь складывалась тяжело. Одурѣвшая отъ скучнаго однообразія въ четырехъ стѣнахъ корпуса, молодежь куролесила направо. Но появленіе Г. Г. Даниловича и его мягкій голосъ съ методическими удареніями на нѣкоторыхъ словахъ всегда производили сильное впечатлѣніе на молодежь. Вся орава школьниковъ, только-что приводившая въ ужасъ нелюбимаго педагога, при появленіи Даниловича стояла на вытяжку, какъ одинъ человекъ, и при его распеканіяхъ «народъ безмолвствовалъ».

Г. Г. Даниловичъ умѣлъ внушать уваженіе къ директорской власти, и воспитанниками принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы директоръ во время своихъ обходовъ гимназіи не засталъ ихъ врасплохъ въ разгаръ проказъ и шалостей.

Въ гимназіяхъ бывали коллективные проступки молодежи. Вслѣдствіе ли чрезмѣрнаго юношескаго патріотизма или по случайности, преподавателей-нѣмцевъ въ военныхъ гимназіяхъ очень не любили и устраивали имъ своеобразные «бенефисы». Зачинщики громко оповѣщали о томъ весь классъ и приглашали всѣхъ принять участіе въ задуманной шалости.

Вдругъ въ дверяхъ выростала фигура директора.

— Вы, милые мои, забылись... Что это такое?...

Все смолкало.

— Кто кричалъ, пусть выйдетъ впередъ,—говорилъ директоръ.

Водворялось гробовое молчаніе. Никто не выходилъ, такъ какъ зачинщики и шалуны всегда прятались за спинами товарищей.

— Весь классъ безъ отпуска,—говорилъ директоръ.

Но такіе случаи были рѣдкими. Вообще появленіе директора всячески предупреждалось зоркими учениками.

Наказаніе безъ отпуска было самымъ тяжкимъ наказаніемъ въ военныхъ гимназіяхъ. За недѣлю утомительнаго сидѣнія въ четырехъ стѣнахъ, непрерывнаго шума и гама, каждый ученикъ такъ одурѣетъ среди шалопаевъ-однокашниковъ, что провести день другой въ тихой обстановкѣ семьи являлось для него положительной необходимостью. Сидѣніе «безъ отпуска» доводило иныхъ воспитанниковъ до такого удрученнаго состоянія, что они совсѣмъ уже апатично относились къ собственнымъ успѣхамъ въ наукахъ. Все равно не минуетъ этого «безъ отпуска». Подобное состояніе иногда казалось похожимъ на безнадежное состояніе преступника, который уже ничего добраго не ожидаетъ впереди. Но какъ же оживали тѣ, кому удавалось, наконецъ, вырваться въ отпускъ, какъ ясно смотрѣли они на Божій міръ.

Педагоги-рутинеры не понимали этого, иные готовы были весь годъ продержатъ ученика безъ выхода, если только представлялась какая нибудь причина къ тому. Вотъ тутъ-то и сказывался замѣчательный педагогическій тактъ Г. Г. Даниловича.

Воспитанникъ, чувствующій себя болѣе или менѣе правымъ, или которому уже не въ моготу было это удрученное состояніе «безъ отпуска», объявлялъ:

— Я иду къ директору.

И почти всегда онъ возвращался радостнымъ, возрожденнымъ и, помахивая въ воздухѣ запиской директора, за версту кричалъ: — Отпустилъ... отпустилъ!...

Аудіенція у Г. Г. Даниловича не была продолжительной.

— За что вы оставлены?—спрашивалъ Г. Г.

Виновный пояснялъ.

Пристальный взглядъ Григорія Григорьевича въ лицо «преступному», краткое назиданіе, и... многогрѣшный преступникъ благословлялъ въ душѣ своего гуманнаго, добраго директора.

Г. Г. Даниловичъ былъ педагогъ рѣдкой чуткости. Ученики его боялись, но любили. Воспитательскій и учительскій персоналъ уважалъ его и строго примѣнялся къ его требованіямъ, всегда мягко изложеннымъ и сказаннымъ кратко, безъ повышенія голоса.

Воспитанники положительно не помнили случая, чтобы Г. Г. Даниловичъ сердился. Кажется, этого и не было. Но уже малѣйшее повышеніе голоса этого добраго директора производило впечатлѣніе.

Насколько чуткимъ былъ Г. Г. Даниловичъ къ своимъ питомцамъ, настолько же заботливымъ онъ былъ и по отношенію къ подвѣдомственному ему педагогическому персоналу, особенно къ молодымъ педагогамъ, начинавшимъ при немъ свои первые учи-

тельскіе шаги во вѣрненной ему второй военной гимназій. Г. Г. Даниловичъ организовалъ педагогическіе курсы довольно солидно. До него начальство военно-учебныхъ заведеній обращало все вниманіе только на ученость педагога, на количество пріобрѣтенныхъ имъ знаній, но умѣеть ли онъ передать эти знанія учащимся, способенъ ли онъ воодушевить учениковъ, заинтересовать ихъ преподаваемымъ предметомъ, — на это почти никакого вниманія не обращалось.

Г. Г. Даниловичъ реформировалъ это дѣло, обративъ вниманіе именно на преподавательскія способности будущихъ педагоговъ и ихъ учительскую выдержку.

Выбирались болѣе опытные, искусные преподаватели военныхъ гимназій, которымъ, по каждой отрасли отдѣльно, поручались молодые педагоги, иногда нѣсколько заразъ.

Такой преподаватель приходилъ въ классъ съ длиннымъ тянущимся за нимъ хвостомъ «кандидатовъ». Они разсаживались по скамейкамъ рядомъ съ учениками и урокъ за урокомъ осваивались съ методой и манерой преподаванія своего руководителя.

Послѣ достаточнаго усвоенія необходимыхъ приемовъ, будущій педагогъ въ присутствіи этого руководителя и начальства давалъ «пробный урокъ»... Обыкновенно при первомъ дебютѣ преподаваніе новичка-педагога не было удачно. Неловкій, конфузливый молодой человѣкъ подчасъ давалъ неистощимую пищу насмѣшкамъ и остроумію школьниковъ, причемъ особенно были смѣшны типичные педагоги изъ бывшихъ семинаристовъ съ ихъ особымъ выговоромъ. Но новичекъ постепенно полировался... шероховатости сглаживались, недостатки ступшеывались, и послѣ того его достоинства ярче выступали, являлась учительская увѣренность.

Если это былъ человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и желѣзнымъ характеромъ, онъ сразу и уже на всю жизнь пріобрѣталъ любовь юношества, и за нимъ упрочивалась слава хорошаго педагога.

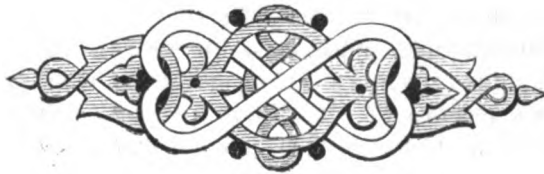
Труды Даниловича по педагогическимъ курсамъ принесли замѣтные результаты. Эти курсы дали цѣлое поколѣніе преподавателей-практиковъ, работавшихъ не только въ области военно-учебныхъ заведеній, но частью и на широкомъ научномъ поприщѣ, занимавшихъ впослѣдствіи профессорскія кафедры и даже составившихъ себѣ имя учеными трудами.

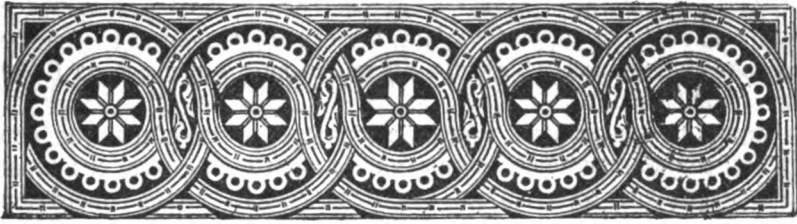
Послѣ своего директорства во 2-й военной гимназій Г. Г. Даниловичъ былъ директоромъ Пажескаго корпуса въ Петербургѣ. Его педагогическая дѣятельность обратила на себя вниманіе придворныхъ сферъ, и Г. Г. Даниловичъ въ 1877 г. былъ приглашенъ на должность воспитателя наслѣдника цесаревича Николая Александровича, нынѣ царствующаго Государя Императора, послѣ чего онъ удалился на покой и жилъ въ Аничковомъ дворцѣ, оста-

ваясь до самой своей смерти въ званіи состоящаго при особѣ Его Величества генералъ-адъютанта.

Г. Г. Даниловичъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ (81 г.), переживъ многихъ изъ своихъ питомцевъ. Всѣ воспитанники и учителя, прошедшіе черезъ его гуманныя и доброжелательныя руки, несомнѣнно сохраняютъ добрую память объ этомъ преданномъ дѣлу и любившемъ молодое поколѣніе педагогѣ.

Н. Лендеръ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

ВЪ ЧИСЛА иностранныхъ сочиненій, касающихся современныхъ событій въ Россіи, наибольшій интересъ представляетъ недавно вышедшая книга берлинскаго профессора Теодора Шимана: «Deutschland und die grosse Politik anno 1905».

Ведя обзоръ иностранныхъ событій въ газетѣ «Kreuzzeitung», профессоръ Шиманъ ежегодно перерабатываетъ эти статьи и, придавъ имъ характеръ цѣльности, выпускаетъ ихъ пятый уже годъ ежегодно подѣ указаннымъ выше заголовкомъ.

Не говоря о практической пользѣ въ смыслѣ справочниковъ, изданія Шимана выгодно отличаются отъ извѣстнаго обстоятельнаго, но крайне сухого «Мюнхенскаго историческаго календаря», именно потому, что на ряду съ лѣтописнымъ изложеніемъ фактовъ и датъ профессоръ Шиманъ отводитъ широкій просторъ обоснованію конкретныхъ явленій, привлекая для этого массу любопытнаго матеріала, что возможно, лишь благодаря его разносторонней освѣдомленности и исторической эрудици.

Въ новой книгѣ Шимана особенно подробно трактуются политическія событія, происходившія въ нашемъ отечествѣ въ минувшемъ году. Несомнѣнно, отзывы почтеннаго историка заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ вообще хорошо знакомъ съ русскою жизнью и обстоятельствами, какъ по прежней своей академической дѣятельности, такъ и потому, что изученіе русской

исторіи давно уже сдѣлалось предметомъ спеціальныхъ и понынѣ не прекращающихся изслѣдованій теперешняго профессора Берлинскаго университета.

Оставляя въ сторонѣ многія любопытныя страницы, посвященныя описанію перипетій войны на Дальнемъ Востокѣ, мы ограничимся передачею здѣсь лишь наиболѣе любопытныхъ соображеній, высказываемыхъ профессоромъ Шиманомъ о внутреннихъ событіяхъ, разыгрывавшихся въ 1905 г. въ Россіи, и его воззрѣній на совершающіяся у насъ государственныя преобразованія.

Характеризуя причины, породившія въ 1905 г. въ Россіи внутреннія смуты, или «революцію», какъ иные называютъ это безформенное движеніе, профессоръ Шиманъ подчеркиваетъ весьма рѣшительно, что правительству здѣсь пришлось посчитаться не съ стихійною импровизаціею, но съ проведеніемъ зрѣлаго плана, задолго преднамѣчавшагося русскими крайними партіями (стр. 26).

Если въ резолюціяхъ ноябрьскаго земскаго съѣзда можно увидѣть отголосокъ общественнаго мнѣнія, поскольку таковое вообще можетъ сказываться въ Россіи (стр. 30), то инымъ совсѣмъ характеромъ запечатлѣны постановленія конференціи русскихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій, состоявшейся въ концѣ ноября 1904 г. въ Парижѣ, по инициативѣ финляндскихъ общественныхъ дѣятелей ¹⁾.

¹⁾ Подтверженіе этому мы находимъ и въ недавно выпущенной въ Гельсингфорсѣ брошюрѣ Кокки Цилякуса «Революція въ Россіи». Авторъ здѣсь описываетъ, что сближеніе русскихъ революціонныхъ партій состоялось еще лѣтомъ 1904 г. Трудность сближенія была устранена тѣмъ, «что инициатива этого сліянія явилась съ финской стороны». Финляндская оппозиція составляла нейтральный элементъ и «существенно способствовала освободительному движенію въ Россіи пріобрѣтеніемъ симпатій всей честной міровой печати». Такъ какъ члены финской оппозиціи составили коренное ядро, около котораго сгруппировались иные, болѣе или менѣе оппозиціонные, элементы, то тутъ и представился удобный случай предоставить либераламъ и революціонерамъ-соціалистамъ и антисоціалистамъ, русскимъ и полякамъ, армянамъ, грузинамъ, евреямъ, латышамъ и проч. возможность объединиться для совмѣстныхъ дѣйствій противъ самодержавія.

Первая предварительная конференція различныхъ организацій состоялась 30 сентября 1905 г. въ Парижѣ, а на вторую ноябрьскую конференцію приглашено было до 18 разныхъ организацій, а именно: 1) россійская социаль-демократическая рабочая партія; 2) партія социалистовъ-революціонеровъ; 3) польская социалистическая партія; 4) всеобщій еврейскій рабочий союзъ; 5) социаль-демократія Польши и Литвы; 6) польская социалистическая партія «пролетаріатъ»; 7) литовская социаль-демократическая партія; 8) латышская социаль-демократическая рабочая партія; 9) союзъ латышской социаль-демократіи; 10) украинская социаль-демократическая партія; 11) украинская революціонная партія; 12) грузинская партія социалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ; 13) армянская социаль-демократическая рабочая организація; 14) бѣлорусская социалистическая громада; 15) армянская революціонная федерація; 16) союзъ «освобожденія»; 17) польская національная лига и 18) финляндская партія активнаго соприотвѣленія.

Сущность постановленій, принятыхъ на конференціи, заключается въ разработкѣ программы для согласованія дѣйствій отдѣльныхъ партій въ цѣляхъ ниспроверженія существующаго въ Россіи государственнаго строя, при чемъ было оговорено не оглашать преній и рѣшеній по вопросу о ближайшихъ согласованныхъ дѣйствіяхъ. На томъ же конгрессѣ въ Парижѣ болѣе активное совѣщаніе истинно-революціонныхъ организацій единогласно постановило: «...повсемѣстно мѣшать и оказывать сопротивление мобилизаціи для войны; призываемыхъ на службу побуждать бѣжать... Этимъ, съ одной стороны, правительство было бы вынуждено призывать постоянно новые возрасты, а потому само вызывало бы неудовольствія и смуту въ новыхъ мѣстностяхъ или въ средѣ нетронутыхъ слоевъ населенія, съ другой стороны, правительство будетъ лишено возможности посылать на театръ военныхъ дѣйствій части постоянныхъ войскъ... Въ городахъ въ то же время, какъ можно чаще, должны быть устраиваемы демонстраціи... рабочіе снабжены оружіемъ» и т. д.

Комментируя революціи и декларацію конференціи, Жоресъ въ своемъ органѣ «Humanité» отмѣчаетъ, что объединеніе революціонныхъ русскихъ партій составляетъ прелюдію и сигналъ для великой борьбы, которую сознательныя силы революціи предпринимаютъ противъ русскаго правительства.

Что инныя группы, къ парижской конференціи не примкнувшія, простирали свои требованія очень далеко, показываетъ оглашенный въ печати мотивированный отвѣтъ центрального комитета еврейскаго «соціалистическаго бунда». Предложеніе принять участіе въ конференціи, исходившей изъ объединенія Россіи въ федерацію автономныхъ самоопредѣляющихся народностей подъ монархическою властью, сильно ограниченою демократіею, — «бундъ» отклонилъ на томъ основаніи, что минимумъ политическихъ требованій, предъявляемыхъ къ Россіи соціаль-демократическими организаціями, — требуетъ провозглашенія соціаль-демократической республики на основѣ прямого, всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія (стр. 32)¹⁾. Намѣчаемыя соціаль-демократіею цѣли борьбы съ правительствомъ подтверждены были и въ появившемся позднѣе въ Женевѣ воззваніи русскихъ соціалистовъ, а равно въ заявленіяхъ, дѣлавшихся

¹⁾ Небезынтересныя фактическія данныя объ организаціи и развѣтвленіи бунда, получившаго особенную силу въ Привислинскихъ губерніяхъ и Сѣверо-и Юго-Западномъ краѣ, сообщаетъ брошюра В. Акимова (Махновца): «Очеркъ развитія соціаль-демократіи въ Россіи» (Спб., изданіе Поповой, 1906 г.). Въ общемъ, однакоже, эта брошюра страдаетъ свойственными литературнымъ произведеніямъ нашихъ доморощенныхъ соціалистовъ малограмотностью и безтолковостью изложенія на ряду съ искусственно-выработаннымъ псевдо-русскимъ жаргономъ, изобилующимъ партійными крылатыми словами иноземнаго происхожденія

отъ имени парижскаго кружка русскихъ эмигрантовъ, опиравшагося на французскія социалистическія организаціи (стр. 41).

Прологомъ къ «борьбѣ съ царизмомъ», возвѣщенной социаль-демократіею, и явилось пресловутое «выступленіе пролетарскихъ массъ» 9 января 1905 г. подъ руководствомъ Галона.

Для проф. Шимана не подлежитъ сомнѣнію, что челобитная, предназначавшаяся для поднесенія государю съ программю преобразованій, имѣла очень мало общаго съ дѣйствительными и сознательными пожеланіями самихъ рабочихъ; эта программа оказывалась диковинкою, приведшей въ недоумѣніе даже петербургскихъ литераторовъ, выступившихъ съ предстательствомъ за рабочихъ предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствительно, программа рабочихъ, въ первыхъ двухъ своихъ отдѣлахъ представляя существенныя аналогіи съ резолюціями парижской конференціи революціонныхъ партій, намекаетъ, какъ на истинный источникъ своего происхожденія, на зарубежныя социаль-демократическія теченія, такъ и на истинное значеніе манифестаціи, которой иные желаютъ придать характеръ наивнаго и невиннаго обращенія народа къ естественному его заступнику, царю. Точно также несомнѣнна связь петербургскаго январскаго рабочаго движенія съ рабочими вспышками въ иныхъ промышленныхъ центрахъ, ибо иначе нельзя и объяснить единства дѣйствій всего русскаго пролетаріата (стр. 39).

Въ связи же съ согласованною дѣятельностью революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій въ 1905 г. нарождается рядъ радикальнѣйшихъ организацій (союзъ освобожденія, союзъ крестьянскій, всероссійскій союзъ учителей и дѣятелей по народному образованію, союзъ союзовъ, союзъ автономистовъ-федералистовъ и т. д.). Благодаря дружному взаимодействію этихъ организацій, а равно и многихъ другихъ, свѣдѣнія о которыхъ въ печать не проникли, такъ какъ инныя группы, преслѣдуя противообщественныя цѣли, предпочитали дѣйствовать конспиративно, въ Россіи постепенно начали разыгрываться безпримѣрныя дотолѣ по интенсивности движенія въ Прибалтійскомъ краѣ, на Закавказьѣ, въ Привислинскихъ губерніяхъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ и въ Финляндіи.

Казалось бы, что законныя по своей справедливости требованія, какія могло предъявлять русское культурное общество къ правительству въ отношеніи предоставленія народу участія въ управленіи государственными дѣлами, должны были найти вполнѣ достаточное удовлетвореніе въ широкомъ починѣ, проявленномъ правительствомъ въ области государственныхъ преобразованій.

Намъ представляется невѣроятнымъ, — пишетъ проф. Шиманъ, — чтобы внезапный переходъ отъ самодержавнаго абсолютизма къ западно-европейскому конституціонализму могъ оказаться панацеею для уврачеванія всѣхъ происходящихъ нынѣ на Русѣ бѣдствій.

Наоборотъ, скорѣе слѣдуетъ допустить, что примѣненіе слишкомъ энергичнаго лѣкарства составитъ еще большее зло, чѣмъ та болѣзнь, противъ которой оно рекомендуется (стр. 64).

Серьезный историкъ, не признающій скачковъ ни въ органическомъ развитіи явленій природы, ни въ исторіи генетическаго развитія государственности, проф. Шиманъ становится втупикъ предъ ожесточенною травлею, которая ведется въ русскомъ обществѣ противъ приказлага строя и чиновничества. Чиновничество оказывается козломъ отпущенія и виновникомъ всѣхъ бѣдъ; такое обвиненіе, на взглядъ Шимана, тѣмъ страннѣе, что чиновничество въ сущности составляетъ, по меньшей мѣрѣ, одну треть всей фрондирующей русской интеллигенціи, такъ какъ любой чиновникъ, сбросивъ съ себя вицмундиръ, становится такимъ же завзятымъ либераломъ, какъ и всѣ иные интеллигенты. На обвиненія въ томъ, будто чиновничество въ своей совокупности развращено и губить страну, позволительно спросить: да развѣ русское чиновничество составляетъ особенную породу, а не плоть отъ плоти и кость отъ костей все того же русскаго народа? Несомнѣнно, въ такихъ нареканіяхъ таятся чудовищная ложь и преднамѣренность. «Поэтому-то мы и позволяемъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы выдвигаемые нынѣ въ Россіи идеалы новыхъ формъ политической жизни и впрямь могли способствовать пересозданію государственности на началахъ справедливости и благоденствія» (стр. 35).

Обращаясь къ государственнымъ преобразованіямъ, предпринятымъ русскимъ правительствомъ, проф. Шиманъ замѣчаетъ, что самое лучшее, что слѣдовало сдѣлать русской интеллигенціи, это—вооружиться терпѣніемъ и дать правительству возможность спокойно разработать намѣченные имъ проекты реформъ. Насколько явствуетъ изъ опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе журналовъ комитета министровъ по приведенію въ исполненіе предначертаній указа 12 декабря 1904 г., правительство искренно преслѣдуетъ наилучшія намѣренія и для осуществленія ихъ избрало правильные пути. Разъ предположенія комитета министровъ будутъ проведены въ жизнь съ надлежащею послѣдовательностью и во всей полнотѣ, они одни уже внесутъ крупный переворотъ въ русскую жизнь и вызовутъ громадный прогрессъ (стр. 65).

Наоборотъ, право подачи петицій, которое было даровано русскимъ гражданамъ по указу отъ 18 февраля 1905 г., возымѣло довольно печальныя послѣдствія— комитетъ министровъ за полгода былъ забросанъ свыше чѣмъ тысячею ходатайствъ; въ числѣ ихъ поступило болѣе сотни проектовъ коренныхъ государственныхъ преобразованій, но проекты эти, при крайности выставляемыхъ политическихъ требованій, поражали полнѣйшею беспочвенностью и дѣтскою незрѣлостью мысли.

Изъ-за радикальнѣйшихъ требованій въ формѣ грубой и деракой довольно явственно сквозили угрозы. Исходили такія элуку-

браціи, съ одной стороны, отъ рабочихъ, получившихъ социаль-демократическую муштровку, а, съ другой, отъ интеллигенціи, принадлежащей къ земскимъ кругамъ, людей свободныхъ профессій и мелкаго чиновничества; онѣ указывали на политическія забастовки, какъ на достаточно могущественное средство, чтобы вынудить у правительства осуществленіе предписываемыхъ программъ. На ряду съ ними выступали и террористы социаль-революціонеры, хваставшіеся излюбленною панацеею организованнаго террора политическихъ убійствъ (стр. 119, 154).

По мнѣнію проф. Шимана, столь рѣшительно опорочивавшіяся проектъ гофмейстера А. Г. Булыгина о законосовѣщательной государственной думѣ являлся увѣнчаніемъ намѣчавшейся еще Александромъ I и отчасти осуществленной Александромъ II системы представительства, опирающагося на показавшее свою жизнеспособность земское самоуправленіе (стр. 166).

Государственные акты 6 августа 1905 г. предлагали русскому народу несравненно большее, чѣмъ тѣ уступки, на какія, напримѣръ, Сперанскій, Новосильцевъ и графъ Лорисъ-Меликовъ почитали возможнымъ итти въ своихъ планахъ государственныхъ преобразованій, проектировавшихся въ духѣ свободы и современности.

Императоръ Николай II на дѣлѣ осуществилъ гораздо большее, чѣмъ то, что болѣе ранніе русскіе законодатели только намѣревались сдѣлать: государь, по собственному благому почину, ввелъ Россію въ среду конституціонныхъ государствъ, и какія бы теченія ни смѣнили современность, будущая реакція не сможетъ отнять назадъ дарованнаго.

Такимъ образомъ, съ эпохи крестьянскаго освобожденія, императоръ Николай II совершилъ величайшій шагъ впередъ для конечнаго освобожденія своего народа отъ устарѣлыхъ формъ древне-московской государственности.

Манифестъ 17 октября и указъ 11 декабря 1905 г. торжественно обезпечили за русскимъ народомъ такой объемъ гражданскихъ и политическихъ правъ, какой только мыслимъ при наличныхъ современныхъ условіяхъ русской жизни.

На взглядъ проф. Шимана, дарованный объемъ правъ даже превышаетъ то, что современная Россія въ состояніи будетъ переварить и органически усвоить для плодотворнаго развитія государственности.

Личныя симпатіи проф. Шимана въ области государственныхъ преобразованій не идутъ дальше предположеній, какія оберъ-прокуроръ I департамента правительствующаго сената, Г. А. Евреинновъ, выставлялъ въ запискѣ, представленной министру юстиціи («Реформа высшихъ органовъ государственнаго управленія Россіи и народное представительство»), а равно и тѣхъ desiderata, какія

заявлялись въ послѣднемъ собраніи петербургскаго дворянства ¹⁾ (стр. 136, 285).

Если бы развитіе политическихъ установленій вершилось по желаніямъ радикальныхъ кружковъ, и если бы государственная дума преобразилась въ учредительное собраніе, руководящая роль тамъ, конечно, досталась бы не умудреннымъ государственнымъ знаніемъ, хорошо образованнымъ и талантливымъ дѣятелямъ, но радикальнымъ болтунамъ, при достаточной съ ихъ стороны юркости и энергіи.

Съ одной стороны, лѣнь и безпечность лежитъ въ самой природѣ русскаго человѣка, а съ другой—поколѣніе, выросшее за послѣднее тридцатилѣтіе, въ лицѣ такъ называемой «интеллигенціи», обнаруживаетъ разительное невѣжество, но зато въ избыткѣ прониклось дурно переваренными идеями радикализма и сильно понаторѣло въ словозверженіи, а при такихъ условіяхъ не вѣрится въ свѣтлую будущность русскаго парламентаризма (стр. 90—91 *passim*).

Правда, Петръ Струве и его друзья, на удивленіе доктринеровъ, сочинили проектъ конституціи по теоретическимъ умоваключеніямъ, но съ помощью подобной конституціи Россіею такъ же мало можно было бы править, какъ и на основѣ отвлеченныхъ резолюцій, придуманныхъ столпами обще-земскихъ съѣздовъ въ духѣ крайностей принципа народовластія. За исключеніемъ немногихъ дѣятелей, достаточно смѣлыхъ, чтобы противостоятъ общему теченію безумія (какъ, на примѣръ, представитель харьковскаго земства Я. В. Кучеровъ), на сентябрьскомъ и ноябрьскомъ земскихъ съѣздахъ большинство участниковъ потеряло подъ ногами почву и впало въ разнужданный бредъ идеологіи.

Позволительно усомниться,—говоритъ проф. Шиманъ,—чтобы личности, выступающія столь рьяно съ оппозиціею правительству, оказались способны не только теоретически выработать плодотворныя преобразованія, но и провести ихъ въ практику жизни.

Ноябрьскія резолюціи земскаго съѣзда формулировались не для завѣдомо существующей и осуществимой Россіи, а для Россіи призрочной, состоящей сплошь изъ самоотверженныхъ идеалистовъ, изъ высоко-культурныхъ крестьянъ, строго-дисциплинированныхъ трудолюбивыхъ рабочихъ, вдумчивыхъ альтруистовъ-чиновниковъ и войскъ, проникшихся гражданственностью.

¹⁾ Собраніе это, состоявшееся подъ предсѣдательствомъ графа Гудовича, выразило свои пожеланія въ всеподданнѣйшемъ адресѣ, поднесенномъ государю.

Сводятся пожеланія къ слѣдующему: «учрежденіе отвѣтственнаго министерства, одинаковаго для всѣхъ русскихъ гражданъ суда, независимаго отъ администраціи, обязательное элементарное обученіе, лучшая образовательная и матеріальная постановка положенія духовенства, упорядоченіе печати и права собраній и дарованіе земскому самоуправленію большей широты».

На самомъ же дѣлѣ для земцевъ ноябрьскаго съѣзда оказалось счастьемъ то, что правительство властно указало имъ вернуться вспять въ нормальныя ихъ рамки.

Вѣдь осуществись земскій идеалъ учредительнаго собранія или государственной думы съ учредительными полномочіями (различать одно отъ другого значить играть словами), въ результатѣ получился бы новый конвентъ, а изъ него ужъ, конечно, російскіе анархисты и социалисты прежде всего не преминули бы выпроводить вонъ злорадно и съ ѣдкими насмѣшками наирадикальнѣйшихъ земцевъ, въ качествѣ представителей буржуазіи¹⁾.

Профессоръ Шиманъ утверждаетъ, что земскіе съѣзды, какъ и русская академическая молодежь, въ русской революціи 1905 г. сыграли роль, не имѣющую ничего общаго съ самобытностью; они выступили, такъ сказать, подчиненными факторами и повиновались велѣніямъ, исходившимъ изъ штабъ-квартиры совокупныхъ организацій «оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій».

Совершенно не подобавшую роль въ движеніи разыграло студенчество.

Еще во время беспорядковъ 1901 и 1902 г.г. петербургское студенчество, окрестивъ себя «ферментомъ разложенія бюрократическаго строя для привлеченія другихъ общественныхъ элементовъ въ борьбу противъ существующаго строя», положило обратиться за помощью къ рабочимъ и повести пропаганду среди разнообразныхъ слоевъ общества, устраивая уличныя демонстраціи, чѣмъ и занималось въ послѣдніе годы съ гораздо большимъ усердіемъ, чѣмъ академическими студіями.

Предоставленная по указу отъ 27 августа 1905 г. университетамъ и прочимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ автономія не только не внесла успокоенія въ умы молодежи, но фактически превратила учебныя заведенія въ явное убѣжище для революціонныхъ силъ, принужденныхъ дотолѣ, по отсутствію удобныхъ помѣщеній, вести пропаганду среди ограниченной аудиторіи.

Университеты и техническіе институты осенью 1905 г. преобразились въ форменные политическіе клубы.

Насколько тамъ революціонные элементы злоупотребляли словомъ, можно судить по нижеслѣдующимъ фактамъ.

Такъ, въ С.-Петербургскомъ университетѣ на сходкѣ, происходившей въ составѣ 2.000 человекъ, была принята 13 сентября резолюція, оглашенная въ подробности.

Обсужденію подвергался вопросъ о томъ, открывать ли университетъ, чтѣ и рѣшено было большинствомъ 1.700 голосовъ утвердительныхъ противъ 243 отрицательныхъ.

¹⁾ Стр. 90, 318, 291 и 359—Deutschland und die grosse Politik anno 1905.

Во время преній одна группа доказывала, что студенчество въ данный моментъ единственною цѣлью должно себѣ ставить—йти въ народъ и заниматься въ деревняхъ усиленною агитаціею. Крестьяне прекрасно знаютъ, чего хотятъ (соціализаціи казенныхъ и частно-владѣльческихъ земель), но дѣйствуютъ не планомерно и не объединены надлежащею организаціею. И то и другое имъ нужно принести извнѣ.

«Пусть университетъ остается закрытымъ, мы этимъ самымъ подчеркиваемъ принципиальное положеніе, какое занимаемъ въ политикѣ, и обращаемся къ пропагандѣ и къ практическому осуществленію обновленія общественнаго строя».

Противники этой программы взяли перевѣсъ послѣ ожесточенныхъ преній. Студенчество, по мнѣнію восторжествовавшей партіи, должно выступить на помощь не крестьянамъ, а городскому пролетариату. Настоящимъ врагомъ, противъ котораго слѣдуетъ бороться, является буржуазія и либерально-конституціонное представительство земствъ. «Намъ нужны аудиторіи для воспитанія новичковъ, попадающихъ въ нашу среду. Мы должны поддерживать тѣсную и постоянную связь другъ съ другомъ на почвѣ политическихъ вопросовъ. Этимъ путемъ мы образуемъ прочное ядро и удвоимъ нашу энергію для того, чтобы дѣйствовать, когда наступитъ время. Въ интересахъ нашей тактики университетъ подлежитъ открытію».

Принятая въ заключеніе резолюція гласила: забастовку въ университетѣ прекратить, пока возобновленіе ея, по мнѣнію руководящихъ партій, не будетъ признано выгоднымъ; университетъ открыть вновь затѣмъ только, чтобы въ стѣнахъ его развивать пропаганду, собирать митинги, организовывать союзы и т. п. для надлежащей подготовки стороннихъ посѣтителей.

Въ одномъ С.-Петербургскомъ университетѣ ежедневно собиралось свыше 10 т. человѣкъ; головы людей были заняты, вниманіе приковано. Ити на митингъ являлось дѣломъ, заполнявшимъ пустоту свободнаго времени. И какихъ только митинговъ тогда не происходило? Въ одинъ и тотъ же вечеръ, напримѣръ, въ университетѣ состоялись собранія: общедоступное соціаль-демократическое, желѣзнодорожныхъ служащихъ, часовщиковъ, чиновниковъ, зубныхъ врачей, педагоговъ, воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній, и предполагалось даже собраніе «сознательныхъ» городскихъ...

Опасенія вызывали неудержимое стремленіе къ собраніямъ и митингамъ. Болѣзненно привлекала и самая вѣроятность случайной вспышки инстинктовъ толпы, всегда сопровождаемой паникою и катастрофою.

Выступая въ роли ораторовъ, студенты дѣйствовали, какъ представители пролетарскаго класса. Ихъ убѣжденія и взгляды всецѣло сливались съ profession de foi рабочаго класса. На митин-

гахъ раздавалась несмолкаемая проповѣдь социалистическихъ ученій. Здѣсь общество призывалось только къ борьбѣ, къ борьбѣ до конца съ отживающимъ строемъ.

Такъ, въ многолюдномъ политическомъ собраніи, состоявшемся 10 октября въ С.-Петербургскомъ университетѣ, первый ораторъ, проф. Тарле, свои разсужденія завершилъ доводомъ: «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Второй ораторъ заявлялъ: «Я надѣюсь, что мы наконецъ перестанемъ говорить о государственной думѣ, такъ какъ мы, всѣ здѣсь собравшіеся, цензомъ не обладаемъ. Но, тѣмъ не менѣе, интеллигенты, обладающіе квартирнымъ цензомъ, и просвѣщенные члены земствъ желаютъ использовать это установленіе... Но нельзя проводить здоровой политики, пока не рѣшенъ органической ея вопросъ, а потому мы требуемъ учредительнаго собранія... Освободительное движеніе мощно шагаетъ впередъ безъ всякаго участія земцевъ. Пусть они собираются на съѣзды и обсуждаютъ тамъ, что угодно. Тотъ фактъ, что желѣзнодорожная забастовка удалась... показываетъ, что найденъ, правильный путь, и мы приближаемся къ цѣли». Ораторъ заключилъ свою рѣчь предложеніемъ снарядить депутацію къ Московскому забастовочному комитету и выразить отъ имени собранія сочувствіе бастующимъ.

Третій ораторъ превозносилъ бунтующихъ матросовъ, въ качествѣ «истинныхъ выразителей воли народной». «Если бюрократія вступить съ земствомъ въ соглашеніе и принесетъ въ жертву интересы народной массы, Россія погибнетъ,—утверждалъ онъ,—ибо все-россійскій парламентъ, построенный на началѣ всеобщаго избирательнаго права, настоятельно необходимъ».

Черезъ два дня послѣ этого собранія студенчество С.-Петербургскаго университета впервые использовало право предоставленнаго ему «автономнаго» представительства. Студенчество избрало изъ своей среды 12 социаль-демократовъ, 4 социаль-революціонеровъ, 7 демократовъ-конституціоналистовъ и 2 «дикихъ». Затѣмъ число избранниковъ, пропорціонально отдѣльнымъ категоріямъ, было снижено до 12.

12 же октября, въ университетѣ происходилъ митингъ воспитанниковъ и воспитанницъ средне-учебныхъ заведеній подъ руководствомъ социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ; принялъ онъ характерную революцію, будто «ученики и ученицы давно уже переросли тѣ рамки, въ которыя ихъ втискиваетъ школьное начальство».

На другой сходкѣ, происходившей тогда же въ С.-Петербургскомъ университетѣ, было заявлено, что всеобщіе народные интересы могутъ преслѣдоваться только такою партіею, которая «не признаетъ частной собственности», а въ IX аудиторіи тѣмъ временемъ провозглашалась борьба вообще противъ всякихъ формъ владѣнія.

Въ эти же дни въ Кіевѣ на публичной сходкѣ тоже въ университетѣ предлагалось приступить къ избранію комитета общественнаго спасенія!

Описывая эти типичныя формы, проф. Шиманъ спрашиваетъ: развѣ все это не производитъ впечатлѣнія бѣснованія горячечныхъ безумцевъ ¹⁾?

Описывая событія, сопровождавшія объявленіе манифеста 17 октября, проф. Шиманъ воздастъ должное правительству. Руководилось правительство при изданіи манифеста 17 октября 1905 г. тѣмъ соображеніемъ, что подобный образъ дѣйствій, рѣдкій въ абсолютныхъ монархіяхъ и заслуживающій признательности, встрѣтитъ искреннюю поддержку со стороны благомыслящихъ подданныхъ. Было полное основаніе предположить, что русское общество, въ лицѣ его благоразумныхъ элементовъ, въ сознаніи долга предъ родиною, дружно примкнетъ къ усиліямъ правительства для восстановленія внутренняго порядка. Выступая рѣшительнымъ сторонникомъ конституціонныхъ вольностей, правительство, казалось бы, вполне естественно могло рассчитывать, что благомыслящіе элементы общества, сплотившись вокругъ правительства, дадутъ отпоръ элементамъ, явно стремящимся къ разрушенію коренныхъ устоевъ гражданственности.

Въ отвѣтъ на правительственный призывъ къ творческой работѣ общественнаго самосознанія, крайнія партіи, словно опасаясь, какъ бы русское общество не умиротворилось, приложили всѣ старанія къ тому, чтобы волненія и нестроенія народныя потрясли Россію до корня.

Провозглашенныя въ манифестѣ «свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ» преднамѣренно были обращены въ предлогъ для вопіющихъ злоупотребленій печатью и вызвали необычайный подъемъ дѣятельности организацій, дотолѣ ограничивавшихся болѣе осторожными происками. Разгорѣвшаяся теперь смута не имѣла основаній обращаться противъ правительства, разъ оно признавало готовность пойти навстрѣчу благоразумнымъ требованіямъ умѣренныхъ элементовъ. Смута такимъ образомъ оказывалась уже направленною къ ниспроверженію коренныхъ устоевъ гражданственности.

То, что произошло, оказалось совершенною неожиданностью.

Соціальныя инстинкты оказались словно атрофированными. Въмѣсто объединенія для охраненія порядка, населеніе расчленилось на группы. Въмѣсто необходимаго, хотя бы временнаго, объединенія партій, одна группа носилась съ мыслью о необходимости отвергнуть конституцію и возстановить бюрократію. Другая часть общества требовала временной пріостановки дѣйствія конституціонныхъ свободъ впредь до возстановленія порядка. Третья группа утвер-

¹⁾ Loco cit., стр. 290, 291, 318, 319 passim.

ждала, будто свободы, дарованныя манифестомъ, не достаточны, и требовала, чтобы правительство ихъ расширило. Четвертая группа выставяла домогательства автономіи для инородцевъ. Пятая фракція настаивала на немедленномъ дарованіи равноправія евреямъ, хотя бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого и явилось повсемѣстное кровопролитіе.

У всѣхъ этихъ группъ должна бы прежде всего вырисовываться общая цѣль — подавить анархію и возстановить порядокъ. Достигнувъ этого, онѣ могли бы законѣнными путями добиваться осуществленія дальнѣйшихъ особыхъ своихъ задачъ, но группы эти близоруко предпочли хотя бы цѣною разоренія страны и ихъ самихъ уклониться отъ оказанія правительству поддержки, а, между тѣмъ, и у правительства и у умѣренныхъ общественныхъ группъ непосредственная цѣль и главнѣйшіе интересы совпадали, да и по второстепеннымъ вопросамъ у него съ ними не предвидѣлось неразрѣшимыхъ разногласій.

Другими словами, люди порядка, повидимому, не находили перехода отъ отвлеченной мысли къ практическимъ дѣйствіямъ, а революціонная партія оказалась во всеоружіи, и общество очутилось подъ гнѣвомъ.

Объявленіе манифеста о свободахъ, совпавшее съ разгаромъ стачечнаго движенія, вызвало радъ насилій, носившихъ стихійный характеръ.

Оставляя въ сторонѣ партикуляристическое движеніе въ Финляндіи, обоснованное мѣстными причинами, мы видимъ, что въ коренной Россіи событія болѣе или менѣе повсемѣстно разыгрывались съ поразительнымъ однообразіемъ — телеграммы отовсюду приносили одну и ту же вѣсть. Населеніе, принявъ манифестъ восторженно, выразило посильныя свои чувства процессіями съ портретами государя и національными флагами; въ отвѣтъ на это слѣдовали враждебныя демонстраціи со стороны революціонеровъ, среди коихъ нерѣдко наблюдалось преобладаніе инородцевъ, а въ финалѣ шальные выстрѣлы и болѣе или менѣе неистовый погромъ.

Въ такой до нельзя однообразной развязкѣ городскихъ манифестацій одни усматривали взрывъ стихійнаго, чисто народнаго чувства, другіе же приписывали ее «провокаціи», «черносотеннымъ» посягательствамъ на свободу, административно-полицейскимъ воздѣйствіямъ и науськиваніямъ.

За исключеніемъ этихъ манифестацій и прискорбныхъ ихъ развязокъ, — говоритъ проф. Шиманъ, — въ ближайшіе по республикованію манифеста дни наступило молчаніе, словно откуда-то поджидалось полученіе приказанія, какъ реагировать на данный фактъ, а затѣмъ со всѣхъ сторонъ зашумѣли нестройные голоса: «Нѣтъ, этого намъ недостаточно! Вотъ теперь-то и начнется заправская революція!»

Откуда же шелъ этотъ пароль?

Повидимому, изъ Москвы, куда въ то время уже перемѣстился изъ-за границы центральный революціонный комитетъ, и гдѣ пребывала партія ярыхъ конституціоналистовъ, получившая перевѣсъ въ послѣднихъ земскихъ сѣздахъ.

Но въ то время, какъ земства безмолвствовали, революціонеры говорили и дѣйствовали, и такимъ образомъ возникло, правда, скоропреходящее, но какъ будто и обоснованное фактами заблужденіе, будто вся Россія сплошь устремляется къ созданію на развалинахъ монархіи социалистической республики.

Въ сущности же всеобщая забастовка, объ успѣхѣ которой иные такъ громко ликовали, въ дѣйствительности никогда въ Россіи популярностью не пользовалась.

Забастовка явилась лишь слѣдствіемъ террора, который учиняли невѣдомые заправилы російской революціи. Весьма вѣроятно, будь эти вожаки въ должномъ свѣтѣ представлены обществу, они съ самаго начала утратили бы престижъ.

Весьма вѣроятно, какъ то происходило при польскихъ возстаніяхъ 1830 и 1863 гг. и при нигилистическихъ заговорахъ послѣдней эпохи царствованія Александра II, вожаками революціоннаго движенія и теперь выступали юные, не перебродившіе фанатики, а самая властность ихъ опиралась на ихъ невѣдомость и потому, что позади ихъ предполагалась таинственная потенція (мощь).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, во всей русской революціи огромную роль сыгралъ еврейскій социалистическій бундъ, но и эта организація состоитъ преимущественно изъ еврейской интеллигентной и полуинтеллигентной молодежи, которая начала дѣятельность съ ограбленія своихъ же болѣе пожилыхъ и состоятельныхъ единовѣрцевъ, дабы заручиться матеріальными средствами для агитаціи и вооруженія. Пособниковъ бундъ безъ труда находилъ среди социалистовъ-революціонеровъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны сообщенія, дѣлавшіяся на социалистическихъ собраніяхъ въ Парижѣ, а равно и воззваніе социаль-демократическаго германскаго партійнаго президіума, оглашенное газетою «Vorwärts» отъ 5 іюля 1905 г. Здѣсь пространно толковалось о революціонной солидарности нѣмецкихъ и французскихъ передовыхъ борцовъ съ русскимъ и польскимъ пролетариатомъ, который «подъ руководствомъ нашихъ товарищей предпринялъ героическую и несравненную борьбу за народную свободу». Воззваніе «Vorwärts»'а приглашало нѣмецкихъ социаль-демократовъ къ спѣшному сбору денежныхъ пожертвованій ради смягченія безысходной нужды, въ которую повержены русскіе рабочіе, добывающіе себѣ теперь свободу. «Товарищъ Герришъ, нашъ кассиръ, будетъ принимать пожертвованія», заявлялъ президіумъ, фактически же собранныя деньги были обращены на закупку

военныхъ припасовъ для вооруженія русскихъ социаль-демократовъ и анархистовъ.

Вообще, по утверженію проф. Шимана, современное русское революціонное движеніе окажется совершенно необъяснимымъ и невразумительнымъ, если замалчивать роль, сыгранную въ немъ русскимъ еврействомъ. Въ кружкахъ русской радикальной и революціонной интеллигенціи еврейскіе дѣтели давно уже заручились вѣсомъ. Среди 2—3 тысячъ интеллигентовъ мужского и женскаго пола, предававшихся въ Швейцаріи революціонно-соціалистическимъ проискамъ, большинство были іудейскаго происхожденія, и они же на послѣднемъ общемъ съѣздѣ революціонныхъ партій въ Парижѣ завладѣли руководящимъ вліяніемъ. Еврейскіе интеллигенты и полу-интеллигенты выступали дѣятельнѣйшими соучастниками во всѣхъ почти политическихъ покушеніяхъ; они же сумѣли провести во всѣ русскія программы преобразованій и во всѣ резолюціи безчисленныхъ митинговъ, созывавшихся за послѣдніе мѣсяцы въ Россіи, полное уравненіе евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ.

Точно также и тотъ фактъ, что русское студенчество находилось и находится подъ еврейскимъ вліяніемъ, не оспоримъ, да никѣмъ даже и не опровергается.

Такимъ образомъ русскую революцію съ одинаковымъ основаніемъ можно назвать и еврейскою.

Можно, конечно, говорить о томъ, что еврейское ожесточеніе искусственно вызывалось и питалось стѣснительными мѣрами противъ еврейства и его безправіемъ, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что ненависть къ евреямъ, сказывающаяся въ чертѣ еврейской осѣдлости со стороны коренного населенія, объясняется злоупотребленіями и посягательствами, въ какія еврейство неизмѣнно впадаетъ, какъ только сознаетъ себя достаточно сильнымъ для агрессивныхъ дѣйствій.

Во всякомъ случаѣ, послѣ того, какъ пунктъ VII указа 12 декабря 1904 г. намѣтилъ коренныя улучшенія въ судьбахъ русскаго еврейства, а манифестъ 17 октября даровалъ широкія вольности всѣмъ русскимъ гражданамъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія, долгъ еврейства былъ вооружиться терпѣніемъ и, не вымогая отъ правительства немедленнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса въ полномъ объемѣ, слѣдовало бы предоставить его нормальному законодательному разсмотрѣнію въ государственной думѣ.

При наличныхъ условіяхъ ничѣмъ нельзя оправдать непримиримаго озлобленія и ненавистничанія, а между тѣмъ еврейскіи бунды и его единомышленники остаются при прежнемъ лозунгѣ: «Борьба во что бы то ни стало для ниспроверженія монархіи и сознанія федеративной социалистической республики»¹⁾.

¹⁾ Th. Schiemann: «Deutschland und die grosse Politik». Стр. 327—330 passim.

Свои разсужденія о беспочвенности и безсиліи революціоннаго движенія проф. Шиманъ подкрѣпляетъ данными, заимствуемыми изъ изслѣдованія Георгія Клейнова о политическихъ партіяхъ въ Россіи.

Г. Клейновъ приходитъ къ тому разительному выводу, что группа социаль-революціонеровъ, настаивающая на раздачѣ всѣхъ земель крестьянству, не превышаетъ 50 человѣкъ, подъ руководствомъ которыхъ усердные агенты сбиваютъ съ толку русскихъ крестьянъ. Еще ничтожнѣе группа анархистовъ. Россійскіе социаль-демократы, опираясь на международную социаль-демократію, выступаютъ съ непримиримою революціонною программю и представляютъ собою нѣкоторую силу; ихъ въ Россіи г. Клейновъ насчитываетъ по національностямъ: русскихъ—20.000—25.000 человѣкъ, поляковъ—6.000, латышей и эстовъ—6.000, а евреевъ 250.000! Разумѣется, тутъ въ расчетъ не принимается та болѣе или менѣе удачно доводимая до сознательности рабочая масса, среди которой социаль-демократы ведутъ пропаганду.

Переходя затѣмъ къ общественнымъ кругамъ, руководителемъ для которыхъ явился союзъ «освобожденія», издававшій подъ тѣмъ же наименованіемъ особый органъ печати подъ редакцію П. Б. Струве, а равно и группа земцевъ-конституціоналистовъ, болѣе или менѣе совпадавшая съ большинствомъ земскихъ сѣздовъ, а впослѣдствіи (въ началѣ зимы 1905 г.) открыто объявившая себя конституціонно-демократическою партіею, г. Клейновъ силы этой партіи исчисляетъ такъ: среда земскихъ дѣятелей выдѣлила въ нее 1.200 человѣкъ, городскіе дѣятели—800; благодаря дальнѣйшей усиленной пропагандѣ, демократической партіи удалось завербовать сочленовъ разнообразнѣйшихъ профессій въ количествѣ отъ 110.000 до 120.000 человѣкъ.

Этнографически же партія эта распадается такъ: русскихъ отъ 14.000 до 15.000 человѣкъ, поляковъ 12.000 человѣкъ, малороссовъ 800 человѣкъ, латышей 400 человѣкъ, а въ заключеніе и здѣсь опять фигурируетъ до 80.000 евреевъ.

Въ противовѣсъ радикальнымъ партіямъ, крайніе правые кружки представляютъ силу ничтожную; численность же партій умѣренныхъ, идущихъ подъ разными флагами, хотя онѣ и похваляются тѣмъ, будто привлекли многія уже сотни тысячи сторонниковъ, вѣрнѣе можно опредѣлить по количеству подписчиковъ на газеты умѣреннаго направленія, чтѣ и дастъ въ итогѣ отъ 110.000 до 120.000 болѣе или менѣе интеллигентныхъ сторонниковъ порядка (стр. 301—302).

Для подавленія замысловъ крайнихъ партій правительству пришлось прибѣгнуть къ суровымъ репрессіямъ, которыя Шиманъ безусловно оправдываетъ.

Революціонеры въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи постепенно, цѣною безплоднаго пролитія крови,—говоритъ онъ,—начинаютъ убѣ-

ждаться, сколь невѣроятно легкомысленное дѣло—ихъ вооруженное возстаніе. Они, по увѣреніямъ газеты «Politik», и теперь уже намѣреваются вернуться къ старымъ методамъ терроризма. Изъ разныхъ классовъ общества будутъ намѣчаться жертвы, пока общество не придетъ само на помощь социаль-революціоннымъ дѣламъ. Однако у общества, кажется, уже достаточно открылись глаза, и можно опосаться другого—какъ бы русскій народъ въ массѣ не подвергъ грозному самосуду социаль-революціонеровъ и русскихъ и инородческихъ республиканцевъ, которые выставляютъ нелѣпыя требованія въ забвеніи народной вѣры въ святость царской власти.

Это стихійное реакціонное настроеніе русской народной массы проф. Шиманъ неоднократно подчеркиваетъ.

Говоря о послѣднихъ безуспѣшныхъ забастовкахъ, онъ замѣчаетъ: «При неизбежно надвигающемся чудовищномъ Katzenjammer'ѣ,—да будетъ мнѣ прощено это тривіальное уподобленіе,—выясняется, сколько милліоновъ людей жестоко поплатились своими боками и карманами изъ-за изувѣрства социаль-революціонеровъ, и, разумѣется, ореоль социалистическихъ ученій сильно потускнѣеть, по крайней мѣрѣ, въ Россіи».

«Болѣе чѣмъ вѣроятно, разочарованіе рабочей массы угрожаетъ безжалостнымъ отомщеніемъ главарямъ движенія, облыжно ее втянувшимъ въ нелѣпыя начинанія, изъ-за которыхъ иные поплатились жизнью, а большинство утратю скромнаго благосостоянія.

«Намеки на крутой поворотъ общественнаго теченія множатся съ каждымъ днемъ все больше.

«Но, хотя и близится отомщеніе Немезиды, ближайшими задачами для правительства явятся строгость противъ зачинщиковъ и руководителей движенія, милосердіе къ рядовымъ революціи, одураченнымъ и вовлеченнымъ въ заблужденія, и восстановленіе законмѣрнаго порядка и правильнаго отправленія повседневной жизни (стр. 392—394 passim).

Подводя итоги злосчастнаго для Россіи 1905 г., профессоръ Шиманъ говоритъ: этотъ же 1905 г. въ исторіи человечества сохранить непреходящее значеніе, такъ какъ тутъ впервые социаль-демократія выступила съ опытами претворенія въ дѣйствительность своихъ государственныхъ идеаловъ. Какія же средства она для этого примѣняла, и что она создала?

«О средствахъ борьбы, къ которымъ прибѣгаетъ социаль-демократія, достаточно наставляетъ насъ брошюра Плеханова: «Соціализмъ и борьба», написанная еще въ 1883 г.; по рецептамъ Плеханова въ сущности и подготовлялась всероссійская революція. Плехановъ первый выступилъ съ совѣтомъ социаль-демократіи пока въ своей борьбѣ не набрасываться на буржуазный радикализмъ и злоупотребленія капитализма. Радикализмъ дастъ такія политическія формы, подъ охраною которыхъ социализмъ станетъ ли-

ряться невозбранно, а капитализмъ воспитаетъ пролетаріатъ; рано или поздно, при помощи излюбленнаго радикалами всеобщаго избирательнаго права, рабочіе заручатся при голосованіяхъ большинствомъ голосовъ, а тогда социаль-демократія сможетъ посчитаться и съ обоими прежними союзниками: радикалами и капиталистами.

«Къ этой теоріи постепенно и примкнули, послѣ долголѣтнихъ ожесточенныхъ теоретическихъ пререканій, различныя социалистическія и революціонныя группы. Въ началѣ 90-хъ годовъ онѣ приступили къ дѣлу. Отъ рабочихъ съ большою тщательностью первоначально скрывалась политическая программа, на которую предполагалось ихъ впослѣдствіи согласить, и агитаторы съ большою осторожностью избѣгали нападокъ на царскую власть. Не государь, но единственно чиновничество виновато въ печальной обстановкѣ рабочаго люда. Поэтому противъ работодателей нужно выступать съ справедливыми требованіями въ отношеніи улучшенія матеріальныхъ условій труда. Въ 1894 г. въ Петербургѣ былъ подготовленъ первый опытъ забастовки—онъ окончился неудачей, но, опираясь на поученіе опыта, социаль-демократическіе вожаки сумѣли убѣдить рабочихъ образовать стачечный фондъ. Далѣе послѣдовала стачка уже въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ 1896 г.; тутъ социаль-демократы сдѣлали первую попытку включить въ программу требованій рабочихъ элементъ политической—требованіе восьмичасоваго рабочаго дня, хотя при малой работоспособности русскаго фабричнаго это—большій еще non-sens, чѣмъ для Западной Европы. Хотя и эта стачка потерпѣла полное фіаско, социаль-демократы окончательно упрочили собственное положеніе въ качествѣ наставителей и руководителей рабочихъ.

Въ теченіе восьмилѣтія длиннымъ рядомъ стачекъ и обильнымъ распространеніемъ брошюръ и летучихъ листовъ, извращавшихъ всѣ здравыя политическія понятія, социаль-демократія сумѣла подготовить рабочихъ для революціонныхъ дѣйствій, эру которыхъ открыла манифестація 9 января 1905 г.; руководитель рабочихъ, Гапонъ, ех promptu включилъ въ челобитную рабочихъ политическія требованія, какія социаль-демократія сумѣла навязать радикальной интеллигенціи.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать и того, что могучимъ подспорьемъ для успѣха революціи послужили публицистическія статьи графа Л. Н. Толстого, своимъ туманнымъ социальнымъ коммунизмомъ упразднявшія всякое понятіе государственности, тогда какъ беллетристическія произведенія Максима Горькаго, Андреева и друг. навѣянные анархизмомъ и отрицавшія разграниченіе добра отъ зла, будили и обоготворяли право безпредѣльнаго повинненія первобытнымъ животнымъ инстинктамъ.

Мы не станемъ здѣсь распространяться о починѣ правительственныхъ государственныхъ преобразованій, быть можетъ, частью

и не воплѣвъ удачныхъ, но несомнѣнно подсказывавшихся наилучшими намѣреніями. Тѣмъ не менѣе, намѣренія эти социаль-демократами опорачивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неудачи Русско-Японской войны ими же истолковывались съ большою находчивостью и безсовѣстностью. Во всѣхъ безобразнѣйшихъ проявленіяхъ революціи отъ грабежей до убійствъ и вовлеченія крестьянъ въ аграрные безпорядки при помощи маскарадныхъ генераль-адъютантовъ, объявлявшихъ народу подложные царскіе манифесты, руку свою прикладывали послѣдователи Маркса при дѣятельномъ содѣйствіи русской академической молодежи и участниковъ еврейскаго «бунда»¹⁾. Господа Блументали, Гольде, Штюкгольды, Гиршманы, Гофманы хладнокровно среди потоковъ крови и междоусобій навязывали народу социаль-демократическую республику. Этотъ экспериментъ еврей-изувѣръ, пресловутый Максимъ Геерманъ, мимолетно даже успѣлъ насадить въ Прибалтійскомъ краѣ, въ формѣ социалистической латышской республики, не останавливавшейся ни предъ кулачными, ни предъ ножовыми расправами и всяческими насиліями для претворенія въ дѣйствительность государства будущаго, отрицающаго религію, знаніе и культуру и съ помощью дубины, револьвера и бомбы вербующаго подданныхъ. Это ли не прогрессъ (стр. 396—397)!

Не менѣе интересно сочиненіе давно уже пользующагося заслуженнымъ авторитетомъ Дональда Мэкензи Уоллеса «Russia». Съ 70-хъ годовъ, когда Уоллесъ впервые явился въ Россіи и, проживая подолгу въ столицахъ и провинціальной глуши, подробно ознакомился съ русскими людьми, обстоятельствами и даже языкомъ, и свелъ тѣсную дружбу съ такими выдающимися дѣятелями, какъ Кирѣевъ, Новикова, бр. Самарины, Е. И. Якушкинъ,

¹⁾ По мнѣнію проф. Шимана, наиболѣе тревожнымъ явленіемъ въ теперешнихъ смутахъ является стихійное заблужденіе крестьянъ на счетъ надѣленія ихъ помѣщичьими землями. Это аграрное движеніе восходитъ вплоть до царствованія Александра I, вызываетъ кровавые бунты въ царствованіе Николая I и обостряется неудачнымъ проведеніемъ крестьянской реформы.

Относительно ближайшей къ намъ эпохи чрезвычайно цѣнное въ историческомъ отношеніи изданіе: Базилевскаго «Les journaux revolutionnaires publies en Russie entre 1870 et 1880» (Парижъ, 1905), сообщаетъ по этой части любопытнѣйшія подробности въ статьѣ «Что толкуетъ народъ?» Тутъ,—говоритъ проф. Шиманъ,—повторяется все тотъ же перецѣвъ: близится день, когда у баръ отнимутъ землю и передѣлятъ ее поровну между всѣмъ мужскимъ населеніемъ. Назначается то одинъ, то другой срокъ для предстоящаго передѣла, а когда наступило разочарованіе, увѣрилось, будто царевъ указъ давно уже объ этомъ изданъ, да «баряе» его скрыли.

Ничто не можетъ быть поучительнѣе, какъ похожденія Оммы Претько, ставшаго въ 1875—1877 г.г. во главѣ аграрнаго движенія, которое покрывалось и освятилось именемъ государя.

Теперь, пожалуй, мы стоимъ наканунѣ новаго крестьянскаго движенія съ прежними запросами и заблужденіями—крестьяне субъективно станутъ дѣйствовать bona fide, добиваясь осуществленія «царевой воли». Loco cit., стр. 92—93.

кн. А. Г. Щербатовъ, утекло немало воды. Уоллэсъ съ тѣхъ поръ оказался возведеннымъ въ баронеты и занялъ довѣренное положеніе при особѣ короля Эдуарда VIII, но прежнихъ привязанностей и интереса къ Россіи не утратилъ и гащиваль въ Россіи неоднократно, не исключая и послѣднихъ лѣтъ. Накопившійся у него новѣйшій матеріалъ имъ и использованъ для переработки прежняго сочиненія, которое нынѣ разрослось до двухъ объемистыхъ томовъ; послѣднія главы II тома написаны совершенно заново и трактуютъ злободневныя темы (гл. 34: Революціонный нигилизмъ и реакція; гл. 35: Соціалистическая пропаганда, революціонная агитація и терроризмъ; гл. 36: Промышленный прогрессъ и пролетаріатъ; гл. 37: Революціонное движеніе въ новѣйшемъ фазисѣ; гл. 38: Территориальное расширеніе и внѣшняя политика; гл. 39: Современное положеніе).

Написаны послѣднія главы съ полнымъ знаніемъ дѣла и прежнеею обстоятельностью. Уоллэсъ совершенно правильно восходитъ при изученіи революціоннаго движенія къ началу 60-хъ годовъ и нигилизму, въ которомъ запечатлѣлось недовольство общественными реформами, не доведенными до конца и смѣнившимися реакціею. Прослѣживая геновись развитія русскихъ революціонныхъ партій, Уоллэсъ подчеркиваетъ, что истиннаго *raison d'être* онѣ никогда не имѣли, да и теперь не имѣютъ; борьба съ ними, однакоже, для правительства всегда затруднялась, благодаря тому, что и болѣе покойные и уравновѣшенные общественные круги въ сознаніи своего политическаго безправія проявляли глухое недоброжелательство противъ правительства и платоническое сочувствіе къ боевымъ партіямъ, въ томъ чаяніи, что рано или поздно бурная дѣятельность революціонеровъ заставитъ правительство пойти на серьезныя политическія реформы въ интересахъ созданія правового государства.

При осуществленіи преобразованій Уоллэсъ провидитъ примирненіе русскаго общества съ правительствомъ и сведеніе на нѣтъ дальнѣйшей подпольной агитаціи преэминиковъ традицій землевольцевъ, народовольцевъ, чернопередѣльцевъ и т. д.

Книга Уоллэса вышла новымъ изданіемъ въ Лондонѣ въ 1905 г. и заканчивается любопытными соображеніями, которыя мы и передадимъ здѣсь вкратцѣ.

Не подлежить сомнѣнію, что всѣ группы культурныхъ классовъ въ Россіи сходятся на желаніи «свободы». Но слово это имѣетъ разные смыслы, особенно теперь въ Россіи. Либералы подъ свободой подразумеваютъ демократическій парламентскій строй; соціаль-демократы въ свободѣ хотятъ видѣть неоспоримое главенство пролетаріата; для соціаль-революціонеровъ свобода означаетъ благопріятный случай къ немедленному же осуществленію социалистическихъ идеаловъ; наконецъ, для представителей «самоопре-

дѣляющихся» народностей свобода воплощается въ упраздненіи расовыхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій и въ достиженіи мѣстнаго самоуправленія и политической независимости.

Несомнѣнно, парламентаризмъ въ Россіи, какъ и въ иныхъ странахъ, разовьетъ политическія партіи, ожесточенно враждебныя другъ другу, а нарожденіе представительнаго строя, пожалуй, преподнесетъ его созидателямъ не одинъ сюрпризъ.

Если, на примѣръ, конституція сложится настолько демократично, какъ того требуютъ русскіе либералы и социалисты, то выборы въ палату, весьма вѣроятно, дадутъ подавляющее консервативное большинство, которое и проявитъ тяготѣніе къ восстановленію абсолютизма власти во всей его полнотѣ. Это вовсе не такъ нелѣпо, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, ибо русское крестьянство, за исключеніемъ аграрнаго вопроса, вообще склоняется къ консерватизму. Заурядный мужикъ не допуститъ и мысли о томъ, чтобъ царская власть подлежала ограниченію со стороны закона или какого нибудь собранія, а если бы его попытались въ этомъ убѣждать, онъ остался бы глухъ ко всякимъ доводамъ. По народному убѣжденію, царь долженъ быть всемогущъ. Если въ Россіи далеко не все ладно, то потому лишь, что царь не вѣдаетъ о чинимомъ злѣ, и потому, что уврачевать всѣ бѣды ему мѣшаютъ чиновничество и помѣщики.

Таковы политическія вѣрованія «необразованнаго» мужика, и никакія усилія революціонныхъ кружковъ не смогутъ распропагандировать его до «сознательности».

Какой же можетъ быть выходъ изъ современной путаницы? — спроситъ читатель. На взглядъ Уоллеса съ настоящимъ положеніемъ можно было справиться лишь при помощи двухъ методовъ — либо путемъ быстрой суровой репрессіи, либо путемъ своевременныхъ, строго взвѣшенныхъ уступокъ общественнымъ желаніямъ. И тотъ и другой путь могъ обѣщать успѣхъ, но правительство ни на какомъ рѣшеніи не остановилось, а политика колебаній лишь поощряла всѣ вожделѣнія, никого не удовлетворяя.

Впрочемъ, въ извиненіе занятаго правительствомъ положенія Уоллесъ замѣчаетъ, что принятіе мѣръ въ томъ или другомъ направленіи сопрягалось съ существенными опасностями. Суровая репрессія была бы равносильна ставкѣ всего на одну карту, да если бы она и оказалась успѣшной, это только отдалило бы до поры до времени зло настоящей минуты. Несомнѣнно существующій правительственный строй устарѣлъ — онъ могъ уживаться съ первобытно обставленнымъ мужичьимъ царствомъ, косящимъ въ атмосферѣ вѣчнаго незамутимаго покоя и спячки, но не можетъ устоять подъ напоромъ современныхъ идей и стремленій и безсиленъ успѣшно справляться со сложными задачами экономического и социальнаго прогресса, настоятельно требующими разрѣшенія.

Рано или поздно бюрократическая машина, приводимая въ дѣйствіе единственно неограниченною властью, неизбѣжно должна рушиться, среди народной апатіи и оппозиціи, и чѣмъ дальше оттягивается такая развязка, тѣмъ бурнѣе она свершится. Съ другой же стороны, еще труднѣе достовѣрныя предсказанія насчетъ послѣдствія политическихъ уступокъ. Однѣ бюрократическія преобразованія никого не удовлетворяютъ, и ломка въ этомъ направленіи необходима лишь, поскольку она явится послѣдствіемъ болѣе коренныхъ преобразованій. Требования всѣхъ оппозиціонныхъ группъ сводятся къ допущенію народа къ участию въ государственномъ управленіи чрезъ свободно избираемыхъ въ парламентское собраніе представителей. Совершенно бесполезно было бы доказывать оппозиціоннымъ кружкамъ, что конституціонализмъ, самъ по себѣ взятый, отнюдь не породитъ ожидаемыхъ отъ него чудесъ, а ожесточенная борьба между политическими партіями, которую конституціонализмъ навѣрное вызоветъ, легко можетъ подвергнуть испытаніямъ единство и цѣльность имперіи. Подобные уроки постигаются только опытнымъ путемъ.

Предполагая, что русское неограниченное правительство ясно сознаетъ невозможность и впредь обособляться отъ общества и захочетъ заручиться прочною поддержкою отъ какой либо части населенія, къ чьему содѣйствію слѣдуетъ правительству обратиться? Практически говоря, правительство выбора тутъ не имѣетъ. Единственный способъ развязаться съ прежнею политикою угнетенія — это пойти на уступки въ пользу конституціонализма. Новый курсъ доставилъ бы удовлетвореніе не только той оппозиціи, которая открыто выступаетъ подъ этимъ наименованіемъ и вмѣщаетъ въ своемъ составѣ большую часть русской интеллигенціи, но даже и болѣе крайнимъ общественнымъ группамъ; послѣднія, конечно, на такую правительственную уступку посмотрятъ лишь, какъ на частичное погашеніе своихъ притязаній и какъ на болѣе удобное средство для осуществленія дальнѣйшихъ ихъ видовъ. Соціалъ-демократы неоднократно заявляли, что стремятся къ парламентскому строю, отнюдь не какъ къ самодовлѣющей цѣли, но въ смыслѣ промежуточного этапа, приближающаго ихъ къ осуществленію социалистическихъ идеаловъ. Очевидно, соціалъ-демократамъ рано или поздно придется примириться съ пребываніемъ на этомъ промежуточномъ этапѣ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, пока представителямъ пролетаріата не удастся обезпечить за собою подавляющаго большинства въ палатѣ.

Точно также самоопредѣляющіяся народности станутъ взирать на обще-государственный парламентскій строй, лишь какъ на временный выходъ, впредь до осуществленія ихъ притязаній на всю полноту обособленнаго земскаго самоуправленія и политической автономіи, и, пожалуй, въ этомъ направленіи станутъ проявлять

большую еще нетерпѣливость, чѣмъ даже социаль-демократы. Но если бы эти самоопредѣляющіяся народности и дѣйствительно вздумали выставлять несообразныя съ единствомъ имперіи домогательства, послѣднія, конечно, встрѣтятъ такой же рѣшительный отпоръ, какъ то случилось съ польскимъ возстаніемъ 1863 г., и не только со стороны правительства, но и со стороны массы русскаго народа, ибо послѣдній далеко не сочувствуетъ замысламъ о расторженіи тѣснаго единства между отдѣльными частями имперіи¹⁾; коротко сказать, конечно, разъ палата будетъ созвана и приметъ за работу, представители различныхъ народностей нѣсколько поумѣрятъ свою требовательность въ сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, но различіе мнѣній и домогательствъ неизбѣжно станетъ вырисовываться все рѣзче.

Общественныя группы постепенно станутъ складываться въ политическія партіи и, вмѣсто посягательствъ на ниспроверженіе самодержавнаго строя, большую часть энергіи обратятъ на мирную и правомѣрную борьбу другъ съ другомъ.

Такое государственное благополучіе, однакоже, можетъ быть достигнуто лишь по минованіи переходнаго періода, чреватаго многозначительными затрудненіями. Въ видѣ иллюстраціи этого Уолласъ ссылается на явленія, съ которыми несомнѣнно придется считаться въ ближайшемъ же будущемъ.

При созиданіи парламентскихъ установленій, правительство едва ли сможетъ удержать въ неприкосновенности полицейскій произволъ арестовъ и административныхъ ссылокъ въ отношеніи лицъ,

¹⁾ Къ движенію самоопредѣляющихся народностей въ пользу федеральнаго автономизма Д. Маккензи Уолласъ относится довольно отрицательно: по сравненію съ десятками милліоновъ русскаго народа инородческія этнографическія группы вообще весьма ничтожны:

поляковъ насчитывается	7.900.000 душъ
евреевъ >	5.190.000 >
финновъ >	2.592.000 >
армянъ >	1.200.000 >
грузинъ >	408.000 >

Всего . . . 17.290.000 душъ.

Поэтому интересы всѣхъ этихъ народностей получаютъ отвѣчающее государственной справедливости примиреніе, разъ народное ихъ представительство въ палатѣ будетъ соразмѣрено съ численностью населенія. Въ этомъ смыслѣ идеаломъ справедливости окажется, если въ обще-имперской палатѣ

русскій народъ будетъ представленъ	400 депутатами,
поляки > > >	38 >
евреи > > >	24 >
финны > > >	12 >
армяне > > >	6 >
грузины > > >	2 >

политически неблагонадежныхъ. На этотъ счетъ всѣ оппозиціонныя группы проявляютъ единогласіе и дружно выставляютъ требованіе неприкосновенности личности и жилища.

Предоставленіе гражданскихъ свободъ на первый взглядъ кажется дѣломъ до крайности простымъ и справедливымъ, но любой отвѣтственный министръ не разъ призадумается, сможетъ ли онъ при наличныхъ обстоятельствахъ принять такое ограниченіе своей власти. Онъ не безъ основанія станетъ указывать на то, что боевыя организаціи социаль-революціонерныхъ кружковъ не устаютъ готовить покушенія, метаніе бомбъ и пр., а полиція, даже обладая усвоенными за нею полномочіями, съ величайшимъ трудомъ успѣваетъ пресѣкать употребленіе превратныхъ орудій борьбы.

А если динамитчики и террористы совсѣмъ освободятся отъ полицейскихъ воздѣйствій, то, весьма вѣроятно, они не преминутъ выступить съ тою же программой, которая повела къ крушенію Лорисъ-Меликовскихъ преобразованій, ибо для самой успѣшности дальнѣйшей дѣятельности социаль-революціонеровъ реакція и абсолютизмъ составляютъ несравненно болѣе благопріятную почву, чѣмъ ростъ народнаго самосознанія въ обстановкѣ конституціонализма.

«Я впрочемъ хочу вѣрить,—прибавляетъ Уоллэсъ,—что опасность, являемая разнуданною дѣятельностью крайнихъ партій,—преходяща. Терроризмъ и ему подобные превратные способы политической борьбы симптоматически указываютъ на аномальное, нездоровое состояніе общества и исчезнутъ въ Россіи такъ же, какъ улеглись и въ другихъ странахъ революціонныя происки, разъ отойдутъ въ область прошлаго обстоятельства, порождавшія подпольную агитацію. Террористы постепенно утратятъ на Руси всякое значеніе потому уже, что у нихъ уйдетъ почва изъ-подъ ногъ, и въ русскомъ обществѣ изсякнетъ то скрытое полусочувствіе, какое вызывала борьба крайнихъ партій съ абсолютизмомъ».

Съ совершенно противоположной точки зрѣнія рассматриваетъ новѣйшія событія въ нашемъ отечествѣ гейдельбергскій профессоръ Максъ Веберъ въ своемъ обстоятельномъ трудѣ «Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland», занимающемъ цѣликомъ послѣдній выпускъ (1 тетрадь XXII тома) Тюбингенскаго «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Профессоръ Веберъ отнюдь не претендуетъ на самостоятельное изученіе предмета, но въ своей работѣ, за которой признаетъ только «журнальный» характеръ, опирается на изобильный печатный матеріалъ и устныя свѣдѣнія, почерпнутыя отъ знакомыхъ ему ученыхъ представителей крайнихъ русскихъ партій.

Благодаря этому, трудъ проф. Вебера представляетъ значительную цѣнность, несмотря на партійныя преувеличенія тѣхъ или иныхъ рассматриваемыхъ явленій. Весьма широко освѣдомленный

и съ нѣмецкою добросовѣстностью цитирующій въ изобиліи библиографическія указанія, проф. Веберъ даетъ массу фактическихъ данныхъ о развитіи такихъ организацій, какъ союзъ освобожденія, союзъ союзовъ, крестьянскій союзъ, всероссійскій союзъ учителей и дѣятелей по народному образованію, различные отѣнки социаль-демократической и социаль-революціонной партіи и т. д.; попутно имъ широко использована и періодическая литература, какъ русская, такъ и зарубежная.

Среди массы любопытныхъ свѣдѣній, собранныхъ проф. Веберомъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ его сообщенія о такъ называемомъ третьемъ элементѣ въ рядахъ русскаго земства.

Въ земствѣ, какъ извѣстно, первый—правящій, такъ сказать,—элементъ представленъ землевладѣльцами, а второй ученою интеллигенціею, которой для права голоса такъ или иначе обеспечивается при выборахъ надлежащій имущественный цензъ; за послѣдніе годы, однакоже, съ все большими претензіями играть рѣшающую роль въ земскихъ дѣлахъ выступаетъ такъ называемый третій элементъ. По почину и при ближайшемъ участіи поднадворныхъ радикаловъ, издавна напедшихъ тихую пристань въ статистическихъ, школьныхъ и врачебныхъ земскихъ бюро, подъ эгидою союза союзовъ и образовался «союзъ земскихъ служащихъ», который за короткое время объединилъ въ своемъ составѣ свыше 50 тысячъ участниковъ. Въ учредительномъ своемъ собраніи союзъ этотъ заявлялъ, будто условія работы земскихъ служащихъ не могутъ строиться, какъ въ частныхъ предпріятіяхъ, на подчиненіи интересовъ труда требованіямъ распорядителей земскаго хозяйства, но что третій элементъ наравнѣ съ первымъ и вторымъ элементами въ правѣ, по своему усмотрѣнію, служить осуществленію высшихъ своихъ идеаловъ.

Первенствующіе въ земствѣ элементы являются болѣе или менѣе собственниками, экономически независимыми, тогда какъ третій элементъ поставленъ въ іерархически бюрократическую зависимость отъ хозяевъ земства. Ради пользы дѣла и невозбраннаго проведенія своихъ идеаловъ такая фальшивая будто бы постановка службы въ земствѣ подлежитъ коренному преобразованію. Третій элементъ требуетъ, поэтому, соучастія представителей отъ него въ рѣшеніи земскихъ дѣлъ, принятія на службу не иначе, какъ по опредѣленіямъ смѣшанныхъ комиссій (въ составѣ представителей отъ земской управы и отъ третьяго элемента) и увольненія отъ службы только по *judicium patium*. На ряду съ такими автономными вождѣльніями третій элементъ заявляетъ требованія и объ обеспеченіи экономическаго своего положенія чрезъ устройство пенсіонныхъ каскъ, обязательнаго страхованія и т. п.

Программа союза земскихъ служащихъ лишь принципиально узаконяетъ установившійся порядокъ, такъ какъ въ иныхъ слу-

чаяхъ земскія управы, уступая предъ угрозами коллективныхъ подачъ въ отставку врачебнаго, педагогическаго и прочаго служебнаго ихъ персонала, примирались съ тѣмъ, что служащіе по захватному праву завладѣвали распорядительными функціями, которыя должны бы были оставаться за полномочными хозяевами земскаго и городского самоуправленія.

Между тѣмъ, третій элементъ, соприкаясь съ народною массою и сильной авторитетностью, какую за нимъ усвоитъ власть, предоставленная ему, въ качествѣ земскихъ агентовъ, нерѣдко злоупотребляетъ своимъ положеніемъ, и въ такомъ направленіи, которое составляетъ нетерпимую угрозу для существующаго строя. Такъ, наприѣръ, газета «Кіевскіе Отклики» отъ 6 декабря 1905 г. приводитъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ крестьянскіе приговоры, въ цѣляхъ социализаціи частно-владѣльческихъ земель, составлялись при непосредственномъ участіи земскихъ служащихъ; они-то и сбивали крестьянъ на дикія рѣшенія, несмотря на увѣщанія земскихъ управъ своимъ служащимъ воздерживаться отъ рьянаго социалистическаго почина.

Не менѣе любопытны факты, оглашенные о второмъ декабрьскомъ делегатскомъ съѣздѣ всероссійскаго учительскаго союза, дѣйствующаго въ социаль-революціонномъ духѣ, носителями котораго является лѣвая фракція «союза союзовъ».

О характерѣ съѣзда, состоявшагося въ Финляндіи, можно заключить по одному тому, что засѣданія его происходили при распѣваніи популярной среди извѣстныхъ кружковъ русской рабочей марсельезы и т. п.

По вопросу о выборахъ въ государственную думу съѣздъ постановилъ разъяснить населенію «новую попытку правительства обмануть народъ путемъ созданія фальшиваго представительства»; въ этихъ видахъ всѣ усилія учителей слѣдуетъ направлять «на организацію силъ народа для борьбы за учредительное собраніе».

По аграрному вопросу учительскій союзъ не преминулъ привѣтствовать въ социаль-революціонномъ крестьянскомъ съѣздѣ «попытку къ организаціи силъ трудового крестьянства» и заявилъ «о необходимости въ интересахъ освободительнаго движенія согласовать свою дѣятельность съ работой всероссійскаго крестьянскаго союза въ борьбѣ за демократическіе идеалы».

Не менѣе характерны резолюціи съѣзда по поводу прямого профессиональнаго назначенія его единомышленниковъ—«теперь мы не школьные, а народные учителя». Съ точки зрѣнія современныхъ дѣятелей по народному образованію «школа должна готовить не работника на потребу капиталистамъ, но человѣка»; «стремленіе придать организованность крестьянскому освободительному движенію есть тотъ основной стержень, около котораго вращается дѣятельность учителя въ деревнѣ». «Теперь, когда кре-

стьяне рѣшительно начали искать «свою правду», учителя перешли на ихъ сторону». Поэтому «къ реакціонному сословному земству отношеніе учителей должно быть открыто враждебное, и они должны тутъ дѣйствовать заодно съ остальными земскими служащими».

Въ интересахъ болѣе успѣшной борьбы съ «реакціонными земствами» и иными общественными учрежденіями съѣздъ рекомендовалъ учителямъ «заявлять коллективные протесты противъ отдѣльныхъ мѣръ земства, игнорировать предпринимаемыя послѣднимъ охранительныя мѣры, угрожать профессиональными забастовками и личнымъ бойкотомъ отдѣльнымъ земскимъ дѣятелямъ, а въ случаѣ увольненія учителей отъ службы апеллировать непосредственно къ населенію; послѣднему рекомендуется составлять приговоры о томъ, что оно принимаетъ на себя оплату жалованья уволенному учителю, съ тѣмъ чтобы соотвѣтствующая сумма самочинно вычиталась изъ земскихъ сборовъ; во всякомъ же случаѣ, при увольненіи учителя, ему внушается прилагать все усилія къ тому, чтобы на прежнемъ мѣстѣ и впредь продолжать агитаціонную работу.

Такіе факты на взглядъ всякаго непредубѣжденнаго читателя могутъ производить одно впечатлѣніе—они убѣдительно указываютъ на полнѣйшее извращеніе значенія и постановки службы третьяго элемента. Едва ли какими нибудь соображеніями радикализма можно извинить, чтобы сторонніе наемные агенты, случайно осѣвшіе въ извѣстной мѣстности, приглашенные для отправленія опредѣленныхъ обязанностей и только ради этого допущенные къ общенію съ населеніемъ, сознательно его мучили и сбивали съ толку и въ полномъ забвеніи принятыхъ передъ обществомъ обязанностей проводили бы исподтишка свою политику, явно направленную къ ниспроверженію устоевъ общественности.

Партійная дисциплина и односторонность настолько, однакоже, искажаютъ значеніе подобныхъ вопіющихъ фактовъ, что профессоръ Веберъ усматриваетъ въ нихъ симптоматическое доказательство силы, которую будто бы забираютъ демократическія вѣянія надъ судьбами Россіи.

Впрочемъ, несмотря на предубѣжденія въ пользу близкаго торжества демократіи надъ устарѣлымъ строемъ общественности, и самъ Веберъ не можетъ скрыть нѣсколько скептическаго отношенія къ предлагаемой радикальной ломкѣ русскаго государственнаго организма.

Признаніе неотъемлемости естественныхъ правъ человѣка и четырехчленной формулы политическаго избирательнаго права,— замѣчаетъ проф. Веберъ, — оказались лозунгомъ, который могъ объединить радикальную часть земской буржуазіи съ кружками «пролетарной» интеллигенціи до социаль-революціонной фракціи союза освобожденія включительно.

Не представляя необходимости объединенія дѣятельности всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ группъ, пожалуй, даже и убѣжденнѣйшій демократъ призадумался бы, насколько цѣлесообразно введеніе въ такой странѣ, какъ Россія, а особенно при данныхъ обстоятельствахъ времени, настойчиво требуемой системы равныхъ, прямыхъ, всеобщихъ и тайныхъ выборовъ.

Насчетъ ожидаемаго дѣйствія этой системы избирательнаго права русскіе демократы расходятся.

Всего болѣе иныхъ смущаетъ вѣроятность, что въ земствѣ, пожалуй, преобладаніе получить доселѣ обездоленное, неграмотное крестьянство.

Послѣдствіемъ этого несомнѣнно явилась бы полнѣйшая бюрократизація земскаго самоуправленія, а какъ высоко ни ставить дѣятельность третьяго элемента земства, т. е. служащихъ по найму чиновниковъ, преобладающая его вліятельность при неграмотныхъ и необразованныхъ хозяевахъ земства неотвратимо поведетъ земское самоуправленіе къ централизаціи на французскій ладъ. Точно также предположительное вліяніе, какое оказала бы четырехчленная система избирательнаго права на дѣятельность государственной думы, вызываетъ существенное разногласіе.

Есть и такіе русскіе демократы, — поясняетъ Веберъ свою мысль, — которые стоятъ на нижеслѣдующей точкѣ зрѣнія: «*Fiat justitia, pereat mundus*. Пусть народная масса отвергнетъ или упразднитъ дальнѣйшій прогрессъ культуры, мы все же должны задаваться лишь запросомъ высшей справедливости и выполнимъ до конца нашъ долгъ передъ народомъ, если доставимъ ему всеобщее выборное право и перемѣстимъ на самый народъ и всю отвѣтственность за дальнѣйшія дѣянія. Пусть воцаряется охлократія, пусть для нѣсколькихъ поколѣній наступитъ культурный мракъ, зато не совершится политической несправедливости. Почему знать, можетъ быть, въ далекомъ будущемъ воспитательное значеніе правильной избирательной системы сдѣлаетъ свое дѣло». Несомнѣнно, — прибавляетъ проф. Веберъ, — въ такихъ воззрѣніяхъ безсознательно сказывается вѣра проф. Вл. Соловьева въ этико-религіозную мощь и самобытность политическаго предопредѣленія русскаго народа.

Помимо воспитательнаго значенія восхваляемой всеобщности избирательнаго права, иные демократы пытаются ее оправдать исторіею и ссылками на примѣръ Болгаріи. Тутъ преднамѣренно упускается изъ виду различіе между второстепеннымъ государствомъ и великою державою и неотвратимость для могучаго народа играть роль въ міровой политикѣ, оберегая исконныя національныя, религіозныя и монархическія преданія (стр. 253—255, *passim*).

Этимъ самымъ ученый авторъ помимо воли ставитъ жесткій приговоръ россійскимъ идеологическимъ построеніямъ.

Отходя отъ злободневныхъ вопросовъ въ болѣе спокойное прошлое, мы прежде всего остановимся на изслѣдованіи М. Вичнипера, носящемъ заманчивое заглавіе: «Гёттингенскій университетъ и развитіе либеральныхъ идей въ Россіи въ первую четверть XIX вѣка» (M. Witschnitzer. Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des XIX Jahrhunderts). За сравнительно короткое время это уже вторая диссертация на русскія государственно-правовыя темы, представленная въ германскіе университеты для соисканія докторской степени: въ прошломъ году г. Сватиковъ въ Гейдельбергѣ защитилъ диссертацию о проектахъ государственныхъ преобразованій въ Россіи въ началѣ XIX вѣка, а теперь съ названной выше работою, написанной по вызову и подъ руководствомъ проф. Т. Шимана, выступилъ и г. Вичниперъ предъ Берлинскимъ университетомъ.

Въ своемъ трудѣ докторантъ ставитъ задачею прослѣдить вліяніе, оказанное Гёттингенскимъ университетомъ на развитіе политическихъ идей въ русскомъ культурномъ обществѣ за первую четверть минувшаго столѣтія, опираясь на источники, доселѣ не обработанные.

Въ первой главѣ дается обзоръ и характеристика русскихъ слушателей, прошедшихъ чрезъ Гёттингенскій университетъ главнымъ образомъ за періодъ времени съ 1800 г. по 1812 г. Въ этотъ короткій промежутокъ времени замѣчается особенный приливъ въ Гёттингенъ любознательной русской молодежи, которая затѣмъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ судьбахъ Россіи сыграла видную роль, позаимствовавъ изъ Германіи научныя и политическія воззрѣнія. Среди тогдашнихъ питомцевъ Гёттингенскаго университета особенно почетное мѣсто должно быть отведено либеральному политическому дѣятелю, Н. И. Тургеневу, одному изъ наиболѣе раннихъ и убѣжденныхъ борцовъ за освобожденіе крестьянъ. На основаніи обильныхъ источниковъ г. Вичниперъ и пытается очертить по 1824 г. многостороннія начинанія этого замѣчательнаго дѣятеля, памяти котораго доселѣ посвящались лишь коротенькія біографическія замѣтки. Болѣе же подробная характеристика Н. И. Тургенева, сдѣланная г. А. Корниловымъ (въ зарубежномъ сборникѣ Aufsätze zur Geschichte der gesellschaftlichen Bewegungen in Russland), далеко не исчерпываетъ источниковъ и неправильно освѣщаетъ самую личность Тургенева.

Вторая глава труда г. Вичнипера посвящена генезису умственнаго развитія Н. И. Тургенева; третья—его дѣятельности на государственной службѣ, при чемъ трактуются его отношенія къ барону фонъ-Штейну, графу М. М. Сперанскому и графу Н. С. Мордвинову. Четвертая глава посвящается: подробному разсмотрѣнію записокъ Н. И. Тургенева по крестьянскому вопросу и судебной реформѣ.

Послѣднія три главы характеризуютъ стремленія тайныхъ политическихъ обществъ и стараются выяснитъ отношенія къ нимъ Н. И. Тургенева. Спорный вопросъ о томъ, продолжалъ ли Тургеневъ поддерживать и послѣ 1821 г. тѣсныя сношенія съ кружками, завершившими свою агитацію декабрьскимъ возмущеніемъ, разрѣшается въ положительномъ смыслѣ на основаніи рукописей Н. И. Тургенева. Въ особомъ приложеніи относящіяся сюда источники и подвергаются критической оцѣнкѣ, а выводы, сдѣланные Корниловымъ, опровергаются, тогда какъ догадки, выставленныя Богдановичемъ (Россія при Александрѣ I)¹⁾ и Семевскимъ (въ статьѣ, напечатанной въ т. 67 Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона), подтверждаются и развиваются по неизданнымъ источникамъ.

Въ особыхъ приложеніяхъ помѣщены цифровыя свѣдѣнія о русскихъ посѣтителяхъ Гёттингенскаго университета за время съ 1780 по 1815 г. и библиографическій указатель литературы о Н. И. Тургеневѣ.

Таковъ планъ работы г. Вичницера, несомнѣнно представляющей интересъ, такъ какъ авторомъ использованы и рукописные источники, и многочисленная переписка Н. И. Тургенева съ разными лицами, разбѣянная въ «Русскомъ Архивѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» и «Остафьевскомъ Архивѣ». Насколько использовалъ г. Вичницеръ архивъ самого Тургенева, въ недавнее время поступившій въ распоряженіе С.-Петербургской императорской академіи наукъ, не видно.

До сихъ поръ, однакоже, изслѣдованіе г. Вичницера полностью не напечатано, а докторская его диссертация составляетъ лишь извлеченіе изъ его opus summum главъ II и V.

На начальное развитіе Н. И. Тургенева особенно благотворное вліяніе возымѣлъ его отецъ, Ив. П., франкмасонъ и мистикъ, въ царствованіе Павла Петровича состоявшій директоромъ Московскаго университета и много сдѣлавшій для развитія таланта Карамзина и Жуковскаго; зато мать Тургенева, Екатерина Семеновна, урожденная Качалова, отличалась властолюбіемъ и суровымъ отношеніемъ къ крѣпостнымъ, что, пожалуй, и послужило отправною точкою для сложившихся у будущаго писателя отрицательныхъ воззрѣній на крестьянскій вопросъ.

Изъ пяти сыновей И. П. Тургенева старшій, Иванъ, умеръ въ дѣтствѣ, Андрей обѣщалъ сдѣлаться великимъ поэтомъ, но умеръ въ молодости, младшій Сергѣй сдѣлался дипломатомъ; наибольшую извѣстность пріобрѣлъ Александръ, обаятельная и разносторонняя

¹⁾ Изд. 1866 г., т. IV, стр. 429, 344.

личность котораго съ обычнымъ мастерствомъ очерчена его другомъ, кн. П. А. Вяземскимъ ¹⁾.

Получивъ воспитаніе вмѣстѣ съ братомъ Александромъ въ Московскомъ дворянскомъ пансіонѣ подъ руководствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, Николай Тургеневъ въ 1803 г. поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ съ особеннымъ прилежаніемъ слушалъ у Гейма статистику, у Мерзлякова русскую литературу и риторикку, а у Сандунова обзорѣніе законодательства по указамъ, еще не кодифицированнымъ.

По окончаніи университета, которому Тургеневъ ставитъ въ особенную заслугу, что онъ умѣлъ готовить честныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ, Тургеневъ по московскимъ аристократическимъ завѣтамъ сдѣлался «архивнымъ юношею», причислившись къ Московскому архиву министерства иностранныхъ дѣлъ.

Осенью 1808 г. онъ уѣхалъ за границу и вмѣстѣ съ Михайловскимъ-Данилевскимъ поступилъ въ Гёттингенскій университетъ, вліяніе котораго и отразилось на всѣхъ дальнѣйшихъ его воззрѣніяхъ на жизнь и политику.

Главными руководителями для Тургенева въ теченіе ближайшаго трехлѣтія (1808—1811 г.г.) сдѣлались Гееренъ, Геде и Сарториусъ.

Особенно сильно сказалось вліяніе на Тургеневѣ историка Геерена, такъ какъ идеалистическое освѣщеніе историческихъ процессовъ насквозь проникаетъ все міросозерцаніе нашего соотечественника.

Лекціи криминалиста Геде развили въ Тургеневѣ сознаніе этической и соціальной правды. «Лекціи Геде,—разсказываетъ онъ самъ,—произвели на меня сильнѣйшее впечатлѣніе: точно повязка свалилась у меня съ глазъ — пошлыя казуистическія положенія о преступленіяхъ, наказаніяхъ и отправленіи правосудія разсыпались въ ничтожество предъ простотою болѣе раціональной системы уголовного права». Подъ вліяніемъ преклоненія предъ талантомъ Геде, Тургеневъ, какъ и Михайловскій-Данилевскій, завязали и поддерживали тѣсныя личныя сношенія съ профессоромъ, о чемъ сохранилось свидѣтельство Данилевскаго. Наконецъ, практическія занятія финансовымъ правомъ подъ наблюденіемъ «геніальнаго» Сарториуса вызвали первоначальный набросокъ позднѣйшаго столь извѣстнаго и составившаго событіе въ тогдашней ученой русской литературѣ «Опыта теоріи налоговъ».

Можно съ положительностью утверждать,—говоритъ Вичницеръ,—что пребываніе въ Гёттингенѣ для Тургенева послужило школою

¹⁾ «Русскій Архивъ» за 1877 г., томъ I.—Переписка между А. И. Тургеневымъ и П. А. Вяземскимъ съ дѣльными примѣчаніями В. И. Сантова напечатана въ «Остафьевскомъ Архивѣ» за 1899—1903 г.г.

въ высшемъ значеніи слова. Здѣсь онъ приобрѣлъ навыкъ въ систематичности и логической остротѣ мышленія, что въ послѣдствіи сдѣлало его большимъ искусникомъ въ словопреніяхъ и полемикѣ. Его политическія и социальныя воззрѣнія получили обоснованіе въ индивидуализмѣ классической «національной экономіи», изученіе которой въ Гёттингенѣ было прекрасно обставлено. Незаурядныя дарованія, какія Тургеневъ проявилъ въ дальнѣйшей административной дѣятельности по службѣ въ государственной канцеляріи и министерствѣ финансовъ, опирались главнымъ образомъ на обширныя познанія въ области права и политики, почерпнутыя въ Гёттингенѣ. Поэтому къ германскому университету Тургеневъ сохранилъ до конца дней неизгладимую признательность и незадолго передъ смертью писалъ: «Мы (т. е. его братъ Александръ и онъ) многимъ обязаны нѣмецкимъ наставникамъ—мы слушали у нихъ лекціи и изучали ихъ творенія. Живое слово такихъ профессоровъ, какъ знаменитый ученостью и доблестью Шлецеръ, глубокомысленный историкъ Гееренъ или гениальные Геде и Сарториусъ проникали въ глубь нашихъ душъ и оставили такіе глубокіе слѣды, что ихъ не смогли стереть никакія житейскія невзгоды».

10-го іюня 1811 г. Тургеневъ покинулъ Гёттингенъ въ обществѣ Михайловскаго-Данилевскаго, и подавленное настроеніе обоихъ друзей нашло себѣ отраженіе въ дневникѣ Михайловскаго: «Наши соотечественники (С. Тургеневъ и П. Каверинъ) проводили насъ до «Deutsches Haus», гдѣ и распрощались. Только оставшись одни въ каретѣ, почувствовали мы, какъ тягостна для насъ будетъ разлука съ Гёттингеномъ. Исчезнутъ радости, которыхъ мы уже не испытываемъ. Но только тотъ сумѣетъ оцѣнить по достоинству подобныя утѣхи, кто нѣсколько лѣтъ жизни проведетъ въ нѣмецкомъ университетѣ и почерпнетъ тамъ столь великія преимущества».

Во второмъ отдѣлѣ диссертациі, озаглавленномъ «Къ исторіи возникновеніи тайныхъ обществъ въ Россіи», г. Вичнидеръ предпосылаетъ рядъ общихъ фактовъ, дабы въ послѣдующихъ главахъ подойти къ разрѣшенію вопроса о томъ, какую роль игралъ Н. И. Тургеневъ въ качествѣ члена тайныхъ обществъ, и какое вліяніе личная его дѣятельность оказала на развитіе этихъ обществъ; выясненіе этого вопроса небезынтересно по той причинѣ, что самъ Тургеневъ въ повдѣйшихъ сочиненіяхъ изъ предосторожности, навѣянной политическою реакціею, столь властно воцарившеюся надъ всею тогдашнею Европою, довольно уклончиво и неясно касается этой поры своей жизни.

Такіе приемы—не единичная черта Тургенева; точно также и Я. И. Ростовцевъ и кн. Вл. Ө. Одоевскій предпочитали замалчивать свои отношенія къ декабристамъ и свою прикосновенность къ тайнымъ обществамъ.

На основаніи любопытнаго сопоставленія біографическихъ данныхъ, заимствуемыхъ изъ различныхъ мемуаровъ и переписокъ,

г. Вичницеръ показываетъ, насколько въ средѣ будущихъ декабристовъ широко разлито было ознакомленіе съ идеалами западно-европейской общественности, воспринятое аристократическою военною молодежью частью изъ слушанія лекцій въ заграничныхъ университетахъ, частью изъ долговременнаго пребыванія въ культурныхъ странахъ и путемъ подробнаго усвоенія публицистической литературы Западной Европы.

Парламентскія рѣчи тогдашняго вождя французскихъ либераловъ, Бенжамена Констана, ей были такъ же близки, какъ идеалы Монтескьё, ученія французскихъ сенсуалистовъ и новѣйшія теченія германской науки.

Несмотря на реставрацію и реакціонныя вѣянія, то была эпоха просвѣщенія, и либералы въ своихъ преобразованіяхъ не отменяли знанія.

Вначалѣ эти «благородныя души» увлекались политическими идеями довольно отвлеченно, и такіе обыденные и необходимые запросы, какъ гражданская свобода и личное благоденствіе, никого особенно не занимали, но условія русской жизни по сравненію съ западно-европейскимъ укладомъ заставили теоретиковъ и къ родной дѣйствительности примѣнить приемы критики. Порою на это молодежь наталкивалась довольно самобытными случайностями; такъ, напримѣръ, когда Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы возвращались на родину послѣ юности, проведенной въ Парижѣ, мать ихъ обратилась къ нимъ съ такою рѣчью: «Я радуюсь, что продолжительное пребываніе на чужбинѣ не охладило вашихъ привязанностей къ родинѣ. Мужайтесь же, я сообщу вамъ ужасную и, пожалуй, вамъ невѣдомую вѣсть—вы въ Россіи увидите, чего не видали еще нигдѣ,—крестьянъ, подчиненныхъ другимъ людямъ и находящихся отъ послѣднихъ въ крѣпостной зависимости». Вотъ это-то именно зло и дальнѣйшія вытекавшія изъ него неприглядности и неурюстройства русской жизни и побуждали тогдашнюю культурную молодежь призадумываться надъ неизбѣжностью и неотложностью обновленія русской государственности.

Послѣ неудачной попытки использовать масонскія ложи въ интересахъ политическаго движенія, братья Муравьевы-Апостолы, Александръ и Никита Муравьевы, Трубецкой и Якушкинъ остановились на мысли создать для этого тайное общество: въ началѣ 1807 г. Пестель, при участіи Трубецкого и Долгорукаго, взялся уже за составленіе устава для «союза спасенія Россіи» или «истинныхъ сыновъ родины»; въ концѣ концовъ «зеленая книга», о которой рассказываетъ А. Н. Пыпинъ, явилась почти дословнымъ переводомъ съ прусскаго устава «Tugendbund»'а съ незначительными измѣненіями.

Постепенно путемъ обмѣна мыслей между участниками союза, какъ о томъ свидѣтельствуютъ М. Лукинъ и Ал. Муравьевъ, была

разработана цѣлая программа конституціи; въ основу будущаго строя полагались нижеслѣдующія начала: кодификація законовъ, публичность по всѣмъ вопросамъ государственнаго управленія, созданіе органовъ управленія на выборномъ началѣ, устность, публичность и безвозмездность судебной процедуры, отмѣна откупной системы и преобразование системы податей и сборовъ на болѣе рациональныхъ основаніяхъ, уменьшеніе состава постоянныхъ войскъ, сокращеніе срока военной службы и увеличеніе содержанія солдатамъ, упраздненіе военныхъ поселеній, свобода промышленности и торговли, улучшеніе положенія духовенства и отмѣна крѣпостной зависимости.

Тогда какъ вновь привлекаемые въ союзъ сочлены проходили предварительный курсъ, знакомясь лишь съ общими задачами «Tugendbund»'а, болѣе освѣдомленные участники посвящались въ разсмотрѣніе способовъ и средствъ для осуществленія политическихъ преобразованій.

Такимъ образомъ умаленіе значенія тайныхъ обществъ, съ какимъ гласно выступалъ Н. И. Тургеневъ, а равно и предѣлательствованіе его въ 1820 г. на Московскомъ съѣздѣ, постановившемъ упраздненіе тайныхъ обществъ, скорѣе предпринималось для отвода глазъ, чѣмъ отвѣчало дѣйствительности.

Этотъ же любопытный моментъ развитія русскаго политическаго самосознанія затрогиваютъ мемуары французскаго дипломата, кавалера Корно де-Кюсси¹⁾. Здѣсь приводятся любопытныя эпизодическія подробности объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ императора Николая Павловича.

15 декабря 1825 г., послѣ полудня, въ Дрезденъ прибылъ курьеръ, привезшій руссійскому послу при Дрезденскомъ дворѣ, генералу Ханыкову, извѣщеніе о кончинѣ императора Александра I. Кавалеръ де-Кюсси, состоявшій въ то время первымъ секретаремъ французской миссіи, въ ту пору находился въ гостяхъ у прусскаго посланника Иордана, который занималъ второй этажъ въ домѣ, гдѣ жилъ Ханыковъ, и такимъ образомъ почти тотчасъ же узналъ о великой новости дня. Г. де-Кюсси, конечно, поторопился передать эту вѣсть своему начальнику, французскому посланнику, графу де-Рюминьи²⁾, а тотъ немедленно отправилъ объ этомъ эстафету въ Метцъ, откуда префектъ долженъ былъ передать ее дальше по телеграфу въ Парижъ.

Въ это время въ Дрезденѣ проживала г-жа Пушкина, вдова генерала, служившаго въ гвардіи.

¹⁾ Chevalier Cornot de Cussy. Souvenirs inédits. Paris. 1905.

²⁾ Перъ Франціи, графъ де-Рюминьи, вышелъ въ люди черезъ своего тестя, маршала, герцога Тревизскаго. На дипломатическомъ поприщѣ Рюминьи дебютировалъ въ качествѣ секретаря Колонкура на Шатильонскомъ конгрессѣ.

Вслѣдствіе недавней утраты супруга, г-жа Пушкина вела уединенный образъ жизни въ обществѣ своихъ четырехъ дочерей, красавицъ¹⁾, и, несмотря на аристократическія связи этой семьи, обезпечившія ей видное положеніе въ дрезденскомъ обществѣ, въ домѣ Пушкиной, по причинѣ траура, никто почти не бывалъ, кромѣ членовъ французской миссіи.

Главною причиною продолжительнаго пребыванія Пушкиныхъ въ столицѣ Саксонскаго королевства выставлялись заботы о здоровьѣ и близость Мариенбадскихъ водъ. Среди слуховъ, обращавшихся въ Дрезденѣ насчетъ знатной иностранки, преобладала сплетня, неизвѣстно кѣмъ пущенная и придававшая таинственную окраску личности почтенной генеральши: жила она за границею будто бы вынужденно, по приказу Александра I, такъ какъ была освѣдомлена о нѣкоей государственной тайнѣ, ввѣренной ея покойному мужу.

Немедленно вслѣдъ за отправленіемъ депеши своему правительству г. де-Рюминьи поручилъ де-Кюсси посѣтить Пушкину и сообщить ей свѣжую новость. Какими соображеніями могъ въ данномъ случаѣ руководствоваться французскій посланникъ? При обычныхъ условіяхъ дипломату, замкнутому и осмотрительному, по меньшей мѣрѣ было неумѣстно проявлять нескромность и по доброй волѣ, торопиться сообщать постороннему частному лицу о важномъ событіи, оповѣщенномъ лишь среди тѣснаго кружка высшихъ должностныхъ лицъ.

Или, можетъ быть, Рюминьи и впрямь вѣрилъ въ дѣйствительность какой-то государственной тайны и рассчитывалъ внезапнымъ возвѣщеніемъ г-жѣ Пушкиной о смерти Александра I вызвать съ ея стороны обмолвку, небезынтересную для дипломатическихъ канцелярій.

Вѣроятно, такъ оно и было, и расчетъ Рюминьи оправдался въ полной мѣрѣ.

Кюсси не замедлилъ отправиться для исполненія порученія своего шефа къ Пушкиной, особѣ, повидимому, впечатлительной и нервной.

Выслушавъ вѣсть о кончинѣ императора, Пушкина расплакалась и прерывающимся голосомъ выболтала все, чѣмъ интересовался Рюминьи.

— «Въ эту минуту, когда я съ вами говорю, новый императоръ, кто бы онъ ни былъ, уже вступилъ въ обладаніе престоломъ... Поэтому теперь, не совершая нескромности, я могу подѣлиться съ вами угнетающею меня тайною... Наводитъ на меня страхъ то, что тайна эта можетъ быть чревата политическими бурями... Два года

¹⁾ Старшая Ольга вышла замужъ за полковника Орфано, состоявшаго адъютантомъ при знаменитомъ князѣ Дмитріи Ипсиланти.

тому назадъ императоръ Александръ прѣѣзжалъ въ Москву и велъ таинственныя совѣщанія, въ которыхъ принимали участіе митрополитъ, нѣкоторые царедворцы, а въ числѣ ихъ и генераль Пушкинъ. Что на этихъ совѣщаніяхъ происходило, я не знала... Но мужъ послѣ этого въ ближайшіе дни казался очень озабоченнымъ, а сонъ его былъ крайне тревоженъ. Однажды ночью онъ спротонокъ произнесъ нѣсколько словъ, которыя меня смутили: онъ что-то шепталъ о смерти государя, о церковномъ престолѣ, о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ. Когда я рѣшилась сказать мужу, что я разслышала изъ словъ, вырвавшихся у него во снѣ, онъ поблѣднѣлъ и наконецъ высказался: «Видишь ли, — признавался онъ мнѣ, — меня гнететъ, волнуетъ и тревожитъ великая тайна, потому что я отъ нея провижу великія бѣдствія для нашего отечества. Такъ такъ отрывочныя слова, тобою разслышанныя, могутъ тебя навести на мысль, будто я вовлеченъ въ тайныя политическія интриги, то я предпочитаю оправдаться въ твоихъ глазахъ и скажу тебѣ всю правду. Быть можетъ, когда я ввѣрю тебѣ эту тайну, она уже не будетъ срываться съ моихъ устъ... Видишь ли, дѣло заключается вотъ въ чемъ... Передъ тѣмъ какъ великому князю Константину разрѣшено было жениться на г-жѣ Грудзинской¹⁾, непремѣннымъ условіемъ для этого было поставлено, чтобы онъ навсегда отказался отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе; онъ на это и согласился. Принятое подъ честнымъ словомъ обязательство казалось, однакоже, императрицѣ-матери²⁾ недостаточнымъ. Она къ этому предмету возвращалась неоднократно въ разговорахъ съ государемъ и самимъ великимъ княземъ. Послѣдній согласился, наконецъ, на составленіе формальнаго акта, въ которомъ бы заявлялось отъ имени его и за его нисходящихъ о безповоротномъ отказѣ отъ всѣхъ правъ, которыя бы могли имъ достаться по унаслѣдованію императорскаго вѣнца. Этотъ актъ отреченія за подписями великаго князя, императора и многихъ сановниковъ былъ въ запечатанномъ конвертѣ положенъ на храненіе въ жертвенникъ престола въ главномъ алтарѣ митрополичьей церкви. Пакетъ этотъ подлежитъ вскрытію по смерти государя... я былъ однимъ изъ свидѣтелей передачи этого акта для храненія... Это важное событіе можетъ послужить источникомъ ужасныхъ бѣдствій для Россіи... Великій князь отказался отъ того, чѣмъ пока еще не владѣлъ. Но когда придетъ пора, кто поручится, не раскается ли великій князь въ выдачѣ документа, который у него былъ, такъ

¹⁾ Т.-е. на будущей княгинѣ Ловичъ въ 1820 г.

²⁾ Властная вдова императора Павла, императрица Марія Осодоровна, какъ извѣстно, всегда была не прочь проявлять вмѣшательство въ государственныя дѣла и вліять—въ предѣлахъ возможнаго—не только на младшихъ сыновей, но и на самого императора.

сказать, вынужденъ? Захочетъ ли онъ дѣйствительно отказаться отъ короны?.. Масса населенія, конечно, выскажется за него, потому что право, повидимому, на его сторонѣ. Въ свою очередь, если великій князь Николай Павловичъ освѣдомленъ о существованіи акта, предоставляющаго ему права на унаслѣдованіе императорскаго престола по смерти Александра I, развѣ не можетъ у него явиться первымъ побужденіемъ отправиться въ Москву и потребовать вскрытія акта объ отреченіи?...

«Такимъ образомъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ оба брата могутъ оказаться провозглашенными императорами, и между партіями того и другого разгорится, пожалуй, междоусобіе, которое охватитъ всю имперію»...— «Вотъ эти-то опасенія, вѣтренныя мнѣ покойнымъ мужемъ,— закончила Пушкина свой рассказъ,— и повергають меня теперь въ трепеть».

Кавалеръ де-Кюсси испросилъ у Пушкиной позволеніе о сдѣланномъ ему важномъ сообщеніи довести до свѣдѣнія своего начальства. Въ свою очередь, де-Рюминьи не преминулъ принять на вѣру рассказъ Пушкиной и поспѣшилъ отправить пользовавшемуся особеннымъ довѣріемъ короля Карла X барону де-Дама депешу нижеслѣдующаго содержанія (отъ 15 декабря н. с. 1825 г.):

«Кавалеръ де-Кюсси, опираясь на источникъ, заслуживающій полного довѣрія, сообщилъ мнѣ, что согласно акту, два года тому назадъ переданному на храненіе въ митрополичью церковь, въ Москвѣ, великій князь Константинъ формально отрекся отъ императорской короны, а слѣдовательно преемникомъ по Александрѣ I является великій князь Николай».

По полученіи этой депеши изъ Дрездена, король Карлъ X немедленно потребовалъ къ себѣ графа де-Модена. Сынъ губернатора люксембургскаго въ дореволюціонную эпоху и приближенный графа Прованскаго (Людовика XVIII), графъ де-Моденъ эмигрировалъ въ Россію и занималъ въ эту пору придворную должность при особѣ великаго князя Николая Павловича, дарившаго его особымъ благоволеніемъ.

— Что вы на это скажете? — спросилъ Карлъ X, показывая графу депешу де-Рюминьи.

— Ваше величество, какъ ни необычна эта вѣсть, она, вѣроятно, правдива,— отвѣчалъ графъ де-Моденъ, подумавъ немного.

Призвавъ на помощь память, графъ распространился предъ королемъ о слышанномъ имъ изъ устъ великаго князя Константина Павловича и наводившемъ на мысль о томъ, что великій князь далеко не пользуется любовью у своихъ соотечественниковъ, и что въ его глазахъ императорскій вѣнецъ рисовался далеко не желаннымъ, тяжелымъ бременемъ. Такъ, напримѣръ,— рассказывалъ графъ,— однажды по поводу слуховъ о заговорахъ противъ жизни императора Александра Константинъ высказался такъ: «Я этому

не вѣрю. Пока я живъ, жизнь государя—въ полной безопасности, меня вѣдь не любятъ и боятся увидѣть меня на престолѣ».

Король на это выразилъ опасеніе, что, тѣмъ не менѣе, неожиданное измѣненіе въ престолонаслѣдіи вызоветъ, пожалуй, въ Россіи смуту и междоусобіе.

— Да, можетъ быть, поляки и иные недовольные воспользуются этимъ случаемъ, какъ предлогомъ для безпорядковъ,—согласился графъ де-Моденъ,—но великій князь Николай достаточно рѣшителенъ, чтобы справиться съ затрудненіями. Ужъ онъ-то не дастъ возмущенію выродиться въ революцію. Разъ онъ сдѣлается императоромъ, не можетъ быть и рѣчи ни о «14 іюля», ни о «10 августа».

Вырвавшіяся изъ устъ графа даты обоихъ знаменательныхъ моментовъ французской революціи задѣли короля: напоминаній о роковой для монархіи эпохѣ онъ вообще не выносилъ; Карлъ X гнѣвно приподнялся съ кресла и молча только движеніемъ руки указалъ графу на дверь.

Выходя изъ Тюильри, графъ де-Моденъ столкнулся съ герцогомъ де-Розаномъ¹⁾.

— Ну, поздравить васъ съ новымъ повелителемъ нельзя,—заговорилъ де-Розанъ, намекая на тяжелый характеръ и некрасивую внѣшность великаго князя Константина и распространившуюся уже по Парижу вѣсть о кончинѣ Александра Благословеннаго.

— Вотъ и ошибаетесь, сударь,—отвѣчалъ на это графъ де-Моденъ:—царь едва ли не первый красавецъ въ своей имперіи!—и, кинувъ эту фразу, принятую герцогомъ за мистификацію, графъ де-Моденъ отправился дальше, чтобы торопливо снарядиться къ возвращенію въ Россію.

Изъ сопоставленія этихъ курьезныхъ фактовъ, приводимыхъ кавалеромъ де-Кюсси, оказывается, что правительство Карла X одно изъ первыхъ оказалось освѣдомленнымъ о тѣхъ событіяхъ, которыя явились прологомъ для разыгравшагося неожиданно для другихъ державъ декабрьскаго возмущенія.

В. Ш.

¹⁾ Онъ занималъ при Шатобрианѣ, смѣщенномъ въ 1824 г. Виллелемъ, должность директора политическихъ дѣлъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Поповъ. Отечественная война 1812 года. Томъ I. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войной 1812 года. Москва. 1905.

ИСЛѢДОВАНІЯ покойнаго Александра Николаевича Попова, — этого, по выраженію проф. Бестужева-Рюмина, «вѣчнаго труженика науки, добросовѣстнаго, умнаго и даровитаго писателя», — представляютъ до настоящаго времени, несмотря на 30-лѣтнюю свою давность, драгоцѣнный матеріалъ для историка и бытописателя Отечественной войны. Труды его, не утратившіе до сихъ поръ серьезнаго научнаго значенія, были, къ сожалѣнію, частью разбросаны по многочисленнымъ, преимущественно историческимъ, журналамъ, частью вышли въ свѣтъ отдѣльными изданіями, въ настоящее время давно распроданными. Вотъ почему попытка анонимной московской редакціи, задавшейся цѣлью издать въ исправленномъ (по рукописямъ) и дополненномъ видѣ всѣ историческіе труды А. Н. Попова подъ общимъ заглавіемъ: «Отечественная война

1812 года», — является вполне своевременной, особенно въ виду предстоящей въ недалекомъ будущемъ столѣтней годовщины великой эпохи.

Лежащій передъ нами первый томъ этого изданія, подъ заглавіемъ: «Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войной 1812 года», представляетъ капитальный трудъ, впервые напечатанный въ 1875 и 1876 г.г. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ цѣломъ рядѣ статей, уже въ то время обратившихъ вниманіе исторической критики. Въ концѣ 1876 г. онъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, которое пред-

ставляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Вся книга раздѣлена на семь главъ, а именно: 1) «Сношенія съ Франціей» (I и II гл.); 2) «Сношенія со Швеціей» (III гл.); 3) «Сношенія съ Турціей» (IV и V гл.); 4) «Сношенія съ Пруссіей» (VI гл.) и 5) «Сношенія съ Австріей» (VII гл.).

Первая глава обнимаетъ «сношенія съ Франціей въ 1811 году», который весь проходитъ, съ одной стороны, въ безконечныхъ переговорахъ, обмѣнахъ нотами и депешами, а съ другой—въ усиленныхъ военныхъ приготовленіяхъ Наполеона. Изъ донесеній официального представителя нашего при Наполеонѣ, кн. А. В. Куракина, видно, что «предпринимаемыя французскимъ правительствомъ мѣры были въ совершенномъ противорѣчій съ его увѣреніями, которыя оно такъ усердно расточало». Куракинъ совѣтуетъ не довѣрять миролюбивымъ рѣчамъ Наполеона, а приготовляться къ войнѣ, окончить какъ можно скорѣе войну съ Турціей, заключить союзъ съ Швеціей, Пруссіей и особенно съ Австріей, а затѣмъ уже дѣйствовать наступательно, пользуясь затрудненіями Наполеона въ Испаніи. Чернышевъ, молодой блестящій офицеръ, но уже искусный дипломатъ, прямой посредникъ между Наполеономъ и Александромъ, обласканный императоромъ французомъ, также не вѣритъ въ его миролюбіе. Въ началѣ января 1811 г. Чернышевъ пишетъ государю: «Осмѣливаюсь сказать вашему величеству, что, несмотря на то, что рѣчи императора Наполеона исполнены миролюбія, всѣ его дѣйствія совершенно несогласны съ ними». Чернышевъ такъ же, какъ и Куракинъ, убѣждаетъ государя не довѣрять Наполеону и указываетъ на необходимость готовиться къ войнѣ. Но Александръ все еще не хочетъ доводить дѣло до разрыва и стремится уладить затрудненія мирнымъ путемъ, чѣмъ и пользуется Наполеонъ, старающійся оттянуть время, необходимое для военныхъ приготовленій для будущей «великой арміи». Нарушая трактаты Тильзитскаго договора присоединеніемъ Ольденбургскаго герцогства къ Франціи, онъ имѣетъ смѣлость писать государю: «Мои войска не двинутся впередъ до тѣхъ поръ, пока ваше величество не разорветъ Тильзитскаго договора». «Я сумѣю защищаться и дорого продамъ мое существованіе», — напоминаетъ Наполеону Александръ.

Въ главѣ II-ой описываются «сношенія съ Франціей въ концѣ 1811 и въ началѣ 1812 г.». Ходъ переговоровъ все болѣе и болѣе запутывается, тонъ писемъ и рѣчей Наполеона становится вызывающимъ. Для всѣхъ уже ясно, что «Наполеонъ стремится къ тому, чтобы ему не было равныхъ, а мы виноваты только въ томъ, что Россія есть единственная изъ великихъ державъ въ Европѣ, сохранившая независимость, самостоятельность и цѣлость своихъ владѣній въ Европѣ». Въ концѣ 1811 г. Наполеонъ увѣряетъ Чернышева, что соглашенія достигнуть все-таки возможно, прибавляя, какъ бы вскользь, что не начнетъ въ этомъ году войны. Между тѣмъ онъ старается выиграть время, чтобы перебросить войска къ границамъ Россіи, не заявляетъ о разрывѣ и убаюкиваетъ вниманіе Россіи возможностью переговоровъ. Въ то же время въ Петербургѣ Лористонъ категорически заявляетъ о нежеланіи войны со стороны Наполеона и уговариваетъ Александра сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Императоръ Александръ рѣшительно отклоняетъ такое предложеніе, считая его унижительнымъ для Россіи, и говоритъ: «Я готовъ скорѣе

десять лѣтъ вести войну и отступить въ Сибирь, нежели низвести Россію до положенія, въ какомъ находятся Пруссія и Австрія». Въ серединѣ 1812 г. Наполеонъ начинаетъ открывать свои карты и, уже ничѣмъ не стѣсняясь, доводить дѣло до полного разрыва.

Третья глава посвящена сношеніямъ со Швеціей. Близость столкновения съ Франціей заставляетъ Россію искать союзниковъ. Возникаетъ оживленный обмѣнъ мнѣній съ Швеціей, которая возмущена требованіемъ, предъявленнымъ къ ней Наполеономъ объ объявленіи войны Англій, что было равносильно разоренію и гибели для Швеции. Старѣйшій изъ наполеоновскихъ генераловъ, маршалъ Бернадоттъ, только-что избранный наслѣдникомъ шведскаго престола, человекъ твердаго и рѣшительнаго характера, всецѣло переходитъ на сторону Россіи и заключаетъ съ ней оборонительный и наступательный союзъ противъ Франціи. Самъ Бернадоттъ вырабатываетъ, на случай вторженія Наполеона въ Россію, цѣлый планъ военныхъ дѣйствій: не давать генеральнаго сраженія, а постоянно отступать въ глубь страны, увеличить число казачьихъ полковъ, которые должны все разрушать въ тылу непріятельской арміи и постоянно беспокоить его фланги; пользуясь патриотизмомъ и религіозностью русскаго народа, необходимо придать войнѣ національный характеръ, объявивъ Наполеона безбожникомъ, противникомъ церкви. Особенно интересно пророческое предсказаніе Бернадотта о томъ, что Наполеонъ окончитъ борьбу съ Александромъ, какъ Карлъ XII съ Петромъ I. Глава заканчивается письмомъ Александра къ наслѣдному принцу шведскому (9 апрѣля 1812 г.), въ которомъ императоръ говоритъ: «Сегодня я уѣзжаю въ Вильну, такъ какъ по полученнымъ мною свѣдѣніямъ французы приближаются уже къ Кѣнигсбергу. Во всякомъ случаѣ безъ крайней необходимости я не рѣшусь быть зачинщикомъ войны».

Въ главахъ IV-й («Окончаніе войны съ Турціей и Бухарестскій миръ») и V-й («Переговоры и подписаніе мира съ Турціей») выясняется политика Наполеона въ турецкомъ вопросѣ, клонившаяся къ тому, чтобы истощить силы обѣихъ воюющихъ державъ. Политика эта и является главною причиною продолжительности нашей войны съ Турціей, которая окончилась для насъ весьма кстати, только благодаря энергичнымъ военнымъ дѣйствіямъ и большому дипломатическому таланту Кутузова. Обычныя увертки и проволочки Порты и прѣиски Наполеона обнаруживаются во всей ясности.

Глава VI-я посвящена сношеніямъ съ Пруссіей. Окруженная со всѣхъ сторонъ наполеоновскими войсками, Пруссія, внутренними дѣлами которой *de facto* заправлялъ французскій посолъ Сентъ-Марсанъ, была въ самомъ затруднительномъ положеніи. Подъ вліяніемъ страха передъ Наполеономъ весьма немногіе стремились къ союзу съ Россіей, а громадное большинство находилось всецѣло подъ вліяніемъ Франціи. Отсюда взаимное недоверіе между Россіей и Пруссіей и двусмысленное поведеніе прусскаго правительства. Король вступаетъ въ переговоры съ Александромъ, а его министры заискиваютъ у Наполеона, стремясь къ союзу съ нимъ, и явно дѣйствуютъ противъ Россіи. «При разрывѣ Россіи съ Франціей Пруссія будетъ первой жертвой и исчезнетъ съ карты Европы», — оправдывается король въ своей откровенной бесѣдѣ съ Чернышевымъ. Заключенная въ концѣ 1811 г. военная конвенція съ Россіей ока-

зывается дѣйствительною только на бумагѣ. Наполеонъ, игнорирующій всѣ заявленія Пруссіи въ 1811 г., въ слѣдующемъ году, опасаясь довести ее до отчаянія и заставить броситься въ руки Россіи, — спѣшитъ заключить съ прусскимъ кабинетомъ оборонительный союзъ (24 февраля 1812 г.), прямымъ послѣдствіемъ котораго является занятіе Пруссіи французскими войсками и подчиненіе всего управления государствомъ Наполеону. Въ своемъ характерномъ письмѣ отъ 10 марта 1812 г. къ императору Александру прусскій король старается выяснитъ мотивы, побудившіе его къ этому союзу. «Если начнется война, — пишетъ король, — мы не сдѣлаемъ болѣе зла одинъ другому, чѣмъ сколько потребуютъ строгія правила войны, и не будемъ забывать, что мы друзья, и что придетъ время, когда мы будемъ союзниками. Уступая непреодолимой необходимости, мы сохранимъ, однакоже, свободу и искренность нашихъ чувствъ».

Наконецъ въ послѣдней, VII-й, главѣ вратцѣ изложены сношенія съ Австріей. Меттернихъ, живое олицетвореніе двусмысленной политики вѣнскаго двора, довольно искусно скрывалъ истинныя намѣренія Австріи. Тайно заключивъ оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей, старымъ недругомъ Австріи, ловкій дипломатъ имѣетъ смѣлость увѣрять нашего посланника, что «единственное желаніе императора, его повелителя, заключается въ томъ, чтобы обѣ древнѣйшія имперіи шли рука объ руку, какъ въ видахъ своихъ взаимныхъ выгодъ, такъ и общихъ европейскихъ дѣлъ». Однимъ словомъ, обманъ, всевозможныя оттягиванія и проволочки — вотъ главнѣйшіе мотивы политики австрійскаго кабинета.

Совершенная объективность научнаго труда А. Н. Попова, основаннаго на изученіи подлинныхъ документовъ, умѣлая группировка историческаго матеріала, яркое освѣщеніе всѣхъ наиболѣе выдающихся историческихъ моментовъ, прекрасный живой слогъ — вотъ главные достоинства сочиненія, читающагося легко и съ большимъ интересомъ.

Въ заключеніе нельзя, однако, не указать издателю на одинъ крупный недостатокъ, допущенный новой редакціей: это отсутствіе алфавитнаго указателя и краткаго содержанія главъ. Въ настоящее время, при обилии и многосложности научныхъ изданій, указатель является необходимымъ дополненіемъ всякаго историческаго труда. Издателю необходимо имѣть это въ виду при выпускѣ въ свѣтъ остальныхъ томовъ задуманнаго обширнаго труда, а не ограничиваться дословной перепечаткой, буква въ букву, сочиненія Попова (изд. 1876 г.), чтò въ сущности собою представляетъ первый томъ.

Е. Военскій.

Ключевскій, В. О., проф. Курсъ русской исторіи. Часть II. М. 1906.

Въ 1903 г. вышла первая часть курса русской исторіи проф. Ключевскаго. Вторая часть, только что изданная, по указанію автора, нѣсколько запоздала. Въ текущемъ же году проф. Ключевскій надѣется выпустить и 3-ю часть, въ которую войдетъ XVII и XVIII вв., до конца царствованія Екатерины II. Въ

«Истор. вѣстн.», май, 1906 г., т. CIV.

19

предисловіи авторъ «считаетъ себя обязаннымъ высказать свое отношеніе къ непрекращающимся литографированнымъ изданіямъ» его курса. Этотъ курсъ, по указанію проф. Ключевскаго, издавался его слушателями (до 1888 г.) только для ихъ употребленія, какъ экзаминаціонное пособие. Но потомъ «внѣшнія затрудненія» вынудили лектора «отказаться отъ этого и ограничиться чтеніями только въ аудиторіи, гдѣ еще могло звучать свободное слово профессора». Дальнѣйшія изданія, какъ объ этомъ сообщаетъ авторъ, производились безъ его участія и даже безъ его вѣдома, въ нихъ онъ «ни за что не ручается и не отвѣчаетъ», такъ какъ въ основѣ литографированныхъ лекцій «могутъ лежать лишь пестрыя студенческія записи, приблизительно и на свой страхъ воспроизводящія изложеніе профессора».

Слѣдуетъ замѣтить, что литографированные курсы, распространившіеся среди широкаго круга читателей, представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ точную перепечатку того курса, который издавался слушателями лектора. Именно благодаря этому превосходному курсу лекцій, имя проф. Ключевскаго, какъ самаго выдающагося русскаго историка, стало извѣстно всему образованному обществу. Для неспециалистовъ этотъ курсъ представляетъ собою незамѣнимое руководство для общаго ознакомленія съ главнѣйшими моментами прошлаго Россіи въ его внутренней связи и послѣдовательности. Здѣсь наша старина выступаетъ не въ видѣ сухого перечня отдѣльныхъ фактовъ и не въ видѣ однихъ обстрактныхъ обобщеній, а представляется она въ видѣ живой картины, полной внутренняго смысла, разнообразія и богатства. Недаромъ въ извѣстныхъ «Программахъ домашняго чтенія» лекціи (литографированныя) проф. Ключевскаго рекомендовались, какъ лучшее пособие для изученія исторіи Россіи. Мы надѣемся, что проф. Ключевскій своими заявленіями о литографированныхъ курсахъ, издававшихся безъ его вѣдома, не думаетъ отрицать ихъ значенія и отрещиваться отъ той популярности, которую создали ему эти литографированныя лекціи. Мы понимаемъ заявленіе проф. Ключевскаго лишь въ томъ смыслѣ, что онъ хочетъ снять съ себя всякую отвѣтственность за тѣ неправильности и неточности, которыя произошли не по винѣ самого профессора, а по винѣ лицъ, взявшихся за изданіе.

Вторая часть издаваемаго курса русской исторіи посвящена авторомъ исторіи Московскаго государства, начиная съ момента его возникновенія и кончая XVI вѣкомъ. Здѣсь разсмотрѣна исторія того, какъ постепенно слагалось и усиливалось Московское княжество, какъ расширялась и крѣпла власть московскихъ государей. Здѣсь весьма внимательно разобранъ и охарактеризованъ социальный составъ тогдашняго общества; отчетливо выяснена роль землевладѣнія для интересовъ государственныхъ, при чемъ подробнѣе всего авторъ остановился на помѣстной системѣ и монастырскихъ вотчинахъ. Въ дальнѣйшихъ двухъ главахъ онъ указываетъ на связь между землевладѣніемъ и крѣпостнымъ правомъ и превосходно выясняетъ, какова была, по его мнѣнію, почва, на которой выросло крѣпостное право, и каковъ путь, приведшій крестьянъ отъ свободнаго состоянія къ крѣпостной зависимости. Послѣдняя часть книги посвящена управленію въ Московскомъ государствѣ за XV и XVI в.в.; въ ней разсмотрѣны: боярская дума, приказы, областное управленіе (преимущественно кормленщики и земское самоуправленіе) и земскіе соборы.

Заканчивая книгу и бросая общій взглядъ на прошлое московской Руси, проф. Ключевскій говоритъ: «Московское государство складывалось медленно и тяжело. Мы теперь едва ли можемъ понять и еще меньше можемъ почувствовать, какихъ жертвъ стоилъ его складъ народному благу, какъ онъ давилъ частное существованіе. Можно отмѣтить въ немъ три главныя особенности. Это, во-первыхъ, боевой строй государства. Московское государство— это вооруженная Великороссія, боровшаяся на два фронта, на западъ за національное единство, на юго-востокъ за христіанскую цивилизацію, тамъ и здѣсь за свое существованіе. Вторую особенность составлялъ тягловый неправовой характеръ внутренняго управленія и общественнаго состава, съ рѣзко обособлявшимися сословіями. Управление вели обяванные органы, наверху служилые люди, внизу—отвѣтственные сословные выборные. Сословія различались не правами, а повинностями. Каждый обязанъ былъ или оборонять государство или работать на государство, т.-е. кормить тѣхъ, кто его обороняетъ. Третьей особенностью была верховная власть съ неопредѣленнымъ, т.-е. неограниченнымъ, пространствомъ дѣйствія и съ нерѣшеннымъ вопросомъ объ отношеніи къ собственнымъ органамъ, именно къ главному изъ нихъ, къ боярской аристократіи» (стр. 506—507). Таково было Московское государство XVI вѣка.

Если сравнить эту вторую часть курса съ соотвѣтствующими мѣстами литографированнаго курса, то видно, что она по объему увеличена больше, чѣмъ вдвое; весьма многія мѣста подверглись переработкѣ и значительнымъ дополненіямъ. Повидимому, переработка коснулась не основныхъ взглядовъ автора, а деталей: нѣкоторыя мѣста дополнены примѣрами изъ лѣтописей и другихъ источниковъ (стр. 8 и 9); другія мѣста развиты полнѣе и точнѣе, чѣмъ то было въ литографированныхъ лекціяхъ, и, наконецъ, мѣстами изложеніе подновлено согласно выводамъ послѣднихъ историческихъ изслѣдованій (напримѣръ, о Москвѣ сдѣланы добавленія по книгѣ И. Е. Забѣлина, о крестьянахъ—по трудамъ М. А. Дьяконова). Однако далеко не все подновлено. Напримѣръ, по вопросу объ опричиннѣ проф. Ключевскій остался при своемъ старомъ мнѣніи. Опричина въ его глазахъ являлась сыскнымъ учрежденіемъ, «вышей полиціей по дѣламъ государственной измѣны», и была направлена не противъ порядка, а «противъ лицъ», тогда какъ проф. Платоновъ убѣдительно и наглядно доказалъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи смуты», что опричина вовсе не стояла «внѣ» государства, была направлена «именно противъ порядка»; она была не простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія крамолы, а орудіемъ государственной реформы, благодаря которому путемъ систематической мѣны земель было уничтожено безповоротно политическое значеніе удѣльной аристократіи, чего и добивался Грозный.

На ряду съ мѣстами дополненными и переработанными встрѣчается въ книгѣ цѣлый рядъ страницъ (напримѣръ, 11, 12, 369, 370 и др.), повторяющихъ буквально текстъ литографированныхъ лекцій (за исключеніемъ одной, двухъ строкъ). Будемъ надѣяться, что остальные части этого прекраснаго курса не замедлятъ себя долго ждать.

М. К.

**Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества.
Томы 121 и 122. Спб. 1906.**

121 и 122 томы «Сборника Императорскаго историческаго общества» заключаютъ въ себѣ архивъ свѣтлѣйшаго князя А. И. Чернышева, изданный подъ редакціей князя Н. В. Голицына. Чернышевъ принадлежитъ къ числу выдающихся государственныхъ дѣятелей александровскаго и николаевскаго царствованій. Прекрасно образованный, энергичный, даровитый, онъ былъ въ одно и то же время храбрымъ военачальникомъ, искуснымъ дипломатомъ и превосходнымъ администраторомъ. Съ юныхъ лѣтъ Чернышевъ сдѣлался приближеннымъ къ императору Александру, который, одѣливъ его способности, возлагалъ на него самыя разнообразныя и отвѣтственныя порученія, между прочимъ, неоднократно посылалъ его для переговоровъ съ Наполеономъ. 28 лѣтъ отъ роду Чернышевъ былъ уже генераль-адъютантомъ и генераль-лейтенантомъ. При императорѣ Николаѣ Чернышевъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и оставался имъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, почти до самой кончины, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ государя. Разумѣется, архивъ такого дѣятеля, какъ Чернышевъ, содержитъ въ себѣ массу важныхъ и любопытныхъ документовъ. Передать содержаніе ихъ, хотя бы въ краткомъ видѣ, невозможно въ библиографической замѣткѣ, и потому мы ограничимся лишь перечисленіемъ тѣхъ эпохъ и событій, къ которымъ они относятся.

Въ 121 томѣ напечатаны бумаги, касающіяся: пребыванія Чернышева въ Австріи при Наполеонѣ въ 1809 г.; военно-дипломатической миссіи его въ Парижъ въ 1810 г.; дипломатической миссіи въ Стокгольмъ въ 1810 г.; военно-дипломатической миссіи въ Парижъ въ 1811—1812 г.г.; военныхъ дѣйствій въ 1812—1814 г.г.; дипломатической миссіи въ Вѣнѣ въ 1816 г.; дипломатической миссіи въ Гаагѣ въ 1817 г.; дипломатической миссіи въ Стокгольмъ въ 1818 г.; докладныя записки, представленныя государю во время Ахенскаго конгресса въ 1818 г.; бумаги по дѣламъ Донскаго комитета 1821—1824 г.г.; переписка Чернышева съ разными лицами за 1809—1825 г.г. и семейныя бумаги 1807—1825 г.г.

Въ 122 томѣ напечатана біографія Чернышева, подробный обзоръ дѣятельности его, какъ военнаго министра; письма къ нему высочайшихъ особъ; всеподданнѣйшіе доклады и записки его императору Николаю и, наконецъ, письма къ Чернышеву князя Паскевича за время съ 1827 по 1852 г.

Изъ этого перечня содержанія архива князя Чернышева можно видѣть, какое важное значеніе онъ имѣетъ для всѣхъ, кто изучаетъ время императоровъ Александра I и Николая I.

С. Ш.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ второй. Выпускъ первый. Спб. 1906.

Первый выпускъ второго тома этого замѣчательнаго изданія великаго князя Николая Михайловича заключаетъ въ себѣ 82 портрета. Большая часть ихъ, по обыкновенію, воспроизведена съ весьма рѣдкихъ оригиналовъ, находя-

щихся въ частныхъ собраніяхъ, и появляется въ первый разъ въ превосходно исполненныхъ фототипіей копіяхъ. Особенно любопытны портреты: императрицы Екатерины II, съ оригинала Левицкаго, принадлежащаго князю А. В. Барятинскому; графа А. А. Бобринскаго, съ оригинала Христианека, принадлежащаго графу А. А. Бобринскому; графини А. В. Браницкой (племянницы Потемкина), съ оригинала Броматона, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой; графини Е. В. Скавронской (другой племянницы Потемкина), съ оригинала неизвѣстнаго художника, принадлежащаго тоже графинѣ М. Е. Браницкой; княгини В. В. Голицыной (третьей племянницы Потемкина), съ оригинала Лампи, принадлежащаго баронессѣ В. Г. Врангель; Д. П. Трощинскаго, съ оригинала Боровиковскаго, принадлежащаго Л. А. Зубалову; графа К. Г. Разумовскаго, съ оригинала Батони, принадлежащаго графу Камиллу Разумовскому; графини Е. Р. Воронцовой (фаворитки Петра III), съ оригинала неизвѣстнаго художника, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой.

Любопытны также и остальные портреты, которые мы перечисляемъ для любителей и собирателей: императоръ Петръ III, великая княгиня Наталья Алексѣевна, князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій, графъ А. А. Безбородко, графиня А. И. Безбородко, А. Д. Ланской, графъ П. В. Завадовскій, графъ Алексѣй Гр. Разумовскій, княгиня Е. С. Куракина, князь А. И. Чернышевъ, князь Ф. Ф. Гагаринъ, князь С. О. Голицынъ, Е. А. Чернышева, Т. И. Чернышева, княгиня Е. Н. Чернышева, Е. П. Дивова, А. В. Васильчиковъ, докторъ Рожерсонъ, графиня Е. И. Разумовская, графиня С. О. Апраксина, И. А. Фонвизинъ, А. В. Якушкина, Е. П. Нарышкина, князь Ипсиланти, Н. Ф. Ртищевъ, А. А. Беклешовъ, М. А. Хитрово, А. З. Хитрово, графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, графиня Е. А. Мусина-Пушкина, М. А. Фонвизинъ (декабристъ), его жена Н. Д. Фонвизинъ, Р. Е. Ренне, баронъ Л. К. Боде, баронесса Н. Ф. Боде, В. Д. Новосильцевъ (убитый на дуэли съ Черновымъ) и его мать Е. В. Новосильцева.

Биографіи, сопровождающія каждый портретъ, несмотря на свою краткость, составлены очень тщательно, а многія изъ нихъ заключаютъ новыя свѣдѣнія, заимствованныя, очевидно, изъ рукописныхъ источниковъ.

С. III.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1905 г. Выпуски IV, V—VI. Вятка. 1905—1906.

Подобно тому, какъ и въ предыдущихъ выпускахъ «Трудовъ» Вятской архивной комиссіи, главное содержаніе разсматриваемыхъ нами 4, 5 и 6 выпусковъ, составляютъ труды товарища предсѣдателя комиссіи и редактора «Трудовъ», А. С. Верещагина. Въ четвертомъ выпускѣ онъ помѣстилъ прежде всего «Лѣтописецъ старыхъ дѣлъ, что учинилося въ Московскомъ государствѣ и во всей Русской землѣ въ нынѣшнія послѣднія времена». Изъ «предисловія» издателя къ «Лѣтописцу» узнаемъ, что о послѣднемъ хотя и упомянулъ еще въ 1836 г. Н. С. Арцыбашевъ въ своемъ «Повѣствованіи о Россіи», но ознакомиться съ нимъ подробно удалось нашему издателю лишь въ

самое послѣднее время. Изъ трехъ сохранившихся и извѣстныхъ доселѣ списковъ «Лѣтописца» А. С. Верещагинъ признаетъ за болѣе древній Рязанскій списокъ, по которому и изданъ «Лѣтописецъ». Начинаясь съ 1154 г. и заканчивающійся 1727 г., «Лѣтописецъ» повѣствуетъ больше всего о московскихъ событіяхъ, а о событіяхъ, касающихся Вятки, только начиная съ половины XVII вѣка. Извѣстія его кратки и не лишены хронологическихъ неточностей. Издается онъ здѣсь, повидимому, главнымъ образомъ изъ-за того, что имъ «заклѣвается пока цѣль памятниковъ вятской древней письменности лѣтописнаго характера», и что до подробнаго ознакомленія съ нимъ на него возлагали большія надежды. Далѣе находимъ «Повѣсти о Великорѣцкой иконѣ святителя Николая», изданныя въ пяти спискахъ конца XVII и самаго начала XVIII вѣка, съ обширнымъ послѣсловіемъ А. С. Верещагина, въ которомъ онъ подробно останавливается на значеніи ихъ «происхожденія, разнорѣчійхъ, недоумѣнійхъ», возбуждаемыхъ въ читателѣ, и т. п.

Въ выпускахъ V—VI напечатанъ извлеченный изъ Московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ «Росписной списокъ стольника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровскаго, что онъ принялъ отъ воеводы Василья Поликарповича Нарышкина на Вяткѣ два земляные города Хлынова въ 7184 (1676) г.». Въ этомъ списокѣ заключается довольно полное описаніе Хлынова въ 1676 г., въ началѣ воеводскаго управленія кн. Прозоровскаго. Въ дополненіе къ нему помѣщены затѣмъ — «Росписной списокъ боярина и воеводы князя Михаила Ивановича Лыкова, что онъ принялъ отъ Петра Дорошенки городъ Хлыновъ 7192 (1684) г.» и «Отписка въ Новгородскій приказъ новоназначеннаго на Вятку воеводы Ивана Аванасьевича Матюшкина 7002 (1694) г.». Далѣе находимъ «Расходную книгу земскаго старосты города Хлынова Ивана Рѣпина 1678—1680 г.», напечатанную по рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной библиотекѣ. Въ записяхъ, внесенныхъ въ эту «Расходную книгу», много цѣннаго матеріала для бытовой исторіи Вятскаго края и особенно много подробныхъ свѣдѣній о кормленіи воеводъ и приказныхъ людей на Вяткѣ. «Есть также, — говоритъ издатель въ своемъ обширномъ предисловіи къ «Расходной книгѣ», — немало указаній и на мѣстныя происшествія того времени, какихъ не находимъ пока въ другихъ источникахъ» (стр. XV).

Въ третьемъ отдѣлѣ «Трудовъ» Вятской архивной комиссіи, какъ четвертаго, такъ и пятаго и шестого выпусковъ, находимъ рядъ документовъ, съ объясненіями, сообщенныхъ тѣмъ же А. С. Верещагинымъ; изъ нихъ назовемъ хотя бы нѣкоторые: 1) нѣсколько указовъ и «доношеній» архіепископу Лаврентію Горнѣ; 2) рядъ документовъ, относящихся ко времени управленія Вятской епархіей преосвященнаго Веніамина (Сахновскаго); 3) грамоты царей: Василія Ивановича Шуйскаго и Михаила Феодоровича; 4) описанія слободы Кукарской, села Вознесенскаго и монастырскихъ земель на Вяткѣ по доходнымъ книгамъ; 5) біографическія свѣдѣнія о вятскомъ воеводѣ Д. А. Францбековѣ и «купивѣ гостиной сотни» Спиридонѣ Лянгусовѣ, и 6) «два документа о М. Е. Салтыковѣ-Щедриѣ, по поводу высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго въ 1855 г., Салтыкову проживать и служить, гдѣ пожелаетъ».

Кромѣ того, въ томъ же третьемъ отдѣлѣ V—VI выпуска «Трудовъ» находимъ довольно пространную біографію сосланнаго въ Вятку тайнаго совѣтника А. Е. Жадовскаго, составленную П. И. Зубаревымъ, а въ IV выпускѣ двѣ статейки г-жи Спасской: 1) «Воспоминаніе о жизни въ Вяткѣ преосвященнаго Макарія (Миролюбова)» и 2) «Пав. Матв. Обуховъ», основатель известнаго сталепушечнаго Обуховскаго завода.

Таково содержаніе разсмотрѣнныхъ нами двухъ послѣднихъ книжекъ «Трудовъ» Вятской архивной комиссіи. Цѣнность помѣщенныхъ въ нихъ матеріаловъ для исторіи Вятскаго края настолько неоспорима и значительна, что остается только пожелать многолѣтія главному работнику комиссіи, А. С. Верещагину, и проявленія большаго сочувствія и денежной поддержки со стороны земства, жертвователей и мѣстной губернской типографіи въ дѣлѣ изданія «Трудовъ» комиссіи.

В. Рудаковъ.

К. Военскій. Отечественная война въ русской журналистикѣ. Библиографическій сборникъ статей, относящихся къ 1812 г. Спб. 1906.

Приближающаяся столѣтняя годовщина 1812 г. вызвала усиленную работу изслѣдователей, посвятившихъ себя изученію этой великой эпохи, имѣвшей огромное значеніе не только для Россіи, но и для всей Европы. Составитель сборника взялъ на себя весьма нелегкій трудъ изданія справочнаго руководства по литературѣ Отечественной войны въ статьяхъ, появившихся въ историческихъ и другихъ журналахъ. Руководство составлено въ большомъ знаніемъ дѣла и отличается тою особенностью, что не ограничивается однимъ перечисленіемъ заглавій статей, но даетъ ихъ краткое содержаніе и попутно многія весьма цѣнные указанія библиографическаго характера. Въ концѣ книги приложены указатели: личныхъ именъ, предметный съ обозначеніемъ войсковыхъ частей, географическій и портретовъ дѣятелей 1812 г., что даетъ возможность легко ориентироваться въ матеріалѣ и избѣжать утомительнаго чтенія подлинниковъ, часто не содержащихъ вовсе того, что нужно изслѣдователю. Настоящее руководство есть только первый выпускъ, обнимающій журналы: «Русскую Старину», «Древнюю и Новую Россію» и «Историческій Вѣстникъ». Составителемъ обѣщаны еще два выпуска.

Р. К.

А. Ефименко. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Томы I и II. Спб. 1905.

А. Ефименко болѣе всего известна въ наукѣ своей прекрасной работой по исторіи землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ. Ея изслѣдованіе «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ» высоко цѣнится специалистами. Но, кромѣ этого главнаго строго-научнаго труда, А. Ефименко известна цѣлымъ рядомъ своихъ статей, частью научнаго, частью популярнаго характера, печатавшихся, начиная съ 1878 г. и кончая послѣдними годами (1903), въ

многочисленныхъ разнородныхъ журналахъ, какъ-то, въ «Кіевской Старинѣ», «Русской Мысли», «Недѣль», «Вопросахъ философіи и психологіи», «Журналъ для всѣхъ» и др. Всѣ эти статьи за двадцатипятилѣтнюю литературную дѣятельность автора въ настоящемъ сборникѣ изданы подъ общимъ заголовкомъ «Южная Русь», такъ какъ всѣ онѣ такъ или иначе приурочены къ исторіи и характеристикѣ прошлаго изъ южнорусской жизни.

Чтобы не излагать содержанія отдѣльныхъ статей, что заняло бы много мѣста, мы приведемъ для общаго ознакомленія съ содержаніемъ сборника лишь оглавленіе тѣхъ статей, которыя помѣщены въ немъ. Въ первый томъ вошли слѣдующія статьи: 1) «Очерки исторіи Правобережной Украйны», 2) «Малорусское дворянство и его судьба» (145—200 стр.), 3) «Южнорусскія братства», 4) «Конные суды въ Лѣвобережной Украйнѣ» (310—323), 5) «Народный судъ въ Западной Руси», 6) «Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси» (370—412), 7) «Арханческія формы землевладѣнія у германцевъ и славянъ», 8) «Литовско-русскіе данники и ихъ дани» (423—436). Во второмъ томѣ напечатаны: 1) «Вѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII в.», 2) «Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками» (12—125 стр.), 3) «Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова, Турбаевская катастрофа» (144—174), 4) «Архіерейскій подарокъ», 5) «Два намѣстника» (181—190), 6) «Старинная одежда и принадлежности быта слобожанъ», 7) «Малорусскій языкъ въ народной школѣ» (208—235), 8) «Философъ изъ народа», 9) «Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя» (255—275), 10) «Национальность по г. В. Соловьеву», 11) «По поводу украинофильства» (286—296), 12) «Литературныя силы провинціи (В. Б. Антоновичъ)», 13) «Котляревскій въ исторической обстановкѣ» (316—335), 14) «Памяти Т. Г. Шевченка», 15) «Украинскій элементъ въ творчествѣ Гоголя» (343—358). Передъ статьями въ I т. помѣщенъ портретъ А. Ефименко съ автографомъ.

Вообще говоря, настоящій сборникъ даетъ прекрасный матеріалъ для разносторонняго ознакомленія съ судьбами Южной Россіи. Нечего говорить о томъ, что статьи, написанныя такимъ компетентнымъ авторомъ, какъ А. Ефименко, очень содержательны, написаны въ живой художественной формѣ, читаются съ большимъ интересомъ. Какъ на характерную особенность, можно указать, что въ статьяхъ сборника сквозитъ особенная любовь автора къ своему краю, видно желаніе отмѣтить и отгнѣнить все хорошее и симпатичное изъ прошлаго Украйны и рѣзко подчеркнуть все то, что принудительно вело свободный малорусскій народъ къ подневольному состоянію.

Не разъ вспоминаетъ г-жа А. Ефименко свою излюбленную теорію о доле-вой организаціи землевладѣнія (см., напримѣръ, статьи «Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси» и «Арханческія формы землевладѣнія у германцевъ и славянъ»), стараясь примѣнить ту же теорію къ Южной Руси и отчасти къ Германіи. Напомнимъ вкратцѣ ея теорію. Основной клѣточкой, говоритъ А. Ефименко, въ историческомъ развитіи сѣвернаго землевладѣнія является деревня, печище, населенное родственниками, ведущими совмѣстное хозяйство. Затѣмъ вслѣдствіе разныхъ причинъ печище распадается на части, большею частью, неравныя, каждая доля состоитъ изъ многихъ участочковъ въ каждомъ

кускъ земли, въ каждой пожнѣ. Однако, несмотря на раздѣлъ, деревня представляетъ собою одно поземельное цѣлое, такъ какъ каждый изъ деревенскихъ совладѣльцевъ является собственникомъ не такихъ-то опредѣленныхъ полосъ, а лишь идеальной доли въ общемъ поземельномъ цѣломъ, и во всякое время можетъ требовать передѣла земли. Такова «долевая деревенская организація» (въ XV и XVI в.в.). Критика (сошлемся, напримѣръ, на В. И. Сергѣевича—Древности русскаго права, III т., 386—395), отдавая должное выводамъ автора, подвергла сомнѣнію нѣкоторые пункты изъ этой теоріи. Такъ, выяснено: 1) нельзя настаивать на исключительно кровномъ характерѣ происхожденія первоначальной деревни и ея долей, 2) больше, чѣмъ сомнительно, чтобы были идеальныя доли и передѣлы. Этими указаніями мы хотѣли бы уяснить слѣдующее: съ одной стороны, едва ли правильно настаивать на теоріи долевой организаціи въ ея полномъ объемѣ, съ другой—рискованно аналогизировать съ печишно-довлевымъ землевладѣніемъ на крайнемъ сѣверѣ форму землевладѣнія въ Южной Руси, а также въ Германіи. Данныхъ для аналогій слишкомъ мало.

Сборникъ изданъ обществомъ имени Т. Г. Шевченка съ благотворительной цѣлью въ пользу фонда на устройство общежитія и столовой для уроженцевъ Южной Россіи, учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга.

М.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двадцатая. Спб. 1906.

Двадцатый томъ обширнаго изслѣдованія вводитъ читателей въ тревожный для русской жизни 1863 г. и почти цѣликомъ посвященъ польскому возстанію и центральной фигурѣ того приснопамятнаго года, М. Н. Муравьеву. Со свойственнымъ ему умѣніемъ и литературною опытностью почтенный авторъ группируетъ развертывавшіяся тогда событія и, не вдаваясь въ разныя детали самого возстанія, отмѣчаетъ въ своемъ повѣствованіи лишь главнѣйшіе его моменты, обрисовываетъ дѣятельность и настроеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ со стороны враждебныхъ Россіи круговъ, такъ и патриотическихъ. Г. Барсукова интересуютъ преимущественно отзвуки и итоги настроеній разныхъ классовъ и ихъ представителей, и потому мы имѣемъ въ настоящей книгѣ чрезвычайно интересный и поучительный матеріалъ для установленія и пониманія духа того времени, какъ онъ отражался внутри нашего отечества и за его предѣлами. Передъ читателями выступаютъ самые разнообразныя социальные элементы въ ихъ дѣйствіяхъ, словахъ и побужденіяхъ. Лица придворнаго званія, царствующаго дома, представители науки и литературы, города и деревни, русской эмиграціи, дипломатіи и заграничной прессы—вся эта пестрая и любопытная галерея тогдашнихъ представителей официальныхъ и неофициальныхъ міровъ проходитъ передъ читателями въ яркомъ и полномъ освѣщеніи, представляя такимъ образомъ въ его распоряженіе поучительную и знаменательную страницу русской исторической жизни. Когда вникаешь въ книгу г. Барсукова и переворачиваешь одну страницу за другою, то начинаетъ

казаться, что рѣчь идетъ какъ будто не о прошломъ, а о настоящемъ—такъ многое изъ того, что имѣло мѣсто 40 лѣтъ тому назадъ, сходственно съ днями нынѣшняго общаго политическаго броженія, при чемъ это сходство наблюдается не только въ его обобщеніяхъ, но и въ частностяхъ, мелочахъ. Дѣйстви-тельно, «воскрешая минувшее», изслѣдователь вызываетъ истинный «духъ жизни», его обнаруженіе и проявленіе въ его героическій тревожный моментъ для историческаго бытія нашей родины. Единственное, въ чемъ мы не найдемъ аналогіи прошлаго съ настоящимъ: въ тѣ знаменательные годы не наблюдалось той страшной растерянности и отсутствія единства и полноты правительственной политики, которыя мы пережили еще такъ недавно, а, пожалуй, переживаемъ еще нынѣ. Не наблюдаемъ мы полнаго сродства и въ общественномъ настроеніи. Тогдашніе общественные элементы были какъ будто болѣе спокойны, менѣе нервны, а главное менѣе оппозиционны правящимъ сферамъ. Въ странѣ существовало какъ будто болѣе сознательности и реального пониманія къ тому, что творилось на ея окраинахъ, и вопросы инородческіе не сливались воедино съ вопросами внутренняго бытія. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ работы г. Барсукова намъ становится вполне яснымъ, какъ политическая и революціонная агитація уже тогда плела вокругъ Россіи инородческую сѣть, гдѣ петли съ западной окраины умѣло связывались съ петлями сѣверными, закинутыми на Скандинавскій полуостровъ.

Если читатели «Историческаго Вѣстника» внимательно слѣдили за рецензіями, помѣщенными въ теченіе многихъ лѣтъ на страницахъ журнала о каждомъ нововышедшемъ томѣ громаднаго труда г. Барсукова, то врядъ ли приходится распространяться на тему, какъ авторъ смотритъ и на характерную фигуру знаменитаго диктатора Муравьева и на ту роль, которую ему пришлось сыграть въ судьбѣ Россіи при подавленіи польскаго мятежа. Онъ весь на сторонѣ центральной личности повѣствованія и въ каждомъ добромъ словѣ, сказанномъ по адресу этого дѣятеля, видитъ отзвуки и своимъ мыслямъ, своимъ чувствамъ. М. Н. Муравьевъ для него—олицетвореніе твердой національной политики, которая съ достоинствомъ и съ сознаниемъ своей отвѣтственности передъ родиною даетъ отпоръ всему враждебному этой родинѣ, а потому въ полной мѣрѣ можетъ быть рекомендованъ, какъ хорошій и полезный урокъ по исторіи для всѣхъ временъ настоящаго и грядущихъ. Таково политическое сѣдо нашего изслѣдователя, которое онъ неукоснительно исповѣдуетъ громко во всѣхъ томахъ своей работы и съ энергичною рѣшимостью подчеркиваетъ и въ настоящей своей книжкѣ, при чемъ дѣлаетъ это подчеркиваніе не какими либо теоретическими умозаключеніями, а искуснымъ способомъ группировки фактовъ, ихъ освѣщенія и расположенія.

Заключительная часть книги посвящена возгорѣвшемуся въ тотъ годъ малороссійскому вопросу, въ разработкѣ и обсужденіи котораго принимали горячее участіе Катковъ, Костомаровъ, Аксаковъ, Погодинъ и другіе.

Въ заключеніе рецензіи отмѣтимъ, что, по обычаю автора посвящать нововышедшія книги своего сочиненія или памяти бывшихъ отечественныхъ дѣятелей или имени кого либо изъ живущихъ, и настоящая книжка, обнимающая собою дѣятельность М. Н. Муравьева, посвящена князю П. Д. Святополку-Мир-

скому. Г. Барсуковъ сдѣлалъ это, конечно, отъ полноты своихъ чувствъ и изъ благородныхъ побужденій, но для насъ, читателей, это посвященіе звучитъ грустной ироніей. Почтенный князь, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, создалъ пресловутую «весну» съ ея гнилыми испареніями и пустопорожней болтовней съ знаменитымъ «довѣріемъ» въ центрѣ. Муравьевъ же говорилъ, мало, а дѣлалъ многое и безъ сомнѣнія въ нѣсколько иномъ духѣ; политическія программы обоихъ дѣятелей очень ужъ между собою разнятся. При такихъ условіяхъ «посвященіе» можетъ показаться внушительнымъ поученіемъ: смотри, учись и впредь, если тебя снова извлекутъ изъ политическаго архива, не грѣши.

В. Глинокій.

С. Г. Рункевичъ. Архіереи петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ. Вып. I. Спб. 1906.

Совершенно справедливо говорится въ первыхъ словахъ предисловія, что «та среда, въ которой произведена была церковная реформа Петра Великаго, разработана въ наукѣ недостаточно», и потому всякая книга, посвящаемая этой средѣ, можетъ рассчитывать на честь послужить заполненію указаннаго пробѣла въ наукѣ. Но не всякая книга дѣлаетъ это съ тѣмъ научнымъ достоинствомъ, котораго ждешь отъ дипломированнаго ученаго. Какъ это ни странно, личность Петра до сихъ поръ пререкаема. Далеко не все понятно и извѣстно въ исторіи его преобразованій гражданскихъ и церковныхъ. Тѣмъ болѣе вниманія и тщательности требуетъ къ себѣ его эпоха, тѣмъ болѣе всесторонняго освѣщенія она ждетъ. Между тѣмъ, въ рассматриваемой книгѣ не дается собственно «переписка», въ понятіе которой всегда входятъ письма съ двухъ сторонъ, а лишь письма десяти архіереевъ и ни одного письма Петра, которыя были столь характерны и такъ много проливаютъ свѣта даже въ своемъ стилѣ на вопросъ о его отношеніи къ дѣламъ церковнымъ. Пересказъ составителя не можетъ замѣнить подлинника. Такимъ образомъ эта книга является не то изданіемъ историческихъ памятниковъ—письма архіереевъ извлечены изъ государственнаго архива и напечатаны дословно, хотя безъ сохраненія орфографіи подлинниковъ, что, впрочемъ, и не требуется—не то своеобразнымъ историческимъ очеркомъ. Для удобства ориентировки въ историческихъ обстоятельствахъ «переписки», что, разумѣется, необходимо для правильнаго и отчетливаго пониманія содержанія самыхъ писемъ, послѣднія связаны между собою необходимыми комментаріями со ссылками на литературу и источники. Сообщаются также краткія біографіи авторовъ и даются ихъ характеристики. За все это можно поблагодарить г. Рункевича. Зато съ его тирадой относительно замѣны патріаршества святѣйшимъ синодомъ (стр. 113—114), въ которой всѣмъ разномыслящимъ съ г. Рункевичемъ бросается незаслуженный упрекъ въ невѣжествѣ и легкомысліи, все-таки, несмотря на эту угрозу остракизма, никакъ нельзя согласиться. Никто не броситъ тѣни на работы Петра по обновленію жизни русской помѣстной церкви, хотя исторія покажетъ, что не всегда онъ дѣйствовалъ въ этомъ безкорыстно: недаромъ съ отмѣной патріаршества возстановленъ Монастырскій приказъ и церковныя вотчины частью расхищены,

частью привлечены на служеніе внѣцерковнымъ цѣлямъ. Но успокаиваться на томъ, что съ формальной точки зрѣнія порядкомъ учрежденія святѣйшаго синода, т.-е. тѣмъ, что Духовный Регламентъ былъ составленъ архіереємъ, рассмотрѣнъ царемъ, обсужденъ и исправленъ соборомъ (лучше комиссіей) шести епископовъ и трехъ архимандритовъ при участіи семи сенаторовъ, затѣмъ принять безъ возраженій и протеста всею русскою церковью—подписавъ всѣми архіереями, кромѣ отдаленнаго сибирскаго, и всѣми архимандритами, кромѣ не встававшихъ съ одра болѣзни (стр. 113—114), прибавимъ: подтверждено грамотами восточныхъ патріарховъ,—порядкомъ учрежденія не затронуты каноническія основы, немножко странно для ученаго богослова и историка. Православное церковное право знаетъ единоличную власть епископскую, знаетъ соборы, но не знаетъ и не можетъ знать коллегіальности. Коллегіальность составляла сущность преобразования высшаго церковнаго управленія и гвоздь Духовнаго Регламента, въ которомъ все остальное лишь *ria desideria* въ цѣляхъ обновленія и усовершенствованія церковной жизни. Коллегіальностью святѣйшаго синода церковная власть превращена въ органъ правительства, столь же ему послушный, какъ и всякое правительственное учрежденіе (ср. ст. 43 основныхъ законовъ). И послѣ этого объясненіе двухсотлѣтняго недовольства православныхъ русскихъ людей церковною реформою Петра Великаго тѣмъ, что «эта исконная тоска русской души по утраченномъ патріаршествѣ питается, повидимому, главнымъ образомъ сознаніемъ, что великая наша церковь не имѣетъ соответственнаго другимъ православнымъ восточнымъ церквамъ представительства» (стр. 114) — а что же тогда святѣйшій синодъ, признанный патріархами «возлюбленнымъ братомъ»?—представляется именно тѣмъ самымъ, въ чемъ обвиняетъ г. Рункевичъ съ нимъ несогласныхъ. Въ преобразованіяхъ цѣнится и имѣетъ значеніе не форма, въ которой совершился самый процессъ преобразованія, а существо, содержаніе этого преобразованія.

Съ внѣшней стороны книжка издана недурно, хотя ей очень недостаетъ оглавленія. Непонятно при этомъ, почему архіереи съ ихъ письмами поставлены въ такомъ, а не иномъ порядкѣ?
Павель Верховской.

Дж. Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Части I и II. Спб. 1906. Тюрьмы въ Россіи. Спб. 1906. Жизнь политическихъ арестантовъ въ русскихъ тюрьмахъ. Спб. 1906.

Появившееся 15 лѣтъ тому назадъ двухтомное сочиненіе американскаго журналиста Джорджа Кеннана: «Siberia and exile system», надѣлало большого шума; объ немъ вездѣ заговорили на западѣ и въ Америкѣ, знаменитая «Библиотека Реклама» поспѣшила выпустить его въ нѣмецкомъ переводѣ, а наше правительство съ меньшей поспѣшностью рѣшило крѣпко-накрѣпко запретить эту книгу въ Россіи.

Всѣмъ было извѣстно, что время отъ времени на Русь, то тамъ, то сямъ, неожиданно для себя и для другихъ, происходятъ аресты такъ называемыхъ «неблагонадежныхъ лицъ». Люди словно проваливаются въ какой-то темный

люкъ, именуемый административною ссылкой, проваливаются без суда, без слѣдствія, а единственно по мановенію руки министра внутреннихъ дѣлъ. Кеннану, одному изъ немногихъ, удалось спуститься въ этотъ темный люкъ и присмотрѣться къ тому, что дѣлается въ мрачномъ подземельѣ административной высылки. Понятно, что его книга должна имѣть животрепещущій интересъ главнымъ образомъ для насъ, русскихъ, а не для американцевъ, но, по условіямъ нашего отживающаго строя, переводъ ея могъ явиться только теперь.

Двѣ небольшихъ по объему брошюры (объ части «Сибири и ссылки») представляютъ хорошія, хотя и неполныя переводы англійскаго оригинала. Выкинуты, впрочемъ, описанія нѣкоторыхъ городовъ, черезъ которые лежалъ путь Кеннана, не имѣющія для русскаго читателя особаго интереса. Двѣ другія брошюры, названія которыхъ выписаны выше, представляютъ переводъ одной изъ главъ книги Кеннана, переводъ, сдѣланный въ каждой изъ нихъ по-своему и съ сокращеніями.

Кеннанъ бывалъ въ Россіи не разъ. Еще въ 1864 г. онъ совершилъ путешествіе въ Камчатку, а черезъ шесть лѣтъ объѣхалъ все нижнее Поволжье и Кавказъ. Третье путешествіе Кеннанъ совершилъ въ Сибирь со специальнымъ порученіемъ большого американскаго журнала «Century Magazine» изучить русскую ссылку вообще и административную въ частности. Записи нужныя письма отъ тогдашняго товарища министра иностранныхъ дѣлъ Влангалли, Кеннанъ въ сопровожденіи бостонскаго художника Фроста направился черезъ Москву и Нижній Новгородъ въ Томскъ, а затѣмъ въ самую глубь Сибири. По собственному признанію, Кеннанъ ѣхалъ въ Сибирь, ожидая встрѣтить тамъ множество ужасныхъ нигилистовъ, рисовавшихся въ западномъ воображеніи людьми, не признающими ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ. И велико было его удивленіе, когда политическіе ссыльные предстали передъ нимъ во образѣ скромныхъ, въ большинствѣ случаевъ, молодыхъ людей, весьма образованныхъ, а нерѣдко и прямо талантливыхъ. При содѣйствіи наиболѣе просвѣщенныхъ мѣстныхъ чиновниковъ, авторъ имѣлъ возможность подолгу бесѣдовать съ этими неблагонадежными элементами. Даже поверхностное знакомство съ ними скоро привело американца къ убѣжденію, что во всякой странѣ съ болѣею свободою мысли эти люди были бы въ числѣ наиболѣе полезныхъ гражданъ, а не выбрасывались бы за бортъ за несогласіе съ офиціально установленнымъ шаблономъ мысли.

Разспрашивая административно-ссылныхъ, попавшихъ въ зачолустные городки Сибири изъ Петропавловской крѣпости и другихъ мѣстъ одиночнаго заключенія, Кеннанъ узналъ отъ нихъ много любопытнаго о режимѣ въ сихъ мрачныхъ узилищахъ. Видно по всему ихъ распорядку, что заключенныхъ главнымъ образомъ стараются отрѣзать отъ всякаго общенія съ живымъ міромъ. Эта ненужная въ сущности жестокость ведетъ къ тому, что слабые духомъ или сходятъ съ ума или въ припадкахъ мрачнаго отчаянія кончаютъ жизнь самоубійствомъ, и при томъ самымъ мучительнымъ образомъ. Въ Петропавловской крѣпости одинъ изъ заключенныхъ, не имѣя другихъ орудій самоубійства, проглотилъ нѣсколько кусковъ стекла отъ разбитаго имъ окна.

Мрачные казематы, полная изолированность отъ всякаго живого существа, кромѣ тюремщика, нарочно устраиваемая мертвая угнетающая типина—все это свидѣтельствуеъ о единственной цѣли администраціи—мстительномъ желаніи сдѣлать заключеніе возможно болѣе тягостнымъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни стараются прекратить всякую связь заключенныхъ между собою, обитатели мрачныхъ казематовъ находятъ средства бесѣдовать между собою. Они пользуются своего рода телеграфомъ и, выстукивая буквы по извѣстной системѣ, приведенной Кеннаномъ, могутъ въ теченіе сутокъ обмѣняться нѣсколькими фразами.

Читая объективный и наружно спокойный рассказъ Кеннана о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ Сибири, невольно поражаешься одной чертой, характерной въ отношеніи администраціи къ политическимъ ссыльнымъ.

Въ то время, когда къ преступникамъ-каторжникамъ она просто груба, къ этимъ людямъ она мстительна и на каждомъ шагѣ старается дать почувствовать имъ тяжелую отъ нея зависимость. Какой смыслъ имѣеть, напримѣръ, запрещеніе административно-ссыльнымъ заниматься ихъ профессиональнымъ дѣломъ: докторамъ—лѣчить, учителямъ—давать уроки? Для чего людей, оторванныхъ отъ привычной ихъ среды и неимѣющихъ обыкновенно средствъ къ существованію, заставлятъ заниматься непремѣнно черною работою? Для чего эти внезапные унизительные обыски и постоянное пристальное наблюденіе за этими вполнѣ безправными людьми со стороны полиціи? Если боятся распространенія ими вредныхъ идей, то, во-первыхъ, они живутъ въ такихъ дикихъ мѣстахъ, гдѣ и распространяться-то не передъ кѣмъ, а, во-вторыхъ, какъ видно изъ описанія Кеннана, «политическіе» довольно свободно врачаются среди мѣстнаго населенія и своей нравственной порядочностью и интеллигентностью нерѣдко приобрѣтаютъ большое уваженіе соудей.

Факты дикаго произвола давно уже стали у насъ обычнымъ и всѣмъ извѣстнымъ явленіемъ, и тѣмъ не менѣе нельзя безъ негодованія читать о царившихъ въ Сибири порядкахъ. Взятчиничество высшихъ чиновъ мѣстной администраціи, которыхъ Кеннанъ иной разъ называетъ по фамиліямъ, полнѣйше пренебреженіе правительства къ благоустройству тюремъ, гдѣ люди содержались хуже скотовъ, грубость и самодурство полиціи—все это ярко и отчетливо изложено авторомъ и, къ стыду нашему, повѣдано имъ всему міру.

В.

Мережковскій, Д. Грядущій Хамъ. Спб. 1906.

Авторъ этой книги занялъ оригинальностью своихъ работъ особое положеніе въ современной намъ критикѣ. Не такъ давно г. Мережковскій выпустилъ свою интересно задуманную трилогію: «Смерть боговъ», «Воскресшіе боги» и «Антихристъ», теперь передъ нами опять оригинальная работа, состоящая изъ ряда статей, въ центрѣ которыхъ находится—«Грядущій Хамъ».

Въ этой работѣ авторъ останавливается на взглядахъ Герцена на неминуемую побѣду въ будущемъ мѣщанства. Послѣднее, на взглядъ Герцена, явится окончательной формой западной цивилизаціи, если только не произой-

деть какойнибудь неожиданный переворотъ, который возродитъ человѣческую личность и дастъ ей силу побѣдить это мѣщанство. Герценъ не указываетъ, чѣмъ и во имя чего будетъ произведенъ этотъ переворотъ, но онъ утверждаетъ, что христіанство этой роли не сыграетъ. Анализируя мысли писателя, г. Мережковский приходитъ какъ разъ къ противоположному. На его взглядъ, только одно христіанство, освобожденное отъ узко-догматической формы, сковывающей его, исполнитъ эту миссію. Отрицательное отношеніе къ ученію Христа со стороны Герцена и русской интеллигенціи критикъ видитъ въ извращеніи исторіей этого ученія, которое заключили въ узкія рамки, помѣститься въ которыхъ оно не можетъ. Въ виду этого христіанство обратилось въ мѣщанство, на крестѣ божественной свободы распяли свободу человѣческую. Ошибка Герцена и интеллигенціи какъ полагаетъ г. Мережковский, заключается въ томъ, что они забыли, что это—преступленіе исторіи, въ которомъ не участвовалъ Христосъ, не желавшій людямъ рабства. «Въ первомъ царствѣ Отца, Ветхомъ Завѣтѣ, открылась власть Божія, какъ истина, — говоритъ авторъ, — во второмъ царствѣ Сына, Новомъ Завѣтѣ, открывается истина, какъ любовь; въ третьемъ и послѣднемъ царствѣ Духа, въ Грядущемъ Завѣтѣ, откроется любовь, какъ свобода. И въ этомъ послѣднемъ царствѣ произнесено и услышано будетъ послѣднее, никѣмъ еще не произнесенное и не услышанное имя Господа Грядущаго: Освободитель». Хотя наша интеллигенція не хочетъ понять этого и умомъ отвергаетъ Бога, но сердцемъ мучительно его ищетъ.

Наша интеллигенція, на взглядъ г. Мережковского, представляетъ нѣчто единственное въ современной намъ европейской культурѣ. Въ то время какъ на Западѣ общественность захвачена мѣщанствомъ, у насъ этого нѣтъ въ силу того, что жизнь нашей интеллигенціи была сплошной трагедіей, которая по существу своему противоположна идиллическому благополучію — источнику мѣщанства. Если только наша интеллигенція пойметъ, что въ грядущемъ христіанствѣ заключается сила, способная побѣдить мѣщанство и грядущаго Хама, ей предстоитъ блестящее будущее: она явится мученикомъ новаго міра.

Мученія нашей интеллигенціи, ея отношенія къ христіанству и жизни, всего лучше, кажется г. Мережковскому, прослѣдить на произведеніяхъ Чехова и Горькаго. Несмотря на то, что по характеру творчества оба писателя совершенно противоположны, между ними есть связь. Чеховскій интеллигентъ такъ же, какъ и горьковскій босякъ, противопоставляетъ христіанству, которое кажется ему религіей «пустого неба», — религію полной, исполненной земли, религію прогресса — земного рая. На взглядъ автора, оба писателя благословляютъ то, что хотѣли проклясть, и прокляли то, что хотѣли благословить: они хотѣли показать, что человѣкъ безъ Бога есть Богъ, а показали, что онъ—звѣрь.

Есть писатели, которые, дойдя до какойлибо точки, останавливаются, утверждаютъ на ней и уже болѣе не двигаются въ своихъ исканіяхъ истины. Не такимъ является г. Мережковский. Несмотря на то, что онъ вотъ уже сколько лѣтъ подвизается въ нашей литературѣ, онъ еще не опредѣлился, онъ не напелъ еще этой исходной точки, продолжаетъ ее искать мучительно, страстно. Жизнь писателя не чужда противорѣчій, о которыхъ знаетъ всякій,

причастный къ литературному міру, но вся она наполнена исканіемъ вѣчной истины, онъ не бѣжитъ отъ тѣхъ проблемъ, которыя выдвигаетъ жизнь, — онъ идетъ имъ навстрѣчу, не боясь, что рѣшить ихъ окажется не подъ силу.

Въ этомъ исканіи заключается главный интересъ статей г. Мережковского. И въ настоящей работѣ авторъ не далъ яснаго отвѣта на поставленные вопросы, но его трудъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ вниманія, какъ попытка рѣшить проблему жизни и религіи, найти истину. А. Фоминъ.

Е. В. Аничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. Часть II. Отъ пѣсни къ поэзіи. Спб. 1905.

Удачно выбранная тема для диссертациі по всеобщей литературѣ, позволявшая автору отъ специальныхъ вопросовъ перейти къ общимъ вопросамъ, напримеръ, о происхожденіи поэзіи вообще; богатый матеріалъ, собранный въ теченіе этого времени западно-европейскими, славянскими и русскими этнографами; философское освѣщеніе частныхъ и послѣдовательное стремленіе автора осмыслить каждый мелкій фактъ народно-поэтической мысли, — все это дѣлаетъ работу Е. В. Аничкова интересной не для однихъ специалистовъ. Поэтому надо думать, она вызоветъ рядъ серьезныхъ разборовъ, статьи популярнаго характера или отдѣльные очерки, составленные на основаніи того же матеріала, который разбросанъ въ разныхъ мѣстахъ книги (это отчасти уже сдѣлалъ самъ г. Аничковъ: «Происхожденіе поэзіи», въ «Вѣстникѣ самообразованія» 1905 г., №№ 41 и 42). Но передать хотя бы въ общихъ чертахъ содержаніе всего изслѣдованія, пользуясь обычными размѣрами журнальной рецензіи, — дѣло нелегкое, и приходится ограничиться указаніемъ на болѣе интересныя главы.

Такова первая глава изслѣдованія: «Весеннія игры и забавы», гдѣ авторъ разсматриваетъ разные виды хороводныхъ развлеченій у современныхъ крестьянъ сравнительно съ весенней «радостью» среднихъ вѣковъ. Онъ рисуетъ картину деревенской жизни передъ началомъ лѣтней страды, когда относительно свободное время даетъ крестьянину возможность отдать его цѣлу весеннихъ праздниковъ. «Въ эти моменты отдыха красавица-весна нашептываетъ свою пѣсню ликованія и веселія. Тогда идутъ уже не въ поле, а на лужокъ или къ опушкѣ лѣса; тогда есть мѣсто и поэтическому воззрѣнію на природу. Первобытный умъ воспринимаетъ ея красоты, конечно, по-своему, онъ мало любитъ ими, ему хочется скорѣе покрасоваться самому; убранствомъ свѣжей зелены, пестрыми вѣнками, свѣтлыми одеждами, гуломъ музыки и пѣсенъ, задоромъ веселыхъ игръ и плясокъ — отвѣчаетъ первобытный человѣкъ на призывный голосъ весны. Въ эти моменты онъ чувствуетъ не одно только рѣлигіозно-обрядовое значеніе переживаемой поры; цвѣты нужны ему и своей заманчивой яркостью. Онъ борется въ это время съ природой, старается получить отъ нея побольше выгоды, но при этомъ живетъ въ полной гармоніи съ ней, какъ отдѣльная часть могучаго и всепоглощающаго цѣлаго». Сравнивая эту картину съ тѣмъ, что вызвала къ жизни фабрично-городская обстановка, Е. В. Аничковъ отмѣчаетъ и обратную сторону культуры, которая

как будто убила въ человѣкѣ эстетическую самодѣятельность и разрушила непосредственно связанный съ ней обиходъ праздничныхъ забавъ. Такимъ образомъ, какъ теоретикъ искусства, онъ въ концѣ концовъ останавливается въ недоумѣніи передъ тѣмъ, что такъ понятно социологу или экономисту. Затѣмъ г. Аничковъ переходитъ къ разнымъ видамъ хороводовъ у русскихъ и славянъ, разбираетъ основныя темы хороводныхъ пѣсенъ и специально воинскія «весеннія потѣхи» на западѣ и у романскихъ народовъ, напримѣръ, у македонскихъ румынъ. Слѣдующая глава — «Любовные мотивы въ весеннихъ пѣсняхъ и играхъ» — имѣетъ тѣсную связь съ третьей: «Отношеніе весенней обрядности къ браку». Между прочимъ, г. Аничковъ объясняетъ извѣстное замѣчаніе первоначальнаго русскаго лѣтописнаго свода объ «умыканіи жень себѣ, съ неюже кто совѣщашеся», не такъ, какъ это понимали въ старину или предшествующіе историки. Послѣдніе видѣли въ этомъ обычаѣ гетеризмъ, унаслѣдованный отъ періода «безпорядочныхъ половыхъ сношеній» г. Аничковъ же смотритъ на него, какъ на свободный выборъ невѣсты и жениховъ во время хороводныхъ «игрищъ и плясаній».

Послѣднюю главу въ нѣкоторомъ смыслѣ можно назвать синтезомъ всѣхъ предыдущихъ, и, исходя изъ религіозно-бытовой основы искусства, авторъ постепенно переходитъ къ ея эстетической сторонѣ, заканчивая свое изслѣдованіе опредѣленіемъ психологіи художественнаго творчества.

А. И. Яцимирскій.

Е. Ө. Будде. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Часть I. Этимологія. Выпуски I, II, III. Спб. 1905.

Вотъ первый опытъ изслѣдованія грамматики языка, выкованнаго создателемъ нашей литературы. Цѣль г. Будде — изслѣдовать пушкинскую фонетику и морфологию; лексикологія же, необходимо признать, дѣло будущаго, конечно, очень не близкаго, если принять во вниманіе, что изъ всѣхъ существующихъ изданій твореній Пушкина ни одно не можетъ быть признано полнымъ и строго научнымъ. Рукописи Пушкина еще мало изслѣдованы, да и занимались ими не спеціалисты по языку, а литераторы, редакторы изданій Пушкина, не преслѣдовавшіе научныхъ цѣлей; необходимо замѣтить, что рукописи часто читались неправильно. Напримѣръ, въ письмѣ Пушкина къ Д. М. Квяжевичу (1824 г.) печатають: «выздоровѣла ли Катенька Гр. Р.?» (изданіе Литерат. фонда, 1887 г., т. VII, 96), или: «выздоровѣла ли Катенька Гр. Разумовской?» (изданіе П. Ефремова, т. VII, 137), тогда какъ въ подлинникѣ очень ясно читается: «выздоровѣла ли кнелевская Гр. Гурьева?»; такихъ примѣровъ можно указать много. Намъ представляется, что при теперешнихъ условіяхъ, при отсутствіи изданія, достойнаго имени Пушкина, при недоступности всѣмъ желающимъ дошедшихъ до нашихъ дней его рукописей, г. Будде слишкомъ рано взялся за пушкинскую грамматику. Въ изданныхъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ трехъ выпускахъ изслѣдованы имя существительное, прилагательное, числительное, мѣстоименіе и

глаголь. Авторъ пользовался уже устарѣлымъ изданіемъ Литературнаго фонда, какъ основнымъ источникомъ, и въ некоторыи другими изданіями, хотя, къ сожалѣнію, не вполне (см. вып. III, стр. III, 22) изслѣдовалъ и этотъ матеріаль. Впрочемъ, этотъ матеріаль—опасный; у г. Будде не разъ возникаютъ справедливыя опасенія, вѣрно ли передаютъ издатели подлинную орфографію пушкинскихъ оригиналовъ (вып. I, 89; II, 25, 31). Трудно поэтому довѣряться выводамъ г. Будде, которые легко можетъ статья, строятся на невѣрныхъ началахъ; между прочимъ, г. Будде ссылается въ одномъ мѣстѣ на четверостишіе изъ пьесы «Вишня», за принадлежность которой Пушкину нельзя поручиться. Правда, въ данномъ случаѣ, при обиліи другихъ, вполне вѣрныхъ примѣровъ, ошибка не вредитъ, но она наводитъ на мысль, что многіе другіе выводы г. Будде, основанные, быть можетъ, на сомнительныхъ данныхъ, могутъ быть лишены научной цѣнности. Но и при этихъ недостаткахъ, не зависящихъ отъ автора, «Грамматика» г. Будде—важный и значительный трудъ. Это только опытъ, но серьезный, потребовавшій исключительной любви къ дѣлу и долгой работы. Г-ну Будде слѣдовало бы заняться вопросомъ объ опискахъ и собственныхъ ошибкахъ Пушкина; на примѣръ, въ одномъ автографѣ мы ясно читаемъ: «съ тополемъ»; несомнѣнно, это—описка, такъ какъ не говорилъ же Пушкинъ: «тополъ» (слово это и въ его время произносилось такъ же, какъ и теперь). Съ продолженіемъ своего труда г. Будде могъ бы, намъ кажется, повременить до окончанія академическаго изданія, которое вѣрно передастъ текстъ рукописей и дастъ изслѣдователю пушкинскаго языка немало цѣннаго матеріала.

Н. Лернеръ.

**П. Н. Семеновъ. Самодержавіе, какъ государственный строй.
Изданіе второе. Спб. 1906.**

До послѣдняго времени о самодержавіи, какъ государственномъ строѣ, молчала и наука и литература. Казалось, не было никакого желанія у русскихъ людей и юристовъ уяснить себѣ самую сущность того государственнаго устройства, которое исторически сложилось въ Россіи и дало ей величіе и силу. Раздавалась лишь критика, переходившая порою въ брань, и критики не понимали, что тогда только за ними будетъ признана правда и право, не только въ данный историческій моментъ ихъ современниками, но и будущими поколѣніями гражданъ и ученыхъ, когда предварительно уяснятъ себѣ до самыхъ глубинъ то, что отрицаютъ. Можно отвергать самодержавный строй, можно его держаться, но ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, безъ упрека въ грубомъ невѣжествѣ, нельзя его не знать. А несомнѣнно, что при нашей необразованности вообще, при нашемъ почти полномъ невѣдѣніи теоріи права, въ частности теоріи государственнаго права, а также существующихъ законовъ, никто почти не отдаетъ себѣ отчета въ юридической констукціи самодержавія, какъ, пожалуй, и парламентаризма, и не старается себѣ ее уяснить. Однако это необходимо.

Книга П. Н. Семенова, написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ событій настоящаго царствованія, представляетъ собою одну изъ попытокъ выяс-

нить сущность самодержавія и выдѣлать все то, что ей вредить. Это не работа ученаго государствѣда, замкнутаго въ спокойномъ безпристрастїи своего кабинета. Это — научно-историко-юридическое изслѣдованіе одного изъ видныхъ нашихъ юристовъ-практиковъ, принимающаго въ жизни Россїи дѣятельное участіе. Для него недостаточно удовлетвориться тѣмъ, что современный строй считается всѣми самодержавнымъ и носить такое названіе. На первыхъ десяти страницахъ и мѣстами въ книгѣ П. Н. даетъ такую критику современнаго государственнаго механизма, которой могли бы позавидовать борцы противъ самодержавія. П. Н. очень далекъ отъ квіетизма. Тѣмъ не менѣе на слѣдующихъ страницахъ П. Н. рисуетъ самодержавіе, какъ оно должно быть, и отмѣчаетъ всѣ его преимущества въ отношенїи защиты права и правды предъ конституціонализмомъ. Въ его изображенїи, безупречномъ съ историко-юридической точки зрѣнія, самодержавіе рисуется, какъ строй, не имѣющій и не могущій имѣть ничего общаго съ произволомъ деспотизма, если только самый строй будетъ, какъ это и было въ свое время при Петрѣ Великомъ и раньше, проведенъ во всей его послѣдовательности сверху до низу и огражденъ соответствующими законами и учрежденїями, дабы не было мѣста произволу, и самое самодержавіе не расхищалось. Зародышъ ала, подточившаго нашъ историческій строй, П. Н. видитъ въ учрежденїи министерствъ, насадившихъ у насъ бюрократїю, которая и заслонила собою отъ государя народъ и сбросила съ себя всѣ путы надзора. Закономѣрный порядокъ изданїа законовъ замѣнился единоличными докладами министровъ, власть которыхъ, со всѣми ихъ подчиненными, стала фактически безответственной. Самый судъ развратился. Последняя часть книги посвящена выясненїю тѣхъ преобразованїй, которыя были бы способны возстановить самодержавіе и обезпечить нормальность его жизнедѣятельности въ непремѣнномъ общенїи царя съ народомъ. Передавать эти мѣры значило бы повторять книгу, очень интересную для всякаго образованнаго человѣка, къ какой бы политической партїи онъ ни принадлежалъ. Въ примѣчанїяхъ приведены необходимыя ссылки на законы, источники и пособия, которыя необходимо имѣть въ виду.

Помимо этихъ фактическихъ данныхъ самый тонъ изслѣдованїа, полный живой любви къ прошлому нашего отечества и его великому будущему, полный преданности родному народу и сочувствїа его религіозно-государственному идеализму, полный искренности и неподкупной прямоты вѣрнопопданнаго, не боящагося опалы за правдивое слово противъ настоящей дѣйствительности, — самый тонъ внушаетъ уваженїе къ автору и его труду. Рѣдко встрѣчается теперь идеализмъ, готовый принести все свое ради общаго и высшаго. Теперь обычно требовать своего (и даже не своего) и искать выгоды настоящаго. Не часто встрѣчается теперь и гражданская доблесть Филипповъ, Долгорукихъ, Карамзиныхъ и другихъ. Дobleсть замѣняется наглостью, убѣжденное согласіе — лестью.

П. В.

Политическая энциклопедія подъ редакціей Л. З. Слонимскаго.
Вып. I. (Ааргау-Антисемитизмъ). Спб. 1906.

«Открывшаяся возможность высказываться публично о необходимых преобразованиях государственного строя, — говоритъ въ предисловіи къ «Политической энциклопедіи» г. Слонимскій, — обнаружила у насъ крайнюю неясность и сбивчивость общихъ политическихъ понятій. Крупныя несогласія возникли вслѣдствіе ошибочнаго или неодинаковаго пониманія такихъ выраженій, какъ автономія, конституція, самодержавіе и т. п. Съ другой стороны, непривычка къ обсужденію политическихъ вопросовъ въ ихъ реальной связи съ потребностями дѣйствительности даетъ широкій просторъ отвлеченному доктринерству и безцѣльнымъ теоретическимъ спорамъ». При такихъ условіяхъ изданіе «Политической энциклопедіи» нельзя не считать, вмѣстѣ съ ея составителями, важнымъ подспорьемъ для нашего неопытнаго въ государственныхъ дѣлахъ общества, и притомъ тѣмъ болѣе полезнымъ, что редакція обѣщаетъ дать «по возможности полный систематическій сборникъ руководящихъ статей, разъясненій и свѣдѣній по вопросамъ государственной и общественной жизни». Стремленіе къ полнотѣ такъ велико у редакціи, что по крупнымъ вопросамъ въ «Энциклопедіи» будутъ помѣщаться на одну и ту же тему даже нѣсколько статей «въ интересахъ всесторонняго освѣщенія предмета». Прочтя предисловіе, мы въ правѣ думать, что новое изданіе будетъ отличаться отъ другихъ справочныхъ изданій, въ родѣ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза или спеціальнаго «Словаря юридическихъ и государственныхъ наукъ», предпринятаго товариществомъ «Общественная польза», во-первыхъ, болшею фактической полнотой, и, во-вторыхъ, всестороннимъ изложеніемъ затронутыхъ темъ, разработанныхъ, конечно, въ строго объективномъ, научномъ духѣ. Словомъ, можно думать, что наша «Политическая энциклопедія» для русскаго общества послужитъ такимъ кладеземъ политическихъ знаній, какимъ для нѣмцевъ служитъ прекрасный и авторитетный трудъ Шёнберга «Handbuch der politischen Oekonomie».

Къ сожалѣнію, дѣйствительность не оправдываетъ ожиданій, и далеко не всѣ сотрудники «Энциклопедіи» счтаются съ заявленіями, сдѣланными въ предисловіи. Удивительнѣе всего то, что основательнѣе всѣхъ забываетъ о содержаніи предисловія самъ редакторъ изданія. Если прочтатъ написанныя имъ для «Энциклопедіи» статьи (въ новомъ справочномъ изданіи онѣ всѣ подписываются авторами), то не найдемъ въ нихъ ни полноты фактическаго матеріала, ни даже надлежащаго объективнаго освѣщенія. Возьмемъ для примѣра статью г. Слонимскаго «Административная власть». Не потрудившись даже опредѣлить ближе и точнѣе это всѣмъ извѣстное, но не всѣмъ ясное юридическое понятіе, г. Слонимскій пишетъ: «Въ теоріи она существуетъ для пользы и блага населенія; ученые полагаютъ, что она имѣетъ или должна имѣть цѣлью способствовать обезпеченію условій мирнаго культурнаго развитія и т. д. Въ дѣйствительности, администрація существуетъ прежде всего для пользы и блага олицетворяющихъ ее чиновниковъ и сановниковъ, для поддержанія и защиты ихъ особыхъ интересовъ, ихъ авторитета и престижа» и т. д. въ томъ же духѣ

и съ той же содержательностью. Змѣтите, что г. Слонимскій говоритъ не о русской администраціи, а объ администраціи вообще. По его логикѣ выходить, слѣдовательно, что и въ Швейцарской республикѣ, и въ Америкѣ, и даже въ будущемъ социалистическомъ государствѣ администрація—не что иное, какъ паразитъ на государственномъ тѣлѣ, и потому подлежитъ, какъ всякій паразитъ, уничтоженію!

Сильно сомнѣваемся, чтобы подобныя опредѣленія могли устранить ту шаткость и сбивчивость политическихъ понятій, на которыя жалуется самъ же г. Слонимскій въ предисловіи. Профессоръ Гриммъ написалъ въ «Энциклопедіи» статью на еще болѣе острую тему: «абсолютизмъ». Тутъ ужъ, кажется, можно было бы наговорить вещей, куда болѣе хлесткихъ, чѣмъ сдѣлалъ это г. Слонимскій. И, однако, профессоръ не позволилъ себѣ выходить къ читателю съ своими личными антипатіями и раздраженіемъ, а далъ спокойный и содержательный анализъ и изложеніе исторической судьбы абсолютизма. То же самое нужно сказать о статьяхъ г. Водовозова. Онѣ богаты фактическими данными, обстоятельно разработаны и иллюстрированы отличными картограммами. Но для г. Слонимскаго, очевидно, важнѣе всего не эта сторона дѣла, а «освѣщеніе», съ характеромъ котораго лучше всего познакомиться по его статьямъ объ адмиралахъ Абазѣ и Алексѣевѣ. Въ нихъ мы не найдемъ даже самыхъ элементарныхъ біографическихъ данныхъ, но зато обвиненій и обличеній сколько угодно. Иногда даже начинаетъ казаться, что читаешь просто-напросто фельетонъ изъ какого нибудь «лѣваго» органа печати.

Такъ обстоитъ дѣло съ «освѣщеніемъ» вопросовъ. Но не въ лучшемъ положеніи иногда и обѣщанная въ предисловіи полнота. Статья «Аграрное движеніе», принадлежащая перу г. Прокоповича, начинается такъ: «Въ 1905 г. въ Россіи» и т. д. Можно подумать, что аграрное движеніе свойственно только Россіи и вскрылось въ ней впервые только годъ тому назадъ.

А между тѣмъ оно извѣстно еще и въ классическомъ мірѣ, а въ Ирландіи не прекращается и до нашего времени. Если бы «Энциклопедія» имѣла въ виду только Россію послѣдняго времени, то сводка газетныхъ извѣстій, зачастую невѣрныхъ и тенденціозныхъ, о крестьянскихъ беспорядкахъ имѣла бы свой *raison d'être*. Но въдѣ предисловіе обѣщаетъ читателю дать свѣдѣнія не только о Россіи, но и вообще о современныхъ культурныхъ государствахъ, обѣщаетъ, но пока не даетъ.

Слѣдуетъ думать, что въ будущихъ выпускахъ предпринятаго труда редакція окажется строже къ выбору матеріаловъ и сумѣетъ устранить проявленіе личныхъ политическихъ взглядовъ и страстей, тѣмъ болѣе, что это и дѣлать не къ чему: факты говорятъ сами за себя, а «Энциклопедія» — не газета для проповѣди партійныхъ взглядовъ, если, конечно, она претендуетъ на роль надежнаго для общества руководства.

А. В.

П. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальныя интенданты. Томъ II. Кіевъ. 1906.

Профессоръ Ардашевъ выпустилъ второй томъ своего капитальнаго изслѣдованія. Работа его основана не только на опубликованныхъ документахъ и литературѣ предмета, но и на обширномъ архивномъ матеріалѣ, найденномъ имъ за границей. Поэтому ему во многомъ удалось исправить и дополнить своихъ предшественниковъ, даже такихъ, какъ знаменитые Токвиль и Тэнъ.

Въ первомъ томѣ авторъ говорилъ объ интенданствѣ, какъ учрежденіи, во второмъ томѣ онъ знакомитъ насъ съ самими интендантами (соотвѣтствующими нашимъ губернаторамъ), съ тѣми людьми, дѣятельность которыхъ являлась воплощеніемъ этого учрежденія въ живой исторической дѣйствительности.

Главный недостатокъ изслѣдованія почтеннаго профессора заключается въ его излишнемъ оптимизмѣ. Занимаясь исключительно послѣдними годами стараго порядка (1774 — 1789 г.), онъ видитъ прогрессъ сравнительно съ предшествующей эпохой и постоянно подчеркиваетъ этотъ относительный прогрессъ. Онъ преувеличиваетъ свѣтлыя стороны французской администраціи, возводя въ общее правило отдѣльные факты.

Едва ли общественное мнѣніе имѣло такое большое значеніе, какъ увѣряетъ профессоръ Ардашевъ.

«Во второй половинѣ XVIII вѣка, — говоритъ онъ (на стр. 247), — въ особенности же въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ во Франціи необычайно вліятельную роль. Общественное мнѣніе становится силой, вліяніе которой испытываютъ на себѣ и съ которой находятъ нужнымъ считаться парламенты, городскіе муниципалитеты и другія корпораціи. Но, что особенно важно, воздѣйствіе общественнаго мнѣнія начинаетъ испытывать на себѣ и правительство. Вліяніе общественнаго мнѣнія распространяется и на провинціальную администрацію въ лицѣ интендантовъ. И это совершенно естественно въ виду того, что послѣдніе и по своему происхожденію и по своему соціальному положенію принадлежатъ, какъ и министры, къ тому же самому государственному дворянству, которое составляло главный контингентъ просвѣщенной публики, наполнявшей парижскіе салоны. Дѣйствительно, многіе изъ интендантовъ эпохи не чужды литературы. Писатель или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ интенданты этого времени — чловѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, интересующійся литературой, а подчасъ и наукой».

Воплнѣ довѣряя словамъ одного просвѣщеннаго интенданта, профессоръ Ардашевъ дѣлаетъ изъ нихъ общее правило и говоритъ о метаморфозѣ интенданства. Метаморфоза заключается въ томъ, что изъ рабски покорныхъ орудій министерской воли, осуществлявшихъ свою власть съ суровымъ деспотизмомъ (во времена Людовика XV), интенданты превращаются въ гуманнхъ администраторовъ, не боящихся, гдѣ нужно, вступить за интересы народа даже противъ министерской воли (стр. 234).

Въ послѣднемъ періодѣ, по словамъ Ардашевз, богатѣетъ Парижъ, богатѣетъ и провинція, богатѣетъ вся страна.

Общественное мнѣніе провинціи оказываетъ глубокое вліяніе на характеръ интенданта, внося въ него извѣстную двойственность, заключающуюся въ томъ, что основной характеръ интенданта, какъ представителя центральной власти, осложняется теперь нѣкоторымъ привнесеннымъ вторичнымъ характеромъ интенданта, какъ представителя своей провинціи. Человѣкъ короля, не переставая быть таковымъ, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ провинціи, при чемъ этотъ вторичный характеръ интенданта иногда до такой степени выступаетъ на первый планъ, что передъ нимъ ступевывается его основной характеръ. Интендантъ обыкновенно отстаиваетъ свою провинцію противъ чрезмѣрныхъ притязаній фиска. Нерѣдко онъ вступаетъ за права и вольности мѣстныхъ штатовъ и муниципалитетовъ противъ посползованій той самой власти, органомъ которой онъ является по духу своей должности. Человѣкъ провинціи иногда до такой степени заслоняетъ собой въ интендантѣ человѣка короля, что онъ не отступаетъ подчасъ передъ явнымъ неповиновеніемъ, даже противодѣйствіемъ правительству (стр. 339).

При такой силѣ общественнаго мнѣнія и при такой благонамѣренности администраціи, непонятно, зачѣмъ французамъ понадобилось братья за оружіе и подвергать страну всѣмъ ужасамъ революціи.

Историческій оптимизмъ приводитъ автора къ противорѣчію съ самимъ собой.

Онъ увѣряетъ, съ одной стороны, что облегченіе податного бремени своей провинціи составляетъ одну изъ постоянныхъ заботъ просвѣщеннаго интенданта, и преимущественнымъ объектомъ этихъ заботъ является бѣдный плательщикъ, не протезируемый никакими привилегіями простой народъ, и что провинціальная администрація въ лицѣ интендантовъ является однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ факторовъ культурнаго прогресса страны (стр. 641).

Но затѣмъ ему пришлось написать слѣдующее, на основаніи наказовъ, данныхъ избирателями депутатамъ національнаго собранія:

«Независть къ деспотизму и произволу — это господствующій мотивъ общественныхъ настроеній эпохи; этою независтью, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ новѣйшій изслѣдователь, дышатъ указы 1789 г. Указъ третьяго сословія Приморской Фландріи — это настоящій обвинительный актъ противъ интендантской администраціи, въ которомъ произволь и деспотизмъ составляютъ главный обвинительный пунктъ.

«Чудовищная власть провинціальныхъ чиновниковъ, говорится въ одномъ наказѣ, увеличила земельную повинность далеко за предѣлы требованій короля, и это безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ ихъ личнаго усмотрѣнія».

«Безчисленныя злоупотребленія, говорится въ другомъ наказѣ, свившія себѣ гнѣздо въ администраціи провинціальныхъ интендантовъ, вызываютъ всеобщія и громкія жалобы противъ этихъ комиссаровъ короля и ихъ подчиненныхъ. Произволь — вотъ единственный законъ этихъ чиновниковъ. Они заставляють стонать народъ подъ гнетомъ своей власти».

Несмотря на нѣкоторые недостатки, изслѣдованіе профессора Ардашева займетъ все-таки видное мѣсто не только въ нашей, но и во французской литературѣ. П. В.

Д. А. Сперанскій. Изъ литературы древняго Египта. Вып. I. Разсказъ о двухъ братьяхъ. Первоисточникъ сказаній о Кощѣ, равно и многихъ другихъ сюжетовъ народнаго творчества. Спб. 1906.

Историческое изслѣдованіе, направленное, сравнительно еще недавно, на произведенія устнаго народнаго творчества: былины, сказки, преданія и т. п., неожиданно обнаружило такія историческія перспективы и вскрыло такіе факты культурнаго взаимнаго воздѣйствія народовъ отдаленной доисторической старины, о которыхъ не могутъ дать и понятія дошедшіе до насъ писанные памятники. Оказалось, что мелькающія въ безконечной дали прошлаго фигуры героевъ народной фантазіи, считавшіяся вполнѣ національными, есть не болѣе, какъ тѣнь какихъ-то другихъ образовъ, стоящихъ еще дальше, куда уже не хватаетъ глазъ изслѣдователя. Эти образы принадлежатъ, большею частью, чужимъ давно уже вымершимъ народамъ, населявшимъ когда-то географическій центръ тогдашняго міра—сѣверъ Африки, востокъ Азіи и югъ Европы. Благодаря международному общенію древности, эти образы вышли изъ предѣловъ своего отечества и вмѣстѣ съ караванами и галерами купцовъ или въ котомкахъ бродячаго люда переселились и въ Европу, покрывъ ее дѣльнымъ лѣсомъ странствующихъ отъ одного народа къ другому сюжетовъ. Современные изслѣдователи уснѣли уже мѣстами ориентироваться въ этомъ лѣсу и даже прослѣдить тропинки, которыми шли иноземные легендарные герои, мѣняя костюмъ и одѣваясь въ каждой странѣ по-туземному. Въ результатъ оказывается, что, напримѣръ, герой англійскаго эпического цикла романовъ круглаго стола, галантный волшебникъ Мерлинъ, не кто иной, какъ нашъ чудаковатый Кытоврась, любившій ходить прямо, напроломъ, какъ любили ходить и пріютившіе его у себя русскіе люди.

Фольклористы застаютъ этихъ странствующихъ героевъ на ихъ пути въ Европу изъ греко-азіатскаго міра. Г. Сперанскій дѣлаетъ попытку пойти «вверхъ по теченію рѣки времени» еще дальше и приходитъ къ берегамъ великой рѣки древнѣйшаго міра.

Въ основѣ его изслѣдованія лежитъ египетскій разсказъ, недавно изданный извѣстнымъ французскимъ египтологомъ Масперо по панирису Британскаго музея и написанный за 1500 л. до Р. X. Основная фабула этого разсказа и отдѣльные его эпизоды представляютъ поразительное сходство съ нѣкоторыми русскими сказками¹⁾. Не довольствуясь сближеніемъ сюжетовъ, авторъ дѣлаетъ и сближеніе именъ. Такъ, нашего Кощя, или, по нѣкоторымъ записямъ сказокъ, Коушея, онъ возводитъ къ титулу египетскихъ фараоновъ Kaoush, правителей

¹⁾ И это обстоятельство даетъ автору поводъ считать египетскій разсказъ первоисточникомъ для нѣкоторыхъ подробностей нашихъ сказокъ и былинъ.

страны Кушъ (по-теперешнему произношенію этого слова). Загадочный въ нашихъ былинахъ царь Бадьянъ остроумно сближенъ съ царемъ кушитомъ Бата, принявшимъ другое названіе страны Кушъ — «Анъ». Огромное и страшное Идолице Поганое, родословная котораго совершенно неясна даже для такихъ изслѣдователей, какъ академикъ Веселовскій, для г. Сперанскаго представляется застрявшимъ въ памяти народной воспоминаніемъ объ огромныхъ произведеніяхъ египетской скульптуры.

Спрашивается, какъ могли попасть египетскіе мотивы въ нашу народную литературу. Извѣстно, отвѣчаетъ авторъ, что фараонъ Рамзесъ II, иначе называемый Сезострисомъ, разгромилъ Малую Азію и, если вѣрять Геродоту, предпринялъ походъ далѣе на сѣверные берега Чернаго моря противъ обитавшихъ тамъ скивовъ. Поразивъ своимъ грознымъ нашествіемъ воображеніе сосѣднихъ народовъ, онъ залегъ въ ихъ памяти, дожилъ въ ихъ сказаніяхъ до малоазійскихъ греческихъ колонистовъ и черезъ ихъ посредство переселился въ Грецію, отъ которой по наслѣдству перешелъ къ Византіи, а отсюда къ славянскому міру.

Теорія весьма заманчивая, но, къ сожалѣнію, обоснована она у г. Сперанскаго довольно слабо. Для доказательства ея вѣрности автору нужно было бы прослѣдить весь путь, сдѣланный разсказомъ о двухъ братьяхъ изъ Египта къ намъ, въ южную Русь. Въ такого маршрута невозможно установить, какъ претендуетъ авторъ, генетическую связь между Египтомъ и нашими былинами. На нашъ взглядъ, авторъ слишкомъ полагается на сходство отдѣльныхъ эпизодовъ сравниваемыхъ имъ произведеній и на звуковое сходство собственныхъ именъ, которое само по себѣ ничего еще не доказываетъ. Чтобы не заблудиться въ дремучемъ лѣсу переходныхъ сюжетовъ, нужна огромная эрудиція, а, между тѣмъ, даже одно названіе «Писигалевцы» приводитъ авторъ въ полное недоумѣніе. Всякій, хотя немного знакомый съ нашими рукописями, сразу пойметъ, что дѣло идетъ о песьеголовцахъ, народѣ песьихъ головъ, поголовно выступающемъ въ нашихъ разсказахъ о подвигахъ Александра Македонскаго, или Александріяхъ. Странно также, что г. Сперанскій не привлекаетъ къ своему изслѣдованію такихъ капитальныхъ трудовъ по фольклору, какъ работы академика Веселовскаго «Русскіе духовные стихи», «Южнорусская поэзія» и др. Нѣтъ ссылокъ ни на Жданова, ни на Миллера, у которыхъ онъ могъ бы кое-что почерпнуть поучительное. Въмѣсто нихъ онъ предпочитаетъ ссылаться на общіе курсы по русской литературѣ, въ родѣ школьнаго пособія Смирновскаго. Огромная иностранная литература по фольклору даже въ русскихъ переводахъ, видимо, совершенно неизвѣстна автору. Если бы онъ потрудился заглянуть, напримѣръ, въ недавно переведенное на русскій языкъ изслѣдованіе о сказкахъ 1001 ночи датскаго ученаго Эструпа, онъ не сталъ бы ссылаться на стараго французскаго издателя этихъ сказокъ Галлана. Подлаживаясь подъ французскіе вкусы времянь Людовика XIV, Галланъ безцеремонно передѣлывалъ и фальсифицировалъ знаменитыя арабскія сказки, такъ что пользоваться его изданіемъ при ученыхъ работахъ совершенно невозможно.

Такіе элементарные промахи лишаютъ гипотезу г. Сперанскаго при всей заманчивости необходимаго научнаго кредита, и пока она остается лишь въ области гадательныхъ предположеній.

А. Б.

Робертъ Бёрнсъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей И. А. Бѣлоусова. Съ біографическимъ очеркомъ. Изданіе А. С. Суворина («Дешевая Библіотека», № 361). Спб. 1906.

Изъ многихъ и очень многихъ поэтовъ, такъ называемыхъ «самоучекъ» (т. е. «подлаго» происхожденія или съ небольшимъ школьнымъ образованіемъ), выдѣляются трое: англичанинъ Бёрнсъ, сербъ-мадьяръ Петѣфи и малороссъ Шевченко. Среди остальныхъ попадаются недурные сочинители стиховъ, люди способные и натуры глубокія, но «поэтовъ» среди нихъ мало. Мы говоримъ это не на основаніи голословныхъ мнѣній критиковъ, которые иногда были правы, осуждая стихотворенія «самоучекъ», иногда же ошибались главнымъ образомъ потому, что предъявляли къ нимъ строгія или «нормальныя» требованія, забывая, что имѣютъ дѣло съ Wunderkind'ами, а не со взрослыми писателями. Мы говоримъ это на основаніи многолѣтнихъ самостоятельныхъ изслѣдованій надъ творчествомъ писателей «изъ народа», какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Общее наблюденіе наше сводится къ тому, что насколько интересны писатели этой группы каждый въ отдѣльности, настолько же жалки и убоги они, взятые вмѣстѣ. Только въ очень немногихъ случаяхъ писатели-крестьяне представляютъ нѣчто выдающееся, и очень рѣдко имена ихъ достойны внесенія въ исторію литературы: конечно, для исторіи культуры они интересны всѣ. Однимъ изъ такихъ писателей слѣдуетъ признать Роберта Бёрнса, къ сожалѣнію, слишкомъ мало популярнаго у насъ.

И. А. Бѣлоусовъ собралъ наиболѣе характерныя стихотворенія англійскаго «поэта-пахаря» въ переводахъ г-жи Чюминой, г.г. Курочкина, Минаева, Михайлова, Вейнберга, Федорова, Повича, В. Костомарова и др. Въ началѣ сборника приложена краткая біографія Бёрнса на основаніи русскихъ источниковъ. Біографическій очеркъ написанъ съ той задушевностью, которая свойственна самому Бѣлоусову, очень недурному поэту и автору нѣсколькихъ рассказовъ для дѣтей. Но въ предисловіи не указано то мѣсто, которое Бёрнсъ занимаетъ среди другихъ поэтовъ. Мы могли бы привести удачную характеристику Бёрнса, принадлежащую проф. Ив. Иванову, который обращаетъ вниманіе на внѣшнія условія, окружавшія поэта и создавшія Бёрнса такимъ, а не инымъ. «Онъ— простой земледѣлецъ, всю жизнь принужденъ томиться заботой буквально о насущномъ хлѣбѣ, музѣ его приходится терпѣть немало грубыхъ оскорбленій отъ житейской прозы и тьмы. Но зато кругомъ, за предѣлами бѣдной хаты—какая благодать! Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой романтической народной старины. Чуть не каждое ущелье и долина кричатъ историческими быльями, и были стѣять самаго пылкаго фантастическаго вымысла. Всюду столько блеска, отваги, рыцарственнаго благородства. Это—сплошная эпопея свободы, грозной, несокрушимой, величественной даже въ неудачахъ и въ самой смерти. Пусть личная жизнь шотландскаго поэта тяжела и сумрачна, но кругомъ рѣютъ тѣни Валласа, Брюса, предъ нимъ возстаетъ обаятельный образъ потѣчнѣйшей и несчастнѣйшей изъ королевъ,—и въ безграничную даль вѣковъ несутся воспоминанія, одно другого драматичнѣе, одно другого богаче націо-

нальной славой. И не даромъ Бёрнсъ не одинъ. Въ разныхъ концахъ страны, въ едва доступныхъ ущельяхъ, въ заходустныхъ городахъ расцвѣтаютъ поэтическіе таланты, пастухи, ремесленники. Будто самъ воздухъ насыщенъ пѣснями,—достаточно явиться на свѣтъ съ тонкимъ слухомъ, чтобъ изъ готовыхъ, вѣками накопленныхъ сокровищъ создать себѣ славу. И она создается быстро, прививается къ почвѣ, какъ давно желанное, всѣмъ родное растеніе. Бёрнсъ—одинаково дорогой и понятный поэтъ для потомка древняго тана и для его вассала. Онъ, не переставая быть народнымъ, остается національнымъ» («Русская Мысль», 1897, VI).

Если припомнимъ, что «Кобзарь» Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ вышелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ редакціей И. А. Бѣлоусова и, кажется, пользуется успѣхомъ среди читателей, то вполне своевременнымъ было бы подобное же собраніе стихотвореній Петѣфи. Послѣдняго переводили многіе; издатели же, надо думать, найдутся. Тогда мы будемъ имѣть сборники лучшихъ поэтовъ изъ народа, а затѣмъ настанетъ очередь и для менѣе замѣчательныхъ.
А. Я.

Д. К. Тренивъ. Нѣсколько словъ о древней и современной русской иконописи. М. 1905.

Іеромонахъ Даміанъ. Недостатки русской иконописи и средства къ ихъ устраненію. Историко-критическій очеркъ. Спб. 1905.

Старинная русская иконографія и переживанія ея въ кустарномъ производствѣ владимирскихъ иконописцевъ интересны гораздо больше, чѣмъ многія стороны древне-русской культуры, не оставившія въ современномъ намъ быту почти никакихъ слѣдовъ. Въ рецензій на «Иконописный лицевой Подлинникъ» («Историческій Вѣстникъ», 1906 г., кв. I) мы сдѣлали общую характеристику византійской русской церковной живописи и указали задачи комитета попечительства о русской иконописи въ томъ, по крайней мѣрѣ, направленіи, какое имѣлось въ виду при изданіи Подлинника. Объ книжкѣ, заглавія которыхъ приведены выше, посвящены разработкѣ того же вопроса, но со стороны теоретической, а потому будетъ интересно познакомиться съ нѣкоторыми взглядами авторовъ.

Книжка Д. К. Тренива состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, связанныхъ общей идеей: «Древняя православная иконопись» и «Современная иконопись». Авторъ подчеркиваетъ ту мысль, что въ древней Руси собственно не было живописи, а была только церковная иконопись. Поэтому естественная красота формъ уступала свое мѣсто внутреннему религиозному содержанію,—и не правы тѣ, которые въ произведеніяхъ старинной иконографіи видятъ только «протоестественную» темноту ликовъ, уродство фигуръ, отсутствіе всякаго смысла и личной инициативы иконописцевъ и т. д., однимъ словомъ, видятъ только антихудожественный элементъ. Съ другой стороны, болѣе консервативное простонародье и старообрядцы до сихъ поръ цѣнятъ въ нихъ то же самое, что и наши предки, т.-е. не одну древность, но своеобразную красоту иконописныхъ сюжетовъ, стильность линий и тоновъ, содержательность

религіозной мысли, однимъ словомъ—достоинства, такъ сказать, «молебныя». Оказывается, на сторонѣ цѣнителей старины—и техника памятниковъ иконографіи, именно, внимательное изученіе наиболѣе древнихъ византійскихъ иконъ показало, что темный колоритъ не только не былъ обязательнымъ для нихъ, но какъ разъ наоборотъ: свѣтлые и пріятные тона лучше всего отличаютъ «корсунскія» иконы. Затѣмъ авторъ даетъ характеристику русскихъ школъ иконописанія, ставя ихъ особенности въ связь съ условіями мѣстными и историческими. Вторая статья Д. Тренева доказываетъ право на существованіе традиціонной иконописи и въ наше время, необходимость для современныхъ художниковъ изучать старину и, вводя въ свои произведенія религіознаго содержанія ту самую простоту, которая такъ свойственна старинѣ, этимъ самымъ приближать ихъ къ величавой простотѣ евангельскаго разсказа. Интересны сравненіе Васнецова съ Нестеровымъ, сдѣланное г. Тренинымъ съ точки зрѣнія иконографической, и наблюденія его надъ современной «фразью», которая можетъ внести жизнь въ нашу замѣтно падающую иконопись.

Очеркъ іеромонаха Даміана о старинной русской живописи также служитъ вступленіемъ къ критическому обзору современной иконографіи. Авторъ отмѣчаетъ тѣ правительственныя мѣры, которыя принимались, начиная съ XVI вѣка, для улучшенія иконописанія и имѣлъ въ виду установить контроль надъ иконописцами. Но контроль не имѣлъ положительныхъ результатовъ. Оказывается, и теперь сплошь да рядомъ можно найти иконы съ ошибками противъ археологіи, церковной исторіи, этнографіи (палестинской), техники, самой обыкновенной порядочности и т. д. Приводимые имъ примѣры очень интересны, и эта часть книжки іеромонаха Даміана имѣетъ безспорно важное значеніе. Конечно, не во всемъ авторъ правъ, и тѣ пробы реализма въ живописи, которыя осуждались многими видными авторитетами и имъ самимъ, по нашему мнѣнію, составляютъ безусловное достоинство даже иконъ (не только картинъ). Но бывали случаи необыкновенно курьезные. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ соборномъ храмѣ Троицкой лавры на одной сценѣ страшнаго суда среди адскаго пламени были нарисованы «люди въ мундирахъ съ эполетами и журналисты съ торчащей изъ кармана тетрадкой». Фреска была уничтожена по приказанію митрополита московскаго Филарета. Далѣе авторъ полемизируетъ съ профессоромъ Н. И. Петровымъ по поводу новыхъ росписей Кіево-Владимирскаго собора (стр. 42—43), и довольно неудачно. Конечно, «православные храмы никогда не могутъ и не должны ставить своей задачей удовлетворять исключительно (курсивъ нашъ) потребностямъ эстетики, будучи прежде всего и непремѣнно домомъ молитвы»; но «благотворное почитаніе ликовъ святыхъ и назиданіе вѣрующихъ», на что особенно напиралъ авторъ, намъ кажется, не отдѣлимы отъ эстетики. Вѣдь пониманіе условной красоты замѣтно растетъ въ обществѣ, въ томъ числѣ и простонародѣ, и забывать этого нельзя. Что касается предлагаемыхъ мѣръ къ улучшенію современнаго иконописанія, то онѣ не новы и входятъ въ программу комитета попечительства о русской иконописи.

А. И. Яцимирскій.

Russland in Asien. Band. I. Das Transkaspische Gebiet, von Krahnmer, königl. Preussischer Generalmajor z. D. Mit einer Uebersichtskarte und zwei Skizzen. Berlin. 1905.

Автору этой книги принадлежит еще шесть книгъ, касающихся водворенія русскаго владычества въ Азiи и сношеній Россiи съ Персiей и Японiей. Настоящiй томъ Крамера, основанный на работахъ Федорова («Закаспiйская область», Асхабадъ, 1902), Ильенкова («Закаспiйская область», М., 1902), Обручева, Дмитриева-Мамонова и др., заключаетъ въ себѣ 14 главъ. Авторъ даетъ историческое обзоренiе завоеванiя Россiей Закаспiйскаго края, съ географическимъ и этнографическимъ его очеркомъ, сообщаетъ свѣдѣнiя о состоянiи края въ экономическомъ и торговомъ отношенiи, орошенiи, флорѣ, фаунѣ, минеральныхъ богатствахъ, народномъ образованiи. Сношенiя Россiи съ туркменами завязались еще въ царствованiе Петра Великаго. Впослѣдствiи они просили русскихъ царей о принятiи ихъ въ подданство. Въ 1813 г. во время русско-персидскихъ войнъ туркмены стали на сторону русскихъ. Въ виду вторженiя туркменовъ въ русскiя владѣнiя, въ 1874 и 1876 г.г., былъ предпринятъ походъ противъ нихъ подъ начальствомъ генерала Ломакина, который занялъ Кизыль-Арватъ, и дальнѣйшiя экспедицiи привели къ занятiю Теке, Ташкента, Геокъ-Тепе (подъ начальствомъ ген. Скобелева въ 1881 г.). Переходя къ сообщенiю свѣдѣнiй о населенiи, онъ, согласно съ установленнымъ мнѣнiемъ, производитъ слово «туркмены» изъ персидскаго языка и толкуеть въ смыслѣ «подобные туркамъ». Затѣмъ касается вопроса о происхожденiи текинцевъ, ихъ религiи, нравовъ, быта. Книга обработана добросовѣстно и можетъ служить пособiемъ при ознакомленiи съ малоизвѣстнымъ краемъ.

А. Х—въ.

Rocznik Naukowo-Literacko-Artystyczny na rok 1905. Warszawa. 1905.

«Ежегодникъ» польской науки, литературы и искусства, недавно вышедшiй въ свѣтъ въ Варшавѣ, — весьма полезное изданiе для всякаго, не только занимающагося, но и просто интересующагося польской наукой, литературой и искусствомъ. Книга заключаетъ въ себѣ слѣдующiе отдѣлы: 1) биографическiя данныя съ указанiемъ трудовъ современныхъ дѣятелей на поприщѣ журналистики, литературы и науки, архитектуры, живописи и скульптуры, музыки и сцены; 2) польскiе архивы, библиотеки, музеи и собиратели древностей; 3) списокъ книжныхъ магазиновъ, издателей и издательскихъ товариществъ, антикварныхъ заведенiй, складовъ нотъ и произведенiй искусства, книжныхъ агентуръ и конторъ журналовъ и объявленiй; 4) польская пресса; 5) списокъ польскихъ учрежденiй, посвященныхъ литературѣ и искусству. Такимъ образомъ въ книгѣ можно найти справки и указанiя по любому вопросу, касающемуся, такъ сказать, проявленiй польской культуры въ видѣ учрежденiй и трудовъ работниковъ пера, кисти и рѣзца. Книга даетъ, кромѣ того, весьма рельефное и конкретное представленiе о богатствѣ культурной жизни поляковъ. Въ этомъ

последнемъ отношеніи особенный интересъ представляютъ отдѣлы 2 — 5. Весьма большое практическое значеніе въ качествѣ справочнаго пособия при специальныхъ занятіяхъ польской литературой и исторіей имѣетъ отдѣлъ, дающій указанія объ архивахъ и другихъ соответствующихъ учрежденіяхъ. Къ сожалѣнію, этотъ отдѣлъ представляетъ наиболѣе слабое мѣсто въ книгѣ, такъ какъ отличается неполнотою и часто неточностью. Нужно, однако, надѣяться, что при последующихъ изданіяхъ, уже обѣщанныхъ издателемъ, книга будетъ значительно пополнена и исправлена. Н. Н.

Do dziejów architektury cerkiewnej na Rusi Czerwonej («Къ исторіи церковнаго зодчества на Червонной Руси»...) przez Kazimierza Mokłowskiego i Maryana Sokołowskiego. Kraków. 1905.

Статья появилась въ последнемъ томѣ «Отчетовъ комиссія по изслѣдованію исторіи искусства въ Польшѣ», издаваемыхъ Краковской академіей наукъ. Изслѣдованіе: «Къ исторіи церковнаго зодчества на Червонной Руси», имѣетъ ближайшее отношеніе къ старой русской архитектурѣ. По поводу описанія церкви «Лавры» въ селѣ Лавровѣ, чтѣ у Днѣстра, недалеко отъ Старога Самбора, К. Мокловскій припоминаетъ важнѣйшіе факты изъ исторіи монастырей въ Кіевской Руси, въ Галицкомъ княжествѣ, и, допуская въ принципѣ, что разсматриваемая церковь могла существовать въ XIII вѣкѣ, тѣмъ не менѣе доказываетъ, что ея внѣшній видъ не восходитъ къ этому времени и обнаруживаетъ романское влияніе, которое шло въ данномъ случаѣ изъ Германіи, Венгріи или Польши силезской. Въ дополненіи къ статьѣ г. Мокловскаго профессоръ Маріанъ Соколовскій держится нѣсколько иного мнѣнія и видитъ въ реставрированномъ планѣ Лаврской церкви влияніе архитектуры Аѳона, Сербіи и румынскихъ земель. Последнее мнѣніе много правдоподобнѣе, и, по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ спорный вопросъ будетъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что церковь въ Лавровѣ построена въ XVI или XVII столѣтіи по образцу одной изъ буковинскихъ.

Обоимъ изслѣдователямъ, гг. Мокловскому и Соколовскому, хорошо извѣстна литература по русскому искусству. Сомнѣваемся, чтобы и русскіе исторяки искусства знали такъ же хорошо польскую, а безъ последней нельзя обойтись при разрѣшеніи очень многихъ вопросовъ стараго русскаго искусства.

А. Я.

Przegląd Historyczny, dwumiesięcznik naukowy. Styczeń—Luty. Warszawa. 1906.

Въ Варшавѣ сталъ выходить, подъ редакцію І. К. Кохановскаго, научный двухмѣсячникъ «Историческое Обзорѣніе» (Przegląd Historyczny). Въ первой книжкѣ «Обзорѣнія» за январь—февраль 1906 г. помѣщены двѣ статьи, имѣющія отношеніе къ русской исторіи—о повѣздкѣ министра К. Любецкаго въ Петербургъ въ 1830 г. и изъ бумагъ секретнаго архива сенатора Н. Н. Новосильцева. Первая принадлежитъ краковскому профессору Станиславу

Смолькѣ; авторъ второй—варшавскій адвокатъ Александръ Краусгаръ. Кн. Ксаверій Друцкій-Любецкій, министръ финансовъ царства Польскаго, и гр. Язъ Езерскій, посолье изъ Гарволна, отшравлены были, 10 декабря 1830 г., диктаторомъ Хлопицкимъ изъ Варшавы въ Петербургъ для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ I по поводу ноябрьскихъ событій.

Въ десятый уже разъ ѣхалъ кн. Любецкій въ невскую столицу. Онъ всегда былъ оптимистомъ, вѣрилъ въ себя, въ свой умъ и въ свою ловкость. Передъ отъѣздомъ онъ говорилъ друзьямъ: «Я надѣюсь привезти вамъ въ подарокъ на новый годъ польскія провинціи». Авторъ «Исторіи» польскаго возстанія 1830 г., Маврикій Мохнацкій, отзывается о К. Любецкомъ, какъ объ единственномъ способномъ современникѣ своемъ, который видѣлъ благополучіе своей родины въ ея тѣсномъ союзѣ съ Русскою имперіею, — «съ Россіею, только съ Россіею!» Такую вѣру въ нашу родину г. Смолька объясняетъ личными отношеніями Любецкаго къ императору Николаю Павловичу. Однажды, въ первый еще годъ царствованія Николая, Любецкій въ минуту откровенности высказалъ Николаю много правды объ немъ самомъ и о Россіи. Удивленный откровенностію, Николай спросилъ, откуда у него взялась такая смѣлость говорить ему въ глаза подобныя вещи. Вотъ отвѣтъ Любецкаго: «Я вижу, государь, что вы любите правду, и поэтому такъ поступаю. Но власть—величайшая на свѣтѣ баловница. Теперь ваше величество позволяете мнѣ болтать и не сердитесь; но черезъ какихъ нибудь десять—а, можетъ быть, и меньше—лѣтъ привыкнете, государь, къ власти, къ лести, къ угодливости и за то, что теперь мнѣ сходитъ съ рукъ, можетъ быть, велите меня повѣсить». — «Никогда!—прервалъ его Николай.—Я всегда радъ слушать правду и позволяю тебѣ тогда такъ же, какъ и теперь, если скажу, или сдѣлаю глупость, сказать мнѣ прямо въ глаза: «Николай, ты врешь!». Отсюда понятно, почему кн. Любецкій, оставляя Варшаву, не разъ повторялъ: «никто больше меня не выторгуетъ отъ государя». И все же кн. К. Любецкій былъ польскимъ патриотомъ и славянофиломъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Не Лелевель, а онъ, Любецкій, былъ авторомъ знаменитаго парадокса: «пускай Николай, конституціонный польскій король, воюетъ съ Николаемъ, самодержавнымъ государемъ всероссійскимъ!» Революцію онъ считалъ результатомъ насилій великаго князя (Константина Павловича) и Новосильцева. Во всякомъ случаѣ «волна между нами не должна имѣть мѣста». «Зачѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ добиваться того, что можно получать мирнымъ путемъ?» «Наши домогательства справедливы. Государь можетъ удовлетворить ихъ, не поступаясь своею властію». «Императоръ Александръ искренно желалъ слить всю Польшу воедино, соединить вмѣстѣ всѣ провинціи. Это—великая мысль и даже выгодная для Россіи, ибо Россія и Польша способны ужиться подъ однимъ скипетромъ, и тогда вся Европа будетъ у ихъ ногъ»... Нельзя не пожалѣть о томъ, что неблагоприятно сложившіяся обстоятельства лишили кн. Любецкаго возможности провести въ жизнь эти мысли, которыя, до извѣстной степени, раздѣлялъ и Николай Павловичъ. Статья прерывается на вѣздѣ нашихъ путешественниковъ въ Петербургъ въ рождественскій сочельникъ 1830 г.

Статья написана живо, съ многочисленными ссылками на документы Щукинскаго архива, а также на польскихъ и русскихъ историковъ (Шильдера), въ тонѣ нѣсколько фельетонномъ. Описаніе дороги въ Петербургъ напоминаетъ описаніе пути въ неизвѣданныя дебри гдѣ-то около сѣвернаго полюса, изобличая такимъ образомъ автора, что онъ знакомъ съ Петербургомъ лишь понаслышкѣ.

Обратимся къ статьѣ А. Краусгара. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ варшавскихъ историковъ получили доступъ въ архивъ канцеляріи бывшаго намѣстника царства Польскаго. Архивъ этотъ содержитъ въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи министерствъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ царства съ 1815 по 1831 г. Архивъ нуждается въ приведеніи его въ порядокъ въ смыслѣ каталогизаціи матеріаловъ по ихъ содержанію и хронологическому порядку. Пока этого не сдѣлано, историки, пользующіеся справками и указаніями лицъ, разбиравшихъ архивъ, нерѣдко ошибочными (чего же требовать отъ неспеціалистовъ!), рискуютъ впасть въ заблужденіе. Такъ уже случилось съ г. Д. Цвѣтаевымъ. Послѣдній напечаталъ въ «Русской Старинѣ» прошлаго года (кв. III) замѣчанія извѣстнаго сенатора Н. Н. Новосильцева на конституцію царства 1815 г., выдавъ напечатанный документъ за часть бумагъ, оставшихся послѣ Сташица. Г. Краусгаръ упрекаетъ проф. Цвѣтаева въ поверхностномъ отношеніи къ своей задачѣ: г. Цвѣтаевъ не оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, великаго смысла конституціи, ея отношенія къ Русской монархіи и не потрудился выяснитъ причины появленія замѣчаній на конституцію Новосильцева. По мнѣнію Д. Цвѣтаева, конституція 1815 г. должна была служить «основаніемъ къ лучшему объединенію царства съ имперією», чему всѣми мѣрами противилась партія Чарторыйскихъ, готовя «отдѣльность, обособленность, даже независимость царства». Горячо протестуетъ противъ этого А. Краусгаръ. «Если бы проф. Цвѣтаевъ, — говоритъ онъ, — согласно элементарнымъ требованіямъ историческаго метода, опредѣлилъ время появленія замѣчаній Новосильцева, то не допустилъ бы такой поразительной ошибки, какою является несогласное съ истинною опредѣленіе дѣли, которую преслѣдовало дарованіе царству конституціи, не высказалъ бы ложной теоріи, якобы конституція преслѣдовала цѣли, кои лишь послѣ подавленія возстанія 1863 г. стали лозунгомъ политики сліянія царства съ имперією путемъ лишенія перваго остатковъ автономіи 1815 г. и органическаго статута 1832 г., не написалъ бы, что партія Чарторыйскихъ въ то время, когда народился документъ Новосильцева, стремилась къ отдѣленію царства отъ имперіи» (110—111), наконецъ, не сказалъ бы, что отношенія Сташица съ Новосильцевымъ, «какъ съ мужемъ ученыхъ», были превосходныя. Г. Краусгаръ относитъ появленіе замѣчаній Новосильцева ко времени собранія сейма въ 1820 г. Сенаторъ Новосильцевъ, извѣстный своею російско-бюрократическою нелюбовью ко всему польскому, не могъ сочувственно относиться къ либерализму, который лежалъ въ основѣ конституціи царства Польскаго, считалъ его небезопаснымъ для монархической системы имперіи, особенно въ виду современныхъ попытокъ народовъ разныхъ странъ Европы свергнуть съ себя ярмо деспотическихъ правительствъ. Сеймомъ 1820 г. императоръ Александръ остался недоволенъ. Его раздражала

склонность сеймовыхъ чиновъ къ оппозиціи. Въ видѣ репрессіи публичныя совѣщанія (obgady) сейма замѣнены тайными, открылось широкое поле для взаимныхъ недоразумѣній, завершившихся ноябрьскими 1830 г. событіями. Замѣчанія Н. Н. Новосильцева на конституцію 1815 г., по мнѣнію Краусгара, были приготовлены для Александра I передъ отмѣною публичныхъ засѣданій сеймовыхъ чиновъ въ 1821 г. Приведенныя поправки г. Краусгара необходимо имѣть въ виду читателямъ статьи проф. Цвѣтаева въ «Русской Старинѣ».

Г. А. Воробьевъ.

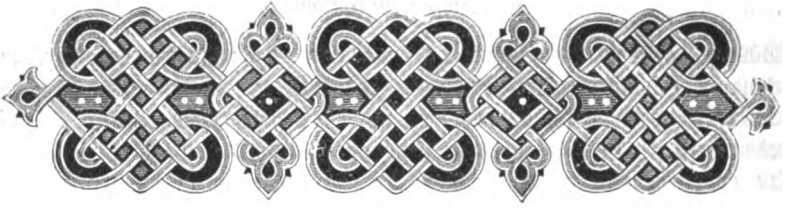
Теодоръ Вержбовскій. Matricularum Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur. В. 1905.

Заслуженный историкъ и библиографъ, профессоръ Варшавскаго университета, Теодоръ Вержбовскій, предпринялъ изданіе описанія документовъ, находящихся въ главномъ архивѣ царства Польскаго, на Красинской площади въ Варшавѣ. Вышедшій теперь I томъ этого цѣннаго для историковъ труда заключаетъ въ себѣ подробное описаніе, въ хронологическомъ порядкѣ, документовъ временъ Казимира Ягеллончика (1447—1492). Къ описанію приложенъ указатель актовъ, предшествовавшихъ царствованію этого короля, отъ 1260 до 1447 г. Изъ описи узнаемъ, что документовъ перваго рода въ архивѣ находится 2.203, а втораго—79. Какой обильный источникъ для исторіи Польши эпохи Пястовъ и Ягеллоновъ! Для удобства изслѣдователей при пользованіи матеріалами г. Вержбовскій приложилъ указатели предметовъ лицъ, и мѣстностей, упоминаемыхъ въ актахъ. Изданіе такимъ образомъ вышло очень солидное.

Въ настоящее время профессоръ Вержбовскій приготовляетъ къ печати второй томъ «Matricularum Regni Poloniae», который будетъ содержать въ себѣ акты временъ послѣдующихъ королей династіи Ягеллоновъ.

Г. А. Воробьевъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ открытія въ Антинополѣ. Въ 1904 г. французскій археологъ Гейе далъ отчетъ въ «La Revue» о своихъ находкахъ въ городѣ Антинополѣ, среди которыхъ онъ отводилъ главное мѣсто гробницѣ «драгоцѣнной пѣвицы» (Озириса-Антиноя, гречанки Кельмы. Въ склепѣ между прочими принадлежностями, относящимися до ея профессіи, онъ нашелъ театръ маріонетокъ, со множествомъ маленькихъ костяныхъ фигурокъ. Благодаря его настойчивымъ трудамъ, ему удалось выяснитъ не только, какъ разыгрывалась мистерія, но даже въ какомъ порядкѣ передвигались фигурки. Для этого онъ прибѣгнулъ къ Геродоту и Плутарху, а также изучалъ символическій смыслъ живописи на стѣнахъ древнихъ храмовъ. Но его находки этимъ не ограничились, и прошедшею весною ему удалось напасть еще на одну любопытную гробницу, не менѣе интересную, чѣмъ первая. Она принадлежала главной «гестѣ», или одѣвательницѣ священныхъ изображеній Озириса-Антиноя, тоже гречанкѣ, по имени Сливѣя. По поводу этой находки Гейе помѣстилъ статью въ «La Revue»¹⁾, въ которой касается, между прочимъ, нѣкоторыхъ общихъ чертъ и символическихъ обычаевъ древнихъ философскихъ системъ и позднѣйшихъ. Сливѣя принадлежала къ кастѣ посвященныхъ въ таинство мистерій, члены которой допускались присутствовать при торжественныхъ служеніяхъ. Низшая степень жриць состояла изъ мимъ, пѣвиць, танцовщиць и одѣвальщиць. Онѣ очищали для торжественныхъ празднествъ священныя изображенія посредствомъ омовеній, умащиванія ихъ благовоніями, накладывали на нихъ румяна, одѣвали ихъ, украшали ожерельями и магическими амулетами,

¹⁾ Slythias d'Antinoë, par Al. Gayet. «La Revue», 15 Mars 1906.

цвѣтами и растеніями, курилл передъ ними ѳніміамъ и возлагали на статую вѣнки, гирлянды и тирсы. Всѣмъ этимъ завѣдывали различныя гесты: въ Тинохриі упоминается въ спискѣ жрецовъ геста, завѣдующая полевыми цвѣтами, другая—садовыми, третья—ожерельями, четвертая—амулетами и т. д. Что касается Сливоіи, то, судя по найденнымъ въ ея склепѣ предметамъ, служащимъ признакомъ ея разнообразныхъ занятій, она завѣдывала всѣмъ и была начальницей надъ всѣми гестами. Тутъ были вазы для омовенія водою священныхъ статуй, флаконы изъ-подъ душистыхъ эссенцій для помазанія, горшечки изъ слоновой кости для румянъ, ящички для сурьмы, щеточки для покрытія позолотой ногтей, ложки для благовоній, цвѣточные тирсы, вѣнки и гирлянды, но отсутствовали драгоценности. Впрочемъ, это не означаетъ, что она не завѣдывала ими, но, просто, составляя имущество бога, онѣ по обычаю хранились въ его собственной сокровищницѣ. Присутствіе же набальзамированнаго ибиса служить еще однимъ доказательствомъ, что на обязанности Сливоіи лежало все, даже символическая уборка головы, въ которую входило и украшеніе этой священной птицей, и хотя париковъ тоже не оказалось въ склепѣ, но зато лежали слоновой кости шпильки для прикрѣпленія прядей волосъ. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ находились въ количествѣ тридцати—символическое число, которое въ древнемъ Египтѣ играло важную роль, что видно изъ количества религиозныхъ текстовъ, и помноженное это число составляло самое основаніе еогонической системы священныхъ коллегій меморитовъ и ѳивской. Оно было божественной тріадой, божествомъ въ трехъ лицахъ: отца, матери и сына, но которое все-таки единый богъ—въ Мемфисѣ Птахъ-Сокетъ-Имхотенъ, а въ ѳивахъ Амонъ-Мотъ-Кинсу. Они представляютъ фундаментальную идею фараонской вѣры, цѣлую серію безконечныхъ воскресеній божества, зачатого въ самомъ себѣ и возрожденнаго, какъ его сынъ. Циклы составлены изъ соединенія трехъ этихъ божественныхъ семействъ, и этотъ тройственный богъ, который въ сущности единый, сдѣлался тѣмъ, котораго въ литургіи еще называютъ «повелителемъ Пунта (мигическая страна) боговъ». Правда, что, умноживъ девять на три, получится двадцать семь, а не тридцать, но, съ другой стороны, ѳивскіе богословы упоминаютъ о сферахъ и зонахъ, которые они называли «кертами», т.-е. жилищами, гдѣ проявляется богъ Слова, и которыя достигаютъ количества тридцати, хотя эта цифра иногда доходитъ до тридцати шести и семидесяти двухъ. Другія подобнаго же рода наблюденія пытаются установить, что круги Аменти,—область страны того свѣта, куда по смерти индивидуума его психическая личность, его двойникъ, отиравалась на житье,—находились подъ влияніемъ цифры «тридцати», какъ по своему подраздѣленію, такъ и по присутствію геніевъ, которыми онъ былъ населенъ. Въ гностицизмѣ обнаруживается также неизмѣнность этой цифры. По ученію гностиковъ, міръ образовался чрезъ эманации двухъ могущественныхъ сплъ, которыхъ они называли Эонами, и этотъ міръ гностическіе философы Васиндъ и Валентинъ раздѣляли на три неба: высшее, гдѣ пребывала Первопричина, промежуточное, гдѣ находились психическія существа, и небо (т.-е. земля, гдѣ живутъ люди). Эманации, населяющія первое небо, находятся тамъ въ количествѣ двадцати восьми. Если соединить ихъ съ

пребывающими тамъ двойными Жютами, получится число тридцать—тридцать зомовъ, составляющихъ то, что Базилидъ называлъ «Илеромой», т.-е. полнотою абсолютнаго бытія. Изъ всего приведеннаго видно, что число тридцать имѣло скрытый смыслъ и примѣнялось, какъ въ античномъ культѣ солнца, такъ и въ происшедшихъ отъ него системахъ. У послѣдователей александрійской школы существовалъ разсказъ: «Какъ царство Давида было перенесено въ Абиссинію». Разсказъ начпвался съ того, что царь приказалъ выстроить въ Іерусалимѣ храмъ, но у рабочихъ каменотесовъ не ладилось дѣло съ тесаніемъ камней для этого зданія, вслѣдствіе безпрестанной поломки орудія. Царь сталъ раздумывать, какъ помочь дѣлу, и приказалъ принести рабочимъ птенца сказочной птицы «реки» и помѣстить его подъ бронзовымъ колоколомъ, но такъ, чтобы мать видѣла его. Не найдя въ гнѣздѣ своего птенца, мать стала летать надъ колоколомъ, но не могла его сдвинуть и улетѣла высоко въ райскій садъ. Тамъ она увидѣла яблоню и съ трудомъ подняла ее и унесла въ свое гнѣздо; затѣмъ возвратилась въ Іерусалимъ и уронила дерево на колоколь, который разбился, и освобожденный птенецъ улетѣлъ съ матерью. При этомъ александрійцы увѣряли, что это дерево было не какое другое, какъ дерево добра и зла. Соломонъ, видя его особыя качества, приказалъ каменщикамъ прикасаться деревомъ къ камнямъ, и камни сами собой тесались. Когда храмъ былъ готовъ, о деревѣ забыли, и оно осталось лежать на землѣ до прибытія царицы Савской. Последняя, по словамъ александрійскаго автора, страдала однимъ недостаткомъ, а именно у нея была одна нога козлиная. Царь объ этомъ зналъ, хотя тайна строго хранилась, и хотѣлъ видѣть самъ своими глазами эту ногу. Поэтому онъ велѣлъ воздвигнуть тронъ по срединѣ двора храма и затопить его водою изъ сосѣдняго фонтана, чтобы царица Савская была принуждена приподнять юбку и поневолѣ показать козлиную ногу. Когда она приблизилась и увидѣла воду, то хотѣла въѣхать во дворъ на лошади, но придворные воспротивились, говоря, что по священному двору грѣхъ ѣхать на лошади. Царицѣ пришлось покориться и съ помощью двухъ придворныхъ сойти съ лошади. Какъ разъ на этомъ мѣстѣ лежало чудесное яблониное дерево, и когда царица нечаянно коснулась его ногою, то ея козлиная нога внезапно приняла человѣческую форму. Царица сначала испугалась, но затѣмъ приказала надѣть на дерево серебряное ожерелье. Увидя это, царь сдѣлалъ то же. Всѣ его преемники слѣдовали его примѣру, и во времена Іисуса Христа на деревѣ уже находилось тридцать обручей. Въ драмѣ Христовыхъ страстей число тридцать также играетъ важную роль: Іуда получалъ за Христа тридцать сребренниковъ. Послѣдователей александрійской школы занималъ вопросъ, почему Іуда продалъ Христа. Они довольно безцеремонно передаютъ все событіе по-своему; при этомъ въ ихъ разсказѣ не только число тридцать играетъ роль, но и символическое ожерелье, или обручъ, которое занимаетъ видное мѣсто въ ритуалѣ египетскихъ божествъ. По словамъ александрійскихъ рассказчиковъ, апостолы покинули все, чтобы слѣдовать за Христомъ; только Іуда никакъ не могъ расстаться съ своей женой—кокеткой и развратницей, которая подтолкнула его на злое дѣло. Когда главные священнослужители порѣшили участь Христа, то послали за деревомъ и, снявъ

съ него тридцать цикловъ, т.-е. сребренниковъ, отдали Іудѣ, который отнесъ ихъ «своей злой жевѣ». Дѣло въ томъ, что александрійцы прибѣгли къ игрѣ словъ, такъ какъ циклъ означаетъ и вѣсъ и монету древнихъ евреевъ, а потому, по ихъ словамъ, тридцать сребренниковъ могли быть и ожерельями, вѣсившими тридцать цикловъ. Идея этого разсказа интересна тѣмъ, что число тридцать играло и здѣсь догматическую роль, какую оно имѣло въ античную эпоху, и что она присоединяла его къ мистеріямъ, сохранивъ воспоминаніе о магическихъ ожерельяхъ, которыя также играли роль у египетскихъ божествъ. Въ антинойскомъ культѣ эти ожерелья или обручи играли такую же роль. Но странное совпаденіе шло еще далѣе. Въ склепѣ Сливѣи оказалось также тридцать обручей, правда, не серебряныхъ, а изъ слоновой кости. Какое было ихъ назначеніе—трудно сказать, и Гэйе не можетъ этого опредѣлить. Браслетами они не могли служить, такъ какъ ихъ диаметръ едва достигалъ четырехъ сантиметровъ. Они всѣ были различнаго размѣра, и нѣкоторые изъ нихъ покрыты черной кисеей, которая уже совсѣмъ къ нимъ прилипла. Гэйе совсѣмъ не знаетъ ритуала съ обручами, который назывался «блудодѣяннымъ» и исполнялся вмѣстѣ съ другими ритуалами въ тайныхъ церемоніяхъ, хотя множество скабрѣзныхъ фигурокъ, сдѣланныхъ въ Накратіи и Александріи, могли бы дать нѣкоторыя свѣдѣнія. Впрочемъ, онъ говоритъ, будто ихъ сюжетъ до того скабрѣзенъ, что не стоитъ объ этомъ говорить. Назначеніе другихъ предметовъ легче понять по живописи храмовъ, и египетскій ритуаль въясняетъ не только церемоніи, въ которыхъ употреблялись эти предметы, но даже фразы, произносимыя при каждой службѣ. Главнымъ источникомъ для выясненія порядка церемоній послужило изображеніе самаго главнаго праздника — Новаго года въ храмѣ Изиды, а такъ какъ Озирисъ-Антиной также распредѣлялъ жизнь на томъ свѣтѣ между умершими, то формулы церемоніи оставались тѣ же, что и въ честь Озириса. Въ день праздника солнца Сифиса, которое совпадало съ первымъ днемъ начала года и разлитіемъ Нила, едва только разсвѣтало, какъ гесты въ розовыхъ одеждахъ съ такими же калюпонами на головахъ съ цвѣтами и пальмовыми листьями въ рукахъ направлялись съ пѣніемъ псалмовъ въ священные сады древняго храма, выстроеннаго Рамзесомъ II за шестнадцать вѣковъ. Храмъ освѣщался свѣточами, и статую Озириса вынимали изъ ея ложа. Сливѣя для совершенія ритуала снимала свое платье и пурпуровую мантию. Теперь на ней была бѣлая туника, вышитая золотомъ, и тяжелый парадный парикъ, къ которому прикалывались цвѣты. Она приближалась къ статуѣ; въ рукахъ у нея была двойная ваза для очищенія, которая, съ одной стороны, опрыскивала статую «водою наводненія», а съ другой—«водою пещеръ». Эта послѣдняя, по сказанію египтянъ, происходила изъ слезъ Изиды, оплакивавшей Озириса. Источникъ Нила, по ихъ мнѣнію, помѣщался въ Филахъ, среди водопада, и шумъ воды о скалы производилъ на египтянъ впечатлѣніе рыданій невидимаго существа, котораго они принимали за Изиду, поэтому Ниль, приносящій жизнь ихъ растительности, а стѣдовательно и имъ, благодаря своему илу, образовался изъ ея слезъ. Для умащиванія египтяне пользовались арабскимъ бальзамомъ. На щеки статуи накладывались румяна Мемфиса. Въ одной древней одѣ, от-

носящейся ко времени египетской монархии, къ семнадцатому вѣку до нашей эры, упоминается объ этомъ обычаѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ одного любовника, говорившаго о своей возлюбленной: «Да поможетъ Геліополь ей озарить землю своей красотой; да дастъ ей Мемфисъ коробку румянъ, которыя кладутъ передъ Нефертой, т.-е. той, красивой лицомъ, которая прозывается богиней Гаторой. Чтобы ея губы походили на розовый лотусъ Гор-м-Кута, т.-е. восходящаго солнца, а глаза — на голубой лотусъ Неферъ-Тумъ, т.-е. заходящаго солнца». На могилѣ Слвѳеи находится горшечекъ для румянъ изъ розоваго лотуса и ящички съ сурьмой для глазъ изъ голубого лотуса. Послѣ церемоніи накладыванія румянъ и сурьмы у статуи золотили ногти со словами: «Ты получаешь свой золотой ноготь, превосходнаго золота, вышедшаго изъ горъ, магическаго золота, которое освѣтять твое лицо въ низшемъ небѣ». Это служить намекомъ на золоченіе лицъ умершихъ и ихъ гробовъ; щепоточка, найденная на могилѣ Слвѳеи, играетъ такую же роль въ антинойскомъ ритуалѣ. Потомъ геста приступала къ одѣванію статуи, при чемъ произносила: «Ты получаешь свою одежду изъ жилища Гора; ты получаешь свою превосходную одежду изъ жилища Амона; изъ матерія, сотканной въ Генѳѣ». Затѣмъ начиналось перечисленіе всѣхъ предметовъ одежды: «Ты получаешь пояски боговъ и богинь, живущихъ въ Оавахъ; ты получаешь божественное покрывало Изиды» и т. д. Заключалось одѣваніе украшеніемъ головы статуи, при этомъ отводилось значительное мѣсто въ ритуалѣ цвѣтамъ, среди которыхъ находились гирлянды изъ цвѣтовъ Изиды, лотуса Гора и въ особенности изъ пальмъ, мирры, — тирсы, сдѣланное въ Саиссѣ, цвѣточное платье и пальмовая вѣтвь. Послѣдняя служила символомъ вѣчности въ безконечныхъ превращеніяхъ, и въ египетской любовной поэмѣ говорится: «Моя божественная возлюбленная пальма любви; пальма вѣчности». Въ концѣ концовъ на плечи статуи набрасывался оправдательный вѣнокъ, и при этомъ произносились слова: «Вотъ твой оправдательный вѣнокъ, собранный изъ цвѣтовъ, посаженныхъ для тебя богами полей Хао, цвѣтовъ Анкосъ-Амонъ, дорогихъ Амону Ра, цвѣтовъ Ренушъ, любимыхъ великимъ богомъ. Эти вѣнки выражали идею обновленія, проростанія, разсвѣта, которые совершаются при посредствѣ божества. Геста въ третій разъ падала ницъ предъ статуей и произносила канегрику. Теперь статуя была совершенно готова, и роль гесты оканчивалась. Въ то время какъ она сжигала благовонія на ложечкѣ изъ слоновой кости съ длинной ручкой, священнослужители окружали статую для заклинаній. Затѣмъ жрецъ бралъ ее на плечи, и торжественное шествіе направлялось къ террасѣ храма въ такой моментъ, чтобы солнце могло бросить свой первый лучъ прямо въ лобъ статуи. Вся процессія останавливалась у походнаго алтаря, посрединѣ котораго ставили статую. Затѣмъ начиналось священнодѣйствіе, служившее символомъ участія божества въ распредѣленіи жизни во вселенной. Лучъ солнца, упавшій на лобъ статуи, передалъ ей магическую силу, а ея украшенія обезпечивали святость божества, которое она олицетворяла. Гѳе не привелъ только церемоніи съ обручами, какъ мы уже говорили, вслѣдствіе ея скабрзности.

— Неронъ и Антоній съ Клеопатрой. Блестящій итальянскій историкъ, Гульельмо Ферреро, издалъ четвертый томъ своего замѣчательнаго

труда «Величіе и паденіе Рима»¹⁾). Наиболѣ замѣчательныя страницы отвѣдены въ немъ Антонію и Клеопатрѣ, а также Нерону. Ферреро безопадно разбиваетъ любовную легенду объ Антоніи и Клеопатрѣ, долго царившую въ исторіи. Согласно легендѣ, когда побѣда при Акціумѣ становилась сомнительной, то шестьдесятъ кораблей Клеопатры пустились въ бѣгство среди сражавшихся галеръ. Въ Антоніи жила душа влюбленнаго и, видя, что корабль Клеопатры распустилъ паруса, онъ все забылъ, бросилъ своихъ на произволъ судьбы, имѣнилъ имъ, сѣлъ на галеру и пустился вслѣдъ за Клеопатрой. Однако еще до Ферреро адмиралъ Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ, изучивъ сраженіе при Акціумѣ, доказалъ, что это бѣгство было заранѣе обдумано Антоніемъ и Клеопатрой. Въ началѣ сраженія Антоній уже зналъ, что Клеопатра должна бѣжать, и обѣщаль слѣдовать за нею. По мнѣнію адмирала, это былъ стратегическій планъ, а не проявленіе нѣжности: флотъ Антонія занялъ дурную позицію, и Клеопатра совѣтовала увлечь непріятеля на болѣе благоприятную для Антонія позицію. Ферреро поправляетъ и добавляетъ мнѣніе адмирала. «По словамъ Плутарха,—говоритъ итальянскій историкъ,— Клеопатра спокойно плавала по Кидну на кораблѣ съ золотомъ кормой, пурпуровыми парусами, серебряными веслами. Движеніе веселъ сливалось со звуками флейты, соединявшимися съ лирами и свирѣлями. Сама она, великолѣпно разодѣтая и прекрасная, какъ рисуютъ Венеру, возлежала подъ золотымъ балдахиномъ; по бокамъ стояли маленькія дѣти, одѣтыя, какъ живописцы рисуютъ амуровъ, съ опахалами для ея прохладженія, ея служанки, всѣ прекрасныя и одѣтыя нереидами и граціями, одѣты стояли на рулѣ, другія у снастей. Оба берега рѣки, благоухающіе отъ благовоній, которыя курились на кораблѣ, были покрыты несметными толпами, слѣдовавшими за Клеопатрой изъ всѣхъ городовъ, спѣша полюбоваться необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Народъ, находившійся на площади, бросился навстрѣчу къ ней; только одинокій Антоній остался на трибунѣ, гдѣ было засѣданіе, и слухъ прошелъ, что Венера для счастья Азіи явилась въ маскѣ къ Бахусу. Антоній тотчасъ же послалъ пригласить ее ужинать; но она выразила желаніе принять его у себя, и Антоній, чтобы выразить любезность и учтивость, принялъ ея приглашеніе. Онъ увидѣлъ у нея такія приготовленія, великолѣпіе которыхъ нельзя выразить. Но ничто такъ его не поразило, какъ громадное количество факеловъ, зажженныхъ со всѣхъ сторонъ и подвѣшенныхъ къ доскамъ или прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ съ удивительной симметричностью въ видѣ квадратныхъ и кругообразныхъ фигуръ». Антоній влюбился въ Клеопатру и сопровождалъ ее въ Александрію. Въ началѣ 40 г. парянская армія двинулась на Сирію, и Антоній покинулъ Египетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою любовь. Цѣлыхъ три года онъ не видѣлъ Клеопатры: его занималъ планъ побѣды надъ персами. Правда, что весной 37 г. онъ встрѣтился съ Клеопатрой въ Антиохіи, но только въ 37 г., въ промежутокъ же времени онъ о ней не думалъ. Въ началѣ 36 г. состоялся ихъ бракъ. «Эти два любовника,—говоритъ Ферреро,—разстраивавшіе свои государства въ подѣлуяхъ, поженились, какъ добрые бур-

¹⁾ Grandeur и décadence de Rome, par G. Ferrero. Paris. 1906.

жуа». И, дѣйствительно, едва они поженились, Антоній покинулъ свою вторую жену и отправился въ Персію. По мнѣнію Ферреро, Антоній думалъ болѣе о Персіи, чѣмъ о любви. Для завоеванія Персіи у него не хватало денегъ—и онъ поэтому женился на Клеопатрѣ. Слѣдовательно, съ его стороны не было той любви, о какой готорится въ легендахъ. Что касается Клеопатры, то если согласиться съ мнѣніемъ Ферреро, она также вышла замужъ по расчету. Не пользуясь любовью въ Египтѣ, она опасалась одной изъ тѣхъ придворныхъ революцій, какія часто встрѣчались въ исторіи послѣднихъ Птоломеевъ, и поддержка Антонія съ его римскими легионами была, какъ разъ кстати. Антоній колебался между двумя политиками—римской и египетской: побѣдить ли Персію и сдѣлаться главою Римской республики, или увеличить Персидской имперіей королевство Птоломеевъ. Клеопатра одержала верхъ. Антоній развелся съ первой женой Октавіей и отправилъ въ Грецію свой флотъ; весной 31 г. обѣ арміи находились въ заливѣ Акціума. Вѣжала Клеопатра съ поля сраженія потому, что продолжать войну не было въ ея интересахъ, такая сомнительная война подвергала опасности всю ея шаткую Египетскую имперію. Если бы Антоній потерпѣлъ пораженіе, то Египетское государство пало бы; если бы онъ одержалъ побѣду, то сталъ бы небрежно относиться къ Египту и вернулся бы къ своему плану господства надъ Римской республикой, а Клеопатрѣ онъ былъ нуженъ, и она увлекла его за собою. Антоній же повинился ей, во-первыхъ, потому, что колебался въ выборѣ двухъ политикъ, а, во-вторыхъ, его переселили годы: онъ усталъ отъ борьбы и кутежей. Итальянскій историкъ поэтому уничтожилъ легенду о любви, такъ долго поддерживаемую древними историками.

Нерону зтотъ талантливый историкъ сумѣлъ придать новый колоритъ, откинувъ изъ сложившихся легендъ нѣкоторые излюбленные историками факты и особенно часто употребляемые для приданія ему болѣе ужаснаго образа. Ферреро указалъ на невѣроятность нѣкоторыхъ обвиненій, возникнувшихъ противъ Нерона, какъ, напримѣръ, убіиство Клавдія Агриппинои или сожженіе Рима. Кромѣ того, онъ находить, что вообще враждебные ему историки преувеличили его пороки, развратъ и преступленія одинаково, какъ и его матерубійство, съ дѣлью очернить Нерона. Ферреро особенно ярко, ново и трагически представилъ сцену совѣта между Нерономъ, Сенеккой и Бурромъ, когда Агриппинѣ удалось чудомъ избѣжать приготовленной для нея сыномъ гибели, и послѣдній признавался въ преступленіи обоимъ министрамъ, которые съ ужасомъ признали необходимость довести зтотъ аплъ до конца. Однако, Ферреро все-таки не сдѣлалъ изъ этой великой фигуры бавальнаго императора времянь упадка, какъ Калигула или Геліогабалъ, отнявъ отъ него тѣ романическіе элементы его чудовищныхъ пороковъ, которые именно дѣлали изъ него такую громадную величину. Онъ объясняетъ, почему нѣкоторые государи еще при жизни дѣлаются въ глазахъ народа великими, непропорціонально своему генію, и почему они особенно предназначены къ кристаллизаци, которую легенда навязываетъ исторіи. Неронъ, по его словамъ, сдѣлался императоромъ, когда Римъ готовъ былъ къ преобразованію, и наступала окончательная борьба между консерватизмомъ, уже

истощавшимся поддерживать отжившіе старые нравы, и новыми силами, ставшимися ввести въ эти старыя рамки новые элементы, совершенно противоположные старымъ и, по большей части, занесенные съ востока, какъ, напримеръ, роскошь, утонченность вкуса, искусства, феминизмъ и космополитизмъ. Исторія въ глазахъ Ферреро есть «непрестанное начинаніе вновь», и, какъ индивидуальное существованіе развивается съ самаго дня рожденія до дня смерти, и жизнь націй управляется роковыми законами, а человѣкъ только ихъ орудіе или исполнитель, событія же отмѣчаютъ лишь фазы. Съ замѣчательной логичностью итальянскій историкъ подчеркиваетъ неумолимый ходъ событій. Такъ, Агриппина становится представительницей и защитницей старыхъ традицій и силится ихъ возстановить или поддержать, но сами ея усилія увлекаютъ ее въ цѣлую серію противорѣчій, жертвою которыхъ она неизбежно дѣлается. Для поддержанія ихъ она принуждена овладѣть браздами правленія и всѣми способами вліять на молодого императора и его совѣтниковъ. Самымъ злѣйшимъ врагомъ изъ новшествъ было для старыхъ римлянъ женское вмѣшательство въ дѣла государства. Агриппина очутилась въ странномъ положеніи дѣйствовать тѣми же средствами, которыя она хотѣла сдѣлать невозможными, т.-е. прибѣгнуть къ женскому вмѣшательству, чтобы поборотъ его. Для этого она вступаетъ въ государственный совѣтъ съ цѣлью изгнать оттуда опасный женскій элементъ, что дѣлаетъ ее непопулярной въ глазахъ тѣхъ, чье дѣло она защищаетъ. Мало того, она толкаетъ Нерона на тотъ самый путь, отъ котораго она хотѣла бы его отвратить, такъ что, «упорно стремясь сдѣлать изъ этого кутилы римлянина, она дѣлаетъ изъ него убійцу». Самъ Неронъ постоянно увлекается событіями по тому направленію, котораго онъ не предвидѣлъ и на которое не рассчитывалъ; убійство непопулярной Агриппины стоило ему личной непопулярности у народа. Для усыпленія ненависти послѣдняго Неронъ бросаетъ ему, какъ выкупъ, жестокія удовольствія, до которыхъ онъ былъ такъ лакомъ, и по этой же причинѣ, не питая къ христіанамъ особой ненависти, онъ дошелъ до того, что обвинилъ ихъ въ сожженіи Рима и устроилъ ужасную рѣзню, за которую больше, чѣмъ за что другое, заслуживаетъ проклятія. Вообще портретъ Нерона подъ талантливой кистью итальянскаго историка, сохранивъ свои главныя черты, является чѣмъ-то новымъ. Это—не чудовище, какимъ рисовали его Светоній и Тацитъ, не та забавная личность, въ которой Ренанъ прежде всего видѣлъ «добросовѣстнаго романтика, опернаго императора, меломана, дрожавшаго предъ партеромъ и заставлявшаго его дрожать, который былъ бы въ наши дни простымъ буржуа, испортившимъ здравый смыслъ чтеніемъ современныхъ поэтовъ, и считавшимъ себя обязаннымъ подражать своимъ поведеніемъ героямъ Виктора Гюго». Ферреро рисуетъ совсѣмъ иную личность; онъ представляетъ его, какъ одно изъ колесъ исторіи, какъ часть сложнаго механизма, которая, впрочемъ, въ отдѣльности не имѣетъ значенія. Благодаря Ферреро, Неронъ потерялъ индивидуальное величіе, какое ему придали историки за его болѣе или менѣе реальные преступленія; но онъ же замѣнилъ Нерону это величіе другимъ—символическимъ, которое ему придали не его геній, не безуміе, не преступленія, а величіе событій; онъ же былъ только ихъ злополучной игрушкой. Между

прочимъ, Ферреро очень краснорѣчиво упрекнулъ семью Юлія Цезаря и семью Наполеона Бонапарта въ стремленіи «примирить непримиримые элементы: первую—за желаніе примирить народную власть въ имперіалистической демократіи, вторую—за стремленіе примирить монархическую республику и овосточенное латинство».

— Генераль Малэ. Имя французскаго генерала Малэ, революціонера и потому естественно противника Наполеона, какъ консула, такъ и императора, въ свое время, часто встрѣчалось на страницахъ французскихъ историческихъ журналовъ, но затѣмъ о немъ забыли. Теперь о немъ опять вспомнили, и Морисъ Дюмулэнъ помѣстилъ на страницахъ «Figaro» статью¹⁾, въ которой на основаніи нѣсколькихъ документовъ старается придать этой любопытной личности совершенно иную окраску и доказать, что онъ вовсе не былъ убѣжденнымъ революціонеромъ. Генераль Малэ намъ, русскимъ, интересенъ потому, что его заговоръ противъ Наполеона совпалъ съ моментомъ его похода въ Россію въ 1812 г., и, кромѣ того, вообще онъ доказалъ, насколько хрупка была власть Наполеона во Франціи. Клодъ Франсуа Малэ родился въ 1754 г. въ Долѣ, въ аристократической семьѣ и до революціи служилъ въ лучшихъ полкахъ. Семнадцати лѣтъ будущій республиканецъ поступилъ въ мушкетеры и служилъ отъ 1771 — 1775 г. Авторъ статьи въ доказательство, что Малэ не всегда имѣлъ республиканскія идеи, отыскалъ какія-то его письма, относившіяся уже до 1787 г., гдѣ онъ хвастливо подписывался: «Малэ, бывшій мушкетеръ». Кромѣ того, онъ приписываетъ ему любовь къ авантюрамъ и въ доказательство приводитъ его женитбу на незнакомой молодой дѣвушкѣ. Однажды Малэ, еще въ то время молодой офицеръ, проходилъ съ своей ротой мимо монастыря Урсюлинокъ въ Арбуа и, увидя стоявшую предъ входомъ толпу, спросилъ, что случилось. Ему сказали, что въ монастырь привезли молодую дѣвушку, мѣстную жительницу, по имени Балэ, которую хотять, противъ ея желанія, постричь въ монахини. Малэ вошелъ въ монастырь и съ любопытствомъ сталъ слѣдить за церемоніей. По мѣрѣ приближенія къ рѣшительному моменту, пылкій и впечатлительный Малэ все болѣе и болѣе волновался и, наконецъ, отправился въ пріемную и, выдавъ себя за родственника молодой дѣвушки, вызвалъ ее для объясненія. Она ему понравилась, и такъ какъ единственнымъ средствомъ избавить ее отъ постриженія былъ бракъ, то онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Она согласилась, и они обвѣнчались. Революція, по словамъ Дюмулэна, застала его въ такомъ же пылкомъ настроеніи, и онъ сдѣлался сначала командиромъ національной гвардіи въ Долѣ и находился во главѣ баталіона департамента Юры, явившись делегатомъ на празднествѣ Федерации. Черезъ годъ Малэ отправился съ своей національной гвардіей къ рейнской границѣ. Въ Страсбургѣ онъ вѣдѣлся съ своимъ двоюроднымъ братомъ, творцомъ «Марсельезы», Ружэ де Лилемъ, который познакомилъ его съ Ламетомъ, попросившимъ у принца Гессенскаго сдѣлать его своимъ адъютантомъ. Затѣмъ Малэ дошелъ до чина бригаднаго генерала, но, какъ членъ общества филадельфійцевъ, онъ непріязненно относился къ Наполеону и, несмотря на всѣ его старанія привлечь на свою

¹⁾ Le vrai Malet, par Maurice Dumoulin. «Figaro», 26 Mars 1906.

сторону, оставался республиканцемъ и стремился уничтожить хрупкую власть корсиканца. Въ первый разъ онъ составилъ заговоръ противъ императора въ 1808 г., но во-время сдѣланный доносъ разстроилъ его планъ, и Малэ былъ заключенъ въ Консьержери, гдѣ продолжалъ обдумывать, какъ бы осуществить задуманное освобожденіе Франціи отъ Наполеона. Онъ сталъ добиваться, чтобы его отправили въ лѣчебницу, и ему это удалось. Тамъ его неотступно преслѣдовала мысль, что императоръ, находившійся на полѣ сраженія въ Россіи, постоянно подвергается непріятельскому огню, и потому не сегодня—завтра шальная пуля избавитъ Францію отъ имперіи и отъ него самого. 22 октября 1812 г. онъ съ помощью аббата Лаорина бѣжалъ изъ лѣчебницы. Въ одномъ домѣ онъ нашелъ своихъ единомышленниковъ, падѣлъ генеральскій мундиръ и, взявъ съ собою бумагу о смерти Наполеона въ Москвѣ, а также фальшивое постановленіе сената, провозглашавшее республику, отправился, въ сопровожденіи капрала Рато, къ командирамъ двухъ значительныхъ отрядовъ и объявилъ имъ о смерти Наполеона въ Москвѣ и о желаніи временнаго правительства поручить ему командованіе въ Парижѣ. Ему также удалось смѣстить министра полиціи, герцога Ровиго, и префекта полиціи, Паскье, замѣнивъ ихъ генералами Гидомъ и Лаори, тоже садѣвшими въ тюрьмѣ и освобожденными по его приказанію, а также избавиться отъ коменданта Парижа, Гюлона, убивъ его. Все это смѣлое предпріятіе шло успѣшно, и одинъ моментъ онъ былъ хозяиномъ Парижа, но на его несчастіе онъ былъ узнанъ на другое утро однимъ офицеромъ главнаго штаба въ то время, когда находился во главѣ своего войска. Офицеръ подозвалъ полицейскаго, который спросилъ Малэ, какъ могъ онъ покинуть тюрьму, и приказалъ его связать на глазахъ пораженныхъ и смущенныхъ солдатъ. Надъ нимъ назначили военный судъ, и когда президентъ суда спросилъ его, кто были его сообщники, онъ отвѣтилъ: «Вся Франція и вы сами, если бы я имѣлъ успѣхъ». Авторъ статьи хотѣтъ доказать, что Малэ былъ республиканцемъ ради своего честолюбія, что онъ былъ человѣкъ гордый, любилъ на все жаловаться и издавалъ различныя правила, которыхъ, впрочемъ, самъ не исполнялъ, а его репутація республиканскаго заговорщика—преувеличена. Однако, приводимыя Дюмуланомъ доказательства въ видѣ подписей подъ официальными бумагами, какъ, напримѣръ, на одномъ изъ писемъ Бертье—очень слабы. Лучшимъ доказательствомъ республиканской доблести Малэ служатъ слова извѣстнаго социалиста, Виктора Консьерера: «Постановка памятника Малэ Франціей и] третьей республикой будетъ заключеніемъ торжественнаго искупленія той отвратительной сабли, которая поссорила французскій народъ съ его европейскими братьями».

— Продолженіе воспоминаній г-жи Адавъ. Появившійся въ Парижѣ четвертый томъ воспоминаній ¹⁾ г-жи Адавъ воскресилъ предъ читателями печальную картину осады Парижа и трогательныя страданія французской патріотки. Эти воспоминанія сохранили всю свою точность и свѣжесть, благодаря ~~какому~~ одному г-жею Адавъ дневнику, на память своей дочери Алисъ, ко-

¹⁾ Mes illusions et nos souffrances pendant le siège de Paris, par M-me Adan. Paris. 1906.

тору ю ей удалось отправить на это тревожное время въ провинцію, для избѣжанія опасности, какой она подвергалась, оставаясь въ Парижѣ. Каждый вечеръ г-жа Адавъ записывала событія дня, чтобы ея дочь узнала впоследствии, какія страданія пережила ея родина. Мысль напечатать эти впечатлѣнія ей подалъ еще Викторъ Гюго, сожальвшій, что самъ не записывалъ изъ дня въ день свои впечатлѣнія осады. На другой день послѣ пережитыхъ неудачъ онъ прочитывалъ ея дневникъ и настаивалъ, чтобы она напечатала его, какъ онъ есть, безъ поправокъ. Эти воспоминанія представляютъ цѣлую картину, составленную изъ впечатлѣній пораженія при Седанѣ, перемирія, осады Парижа и капитуляціи. Въ особенности картина осады Парижа и страданія, пережитыя парижанами, которые, впрочемъ, умѣютъ сохранить свой веселый нравъ, даже находясь въ опасности, живо нарисована г-жею Адавъ. Канунъ 4-го сентября, когда несчастная Франція, побѣжденная, удрученная измѣнами, раздираемая несогласіемъ, ревностью и соперничествомъ, безпомощно умирала среди общаго отчаянія,—г-жа Адавъ описываетъ очень картинно. «Было около полуночи, когда толпа разсѣялась. Многіе возвращались домой, но многіе шли также въ предмѣстья, на окраины Парижа раздавать пароль. Бульваръ, только что полный шума и движенія, сдѣлался безмолвнымъ, отъ времени до времени по дорогѣ глухо катились кое-какіе экипажи; запоздалые прохожіе двигались, какъ тревожныя тѣни. Но если бульваръ былъ пустыненъ, то въ квартирахъ отъ перваго этажа до чердака всѣ окна были освѣщены. Въ эту ночь великій городъ не спалъ! На разсвѣтъ 4-го сентября въ домашніе очаги возвратилось волненіе. Родана держала свой послѣдній совѣтъ въ своихъ семьяхъ. Эта общая иллюминація возвѣщала не празднество, а ночное бодрствованіе, плачевное бодрствованіе слезъ. Казалось, подъ каждой крышей былъ умирающій больной, и у его изголовья проводятъ ночь. Этотъ больной была Франція въ агоніи. Въ эту ночь монархія была свергнута; родилась революція, но слабая, еле живая. Во главѣ стало правительство національной обороны, подъ предсѣдательствомъ Трошю. Цѣлыя тучи неудачъ встрѣтили появленіе на свѣтъ это слабое созданіе, которому суждено было впоследствии сдѣлаться крѣпкимъ, здоровымъ организмомъ». Но горячая патріотка сохраняла свои иллюзіи и надежды и 13-го сентября пишетъ: «Сегодня подъ моими окнами состоялся смотръ гвардіи генераломъ Трошю. Съ девяти часовъ я слушаю барабанный бой и звуки трубъ. Для меня не существуетъ другой музыки, кромѣ полковой; она одна меня воодушевляетъ. Национальная гвардія собирается въ стянутую линію, оставляя лишь посреди дороги проходъ шириной въ четыре или пять метровъ. Тѣ, кто еще не одѣты въ мундиръ, встаютъ для численности позади одѣтыхъ. Адавъ отказался отъ всѣхъ чиновъ, онъ просто гвардеецъ и присутствуетъ сегодня утромъ въ рядахъ своей роты. Генералъ Трошю проѣзжаетъ верхомъ; его встрѣтили неистовыми рукоплесканіями. Онъ приподнялъ свое кепи. Не знаю, потому ли, что я живу въ четвертомъ этажѣ, но Трошю, котораго я не знаю, произвелъ на меня впечатлѣніе глупца. Можетъ быть, я похожу на Пертимова, который съ вершины ледниковъ находилъ челоуѣка маленькимъ. Раздались восторженные крики національной гвардіи: «Да здравствуетъ Трошю! Да здравствуетъ республика!», они шли отъ сердца. Честву

ють также генерала Темизье. Боюсь, что Темизье, фаланстерянцу, усугубленному поэтомъ «нѣжной души», не хватитъ воинственнаго азарта. Трошю можетъ сыграть громадную роль, онъ можетъ быть нашимъ Вашингтономъ. Теперешнія событія созданы, чтобы возвышать людей. Только бы люди не умаляли событія!..». Среди тяжелыхъ воспоминаній г-жа Адагъ со свойственнымъ французамъ складомъ характера подмѣчатъ даже среди опасностей и горя забавныя стороны, пишетъ 21-го сентября слѣдующія строки: «Молодой Годафруа Кавеньякъ вступилъ 17-ти лѣтъ въ военную службу на время войны; онъ находится на укрѣпленіи, товарищемъ по постели ему достался сорви-голова парижскій уличный мальчишка, по имени Бабешонъ. Бабешонъ—грязный, лѣнивый, трусливый и ворюшка. Бабешонъ заставляетъ Годафруа прислуживать себя; онъ беретъ себя двѣ трети постели, заставляетъ иногда молодого Кавеньяка чистить свое ружье и часто его носить. Бабешонъ шлифуетъ того, кого называетъ маменькинымъ сынкомъ; онъ поноситъ буржуазію. Нѣтъ ничего прелестнѣе снисходительнаго терпѣнія молодого Кавеньяка». Вторая картинка, представленная г-жею Адагъ, не менѣе любопытна. «Четырнадцатилѣтній мальчикъ убилъ пруссака. Онъ былъ мародеръ и однажды вечеромъ пробрался въ ряды французскихъ войскъ. Мальчикъ замѣтилъ ружье, прислоненное къ дереву, затѣмъ непріятельскаго часового, исполняющаго требованіе природы; онъ его убилъ и доволоть до передоваго отряда. Парижскіе мальчики одѣли этого героя въ офицерскій мундиръ гораздо длиннѣе его, полковничью кепи, закрывавшую ему носъ, и торжественно водили по улицамъ». Однако отрѣзанные отъ остальнаго міра парижане тяготились своимъ положеньемъ осажденныхъ. Самые нелѣпые слухи, ложь, распускаемая изъ своихъ интересовъ нѣмцами, стали доходить до слуха защитниковъ. Къ сожалѣнію, эти слухи не всѣ были ложны. Гамбетта, изнеможенный, покинулъ Парижъ на воздушномъ шарѣ и отправился въ провинцію организовать сопротивление непріятелю. Правительство Національной Обороны поручило мужу г-жи Адагъ постъ префекта полиціи, и г-жѣ Адагъ пришлось поселиться въ домѣ бывшаго префекта Пьетри, то была для нея жертва, но ради своей родины она готова была принести еще не такія жертвы. «Есть ли что нибудь еще нелѣпѣе моего присутвія здѣсь, дорогая Алиса!—писала по этому поводу г-жа Адагъ.—Вообрази только, что намъ предсказали бы это шесть мѣсяцевъ тому назадъ! Стѣны смотрятъ на меня, остолбенѣвъ, никогда я не видѣла болѣе глупыхъ стѣнъ. Пьетри зажалъ имъ уши; онѣ ничего не понимаютъ и не слышатъ. Кресла вытягиваютъ свои ручки, когда принимаютъ нашихъ друзей. Этотъ домъ точно возмущается противъ меня; вещи имѣютъ свое настроеніе, а настроеніе дома Пьетри заключается въ томъ, что онъ какъ будто безпрестанно говоритъ мнѣ тономъ Фрамбуази временъ имперіи: «Право, сударыня, что вамъ тутъ дѣлать!» Г-жа Адагъ передаетъ, какъ трогательно и благородно осужденные поддерживали въ себѣ патріотическую вѣру въ лучшее будущее; малѣйшее благоприятное извѣстіе, самая хрупкая надежда возбуждали въ нихъ эту вѣру. Но бездѣятельность Трошю отнимала всѣ надежды, и въ дневникѣ г-жи Адагъ 25-го октября написаны слѣдующія строки: «Вчера говорили правительству о маршалѣ Базэнѣ; въ немъ сомнѣвались, и Трошю сказалъ: «Вы правы, опа-

саясь честолюбія Базэна, онъ дурно окруженъ, но онъ хитеръ, ловокъ и, кажется, ему больше интереса дѣйствовать хорошо, чѣмъ худо». Кто-то увѣрялъ, что Базэнъ велъ переговоры съ пруссаками, на это Трошю отвѣтилъ, что это было, безъ сомнѣнія, по поводу разнѣна плѣнниковъ. Такъ какъ настаивали на подозрѣніяхъ, что Базэнъ, можетъ быть, вступилъ въ соглашеніе съ не-пріятелемъ относительно возстановленія Бонапарта, то Трошю сказалъ: «Императоръ не имѣетъ никакого вліянія на армію; теперь армія останавливается на капитанѣ, а капитанъ и мелкій рядовой болѣе не бонапартисты. Базэнъ гордецъ и работаетъ для себя; его искушаетъ диктатура, здѣсь есть нѣчто трудно примириемое; но не бойтесь, что онъ не возстановитъ имперіи». Изъ депеши видно, что г-жа Базэнъ послана къ мужу предупредить, что дѣлается здѣсь съ блокады Меца, и что пруссаки согласились ее пропустить. Я въ томъ ничего не понимаю, и все то мнѣ кажется, по меньшей мѣрѣ, очень странно. Какъ, пруссаки, послѣ того, что намъ о нихъ доносятъ, вдругъ въ Мецѣ учтиво предлагаютъ руку г-жѣ Базэнъ, чтобы проводить ее къ мужу, ее, которая все видѣла, должна имѣть порученіе прослѣдить, которая все знаетъ, все можетъ рассказать? Полно! здѣсь есть что-то необъяснимое». Получая роковыя извѣстія, Парижъ наконецъ возсталъ и возмутился. Городская ратуша захвачена, полицейская префектура подверглась осадѣ, и только, благодаря г-жѣ Адавъ и помощникамъ префекта, ея мужъ избѣгнувъ руки Рауля Риго, но былъ захваченъ коммунной. Ему удалось убѣжать, и онъ опять захватилъ ратушу, не проливъ ни капли крови. Возмущенный нетерпимостью правительства, обещающаго амністію осаждающимъ и не даващаго ея, Адавъ подаль въ отставку, и г-жа Адавъ съ радостью покинула домъ Пьетри, вернулась на свою прежнюю «дорогую голубятню» на бульварѣ Пуассиньеръ. Между тѣмъ деморализація войска усиливалась; оставаясь бездѣятельнымъ, оно дезертировало въ провинцію, гдѣ шло сраженіе. 24-го ноября радость облетѣла Парижъ; извѣстіе отъ Гамбетты воодушевило самыхъ обезкураженныхъ, только Трошю не сдѣлался предприимчивѣе. «Сегодня утромъ, — писала г-жа Адавъ, — я обезумѣла отъ ваджды. Я читала и перечитывала депешу Гамбетты къ Жюлю Фавру и благословляла великаго патріота, который ее прислалъ. Что, если Гамбетта, республиканецъ, спасетъ нашу Францію! Когда въ немъ и въ его способностяхъ сомнѣваются, я никогда не сомнѣваюсь. У насъ есть Луарская армія силою въ двѣсти тысячъ человѣкъ; у насъ будутъ чрезъ двѣ недѣли другіе сто тысячъ человѣкъ; двѣсти тысячъ человѣкъ требуютъ двинуться впередъ. Наконецъ!.. Да здравствуетъ Франція!.. Она будетъ жить, наша французская родина, ее не будутъ болѣе такъ легко топтать, такъ какъ встрѣтятъ французовъ, ея защитниковъ, которые воспрепятствуютъ ее грабить и оскорблять. Мнѣ кажется, что весь Парижъ долженъ бы благодарить Гамбетту; я ему написала. Если бы сію минуту я получила извѣстіе отъ дочери, я думаю, что родина могла бы потребовать всей моей крови; я ее пролила бы, какъ вышила бы стаканъ воды». Но холодная дѣйствительность снова привела въ уныніе парижанъ. Дюкро попытался овладѣть Марной. Кругомъ раздавались пушечные выстрѣлы; Парижъ былъ охваченъ лихорадочнымъ жаромъ. Роковая годовщина 2 декабря леденила всѣмъ сердца; извѣстія приходили все неутѣшительныя. Шампиноа далъ себя захватить

врасплохъ, но цѣлый героическій день возстановилъ почти удачу. Отступленіе французовъ послѣдовало въ моментъ, когда нѣмецкія войска деморализировались; наконецъ Мольтке извѣстилъ Трошю о пораженіи Луарской арміи и о взятіи Орлеана нѣмцами. 11 декабря былъ такой холодъ, что солдаты умирали въ траншеяхъ. Но парижане все еще вадѣялись, и г-жа Аданъ, между прочимъ, писала: «Что бы ни случилось Гамбетта и Парижъ спасли честь Фринціи!» Трошю попрежнему бездѣйствуетъ. «Рѣдкіе извозчики, у которыхъ остались лошади,—пишетъ г-жа Аданъ:—начинаютъ говорить своимъ товарищамъ, у которыхъ не двигаются впередъ лошади: «Кончилъ ли ты изображать Трошю?» Картина осады Парижа нарисована г-жею Аданъ съ реальной живостью. Голодъ убивалъ болѣе парижанъ, чѣмъ. «железный дождь» пруссаковъ. Г-жа Аданъ не запиралась отъ страха въ квартирѣ, а первая ходила повсюду, не взирая на опасность отъ летавшихъ кругомъ гранатъ, и приносила всѣмъ сильную помощь. «Цѣлый день,—пишетъ она,—я вижу стонущихъ раненыхъ, истекающихъ кровью, которыхъ ампутируютъ, перевязываютъ, я хочу облегчить ихъ мученія, которыя раздраютъ мнѣ сердце. По вечерамъ среди друзей, приходившихъ къ намъ погоревать и показать мнѣ раны своей души и свои кровавыя язвы, я выбивалась изъ силъ, стараясь ихъ облегчить. Ахъ, сколько повсюду раненыхъ, сколько крови; я оцупываю себя, чтобы убѣдиться, тутъ ли еще моя голова, мои руки, мое сердце!» Когда осада приходила къ концу, бѣдствія успились: старое яйцо стоило два франка, масло—двадцать восемь франковъ за фунтъ, кроликъ—сорокъ франковъ, свинина, продаваемая тайкомъ, двѣсти франковъ. Холодъ усилился: въ комнатахъ замерзала вода; въ траншеяхъ въ одну ночь умерло отъ холода триста человекъ. У г-жи Аданъ ѣли верблюжій горбъ. 1 января все-таки у нея состоялся обѣдъ. Она съ бою достала въ англійской мясной кусокъ мяса слона, при этомъ французскій характеръ сохранилъ даже среди страданій свою неистощимую веселость, и продававшій въ лавкѣ приказчикъ остроумно и забавно заявлялъ, что все выставленное на продажу мясо принадлежитъ животнымъ изъ Jardin d'acclimatation и изъ звѣринцевъ. Доставшійся г-жѣ Аданъ кусокъ мяса былъ отрубленъ отъ слона по имени Кастора. Она пригласила Луи Блана и его брата отвѣдать слоновяго мяса. Это мясо оказалось замѣчательно вкуснымъ, и они всего хвалили. У Шарля Блана была ложа въ оперу, и всѣ они отправились послѣ обѣда въ театръ. Залъ театра уже давно не топили, и тамъ былъ страшный холодъ, при томъ онъ освѣщался только нѣсколькими лампами и свѣчами. Представленія давали только въ бенефисы актеровъ. Въ этотъ вечеръ на сценѣ шла «Désert», и контрастъ между жаркой пустыней, освѣщенной ослѣпительнымъ солнцемъ, и царившимъ вокругъ мрачнымъ холодомъ возбудилъ въ г-жѣ Аданъ болѣзненное настроеніе ума и такое нервное страданіе, что она стала просить мужа увезти ее домой. Ихъ друзья, также до смерти озябнувшіе, возвратились къ нимъ погрѣться у блѣднаго пламени барочныхъ обрубковъ. Въ ночь съ 5 на 6-е января бомбардировка усилилась, убивая невинныхъ прохожихъ въ ботаническомъ саду и Люксембургѣ. Около двѣнадцати дней жители уже жили въ погребахъ. Надежда и энергія парижанъ иссякла; у нихъ не оставалось болѣе хлѣба. Г-жа Аданъ неутомимо ухаживала за ранеными, лежавшими въ

консерваторіи, которой она болѣе не покидала. «У поручика Плавшю извлекли пулю,— писала г-жа Аданъ. — Хирургъ усыпилъ его, но этотъ храбрецъ во время операціи все время кричалъ: «Впередъ, товарищи. Полно же, впередъ! Это не трудно! Подымайтесь! Ахъ, вотъ мой капралъ! Впередъ! Вы видите, убиваютъ только офицеровъ!» Капитанъ и два товарища несчастнаго Плавшю умерли возлѣ него, прежде чѣмъ его ранили. Много печальныхъ и трогательныхъ картинъ представила г-жа Аданъ въ своемъ дневникѣ объ осадѣ Парижа. Національная гвардія показала свою храбрость, и какія услуги она могла бы оказать, если бы ея не отвели назадъ и не спрятали! Голодъ началъ деморализировать жителей. Правительство капитулировало, и наконецъ было подписано перемиріе: Парижъ сдался безъ сраженія. 26 января уже не раздавалась пушечная пальба. «Гамбетта и его друзья, — пишетъ г-жа Аданъ, — вышли изъ этой авантюры выросшими и облагороженными: ихъ республика будетъ жить. Гамбетта оказался такимъ именно, какимъ мы его считали. Онъ всѣмъ распорядился, все приказалъ и все создалъ. Онъ долженъ былъ бы сдѣлаться администраторомъ, финансистомъ, политикомъ и воинномъ. Что бы ни говорили въ Парижѣ, по его личное вліяніе не уменьшилось въ провинціи: напротивъ оно выросло. Выборъ, сдѣланный имъ, своихъ корпусныхъ командировъ, генераловъ и адмираловъ показываетъ его знаніе людей. Всѣ тѣ, кого онъ выбралъ, предназначены судьбою сдѣлаться блестящими начальниками воскресенной французской арміи... Въ общемъ провинція знаетъ недостаточно, что происходитъ въ Парижѣ, мы же ничего не знаемъ о провинціи. Нѣтъ общности ни въ сужденіяхъ ни въ выраженіяхъ. Въ одномъ только сходятся, и это меня мучитъ: если бы у насъ былъ здѣсь человекъ, способный обнаружить эвергію, какую обнаружилъ Гамбетта тамъ, то мы побѣдили бы. Мы унижены непріятелемъ, мы унижены Франціей, мы ничего не избѣжали!» Свои воспоминанія она оканчиваетъ ужаснымъ крикомъ отчаянія, не погибъ ли ея мужъ въ побѣдѣ по дорогѣ въ Ниццу, въ одномъ изъ вагоновъ котораго произошелъ взрывъ. Появленіе пятаго тома воспоминаній г-жи Аданъ, въ которомъ она познакомитъ читателя со всѣми перипетіями коммуны и съ пержитыми ею страданіями, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать.

— Два памятника: Альфреду де-Мюссэ и Альфонсу Карру. 23 февраля была открыта въ Парижѣ статуя Альфреда де-Мюссэ, работы скульптора Антонена Мерсье и пожертвованная парижскому муниципалетету известнымъ богачемъ Озирисомъ. Она возвышается на самомъ подходящемъ мѣстѣ, именно на площадкѣ противъ французскаго театра, при входѣ въ улицу Рипелье, и изображаетъ знаменитаго поэта и драматурга сидящимъ на скамьѣ въ задумчивой позѣ, а сзади его поддерживаеъ муза. Въ виду неблагоприятной холодной погоды церемонія открытія была устроена директоромъ театра французской комедіи, Жюлемъ Кларети, въ сѣняхъ театра, прямо противъ статуи. Такимъ образомъ друзья и поклонники автора столькихъ замѣчательныхъ пьесъ, входящихъ въ современннй репертуаръ Дома Мольера, почтили его память длиннымъ рядомъ рѣчей въ его «собственномъ жилищѣ», по выраженію Кларети.

Дѣйствительно, въ томъ мѣстѣ, которое избрано для его статуи, вытаютъ тѣни не только самого Мюссэ, но и его безчисленныхъ героевъ и героинь, соста-

вляющихъ и черезъ пятьдесятъ лѣтъ по его смерти предметъ общаго поклоненія. Какъ справедливо выразился Кларети, «Мюссэ до сихъ поръ восторженно смотрится публикой, и актеры до настоящей минуты рельефно поддерживаютъ своимъ талантомъ его вдохновенную музу». Еще краснорѣчивѣе высказалъ академикъ Коппэ всю истинно французскую сторону знаменитаго поэта, а Марсель Прево отъ имени литературнаго общества упомянулъ о его значеніи, какъ автора не только безсмертной поэзіи, но и даровитыхъ прозаическихъ произведеній. Послѣднимъ ораторомъ былъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, Бьенвеню-Мартенъ, который въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ выразилъ всѣ заслуги идеальнаго мечтателя предъ французской литературой. По окончаніи этого торжества, особенное вниманіе всей публики было обращено на почтенныхъ лѣтъ женщину, со слезами смотрѣвшую на статую Мюссэ; это была Адель Колэнъ, старая экономка поэта, надняхъ напечатавшая свои воспоминанія. Еще большее впечатлѣніе произвела на всѣхъ г-жа Северинъ, которая, взявъ отъ подножія памятника цѣлую охапку цвѣтовъ, снесла ее и положила на колѣни статуи Жоржъ Сандъ въ фойе театра. Одною только недоставало: никто не вспомнилъ о знаменитой актрисѣ французской комедіи, г-жѣ Алланъ, которая была послѣднимъ предметомъ любви Альфреда де-Мюссэ.

Вообще объ этомъ послѣднемъ капризѣ Мюссэ очень мало говорилось его многочисленными біографами, и только въ первомъ апрѣльскомъ номерѣ «Revue de Paris» напечатаны въ статьѣ Леона Сэтэ письма г-жи Алланъ, въ которыхъ она вполне искренно описываетъ свою недолгую любовную эпопею съ великимъ поэтомъ. Извѣстно, что г-жа Алланъ была замужемъ за посредственнымъ актеромъ, съ которымъ вмѣстѣ играла на сценѣ Михайловскаго театра около десяти лѣтъ; у насъ очень любили ее, какъ даровитую актрису, и она была принята при дворѣ и въ великосвѣтскомъ обществѣ. Алланъ случайно увидѣла въ Александринскомъ театрѣ «Un sacrifice» Мюссэ на русскомъ языкѣ, и ей такъ понравилось это произведеніе, что она поставила его на михайловской сценѣ съ большимъ успѣхомъ. Когда же г-жа Алланъ въ 1847 г. уѣхала изъ Россіи и поступила на сцену французской комедіи, то настояла, чтобы и въ Парижѣ представили «Le Sacrifice». Такимъ образомъ двери перваго французскаго театра были открыты великому французскому поэту, и его драматическія произведенія, до тѣхъ поръ считавшіяся написанными только для чтенія, имѣли на сценѣ большой успѣхъ. Въ то же время между поэтомъ и актрисой завязался трогательный романъ: они взаимно влюбились, но такъ какъ Мюссэ отличался невозможнымъ характеромъ, доходившимъ до галлюцинацій, и постоянно шилъ до чертиковъ, то ихъ любовь была самая несчастная. Впрочемъ бывали моменты, когда, по словамъ г-жи Алланъ въ ея письмахъ, «Мюссэ былъ восхитителенъ и казался вполне достойнымъ своихъ прекрасныхъ сочиненій, но зато минуты блаженства смѣнялись самыми ужасными контрастами, когда онъ былъ одержимъ какимъ-то бѣсомъ жестокости, надменности, безумія, деспотизма и какой-то злобы, доходившей до мрачной экзальтаціи». При этомъ г-жа Алланъ прибавляетъ: «Я удивляюсь, какъ онъ не умеръ уже сто тысячъ разъ!» Слова г-жи Алланъ вполне оправдываютъ Жоржъ Сандъ

въ ея извѣстныхъ походеиныхъ съ Мюссэ. Что же касается до самой г-жи Алланъ, то послѣ безконечныхъ ссоръ и примиреній, за которыми слѣдовали новыя размолвки, дѣло наконецъ дошло до открытаго разрыва. Актриса разошлась съ поэтомъ и предалась исключительно сценѣ. Съ самомъ разгарѣ ея романа съ Мюссэ вернулся изъ Россіи мужъ г-жи Алланъ, но онъ имѣлъ столько грѣховъ за собою, что не могъ упрекнуть жены, а потому миролюбиво съ нею разстался. Въ расцвѣтѣ своего таланта г-жа Алланъ внезапно умерла въ 1856 г., а вслѣдъ за нею, годъ спустя, скончался и Мюссэ отъ тоски, отвращенія къ жизни и абсента, по словамъ Додэ.

8 апрѣля въ небольшомъ городкѣ Сень-Рафаэлъ, близъ Ниццы произошло скромное торжество открытія по мѣстной подпискѣ памятника Альфонсу Карру, который для всѣхъ французовъ—извѣстный литераторъ, а для жителей окрестностей Ниццы—знаменитый садоводъ, основатель мѣстной цвѣточной торговли. Жанъ Альфонсъ Карръ, сынъ польскаго поэта Каршинскаго, родился въ 1808 г. въ Парижѣ и, получивъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ отца, поступилъ въ Бурбонскую коллегію, гдѣ впоследствии былъ учителемъ. Еще молодымъ человѣкомъ онъ впервые помѣстилъ въ газетѣ «Figaro» сатирическія статьи, а въ 1832 г. напечаталъ свой первый и извѣстѣйшій изъ его романовъ «*Sous les tilleuls*», который доставилъ ему широкую популярность ироніей, здравымъ смысломъ и легкостью стили. Онъ описалъ въ немъ свою разочарованную любовь. Затѣмъ съ одной стороны онъ продолжалъ писать романы, а съ другой сатирическія статьи и брошюры такого же веселаго, остроумнаго и ядовитаго содержанія подъ общимъ названіемъ: «*Les guêpes*», выходившія ежемѣсячно въ видѣ афоризмовъ. Усиѣхъ этихъ блестящихъ изреченій былъ громадный, что, впрочемъ, ему не мѣшало одно время въ 1839 г. быть редакторомъ «Figaro». Замѣчательно, что «Осы» Альфонса Карра раздражали очень многихъ, и даже одна дама пыталась его убить. Во время февральской революціи онъ издавалъ газету «*Le Journal*» съ цѣлью защиты политики Кавеньяка и, не избранный въ депутаты, оказывалъ своими статьями большое содѣйствіе Ламартину, который предлагалъ ему мѣсто префекта, но неудачно. Карръ не хотѣлъ принимать никакихъ официальныхъ обязанностей, но написалъ знаменитый «Манифестъ иностраннымъ державамъ». Впоследствии Ламартинъ посвятилъ ему прекрасное стихотвореніе въ своемъ «*Cours de littérature*». Послѣ государственнаго переворота 2 декабря Альфонсъ Карръ естественно почувствовалъ отвращеніе къ политикѣ и удивился въ Ниццѣ, гдѣ предался занятію садоводствомъ и завелъ впервые цвѣточную торговлю. «Я—послѣдній садовникъ, — говорилъ онъ, — теперь все цвѣтоводы». Дѣйствительно, когда Карръ поселился въ Ниццѣ, принадлежавшей Сардинскому государству, тамъ никто не занимался разведеніемъ цвѣтовъ. Странно сказать, что тогда надо было самый маленькій букетъ выискивать для Ниццы изъ Генуи. Съ легкой руки автора «Ось», Ницца начала разводить цвѣты, и мало-помалу ея сады начали поставлять букеты на Францію, Англію, Германію и даже Россію. «Мои букеты, — говорилъ онъ, — разиѣщались съ такой свободой, что цвѣты сохраняли свою форму, осанку и даже свой счастливый видъ». Онъ попробовалъ счастье и въ огородничествѣ, которое также въ то время не суще-

ствоvalo въ Ниццѣ, но это дѣло не пошло, такъ какъ онъ не умѣлъ давать покупавшей у него прислугѣ необходимаго барыша. Точно также и отъ цвѣтовъ онъ имѣлъ небольшой барышъ: выручая въ годъ тридцать тысячъ франковъ, онъ отъ четырехъ до пяти тысячъ франковъ расходовалъ на жалованье садовникамъ, которые, получая содержаніе, служили у него цѣлый годъ, а приносили ему пользу только четыре лѣтнихъ мѣсяца. Со страстью разводя цвѣты, Альфонсъ Карръ продолжалъ, однако, писать романы и даже въ 1870 г. выпустилъ новый сборникъ своихъ «Осъ», но это было уже слабое, старческое брюзжаніе противъ республики. Но большой успѣхъ имѣли его воспоминанія, подъ названіемъ «*Livre de Bord*»; всѣ же его сочиненія достигаютъ крупной цифры шестидесяти. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько пьесъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ, особенно: «*La Pénélope normande*», которая была поставлена на сценѣ театра «*Vaudevill*», и «*Les roses jaunes*» — на сценѣ «*Comédie Française*». Окончивъ свою жизнь спокойно и благополучно среди любимыхъ цвѣтовъ и семейства, Альфонсъ Карръ умеръ въ Сентъ-Рафаэлѣ въ 1890 г.

Послѣ шестнадцати лѣтъ друзья и почитатели Альфонса Карра воздвигли ему памятникъ работы художника Мобера, и на открытіе его собралось довольно обширное общество подъ предсѣдательскомъ извѣстнаго литератора Жана Эйкара. По обыкновенію произнесены многочисленныя рѣчи въ честь романиста, сатирика и садовника. Среди присутствующихъ находилась внучка юбиляра г-жа Буэ-Карръ, написавшая нѣсколько томовъ прелестныхъ рассказовъ. Жюль Кларети не могъ пріѣхать изъ Парижа, и потому его краснорѣчивая рѣчь была прочитана Эйкаромъ. Послѣ торжества на открытомъ воздухѣ послѣдовалъ шумный и веселый банкетъ въ гостиницѣ Beau Rivage, гдѣ, конечно, краснорѣчіе лилось вмѣстѣ съ шампанскимъ.

— Смерть Александра Килланда, генерала іезуитовъ, патера Мартина, и Пьера Кюри. Александръ Ланге Килландъ, или Кьеландъ, извѣстный норвежскій писатель, неожиданно умеръ 7 апрѣля отъ припадка сердечной болѣзни. Онъ родился въ Скавангерѣ въ 1849 г. и избралъ свой родной городъ мѣстомъ дѣйствія большинства своихъ романовъ и рассказовъ. Первымъ его произведеніемъ былъ сборникъ повѣстей, а затѣмъ слѣдовали большіе романы: «Капитанъ Ворза», «Люди труда», «Ядъ», «Счастье» и т. д. Кромѣ того, онъ написалъ три побольшія драмы. Всѣ его сочиненія сначала подражали французской романтической школѣ, а потомъ съ легкой руки Ибсена онъ сдѣлался однимъ изъ главарей натурализма въ Норвегіи. Вообще онъ отличался борьбой за индивидуальность и противъ узкости лютеранскаго духовенства, а также буржуазнаго общества. Въ 1891 г. онъ неожиданно въ самомъ зенитѣ своей славы покинулъ литературное поприще и предался муниципальной дѣятельности въ своемъ родномъ городѣ, который избралъ его бургомистромъ. Только въ прошедшемъ году онъ снова вернулся къ своему литературному поприщу и напечаталъ историческій очеркъ жизни Наполеона, который, однако, мѣстные критики приняли очень холодно. Впрочемъ его внезапная смерть возбудила сожалѣніе всѣхъ поклонниковъ его талантливыхъ романовъ.

Чрезъ одиннадцать дней послѣ этого скончался въ Римѣ отъ воспаления легкихъ, генералъ іезуитскаго ордена, патеръ Мартинъ, на 64 г. своей жизни

и на 14 г. управленія орденомъ. По происхожденію онъ былъ испанецъ, но принадлежалъ къ французскому семейству, жившему въ Лаваль, гдѣ и окончилъ свое духовное образованіе, а потомъ состоялъ патеромъ въ мѣстной коллегіи. Хотя онъ никому не былъ извѣстенъ, но тогдашній генераль іезуитскаго ордена, Андерлэди, призвалъ его въ Римъ и назначилъ сначала управляющимъ испанскаго отдѣла ордена, а потомъ генеральнымъ викаріемъ. Это послѣднее назначеніе всѣхъ удивило, такъ какъ, очевидно, патерь Андерлэди предназначалъ его въ генералы ордена послѣ своей смерти. Онъ умеръ въ 1892 г., и вопреки правиламъ, которыя требовали, чтобы избраніе новаго генерала совершалось въ Римѣ, Левъ XIII пожелалъ, чтобы на этотъ разъ выборы имѣли мѣсто въ Испаніи въ монастырѣ Лойолы, съ той цѣлью, чтобы не заподозрѣли политическихъ интригъ. Согласно завѣщанію Андерлэди избранъ былъ патерь Мартинъ, также вопреки обычаю за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ назначать генерала изъ мелкихъ католическихъ государствъ; такъ, патерь Рутанъ былъ избранъ въ 1829 г. изъ голландцевъ, патерь Бекцъ въ 1853 г. изъ бельгийцевъ и Андерлэди изъ швейцарцевъ въ 1857 г. Вскорѣ послѣ своего избранія новый генераль іезуитовъ перевелъ свою резиденцію изъ Фьезоле близъ Флоренціи, гдѣ жили его два предшественника, въ Римъ, но эту пережѣву онъ сдѣлалъ безъ всякаго официальнаго шума, чтобы не возбудить подозрѣній итальянскаго правительства. По этой же причинѣ онъ всегда воздерживался занимать въ церкви св. Петра во время торжественныхъ служеній мѣсто, ему принадлежащее среди главарей монашескихъ орденовъ. Поэтому во время церемоній вѣнчанія на папскій престолъ Пія X онъ стоялъ въ очень скромной одеждѣ, хотя и недалеко отъ папы. По наружности онъ былъ очень смуглый, съ густыми бровями и съ нѣсколько суровымъ, но откровеннымъ взглядомъ. Вообще его фizioномія была выразительная и рѣшительная; извѣстно, что онъ выказалъ удивительную твердость во время отнятія у него правой руки, пораженной ракомъ. Онъ даже рѣшился перенести операцію безъ хлороформа. Этотъ подвигъ въ сущности есть повтореніе примѣра, даннаго Игнатіемъ Лойолой, который былъ раненъ во время осады Помпелуны и подвергся тяжелой операціи шутя и улыбаясь. Замѣчательно, что патерь Мартинъ былъ большимъ другомъ кардинала Марі-дель-Валь до его назначенія въ государственные секретари. Съ тѣхъ же поръ онъ хотя сохранилъ значительное на него вліяніе, но обходился съ нимъ очень сдержанно. Смерть патера Мартина произвела большое впечатлѣніе на всѣхъ католиковъ, такъ какъ іезуитскій орденъ имѣетъ до сихъ поръ сильное вліяніе на весь католическій міръ. Теперь іезуитовъ насчитываютъ 15.514 человекъ, распредѣленныхъ на пять отдѣловъ: Франціи, Италіи, Германіи, къ которой принадлежатъ Австрія, Бельгія и Голландія, Испаніи, которая включаетъ Португалію и Мексику, и Англіи, распространяющейся на Канаду и Соединенные Штаты.

19 апрѣля всесвѣтная наука лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ представителей, изобрѣтателя радія Пьера Кюри. Онъ среди бѣлаго дня случайно переходилъ чрезъ улицу Дофинъ и, поскользнувшись на мокромъ асфальтѣ, упалъ подъ тяжелую громадную телѣгу, колеса которой раздробили ему голову, и смерть произошла мгновенная. Такимъ образомъ Кюри погибъ

въ самомъ расцвѣтѣ жизни и въ зенитѣ славы. Ему было всего 47 лѣтъ, и наука еще могла ожидать отъ него длиннаго ряда славныхъ открытій. Онъ родился въ 1859 г. и принадлежалъ къ семьѣ ученыхъ, съ юныхъ лѣтъ занимался въ физической лабораторіи своего брата Павла, извѣстнаго многими замѣчательными работами по электричеству. Въ 1896 г. онъ занялъ кафедру физики и химіи въ муниципальной Парижской школѣ, и до 1903 г. онъ былъ извѣстенъ только своими работами въ ученomъ мѣрѣ. Только въ концѣ этого года онъ прославился вмѣстѣ съ своей женой великимъ открытiемъ радія. Что касается до г-жи Кюри, то урожденная Сладковская, она сама извѣстная ученая и содѣйствовала мужу въ его безсмертномъ открытiи. Въ томъ же году, когда онъ навѣки прославилъ свое имя, они оба получили отъ Лондонскаго королевскаго общества медаль Дэви, а въ прошедшемъ году Кюри раздѣлили съ извѣстнымъ ученымъ Беккерелемъ премію Нобеля. Всѣмъ памятно, что онъ отказался отъ ордена Почетнаго Легіона, которымъ французское правительство хотѣло его вознаградить за ученые заслуги. Онъ предпочелъ занять въ Сорбоннѣ кафедру, которую создали нарочно для него, и къ которой была присоединена прекрасная лабораторія, вполне достойная сосредотичить въ себѣ его труды. Наконецъ, 3 іюля прошлаго года, академія наукъ сдѣлала его своимъ членомъ по отдѣлу физики. Теперь за смертью великаго ученаго придется его женѣ продолжать его безсмертныя открытiя.

С М Ъ С Ъ.

ИНСИТУТЪ А. И. ЯЦИМИРСКАГО. 9-го апрѣля въ публичномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета Казанскаго университета преподаватель с.-петербургскаго III-го реального училища, А. И. Яцимирскій, защищалъ диссертацию: «Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности». (Отзывъ о книгѣ былъ помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1904 г., кн. IX). Официальными оппонентами выступили деканъ факультета, профессоръ А. И. Александровъ, и приватъ-доцентъ Н. М. Петровскій. Отмѣтивъ выдающіяся научныя достоинства изслѣдованія, раньше уже справедливо оцѣненнаго въ печати и дающаго автору полное право на степень магистра, профессоръ А. И. Александровъ сдѣлалъ общій обзоръ всѣхъ работъ А. И. Яцимирскаго по старой юго-славянскои и русскои письменности, палеографіи и археографіи, исторіи и археологіи, этнографіи и фольклору, румыновѣдѣнію и другимъ филологическимъ дисциплинамъ. На болѣе важныхъ работахъ оппонентъ остановился подробнѣе, особенно на недавнемъ капитальномъ трудѣ «Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ» (отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1905 г., кн. X), и въ заключеніе охарактеризовалъ Яцимирскаго, какъ «ученаго не послѣдняго ранга, много уже потрудившагося и до сихъ поръ работающаго вполне усердно и весьма плодотворно». Послѣ непродолжительнаго совѣщанія факультетъ въ полномъ составѣ, «признавая защиту вполне удовлетворительной, а также высокую научную цѣнность всей дѣятельности диспутанта, выразившейся въ цѣломъ рядѣ весьма точныхъ, обстоятельныхъ и важныхъ изслѣдованій и работъ», единогласно присудилъ ему вмѣсто некоей имъ степени магистра прямо

стенень доктора славянскоѣ филологіи. Такое отличіе молодого ученаго является рѣдкимъ у насъ вообще и единственнымъ по кафедрѣ славяновѣдѣнія со времени учрежденія ея въ русскихъ университетахъ.

Редакція «Историческаго Вѣстника» съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ успѣхъ А. И. Яцимпрекаго на диспутѣ въ Казанскомъ университетѣ, какъ успѣхъ своего постояннаго сотрудника, такъ много потрудившагося для журнала по отдѣлу «критики и бібліографіи».

Годовое собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Годовое собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ состоялось 16-го апрѣля и вышло очевь шумнымъ. Моменты, когда пренія переходили въ пререканія, и одновременно говорили нѣсколько лицъ, вызывали энергичный призывъ председателя собранія, Е. П. Карпова, къ порядку. Рассмотрѣніе годового отчета выдвинуло вопросъ объ оказаніи помощи нуждающимся членамъ кассы, пострадавшимъ за политическія убѣжденія, а также нуждающимся семьямъ такихъ членовъ. Вопросъ былъ возбужденъ инженеромъ Лавровымъ, который въ связи съ этимъ вопросомъ бросилъ правленію упрекъ въ отсутствіи жизненности и отзывчивости на событія современной политической жизни. Многочисленные аресты журналистовъ въ послѣднее время настроили собраніе противъ существующаго режима. Начались рѣчи и раслились до общаго говора. Председатель правленія, Я. Н. Колубовскій, признавая желательность такой помощи, отмѣтилъ, что разрѣшеніе этого вопроса безъ нарушенія устава кассы должно быть отложено до слѣдующаго ближайшаго общаго собранія, и самый вопросъ долженъ быть поставленъ на повѣстку для общаго собранія, пмѣющаго состояться 23-го апрѣля. Тогда возникъ курьезный вопросъ, слѣдуетъ ли соблюдать уставъ кассы. Нашлись ораторы, ссылавшіеся на то, что нынѣ время виѣуставное, и доказывавшіе, что уставъ кассы дѣйствителенъ, какъ руководящее начало дѣятельности правленія, но для собранія уставъ не писанъ. Мысль эта вызвала, съ одной стороны, аплодисменты, съ другой— основательные протесты. Во всякомъ случаѣ пренія выяснили, что арестованный членъ кассы въ отношеніи трудоспособности и обезпеченія своей семьи становится временно инвалидомъ. Помощь здѣсь необходима, и оказаніемъ ея касса не нарушитъ устава, предвидѣвшаго взаимопомощь въ случаяхъ инвалидности. Руководствуясь этими соображеніями, общее собраніе признало желательнымъ основаніе фонда для оказанія такой помощи. Постановленіе вынесено почти единогласно, только одинъ изъ присутствовавшихъ (г. Житковъ) былъ противъ. Затѣмъ баллотировкой большинствомъ одного голоса признано возможнымъ сейчасъ же ассигновать въ новый фондъ сумму изъ свободной части процентовъ съ капитала Н. А. Фирсова. Однако, признавъ такую возможность въ принципѣ, окончательное и детальное разрѣшеніе этого вопроса согласно уставу отложили до слѣдующаго общаго собранія. Предварительная разработка вопроса возложена на комиссію изъ семи лицъ совмѣстно съ правленіемъ кассы. По произведенной баллотировкѣ въ составъ этой комиссіи избраны: А. П. Арабажинъ, М. В. Ватсонъ, Л. А. Ждановъ, Д. А. Лпневъ, Лавровъ. Послѣ утвержденія годового отчета, одобренія предложеній ревизіонной комиссіи и единодушной благодарности Я. Н. Колубовскому,

душной благодарности Я. Н. Колубовскому, какъ предсѣдателю правленія, и Б. Б. Глинскому и Л. З. Слонимскому по должностямъ секретаря и казначея, а также членамъ правленія за ихъ дѣятельность на пользу кассы, годовое собраніе было прервано, и продолженіе его назначено на 23-е апрѣля.

Въ отчетномъ году было девять случаевъ выдачи порозрядныхъ суммъ. Въ томъ же году пенсіями пользовались восемь членовъ кассы, которымъ выдано всего 3.015 рублей. Въ теченіе года въ пенсіонный капиталъ кассы поступило пожертвованій: по центральному правленію — 5.857 р. 45 к. и по московскому отдѣленію — 625 рублей, а всего 6.482 р. 45 к. Особое мѣсто среди пожертвованій занимаетъ поступленіе по духовному завѣщанію Н. А. Фирсова: процентными бумагами (4% облигаціями російскаго золотого займа) въ золотой валютѣ 75.750 рублей, что въ кредитной валютѣ составляетъ 113.625 рублей, векселями 25.000 рублей и наличными деньгами 2.942 рубля. Капиталу этому ведется отдѣльный счетъ. Особый видъ пожертвованій въ пенсіонный капиталъ кассы составляютъ взносы издателей періодическихъ изданій за перепечатки статей и извѣстій изъ другихъ изданій. Въ отчетномъ году такихъ добровольныхъ взносовъ поступило всего 1.659 рублей, менѣе 1904 г. на 728 р. 30 к. Общій расходъ по кассѣ въ 1905 г. выразился въ суммѣ 15.882 р. 75 к. (менѣе 1904 г. на 5.364 р. 9 к.), а приходъ — 135.137 р. 41½ к. (болѣе 1904 г. на 106.563 р. 34¾ к.). Такимъ образомъ отчетный годъ въ денежномъ отношеніи былъ исключительно благопріятенъ для кассы. Къ 1-му января 1906 г. въ кассѣ находилось 204.625 р. 92 к.

Общество любителей древней письменности. 14-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, состоялось годовое собраніе императорскаго общества любителей древней письменности. Засѣданіе было открыто заявленіемъ о поступленіи въ распоряженіе предсѣдателя 300 рублей для предпринятія отъ имени общества научной экспедиціи лѣтомъ 1906 г. на Аюнь, въ Солунь и Охридъ съ цѣлью выясненія вопроса, откуда и какъ было усвоено у насъ церковно-пѣвческое искусство. Послѣ прочтенія секретаремъ денежнаго годового отчета, бюджета на 1906—1907 г. и годового отчета о дѣятельности общества, С. В. Смоленскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ «Нѣсколько новыхъ данныхъ о такъ называемомъ кондакарномъ знаменнѣи о кондакаряхъ XII—XIII вѣковъ». Референтъ, указавъ на связь кондакарнаго пѣнія съ другими родами пѣвческаго древне-русскаго искусства, представилъ обзоръ пѣнія всѣхъ пяти существующихъ кондакарей и опыты приведенія въ отдѣльныя системы какъ нотациі кондакарной, такъ и краснодемественной. Устанавливая затѣмъ пѣнія кондаковъ по особой дисциплинѣ ихъ «подобновъ», г. Смоленскій указалъ, что сопоставленіе редакцій пяти кондакарей выяснило: 1) замѣну однихъ знаковъ другими, а слѣдовательно одинаковое ихъ значеніе, и 2) многіе способы изложенія одного и того же музыкальнаго содержанія, а главное—форму этихъ композицій. Въ заключеніе референтъ, на основаніи наличности кондаковъ первымъ русскимъ святымъ, множества дополнительныхъ статей, расцѣпокъ полныхъ кондаковъ и ослабленія грецизмовъ, предположилъ о послѣдовательномъ перерожденіи кондакарнаго пѣнія въ чисто-русское искусство, перешедшее потомъ въ знаменныя книги и возродившееся, быть можетъ, въ XV—XVI в.в. въ демественномъ пѣніи.

150-лѣтній юбилей лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. 30 марта исполнился 150-лѣтній юбилей лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Онъ былъ сформированъ 30 марта 1756 г. по повелѣнію императрицы Елисаветы и заключалъ въ себѣ два пятиротныхъ батальона. Полкъ получилъ наименованіе перваго гренадерскаго полка. Въ мартѣ 1762 г. императоръ Петръ III повелѣлъ переформировать полкъ въ три отдѣльныхъ гренадерскіе батальона, но 5 іюля это повелѣніе было отмѣнено императрицею Екатериной II. Годъ спустя, полкъ былъ переформированъ въ трехъ-батальонный составъ, каждый батальонъ былъ въ составѣ четырехъ ротъ. Въ 1775 г. императрица Екатерина II повелѣла: въ честь и уваженіе къ пѣхотѣ россійской арміи именовать полкъ, какъ первый по его степени, такъ и всегда отличавшійся военной дисциплиной и храбростію? «Своимъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ»; съ тѣмъ вмѣстѣ изволила принять въ немъ званіе полковника. 13 апрѣля 1813 г. за мужество и храбрость, оказанныя въ войну 1812 г., полкъ причисленъ къ составу гвардіи и названъ лейбъ-гвардіи гренадерами. Въ 1877 г. по случаю выступленія дѣйствующихъ батальоновъ въ походъ сформированъ запасный батальонъ, расформированный въ 1878 г. Полкъ участвовалъ во многихъ походахъ и покрылъ себя неувядаемою славой. На второй годъ своего сформированія полкъ участвовалъ 18, 19 и 24 іюля при осадѣ и взятіи города Мемеля, а 19 августа въ сраженіи при деревнѣ Гроссъ-Легерндорфъ. 9 января 1758 г. полкъ отличился при взятіи Лабіау. 10 января торжественно вступилъ въ Кенигсбергъ. Въ 1759 г., 12 іюля, полкъ отличился въ сраженіи при деревнѣ Цюльхау въ Силезіи, а 1 августа при Франкфуртѣ (Кунцендорфъ) и 5 августа при переправѣ черезъ Одеръ. Въ 1769 г. полкъ принималъ участіе во взятіи города Берлина, а 29 сентября того же года въ разбитіи и преслѣдованіи корпуса генерала Гильзена. Во время турецкой кампаніи полкъ въ 1769 г. принималъ участіе въ сраженіи съ турками подъ Хотиномъ, съ 3 по 1 августа — въ блокадѣ Хотина по оставленіи его турками, 7 іюля 1770 г. полкъ участвовалъ въ сраженіи при Ларгѣ. 21 іюля гренадеры участвовали въ разбитіи 150-тысячной турецкой арміи, покрыли себя славой и заслужили особенное благоволеніе императрицы. Въ 1789 г. полкъ принималъ участіе въ сраженіи со шведами въ Финляндіи при деревнѣ Вирп, 1 іюля при переправѣ у Парасальми, 8 — при городѣ С.-Михелѣ. Въ 1790 г. 3-й батальонъ участвовалъ въ сраженіи при м. Карнакоски, 23 апрѣля 4-й батальонъ отличился при д. Тимоля, а 24 апрѣля 2-й и 3-й батальоны — при деревнѣ Тайкола. Въ 1805 г. лейбъ-гренадеры участвовали въ извѣстномъ Аустерлицкомъ сраженіи, а, годъ спустя, при Густадтѣ, при Гейльсбергѣ, а 2 іюля подъ Фридландомъ. Съ 3 іюня по 13 декабря полкъ принималъ участіе поротно въ сраженіи со шведами въ Финляндіи, а въ 1809 г. при переходѣ въ Швецію черезъ Кваркенъ — въ занятіи города Умео въ корпусѣ генералъ-лейтенанта Барклая-де-Толли. Особенно полкъ отличился въ Отечественную войну. 1-й и 3-й батальоны поступили въ составъ 3-го корпуса 1-й западной арміи, а 2-я гренадерская рота въ соединеніи съ гренадерскими ротами графа Аракчеева и таврическимъ гренадерскимъ полкомъ составила сводный гренадерскій батальонъ при 5-мъ (гвардейскомъ) корпусѣ той же арміи. Эти части участво-

вали 7 августа въ сраженіи при деревнѣ Лубино близъ Смоленска, 25 и 26 августа подъ Бородинымъ, 5 и 6 ноября подъ Краснымъ, 19 при переправѣ черезъ рѣку Березину. Оставшіяся отъ 2 батальона роты поступили въ корпусъ графа Витгенштейна и вмѣстѣ съ тремя ротами гренадерскаго графа Аракчеева полка составили отдѣльный батальонъ подъ названіемъ перваго гренадерскаго, который принималъ участіе въ сраженіяхъ: 18, 19 и 20 іюля при Клястицахъ, 5 и 6 августа при Полоцкѣ, 19 октября при Чашникахъ, 15 ноября у стараго Борисова и засимъ 16 и 17 при переправѣ черезъ рѣку Березину. Въ 1813 г. полкъ послѣ реформирования своего въ Бѣлостокѣ поступилъ въ составъ 3 корпуса и участвовалъ: 20 апрѣля въ сраженіи при Люцевѣ, 8 и 9 мая при Бауцевѣ, 14 и 16 іюля при Дрезденѣ, 17 и 18 августа при Кульмѣ, 4 и 6 октября при Лейпцигѣ, а 18 марта 1814 г. подъ Парижемъ. Въ 1826 г. 2 батальонъ въ соединеніи со вторымъ батальономъ лейбъ-гвардіи московскаго полка подъ названіемъ лейбъ-гвардіи своднаго полка выступилъ въ походъ въ Персію и участвовалъ въ 1827 г. 5 іюля въ сраженіи при Джелаль-Булакѣ, 7-го при взятіи Аббасъ-Абада, 14—20 сентября при осадѣ и взятіи крѣпости Сардаръ-Абада, а 1 октября при штурмѣ и взятіи крѣпости Эривани. Въ 1828 г. гренадеры вернулись въ С.-Петербургъ. Въ 1831 г. полкъ выступилъ въ походъ въ Польшу, 6 мая участвовалъ въ авангардномъ дѣлѣ при деревнѣ Младомъ Яканѣ, 25 и 26 августа при штурмѣ Воли и Варшавы. Въ 1849 г. съ мая по ноябрь гренадеры были въ походъ противъ Венгріи, а въ 1854—1856 гг. состояли въ арміи, охранявшей западныя границы и берега Балтійскаго моря. Въ 1863 г. полкъ поротно принималъ участіе въ усмирении польскаго мятежа въ предѣлахъ Виленскаго военнаго округа. Не меньшей славой покрыли себя гренадеры въ русско-турецкой кампаніи. 12 октября полкъ особенно отличился при взятіи укрѣпленной позиціи между Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ, 16 октября участвовалъ при взятіи Телиша, 11—12 ноября при занятіи Искерскаго ущелья и взятіи Эгрополя, 17 и 25 ноября при занятіи Златицкаго перевала черезъ Балканы и укрѣпленной позиціи при д. Кликіюй, а 3—5 января 1878 г. въ сраженіяхъ подъ Филиппополемъ. За свои боевыя заслуги полкъ имѣетъ слѣдующіе знаки отличія: 1) Полковое знамя Георгіевское съ надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 г. и 1855—1856 гг.», съ Андреевской юбилейною лентою; 2) двѣ серебряныя трубы съ надписью «За взятіе г. Берлина 28 сентября 1760 г.»; 3) знаки на шапкахъ съ надписью: «За горный Дубнякъ», пожалованные 17 апрѣля 1878 г. въ командованіе свиты его величества генераль-майора Любовицкаго. Августѣйшими шефами полка состояли императрица Екатерина II (1775—1796 г.г.), императоръ Павелъ I (1796—1801 г.г.), императоръ Александръ I (1801—1825 г.г.), императоръ Николай I (1825—1855 г.г.), императоръ Александръ II (1855—1881 г.г.), императоръ Александръ III (1881—1894 г.г.). Изъ бывшихъ командировъ полка въ живыхъ находятся членъ государственнаго совѣта, генераль отъ инфантеріи Любовицкій, генераль-лейтенанты: Логиновъ, Брилевичъ, генераль-майоръ Рогозинъ. Шефомъ полка состоитъ нынѣ благополучно царствующій государь импера-

торъ. 12 апрѣля, полкъ для высочайшаго парада въ праздникъ своего полуторастолѣтїя прибылъ въ Царское Село, гдѣ офиерамъ былъ предложенъ гофмаршальскій столъ, а вечеромъ, по высочайшему повелѣнїю, въ дворцовой церкви совершена всенощная, на которой присутствовали офицеры и нижнїе чины. Въ день полкового праздника, 13 апрѣля, полкъ построился передъ дворцомъ; на лѣвомъ флангѣ стали старослужилые, къ полку примкнула лейбъ-гвардіи Уральская казачья сотня, по случаю бывшаго своего праздника назначенная на парадъ. Въ 10¹/₂ часовъ прибыли ихъ величества. Государыня императрица Александра Ѳеодоровна вышла у Большого подѣзда, откуда и смотрѣла на парадъ. Государь въ гренадерскомъ мундирѣ, сопровождаемый святою, обошелъ фронтъ войскъ и здоровался. Въ числѣ присутствовавшихъ на парадѣ находились августѣйшїй главнокомандующїй, великій князь Николай Николаевичъ, принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскїй и герцогъ Георгъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкїй, министры императорскаго двора и военный, генераль-адъютанты князь Васильчиковъ, Зарубаевъ, фонъ-Гринвальдъ, дежурными были генераль-адъютантъ Пантелѣевъ, свиты генераль-майоръ Щербачевъ и флигель-адъютантъ князь Оболевскїй. Послѣ обхода войскъ торжественно было совершено соборное молебствїе военнымъ протопресвитеромъ Желобовскимъ. Фронтъ окропленъ св. водой. Послѣдовалъ церемонїальный маршъ, молодецки дважды прошли войска; затѣмъ вынесли передъ фронтъ столику съ пробною порціею, и государь, поблагодаривъ полкъ за полуторавѣковую службу и сегоднешнїй парадъ, поднявъ чарку за славу и благоденствїе полка и лейбъ-гвардіи уральской казачьей сотни. Командиръ полка, генераль-майоръ Ганненфельдтъ, шлъ за здоровье державнаго шефа, государынь императрицъ и наслѣдника цесаревича. Послѣ этого войска въ третїй разъ прошли церемонїальнымъ маршемъ. Послѣ парада офицеры были приглашены къ высочайшему завтраку въ Большомъ дворцѣ. До завтрака его величеству представлялись 3 офицера и 10 нижнихъ чиновъ, одѣтыхъ въ историческія формы со времени основанїя полка. Затѣмъ государь принималъ и утвердилъ нагрудный юбилейный знакъ для офицеровъ. Въ числѣ военнаго начальства находились генералы: Шповъ, Остроградскїй, Дубенскїй, Ставровскїй; въ числѣ старыхъ гренадеръ бывшіе полковые командиры: генералы—Любовицкїй, Логиновъ, Врплевичъ, Рагозянъ и бывшіе офицерами генералы: Гродсковъ, Турбинъ, Аспелундъ, Поливановъ и другіе. Полковыя дамы были приглашены смотрѣть парадъ съ царскаго балкона и затѣмъ послѣ парада приглашены къ высочайшему завтраку въ Большомъ дворцѣ. Ея величеству и всѣмъ полковымъ дамамъ были поднесены букеты живыхъ цвѣтовъ съ синими полковыми лентами, заколотыми золотой скрѣпкой въ видѣ ажурной броши съ эмблемами полка въ память юбилея. Государыня изволила эту брошь приколоть на платье и оставалась съ ней все время завтрака. Передъ завтракомъ его величеству былъ поднесенъ взданный I-й томъ исторїи полка составителемъ, капитаномъ Судравскимъ, а другой экземпляръ книги—ей величеству для наслѣдника цесаревича поднесъ полковникъ Короткїй. Второй день своего полуторавѣкового юбилея лейбъ-гвардіи Гренадерскїй полкъ праздновалъ въ своихъ казармахъ. Повсюду онѣ нестрѣли флагами. При въѣздѣ къ офицер-

скому собранію сооружена декоративная арка. У подъѣзда стояли нижніе чины въ формахъ Елисаветы и Екатерины II, а на площадкѣ лѣстницы — въ формахъ отъ Павла I до Александра II. На праздникъ прибыли ихъ императорскія высочества, великіе князья Владимиръ Александровичъ, Николай Николаевичъ, принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе, генераль-адъютанги: Зрубаевъ, Данпловъ, и многіе другіе. До завтрака происходилъ приемъ поздравленій въ гостинной офицерскаго собранія. Старые гренадеры поднесли своему полку роскошный и историческій подарокъ *surtout du table*, принадлежавшій императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, основательницѣ полка. Горячими адресами привѣтствовали гренадеръ лейбъ-гвардіи Павловскій, лейбъ-гвардіи Финляндскій и Московскій полки. Послѣдовали еще частныя привѣтствія. Затѣмъ состоялся завтракъ. Съ энтузіазмомъ были приняты тосты за ихъ величества, за наслѣдника. Ихъ высочества снялись въ группѣ офицеровъ и дамъ въ саду собранія. Для гостей старослуживыхъ нижнихъ чиновъ былъ въ 3-й ротѣ устроенъ роскошный обѣдъ; праздничный обильный обѣдъ данъ для всѣхъ нижнихъ чиновъ. Вечеромъ состоялся для нихъ спектакль въ мавжѣ, который украсили сами нижніе чины по своему вкусу. На третій день юбилейное празднество закончилось роскошнымъ баломъ въ залахъ офицерскаго собранія.

Томскій комитетъ православнаго миссіонерскаго общества. Изъ отчета за 1905 г. видно, что общеою задачею комитетской дѣятельности было содѣйствіе православнаго миссіонерскаго общества въ осуществленіи имъ его задачъ. Содѣйствіе это выражалось въ распространеніи свѣдѣній о дѣлахъ и задачахъ миссіонерскаго общества, въ ознакомленіи съ его нуждами и изысканіи средствъ на миссіонерское дѣло. Не менѣе важную задачу мѣстнаго комитета составляло содѣйствіе преуспѣванію существующей въ предѣлахъ епархіи Алтайской духовной миссіи. Нужды ея были постоянной заботой комитета. Изъ нуждъ миссіи въ отчетномъ году особое вниманіе комитета привлекли: во-первыхъ, необходимость скорѣйшаго оборудованія дѣтскихъ пріютовъ, ранѣе возникшихъ, но не имѣющихъ постояннаго обозначенія, — пріютовъ Чемальскаго и Чолышманскаго; во-вторыхъ, необходимость поднять миссіонерское значеніе Чолышманскаго монастыря, прежде уснѣшно работавшаго на пользу миссіи; въ-третьихъ, нарушение земельныхъ интересовъ инородцевъ с. Онгудая — землеустроительной комиссіей, грозившее печальными послѣдствіями. Всѣхъ членовъ по Томскому комитету было 280; всего въ отчетномъ году поступило 4.331 р. 48 к., израсходовано же 3.673 р. 36 к. Въ кассѣ комитета къ 1906 г. осталось 3.342 р. 24 к. наличными и билетами 3.000 рублей. Что касается школъ, то, кромѣ Катихизаторскаго училища, гдѣ обучалось 169 чело-вѣкъ — изъ нихъ 35 инородцевъ, и Сахаровской церковно-приходской школы — съ 15 учащимися, всѣхъ школъ въ миссіи было 57. Учащихся въ нихъ 1.054 мальчика и 517 дѣвочекъ, изъ нихъ инородцевъ — мальчиковъ 628 и дѣвочекъ 256. Число грамотныхъ на Алтаѣ за 1905 г. увеличилось на 450 мальчиковъ и на 161 дѣвочку, всего грамотныхъ теперь 6.047 чело-вѣкъ. Благотворительная дѣятельность миссіи проявлялась главнымъ образомъ чрезъ пріюты. Въ Чемальскомъ пріютѣ было 77 дѣвочекъ и 8 мальчиковъ. Для оказанія вра-

чебныхъ пособій были выписаны аптечки Келлера, которыя и были вручены миссіонерамъ. Паства миссіи состояла изъ 42.663 православныхъ, изъ нихъ 25.868 человекъ инородцевъ и 16.795 русскихъ. Сверхъ того, числятся 19.932 человека язычниковъ и 2.297 человекъ раскольниковъ. Селеній въ вѣдѣніи миссіи было 183, церквей и молитвенныхъ домовъ 75. Кромѣ того, при архіерейскомъ домѣ въ Бійскѣ и монастыряхъ 8 храмовъ. Всѣхъ становъ было 22. Миссіонеры проповѣдывали слово Божіе язычникамъ, развѣзая съ этою цѣлію по ихъ кочевьямъ, забираясь даже въ сосѣдній Китай; утверждали въ истинѣхъ вѣры новокрещенныхъ; совершали требы, отправляли богослуженіе. Особенно много труда потратили на совершеніе исповѣди и говѣнія. Всѣхъ говѣвшихъ было 20.561 человекъ. Браковъ повѣнчано 356; младенцевъ крещено 2.362. Изъ язычества и магометанства обращено 135 человекъ и 31 присоединено изъ раскола.

Общество призрѣнія престарѣлыхъ артистовъ ассигновало 30.000 рублей для постройки на землѣ общесва въ Москвѣ, въ Измайловскомъ звѣриницѣ, убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, съ условіемъ, однакоже, что при ближайшей возможности будетъ построена богадѣльня и доходный домъ во владѣніи общества на Прѣснѣ.

Личный составъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ послѣднемъ выпускѣ Сборника статистическихъ свѣдѣній министерства путей сообщенія помѣщены данныя о личномъ составѣ служащихъ и рабочихъ на русской рельсовой сѣти и о расходахъ на ихъ содержаніе въ 1903 г., изъ которыхъ мы заимствуемъ свѣдѣнія, касающіяся желѣзныхъ дорогъ общаго значенія Европейской Россіи (безъ великаго княжества Финляндскаго) протяженіемъ въ 7.766 верстъ. Общее число всѣхъ служащихъ и рабочихъ на рельсовой сѣти Европейской Россіи въ 1903 г. составляло 991.950 человекъ, т.-е. 13,1 человекъ на версту пути; въ этомъ числѣ было: постоянныхъ служащихъ и рабочихъ (кромѣ поденныхъ)—35.847 и поденныхъ рабочихъ—226.951. На дорогахъ Азіатской Россіи общее число ихъ достигало 77.095 (на версту рельсовой сѣти—9,9 человекъ), въ томъ числѣ постоянныхъ служащихъ и рабочихъ—39.114, временныхъ служащихъ и рабочихъ—2.791 и поденныхъ рабочихъ—35.190. Изъ указаннаго общаго числа служащихъ постоянные составляли по Европейской Россіи—56% и по Азіатской Россіи 51%, а временные и поденные по Европейской Россіи 44% и по Азіатской Россіи 49%. Расходъ на содержаніе всѣхъ служащихъ и рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ въ 1903 г. выразился слѣдующими цифрами. Въ Европейской Россіи было израсходовано 201.156.661 рубль, въ томъ числѣ: на постоянныхъ служащихъ и рабочихъ—136.885.395 р., на временныхъ служащихъ и рабочихъ—8.317.511 р. и на поденныхъ рабочихъ—55.953.755 р., въ Азіатской Россіи общая цифра расхода составляла 30.175.092 р., при чемъ въ отдѣльности израсходовано на постоянныхъ служащихъ и рабочихъ—19.646.782 р.; на временныхъ служащихъ и рабочихъ—1.992.196 р. и на поденныхъ рабочихъ—9.436.114 рублей. При сопоставленіи указаннаго расхода съ валовымъ доходомъ и всѣмъ расходомъ по эксплоатациі, оказывается, что содержаніе всѣхъ служащихъ и рабочихъ на рельсовой сѣти составляло: въ Европейской Россіи по отношенію къ вало-

вому доходу — 32°/о и по отношенію ко всему расходу 50°/о, въ Азіатской Россіи по отношенію къ валовому доходу 61°/о и ко всему расходу 55°/о. Расходъ по отдѣльнымъ службамъ выразился слѣдующими процентными отношеніями къ общему расходу по сѣти желѣзныхъ дорогъ: служба пути и зданій въ Европейской Россіи 10°/о и въ Азіатской Россіи 16°/о, служба движенія (съ телеграфомъ) — соответственно 15°/о и 11°/о, служба тяги и подвижного состава — 19°/о и 20°/о. Наибольшее число служащихъ требуется для обслуживания пути и зданій: по Европейской Россіи около 36°/о всего числа служащихъ и рабочихъ и по Азіатской Россіи 41°/о. Второе мѣсто по количеству занимаетъ служба тяги и подвижного состава: по Европейской Россіи 30°/о и по Азіатской Россіи 30°/о. На службу движенія съ телеграфомъ приходится по Европейской Россіи 28°/о и по Азіатской Россіи 19°/о. Затѣмъ, на общее управленіе приходится по Европейской Россіи около 7°/о, въ томъ числѣ болѣе 2°/о на центральное управленіе, по Азіатской Россіи — 10°/о. Среднее содержаніе вообще по рельсовой сѣти одного служащаго опредѣляется такими цифрами: постояннаго — въ Европейской Россіи 416 р. и въ Азіатской Россіи 502 р. въ годъ, временнаго — въ Европейской Россіи 232 р. и въ Азіатской Россіи 391 р. въ годъ, поденнаго — въ Европейской Россіи 68 коп. въ день. Дороже всего стоили постоянные служащіе по центральному управленію: въ Азіатской Россіи 1.261 р. и въ Европейской Россіи — 903 р.; затѣмъ слѣдуетъ стоимость содержанія одного постояннаго служащаго по мѣстному управленію: въ Азіатской Россіи — 744 р. и въ Европейской Россіи — 648 р. Изъ разсмотрѣнія содержанія постоянныхъ служащихъ по отдѣльнымъ службамъ оказывается, что наибольшее среднее содержаніе служащихъ — по службѣ тяги и подвижного состава, а наименьшее — по службѣ пути и зданій, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Азіатской Россіи.

Уголовныя преслѣдованія возбуждены за послѣднее время противъ редакторовъ слѣдующихъ газетъ: «Кресгянская Газета» — по ст. 1036 улож. о нак. и п. п. 1, 2 и 3 ст. 129 угол. улож.; «Вятская Жизнь» — по п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож.; «Вечернее Эхо» — по п. п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.; «Сибирскія Вѣсти» — по отд. X и ст. 7 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; «Самарскій Курьеръ» — по ст. 182 улож. о нак., ст. 5 разд. VIII зак. 24 ноября 1905 г. и п. 1 ст. 129 уг. улож.; «Оренбургскій Листокъ» — по ст. 274, 1035, 1037 улож. о нак. изд. 1885 г. и ст. 6 разд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; «Оренбургскій Край» — по ст. 128 угол. улож. 1903 г. и п. п. в и г, ст. 5, разд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; «Листокъ Объявленій» (приложеніе къ газетѣ «Оренбургскій Листокъ») — по ст. 274 и 279 улож. о нак. изд. 1885 г.; «Голось Деревни» — по п. 2 ст. 129 угол. улож.; «Саратовскій Дневникъ» — по п. 2 ст. 129 угол. улож.; «Прикашійская Газета» — по ст. 103 и 128 угол. улож.; «Чилимъ» — по ст. 103 и 128 угол. улож.; «Асхабадъ» — по ст. 5, лит. в, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; «Зеравшанъ» — по п. п. в и г, ст. 5, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г., п. п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож. и ст. 128 угол. улож.; «Пріамурье» — по ст. 107 угол. улож. изд. 1903 г.; «Дальній Востокъ» — по ст. 1014, 1024 и 1029 улож. о нак.; «Владивостокскій Листокъ» — по 2 ч. ст. 103 угол. улож. и ст. 1014, п. 3 ст. 1029, 1032, 1035 и 1036 того же

улож. и лит. в, п. 5, VIII отд. закона 24 ноября 1905 г.; «Листокъ Союза Союзовъ» — по ст. 1025, 1028, 133 и 280 улож. о нак. и п.п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.; «Владивостокъ» — по ст. 280 и 1072 улож. о нак.; «Природа и люди Дальняго Востока» — по ст. 280 улож. о нак. ст. 133 угол. улож. и п. 5, лит. в, VIII отд. закона 24 ноября 1905 г.; «Дальній Востокъ» — по ст. 1024 улож. о нак.; «Востокъ» — по 1024 ст. улож. о нак., ст. 73 уст. о ценз. и печ. и лит. в, п. 4, VIII ст. закона 24 ноября 1905 г.; «Байкаль» по ст. 128 и 129 угол. улож.; «Кавказскій Рабочій Листокъ» — по ст. 128 и п.п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож.; «Елисаветпольскій Вѣстникъ» — по ст. 14 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г., ст. 128 и п.п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.; «Патара Газети» — по п. 2 и ст. 5 угол. улож.; «Новое Обзорѣніе», «Возрожденіе», «Тифлисскій Листокъ», «Иверія», «Цнобисъ Пурцелп» — всѣ по ст. 1358⁸ улож. о нак.; «Схви» — по п. 1 ст. 129 угол. улож., ст. 4, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. и ст. 1358⁸ улож. о нак.; «Мшакъ» — по п. 2 ст. 129 угол. улож. и ст. 1358⁸ улож. о нак.; «Аршалуйсъ» — по п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож. и ст. 1358⁸ улож. о нак.; «Арачъ» — по п. 2 ст. 129 угол. улож.; «Ашхатанкъ» — по ст. 1028 улож. о нак. и п. 2 ст. 129 угол. улож. и «Гантиада» — по п.п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож.

НЕКРОЛОГИ.

БЕРЕЗОВСКИЙ, В. В. Въ Измаилѣ скончался одинъ изъ молодыхъ писателей, сторонниковъ такъ называемаго «новаго направленія» въ литературѣ, Василій Васильевичъ Березовскій. Покойному принадлежать два труда по искусству и музыкѣ: «Современныя теченія въ искусствѣ — живопись, поэзія и музыка» (Спб., 1899 г.) и «Русская музыка — критико-историческій очеркъ національной музыкальной школы и ея представителей» (Сиб., 1898 г.). Кромѣ того, Березовскимъ выпущены два сборника разсказовъ: «Туманныя зори» и «Дни и ночи». Писалъ онъ также по педагогическимъ вопросамъ и въ отдѣльно изданной брошюрѣ намѣтилъ планъ метеорологическихъ наблюдений для юношества, которымъ придавалъ большее воспитательное значеніе. Послѣдніе годы своей жизни В. В. Березовскій участвовалъ въ «Новомъ Мирѣ», и въ этомъ же журналѣ помѣщено нѣсколько стихотвореній покойнаго. Участвовалъ, кромѣ того, В. В. Березовскій въ «Задушевномъ Словѣ». Покойный — уроженецъ С.-Петербурга — окончилъ Лѣсной институтъ съ отличіемъ и степенью «ученаго лѣсовода», но не работалъ по избранной специальности: сначала онъ посвятилъ себя коммерческой карьерѣ, принявъ на себя завѣдываніе однимъ изъ отдѣловъ крупной торговли своего отца, а затѣмъ рѣшилъ всецѣло посвятить себя педагогической дѣятельности и принялъ скромную должность преподавателя физики и естественныхъ наукъ въ женской и мужской гимназій въ г. Измаилѣ. Человѣкъ вполне обезпеченный, зажиточный, онъ избралъ педагогическую дѣятельность исключительно изъ любви къ дѣлу и посвятилъ ей лучшіе годы жизни, совершенно забывая о подтачивающей его болѣзни — чахоткѣ, которая и свела въ могилу молодого педагога. В. В. Березовскій состоялъ членомъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ съ 1902 г., но не оставилъ надлежащаго заявленія о назначеніи поразрядной суммы. (Некрологъ его: «Извѣщенія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ», 1906 г., № 2).

† Дювернуа, Н. Л. 18 апрѣля послѣ продолжительной болѣзни скончался одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета, знатокъ гражданскаго права, Николай Львовичъ Дювернуа. Покойный занималъ въ университетѣ кафедру гражданскаго права и въ своихъ лекціяхъ являлся цѣльнымъ и убѣжденнымъ послѣдователемъ нѣмецкой исторической школы. Первая и лучшая работа профессора Дювернуа «Источники права и судъ въ древней Руси», за которую онъ въ 1869 г. удостоенъ магистерской степени, написана подѣ влияніемъ Іеринга и освѣщаетъ множество явленій нашей древней юридической жизни, не подмѣченныхъ другими изслѣдователями Россіи. Въ своихъ лекціяхъ о значеніи римскаго права для русскихъ юристовъ Дювернуа указываетъ на роль Іеринга въ развитіи исторической школы. Въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ профессоръ Дювернуа остается, однако, самостоятельнымъ и уже не соглашается съ Іерингомъ, выступавшимъ противникомъ возрѣвнѣй Савиньи. Въ своихъ лекціяхъ профессоръ Дювернуа послѣдовательно развиваетъ мысль о плодотворности и неизбѣжности научной рецепціи римскаго права. Какъ профессоръ и лекторъ, покойный пользовался большою любовью студентовъ; его живыя, занимательныя и остроумныя бесѣды всегда привлекали полную аудиторію. Его курсъ гражданскаго права выдержалъ нѣсколько изданій. Родился Дювернуа въ 1836 г., образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, послѣ чего долгое время пробылъ за границей, гдѣ основательно изучалъ римское право, въ особенности у Іеринга и Вагнера. До полученія кафедры гражданскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ Дювернуа состоялъ профессоромъ въ Демидовскомъ лицейѣ и затѣмъ въ Новороссійскомъ университетѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10810).

† Закревскій, И. П. 9 марта, на 69 году, скончался въ Каирѣ Игнатій Платоновичъ Закревскій. Всесторонне образованный, И. П. Закревскій въ 1867 г., вскорѣ по выходѣ изъ училища правовѣдѣнія, былъ избранъ петербургской городской думой на должность участковаго мирового судьи. Всегда переполненная камера И. П. Закревскаго была настоящей аудиторіей, изъ которой тяжущіеся и слушатели выносили практическіе уроки гражданскаго и уголовнаго права, такъ какъ объявленію всѣхъ его рѣшеній и приговоровъ предшествовала словесная мотивировка,—прекрасный обычай, который, за рѣдчайшими исключеніями, не находилъ и не находитъ послѣдователей. Обширныя юридическія познанія И. П. Закревскаго, въ особенности по охранительному производству, этому единственному слабому мѣсту судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., далеко выдвинули его изъ среды сослуживцевъ только-что сформированнаго мирового института, и не одинъ изъ будущихъ мировыхъ судей, пріѣзжавшихъ изъ провинціи для подготовки, прошелъ подѣ его руководствомъ прекрасную школу. Въмѣстѣ съ «евангелистомъ» мирового суда, высокоталантливымъ юристомъ Н. А. Неклюдовымъ, написавшимъ свое знаменитое «Руководство для мировыхъ судей», и доселѣ служащее настольной книгой каждаго мирового судьи, серьезно относящагося къ дѣлу, и первымъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, однимъ изъ составителей судебныхъ уставовъ, О. И. Квистомъ, И. П. Закревскій много содѣйствовалъ попу-

ляризації новаго суда и постановкѣ его на ту высоту, на какой онъ прочно стоялъ въсколькѣ трехлѣтій. Послѣ семилѣтняго судейства въ С.-Петербургѣ, И. П. Закревскій перешелъ на службу въ министерство юстиціи, зачислившись за оберъ-прокурорскій столъ и, послѣ ревизіи мировыхъ судебныхъ установлений Юго-Западнаго края и Кіевской палаты уголовного и гражданскаго суда, получилъ назначеніе на должность товарища предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда, а затѣмъ послѣдовательно занималъ должности перваго предсѣдателя Варшавскаго окружнаго суда, прокурора Казанской и Харьковской судебныхъ палатъ, до назначенія въ 1894 г. оберъ-прокуроромъ 1 департамента правительствующаго сената и вслѣдъ затѣмъ сенаторомъ. Дальнѣйшая судебная дѣятельность И. П. Закревскаго была прекращена навсегда совершенно безпримѣрнымъ образомъ. Лондонская газета «Times» помѣстила письмо И. П. Закревскаго по поводу извѣстнаго реинскаго процесса, съ рѣзкимъ и горячимъ протестомъ противъ дѣйствій французскаго правительства и весьма не лестнымъ отзывомъ о французской націи. Этому письму газета предислала leading article (передовую статью), въ которой весьма подробно комментировала лучшія его мѣста и въ заключеніе высказала, что «ни одинъ критикъ Англіи и другихъ странъ Европы не написалъ ничего столь жестокаго и подавляющаго». Письмо получило широкую огласку въ Европѣ и цѣлкомъ было перепечатано въ весьма распространенной брусельской газетѣ «L'Independance Belge» (23 сентября 1899 г., № 266) съ такимъ предисловіемъ: «Times» напечаталъ слѣдующее замѣчательное письмо, написанное по-французски г. И. Закревскимъ, выдающимся русскимъ юристомъ, либеральнымъ членомъ сената (высшаго суда въ Россіи), который съ живѣйшимъ вниманіемъ прослѣдилъ пренія военнаго суда въ Реннѣ». Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ обратилъ на это письмо вниманіе нашего посла въ Парижѣ, который препроводилъ таковое министру юстиціи, Н. В. Муравьеву, а результатомъ доклада послѣдняго было увольненіе И. П. въ отставку безъ прошенія. Умѣстно будетъ сказать, что зачисленіе газетою «L'Independance Belge» автора письма въ число «либеральныхъ членовъ сената» едва ли соответствовало дѣйствительности, ибо онъ, принимая участіе въ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, вполне опредѣленно высказался противъ суда присяжныхъ и допускалъ лишь институтъ шефеновъ. Въ спеціальной юридической литературѣ И. П. Закревскій извѣстенъ, какъ весьма дѣятельный сотрудникъ «Журнала Гражданскаго и Торговаго Права», «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права» и «Журнала Министерства Юстиціи»; наиболѣе извѣстны его слѣдующіе труды: «Объ охраненіи наслѣдствъ и о практикѣ петербургскихъ мировыхъ судей»; «Объ охраненіи наслѣдствъ на Западѣ»; «Прусская магистратура и наша»; «О желательныхъ измѣненіяхъ въ судебныхъ уставахъ»; «Судебная реформа въ Болгаріи»; «О равенствѣ въ обществахъ»; «По поводу резюме предсѣдателя суда» и др. Однимъ изъ послѣднихъ его трудовъ была статья въ газетѣ «Русь» (1905 г., № 95) «О сенатѣ, какъ охранителѣ законовъ». Не былъ чуждъ И. П. Закревскій и общей литературы, помѣщая въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ въ коршевскихъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ псевдонимомъ «Непризнанный поэтъ» бойкіе и остроумные фельетоны на злобы дня,

главнымъ образомъ, въ періоды отсутствія постоянного фельетониста означенной газеты А. С. Суворина («Незнакомецъ»). П. П. Закрескій владѣлъ крушной земельной собственностью въ Полтавской губерніи. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1906 г., № 74).

† Киснемскій, С. П. 11-го апрѣля скончался литераторъ, Семень Петровичъ Киснемскій, родившійся 28-го сентября 1859 г. С. П. жилъ исключительно литературнымъ трудомъ. Въ теченіе 20 лѣтъ сотрудничалъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ иллюстрированныхъ и юмористическихъ. Нѣкоторое время редактировалъ въ Ригѣ «Рижскій Вѣстникъ». Его изданія: «Сборникъ стихотвореній», «Сказки страшныя и смѣшныя», юмористическій сборникъ «Весельчакъ», рассказы и романы: «Темный рыцарь» и «Предсказаніе вороженъ», написаны легкимъ слогомъ и не лишены остроумія и юмора. Въ послѣдніе годы, съ 1903 г., С. П. былъ издателемъ и редакторомъ журнала «Страховыя Вѣдомости». С. П. во все время своихъ литературныхъ занятій очень часто вуждался и умеръ, не оставивъ семьѣ никакихъ средствъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10807).

† Лихачевъ, В. И. 24 марта скончался видный общественный и судебный дѣятель, сенаторъ Владимиръ Ивановичъ Лихачевъ. Имя его пользовалось широкой популярностью среди обывателей С.-Петербурга, какъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ и даровитыхъ гласныхъ думы, бывшаго съ 1885 по 1892 г. городскимъ головой. Покойный, можно сказать, былъ созданъ для общественной дѣятельности. Хорошо образованный, находчивый, ловкій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо говорилъ. Въ его дѣльныхъ рѣчахъ спорные вопросы выяснялись всесторонне и нерѣдко вызывали самое правильное разрѣшеніе ихъ. Онъ имѣлъ крупное вліяніе на аудиторію своихъ слушателей. Неменьшею извѣстностью пользовался В. И. въ судебномъ мірѣ. Въ тѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, въ которыхъ введено выборное начало, покойный избирался обыкновенно въ председатели. Онъ былъ избираемъ въ председатели с.-петербургскаго мирового съѣзда до 1885 г. и послѣ отказа отъ занятій городского головы. Кромѣ того, В. И. былъ не чуждъ и журналистикѣ. Его первыя литературныя работы были помѣщены въ журналахъ «Основа» и «Время». Затѣмъ онъ работалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Ф. Корша и «Вѣстникѣ Европы». Въ 1876 г. вмѣстѣ съ А. С. Сувориннымъ приобрѣлъ «Новое Время», принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ газетѣ, но въ концѣ 1878 г. выдѣлилъ свое участіе въ ней. Изъ его литературныхъ работъ можно назвать большую монографію «Италія и Мадзвини» и статьи «Изъ жизни и судебной практики».

В. И. родился 6 мая 1837 г., окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, службу началъ въ сенатѣ въ 1856 г. Онъ быстро выдѣлился изъ среды своихъ сослуживцевъ и черезъ девять лѣтъ былъ уже оберъ-секретаремъ второго департамента сената. Одновременно, будучи выбранъ отъ сословія потомственныхъ дворянъ гласнымъ старой петербургской общей думы, занялся вопросами городского хозяйства. Двадцати девяти лѣтъ былъ почетнымъ мировымъ судьей по С.-Петербургу и назначенъ членомъ с.-петербургскаго окружнаго суда. Его движеніе по коронной службѣ шло быстро. До пзбравія въ 1881 г. председателемъ съѣзда городского мирового съѣзда В. И. былъ послѣ

довательно товарищемъ предсѣдателя и предсѣдателемъ с.-петербургскаго окружнаго суда, членомъ с. - петербургской судебной палаты. Городская общественная жизнь интересовала его еще тогда, когда общая дума была малолюдной. При ея преобразованіи онъ принялъ живѣйшее участіе въ составленіи и разсмотрѣніи проектовъ о городскомъ общественномъ управленіи и хозяйствѣ. Затѣмъ сталъ избираться реформированной думой въ члены и предсѣдатели разныхъ исполнительныхъ думскихъ комиссій. Особенно памятно его предсѣдательство въ городской комиссіи общественнаго здравія. При немъ совершилась передача городскихъ больницъ въ вѣдѣніе города, началось ихъ улучшеніе. Въ качествѣ предсѣдателя особой временной комиссіи онъ много поработалъ въ годы неурожая по вопросу удешевленія цѣвъ на хлѣбъ. Въ составѣ лучшихъ гласныхъ былъ представителемъ городскихъ интересовъ въ верховной распорядительной комиссіи, образованной въ 1880 г. подъ предсѣдательствомъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова для разрѣшенія вопросовъ по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Городское хозяйство мало-по-малу прибрѣтало въ его дѣятельности первенствующее значеніе и захватило его всецѣло въ 1885 г., когда онъ былъ избранъ петербургскимъ городскимъ головою. Въ теченіе семи лѣтъ покойный находился во главѣ городского самоуправленія и всецѣло посвятилъ свои силы общественному служенію. Его вниманіе было направлено на улучшеніе различныхъ сторонъ хозяйственной жизни города. Въ качествѣ предсѣдателя думскихъ засѣданій онъ былъ прекраснымъ руководителемъ преній. Имъ были возбуждены, между прочимъ, вопросы о вредѣ совмѣстительства общественной службы съ коронною и частно-предпринимательской, объ искорененіи взяточничества въ средѣ думскихъ служащихъ и другіе вопросы общественно - служебной этики. Управленіе имъ городскимъ хозяйствомъ завершилось неприятой пухертовской исторіей. Хотя покойный при разрѣшеніи городской управой вопроса о покупкѣ «пухертовской» муки былъ въ отъѣздѣ, тѣмъ не менѣе исторія эта повліяла на оставленіе имъ должности городского головы. Будучи гласнымъ и городскимъ головою, В. И. привлекался къ занятіямъ въ разнообразныя правительственные комиссіи и комитеты по составленію проектовъ мѣстнаго управленія, по сооруженію памятника императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и др. Онъ былъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ и принялъ живое участіе въ разрѣшеніи сенатомъ отношеній желѣзныхъ дорогъ къ государству и частнымъ лицамъ. Его соображенія по этому вопросу были признаны государственнымъ совѣтомъ столь существенными, что проектъ законодательной разработки общаго устава російскихъ желѣзныхъ дорогъ подвергся кореннымъ измѣненіямъ. Послѣ городской службы В. И. былъ избранъ вновь предсѣдателемъ столичнаго мирового съѣзда и приглашенъ въ составъ комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Затѣмъ служилъ членомъ консулѣтаци, учрежденной при министерствѣ юстиціи, и въ 1896 г. назначенъ сенаторомъ. Онъ присутствовалъ въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ. До послѣдняго времени покойный сохранилъ связь съ городской больничной дѣятельностью, предсѣдательствуя въ совѣтѣ благотворительнаго общества при барачной больницѣ въ память С. П. Воткина. (Некрологъ его въ «Новомъ Времени», 1906 г.).

† Шаффе, Э. П. 17 апрѣля на 79-мъ году отъ рожденія послѣ непродолжительной болѣзни скончалась въ Цюрихѣ старѣйшая изъ начальницъ частныхъ женскихъ гимназій С.-Петербурга, Эмилія Павловна Шаффе, вся жизнь которой прошла въ упорномъ и неустанномъ трудѣ на пользу женскаго образованія въ Россіи и на пользу тѣхъ, которые служили этому близкому для ея сердца дѣлу. Э. П. родилась въ С.-Петербургѣ 25 сентября 1827 г. Поступивъ на 12 году въ нѣмецкое училище при церкви св. Петра, она по матеріальнымъ обстоятельствамъ семьи не могла окончить здѣсь образованія и съ 16-ти-лѣтняго возраста становится воспитательницей въ частныхъ домахъ. Уча другихъ, она ревностно учится и сама, и своимъ многостороннимъ впослѣдствіи образованіемъ обязана исключительно себѣ. Въ 1858 г. она открываетъ свое частное учебное заведеніе, которое повдѣе преобразовывается въ перворазрядное, а съ 1882 г. получаетъ права женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Образцовая воспитательница, широко и серьезно образованная учительница, горячо любившая дѣтей и непрерывный трудъ для нихъ, гуманнѣйшая начальница гимназій, покойная Э. П. была для всѣхъ, кто зналъ ее, удивительнымъ по энергіи, неутомимости въ работѣ человѣкомъ. Какъ всѣ ближайшіе ея сотрудницы и сотрудники, такъ и родители учащихся и сами дѣти въ ея лицѣ видѣли живую проповѣдь труда, какъ первѣйшей задачи жизни: до самыхъ послѣднихъ дней, почти 80-ти-лѣтней старушкой, она входила во всѣ хозяйственныя мелочи гимназической жизни, съ рѣдкимъ и для молодыхъ педагоговъ одушевленіемъ давала уроки дѣтямъ по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, съ сердечнымъ участіемъ входила въ обстоятельства личной жизни своихъ ученицъ и сотрудниковъ, и все это дѣлалось очень просто, естественно, какъ необходимая обязанность каждаго чловѣка. Но рѣдкостно плодотворная дѣятельность Э. П. не ограничивалась стѣнами одного созданнаго ею учебнаго заведенія: въ ней всю жизнь горѣла искра общественности. При непосредственномъ и энергичномъ ея участіи началась въ С.-Петербургѣ дѣятельность Фребелевскаго общества. Своимъ примѣромъ, своимъ убѣжденнымъ словомъ она старалась развить и въ окружающихъ общественную самодѣятельность и самопомощь. И все то, что оставлено ею здѣсь, на землѣ,—въ жизни ли ея гимназій, различныхъ обществъ, въ которыхъ она работала, въ памяти ли тѣхъ людей, которые на себѣ испытали свѣтлое и доброе вліяніе ея поистинѣ выдающейся личности,—скажетъ намъ, какъ много любви, добра и свѣта можетъ ввести въ жизнь одинъ чловѣкъ, если только онъ увидитъ въ этомъ цѣль своего существованія. (Некрологи ея: «Новое Время», 1906 г., № 10.811; «Рѣчь», 1906 г., № 53; «Биржевыя Вѣдомости», 1906 г., № 9.247).

† Яблочковъ, М. Т. 14 марта скончался Михаилъ Тихоновичъ Яблочковъ. Дѣятельность покойнаго по Тульской губерніи была въ высшей степени плодотворна и полезна. М. Т. родился въ 1847 г. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, онъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи при селѣцѣ Плоскомъ Ефремовскаго уѣзда и былъ мировымъ судьей. Безконечно добный, честный, проникнутый высоко-гуманными идеями, онъ скоро приобрѣлъ широкую извѣстность въ губерніи. Впослѣдствіи, пере-

ходя на службу въ другія вѣдомства, покойный всю свою жизнь былъ почетнымъ мировымъ судьей въ своемъ родномъ уѣздѣ. Нерѣдко обращались къ нему крестьяне, какъ къ третейскому судѣ, для разрѣшенія своихъ тяжобъ и споровъ между собой. Въ 1878 г. М. Т. занялъ должность директора народныхъ училищъ Тульской губерніи. Онъ въ своемъ лицѣ объединялъ интересы и дѣятельность мѣстаго земства и народнаго просвѣщенія, являясь въ земствѣ широкимъ поборникомъ народнаго образованія, а въ министерствѣ глашатаемъ нужды и потребностей своей губерніи. Самъ отличный педагогъ, онъ собиралъ всѣхъ сельскихъ учителей и учительницъ на педагогическіе курсы въ Тулѣ, читалъ лекціи, руководилъ практическими занятіями, въ 1890-хъ гг. устраивалъ въ своемъ имѣніи Платономъ курсы по садоводству и огородничеству. Въ результатѣ при школахъ появились при покойномъ небольшіе участки земли и на нихъ школьные сады и огороды. Изъ свопхъ образцовыхъ садовъ М. Т. раздавалъ безплатно всѣмъ желающимъ разные черенки, прививки, плодовые деревья и ягодные кусты для посадокъ. Благодаря ему, у многихъ крестьянъ окрестныхъ деревень сформировались большіе фруктовые сады. Въ 1899 г. М. Т. основалъ въ своемъ имѣніи Липяги «Практическую школу садоводства и огородничества», въ которой крестьянскіе мальчики 14—18 лѣтъ зимой теоретически, лѣтомъ — практически изучали эти предметы. Имъ въ бытность его директоромъ были составлены книги «Русская школа», «Учебникъ ботаники» и «Курсъ садоводства, огородничества и плододводства». Придавая огромное значеніе исторіи Россіи, покойный специально занялся историческими изслѣдованіями. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Исторія дворянскаго сословія въ Россіи» (Москва, 1874 г.) и 9 томовъ «Исторіи тульского дворянскаго сословія», составленныхъ имъ въ позднѣйшіе годы по порученію тульского дворянскаго собранія. Въ 1900 г. М. Т. оставилъ директорство народныхъ училищъ, поселился въ деревнѣ и посвятилъ остатокъ жизни своей главнымъ образомъ земской службѣ въ качествѣ предсѣдателя уѣзднои земской управы. Часть колоссальнаго земскаго долга бережливостію его въ первый же годъ была улачена. Онъ снабдилъ больницы новымъ бѣльемъ и разной утварью, улучшилъ состояніе школъ, учредилъ акушерскіе и ветеринарные пункты. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г.).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Откуда пошли бѣлые арапы.

Армянская легенда.

Въ русскомъ народѣ, а особенно по Черноморскому побережью, любили рассказывать о Вѣлораніи и о войнѣ съ бѣлыми арапами, усиленно напирая на букву и, какъ бы отличіе отъ черныхъ арабовъ. Полѣвка назадъ, среди отставныхъ матросовъ черноморскаго флота, много еще было въ живыхъ, которые

помнили походъ подѣ бѣлаго арапа. Такъ матросы и пѣхотный десантъ съ полевыми артиллеристами называли помощь императора Николая Павловича, которую въ 1833 г. онъ оказалъ турецкому султану противъ взбунтовавшагося египетскаго хедива. Бѣлоравіи и бѣлые арапы еще и до сихъ поръ популярны среди жителей нашихъ южныхъ губерній, а потому дѣлюсь съ читателями «Историческаго Вѣстника» записанной мною легендой.

Послѣ Крымской войны 1854—1855 г.г. наша 14-я артиллерійская бригада была отведена въ Херсонскую губернію и расположена на кантонирь-квартиры по селамъ и городамъ, лежащимъ на р. Днѣстрѣ. Батареи занимали: Ташлыкѣ, Тею, Сисю, Такманзею и Дубосары; бригадный штабъ съ 1-й легкой занялъ безуздный городъ Григориополь. Въ этомъ городѣ на 6.000 общаго числа жителей было болѣе 4.000 армянъ. У нихъ была своя обширная церковь съ полнымъ причтомъ духовенства и съ ужаснымъ хоромъ пѣвчихъ, нарочно гнусавящихъ, пѣвшихъ въ носъ и какими-то неестественными уродливыми голосами.

Армянская обѣдня похожа на православную, а потому, пользуясь батареиннымъ праздникомъ, бригадный командиръ, полковникъ Винклеръ, попросилъ армянскаго священника отслужить обѣдню совмѣстно съ нашими батареинными пѣвчими. Старикъ священникъ служилъ по-армянски, а наши пѣвчіе, подѣ руководствомъ дьячка, пѣли по-русски.

Въ армянской церкви на особомъ почетномъ мѣстѣ обращалъ на себя вниманіе крестъ, сдѣланный очень грубо изъ простой красной мѣди. Бывая изрѣдка въ этой церкви, можно было замѣтить, что этотъ крестъ въ особомъ почитаніи у армянъ, не только мѣстныхъ, но и пріѣзжихъ изъ другихъ и даже дальнихъ городовъ. Меня это заинтересовало, и я на досугѣ попросилъ старика священника рассказать мнѣ исторію этого креста.

— А! очень, очень охотно!—отозвался на мой вопросъ священникъ.

— Этому кресту болѣе полуторы тысячи лѣтъ,—началъ священникъ:—пришелъ онъ съ армянами изъ Азіи, гдѣ онъ охранялъ ихъ отъ невѣрныхъ. Сначала мы жили на Южномъ Кавказѣ, много терпѣли отъ мусульманъ, усердно молились этому кресту, и вотъ болѣе ста лѣтъ назадъ онъ насъ вывелъ изъ ада мусульманскаго и поселилъ на берегу Днѣстра, на благодатной почвѣ. Сдѣланъ же этотъ крестъ изъ того чудодѣйственнаго мѣднаго корыта, въ которомъ Пресвятая Богородица освѣжала въ степи своего Предвѣчнаго Младенца, и оттуда пошли бѣлые арапы.

Разумѣется, я попросилъ вдатся въ большія подробности, и словоохотливый старикъ священникъ продолжалъ.

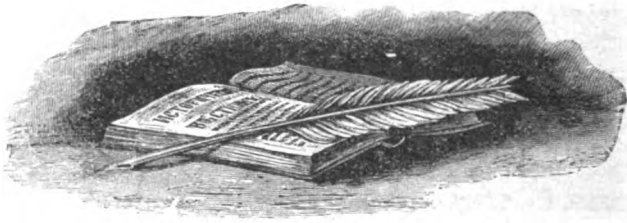
— Когда во время избіенія младенцевъ святая Марія, по наущенію ангела, съ Іосифомъ и младенцемъ Іисусомъ бѣжала въ Египетъ, то, утомясь отъ степного зноя сухой Аравіи, зашла подѣ шатеръ одного арабскаго семейства. Арабка ея была одна дома, а мужъ ея караулилъ верблюдовъ на пастбищѣ. Святая Марія увидѣла подѣ шатромъ корыто и попросила арабку наполнить его водой, чтобы помыть своего святого младенца. Арабка принесла воды изъ креницы (родника), и св. Марія вымыла въ этомъ корытѣ св. Младенца. Креница была не близко отъ шатра, и арабка видя, что вода въ корытѣ

совершенно чистая, начала мыть и своего ребенка. По мѣрѣ того, какъ она его мыла, арабченокъ дѣлался все бѣлѣе и бѣлѣе; равно и у самой арабки руки по локоть сдѣлались тоже бѣлыя.

Черезъ нѣкоторое время пригнавъ мужъ верблюдовъ, вошелъ въ шатеръ и увидѣлъ чудодѣйственную силу воды въ ихъ корытѣ. Сначала онъ посоветовалъ своей женѣ помыть этой водой свое черное тѣло, а когда оно сдѣлалось бѣлымъ, то смылъ и съ себя черноту. Отъ этой семьи и пошли бѣлые арапы!

Такъ закончилъ священникъ свой разсказъ.

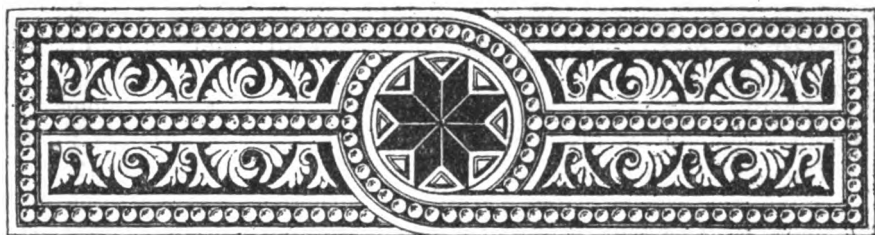
Н. А. Крыловъ.

СТАНІСЛАВЪ-АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ

NO. 1000
ANNEXURE

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ ¹⁾.

(1710 — 1734 г.).

XI.

МОВЫЙ ГОДЪ Лизавета встрѣтила вдали отъ мужа и въ большомъ душевномъ смятеніи.

Со дня на день осложнялись обстоятельства возрастающимъ нахальствомъ временниковъ, неудержимо стремившихся къ гибели, по наклонной плоскости безграничной силы и власти. Казнились, заключались въ темницы и ссылались безъ милосердія не только ихъ явные враги, но и недоброжелатели и лица, не сочувствующія имъ.

Да и можно ли было ждать милосердія отъ людей, накопившихъ противъ себя столько зависти, ненависти и презрѣнія въ сердцахъ, что съ каждымъ часомъ число страстно жаждущихъ ихъ гибели размножалось, какъ песокъ морской?

Но злѣйшими и дерзновеннѣйшими изъ этихъ враговъ оказывались сторонники дочери царя Петра, противъ которыхъ и направлена была особенная бдительность клеветовъ Долгорукихъ.

Мавръ Егоровнѣ ужъ настойчиво намекали, чтобъ она позаботилась добровольно покинуть свою госпожу раньше, чѣмъ прину-

¹⁾ Продолженіе. «Историческій Вѣстникъ», т. CIV, стр. 337.

«истор. вѣстн.», июнь, 1905 г., т. CIV.

дять ее къ этому силой, на что она гордо отвѣчала, что только силѣ и уступить.

Шубинъ ужъ давно пересталъ ѣздить въ Москву и порвалъ всякія сношенія съ прежними друзьями и знакомыми, чтобъ не видѣть испуганнаго выраженія на лицахъ людей, при встрѣчахъ на улицахъ, ихъ старанія избѣгнуть опасности отвѣчать на его поклонъ и переполоха, который поднимался въ домахъ, когда онъ заходилъ провѣдать доброжелателей и ухаживателей былого времени, когда въ немъ заискивали, какъ въ челоуѣкѣ, близко стоявшемъ къ цесаревнѣ.

Рѣдѣль придворный штатъ этой послѣдней съ каждымъ днемъ, и единственнымъ для нея утѣшеніемъ было то, что всѣ приверженцы ея либо ссылались въ Сибирь, либо сами разѣзжались по дальнимъ деревнямъ, но перебѣжчиковъ между ними въ другой, враждебный ей лагерь не было, невзирая на соблазнительные посулы лучшаго положенія и богатыхъ наградъ за измѣну.

Да, цесаревна была любима въ Россіи, въ этомъ ей теперь уже нельзя было сомнѣваться, и убѣжденіе это, усиливая ея всегдашнее желаніе царствовать, превращало это желаніе въ страстную жажду власти и могущества.

— Не для себя, а для друзей моихъ и для всѣхъ настоящихъ русскихъ людей желала бы я взойти на родительскій престолъ,—говаривала она въ кружкѣ, увы, съ каждымъ днемъ уменьшавшемся, испытанныхъ друзей, въ числѣ которыхъ была Лизавета Касимовна.

Съ каждымъ днемъ становилась цесаревна раздражительнѣе, озлобленнѣе и задумчивѣе. Ей даже, повидимому, надоѣло одерживать побѣды надъ сердцами, пропала охота забавляться страстью, которой пылалъ къ ней первый въ то время кавалеръ при дворѣ, царскій фаворитъ, князь Иванъ, котораго она увлекла, можетъ быть, съ цѣлью избавиться отъ домогательствъ иностранныхъ принцевъ на ея руку, а, можетъ быть, чтобъ развлечься отъ тяжелыхъ думъ, осаждавшихъ ее въ томъ фальшивомъ положеніи несчастливой претендентки на престолъ, которое ей было суждено переживать еще много лѣтъ. Какъ бы тамъ ни было, но она сумѣла такъ увлечь князя Ивана, что этотъ послѣдній не въ силахъ былъ уже скрывать своихъ къ ней чувствъ, и въ городѣ стали поговаривать о его намѣреніи на ней жениться. Партія, боявшаяся брака между ею и царемъ, этому возрадовалась, конечно, но зато пришли въ ужасъ многочисленные враги Долгорукихъ, для которыхъ такой исходъ являлся конечнымъ закрѣпощеніемъ всего государственства власти ненавистныхъ временщиковъ.

А цесаревна всѣми этими опасеніями и надеждами только забавлялась и всѣхъ приводила въ недоумѣніе загадочностью своихъ чувствъ, мыслей и цѣлей, особенно когда апатія съ нея сле-

тала, точно подѣ наитіемъ какихъ-то новыхъ, таинственныхъ вѣяній, и она съ новой энергіей, съ новой жизнерадостностью, принималась всѣхъ очаровывать и дурачить кажущимся легкомысліемъ и беззаботнымъ пристрастіемъ къ минутнымъ забавамъ. Натѣшившись досыта любовнымъ томленіемъ царскаго фаворита, досадою иностранныхъ пословъ, хлопотавшихъ о ея бракѣ съ иностранными принцами, отчаяніемъ враговъ Долгорукихъ, она внезапно уѣзжала послѣ безсонной ночи, проведенной въ танцахъ или на охотѣ, въ свое Александровское, наслаждалась тамъ ласками своего сердечнаго дружка, простоволосая, въ русскомъ сарафанѣ, водила хороводы съ своими пріятельницами—крестьянками, распѣвала съ ними и со своими пѣвчими, малороссами, пѣсни и, отдохнувъ на просторѣ, вдали отъ всякой придворной связи и этикета, возвращалась въ Москву, чтобы снова всѣхъ мутить, раздражать и озабочивать неожиданными выходками и непредвидѣнными капризами. Въ могуществѣ ея чаръ она всѣхъ такъ сумѣла убѣдить, что никто не сомнѣвался въ томъ, что ей стоитъ только захотѣть, и снова царь въ нее влюбится до безумія, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Петербургѣ, при Меншиковыхъ, въ первые мѣсяцы по вступленіи во власть Долгорукихъ и за послѣднее время, когда она переставала кокетничать съ княземъ Иваномъ, чтобы успокоить ревность своего царственнаго племянника.

Съ какою радостью избавились бы отъ этой опасной чародѣйки ея враги, заперли бы ее въ монастырь, отдали бы куда нибудь подальше на чужбину замужъ, но за нее былъ весь русскій народъ, а дразнить этого страшнаго, дремлющаго звѣря было опасно.

Ей надо было найти соперницу, которая бы, овладѣвъ сердцемъ царя на законномъ основаніи, подарила бы ему наслѣдника. Тогда только русскій народъ забудетъ про дочь Петра. Надо было сдѣлать то, что пытались сдѣлать Меншиковы: другого исхода не было.

И вотъ въ одинъ прекрасный майскій день князь Иванъ пріѣхалъ изъ загороднаго дома царя въ Горенки, подмосковную, гдѣ обитала его семья, съ важнымъ предложеніемъ: представить княжнѣ Катеринѣ все неприличіе ея обращенія съ его величествомъ и необходимость обратить вниманіе на то, что ея дерзкія шутки и насмѣшки его оскорбляютъ и легко могутъ превратить зарождающуюся въ сердцѣ его къ ней любовь въ ненависть.

— Съ чего ты взялъ, что Катерина ему нравится?—спросилъ князь Алексѣй Григорьевичъ, скрывая подѣ притворною угрюмостью радость, наполнившую его сердце.

— Я не сталъ бы вамъ объ этомъ и говорить, батюшка, если бъ не былъ въ этомъ увѣренъ. Онъ скучаетъ, ни одна изъ красавицъ, которымъ я поручалъ его занять, въ этомъ не успѣваетъ. Противъ цесаревны онъ такъ возстановленъ, что она ему противна...

— Это ты его противъ нея возстановилъ?

— Столько же, сколько и вы. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что если намъ не удастся женить его на Катеринѣ, гибель наша неминуема, и вы это знаете такъ же хорошо, какъ и я. Мы свое дѣло сдѣлали, я—его лучший и единственный другъ, вы его именемъ управляете царствомъ, но все это только пока, а надо, чтобы это было крѣпко, закрѣпить же это можетъ Катерина, никто больше. Вы ей только скажите, чтобы она его приласкала и заставила его забыть ея издѣвки, она все пойметъ, не беспокойтесь, на полдорогѣ не остановится...

— А Мелизимо?

Князь Иванъ передернулъ плечами.

— Этого я берусь убрать съ дороги, про него ей, пока, и упоминать нечего. Завтра привезу сюда царя, надо такъ сдѣлать, чтобы онъ самъ захотѣлъ остаться въ Горенкахъ недѣлку или больше, чѣмъ дольше, тѣмъ лучше, но Катерину надо предупредить, что дѣло серьезно, и чтобы она позаботилась о будущемъ... Вотъ что еще,---продолжалъ онъ, пройдясь въ волненіи по обширному кабинету, окнами въ густой садъ,— надо, чтобы она знала, что молодость царя преградой къ его бракосочетанію не можетъ быть; я ужъ на этотъ счетъ обиняками переговорилъ съ попами.

На это князь Алексѣй не возражалъ, и снова воцарилось молчаніе, которое послѣ довольно продолжительнаго колебанія опять нарушилъ его сынъ.

— Если вамъ неудобно съ нею объ этомъ заговорить, сдѣлайте это черезъ когонибудь другого. Пусть узнаетъ она о томъ, что время приспѣло намъ помочь, отъ посторонняго человѣка, и она такимъ образомъ будетъ имѣть возможность все это приписать собственной догадливости, а такъ какъ она столь же честолюбива, сколько упряма...

— Да, такъ будетъ лучше,—согласился отецъ.— Не обратится ли намъ для этого къ этой полькѣ, которую она такъ возлюбила,—къ Стининской?—спросилъ онъ нерѣшительно, устремляя на сына пытливый взглядъ.

Князь Иванъ сдѣлалъ гримасу.

— Это къ матери жены Праксина?

— Но вѣдь ты самъ знаешь, что она всегда ненавидѣла своего зятя и въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ съ дочерью. Мнѣ кажется, что намъ ея опасаться нечего.

— Пожалуй! Тѣмъ болѣе, что вы вѣдь ей только скажете самое необходимое... во всякомъ случаѣ, этой меньше можно опасаться, чѣмъ другихъ; между поляками у насъ меньше враговъ, чѣмъ между русскими. Ребенка-то они своего, я слышалъ, отдали Воронцову на воспитаніе?

— Это не она, а вдова Праксина, такая же старовѣрка, какъ и мужъ, если не больше. Съ матерью у нея ничего нѣтъ общаго. Катерина предовольна Стишинской, что она такая ловкая, догадливая.

— И она княжной Катериной довольна, а графомъ Мелизимо, поди чай, еще больше, онъ щедрый,—замѣтилъ со смѣхомъ князь Иванъ и заторопился домой, чтобы о поѣздкѣ его къ отцу во дворцѣ царя не догадались.

— Царь рѣшилъ вамъ всѣмъ завтра сдѣлать сюрпризъ своимъ приѣздомъ,—объявилъ онъ, прощаясь съ отцомъ. — Его очень забавляетъ мысль, что онъ явится къ вамъ неожиданный, надо его потѣшить, притвориться, что ничего не знали... Дитя!—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

Проводивъ сына, князь Алексѣй послалъ за пани Стишинской.

Не въ первый разъ выражалъ князь Алексѣй Григорьевичъ желаніе бесѣдовать о важныхъ семейныхъ вопросахъ съ компаньонкой своей дочери, резиденткой на ресpektъ, какъ сама себя называла пани Сгишинская, и довѣріе это она, разумѣется, высоко цѣнила; однако, пріятное ея волненіе усилилось, когда посланецъ, слѣдуя за ней на половину князя, сообщилъ ей о посѣщеніи князя Ивана. Царскій любимецъ такъ рѣдко бывалъ въ Горенкахъ съ тѣхъ поръ, какъ поссорился съ старшей сестрой, что появленіе его здѣсь могло считаться событіемъ, и обстоятельствомъ этимъ въ сто кратъ усиливался интересъ предстоящаго свиданія съ старымъ княземъ.

Вся трепещущая отъ любопытства, съ сверкающими глазами и подобострастною, заискивающею улыбкой на нарумяненныхъ губахъ, переступила пани порогъ покоя, въ которомъ ждалъ ее могущественный временщикъ. Послѣ низкаго реверанса по всѣмъ правиламъ этикета, у самой двери, которую, по знаку князя, лакей за ними затворилъ, она легкой походкой подбѣжала къ креслу у балкона, на которомъ сидѣлъ вельможа, ловкимъ движеніемъ схватила на лету руку, которой онъ указывалъ ей на другое кресло противъ себя, прижалась къ ней губами раньше, чѣмъ онъ могъ опомниться, отыскала глазами табуретъ, поставила его передъ нимъ, граціознымъ движеніемъ опустила на него и, вытянувъ впередъ голову, устремила на своего господина полный почтительнаго вниманія взглядъ.

— Ваше сіятельство изволили за мною послать...

— Да, пани. Къ намъ завтра изволитъ пожаловать его величество. Надо бы объяснить княжнѣ Катеринѣ, что мы отъ нея ждемъ побольше вниманія къ его величеству,—началъ князь, немного смущенный деликатностью порученія, которое онъ долженъ былъ дать компаньонкѣ своей дочери.—Онъ будетъ у насъ съ визитомъ, но намъ бы хотѣлось удержать его величество у насъ кушать, а, если онъ не соскучится, то и на ночь, но для этого не

надо, чтобы княжна раздражала его неумѣстными шутками и насмѣшками...

— Княжна будетъ поступать такъ, какъ желаетъ ваше сіятельство,—позволила себѣ въ порывѣ преданности прервать своего собесѣдника лани Стишинская.—Клянусь Маткой Божіей и вѣчнымъ блаженствомъ, что она такъ любитъ и такъ уважаетъ своего родителя, что ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы быть ему пріятной!—продолжала она съ возрастающимъ одушевленіемъ.—Моя княжна слишкомъ хорошо понимаетъ свои обязанности передъ своимъ родителемъ и передъ всѣми своими родственниками, чтобы не пожертвовать собственнымъ своимъ счастьемъ для ихъ покоя и удовольствія... Я знаю мою княжну, какъ собственное дитя: такой благородной души, такого чистаго сердца нѣтъ ни у одной дѣвицы въ цѣломъ мірѣ...

— Прекрасно, сударыня, мнѣ только хотѣлось бы, чтобъ она поняла, что царь—больше не ребенокъ, и что обращаться съ нимъ такъ, какъ она обращается до сихъ поръ, неприлично, да и не безопасно... Онъ можетъ такъ на нее разгнѣваться, что потомъ ужъ ничѣмъ не поправишь... Сердце у него чувствительное, онъ способенъ оцѣнить не одну только красоту дѣвицы, а также и нравъ ея, и умъ, и чувствительность ея души... Вы меня понимаете, сударыня?

О, да, она отлично его понимала! Отъ радостнаго изумленія у нея духъ перехватывало въ горлѣ, такъ что она могла только низко наклонить голову на его вопросъ.

— Прекрасно. Значить, мнѣ только остается у васъ спросить: замѣтила ли княжна, какъ его величество выросъ и возмужалъ за послѣднее время?

— Надо быть слѣпой, чтобъ этого не видѣть, ваше сіятельство. Мы съ княжной не дальше, какъ сегодня утромъ, восхищались красотой и умомъ царя... и когда я сказала, что счастлива будетъ та личность, которую онъ выберетъ себѣ въ супруги, княжна вполне со мною въ этомъ согласилась...

— Прекрасно, прекрасно,—повторилъ весело, потирая руки, князь Алексѣй, не ожидавшій, чтобъ миссія его была понята и воспринята такъ хорошо и такъ быстро. Положительно эта полька—субъектъ драгоцѣнный, и дочь его въ людяхъ толкъ знаетъ.—Надо вамъ сказать, сударыня,—продолжалъ онъ съ облегченнымъ сердцемъ:—что для царей у насъ существуютъ совершенно другіе законы, чѣмъ для обыкновенныхъ смертныхъ...

— О, разумѣется!—не утерпѣла, чтобъ не вставить, его собесѣдница.

— Да вотъ, напримѣръ, имъ дозволяется церковью вступать, въ случаѣ надобности, въ бракъ не шестнадцати лѣтъ, какъ всѣмъ, а тринадцати.

— О, какъ это хорошо! — вскричала пани Стишинская. — Значить, нашъ царь можетъ взять себѣ супругу ужъ въ январѣ будущаго года?

— Именно такъ. И до этого остается такъ мало времени...

— Что терять его ужъ отнюдь не приходится, — докончила его фразу догадливая собесѣдница. — Ваша сіятельство! — вскричала она, не давая ему опомниться, срываясь съ мѣста и опускаясь передъ нимъ на колѣни. — Я такъ счастлива вашимъ довѣріемъ, что жизни не пожалѣю, чтобъ оправдать его! Повѣрьте, что никто такъ страстно не желаетъ благоденствія всей вашей фамилии, какъ я; но княжну Катерину я просто обожаю, я на нее молюсь, я готова съ радостью претерпѣть вѣчныя муки изъ-за нея!

Отъ избытка чувствъ она разрыдалась, и князю пришлось ее успокоивать передъ тѣмъ, какъ отпустить ее къ дочери, съ сердцемъ, наполненнымъ наилучшими намѣреніями и безграничною преданностью всѣмъ Долгорукимъ безъ исключенія.

Памятно было это лѣто для обитателей барской усадьбы въ селѣ Горенкахъ.

Царю здѣсь такъ полюбилося, что онъ забывалъ про охоту, чтобъ проводить время въ обществѣ красавицы, княжны Катерины. Что сказала она ему, оставшись съ нимъ послѣ завтрака наединѣ, въ тѣнистой липовой аллееѣ, по которой она предложила ему прогуляться въ то время, какъ сѣдлали лошадей для прогулки верхомъ по живописнымъ окрестностямъ, какъ объяснила она ему свое къ нему отношеніе раньше, — осталось навсегда тайной, которую она сумѣла заставить его свято хранить отъ всѣхъ, даже и въ особенности отъ его любимца, ея родного брата. Вообще, съ этого дня малолѣтній царь подружился съ восемнадцатилѣтней красавицей такъ, какъ никогда еще ни съ кѣмъ не дружилъ.

А князю Ивану это было на руку. Утомился ли онъ вѣчной возней съ избалованнымъ и властолюбивымъ мальчикомъ-царемъ, въ своеволии своемъ не допускаявшимъ противорѣчій и выслушивавшимъ совѣты для того только, чтобъ имъ не слѣдовать и пренебрегать чужими мнѣніями, или измученное кокетствомъ цесаревны сердце фаворита жаждало успокоенія въ иной, болѣе чистой и мирной средѣ, такъ или иначе, но не удовлетворяли его и кутежи съ молодежью изъ низшаго общества, и онъ бросился въ другую крайность, сталъ искать успокоенія своему мятущемуся духу въ домѣ Шереметевыхъ, гдѣ въ одиночествѣ, вдали отъ свѣта, росла при совершенно исключительныхъ условіяхъ сирота-красавица, Наталья Борисовна, представлявшая собою поразительный контрастъ со всѣми дѣвушками, которыхъ онъ до сихъ поръ зналъ, начиная съ такихъ, какъ дочь царя Петра и его европейски воспитанная сестра, и кончая продажными, гетерами, къ которымъ увозили его проводить ночи новые пріатели.

А княжна Катерина тѣмъ временемъ все крѣпче и крѣпче овладѣвала царемъ, разжигая въ немъ чувственность разсчитанною неприступностью, ревность—воспоминаніями о недавнемъ романѣ съ красавцемъ-испанцемъ и мучительнымъ подозрѣніемъ, что, можетъ быть, она до сихъ поръ его любитъ и жертвуетъ этимъ чувствомъ изъ повиновенія родителямъ, изъ честолюбія и тому подобныхъ побужденій, ничего общаго не имѣющихъ съ чувствомъ, питаемымъ къ ней царственнымъ ея женихомъ.

Скрыть своихъ сердечныхъ страданій онъ, разумѣется, не умѣлъ, но невѣста не допускала его до отчаянія и, позабавившись извѣстное время его ревностью, она такъ искусно умѣла его успокоить и утѣшить, что послѣ каждой размовки она становилась ему милѣе.

А все-таки объявить княжну Катерину всенародно своей невѣстой, обручиться съ нею и назначить день вѣнчанія онъ не рѣшался, хотя и торопилъ окончаніе отдѣлки дома, который онъ ей подарилъ близъ своего дворца, и въ который она должна была переѣхать, чтобъ жить отдѣльно отъ родителей, окруженная собственнымъ дворомъ, въ роскоши и почетѣ, подобающихъ будущей императрицѣ, при чемъ царь выказывалъ несвойственную своимъ лѣтамъ энергію въ преслѣдованіи соперниковъ.

Узнавъ, что графъ Мелизимо, которому Долгорукіе въ весьма оскорбительной формѣ отказали отъ дома, позволяетъ себѣ бродить по ночамъ въ окрестностяхъ ихъ усадьбы, въ надеждѣ, безъ сомнѣнія, встрѣтиться съ бывшей своей возлюбленной, царь приказалъ спросить у него, что ему тутъ нужно, а затѣмъ потребовалъ удаленія его изъ предѣловъ Россіи и былъ внѣ себя отъ радости, когда ему доложили, что желаніе его исполнено.

Но развѣ не могли явиться другіе воздыхатели?—и, чтобъ этому воспрепятствовать, онъ совсѣмъ поселился въ Горенкахъ и требовалъ, чтобъ княжна не покидала его ни на минуту.

Волей-неволей приходилось покоряться его требованіямъ, не выказывая ни досады, ни скуки. Но, какъ ни увѣряла она себя, что игра стоитъ свѣчъ, что изъ-за императорской короны стоитъ поскучать съ влюбленнымъ мальчикомъ,—время тянулось для нея нестерпимо долго, и неопредѣленность ея положенія часто раздражала ее до отчаянія, тѣмъ болѣе мучительнаго, что ей не съ кѣмъ было дѣлиться ни сомнѣніями своими, ни надеждами: между членами Долгоруковской семьи царилъ разладъ и ранѣе, и разладъ этотъ обострялся до обидной подозрительности и до ненависти за послѣднее время, въ виду выдающагося положенія, занятаго княземъ Иваномъ, его отцомъ и старшей сестрой, при царѣ. Если же ко всему этому прибавить не успѣвшее еще вполне остынуть страстное чувство къ Мелизимо, который, скрываясь по близости Горенокъ, не переставалъ напоминать ей о своей любви, то по-

нятно, что она не въ силахъ была отказать себѣ въ удовольствіи принимать его письма и отвѣчать на нихъ.

При помощи ловкой и въ любовныхъ дѣлахъ опытной пани Стишинской это было такъ удобно! Каждое утро являлась она къ своей госпожѣ съ любовнымъ посланіемъ отъ изгнаннаго воздыхателя, въ которомъ княжна черпала пріятныя впечатлѣнія, помогавшія ей выносить дневную скуку, а вечеромъ, запершись въ своей спальнѣ, писала отвѣтъ своему пламенному поклоннику, увѣщевая его вѣрить въ неизмѣнность ея къ нему чувствъ и доказывая ему необходимость покориться судьбѣ и разлукѣ съ нею до тѣхъ поръ, пока невозможнаго для нея существовать не будетъ...

Само собою разумѣется, что, довѣряя эти письма своей наперсницѣ, княжна знала, что эта послѣдняя не затруднится выяснитъ смыслъ этихъ таинственныхъ намековъ въ желательномъ для обѣихъ сторонъ смыслѣ.

Однако, наступила минута, когда и перепискѣ этой сталъ грозить конецъ. Графу становилось съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе скрываться въ окрестностяхъ Горенокъ; покровитель его, вѣнскій посланникъ, князь Вратиславъ, все чаще и настоятельнѣе предупреждался, что долгие противиться желанію царя графу Меллизино будетъ не безопасно, что ему грозитъ заточеніе въ которомъ нибудь изъ кремлевскихъ подземельевъ, если присутствіе его близъ города обнаружится, а случится это можетъ каждую минуту: многіе ужъ знаютъ, что онъ каждую ночь выходитъ къ парку, въ которомъ ждетъ его наперсница княжны съ письмомъ, и что если, Боже сохрани, слухъ этотъ дойдетъ до ушей князя Алексѣя Григорьевича или его сына, они ни передъ чѣмъ не остановятся, чтобъ доказать свое усердіе и преданность царственному своему гостю. Несчастному влюбленному ничего больше не оставалось, какъ убраться, подобру-поздорову, подальше отъ Москвы.

— Да, графъ, то же самое и я вамъ ужъ давно говорю, — сказала пани Стишинская, когда онъ сообщилъ ей о приказаніи своего начальника не подвергать его долгие опасности заслужить гнѣвъ все-мощныхъ правителей Россіи. — Вы представить себѣ не можете, какъ царь сдѣлался подозрителенъ и ревнивъ! Онъ явно показываетъ княжнѣ, что не вѣритъ ей, и настаиваетъ на ея переѣздѣ въ новый дворецъ, чтобъ окружить ее преданными ему людьми, которые о каждомъ ея шагѣ ему будутъ доносить. Мы даже боимся, что и меня выплюютъ въ какую нибудь отдаленную деревню, чтобъ лишитъ ее моей помощи и совѣтовъ. Вѣдь и у меня много враговъ при дворѣ, и я немало выношу непріятностей изъ-за моей безпредѣльной любви къ нашей милой княжнѣ, — прибавила она со вздохомъ.

Онъ молча ее слушалъ, опустивъ глаза въ землю и съ мрачнымъ выраженіемъ на красивомъ, поблѣднѣвшемъ отъ душевнаго волненія, лицѣ.

— А не согласится она со мной бѣжать въ Испанію? — спросилъ онъ наконецъ, вскидывая на свою собесѣдницу полный отваги, загорѣвшійся взглядъ.

— Что! Что вы! Да развѣ это возможно? Вѣдь вы только вспомните, чья она невѣста, и какое положеніе ее ждетъ?—чуть не вскрикнула отъ испуга пани Стишинская.—Какъ могла вамъ прійти такая нелѣпая мысль!

— Она меня любитъ.

— Такъ что жъ изъ этого? Дайте ей сдѣлаться императрицей, усыпить ревность супруга, завоевать его полное довѣріе, и тогда мы вамъ дадимъ знать, чтобъ вы пріѣхали. Мы выхлопочемъ вамъ какую нибудь миссію въ Россію, мы даже можемъ потребовать, чтобъ васъ назначили посланникомъ отъ Испаніи... вѣдь ужъ тогда намъ ни въ чемъ и ни отъ кого отказа не будетъ...

Но онъ ея не слушалъ.

— Пусть она бѣжитъ со мною. Я привезу ее на мою родину, въ замокъ моего отца. Наша фамилія древняя и славная, Мелизимо участвовали во всѣхъ крестовыхъ походахъ, и страна наша цивилизованнѣе Франціи. Она не раскается, что предпочла графскую корону Мелизимо царской коронѣ московитской. Тамъ она не будетъ дрожать за свою свободу и за свою жизнь, какъ здѣсь, тамъ никто не сошлетъ ее въ Сибирь, какъ сослали первую царскую невѣсту... Вотъ что,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ, хватая ея руку и до боли сжимая ее въ своихъ длинныхъ, тонкихъ и сильныхъ пальцахъ,—уговорите ее повидаться со мною сегодня ночью, и я заставлю ее понять, что она во всѣхъ отношеніяхъ поступаетъ глупо, разсчитывая на любовь и на вѣрность глупаго мальчика, который не будетъ даже въ силахъ защитить ее отъ враговъ. Устройте намъ свиданіе, и вы получите за это... вы получите за это тысячу червонцевъ!—объявилъ онъ торжественно послѣ маленькаго размышленія.

Тысячу червонцевъ! У пани Стишинской сладко забилося сердце. Вѣдь это—цѣлое состояніе, на эти деньги можно купить домъ въ городѣ, сдѣлаться домовладѣлицей! И за то лишь, чтобъ убѣдить княжну сдѣлать то, о чемъ и сама она страстно мечтаетъ...

— Хорошо, я постараюсь исполнить ваше желаніе...

— Вы должны мнѣ обѣщать непременно его исполнить!—прервалъ ее запальчиво графъ.—Я знаю, вы можете это сдѣлать. Она смѣла и любитъ меня! Передайте ей это письмо,—продолжалъ онъ, разстегивая свой камзолъ и вынимая запечатанную записку изъ кожанаго мѣшочка, висѣвшаго на его груди.—Когда она прочтетъ его, то сама захочетъ со мною видѣться, вамъ останется только устроить это свиданіе, гдѣ хотите и какъ хотите... Ну, куда же мнѣ завтра явиться, чтобъ встрѣтиться съ княжной?—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Дайте подумать, — взмолилась смущенная такою поспѣшностью пани.

— Думайте скорѣе... Впрочемъ, скорого рѣшенія отъ васъ не дожدهшься, а я имѣю причины подозрѣвать, что за нами слѣдятъ, и что мы попадемъ въ западню, если сейчасъ же не разойдемся, — продолжалъ онъ, оглянувшись по сторонамъ на высокія, густыя деревья, черными массами окружавшія ихъ со всѣхъ сторонъ. — Вѣдь у васъ отдѣльная комната въ домѣ князя? — спросилъ онъ отрывисто.

— Разумѣется, отдѣльная, я же при княжнѣ резиденткой на респектѣ...

— Прекрасно. Куда выходятъ окна вашей комнаты?

— На дворъ...

— На который? Гдѣ конюшни?

— Да, но вы должны знать...

— Я одно только желаю знать: чтобъ одно изъ оконъ вашей комнаты оставалось завтра весь день отпертымъ, поняли? Я не могу вамъ сказать, въ какое именно время удастся въ него пролѣзть, это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Не безпокойтесь, дѣло будетъ сдѣлано чисто, намъ не въ первый разъ являться на любовныя свиданія черезъ окно. У насъ въ Испаніи сплошь да рядомъ такъ дѣлается...

Съ этими словами онъ удалился и такъ быстро, что не успѣла наперсница княжны опомниться и проговорить возраженіе, вертѣвшея на ея языкѣ, какъ онъ уже скрылся у нея изъ виду.

Да, безстрашный народъ эти испанцы, нельзя въ этомъ не сознаться! Въ любовной отвагѣ, пожалуй, и полякамъ не уступятъ.

Всю остальную ночь провела она съ княжной въ разговорахъ о смѣлой затѣѣ влюбленнаго графа и о его взбалмошномъ предложеніи.

Впрочемъ, предложеніе это одна Стипинская находила взбалмошнымъ, княжна была другого мнѣнія. Мыслей своихъ она своей резиденткѣ не высказала, но, судя по улыбкѣ, блуждавшей на ея губахъ во время чтенія любовной цыдулки, да по тому, какъ настойчиво заставляла она Стипинскую повторять каждое слово, сказанное ей графомъ, можно было догадаться, что она серьезно размышляетъ о его предложеніи и вовсе не намѣрена отказать отъ него, не взвѣсивши обстоятельно всѣ шансы за и противъ требуемаго отъ нея рѣшенія. Нисколько не испугалась она и намѣренія его видѣться съ нею въ домѣ ея отца, проникнувъ черезъ окно въ комнату пани Стипинской. Ее даже, какъ будто, забавляла вся эта авантюра. Не даромъ же выросла она въ странѣ, гдѣ любовныя похождения занимаютъ такое выдающееся мѣсто въ жизни людей, что всѣ прочіе интересы отходятъ на второй планъ.

— Такъ графъ находитъ, что почетнѣе быть супругой испанскаго графа, чѣмъ русскаго царя? — раздумчиво и съ загадочной

усмѣшкой проговорила она, внимательно выслушавъ повѣствованіе пани Стишинской.

— Да, по его мнѣнію, это несравненно почетнѣе, да и безопаснѣе...

— Вотъ какъ! Графъ Мелизимо уже заговорилъ объ опасности! Знакъ добрый,—продолжала она съ ироніей, отъ которой собесѣдница ея пришла въ смущеніе.

Ужъ не повредила ли она какънибудь нечаянно влюбленному испанцу, неосторожно повторяя то, о чемъ было бы, можетъ быть, лучше умолчать?

— А какъ ты думаешь,—продолжала, между тѣмъ, княжна, преслѣдуя вслухъ мысли, закружившіяся въ ея головѣ,—вѣдь быть женой какогонибудь мѣщанина или мужика еще безопаснѣе... особенно, если съ нимъ жить въ какойнибудь трущобѣ на краю свѣта?

— Вы, княжна, шутите,—растерянно замѣтила ея слушательница, убѣждаясь все больше и больше, что предположеніе ея вѣрно: она повредила графу во мнѣніи его возлюбленной, легкомысленно повторивъ его слова. Съ такой умной особой, какъ княжна, очень опасно говорить все, что взбредетъ на умъ, съ нею надо каждое слово обдумывать.

— Я не шучу,—продолжала, между тѣмъ, княжна,—и если рѣчь идетъ объ опасности...

— Не объ одной опасности, а также о почетѣ: графъ особенно напиралъ на почетъ и на честь породниться съ фамиліей графовъ Мелизимо. Родъ ихъ считается однимъ изъ древнѣйшихъ въ Испаніи, а Испанія—страна цивилизованная, тогда какъ Россія...

— А скажи, пожалуйста,—весело прервала ее княжна, какъ бы для того, чтобъ дать ей понять, что ей не для чего больше распространяться о высокихъ достоинствахъ фамиліи Мелизимо, потому что все равно ей не повѣрятъ,—скажи, пожалуйста, объяснила ты ему, что твоя комната на самомъ верху, подъ крышей, рядомъ съ чердаками?

— Ничего не могла я ему объяснить, онъ былъ сегодня особенно разстроены, увѣрялъ, что за нами подсматриваютъ, безпрестанно озирался по сторонамъ и скрылся у меня изъ виду раньше, чѣмъ я успѣла раскрыть ротъ, чтобъ ему ему сказать, что пролѣзть ко мнѣ черезъ окно очень неудобно...

— Пусть, значить, самъ на себя пеняетъ, если затѣя его не удастся. Иди себѣ спать. Завтра придется намъ рано вставать, государь желаетъ ѣхать до завтрака верхомъ на мельницу, и намъ надо быть готовыми къ восьми часамъ. Петръ Второй хотя и не испанскій графъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки русскій царь, и заставлять его ждать намъ неудобно, — небрежно проговорила она, отвертываясь отъ своей компаньонки и протягивая руку за книгой въ кожаномъ переплетѣ, вынутой изъ библіотеки отца, чтобъ читать на сонъ грядущій.

Это были сочиненія французскаго писателя Брантома, весьма остроумнаго и забавнаго писателя, котораго княжна Катерина уже читала въ Варшавѣ и хотѣла перечитать здѣсь.

Всегда интересовалась она любовными авантюрами и ихъ замысловатыми завязками и развязками, но въ эту ночь она было особенно расположена увлекаться похождениями знатныхъ французскихъ дамъ, такъ живо и краснорѣчиво описанныхъ талантливымъ писателемъ, что, мысленно переживая ихъ радости, страхи, волненія и отчаянне, она невольно спрашивала себя: что сказалъ бы москѣ Брантомъ, если бы узналъ исторію ея жизни, и не сознался ли бы онъ тогда, что, какимъ бы богатымъ воображеніемъ ни обладалъ писатель, никогда ему не придумать того, что случается въ дѣйствительной жизни? Какое великое множество всевозможныхъ любовныхъ авантуръ пережила она на своемъ короткомъ вѣку! Какъ странно, изумительно и невѣроятно то, что она переживаетъ въ настоящемъ, а что ждетъ ее въ будущемъ?.. Этого даже и ей самой невозможно себѣ представить!..

Сдѣлаться русской императрицей! Одной изъ первыхъ женщинъ въ мірѣ! Возсѣдать на тронѣ въ золотомъ вѣницѣ, въ горностаевой мантии, выше всѣхъ, всѣхъ въ цѣлой Россіи! Очутиться вдругъ такъ недостижимо высоко и далеко, что всѣ преклонятъ передъ нею колѣни и будутъ считать за величайшее счастье быть допущеннымъ къ ея рукѣ!..

Книга соскользнула съ атласнаго одѣяла на коверъ у ея кровати, и, поднявъ кверху красивую, обнаженную руку, она стала ею любоваться.

Такая прекрасная ручка достойна поцѣлуевъ тысячной толпы. Въ Россіи царицей будетъ красавица въ полномъ смыслѣ этого слова, изящная, умная, талантливая, на иностранный манеръ воспитанная, со многими посланниками будетъ она бесѣдовать на ихъ родномъ языкѣ, со всѣми королями и королевами сумѣетъ вести переписку, безъ помощи секретаря. Такихъ царицъ въ Россіи еще не бывало. Восхищаются цесаревной! Есть чѣмъ, нечего сказать! Даже порядочнаго любовника выбрать себѣ не умѣетъ изъ великаго множества безъ ума въ нее влюбленныхъ юношей. Отличила какого-то Шубина изъ мелкихъ дворянъ, грубаго, безъ малѣйшей полуры, ни стать, ни сѣсть не умѣетъ, ни танцовать, ни говорить по-французски, ни одѣваться, какъ подобаетъ его положенію, ни вести свѣтскаго разговора... И это фаворитъ претендентки на русскій престолъ! Срамъ! Послѣдній изъ воздыхателей княжны Катерины не согласился бы взять къ себѣ въ дворскіе юноши этого Шубина, а графъ Мелизимо даже и въ конюхи не нанялъ бы такого увальня...

Мелизимо!

Она откинулась на подушки, закинула руки за голову и, устремивъ глаза въ голубой штофный потолокъ алькова, улыбнулась красивому образу, вызванному ея воображеніемъ.

Этотъ тоже ее любитъ и, можетъ быть, больше всѣхъ прочихъ... Не шуточной опасности подвергается онъ, не повинуюсь приказанію царя и Долгорукихъ и со дня на день отстрочивая свой отъѣздъ изъ Россіи, въ надеждѣ ее увидѣть, услышать ея голосъ, сорвать послѣдній поцѣлуй съ ея губъ...

Большаго онъ, разумѣется, не достигнетъ. Не убѣжитъ она съ нимъ въ Испанію, какъ онъ мечтаетъ, чтобъ похоронить себя въ старомъ скучномъ замкѣ, съ ворчливыми и скупыми стариками, рожать дѣтей, считать куръ и цыплятъ, приносимыхъ фермерами, разсчитывать каждую копейку, перебивать старыя платья, ѣздить въ дребезжащей колымагѣ въ гости къ такимъ же смѣшнымъ провинціаламъ, какъ и хозяева рыцарскаго замка Мелизимо, или пресмыкаться передъ коронованными особами и ихъ родственниками въ качествѣ супруги посланника, дѣлать передъ ними низкіе реверансы, цѣловать у владѣтельныхъ принцессъ ручки, льстить имъ, подлаживаться подъ ихъ характеръ и расположеніе духа, вмѣсто того, чтобъ самой сдѣлаться императрицей обширнаго государства,— надо съ ума сойти, чтобъ сдѣлать такой низкій выборъ и, отвернувшись отъ лучшаго, польститься на худшее! Никогда не думала она, чтобъ Мелизимо былъ такъ простъ и самонадѣянъ! Онъ ее душой считаетъ. Но она ему докажетъ, что онъ ошибается. Глупая Стишинская совѣмъ раскисла отъ свиданій съ нимъ. Она воображаетъ, что онъ такъ неотразимъ, что слѣдуетъ не задумываясь пожертвовать царскимъ вѣнцомъ изъ-за его прекрасныхъ глазъ...

А глаза у него дѣйствительно прекрасны, и чувствовать на себѣ его влюбленный взглядъ очень пріятно... Но мало ли на свѣтѣ красивыхъ черныхъ глазъ, а русская корона—одна въ цѣломъ мірѣ!

Съ этими мыслями она заснула, и ей снились толпы молодыхъ красавцевъ, умолявшихъ ее о поцѣлѣ, въ то время, какъ золотой царскій вѣнецъ спускался съ неба надъ ея головой, а у ногъ ея, на необозримое пространство, толпился народъ, котораго она признавала себя полновластной повелительницей... По временамъ гдѣ-то въ сторонѣ и какъ бы въ туманѣ появлялся смутный образъ мальчика, который долженъ былъ надѣть на нее эту корону и облечь ее въ порфиру, но если царскій вѣнецъ сверкалъ такъ ярко, что глазамъ было больно на него смотрѣть, и если порфира, все шире и шире расплываясь, заволакивала передъ нею весь горизонтъ, то образъ царственнаго жениха, постепенно блѣднѣя, уходилъ отъ нея все дальше и дальше, пока совѣмъ не исчезъ, оставя ее одну въ ореолѣ величія и власти.

Что это былъ за сонъ? Неужели вѣщій? Неужели она одна будетъ царствовать надъ Россіей?

Такая перспектива стояла жертвѣ, и она рѣшилась ихъ принести.

Проѣзжая на другой день съ царемъ подъ тѣнистыми сводами столѣтнихъ деревьевъ съ желтѣющей листвою, княжна воспользовалась минутой, когда свита ихъ опередила, чтобъ готовить завтракъ на берегу рѣчки у мельницы, и объявила, что ей очень бы хотѣлось скорѣе переѣхать въ новый дворецъ, который царь былъ такъ милостивъ для нея приготовить недалеко отъ его дворца.

Восхищенный женихъ отвѣчалъ, что желаніе ея можетъ исполниться хоть сегодня, такъ какъ дворецъ готовъ вполнѣ, и чѣмъ скорѣе переѣдетъ въ него хозяйка, тѣмъ будетъ лучше.

— Мнѣ же, кстати, долше оставаться у васъ невозможно. Остерманъ пристаетъ съ разными скучными дѣлами и увѣряетъ, что я долженъ непременно вернуться въ Москву. Я ему уступлю на этотъ разъ, но зато заставлю и ихъ исполнить мое желаніе,—прибавилъ онъ, искоса поглядывая съ лукавой усмѣшкой на свою даму, замѣчательно хорошенькую и граціозную въ амазонкѣ и въ шляпѣ, съ длиннымъ зеленымъ вуалемъ, откинутымъ назадъ съ свѣжаго, раскраснѣвшагося отъ воздуха и быстрой ѣзды лица.

— А можно узнать, что желаете ваше величество? — спросила она.

— Я желаю съ вами скорѣе обручиться, чтобъ ужъ крѣпко было,—отвѣчалъ онъ, немного смущаясь подъ ея пристальнымъ, пытливымъ взглядомъ.

Они ѣхали рядомъ, и такъ близко другъ отъ друга, что, когда она съ улыбкой протянула ему руку, предварительно снявъ съ нея длинную, расшитую разноцвѣтными шелками перчатку, ему даже и пригнуться не надо было, чтобъ поднести ее къ губамъ, но она, придерживая поводья другой рукой, порывистымъ движеніемъ къ нему нагнулась и слегка поцѣловала его въ щеку.

— О, поцѣлуйте меня крѣпче, княжна! Дайте мнѣ васъ обнять, вѣдь вы—моя невѣста!—вскричалъ внѣ себя отъ волненія юноша, охватывая трепещущей рукой ея гибкій, тонкій станъ.

— Не упадите, ваше величество, лошади не будутъ стоять смирно, пока мы цѣлуемся, вы и сами свалитесь съ сѣдла и меня за собой повалите,—возразила она, съ веселымъ смѣхомъ вырываясь изъ его объятій и отъѣзжая отъ своего забывшагося кавалера на нѣсколько шаговъ.

Онъ, сердито нахмурившись, пришпорилъ лошадь и ускакалъ такъ далеко впередъ, что вскорѣ исчезъ у нея изъ виду, но это не заставило ее ускорить шагъ, и когда, проскакавши, сломя голову, до конца аллеи, онъ къ ней вернулся и, весь красный отъ конфуза, взглянулъ на нее, то увидѣлъ, что она такъ весело на него смотритъ своими большими карими смѣющимися глазами, что вся его досада прошла, и онъ громко расхохотался.

— Какая вы занятная, съ вами весело и ловко, какъ съ товарищемъ! — сказалъ онъ.

— И всегда буду я вамъ добрымъ товарищемъ, ваше величество,—возразила она.—И чѣмъ ближе вы меня узнаете, тѣмъ ловчѣе вамъ со мной будетъ.

Они проѣхали нѣсколько шаговъ молча. Ему столько хотѣлось ей сказать, что онъ не зналъ, съ чего начать, и ничего лучшаго не могъ придумать, какъ объявить, что ему очень бы хотѣлось завтра вечеромъ у нея ужинать въ ея новомъ дворцѣ и вдвоемъ.

— Ужинать я и сама васъ хотѣла къ себѣ просить, ваше величество, но прежде, чѣмъ намъ оставаться вдвоемъ, да еще ночью, намъ надо обвѣнчаться,—возразила она, не переставая весело смѣяться.

И какой это былъ заразительный смѣхъ! Долго, долго звучалъ онъ у него въ ушахъ даже и послѣ того, какъ они разстались, и, когда влюбленный мальчикъ прислушивался къ ея смѣху, припоминалъ ея веселые глаза и улыбку, у него на душѣ становилось такъ радостно, что ему хотѣлось прыгать и громко хохотать. Какая разница между этой невѣстой и первой, и какъ хорошо, что скучная княжна Марья Меншикова въ Сибири, а эта веселая милочка всегда съ нимъ останется.

Вернувшись съ прогулки, княжна Катерина, не раздвѣваясь, прошла въ кабинетъ отца, гдѣ застала старшаго брата.

Уже издали, не доходя еще до двери кабинета, догадалась она, что братъ пріѣхалъ изъ Москвы съ недобрыми вѣстями. Запальчивыя восклицанія отца долетѣли до ея ушей раньше, чѣмъ она успѣла переступить порогъ высокаго, глубокаго покоя, по которому онъ прохаживался большими шагами, въ халатѣ изъ красивой и тяжелой шелковой французской ткани и безъ парика, въ то время, какъ царскій фаворитъ, какъ всегда, корректно расфранченный по послѣдней модѣ, сидя въ креслахъ съ высокой спинкой у двери балкона, растворенной въ садъ, съ худо сдерживаемымъ раздраженіемъ крутилъ въ похолодѣвшихъ отъ волненія пальцахъ дорогія кружева своего пышнаго жабо.

Къ появленію княжны отнеслись угрюмо. Князь Иванъ не шелхнулся и, отвѣтивъ кивкомъ на ея надменный поклонъ, отвернулся отъ ея пристальнаго и насмѣшливаго взгляда, чтобы смотрѣть на клумбу съ отцвѣтающими осенними цвѣтами, благоухающую въ двухъ шагахъ отъ балкона. А отецъ ихъ прервалъ свое хожденіе для того только, чтобъ отрывисто у нея спросить:

— Вернулась? Что такъ скоро? Заскучалъ онъ, вѣрно, тамъ съ вами? И завтракъ, вѣрно, снакостили... Я говорить, что свѣжую рыбу нельзя тащить за десять верстъ по такой жарѣ, испортилась, вѣрно?—продолжалъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ, не дожидаясь отвѣтовъ на свои вопросы.

— Кабы княжна Катерина захотѣла, государь не замѣтилъ бы, что рыба не первой свѣжести,—замѣтилъ князь Иванъ, не отрывая глазъ отъ грядки.

Она съ живостью къ нему обернулась, но колкое возраженіе, готовое сорваться съ ея губъ, не выговорилось, и, съ усмѣшкой пожалвъ плечами, она снова обратилась къ отцу, который опять сердито зашагалъ по комнатѣ.

— Мало ли что! Кабы у насъ было сердце да благодарность къ родителямъ, мы бы иначе себя держали, мы бы понимали, что глупо выставять себя на посмѣище людямъ,—продолжалъ онъ ворчать, избѣгая встрѣчаться съ глазами дочери, которая стояла неподвижно на томъ мѣстѣ, близъ письменнаго стола, у котораго остановилась.

Ея надменно выпрямившаяся фигура, съ исказившимся отъ сдержаннаго гнѣва лицомъ, съ сдвинутыми бровями и стиснутыми губами, казалась еще выше и тоньше отъ длиннаго темносиняго суконнаго платья, плотно облегающаго гибкій станъ съ молодой упругой грудью, тяжело дышавшей отъ усилія казаться снокойной и ни единымъ движеніемъ, ни единымъ звукомъ не выдать чувствъ, наполнявшихъ ея душу.

— Вся Москва надъ нами смѣется... Наши Горенки прозвали крѣпостью, и будто мы въ ней насильно держимъ въ плѣненіи государя,—продолжалъ, между тѣмъ, ворчать съ возрастающей горечью князь Алексѣй Григорьевичъ, постепенно одушевляясь своими собственными словами:—и будто этотъ плѣнъ ему такъ прискучилъ, что онъ ждетъ, не дождется, чтобъ ктонибудь его отъ насъ избавилъ...

— Это у Шереметевыхъ рассказываютъ? — замѣтила княжна, мелькомъ взглядывая на брата, продолжавшаго отъ нея отвертываться.

— Не у однихъ Шереметевыхъ, и въ Александровскомъ про насъ сплетни плетутъ, да еще, можетъ быть, похуже,—подхватилъ князь Алексѣй.—Нечего, сударыня, ухмыляться да плечами пожимать, хорошаго въ томъ мало, что ты ловка на лазуканье только съ такими фертиками, какъ этотъ гишпанецъ голопятый, Мелизимо... Вотъ такимъ амурнымъ упражненіямъ тебя не учить, такихъ щелкоперовъ ты мастерица съ ума сводить, а какъ если до чего посолиднѣе дѣло дойдетъ...

— Батюшка,—прервала его съ почтительною твердостью дочь, блѣднѣя подъ его обидными намеками: — я припла васъ просить оказать мнѣ милость...

— Что еще? Что тебѣ отъ насъ надо? — сердито оборвалъ ее отецъ.—Тебѣ бы, сударыня, все только отъ насъ требовать милостей, а чтобъ заслужить ихъ покорностью да повиновеніемъ, этого отъ тебя не жди!

-- Это будетъ ужъ послѣдняя отъ васъ ко мнѣ милость, батюшка. Я завтра уѣзжаю отъ васъ совсѣмъ.

— Куда это?

— Къ себѣ, въ тотъ домъ, который государь приказалъ для меня отдѣлать, близъ своего дворца, -- вымолвила княжна, невольно наслаждаясь эффектомъ своихъ словъ.

Отецъ отъ изумленія открылъ ротъ, а братъ, стремительно повернувшись къ ней, смотрѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ въ широко раскрытыхъ отъ изумленія глазахъ, точно онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Если бъ была ваша милость, батюшка, сегодня же отправить туда мою мебель, посуду и людей, чтобы мнѣ завтра со Стипинской уже въ убранный домъ пріѣхать, -- продолжала, между тѣмъ, все съ тѣмъ же холоднымъ спокойствіемъ княжна. -- Государь назвался ко мнѣ на новоселье ужинать...

Ужъ это было слишкомъ! Все одна устроила... сама... одна и пришла хвастаться... издѣваться надъ ними...

Князь Иванъ сорвался съ кресла и, объявивъ, что идетъ пожелать добраго утра государю, котораго еще не успѣлъ сегодня видѣть, торопливо вышелъ изъ кабинета, а отецъ его, чтобы привести въ порядокъ чувства и оправиться отъ неожиданнаго сообщенія, къ которому онъ еще не зналъ, какъ отнестись, молча прошелся по комнатѣ.

— Такъ ты завтра отъ насъ совсѣмъ уѣзжаешь? -- спросилъ онъ, останавливаясь передъ дочерью, которая, не трогаясь съ мѣста, терпѣливо ждала, чтобы онъ съ нею заговорилъ. -- Почему же ты собралась такъ внезапно, ни слова не сказавъ ни мнѣ, ни матери?

— Не внезапно, батюшка, вся Москва знаетъ, что государь приказалъ отдѣлать для меня домъ близъ своего дворца, чтобы чаще со мною видѣться до нашего брака.

— У васъ, значить, это ужъ рѣшено? Сама все устроила?

— Давно рѣшено, батюшка. Развѣ онъ жилъ бы у насъ такъ долго, если бы не рѣшилъ со мною обвѣнчаться? Сегодня онъ съ вами переговорить объ обрученіи. Ему хочется, чтобы оно было, какъ можно скорѣе, въ ноябрѣ или въ декабрѣ, вотъ онъ вамъ скажетъ, а мнѣ надо васъ, дорогой батюшка, побезпокоить еще просьбой. -- продолжала она, взявъ руку отца и цѣлуя ее, -- пока хозяйство мое еще не налажено, не будетъ ли ваша милость -- отпустить ко мнѣ вашего француза? Государь съ удовольствіемъ кушаетъ его стряпню, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы мой женихъ нигдѣ не кушалъ съ такимъ аппетитомъ, какъ у меня...

— Разумѣется, тебѣ теперь французъ-поваръ нужнѣе, чѣмъ намъ, -- процѣдилъ сквозь зубы князь. -- Бери его и держи, сколько хочешь. Я такъ растратился за послѣднее время, что придется экономію нагонять... Ну, да зато дочку за царя просваталъ, -- приба-

виль онъ съ горькой усмѣшкой, не переставая повторять про себя: «Сама все устроила, сама, одна... И все польское воспитаніе! Самъ виноватъ, самъ виноватъ! Не дочь себѣ выростилъ, а чужую... врага лютаго, можетъ быть... если во-время ей не покориться»...

Онъ прошелся еще разъ по комнатѣ, опустился на обитый кожей диванъ, стоявшій у стѣны рядомъ съ бібліотекой, вдали отъ дверей, и пригласилъ дочь сѣсть рядомъ съ нимъ.

— Потолкуемъ, Катерина, можетъ, въ послѣдній разъ... вѣдь, какъ-никакъ, а все же я тебѣ родителемъ прихожусь и, кромѣ добра, ничего не могу тебѣ желать, — проговорилъ онъ съ напускнымъ добродушіемъ, не вязавшимся съ выраженіемъ его глазъ, съ пытливою подозрительностью устремленныхъ на дѣвушку.

Удивительно стойко выдерживала она эту пытливость! Не опускающая взгляда и все съ той же загадочной усмѣшкой на тонкихъ губахъ, подошла она къ дивану и опустилась на указанное ей мѣсто рядомъ съ отцомъ.

— Ну, расскажи же мнѣ все, что между вами произошло, мнѣ надо знать... понимаешь?—началь онъ не безъ смущенія.

Зайскивать въ дѣвчонкѣ, въ родной дочери! Очень это было тяжело для чваннаго, властолюбиваго князя!

— Государь выразилъ желаніе, чтобы я скорѣе переѣхала въ свой домъ, и я согласилась,—сдержанно проговорила она.

— А передъ тѣмъ? Вѣдь не вдругъ же онъ тебѣ это сказалъ, и сама же ты говоришь, что онъ хочетъ въ ноябрѣ съ тобою обручиться?

— Вы ужъ это знаете, для чего же повторять?

— А про вѣнчаніе въ какихъ выраженіяхъ онъ сказалъ?—продолжалъ настаивать отецъ съ вымученною ласковостью въ голосѣ.—Ну, ну, извини мою докучливость,—послѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе, которымъ она отвѣтила на его распросы,—не желаешь про это говорить, такъ и не надо... Сама умница, сама такъ ловко устроила свою судьбу, что намъ всѣмъ остается только ждать твоей милости... Много у насъ враговъ, Катерина! Охъ, какъ много! не одобровать намъ, если ты насъ не защитишь! Вотъ, напиримѣръ, Голицыны, вѣдь это они гнилые слухи про тебя распускаютъ, будто ты ужъ дѣвическую свою честь потеряла...

— Батюшка, я васъ прошу никогда мнѣ ничего не передавать изъ того, что про меня плетутъ мои враги! — вскричала княжна, гнѣвно сверкнувъ глазами.—Поймите, что я могу жить тогда только, если ничего не знаю изъ того, что про меня думаютъ и говорятъ! Положеніе мое трудное,—продолжала она смягчаясь,—и выносить его мнѣ приходится одной, на это силы нужны и терпѣніе...

— У тебя есть отецъ,—вставилъ онъ робко.

— Одного у васъ прошу, оставьте меня въ покоѣ на время, дайте осмотрѣться, дайте мнѣ понять и самой себя и его, моего будущаго

мужа! Дайте мнѣ обсудить положеніе. Оно не изъ легкихъ. Мы съ нимъ—одни въ цѣломъ мірѣ, всѣ намъ лгутъ, всѣ намъ льстятъ изъ-за личныхъ выгодъ, намъ не съ кѣмъ ни совѣтоваться, ни дружить, — продолжала она съ возрастающимъ одушевленіемъ.— Сами же вы при мнѣ сколько разъ рассказывали про царя Петра, какъ онъ умиралъ, въ какомъ страшномъ одиночествѣ, обманувшись во всѣхъ, въ самыхъ близкихъ, въ какомъ мрачномъ отчаяніи металась его душа... И вотъ я вамъ скажу, что и внукъ его ужъ и теперь испытываетъ то же самое! Этотъ ребенокъ, самъ себя еще не понимающій, уже понялъ, что вѣрить никому нельзя... что всѣ лгутъ ему потому, что онъ—царь! Онъ ужъ знаетъ, что ему слѣдуетъ опасаться особенно тѣхъ, кому онъ всѣмъ обязанъ...

— Онъ тебѣ это сказалъ?—вскричалъ князь, хватая дочь за руку и устремляя на нея полный ненависти взглядъ.—Онъ меня назвалъ?

— Если вы будете меня допрашивать, какъ въ застѣнкѣ, батюшка, то ничего не добьетесь, я не изъ тѣхъ, изъ которыхъ можно пытками выворачивать душу, — возразила она съ холодной надменностью, вырывая руку изъ его похолодѣвшихъ отъ волненія пальцевъ.

— Это ты меня пытаешь, какъ катъ! Ты мнѣ растерзала сердце, Катерина! Въ чемъ можетъ меня подозрѣвать государь? Чѣмъ мнѣ доказать мою преданность, мою любовь? Если ты это знаешь, такъ скажи! Что онъ про меня думаетъ? Кто ему про меня наговорилъ? Кто? кто? Ты молчишь? Мнѣ, значитъ, надо забыть, что я—твой родитель и имѣю на тебя права, данныя мнѣ Самимъ Богомъ? Ты отказываешься отъ отца? Ты отказываешься подать ему руку помощи, спасти его? Берегись, Катерина! Если благословеніе родителей чтонибудь да значитъ, то и проклятіе ихъ тоже...

Онъ былъ внѣ себя. Намекъ дочери на то, что онъ у царя въ подозрѣніи, ея упорный отказъ помочь ему разрушить подведенную подъ него каверзу враговъ привелъ его въ такое изступленіе, что, не войди въ эту минуту его сынъ, онъ бы ее проклялъ. Она это такъ хорошо сознавала, что безсознательно ужъ искала спасенія въ бѣгствѣ и, пятясь назадъ отъ наступавшаго на нее въ ярости отца, чуть не столкнулась у двери съ входившимъ братомъ.

Охвативъ однимъ взглядомъ положеніе и понявъ по искаженному гнѣвомъ лицу старика и по отчаянной рѣшимости сестры ему не уступать, что между ними вспыхнула одна изъ тѣхъ озлобленныхъ ссоръ, которыя не въ первый разъ загорались въ ихъ семьѣ, онъ поспѣшилъ отсунуть назадъ княжну и, заслоняя ее собою, торжественно объявилъ отцу, что государь желаетъ его видѣть.

— Онъ желаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени объявить всенародно о своей помолвкѣ съ княжной Катериной, батюшка, и мнѣ кажется, что передъ такимъ важнымъ актомъ намъ слѣдуетъ прекратить наши семейные дразги. Да и какія мо-

гутъ у насъ быть пререканія съ обрученной невѣстой нашего царя, съ нашей будущей императрицей?—прибавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

Князь Алексѣй молча вышелъ въ сосѣдную комнату, служившую ему уборной, гдѣ уже ждалъ присланный его сыномъ камердинеръ съ волосочесомъ, а княжна прошла на свою половину, чтобы предупредить свою резидентку о случившемся и приказать ей наблюдать за укладкой и отправкой вещей въ новое свое помѣщеніе.

— А что же мы будемъ дѣлать съ графомъ?—спросила пани Стипинская дрогнувшимъ отъ душевнаго волненія голосомъ.

Не легко ей было примириться съ утратой обѣщанной ей суммы.

— Надо ему дать знать, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, уѣзжалъ изъ Россіи.

— О, какъ ваше сіятельство мало его знаетъ! Ни за что не согласится онъ отказаться отъ надежды хотя бы издали любоваться дамой своего сердца...

— Не говорите глупостей, Стипинская. Я держу васъ у себя не для того, чтобы вы мнѣ набивали уши вашими нелѣпыми фантазіями, а чтобы вы исполняли мои приказанія,—строго прервала ее княжна.—Вы объясните графу Мелизимо, что я на-дняхъ буду официально признана невѣстой государя, и что рисковать такимъ высокимъ положеніемъ и счастьемъ великаго государства я вовсе не намѣрена изъ-за его прекрасныхъ глазъ. Слышите?

— Если бы ваше сіятельство хотя бы написали ему письмо... въ послѣдній разъ, на прощаніе,—пролепетала смущенная резидентка.

— Въ послѣдній разъ?! Что вы хотите этимъ сказать?—вспылила княжна.—Я никогда ему не писала! Слышите? Ни-ко-гда! И вы должны это знать, а также и онъ. За такое подозрѣніе противъ русской государыни у насъ бьютъ кнутомъ, вырываютъ ноздри, отрѣзаютъ языкъ, ссылаютъ въ сибирскія тундры, казнятъ мучительной смертью... предають проклятію! — продолжала она съ возрастающимъ возбужденіемъ. — Объясните ему это... Вы—мастерица описывать ужасы, представьте ему, что мнѣ бояться нечего, меня никто не посмѣетъ допрашивать, а его и васъ съ нимъ допытають до того, что вы на себя наговорите достаточно для смертной казни. Вспомните исторію Меншиковыхъ! Пожалѣли когонибудь изъ ихъ приближенныхъ? Кто спасъ васъ тогда отъ бѣды? Кто?

— Ваше сіятельство,—дрожщими и поблѣвшими отъ страха губами пролепетала ея собесѣдница.

— Совѣтую вамъ всегда это помнить, а все остальное забыть. И вотъ что еще: сколько обѣщалъ вамъ графъ за свиданіе со мною?—спросила она отрывисто, послѣ довольно продолжительнаго

молчанія, во время котораго пани Стишинская, отойдя къ двери, стояла ни жива, ни мертва въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.—Говорите же, я жду!

Это было произнесено такъ повелительно, что бѣдная пани со-вѣмъ растерялась и отвѣчала, какъ на страшномъ судѣ, сущую правду.

— Тысячу дукатовъ...

— Вы получите эти деньги отъ меня, если принесете мнѣ все письма, которыя я будто бы черезъ васъ ему передавала. Поняли?

— Поняла, ваше сіятельство,—слетѣло помимо воли съ языка пани Стишинской.

Ей въ ту минуту казалось, что отъ нея требуютъ невозможнаго, а, между тѣмъ, въ тотъ же вечеръ, явившись къ своей госпожѣ, когда она уже лежала въ постели, среди опустѣвшаго покоя, изъ котораго вся обстановка была вывезена въ новое помѣщеніе, пышно наименованное не домомъ, а дворцомъ, пани Стишинская съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ подала ей пачку писемъ, перевязанныхъ розовой лентой, которую ей удалось получить отъ несчастнаго отринутаго Мелизимо. Ея не разспрашивали, какими чудесами краснорѣчія добилась она этой жертвы. Княжна, не разжимая губъ и не поднимая на нее глазъ, чтобы, можетъ быть, не выдать засверкавшей въ нихъ радости, развязала пачку, пересчитала письма, разсыпавшіяся по одѣялу, и, приказавъ зажечь дрова въ каминѣ, долго не спускала глазъ съ пламени, пожиравшаго одинъ за другимъ листки толстой, синеватой золото-обрѣзной бумаги, которые она передавала своей наперсницѣ для сожженія.

— Ваше сіятельство, можетъ быть, желаете узнать, что я сказала графу, и что онъ мнѣ отвѣтилъ прежде, чѣмъ передать сокровище, съ которымъ онъ никогда не разставался и которое носилъ на груди съ мощами св. Терезы, кусочкомъ отъ гроба Господня и прочими реликвіями?—не вытерпѣла, чтобъ не спросить, словоохотливая полька, приблизившись къ кровати своей госпожи, когда послѣднія искры, пробѣгавшія по черному пеплу, оставшемуся отъ любовныхъ изліяній княжны, потухли.

— Для чего? Меня это вовсе не интересуетъ,—холодно возразила эта послѣдняя.—Дайте мнѣ мою книгу, придвиньте ко мнѣ свѣчу и идите себѣ спать,—прибавила она съ облегченнымъ сердцемъ, вытягивая свое молодое красивое тѣло на пуховикахъ.— О награду, обѣщанной вамъ, я не забуду, не безпокойтесь, —прибавила она, уступая потребности излить оцущаемое ею удовольствіе и на ту, которая способствовала ея успокоенію.

Лизавета Касимовна не видѣлась съ матерью съ тѣхъ поръ, какъ послѣ паденія Меншиковыхъ ѣздила въ домъ Долгорукихъ, чтобы узнать, не пострадала ли она вмѣстѣ со своими покровителями, и чтобы попытаться выпутать ее изъ бѣды. Но опасенія эти, какъ мы видѣли, оказались излишними, и, убѣдившись, что мать ея не только не пострадала, но даже извлекла для себя выгоды изъ чужого несчастья, Лизавета вернулась во дворецъ, до глубины души возмущенная переходомъ ея въ папизмъ изъ православія, и объявила цесаревнѣ, что все между ею и той, которой она обязана жизнью, кончено и навсегда. Всегда были онѣ чужды другъ другу душой, а ужъ теперь послѣдняя связь, существовавшая между ними, порвалась.

— Да ты ей больше и не нужна, — замѣтила на это цесаревна. — Человѣкъ, который съ легкимъ сердцемъ бросаетъ друзей въ минуту несчастья, чтобы притыкаться къ ихъ злѣйшимъ врагамъ, никогда не пропадетъ и всегда сумѣетъ извлечь себѣ выгоду изъ чужого горя, а равно изъ чужихъ радостей.

— Одного прошу я у Бога — никогда съ нею больше не встрѣчаться.

— Не безпокойся, мы долго ничего про нее не услышимъ, — возразила цесаревна. — Долгорукіе не выпустятъ власти изъ рукъ такъ легко, какъ Меншиковы.

Однако, мѣсяцевъ черезъ пять, въ началѣ Рождественскаго поста, который цесаревна намѣревалась провести въ деревнѣ, куда ужъ давно уѣхалъ Шубинъ и откуда писалъ восторженные письма, съ описаніемъ прелестей зимы вдали отъ Москвы, умоляя свою царственную возлюбленную ускорить свой пріѣздъ, Лизаветѣ Касимовнѣ, въ одинъ морозный и ненастный вечеръ, когда она уже готовила своей госпожѣ на ночь постель, пришли доложить, что къ ней пріѣхала ея мать и непремѣнно желаетъ ее видѣть.

Посѣщеніе это, да еще въ такое время, такъ ее удивило, что, прежде чѣмъ пройти къ себѣ, она явилась къ цесаревнѣ и, объявивъ ей о непріятномъ визитѣ, спросила:

— Не отказать ли въ пріемѣ пани Стишинской подѣ предлогомъ поздняго времени и недосуга? Можно ей послать сказать, что я у вашего высочества и не могу ее принять...

Но ей не дали договорить.

— Зачѣмъ? Напротивъ, ты должна ее видѣть. Она, можетъ быть, явилась по приказанію Долгорукихъ... Пожалуйста, ступай къ ней и постарайся быть съ нею полюбезнѣе, чтобы она побольше тебѣ разсказала про то, что тамъ дѣлается, правда ли, что имъ уже удалось просватать княжну Катерину за царя, и когда думаютъ сыграть свадьбу. Отъ нашего, проданнаго нѣмцамъ, духовенства всего станется, оно изъ страха и корысти готово разрѣшить обвѣнчать грудного ребенка со старухой! — вскричала съ вол-

неиѣмъ цесаревна.—И, какъ бы ни было поздно, приди ко мнѣ, когда ты ее проводишь!—закричала она вслѣдъ удалявшейся камеръюнгферѣ.

Лизавета прошла въ свою комнату, гдѣ застала пани Стишинскую, расположившуюся съ комфортомъ, какъ у себя дома. Она сняла съ себя нарядный клокъ, приказала затопить каминъ и грѣлась у огня, вытянувъ ножки въ ажурныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ атласныхъ свѣтлыхъ башмачкахъ на высокихъ каблуккахъ.

— Ну, моя цурка, я тутъ распорядилась, у тебя было такъ холодно, что я приказала затопить каминъ и кстати ужъ зажечь канделябры,—объявила она такимъ беззаботнымъ тономъ, точно не дальше вчерашняго дня разсталась съ дочерью и въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.—Скуповато вы живете, темно и холодно, не то, что мы,—прибавила она съ веселымъ смѣхомъ.—У насъ каждый день, съ утра до вечера, пылаютъ дрова во всѣхъ каминахъ и горятъ восковыя свѣчи въ канделябрахъ... Сегодня у насъ парадный ужинъ, ждемъ много важныхъ гостей, и я этимъ воспользовалась, чтобы къ тебѣ пріѣхать, надо кое о чемъ потолковать... Но прежде всего распорядись, чтобы мнѣ принесли сюда поужинать: мнѣ хотѣлось поберечь аппетитъ къ вечеру, и я плохо пообѣдала, а отъ ужина-то пришлось уѣхать, и я очень голодна...

Лизавета вышла въ коридоръ, чтобы распорядиться насчетъ кушанья, и, вернувшись назадъ, сѣла по другую сторону камина, чтобы выслушать то, что имѣла ей сказать мать, очень довольная тѣмъ, что встрѣча ихъ обошлась безъ неприятныхъ упрековъ и объясненій и даже безъ малѣйшаго намека на послѣднее ихъ свиданіе и на послѣдовавшій за нимъ полнѣйшій разрывъ сношеній. Ни разу, въ продолженіе всего этого времени, не освѣдомилась Лизавета о здоровьи матери, но пани Стишинская не расположена была сегодня вспоминать о неприятныхъ вещахъ; она была радостно возбуждена, видъ у нея былъ торжествующій, и она по-сматривала на дочь лукаво смѣющимися, подведенными глазами, точно предвкушая заранѣе эффектъ поразительной новости, которую она имѣла ей сообщить.

— Вотъ какая я добрая мать, вспомнила про дочку въ минуту счастья, и къ тебѣ первой пріѣхала сообщить, что завтра государь объявитъ въ Верховномъ Совѣтѣ о своемъ намѣреніи жениться на нашей княжнѣ! Это еще тайна, но мнѣ хотѣлось, чтобы ты раньше всѣхъ это узнала. Вотъ какъ я тебя люблю, не зиря на всю твою неблагодарность и на то, что ты позволила себѣ выругать меня ренегаткой,—продолжала она, невольно смущаясь молчаніемъ своей слушательницы и строгимъ выраженіемъ ея лица.—Теперь, значитъ, конечно, императрицей будетъ княжна Катерина Долгорукая, и съ этимъ должны будутъ примириться всѣ осталь-

ныя претендентки на царскую корону... Твоя цесаревна будетъ въ отчаяніи, но тебѣ сокрушаться нечего, я тебя не оставлю, и, кто знаетъ, можетъ быть, удастся такъ заинтересовать тобою царскую невѣсту, что она возьметъ тебя ко двору, не взирая ни на что, ни на то, что ты теперь служишь у ея бывшей соперницы, и что твой покойный мужъ осмѣлился совѣтовать государю противиться проискавъ Долгорукихъ... Большая это была глупость съ его стороны, и если бы онъ раньше посоветовался со мной, то я бы его не допустила себя погубить... Но развѣ онъ меня когда нибудь слушалъ?.. Чѣмъ бы радоваться, что у него такая умная теща, которая можетъ такъ много для васъ сдѣлать, онъ показывалъ мнѣ презрѣніе... презрѣніе женщинѣ, которая пользуется полнымъ довѣріемъ царской невѣсты, — женщинѣ, за которой всѣ ухаживаютъ! Надо было быть совсѣмъ дуракомъ, чтобы не предвидѣть, что придетъ минута, когда я вамъ могу быть всѣхъ полезнѣе, полезнѣе самого царя, не говоря ужъ про вашу цесаревну, которая теперь ровно ничего не значитъ... Изготовленъ указъ во всѣхъ церквахъ молиться за царскую невѣсту и именовать ея высочествомъ, пока она не сдѣлается величествомъ, а ужъ до этого не долго ждать: вѣнчаніе назначено 19 января! Какъ видишь, дѣло совсѣмъ слажено, и ничто въ мірѣ не можетъ помѣшать, чтобъ оно свершилось. Ея высочеству, царской невѣстѣ, готовятъ дворъ, и такой пышный, какого никогда въ Россіи не видывали. Да, мы всѣмъ покажемъ, какъ живутъ царствующія особы въ цивилизованныхъ государствахъ, какъ въ Польшѣ, на примѣръ, не даромъ княжна воспитывалась въ Варшавѣ и взяла меня въ ближайшія наперсницы. Мы съ нею такъ разукрасимъ царскій дворецъ, такіе будемъ задавать пиры и банкеты, что всѣ русскіе дураки только ротъ разинутъ отъ изумленія, имъ и во снѣ не снилась такая роскошь, какъ та, которую мы заведемъ! У насъ будетъ настоящій европейскій дворъ. Княжна часто совѣтуется съ посольскими кавалерами насчетъ жизни, которую ведутъ коронованныя лица въ другихъ странахъ, и всего больше прельщаетъ ее французскій дворъ...

— Какая же вамъ предназначена должность при этомъ дворѣ? — спросила Лизавета, припомнивъ приказаніе цесаревны узнать, какъ можно больше подробностей про Долгорукихъ.

— Мнѣ?.. Навѣрное сказать тебѣ не могу, мы еще не рѣшили; княжнѣ, разумѣется, хотѣлось бы, чтобы я была у нея гофмейстериной...

— За чѣмъ же дѣло стало? — продолжала свой допросъ ея дочь, сдерживаясь, чтобъ не улыбнуться честолюбивымъ замысламъ матери.

— Да видишь, хотя у русскихъ дамъ такой полуры, какъ у меня, нѣтъ, но онѣ могутъ обидѣться, если имъ предпочтутъ иностранку, зачѣмъ же ихъ дразнить? Съ меня будетъ и того, что я

пользуюсь неограниченнымъ довѣріемъ царской невѣсты, и что она ни въ чемъ мнѣ отказать не можетъ, однимъ словомъ, мнѣ кажется, что въ скромной роли ея первой конфидентки я могу вамъ быть полезнѣе, чѣмъ если бы я занимала болѣе видное положеніе, и вотъ я пріѣхала тебѣ посовѣтовать понемногу (вдругъ невозможно, я это понимаю) отдалиться отъ цесаревны и сблизиться съ новымъ дворомъ... Пѣсенка твоей принцессы спѣта, милая, ни на что не можетъ она надѣяться, кромѣ того, развѣ, чтобъ выйти замужъ за какого нибудь нѣмецкаго принца изъ самыхъ маленькихъ, какъ сестра ея. Ни къ прусскому двору, ни къ австрійскому ея не возмутъ, потому что религіи она измѣнить не захочетъ...

— Разумѣется, не захочетъ! — сорвалось у Лизаветы съ языка помимо воли; она твердо рѣшила терпѣливо выслушать вѣстовицу до конца, чтобъ имѣть что передать цесаревнѣ.

— Ну, значитъ, ей остается только думать о спасеніи своей души, ни о чемъ больше, и я скажу тебѣ по секрету, что у насъ всѣ такъ желаютъ видѣть ее въ монастырѣ, что всего было бы лучше, если бы она добровольно постриглась. Ее сдѣлали бы тогда игуменіей, оставили бы ей часть ея состоянія... не все, конечно, — зачѣмъ монахинѣ большое богатство? — но достаточно, чтобъ играть выдающуюся роль въ своемъ родѣ... И знаешь что, — продолжала она, поощренная терпѣливымъ вниманіемъ, съ которымъ ее слушали, — вѣдь это даже не помѣшало бы ей имѣть любовниковъ, право! Я знаю многихъ игуменій въ Польшѣ, которыя ведутъ жизнь веселѣе, чѣмъ въ міру, честное слово! Шубина, напримѣръ, можно было бы сдѣлать управителемъ монастырскихъ имѣній... Закинула бы ты ей объ этомъ словечко, такъ, мимоходомъ, вѣдь будешь же ты передавать ей нашъ сегодняшній разговоръ, вотъ тебѣ и представится случай дать ей дружескій совѣтъ...

— Никогда не позволю я себѣ давать совѣты ея высочеству!

— Ахъ, цурка, цурка! какая ты наивная! Все-то она у тебя высочество! Да забудь ты, пожалуйста, то, что она была раньше, теперь она — ничто! И скоро сама это пойметъ, когда у нея отнимутъ все ея состояніе, и взведутъ на нее такое обвиненіе, отъ котораго ей ни за что не очиститься. Сама ты знаешь, что нѣтъ ничего легче этого, и что даже лжесвидѣтелей подкупать не надо, чтобъ доказать, что у васъ здѣсь съ утра до вечера осуждаютъ царя и ругаютъ Долгорукихъ...

У Лизаветы морозъ пробѣжалъ по тѣлу при этихъ словахъ, однако она и виду не показала, что они ее испугали, и отвѣчала матери, что подумаетъ о ея совѣтахъ.

— Не думать должны вы, а дѣйствовать, пока еще не поздно...

Она хотѣла еще что-то такое прибавить, но бесѣда ихъ была прервана легкимъ стукомъ въ дверь, которую Лизавета отворила, чтобъ впустить лакея съ большимъ подносомъ, уставленнымъ кушаньями и винами.

Поставивъ на столъ ужинъ, онъ удалился, и пани Стипинская, уписывая угощеніе, продолжала разговоръ съ возростающимъ одушевленіемъ. По мѣрѣ того, какъ бутылка венгерскаго опорожнивалась, она становилась откровеннѣе и не только рассказала дочери про замыслы своихъ новыхъ протекторовъ, но также и про то, что происходило въ ихъ семьѣ до благополучнаго разрѣшенія затѣянной сложной и опасной интриги, а именно про князя Ивана, про его страстное увлеченіе цесаревной, про намѣреніе его на ней жениться и, такимъ образомъ, ввести въ фамилію опасную соперницу сестрѣ, въ лицѣ невѣстки.

— Но мы, конечно, всѣ эти планы разстроили, и онъ намъ до сихъ поръ этого простить не можетъ. Трудно себѣ представить, какъ онъ насъ ненавидитъ! Намъ это все равно, конечно, мы знаемъ, что скоро будемъ выше и могущественнѣе всѣхъ въ государствѣ, что бояться намъ нечего, и что ужъ и теперь всѣ насъ боятся. Вотъ почему я бы и посоветовала тебѣ, цурка, повліять на твою госпожу, чтобъ она исполнила желаніе царской невѣсты и не раздражала бы ее своимъ присутствіемъ въ столицахъ. Чѣмъ дальше уѣдетъ она, тѣмъ будетъ лучше для всѣхъ и для нея. Объясни ей также, что монастыря ей все равно, рано или поздно, не избѣжать, если она будетъ продолжать отказываться отъ замужества съ нѣмецкимъ принцемъ. Если только тебѣ удастся услужить царской невѣстѣ, она наградитъ тебя по-царски... Знаешь, сколько она подарила мнѣ за то, что я вытщила ее письма у дурака Мелизимо? Тысячу червонцевъ!

— Не надо мнѣ денегъ, не говорите мнѣ объ этомъ!—вскричала внѣ себя отъ негодованія Лизавета.

— Не надо денегъ, такъ нужно чтонибудь другое... человѣку, пока онъ живетъ на землѣ, всегда чтонибудь да нужно, — продолжала заплетающимся языкомъ пани Стипинская.— У тебя есть мужъ, сынъ... Кстати о твоемъ сынѣ... У насъ очень косо смотрятъ на то, что онъ воспитывается у Воронцовыхъ. Возьми его отъ нихъ и отдай мнѣ. Я опредѣлю его пажемъ къ царской невѣстѣ, и если онъ окажется мальчикомъ толковымъ и сумѣетъ ей понравиться, то онъ при ней останется и тогда, когда она сдѣлается императрицей. Подумай только, какая блестящая карьера его ждетъ! Не можешь ты этого не понимать, я всегда считала тебя хорошею матерью, такую, какой я сама для тебя была...

Наконецъ, все кушанье было съѣдено, и все вино выпито. Пани Стипинская, пошатываясь, поднялась съ мѣста и собралась уѣзжать домой въ довольно-таки смутномъ душевномъ настроеніи, такъ что, когда она проснулась на слѣдующее утро и стала припоминать разговоръ съ дочерью, то никакъ не могла рѣшить: какъ именно приняла она ея совѣты, общалась ли съ благодарностью имъ послѣдовать, или съ негодованіемъ ихъ отвергла? То ей казалось,

что ей удалось ее убѣдить въ собственной пользѣ, то навертывались на память такія слова, изъ которыхъ можно было заключить, что Лизавета, какой была непрактичной душой, такой и осталась.

Однако, это ей не помѣшало самымъ успокоительнымъ образомъ отвѣчать княжнѣ Долгорукой о результатѣ своего посѣщенія дочери и, наболтавши ей все, что взбрело на умъ, оставить ее въ убѣжденіи, что желаніе ея будетъ исполнено: цесаревнѣ такъ краснорѣчиво объясняютъ необходимость удалиться отъ свѣта, что она пойметъ, что другого исхода для нея не остается.

Впрочемъ, счастье такъ улыбалось княжнѣ Катеринѣ, что она готова была повѣрить всему, что только подтверждало ее въ убѣжденіи, что всѣ желанія ея должны исполняться, и что нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ, который отважился бы ей не повиноваться.

Могущество Долгорукихъ возрастало со дня на день, и съ каждымъ днемъ вѣсти объ ихъ дѣяніяхъ, долетая до убѣжища, въ которомъ цесаревна скрывала свое негодованіе, обиду и отчаяніе, а приближенные ея свой страхъ и опасенія за нее и за себя,—вѣсти эти наполняли здѣсь души ужасомъ и мучительной тревогой. Какъ ни крѣпилась хозяйка дворца, прятавшагося за высокими, покрытыми густымъ иномъ деревьями густого парка, какъ ни насилowała себя, чтобъ казаться спокойной и беззаботной, однако стоило только на нее взглянуть, чтобъ догадаться, какъ плохо почиваетъ она по ночамъ, какими страшными предчувствіями томится ея сердце, и какъ угасають одна за другой свѣтлыя надежды, которымъ она предавалась еще такъ недавно, не взирая на неудачи и разочарованія, преслѣдовавшія ее безъ устали третій годъ. А, между тѣмъ, партія ея продолжала разрастаться по всему царству и, если бы она только могла знать, какое великое множество людей къ ней льнуть душой, какъ къ единственному спасенію Россіи, сколько молятся за нее, чтобъ Господь укрѣпилъ ея сердце въ испытаніяхъ и умудрилъ бы ее на избѣжаніе опасностей, которыми она окружена,—какъ обрадовалась бы она, какъ воспрянула бы въ ней увѣренность въ торжествѣ ея завѣтнѣйшей мечты — царствовать надъ народомъ, столь ей близкимъ и такъ нѣжно, такъ беззавѣтно ею любимымъ!

Но она этого не могла знать. Только изрѣдка и смутно, какъ отдаленное глухое эхо, достигалъ до нея отзвукъ народной молвы, не перестававшей называть ее законной императрицей, всякими неправдами отстраненной отъ отцовскаго престола до тѣхъ поръ, пока не восторжествуетъ святая правда надъ лукавствомъ и ложью.

А, между тѣмъ, враги дочери Петра Великаго совсѣмъ обнаглѣли. Ее встрѣчали такими оскорбленіями при дворѣ, что она совсѣмъ перестала туда ѣздить и избѣгала показываться въ Москвѣ, чтобъ

не усиливать глухой смуты въ преданномъ ей народѣ и не подвергать еще большому гоненію своихъ приверженцевъ. Но это не спасло ея отъ гнилыхъ слуховъ, отовсюду слетавшихся къ ней.

Не было, кажется, ни одинаго уголка въ Россіи, гдѣ бы не интересовались каждымъ ея шагомъ и словомъ, а также каждымъ движеніемъ ненавистныхъ временщиковъ, самозванно вершившихъ судьбы государства.

Разказы про Долгорукихъ и ихъ присныхъ превращались въ чудовищныя легенды, и не было человѣка, который не былъ бы убѣжденъ, что княжна Катерина, царская невѣста, давно ужъ продала свою душу чорту за искусство привораживать государя, изъ котораго она дѣлаетъ все, что хочетъ. На Крещеніе онъ при всемъ народѣ проѣхался по городу на водосвятіе, стоя на запяткахъ ея саней, какъ лакей!

Во дворцѣ цесаревны всѣ пришли въ негодованіе отъ этого извѣстія и долго не хотѣли ему вѣрить, но подтвержденія сыпались со всѣхъ сторонъ; нашлись люди, нарочно пріѣхавшіе сюда, чтобъ рассказать подробности позорнаго событія, которому они были свидѣтелями, и пришлось убѣдиться въ томъ, что наглость Долгорукихъ не имѣетъ границъ. То, что еще вчера казалось невозможнымъ, оказывалось сегодня свершившимся фактомъ.

А на другой день, когда всѣ еще находились подъ впечатлѣніемъ постыдной уступчивости царя, пронесся слухъ о его болѣзни, и въ первую минуту вѣсть эта никакого особеннаго впечатлѣнія не произвела.

— Что же тутъ мудренаго, что онъ простудился? — замѣтила Мавра Егоровна, когда про это заговорили въ покояхъ цесаревны:— русскіе цари на запяткахъ стоять не привыкли, продуло его, вѣрно, бѣднаго.

Не придали значенія и извѣстію, достигшему сюда дня черезъ два, что положеніе государя ухудшается. Долгорукимъ было бы слишкомъ невыгодно лишиться орудія, посредствомъ котораго они держали всю Россію въ трепетѣ и повиновеніи. Ихъ могуществу ужъ начинали приписывать сверхъестественную силу, и никто не могъ себѣ представить, чтобъ они допустили смерть уничтожить ихъ замыслы, въ самый моментъ достиженія намѣченной цѣли. Ужъ поговаривали о давленіи, производимомъ ими на синодъ, чтобъ заставить его благословить союзъ тринадцатилѣтняго отрока съ девятнадцатилѣтней дѣвицей, и всѣ были увѣрены, что, поломавшись для виду, синодъ уступитъ ихъ требованію, и что недѣли черезъ двѣ княжна Катерина Долгорукая вступитъ на престолъ, какъ вѣнчанная супруга царя.

И чтобъ именно въ эту минуту царь умеръ, — мысль эта была недопустима при всеобщемъ отчаяніи и смятеніи умовъ, при общей и постыдной безпомощности, овладѣвшей самыми силь-

ными сердцами и самодержавно царившей надъ всѣмъ Русскимъ государствомъ.

Но невозможное свершилось — царь умеръ.

XII.

Когда дошло извѣстіе о кончинѣ царя Петра II въ тотъ уголокъ лѣсной глуши, гдѣ Ветловъ дѣятельно водворялъ порядокъ въ мятущихся умахъ вольныхъ людей, въ столицахъ все уже пришло въ нормальный видъ.

Междуцарствіе длилось всего только нѣсколько дней; изъ приверженцевъ цесаревны далеко не всѣ могли явиться на совѣтъ, собранный для рѣшенія вопроса о престолонаслѣдїи, и опять восторжествовала враждебная ей партія, опять столь близкая къ осуществленію мечта русскихъ старолюбцевъ потергѣла крушеніе: императрицей была избрана герцогиня курляндская, Анна Иоанновна, а дочь Петра Великаго попрежнему осталась цесаревной.

Событіе это было такой великой важности для всего Русскаго государства, что Лизавета послала нарочнаго, чтобъ сообщить о немъ мужу.

Благодаря воспитанію и серьезной средѣ опальныхъ людей, составлявшихъ общество ея прїемной матери, а также вліянію на ея умственное развитіе перваго мужа, много видѣвшаго и слышавшаго на своемъ вѣку и лично знакомаго съ умнѣйшими боярами своего времени, Лизавета Касимовна могла считаться одной изъ образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ того вѣка и писала легко и краснорѣчиво, однако довѣрять бумагѣ то, что произошло и происходило въ придворныхъ сферахъ, было такъ опасно, что она поручила это сдѣлать на словахъ вѣрному человѣку.

Человѣка этого звали Демьяновымъ. Онъ съ ранней юности служилъ писцомъ въ конторѣ управляющаго цесаревнинными имѣніями, былъ начитанъ, мечталъ о постриженіи въ монахи Саввинскаго монастыря, гдѣ сблизился съ Бутягинымъ, а черезъ него съ Ветловымъ и Праксинимъ, вождедѣнія и мысли которыхъ вполне раздѣлялъ.

Оставшись съ Ветловымъ наединѣ, Демьяновъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описалъ ему положеніе: на престолѣ сѣла женщина властная, съ сильнымъ и жестокимъ сердцемъ, весьма не глухая и преданная нѣмцамъ. Духовнаго въ ней ничего нѣтъ, жизнь ведетъ нечистую, тѣломъ и душой предана нѣкоему Бирону, изъ нѣмцевъ подлаго рожденія, алчному и корыстолюбивому, но смѣтливому и дальновидному, съ которымъ бороться много будетъ труднѣе, чѣмъ съ прежними временщиками.

— Не то, что Меншиковыхъ, а и Долгорукихъ, не безъ сожалѣнія припомнишь, — замѣтилъ въ заключеніе своего разказа по-

сланецъ Лизаветы Касимовны. — Не достойны мы, видно, милости Господней, не довольно еще настрадалась Россія, не достаточно праведной крови пролито. Даже и представить себѣ невозможно, какимъ образомъ можетъ всѣ эти вновь воздвигнутыя преграды къ престолу преодолѣть наша цесаревна. Новая императрица ужъ заботится о наследникѣ престола, выписала, говорятъ, свою племянницу и не скрываетъ намѣренія навсегда отсунуть, какъ нашу цесаревну, надежду русскихъ людей, такъ и сироту, сына покойной Анны Петровны, котораго она, говорятъ, иначе, какъ чортушкой, не зоветъ... Это младенца-то невиннаго, родного по матери внука царя Петра! Одно слово, истая нѣмка.

Мужу Лизавета Касимовна совѣтовала оставаться въ лѣсу до поры до времени, все равно присутствіемъ своимъ ничего не поможетъ, а скорѣе можетъ случиться, что въ бѣду попадетъ и оставитъ ее съ сыномъ сиротами. Сама она только и спитъ и видитъ къ нему приѣхать, да оставить въ бѣдственномъ положеніи цесаревну совѣсть не позволяетъ. Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ послѣ коронаціи и, повидимому, тамъ совсѣмъ останется, новая императрица Москвы не любитъ. На Долгорукихъ поднялось гоненіе, и имъ не одобровать. Поговариваютъ о какомъ-то подложномъ завѣщаніи, будто бы написанномъ княземъ Алексѣемъ, чтобъ посадить княжну Катерину на престолъ, говорятъ, будто и князь Иванъ и всѣ ихъ дядья въ ономъ дѣлѣ замѣшаны, и всѣмъ имъ грозитъ смерть отъ палача, говорятъ, будто князь Василій Лукичъ Долгоруковъ заставилъ Анну Иоанновну подписать отреченіе отъ самодержавной власти и обязательство власть эту съ боярами раздѣлять, и чтобъ Бирона въ Россіи не было, и чтобъ нѣмцамъ видныхъ государственныхъ дѣлъ не поручать, и будто она бумагу подписала, а, какъ выбрали ее на царство, вытребовала ее подъ ложнымъ предлогомъ, да и разорвала и всѣхъ, кто сочинялъ ее, по дальнимъ деревнямъ да въ Сибирь услала. Много говорятъ, всего не перескажешь. Слышно о возвращеніи изъ ссылки и изъ заточенія злѣйшихъ враговъ Долгорукихъ. Нарышкинъ ужъ получилъ дозволеніе вернуться въ Москву, тотчасъ пожаловалъ къ цесаревнѣ и совѣтовалъ ей осторожность и чтобъ не предавалась унынію. И Шуваловы, и Воронцовы нашептываютъ ей въ уши то же самое, а также многіе другіе изъ прежнихъ друзей. Всѣ за нее опасаются не столько императрицы, сколько проклятаго нѣмца, который не можетъ не видѣть въ ней злѣйшаго своего врага и представительницы того, что онъ всего больше ненавидитъ и чего опасается — русскихъ православныхъ людей.

Съ животрепещущимъ интересомъ слушали Ветловъ и друзья его рассказы посланца Лизаветы Касимовны, и когда рассказчикъ дошелъ до неудавшейся попытки бояръ ограничить царскую власть, слушатели его возблагодарили Бога за то, что Онъ, многомилости-

вый, вынесъ ихъ во-время изъ проклятаго петербургскаго омута, которымъ лучшіе русскіе люди засасываются, заражаясь иноземными выдумками и повадками, утрачивая при этомъ всякій здравый смыслъ и всякое пониманіе Россіи, того, что ей нужно, чтобъ жить по-божески и наслѣдовать царство небесное.

За послѣднее время народонаселеніе въ лѣсу значительно умножилось. Понастроились нѣсколько новыхъ мужскихъ и женскихъ монастырей, все больше старовѣрческихъ. Но въ то время, когда гоненіе, поднятое Петромъ Первымъ на православную церковь, достигло своей цѣли: униженія духовенства и самой вѣры, многимъ русскимъ людямъ было отраднѣе среди старовѣровъ, чѣмъ съ единовѣрцами поработенной церкви, зависѣвшей отъ иноземцевъ и отъ утратившихъ вѣру и любовь къ родинѣ русскихъ. Приливъ недовольныхъ правительствомъ и помѣщиками увеличивался со дня на день, и бѣглецы селились на свободныхъ участкахъ въ лѣсныхъ дебряхъ, гдѣ вырубали лѣсъ, чтобъ сѣять хлѣбъ и сажать овощи.

Стали проявляться тутъ люди, стремящіеся не къ покойной и мирной жизни, а къ иному примѣненію свободы отъ преслѣдованія начальства, но съ такими такъ дружно и энергично справлялись, что они въ самомъ непродолжительномъ времени исчезали безслѣдно. Вышло такъ, что само собою образовалось и здѣсь начальство изъ старожилонъ и всѣми уважаемыхъ людей, къ которымъ принадлежалъ и покойный Праксинъ. Послѣ смерти его власть перешла къ его воспитаннику и любимцу, Ветлову. Женитьба его на вдовѣ Праксина только усилила къ нему довѣріе его согражданъ, ибо усмотрѣли въ этомъ залогъ его вѣрности новому вольному краю. Извѣстно, что семейный человѣкъ сидитъ на мѣстѣ крѣпче холостого, особенно, когда и жена его связана интересами съ здѣшнимъ краемъ, а у Праксиной осталось послѣ покойнаго мужа въ лѣсу значительное имѣніе, достояніе наслѣдника Петра Филипповича.

Все, что касалось этого послѣдняго, было здѣсь извѣстно, благодаря Ветлову, и вольный народъ гордился доблестью и мученическою смертью «своего» человѣка. Какъ сказано выше, были тутъ люди всякаго званія и состоянія: крестьяне, мѣщане, вольные казаки, выходцы изъ православныхъ земель, изнемогавшихъ подъ польскимъ игомъ, всякаго сословія, были и попавшіе въ опалу именитые бояре, давно считавшіеся мертвыми въ той средѣ, изъ которой они безслѣдно исчезли, но, являясь сюда, всѣ понимали, что равенство въ жизненныхъ условіяхъ для всѣхъ здѣсь обязательно, что нѣтъ тутъ и не можетъ быть ни господъ, ни слугъ, ни старшихъ, ни младшихъ, и что тотъ, кто чувствуетъ себя выше другихъ, долженъ быть всѣмъ слуга. Такъ поступалъ и Праксинъ, къ которому не было здѣсь не одинаго человѣка, который не чув-

ствовалъ бы за что нибудь благодарности, такъ дѣйствовалъ теперь и Ветловъ и всѣ другіе, превратившіеся волею судьбы изъ властныхъ бояръ, обладателей многихъ сотенъ человѣческихъ душъ, въ «вольныхъ» людей, равныхъ по правамъ и обязанностямъ послѣднему бѣглому крѣпостному хаму. Равными были они также и по душевному складу и вѣрѣ: всѣ были православные люди, русскіе, и всѣ ненавидѣли иноземчину во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная съ одежды и вишняго обихода и кончая чувствами, стремленіями и надеждами. Вотъ почему Ветлову такъ легко было ихъ убѣдить въ опасности новыхъ идей, которыми явились смущать ихъ пришельцы издалека.

Когда прибылъ къ нему посланецъ изъ Москвы съ извѣстіями о совершившемся событіи важнѣйшаго государственнаго значенія, Иванъ Васильевичъ собралъ сходку и во всеуслышаніе подѣлился полученными извѣстіями съ народомъ. Бесѣда длилась долго, приходилось многое объяснять и доказывать, что время дѣйствовать за цесаревну еще не пришло, что слѣдуетъ запастись терпѣніемъ и выжидать болѣе благопріятнаго случая прежде, чѣмъ пытаться посадить ее на родительскій престолъ. Не вдругъ прониклись этимъ убѣжденіемъ лѣсные люди, пришлось не разъ и не два со многими изъ нихъ про это дѣло толковать наединѣ и терпѣливо выслушивать опроверженія прежде, чѣмъ доказывать ихъ нелѣпость. Нашлись и такіе, которые тогда только успокоились и обѣщались спокойно ждать, когда Ветловъ обѣщаль имъ непремѣнно съѣздить къ зимѣ въ Петербургъ и лично удостовѣриться, какъ тамъ стоитъ дѣло. А тѣмъ временемъ жена ему будетъ сообщать все, что ей станетъ извѣстно, чтобъ народъ здѣсь не пребывалъ во тьмѣ, и было бы ему, что отвѣтить смутьянамъ, буде опять отважатся къ нимъ пожаловать.

— Вѣдь божились же вамъ воры, что царя Петра Алексѣевича ужъ съ прошлаго года въ живыхъ нѣтъ, а онъ скончался только двѣ недѣли послѣ Крещенія въ нынѣшнемъ году. Сказали вамъ, что цесаревна въ заточеніи, а нашъ Сапуркинъ не только видѣлъ ее въ ея дворцѣ, но и разговаривалъ съ нею, отвѣчалъ на ея разспросы о нашемъ житьѣ-бытьѣ и привезъ вамъ отъ нея поклонъ и царское ея спасибо за вашу преданность и за готовность ей послужить, не жалѣя живота.

— Оно такъ-то такъ, это что говорить,— соглашались его слушатели,—а все же намъ обидно, что ее опять обошли престоломъ, и что не нашлось тамъ вѣрныхъ людей, которые провозгласили бы ее императрицей. Ужъ чего удобнѣе былъ случай! Чѣмъ выписывать изъ нѣмецкой земли онѣмеченную принцессу съ нѣмцемъ-халемъ, чего было проще свою, природную царскую дочь на царство повѣнчать? Когда теперь ждать, чтобъ такой случай опять вышелъ, чтобъ новая-то окачурилась! Она, слышь, здоровенная

баба, и сорока лѣтъ ей еще нѣтъ. Ростомъ, что твой мужикъ, и видъ свирѣпый, такія всегда долго живутъ, ничего имъ не дѣлается.

— На все воля Божія, и лучше терпѣливо ждать рѣшенія Господняго, чѣмъ торопливостью и себѣ и цесаревнѣ навсегда дѣло испортить, — замѣчалъ на это Иванъ Васильевичъ.

И слова его тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовали, что наступило лѣто, и у всѣхъ работы было по горло. Волга-то кормилица только до мелководья пускаетъ по себѣ баркамъ да плотамъ плыть, пропустишь время сдать срубленный зимой лѣсъ бурлакамъ да выплетенные лапти и сотканые холсты и сукна скупщикамъ, что съ низовья за ними по рѣкѣ подплываютъ, ни въ жизнь потомъ не наверстать потеряннаго случая зашибить копейку. Опять и хлѣбъ надо съ поля убрать и съ огородами управиться во-время, да и постройки за лѣто кончить, чтобъ за зиму выстоялись и высушились, и вообще мало ли лѣтомъ дѣла вольнымъ людямъ, питающимся трудами рукъ своихъ въ лѣсу, не до того имъ, чтобъ зря коллобродить да разными дѣйствами пробавляться. Работалъ со всѣми, не покладая рукъ, и Ветловъ надъ постройкой новаго дома для молодой жены. И какъ онъ старательно и роскошно отдѣлывалъ этотъ домъ, въ которомъ онъ надѣялся прожить весь свой вѣкъ съ любимой страстно женой и съ дѣтьми, которыхъ имъ пошлетъ Господь! Какими только красивыми, пестрыми балаясами онъ не разукрасилъ его стѣны, крышу, окна и крыльцо! Какую богатую домашнюю утварь выписалъ изъ цесарской земли съ русскими выходцами, возвращавшимися оттуда, прознавъ, что въ костромскихъ лѣсахъ имъ можно найти надежный пріютъ отъ преслѣдователей ихъ отцовъ за старолюбство! Настоящій царскій дворецъ воздвигъ Иванъ Васильевичъ въ лѣсу для своей возлюбленной Лизаветы Касимовны въ два этажа, предназначенные для нея покои разубралъ живописью по стѣнамъ, персидскими коврами и мебелью съ такой затѣйливой рѣзбой, что издалека приходили любоваться его затѣями.

И нашлись люди, которые стали ему подражать и тоже начали заботиться объ украшеніи своихъ жилищъ, особенно изъ тѣхъ, что раньше жили въ богато разубранныхъ хоромахъ, да, поневолѣ опростившись, утратили и самую память о прежней роскошной жизни. Теперь у людей этихъ подросли дѣти, которыя, увидавъ, какъ живетъ Ветловъ, заставили отцовъ своихъ вспомнить прежнія привычки къ изящной и художественной обстановкѣ.

Вокругъ дома Ветловъ съ помощью Грицка развелъ садъ и насадилъ его плодовыми деревьями, разбилъ клумбы, засѣялъ ихъ заморскими сѣменами, и слѣдующимъ лѣтомъ у нихъ зацвѣли чудные душистые цвѣты. Навезли ему издалека на подводахъ ящики съ книгами, и какъ разставилъ онъ эти книги въ тяжелыхъ кожаныхъ переплетахъ по шкапамъ и поставцамъ изъ чернаго мо-

ренаго дуба да изъ краснаго дерева со стеклами, тутъ ужъ лѣсные жители совсѣмъ очумѣли отъ восхищенія.

Изъ дальнихъ монастырей притаскивались старцы, по десяткамъ лѣтъ не покидавшіе своихъ келій, чтобъ взглянуть на печатныя и писанныя сокровища, по-славянски, по-гречески, по-латыни, на листы пергамента, расписанные яркими красками вокругъ текста, съ красивыми заглавными буквами. Налюбовавшись ими вдосталь, старцы просили позволенія прислать мастеровъ съ нихъ списать особенно понравившіеся имъ рисунки и изреченія, и не только Ветловъ этому не препятствовалъ, но самъ, какъ рисовальщикъ и иконописецъ изрядный, не отказывалъ въ совѣтѣ и указаніяхъ каждому, кто желалъ у него поучиться.

Покои, назначенные для супруги, оставались у него закрытыми, и, кромѣ его самого, никто въ нихъ не входилъ, но весь остальной домъ былъ къ услугамъ посѣтителей, а въ нижнемъ этажѣ у него жили мальчики, которыхъ онъ самъ обучалъ грамотѣ, рисованію, церковной службѣ и пѣнію. Всякое дѣло, за которое бы онъ ни принимался, у него спорилось на славу: всѣ насаженные имъ деревья и кусты принимались, привезенныя издалека скотина и птица обживались и плодились, ученики его въ наукахъ и благочестіи преуспѣвали, и слава его, какъ изряднаго хозяина и умственнаго и добродѣтельнаго человѣка, разнеслась по всему Поволжью.

Въ трудахъ умственныхъ и физическихъ время летѣло быстро. Прошелъ еще годъ, наступила третья зима разлуки Ивана Васильевича съ женой, хозяйство его процвѣтало, въ домѣ у него было уютно, красиво, тепло и свѣтло, всякій, кто въ него входилъ, отдыхалъ душой и уносилъ изъ него отрадное впечатлѣніе, но на сердцѣ у хозяина порой становилось такъ мрачно и тоскливо, что только вѣра въ Бога и спасала его отъ отчаянія.

Жилъ онъ здѣсь только тѣломъ, душа его пребывала почти постоянно далеко, въ томъ пакостномъ омутѣ, въ которомъ терзалась его возлюбленная, и изъ котораго она по временамъ присылала ему письма, наполненныя намеками на то, что положеніе цесаревны съ каждымъ днемъ становится невыносимѣе и опаснѣе, не взирая на то, что ведетъ она себя крайне осторожно и всячески старается заставить забыть о своихъ правахъ на положеніе много блестящѣе и выше того, которое она занимала.

При большомъ дворѣ она появлялась рѣдко, ничего своимъ приближеннымъ не выпрашивала и избѣгала всякихъ сношеній со своими приверженцами. Ей, повидимому, были за это благодарны, и даже, чтобъ это доказать, Биронъ выпросилъ у императрицы патентъ сержанта для ея любимца Шубина, но Лизавета Касимовна не вѣрила этимъ проявленіямъ дружбы и довѣрія со стороны коварнаго нѣмца и объ одномъ только молила Бога, чтобъ госпожа ея удалилась отъ двора и вернулась въ Москву. Но цесаревнѣ

какъ будто нравилось играть съ огнемъ, и опасности, которыми она была окружена со всѣхъ сторонъ, подзадоривали ее раздражать враговъ своимъ присутствіемъ въ жаждущей ея гибели средѣ. Лизавета Касимовна была убѣждена, что императрица со своими нѣмцами ждетъ, не дожидаясь, чтобъ бѣдная, неосторожная птичка попала въ разставленные кругомъ ея сѣти.

Чувствовалъ это и Шубинъ, невыразимо страдавшій въ Петербургѣ, не взирая на то, что Долгоруковыхъ постигла та же участь, что и Меншиковыхъ, и что вмѣстѣ съ ними исчезли съ горизонта всѣ ихъ приверженцы. Но ихъ замѣнили нѣмцы, и отъ этой перемѣны русскимъ людямъ стало не легче. Правда, новые нѣмцы не похожи были на старыхъ, вызванныхъ Петромъ Первымъ изъ-за границы: первые, при ненависти и презрѣніи къ русскимъ, при нестерпимомъ чванствѣ и самонадѣянности, отличались умомъ и талантливостью, тогда какъ клеветы Бирона были только жадны, пошлы, мелочны, грубы и тупы. Но если вначалѣ и казалось, что гнетъ ихъ будетъ легче сбросить, чѣмъ гнетъ ихъ предшественниковъ, то вскорѣ пришлось убѣдиться, что при благоприятныхъ условіяхъ пошлыя тупицы могутъ надѣлать больше зла, чѣмъ умные и сильные характеромъ люди: начались сыски и розыски, ссылки и казни, не было русскаго человѣка, который могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ.

А тутъ, точно нарочно, цесаревна пристрастилась къ представленіямъ и къ пріемамъ, замѣтивъ возрастающее вниманіе, оказываемое ей посланниками иностранныхъ дворовъ, изъ которыхъ иные, какъ, напримѣръ, представитель французскаго короля, своими частыми посѣщеніями, продолжительными съ нею разговорами и громкими восхваленіями ея красоты, граціи и ума съ каждымъ днемъ все больше и больше ее компрометировали въ глазахъ Бирона и его клеветовъ, не допускавшихъ, чтобъ представительница русской партіи въ Россіи могла играть выдающуюся роль въ странѣ, поднавшей подъ иго ихъ культурнаго завоеванія.

Но для того ли, чтобъ вознаградить себя хоть въ чемъ нибудь послѣ того, какъ она такъ жестоко обманывалась во второй разъ въ достиженіи своей завѣтной мечты, или потому, что въ ея положеніи ничего больше не оставалось, какъ забывать настоящее въ воспоминаніяхъ о прошломъ, цесаревна особенно часто любила возвращаться мысленно къ тому времени, когда ея отецъ мечталъ для нея о супружествѣ съ французскимъ королемъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ выслушивала рассказы о томъ, будто и французскій король съ своей стороны вспоминаетъ объ этой несостоявшейся политической комбинаціи съ сожалѣніемъ, интересуется ею, со вздохомъ смотритъ на ея портретъ, спрашиваетъ про ея прелести у тѣхъ, которые имѣли счастье ее видѣть.

Благоволеніе ея къ придворному ювелиру Позье, возбуждившее наконецъ подозрительность фаворита императрицы, возникло по

той же причинѣ: слушать его рассказы про прекрасную Францію, про пышный Версаль, величественные Тюильри и Лувръ, про интимную жизнь красавца короля, про его обращеніе съ народомъ, прозавшимъ его «многолюбимымъ», про то, какъ онъ волочится за своими метресами,—все это доставляло ей величайшее удовольствіе. Но что всего больше ее забавляло, это сплетни про королеву Марію Лещинскую. Нашелъ кого избрать себѣ въ супруги, нечего сказать! Дочь изгнаннаго короля, бѣдную, некрасивую, скучную, «какъ дождь», по выраженію остроумнаго Позье. Несчастнѣйшій король! Проклятая іезуитская политика, лишившая его такой супруги, какъ дочь Петра Великаго, красивой, умной, не уступавшей въ живости и граціи любой парижанкѣ!

Цесаревнѣ было такъ пріятно бесѣдовать съ Позье, что она часто находила для него работу въ своемъ дворцѣ, а словоохотливому французу тоже было отрадно вспоминать про свою родину въ такой прекрасной обстановкѣ, у щедрой до мотовства красавицы-принцессы, осыпавшей его подарками и милостивымъ вниманіемъ за доставляемое развлеченіе.

Когда клеветы Бирона донесли своему патрону о частыхъ посѣщеніяхъ Позье дворца на Царицыномъ лугу, онъ всполошился и началъ было этимъ пугать свою высокую покровительницу, выставляя новый капризъ цесаревны къ французамъ, какъ нѣчто много опаснѣе для спокойствія государства всѣхъ прежнихъ выходокъ претендентки. При этомъ онъ предложилъ немедленно выслать опаснаго болтуна на родину.

Но Анна Іоанновна всегда была умнѣе своего фаворита и со смѣхомъ ему замѣтила, что французы ей не страшны, и что стѣснятъ свою двоюродную сестру изъ-за пустяковъ она не намѣрена.

— Пусть лучше ласкаетъ французовъ, чѣмъ нашихъ русскихъ; французы ей популярности въ государствѣ не прибавятъ, французскому королю не дозволятъ даже и десяти солдатъ послать ей на помощь, если бъ она вздумала поднять противъ насъ рать изъ влюбленныхъ въ нее дураковъ. А ревновать ее къ французамъ намъ и вовсе не подобаетъ, пусть ужъ этимъ займется Шубинъ и прочіе,—прибавила она съ злой усмѣшкой.

Но Шубину ревновать свою возлюбленную было не для чего, онъ слишкомъ былъ увѣренъ, что никого не любитъ она такъ страстно, какъ его, и если о чемъ кручинился, такъ только о томъ, что не могъ онъ теперь такъ много ее видѣть, какъ прежде, что теперь она пріѣзжала въ любимое ихъ Александровское только урывками, и всегда озабоченная, задумчивая, разсѣянная и торопящаяся въ проклятое Петербургское болото, кишашее чертями въ образѣ нѣмцевъ. Такъ ихъ тутъ размножилось много, что шагу нельзя было ступить, не столкнувшись съ ихъ противными, самонадѣянными, наглыми харями. Шумятъ куда больше русскихъ и

всюду суютъ носъ, все стараются передѣлать по-своему, всѣмъ завладѣть, что плохо лежитъ, до всего добираются и всѣмъ, кромѣ русской души, завладѣвають. Нѣтъ никому отъ нихъ житья, ни торговымъ людямъ, ни войску, ни боярскимъ слугамъ; всѣ управляющіе—нѣмцы, всѣ учителя въ богатыхъ домахъ—нѣмцы, всѣ торговцы—нѣмцы. Во дворцахъ, въ частныхъ домахъ, въ судахъ, въ сенатѣ, при дворѣ—нѣмцы и нѣмцы. Только въ церквахъ да монастыряхъ ихъ нѣтъ, только съ попами знакомства не ведутъ, потому что нечѣмъ у нихъ поживиться, все у нихъ отнялъ царь Петръ, и силу, и власть, и деньги.

Шубинъ ненавидѣлъ Петербургъ всѣми силами души по многимъ причинамъ, между прочимъ, потому, что съ тѣхъ поръ, какъ туда переселился дворъ, на многое люди стали смотрѣть иначе, чѣмъ здѣсь. Что здѣсь было возможно, извинительно и терпимо, тамъ стало порицаться и осуждаться; что здѣсь казалось вполне естественно, тамъ казалось смѣшно и гнусно. Переѣзжая за новой императрицей на жительство въ Петербургъ, цесаревна позаботилась устроить въ своемъ дворцѣ на Царицыномъ лугу роскошное помѣщеніе для своего сердечнаго друга, и въ дворцѣ этомъ онъ нашель, повидимому, такое же вниманіе и уваженіе отъ ея приближенныхъ, какъ и въ Москвѣ и въ Александровскомъ, гдѣ его всѣ любили за доброту, отсутствіе заносчивости и простоту сердца; но здѣсь все было не то, здѣсь самый воздухъ былъ какъ будто зараженъ подозрительностью, фальшью и предательствомъ. Здѣсь такъ сложились обстоятельства и такая повелась жизнь, что ему на каждомъ шагѣ не только люди, но и неодушевленные предметы напоминали разстояніе, отдѣлявшее его отъ той, которая возвысила его до себя и нѣжными ласками такъ сумѣла сгладить всѣ препятствія, мѣшавшія слиться ихъ сердцамъ въ забвеніи остальнаго міра, точно этого міра и не существуетъ вовсе, точно существованіе ихъ началось съ первымъ любовнымъ вздохомъ, соединившимъ ихъ навѣки, точно до этой блаженной минуты и самой жизни не было у нихъ никакой, а было только тоскливое прозябаніе, о которомъ и вспоминать не стоитъ. Тамъ самые люди способствовали ихъ увлеченію этой иллюзіей, но здѣсь тѣ же самые бояре, обращавшіеся съ нимъ за панибрата и ласкавшіе его, какъ «своего человѣка», въ Александровскомъ, являлись, правда, все еще учтивыми и внимательными къ нему, но въ самой этой учтивости проскальзывали отгѣнки, больно уязвлявшіе его сердце, заставлявшіе его невольно задумываться надъ его положеніемъ при красивѣйшей женщинѣ въ Россіи и краснѣть до ушей при одномъ предположеніи о томъ, что о немъ про себя думаютъ люди...

При воцареніи новой императрицы и послѣ паденія Долгорукихъ многіе изъ сосланныхъ ими были возвращены изъ ссылки, освобождены изъ заточенія и заняли прежнее свое положеніе при го-

сударынѣ и цесаревнѣ, дворъ которой оживился и засверкалъ прежнимъ блескомъ, какъ при покойной ея матери и при Меншиковѣ, когда не осмѣливались еще такъ явно преслѣдовать ее, въ лицѣ ея приверженцевъ, какъ то было впоследствии, при Долгорукихъ.

И вотъ, когда Шубину случалось присутствовать, въ числѣ прочихъ придворныхъ чиновъ, на какомъ нибудь блестящемъ торжествѣ въ честь представлявшагося посланника или по иному какому нибудь случаю, и видѣть свою возлюбленную въ обстановкѣ, особенно ярко выставившей величественную ея красоту и обязательную грацію, ему казалось, что, безъ сомнѣнія, не только посторонніе, но и сама она, сравнивая его общественное положеніе со своимъ, дивится и, можетъ быть, даже возмущается непонятнымъ чувствомъ, связавшимъ ихъ сердца, и мысль эта ему была такъ невыносима, что ему стоило невыразимаго труда скрывать волнованія его чувства.

Всего мучительнѣе ему было присутствовать при приѣмахъ иностранцевъ, особенно французовъ. Слушать издали, какъ его разлапушка разговариваетъ съ этими расфранченными изящными кавалерами на непонятномъ для него языкѣ, видѣть, какъ она имъ весело улыбается, и какъ ей пріятно поддерживать съ ними оживленную бесѣду о предметахъ, можетъ быть, недоступныхъ его пониманію, подмѣчать самодовольныя усмѣшки и восхищеніе, загорававшееся въ глазахъ этихъ франтовъ, и какъ они наперерывъ всячески изоощрялись ей понравиться, въ чемъ и успѣвали, безъ сомнѣнія, иначе она не задерживала бы ихъ такъ долго при себѣ, заставляя всѣхъ остальныхъ дожидаться и скучать,—все это было для него истинной душевной пыткой.

И вотъ однажды такъ случилось, что онъ не вынесъ такой пытки и, не дождавшись конца представленія французскимъ посланникомъ какихъ-то трехъ его соотечественниковъ, пріѣхавшихъ въ Россію съ коммерческими цѣлями, Шубинъ выбѣжалъ, какъ сумасшедшій, изъ залы, гдѣ онъ, какъ всегда, присутствовалъ при приѣмѣ иностранцевъ, въ толпѣ разряженныхъ дамъ и кавалеровъ изъ свиты цесаревны, чтобъ скрыться въ своихъ покояхъ и на просторѣ предаться своему отчаянію.

Сдѣлалъ ли онъ это ужъ слишкомъ шумно и явно, такъ что цесаревна это замѣтила, или другой кто обратилъ ея вниманіе на нарушеніе этикета ея фаворитомъ, такъ или иначе, но она подо звала къ себѣ Мавру Егоровну и приказала ей узнать, что съ сѣ любимцемъ случилось.

Гофмейстерина разыскала Лизавету Касимовну, чтобъ передать ей это порученіе.

— Вы съ нимъ, голубушка, короче знакомы, чѣмъ я, и онъ слова ваши приметъ безъ гнѣва. Скажите ему, что цесаревна за-

мѣтила его отсутствіе и забеспокоилась... Что это съ нимъ случилось? Ужъ который разъ всѣ мы замѣчаемъ, что онъ самъ не свой при французахъ. Объясните вы ему, что если онъ ревнуетъ къ нимъ цесаревну, такъ это ужъ совсѣмъ съ его стороны глупо. Кабы онъ понималъ по-французски, то зналъ бы, что у нея съ этими тонконогими самые пустые разговоры: Да, вотъ, напримѣръ, съ сегодняшними все время она толковала о парикахъ, какіе теперь стали носить въ Парижѣ,—прибавила она съ усмѣшкой, поспѣвая вернуться къ своему мѣсту въ залу, въ то время, какъ Лизавета отправилась въ покои фаворита, котораго она нашла лежащимъ на софѣ и въ такомъ отчаяніи, что онъ замѣтилъ ея приближеніе тогда только, когда она подошла къ нему совсѣмъ близко и, дотронувшись до его плеча, спросила, чтò съ нимъ.

— Ея высочество замѣтили, что васъ въ залѣ нѣтъ, и приказали узнать, не захворали ли вы, что до конца аудіенціи не пожелали остаться...

— Неправда! вы это сами выдумали... чтобъ меня успокоить!—вскричалъ онъ, срываясь съ мѣста, съ повеселѣвшимъ взглядомъ красныхъ отъ пролитыхъ слезъ глазъ.

— Я всегда говорю только правду, — возразила Лизавета съ чувствомъ собственнаго достоинства. Не позволяла она даже въ шутку подозрѣвать ее во лжи.

Онъ смутился и сталъ извиняться внезапною головою болью, такую будто бы мучительною, что ему не втерпежъ стоять подолгу въ парадномъ платьѣ, въ натопленной, освѣщенной сотнями свѣчей залѣ, среди надушенныхъ дамъ и кавалеровъ.

— Одинъ парикъ чего стоитъ! Ждешь—не дождешься, когда можно его сбросить и волосамъ отдыхъ дать,—прибавилъ онъ, тряхнувъ съ облегченнымъ сердцемъ русыми кудрями.

— Кстати о парикахъ, мнѣ сейчасъ Мавра Егоровна сказывала, что наша цесаревна именно о парикахъ и разговаривала такъ долго съ тѣмъ изъ пріѣзжихъ французовъ, который помоложе. Они тамъ въ Парижѣ новую моду придумали для париковъ, должно быть, полечче ихъ дѣлають, чтобъ вотъ, какъ у васъ теперь, голова отъ нихъ не разбалывалась,—объявила она, съ трудомъ сдерживая улыбку: когда онъ слушалъ ее, глаза его все больше и больше загорались радостью, и ему стоило немалого усилія воздержаться отъ желанія кинуться къ ней на шею и крѣпко ее обнять за добрыя вѣсти.

Цесаревна говорила съ французами о парикахъ, а онъ-то, глупый, Богъ знаетъ, что себѣ вообразилъ! Значитъ, правда, что она замѣтила его отсутствіе, обезпокоилась и послала узнать, что съ нимъ...

Онъ успокоить ее, но все-таки туда сегодня не пойдетъ, слишкомъ онъ взволнованъ, чтобъ притворяться и смотрѣть на нее вмѣ-

стѣ со всѣми равнодушными глазами, слишкомъ онѣ ее любить, чтобѣ чувство это не прорывалось сквозь всѣ его поры, не звучало въ его голосѣ, не отражалось въ его взглядѣ и въ каждомъ движеніи.

— Такъ я скажу Маврѣ Егоровнѣ, что у васъ разболѣлась голова отъ парика, и что, какъ только вы его сняли, вамъ полегчало,— замѣтила съ улыбкой Ветлова, угадывая волновавшія его душу мысли.

— Да, да, такъ и скажите, моя милая, моя добрая Лизавета Касимовна,—подхватилъ онѣ съ живостью, цѣлуя ея руки.—Пусть цесаревна меня извинить... Да я тамъ и не нуженъ вовсе, ну, на что я ей тамъ? Сами посудите! Вотъ, какъ одна останется, тогда дѣло другое!

Онѣ былъ правъ. Маврѣ Егоровнѣ не пришлось и передавать его отвѣта своей госпожѣ: цесаревна такъ увлеклась разсказами пріѣзжихъ гостей о послѣднемъ праздникѣ въ Версали, при которомъ они присутствовали, что давно забыла о порученіи, данномъ ея гофмейстеринѣ, а эта послѣдняя была слишкомъ опытна въ придворной службѣ, чтобѣ напоминать ей о томъ, что она забывала. Про Шубина вспомнили, какъ всегда, тогда только, когда пріемъ кончился, всѣ посторонніе разъѣхались, и остались одни только свои. Тутъ только на вопросъ цесаревны, гдѣ же Алексѣй Яковлевичъ,—Мавра Егоровна могла ей сообщить о причинѣ, заставившей ея любимца удалиться раньше времени въ свои покои.

Узнавъ, что причиной его нездоровья парикъ, цесаревна расхоталась и объявила, что сейчасъ его утѣшить. Она ужъ выписала черезъ сегодняшнихъ своихъ гостей новые парики изъ Парижа и такіе легкіе, что голова отъ нихъ не разболится, а, пока, они поѣдутъ недѣлки на три въ Александровское, гдѣ можно отдохнуть и отъ париковъ, и отъ фіжмъ, и отъ длинныхъ высокихъ корсетовъ, отъ которыхъ она такъ задыхается, что рада радехонька, когда можно все это съ себя сбросить,—весело распространялась она въ то время, когда ее расшнуровывали, снимали съ нея пышное парадное платьѣ, расчесывали ея чудные, густые волосы и надѣвали на нее легкій и широкій пудермантель, въ которомъ она и прошла въ покои фаворита.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ¹⁾.

(1751—1758).

IV.

ОСЛѢ Святой мы отправились въ Ораніенбаумъ. Передъ отъѣздомъ императрица позволила мнѣ увидать моего сына въ третій разъ послѣ его рожденія. Къ нему въ комнату надо было проходить черезъ всѣ покои ея величества. Его держали въ странной духотѣ, какъ я уже говорила. Въ Ораніенбаумѣ мы были свидѣтелями оригинальнаго зрѣлища. Его императорское высочество, которому голштинцы непрерывно твердили о долгахъ, и которому всѣ совѣтовали отпустить домой этихъ бесполезныхъ людей, тѣмъ болѣе, что онъ могъ видать ихъ лишь тайно и урывками, вдругъ расхрабрился и вздумалъ выписать себѣ изъ Голштиніи цѣлый отрядъ. Это были опять шутки негоднаго Брокдорфа, который льстилъ господствующей страсти своего государя. Шуваловыхъ онъ увѣрилъ, что, глядя сквозь пальцы на эту дѣтскую забаву, они навсегда обезпечатъ себѣ расположеніе великаго князя, что они займутъ его этимъ и могутъ быть увѣрены, что онъ всегда будетъ доволенъ ихъ прочими распоряженіями. Императрица терпѣть не могла Голштиніи и всего голштинскаго; она видѣла, какъ подобныя военныя забавы повредили во мнѣніи Петра I и рус-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIV, стр. 375.

скаго общества отцу великаго князя, герцогу Карлу - Фридриху; и потому сначала, кажется, ей ничего не говорили о выпискѣ голштинскаго отряда, или представляли это такую ничтожною вещью, о которой не стоило говорить. Впрочемъ, одного присутствія графа Шувалова было достаточно, чтобы это дѣло не получило никакого важнаго значенія. Отплывъ изъ Киля, голштинскій отрядъ прибылъ въ Кронштадтъ и затѣмъ въ Ораніенбаумъ. Великій князь, бывало, при Чоглоковѣ надѣвалъ голштинскій мундиръ только у себя въ комнатѣ, какъ бы украдкою; теперь же почти не носилъ другого и снималъ его только въ куртаги; между тѣмъ онъ былъ подполковникомъ Преображенскаго полка, и, кромѣ того, имѣлъ свой кирасирскій полкъ въ Россіи. По совѣту Брокдорфа, онъ всячески старался скрывать отъ меня пріѣздъ этого войска. Признаюсь, когда я узнала о томъ, то не могла безъ ужаса представить себѣ, какое неблагоприятное для великаго князя впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ поступокъ на русскую публику и на самую императрицу, образъ мыслей которой былъ мнѣ хорошо извѣстенъ. Мы стояли съ Александромъ Шуваловымъ на балконѣ въ Ораніенбаумѣ, когда проходилъ этотъ отрядъ. Шуваловъ только помаргивалъ глазомъ; въ сущности онъ не одобрялъ того, на что самъ и родственники его согласились смотрѣть сквозь пальцы. Дворецъ въ Ораніенбаумѣ охранялся Иргерманландскимъ полкомъ, который чередовался съ Астраханскимъ. Я узнала, что солдаты, глядя на голштинскія войска, говорили: «Эти проклятые нѣмцы всѣ проданы прусскому королю; вотъ навезли въ Россію измѣнниковъ». Вообще всѣ были озадачены появленіемъ голштинцевъ; самые преданные люди пожимали плечами, самые умѣренныя находили это страннымъ; въ сущности оно было весьма неблагоприятное ребячество. Что касается до меня, то я молчала, а когда заговаривали со мною, то не скрывала своего мнѣнія, всѣ знали, что я вовсе не одобряю этихъ забавъ, что я считаю ихъ во всѣхъ отношеніяхъ вредными для благосостоянія великаго князя. Въ самомъ дѣлѣ, разобравши дѣло, можно ли было иначе о немъ думать? Удовольствіе, которымъ онъ пользовался, никакъ не могло вознаградить его за ущербъ въ общественномъ уваженіи. Но его императорское высочество былъ въ восторгѣ отъ своего войска, велѣлъ устроить для него лагерь, расположилъ его въ немъ и предавался непрерывнымъ упражненіямъ. Однако, войско надо было кормить, а объ этомъ вовсе не подумали. Начались споры съ гофмаршаломъ, котораго очень удивило новое требованіе. Наконецъ онъ уступилъ, и придворные лакеи съ гвардейскими солдатами Ингерманландскаго полка должны были носить кушанья новопривышему войску изъ дворцовой кухни въ лагерь. Тѣ и другіе носили безъ всякой платы за трудъ; лагерь былъ довольно далеко отъ кухни; можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было

производить это мудрое распоряженіе. Солдаты Ингерманландскаго полка говорили: «Вотъ мы стали лакеями этихъ проклятыхъ нѣмцевъ». Придворная прислуга говорила: «Насъ заставляютъ ухаживать за грубою сволочью». Узнавши и увидавши все это, я твердо рѣшилась держаться, какъ можно, дальше отъ этой вредной ребяческой игры. Семейные кавалеры нашего двора жили въ Ораніенбаумѣ съ женами; такимъ образомъ у меня было довольно большое общество; самимъ кавалерамъ нечего было дѣлать въ голштинскомъ лагерѣ, откуда его императорское высочество почти не выходилъ. Такимъ образомъ я оставалась посреди моихъ придворныхъ и безпрестанно ходила съ ними гулять, но всегда въ противоположную сторону; къ лагерю же мы не подходили ни близко, ни издали.

Въ это время мнѣ пришла фантазія развести себѣ садъ въ Ораніенбаумѣ, но я знала, что великій князь не дастъ мнѣ для этого ни клочка земли, и потому попросила князей Голицыныхъ продать или уступить мнѣ 100 десятинъ съ давнихъ поръ заброшенной и пустопорожней земли, которою они владѣли возлѣ самаго Ораніенбаума. Земля эта принадлежала восьми или десяти лицамъ изъ ихъ семьи, она не приносила имъ никакого дохода, и они охотно уступили мнѣ ее. Я принялась чертить планы и разбивать садъ, и такъ какъ въ первый разъ занималась планами и постройками, то все выходило у меня огромно и неловко. Старый мой хирургъ Пюнъ по этому случаю говорилъ мнѣ: «Къ чему все это? Помните мое слово, предсказываю вамъ, что вамъ придется все это оставить». Предсказаніе его сбылось; но мнѣ въ то время нужно было чѣмъ нибудь развлекаться и занимать воображеніе. Сначала въ разбивкѣ сада мнѣ помогалъ ораніенбаумскій садовникъ Ламберти, бывший садовникомъ императрицы въ Царскомъ Селѣ, когда она была еще принцессою. Онъ занимался предсказаніями и, между прочимъ, предсказалъ императрицѣ ея восшествіе на престолъ. Онъ же говорилъ мнѣ много разъ и повторялъ безпрестанно, что я буду русскою императрицею-самодержицею, что я увижу сыновей, внуковъ и правнуковъ и умру въ глубокой старости, слишкомъ 80 лѣтъ; мало того, онъ назначилъ годъ моего восшествія на престолъ за шесть лѣтъ до событія. Это былъ очень странный человѣкъ; онъ говорилъ съ такою увѣренностью, что ничѣмъ нельзя было разубѣдить его. Онъ увѣрялъ, что императрица не любитъ его за то, что онъ предсказалъ случившееся съ нею; что она его боится, и по этой причинѣ перевела изъ Царскаго Села въ Ораніенбаумъ.

Кажется, на Троицынъ день, намъ велѣно было ѣхать изъ Ораніенбаума назадъ въ городъ. Около этого времени прибылъ въ Россію англійскій посланникъ, кавалеръ Вильямсъ; въ свитѣ его находился полякъ, графъ Понятовскій, отецъ котораго нѣкогда дер-

жалъ сторону короля шведскаго Карла XII. Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, мы возвратились въ Ораніенбаумъ, гдѣ императрица приказала отпраздновать Петровъ день. Сама она не приѣхала, не желая праздновать первыя именины моего сына Павла, приходившіяся въ этотъ день. Оставшись въ Петергофѣ, она сѣла къ окну, и, кажется, просидѣла такъ цѣлый день, потому что всѣ, проѣзжавшіе въ Ораніенбаумъ, говорили, что видѣли ее у окна. Къ намъ наѣхало много народа; въ залъ, выходящей въ мой садъ, танцовали и потомъ ужинали. Тутъ были также посланники и иностранные министры. Помню, что за ужиномъ возлѣ меня сидѣлъ англійскій посланникъ, кавалеръ Вильямсъ, и что мы вели съ нимъ очень живой и пріятный разговоръ, потому что онъ былъ уменъ, начитанъ и зналъ всю Европу. Послѣ мнѣ сказывали, что ему также было пріятно разговаривать со мною въ этотъ вечеръ, что онъ отзывался обо мнѣ съ похвалою. Такъ случалось всегда, когда я встрѣчалась съ людьми, которые были со мною въ уровень. Въ то время у меня было меньше завистниковъ, и меня по большей части обыкновенно хвалили. Я слыла умницею, и многія лица, знавшія меня ближе, чтили меня довѣріемъ, повѣрялись мнѣ, спрашивали моего совѣта и съ пользою слѣдовали тому, что я совѣтовала имъ. Великій князь съ давнихъ поръ называлъ меня *Madame la Ressource*, и какъ бы ни дулся и ни гнѣвался на меня, но какъ скоро въ чемъ бы то ни было былъ въ затруднительномъ положеніи, тотчасъ, по своему обыкновенію, опротясь вбѣгалъ ко мнѣ, требовалъ моего мнѣнія и, выслушавши его, точно также опротясь убѣгалъ назадъ. Помню еще, что въ этотъ вечеръ, когда мы праздновали Петровъ день въ Ораніенбаумѣ, глядя на графа Понятовскаго, который танцовалъ, я заговорила съ кавалеромъ Вильямсомъ объ отцѣ его и о томъ злѣ, которое онъ причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ говорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то, что я уже знала, именно, что старикъ Понятовскій и семья жены его, Чарторижскіе, въ то время были главными представителями русской партіи въ Польшѣ; что они послали молодого графа въ Россію и поручили его Вильямсу для того, чтобы воспитать въ немъ доброе расположеніе къ Россіи. «Я надѣюсь,—замѣтилъ Вильямсъ,—что этотъ молодой человекъ сдѣлаетъ успѣхи въ Россіи». Ему тогда могло быть около 22 или 23 лѣтъ. Я отвѣчала, что, по моему мнѣнію, Россія можетъ служить для иностранцевъ пробнымъ камнемъ ихъ достоинствъ, и что кто успѣетъ въ Россіи, тотъ навѣрно можетъ рассчитывать на успѣхъ во всей Европѣ. Я всегда считала это замѣчаніе вполне справедливымъ, потому что нигдѣ такъ не замѣчаютъ слабыхъ, смѣшныхъ и дурныхъ сторонъ иностранца, какъ въ Россіи; иностранецъ можетъ быть увѣренъ, что ему ничего не простятъ, и это оттого, что всякій русскій отъ природы, въ глубинѣ души своей, чувствуетъ нѣкоторое отвращеніе къ иностранцу.

Около этого времени я узнала, до какой степени Сергѣй Салтыковъ не умѣрялъ поведенія своего въ Швеціи и Дрезденѣ, и что, кромѣ того, онъ не останавливался ни передъ одною женщиною, какая ему попадалась. Сначала я не хотѣла ничему этому вѣрить; но наконецъ со всѣхъ сторонъ ко мнѣ доходило одно и то же, и даже друзья не въ состояніи были оправдать его. Въ этотъ годъ я особенно подружилась съ Анной Нарышкиной. Этому много способствовалъ братъ ея мужа, Левъ, который бывалъ съ нами всегда третьимъ и ни на минуту не прекращалъ своихъ дурачествъ. Онъ говаривалъ намъ: кто изъ васъ обѣихъ будетъ лучше вести себя, для той у меня готовится подарокъ, за который вы поблагодарите меня. На слова его обыкновенно не обращали вниманія, и никто не любопытствовалъ узнать, что за подарокъ у него на умѣ.

Осенью голштинскія войска поплыли назадъ, а мы возвратились въ городъ, въ Лѣтній дворецъ. Въ это время Левъ Нарышкинъ заболѣлъ горячкою, и въ продолженіе болѣзни своей писалъ мнѣ записки; но я хорошо знала, что онѣ не всѣ отъ него. Я посылала ему мои отвѣты. Въ запискахъ онъ обыкновенно просилъ у меня то варенья, то какихъ нибудь другихъ бездѣлицъ, и получивши присылалъ записки съ изъясненіемъ благодарности. Записки эти были отлично писаны и въ очень веселомъ тонѣ. Онъ говорилъ, что онъ поручаетъ писать ихъ своему секретарю. Наконецъ я узнала, что этотъ секретарь не кто иной, какъ графъ Понятовскій, который не отходилъ прочь отъ Льва Нарышкина и дружилъ съ семейю Нарышкиныхъ.

Изъ Лѣтняго дворца, въ началѣ зимы, мы переѣхали въ деревянный выстроенный императрицею Зимній дворецъ, находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Чичериныхъ. Дворецъ этотъ занималъ цѣлый кварталъ, до противоположащаго дома графини Матюшкиной, который въ то время принадлежалъ Наумову. Окошки мои были напротивъ этого дома, гдѣ тогда жили фрейлины. Переѣхавши туда, я была сначала очень удивлена высотой и величиною отведенныхъ намъ комнатъ. На мою долю было четыре большихъ переднихъ комнаты и двѣ заднія съ кабинетомъ; столько же отведено было и великому князю. Мои комнаты были довольно хорошо расположены, такъ что можно было спастись отъ сосѣдства великаго князя, что уже составляло великое удобство. Графъ Александръ Шуваловъ, замѣтивъ, что я довольна моимъ помѣщеніемъ, тотчасъ же пошелъ передать императрицѣ, что я очень хвалила просторъ и количество отведенныхъ мнѣ комнатъ, и потомъ самъ сказалъ мнѣ о томъ съ нѣкотораго рода удовольствіемъ, выраженнымъ посредствомъ морганія и улыбки.

Въ это время и долго послѣ главною городскою забавою великаго князя было чрезвычайное множество маленькихъ куколокъ,

или солдатикомъ, деревянныхъ, свинцовыхъ, восковыхъ и изъ трута. Онъ разставлялъ ихъ на узенькихъ столахъ, которыми загромождалъ цѣлую комнату, такъ что между столами едва можно было пройти. Вдоль столовъ прибиты были узкія мѣдныя рѣшетки, а къ нимъ привязаны шнуры, и если дернуть за шнурокъ, то мѣдная рѣшетка издавала звукъ, который, по его мнѣнію, походилъ на бѣглый ружейный огонь. Онъ съ чрезвычайною точностію, въ каждый придворный праздникъ, заставлялъ войска свои стрѣлять ружейнымъ огнемъ. Кромѣ того, онъ ежедневно посылалъ ихъ на стражу, т.-е. бралъ съ каждаго стола по нѣскольکو солдатиковъ, назначенныхъ выстаивать извѣстные часы. На такомъ парадѣ онъ присутствовалъ въ мундирѣ, сапогахъ, шпорахъ, въ крагенѣ и съ шарфомъ; лакеи, которыхъ онъ удостоивалъ приглашеніемъ на эти экзерциціи, также были обязаны являться во всей формѣ. Въ этотъ годъ, передъ наступленіемъ зимы, мнѣ показалось, что я опять беременна, и мнѣ отворяли кровь. У меня сдѣлался флюсъ въ обѣихъ щекахъ, или, по крайней мѣрѣ, я такъ воображала себѣ, но послѣ нѣсколькихъ дней боли у меня выпали четыре большіе зуба, съ каждой челюсти по два крайнихъ. Пользуясь нашимъ просторнымъ помѣщеніемъ, великій князь еженедѣльно устраивалъ балы и концерты, на которыхъ бывали только фрейлины и кавалеры нашего двора съ женами. На балахъ бывало весело, смотря по тому, кто бывалъ на нихъ; многлюдными нельзя было назвать ихъ. Тутъ бывала семья Нарышкиныхъ, люди, болѣе другихъ общительные. Я къ нимъ причисляю Сенявину и Измайлову, которыя были сестры Нарышкиныхъ, и жену старшаго брата, о которой я упомянула выше. Левъ Нарышкинъ съ каждымъ днемъ больше дурачился. Всѣ считали его пустымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ и дѣйствительно былъ. Обыкновенно онъ безпрестанно перебѣгалъ изъ комнаты великаго князя ко мнѣ, нигдѣ не оставаясь подолгу. Подходя къ моимъ дверямъ, онъ начиналъ мяукать по-копачьи; если я ему отвѣчала, это значило, что онъ можетъ войти. 17 декабря, между 6 и 7 часами вечера, я услышала у дверей его мяуканье, и впустила его. Онъ принесъ мнѣ поклонъ отъ своей невѣстки, говоря, что она не очень здорова. Потомъ вдругъ сказалъ: но вамъ слѣдуетъ провѣдать ее.—Мнѣ самой хотѣлось бы этого,—отвѣчала я,—но вы знаете, что я не могу выйти изъ дома безъ позволенія, и мнѣ ни за что не позволятъ навѣстить ее.—Я васъ проведу,—сказалъ онъ.—Съ ума вы сошли,—возразила я.—Какъ мнѣ итти съ вами? Васъ посадятъ за это въ крѣпость, а мнѣ будутъ Богъ знаетъ какія непріятности.—И!—сказалъ онъ,—никто не узнаетъ; мы будемъ осторожны.—Какъ такъ?—Тогда онъ сказалъ: я приду за вами черезъ часъ или черезъ два; великій князь пойдетъ ужинать (я съ давнихъ поръ оставалась эти часы у себя въ комнатѣ подъ предлогомъ, что не ужинаю) и просидитъ за столомъ до полночи,

напьется пьянъ и уйдетъ спать (послѣ родовъ моихъ онъ, по большей части, спалъ особо). Для большей предосторожности одѣньтесь по-мужски, и мы пойдемъ вмѣстѣ къ Аннѣ Никитичнѣ.—Его предложеніе начало соблазнять меня. Я цѣлые дни просиживала у себя въ комнатѣ за книгами, безъ всякаго общества. Наконецъ, чѣмъ дальше спорила я съ нимъ объ этомъ походе, въ сущности нелѣпомъ, и на которое сначала я не хотѣла согласиться, тѣмъ болѣе оно казалось мнѣ возможнымъ. Отчего, рѣшила я, не доставить себѣ нѣсколько часовъ развлеченія и удовольствія? Нарышкинъ ушелъ. Я кликнула моего калмыка-парикмахера и приказала принести мужское платье и все, что нужно для мужского наряда, сказавши, что кому-то хочу подарить его. Калмыкъ этотъ не отличался разговорчивостью; съ нимъ гораздо труднѣе было завести рѣчь, чѣмъ другихъ заставить молчать. Онъ въ ту же минуту исполнилъ мое приказаніе и принесъ все, что было мнѣ нужно. Я притворилась, что у меня болитъ голова, и сказала, что поэтому раньше лягу спать; только что Владиславова уложила меня и ушла, какъ я встала, одѣлась съ ногъ до головы по-мужски и подобрала какъ можно лучше волосы (къ чему мнѣ было не привыкать, и что я ловко умѣла дѣлать). Въ назначенный часъ Левъ Нарышкинъ прошелъ комнатами великаго князя къ дверямъ моимъ и замяукалъ. Я отворила ему; мы прошли черезъ небольшую прихожую комнату въ сѣни и сѣли въ его карету, никѣмъ не замѣченные и помирая со смѣху. Левъ Нарышкинъ жилъ въ одномъ домѣ съ женатымъ братомъ своимъ. Мы застали дома Анну Никитичну, которая никакъ не ожидала насъ. Тамъ же былъ и графъ Понятовскій. Л. Нарышкинъ рекомендовалъ его, какъ одного изъ друзей своихъ, просилъ принять въ расположеніе, и мы провели полтора часа самымъ веселымъ и забавнымъ образомъ. Я преблагополучно возвратилась домой, попрежнему никѣмъ не замѣченная. На другой день было императрицыно рожденіе; по утру при дворѣ и вечеромъ на балу мы, участвовавшіе въ секретѣ, не могли смотрѣть другъ на друга, чтобы не разразиться смѣхомъ при воспоминаніи о вчерашнемъ походе. Черезъ нѣсколько дней Левъ Нарышкинъ предложилъ отдачу визита, т. е., чтобы гости собрались ко мнѣ; онъ точно также привелъ ихъ въ мою комнату и потомъ благополучно вывелъ. Такъ начался 1756 годъ. Намъ чрезвычайно понравились эти секретныя свиданія; мы стали еженедѣльно собираться по одному, по два и даже иногда по три раза, то у того, то другого; если же кто изъ нашего общества занемогалъ, то непременно у больного. Случалось, что, сидя въ комедіи, по разнымъ ложамъ и инымъ въ партерѣ, мы, не говоря ни слова, подавали другъ другу извѣстные условные знаки, куда собираться, и никогда не путались. Два раза только мнѣ пришлось возвращаться домой пѣшкомъ; но это было вмѣсто прогулки.

Въ то время готовились къ войнѣ съ Пруссіею. По договору съ австрійскимъ домомъ императрица должна была выслать на помощь 30 тысячъ человекъ: такъ разсчитывалъ великій канцлеръ, графъ Бестужевъ; но австрійскій домъ желалъ, чтобы Россія помогла ему всѣми своими войсками. Чтобы добиться этого, вѣнскій посланникъ, графъ Эстергази, употреблялъ всѣ находившіяся во власти его средства и часто дѣйствовалъ въ одно и то же время разными путями. Противниками Бестужева были вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, и Шуваловы. Императрица Елисавета съ этого времени стала часто занемогать; сначала не знали, какая у нея болѣзнь, и приписывали ея нездоровье прекращенію мѣсячныхъ очищеній. Часто замѣчали, что Шуваловы ходятъ весьма огорченные и озабоченные, и отъ времени до времени они становятся необыкновенно предупредительны съ великимъ княземъ. Придворные шушукали между собою, увѣряя, что ея величество въ положеніи, несравненно опаснѣйшемъ, нежели говорятъ о томъ; одни называли ея болѣзнь истерическими припадками, другіе обмороками, третьи корчами, раздраженіемъ нервовъ и т. д. Это продолжалось всю зиму съ 1755 по 1756 годъ. Наконецъ весною мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ ѣдетъ командовать арміею, которой велѣно было итти противъ Пруссіи. Передъ отъѣздомъ явилась къ намъ съ младшею дочерью своею жена его проститься. Я сообщила ей мои опасенія насчетъ здоровья императрицы и сказала, между прочимъ, что мнѣ жаль ея мужа, что онъ уѣзжаетъ въ такое время, когда сила Шуваловыхъ не слишкомъ надежна, что я считаю Шуваловыхъ первыми моими врагами, которые терпѣть не могутъ меня за то, что я предпочитаю имъ ихъ противниковъ, именно графовъ Разумовскихъ. Апраксина все это пересказала мужу, и тотъ былъ очень доволенъ моимъ отзывомъ, равно и графъ Бестужевъ, который не любилъ Шуваловыхъ и былъ хорошъ съ Разумовскими (на одной изъ ихъ племянницъ онъ женилъ своего сына). Фельдмаршалъ Апраксинъ могъ служить полезнымъ посредникомъ между противными партіями, ибо дочь его была въ любовной связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Говорили, будто она сдѣлалась его любовницею съ вѣдома отца и матери. Кромѣ того, я хорошо понимала и видѣла ясно, какъ день, что Шуваловъ черезъ Брокдорфа болѣе чѣмъ когда либо, старался отдалить отъ меня великаго князя; для этого они употребляли всѣ возможныя средства. Но, несмотря на то, великій князь тогда еще имѣлъ ко мнѣ невольное довѣріе, которое необъяснимымъ образомъ почти всегда сохранялось въ немъ, хотя онъ самъ не замѣчалъ и не подозрѣвалъ того. Въ это время онъ поссорился съ графиней Воронцовой и влюбился въ дѣвицу Теплоу, племянницу Разумовскихъ: ему хотѣлось видѣть ее, и онъ совѣтовался со мной, какъ убрать комнату, чтобы она лучше ей понравилась, и для того притащилъ множество ружей, грена-

дерских киверовъ, перевязей и проч., такъ что комната походила на арсеналь. Все это онъ показывалъ мнѣ, я ничего не сказала на это, и ушла. Кромѣ того, по вечерамъ къ нему приводили маленькую нѣмку-пѣвицу, которую онъ содержалъ, и которую звали Леонорой; она обязана была съ нимъ ужинать. Съ графиней Воронцовой его поссорила принцесса курляндская. Я поистинѣ не умѣю себѣ объяснить, по какой причинѣ эта принцесса пользовалась въ то время при дворѣ извѣстнымъ значеніемъ. Ей тогда было около 30 лѣтъ, она была мала ростомъ, дурнолица, горбата, какъ я говорила выше. Она сумѣла войти въ расположеніе къ императрицыну духовнику и къ старымъ камерфрау ея величества, и ей все прощалось, что бы она ни дѣлала. Она жила съ фрейлинами ея величества, состоявшими подъ ферулою нѣкоей мадамъ Шмидтъ.

Эта мадамъ Шмидтъ была родомъ чухонка, отличалась необыкновенною толщиною и массивностью, съ повелительными манерами, съ очень грубымъ и мужицкимъ тономъ, оставшимся ей отъ ея молодости. Тѣмъ не менѣе она играла при дворѣ извѣстную роль и находилась подъ непосредственнымъ покровительствомъ старыхъ нѣмокъ и шведокъ, императрицыныхъ камерфрау, а слѣдовательно, и гофмаршала Сиверса, который самъ былъ родомъ изъ Финляндіи и женатъ былъ на дочери мадамъ Крузе; а сестра сей послѣдней, какъ я уже говорила, была одною изъ первыхъ любимиць. Мадамъ Шмидтъ надзирала за домашнею жизнію фрейлинъ и обращалась съ ними болѣе строго, чѣмъ благоразумно. Сама она никогда не являлась ко двору; въ публикѣ, во главѣ фрейлинъ бывала принцесса курляндская, которой мадамъ Шмидтъ тайно поручала смотрѣть за ихъ поведеніемъ при дворѣ. Отдѣленіе, въ которомъ онѣ помѣщались, состояло изъ ряда комнатъ; на одномъ концѣ жила мадамъ Шмидтъ, на другомъ принцесса курляндская. Фрейлины жили по двѣ, по три и по четыре въ комнатѣ, у каждой своя постель съ занавѣсью; особыхъ выходовъ не было. Съ перваго взгляда казалось, что при такомъ расположеніи комнатъ фрейлины рѣшительно недоступны, потому что непременно надо было проходить комнатами либо мадамъ Шмидтъ, либо принцессы курляндской; но мадамъ Шмидтъ часто бывала больна разстройствомъ желудка отъ всѣхъ этихъ жирныхъ пироговъ и другихъ лакомыхъ блюдъ, которыя ей присылались родителями фрейлинъ, и такимъ образомъ оставался одинъ выходъ—комната принцессы курляндской. Злые языки говорили, что она взимала плату за проходъ; можетъ быть, это выдумка, но вѣрно то, что принцесса курляндская въ теченіе многихъ лѣтъ совершенно по своему усмотрѣнію распоряжалась замужествомъ императрицыныхъ фрейлинъ, давала за нихъ слово и потомъ брала назадъ, какъ ей хотѣлось. О платежѣ за проходъ рассказывали мнѣ многіе, въ томъ числѣ

Левъ Нарышкинъ и графъ Бутурлинъ, что съ нихъ она брала плату, но не деньгами.

Любовныя похождения великаго князя съ дѣвицею Тепловою продолжались до отъѣзда нашего въ деревню; тамъ они прекратились, потому что лѣтомъ его высочество былъ невыносимъ. Не видя его, Теплова требовала, чтобы онъ писалъ къ ней, по крайней мѣрѣ, разъ или два въ недѣлю, и, думая заохотить его къ такой перепискѣ, прислала ему письмо въ четыре страницы. Получивъ его, онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату съ весьма озабоченнымъ видомъ и, указывая на письмо Тепловой, бывшее у него въ рукахъ, сказалъ довольно глѣвно и нетерпѣливо: «Представьте, она прислала мнѣ письмо на цѣлыхъ четырехъ страницахъ, и воображаетъ, что я стану читать все это, да еще писать ей отвѣтъ, между тѣмъ какъ мнѣ надо итти на ученье (голландскія войска снова прибыли), потомъ обѣдать, потомъ стрѣлять, потомъ смотрѣть репетицію оперы и балетъ, который будутъ танцовать кадеты; я ей пошлю сказать начисто, что у меня нѣтъ времени; если она разсердится, я брошу ее до зимы». Я отвѣчала, что, безъ сомнѣнiя, это будетъ кратчайшiй путь. Неправда ли, что все это черты характеристическiя? Я поэтому нарочно и привожу ихъ здѣсь. Кадеты очутились въ Ораниенбаумѣ слѣдующимъ образомъ. Весною 1756 г., чтобы отвлечь великаго князя отъ голландскихъ войскъ, Шуваловы придумали, по ихъ мнѣнiю, весьма политическую мѣру. Они убѣдили императрицу поручить его императорскому высочеству начальство надъ сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ, единственнымъ въ то время заведенiемъ этого рода. Въ помощники ему по этой должности былъ опредѣленъ Мельгуновъ, ближайшiй другъ и повѣренный тайнъ Ивана Ивановича Шувалова. Жена Мельгунова, нѣмка, была камерфрейлина и одна изъ любимицъ императрицы. Такимъ образомъ, Шуваловы имѣли въ комнатахъ великаго князя человѣка, который всегда могъ говорить съ нимъ и былъ совершенно преданъ имъ. Человѣкъ со ста кадетъ были привезены въ Ораниенбаумъ для такъ называемыхъ оперныхъ балетовъ. Съ ними прiѣхалъ и Мельгуновъ и преданнѣйшiе ему корпусные офицеры. Всѣми ими Шуваловы могли пользоваться, какъ соглядатаями. Въ числѣ учителей, прiѣхавшихъ съ кадетами въ Ораниенбаумъ, былъ рейтмейстеръ Циммерманъ, слышiй за лучшаго верхового ѣздока во всей Россiи. Такъ какъ моя осенняя беременность оказалась ложною, то я вздумала брать уроки у Циммермана, чтобы усовершенствоваться въ верховой ѣздѣ. Я сказала о томъ великому князю; онъ не представилъ никакихъ возраженiй; всѣ прежнiя запрещенiя и правила, введенныя Чоглоковыми, были давно забыты. Александръ Шуваловъ или не зналъ ихъ, или не соблюдалъ. Впрочемъ, и самъ по себѣ онъ не пользовался уваженiемъ; мы смѣялись надъ нимъ, надъ его женою, дочерью, зятемъ, почти въ глаза имъ. Они

должны были выносить насмѣлки, потому что были самые ничтожные, самые дрянные люди. Графиню Шувалову я прозвала солянымъ столбомъ. Она была сухощавое, маленькое, низенькое существо: скупость проглядывала даже въ ея нарядѣ, она носила узкія юбки, всегда однимъ полотнищемъ меньше, чѣмъ было нужно, и чѣмъ у другихъ женщинъ. Дочь ея, графиня Головкина, наряжалась точно также; въ ихъ головномъ уборѣ, въ дрянныхъ рукавникахъ, всегда чего нибудь недоставало. Хотя онѣ были очень достаточные и богатые люди, но соотвѣтственно своимъ душамъ любили все мелкое и узкое. Начавши правильные уроки верховой ѣзды, я снова пристрастилась къ этому упражненію. Я вставала въ 6 часовъ утра, одѣвалась по-мужски и шла въ садъ свой; тамъ у меня было устроено особое мѣсто на чистомъ воздухѣ, служившее мнѣ манежемъ. Успѣхи мои были такъ быстры, что часто Циммерманъ подбѣгалъ ко мнѣ изъ середины манежа и въ какомъ-то невольномъ восторгѣ со слезами на глазахъ цѣловалъ у меня сапогъ. Однажды онъ воскликнулъ: «Во всю жизнь у меня не было ученика, которымъ бы я могъ такъ гордиться, и который бы дѣлалъ такіе успѣхи въ такое короткое время!»—На этихъ урокахъ присутствовали только старый хирургъ мой Гюнъ, одна камерффрау и нѣсколько человекъ лакеевъ. Я была очень прилежна и брала эти уроки каждое утро, кромѣ воскресенья; и, по правиламъ манежа, Циммерманъ въ награду трудовъ моихъ подарилъ мнѣ серебряныя шпоры. Въ три недѣли я прошла весь курсъ верховой ѣзды, и къ осени Циммерманъ привелъ лошадь для вольтижированья, и затѣмъ хотѣлъ дать мнѣ стремяна; но наканунѣ того дня, когда я должна была начать вольтижированіе, пришлось отложить его до слѣдующей весны, потому что намъ приказано было ѣхать въ городъ.

Этимъ лѣтомъ графъ Понятовскій ѣздилъ въ Польшу, откуда потомъ возвратился въ качествѣ министра польскаго короля. Передъ отъѣздомъ онъ пріѣзжалъ въ Ораніенбаумъ проститься съ нами. Съ нимъ былъ тогда графъ Горнъ, привезшій въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ моей бабушки, матери шведскаго короля. Шведскій король нарочно далъ ему это порученіе, чтобы спасти его отъ преслѣдованія французской партіи, или партіи шапокъ, враждовавшей съ партіею колпаковъ, которая была привержена къ Россіи. Преслѣдованіе это на сеймѣ 1756 г. достигло такихъ размѣровъ, что почти всѣ представители русской партіи были перебиты. Графъ Горнъ самъ говорилъ мнѣ, что и ему не избѣжать бы этой участи, если бы онъ не пріѣхалъ въ Петербургъ. Графъ Понятовскій и графъ Горнъ оставались въ Ораніенбаумѣ двое сутокъ; въ первый день великій князь обращался съ ними очень хорошо, на второй они ему наскучили, потому что онъ тогда занятъ былъ свадьбою одного егеря, и ему хотѣлось идти туда на попойку; видя же, что

графы Понятовскій и Горнъ не уѣзжаютъ, онъ бросилъ ихъ и предоставилъ мнѣ хозяйничать въ домѣ. Послѣ обѣда я повела оставшееся мнѣ общество, которое было не очень многолюдно, показать внутренніе покои великаго князя и мои. Когда мы пришли въ мой кабинетъ, моя маленькая болонка выбѣжала къ намъ навстрѣчу и принялась изо всѣхъ силъ лаять на графа Горна, но, увидавъ графа Понятовскаго, можно сказать, чуть не взбѣсилась отъ радости. Такъ какъ кабинетъ былъ не великъ, то, кромѣ Льва Нарышкина, его невѣстки и меня, казалось, никто не замѣтилъ этого; но графъ Горнъ догадался, въ чемъ дѣло, и когда я проходила черезъ комнаты назадъ въ залу, онъ дернулъ за полу графа Понятовскаго и сказалъ ему: «другъ мой, нѣтъ ничего опаснѣе на свѣтѣ маленькой болонки; женщинамъ, которыхъ я любилъ, я всегда даривалъ прежде всего маленькую болонку, и черезъ нее всегда узнавалъ, есть или нѣтъ у меня соперникъ; это вѣрное и надежное правило. Вы видѣли, собачка чуть не съѣла меня, потому что она меня не знаетъ, между тѣмъ какъ, увидавъ васъ, она не знала, куда дѣваться отъ радости; нѣтъ сомнѣнія, что вы попались ей на глаза не въ первый разъ». Графъ Понятовскій хотѣлъ все это обратить въ шутку, но не могъ его разувѣрить. Графъ Горнъ просто сказалъ ему: «не бойтесь ничего, я человекъ скромный». На утро они уѣхали. Графъ Горнъ говаривалъ, что если онъ влюблялся, то всегда въ трехъ женщинъ разомъ. Онъ исполнилъ это на нашихъ глазахъ, и въ Петербургѣ ухаживалъ за тремя дѣвушками. Черезъ два дня послѣ того Понятовскій уѣхалъ къ себѣ на родину. Во время его отсутствія кавалеръ Вильямсъ увѣдомилъ меня черезъ Льва Нарышкина, что великій канцлеръ Бестужевъ противодѣйствуетъ возвращенію графа Понятовскаго и проситъ его написать графу Брюлю, бывшему тогда любимцемъ и министромъ короля польскаго, чтобы тотъ не посылалъ Понятовскаго въ Россію. Вильямсъ не исполнилъ этой комиссіи, но не сказалъ о томъ великому канцлеру, боясь, чтобы тотъ не поручилъ ея кому нибудь другому, кто, можетъ быть, исполнилъ бы ее съ большою точностію. Вильямсъ говорилъ Нарышкину, что не хотѣлъ вредить своему другу, желавшему непременно возвратиться въ Россію. Онъ подозрѣвалъ, что графъ Бестужевъ съ давнихъ поръ распоряжается польско-саксонскими министрами, и хочетъ имѣть на этомъ мѣстѣ кого нибудь изъ преданныхъ себѣ людей. Тѣмъ не менѣе, Понятовскій получилъ его и къ зимѣ возвратился въ качествѣ польскаго посланника; саксонская же миссія осталась въ непосредственномъ распоряженіи графа Бестужева. За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Ораніенбаума туда пріѣхали князь и княгиня Голицыны вмѣстѣ съ Бецкимъ; они отправлялись въ чужіе края для здоровья; въ особенности же Бецкому нужно было разгуляться послѣ глубокой горести, причиненной ему кончиною

принцессы Гессенъ-Гамбургской, урожденной княгини Трубецкой: княгиня Голицына была ея дочь отъ перваго брака съ господаремъ валахскимъ, княземъ Кантемиромъ. Княгиня Голицына и Бецкій были старые мои знакомые, потому я старалась принять ихъ въ Ораніенбаумѣ, какъ можно лучше, и все имъ показывала. Мы ѣздили по окрестностямъ Ораніенбаума, и я возила княгиню Голицыну въ кабриолетѣ, которымъ сама правила. Княгиня Голицына была женщина довольно странная и очень ограниченная; дорогою она начала дѣлать мнѣ намеки, изъ которыхъ я должна была заключить, что она думаетъ, будто я на нее сержусь. Я говорила, что я противъ нея вовсе ничего не имѣю и даже не понимаю, за что бы я могла на нее сердиться, такъ какъ у насъ никогда не было никакихъ споровъ. «Я боюсь, отвѣчала она, что графъ Понятовскій очернилъ меня въ глазахъ вашихъ». Это меня чрезвычайно озадачило; я принялась увѣрять ее, что все это ей только такъ кажется, и что графъ Понятовскій никакъ не могъ чернить ее, и особливо въ моихъ глазахъ, потому что онъ давно уѣхалъ, я же встрѣчалась съ нимъ только въ обществѣ, какъ съ иностранцемъ. Я прибавила, что не понимаю, откуда пришло ей все это въ голову. Возвратившись домой, я позвала Льва Нарышкина и передала ему этотъ разговоръ, который мнѣ казался столь же нескромнымъ и дерзкимъ, какъ и глупымъ. Тотъ на это сказалъ мнѣ, что въ теченіе послѣдней зимы княгиня Голицына всеми мѣрами старалась привлечь къ себѣ графа Понятовскаго, который изъ вѣжливости и приличія долженъ былъ оказывать ей нѣкоторое вниманіе, что она была съ нимъ необыкновенно предупредительна, но онъ съ своей стороны, разумѣется, не могъ платить ей тѣмъ же, потому что она была стара, дурна, глупа и вздорна, можно сказать, даже взбалмошна; видя, что онъ вовсе не отвѣчаетъ ея желаніямъ, она, по всему вѣроятію, стала подозрѣвать, изъ-за какихъ причинъ онъ безпрестанно бываетъ у Нарышкиныхъ и проводитъ время со Львомъ и его невѣсткой. Во время короткаго пребыванія княгини Голицыной въ Ораніенбаумѣ у меня была страшная перебранка съ великимъ княземъ изъ-за моихъ фрейлинъ, въ которыхъ онъ безпрестанно влюблялся. Замѣтивъ, что онъ во многихъ случаяхъ пренебрегаетъ своими обязанностями, иногда даже не оказываютъ мнѣ должнаго повиненія и почтенія, я однажды послѣ обѣда пошла въ ихъ отдѣленіе и стала дѣлать имъ выговоры, напоминая имъ долгъ ихъ относительно меня и увѣряя, что пожалуюсь императрицѣ, если онъ впередъ будутъ вести себя такъ. Однѣ всполошились, другія обидѣлись, третьи стали плакать; но только что я ушла, онъ немедленно пересказали великому князю о томъ, что происходило въ ихъ комнатахъ. Его императорское высочество избеленілся, тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ и началъ говорить, что больше нѣтъ никакихъ средствъ жить со мной, что я съ каждымъ

днемъ становлюсь болѣе горда и высокоумна, что я требую отъ фрейлинъ повиновенія и почтенія и отравляю имъ жизнь, такъ что онѣ цѣлый день проливають горькія слезы; что я обращаюсь съ ними, какъ съ служанками, между тѣмъ какъ онѣ благороднаго сословія; что если я вздумаю жаловаться на нихъ императрицѣ, то онѣ самъ пожалуются на меня, на мою гордость, на мое коварство, на мою притязательность, и Богъ знаетъ чего еще не наговорилъ онѣ мнѣ. Я выслушала его также не безъ волненія и отвѣчала, что онѣ можетъ говорить обо мнѣ, что ему угодно, что если дѣло дойдетъ до тетушки, то она, безъ сомнѣнія, найдетъ наилучшимъ прогнать дрянныхъ сплетницъ, которыя своими пересказами сороятъ ея племянника съ племянницей; что для восстановленія согласія между имъ и мною, и чтобы ей больше не надоѣдали подобными жалобами,—ея величество выберетъ именно этотъ путь, и что дѣло кончится непременно ссылкой фрейлинъ. Тутъ онѣ прісмирѣлъ; онѣ былъ очень подозрителенъ; ему показалось, что я знаю намѣренія императрицы относительно фрейлинъ больше, чѣмъ показываю, и что онѣ въ самомъ дѣлѣ могутъ быть изъ-за этого сосланы. «Скажите, пожалуйста,—сталъ говорить онѣ,—развѣ вы знаете что нибудь объ этомъ? развѣ объ этомъ уже говорили?» Я отвѣчала, что если дѣло дойдетъ до того, что надо будетъ довести его до свѣдѣнія императрицы, то я не сомнѣваюсь, что она покончитъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Тогда онѣ задумался, началъ ходить по комнатѣ большими шагами, совсѣмъ притихъ, почти пересталъ на меня дуться и потомъ ушелъ. Въ тотъ же вечеръ я призвала одну изъ фрейлинъ, которая мнѣ казалась умнѣе другихъ, и передала ей, какую сцену я имѣла, благодаря ихъ неблагоразумнымъ переносамъ; съ этихъ поръ онѣ стали осторожнѣе и уже не прибѣгали къ крайнимъ мѣрамъ, боясь, чтобы самимъ не попасть въ бѣду.

Осенью мы возвратились въ городъ. Вскорѣ затѣмъ кавалеръ Вильямсъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Англію. Онѣ не достигъ своей цѣли въ Россіи. На другой же день послѣ своего представленія императрицѣ онѣ предложилъ заключить союзъ между Россіей и Англіей; графъ Бестужевъ получилъ соизволеніе и полномочіе на этотъ договоръ; дѣйствительно договоръ былъ подписанъ великимъ канцлеромъ, и посланникъ не могъ нарадоваться своему успѣху, какъ на другой день графъ Бестужевъ прислалъ ему ноту, въ которой извѣщалъ, что Россія присоединяется къ конвенціи, заключенной въ Версали между Австріей и Франціей. Это было громовымъ ударомъ для англійскаго посланника, который такимъ образомъ, какъ казалось, былъ проведенъ и обманутъ въ этомъ дѣлѣ великимъ канцлеромъ, но дѣло въ томъ, что самъ графъ Бестужевъ былъ не властенъ въ своихъ поступкахъ: его непріятели начинали брать надъ нимъ верхъ; они интриговали, или, лучше сказать,

подчинялись интригамъ, имѣвшимъ цѣлью увлечь ихъ во французско-австрійскую партію, къ которой, впрочемъ, и сами они были склонны; Шуваловы, и особливо Иванъ Ивановичъ, до безумія любили Францію и все французское. Имъ помогаль вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, получившій за эту услугу отъ Людовика XV мебели для дома, который онъ тогда выстроилъ въ Петербургѣ; это были старыя мебели, которыя начинали надоѣдать маркизъ Помпадуръ; она съ барышномъ продала ихъ королю, своему любовнику. Вице-канцлеръ, кромѣ выгоды, имѣлъ еще другое побужденіе, именно ослабить кредитъ непріятели своего, графа Бестужева, и перепродать его мѣсто Петру Шувалову; ему хотѣлось захватить съ свои руки всю торговлю русскимъ табакомъ для того, чтобы продавать его во Францію.

Къ концу этого года графъ Понятовскій возвратился въ Петербургъ министромъ польскаго короля. Зимой съ 1756 на 1757 годъ мы вели точно такой же образъ жизни, какъ и въ прошедшую зиму: тѣ же балы, тѣ же концерты, тѣ же сходки. По возвращеніи нашемъ въ городъ, гдѣ я могла ближе видѣть вещи, я стала замѣчать, что интриганъ Брокдорфъ началъ очень вкрадываться въ расположеніе великаго князя; въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ себѣ довольно много помощниковъ въ голштинскихъ офицерахъ, которыхъ, по его внушенію, великій князь оставилъ на эту зиму въ Петербургѣ. Число ихъ простиралось, по крайней мѣрѣ, до двадцати человекъ, не считая въ томъ числѣ еще нѣсколько голштинскихъ солдатъ. Офицеры постоянно были въ обществѣ великаго князя, а солдаты служили у него въ комнатѣ камерлакеями, на побѣгушкахъ, и употреблялись на всякаго рода послуги; въ сущности все это были соглядатаи, разставленные г.г. Брокдорфомъ и К°. Въ эту зиму я выжидала благопріятной минуты, чтобы серьезно поговорить съ великимъ княземъ и откровенно высказать ему мои мысли о людяхъ, которые его окружали, и о проискахъ, которые я замѣчала. Случай представился, и я не пропустила его. Самъ великій князь однажды пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ сказать, что его убѣждаютъ употребить мѣру, будто бы неизбѣжную, и послать въ Голштинію секретную бумагу съ приказомъ взять подъ стражу Элендсгейма. Этотъ Элендсгеймъ былъ мѣщанскаго происхожденія, но своими свѣдѣніями и способностями достигъ значительнаго мѣста, приобрѣлъ большое значеніе и былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ Голштиніи. Я спросила великаго князя, какія на него есть жалобы, и что онъ такое сдѣлалъ, за что слѣдуетъ арестовать его. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: видите, говорятъ, что его подозрѣваютъ въ лихоимствѣ. Кто же обвинители?—спросила я.—О! обвинителей нѣтъ,—сказалъ онъ съ большою увѣренностью,—ибо въ Голштиніи всѣ его боятся и уважаютъ; поэтому и слѣдуетъ взять его подъ стражу; меня увѣряютъ, что, какъ скоро я прикажу его арестовать, обвинителей найдется

множество. Меня ужаснули эти слова, и я отвѣчала: «если поступать такимъ образомъ, то въ мірѣ не найдется невиннаго человѣка; стоитъ только какому нибудь завистнику распустить въ публикѣ, какой вздумается, пустой слухъ; сказавши, что обвиненія и преступленія найдутся послѣ, можно арестовать кого угодно; этакъ дѣлаютъ варвары, мой другъ, какъ говорится въ пѣснѣ (*c'est à la façon de Barbarie, mon ami*); вамъ совѣтуютъ поступить вопреки вашей славы и вопреки вашему чувству справедливости. Кто даетъ вамъ такіе дурные совѣты?—позвольте мнѣ васъ спросить объ этомъ». Мой великій князь нѣсколько смутился этимъ вопросомъ и сказалъ: вы всегда хотите быть умнѣе другихъ. Тогда я ему отвѣчала, что говорю вовсе не для того, чтобы блеснуть умомъ своимъ, но потому, что ненавижу неправду и думаю, что онъ никакимъ образомъ не захочетъ добровольно сдѣлать неправду. Тутъ онъ принялся ходить по комнатѣ большими шагами, и потомъ вышелъ, болѣе волнуясь, нежели сердясь на меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и сказалъ: подите ко мнѣ; Брокдорфъ расскажетъ вамъ дѣло Элендсгейма; вы увидите сами и убѣдитесь, что я долженъ его арестовать. Я отвѣчала: очень рада, пойду къ вамъ и, коли вамъ угодно, выслушаю, что онъ будетъ говорить вамъ. Дѣйствительно, я нашла Брокдорфа въ комнатѣ великаго князя, который сказалъ ему: говорите съ великой княгиней. Брокдорфъ нѣсколько смутился, поклонился великому князю и сказаалъ ему: по приказанію вашего высочества я буду говорить съ великою княгиней. Тутъ онъ сдѣлалъ паузу и потомъ сказалъ: это дѣло такого свойства, что его надо вести съ великою тайною и благоразуміемъ. Я слушала. Вся Голштинская земля наполнена рассказами о мздоимствѣ и притѣсненіяхъ Элендсгейма. Правда, что обвинителей нѣтъ, потому что всѣ его боятся; но, когда онъ будетъ подъ арестомъ, то обвинителей можно найти сколько угодно. Я спросила его, въ чемъ именно заключаются эти притѣсненія и взятки, и увидала, что утайки денегъ даже и не могло быть, потому что деньги великаго князя были не у него въ рукахъ; мздоимствомъ же называли то, что во всякомъ судебномъ дѣлѣ одна изъ тяжущихся сторонъ обыкновенно жаловалась на несправедливость и говорила, будто противная сторона выиграла дѣло, подкупивъ судей, а Элендсгеймъ завѣдывалъ судебнымъ департаментомъ. Впрочемъ Брокдорфъ могъ, сколько ему угодно, блистать краснорѣчіемъ и познаніями, онъ не убѣдилъ меня, и я продолжала въ присутствіи великаго князя утверждать, что его высочество сдѣлаетъ вопіющую несправедливость, послушавшись своихъ совѣтниковъ и пославъ приказаніе арестовать человѣка, противъ котораго не было ни формальной жалобы, ни формальнаго обвиненія. Я говорила Брокдорфу, что такимъ манеромъ великій князь можетъ во всякую минуту приказать его запереть въ сундукъ, сказавши, что вина и обви-

ненія найдутся послѣ, и что въ судебныхъ дѣлахъ вовсе неувидительно, если проигравшій дѣло жалуется и говоритъ, что съ нимъ поступили несправедливо. Я прибавила къ этому, что великій князь болѣе, чѣмъ кто либо, долженъ соблюдать осторожность въ подобныхъ случаяхъ, потому что горькій опытъ показалъ ему, до чего могутъ довести взаимное преслѣдованіе и ненависть партій; не дальше, какъ два или много три года тому назадъ, по моему ходатайству, его высочество приказалъ даровать свободу Гольмеру, котораго лѣтъ шесть или восемь держалъ въ заточеніи, требуя отъ него отчета въ дѣлахъ, совершавшихся въ Голштиніи во время малолѣтства великаго князя, и когда Голштиніею правилъ опекунъ его, наслѣдный принцъ Шведскій. Гольмеръ, состоявшій при семь послѣднемъ, уѣхалъ за нимъ въ Швецію и возвратился оттуда уже въ то время, когда великій князь подписалъ и выслалъ бумагу, въ которой формально одобрялъ все сдѣланное во время его малолѣтства; но, тѣмъ не менѣе, его убѣдили арестовать Гольмера и назначить комиссію для разбора дѣлъ, совершившихся во время управленія принца Шведскаго; комиссія эта, начавши дѣйствовать съ большою строгостію, открыла обширное поприще всякаго рода доносамъ, и потомъ, ничего не нашедши, за неимѣніемъ дѣлъ занула летаргическимъ сномъ; но несчастный Гольмеръ все это время томился въ заточеніи, разлученный съ женою, дѣтьми, друзьями и родственниками; наконецъ вся Голштинія пришла въ негодованіе по поводу этого дѣла, которое велось съ вопіющею несправедливостію и деспотизмомъ и, конечно, протянулось бы еще очень долго, если бы я не посовѣтовала великому князю расцѣчь этотъ гордіевъ узелъ, пославши приказаніе даровать Гольмеру свободу и уничтожить комиссію, стоившую сверхъ того немало денегъ, между тѣмъ какъ казна великаго князя въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ и безъ того была очень истощена. Но напрасно я приводила этотъ разительный примѣръ; великій князь, какъ кажется, не слушалъ и думалъ о чемъ-то другомъ, а Брокдорфъ, закоренѣлый въ зложелательствѣ, ограниченный умомъ и упрямый, какъ чурбанъ, не прерывалъ меня, потому что ему нечего было возразить; а когда я ушла, онъ сказалъ великому князю, что я все это говорила изъ властолюбія, что я всегда встаю противъ тѣхъ мѣръ, которыя присовѣтованы не мною, что я ничего не понимаю въ дѣлахъ, что женщины всегда во все хотятъ мѣшаться и только портятъ дѣло. и что въ особенности мѣры рѣшительныя выше ихъ пониманія. Наконецъ онъ добился того, что одержалъ верхъ надъ моимъ мнѣніемъ, и убѣжденный имъ великій князь велѣлъ сочинить, подписалъ и отправилъ приказъ объ арестованіи Элендсгейма. Я узнала о томъ отъ секретаря великаго князя, Зейца, который состоялъ при Пехлинѣ и былъ женатъ на дочери моей повивальной бабушки. Вообще партія Пехлина не одобряла этихъ насильственныхъ и не-

умѣстныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ Брокдорфъ наводилъ страхъ на нее и на всю Голштинію. Какъ скоро я узнала, что Брокдорфъ своими происками одержалъ верхъ надо мною въ столь несправедливомъ дѣлѣ и сдѣлалъ напрасными всѣ мои представленія великому князю, я твердо рѣшилась дать ему почувствовать вполне мое негодованіе. Я сказала Зейцу и велѣла сказать Пехлину, что съ этой минуты я смотрю на Брокдорфа, какъ на чуму, отъ которой надо бѣжать, и употреблю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы удалить его отъ великаго князя. Дѣйствительно я старалась при всякомъ случаѣ выказывать презрѣніе и отвращеніе, внушаемая мнѣ поступками этого человѣка; я осыпала его всѣми возможными насмѣшками, и всякому, кто ни попадался мнѣ, передавала мое мнѣніе о немъ. Левъ Нарышкинъ и другіе молодые люди помогали мнѣ въ этомъ и потѣшались надъ нимъ. Когда Брокдорфъ проходилъ по комнатамъ, всѣ кричали ему вслѣдъ: баба птица! баба птица! это было его прозвище. Эта птица самая безобразная изъ всѣхъ извѣстныхъ птицъ, точно такъ же, какъ Брокдорфъ былъ безобразнѣйшій изъ людей и по внутреннимъ качествамъ, и по внѣшнему виду. Онъ былъ высокаго роста, долгошея, сверхъ того рыжій и носилъ парикъ на мѣдныхъ пружинахъ; голова его была толстая и плоская; глаза впалые, маленькіе, почти безъ рѣсницъ и бровей; углы рта понижались къ подбородку, отъ чего онъ имѣлъ какой-то жалобный и недовольный видъ. О внутреннихъ его качествахъ сказано выше; надо еще прибавить, что онъ былъ чрезвычайно корыстолюбивъ и бралъ деньги отъ всякаго, кто ему давалъ, и чтобы августѣйшій государь его со временемъ не сталъ взыскивать съ него за взятки, онъ воспользовался его постоянною нуждою и убѣдилъ его послѣдовать своему примѣру, и такимъ образомъ по мѣрѣ возможности доставлялъ ему денегъ, продавая ордена и титулы голштинскіе тѣмъ, кто хотѣлъ за нихъ платить, либо заставляя великаго князя хлопотать въ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ и сенатѣ по разнаго рода дѣламъ, часто несправедливымъ, иногда вреднымъ для государства, какъ-то, по монополіямъ и пошлинамъ, которыя безъ его ходатайства, конечно, не удались бы, потому что были противны законамъ Петра I. Кромѣ того, благодаря Брокдорфу, великій князь все болѣе и болѣе предавался пьянству и бражничеству; Брокдорфъ окружалъ его всякаго рода искателями приключеній, людьми изъ казармъ и трактировъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и петербургскихъ, не имѣвшими ни вѣры, ни совѣсти, занимавшимися исключительно питьемъ, ѣдою, куреньемъ и грубымъ, пошлымъ балагурствомъ. Я старалась словомъ и дѣломъ ослабить вліяніе Брокдорфа; но видя, что все это не удастся, и что напротивъ великій князь еще больше привязывается къ нему, я рѣшилась передать графу Шувалову мои мысли объ этомъ предметѣ, и сказала, что считаю Брокдорфа человѣкомъ,

котораго чрезвычайно опасно оставлять подлѣ молодого князя, долженствующаго со временемъ вступить на престолъ великой имперіи, и что я поставила себѣ долгомъ совѣсти поговорить съ нимъ объ этомъ, дабы онъ могъ предупредить императрицу, или принять мѣры, какія найдетъ приличными. Онъ спросилъ, позволяю ли я ему сослаться на меня. Я отвѣчала, что да, и что если императрица станетъ спрашивать меня самое, то я не запрусь и расскажу ей все, что знаю и вижу. Графъ Шуваловъ очень внимательно слушалъ меня и моргалъ; но онъ никогда не рѣшался дѣйствовать, не поговоривъ напередъ съ братьями, роднымъ Петромъ и двоюроднымъ Иваномъ. Долго онъ ничего не говорилъ мнѣ; наконецъ дано мнѣ знать намеками, что, можетъ быть, императрица войдетъ со мною въ объясненія по этому предмету. Тѣмъ временемъ, въ одно прекрасное утро, великій князь явился ко мнѣ въ комнату, подпрыгивая; за нимъ вслѣдъ вбѣжалъ его секретарь Зейцъ съ бумагою въ рукѣ. Великій князь сказалъ мнѣ: «посмотрите, вотъ несносный человѣкъ! Я вчера много пилъ и нынче еще хмельнъ, а онъ вздумалъ приставать ко мнѣ съ дѣлами. Взгляните, цѣлый листъ—одинъ только списокъ дѣлъ, которыя онъ хочетъ, чтобъ я кончилъ. Я не могу отъ него спастись даже въ вашей комнатѣ». Зейцъ сказалъ мнѣ: «На все это нужно только да или нѣтъ; все можно кончить въ четверть часа». Я сказала: «Ну, такъ что же? Попробуйте, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ вы кончите скорѣе, чѣмъ думали». Зейцъ началъ читать, и по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, я говорила да или нѣтъ. Это понравилось великому князю, и Зейцъ сказалъ ему: «Вотъ, ваше высочество, если бы вы позволили такъ дѣлать по два раза въ недѣлю, ваши дѣла не останавливались бы; это пустяки, но надобно, чтобы они шли своимъ чередомъ; великая княгиня кончила все, сказавши шесть да и шесть нѣтъ». Съ этихъ поръ его императорское высочество сталъ присылать ко мнѣ Зейца всякій разъ, какъ тотъ требовалъ отъ него да или нѣтъ. Черезъ нѣсколько времени я сказала ему, чтобы онъ далъ мнѣ подписанный указъ, какія дѣла я могу рѣшать и какія нѣтъ, безъ его спросу. Онъ согласился на это, и объ этомъ распоряженіи знали только Пехлинъ, Зейцъ да я. Пехлинъ и Зейцъ были въ восторгѣ; когда нужно бывало подписывать, великій князь подписывалъ то, что напередъ было рѣшено мною. Дѣло Элендсгейма оставалось въ рукахъ Брокдорфа; но такъ какъ Элендсгеймъ уже былъ подъ арестомъ, то Брокдорфъ не торопился рѣшеніемъ его участи; собственно ему только и хотѣлось удалить Элендсгейма отъ дѣлъ и показать въ Голштиніи свое значеніе при великомъ князѣ. Однажды, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ и выбравши минуту, я сказала великому князю, что если ему такъ скучно заниматься голштинскими дѣлами, то по этому образчику онъ можетъ судить, какъ много у него будетъ дѣла, когда ему достанется Русская им-

перія, и поэтому онъ долженъ впередъ сообразить, какъ тяжело ему будетъ тогда заниматься дѣлами. На это онъ сказалъ мнѣ то же, что я много разъ слышала отъ него прежде, именно, что онъ чувствуетъ, что не рожденъ для Россіи, что ни онъ не годенъ для русскихъ, ни русскіе для него, и что ему непременно придется погибнуть въ Россіи. На этотъ счетъ я сказала ему то же, что онъ слышалъ отъ меня также много разъ прежде, именно, что ему не слѣдуетъ предаваться такой фаталистической идеѣ, что онъ долженъ по мѣрѣ возможности стараться о приобрѣтеніи любви каждаго русскаго и просить императрицу, чтобы она позволила ему знакомиться съ государственными дѣлами; по моему настоянію онъ сталъ просить позволенія участвовать въ конференціяхъ, которыя заступали мѣсто совѣта; онъ дѣйствительно сказалъ о томъ Шуваловымъ, и императрица позволила ему бывать на конференціяхъ всякій разъ, когда она сама на нихъ будетъ; но это значитъ почти, что онъ совѣмъ не допущенъ, потому что императрица засѣдала съ нимъ на конференціяхъ всего два или три раза, и послѣ ни она, ни онъ больше не ходили туда. Вообще я давала великому князю благіе и полезныя для него совѣты; но тотъ, кто совѣтуетъ, не можетъ совѣтовать иначе, какъ по своему разуму и по своему образу мыслей, согласно съ тѣмъ, какъ онъ самъ понимаетъ вещи и обращается съ ними; великій же князь считалъ мои совѣты дурными, потому что его образъ дѣйствій и обращенія съ вещами вовсе не похожи были на мой, и по мѣрѣ того, какъ мы старѣли годами, это различіе все больше обнаруживалось. Я старалась всегда во всѣхъ случаяхъ, сколько могла, стремиться къ справедливости; онъ напротивъ съ каждымъ днемъ удалялся отъ нея, такъ что наконецъ сдѣлался отъявленнымъ лгуномъ. Путь, которому онъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ, весьма замѣчательнъ, и потому я постараюсь показать его; можетъ быть, черезъ это обнаружится направленіе человѣческаго ума въ этомъ случаѣ, и это послужитъ къ предостереженію или исправленію людямъ, чувствующимъ въ себѣ склонность къ такому пороку. Первая ложь, выдуманная великимъ княземъ, была слѣдующая. Чтобы похвастаться передъ молодыми женщинами и дѣвушками, онъ воспользовался ихъ невѣдѣніемъ и сталъ рассказывать, будто, когда онъ былъ въ Голштиніи у отца своего, отецъ далъ ему начальство надъ отрядомъ гвардейцевъ и послалъ овладѣть египетскимъ войскомъ, которое бродило въ окрестностяхъ города Килия и совершало, по его словамъ, страшныя опустошенія; онъ передавалъ подробности этихъ опустошеній, рассказывалъ, какія хитрости были употреблены имъ, чтобы окружить египтянъ, какъ онъ дрался съ ними, оказывалъ въ этихъ сраженіяхъ чудеса храбрости и ловкости и какъ наконецъ захватилъ и привелъ египтянъ въ Киль. Сначала онъ имѣлъ осторожность рассказывать все это людямъ несвѣдущимъ; мало-

по-малу сталъ смѣлѣе и пускался въ разсказни передъ людьми, на скромность которыхъ могъ разсчитывать и знать, что они не изобличать его во лжи; но когда онъ вздумалъ изложить свое сочиненіе въ моемъ присутствіи, я спросила его, за сколько лѣтъ до смерти его отца произошло это событіе. Года за три, за четыре,—отвѣчалъ онъ, нисколько не задумавшись. Ну, такъ вы очень рано начали совершать храбрые подвиги,—возразила я,—потому что за три или за четыре года до смерти герцога, отца вашего, вамъ всего было шесть или семь лѣтъ; вы остались послѣ него одиннадцати лѣтъ, подъ опекою дяди моего, наслѣднаго принца Шведскаго. Кромѣ того,—прибавила я,—вы были единственный сынъ, и въ дѣтствѣ, какъ я слышала, не пользовались крѣпкимъ здоровьемъ; поэтому мнѣ удивительно, какимъ образомъ отецъ могъ посылать васъ ловить разбойниковъ, и притомъ еще въ такомъ нѣжномъ возрастѣ. Великій князь страшно разсердился на меня, говоря, что я унижаю его во мнѣннн публики и хочу, чтобы его считали дугономъ. Я отвѣчала, что его изобличаю не я, а календарь; что пусть онъ самъ разсудитъ, есть ли человѣческая возможность посылать ребенка 6 или 7 лѣтъ, единственнаго сына и наслѣднаго принца, всю надежду отца,—ловить египтянъ. Онъ замолчалъ, я также. Онъ долго послѣ этого дулся на меня; но потомъ забылъ, что я ему говорила, и сталъ попрежнему, даже въ моемъ присутствіи, разсказывать свою повѣсть, разнообразя ее до безконечности. Послѣ этого онъ выдумалъ другую ложь, несравненно болѣе постыдную и вредную для него, но о ней я скажу въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящее время мнѣ невозможно припомнить всѣхъ выдумокъ и бредней, которыя онъ выдавалъ за настоящія событія, и въ которыхъ не было тѣни правды. Достаточно, думаю, приведеннаго образчика.

Въ исходѣ масленицы, въ четвергъ, у насъ былъ балъ. Я сидѣла между невѣсткой Льва Нарышкина и его сестрою, Сенявиной; мы смотрѣли, какъ Марина Осиповна Закревская, фрейлина императрицы и племянница графовъ Разумовскихъ, танцевала менуетъ; она въ то время была ловка и легка; говорили, что графъ Горнъ очень влюбленъ въ нее; но такъ какъ онъ всегда влюблялся разомъ въ трехъ, то разсказывали, будто онъ волочится еще за двумя другими фрейлинами императрицы, графиней Марьей Романовной Воронцовой и Анной Алексѣевной Хитровой. Мы находили, что Закревская, танцовавшая съ Львомъ Нарышкинымъ, довольно мила и танцуетъ хорошо. По этому случаю невѣстка и сестра Льва Нарышкина сказали мнѣ, что мать хочетъ женить его на Хитровой, племянницѣ Петра и Александра Шуваловыхъ, сестра которыхъ была за Хитровымъ. Сей послѣдній часто ѣздилъ въ домъ къ Нарышкинымъ, и мать Льва стала думать объ этомъ бракѣ. Ни Сенявина, ни невѣстка ея вовсе не дорожили родствомъ съ Шуваловыми, которыхъ онѣ не любили, какъ я сказала выше.

Что касается до Льва, то онъ и не подозрѣвалъ намѣренія матери; онъ былъ влюбленъ въ упомянутую выше графиню Марью Воронцову. Услышавши это, я сказала Сенявиной и Нарышкиной, что непременно надо разстроить этотъ бракъ, такъ какъ Хитрову никто терпѣть не могъ (она была интриганка и вздорная сплетница), и что слѣдуетъ дѣйствовать рѣшительно и дать Льву жену, которая бы была заодно съ нами, и для этого женить его на упомянутой племянницѣ графовъ Разумовскихъ, тѣмъ болѣе, что Сенявина и Нарышкина любили ее, и она постоянно бывала у нихъ въ домѣ. Обѣ онѣ согласились со мною. На другой день, на придворномъ маскарадѣ, я подошла къ фельдмаршалу Разумовскому, бывшему тогда украинскимъ гетманомъ, и сказала ему напрямикъ, какъ ему не стыдно не похлопотать для своей племянницы о такой прекрасной партіи, какъ Левъ Нарышкинъ; что мать хочетъ женить его на Хитровой, но сестра его, невѣстка и я находимъ, что ему гораздо лучше жениться на Закревской; и что онъ, Разумовскій, долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Фельдмаршалъ одобрилъ нашъ проектъ, сообщилъ его своему тогдашнему фактотуму Теплову, который тотчасъ же передалъ его старшему графу Разумовскому и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправилъ къ петербургскому архіепископу купить за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ, и какъ скоро оно было получено, фельдмаршалъ съ женою явились къ теткѣ своей, матери Льва, и умѣли такъ ловко взяться за дѣло, что та противъ воли согласилась. Хорошо, что они успѣли, потому что Нарышкина въ этотъ самый день должна была дать слово отцу Хитровой. Затѣмъ, фельдмаршалъ Разумовскій, Сенявина и ея невѣстка привялись за Льва и убѣдили его жениться на дѣвушкѣ, о которой онъ даже не помышлялъ. Онъ далъ согласіе, хотя любилъ другую. Впрочемъ сія послѣдняя была почти уже сговорена за графа Бутурлина; о Хитровой онъ вовсе не жалѣлъ. Получивъ согласіе жениха, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ племянницу, которая нашла этотъ бракъ слишкомъ выгоднымъ, чтобъ отказаться отъ него. На другой же день, въ воскресенье, оба графа Разумовскіе обратились къ императрицѣ съ просьбою о соизволеніи на бракъ, и тотчасъ получили. Шуваловы узнали обо всемъ этомъ, когда императрица уже дала соизволеніе, и немало удивлялись, какъ мы провели ихъ и Хитровыхъ. Дѣло сдѣлано, назадъ итти было нельзя, и Левъ, который влюбленъ былъ въ одну дѣвушку, котораго мать прочила для другой, женился на третьей, о которой никто, ни онъ самъ, три дни тому назадъ, вовсе не думалъ. Этотъ бракъ Льва Нарышкина еще болѣе сдружилъ меня съ графами Разумовскими, которые очень привязались ко мнѣ за то, что я устроила для ихъ племянницы такую прекрасную и значительную партію, и сверхъ того были довольны, одержавъ верхъ надъ Шуваловыми. Сія по-

слѣдніе даже не могли жаловаться и должны были скрывать свою досаду. Это я имъ еще разъ насолила. Любовныя похождения великаго князя съ дѣвицею Тепловою весьма не ладились; главною причиною было то, что они должны были видаться украдкою, а это надоѣдало великому князю, который больше не хотѣлъ знать никакихъ помѣхъ, точно такъ, какъ не любилъ отвѣчать на получаемыя письма. Въ исходѣ масленицы его волокитства начали становиться дѣломъ партіи. Я узнала однажды отъ принцессы курляндской, что графъ Романъ Воронцовъ, отецъ двухъ фрейлинъ (бывшій, сказать мимоходомъ, не въ особенной милости у великаго князя, какъ и его пятеро дѣтей), позволяетъ себѣ весьма неумѣренныя рѣчи насчетъ его высочества, и между прочимъ говоритъ, что ему стоитъ только захотѣть, и нерасположеніе великаго князя не только пройдетъ, но и обратится въ милость; что для этого нужно только угостить Брокдорфа, напоить его англійскимъ пивомъ и на прощанье положить ему въ карманъ бутылочкѣ шесть для его высочества, что послѣ этого онъ и его младшая дочь сдѣлаются первыми лицами у великаго князя. Въ тотъ же вечеръ, на балу, я замѣтила, что его высочество безпрестанно шепчется съ графиней Марьей Воронцовой, старшею дочерью графа Романа (Воронцовы были искренно дружны съ Шуваловыми, у которыхъ Брокдорфъ всегда находилъ ласковый пріемъ), и съ неудовольствіемъ убѣдилась, что дѣйствительно графиня Елисавета Воронцова можетъ сдѣлаться любимицей. Чтобы помѣшать этому, я пересказала великому князю вышеприведенные отзывы ея отца. Онъ взбеленился и съ великимъ гнѣвомъ сталъ спрашивать, откуда я знаю объ этихъ отзывахъ. Долго я не хотѣла сказывать; но онъ сказалъ, что, такъ какъ я не могу назвать лица, то онъ подозрѣваетъ, что я сочинила эту исторію, чтобы повредить графу Воронцову и его дочерямъ. Напрасно я говорила, что никогда въ жизни не занималась подобнаго рода сочиненіями. Наконецъ я должна была назвать принцессу курляндскую. Онъ сказалъ, что тотчасъ напишетъ къ ней записку и спроситъ, правду ли я сказала, и если окажется, что я хоть малѣйшимъ образомъ солгала, онъ пожалуется императрицѣ на мои выдумки и интриги, послѣ чего онъ ушелъ изъ моей комнаты. Опасаясь отвѣта принцессы курляндской и чтобы она не сказала ему чегонибудь двусмысленнаго, я написала къ ней записку, въ которой просила, чтобы она ради Бога сказала сущую и чистую правду, о чемъ у нея спросятъ. Записка была тотчасъ отнесена и пришла въ-время, т. е. прежде записки великаго князя. Принцесса курляндская написала ему всю правду, и онъ могъ видѣть, что я не солгала. Это еще на нѣсколько времени удержало его отъ связи съ дочерьми челоувѣка, который имѣлъ о немъ такое дурное понятіе, и котораго вдобавокъ онъ самъ не любилъ. Но, чтобы еще больше помѣшать

этой связи, Левъ Нарышкинъ убѣдилъ фельдмаршала, графа Разумовскаго, приглашать къ себѣ великаго князя по секрету на вечера, разъ или два раза въ недѣлю: это былъ почти замкнутый кружокъ, потому что въ вечерахъ этихъ участвовали только самъ фельдмаршалъ, Марья Павловна Нарышкина, великій князь, жена Теплова и Левъ Нарышкинъ. Собранія эти происходили Великимъ постомъ и подали поводъ еще къ новой выдумкѣ. Домъ фельдмаршала былъ въ то время деревянный; въ отдѣленіи фельдмаршальши обыкновенно собирались гости, и такъ какъ хозяйка, мужъ и жена, любили играть, то тамъ происходила постоянная игра. Фельдмаршалъ приходилъ и уходилъ; у него въ отдѣленіи, когда не бывало великаго князя, собиралась своя бесѣда, но, нѣсколько разъ бывая у меня, на моихъ тайныхъ вечеринкахъ, онъ хотѣлъ, чтобы и наше общество пріѣзжало къ нему. Намъ отведены были двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ, и это онъ называлъ своимъ эрмитажемъ. Гости должны были прятаться другъ отъ друга, потому что мы, какъ я уже говорила, не смѣли выѣзжать безъ позволенія; и такимъ образомъ въ одномъ и томъ же домѣ собирались по три, по четыре разныхъ общества, и фельдмаршалъ переходилъ отъ одного къ другому. Мы все знали, что происходило въ домѣ, тогда какъ объ насъ никто не подозрѣвалъ.

Къ веснѣ скончался Пехлинъ, министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ. Предвидя его кончину, великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, посовѣтовалъ мнѣ, чтобы я рекомендовала великому князю нѣкоего Штамбе; его вызвали, и онъ поступилъ на мѣсто Пехлина. Великій князь далъ ему приказъ за своею подписью работать вмѣстѣ со мною, что тотъ и дѣлалъ. Такимъ образомъ я имѣла возможность свободно сноситься съ графомъ Бестужевымъ, который довѣрялся г. Штамбе. Въ началѣ весны мы переѣхали въ Ораніенбаумъ. Здѣсь образъ жизни былъ тотъ же, что и прежде, съ тою разницею, что число голштинскаго войска и разныхъ авантюристовъ, занимавшихъ въ немъ офицерскія мѣста, съ каждымъ годомъ увеличивалось; войско это уже не могло помѣщаться въ небольшой Ораніенбаумской деревушкѣ, гдѣ вначалѣ было всего 28 хижинъ, и потому его выводили въ лагерь. Число его никогда не превышало 1.300 человекъ. Офицеры обѣдали и ужинали при дворѣ; но такъ какъ придворныхъ дамъ, считая въ томъ числѣ женъ камергеровъ и камеръюнкеровъ, было не больше 15 или 16, а великій князь страстно любилъ большіе обѣды и давалъ ихъ очень часто у себя въ лагерь и во всѣхъ углахъ и закоулкахъ Ораніенбаума, то въ обѣдахъ этихъ участвовали не только пѣвицы и танцовщицы его оперы, но цѣлая толпа простыхъ женщинъ самаго дурного общества, которыхъ ему привозили изъ Петербурга. Какъ скоро я узнавала, что на пиру будутъ танцовщицы и пр., то нарочно не приходила и обѣдала у себя въ ком-

натѣ самъ другъ или самъ третій; сначала я говорила, что не прихожу потому, что пью воды; потомъ сказала великому князю, что опасаюсь гнѣва императрицы и для того не хочу бывать въ такомъ пестромъ обществѣ; и дѣйствительно ни разу не приходила, какъ скоро узнавала, что великій князь хочетъ быть черезчуръ гостеприименъ, и если онъ приглашалъ меня, я посылала на мѣсто себя фрейлинъ. На маскарады, которые онъ давалъ въ Ораніенбаумѣ, я надѣвала самое простое платье, безъ всякихъ уборовъ и брильянтовъ, что также нравилось императрицѣ, не любившей и не одобрявшей этихъ ораніенбаумскихъ празднествъ, которыя за обѣдомъ дѣйствительно обращались въ вакханаліи; тѣмъ не менѣе, она ихъ терпѣла, по крайней мѣрѣ, не запрещала. Мнѣ сказывали, что ея величество говорила: эти праздники не нравятся ни мнѣ ни великой княгинѣ; она бываетъ на нихъ въ самомъ простомъ нарядѣ и никогда не садится за столъ съ тамошнею сволочью. Я въ то время разводила и сажала въ Ораніенбаумѣ такъ называемый садъ мой; остальное время гуляла пѣшкомъ, ѣздила верхомъ и въ кабриолетѣ, а, когда оставалась въ комнатѣ, то читала.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОТЕСТЪ.

(Изъ воспоминаній временъ студенчества).

I.

ТКУДА появился въ нашемъ городѣ купецъ Егоръ Герасимовичъ Малыхъ ¹⁾,—никто не зналъ.

Какъ впоследствии выяснилось, сперва пріѣхалъ въ городъ какой-то приказчикъ и, осмотрѣвъ продающіеся дома, облюбовалъ на одной изъ бойкихъ, торговыхъ улицъ трехъэтажный домъ съ большимъ помѣщеніемъ для магазина, съ флигелемъ и огромнымъ садомъ. Весной тотъ же приказчикъ снова пріѣхалъ уже съ хозяиномъ, котораго, кромѣ домовладѣльца, никто не видѣлъ. Хозяинъ пробылъ въ городѣ всего три дня.

Тотчасъ по продажѣ дома начался ремонтъ, и осенью, когда убраны были лѣса, доски и рогожи, передъ глазами удивленной публики появился во всей роскоши и прелести вновь отдѣланный домъ съ поразительной красоты магазиномъ.

На окнахъ магазина стояли громадныя китайскія вазы, божки съ качающимися головами и горки съ японскими бездѣлушками.

Вывѣска съ надписью «Егоръ Герасимовичъ Малыхъ» тянулась чуть ли не во всю ширину дома.

¹⁾ Фамиліи вымышленныя.

Такое таинственное появленіе въ нашемъ городѣ новаго богатаго чаоторговца вызвало всевозможныя толки и сдѣлало фирмѣ Е. Г. Малыхъ широкую рекламу, тѣмъ болѣе, что покупатели расхваливали чай изъ магазина Малыхъ и находили его болѣе дешевымъ, чѣмъ въ другихъ магазинахъ.

Многіе, въ особенности купцы нашего города, заинтересовались таинственной личностью Егора Герасимовича, но узнали про него только то, что онъ—вдовецъ, и съ нимъ пріѣхали двѣ его дочери, которыя съ осени поступили въ гимназію.

Наконецъ однажды увидали и самого Егора Герасимовича. Ему было на видъ около пятидесяти лѣтъ. Росту онъ былъ ниже средняго, плотный, коренастый, съ короткой шеей. Носилъ онъ широкую бороду; волосы на головѣ, черныя съ сильной просѣдью, онъ стригъ подъ гребенку. Изъ-подъ густыхъ, черныхъ бровей выглядывали мрачныя и строгіе глаза. Костюмъ его былъ весь черный.

Вообще первое впечатлѣніе онъ произвелъ невыгодное для себя. Кто-то или узналъ навѣрняка или же сдѣлалъ догадки, что Малыхъ пріѣхалъ изъ Сибири, и удачно, благодаря его внѣшности, замѣчаніе, не изъ каторжниковъ ли онъ, стало его прозвищемъ.

— Каторжникъ вчера былъ съ дочками въ соборѣ.

И всѣ знали, что рѣчь идетъ о Е. Г. Малыхъ.

Купцы и главнымъ образомъ чаоторговцы присматривались къ Каторжнику и побаивались его, какъ опаснаго конкуррента. Они подсылали къ нему и къ его приказчикамъ своихъ молодцовъ съ цѣлью повывѣдать о его дѣлахъ, но ничего изъ этого не вышло. Всѣ приказчики Малыхъ были имъ привезены съ собой, и онъ только взялъ себѣ нѣсколькихъ мальчиковъ для развѣски и укупорки чая.

Каторжникъ выдержалъ нѣкоторое время таинственность, съ какою онъ явился въ городъ, и въ одинъ прекрасный день самъ пошелъ навстрѣчу своимъ конкуррентамъ.

— Каторжникъ къ Ипатову пошелъ!

И приказчики, высыпавъ изъ магазиновъ главной улицы, смотрѣли, какъ мрачный незнакомецъ, побывавъ у чаоторговца Галашина, входилъ въ магазинъ Ипатова, считавшіяся лучшимъ въ городѣ.

И Галашинъ и Ипатовъ, къ удивленію другихъ купцовъ, отозвались о Малыхъ весьма симпатично. Вскорѣ съ Каторжникомъ перезнакомились и другіе купцы, и онъ вошелъ въ ихъ общество, какъ желанный гость. Первое отталкивающее впечатлѣніе исчезло. Напротивъ, всѣ въ одинъ голосъ стали расхваливать новаго знакомца. Говорили, что онъ, видимо, человекъ очень добрый, благожелательный и мягкій, а суровый взглядъ его объясняли просто манерой и неразговорчивостью. Многіе даже находили его человекомъ слабымъ и безвольнымъ и предполагали, что всѣмъ дѣломъ управляетъ не онъ, а его главный приказчикъ.

Малыхъ появился въ клубъ. Онъ любилъ играть въ преферансъ, но не отказывался и отъ азартныхъ игръ. Пить онъ могъ необычайно много, но не только пьянымъ, но навеселѣ его никто никогда не видалъ.

И все-таки, несмотря на общую дружбу, никто не узналъ про него больше, чѣмъ зналъ раньше. Его сблизилъ съ городомъ обѣдъ, на которомъ было у него все именитое купечество и власти. Кто-то спяна открылъ ему его общее прозвище «Каторжника», но Малыхъ на это чуть ли не въ первый разъ усмѣхнулся, и вышло это такъ мило, что на другой день въ клубъ его уже открыто, въ глаза, называли «Каторжникомъ».

Дочекъ Каторжника никто изъ его знакомыхъ не видѣлъ. Въ гимназію и обратно онѣ ѣздили съ няней на своихъ лошадяхъ. Ни у кого изъ подругъ онѣ не бывали и только лѣтомъ, на дачѣ пользовались большей свободой, но и то подъ наблюдениемъ старой нянюшки.

Обѣ онѣ походили на отца. Средняго роста, полныя и такія же молчаливыя. Въ особенности старшая сестра, Люба, была всегда замкнута и задумчива. Она всегда держала глаза опущенными, словно стѣсняясь ихъ показать. Но странные были у нея глаза! На нихъ какъ будто всегда были слезы... Это были чистые, голубые глаза, ясные и прозрачные, какъ стекло, но въ выраженіи ихъ было столько затаеннаго, скорбнаго, что такая скорбь могла быть только при молитвѣ. Такъ передавалъ одинъ студентъ, познакомившійся съ Любой на дачѣ.

Ея подруги по гимназіи рассказывали, что ея голосъ онѣ слышали только тогда, когда она отвѣчала урокъ. Училась Люба хорошо и всегда отвѣчала на урокъ положительно и съ увѣренностью. Во время перемѣнъ Люба сидѣла одна, обыкновенно повторяя урокъ и ни съ кѣмъ не говоря. Младшая Малыхъ—Соня, была безцвѣтна, и подруги ея будто не замѣчали.

Какъ все было таинственно въ жизни и прошломъ Каторжника, такъ и многіе поступки его были иной разъ неожиданными.

Въ особенности всѣхъ удивилъ слѣдующій случай. Каторжникъ вдругъ исчезъ, никому не сказавъ ни слова, не простившись. Приказчики отвѣтили, что хозяинъ уѣхалъ въ Москву, не сказавъ, когда вернется.

Пробылъ Егоръ Герасимовичъ въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ и явился не одинъ... съ женой. Поразились всѣ этому обстоятельству, хотя не разъ шелъ разговоръ, что ему при дочкахъ необходимо де имѣть жену, но онъ, какъ всегда, отмалчивался.

По приѣздѣ Малыхъ устроилъ обѣдъ, и всѣ пошли къ нему охотно, пожелавъ познакомиться съ его женой. Но впечатлѣніе молодая произвела на всѣхъ отталкивающее. Худая, высокая брюнетка, съ тонкими губами и острымъ носомъ, она напоминала

птицу. Одѣлась она безвкусно, цвѣтисто. Гостей встрѣтила надменно и заносчиво. Притомъ въ сравненіи съ прежними обѣдами у Малыхъ этотъ обѣдъ былъ попроще и пожиже. Все носило отпечатокъ скупости. Кто-то слышалъ, какъ она сказала довольно громко:

— Вмѣсто рыбнаго заливнаго я сдѣлала заливное изъ поросенка. И побольше и подешевле. Все равно съѣдятъ.

Отношеніе знакомыхъ къ Егору Герасимовичу стало еще болѣе мягкимъ, словно его жалѣли, такъ какъ всѣмъ было ясно, что новая жена и мужа и его дѣло забрала въ свои руки.

Каторжникъ попрежнему появлялся въ клубѣ, но сталъ еще болѣе молчаливымъ и задумчивымъ.

Падчерицъ своихъ мачеха тотчасъ взяла изъ гимназій, не давъ Любѣ кончить курсъ всего полгода.

По праздникамъ въ извѣстное время г-жа Малыхъ обыкновенно выѣзжала съ падчерицами на главную улицу, становилась въ рядъ съ другими экипажами, и мѣрнымъ шагомъ онѣ двигались вдоль улицы и обратно на показъ женихамъ, гуляющимъ по тротуару.

Этотъ обычай купеческихъ смотринъ долго держался въ нашемъ городѣ.

Обо всемъ этомъ потолковали, посудачили, и, когда всѣ насытились, все вошло въ свою колею, и жизнь потекла мирно. Говорили, что Малыхъ за женой взялъ большой капиталъ, и это въ глазахъ тогдашняго купечества все оправдывало.

Но затишье оказалось зловѣщимъ...

II.

Тому прошло болѣе двадцати лѣтъ, но событіе въ домѣ Малыхъ произошло при столь исключительной обстановкѣ, что и до сихъ поръ оно переходитъ изъ устъ въ уста со всѣми подробностями, несмотря на то, что герои его отошли въ вѣчность, и вмѣсто чайнаго магазина Егора Герасимовича Малыхъ торгуетъ велосипедами и пишущими машинами какая-то очень трудно выговариваемая иностранная компанія.

Сперва пронесся слухъ, что г-жа Малыхъ послала на границу Китая по чайнымъ дѣламъ одного молодого приказчика, красиваго и расторопнаго.

Этому факту придали значеніе только послѣ событія и обсуждали его на разные лады.

Былъ ли тутъ злой умыселъ со стороны мачехи, или это было вполне естественно, — никто не могъ дать положительнаго отвѣта.

Лучшими газетами въ то время были разныя старушки, приживалки, кумушки и тетушки. Ихъ рассказамъ можно было довѣ-

рять, но не придавая значенія ни окраскѣ факта, ни комментаріямъ. Онѣ передавали свѣдѣнія съ объясненіями по своему настроенію или желаніямъ.

Однѣ говорили, что будто бы мачеха отослала приказчика изъ страха, какъ бы одна изъ ея падчерицъ не влюбилась въ него. Другія говорили, что между Любой и приказчикомъ были любовныя отношенія, и что будто мачеха ихъ накрыла. Третьи утверждали, что «самъ» послалъ приказчика, замѣтивъ къ нему особое вниманіе со стороны жены. Наконецъ, четвертыя клялись, что тутъ ничего такого нѣтъ, а просто барыня выбрала для дѣла наиболѣе способнаго человѣка, уже бывавшаго въ Сибири и зарекомендовавшаго себя своею честностью.

Фактъ былъ налицо. Приказчикъ уѣхалъ. Но всѣ четыре версіи его отъѣзда такъ и остались не выясненными, и кто чему хотѣлъ, тотъ тому и вѣрилъ.

Не успѣло все это замолкнуть и успокоиться, какъ вдругъ разнесся слухъ, что Люба Малыхъ просватана. Это было уже событіемъ.

— За кого?

Всѣ спрашивали, толковали, рядили и не могли догадаться. Кумушки бѣгали по городу, высунувъ языкъ, съ новостью. Называли онѣ какого-то гостя изъ Москвы, который побывалъ и уѣхалъ, никому не показавшись.

Впослѣдствіи выяснилось, что никогда никакого гостя изъ Москвы не появлялось.

Самъ Каторжикъ на всѣ вопросы отмалчивался и только отвѣтилъ разъ, что все это дѣла жены.

Наконецъ, кумушки сообщили, кто былъ избранникомъ.

Мѣстный булочникъ Галушкинъ.

Такъ всѣ и ахнули отъ неожиданности. Сперва даже не повѣрили. Спросили Каторжника, и онъ отвѣтилъ: «да». Слѣдовательно, вѣрно—Галушкинъ.

Федька Галушкинъ, который такъ недавно былъ посмѣшищемъ всего города!

Отецъ Галушкинъ умеръ съ полгода тому назадъ, оставивъ сыну около десяти булочныхъ, раскинутыхъ по всему городу. Нѣсомнѣнно, что послѣ смерти отца сыну достался изрядный капиталъ. У Федьки была сестра, замужняя, жившая въ нашемъ городѣ. Мужъ ея былъ приказчикомъ въ галантерейномъ магазинѣ. Она была выдѣлена еще при жизни отца.

Отецъ Галушкинъ, ветхозавѣтный купецъ, жилъ уединенно и до чрезвычайности скупо. Одѣвался онъ всегда, какъ лавочникъ. Сына своего Федьку держалъ онъ строго. До смерти отца, т.-е. до двадцати восьми лѣтъ, Федька носилъ всегда свѣтло-желтаго цвѣта азамъ, широкій, до полу, съ воротникомъ шалью и въ этомъ ко-

стюмѣ ходилъ съ отцомъ, вызывая смѣхъ у прохожихъ и приказчиковъ. Послѣ смерти отца Оедька спилъ себѣ настоящей новомодный купеческій костюмъ.

Оедька былъ худощавъ и худосоченъ. Его лицо съ слабою, рыжею растительностью было сплошь покрыто красными прыщами.

— Не хорошъ съ лица-то женихъ, — говорили про него кумушки, — цвѣтной какой-то, ну... да не воду съ лица пить... Человѣкъ онъ тихій да великатный... Стерпится — слюбится.

— И правда, — говорили купцы, — чего же лучше? Галушкинъ богатъ. Партія хорошая.

Цвѣтной Оедька въ желтомъ азымѣ вскорѣ сталъ купцомъ Оедоромъ Панкратычемъ Галушкинымъ.

Далѣе кумушки разносили уже мало интересныя подробности. Говорили о приданомъ, о подаркѣ жениха, о томъ, что въ домѣ Малыхъ съ утра толпятся портнихи, бѣлошвейки, приказчики изъ магазиновъ, привезшіе товаръ для выбора, кружевницы и пр.

Разсказывали, что держитъ себя Люба отчѣнно. Всегда она молчалива, скромна и никогда ни въ чемъ не перечить мачехѣ.

Прислуга Малыхъ кому-то разсказывала, что однажды, когда мачехи не было дома, Люба прошла въ комнату отца и долго о чемъ-то съ нимъ говорила. Отъ отца она вышла, какъ всегда, спокойная, съ опущенными рѣсницами, но Каторжникъ будто долго оставался одинъ въ кабинетѣ, кашлялъ и, когда вышелъ, глаза у него были заплаканными.

Передавали еще о странномъ поступкѣ Любы, который обсуждали послѣ событія съ особеннымъ значеніемъ.

За домомъ Малыхъ находился большой, запущенный садъ, который выходилъ на другую довольно пустынную улицу. Въ концѣ этого сада стоялъ старый, длинный амбаръ, пустой и полусгнившій, съ отвалившеюся дверью. Онъ остался отъ прежняго домовладѣльца и пока не имѣлъ никакого назначенія.

Люба по утрамъ любила гулять въ этомъ саду одна и на задней аллеѣ около забора.

Здѣсь кстати упомянуть, что прачка послѣ событія въ домѣ Малыхъ увѣряла, будто сама не разъ видѣла студента въ пледѣ, который во время прогулокъ Любы ходилъ по ту сторону забора на улицѣ и словно кого-то дожидался. Но никто этого показанія подтвердить не могъ, и ему не придали значенія.

Такъ вотъ однажды утромъ, за нѣсколько дней до свадьбы, когда Люба гуляла въ саду, раздались отчетливо шесть рѣзкихъ выстрѣловъ.

Тотчасъ бросились въ садъ. Люба, какъ всегда, спокойная, медленно шла по задней аллеѣ и словно удивилась прибѣжавшимъ.

На вопросы, не слыхала ли она выстрѣловъ, Люба только отвѣтила: «да». Больше ничего отъ нея не могли добиться. И когда,

собравшись вокругъ нея, дѣлали различныя предположенія, Люба молчала и слушала. Дворникъ увѣрялъ, что стрѣляли въ амбарѣ. Сходили туда, но никого тамъ не нашли. Слѣды же пуль разсмотрѣть не могли. Въ амбарѣ было мало свѣта. Онъ пробивалъ только изъ двери. Когда объ этихъ выстрѣлахъ доложили отцу и мачехѣ Любы, то они не придали этому никакого значенія и объяснили это тѣмъ, что навѣрно имъ показалось.

— Кому охота стрѣлять и для какой цѣли?

Но вотъ и назначенъ день свадьбы. Малыхъ отпечатали приглашеніе на толстой глянцевиной бумагѣ золотыми буквами и съ золотымъ ободкомъ и разослали всѣмъ знакомымъ; приглашенныхъ было болѣе ста человекъ. Залъ въ домѣ Малыхъ былъ настолько большой, что могъ помѣстить всѣхъ свободно.

У Галушкина былъ свой домъ, но ветхій, деревянный и очень небольшой, вдобавокъ чуть ли не на краю города.

Оедька рѣшилъ строить большой каменный домъ на одной изъ лучшихъ улицъ, а старый домъ, вѣрнѣе—мѣсто, запродать и пока жить у сестры. Рѣшено было отвести молодымъ, до постройки своего дома, комнаты у Малыхъ, въ бельэтажѣ.

Готовилось неслыханное торжество. И Малыхъ и Галушкинъ хотѣли себя показать.

Гости усиленно готоволяли костюмы. Платья шились всѣми портнихами города.

III.

Но вотъ наступилъ и назначенный день...

Разсказывали, что у Малыхъ готовилъ поваръ изъ дворянскаго собранія. Вина были получены чуть ли не съ мѣста ихъ приготовленія. Фрукты привозили возами. Изъ городского театра былъ приглашенъ оркестръ.

Словомъ, передать то, что было чудомъ того времени, трудно. Говорили, что свадьба стоила около десяти тысячъ, и этому охотно вѣрили.

Надо было быть свидѣтелемъ всего этого торжества, чтобы описать старинную купеческую свадьбу, гдѣ были точно соблюдены всѣ обычаи. Именно такая свадьба и была въ домѣ Малыхъ. О торжествѣ много говорилось, но постороннему лицу трудно описать обычай по однимъ разсказамъ. Передавали столько страннаго, нелѣпаго и ужаснаго, что не хотѣлось вѣрить. Разсказывали, что одна молодая дама, недавно вышедшая замужъ за интеллигентнаго купца, упала въ обморокъ при видѣ танцующихъ свахъ съ красными бантами на бѣлѣхъ.

Свадьба, говорятъ, прошла такъ.

Люба во время вѣнчанія была очень спокойна. Она держала себя съ достоинствомъ и, кажется, въ первый разъ смотрѣла, не

опустивъ рѣсницы, прямо, открывъ свои чудные глаза. Говорили, что она была очень интересна, и многіе любовались ея красотой. Даже когда священникъ водилъ ее съ женихомъ вокругъ анаоя въ вѣнцахъ, Люба не опускала глазъ. На вопросъ священника, идетъ ли она по доброй волѣ замужъ, Люба отвѣтила твердо и громко: «да!».

У жениха былъ видъ растерянный, и одинъ разъ онъ чуть не заплакалъ. Рядомъ съ невѣстой онъ казался уродомъ. Онъ поминутно отиралъ потъ, и лицо его, прыщеватое, было сплошь краснымъ.

Вѣнчаніе прошло гладко и торжественно.

Встрѣтили новобрачныхъ хмелемъ. Грянулъ оркестръ. Полилось шампанское...

Обѣдъ удался на славу. Все шло прекрасно, и даже кумушки, знающія этикетъ до тонкости, не могли ни къ чему придратъся.

Пили много, но не черезъ мѣру. Говорились тосты. Послѣ мingham убрали столы, и начались танцы и игры.

Баль начался полькой. Первыми проишлись молодые. Люба танцевала оживленно и даже улыбалась.

Передъ танцами въ середину зала выходили кавалеры и пѣли:

Журавлины длинны ноги
Не нашли пути, дороги.
Они шли стороной,
Воронили бороной.
Борона желѣзная,
Поцѣлуй, любезная!

И съ послѣдней фразой кавалеръ подходилъ къ избранной имъ дѣвицѣ, цѣловалъ ее въ щеку и танцевалъ.

Съ невѣстой танцевалъ только женихъ, но около нея сидѣли и молодые люди, съ которыми она оживленно говорила.

Всѣмъ было весело. Игры смѣнялись танцами, и закончился балъ русской. Приняли въ ней участіе и старики. Во время этого танца выступили свахи, и тогда дама упала въ обморокъ. Но почти никто этого не замѣтилъ. Въ часъ ночи появились снова столы для ужина. Почти всѣ гости остались, и по домамъ развезли только дѣтей, да уѣхала дама, упавшая въ обморокъ.

Ужинъ прошелъ еще оживленнѣе. Гости сильно подвыпили. Оркестръ неумолкаемо игралъ. Хотали, пѣли, кричали... Все смѣшалось въ общій гулъ широкаго веселья. Старики подсмѣивались надъ молодыми, дѣлая далеко недвусмысленные намеки. Невѣста конфузилась и улыбалась. Женихъ былъ словно огорошенъ неслышаннымъ и невиданнымъ торжествомъ. Онъ улыбался какъ-то растерянно и ничего не могъ говорить, любуясь на свою жену.

Во время общаго гула, когда пили шоколадъ и ликеры, вдругъ поднялась съ своего мѣста сваха...

Съ улыбкой и ужимками подошла она къ новобрачнымъ и что-то шепнула имъ на ушко по отдѣльности каждому.

Женихъ смущенно улыбнулся.

Люба не покраснѣла. Ея лицо вдругъ покрылось необычайной блѣдностью, но тотчасъ она встала, осмотрѣла всѣхъ гостей быстрымъ взглядомъ и, взглянувъ на мачеху нѣсколько долѣе, повернулась.

Всѣ поняли, въ чемъ дѣло, и вдругъ, словно по мановенію жезла, все смолкло.

Сваха взяла молодыхъ за руки и торжественно повела ихъ изъ зала въ покои...

Наступилъ главный моментъ свадебнаго торжества... Всѣ сидѣли тихо, не проронивъ ни слова. Отецъ и мачеха Любы сидѣли рядомъ, и на ихъ лицахъ можно было прочесть всю важность происходящаго момента и полную увѣренность въ томъ, что, когда появится сваха, будетъ особое торжество дочерней добродѣтели.

Но не прошло и двухъ минутъ, какъ среди всеобщей тишины послышался звукъ, похожій на то, что открыли бутылку съ шампанскимъ.

Конечно, никто этому не придалъ значенія, но почти тотчасъ въ залъ вбѣжалъ женихъ, растерянный, съ отвалившейся нижней челюстью. Онъ какъ-то неестественно махалъ руками и что-то хотѣлъ сказать, крикнуть... и не могъ.

Всѣ поняли, что свершилось нѣчто особенное. Егоръ Герасимовичъ быстро вскочилъ съ мѣста и выбѣжалъ изъ зала. За нимъ пробѣжало нѣсколько человѣкъ. Другіе поднялись и со страхомъ смотрѣли на дверь.

Въ коридорѣ, около комнаты новобрачныхъ была сваха и прислуга. Сваха визжала и то дергала ручку двери въ комнату Любы, то напирала на нее своимъ бокомъ.

— Что случилось? — спросилъ Егоръ Герасимовичъ.

Появленіе отца вызвало у женщинъ истерическій припадокъ. Всѣ заголосили, завизжали, и разобрать было ничего нельзя.

Малыхъ понялъ, что надо открыть дверь, и нажалъ на нее всѣмъ корпусомъ. Щелкнула сорвавшаяся задвижка, и дверь распахнулась.

Люба лежала посреди комнаты на полу, въ своемъ подвѣчномъ платѣ.

Около нея лежалъ револьверъ...

IV.

На другой день утромъ уже весь городъ зналъ о необычайномъ происшествіи на свадьбѣ у Малыхъ.

Передавались подробности обряда и торжества, вспоминались всѣ мелочи, которыя могли бы хоть немного объяснить поступокъ

Любы. Говорили и удивлялись ея спокойствію во время вѣячія и ея оживленію на вечерѣ.

Кстати вспомнили и о таинственныхъ выстрѣлахъ въ сараѣ и объяснили это тѣмъ, что Люба училась стрѣлять. Откуда у нея былъ револьверъ,—никто, даже отецъ не зналъ. Прачка увѣряла, что видѣла студента, а кумушки вытащили на свѣтъ старую исторію съ приказчикомъ, уѣхавшимъ на границу Китая.

Интересъ къ загадочному происшествію росъ съ каждымъ часомъ, и кумушкамъ было немало работы обгнать съ новостями по многимъ купеческимъ домамъ. Купчихи ихъ ждали съ самоваромъ, закусками и выпивкой.

Свершился страшный фактъ. Молодая и цвѣтущая, но загадочная изъ загадочной семьи Любуша покончила съ собой. Ясно, что причиной ея смерти были родители, заставившіе ее итти замужъ за нелюбимаго человѣка.

Но что была за человѣкъ Люба, что было у нея на душѣ, къ чему она стремилась, любила ли кого?—осталось для всѣхъ загадкой, какъ и ея поступокъ при такой исключительной обстановкѣ.

Вся драма молодой души прошла съ перваго зарожденія до трагической развязки за каменными, крѣпкими стѣнами.

Но когда произошла драма, она вышла изъ этихъ мрачныхъ стѣнъ и стала уже общественнымъ достояніемъ.

Можетъ быть, многіе и пожалѣли о Любѣ, но въ большинствѣ домовъ встрѣтили всю исторію, какъ скандалъ...

Гдѣ же чутко и сердечно отнеслись къ самоубійству загубленной обычаями Любы, это—въ университетѣ, среди молодежи.

Трагическая смерть дѣвушки произвела на студентовъ сильное, потрясающее впечатлѣніе.

— Вотъ результаты купеческаго уклада жизни!

И противъ «темнаго царства», которое было причиной смерти молодой дѣвушки, молодежь запротестовала...

Въ аудиторіяхъ шли оживленные толки.

— Дѣвушка покончила съ собой изъ-за того, что родители силой ее выдали замужъ.

Вотъ была формула, поставленная въ основу собранія.

Необходимо было еще кое-что выяснить о личности Любы и ея родителей. Оказалось, что одинъ изъ студентовъ, сынъ купца, немного зналъ покойную. Его тотчасъ отыскали, ввели въ аудиторію и окружили, спрашивая о Любѣ Малыхъ.

Студентъ могъ сообщить очень немногое.

Онъ въ прошломъ году жилъ на дачѣ и часто видалъ сестеръ Малыхъ, поселившихся дачъ черезъ пять отъ нихъ.

Люба всегда въ опредѣленные часы спускалась по своему саду къ озеру и, не выходя изъ калитки, часами стояла у невысокаго частокола, окружавшаго садъ, и смотрѣла вдаль. Иногда она была съ книгой и читала.

Студенту удалось съ ней познакомиться только къ концу лѣта. Онъ просто подошелъ къ ней и спросилъ:

— Вамъ скучно?

Люба даже не удивилась. Она подняла на него глаза и отвѣтила:
— Нѣтъ.

Разговоръ не завязался. На другой день, въ этотъ часъ Любу не было на обычномъ мѣстѣ.

Студентъ видѣлъ ее еще нѣсколько разъ, гуляющую съ сестрой и няней по улицѣ деревни. На его поклонъ Люба отвѣтила вѣжливо, но, какъ всегда, спокойно и съ достоинствомъ.

Знавшіе чету Малыхъ и слышавшіе о ней дали о нихъ отзывъ, какъ о людяхъ жестокихъ и грубыхъ.

Послѣ общихъ обсужденій факта всѣ высказались за то, чтобы оказать протестъ противъ поступка родителей. Всѣми единогласно было постановлено присутствовать на похоронахъ Любы и сдѣлать похороны общественными.

Знавшій Любу студентъ ходилъ съ шапкой и собиралъ на вѣнокъ.

На это постановленіе откликнулось все студенчество. Присоединились и тѣ, которые почему либо не были на сходкѣ.

Объ этомъ объявили профессорамъ и предупредили, что въ день похоронъ лекцій не будетъ.

Какъ оказывается (объ этомъ узнали только на другой день), Любу привезли въ анатомическій театръ и послѣ вскрытія отвезли снова въ домъ родителей.

Послѣ кумушки разносили слухъ, что при «операциіи вынули махонькаго такого ребеночка», и что это видала собственными глазами ихъ пріятельница, которая смотрѣла въ окно со двора.

Но это оказалось чистѣйшимъ вздоромъ. Видимо, пріятельница взглянула на столъ у окна, гдѣ всегда лежатъ дѣтскіе трупки.

При вскрытіи было удостовѣрено и за протоколено, что Любуша осталась дѣвушкой.

Сходка и резолюція студентовъ не вышла изъ стѣнъ университета, и въ городѣ никто не зналъ о готовящейся демонстраціи.

V.

Въ день похоронъ Любы Малыхъ студенты съ ранняго утра собрались въ университетъ и ждали, когда выбранный ими развѣдчикъ сообщитъ о выносѣ.

Въ передней лежалъ громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ широкими лентами. На нихъ золотыми буквами была надпись: «безвременно погибшей».

Университетъ помѣщался на одномъ концѣ главной улицы, похоронная же процессія должна была показаться съ другого конца.

Было разсчитано такъ, что студенты встрѣтятъ процессію въ тотъ моментъ, когда она выйдетъ на главную улицу.

Когда студентъ-развѣдчикъ сообщилъ, что процессія направилась на главную улицу, студенты, нѣсколько сотъ человѣкъ, двинулись по главной улицѣ.

Изъ магазиновъ тотчасъ высыпали приказчики...

Толпа шла въ разбивку и по улицѣ и частью по тротуару.

Завидя поднимающуюся на главную улицу похоронную процессію, студенты выстроились, выставивъ впередъ пѣвчихъ. Студентъ, знавшій Любу, надѣлъ на большое древко вѣнокъ и высоко поднялъ его надъ толпой.

Какъ только процессія во главѣ съ духовенствомъ и хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ вступила на главную улицу, студентъ-регентъ повернулся къ толпѣ и высоко поднялъ руки.

И тотчасъ всѣ, снявъ шапки, сотнями молодыхъ и сильныхъ голосовъ заплѣли:

«Святый Боже,
Святый крѣпкій,
Святый безсмертный,
Помилуй насъ!»

Но въ этотъ моментъ случилось нѣчто необычайное.

Вдругъ, словно изъ земли, появилась толпа полицейскихъ. Околоточный хотѣлъ вырвать вѣнокъ, а другой подошелъ къ регенту.

Появленіе полицейскихъ произвело такую сенсацію, что мачеха, отецъ и сестра Малыхъ, вѣхавшіе въ коляскѣ позади гроба, тотчасъ повернули и умчались. И всѣ родные и знакомые Малыхъ, участвовавшіе въ похоронахъ, бросились вразсыпную, кто бѣжалъ, кто торопливо садился въ первый попавшійся экипажъ. Всѣ приказчики и служащіе у Малыхъ, объятые паникой, рассыпались и оставили колесницу.

Крышка отъ гроба, которую несли служащіе въ магазинѣ Каторжника, очутилась въ рукахъ студентовъ.

Студентъ съ вѣнкомъ, уткнувъ конецъ древка въ землю, стоялъ въ торжественной позѣ и крѣпко держалъ палку.

Полиція тоже растерялась и отошла.

Студенты тотчасъ сняли осторожно съ колесницы гробъ и понесли его на рукахъ.

Грянулъ снова хоръ, и процессія въ строгомъ порядкѣ, словно ничего не произошло, двинулась по главной улицѣ.

Впереди всѣхъ шелъ студентъ съ вѣнкомъ. За нимъ хоръ студентовъ. Священникъ шелъ впереди гроба съ двумя діаконами. Процессія заканчивалась толпой студентовъ.

Архіерейскій хоръ вскорѣ незамѣтно исчезъ. Посторонней публики не было. Любопытные тѣснились на тротуарѣ.

Такимъ образомъ гробъ съ останками Любы очутился всецѣло въ рукахъ однихъ студентовъ.

Около университета процессія остановилась. Спѣли «Святыи Боже» и двинулись дальше.

До кладбища было не менѣ трехъ верстъ.

«Студенты бунтуютъ», разнеслось по городу съ необычайной быстротой. Въ боковыхъ улицахъ по пути слѣдованія процессіи собиралась толпа и стояли экипажи. Въ воротахъ стояла прислуга.

Улица молчала. И торжественно несло по городу стройное пѣніе студентовъ. Вся процессія носила характеръ чего-то исключительнаго, сильнаго и торжественнаго.

Встрѣчные молча снимали шапки и долго глядѣли на двигающуюся толпу. Экипажи сворачивали, давая дорогу.

Толпа шла чинно, въ строгомъ порядкѣ. Изрѣдка появлялись испуганные полицейскіе, но тотчасъ отступали.

Погода, какъ нарочно, стояла превосходная.

Выпавшій наканунѣ снѣжокъ покрылъ улицы, словно закрасилъ грязныя пятна. Яркое, зимнее солнце блестѣло на чисто-синемъ небѣ.

Процессія вышла въ поле, и сдавленная улицей толпа широко развернулась...

Студенты все въ черномъ, большей частью въ пледахъ, двигались по полю и пѣли вмѣстѣ съ хоромъ, громко разносившимся по обширному полю.

На мосту толпа снова вытянулась лентой и перешла на другое поле, гдѣ виднѣлись каменные ворота кладбища, съ большими жестяными ангелами на верху, держащими длинныя трубы, почернѣвшими и согнувшимися отъ старости.

У воротъ рядами стояли нищіе.

Процессію встрѣтили печальнымъ перезвономъ. При приближеніи процессіи изъ воротъ кладбища вышелъ кладбищенскій священникъ съ кучкой студентовъ и смотритель.

Такъ какъ отпѣваніе уже было на дому, то гробъ пронесли прямо къ могилѣ.

Могила была приготовлена у главной аллеи; она была обложена кирпичемъ. Гробъ поставили надъ могилой, на двухъ бревнахъ, и онъ почти закрылъ узкое отверстіе могилы. Съ одной ея стороны высился холмъ изъ вырытой земли.

Служили оба священника. Хоръ тихо пѣлъ.

И мрачно, словно шопотомъ, неслись послѣднія слова «вѣчная память».

Настала тихая минута. Все молчали.

Въ это время на холмъ взошелъ студентъ и началъ рѣчь. Громко и ясно, съ юношеской искренностью и простотой говорилъ онъ о темномъ царствѣ, гдѣ молодыя души томятся, какъ безволь-

ныя и забытыя, какъ безгласныя... Онѣ отданы всецѣло родителямъ, опекунамъ, родственникамъ и, не смѣя проронить слезы, не только сказать, переходятъ въ руки нелюбимаго человѣка... Они торгуютъ... торгуютъ ихъ тѣломъ, ихъ душой. И гладкую, сильную рѣчь студентъ закончилъ возгласомъ, что все мы вѣримъ въ то будущее свѣтлое и лучезарное, когда скроется съ земли деспотизмъ, и у каждаго свое «я» будетъ свободнымъ, какъ мысль!

Шопотъ одобренія пронесся въ толпѣ...

За нимъ вышелъ другой студентъ, и онъ говорилъ о каменныхъ стѣнахъ, гдѣ стонуть и гибнуть, скрытыя отъ всѣхъ, молодая души.

Въ концѣ его рѣчи сзади березы показалась мрачная фигура Егора Герасимовича.

Студенты стали перешептываться. Рѣчей больше не ждали, но при видѣ Каторжника вбѣжалъ на холмикъ молодой студентъ.

Онъ отбросилъ пледъ и, блѣдный, съ искрящимися глазами, откинувъ длинные волосы, взглянулъ на Малыхъ и крикнуть:

— Вотъ, господа, убійца своей родной дочери! Убійца, оставшійся жить на землѣ безъ наказанія, безъ возмездія... Сегодня, навѣрно, у него будутъ поминки по любимой дочери, и на нихъ будетъ его общество, болѣе того... власти... духовенство... И никто не обмолвится, что среди нихъ убійца. И пройдетъ день... онъ попрежнему будетъ пользоваться почетомъ и уваженіемъ... Ему мѣсто на Сахалинѣ, рядомъ съ другими каторжниками!

И въ толпѣ студентовъ послышалось зловѣщее слово:

— Каторжникъ... Каторжникъ!..

Стоявшіе сзади Каторжника студенты уже въ началѣ рѣчи оттѣсняли его впередъ къ могилѣ, на холмѣ. При послѣднихъ словахъ онъ очутился рядомъ съ ораторомъ.

Егоръ Герасимовичъ стоялъ растерянный и испуганный, какъ затравленный заяцъ. Онъ озирался и искалъ выхода. Передъ нимъ внизу стоялъ гробъ и за нимъ свободная аллея.

— Пусть онъ выслушаетъ все! — раздался голосъ.

— Каторжникъ! — слышалось въ толпѣ, все усиливаясь, — Каторжникъ!

Малыхъ вздрогнулъ. Онъ сталъ было метаться, но окружившая его сзади толпа не пускала.

И тутъ произошло нѣчто ужасное...

Малыхъ рванулся впередъ, перескочилъ черезъ гробъ дочери и бросился бѣжать по главной аллеѣ...

Толпа ахнула и молчала.

Малыхъ, не останавливаясь, пробѣжалъ аллею и выбѣжалъ въ поле...

Съ кладбища уже возвращалось нѣсколько студентовъ.

Каторжника почему-то узнали... При видѣ бѣгущаго студенты невольно наклонились къ землѣ и кинули въ него комьями земли...

Нѣсколько человѣкъ бѣжало за Каторжникомъ и бросали въ него... Уже на половинѣ поля его оставили и видѣли, какъ онъ круто повернулъ и бросился къ стоявшей вдали коляскѣ.

Его ждала мачеха Любы...

Когда Малыхъ влѣзъ въ коляску, она быстро помчалась въ городъ...

Опустили гробъ... Засыпали могилу, и рядомъ съ деревяннымъ крестомъ на бѣломъ снѣжномъ фонѣ, испещренномъ черными стволами деревьевъ, появился вѣнокъ, а ленты его красиво вились на крестѣ, и яркій лучъ отчетливо выдѣлялъ золотыя буквы:

«Безвременно погибшей».

И долго потомъ говорили въ городѣ о томъ, какъ студенты хоронили Любу Малыхъ.

Только кумушки качали головами и осуждали въ одномъ студентовъ:

— Зачѣмъ это они надисъ такую на вѣнкѣ сдѣлали?

«Бременно погибшей»!

Л. Н. Урванцовъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

(Изъ записокъ судьи).

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ рядъ очерковъ—не вымыселъ. Каждый такой очеркъ имѣетъ въ своемъ основаніи уголовное дѣло, разсматривавшееся однимъ какимъ либо изъ тѣхъ окружныхъ судовъ, въ округѣ которыхъ приходилось работать пишущему эти строки.

Такое отсутствіе вымысла при описаніи главныхъ моментовъ каждаго очерка и пользованіе при созданіи его матеріалами предварительнаго и судебного слѣдствій и дало поводъ объединить всѣ очерки подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Изъ жизни».

Измѣнены имена дѣйствующихъ лицъ и названія мѣстностей; допущено большее развитіе отдѣльныхъ эпизодовъ, въ подлинныхъ дѣлахъ подчасъ едва намѣченныхъ въ общихъ чертахъ; введены кое-гдѣ психологическія положенія, поскольку они выяснились на судѣ и представлялись автору очерковъ, и, наконецъ, только въ мелочахъ, въ деталяхъ, тамъ, гдѣ это позволялъ ходъ описываемыхъ событій, внесены нѣкоторыя весьма незначительныя измѣненія, отнюдь не нарушающія дѣйствительности происходившаго.

Въ общихъ, главныхъ чертахъ происшествія описаны такъ, какъ они дѣйствительно случились, и очерки, такимъ образомъ, являются списанными съ натуры (но не сфотографированными), взятыми «изъ жизни».

I.

Синяя Борода.

Старинный и богатый городъ N—скъ издавна слыветь торговымъ, и дѣйствительно главный контингентъ его жителей составляютъ купцы, нерѣдко принадлежаще къ древнимъ, вѣковымъ фамиліямъ. Положеніе его въ черноземной полосѣ Россіи, узелъ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ и теперь поддерживаютъ въ немъ бойкую торговлю, и главныя улицы его и многолюдны, и оживлены. По краямъ города, древняго острога, тянутся слободы, давно, впрочемъ, вошедшія въ городскую черту, но до сихъ поръ удержавшія свои названія. Въ слободахъ этихъ по преимуществу живутъ также купцы, и въ каждой слободѣ главную роль обыкновенно играетъ одинъ какой нибудь купеческій родъ. Дома въ N—скѣ старинныя, каменные; дворы обширныя, обнесенныя также каменными заборами съ высокими, тяжелыми воротами, и жизнь за этими каменными стѣнами идетъ медленная, тяжелая, ушедшая недалеко отъ «Домостроя».

Въ одной изъ такихъ слободъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго XIX вѣка, преобладающимъ значеніемъ пользовалась семья купцовъ Бѣлоруковыхъ. Состояла эта семья изъ старика—хозяина, суроваго и властнаго человѣка, изъ жены его Анны Михайловны; изъ сына, пасынка Анны Михайловны, сорокалѣтняго, тихаго, молчаливаго и незамѣтнаго человѣка, во всемъ покорнаго отцовской волѣ и бывшаго у него какъ бы довѣреннымъ приказчикомъ,—жены его, третьей уже, Александры Григорьевны, и, наконецъ, ея пасынка, сына ея мужа и внука «самого» Бѣлорукова, двадцатилѣтняго Ивана. Кожевенную торговлю вели Бѣлоруковы обширную въ разныхъ городахъ, и далеко въ округѣ была извѣстна фамилія ихъ. Немало щедрыхъ приношеній дѣлали они въ свою слободскую церковь, гдѣ «самъ» долгое время состоялъ старостой, и хотя лично продажею во время службъ свѣчей и проч. не занимался, а поручалъ это своему старому и благообразному приказчику, однако по большимъ праздникамъ, украсивъ шею и грудь жалованными медалями, степенно обходилъ съ тарелочкой, собирая на церковь. Въ тѣ дни, когда полицеймейстеръ или другая какая либо власть, по порученію свыше, обращались къ мѣстному купечеству съ просьбой о пожертвованіи на то или другое благотворительное дѣло, затѣвавшаеся въ губерніи, имя Бѣлорукова значилось не послѣднимъ на подписномъ листѣ. Но не этимъ славилась Бѣлоруковы; все это было ничто въ сравненіи съ красотой молодой, 22-лѣтней красавицы Александры Григорьевны. Далеко, откуда то съ Дона, вывезъ ее мужъ въ одну изъ своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, и суровый домовладыка, въ

иное время разразившійся бы гнѣвными громами надъ сыномъ, посягнувшимъ нарушить дѣдовскій обычай — выбирать жену себѣ не черезъ сваху, — смягчился при видѣ такой красоты своей новой снохи, тѣмъ болѣе, что сноха эта принесла съ собой въ домъ и малую толику денегъ. А въ городѣ давнымъ давно ходили слухи, невѣдомо кѣмъ и когда пущенные, что не всегда въ Красной слободѣ, гдѣ жили Бѣлоруковы, первое мѣсто занимали они; что «самъ» онъ когда-то, въ ранней молодости, въ задонскихъ степяхъ ходилъ съ гуртами пастухомъ и, женившись на вдовѣ какого-то богатаго прасола, вскорѣ послѣ свадьбы умершей и оставившей все состояніе мужу, сталъ богачемъ, записался въ гильдію и женился въ другой разъ на родовитой краснослободской купеческой дочери, Аннѣ Михайловнѣ, которая была также не безприданница.

Красавица была Александра Григорьевна! Привезъ ее мужъ, когда ей минуло только что семнадцать лѣтъ, и она была еще скромнымъ, стыдливымъ и нѣжнымъ цвѣткомъ, обѣщавшимъ распуститься въ чудную, пышную розу.

И мало-по-малу распустилась! И дрогнули каменные стѣны Бѣлоруковскаго двора, поколебались устои степеннаго купеческаго дома, когда Александра Григорьевна въ ротондѣ, крытой алымъ бархатомъ съ пушистымъ воротникомъ чернубурой лисицы, разряженная въ пухъ и прахъ, на орловскомъ крупномъ рысакѣ, сіяя красотой, стала выѣзжать на вечера и въ клубъ, и даже въ офицерское собраніе. Не бѣда, что долгое время она не могла написать Бѣлорукова, чтобы не ошибиться въ буквѣ «ѣ», а имя свое подписывала «Лександра», но она держала себя непринужденно, говорила бойко, умно, а главное сверкала глазами и мило улыбалась, обнаруживая рядъ чудныхъ зубовъ. Мужъ рѣдко выѣзжалъ съ нею: чуждъ совершенно онъ былъ такой жизни; онъ даже на тягучихъ купеческихъ именинахъ чувствовалъ себя скверно, да и дома жилъ мало, разѣзжая по порученіямъ отца, а неизмѣннымъ ея спутникомъ и кавалеромъ былъ пасынокъ ея Иванъ — малоразвитый, откормленный купчикъ, нѣсколько панатершійся въ обществѣ и страстно привязанный къ билліарду. Обыкновенно, явившись въ клубъ съ мачехой, онъ удалялся въ билліардную и пропадалъ тамъ до тѣхъ поръ, пока мачеха не звала его ѣхать домой. И вотъ «самъ», все-таки сильно не одобрявшій новшество своей чаровницы-снохи, рѣшилъ, что Ивана пора женить. Сказано — сдѣлано. Въ со-сѣднемъ городѣ свахи нашли и сосватали въ почтенномъ купеческомъ домѣ невѣсту, еще почти дѣвочку, которой пошелъ лишь шестнадцатый годъ, — Марію Никаноровну. Договорились о приданомъ; сѣздили, по мѣстному обычаю, въ Москву шить вѣнчальное платье и наряды; помолились Богу въ ближнемъ монастырѣ у мощей св. угодника, и мясоѣдомъ слободская церковь огласилась торжественнымъ громогласнымъ пѣніемъ соборнаго хора, и большая,

затѣйливая иллюминація была зажжена около нея и Бѣлоруковскаго дома: Бѣлоруковский внукъ, единственный отпрыскъ, надежда и утѣха дѣдовская—молодой Иванъ Андреевичъ Бѣлоруковъ, вступалъ въ законный бракъ съ дѣвицею, Маріей Никаноровной. На другой день въ мѣстномъ торговомъ банкѣ на счету у «самого» прибавилось еще двадцать тысячъ, что молодая принесла съ собою, по рядной, въ новую семью. Мясоѣдъ въ тотъ годъ былъ короткій, и свадебные пиры захватили почти всю масленицу.

Но вотъ медленно и печально заблаговѣстилъ колоколь, призывая православный людъ къ посту и молитвѣ; ярче стало блистать солнышко и грѣть сильнѣе; вспухла рѣка, почернѣла дорога; птичьи голоса зазвѣтели въ воздухъ, пахнуло весной, наступилъ и великій постъ; шумная было жизнь Бѣлоруковскаго дома замерла и спряталась за высокими заборами, за толстыми каменными стѣнами.

Какъ молодые жили? Чужому глазу было не видно. Изрѣдка только робкая молодая писала съ вѣрнымъ человѣкомъ, при подвернувшейся оказіи, своей матери, въ родной домъ, коротенько описывая свою новую жизнь. Два, три письма такихъ всего было, не больше, а письма, что аккуратно посылались по почтѣ «любезнымъ и дорогимъ маменькѣ и папенькѣ», проходили, очевидно, домашнюю цензуру и не интересны: все въ нихъ больше поклоны да почтенія. Но въ тѣхъ, посланныхъ съ оказіей, письмахъ есть кое-что тревожное. Видно, чуетъ сердечко чистой голубки нависшія надъ нею грозовыя тучи, и смутно, не понимая еще въ дѣтскомъ наивномъ невѣдѣннн житейской пошлости, пишетъ она матери: «Не знаю я, маменька, что такое съ Иваномъ Андреевичемъ дѣлается. Онъ ласковъ со мною, не бранить, да и всѣ слова мнѣ не говорятъ дурного, хоть очень боюсь я бабеньки Анны Михайловны, да и передъ Александрой Григорьевной мнѣ все что-то неловко... А Иванъ Андреевичъ меня беспокоитъ: онъ очень часто ходитъ пить ночью воду, боюсь я, какъ бы онъ не простудился. Ходитъ раздѣтый, босикомъ; все въ сѣни, а сѣни холодныя; долго ли заболѣть!» Въ другомъ такомъ же письмѣ она, обращаясь къ этому же, видно, очень тревожившему ее вопросу,—пишетъ: «Я ставлю на ночь всегда цѣлый графинъ воды, а Иванъ Андреевичъ къ нему не притрогивается, и все уходитъ пить и долго очень не приходитъ, все пьетъ, а я одна лежу, и хоть лампадка горитъ, а я боюсь. Я прошу его не ходить, а онъ сердится и говоритъ, что ему нельзя: надо пить воду холодную, что онъ этимъ лѣчится. Спросите, пожалуйста, мамаша, у... какая это болѣзнь, и нельзя ли ее чѣмъ вылѣчить?»

Прошелъ Великій постъ, миновала и Пасха. Деревья одѣлись зеленью, запестрѣли цвѣтами луга, подошла и Троица, и какъ разъ наканунѣ самага Духова дня, подъ вечеръ, изъ воротъ Бѣлоруковскаго дома выѣхалъ куда-то на рысакѣ порожнякомъ кучеръ. Черезъ полъ-часа онъ воротился, и въ пролеткѣ сидѣлъ старенькій

уѣздный врачъ—Березовичъ. Скоро вся уже Красная слобода знала, что «молодая Бѣлоручиха» сильно занемогла; что вотъ уже три дня, какъ она ничего не ѣстъ, ее тошнитъ, и все она проситъ пить и пьетъ, жалуясь на внутренній жаръ. Уѣхалъ докторъ, ночь спустилась, а огни въ Бѣлоруковскомъ домѣ не тушатся, словно бы опять наступили минувшіе свадебные пиры... У незапертыхъ воротъ снуютъ взадъ и впередъ приказчики, а ночью съ поѣздомъ, вызванная телеграммой, пріѣхала мать Маріи Никаноровны. Утромъ на Духовъ день докторъ опять пріѣзжалъ, приказалъ давать прописанный накануне каломель и уѣхалъ, недоумѣваяще покачивая головой. Пріѣхалъ докторъ вечеромъ, и при немъ больная испустила послѣдній вздохъ. День этотъ отъ сильной слабости она была почти безъ чувствъ и только, увидавъ мать, улыбнулась ей и пожала руку. «Воспаленіе брюшины»,—рѣшилъ докторъ, и черезъ два дня въ слободской церкви тотъ же соборный хоръ пѣлъ погребальныя пѣсни, оплакивая безвременно угасшую, молодую жизнь. Въ бѣломъ подъѣнечномъ платьѣ, съ фатой на головѣ, съ букетомъ бѣлыхъ розъ на груди у скрепленныхъ рукъ лежала въ серебряномъ глазетовомъ гробѣ «молодая» Бѣлорукова, и что-то таинственное, дѣтски-испуганное и недоумѣвающее застыло въ безжизненныхъ чертахъ ея осунувшагося лица. Безумно рыдала мать, убитая горемъ, судорожно мяла бѣлый платокъ въ рукѣ и подносила его къ прекраснымъ глазамъ красавица Александра Григорьевна, одѣтая въ трауръ, отъ чего удивительная бѣлизна ея лица выступала еще ярче, всхлипывалъ и Иванъ Андреевичъ, когда гробъ съ останками Маріи Николаевны опустили въ обширную, выложенную камнемъ, могилу—склепъ, приготовленный «самимъ» для рода Бѣлоруковыхъ на Краснослободскомъ кладбищѣ. Справили богатые поминки. Сытно и вкусно пообѣдали гости и городское духовенство, приглашенное на похороны; «во блаженномъ успеніи»,—велегласно произнесъ въ концѣ обѣда, передъ кутьей нарочито приглашенный діаконъ, и, обогатившись новымъ вкладомъ, слободская церковь справила сорокоустъ по новопреставленной рабѣ Божіей, Маріи.

Минуло лѣто. Бѣлоруковская семья носила трауръ, и нигдѣ, ни въ садахъ, ни на гуляньяхъ Александры Григорьевны не было видно.

Осенью въ городѣ пронесся слухъ, что молодой вдовецъ, Иванъ Андреевичъ Бѣлоруковъ, посватался къ дочери мѣстнаго городского купца Свищева, что сватовство принято, и въ приданое невѣстѣ дадутъ пятнадцать тысячъ, и что около Покрова будетъ свадьба. Скоро слухъ подтвердился, и невѣста съ матерью уѣхали въ Москву дѣлать приданое.

Въ модномъ фракѣ, шитомъ по требованію невѣсты въ Москвѣ, стоялъ въ ноябрѣ въ ярко-освѣщенномъ городскомъ соборѣ—приходской церкви невѣсты—Иванъ Андреевичъ Бѣлоруковъ, а рядомъ съ нимъ Надежда Степановна Свищева, девятнадцатилѣтняя дѣ-

вида, годъ тому назадъ окончившая мѣстную женскую гимназію; дѣвица далеко не столь наивная, какъ покойная Марія Никанорова, и жизнь уже нѣсколько понимавшая... Тотъ же диаконъ, который провозглашалъ «во блаженномъ успеніи», читалъ апостола, закончивъ его невообразимо-дикой и реву подобной нотой на словахъ о томъ, что «жена да боится мужа своего».

Опять пиры. Опять Бѣлоруковскій домъ сіяетъ огнями. Опять въ торговомъ банкѣ «самъ» приписываетъ къ своему счету 15.000 рублей.

На вечерахъ и въ клубѣ въ ту зиму блистали уже двѣ Бѣлоруковы.

Однако жизнь молодыхъ на этотъ разъ не была такъ безмятежна, какъ при первомъ бракѣ Ивана Андреевича. Молодая Надежда Степановна не только любила выѣзжать, но любила выѣзжать самостоятельно, безъ Александры Григорьевны, и требовала, чтобы мужъ сопровождалъ ее и находился при ней, а не при красавицѣ-мачехѣ. Скоро ни у кого уже въ Красной слободѣ не было тайной, что въ Бѣлоруковскомъ домѣ между «молодой» и Александрой Григорьевной идутъ нелады, и что сама бабушка, Анна Михайловна, держитъ сторону невестки. Не оставалась въ долгу и Надежда Степановна, которая, не скрываясь, говорила при своихъ посѣщеніяхъ стараго отцовскаго дома матери и другимъ близкимъ родственникамъ, что она замѣчаетъ, какъ Александра Григорьевна подозрительно благосклонно относится къ своему пасынку, а съ тѣхъ поръ, какъ она, Надежда Степановна, стала слѣдить за своимъ мужемъ и, — что грѣха таить, — прибирать его къ рукамъ, Александра Григорьевна съ бабушкой Анной Михайловной не влюбили ея и стали тѣснить. Какъ-то разъ, чѣмъ-то очень обиженная и разсерженная, Надежда Степановна пріѣхала къ матери и сгоряча промолвила, что она даже увѣрена, что Иванъ Андреевичъ до своей женитьбы находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ своей мачехѣ...

Не то на четвертой, не то на пятой недѣлѣ Великаго поста, въ Благовѣщенье, Бѣлоруковская семья собралась за обѣдомъ, который на этотъ разъ, въ виду праздника, съ особеннымъ тщаніемъ приготовлялся стряпкой подъ наблюденіемъ и при участіи самой Анны Михайловны.

За обѣдомъ была рыба; на тарелки кушанья раскладывала Анна Михайловна...

Покупала Надежда Степановна положенный ей кусокъ и какую-то горечь во рту почувствовала.

Никто изъ обѣдающихъ горечи въ рыбѣ не замѣтилъ, а Анна Михайловна, сказавъ, что рыба мороженная, потому, можетъ быть; и горчить, дала понять, что молодая привередница, и все не по ней.

Надежда Степановна покушала, покушала, но все-таки до конца не доѣла и часть рыбы на тарелкѣ оставила. Когда тарелки со стола сняли, то Анна Михайловна дала прислугѣ строгій приказъ: съ тарелокъ, что осталось, не ѣсть, а все куски собрать и отдать ей.

Не утерпѣла стряпка, соблазнилась кускомъ, оставшимся на тарелкѣ Надежды Степановны, и немного его съѣла. Къ вечеру у стряпки разболѣлась голова и была рвота, но побоялась она сказать объ этомъ хозяевамъ и отъ нихъ болѣзнь свою скрыла.

А въ то же время на верху, въ горницахъ, занеможилось и Надеждѣ Степановнѣ, да такъ занеможилось, что къ вечеру опять звали Березовича. Не стало лучше и утромъ на слѣдующій день Надеждѣ Степановнѣ, хоть и давали ей мужъ ея, Анна Михайловна и Александра Григорьевна ночью и утромъ какое-то кисленькое и горьковатое питье, потому что ее томила жажда, «такъ внутри и жгло всю», и позвали мать больной, старуху Свищеву, да позвали-то только вечеромъ поздно, «потому что за день не удосужились»; ночью же больная впала въ забытье, стала метаться, хвататься руками за животъ и къ утру, не приходя въ себя, скончалась.

Березовичъ и тутъ опредѣлилъ воспаленіе брюшины.

Печальный перезвонъ раздается на колокольнѣ Краснослободской церкви и гулко разносится въ свѣжемъ воздухѣ ранней весны: то выносятъ въ церковь Надежду Степановну.

Такъ же, какъ и Марію Никаноровну, хоронили ее въ бѣломъ глазетовомъ гробѣ, въ бѣломъ вѣнчальномъ платьѣ, осыпанную всю цвѣтами, и опустили въ каменную могилу рядомъ съ Маріей Никаноровной.

Громадная толпа народа провожала Надежду Степановну до мѣста ея вѣчнаго упокоенія, и толпа эта не была молчалива.

«Отравлена», «обѣ отравлены», — глухо раздавалось въ ней, и слова эти дошли до Бѣлоруковыхъ: по крайней мѣрѣ, вскорѣ, на Пасху, Иванъ Андреевичъ, играя въ одной изъ гостиницъ на билліардѣ, самъ, по собственному почину, рассказывалъ своему партнеру при постороннихъ, что, вѣроятно, Надежда Степановна умерла отъ отравы, а отравилась она сама, потому что вышла она замужъ за него «нечестной» дѣвицею и должна была скоро сдѣлаться матерью, и вотъ, стыдясь предстоящаго позора, она и отравилась!...

Почему это народъ собирается на Краснослободскомъ кладбищѣ, и почему вся гора, на которой расположено это кладбище, усѣяна спѣшащими туда краснослободскими обывателями? Вѣдь, кажется, радуница отошла, и идетъ Ѳомина недѣля?

Но вотъ по дорогѣ къ кладбищу показались изъ города трое извозчичьихъ дрожекъ, и на эти дрожки обращено общее вниманіе.

Дрожки все ближе и ближе, и къ кладбищу подѣхали кладбищенскій священникъ, судебный слѣдователь, прокуроръ мѣстнаго окружнаго суда, полицейскій приставъ, два доктора и фельдшеръ.

Прибывшіе прошли къ Бѣлоруковской могилѣ, и ранѣ приготовленные для этого рабочіе съ лопатами и кирками принялись раскапывать могилу. Свѣжа еще могила, рыхла земля, и быстро былъ обнаженъ каменный сводъ могилы. Нѣсколько ударовъ ломомъ и кирками, и лучъ свѣта брызнулъ въ темную могилу и озарилъ тамъ два стоящихъ рядомъ бѣлыхъ глазетовыхъ гроба. Священникъ указалъ на одинъ изъ гробовъ, который былъ вынутъ изъ могилы и открытъ: въ немъ оказался прахъ Надежды Степановны. Завяли цвѣты, размокъ вѣнчикъ на лбу, но лица усопшей почти не коснулось тлѣніе, и было оно такое же, какъ и въ тотъ день, когда гробовая крышка закрылась, казалось, навѣкъ. Тутъ же недалеко отъ могилы, на ранѣ приготовленномъ столѣ было приступлено къ вскрытію трупа, которое, между прочимъ, показало, что Надежда Степановна никогда и не была беременною. Внутренности покойницы были положены въ банки, опечатаны и отправлены въ мѣстное губернское врачебное отдѣленіе для химическаго изслѣдованія, а часть содержимаго въ желудкѣ слѣдователь взялъ съ собой въ маленькую баночку и по дорогѣ съ кладбища заѣхалъ къ знакомому аптекарю, гдѣ тутъ же на аппаратѣ Марша было произведено изслѣдованіе, и стеклянная трубочка аппарата покрылась характернымъ налетомъ мышьяка.

Пока въ мѣстномъ губернскомъ врачебномъ отдѣленіи производилась экспертиза части внутренностей (часть слѣдователь оставилъ у себя), велось слѣдствіе, которое раскрыло мало-по-малу и ту переписку, которая велась «съ оказіей» Маріей Никаноровной со своей матерью, и жалобы роднымъ Надежды Степановны, и внезапную болѣзнь стряпки въ день Благовѣщенія, когда заболѣла и Надежда Степановна, и особенную дружбу между бабушкой Анной Михайловной и Александрой Григорьевной, и близость «несыновнюю» Ивана Андреевича къ своей прекрасной мачехѣ... И вотъ, когда велось слѣдствіе, въ концѣ весны, часовъ въ восемь утра, въ квартирѣ слѣдователя раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ «самъ» Бѣлоруковъ, степенный, сѣдовласый, суровый старикъ.

Истово, не спѣша, помолился онъ въ уголѣ на икону и, отвѣсивъ низкій поклонъ слѣдователю, безъ дальнихъ обиняковъ объявилъ, что онъ только что «изъ губерніи», гдѣ во врачебномъ отдѣленіи во внутренностяхъ никакихъ ядовъ не найдено; что онъ проситъ слѣдователя поскорѣе какъ нибудь кончить это дѣло, которое родилось и выросло на сплетняхъ и злобѣ къ нему, Бѣлорукову, и что онъ, зная, что въ мѣстной тюрьмѣ нѣтъ церкви, желалъ

бы прийти на помощь и соорудить Божій храмъ для арестантовъ и предлагаетъ слѣдователю для этой цѣли принять отъ него лепту въ 15.000 рублей съ тѣмъ, чтобы имя жертвователя оставалось втайнѣ, а церковь сооружалась бы непосредственно и безотчетно самимъ слѣдователемъ; если мало этихъ денегъ, то онъ согласенъ прибавить еще тысячъ пять, десять, а если слѣдователь найдетъ лучшее, по его мнѣнію, помѣщеніе для этихъ денегъ, то пусть и употребить ихъ туда по своему усмотрѣнію, а куда—это ему, Бѣлорукову, и знать не надо.

Слѣдователь обо всемъ этомъ тотчасъ же записалъ въ протоколъ и предложилъ Бѣлорукову подписаться, но тотъ отказался и, не то съ презрѣніемъ, не то съ жалостью посмотрѣвъ на слѣдователя, сказалъ: «Эхъ, ты! молодъ еще! Въ губерніи не тебѣ чета! И безъ тебя обойдется!»—и удалился.

Черезъ нѣсколько дней изъ врачебнаго отдѣленія было получено заключеніе, что въ присланныхъ внутренностяхъ Надежды Степановны «присутствія ни растительныхъ, ни минеральныхъ ядовъ не найдено».

Когда другую, оставшуюся у него часть внутренностей слѣдователь послалъ въ медицинскій совѣтъ, откуда скоро пришло коротенькое заключеніе, что въ присланномъ не только есть ядъ, но содержится именно мышьяка столько, что можно отравить нѣсколькихъ взрослыхъ людей. Было приступлено затѣмъ къ вскрытію трупa Маріи Никаноровны, и во внутренностяхъ ея былъ найденъ также мышьякъ въ дозахъ безусловно смертельныхъ.

Аннѣ Михайловнѣ, Александрѣ Григорьевнѣ и Ивану Андреевичу было предъявлено обвиненіе въ предумышленномъ убійствѣ черезъ отравленіе Маріи Никаноровны и Надежды Степановны, а Александрѣ Григорьевнѣ и Ивану Андреевичу, кромѣ того, еще и въ кровосмѣшеніи.

При первомъ допросѣ у слѣдователя съ Александрой Григорьевной, когда она услышала прочтенное ей постановленіе объ ея привлеченіи къ дѣлу въ качествѣ обвиняемой, сдѣлалось дурно, и она, вся въ слезахъ и сильно взволнованная, созналась въ обоихъ преступленіяхъ, рассказавъ, что мужъ ея больной человекъ, и что женъ Ивана Андреевича отравляла бабушка Анна Михайловна, давая имъ неоднократно въ пищу и питье, а также примѣшивая къ прописанному Березовичемъ лѣкарству мышьякъ, и что дѣлала это Анна Михайловна, любя ея, Александру Григорьевну, и желая умножить Бѣлоруковскій капиталъ приданнымъ молодымъ.

Анна Михайловна и Иванъ Андреевичъ ни въ чемъ не сознались. Въ тотъ же день вечеромъ Александра Григорьевна пригласила слѣдователя въ тюрьму и заявила, что все, что она показала утромъ, ложь; что она сама наговорила на себя, не помня себя и будучи сильно взволнованной и потрясенной всѣмъ съ нею происшедшимъ.

Два съ половиною дня слушалось это дѣло въ N-скомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Часть процесса шла при закрытыхъ дверяхъ. Залъ суда не могъ вмѣстить въ себя всѣхъ желающихъ послушать это дѣло, и толпы стояли на улицѣ около зданія суда. Говорили въ народѣ, что не первыя это жертвы—молодыя жены Ивана Андреевича—въ Бѣлоруковскомъ домѣ, что и обѣ первыя жены отца Ивана Андреевича, принесшія съ собой хорошее приданое, также загадочно и быстро покончили свою земную жизнь...

На судѣ никто изъ обвиняемыхъ не сознался, однако присяжные всѣхъ троихъ признали виновными въ отравленіи Маріи Никаноровны и Надежды Степановны, оказавъ только снисхожденіе Александрѣ Григорьевнѣ: красота такъ могущественна даже и у не видящей ничего Ѳемиды!

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Мраченъ и теменъ Бѣлоруковскій домъ, и тихо, уныло доживаютъ въ немъ свой вѣкъ старикъ Бѣлоруковъ съ убитымъ горемъ и больнымъ сыномъ.

При постройкѣ великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути Иванъ Андреевичъ работалъ въ каторжныхъ кандалахъ; бабушка Анна Михайловна гдѣ-то затерялась на каторгѣ, а отъ Александры Григорьевны съ Сахалина изрѣдка получаютъ письма: она пишетъ, что носить наряды и шляпки, выписанные изъ Парижа, и что только тамъ, на Сахалинѣ, она нашла свое настоящее счастье, а какъ-то, вскорѣ послѣ своей ссылки, она прислала фотографическій портретъ, на которомъ въ шикарномъ, дорогомъ и нѣсколько кричащемъ туалетѣ изображена удивительная красавица: въ ней не трудно узнать еще болѣе расцвѣтшую и похорошѣвшую прекрасную Александру Григорьевну.

С. П. Рудневъ.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

I.

ВЪ «ДОБРОЕ старое время» — такой фразой часто вспоминаютъ прошедшее. Было ли лучше прежде, это еще вопросъ; разумѣется, если не считается съ безмѣрно тяжелымъ настоящимъ, то жизнь укладывалась въ болѣе незатѣйливия, простыя рамки, жилось проще, — это вѣрно. Ужъ на что, кажется, важнѣе событій, какъ путешествіе царственныхъ гостей по необъятной Руси, а и они въ былыя времена всегда отличались простотою, неподдѣльнымъ энтузіазмомъ народа, исходившимъ изъ сердецъ, дѣйствительно обожавшихъ царя, видѣвшихъ передъ собой помазанника Божія. Какъ только проникала вѣсть, что царствующій императоръ намѣренъ посѣтить какую либо мѣстность, стекались массы народа. Толпы стояли по пути слѣдованія, впивались глазами въ мчавшіеся экипажи и осѣняли крестнымъ знаменіемъ монарха, молясь о благополучіи того, въ чьихъ рукахъ было всегда счастье родины. Вспоминая это прошлое, мнѣ пришлось ознакомиться съ архивными данными дворянскаго архива о посѣщеніи г. Харькова государемъ императоромъ Александромъ II и наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ въ 1863 г. Нѣкоторыя подробности, какъ по этимъ даннымъ, такъ и другимъ источникамъ, я и намѣренъ рассказать читателямъ.

28 августа 1863 г., харьковскій губернаторъ, графъ А. К. Сиверсъ, увѣдомилъ губернскаго предводителя, князя А. П. Трубечкого, что 27 сентября въ г. Харьковъ прибываетъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Наслѣдникъ путешествовалъ по югу Россіи съ цѣлью ближе ознакомиться съ страной, которой ему суждено было управлять. Губернскій предводитель, получивъ извѣщеніе, тотчасъ собралъ депутатовъ дворянства и сообщилъ имъ радостную вѣсть. Тутъ же было рѣшено въ честь дорогого гостя устроить балъ. Къ этому рѣшенію присоединилось и харьковское купечество. На расходы по приблизительному расчету было назначено отъ каждаго уѣзда по 275 рублей, всего 3.025 рублей. По тому времени деньги эти были большія, но какими мизерными онѣ кажутся теперь, когда весьма недавно г.г. углепромышленники въ концѣ занятій одного изъ сѣздовъ за товарищескій обѣдъ заплатили 5.000 рублей. А вѣдь дворяне и купечество принимали не кого иного, какъ наслѣдника престола! Но тогда все было проще, хотя и не въ примѣръ гостепріимствѣ и радушию. Балъ былъ назначенъ на 29 сентября, но маршрутъ высочайшаго путешествія былъ измѣненъ. 9 сентября губернаторомъ было получено извѣщеніе, что его высочество прибываетъ 5 октября, пробудетъ въ Харьковѣ 6 и 7 и затѣмъ направляется въ Курскъ, гдѣ и будетъ 9 октября. Балъ былъ перенесенъ на 6 октября. Губернскій предводитель дворянства телеграфировалъ графу Строганову, сопровождавшему государя наслѣдника, о докладѣ его высочеству просьбы харьковскаго дворянства и купечества осчастливить своимъ посѣщеніемъ дворянскій торжественный балъ. Графъ Строгановъ отвѣчалъ: «Наслѣдникъ цесаревичъ благодаритъ дворянство и купечество, принимаетъ балъ и прибываетъ въ Харьковъ въ ночь съ 5 на 6 октября». Въ городѣ шла усиленная чистка: подновлялся наружный фасадъ домовъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ долженъ былъ слѣдовать его высочество. Исправлялись мостовыя, которыя, по отзывамъ современниковъ, были ничуть не хуже теперешнихъ. Московская улица была замощена отъ Харьковскаго моста вверхъ, а Старомосковская немощеная: ее равняли, подсыпали песочкомъ, засыпали ямы и молили Бога, чтобы не разождало и не уничтожило всѣхъ заботъ городского головы и шестигласной думы.

Въ день пріѣзда жители украсили дома флагами, коврами и транспарантами, съ высочайшими инициалами. Транспаранты дѣлались тогда изъ разноцвѣтной бумаги, пропитанной деревяннымъ масломъ. На окнахъ по фасаду домовъ приказано было выставить по двѣ «калетовскихъ» свѣчи. Предводителю дворянства «хлопотъ былъ полонъ ротъ». Нужно было украсить залу дворянскаго дома, достать хорошій бальный оркестръ, позаботиться объ ужинѣ съ разными «заморскими диковинками». Въ уѣзды были разосланы

приглашенія по 50 на каждый, при чемъ въ обращеніи къ уѣзднымъ предводителямъ было подчеркнуто о желательномъ пріѣздѣ возможно большаго числа дамъ. Это какъ бы косвенно указывало, что въ Харьковѣ былъ ихъ недостатокъ. Къ владѣльцу большаго села Мерчика, Валковскаго уѣзда, тогда принадлежавшаго Лужину, губернскій предводитель обратился съ просьбою о присылкѣ растений и цвѣтовъ изъ его славившейся на всю округу оранжереи, а также о дозволеніи его знаменитому въ тѣ времена оркестру бальной музыки играть на балѣ. Все это Лужинъ прислалъ съ большою охотою. Пальмы гигантскія, кактусы и другія тропическія растения на подводахъ были доставлены въ Харьковъ. Съ ними прибылъ старшій садовникъ, нѣмецъ, съ помощниками, извѣстный, какъ искусный декораторъ. На балъ были приглашены губернаторъ, всѣ именитые города Харькова обыватели, начальствующіе разныхъ учрежденій, полковые командиры квартирующіихъ въ Харьковѣ и губерніи полковъ, съ 10 офицерами-танцорами отъ каждаго и 14 студентовъ университета по выбору ректора. Залъ былъ такъ красиво убранъ цвѣтами и растениями, что приводилъ въ «восхищеніе» всѣхъ приглашенныхъ. Дамы въ бальныхъ бѣлыхъ платьяхъ, мужчины въ блестящихъ мундирахъ—все это представляло живописную картину. Фраковъ почти не было. Городской голова былъ въ длиннополомъ сюртукѣ. Въ 11 часовъ ночи прибылъ наслѣдникъ цесаревичъ со свитою въ мундирѣ Преображенскаго полка. Военный оркестръ грянулъ народный гимнъ, и вся зала огласилась криками «ура». Его высочеству были представлены уѣздные предводители и городской голова. Наслѣдникъ милостиво бесѣдовалъ съ каждымъ и каждому подавалъ руку.

По окончаніи представленій и по обходѣ всѣхъ присутствовавшихъ, расположенныхъ полукругомъ въ залѣ, начались танцы, въ которыхъ его высочество участія не принималъ. Во время танцевъ и въ антрактахъ его высочество бесѣдовалъ со многими дворянами и ихъ женами и наблюдалъ за совершенно непринужденнымъ весельемъ... Гордая, мужественная осанка, мягкій, ласковый взглядъ наслѣдника цесаревича обворожили всѣхъ. Его мощная фигура была олицетвореніемъ крѣпости и силы. Въ 1 часъ ночи былъ сервированъ ужинъ, въ концѣ котораго провозглашены губернскимъ предводителемъ заздравные тосты въ честь государя императора Александра II, а затѣмъ и дорогого гостя, осчастливившаго своимъ высочайшимъ вниманіемъ харьковское дворянство и купечество. Государь наслѣдникъ поднялъ бокалъ за процвѣтаніе дворянства и купечества и закончилъ здравицу слѣдующими словами: «Русское спасибо дорогимъ, радушнымъ хозяевамъ». Крики «ура» и народный гимнъ — все это слилось въ одномъ чувствѣ восторга и любви къ царю и его сыну.

Въ 2 часа его высочество и свита, сопровождаемая губернаторомъ, губернскимъ предводителемъ, дворянами и другими лицами,

оставили заль дворянскаго собранія. Танцы продолжались до свѣта.

7 октября, наслѣдникъ цесаревичъ при отбытіи еще не разъ благодарилъ губернскаго предводителя за радушный пріемъ и просилъ его благодарность передать дворянамъ и въ тотъ же день выѣхалъ въ г. Курскъ.

Въ заключеніе не лишнее привести интересный отчетъ объ израсходованныхъ деньгахъ на устройство бала. Отмѣчаю расходы выдающіеся: на ужинъ израсходовано 500 рублей; на вино 647 рублей. Вина было 222 бутылки: изъ нихъ 5 дюжинъ шампанскаго по 39 р. за дюжину, или 3 р. 25 коп. за бутылку. Изъ числа мелочныхъ расходовъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій: «начальнику арестантскихъ ротъ за три пароволовыхъ подводы съ рабочими для очистки двора дворянскаго дома—три рубля». Разумѣется, балъ надолго оставилъ самыя восторженныя воспоминанія. Тогдашніе модные магазины Саде и Скотти заработали громадныя деньги.

II.

Въ томъ же 1863 г. императоръ Александръ II проживалъ осень въ Крыму, въ его любимой резиденціи Ливадіи. Ялта, гдѣ государь часто бывалъ, тогда начала сильно обстраиваться. Городская черта находилась у дачи Малиновскаго, около теперешняго Пушкинскаго бульвара. Ея оригинальный архитектурный видъ, съ высокой башней и блѣдно-розовая окраска обращали на себя вниманіе всѣхъ путешественниковъ. Дальше за этой дачей, по дорогѣ въ Ливадію, отъ Ливадійскаго моста шла постройка новыхъ дачъ. Полиція обязала всѣхъ подрядчиковъ по постройкамъ приказать рабочимъ, какъ только завидятъ коляску государя, бросать работы и прятаться, чтобы государь ихъ не видѣлъ. Однажды его величество замѣтилъ, что съ лѣсовъ одной изъ строящихся дачъ каменщики стремглавъ бросились по спускамъ, толкая и сбивая другъ друга. Экипажъ по приказанію государя немедленно остановился. Стоявшій на посту полицейскій надзиратель, по знаку государя, приблизился къ коляскѣ.

— Почему они бѣгутъ? — спросилъ государь, указывая на рабочихъ.

Полицейскій надзиратель стоялъ блѣдный, какъ полотно, дрожалъ и ничего не отвѣчалъ.

— Позови когонибудь изъ нихъ,—приказалъ государь.

Надзиратель опрометью бросился и привелъ перваго попавшагося. Вотъ какой разговоръ произошелъ между царемъ и крестьяниномъ.

— Отчего вы, какъ угорѣлые, бѣжали съ постройки?

Рабочій былъ храбрѣе полицейскаго стража и явственно отвѣтилъ:

— Начальство приказало, ваше императорское величество.

— Что приказало? Говори толкомъ! — ласково сказалъ императоръ.

— Прятаться, какъ увидимъ, что царь ѣдетъ.

— Правда?—спросилъ сурово государь въ конецъ уничтоженнаго полицейскаго надзирателя.

Тотъ окончательно растерялся и не могъ произнести ни слова.

— Стыдно! — воскликнулъ государь, смотря въ упоръ надзирателю.

— Скажи своимъ товарищамъ, да чтобы передали и другимъ,—обращаясь къ рабочему, сказалъ императоръ:—отъ царя прятаться грѣхъ. Чтобы не было впередъ этого. Работайте спокойно, а увидите, что я ѣду, поздоровайтесь со мною.

— Слушаемъ, ваше императорское величество, — радостно отвѣчалъ рабочій.

Государь направился дальше.

Рабочему, впрочемъ, пришлось пройти нѣкоторыя мытарства. По тогдашнимъ порядкамъ, если государь при случайныхъ встрѣчахъ съ кѣмъ либо разговаривалъ, то осчастливленный царскимъ вниманіемъ долженъ былъ передать подробности разговора, которыя и записывались во время путешествія въ походной канцеляріи государя, куда его и взяли.

По полученному въ Харьковѣ увѣдомленію, государь императоръ долженъ былъ прибыть въ Харьковъ 28 октября на ночь, а утромъ 29 октября назначенъ былъ выѣздъ по тракту на Москву. Никакихъ встрѣчъ, почетныхъ карауловъ приказано было не дѣлать и не выставлять. На шоссейныхъ трактахъ заготовили по 75 лошадей на каждой станціи и на обыкновенныхъ дорогахъ по 103 лошади. Вотъ расписаніе экипажей и порядка ихъ слѣдованія: 1) дормезъ государя императора; 2) придворная бричка фельдъегеря; 3) магазинъ вахтера; 4) коляска камердинера; 5) дормезъ генераль-адъютанта графа Адлерберга; 6) дормезъ князя Долгорукова; 7) коляска лейбъ-медика Карель; 8) коляска флигель-адъютантовъ Рылѣва и Воейкова; 9) коляска дѣйств. ст. совѣтн. Кирилина и полковника Салтыкова; 10) гардеробный фургоны; 11) и 12) двѣ коляски военно-походной канцеляріи; 13) кухонный фургонъ; 14) бричка метръ-д'отеля; 15) коляска фельдъегеря, платящаго прогоны.

Въ Харьковѣ его величество прибылъ въ 9 часовъ вечера и остановился въ губернаторскомъ домѣ.

29 утромъ по приказанію государя въ губернаторскій домъ были приглашены губернской и уѣздные предводители дворянства и высшіе губернскіе чины. Государь вошелъ въ залъ и, обращаясь ко всѣмъ представлявшимся, сказалъ: «Очень радъ васъ видѣть, господа». Когда общее представленіе окончилось, его величество подошелъ къ дворянамъ и изволилъ сказать слѣдующія

милостивыя слова: «Я нарочно остался здѣсь, чтобы поблагодарить васъ за пріемъ моего сына. Мнѣ очень жаль, что въ послѣдній мой проѣздъ по краткости времени не могъ васъ видѣть. Я поручалъ начальнику губерніи и губернскому предводителю дворянства благодарить васъ за ваши ко мнѣ чувства. Я вѣрю ихъ искренности и убѣжденъ, что какъ настоящее поколѣніе, такъ и грядущія будутъ содѣйствовать мнѣ къ достиженію общаго блага». Восторженные клики «ура» были отвѣтомъ на слова его величества. Въ 2 часа 30 минутъ его величество отбылъ изъ Харькова по Московскому тракту. Рѣчь государя императора была сообщена губернскимъ предводителямъ дворянства въ уѣзды для объявленія дворянамъ.

III.

Вѣсть о путешествіяхъ высочайшихъ особъ проникала въ населеніе гораздо раньше официальныхъ извѣщеній.

При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ въ краѣ первыми вѣстниками въ такихъ случаяхъ были суетливыя заботы почтового вѣдомства и почтосодержателей. На тракты слѣдованія сводились лучшія лошади, а для царскаго экипажа обыкновенно подготовлялись на каждой станціи шестерики: ихъ выѣзжали, холили, а ямщиковъ муштровали. Ямщики обыкновенно выбирались изъ надежныхъ отборныхъ людей, знающихъ хорошо свое дѣло, при чемъ къ этой почетной обязанности провезти хорошо и ловко царя назначалось по нѣскольку человекъ. Сначала репетицію каждому изъ нихъ производилъ губернской почтмейстеръ, а затѣмъ губернаторъ, и по выдержаніи, такъ сказать, экзамена лучшіе назначались подъ первый номеръ, т.-е. для царскаго экипажа. Наслѣдникъ цесаревичъ не любилъ ѣздить шибко и нерѣдко на зарывавшагося ямщика покрикивалъ. Такъ, при проѣздѣ въ г. Чугуевъ его высочество обратился къ сидѣвшему на козлахъ крестьянину Тульской губерніи, Акиму Полякову, который впоследствии былъ почтосодержателемъ въ г. Изюмѣ, а умеръ 2-й гильдіи купцомъ, и строго сказалъ:

— Жалѣй лошадей. Не на одинъ разъ онѣ нужны твоему хозяину.

— У меня чуть вожжи изъ рукъ не вывалились,—разсказывалъ онъ.—Думаю, какъ тутъ быть. Вѣдь строго приказано за часъ доставить царскаго сына отъ Рогани до Чугуева. Не доставишь, плохо будетъ. Не помилуетъ почтмейстеръ. Попридержалъ я лошадей, а самъ про себя молюсь: «Помилуй, Господи, и спаси душу мою». На гору въ с. Студенкѣ не стерпѣлъ. Взмахнулъ вожжами, и мои вороны, какъ орлы, взлетѣли на вершину. Въ Чугуевѣ подѣхали къ дворцу ладно. Наслѣдникъ вышелъ и, посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— Какъ зовутъ?

— Акимъ Поляковъ, ваше императорское высочество,—а у са-
мого душа въ пятки ушла.

— Молодецъ, хорошо ѣздишь.

— Радъ стараться, ваше императорское высочество.

А гдѣ ужъ тутъ хорошо, думалъ я, какъ на двадцать три ми-
нуты опоздали.

Отпрягли экипажъ. Повелъ я на станцію лошадей. «Это ты, такой
сякой, былъ первымъ номеромъ!—закричалъ почтмейстеръ, подска-
кивая ко мнѣ.—Да я тебя пошлю туда, гдѣ козламъ рога правятъ». Руками
размахиваетъ, а близко къ мордѣ не подходитъ, лошадей
боялся. «Убери лошадей, а самъ явись давать показаніе». Пришелъ
я и докладываю: «самъ сынъ царскій приказалъ ѣхать тише, жа-
лѣть лошадей. Не виноватъ, молъ, я, ваше превосходительство. Дѣ-
лайте со мной, что прикажетъ вапа воля».

«Вотъ я изъ тебя кашу сдѣлаю, аспидъ, безбожная душа!»—и
онъ бросился на меня. Но въ это время подошелъ фельдъегерь и
принесъ деньги и записку: кому изъ ямщиковъ и сколько на
«водку» его высочество жалуетъ. «Первому номеру 25 рублей,—уди-
вленно замѣтилъ почтмейстеръ,—когда привезъ съ опозданіемъ на
23 минуты?»—«Ѣхалъ тихо, по приказанію его высочества»,—замѣ-
тилъ фельдъегерь. Почтмейстеръ злобно на меня взглянулъ, от-
далъ мнѣ 25 рублей и прогналъ. Деньги эти я зашилъ въ ла-
донку и никогда ихъ не тратилъ. Ужъ тѣ бумажки вышли изъ
моды, а всегда при мнѣ были деньги царскія. Отъ нихъ мнѣ и
счастье на лошадей пошло,—такъ заканчивалъ обыкновенно свой
разказъ Акимъ Поляковъ.

IV.

Исторія, которую я буду рассказывать, даетъ весьма поучитель-
ныя доказательства, въ какихъ примитивныхъ условіяхъ нахо-
дилось французское правосудіе, да еще гдѣ—въ самомъ Парижѣ.
Случись такой инцидентъ у насъ, навѣрное подняли бы шумъ,
отъ котораго не поздоровилось бы и судьямъ и администраціи.
Даже въ то время, къ которому относится трагическое происше-
ствіе, а оно случилось въ 1865 г., съ русскимъ подданнымъ, обще-
ственное мнѣніе непременно бы возмутилось и нашло бы удовле-
твореніе. Фактическія данныя получены мною также изъ архив-
ныхъ источниковъ и дополнены живущими и до сихъ поръ раз-
сказами въ той мѣстности, откуда родомъ былъ пострадавшій.

Въ одномъ изъ южныхъ уѣздныхъ городовъ Харьковской гу-
берніи можно было видѣть довольно странную по внѣшности фи-
гуру, постоянно фланирующую взадъ и впередъ по единственной
главной улицѣ, называвшейся «Проспектной». Ни на какой про-
спектъ похожа она не была, но мѣстные обыватели до того возне-

навидѣли прежнее ея названіе «Разгульная», что ходатайствовали о замѣнѣ его болѣе благозвучнымъ. Тщедушнаго вида, съ блуждающими глазами, въ легкой шинели, съ большимъ всегда поднятымъ воротникомъ и въ широкополой, отъ времени порыжѣвшей, шляпѣ, Александръ Егоровичъ Никитенко шагаль по обочинамъ улицы,—тротуаровъ тутъ не было,—и, встрѣчая прохожихъ, бросаль злобные взгляды, но никогда никого не трогаль. Напротивъ, самъ часто подвергался нападеніямъ уличныхъ мальчишекъ, которые нерѣдко попадали въ лапы какого нибудь озвѣрѣвшаго обывателя, и онъ безжалостно ихъ дубасиль, чтобы не издѣвались надъ несчастнымъ Александромъ Егоровичемъ. Его всѣ любили. Иногда психически разстроенный, завидѣвъ тянувшіяся въ гору подводы, останавливался, выкрикиваль разныя воинскія команды, воображая, что передъ нимъ проходятъ войска. Александръ Егоровичъ былъ отставной поручикъ, сынъ мелкопомѣстнаго дворянина. Получаль средства къ существованію, хотя и неаккуратно, отъ родныхъ. Жиль онъ скромно въ одной комнатѣ на постояломъ дворѣ и водиль знакомство съ однимъ изъ помѣщиковъ, также душевно разстроеннымъ, *idée fixe* котораго была игра на скрипкѣ. Квартировали они въ одномъ домѣ. Послѣ гулянья или онъ заходилъ къ Г. А., или послѣдній посѣщаль Александра Егоровича. Какаѣ-то какофонія звуковъ приводила его въ такое нервное состояніе, что онъ обыкновенно заливался слезами. Это былъ единственный восторженный поклонникъ музыки Г. А., и, надо думать, Александръ Егоровичъ вліяль на развитіе въ музыкантѣ непоколебимой увѣренности, что онъ—заправскій артистъ. Душевнобольной виртуозъ въ теченіе дня не покидалъ никогда скрипки. Все пилиль и пилиль, доходя до комизма. Напримѣръ, онъ усаживаль впереди себя на бѣговыя дрожки своего «казачка», припиливаль къ его одеждѣ на спинѣ ноты, самъ помѣщалься сзади и начиналь отчаянно терзать струны, а «казачокъ» погоняль лошадей, и въ такой обстановкѣ они выѣзжали изъ города или для *partie de plaisir*, или же къ роднымъ, которыхъ у него было въ изобиліи въ сосѣднемъ уѣздѣ. Но возвратимся къ герою нашего разсказа.

Иногда жизнь Александра Егоровича осложнялась недостаткомъ прѣзрѣннаго металла. Онъ пренебрежительно переносиль эту неприятность, несмотря на то, что доходиль до невозможнаго состоянія. Мѣстный уѣздный предводитель, случайно узнавъ о его безвыходномъ положеніи, обратился съ официальной просьбой къ роднымъ—взять Александра Егоровича на свое попеченіе, но они отвѣтили, что не имѣють къ тому средствъ.

Разумѣется, не по этой причинѣ никто не хотѣль взять на себя заботу о несчастномъ. Не желали обременять себя надзоромъ за безпокойнымъ человѣкомъ, безнадежное состояніе котораго было очевидно, да къ тому же съ теченіемъ времени большой началъ

проявлять и нѣкоторые признаки буйства. Такъ длилось довольно долго. Въ концѣ 1864 г. Александръ Егоровичъ исчезъ изъ уѣзднаго города. Куда? Объ этомъ даже не могъ дать свѣдѣній его квартирохозяинъ.

— Заплатилъ впередъ за столъ и квартиру,—объяснялъ онъ,—вышелъ по обычаю гулять, а затѣмъ и не возвращался.

Въ его чемоданѣ нашли кое-что изъ бѣлья и платья, но, видимо, необходимое онъ взялъ съ собою. Поговорили, посудачили. Исправникъ вознамѣрился послать сыскную статью, но разсудилъ, что не стоитъ. Черезъ нѣкоторое время пришло извѣстiе, что Александръ Егоровичъ въ Харьковѣ. Такъ же гуляетъ, какъ и въ уѣздномъ городѣ, такъ же занимается командными криками, но тутъ встрѣчаетъ преграды въ лицѣ будочниковъ, которые безцеремонно прогоняютъ нарушителя благочиненiя съ главныхъ улицъ и грозятъ кордегардiей. Вѣроятно, это стѣсненiе не расположило Александра Егоровича къ Харькову, и онъ такъ же незамѣтно исчезъ отсюда, очутившись въ Петербургѣ. Какъ онъ туда добрался, исторiя умалчиваетъ. Извѣстно только то, что родные его объ этомъ узнали изъ письма одного знакомаго, и одна изъ его состоятельныхъ родственницъ черезъ этого знакомаго выслала Александру Егоровичу 300 рублей. Деньги—большия по тому времени. Съ тѣхъ поръ Александръ Егоровичъ, какъ въ воду, канулъ. Всякiя извѣстiя о немъ прекратились. Въ уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ проживалъ, порѣшили, что онъ умеръ такъ же безвѣстно, какъ кончаютъ многiе изъ людей его положенiя. Знавшия Александра Егоровича старушки уже не разъ подавали на «часточку» за упокой души раба Божiя Александра, какъ вдругъ въ № 233 «Голоса» 1865 г. и въ «Современной Лѣтописи», въ № 52, издававшейся при «Московскихъ Вѣдомостяхъ», появилось такое извѣстiе: «Подпоручикъ русской службы, Александръ Егоровичъ Никитенко, за нанесенiе ранъ секретарю посольства и лицамъ, его защищавшимъ, въ Парижѣ, осужденъ на вѣчную каторгу». Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣнiй оказалось, что Александръ Егоровичъ проживалъ въ Парижѣ на окраинѣ Латинскаго квартала, вель тотъ же образъ жизни, что и въ Россiи. Средства его скоро изсякли, и онъ отпраивлялся не разъ въ посольство требовать денегъ для возвращенiя на родину. Его выпроваживали оттуда. Но 14 августа онъ добился, что секретарь посольства его принялъ и въ виду явно возбужденнаго его состоянiя пригласилъ трехъ чиновниковъ присутствовать при разговорѣ съ Александромъ Егоровичемъ. Этотъ послѣднiй предъявилъ въ рѣзкой формѣ требованiе выдать ему деньги на проѣздъ въ Россiю, и когда получилъ отказъ, то выхватилъ изъ-подъ той же шинели, въ которой онъ щеголялъ въ Харьковѣ, кинжалъ и нанесъ рану секретарю въ руку, а когда чиновники бросились его обезоруживать, то Александръ Егоровичъ не поми-

ловаль и ихъ. Въ концѣ концовъ онъ былъ арестованъ, судимъ и по приговору Сенскаго суда сосланъ навсегда въ Кайенну. Узнавъ объ этомъ печальномъ событіи, родные Александра Егоровича обратились къ харьковскому губернатору съ ходатайствомъ о пересмотрѣ дѣла, такъ какъ Александръ Егоровичъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ душевнобольной. Начальникъ губерніи находилъ нужнымъ собрать свѣдѣнія, дѣйствительно ли г. Никитенко проявлялъ признаки сумасшествия, и былъ ли онъ свидѣтельствованъ въ умственныхъ способностяхъ, согласно требованію закона. Собранныя справки удостовѣрили съ ясностью дня ненормальное душевное состояніе Александра Егоровича. Но освидѣтельствованіе его никогда не производилось. Съ такой же просьбой близкіе Александра Егоровича обращались къ мѣстному уѣздному суду, но тотъ отстранилъ отъ себя всякое вмѣшательство «въ неподлежащее его вѣдѣнію дѣло». Затѣмъ они обратились къ губернскому прокурору, но и онъ формально отвѣтилъ, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ на основаніи конвенцій съ французскимъ правительствомъ. Тогда родные рѣшили просить губернскаго предводителя дворянства, представивъ письменные результаты всѣхъ тѣхъ мытарствъ, по которымъ они имѣли хожденіе. Губернскій предводитель отнесся весьма участливо къ этому дѣлу, представилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ обстоятельную записку, находя нужнымъ настаивать передъ французскимъ правительствомъ о пересмотрѣ дѣла Александра Егоровича и о немедленномъ его освобожденіи изъ каторги.

Министерство обратилось съ энергичнымъ представленіемъ къ французскому правительству, но это послѣднее ограничилось увѣдомленіемъ отъ 26-го сентября 1867 г., что подпоручикъ русской службы А. Е. Никитенко находится въ Кайеннѣ, а менѣе года спустя, стало извѣстнымъ, что онъ тамъ и окончилъ свои горькіе дни.

V.

Въ сѣверной части Изюмскаго уѣзда проживала старуха-помѣщица, которую прозывали «по-уличному» «Бой-баба». Освобожденіе крестьянъ застало ее уже на шестомъ десяткѣ дѣйствительно воинственной жизни. Супругъ, отставной капитанъ, умеръ загадочно. При жизни онъ перенесъ рядъ внушительныхъ атакъ Серафимы Ивановны, всегда вооруженной не только собственными туфлями, но иногда и арапникомъ. Это ужасное орудіе имѣло въ то время весьма распространенное употребленіе. По сказаніямъ апокрифическихъ, можетъ быть, лѣтописцевъ, честь его изобрѣтенія принадлежитъ арапу Петра Великаго, которое царь весьма одобрилъ, какъ надежное и убѣдительное средство разгонять засидѣвшихъ пьяныхъ гостей. У Серафимы Ивановны арапникъ висѣлъ на вид-

номъ мѣстѣ въ ея опочивальнѣ. Имъ наказывалась, кромѣ супруга, и вся многочисленная дворня за маловажные проступки. Серьезныя нарушенія правилъ и порядковъ въ своей экономіи Серафима Ивановна карала розгами, смоченными въ рассолъ крѣпости, установленной особымъ приказомъ помѣщицы, притомъ всегда на конюшнѣ. Въ обширномъ старинномъ домѣ царилъ вѣчный неистовый крикъ помѣщицы. Въ дѣвичьей съ утра и до поздняго вечера работали крестьянскія дѣвушки, вышивая ковры и плетя кружева, которыя Серафима Ивановна обыкновенно разсылала въ губернію почетнымъ именинникамъ. Тишина тутъ должна была быть мертвая. Иногда въ рѣдкія минуты добродушія Серафима Ивановна приходила въ дѣвичью, пересчитывала дѣвушекъ и приказывала пѣть или веселую плясовую или печальную заунывную пѣсню. Подъ звуки стройнаго хора она часто плакала, приговаривая: «Вотъ стервы до чего меня довели». Въ ея мысляхъ тяжело, протестующе складывалось понятіе о печали, о жалости, о человѣколюбіи. Какъ-то разъ она не досчиталась одной изъ нихъ, Тани. Глаза ея разгорѣлись гнѣвомъ. Пошелъ допросъ съ пощечинами, которыми Серафима Ивановна не пропустила наградить каждую. Но дѣвушки молчали, хотя и знали, гдѣ ихъ подруга. Вооружившись арапникомъ, въ сопровожденіи своего любимаго пса «Отыграя», она бросилась на поиски. «Отыграй» зналъ, что съ барыней шутить нельзя, и выслѣдилъ въ саду несчастнаго капитана и Таню. Завидѣвъ пса, они разбѣжались. Но было поздно. Серафима Ивановна настигнула своего супруга и такъ треснула его рукояткой арапника въ темя, что капитанъ свалился, а къ вечеру лежалъ на столѣ, горячо оплакиваемый Серафимой Ивановной. Этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на «Бой-бабу», что только послѣ сорокового дня Таня была отправлена «на конюшню» для понесенія назначеннаго ей наказанія въ высшей мѣрѣ.

Смерть капитана сначала возбудила толки. Пріѣзжало начальство для разслѣдованія, но, какъ и другія дѣла, производившіяся о Серафимѣ Ивановнѣ, это дѣло исчезло безслѣдно.

Слухи о томъ, что скоро будетъ «воля», проникли и въ деревню Серафимы Ивановны. Первый ей объ этомъ сообщилъ атаманъ, потеперешнему приказчикъ. Но барыня такъ возмутилась этимъ сообщеніемъ, что приказала дворецкому Мирону собрать конюховъ и на дворѣ, въ присутствіи всей прислуги и вызванныхъ по ея приказанію «мужиковъ», выпорола атамана, чтобъ попусту не болталъ и народа не смущалъ.

Но фактъ совершился. Серафима Ивановна прежде всего «удалилась отъ свѣта», какъ она говорила, не велѣла никого принимать. Проводила время въ «образной» и тамъ молилась. Въ день объявленія манифеста демонстративно не была ни въ церкви, ни

на площади. Заперла ворота на замокъ и изъ дворни никого не пустила выслушать высочайшую волю.

— Пускай тѣшится, кто хочетъ, а вы не смѣть!— кричала она дворовымъ.

Ея имѣніе было въ участкѣ мирового посредника, барона А. Е. Розена, одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей той эпохи. Онъ выдержалъ ссылку въ Сибирь, какъ декабристъ, пріѣхалъ на родину и много потрудился на общественной нивѣ.

Устройство крестьянъ его участка, на основахъ положенія 19 февраля, проводилось имъ успѣшно, спокойно и корректно. А. Е. заслужилъ ихъ довѣріе, а съ этимъ оружіемъ ему было нетрудно устранять неизбѣжныя недоразумѣнія и удачно согласовывать интересы обѣихъ сторонъ. Еще при жизни его вышли прекрасныя записки о пребываніи въ Сибири и о крестьянскомъ дѣлѣ. Умеръ онъ въ глубокой старости. Барону Розену также пришлось испытать на себѣ особенности буйнаго, неводержимаго характера Серафимы Ивановны. Уже послѣ объявленія манифеста она нѣтъ-нѣтъ, да и выкинетъ какую нибудь такую штуку со своими дворовыми, что волосъ дыбомъ становится. Но что проходило такъ недавно безъ всякихъ для нея дурныхъ послѣдствій и осложненій, то стало вызывать жалобы. По поводу многихъ изъ нихъ и накопившагося неудовольствія А. Е. явился къ ней въ усадьбу. Строгій приказъ: «не принимать никого», былъ и на этотъ разъ точно исполненъ. Но мировой посредникъ былъ очень настойчивъ, хотя по природѣ былъ истый джентльменъ.

Послѣ длительныхъ переговоровъ черезъ наперсницу Серафимы Ивановны, весьма популярную въ околоткѣ, Макрину, мирового посредника впустили въ домъ.

— Что вамъ угодно, милостивый государь?—вскрикнула, не здороваясь, Серафима Ивановна.

Мировой посредникъ просилъ позволенія сѣсть и изложилъ самодурствующей помѣщицѣ цѣль своего пріѣзда. Серафима Ивановна нервно ходила по комнатѣ, стараясь показать, что она его не слушаетъ. Когда онъ кончилъ, барыня остановилась въ воинственной позѣ и грозно спросила:

— Дальше что? Или больше ничего?

— Нельзя, милостивая государыня, такъ поступать, какъ вы изволите. Крестьяне теперь—свободные люди. Нельзя ихъ сѣчь на конюшнѣ, нельзя ихъ истязать, этого требуетъ законъ.

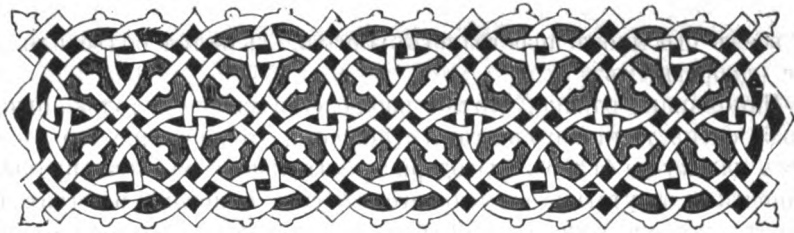
— Законъ!—неистово закричала Серафима Ивановна.—Вотъ тебѣ законъ!—и при этомъ Серафима Ивановна умудрилась совершить такое символическое оскорбленіе, которое даже въ порнографическихъ романахъ авторъ затруднился бы описать. Баронъ, какъ

ужаленный, выскочилъ изъ комнаты и уѣхалъ. Рассказывая объ этомъ случаѣ, Андрей Евгеньевичъ съ большимъ юморомъ передавалъ подробности приключенія, называя его «чрезвычайнымъ происшествiемъ».

Серафима Ивановна вскорѣ покончила свои жизненные счета, но рассказы о «Бой-бабѣ» долго жили среди населенія.

Князь Михаилъ Шаховской.

ГАМАЗЕЙНОЕ ДВИЖЕНІЕ.

(Изъ деревенскихъ настроеній).

ВРЕДЛАГАЕМЫЙ очеркъ изъ исторіи современной русской смуты стоитъ въ непосредственной связи съ очеркомъ «Устинова правда» («Истор. Вѣстн.», № 4), касаясь другихъ проявленій народнаго броженія въ томъ же уѣздѣ одной изъ промышленныхъ подмосковныхъ губерній. Въ первомъ очеркѣ описаны грабительскія «лѣсныя операціи» мужика, какъ главное активное проявленіе понятой имъ «свободы». Здѣсь же я пытаюсь дать посильный отвѣтъ на очень серьезный вопросъ: можно ли отыскать въ крестьянскомъ броженіи нашего уѣзда хотя бы отдаленные намеки на «освободительное движеніе» въ истинномъ смыслѣ этого понятія, т.-е. какъ культурное стремленіе къ дѣйствительному прогрессу?..

Ставя этотъ далеко не безразличный для насъ вопросъ, я исключая изъ отвѣта такъ называемыхъ «сознательныхъ», дѣйствительно интеллигентныхъ и вообще развитыхъ крестьянъ, которые вездѣ насчитываются рѣдкими единицами. Разумѣется, такіе крестьяне болѣе или менѣе сознательно относились къ начавшемуся движенію, значитъ, для нихъ незачѣмъ ставить указаннаго вопроса. Но не они даютъ тонъ громадному крестьянскому міру, и не они являются носителями настоящихъ, неприкрашенныхъ, чисто «мужицкихъ идеаловъ»...

Поставленный вопросъ имѣетъ въ виду сѣрую, рядовую массу крестьянства, т.-е. того подавляющаго большинства, которое вездѣ,

на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи, является болѣе или менѣе однороднымъ.

Напоминаю, однако, что мои наблюденія касаются только одного уѣзда, очень типичнаго въ томъ отношеніи, что населеніе его въ общемъ далеко не бѣдное, благодаря значительному развитію промышленности и отсутствію «земельнаго голода», а потому и достаточно развитое и очень энергичное. Любопытно прослѣдить, какъ при всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ и въ чемъ именно проявилось «освободительное движеніе» среди массы нашего крестьянства... У насъ не было почвы для аграрныхъ беспорядковъ и открытыхъ бунтовъ, и «свободный» мужикъ сказался въ болѣе мелкихъ, но очень характерныхъ дѣяніяхъ.

I.

Отъ зоркихъ глазъ уѣздныхъ кумушекъ ничто на свѣтѣ не укроется: онѣ точно подсчитали, что нашъ главный агитаторъ и глава мѣстныхъ революціонеровъ, дворянинъ Слюнинъ (см. «Устинову правду»), получилъ откуда-то на пропаганду именно 40.000 р. Правы кумушки, или нѣтъ, однако и серьезные люди, давно и хорошо знающіе Слюнина, увѣряютъ, что онъ блистательно разрѣшилъ трудную задачу—поймалъ двухъ зайцевъ: и прослылъ самымъ передовымъ общественнымъ дѣятелемъ, и капиталъ приобрѣлъ...

Они рассказываютъ, что, когда Слюнинъ вылетѣлъ съ мѣста члена земской управы, то очень скорбѣлъ о потерѣ скромнаго жалованья въ 800 рублей и сталъ нуждаться въ деньгахъ, такъ какъ имѣніе было сильно запущено. Онъ постоянно сидѣлъ въ своей усадьбѣ, увѣряя, что имѣніе «только имъ и держится», что онъ «первый работникъ» въ немъ и не можетъ бросить его ни на одинъ часъ.

Такъ оно и было въ дѣйствительности. Но когда началась революція, картина вдругъ и очень рѣзко измѣнилась. Слюнинъ бросилъ имѣніе и свободно разъѣзжалъ по уѣзду, ораторствуя на митингахъ и вездѣ пропагандируя. Однако отсутствіе «перваго работника» нисколько не повредило хозяйству, даже напротивъ—оно стало быстро улучшаться, рости съ каждымъ днемъ. Видимо хозяинъ сталъ при значительныхъ деньгахъ.

Слюнинъ—человѣкъ великодушный: онъ не только самъ сытно кормился отъ своего новаго промысла, но и мужика къ нему подпустилъ... Понадобились ему «агенты»] для пропаганды, и тонкій нюхъ мужика сейчасъ почуялъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ. Всѣ рѣчислые мужики потянулись въ новый отхожій промыселъ, очень легкій—требовалось только языкомъ болтать, да и сильно прибыльный, чисто «барскій».

И дѣйствительно, всѣ агенты Слюнина основательно покормились около него. Люди легкомысленные, конечно, живо спустили свалившіяся съ неба деньги, но основательные мужики вложили ихъ въ свое хозяйство и быстро стали превращаться изъ бѣдняковъ въ людей состоятельныхъ. Сосѣди только ахали да руками разводили, завидуя счастливымъ...

Разсказывали объ одномъ поразительномъ превращеніи: обстоятельный и хозяйственный мужикъ вдругъ бросилъ свое отличное хозяйство и записался въ агенты Слюнина. Односельчане недоумѣвали, но умный мужикъ не прогадалъ: только за одинъ мѣсяць онъ «заработалъ» около Слюнина цѣлую тысячу рублей, какъ самъ всѣмъ хвалился...

Много было охотниковъ пожитья подлѣ Слюнина, да не всѣмъ улынулась такая благодать... Является къ Слюнину мужикъ изъ села, гдѣ находится усадьба одного богатаго князя, человѣка очень вліятельнаго въ уѣздѣ и тѣмъ болѣе въ своей округѣ. Мужикъ предложилъ Слюнину быть его агентомъ по пропагандѣ. Хозяинъ охотно ухватился за него, такъ какъ въ княжеской вотчинѣ еще не было его агентовъ, да и мужикъ оказался очень умнымъ, рѣчистымъ и на все податливымъ: что хочешь въ него влей, все станетъ выбалтывать до точности... А именно такія достоинства только и требовались отъ агентовъ. О такихъ «предразсудкахъ»; какъ искренность убѣжденій и вѣра въ святость дѣла, тутъ и помину не было, такъ какъ ими не былъ зараженъ и самъ принципаль... Все дѣло состояло только въ вопросѣ о заработкѣ.

Слюнинъ принялъ мужика очень любезно, угостилъ чаемъ и винца поднесъ. Договорились, что новый агентъ будетъ получать 45 рублей въ мѣсяць. Оставалось только подписать какую-то бумажку—не то договоръ, не то запись въ члены партіи. Но тутъ умный мужикъ заупрямился и рѣшительно отказался отъ всякой «подписки». Онъ невольно проговорился:

— Боязно!.. а, ну, узнаетъ нашъ князь?.. заругается!.. Ужъ ты уволь отъ подписки... сдѣлай милость!.. заслужу...

Дѣло не сладилось, и кандидата, рано раскрывшаго свои карты, вытолкали въ шею...

Большую популярность въ уѣздѣ приобрѣли два агента Слюнина, извѣстные подъ именемъ «губернатора» и «исправника»: такъ прозвали ихъ за то, что они сами предназначили себя, въ случаѣ успѣха революціи, на мѣста дѣйствительныхъ губернатора и исправника. Оба кандидата люди недалекіе, но «губернаторъ» былъ все-таки хотя рѣчистъ, а «исправникъ» Кондрашка, служившій лѣсникомъ у одного помѣщика, совсѣмъ глупый парень, но здоровенный, игравшій роль тѣлохранителя при «губернаторѣ» и таскавшій его котомку, «портфель», чернильницу и проч. Въ портфель находилась нелегальная литература и «дѣловые бумаги»,

а чернила были нужны для записи новыхъ членовъ въ партію и для разныхъ распоряженій «губернатора». Въ тѣлохранителѣ послѣдній страшно нуждался: не проходило дня, чтобы гдѣ нибудь не поколотили и его, и самого [Кондрашку за ихъ неосновательныя рѣчи... Но они не унывали отъ того, что никакъ не могутъ выйти изъ синяковъ, и усердно вели взятый на себя подрядъ по сходнымъ цѣнамъ — переходили изъ села въ село, избѣгая большихъ митинговъ и предпочитая маленькія сходки, гдѣ не такъ больно побьютъ. Всѣ свои рѣчи оба чиновные агенты начинали моднымъ обращеніемъ къ «товарищамъ». Когда ихъ въ концѣ концовъ арестовали и увозили въ городъ, провожавшіе мужички иронически восклицали: «прощайте, товарищи!»... «Губернаторъ» и «исправникъ» не нашлись, какъ отвѣтить. Черезъ день болѣе глупаго «исправника» выпустили на свободу.

Агенты Слюнина изъ крестьянъ больше выступали на деревенскихъ сходкахъ, и рѣдкіе, лучшіе изъ нихъ, выпускались на заправскихъ митингахъ въ уѣздномъ городѣ, на заводахъ, фабрикахъ и на крупныхъ сельскихъ базарахъ. Здѣсь больше дѣйствовали самъ Слюнинъ и пріѣзжіе ораторы изъ губернскаго города, Москвы и большихъ фабричныхъ центровъ.

Но всѣми этими путями была распропагандирована незначительная часть уѣзда, примыкающая къ городу и усадьбѣ Слюнина, а также къ фабрикамъ и заводамъ. Большинство же крестьянъ не посѣщало митинговъ и не читало прокламацій, и новыя идеи доходили до нихъ черезъ вторыя и третьи руки, въ самостоятельной переработкѣ послѣднихъ. Къ этимъ толкамъ присоединились и своеобразно понятыя газетныя извѣстія и разсужденія (газеты здѣсь довольно распространены среди крестьянъ), и непонятный языкъ правительственныхъ актовъ, и разсказы очевидцевъ о событіяхъ вооруженныхъ возстаній въ Москвѣ и другихъ городахъ (въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ «республика» существовала цѣлую недѣлю) и пр. и пр.

Весь этотъ сумбуръ, сразу и неожиданно нахлынувшій на мужика, заварилъ въ его головѣ такую кашу, что не скоро онъ въ ней разобрался. Усиленно заработали мужицкіе мозги, и, къ удивленію, когда поразобрались въ новыхъ идеяхъ, то все оказалось для нихъ чрезвычайно ясно и просто...

Первымъ дѣломъ они отбросили рѣшительно все, что не касалось мужицкаго обихода, какъ будто на свѣтѣ нѣтъ никого и ничего достойнаго вниманія, кромѣ мужика!... Все «не касающее» ихъ пошло на смарку, какъ «зряшное дѣло». Но и въ своемъ великомъ мужицкомъ эгоизмѣ, сильнѣе и возмущеннѣе котораго нѣтъ другого на свѣтѣ, они восприняли изъ новыхъ ученій единственно то, что касается внѣшнихъ, матеріальныхъ благъ. «Вся земля наша, податей нѣтъ, начальства нѣтъ» — только эти и подобныя «истины»

они усвоили, запомнили и стремились осуществить. Малѣйшіе же намеки на высшія побужденія и цѣли освободительнаго движенія прошли мимо мужицкихъ головъ, какъ дуновения вѣтерка около каменныхъ глыбъ...

Въ одномъ только высшемъ вопросѣ мужики оказались сильно прикосновенными къ нему, но это не изъ области политики. Многіе ораторы на митингахъ, плохіе знатоки мужицкой психики, нерѣдко и очень рѣзко выступали противъ религіи, вызывая негодованіе крестьянъ и тѣмъ сильно губя собственное же дѣло... Часто слушатели прямо запрещали ораторамъ «толковать о Богѣ», или уходили съ митинговъ, оскорбленные въ своихъ вѣрованіяхъ.

Одинъ изъ такихъ ораторовъ, крестьянинъ, называвшій себя «соціалъ-демократомъ», явился въ приходскую церковь къ обѣднѣ. Службы еще не было, мужики сейчасъ же окружили соціала и рѣшительно подвергли его немедленному остракизму, говоря:

— Ты это чего же пришелъ въ церковь?... Толкуешь, что Бога нѣтъ, а самъ на обѣдню?!.. Какъ ты смѣешь съ нами молиться?!.. Ступай вонъ! уходи!... не то живо вздуемъ...

Какъ ни упирался «соціалъ-демократъ», уличенный крестьянами въ непослѣдовательности, а долженъ былъ уйти...

Этотъ же курьезъ отлично показываетъ, насколько поверхностно усвоили новыя ученія даже болѣе развитые изъ крестьянъ, какъ будто сознательно именовавшіе себя «соціалъ-демократами», «революціонерами» и т. д. Въ томъ же самомъ еще болѣе убѣждаешься, когда припомнишь, какъ быстро превращались съ теченіемъ времени самые «сознательные», повидимому, революціонеры изъ крестьянъ въ обыденнѣйшихъ мужиковъ, свято вѣрующихъ въ одни мужицкіе идеалы.

Всего лучше это сказалось на отношеніяхъ мужиковъ къ Слюнину. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ для нихъ божкомъ и пророкомъ, раскрывавшимъ передъ ними чуть не райскія обители. Но когда они сообразили, что ключей-то отъ этихъ обителей у Слюнина нѣтъ, недавняго божка сейчасъ же развѣнчали. Уже въ концѣ ноября, т.-е. въ самый разгаръ смуты, Слюнинъ долженъ былъ «прятаться» отъ практичныхъ мужичковъ, собиравшихся «устроить ему репетицію» (какъ выразился одинъ лавочникъ, питающій слабость къ иностраннымъ реченіямъ), т.-е. избить его на митингѣ, или даже «растерзать», какъ хотѣли болѣе ядовитые изъ мужиковъ. На одномъ большомъ базарѣ, дѣйствительно, страшно избивали трехъ агентовъ Слюнина, а самъ онъ едва ускакалъ отъ разсвирѣпѣвшей толпы.

Что же осталось отъ всѣхъ проповѣдей Слюнина и его агентовъ въ духовномъ багажѣ мужика? — нѣсколько побасенокъ невысокой пробы и много нелѣпныхъ легендъ, которыя еще долго будутъ смущать мужицкую душу... Приведу кое-что изъ этого матеріала (не выходя изъ предѣловъ нашего уѣзда).

На одномъ митингѣ какой-то заѣзжій ораторъ поразилъ крестьянъ, «больно ужъ замысловато толкуя про нонѣшнія дѣла», — разсказывалъ крестьянинъ-слушатель. Ораторъ сообщилъ такую басню.

Жители долины пользуются единственнымъ и изобильнымъ «ключомъ воды», бѣгущимъ съ горы, на которой усѣлся «богатый человѣкъ», овладѣть ключомъ и «беречь дани» за воду съ жителей долины. Послѣдніе «по глупости своей» платятъ ему дани цѣлые вѣвка. А, между тѣмъ, «стоитъ имъ взойти на гору, прогнать богатаго человѣка, овладѣть истокомъ ключа—и никакихъ даней тогда платить не будутъ, и станутъ даромъ пользоваться водою».

Увѣренъ, что въ этой баснѣ мужикъ усвоилъ только любезный его сердцу намекъ на возможность освобожденія «отъ даней»...

Про одну волость разсказывали, что тамъ появилась какая-то «бумага о присягѣ республикѣ», что присяга уже идетъ, а «присяга страшная»... Совершается де обрядъ «отреченія отъ царя и Бога—надъ тазомъ, куда согласный долженъ бросить свой натѣльный крестъ, а у несогласныхъ летить въ тазъ голова».

По другой версіи дѣло обставлено нѣсколько проще: согласные съ революціонерами собираются «подъ красный флагъ», а несогласные «подъ бѣлый», гдѣ имъ «прикладываютъ печать къ лѣвой рукѣ» и даютъ срокъ для размышленій о будущей жизни... Потомъ «бѣлыхъ» станутъ «разыскивать по печати и убивать»...

Хоронятъ де революціонеровъ такъ: въ «красномъ гробу», провожатые «въ красныхъ рубахахъ», впереди «вмѣсто креста красный флагъ», а «вмѣсто попа» парень съ «гармоникой», наигрывающій «матерлѣзу»...

Бѣдный красный цвѣтъ, столь любимый деревнею! пожалуй, ему придется скоро исчезнуть оттуда, въ виду такой дурной репутаціи его въ послѣднее время... Впрочемъ, мужикъ консервативенъ и за все свое стоитъ горюю...

II.

Если революція ничѣмъ не обогатила духовнаго багажа мужика и нисколько не расширила его политическихъ горизонтовъ, зато чисто «мужицкіе идеалы» нашли въ этомъ движеніи изобильную пищу. Мужикъ теперь вполне раскрылъ свои карты и предсталъ предъ нами во всей своей наготѣ и прелести, нисколько не скрывая своихъ алчныхъ, эгоистичныхъ аппетитовъ и ничѣмъ не прикромленныхъ антикультурныхъ и антиобщественныхъ вождельній.

Было ли въ нашемъ уѣздѣ антиправительственное движеніе?—да, если подъ правительствомъ разумѣть всякаго исправника, урядника и т. д. Не только было движеніе противъ всякихъ властей, но дѣло доходило до полнаго отрицанія всей администраціи—гражданской, духовной, земской, желѣзнодорожной и т. д.

Исключеніе составляла судебная власть: хотя и къ ней относились грубо, дерзко, нахально, но вполне игнорировать ее не смѣли; ибо мужики отлично понимаютъ, что безъ суда имъ и дня не прожить. И безъ «свободы»-то у нихъ идетъ нескончаемая грызня между собою, а тутъ, когда они дождались, повидимому, осуществленія перваго своего идеала — жить на полной своей волѣ, безъ всякихъ сдерживающихъ элементовъ порядка, они знали, что быстро превратятся въ дикую орду, раздерутся и поѣдятъ друга друга, если надъ ними не будетъ даже судебной узды.

И вотъ «судейскихъ», да еще почтовыхъ властей, явно необходимыхъ даже при «свободѣ», мужики еще признавали, но всѣ остальные власти какъ-то разомъ исчезли вдругъ въ уѣздѣ, словно по щучьему велѣнію. Легъ вечеромъ обыватель—всѣ власти были на своихъ мѣстахъ, проснулся утромъ—нѣтъ никого!.. А по уѣзду разгуливаетъ «свободный» мужикъ и дѣлаетъ все, чего «его нога хочетъ»... Пошли «правовые порядки» по законамъ мужицкой конституціи самаго радикальнаго пошиба...

Въ «Устиновой правдѣ» я замѣтилъ, что нашъ исправникъ принадлежитъ къ тому рѣдкостному типу бюрократовъ, о которыхъ даже мужикъ говоритъ, что «съ имъ жить можно». И все-таки, даже этотъ уважаемый мужикомъ человѣкъ вдругъ потерялъ въ его глазахъ всякое значеніе и превратился въ ничтожнаго чинушу, съ которымъ можно обращаться за панибрата и третировать его со всѣмъ мужицкимъ амикошонствомъ. Мужики перестали обращать вниманіе на главу уѣзда, нахально грубили ему, явно задирали, не отвѣчали на поклоны, хотя онъ попрежнему былъ съ ними всегда вѣжливъ и деликатенъ. Его мягкая натура, съ художественными задатками (онъ хорошій музыкантъ, рисовальщикъ и пр.), не склонная къ суровымъ мѣрамъ, часто шла на слишкомъ большія уступки относительно разошедшагося мужика, въ пѣляхъ смягченія его, но это только подливало масла въ огонь. Мужики приставали къ нему съ требованіемъ денегъ на вино — онъ давалъ, предлагали поиграть на гармоникѣ—онъ, какъ увѣряютъ уѣздныя кумушки, игралъ...

Обитаетъ исправникъ въ верхнемъ этажѣ дома, внизу котораго помѣщается монополія. Прежде тутъ было всегда чинно и тихо, а теперь — «одна срамота», какъ выразился очевидецъ. Послѣдній шелъ по дѣлу къ исправнику, направляясь вслѣдъ за нимъ, когда тотъ съ трудомъ пробирался домой сквозь пьяную толпу около монополіи. Всѣ «свободно» пѣли, кричали, ругались, толкая исправника и не давая ему дороги... Когда очевидецъ изложилъ исправнику свое дѣло, требовавшее принятія нѣкоторыхъ мѣръ противъ своеволія мужиковъ въ одномъ имѣніи, послѣдній откровенно сказалъ:

— Не совѣтую раздражать народъ... Вы сами сейчасъ видѣли, что я ничего не могу сдѣлать съ народомъ... такое время!..

Если мужики такъ скверно относились къ человѣку, котораго сами же уважали, и власть котораго нисколько ихъ не давила, то понятно, каковы были отношенія ихъ къ своему непосредственному начальству — къ земскимъ начальникамъ, которые дѣйствительно «давятъ народъ» и вызываютъ его негодованіе со дня учрежденія этого удивительнаго института. Нечего и говорить, что съ перваго же дня свободы власть всѣхъ земскихъ начальниковъ нашего уѣзда была фактически и во всѣхъ отношеніяхъ рѣшительно упразднена.

Противъ одного злосчастнаго земскаго начальника собирался даже цѣлый походъ, съ цѣлью устроить ему «холодную забастовку» — выбить окна въ его усадьбѣ. Но къ походу готовились такъ открыто, что о немъ заблаговременно узнала полиція и приняла мѣры. На волостной сходъ крестьянъ прибылъ исправникъ и «разговорилъ» крестьянъ, т.-е. уговорилъ «лучшихъ людей» отказаться отъ похода. Однако, радикальная молодежь настаивала на своемъ: собралась кучка подростковъ въ 36 человѣкъ, съ «красными флачками и ножичками», и двинулась въ походъ.

На дорогѣ попадаетъ навстрѣчу древняя старушка и вопрошаетъ революціонеровъ:

— Куда, дѣтушки, собрались?

— Къ земскому, баушка... будемъ бастовать его...

— Ишь-ты! ишь-ты!.. Ну, съ Богомъ, дѣтушки!.. поспѣшайте, а то, чай, не дождутся васъ тамъ какіе-то солдатики на коняхъ... понаѣхало ихъ къ земскому немало...

— Что ты, баушка?! знать, казаки?!..

— А не знаю, родимые, какъ они прозываются, може, и казаки... а только ждуть они васъ, точно что ждуть... поспѣшайте, дѣтушки!..

Толпа наполовину растаяла и повернула назадъ, и только небольшое нѣсколько охотниковъ, рискнувшихъ двинуться дальше небольшими кучками, спрятавши флачки по карманамъ. Смѣльчаки подошли къ усадьбѣ земскаго, посмотрѣли издали на казаковъ и разошлись спокойно по домамъ. Такъ смѣхотворно закончилась эта исторія, своимъ началомъ напугавшая весь уѣздъ... Въ тотъ же день казаки ушли, но мужики больше не покушались на «забастовку» земскаго. Впрочемъ, онъ скоро подалъ въ отставку, напуганный разными угрозами.

Если мужичьи «протесты» противъ правительственныхъ властей выливались въ формѣ хулиганства и разныхъ дѣтскихъ выходокъ, то, быть можетъ, настоящія цивическія доблести они обнаружили въ своемъ кровномъ дѣлѣ — въ крестьянскомъ самоуправленіи? Именно тутъ имъ было легко развернуться вовсю, когда власть земскихъ начальниковъ была совершенно упразднена фактически, и никто рѣшительно не могъ помѣшать «творчеству» мужика. Что же тутъ вышло?

Слюнинъ какъ-то расхвастался:

— Вотъ мы смѣнимъ всѣхъ волостныхъ старшинъ, потомъ земскихъ начальниковъ, а тамъ... посмотримъ!..

Увы, ему не удалось выполнить даже перваго пункта программы: изъ 14-ти волостей уѣзда только въ 4-хъ мужики избрали новыхъ старшинъ. И смѣна эта произошла вовсе не потому, чтобы крестьяне были недовольны прежними старшинами и загорѣлись желаніемъ посадить на ихъ мѣста лучшихъ людей. Вовсе нѣтъ! Подобной задачи не было у нихъ и въ помышленіи, а все сводилось къ требованіямъ мужицкой жадности — найти людей, хотя сортомъ пониже, зато много «подешевле»...

Въ здѣшней губерніи волостные старшины получаютъ, на первый взглядъ, чрезчуръ большое жалованье—отъ 500 до 1.000 рублей. Но въ эту цифру входитъ обязательство имѣть свою лошадь для волостныхъ разъѣздовъ. Притомъ, волости здѣсь большія, и занятій у старшины такъ много, что ему самому уже немыслимо заниматься своимъ хозяйствомъ, и онъ долженъ нанимать работника (минимумъ за 100 рублей въ годъ) да имѣть лишнюю лошадь для хозяйства.

Когда мужиковъ обуяла экономія, и они уменьшили жалованье старшинамъ наполовину и меньше, большая часть послѣднихъ осталась на мѣстахъ, надѣясь на скорое возвращеніе прежнихъ условій службы, но 4 старшинъ отказались служить за уменьшенное жалованье и ушли. Понятно, изъ опытныхъ людей не нашлось охотниковъ занять отвѣтственные мѣста, плохо оплачиваемыя. Но немало явилось кандидатовъ «подешевле», такъ что пришлось между ними «метать жребій». Въ одной волости, гдѣ жалованье уменьшили съ 500 р. на 200 р., жребій палъ на такого «плохенькаго мужиченка» (онъ «чуть не побирался»), что «сами мужики опѣшили»... Однако, дѣло было сдѣлано. Новый избранникъ, самъ подписавшій приговоръ объ уменьшеніи жалованья, по истеченіи мѣсяца сталъ плакаться, что на 200 р. «жить нельзя». Къ его счастью, уѣздный сѣздъ скоро спохватился и призналъ незаконными выборы всѣхъ 4 старшинъ до срока. Всѣ прежніе были восстановлены, и мужики успокоились.

Больше они не додумались въ этой области ровно ни до чего, если не считать неудачнаго покушенія на образованіе «всесословной» волости... Въ нѣкоторыхъ волостяхъ были составлены приговоры объ обложеніи частновладѣльческихъ земель по 6 коп. съ десятины на волостные расходы. Однако, додумавшись до этой благой мысли, мужики нисколько не подумали о томъ, что въ такомъ случаѣ необходимо дать землевладѣльцамъ право на участіе во всѣхъ дѣлахъ волостного міра. Нѣтъ! они собирались только разложить на всѣхъ обывателей волости неприятный сборъ, а больше ни къ чему не стремились...

Вѣсь экономіи обуялъ мужиковъ, и ни одно ученіе Слюнина не было такъ мило ихъ сердцу, какъ то, что отнынѣ мужикъ «свободенъ отъ податей». За это всего больше они и полюбили Слюнина, и полученную отъ него «истину» будутъ передавать изъ рода въ родъ, до скончанія вѣковъ.

Истина была тѣмъ милѣе, что осуществить ее было очень легко: мужики перестали платить всякіе налоги. Въ концѣ 1905 г. податной инспекторъ говорилъ, что онъ «съ октября не внесъ въ казначейство ни копейки». Назначеніе аукціонной продажи имущества недоимщиковъ не достигло цѣли: никто не являлся на торги...

Даже самые обстоятельные мужики изъ завѣдомыхъ «столповъ отечества»—и тѣ были искренно убѣждены въ своемъ правѣ ничего не платить въ казну. Одинъ изъ нихъ такъ говорилъ:

— Помилуйте! мы тысячу лѣтъ платили!.. будетъ съ насъ.

Какъ будто они одни платили!.. Говорилъ это очень богатый мужикъ-кулакъ, который въ 2—3 дня зарабатываетъ то, что съ него беретъ казна и земство за годъ. Говорила въ немъ одна мужицкая жадность и полное отсутствіе всякихъ цивическихъ чувствъ... Такъ рассуждали и всѣ мужики: было бы имъ хорошо, а на все остальное немужицкое имъ «начхать»...

Даже когда прошелъ угаръ «свободы», и тогда казенные налоги были заплачены очень рѣдкими селеніями, именно самыми «сѣрыми», глухими, до которыхъ доходили лишь слабые всплески «освободительной» волны. Большинство же ничего не вноситъ и доселѣ, когда пишутся эти строки (конецъ марта). И замѣчательно, что упорнѣе всѣхъ отказываются отъ платежей именно самыя состоятельныя селенія, о которыхъ извѣстно, что свободныя деньги у мужиковъ есть: они сами не скрываютъ, что часть денегъ нарочно «отложили и берегутъ на недоимки»... А добровольно не хотятъ вносить и, очевидно, ждутъ, когда надъ ними поднимется правительственный кулакъ... Свободные граждане!..

Волостныя и сельскія власти «разговариваютъ» мужиковъ, но толку не выходитъ: «очень ужъ мы народу примелькались»,—говорятъ эти власти. Мужики отдѣлываются отъ нихъ словами, ссылаясь то на преувеличенный неурожай, то на примѣръ сосѣднихъ уѣздовъ, гдѣ тоже не платятъ, то чаще всего самый обстоятельный резонъ — «какъ люди, такъ и мы»... Одинъ старшина на это замѣтилъ мужикамъ:

— Ну, люди полѣзутъ въ пролубъ—и вы за ними?!

Мужики промолчали, ибо отлично знаютъ, что нельзя имъ не лѣзть туда, куда лѣзетъ все стадо...

Спросили одного развитого крестьянина, интересующагося политикою и понимающаго финансовыя затрудненія государства, почему не платить налоговъ онъ, человѣкъ состоятельный. Онъ отвѣтилъ:

— Какъ бы не прогадать, заплативши-то?! Бакоть, что можно не платить... А деньги у насъ готовы... какъ же!..

Разумѣется, въ этомъ уклоненіи отъ казенныхъ налоговъ одни младенцы могутъ увидѣть «протестъ» противъ правительства: мужики просто были рады случаю урвать хотя что нибудь въ свою пользу... Было бы понятно и резонно, если бы они стремились къ уменьшенію налоговъ, нѣсколько тяжелыхъ даже для нашей небѣдной мѣстности. Но они били не на это, а на полное освобожденіе отъ всякихъ налоговыхъ обязанностей.

Въ этомъ задушевномъ своемъ стремленіи мужики дошли до рѣшенія, что имъ не нужно и земство, служащее почти исключительно интересамъ мужика... Чтобы «скостить» его, они перестали платить земскіе налоги и не платятъ ихъ доселѣ. Земство находится на краю банкротства, кое-какъ пробавляясь займами изъ губернскихъ капиталовъ, да отчасти взносами крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ (хотя за тѣми и другими числится крупная недоимка въ 25 тысячъ, т.-е. и они не отстаютъ отъ мужиковъ).

Мужики откровенно говорятъ, что они «съ полнымъ удовольствіемъ» обойдутся безъ земскихъ школъ, больницъ, сельско-хозяйственныхъ складовъ и проч. и проч. Не нужно имъ ни докторовъ, ни агронома, ни дорожнаго техника, ни оспопрививателей и т. д. Все это требуетъ большихъ денегъ, а лучше, ежели эти деньги останутся въ карманѣ мужика, и каждый распорядится ими по своему вкусу — кой пропьетъ, прогуляетъ, а иной и въ дѣло употребить...

Впрочемъ, любящій полѣчиться мужикъ непрочъ оставить земскихъ фельдшеровъ, но чтобы они были «какъ можно подешевле» — примѣрно изъ «ротныхъ», коихъ теперь видимо-невидимо вернулось изъ Маньчжуріи. Еще отстаиваютъ мужики «скотинныхъ докторовъ» и даже негодуютъ, что земство цѣнить ихъ дешевле чловѣчкихъ...

Упразднивши земство, мужикъ довольно неожиданно додумался и до... упраздненія церкви, и опять таки въ силу чисто матеріальныхъ побужденій... Въ нѣкоторыхъ селахъ составлялись приговоры «объ отдѣленіи церкви отъ самодержавія» (sic!)... Долго не удавалось выяснить, что такое заворшилось въ мужицкихъ головахъ подъ такимъ мудренымъ опредѣленіемъ. Политическіе недоноски торжествовали, вѣруя, что нашъ мужикъ уже доросъ до вопроса, къ рѣшенію котораго только на-дняхъ приступила Франція... Увы, мужицкій ларчикъ открылся гораздо проще.

«Отдѣленіе церкви отъ самодержавія» означаетъ желаніе мужиковъ, чтобы всѣ церковные сборы оставались на мѣстѣ и шли только на свою церковь, а не отсылались бы въ «губернію», гдѣ идутъ на разные епархіальные расходы — на духовно-учебныя за-

веденія и проч. Последнее обстоятельство не извѣстно мужикамъ, и они воображаютъ, что ихъ деньги, собираемыя по церквамъ, идутъ на роскошное житіе церковныхъ властей... Одинъ церковный староста, богатый мужикъ-кулакъ, жаловался:

— Изъ нашихъ церквей отбираютъ всѣ деньги, а сами какъ живутъ?.. у нашего архіерея семьи нѣтъ, а онъ одинъ получаетъ 10 тысячъ жалованья!..

Велико было бы его негодованіе, если бы онъ зналъ, что мѣстный архіепископъ получаетъ годового дохода (отъ монастыря, выгоднаго подворья въ Москвѣ и жалованья) не 10 тысячъ, а 35 тысячъ.

Разумѣется, староста правъ, что лица «ангельскаго чина» зарабатываютъ деньги совсѣмъ не по чину... Но его іереміады преслѣдовали не эту собственно цѣль.

Что же имѣютъ въ виду мужики, когда требуютъ, чтобы ихъ деньги оставались въ своихъ церквахъ? Единственная ихъ цѣль— поймать двухъ зайцевъ: и Богу угодить своими грошами, и на эти же гроши завести поповъ сортомъ пониже и «подешевле»... Они рисуютъ такія перспективы съ «своими, мужицкими попами»:

— Будемъ держать попа, какого хотимъ... Кончилъ паренекъ сельскую школу, малость подросъ—сейчасъ мы его въ попы... Положимъ ему жалованье, какъ слѣдъ—25 рублей въ мѣсяцъ, а больше ни-ни! ни земли, ни доходовъ—не моги ничего брать!.. А станетъ брать, долой его, выбирай другого, може, еще и подешевле найдется... Попы тогда пойдутъ дешевые... много разведется попа, знай, выбирай!..

Въ этой-то дешевизнѣ будущихъ поповъ и заключался весь смыслъ «отдѣленія церкви отъ самодержавія»...

Ш.

Неустанная мужицкая заботливость и вѣчная боязнь за свои «животы» особенно блистательно проявились въ пресловутомъ «гамазейномъ» движеніи, взбудоражившемъ весь уѣздъ и напугавшемъ даже «губернію». Это было у насъ самымъ крупнымъ «революціоннымъ» дѣяніемъ мужика, заразившагося якобы стремленіемъ «подорвать финансовый престижъ государства», если даже не довести Россію «до банкротства»...

Разумѣется, никакихъ такихъ ужасовъ въ дѣйствительности не было, когда мужикъ исполошилъ и сталъ выбирать изъ казначейства свои «гамазейныя деньги», какъ онъ называетъ собираемыя съ него магазинныя деньги, сборъ которыхъ замѣняетъ здѣсь содержаніе въ натурѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ (въ просторѣчці «гамазеи»).

Нельзя отвергать, что и до нашего мужика доходили, благодаря Слюнину и его агентамъ, отголоски революціонныхъ требованій о

выборкѣ капиталовъ изъ сберегательныхъ кассъ и тому подобной финансовой борьбы съ правительствомъ. Но мужикъ и не подумалъ бы принять участіе въ подобной манифестаціи противъ правительства, если бы до него не дошли толки о финансовой паникѣ, заразившей въ то время и высшіе круги русскаго общества. Если послѣдніе стали опасаться за цѣлость своихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ русскіихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, тѣмъ естественнѣе было испугаться мужику.

И у насъ не одни богатые мужики, но и люди интеллигентные, купцы, попы и всѣ стали подумывать о томъ, не безопаснѣе ли по нынѣшнимъ временамъ вернуться къ прадѣдовскимъ обычаямъ—держать деньги дома въ кубышкахъ, чулкахъ и т. п. Многіе такъ и дѣлали, къ огорченію чиновъ мѣстнаго казначейства. Послѣдніе всячески боролись съ этимъ движеніемъ, но не могли совладать съ нимъ. Происходили такіе курьезы.

Является въ казначейство старуха-крестьянка и требуетъ возврата своего вклада въ 500 рублей. Чиновникъ принимается уговаривать бабу:

— И какъ тебѣ не стыдно!.. Ты позоришь Россію!.. Обижаетъ царя!..

— Нѣтъ, ужъ ты, батюшка, подай мои денежки... такъ-то оно вѣрнѣе будетъ... Неча зубы заговаривать!..

— Дура ты, старая!.. у насъ твои деньги цѣлы будутъ...

— Нѣтъ, ужъ ты какъ хочешь, а подавай мои деньги... Боязно!.. Пугаютъ насъ... И не уйду, пока не отдашь...—упорно стояла на своемъ баба и выручила деньги.

Но «гамазейное» движеніе было вызвано не столько этой паникой, сколько обычною халатностью нашей администраціи. Въ одной волости, вслѣдствіе значительнаго неурожая, уже въ октябрѣ крестьяне составили приговоры о выдачѣ половины гамазейныхъ денегъ. Земскій начальникъ утвердилъ приговоры и передалъ въ уѣздный сѣздъ, но не торопился составленіемъ «посемейныхъ списковъ», безъ которыхъ выдача денегъ невозможна.

Являются крестьяне къ земскому, чтобы ускорить затянувшуюся выдачу, а онъ отсылаетъ ихъ въ сѣздъ, увѣряя, что «всѣ бумаги тамъ». Идутъ въ уѣздный сѣздъ, а тамъ говорятъ, что земскій еще не прислалъ списковъ...

Всполошились мужики и порѣшили, что чиновники водятъ ихъ за носъ и отлыниваютъ отъ выдачи гамазейныхъ денегъ, такъ какъ де эти деньги растрочены земскимъ начальникомъ... Страшное подозрѣніе живо облетѣло весь уѣздъ и подняло крестьянъ въ участкахъ другихъ земскихъ начальниковъ: всѣхъ заподозрѣли въ растратѣ мужицкихъ денегъ. Мужики рѣшили добыть свои деньги силою, а не выдадутъ—«забастовать» до смерти и земскихъ, и всѣхъ чиновниковъ...

Въ ближайшее засѣданіе уѣзднаго сѣзда явилась въ городъ толпа возбужденныхъ мужиковъ въ нѣсколько сотъ человекъ. Она заняла помѣщеніе сѣзда, сосѣднія комнаты, лѣстницу, а не помѣстившіеся внутри окружили зданіе снаружи. Толпа страшно галдѣла, ругалась, неистовствовала.

Не сладко себя чувствовали собравшіеся въ неполномъ составѣ члены сѣзда—исправникъ, два члена земской управы, податной инспекторъ и одинъ изъ земскихъ начальниковъ (не тотъ, что заварилъ всю кашу). Позже подѣхалъ уѣздный членъ окружнаго суда—толстякъ, съ трудомъ протискавшійся сквозь толпу. Когда онъ взобрался на лѣстницу и пріостановился, тяжело дыша и отдуваясь, толпа нахально заорала:

— Ишь ты!.. глянь-ко, робя!.. како брюхо ёнъ нарастилъ на наши деньги!.. ахъ, ты!..

На улицѣ толпа сцѣпилась съ кучеромъ толстяка, позволившимъ себѣ непочтительно отозваться о миломъ еще тогда сердцу мужиковъ Слюнинѣ. Къ кучеру приступили съ такими угрозами, что онъ посигѣшилъ удрать съ экипажемъ.

О томъ же помышляли и члены сѣзда, медлившіе съ открытіемъ засѣданія, въ напрасномъ ожиданіи остальныхъ сочленовъ. Но пути отступленія были уже отрѣзаны... Толпа все болѣе и болѣе напирала на столъ, за которымъ стояли, прижавшись къ стѣнкѣ, блѣдые, дрожащіе чиновники, тщетно пытавшіеся доказать толпѣ, что они не имѣютъ права выдать деньги въ такомъ составѣ, безъ разрѣшенія высшей власти, безъ посемейныхъ списковъ и другихъ формальностей.

Эти увѣренія еще больше взвинтили толпу. Она ревѣла, и задніе кричали переднимъ:

— Нажимай на нихъ!.. напирай!.. дави!.. припирай къ стѣнкѣ!.. безъ денегъ не уйдемъ!.. всѣхъ васъ побьемъ, коли не отдадите всѣхъ нашихъ денегъ!.. нажимай, робята!..

И робята нажали... Затрещали скамейки, столы, зазвенѣли стекла разбитыхъ оконъ, въ которыя ворвались неистовые крики уличной толпы. Въ одинъ моментъ была сломана рѣшетка около судейскаго стола, и толпа охватила столъ, сдвинула его и совсѣмъ прижала къ стѣнѣ членовъ, потерявшихъ всякую возможность двигаться. Со стола слетѣло зеркало и брякнулось на полъ.

Задніе мужики вскакивали на скамейки, столы и по головамъ переднихъ лѣзли впередъ, «какъ на Ходынкѣ», припомнилось одному изъ «приговоренныхъ», когда онъ рассказывалъ позже о пережитыхъ тогда ужасахъ. Въ карманѣ у него былъ револьверъ, и онъ судорожно оцупывалъ его, думая о томъ, «какъ бы подороже продать жизнь»...

Но до этого не дошло. Волею-неволею чиновники открыли незаконное засѣданіе и постановили незаконное рѣшеніе: выдать тре-

бующимъ всѣ гамазейныя деньги... Послали за деньгами въ казначейство и тотчасъ стали раздавать. Толпа мгновенно успокоилась, и «звѣрь» быстро перевернулся въ «добраго русскаго мужичка»...

Вѣсть объ удачной выемкѣ гамазейныхъ денегъ первой партіей крестьянъ разошлась по уѣзду, и въ слѣдующіе дни въ городъ потянулись другія партіи за тѣмъ же. Засѣданія уѣзднаго сѣзда не было, и мужики ловили по городу отдѣльныхъ членовъ, приставаая къ нимъ насчетъ выдачи денегъ. Въ земской управѣ они поймали предсѣдателя и «малость прижали» его, когда онъ сталъ удирать отъ нихъ. Только при помощи одного волостного старшины ему удалось вырваться изъ толпы, сѣсть на извозчика и ускакать домой, оставивши на полѣ брани дорогую мѣховую шапку, которою овладѣлъ кто-то изъ гамазейщиковъ.

Пріѣзжаетъ предсѣдатель управы на свою городскую квартиру и не успѣлъ нѣсколько вздохнуть, какъ вламывается къ нему земскій начальникъ, также едва ускакавшій отъ толпы, которая де идетъ по его слѣдамъ... Очевидно, мужики разсудили, что если поймають двухъ членовъ сѣзда и заставятъ ихъ честь-честью устроить засѣданіе, то деньги будутъ добыты. Но хитроумный планъ не удался...

Земскій бросился въ одну сторону и гдѣ-то укрылся, а предсѣдатель поскакалъ на станцію и сѣлъ въ поѣздъ, направлявшійся въ сосѣдній уѣздный городъ. Пріѣзжаетъ туда и попадаетъ въ самый разгаръ тамошней революціи, когда въ городѣ была заведена настоящая «республика»... Бѣдный предсѣдатель летитъ тогда въ губернской городъ, но и тамъ попалъ въ развалъ революціонныхъ демонстрацій... Скитанія его кончились тѣмъ, что онъ поспѣшилъ вернуться въ свое имѣніе и тамъ только нашель нѣкоторое успокоеніе.

А гамазейное движеніе все росло и росло. Во всѣхъ селахъ собирались сходки и составлялись приговоры о выемкѣ денегъ. Порядочные крестьяне отказывались итти въ городъ за деньгами, въ которыхъ совсѣмъ не нуждались, прямо говоря, что имъ «совѣстно итти» и требовать гамазейныхъ денегъ, когда хлѣба у нихъ достаточно. Но такіхъ «міръ» принуждалъ, штрафуя не желающихъ итти по 2 р. cadaго. И шли всѣ цѣлыми обществами, съ твердымъ рѣшеніемъ—«бить до смерти чиновниковъ, ежели не выдадутъ»...

И чиновники выдали за короткое время болѣе 20 т. гамазейныхъ денегъ. За многими обществами числилось болѣе 1 т., и они получали тогда ренту, за промѣнъ которой, для дѣлежа по «душамъ», приходилось терять около 150 р., что приводило мужиковъ въ страшное негодованіе. Нѣкоторыя общества долго вертѣли мозгами, но ничего не надумали, только полюбовались на билеты и отнесли ихъ обратно въ казначейство. Но большинство размѣняло ренту и подѣлило деньги, къ огорченію благоразумныхъ элементовъ.

Въ одномъ селѣ произошла настоящая междоусобная брань, съ дрекольями, потасовками и разбитіемъ оконъ у старосты и другъ у друга. Дѣло въ томъ, что одна часть этого общества внесла въ свое время гамазейныя деньги раньше другой, и теперь первые получили при дѣлежкѣ больше, благодаря наросшимъ процентамъ, чѣмъ вторые, потерявшіе проценты. Не знаю, чѣмъ кончилось это взаимное «неудовольствіе», какъ очень скромно опредѣлялъ разсказчикъ крупную боевую стычку односельчанъ.

Результаты всей этой финансовой операціи мужика получились блестящіе, только не для него... Купцы въ уѣздномъ городѣ и торговыхъ селахъ потирали руки отъ удовольствія и ставили свѣчи за здоровье того земскаго начальника, который заварилъ эту кашу. Никогда они такъ не торговали, какъ теперь, когда мужикъ разошелся на гамазейныя деньги. Мужики покупали бархатъ, шелкъ, лампы-молніи, бездѣлушки и т. п. Вся залежавшаяся заваль быстро исчезла въ лавкахъ, полетѣли въ Москву экстренные заказы товаровъ.

Такъ поступили болѣе «благоразумные» изъ гамазейщиковъ, а легкомысленные отнесли деньги въ монополию, которая также не помнила, чтобы когда такъ торговала. Стоило чиновникамъ казначейства такъ волноваться, когда гамазейныя деньги изъ одного казеннаго кармана переходили въ другой!.. Нѣкоторые мужики даже животы свои положили за монополию, возвращаясь домой въ морозы. Въ одной деревнѣ двое гамазейщиковъ кое-какъ вернулись полузамершими, а отъ третьяго возвратилась домой одна лошадь съ поломанными оглоблями, а хозяинъ съ санями такъ и пропалъ. Поживились еще отъ гамазейщиковъ сельскіе лавочники и кулаки, собравшіе теперь самые безнадежные долги, на которые давно махнули рукой.

Увы, далеко не всѣмъ мужикамъ удалось такъ чудесно погулять на гамазейныя деньги... Нѣкоторыя общества запоздали и явились въ городъ, когда тамъ повѣяло казачьимъ духомъ.

На одно административное засѣданіе уѣзднаго съѣзда явилась толпа крестьянъ и спокойно ждала очевидной выдачи гамазейныхъ денегъ. Не помѣстившіеся въ залѣ усѣлись на лѣстницѣ и закурили свои «цыгарки», мирно бесѣдуя о предстоящихъ удовольствіяхъ отъ монополіи и т. п. Вдругъ входитъ въ сѣни казакъ (изъ только что прибывшаго въ городъ отряда въ 20 человекъ), оглядываетъ стихнувшихъ вдругъ мужиковъ, видитъ непорядокъ и начальнически кричитъ на нихъ:

— Вы что же тутъ разсѣлись, мужланы?.. Не смѣть тутъ курить!.. Вонъ пошли!..

Мужики побросали цыгарки, сняли шапки и потихоньку, одинъ за другимъ убрались на улицу...

Казакъ вошелъ въ залу засѣданія, остановился у дверей и, адресуясь къ исправнику, гаркнулъ громовымъ голосомъ: — Честь

имѣю явиться къ вашему высокородію!.. Гдѣ прикажете занять постъ?..

Мужики опѣшили и сразу какъ-то осунулись, согнулись... Затѣмъ стали пятиться къ дверямъ и уходить вонь, побросавши не только шапки свои, но и лежавшія на столѣ, уже отсчитанныя гамазейныя деньги... Слышно было, какъ они быстро скатывались по лѣстницѣ, мягко шурша валенками...

Ни одного «дурного слова» не сказалъ мужикамъ казакъ, но эффектъ неожиданнаго появленія его былъ поразительный. Не знаю, была ли эта сцена подстроена, или разыгралась случайно, но она имѣла большіе результаты: мужики перестали являться за гамазейными деньгами.

Въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ, всполошились было крестьяне, разыскивая свои капиталы, полученные за отчужденіе ихъ земель подъ дорогу. Какъ извѣстно, этихъ денегъ не выдаютъ крестьянамъ на руки, а частію покрываютъ ими выкупные платежи, или берегутъ на покупку земли взамѣнъ отчужденной. Этотъ порядокъ отлично знаютъ крестьяне, но ихъ смутилъ одинъ попъ, ѣздившій въ Петербургъ и получившій тамъ деньги за отчужденную подъ дорогу церковную землю. Попъ всемъ хвастался своей удачей и раздражилъ мужиковъ... Думали— гадали они и, наконецъ, додумались до такого средства, чтобы раздобыть свои деньги за отчужденныя земли.

Является толпа ихъ на ближайшую станцію и заявляетъ ей начальнику:

— А мы къ тебѣ за деньгами...

— За какими—такими?

— Какъ за какими?! коротка твоя память!.. ишь, ты, забыть!.. Не знаешь что ли, сколько десятинъ нашей земли отошло подъ твою чугунку? вотъ каки деньги!.. подавай ихъ сейчасъ!..

— Да это меня не касается... не я отбиралъ вашу землю...

— Какъ не касающее?! ишь, ты, какой сладкой!.. отвливаешь!.. Не, братъ, насъ не проведешь... Вотъ тебѣ весь сказъ нашъ: ежели ты не выдашь намъ денегъ, такъ мы и полотно разберемъ на твоей чугункѣ, и рельсы поснимаемъ... а не то не станемъ пропускать поѣздовъ, будемъ задерживать ихъ!..

— Не совѣтую!.. Вотъ прочитайте въ газетахъ: гдѣ-то мужики попортили желѣзную дорогу, такъ все сосѣднія деревни оштрафованы на 5 тысячъ...

— Что ты?! Вѣрно?..—загадѣла удивленная толпа.

— Да ужъ чего вѣрнѣе!.. А за остановку поѣзда полагается штрафъ въ 500 рублей.

— Ну, это не ладно!.. Тутъ будетъ для насъ одна вреда... Какъ же теперь намъ быть?!..

Начальникъ станціи объяснилъ имъ, куда слѣдуетъ обратиться за справками. Мужики справились, убѣдились, что капиталы ихъ цѣлы, и успокоились.

Слюнинъ совѣтовалъ крестьянамъ требовать отъ казны всѣхъ внесенныхъ раньше выкупныхъ платежей за надѣльные земли... Чины казначейства уже приходили въ ужасъ, ожидая этихъ требованій... Они напрасно волновались: мужикъ не внялъ проповѣди Слюнина, резонно рассуждая, что оплаченная земля «куда крѣпче даровой». Но отъ новаго прирѣза «даровой землицы» весьма не прочь и нашъ мужикъ, хотя здѣсь не чувствуется никакого «земельнаго голода», даже напротивъ. Здѣсь немало бывшихъ «экономическихъ» крестьянъ, т.-е. принадлежавшихъ когда-то монастырямъ (такимъ богатымъ, какъ Троицкая лавра, московскій Симоновъ и другіе), затѣмъ отписанныхъ въ казну. Всѣ они получили такіе большіе надѣлы, что и сейчасъ у многихъ обществъ лежатъ по сто и больше десятинъ не обрабатываемыми. У всѣхъ были и надѣльные лѣса, остатки которыхъ окончательно подчищены теперь, въ наивной надеждѣ, что всѣмъ безлѣснымъ вновь и даромъ «отрѣжутъ лѣску»..

Въ одномъ бывшемъ «экономическомъ» селѣ пустующей надѣльной земли такъ много, что крестьяне дали зарокъ—«и не заикаться про землю», т.-е. ни съ кѣмъ не разговаривать про нее, опасаясь, что излишекъ «отнимутъ» сами сосѣди, не то отберетъ казна для тѣхъ, у кого земли меньше..

Послѣднее наблюдается у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и у нихъ почти вездѣ остались тѣ же нормы надѣловъ три—четыре десятины, какія получены при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Это объясняется, какъ превращеніемъ части крестьянъ въ фабричныхъ рабочихъ, совсѣмъ оторвавшихся отъ деревни, и отливомъ ихъ въ Москву и другіе города, такъ и вообще слабымъ приростомъ населенія.

Напримѣръ, въ одной деревнѣ, какъ въ 1861 г. было двадцать «душъ», такъ и теперь, въ 1906 г., состоитъ столько же. Завелась было какъ-то «двадцать первая душа», да догадалась скоро помереть, чтобы не портить положенныхъ судьбой для деревни «штатовъ»... Въ другой деревнѣ одна баба такъ опредѣлила страшную дѣтскую смертность:

— Носила я тринадцать брюховъ, а выростила четырехъ ребятъ...

И, несмотря на все это, мужицкой жадности къ землѣ нѣтъ предѣла... Къ одному землевладѣльцу крестьяне пристали, чтобы онъ продалъ имъ «по божеской цѣнѣ» 100 десятинъ его самой лучшей земли, въ которой они рѣшительно не нуждаются. Онъ спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вамъ эта земля?

— А мы будемъ сдавать ее въ аренду...—соткровенничали мужики, мечтавшіе, какъ они станутъ наживать на этой землѣ,

«прижимая» свою же болѣе нуждающуюся братію..: Вотъ она, «борьба пролетаріата съ капиталомъ», и вотъ они, мужицкіе «соціаль-демократы»...

Другой случай еще характернѣе. Одна деревня въ крѣпостное время принадлежала двумъ помѣщикамъ—назовемъ—Иванову и Петрову, откуда и крестьяне зовутся «ивановскими» и «петровскими», составляя доселѣ два «общества», вѣчно грызущіяся между собою. Сосѣдній землевладѣлецъ, къ которому перешли земли Иванова и Петрова, продаетъ теперь имѣніе крестьянскому банку. Послѣдній вступилъ въ переговоры съ крестьянами обоихъ обществъ, но ивановскіе принимаютъ всѣ мѣры, чтобы оттереть отъ покупки петровскихъ и самимъ завладѣть продающеюся землею... Получивши повѣстку на засѣданіе уѣздной земельной комиссіи, ивановскіе скрыли ее отъ петровскихъ, а сами отправились въ городъ, для переговоровъ съ офіщникомъ банка и комиссіей. Петровскіе узнали это и негодуютъ на ивановскихъ, прямо говоря:

— Они хотятъ весь участокъ скупить и сдавать намъ въ аренду, чтобы держать насъ въ рукахъ, какъ крѣпостныхъ...

Увѣренъ, однако, что и плачущіеся петровскіе мужики были бы безконечно рады превратить ивановскихъ въ своихъ «крѣпостныхъ»...

И это непременно будетъ—въ деревнѣ снова появятся настоящіе «крѣпостные» и «новые помѣщики», но тѣ и другіе изъ одного и того же мужицкаго тѣста. А случится это, когда «свободный» мужикъ получитъ возможность невозбранно добиваться осуществленія своихъ «мужицкихъ идеаловъ»...

Положимъ, «хозяйственные мужички» сейчасъ ежятся и справедливо говорятъ:

— Ежели мужикамъ дадутъ разграбить землевладѣльцевъ, то, скушавши ихъ, мужики примутся за насъ, за своихъ же мужиковъ, кои побогаче...

Это правда, но тутъ-то мужикъ и подавится такой костистой рыбиной, какъ «хозяйственные мужички»: этихъ не проглотишь, какъ ни прожорливъ мужикъ!.. Они переждутъ трудную полосу и воспрянутъ съ новыми силами, живо осѣдлаютъ мужика, приберутъ къ своимъ цѣпкимъ рукамъ мужицкія земли (благо, общину рѣшено похѣрить, чтобы облегчить переходъ земель въ руки кулаковъ)—и послѣдняя будетъ горше первыхъ!..

Довольно, однако, пророчествовать... Лучше подведемъ итоги сказанному.

Съ 1860-хъ годовъ въ русской литературѣ и въ общегитиіи постепенно сталъ исчезать и въ послѣдніе годы совершенно исчезъ «мужикъ», уступая мѣсто «крестьянину». Слово «мужикъ» превратилось въ [бранное, въ рѣдкихъ случаяхъ примѣнявшееся къ

сословію земледѣльцевъ. Вездѣ выступалъ «крестьянинъ», почтенный, уважаемый, любимый, о которомъ всѣ радѣли, думали, скорбѣли, изучали его, старались понять его и сблизиться съ нимъ, вывести на широкую дорогу. Можетъ быть, немало тутъ было увлеченій, преувеличеній, излишняго пѣтета... Но въ общемъ наблюдалось несомнѣнное превращеніе жалкаго «мужика» въ настоящаго «крестьянина», вполне заслуживавшаго того сердечнаго вниманія, которымъ его окружали со всѣхъ сторонъ.

И вдругъ теперь, когда началась наша удивительная «россійская революція», куда-то сталъ пропадать симпатичный «крестьянинъ», а на его мѣстѣ неожиданно появился въ полной своей возмутительной наготѣ чистокровный «мужикъ», о которомъ всѣ давно уже позабыли... Пришелъ онъ, взобрался съ ногами на столъ и увѣсисто сидитъ, дико озираясь по сторонамъ, но чувствуя себя господиномъ положенія.

Откуда онъ взялся? притаился ли онъ что ли раньше? Или вновь народился въ послѣднее «безвременье»? Было и то, и другое, и никто этого не запримѣтилъ въ-время.

Разумѣется, не могъ сразу исчезнуть весь «крестьянинъ: онъ остался и попрежнему заслуживаетъ всякихъ симпатій, какъ идущій рядомъ и нога въ ногу со всѣмъ культурнымъ русскимъ обществомъ. Но ему ли принадлежитъ будущее, когда онъ представляетъ ничтожную каплю въ громадномъ «мужицкомъ» морѣ?!

Во всякомъ случаѣ, мои наблюденія, изложенныя выше, касаются не «крестьянина», а одного только «мужика». Разказалъ я то, что наблюдалъ лишь въ одномъ уѣздѣ необъятной Руси. И конечно, я былъ бы безмѣрно счастливъ, если бы мои наблюденія стояли совершенно одинокими, исключительными...

Увы, со всѣхъ сторонъ шли и идутъ роковыя вѣсти о томъ, что вездѣ народился и проявился «мужикъ», и смѣло всюду выставляетъ собственную «мужицкую платформу», требуя къ ней исключительнаго, нарочитаго вниманія и предпочтенія предъ всѣми рѣшительно интересами всей остальной Русской земли. И, какъ настоящій господинъ положенія, «мужикъ» прямо заявляетъ, что ежели ему не будетъ дано то, чего «его нога хочетъ», то онъ спустится ступенькой ниже—превратится въ «звѣря», каковымъ онъ уже и проявилъ себя много разъ въ наши дни, во многихъ мѣстахъ—въ городахъ и селахъ, безразлично (хотя сельскій мужикъ будетъ по-ядовитѣе городского, все-таки чуточку тронутаго кое-какими культурными вѣянїями).

Не стоить повторять всѣхъ пунктовъ «мужицкой платформы» нашего уѣзда, насколько они раскрылись въ настоящемъ и предыдущемъ («Устинова правда») очеркахъ. Достаточно отмѣтить, что всѣ они проникнуты самымъ антикультурнымъ, антиобщественнымъ и интигосударственнымъ духомъ. Все, чѣмъ живы люди, у «мужика»

идеть на смарку, все немужицкое онъ отрицаетъ и ненавидить, а краеугольнымъ камнемъ всего мірозданія кладетъ одни мужицкіе «животы»!..

Не было у насъ среди мужиковъ ровно никакого «освободительнаго движенія», а было... «гамазейное» движеніе, обобщая подъ этимъ мужицкимъ терминомъ всѣ узко эгоистическіе и чисто матеріальные аппетиты и вождельнія мужика. Куда насъ заведетъ это дикое и стихійное движеніе, если борьба съ нимъ немыслима, или не по плечамъ русскому обществу,—лучше и не загадывать впередъ...

Н. Н. Оглоблинъ.

ЗАБЫТЫЯ МОГИЛЫ

на московскихъ кладбищахъ.

I.

ВЪ ВѢНѢ уже 75 лѣтъ существуетъ фондъ, пущенный въ оборотъ и предназначенный для сооруженія памятниковъ выдающимся композиторамъ. Кто былъ въ столицѣ Австріи и посѣщалъ ея старыя кладбища, тотъ помнитъ, въ какомъ порядкѣ содержатся тамъ памятники славныхъ покойниковъ. Вокругъ нихъ зелень и благоухаютъ цвѣты. Видно, что кто-то заботится о нихъ. Кто же? Магистратъ Вѣны. Онъ дѣлаетъ ежегодно опредѣленныя ассигновки на поддержаніе въ должномъ благолѣпіи могилъ, напримѣръ, Моцарта, Бетховена, Гайдна и Глюка.

Не то у насъ. Если могилы нѣкоторыхъ знаменитыхъ актеровъ еще составляютъ предметъ заботъ Театрального общества, то могилы многихъ писателей, ученыхъ и мыслителей совершенно запущены и заброшены. Какъ будто некому вспомнить о нихъ, несмотря на существованіе Литературнаго Фонда и цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учреждений!

Въ самомъ котлѣ торговаго движенія, на Никольской улицѣ, откуда ежегодно расходятся къ народу милліоны вредныхъ лубочныхъ книжонокъ, стоитъ въ Москвѣ Николаевскій греческій монастырь. Въ немъ погребенъ князь Антиохъ Димитріевичъ Кантемиръ, съ именемъ котораго связывается память объ извѣстномъ сатирикѣ и

человѣкъ прекрасной души, жившемъ исключительно для пользы своего отечества. Понятно, что каждый школьникъ долженъ бы былъ прійти и поклониться могилѣ Кантемира, но гдѣ она?

Я вошелъ въ церковь. Спрашиваю, гдѣ могила Антіоха Кантемира. Греки не могутъ показать.

— Какъ,—говорю,—она же здѣсь?... въ этомъ зимнемъ храмѣ!

— Да гдѣ же?—переглядываются монахи между собою.

И въ оправданіе своего незнанія добавляють, что они недавно въ Москвѣ, еще хорошенько не оглядѣлись.

— Отецъ настоятель, вѣрно, указалъ бы, но онъ въ настоящій часъ отдыхаетъ. Безпокоить неудобно...

— И не зачѣмъ беспокоить,—утѣшаю я монаховъ,—такъ какъ и отецъ настоятель не въ состояніи былъ бы указать Кантемировой могилы по той причинѣ, что она застлана поломъ.

Этотъ полъ-помостъ устроенъ для богомольцевъ, не желающихъ смѣшиваться съ остальными богомольцами; «такимъ образомъ (замѣтилъ Р. И. Сементковскій) эти аристократы между богомольцами попираютъ ногами прахъ того человѣка, который первый среди русскихъ писателей возвысилъ громко голосъ въ пользу равенства «пахаря и вельможи».

Невольно думается, глядя на половицы: безслѣдно исчезли для насъ могилы Сумарокова, Ѡ. Волкова, основателя театра, и князя А. И. Одоевского, а теперь исчезаетъ могила Кантемира. Зачѣмъ? За что?

II.

Кладбища московскихъ монастырей замѣчательны, какъ поминанья былой и дѣйствительно блестящей Москвы, сохранившейся въ мемуарахъ и исторіяхъ литературы. Читая могильныя плиты, останавливаясь около памятниковъ, невольно думаешь: «да, были люди, богатыри»... И воскресаетъ разомъ Бѣлокаменная тѣхъ годовъ, когда литература стояла въ сердцѣ всѣхъ жизненныхъ вопросовъ, ибо внѣ ея не было жизни, не было интересовъ. Начинаютъ мерещиться гостинья, издавшія прежде Пушкина, еще державшія тонъ декабристовъ, хранившія въ своихъ стѣнахъ нотки грибоѣдовскаго смѣха и отзвуки прямодушныхъ рѣчей кавказскаго орла съ львиной головой Ермолова и Мих. Орлова, который заключилъ капитуляцію Парижа въ 1814 году,—гостинья, «гдѣ Хомяковъ спорилъ до 9-ти часовъ утра, начавъ въ 9 вечера, гдѣ К. Аксаковъ съ мурмошкой въ рукѣ свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, гдѣ Р. выводилъ логически личнаго Бога *ad majorem gloriam Hegelii*, гдѣ Грановскій являлся съ своей тихой, но твердой рѣчью, гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича, гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ, какъ изъ воску, лицомъ, сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и пра-

вославныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно «замороженными», гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы отъ Шатобріана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгагенъ, гдѣ Боткинъ и Крюковъ наслаждались разсказами М. С. Щепкина, и куда, наконецъ, падалъ, какъ конгревова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадало»...

Донской монастырь—поистинѣ тихая пристань; сюда не долетаетъ шумъ столичнаго, да еще торговаго города. За толстой каменной стѣною, съ бойницами по угламъ, затаилось въ зелени кладбище. Въ 1591 г. на мѣстѣ его стоялъ русскій станъ, отражавшій таборы крымскаго хана. Много величественныхъ мовволевъ въ каймѣ душистыхъ цвѣтовъ, подъ стѣнью свободно разросшихся деревьевъ, видишь, ища дорогія могилы. Щебечутъ на всѣ лады птицы. Прощелъ дождь, пріятный, лѣтній дождь, освѣжилъ зеленъ, и вотъ она сіяетъ и вся лоснится, какъ будто полковая; напилась и лѣпится къ холмикамъ, памятникамъ, плитамъ.

На кладбищѣ Донскаго монастыря я нашелъ три забытыхъ могилы: Чаадаева, баснописца Дмитріева и Хераскова.

Возлѣ такъ называемой «Старой» церкви почти ушла въ землю проросшая травой и отороченная мхомъ каменная плита съ лежащей на ней металлической доской. Ржавчина изожгла и изъѣла эту доску. На ней надпись: «Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ кончилъ жизнь 1856 года 14 апрѣля». Не правда ли, краткая и похожая на самого Чаадаева, любившаго «намѣренно замораживать» свои слова,—надпись?

Могила Чаадаева производитъ впечатлѣніе могилы или всѣми забытой, или никому не нужной. Вѣрно, пройдетъ еще немного лѣтъ, и она уйдетъ въ землю, исчезнетъ безъ слѣда.

— Неужели некому привести въ порядокъ могилу?—обращаюсь я къ сторожу.

— Стало быть, некому,—отвѣчаетъ онъ безучастно,

Между тѣмъ, въ Чаадаевѣ многіе видятъ прообразъ грибоѣдовскаго Чацкаго. Не этотъ ли самый Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ напечаталъ въ «Телескопѣ» (1836 г.) «Философское письмо»,—«выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; тонуло ли что и возвѣщало свою гибель; былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ, — все равно надо было проснуться»? Да, это—могила именно того Чаадаева, который еще 70 лѣтъ тому назадь посыпалъ пепломъ главу и взмолился о покаяніи, а потомъ сталъ пророкомъ движенія и громко воскликнулъ: «что же будетъ? гдѣ же выходъ?»

Въ двухъ, трехъ шагахъ отъ чаадаевской плиты могила И. И. Дмитріева. На мраморной гробницѣ, подъ стѣнью старой березы, читаемъ: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло дѣйствительнаго тай-

наго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева. Родился 1760 г. 10 сентября, скончался 1837 г. 3 октября. Подобаеть тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Кор. XV, 53». Память добавляетъ, что д. т. с. И. И. Дмитріевъ былъ членомъ академіи наукъ и почетнымъ членомъ университетовъ, ученыхъ обществъ и оставилъ литературное наслѣдство, не утратившее совершенно цѣнности и до нашихъ дней. Развѣ перестали заучивать въ школахъ басни: «Дубъ и трость», «Два голубя», или сатиру «Чужой толкъ»? Гдѣ нибудь въ глухомъ углу томныя дѣвицы, которыя, не выходя замужъ, представляютъ собою, по выраженію Бальзака, тяжелый крестъ для честныхъ и небогатыхъ родителей, еще и теперь распѣвають: «Стонеть сизый голубочекъ» — дмитріевскій романсъ.

Литературный стаканъ, изъ котораго пилъ Дмитріевъ, не великъ, конечно, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы могила поэта оставалась забытой, и на гробницѣ лежала только половина небольшого металлическаго вѣнка, такъ какъ вторую половину унесъ какой нибудь «почитатель».

Поодаль,—если итти отъ Чаадаева и Дмитріева влѣво,—похороненъ Херасковъ.

На памятникѣ изъ красноватаго мрамора изображеніе «русскаго Гомера» и надписи:

Здѣсь прахъ Хераскова; скорбящая супруга
 Чувствительной слезой приноситъ дань ему;
 Съ ней музы платятъ долгъ любимцу своему:
 Имъ важенъ даръ пѣвца, мила ей память друга.

А на противоположныхъ сторонахъ:

Здѣсь дружба слезы льетъ на гробъ,
 И добродѣтель съ ней скорбитъ;
 Пусть прахъ его покоятъ обѣ,
 А имя слава сохранить.
 Восплачьте! ужъ пѣвецъ не дышитъ,
 На урнѣ лира возлежить.
 Но, ахъ! гордитесь! слава пишетъ:
 Онъ былъ и россъ, и былъ піитъ.

И наконецъ:

Здѣсь погребено
 тѣло
 Михаила
 Матвѣевича
 Хераскова.

«Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденовъ св. Анны I-го класса и св. Владиміра 2-й степени большого креста кавалера, который родился въ Переяславлѣ въ 1733 г. октября 25 дня, а скончался въ 1807 г. сентября 27 дня, на 74-мъ году жизни своей».

Почти столѣтіе, отдѣляющее насъ отъ кончины Хераскова, заставляетъ съ большою осторожностью внимать пѣтическимъ пареніямъ Княжнина въ приведенныхъ эпитафіяхъ и снисходительно относиться къ стихамъ И. И. Дмитріева, съ которыми онъ обратился къ творцу «Россіады».

Пускай отъ зависти сердца воиловъ поютъ,
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владимиръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Качественный анализъ творчества его, собственно говоря, былъ произведенъ еще дѣтьми тѣхъ самыхъ отцовъ, которые восхищались Херасковымъ и ставили его «выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго». Уже они указывали «россійскому Гомеру» подобающую ему полочку въ литературномъ Пантеонѣ, которую въ наше время даже трудно отыскать; но разъ въ исторіи литературы сохраняется херасковская страница, почему же, въ такомъ случаѣ, «мерзость заустѣнія» окружаетъ его памятникъ?

Между тѣмъ, онъ поломанъ, далъ трещины и обваливается.

III.

Семья «православныхъ славянъ», которыхъ Чаадаевъ сердилъ колкими замѣчаніями, нашла послѣдній пріютъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Съ поляны передъ нимъ открывается величественная панорама города, ради которой «опекунамъ» можно простить все безобразіе ближайшихъ улицъ и площадей.

Говорятъ, сентиментальныя провинціалки еще и теперь иногда бродятъ около Лизина пруда, близъ монастыря. Въ старину прудъ этотъ назывался: Волчій, Медвѣжій, Лисинъ, но съ появленіемъ извѣстной повѣсти Карамзина онъ сталъ именоваться Лизиннымъ, въ честь бѣдной героини.

Жалокъ Лизинъ прудъ...

Дальше могилы «бѣдной Лизы» чувствительныя провинціалки, повидимому, не идутъ, все равно, какъ «благодарный потомокъ», очевидно, не заглядываетъ къ пріюту семьи «православныхъ славянъ». Подъ ними я подразумеваю Аксаковыхъ.

Могила ихъ находится между Никольской церковью и храмомъ Тихвинской Богоматери.

Въ одной оградѣ, которую покачнуло время, похоронены С. Т. Аксаковъ, знаменитый авторъ «Семейной хроники» и «Записокъ ружейнаго охотника» и «Объ уженьѣ рыбы», и его сынъ, обаятельный подвижникъ славянофильства, Константинъ Сергѣевичъ.

Какъ близки они были при жизни, такъ же близки другъ къ другу остались и по смерти. И бѣлые мраморные памятники ихъ одинаковы, если не считать трещины, которая, точно рана, чернѣетъ на мраморѣ у отца. А вокругъ, силясь выбиться изъ-за ветшающей ограды, глушить землю высокая трава; цвѣтовъ никакихъ нѣтъ. Впрочемъ откуда имъ вѣяться? На мой вопросъ о посѣтителяхъ монастырская служня отвѣчала:

— Передъ Пасхой были дѣвочки изъ какого-то пріюта и привезли своей работы вѣнокъ, вотъ онъ виситъ на оградѣ. А, кромѣ нихъ, ужъ сколько лѣтъ никого не видимъ!

Сиротливый видъ аксаковскихъ могилъ, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ суету и тщету земной славы. Аксаковы ли не принадлежали Москвѣ? Они ли не способствовали централизаціи ея въ смыслѣ славянофильства? И что же? Москва платитъ имъ забвеніемъ... Видно, память о С. Т. Аксаковѣ вывѣтрилась и въ стѣнахъ Межевого института, гдѣ нѣкогда онъ служилъ сперва инспекторомъ, а потомъ директоромъ.

IV.

Кладбище Новодѣвичьяго монастыря—это кладбище по преимуществу историковъ и историческихъ романистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь погребены трое Соловьевыхъ: отецъ Сергѣй Михайловичъ и два сына, Владимиръ и Всеволодъ Сергѣевичи. Ихъ могилы—на пути въ величественный, великолѣпный соборъ Смоленской Божіей Матери. Въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ проволочнымъ балдахиномъ-навѣсомъ видится задыхающаяся въ травѣ плита съ именемъ творца «Юрія Милославскаго». М. Н. Загоскинъ погребенъ вмѣстѣ съ супругою. Рядомъ нѣсколько могилъ родственниковъ ихъ. И самый видъ балдахина, утратившаго крестъ, и запущенность могилы нѣкогда популярнаго романиста говорятъ о забвеніи, коснувшемся послѣдняго пріюта незлобиваго, безгранично добраго, честнаго, веселаго и радушнаго М. Н. Загоскина. И это тѣмъ болѣе грустно, что произведенія его вѣдь и теперь еще читаются, а слѣдовательно не прекращается токъ благодѣтельныхъ загоскинскихъ идей на молодыя поколѣнія.

Удаляясь въ глубь стараго кладбища, видимъ при дорогѣ, прямо противъ воротъ, двѣ металлическихъ тѣсныхъ ограды; ихъ глушатъ трава и кустарникъ. Онѣ прижимаются другъ къ другу. Первую покрыва ржавчина. Изъ травы возвышается мраморный

аналой съ мраморной же раскрытой книгой на немъ. На памятникѣ-аналой надпись: «Писатель-врачъ Николай Ивановичъ Соловьевъ родился 1831 г. августа 17 дня. Умеръ 1 января 1874 г.»

Если новѣйшимъ поколѣніямъ говорить немного это имя, зато не можетъ не будить лучшихъ чувствъ сосѣдняя могила. На ней деревянный крестъ. Краска мѣстами отпала. Крестъ погнулся. Можетъ быть, близко время, когда онъ и завалится. А, между тѣмъ, подъ образкомъ Спаса на немъ прибита металлическая дощечка съ подписью:

«Иванъ Ивановичъ

«Лажечниковъ

«Скончался 26 іюня 1869 г.».

Вотъ гдѣ покоится «русскій Вальтеръ-Скоттъ», изъ-подъ пера котораго вышли знаменитые романы: «Послѣдній Новикъ», «Ледяной домъ», «Басурманъ». Среди роскошныхъ гробницъ «лажечниковскій» холмикъ съ покривившимся деревяннымъ крестомъ производитъ тягостное впечатлѣніе. Писатель, которому гениальный Вѣлинскій посвятилъ восторженные строки, умеръ бѣднякомъ. Иванъ Ивановичъ писалъ въ своемъ завѣщаніи: «состоянія женѣ и дѣтямъ моимъ не оставляю никакого, кромѣ честнаго имени, каковое завѣщаю и имъ самимъ блюсти и сохранить въ своей чистотѣ». Это похоже на русскаго писателя, хотя бы выдающагося, — умереть, какъ и родиться, въ бѣдности! Другое дѣло — «благодарное потомство». Развѣ, Богъ знаетъ, какъ дорого и трудно было бы воздвигнуть Лажечникову достойный его надгробный памятникъ?

Еще далѣе за могилою М. П. Погодина — могила А. Ѳ. Писемскаго.

Когда я подходилъ къ этой славной могилѣ, мнѣ невольно пришла на память сцена изъ «Тысячи душъ». Помните—кладбище, Настеньку и Калиновича? И самый погостъ, и четвероугольныя могильныя плиты изъ дикаго камня, старинная церковь и тамъ и сямъ хлопотавшія и каркавшія безъ усталы вороны— все, все переносило мысли къ страницамъ извѣстнаго романа.

Прекрасный крестъ—памятникъ изъ сѣраго мрамора, со словами: «Въ рудѣ Твои, Господи, предаю духъ мой», и ниже: «Алексеѣй Теофилактовичъ Писемскій родился 10 марта 1820 г. Скончался 21 января 1881 г.», достоинъ выдающагося писателя. Металлическая ограда, гдѣ покоится также прахъ его супруги, Екатерины Павловны Писемской, утопаетъ въ яркой зелени. Каждый лепестокъ, каждый листъ, каждая травка живетъ и какъ бы хочетъ вамъ сказать, что она живетъ. Но не живетъ, какъ видно, память о замѣчательномъ писателѣ!

Пожилыя монахины и кладбищенскіе сторожа не могут сказать, чтобы «родственники» приходили на могилы Писемскихъ. Тутъ нечего искать ни вѣнковъ, ни цвѣтовъ. Птицы—вотъ кто очевидно любитъ сиживать на памятникѣ творца «Горькой судьбины», «Тысячи душъ» и другихъ.

Плохо оцѣненный отечествомъ при жизни, Писемскій забытъ по смерти. Стыдно сознаться, его лучше цѣнить за границей, чѣмъ дома. Отчего? Неужели оттого только, что онъ былъ «упрямый прямикъ», слишкомъ самобытенъ и смотрѣлъ на многія вещи, хотя и ошибочно, но только самостоятельно? Онъ не былъ «кроткою душою» (надпись на одномъ чеховскомъ вѣнкѣ). Такъ. Но зато онъ былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнъ и въ литературѣ колоссомъ.

Вѣроятно, 25-я годовщина со дня его кончины,—годовщина, уже близкая, заставитъ тѣхъ встряхнуться, а этихъ вспомнить о безпристрастїи—и могила Писемскаго оживится не однимъ только карканьемъ воронъ...

V.

«Здѣсь

«погребено тѣло

«Николая Васильевича

«Гоголя.

«Родился 19 марта 1809 г.

«Скончался 21 февраля 1852 г.

«Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся».

Дорогая могила въ Даниловомъ монастырѣ!... Но сколько разъ я ни посѣщалъ послѣдній прїютъ гениальнаго писателя, я всегда видѣлъ предъ собою забытую могилу. Вотъ и теперь—смотрю: мраморный памятникъ такъ подался на бокъ, точно онъ сползаетъ съ незначительной насыпи. Скала изъ дикаго камня съ потускнѣвшимъ золоченымъ крестомъ въ изголовьѣ также какъ бы говорятъ о томъ, что никто не заботится о поддержанїи могилы творца «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора»; въ самомъ дѣлѣ, если бы объ этой славной могилѣ заботились, развѣ печать запустѣнія лежала бы на ней? Двѣ-три выцарапанныя на мраморѣ безвѣстныхъ фамиліи «обывателей» только ярче подчеркиваютъ людскую пошлость. Очевидно, нѣтъ такой святыни, которую не рѣшилась бы осквернить своимъ прикосновеніемъ рука «Зудотѣшина».

О забвенїи гоголевской могилы много писали и въ столичныхъ, и въ провинціальныхъ газетахъ, и все-таки никто не является, чтобы привести ее въ надлежащїй видъ.

Мудрено ли, поэтому, если и памятники: А. С. Хомякова, знаменитаго славянофила-писателя, Н. М. Языкова, поэта, которому Пушкинъ писалъ:

«Издравле сладостный союзъ
 «Поэтовъ межъ собой связуетъ:
 «Они—жрецы единыхъ музъ,
 «Единый пламень ихъ волнуеть.
 «Родня другъ другу по судьбѣ,
 «Они—родня по вдохновенью.
 «Клянусь Овидіевой тѣню,
 «Языковъ, близокъ я тебѣ!»—

и Ю. И. Венелина... мудрено ли, что и эти могилы, близкія къ могилѣ Гоголя, являются забытыми?

На базисѣ изъ бѣлаго мрамора стоитъ такая же колонна, которую время-варваръ покрыло морщинами-трещинами. Вотъ что можно прочесть на колоннѣ:

«Юрію Ивановичу
 «Венелину
 «Одесскіе болгаре».

А на противоположной сторонѣ:

«Венелину.
 «Помнилъ свѣту
 «о забытомъ,
 «Но нѣкогда славномъ,
 «могущественномъ
 «племени Болгаръ
 «и пламенно желалъ
 «видѣть
 «его возрожденіе».

Болгары отблагодарили человѣка, сыгравшаго значительную роль въ дѣлѣ пробужденія ихъ самосознанія, сооруженіемъ ему могильнаго памятника, но что благодарность ихъ относится къ давнопрошедшему времени,—объ этомъ можно судить по старымъ вѣнкамъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, лежащихъ на пьедесталѣ.

Говоря о забытыхъ могилахъ писателей, нельзя пройти молчаніемъ такой же могилы В. Г. Перова—этого Гоголя въ живописи. Вѣдь, онъ былъ такимъ же борцомъ за правду въ искусствѣ, какимъ Гоголь—въ литературѣ! Могила Перова—поодаль отъ выше-названныхъ могилъ. На каменной глыбѣ, какъ и у Гоголя, водруженъ крестъ. У подножія его высѣчена палитра, а на ней:

«Василій Григорьевичъ

«Перовъ.

1834 1882 г.

XII	V
—	—
23	29

Когда-то ярко золотая, въ настоящее время палитра слиняла. И невольно, глядя на нее, вспоминаешь написанное однимъ биографомъ художника: «Похороны Перова были торжественны. Гробъ, встрѣченный у заставы ¹⁾ многочисленными учениками покойнаго, былъ снятъ съ погребальныхъ дрогъ и на рукахъ черезъ всю Москву перенесенъ въ Даниловскій монастырь».

Послѣ В. Г. Перова, какъ извѣстно, осталось нѣсколько разсказовъ: «Генераль Сафоновъ», «Наши учителя», «Фанни подъ № 30» и другіе, отличающіеся наблюдательностью, талантливостью и незлымъ остроуміемъ. Итакъ, «вся Москва» хоронила Перова, а ученики его хотѣли «ходатайствовать объ открытіи повсемѣстной въ имперіи подписки на сооруженіе памятника».

«Многочисленнымъ ученикамъ» слѣдовало бы, пока до всероссійскаго памятника знаменитому учителю, поновить палитру и взглянуть на могильный его памятникъ.

Въ Алексѣевскомъ монастырѣ, близъ Сокольниковъ, погребены М. Н. Катковъ и его другъ, профессоръ П. М. Леонтьевъ. Они погребены не рядомъ, и памятники ихъ совсѣмъ непохожи другъ на друга: Голгова съ распятымъ Христомъ — таково выдающійся памятникъ бывшаго редактора «Московскихъ Вѣдомостей», М. Н. Каткова. Вѣсьма скромнаго вида часовенка, напомнившая мнѣ памятникъ П. И. Мельникова (А. Печерскаго) въ Нижегородскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, — вотъ памятникъ Леонтьева. Подъ вліяніемъ стихій онъ потрескался, облупился и ржавѣеть. Очевидно — забыть, какъ и памятникъ другого ученаго, Н. К. Соколова.

Николай Кирилловичъ Соколовъ, родившійся въ 1835 г., а скончавшійся 1874 г., былъ «Императорскаго Московскаго университета ординарнымъ профессоромъ» по кафедрѣ церковнаго права. Онъ покоится въ Андроніевой мужской обители, въ Рогожской. Почернѣлъ надъ нимъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, теряетъ устойчивость ограда. Дверка оторвалась.

Итакъ, вотъ въ какомъ видѣ могилы замѣчательныхъ русскихъ людей на монастырскихъ кладбищахъ въ Москвѣ; но вѣдь «мѣста» здѣсь покупаются дорого, за нѣсколько сотъ и даже болѣе рублей; кладбища эти лучше охраняются и содержатся исправнѣе и «благо-

¹⁾ В. Г. Перовъ умеръ въ имѣніи князя Голицына.

лѣпше» обыкновенныхъ. Значить, какой же видъ должны имѣть «дорогія могилы» на обыкновенныхъ, не монастырскихъ кладбищахъ?

VI.

Могильщики еще со временъ Шекспира слывутъ юмористами. Явитесь, напримѣръ, на Ваганьково кладбище и попросите какого нибудь изъ его могильщиковъ показать вамъ могилу «безумнаго друга Шекспира», знаменитаго трагическаго актера Мочалова, кладбищенскій Микула предложитъ вамъ поглядѣть весь «подборъ». Вы тарачите глаза: «какой подборъ?» И слышите изъ устъ весельчака:

— У насъ, баринъ, труппа-то собралась получше, чѣмъ играющая въ настоящее время на Маломъ театрѣ.

Дѣйствительно, «на Ваганьковомъ» погребены, кромѣ Мочалова, братья Васильевы, Шумскій, Живокини, Самаринъ, Медвѣдева, Д. Ленскій, Кирѣевъ, С. П. Соловьевъ, Градовъ-Соколовъ и другіе, къ которымъ недавно присоединился холмъ могильный прекрасной балерины Рославлевой. Всѣ это тѣ, о комъ тоже ужъ покойный А. Ф. Ивановъ-Классикъ писалъ:

«Вотъ талантовъ театральныхъ
«Прахъ подъ мраморомъ лежить,
«О трудахъ ихъ геніальныхъ
«Надпись громкая гласитъ»...

Увы, надписи не гласятъ... по крайней мѣрѣ, на большинствѣ памятниковъ.

«Кто поселялъ въ народахъ страхъ,
«Предъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли,
«Великій Цезарь—нынѣ прахъ,
«И имъ замазываютъ щели»...

Вотъ онъ, Павелъ Степановичъ Мочаловъ!

Желѣзная ограда, на ней доска: «Могила артиста П. С. Мочалова охраняется на средства Русскаго театрального общества». Рядомъ съ геніальнымъ сыномъ покоится и даровитый актеръ С. Ф. Мочаловъ. Ихъ памятники въ зелени: лаврахъ, ельничѣ. Пальмовая вѣтвь осѣняетъ мраморъ, подъ которымъ лежитъ безумный другъ Шекспира. Все завяло, выцвѣло, линяетъ. Русское театральное общество охраняетъ такъ, какъ будто дѣлаетъ это изъ-подъ палки, а не добровольно. Рядомъ съ Мочаловымъ — сиротливая, никѣмъ не охраняемая могила артиста и режиссера императорскихъ театровъ С. П. Соловьева, а неподалеку и Ленскій. Но между геніальнымъ трагикомъ и даровитымъ водевилистомъ—Сергѣй Васильевичъ Васильевъ. Слишкомъ проста подавшаяся

подъ напоромъ времени ограда, принявшая С. В-ча п Екат. Ник. Васильевыхъ, Н. В. Лаврова и Сабуровыхъ. Она обветшала. Пьедесталъ съ надписью: «Сергѣй Васильевичъ Васильевъ, артистъ императорскихъ театровъ, родился 7 сентября 1827 г., скончался 5 іюня 1862 г.»,—этотъ пьедесталъ, на которомъ ангелъ съ крестомъ, мало-по-малу принимаетъ положеніе извѣстной пиванской башни. Березы расправляютъ кудревато-зеленыя вѣтви надъ болѣе, чѣмъ нужно, печальными могилами. Ворона каркаетъ, словно говорить: «забытыя, братъ, могилы, забытыя». Виднѣтся памятникъ Ленскаго.

«Могила артиста Д. Т. Ленскаго охраняется на средства Русскаго театрального общества».

На мраморномъ базисѣ колонна вѣнчается крестомъ.

«Отъ друзей и почитателей таланта».

А на лицевой сторонѣ:

«Дмитрій Тимоѣевичъ Ленскій, скончался 9 декабря 1860 г.».

Ниже:

«Объ этотъ камень лишь ступилося перо,

«Которымъ онъ писалъ не злобно, но остро».

Справедливо, что авторъ «Льва Гурыча Синичкина», «Войны съ тещей», «Стряпчачаго подъ столомъ» и 40 другихъ водевилей писалъ остро, но онъ писалъ и грамотно. Зачѣмъ же на памятникѣ-то писано лишъ?

Могилы И. В. Самарина, В. И. Живокини и С. В. Шумскаго—въ четвертомъ разрядѣ. Могильщикъ говоритъ: «тутъ попроще». Это, такъ сказать, кладбищенскіе задворки. Памятники Самарина и Живокини хорошо сохранились, но на нихъ вы не увидите ни лавровыхъ вѣнковъ, ни цвѣтовъ. Могилу Самарина осѣняютъ изящныя туи, подъ сосной могила несравненнаго комика-фарсера Живокини. Пышно хоронила Москва свѣточей своего «образцоваго» театра и хорошо забыла ихъ. И. В. Самаринъ оставилъ послѣ себя литературное наслѣдство: историческую драму «Самозванецъ Луба» и комедіи: «Утро вечера мудренѣе» и «Перемелется—мука будетъ», всѣ согрѣтыя талантомъ и расцвѣченныя «сценичностью». Могила С. В. Шумскаго... Изъ буйной крапивы подымается мраморный пьедесталъ; въ медальонѣ изображеніе дивнаго актера, восхищавшаго своимъ разнообразнымъ талантомъ одновременно съ Щепкинымъ, Садовскимъ, Живокини и Самаринымъ... Какой былъ ансамбль! «Богатыри—не вы». Бѣломраморная колонна съ крестомъ въ лавровомъ вѣнкѣ манитъ издалека.

Была деревянная ограда... сгнила и завалилась; гниль предусмотрительно убрали и сожгли. Слова: «Сергѣй Васильевичъ Шум-

скій», мало-по-малу стираются. И опять, какъ передъ могилой В. Г. Перова, невольно вспоминаются мнѣ похороны Шумскаго: путь былъ покрытъ цвѣтами; вѣнки отъ различныхъ обществъ и учреждений: отъ студентовъ, отъ университета, отъ присяжныхъ повѣренныхъ, отъ артистовъ и т. д., и т. д., многотысячная толпа...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Шумскаго находится «тѣсный пріютъ» даровитѣйшаго комическаго актера Л. И. Градова-Соколова. На деревянномъ крестѣ-инвалидѣ мѣдная дощечка, которая такъ заржавѣла, что имя усопшаго читается съ трудомъ. Грядущія поколѣнія едва ли найдутъ могилу Градова-Соколова, какъ мы не находимъ могилы замѣчательнаго актера стараго времени Якова Емельяновича Шушерина († 8 августа 1813 г.). Заботы Русскаго театральнаго общества не простираются, какъ видно, за третій разрядъ, а поклонники талантовъ, почитатели—это мотыльки.

«Какъ будто требовать возможно
«Отъ мотыльковъ или отъ людей
«И чувствъ глубокихъ и страстей?»

Ваганьково кладбище, пожалуй, самое популярное въ Москвѣ; мѣсто для него было отведено въ 1696 г., и то именно, на которомъ, по свидѣтельству И. М. Снегирева, ваганили, т. е. устраивали игрища и потѣхи, москвичи. Игрища и потѣхи, по старинѣ — безлѣпницу, запретилъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ указомъ 1629 г., 27 мая.

Ваганьково среди московскихъ кладбищъ занимаетъ, если хотите, такое же положеніе, какое заняло Волково среди петербургскихъ. «На Ваганьковѣ» успокоились навсегда не одни выдающиеся актеры, но и писатели-беллетристы, ученые, художники. Бывшіе сотрудники московской «малой прессы» представлены здѣсь значительной и тѣсной семьей. Пойдемте по разрядамъ. Вотъ храмъ въ честь Воскресенія Христова. Близъ него виденъ металлическій навѣсъ съ изорванной проволочной сѣткой и оторвавшейся дверкой. Черный мраморный памятникъ съ желѣзнымъ вѣнкомъ, поѣдаемымъ ржавчиной, и съ бѣлымъ мраморнымъ крестомъ, хранить надпись:

«Господи, пріими

«духъ мой съ миромъ.

«Подъ симъ памятникомъ

«погребено тѣло почившаго въ Бозѣ

«дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Николаевича Верстовскаго. Родился 1799 г., февраля 18 дня. Скончался 1862 г., ноября 5 дня».

Вотъ могила создателя «Аскольдовой могилы». Если вспомнить, что «гробъ того, чьи нѣжныя мелодіи услаждали и волновали

сердца въ продолженіе не одного десятка лѣтъ, провожалъ лишь небольшой кружокъ почитателей да горсть празднои, случайной публики, какъ будто хоронили совсѣмъ зауряднаго человѣка», то станутъ понятными и убогій видъ могилы, и изъѣденный ржавчиной жалкій вѣнокъ на ней. Черезъ дорогу—могила С. П. Шевырева. Кто-то подходилъ, отворилъ дверцу, но, должно быть, испугался тянувшейся по вѣмъ направленіямъ паутины и отступилъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта паутина до такой степени безпощадна, что совсѣмъ скрыла надгробіе-глыбу, на которой лежатъ мраморныя: «Теорія литературы», «Исторія русской словесности» и «Исторія литературы». Внизу съ противоположныхъ сторонъ высѣчено: «Родился въ Саратовѣ 1806 г. октября 18. Скончался въ Парижѣ 1864 г., мая 8. Сѣяя въ плоть свою отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а сѣяя въ духъ отъ духа пожнетъ животь вѣчный. Къ Гал. VI. 7». «Учителю русской словесности, профессору Московскаго университета и академику, Степану Петровичу Шевыреву. Друзья. Товарищи. Ученики».

Возлѣ Верстовскаго печальная могила Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова (1778 — 1830 г.), поэта, критика и автора многихъ, ставшихъ народными, пѣсенъ: «Среди долины ровныя», «Чернобровый, черноглазый» и др. Замѣчательно, что совершенно позабыта могила человѣка, который старался воспитывать «многія поколѣнія молодежи въ чувствахъ любви и уваженія къ родной литературѣ» и роднилъ съ нею все образованное общество своего времени. Такова насмѣшка судьбы.

Отъ церкви виденъ двухъэтажный деревянный домъ, заселенный духовенствомъ. Тутъ четвертый разрядъ. Прямо противъ калитки возвышается обелискъ на двойномъ пьедесталѣ, старательно затканномъ мхомъ,—альфой и омегой растительнаго царства, какъ сказалъ Линней. Мохъ замѣняетъ обелиску цвѣты. Красовались вокругъ него старыя, обезображенные непогодю вѣйки, но вѣтры сорвали, а кто-то сложилъ ихъ въ кучу среди мусора, къ удовольствію ткачей-пауковъ. Ахъ, какая и тутъ паутина! Какъ торжественно она вьется по оградѣ! Однако, прочтемъ надписи на обелискѣ:

«Александрѣ Ивановичу Левитову,
«Изобразившему
«Горе селѣ, дорогѣ и городовѣ».

На остальныхъ трехъ граняхъ: «Родился 20 іюля 1835 г. † 4 января 1877 г.» — «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды». — «Погребенъ среди товарищей-писателей М. А. Воронова и М. И. Орфанова (Мишля)». Вообще, это—«уголокъ» беллетристовъ-народниковъ. Бокъ о бокъ могильный холмъ біографа Левитова, известнаго Ф. Д. Нефедова; буквально въ трехъ шагахъ—Н. В.

Успенскій, а нѣсколько поодаль—Н. М. Астыревъ. На деревянномъ крестѣ Воронова такія слова: «Дворянинъ Михаилъ Алексѣевичъ Вороновъ. Скончался 14 января 1879 г.». У Астырева: «Писатель Николай Михайловичъ Астыревъ. Родился въ 1857 г. † 1894 г. 3 июня».

Деревянный крестъ «подъ березу» съ херувимами и распятіемъ.. Металлическая дощечка, а на ней:

«Писатель
«Николай Васильевичъ
«Успенскій.
«Скончался 21 октября 1889 г.».

Зеленый дернъ покрылъ печальные могильные холмы. Ни оградъ, ни цвѣтовъ. Крестъ надъ прахомъ Воронова, даровитѣйшаго бытописателя городской голытьбы, «злыхъ ямъ» п пролетаріата, ходенемъ-ходить. Въ своей повѣсти «На первыхъ порахъ» ¹⁾ не его ли тепло вспоминаетъ Вас. И. Немировичъ-Данченко? Не Вороновъ ли Волгинъ изъ повѣсти? Немировичъ-Данченко говоритъ:

«Кажется, онъ умеръ отъ чахотки... Думаю только, что въ его могилу вмѣстѣ съ нимъ легло необычное дарованіе... Въ безвѣстную могилу! О немъ было некому плакать, его никто не жалѣлъ. Ни родныхъ, ни близкихъ. Изумительно случайное существованіе! Въ безсонныя ночи мнѣ и до сихъ поръ слышится его молодой веселый смѣхъ и видится фигурка не признаннаго поэта съ тонкими и правильными чертами лица, съ искренними, полными юмора, задорными глазами, мечтающаго о славѣ, благѣ, счастіи, обо всемъ, чѣмъ его только дразнила жизнь, и чего ему никогда не выпадало на долю.

«Воображаю, живи онъ теперь!...

«Да, какая это была голодная и холодная жизнь, но зато сколько по временамъ врывалось въ нее радости молодой, веселой, заразной. И какъ незамѣтно тогда гибли силы, которымъ теперь велся бы особый счетъ въ широко, хотя и не прочно установившемся печатномъ дѣлѣ. Мы вѣдь для него сквозь вѣковыя заросли трудно и нудно пробивали первую проську. До насъ жилъ писатель-сибаритъ,—писатель, для котораго литература—приватное занятіе, она не давала еще хлѣба. Онъ былъ прежде всего или помѣщикъ, или чиновникъ и послѣ писатель. Писатели и только писатели пошли съ насъ».

Господи; писатель, хотя бы и съ необычнымъ дарованіемъ, ненужный, одинокій при жизни... кому же вспомнить о немъ по смерти?

¹⁾ Журналъ «Звѣзда» 1903 г.

Выраженіе Нефедова, что Левитовъ въ могилѣ дождался наконецъ своего «праздника», звучитъ, какъ горчайшая иронія надъ могилами всѣхъ здѣсь «собравшихся» писателей-народниковъ.

Кому же, однако, народъ воздаетъ «честь и поклоненіе»? Для кого заготовлены въ магазинахъ вѣнки изъ незабудокъ и иммортелей? Въ память кого же сплетаются лавръ и дубъ?

Удаляясь по дорожкѣ въ глубь четвертаго разряда, встрѣчаемъ гніющую ограду съ запущенной могилой «профессора живописи В. В. Пукирева, скончавшагося 57 лѣтъ, 1 іюня 1890 г.». И тутъ паутина, паутина, паутина. Дешевый вѣнокъ... И это тому, кто написалъ знаменитый жанръ: «Неравный бракъ»! Впрочемъ могила Пукирева хоть еще налицо, а вотъ могила А. К. Саврасова (помните «Грачи прилетѣли», въ Третьяковской галлерей?) такъ затерялась. Была же близъ кладбищенской ограды, отъ входа на кладбище влѣво. Родственники покойнаго художника передавали мнѣ, будто они обращались къ собратьямъ съ просьбой о модели памятника, но безуспѣшно.

Шагъ за шагомъ двигаемся дальше и останавливаемся у качающейся чугунной ограды. Изъ трилистника и жгучей крапивы выбивается каменная глыба. На ней потерявшій устойчивость мраморный крестъ. Мраморная доска съ отбитымъ краемъ гласитъ, что здѣсь почиваетъ:

«Лука Николаевичъ

«Антроповъ.

«Родился 18 октября 1841 г.

«Скончался 14 сентября 1881 г.»

Антроповъ... Онъ намъ оставилъ, между прочимъ, драмы: «Блуждающіе огни» и «Ванька Ключникъ».

По дорогѣ «третьяго разряда» бросается въ глаза осьмиконечный мраморный, съ отломаннымъ верхомъ, крестъ. Здѣсь лежитъ извѣстный В. И. Даль.

Въ этомъ же разрядѣ, около могилъ Ганешиныхъ, темнѣетъ безкrestный мраморъ: «На семь мѣстъ покоится прахъ академика императорской академіи художествъ Василя Андреевича Тропинина, скончавшагося 1857 г. мая 3 дня, на 78 году своей жизни». Одна изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи отечественной живописи, особенно портретной, Тропининъ забыть былъ вскорѣ по смерти. Кладбищенскій завѣдующій, по его словамъ, недавно случайно «обрѣлъ» эту могилу. Возлѣ Тропининскаго «тѣсный пріютъ» Павла Яковлевича Петрова, профессора Московскаго университета. П. Я. Петровъ родился 25 іюня 1814 г., а скончался 7 сентября 1875 г. Это былъ санскритологъ и популярный лекторъ. Но такъ ужъ ведется у насъ, что могилы даже популярныхъ лекторовъ не привлекаютъ вниманія потом-

ства. Здѣсь—«тѣсный пріютъ» Петрова, тамъ, рядомъ съ Мерзляковымъ, шаткая ограда съ мраморной колонной посрединѣ. Латинская надпись подсказываетъ, что это сослуживцы воздвигли памятникъ надъ прахомъ Дмитрія Львовича Крюкова, который «Litteras latinas in Universitate docuit» (читалъ въ университетѣ римскую словесность). Родился онъ 8 апрѣля 1810 г., умеръ 4 марта 1845 г. Въ нѣсколькихъ шагахъ покачнувшійся мраморный памятникъ профессору агрономіи Михаилу Григорьевичу Павлову (род. 1792 г., ум. 9 апрѣля 1840 г.). Угасшіе свѣточа... Развѣ только какой нибудь историкъ переберетъ ихъ имена, да, да, имена, но и ему зачѣмъ ихъ могилы?

Третій разрядъ сливается съ четвертымъ. Поэты Л. М. Медвѣдевъ и Иліодоръ Ивановичъ Пальминъ, Соловьевъ-Несмѣловъ, газетные сотрудники: И. Вапковъ, Іогансонъ, Риоаль, Ракшанинъ, болѣе или менѣе далекіе другъ другу по своему положенію при жизни, близки за гробомъ. Нѣтъ человѣка, которой бы приблизился къ нимъ и, какъ Н. И. Гнѣдичъ, сказалъ каждому изъ почившихъ:

«На гробъ не кипариса лозы,
Но лучшій даръ мнѣ отъ Творца,—
Я пѣсни привошу и слезы,
Богатство скромное пѣвца».

VII.

Побывавъ на Ваганьковомъ кладбищѣ, посѣтимъ Пятницкое, за Крестовской заставой. Близъ входа, у церкви, погребень знаменитый артистъ П. М. Садовскій. Могила его такъ же сумрачна, какъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ сумраченъ и самъ Провъ Михайловичъ. Обогнувъ храмъ, вступаемъ на «Ростопчинскую дорожку». Извиваясь, она развѣтвляется на тропинки, и вотъ у такъ называемой желтой часовни передъ глазами вырастаетъ обычно-кладбищенскаго вида балдахинъ съ поразительной печатью забвенія и запустѣнія. Песокъ, мусоръ, обломки сухихъ вѣтвей, а посрединѣ всего этого—мраморныя надгробія. Вотъ гдѣ почиетъ извѣстная поэтесса Евдокія Петровна Ростопчина—«женскій геній», по выраженію Дюма-отца. На мраморѣ читаемъ:

Графиня
Евдокія Петровна
Ростопчина.

Род. 1811 г., декабря 23 дня.

Сконч. 1858 г., декабря 3 дня.

Рядомъ съ нею погребень ея супругъ и далѣе—свекоръ, извѣстный въ исторіи 1812 г. графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ. На его плитѣ еще можно прочесть двустипіе:

Посреди своихъ дѣтей
Покоюсь отъ людей.

Могильщикъ-старожилъ, очень хорошо помнящій торжественныя похороны Ивана Захаровича Сурикова (скончался въ пасхальный четвергъ, 24 апрѣля 1880 г.), не можетъ сказать, чтобы кто посѣщалъ Ростовчинскій покой. «Раньше, хоть изрѣдка, навѣдывался одинъ-единственный баринъ и наказывалъ соблюдать могилы, но вотъ, ужъ сколько годовъ, и онъ не показывается». Мнѣ думается, этотъ баринъ былъ С. П. Сушковъ, братъ графини Евд. П. Ростовчиной, горячо ее любившій писатель. Въ 1893 г. онъ умеръ, и вотъ некому стало «наказывать могильщикамъ» «соблюдать Ростовчинскій покой». Кругомъ цѣлое море высокой густой травы. Въ иномъ мѣстѣ какую бы красивую картину создавала эта пышная, неудержимая въ своемъ разливѣ зелень, но на кладбищѣ это—трава забвенія, которой нѣтъ дѣла ни до мраморныхъ плитъ, ни до пышныхъ мавзолеевъ, ни до простыхъ деревянныхъ крестовъ. Въ волнующейся гущинѣ ея прячется разрушающая рука времени. Право, два-три удара этой руки, и какъ не стало креста на балдахинѣ, такъ же не станетъ и самого балдахина. Онъ рухнетъ, видимо, уже никому не нужный, и потонетъ безслѣдно...

Къ Сурикову ведетъ дорожка его имени. Памятникъ писателя-крестьянина—единственный изъ всѣхъ такихъ памятниковъ, къ которому не зарастаетъ народная тропа. Но вотъ съ «Суриковской» встрѣчается дорожка «Грановскаго»—и, Боже, въ какомъ печальномъ видѣ встрѣчаетъ васъ широкая грудь земли, нѣдра которой приняли и размѣстили въ ближайшемъ сосѣдствѣ прахъ и самого Тимоѳея Николаевича и близкихъ ему по благородству духа людей!.. Довольно большая площадь, обнесенная невысокой деревянной оградой топорной работы. Ограда гдѣ завалилась, а гдѣ валится. На землѣ объѣдки, осколки бутылокъ, засохшая грязь, обрывки вѣтвей, брошенные сюда вѣтромъ. Трава измята. Въ центрѣ площади возвышается обелискъ, сѣрый отъ паутины, со словами:

Тимоѳею Николаевичу
Грановскому
(10 марта 1813—4 октября 1855).
Студенты
Московского университета.

Это—тотъ Грановскій, безъ чьего имени исторія нашего культурнаго роста не можетъ быть названа полною. Грановскій, «обладавшій удивительною силою притяженія и унесшій съ собою столько сокровищъ, это обаяніе избранной природы, эту ясность

и юность духа, эту чистоту убѣжденій, эту возвышенность помысловъ, этотъ даръ возбужденія, эту чарующую прелесть слова» (Катковъ). Возлѣ — цилиндрическая глыба. Подъ нею погребенъ другъ и ученикъ Грановскаго, охарактеризованный немногими словами:

Михаилу Семеновичу
Щепкину.

Артисту и человѣку.

Родился 6 ноября 1788 г.

Умеръ 11 августа 1863 г.

Рядомъ съ отцомъ успокоился навѣки и сынъ, Николай Михайловичъ Щепкинъ, памятный, между прочимъ, изданіемъ журнала «Библиографическія Записки» и альманаха «Комета» (1851 г.).

Далѣе, щепкинскаго вида, но съ надтреснутымъ, портящимся крестомъ, загрязненный памятникъ извѣстнаго миеолога и собирателя народныхъ сказокъ, не исправившагося до гроба идеалиста, Александра Николаевича Аванасьева съ датами рожденія (11 іюля 1826 г.) и смерти (23 сентября 1871 г.).

На противоположной сторонѣ, прижимаясь къ оградѣ, словно прося защиты у нея, убогой, глядитъ поломанный мраморный памятникъ журналиста, близкаго къ кружку Грановскаго, Герцена, Бѣлинскаго и В. Боткина:

Евгеній Ѳедоровичъ
Коршъ.

27 декабря 1810 г.

6 октября 1897 г.

Отъ сыновей и сослуживцевъ.

Лѣвѣе—столь же скромный, съ дешевымъ лавро-дубовымъ вѣнкомъ у подножія, памятникъ Николая Христофоровича Кетчера, родившагося въ 1806 г., а скончавшагося 12 октября 1886 г. Это на него Тургеневъ сочинилъ эпиграмму:

«Вотъ еще свѣтило міра!

Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ:

Переперъ онъ намъ Шекспира

На языкъ родныхъ осиялъ».

«Непремѣнный членъ» общества Станкевича, врачъ Кетчеръ взялся первый за полный переводъ Шекспира и осилилъ его въ прозѣ. Онъ переводилъ и другихъ иностранныхъ писателей (Шиллера, Гофмана, Кернера), редактировалъ изданія Солдатенковымъ сочиненія Бѣлинскаго, своего друга, но право на память въ потомствѣ приобрѣлъ преимущественно переводомъ Шекспира. Провин-

ціальныя трагікі еще и доселѣ пользуются «осиновымъ языкомъ» ветчеровской прозы.

Глядя на забытыя могилы угасшихъ звѣздъ разрозненной плеяды: на обелискъ Грановскаго, Щепкиновою и Аванасьевскую глыбы, и припомнимъ турецкую эпифатію:

«Мой вѣрный другъ сюда пришелъ,
Въ ногахъ моихъ поставилъ камень.
Лежу одинъ, мой другъ ушелъ,
Въ моихъ ногахъ стоять лишь камень».

Близъ описаннаго «пантеона» погребли извѣстнаго драматическаго артиста К. Н. Полтавцева, образъ котораго, будто бы, послужилъ А. Н. Островскому для Геннадія Несчастливцева въ комедіи «Лѣсъ». Памятникъ охраняется Русскимъ театральнымъ обществомъ, но охраняется, очевидно, въ смыслѣ цѣлости, такъ какъ иныхъ заботъ со стороны общества не видать.

VIII.

Древнѣйшее среди московскихъ кладбищъ Лазаревское находится неподалеку отъ Марьиной рощи. Въ «старой» половинѣ его, близъ церкви Сошествія Святаго Духа, могила Ѳедора Богдановича Миллера, извѣстнаго поэта-переводчика и основателя юмористическаго журнала «Развлеченіе». Эпитафія гласитъ:

«Нелицемѣрный, въ дружбѣ неизмѣнный,
Къ добру пылалъ любовью онъ живой.
Онъ до конца хранилъ огонь священный
И до конца былъ юноша душой»

«Блаженни миротворцы, яко тѣи сынове Божіи нарекутся».

Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ родился 22 января 1818 г.,
скончался 20 января 1881 г.

У былой «старой церкви» погребены два профессора Московскаго университета: Павелъ Аванасьевичъ Сахадкій (1764—1809) и Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій († 16 января 1820 г.). Хотя надписи на латинскомъ и греческомъ языкахъ на памятникѣ филолога Тимковскаго и говорятъ, что покойный былъ «Professor optimus atque dilectissimus¹⁾», однако печать уже полной ненужности ученыхъ міру крѣпко утвердилась на томъ и другомъ памятникѣ. Да и не легко становится читать высѣченныя похвалы, въ особенности греческую. «Аκσιος παιδευτѣς²⁾» мало-по-малу исчеза-

¹⁾ Выдающийся и прекрасный профессоръ.

²⁾ Достойный учитель.

«истор. вѣстн.», июнь, 1906 г., т. сѣв.

еть, какъ какая нибудь падающая звѣзда въ голубоватой мглѣ вечера. И какъ не вѣдаютъ ничего вниманія эти двѣ могилы, такъ блѣдно проявляется оно и въ отношеніи сосѣдняго памятника, простого и украшеннаго простою же живописью, изображающей Распятіе и выше—Бога-Савооа: это покой «остального изъ стан славныхъ» артистовъ московскаго Малаго театра, Николая Матвѣевича Никифорова (1805—1881 г.). Но зато народъ толпится около могилъ Сандуновыхъ. Онѣ—тутъ же, на зеленой лужайкѣ. Вотъ камень. Подъ нимъ «почіетъ прахъ придворнаго актера Силы Николаевича Сандунова». Рядомъ его младшій братъ, «Николай Николаевичъ Сандуновъ», профессоръ Московскаго университета, скончавшійся въ 1832 г. Сила Сандуновъ, мужъ знаменитой артистки Сандуновой-Урановой и самъ замѣчательный актеръ, умеръ 27 марта 1820 г.; Сандунова скончалась въ 30-хъ годахъ. Такимъ образомъ, артистическая дѣятельность супруговъ относится къ далекому прошлому, и странно, что народъ хранитъ память о давнихъ актерахъ, останавливается около ихъ могилъ, оставаясь вообще равнодушнымъ къ памяти большинства замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ искусства, литературы и науки. Но тутъ другая причина. Вотъ что рассказываетъ священникъ Влад. Остроуховъ: «Есть на Лазаревомъ кладбищѣ одинъ памятникъ, который въ особенности привлекаетъ любопытство простого народа. Этотъ памятникъ сразу поражаетъ своимъ видомъ каждаго прохожаго. Устроенный изъ толстыхъ чугунныхъ досокъ, скрѣпленныхъ довольно искусно внутренними болтами, онъ представляетъ собою гробницу, производящую тяжелое впечатлѣніе своимъ темнымъ видомъ и массивностью, потому что она довольно велика. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается отъ большого желѣзнаго креста, съ двумя большими змѣями, утвержденнаго въ головахъ. Одна изъ змѣй сползаетъ внизъ съ вершины креста, а другая отъ основанія креста поднимается вверхъ. На одной боковой сторонѣ гробницы слѣдующая надпись: «Марѳа Силишна и Николай Монсевиичъ Сандуновы». На другой сторонѣ лаконическая надпись: «отцу и матери отъ сына ихъ». Все въ связи дѣйствительно производитъ тяжелое впечатлѣніе, и нужно сказать правду, что сыгъ постановкой этого памятника оказалъ плохую услугу своимъ умершимъ родителямъ, хотя несомнѣнно у него не было дурнаго намѣренія. Сандуновы, погребенные здѣсь, были почтенные люди, и они принадлежали къ первой труппѣ Московскаго театра. Сыгъ ихъ, поставившій этотъ памятникъ, былъ полковникомъ, почтеннымъ человѣкомъ и почитательнымъ сыномъ своихъ родителей. Но, тѣмъ не менѣе, устройство такого замысловатаго и мрачнаго памятника послужило поводомъ къ разнымъ легендамъ, которыя продолжаютъ повторяться и до сего времени. Легенды эти отличаются нелѣпостью и построены на мнимомъ корыстолюбіи покойниковъ,

ухитрившихся будто бы взять съ собою деньги въ могилу. Когда родственники ихъ догадались объ этомъ и добились разрѣшенія разрыть могилу, то нашли около гробовъ двухъ змѣй, каковое обстоятельство будто и выражено на памятникѣ.

«А нѣкоторые объясняютъ, что, помимо корыстолюбія, покойники были по природѣ жестоки и въ особенности къ своимъ дѣтямъ. Поэтому сынъ ихъ счелъ нужнымъ отмстить имъ достойною ихъ жестокости памятью. Какъ бы то ни было, простой народъ не равнодушенъ къ этому памятнику и нерѣдко выражаетъ рѣзкое негодованіе на умершихъ».

Такимъ образомъ, память о Сандуновыхъ—печальная память. Любопытно, что она простирается на всю Сандуновскую фамилію, хотя легенда собственно касается родителей Силы Николаевича. Но дѣти погребены возлѣ родителей—и вотъ причина, отчего къ нимъ «не зарастаетъ народная тропа».

Надпись на памятникѣ Силѣ Сандунову вывѣтривается. Чугунная гробница «Мары Силишны и Николая Моисеевича Сандуновыхъ» покрылась ржавчиной. Какъ поставили ее въ 1817 г., такъ съ тѣхъ поръ и не прикоснулись.

IX.

Изобиліе безкrestныхъ могилъ на Дорогомиловскомъ кладбищѣ напомнило мнѣ Маньчжурію. Сколько я видалъ тамъ такихъ же зеленыхъ холмовъ возлѣ деревень! Разница лишь въ томъ, что китайцы нѣжно заботятся о родственныхъ могилахъ, здѣсь же, кажется, онѣ всѣмъ чужды. Запущенный погостъ находится за Дорогомиловской заставою, возлѣ которой въ 1812 г. Наполеонъ ждалъ

Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля...

Проѣздъ туда не изъ пріятныхъ. На пространствѣ одной версты (отъ заставы до кладбищенскихъ воротъ) предъ вами такъ и мелькаютъ вывѣски трактировъ. Говорятъ, ихъ здѣсь 36. Сосѣдство некстати веселое.

На Дорогомиловскомъ кладбищѣ погребены два профессора: не столь давно Н. П. Боголѣповъ († 1901 г.) и Василій Михайловичъ Котельницкій, скончавшійся «1844 года генваря 12 дня. Житія его было 75 лѣтъ и 11 дней». Статскій совѣтникъ и кавалеръ, ординарный профессоръ Котельницкій принадлежалъ медицинскому факультету старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ. Погребенъ онъ передъ входомъ въ церковь. У памятника съ эпиграфомъ по-латыни: «живемъ ли, или умираемъ, — принадлежимъ Господу», оторвался крестъ и, Богъ вѣсть, куда дѣвался. Кру-

гомъ крапива и лопухи. Названными двумя именами ограниченъ списокъ замѣчательныхъ могилъ на Дорогомилловскомъ погостѣ, если не считать третьей, требующей поновленія, а именно: памятника, «воздвигнутаго надъ общею могилой трехсотъ воиновъ-страдалцевъ и раненыхъ въ Бородинской битвѣ и умершихъ на пути въ Москву 1812 г.». Этотъ желѣзный памятникъ есть подобіе чугуннаго Бородинскаго, въ 10 верстахъ отъ Можайска. Высокая пирамидальная колонна. Ежегодно 29 августа тутъ совершается панихида.

— У насъ вы не найдете могилъ сколько нибудь примѣчательныхъ людей,—говорили мнѣ власти на Даниловскомъ кладбищѣ.

Даниловское кладбище разбросалось за Серпуховской заставой.

— Неужели такъ-таки и нѣтъ?—говорилъ я.

— А, право, нѣтъ. У насъ хоронятъ мужичковъ да священниковъ, скромныхъ пастырей... Ну, купеческія фамилія какія встрѣчаются...

— Позвольте, однако, на мѣстномъ кладбищѣ погребенъ П. Н. Кудрявцевъ.

— Кудрявцевъ? Какой такой? Есть, дѣйствительно, могила Кудрявцева около красной часовни, а только мы не интересовались, что за Кудрявцевъ такой!..

Черный мраморный памятникъ, съ четырехконечнымъ крестомъ, нѣсколькими строками, высѣченными на вѣчно холодномъ известковомъ шпатѣ, скажетъ вамъ, кто былъ почившій:

«Петръ Николаевичъ

«Кудрявцевъ.

«Родился 4 августа 1816 г.

«Окончилъ курсъ въ Московскій духовной семинаріи въ 1836 г.

«Окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1840 г.

«Вступилъ въ Московскій университетъ профессоромъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ 1847 г.

«Вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Варварою Арсеньевною Нелидовою 2 октября 1849 г. Лишился супруги, скончавшейся во Флоренціи 5 марта 1857 г.

«Скончался въ Москвѣ 18 января 1858 г.»

Блестящій наслѣдникъ кафедры блестящаго Грановскаго, ученикъ и другъ его, Кудрявцевъ, казалось бы, долженъ былъ почивать на Пятницкомъ кладбищѣ. Но на Даниловскомъ погостѣ нѣкогда священствовалъ отецъ П. Н.—ча; тутъ онъ и въ землю зарытъ... Сына не захотѣли разлучить съ отцомъ. Сиротливо взглянуть монументъ славнаго ученаго, къ которому такъ примѣнимы его же собственныя слова, послужившія для оцѣнки Мар-

тина Лютера: «Когда закалились навсегда его убѣжденія, ничто не въ состояніи было сокрушить ихъ адамантовой силы. Можно было разбить сосудъ на части, но нельзя было насильственно измѣнить его содержаніе».

Кладбищенская администрація до такой степени не «интересовалась» Кудрявцевскимъ памятникомъ, что съ него сняли образъ Спасителя, унесли, и теперь круглое углубленіе въ мраморѣ похоже на глазъ, который смотритъ на всѣхъ съ укоромъ. Изъ-за могилы П. Н. Кудрявцева виднѣется могила профессора Сергѣя Дмитриевича Шестакова (родился 7 сентября 1820 г. скончался 11 января 1858 г.). Двѣ одна за другой утраты Московскаго университета! Мраморъ Шестакова почти сплошь покрытъ непривлекательными лишаями.

На мой вопросъ, что, видно, никто не бываетъ на этихъ двухъ могилахъ, былъ отвѣтъ: никто.

Но вотъ могила, которую «отъ поры до времени навѣщаетъ одна старушка»... только одна старушка... Этой могилой начинается «городъ мертвыхъ». Она посрединѣ двухъ дорожекъ—«улицъ». Въ обветшалой, слинявшей деревянной оградѣ осѣдающій холмикъ. Дерьнъ измятъ... холмика онъ не укрѣпилъ. Крестъ на немъ токъ въ токъ, какъ на могилѣ Н. В. Успенскаго.

Дощечка подъ Распятымъ скупа на слова:

«Викторъ Петровичъ
«Клюшниковъ
«Сконч. 7 ноября
«1892 г.»

Этимъ самымъ, а не другимъ, Клюшниковымъ написано нѣсколько романовъ и, между прочимъ, извѣстный: «Марево». Кромѣ того, В. П. Клюшниковъ былъ редакторомъ журнала «Нива» въ первыя пять лѣтъ ея изданія и впоследствии, отъ 1887 г. до кончины своей. Какъ много поработано въ недолгой жизни, и въ воздаяніе заслугъ—забвеніе! Когда не станетъ старушки-родственницы, что же тогда будетъ съ Клюшниковской могилой? Не обречена ли она на исчезновеніе, подобно могиламъ поэта А. И. Полежаева или Цыганова, творца гѣсенъ, ставшихъ народнымъ достояніемъ: «Не шей ты мнѣ, матушка», «При долинушкѣ берега», «Охъ, болитъ», «Брезжитъ мѣсяцъ молодой», «Какъ за рѣченькой, за быстрою рѣчкой»... да мало ли ихъ!.. Или какъ сгинула могила даровитаго поэта, пасынка судьбы, Вас. Ив. Красова, чей романсъ: «Я вновь предъ тобою стою очарованъ»... до сихъ поръ еще не забыть, грѣетъ сердца и ласкаетъ слухъ. Красовъ умеръ въ Москвѣ (1855 г.), въ крайней нуждѣ. Гонимый судьбою, онъ пѣлъ:

«Я такъ хотѣлъ любить людей,
 Хотѣлъ назвать ихъ братьями моими,
 Хотѣлъ я жить для нихъ, какъ для друзей.
 Я простираю къ нимъ жаркія объятія,
 Младое сердце въ даръ имъ несъ:
 И не признали эти братья,
 Не раздѣлили братскихъ слезъ!..
 А я ихъ такъ любилъ!».....

Х.

Бродя по нашимъ кладбищамъ, останавливаясь передъ могилами замѣчательныхъ русскихъ людей, невольно поражаешься холоднымъ, сухимъ однообразіемъ памятниковъ. Если не просто убогій деревянный крестъ топорной работы, то громоздкій кусокъ мрамора—плита или глыба. Уклоненія въ сторону поэтической аллегоріи или милого символа замѣчательно рѣдки, не то, что за границей, гдѣ изобрѣтательность и выдумка идутъ рука объ руку съ художественнымъ выполнениемъ. Французы ухитрились создать даже собачье симѣтеръ, возлѣ Парижа, и какіе же эффектные, красивые и художественные мавзолеи возвышаются тамъ надъ разливомъ велени, среди ароматныхъ клумбъ и горокъ! Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что у насъ наиболѣе выразительные, изящные и достойные памятники воздвигнуты надъ могилами композиторовъ. Дѣйствительно, припомните памятники Глинки, Чайковскаго или Мусоргскаго на Невскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Эта «Эолова арфа» Глинки, этотъ монументъ Мусоргскаго—въ русскомъ стилѣ... они говорятъ и уму и сердцу, а главное напоминаютъ вамъ о покойникахъ. Но что можетъ сказать тяжелый кусокъ мрамора, какіе я большею частью видѣлъ на московскихъ кладбищахъ?

Кстати, памятникъ М. П. Мусоргскому на кладбищѣ Александровско-Невской лавры сооруженъ по проекту академика Богомолова. Одинъ изъ выдающихся нашихъ водчихъ, создатель, между прочимъ, музыкальной рѣшетки вокругъ памятника М. И. Глинкѣ, въ Смоленскѣ, Иванъ Семеновичъ Богомоловъ покоится на Калитниковскомъ кладбищѣ, около церкви. Онъ скончался 24 ноября 1886 г., проживъ всего 44 года. Воздвигнутый этому даровитѣйшему сыну народа (Богомоловъ происходилъ изъ крестьянъ) памятникъ можетъ быть названъ именно изящнымъ и идейнымъ, и достойнымъ почившаго, но и онъ, увы, производитъ гнетущее впечатлѣніе своей запущенностью. Должно быть, здѣсь-то собираются стаи птицъ... По крайней мѣрѣ, только на Мурманѣ, по такъ называемымъ «базарамъ», мнѣ доводилось видѣть столь же яркіе слѣды птичьяго пребыванія. Некому, повидимому, привести въ порядокъ «богомоловское» мѣсто...

Отраднымъ видомъ памятника В. П. Боткину въ Покровскомъ монастырѣ (неподалеку отъ Калитниковскаго кладбища) я хотѣлъ

влиять ложку меда въ бочку могильнаго дегтя, но... около автора «Писемъ объ Испаніи»,—даровитой «вѣточки чайнаго дерева, привитой къ древу россійской словесности»,—покойтся знаменитый врачъ и прекрасный человекъ Н. А. Бѣлоголовый († 1895 г.), другъ Боткиныхъ, Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и др. Его прикрыла очень большая мраморная глыба. Въ головахъ измятый крестъ и совершенно засохшая сосенка. Старыя мысли и чувства невольно вызываются изъ глубины души. Мучительно думается: неужели забвеніе—удѣлъ всего живущаго на свѣтѣ?.. Совершенно вѣрно: время выдвигаетъ своихъ слугъ, но и слуги ждутъ своего времени. Въ вѣчномъ движеніи времени слагаются и получаютъ небесный ореолъ боги будущаго, въ сіяніи котораго неминуемо должны меркнуть вчерашніе и сегодняшніе идолы.

Но одно во-время сказать: «довольно», отойти къ сторонкѣ и дать дорогу свѣжимъ творческимъ силамъ, и другое дѣло быть забытымъ. А сколько забытыхъ могилъ, Боже мой, сколько—и какихъ! Между тѣмъ, я вовсе не думаю заявлять, что мой перечень полонъ. Нѣтъ, я убѣжденъ, что на этихъ же московскихъ кладбищахъ другой кто либо найдетъ еще немало «забвенныхъ», которыхъ имѣлъ въ виду Жуковскій, когда писалъ:

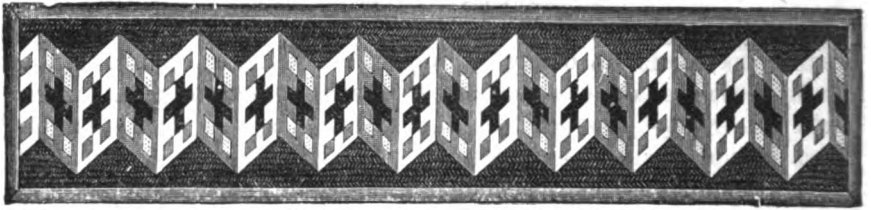
«Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію: были!»

Мои впечатлѣнія—московскія, но я знаю, что забыто много «милыхъ спутниковъ» литературы, науки и искусствъ, погребенныхъ на петербургскихъ и провинціальныхъ кладбищахъ. Да, да, они хорошо забыты, хотя Некрасовъ сказалъ:

«Нужны намъ великія могилы».....

Павелъ Россіевъ.

ВЪ ТЮРЕМНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНИИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

ВЪ ПОЛОВИНѢ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія вопросъ о матеріальной помощи студенчеству былъ однимъ изъ жгучихъ вопросовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, который горячо обсуждался въ разныхъ кружкахъ изъ числа именно тѣхъ, которые не были цѣликомъ захвачены «политикою». Благодаря близости къ проф. О. Ѳ. Миллеру, и мнѣ пришлось принять нѣкоторое участіе въ посильномъ разрѣшеніи этого вопроса основаніемъ въ университетѣ частной кассы на пожертваніе, сдѣланное г. Д., богатымъ студентомъ-юристомъ. Назначеніе кассы было, съ одной стороны, являться съ помощью товарищамъ, находящимся въ нуждѣ и не состоявшимъ членами тогдашнихъ землячествъ, а съ другой — быть центральной кассою, которая, въ случаяхъ денежныхъ затрудненій въ томъ или иномъ землячествѣ, могла бы его поддержать въ трудную минуту и не дать зачахнуть или прекратить свою полезную дѣятельность. А землячества переживали въ то печальное и сѣрое время немало затрудненій, благодаря частымъ арестамъ ихъ заправиль, конфискаціямъ денежныхъ средствъ, а также благодаря не всегда правильному хозяйничанію и отвлеченіямъ суммъ отъ направленія матеріальной помощи дѣйствительнымъ членамъ кружковъ въ пользу «политики» и поддержанія пострадавшихъ во имя этой политики.

Касса была основана въ 1884 г., и оборотными ея средствами были именно пожертвованные г. Д. тысяча рублей, при чемъ мнѣ было дано жертвователемъ обѣщаніе, что въ случаѣ надобности касса будетъ субсидирована и въ дальнѣйшемъ. Дабы избѣгнуть докучаніями Д. съ просьбою о деньгахъ, было рѣшено изыскать иной способъ увеличенія средствъ, а именно прибѣгнуть къ выпуску литографированныхъ сочиненій, по тѣмъ или инымъ причинамъ не могшихъ появиться на свѣтъ Божій съ одобренія цензуры. На первое время рѣшено было издать «Исповѣдь» графа Льва Толстого и его же сочиненіе «Въ чемъ моя вѣра», что и принялъ на себя князь Д. И. Шаховской, нынѣшній секретарь государственной думы, а тогда поклонникъ и даже отчасти послѣдователь нашего гениальнаго писателя.

Весною 1885 г. я кончилъ курсъ университета и хотя не прерывалъ связи съ своей alma mater по дѣламъ официального «общества вспомошествованія студентамъ университета», работая здѣсь сначала въ качествѣ не официального секретаря общества, а затѣмъ и официального-выборнаго, однако отъ тѣсныхъ сношеній съ массою студенчества я уже отошелъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ и изъ виду основанную кассу, будучи, впрочемъ, совершенно спокоенъ, что ея матеріальные ресурсы покоятся въ вѣрныхъ и благонадежныхъ рукахъ. Кажется, въ то время главную роль вершителей судьбы кассы исполняли извѣстные нынѣ проф. И. М. Гревсъ и политическій публицистъ В. В. Водовозовъ.

Осенью 1886 г., когда я жилъ холостымъ бобылемъ въ меблированныхъ комнатахъ на углу Офицерской улицы и Вознесенскаго проспекта, рано утромъ ко мнѣ постучались въ дверь. На окрикъ: «войдите», въ комнату вошелъ средняго роста, съ сѣроватымъ цвѣтомъ лица, прямыми неопредѣленнаго цвѣта волосами и нѣсколько бѣгающими глазами студентъ въ университетской формѣ и, не называя себя по имени, подалъ мнѣ письмо отъ моего бывшаго товарища по университету, В. Гуревича, котораго я къ тому времени уже нѣсколько потерялъ изъ виду. Въ обычномъ ему тогда по отношенію меня веселомъ и дружески-любовномъ тонѣ мой бывшій «наперсникъ молодыхъ затѣй» писалъ мнѣ длинное посланіе, гдѣ взывалъ къ моей общественной отзывчивости и рекомендовалъ моему вниманію подателя сего, студента Шевырева, преисполненнаго, по его словамъ, лучшихъ стремленій для работы на пользу нуждающагося студенчества.

Итакъ, предо мною оказался тотъ самый Шевыревъ, которому суждено было менѣе, чѣмъ черезъ годъ явиться однимъ изъ дѣятелей по неудавшемуся покушенію 1 марта 1887 г. на жизнь императора Александра III. Мы разговорились и, хотя самъ по себѣ мой собесѣдникъ не вызывалъ къ себѣ лично чувства особенной симпатіи, весь складъ его мыслей показался мнѣ занимательнымъ

и онъ самъ достойнымъ той рекомендаціи, которую дѣлалъ ему Гуревичъ, случайно съ нимъ познакомившійся въ Москвѣ, гдѣ они, кажется, даже одно время жили въ общихъ меблированныхъ комнатахъ. Шевыревъ сразу же началъ вести разговоръ относительно нужды среди молодежи, о необходимости прійти ей энергично и наиболѣе цѣлесообразно на помощь, при чемъ просилъ меня познакомить его съ наиболѣе дѣятельными изъ числа студентовъ и профессоровъ, среди которыхъ онъ нашеть бы откликъ своимъ добрымъ чувствамъ.

— Пожалуйста, порекомендуйте меня комунибудь, — просилъ Шевыревъ. — У васъ обширное знакомство и связи, ваша рекомендація откроетъ мнѣ двери тамъ, куда иначе я не скоро получу доступъ.

— Среди студентовъ у меня близкихъ знакомствъ нѣтъ. Единственный, котораго я близко знаю, это Василій Васильевичъ Водовозовъ. Къ нему я охотно вамъ дамъ письмо. Къ тому же онъ сейчасъ, кажется, близко стоитъ къ основанной мною кассѣ, о которой вамъ говорилъ и Гуревичъ. Водовозовъ васъ посвятить въ ея цѣли и средства.

— А съ Орестомъ Федоровичемъ Миллеромъ можно познакомиться?

— Тутъ дѣло тоже очень просто. Я вамъ дамъ къ нему визитную карточку, постарайтесь съ нимъ повидаться, а вечеромъ сегодня я буду имѣть возможность съ нимъ обо всемъ подробнѣе поговорить и условиться, куда и какъ васъ приспособить.

Затѣмъ мы начали строить съ Шевыревымъ разные проекты, при чемъ оказалось, что онъ, какъ и я, придаетъ большое значеніе объединенію земляческихъ кассъ, въ интересахъ взаимопомощи и общаго кредита нуждающагося студенчества, при чемъ я съ своей стороны указалъ и на центръ, вокругъ котораго такого рода «федерация кассъ» могла бы сгруппироваться. Центромъ этимъ должна была явиться именно основанная мною годъ назадъ касса. Шевыревъ пришелъ отъ проекта въ восторгъ и тутъ же попросилъ меня набросать проектъ этой федерации. Я исполнилъ его просьбу, изложивъ свои мысли по сему предмету въ письмѣ на имя Водовозова, которому съ своей стороны и рекомендовалъ Шевырева, какъ, повидимому, энергичнаго работника на пользу студенческаго благополучія. Вотъ это-то письмо и послужило источникомъ моихъ злоключеній, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе. В. В. Водовозовъ сохранилъ это письмо въ своемъ архивѣ, и оно при бывшемъ у него послѣ 1 марта 1887 г. обыскѣ было взято, какъ документъ, дающій нить къ обнаруженію существованія «федерации земляческихъ кассъ».

II.

Черезъ нѣсколько времени послѣ знакомства съ Шевыревымъ я получилъ не помню уже за чьей подписью, кажется, какой-то незнакомой, приглашеніе пожаловать на собраніе соединенныхъ студенческихъ земляческихъ кассъ для обсужденія вопроса о формальной «федераціи землячествъ». Но поѣхать на это засѣданіе мнѣ не удалось, какъ равно не пришлось откликнуться и на послѣдующія двѣ повѣстки по тому же предмету. Такимъ образомъ я остался внѣ курса вопроса, пришли ли къ какому нибудь заключенію соединенныя засѣданія, и лишь впоследствии я узналъ, что этотъ вопросъ о федераціи очень беспокоилъ департаментъ полиціи, и агенты послѣдняго усиленно разыскивали нити этого «преступнаго заговора» и составъ его членовъ. Что касается знакомства Шевырева съ Миллеромъ, то оно вскорѣ дало вполне реальныя результаты.

Восторженный и отзывчивый Орестъ Ѳедоровичъ принялъ рекомендованнаго мною Шевырева съ распростертыми объятіями, увлекся его представленіями о необходимости энергичной матеріальной помощи студенчеству и совместно съ нимъ выработалъ опредѣленный планъ новаго вида этой помощи, который и внесъ на обсужденіе ближайшаго засѣданія комитета общества вспомошествованія, гдѣ этотъ планъ и удостоился полнаго одобренія членовъ. Нужно отмѣтить, что большимъ мѣстомъ въ жизни здѣшней университетской молодежи восьмидесятыхъ годовъ было отсутствіе собственной столовой. Прежняя, дѣйствовавшая въ предыдущее десятилѣтіе, была закрыта по соображеніямъ полицейскаго характера, новую специально-студенческую, т.-е. самими студентами организованную и администрированную, не было дозволено открывать, а комитетъ общества не имѣлъ тогда въ своемъ распоряженіи достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы принять на себя починъ и исполненіе этого дорого стоящаго и сложнаго учрежденія. Вопросъ о столовой былъ мечтою и Миллера, и комитета, и самого ректора И. Е. Андреевскаго, но отъ мечты до осуществленія ея было далеко, и вопросъ оставался лишь въ области благихъ пожеланій. Вотъ тутъ-то и явился съ своимъ оказавшимся потомъ довольно-таки лукавымъ и хитрымъ предложеніемъ Шевыревъ.

Онъ предложилъ черезъ Миллера комитету организовать столовую, которая бы находилась подъ наблюденіемъ его и его сотоварищей, тоже студентовъ, а потому была бы въ состояніи доставлять своимъ клиентамъ за обычную кухмистерскую цѣну свѣжую и сытную пищу. Для выполненія сего плана онъ просилъ, чтобы комитетъ ежемѣсячно приобрѣталъ у этой столовой опредѣленное количество (до нѣсколькихъ сотенъ) билетовъ для входа въ эту новую кухмистерскую, каковыя билеты и засчитывалъ бы просителямъ въ счетъ

ихъ пособій. Напримѣръ, если студенту-просителю разрѣшалась ссуда въ размѣрѣ 6—8 рублей, то половина или опредѣленная часть этихъ денегъ выдавалась бы ему на руки, а остатокъ билетами, которые и давали бы ему право входа въ столовую. Конечно, такая комбинація выдачи должна была распространяться лишь на тѣхъ, кто бралъ именно ссуду въ интересахъ своего прокормленія. Какъ могутъ читатели убѣдиться, предложеніе въ такой его постановкѣ и въ такомъ направленіи по всему вышеизложенному настроенію умовъ заправилъ комитета не могло не найти въ нихъ отзыва—оно было одобрено, принято и приведено въ исполненіе. Комитетъ ежемѣсячно черезъ Шевырева сталъ пріобрѣтать опредѣленное и довольно-таки большое количество входныхъ билетовъ и раздавалъ ихъ желающимъ въ счетъ назначеннаго имъ пособія. Многіе студенты, которые именно искали ссуды въ цѣляхъ прокормленія, также порадовались новой постановкѣ дѣла пособій, охотно брали въ зачетъ ихъ билеты, находя здѣсь то удобство, что это избавляло ихъ отъ соблазна растратить всѣ данныя деньги по пустякамъ и по необходимости обезпечивало имъ нужный столъ. Что касается до добросовѣстности пользованія въ кухмистерской, то я, выдававшій по обязанностямъ исправляющаго должность секретаря эти билеты, не встрѣчалъ со стороны молодежи нареканій или жалобъ, а потому комитетъ считалъ, что дѣло поставлено здѣсь хорошо, и не сознавалъ себя въ правѣ вмѣшиваться сюда со своимъ наблюденіемъ и контролемъ, на которые къ тому же не было формальнаго основанія. Какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, выяснилось, въ столовой-кухмистерской многое было неладное. Правда, посѣтителю ея, кліенты комитета, получали свое удовольствіе сполна, т.-е. простой незатѣйливый дешевый кухмистерскій обѣдъ, но зато поставщики провизіи заправилами учрежденія подъ разными предлогами, въ коихъ фирма комитета играла немалую роль, далеко не расчитывались правильно, а нѣкоторые и вовсе не получали расчета. Шевыревъ и его ближайшіе помощники искусно сумѣли обратить ихъ въ кредиторовъ, а средства, получаемыя отъ комитета на обѣды, употребляли на иныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ удовольствіемъ студентовъ. Деньги были употреблены на политическія задачи: поддержаніе молодой партіи народной воли и подготовленіе къ покушенію на жизнь императора Александра III, назначенному ими на 1 марта 1887 г., въ видѣ тризны и повторенія 1 марта 1881 г. Не слѣдуетъ думать, чтобы исключительно комитетскими средствами могли оборачиваться заговорщики, конечно, нѣтъ, ибо въ сущности эти средства были ничтожны, но они, какъ-никакъ, а были все же тѣми долями, которыми пополнялось и цѣлое. Всякое политическое начинаніе требуетъ прежде всего матеріальныхъ ресурсовъ, и это положеніе было хорошо усвоено Шевыревымъ, а отсюда и его хитро-обдуманное предложеніе и мнѣ, и

Миллеру, и комитету, на которое мы всё такъ довѣрчиво попались. Можно только удивляться, какъ поставщики провизіи въ кухмистерскую, не получая расчета и убаюкиваемые ссылками на комитетъ, ни разу сюда не обратились за справкою или указаніями, но часто именно въ самыхъ сложныхъ явленіяхъ простыя вещи проскальзываютъ незамѣтно и случайно, въ результатѣ чего рождаются серьезныя послѣдствія.

Я не берусь здѣсь говорить, когда именно Шевыревъ обратился въ боевого революціонера—пришелъ ли онъ ко мнѣ въ первое утро знакомства уже готовымъ политическимъ дѣятелемъ, съ определеннымъ и уже готовымъ планомъ дѣйствій, или сближеніе съ петербургскими революціонными кружками крестило его въ новую вѣру, эта сторона дѣла для меня осталась неизвѣстною. Но какъ бы тамъ ни было, а зимою 1887 г. онъ уже былъ близокъ съ Ульяновымъ, Генераловымъ, Андреюшкинымъ, Осипановымъ и др., которые были приобщены къ замыслу убіенія государя. Въ общемъ планъ заговорщиковъ былъ недурно разработанъ съ точки зрѣнія тайны переговоровъ, и только случайность помогла полиціи попасть на слѣдъ заговора.

Съ юга было незадолго до 1 марта получено департаментомъ полиціи указаніе на принадлежность не то Андреюшкина, не то Генералова къ революціонной организаціи, за указаннымъ лицомъ немедленно былъ учрежденъ надзоръ, изъ котораго и выяснились его таинственныя сношенія съ группою лицъ, о коихъ упоминалось выше. Было установлено, что Генераловъ, Андреюшкинъ и Осипановъ съ бомбами въ рукахъ ежедневно выходятъ на Невскій въ ожиданіи чьего-то проѣзда, при чемъ другіе, а именно; Канчеръ, Горкунъ и Волоховъ, играютъ роль развѣдчиковъ и сигнальщиковъ; далѣе было дознано, что ожидаемое лицо есть именно Александръ III, на жизнь котораго и готовится покушеніе. Когда 1 марта названныя лица въ третій разъ появились на своихъ мѣстахъ, то за ихъ спинами расположились агенты полиціи, которые тутъ же одновременно и схватили всѣхъ активныхъ заговорщиковъ и ихъ развѣдчиковъ. Потомъ послѣдовали и дальнѣйшіе аресты, а также выясненіе всей организаціи заговора, въ каковомъ оказались замѣшанными 15 человекъ — Генераловъ, Андреюшкинъ, Осипановъ, Канчеръ, Горкунъ, Волоховъ, Ульяновъ, Шевыревъ, Лукашевичъ, Ананьина, Пильсудскій, Новорусскій, Пашковскій, Шмидова и Сердюкова.

Такимъ образомъ, покушеніе 1 марта не удалось, имѣло самыя горестныя послѣдствія для заговорщиковъ, печально и больно ударило по всей университетской жизни, чуть было не нанесло обществу вспомошествованія студентамъ громаднаго нравственнаго ущерба, а меня лично произвело въ своего рода политическіе преступники, отсидѣвшаго по высочайшему повелѣнію десять дней въ тюремномъ заключеніи.

Участіе въ покушеніи 1 марта 1887 г. со стороны студентовъ университета (Новорусскій былъ студентомъ здѣшней духовной академіи)¹⁾ всполошило инспектуру, министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, попечителя округа и было отнесено къ распущенности всего университетскаго режима, виновникомъ чего былъ признанъ ректоръ И. Е. Андреевскій. Напрасно послѣдній пытался выгородить дорогой ему университетъ въ цѣломъ его составѣ, тщетно онъ взывалъ къ осторожности отъ огульнаго обвиненія всего студенчества. Онъ произнесъ на вѣрноподданническую тему рѣчь въ актовомъ залѣ, но и здѣсь ему не повезло: среди слушателей поднялся шумъ, раздались единичные крики, свистки. Тѣмъ не менѣе онъ организовалъ адресъ съ выраженіемъ государю императору добрыхъ чувствъ отъ всей университетской корпораціи въ цѣломъ ея составѣ. И все же это не спасло его лично, и ему предложено было подать въ отставку; обозначилось рѣзко консервативное движеніе противъ него даже среди нѣкоторой части профессоровъ, и въ результатѣ—его уходъ изъ университета и назначеніе на его мѣсто профессора философіи, М. И. Владиславлева. Для университета наступили черные дни, полицейско-бюрократическіе порядки надавили на него тяжелымъ спудомъ, и угрюмая, тяжеловѣсная и болѣзненная фигура новаго ректора заслонила собою всякій свѣтъ, равшійся съ воли въ окна выспаго разсадника просвѣщенія. Все было регламентировано подъ казенную гребенку, и ничто живое не получило права жизни. Такъ, существовавшее тогда и основанное нами, студентами, въ свое время студенческое научно-литературное общество было прежде всего закрыто и ликвидировано, при чемъ однимъ изъ существеннѣйшихъ побужденій къ тому послужило то, что среди его членовъ былъ, между прочимъ, и Ульяновъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей тогдашняго 1 марта. Повисла туча и надъ обществомъ вспомошествованія, которое было обвинено въ потакательствѣ революціонному террору, въ легкомысліи и неправильномъ порядкѣ своихъ средствъ.

III.

Необходимо замѣтить, что общество занимало всегда въ университетской жизни вполне автономное положеніе, не будучи никоимъ образомъ подчинено тамошней администраціи и состоя въ связи съ университетомъ исключительно черезъ посредство ректора, который и являлся по уставу общества непремѣннымъ членомъ комитета. Въ силу этого инспекція не имѣла права вмѣши-

¹⁾ О его прикосновенности въ заговору 1887 г., вслѣдствіе которой онъ отбылъ 18 лѣтъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости, имѣются автобиографическія записки въ журналѣ «Былое», № 4.

ваться въ дѣятельность комитета и лишена была возможности примѣнять къ его распоряженіямъ и постановленіямъ свои полицейски-административныя тенденціи. Это было бѣльмомъ на глазу тогдашняго инспектора студентовъ (между прочимъ, немало содѣйствовавшаго и отставкѣ Андреевскаго), М. Цивилькова, который не находилъ для себя удобной возможности вліять на то или иное распредѣленіе пособій студентамъ. Комитетъ, назначая свои выдачи, сообразовался лишь съ извѣстной ему степенью нужды и матеріальной крайности просителя и съ наличностью свободныхъ средствъ; инспекторъ же домогался, чтобы въ число критеріевъ было введено и соображеніе о благонадежности и благонравности просителя, т.-е. до нѣкоторой степени стремился обратить средства комитета въ своего рода узаконенныя рептиліи, а, быть можетъ, даже въ источникъ полицейской агентуры, которая секретно, съ вѣдома инспекціи, процвѣтала несомнѣнно въ университетѣ.

И вотъ, когда разыгралось событіе 1 марта 1887 г., и выяснилось, что нѣкоторые изъ его участниковъ пользовались въ свое время единовременными пособиями отъ комитета, М. Цивильковъ нашель это обстоятельство достаточнымъ casus belli и предъявилъ въ интересахъ порядка и безопасности въ стѣнахъ университета требованіе, чтобы всѣ выдачи комитета не иначе попадали въ руки просителей, какъ послѣ его, инспектора, санкции. Такое требованіе и принятіе его несомнѣнно наносило автономіи общества страшный ударъ, ставило его въ унижительное положеніе и обращало въ орудіе полицейскаго воздѣйствія на студенчество. Отнынѣ не бѣдныя, какъ таковыя, должны были быть вспомошествоемы, а лишь тѣ, кто угоденъ инспектурѣ и поддержку которыхъ она считала полезною и желательною. Комитетъ всполошился, но прежде чѣмъ дать инспектурѣ необходимый отпоръ, предсѣдатель общества, нынѣшній членъ государственнаго совѣта, а тогда сенаторъ П. П. Семеновъ, собралъ экстренное засѣданіе комитета съ участіемъ въ этомъ засѣданіи и почетныхъ пожизненныхъ членовъ общества, большая часть которыхъ состояла въ тотъ годъ и членами ревизіонной коммисіи — старца И. И. Домонтовича, Ю. С. Булаха (нынѣшняго сенатора), Гюббенета (бывшаго вскорѣ затѣмъ министромъ путей сообщенія), покойнаго помощника статсъ-секретаря И. С. Ремезова. Кромѣ того, такъ какъ обсуждать столь щекотливый вопросъ, какъ поставленный г. Цивильковымъ, въ зданіи университета, гдѣ мы обыкновенно собирались, было по понятнымъ причинамъ неудобно, то чрезвычайное засѣданіе назначено было въ залѣ географическаго общества, коего П. П. Семеновъ состоялъ и понынѣ состоитъ вице-президентомъ.

Засѣданіе вышло горячее, раздавались голоса, на примѣръ, Домонтовича, за необходимость подчиниться желанію инспектора, другіе искали компромисса, но рѣшающее большинство было про-

тивъ. Опытный предсѣдатель сумѣлъ, однако, примирить крайности и найти выходъ изъ труднаго положенія. Петръ Петровичъ Семеновъ сталъ какъ бы на сторону чистоты намѣреній инспекціи, полагая, что она дѣйствительно озабочена, чтобы средства общества не тратились на преступныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ опасеніе, что и сама инспекція не всегда окажется на высотѣ взятой на себя полицейской задачи. И она, при всей своей умѣлости въ распознаваніи преступныхъ членовъ студенческой общины, легко можетъ въ тотъ или иной моментъ нашей общественной жизни оказаться не въ курсѣ дѣла, ибо не всегда департаментъ полиціи, быть можетъ, сочтетъ себя въ правѣ или просто вынужденнымъ ставить ее въ курсъ своихъ начинаній, подозрѣній и слѣженія. И вотъ тогда снова комитетъ не будетъ гарантированъ, что онъ опять впадетъ въ ошибку. Кромѣ того, предсѣдатель не считалъ комитета въ правѣ навязывать обремененной и безъ того массою работы инспекціи новый трудъ по разсмотрѣнію прошеній кліентовъ и списковъ выдачъ, а потому онъ сдѣлалъ своимъ сотоварищамъ по обществу слѣдующее предложеніе. Онъ беретъ на себя лично заботу о томъ, чтобы въ число просителей не попадали лица, преслѣдующія преступныя цѣли, въ каковыхъ видахъ просилъ уполномочить его показывать списки разрѣшенныхъ пособій отъ себя лично, частнымъ образомъ, директору департамента полиціи, П. Н. Дурново (недавній министръ внутреннихъ дѣлъ), съ которымъ онъ былъ знакомъ, и который, конечно, не откажетъ ему въ полезномъ и компетентномъ указаніи. Это указаніе, исходящее отъ спеціалиста по политическимъ дѣламъ, несомнѣнно будетъ основательнѣе указаній по этой части М. Цивилькова и его помощниковъ и разрѣшитъ весь вопросъ болѣе цѣлесообразно и правильно, а также сниметъ съ инспекціи новое трудное бремя.

Нечего и говорить, какъ весело и привѣтливо было принято предложеніе П. П. Семенова. Этимъ путемъ конфликтъ съ инспекціей улаживался, ей зажимался ротъ вѣскимъ соображеніемъ, а практически,—всѣ это прекрасно сознавали,—все оставалось по-старому, ибо несомнѣнно директору департамента полиціи было не до разсматриванія ничего не говорящихъ списковъ какого-то благотворительнаго общества, ни малѣйшимъ образомъ не имѣющаго прямого отношенія къ его непосредственной задачѣ и не облегчающаго этой задачи въ положительную сторону. Инцидентъ былъ исчерпанъ, и жизнь общества и комитета потекла по-старому, за тѣмъ развѣ исключеніемъ, что выдачѣ кухмистерскихъ билетовъ былъ положенъ естественный конецъ, за закрытіемъ и самой кухмистерской. Для проформы, приличія ради, кажется, Петръ Петровичъ однажды возилъ списокъ кліентовъ общества на просмотръ П. Н. Дурново, отъ котораго и доставилъ его обратно, конечно, въ нетронутомъ

видѣ и съ указаніемъ, что въ такомъ официальномъ или даже неофициальномъ просмотрѣ не усматривается никакой цѣлесообразной надобности.

Отмѣчу въ заключеніе этой части моего повѣствованія, что изъ числа участниковъ заговора 1 марта 1887 г. не всѣ сразу были арестованы. Шевыреву удалось бѣжать на Донъ, но онъ вскорѣ былъ тамъ арестованъ и судимъ вмѣстѣ съ прочими своими товарищами. На судѣ онъ держалъ себя далеко не мужественно, выдавалъ кое-что изъ извѣстнаго ему и въ концѣ концовъ просилъ о помилованіи. Приговоръ суда былъ несомнѣненъ: пятеро, а именно Осипановъ, Шевыревъ, Андреюшкинъ, Генераловъ и Ульяновъ, были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а остальные присуждены къ тѣмъ или инымъ видамъ заключенія и ссылкамъ. Приговоренные къ смерти, по тогдашнимъ слухамъ, встрѣтили приговоръ спокойно, въ послѣдній моментъ пожелали другъ съ другомъ повидаться и проститься, при чемъ, отходя въ иной міръ, нашли въ себѣ достаточно духа, чтобы пожелать для Россіи лучшаго государственнаго будущаго, въ направленіи тѣхъ идей, ради которыхъ они обрекли себя на гибель.

IV.

Всѣ эти событія, близко касавшіяся меня, какъ дѣятеля комитета и какъ члена-основателя студенческаго научно-литературнаго общества, однако, не имѣли непосредственнаго отношенія къ моей личной и домашней жизни. Но пробилъ часъ и послѣдняго касательства. Въ одинъ весенній день того же 1887 г., въ пятомъ часу утра, въ дверь моей спальни раздался стукъ и за нимъ взволнованный шопотъ прислуги:

— Баринъ, вставайте, васъ спрашиваютъ.

— Кто, что такое?—спрашиваю я соннымъ голосомъ.

— Извольте одѣться и выйти. Я — приставъ, мнѣ нужно васъ видѣть,—слышу въ отвѣтъ густой басъ.

Становится понятнымъ: у меня готовится обыскъ. Одѣваюсь наскоро, распоряжаюсь привести спальню въ порядокъ и выхожу къ незваннымъ гостямъ. Передо мною мѣстный приставъ, околоточный и нѣсколько дворниковъ-понятыхъ.

— Покажите вашъ кабинетъ и письменный столъ.

Начинается длинная и скучная процедура отмыканія ящиковъ, выниманія оттуда разныхъ писемъ, бумагъ, документовъ. Я уже тогда началъ немного работать въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и въ столѣ оказываются всяческія выписки, брошюры, лоскутки бумаги съ разными помѣтками. Привычнымъ жестомъ и натореннымъ взглядомъ приставъ отбрасываетъ ненужное, цѣнность котораго опредѣляется имъ какъ-то сразу. Вотъ откладывается изъ массы одно

письмо, затѣмъ другое, третье... Вижу — письма, относящіяся до студенческой жизни, нѣсколько записокъ и визитныхъ карточекъ Ореста Ѳедоровича, какая-то повѣстка, какой-то черновикъ. Кажется, ничего серьезнаго, но вотъ на одной запискѣ его взглядъ останавливается дольше, скользятъ по одной страницѣ, слѣдующей... Что такое, думаю, его заинтересовало, не понимая еще, по какому поводу и предлогу у меня производится обыскъ. Приставъ тщательно откладываетъ прочитанное, разглаживаетъ рукою смятое письмо и какъ бы съ нѣкоторымъ удовольствіемъ произноситъ:

— Вотъ тутъ про Шевырева...

Я начинаю понимать: меня подозрѣваютъ въ сообществѣ по дѣлу 1 марта. Становится какъ-то не по себѣ, хотя прекрасно сознаю, что никакой преступности за мной не имѣется.

Когда осмотръ письменнаго стола закончился, приставъ подходитъ къ книжному шкафу и какъ-то не то устало, не то добродушно спрашиваетъ:

— Ну, а тутъ никакихъ писемъ или документовъ нѣтъ?

Рекомендую убѣдиться лично; приставъ дѣлаетъ знакъ около-точному, и тотъ поспѣшно и также видимо опытной руки вынимаетъ книгу съ одной полки, съ другой, съ третьей, пробѣгаетъ по полкамъ бѣглымъ взоромъ, смотритъ еще подъ шкафомъ, надъ шкафомъ и за шкафомъ. Все благополучно: ничего подозрительнаго не найдено.

— Имѣется въ квартирѣ еще письменный столъ или книжные шкафы?

— Да, въ спальнѣ—дамскій письменный столъ.

— Покажите.

Веду въ убранную уже комнату; приставъ бѣгло смотритъ въ ящики, и, хотя тамъ масса какихъ-то писемъ и бумагъ, онъ рѣшаетъ, что его роль кончена, и можно приступить къ составленію протокола осмотра. Это дѣло нѣсколькихъ минутъ, послѣ чего онъ предлагаетъ дворникамъ-понятымъ подписать составленную имъ бумагу, приобщаетъ къ ней отобранныя письма и собирается уходить.

— А вы извольте совсѣмъ одѣться и пожалуйте со мною.

Я арестованъ! Вотъ такъ сюрпризъ, а у меня на сегодня спѣшный докладъ въ дворянскомъ банкѣ по залогу какого-то имѣнія. Пытаюсь вступитъ въ явно-безполезное объясненіе, но отвѣтъ очевиденъ:

— Я тутъ ни при чемъ. Не найди я никакихъ писемъ,—другое дѣло, а теперь я долженъ васъ доставить съ личнымъ въ охранное отдѣленіе, а тамъ ужъ разсудятъ.

Исполняя распоряженіе, прощаюсь дома съ просьбой не беспокоиться и съ увѣренностью вернуться къ обѣду. Я нервно бодръ, даже веселъ, но не могу не сознаться про себя, что въ мою жизнь тихую и семейную, ворвалось что-то совсѣмъ не нужное, постоянное и досадное.

Первый визитъ въ участокъ, гдѣ приставъ что-то пишетъ, заноситъ въ какую-то книгу и затѣмъ предлагаетъ мнѣ слѣдовать въ сопутствіи городского на уюль Гороховой и Адмиралтейской.

— Можно хоть на извозчикѣ, за свой счетъ?—рѣшаюсь я робко спросить.

— Пожалуйста, сколько угодно.

Черезъ 20 минутъ я въ хорошо знакомой пріемной у градоначальника, куда я такъ часто являлся въ роли распорядителя студенческихъ обѣдовъ, баловъ, вечеринокъ; но невольный голосъ подсказываетъ мнѣ, что и моя поступь, и мой внѣшній видъ, и мое самочувствіе совсѣмъ сейчасъ иные, чѣмъ прежде. Нѣтъ ни самоувѣренности, ни наскока, ни общественнаго азарта. Ахъ, да, я арестантъ, да съ еще неопредѣлившимся смутнымъ будущимъ!.. Меня ведутъ боковымъ коридоромъ и вводятъ въ пустую полукруглую комнату, гдѣ въ моемъ распоряженіи имѣется буковый стулъ.

— Нѣтъ ли при васъ какого нибудь оружія? Покажите, что у васъ въ карманѣ.

Оказывается, ничего опаснаго нѣтъ, нѣтъ признаковъ угрозы ни для моихъ узниковъ, ни для собственной драгоценной жизни. Когда въ этомъ убѣдились, стража защелкнула дверь на замокъ, и я остался въ пустынномъ одиночествѣ передъ дверью съ круглымъ стекляннымъ окошечкомъ, выходящимъ въ полукруглый коридоръ.

Текутъ скучные часы, производится измѣреніе комнаты во всѣхъ направленіяхъ, съ неизбѣжнымъ счетомъ шаговъ и глазніемъ въ окно, выходящее во дворъ. Но и тутъ ничего интереснаго, отвлекающаго меня отъ мысли, въ качествѣ чего я посаженъ и надолго ли. Кучеръ выкатилъ столь знакомую тогда зеленую коляску генерала Грессера, запрягъ сѣрыхъ лошадей, пожарный побѣжалъ открывать ему ворота, и затѣмъ асфальтовый небольшой дворъ опустѣлъ... Скучно; ходить надоѣло, сидѣть посреди комнаты на вѣнскомъ стулѣ какъ-то и неудобно и глупо, а лечь или вытянуться, кромѣ пола, не на чемъ. Маленькимъ развлеченіемъ является наблюденіе въ круглое окошечко, мимо котораго въ началѣ моего пребыванія въ комнатѣ шумно проходили куда-то въ боковой коридоръ какіе-то люди въ штатскомъ платьѣ. Боковымъ наблюденіемъ вижу, что они входятъ въ сосѣднюю комнату, имѣющую проходной видъ, съ продолговатымъ деревяннымъ столомъ посерединѣ, за который нѣкоторые и садятся. Прошло ихъ немало, но вотъ различаю между ними и знакомыя лица. Вотъ грузная фигура кривоглазаго старшаго дворника съ Офицерской улицы, домъ № 1, гдѣ я болѣе года жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, вотъ молодое красноватое лицо не то псаца, не то челоуѣка на посылкахъ, въ одномъ знакомомъ мнѣ литературномъ семействѣ консерватив-

наго лагеря, вотъ еще лица, примелькавшіяся на улицахъ, въ особенности на бойкихъ углахъ столичнаго центра... Голосовъ ихъ не слышать, но, очевидно, они о чемъ-то разговариваютъ, затѣмъ ихъ куда-то ведутъ, и вскорѣ они все гурьбой снова проходятъ въ обратномъ направленіи. Я начинаю понимать: это агенты полиціи, такъ называемые филоры, не то явившіеся съ отчетомъ о своей работѣ, не то пришедшіе для инструкцій на текущій день.

Въ часъ дня моя дверь отворилась, и передо мною предстала фигура въ вицмундирѣ.

— Вы—Глинскій?

— Я самый.

— Вы уже были на допросѣ?

Отвѣчаю отрицательно. На лицѣ моего собесѣдника мелькаетъ какое-то не то удивленіе, не то любопытство, и затѣмъ онъ исчезаетъ. Черезъ часъ появляется новый вицмундиръ и, снова справившись на тему первой бесѣды, приглашаетъ меня за нимъ слѣдовать. Спускаемся по лѣстницѣ и входимъ въ новую комнату, по виду приѣмную, съ мягкой мебелью. Слава Богу! можно хоть посидѣть, опершись о спинку кресла или дивана, размять уставшія ноги и, быть можетъ, даже покурить. Оказывается, курить можно, и вицмундиръ даже выражаетъ удивленіе, почему я не дѣлалъ этого прежде. «Спичекъ не было»,—конфузливо отвѣчаю я.—«Ну, такъ спросили бы—это подслѣдственнымъ не возбраняется». «А, такъ я подслѣдственный; слѣдующій чинъ, кажется, подсудимаго»,—мелькаетъ въ головѣ отрывочная мысль.

Снова текутъ часы, сумерки наполняютъ комнату, начинается одолѣвать дрема. Рѣшаюсь выйти изъ комнаты и обратиться съ вопросомъ къ первому встрѣчному вицмундиру.

— Скажите, пожалуйста, долго меня здѣсь будутъ держать? У меня сегодня срочный докладъ по службѣ. Можетъ выйти неприятность, да и дѣло пострадаетъ.

Я чувствую, что мое обращеніе неумѣстно и даже глупо. Тутъ, быть можетъ, правительство мнитъ въ моемъ лицѣ произвести изобличеніе крамолы, раскрытіе опаснаго заговора, а я сукою съ какою-то спѣшною оцѣнкою по дворянскому банку. Нѣтъ, положительно я не умѣю стоять на высотѣ положенія и проявляю все признаки новичка въ дѣлѣ.

— Подождите, вотъ дойдетъ ваша очередь, и товарищъ прокурора васъ пригласитъ.

Но я не угомоняюсь.

— Помилуйте, я съ 5 часовъ утра взять, ничего не ѣлъ, не пилъ.

— Если угодно, можно сейчасъ послать за обѣдомъ. Тутъ рядомъ порядочный ресторанъ. Мы васъ накормимъ и даже... на казенный счетъ.

Этотъ казенный счетъ мнѣ подозрителенъ. Тутъ какая-то невидимая, но, несомнѣнно, прочная нить между настоящимъ и будущимъ, и я отказываюсь отъ обѣда, въ надеждѣ, что такимъ способомъ ускорю ходъ событій.

Въ началѣ пятаго часа новый вицмундиръ отворилъ дверь, попросилъ меня слѣдовать, провелъ черезъ коридоръ и ввелъ въ новое помѣщеніе. Я очутился уже въ комнатѣ, передъ письменнымъ столомъ, за которымъ сидѣлъ жандармскій офицеръ съ рыжими лихими усами и землистаго цвѣта чиновникъ судебного вѣдомства—товарищъ прокурора по политическимъ дѣламъ. Начался допросъ.

V.

Товарищъ прокурора, обязанность котораго по смыслу его роли въ дѣлѣ допроса сводилась главнымъ образомъ къ тому, чтобы мои интересы, какъ допрашиваемаго, не были ничѣмъ нарушаемы, въ сущности оказался болѣе враждебно ко мнѣ настроеннымъ, нежели жандармскій офицеръ. Онъ допекалъ меня вопросами, но, долженъ сознаться, дѣлалъ это удивительно неумѣло, какъ-то тупо: было очевидно, что его мозгъ работалъ осложненнымъ способомъ, и тамъ, гдѣ все просто и ясно, для него возникаютъ какія-то внезапныя затрудненія и противорѣчія. То же и въ обратномъ отношеніи: когда допрашиваемый явно уклоняется отъ дачи прямого отвѣта и пытается внести въ дѣло тьму, онъ пасуетъ передъ дерзостью и маневрами и не имѣетъ умственной силы настоять на своемъ. Совершенно иное впечатлѣніе производилъ жандармскій офицеръ. Сразу было видно, что это—мастеръ своего дѣла, человѣкъ бывалый, практически-умный и понимающій, что въ сущности настоящее дѣло, которое онъ призванъ выяснить, выѣденнаго яйца не стоитъ и бесполезная трата служебнаго времени.

Мнѣ задавали вопросы, я отвѣчалъ сначала устно; сначала за мною записывали, а потомъ предложили по отдѣльнымъ опредѣлившимся пунктамъ «дѣла» дать свое письменное показаніе. Лично я болѣе всего опасался того момента, который соприкасался съ именемъ Шевырева, не потому, чтобы я чувствовалъ тутъ за собою какой нибудь криминалъ, а потому, что психологически это былъ вопросъ опасный: извѣстная (какая, все равно) близость къ лицу, покушавшемуся на жизнь царя! Этимъ все было сказано, особенно подъ угломъ зрѣнія того безошаднаго времени. Но къ величайшему моему удивленію, вопросъ о знакомствѣ съ Шевыревымъ не входилъ въ программу допроса и мало интересовалъ моихъ слѣдователей. Ихъ интересъ сводился къ тремъ рубрикамъ: 1) что я знаю про какую-то студенческую кассу, и каковая моя роль въ этой кассѣ; 2) что я знаю про федерацію земляческихъ кассъ и про землячества вообще, и 3) что мнѣ извѣстно про В. В. Водовозова,

его политическую и издательскую дѣятельность запрещенныхъ сочиненій. Тутъ же я впервые узналъ великую для себя новость: что по дѣлу, по которому я привлекаюсь, привлечены также В. Водозовъ, С. Крыжановскій¹⁾ и Л. Давыдова²⁾, о коей я не имѣлъ нисколько предствленія. Для меня не оставалось сомнѣнія, что все дѣло создано искусственно, раздуто чьими-то стараніями, и къ нему притянуты разные люди, по существу вопроса имѣющіе между собою мало общаго. Преступленіе В. Водозова сводилось къ тому, что онъ подготовилъ къ изданію (литографированнымъ способомъ) сочиненіе А. Туна «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи», ту самую книгу, которая въ наши дни свободно продается на прилавкахъ книжныхъ магазиновъ, и о которой редакція «Историческаго Вѣстника» дастъ еще отзывъ въ отдѣлѣ «Критики и библиографіи». Л. К. Давыдова, тогда еще очень юная барышня, обвинялась, кажется, въ переводѣ этого самаго Туна по порученію г. Водозова; С. Крыжановскій привлекался къ дознанію по участию въ студенческой кассѣ и по содѣйствію г. Водозову въ его предпріятіи, а я по дѣлу организаціи общества земляческихъ кассъ, основанія извѣстной уже читателямъ студенческой кассы, отчасти за знакомство съ Шевыревымъ и дачу ему рекомендаціи къ В. Водозову.

Хотя я былъ новичкомъ въ опредѣлившемся положеніи, но понималъ, что, при всемъ желаніи быть прямымъ и откровеннымъ, таковымъ быть нельзя, что надо уклоняться изъ опасенія ввести другихъ въ бѣду и лишнимъ словомъ не накликать на ихъ голову неожиданнаго горя. За людьми очевидно гонялись, стараясь создать какъ можно больше «злоумышленниковъ», и въ такомъ уловленіи власти усматривали свою ретивость, свое исполненіе долга службы, свое стремленіе къ созданію внѣшнѣго порядка, за что, конечно, на нихъ должны были сыпаться великія и богатые милости. Не то, чтобы я запирался въ чемъ либо, ибо въ сущности не въ чемъ было и запирается-то, а старался придавать своимъ отвѣтамъ расплывчатость, неопредѣленность, намѣренную недоговоренность.

Допросъ длился около часа времени, затѣмъ мнѣ объявили, что я могу идти домой, но что за мною будетъ установлено гласное наблюденіе, что я отнынѣ состою подъ слѣдствіемъ по политическому дѣлу (?!), что я не имѣю права свободнаго выѣзда изъ столицы въ чемъ и долженъ дать подписку. По первымъ пунктамъ мнѣ, осталось только принять ихъ къ свѣдѣнію, а по послѣднему исполнить требуемое, т.-е. дать надлежащую подписку.

¹⁾ Нынѣшній товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Л. К. Давыдова, нынѣ покойная дочь извѣстнаго въ свое время талантливаго виодончелюста и издательницы «Мира Божьяго» А. А. Давыдовой. Л. Давыдова была замужемъ за безызвѣстнымъ «марксистомъ» М. Ш. Туганъ-Барановскимъ.

И вотъ я на волѣ, но не свободнымъ гражданиномъ, а поднадзорнымъ и на положеніи «политическаго преступника», преступныя дѣянія котораго зарегистрированы въ спеціальному дѣлѣ департамента полиціи. По совѣсти говоря, я не придавалъ этому серьезнаго значенія, и если что меня беспокоило, то это вопросъ о томъ, какъ отнесется и къ моему аресту, и къ моему дѣлу мое банковское начальство, и какъ бы это не отразилось на моемъ служебномъ положеніи, а скрыть все отъ начальства я по долгу чиновной службы не имѣлъ права. Являюсь на слѣдующій день въ банкъ и прямо по начальству со словеснымъ донесеніемъ обо всемъ происшедшемъ. Во главѣ учрежденія стоялъ тогда относительно молодой дѣятель, протеже и ученикъ бывшаго министра финансовъ, Н. Х. Бунге, г. К—въ, которому въ тѣ дни князь Мещерскій въ «Гражданинѣ» создавалъ не по заслугамъ репутацію опаснаго либерала и гонителя дворянства, пролагая вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому мѣсту дорогу своему избраннику, человѣку, въ тѣ дни болѣе извѣстному въ столицѣ по его поэтическимъ трудамъ и широкой жизни жуира, нежели съ точки зрѣнія дѣлового и знающаго банковское дѣло работника. Объ этой любопытной страничкѣ изъ жизни нашей бюрократіи стоитъ когда нибудь рассказать, но теперь это было бы неумѣстно. Замѣчу лишь мимоходомъ, что при новомъ министрѣ, И. А. Вышнеградскомъ, котораго считали своего рода оплотомъ консервативной политикіи и партіи, положеніе моего начальника было значительно поколеблено, каждый его шагъ былъ на учетѣ, и всякое лыко ему ставилось въ строку. Поэтому я прекрасно понималъ, что рѣшителемъ моей судьбы будетъ собственно не онъ, а знаменитый въ свое время дѣятель Рыбинско-Бологовской жел. дор., широкій дѣлецъ и ставленникъ Каткова, т.-е. самъ министръ, а это было несомнѣнно для меня и опасно, и невыгодно. И дѣйствительно, управляющій банкомъ выслушалъ меня сначала съ нѣкоторымъ удивленіемъ и любопытствомъ, естественными въ каждомъ обывателѣ при подобныхъ оказіяхъ, общалъ за меня со своей стороны хлопотать, но тутъ же съ нѣкоторымъ смущеніемъ замѣтить, что мнѣ не мѣшало бы найти какой нибудь личный ходъ къ министру, черезъ который я скорѣе бы могъ воздѣйствовать на его чувство милосердія. Въ тотъ же вечеръ онъ мнѣ прислалъ краткую записку, чтобы я непременно нашелъ такой ходъ и озаботился бы сдѣлать нужные шаги, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ. По счастью, у меня такой ходъ нашелся—я былъ и по университету, и по дѣламъ комитета общества вспоможенія студентамъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ бывшимъ секретаремъ комитета, зятемъ Вышнеградскаго, В. С. Сергѣевымъ ¹⁾, къ которому и послѣдшилъ обратиться за нужнымъ содѣйствіемъ. Въ числѣ доводовъ въ свою пользу я, ме-

¹⁾ Нынѣ совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

жду прочимъ, выставилъ и то соображеніе, что если я повиновенъ въ сочувствіи къ земляческимъ кассамъ, то, вѣдь, тотъ же грѣхъ имѣется и за самимъ министромъ, когда онъ, будучи еще недавно директоромъ технологическаго института, особенно покровительствъ далъ именно землячествамъ, считая ихъ, подобно мнѣ, полезными и естественными союзами учащейся молодежи. Не знаю ужъ, этотъ ли доводъ, какой либо другой или попросту родственныя отношенія г. Сергѣева къ вершителю моей судьбы дали добрые результаты. В. С. Сергѣевъ передалъ мнѣ благопріятный отвѣтъ министра въ томъ смыслѣ, что мое «дѣло» не будетъ мнѣ поставлено на видъ службы, на ней не отразится, но что онъ требуетъ отъ меня честнаго слова, что на будущее время я не буду вступать ни въ какія не разрѣшенныя правительствомъ общества, а тѣмъ болѣе въ студенческія организаціи. На ту же тему, нѣсколько спустя, говорилъ со мною и управляющій банкомъ.

Итакъ, служба моя была спасена, а о дальнѣйшемъ я мало заботился, увѣренный, что изъ моего «дѣла» никакихъ послѣдствій не произтечетъ, и что все кончится вздоромъ, т.-е. ничѣмъ. Въ этомъ я былъ настолько увѣренъ, что, имѣя къ тому возможность, не дѣлалъ никакихъ шаговъ въ направленіи облегченія своей участи, не искалъ и не прибѣгалъ ни къ какимъ протекціямъ и давленіямъ, хотя таковыя по городскимъ и родственнымъ связямъ и были въ моемъ распоряженіи, какъ по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ, такъ и юстиціи. Состояніе моей житейской невинности было настолько велико, что я не придалъ никакого значенія подпискѣ о невыѣздѣ изъ столицы и даже рѣшительно забылъ о ней. Поэтому, когда мое семейство переѣхало на дачу въ Іеве, мѣстечко на Балтійскомъ побережьѣ, въ Эстляндіи, я преисправно отправлялся туда на побывку каждую пятницу, наканунѣ свободныхъ отъ службы дней—субботы и воскресенья. Но впоследствии выяснилось, что эти мои пріѣзды въ Іеве доставляли мѣстнымъ жителямъ своего рода безпокойство и непріятности. Въ одномъ поѣздѣ со мною секретно помѣщался агентъ полиціи или жандармъ, который и оставался оба дня моего пребывания на дачѣ, въ помѣщеніи мѣстнаго волостного правленія. Что ужъ онъ тамъ дѣлалъ, я не знаю, но очевидно цѣль такой командировки и такой предупредительной мѣры заключалась въ томъ, чтобы слѣдить, какъ бы я не затѣялъ смуты среди мѣстнаго эстонскаго населенія, въ тѣ дни мирно процвѣтавшаго въ культурныхъ и въ своемъ родѣ поэтическихъ условіяхъ мѣстной жизни. Когда мое семейство съѣзжало съ дачи, и тамошніе обыватели выражали отъѣзжающимъ свои добрыя чувства, объ одномъ лишь они сочли нужнымъ выразить соболѣзнованіе, что среди нихъ оказалась одинъ лишь порочный членъ, за которымъ правительство считаетъ даже нужнымъ имѣть особое наблюденіе! Таково было тогдашнее настроеніе умовъ среди мѣстнаго населенія. Протекло всего 17 лѣтъ, и какая нынѣ разница въ этихъ настроеніяхъ...

VI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и мое положеніе поднадзорнаго или подслѣдственнаго не давало мнѣ о себѣ знать ничѣмъ неприятнымъ или тяжелымъ и даже настолько, что я уже начиналъ забывать, что надо мною тяготѣеть какое-то несуразное дѣло. Правда, для проформы передъ самимъ собою я наводилъ по дѣлу справки, и отвѣтъ всегда былъ одинаковый—дѣло въ производствѣ, скоро кончится въ департаментѣ полиціи, отсюда перейдетъ на разсмотрѣніе въ министерство юстиціи и уже отсюда въ окончательномъ видѣ снова перейдетъ въ департаментъ, гдѣ по нему будетъ сдѣлано представленіе на высочайшее благоусмотрѣніе. Вся эта канитель изъ-за выѣденнаго яйца казалась мнѣ настолько нелѣпою, что я рѣшительно не хотѣлъ вѣрять въ ея серьезность, какъ будто дѣло касалось вовсе не меня.

Но вотъ въ концѣ января 1888 г. я получилъ увѣдомленіе, что ожидается на-дняхъ по нашему «дѣлу» резолюція, что вѣдомства что-то не поладили, одно предлагало всѣмъ соучастникамъ преступленія одно наказаніе, а другое считало нужнымъ его смягчить, что выработано какъ будто нѣчто среднее, но что весьма возможно, тамъ «наверху помилуютъ». Настроеніе мое стало какъ будто нервнѣе, но, тѣмъ не менѣе, я не дѣлалъ попрежнему никакихъ шаговъ для облегченія своей участи; наконецъ, я получилъ указаніе явиться въ опредѣленный день и къ извѣстному часу въ департаментъ полиціи, на приемъ къ самому господину директору.

Являюсь, становлюсь въ рядъ просителей, и вотъ, когда дошла до меня очередь во время обхода, П. Н. Дурново съ снисходительной улыбкой мнѣ объявилъ:

— Ну, ваше дѣло кончено, и, какъ можно было ожидать, пустяками. Вы приговорены по высочайшему повелѣнію къ десяти днямъ тюремнаго заключенія...

Я опѣшилъ, опѣшили и отъ резолюціи вообще, и отъ срока наказанія въ частности. Во-первыхъ, мнѣ показался совершенно несоотвѣтственнымъ качеству дѣла докладъ по немъ на высочайшее имя, а, во-вторыхъ, и самая форма наказанія показалась мнѣ странною, пожалуй, даже обидною: точно мальчишку за шалость сажаютъ на нѣсколько дней въ карцеръ на хлѣбъ и воду, да еще по высочайшему повелѣнію! Не то, чтобы мнѣ хотѣлось высшей мѣры кары, на подобіе того, какъ это было примѣнено къ бѣдному В. Водовозову, нѣтъ, но все же мое самочувствіе было скверное, и я чувствовалъ себя невольнo въ конфузномъ положеніи наблудившаго школяра, котораго на глазахъ публики поставили въ уголъ. Человѣкъ остается вездѣ человѣкомъ съ его присущимъ самолюбіемъ и нѣкоторою гордостью, а таковыя были уязвлены...

Участники этого диковиннаго политическаго приключенія понесли разныя наказанія, за исключеніемъ С. Крыжаповскаго, который по слѣдствію оказался оправданнымъ. Потому говорили въ нашей компаніи, что въ этомъ оправданіи сыгралъ извѣстную роль К. П. Побѣдоносцевъ, къ которому обвиняемый имѣлъ доступъ черезъ своего отца. Л. К. Давыдовой по высочайшему повелѣнію произнесенъ былъ выговоръ, я, какъ сказано, приговоренъ къ краткосрочному тюремному заключенію, а В. В. Водовозова, тогда еще студента университета, приговорили къ административной высылкѣ на нѣсколько лѣтъ въ захолустный городишко далекаго сѣвера, кажется, въ Шенкурскъ. Итакъ, административная справедливость восторжествовала, и порокъ по достоинству наказанъ! Сомнѣваюсь, чтобы дѣло приняло тотъ же оборотъ, если бы оно прошло въ судебномъ порядкѣ; но какъ бы тамъ ни было, а сидѣться въ тюрьму приходилось, и единственнымъ утѣшеніемъ въ данномъ случаѣ было то, что таковая отсидка не грозила уже мнѣ потерю служебнаго мѣста: съ этой стороны я былъ застрахованъ словомъ самого министра!

На мой вопросъ въ департаментѣ, когда же я подлежу заключенію въ темницу, мнѣ вѣжливо сообщили, чтобы я о семъ не беспокоился, что по сему предмету я буду оповѣщенъ черезъ мѣстный участокъ. Наступилъ уже февраль, приблизился день нашего университетскаго праздника, въ которомъ я обычно принималъ активное участіе, въ качествѣ устроителя и распорядителя большаго параднаго обѣда бывшихъ студентовъ въ ресторанѣ Контана. И вотъ, какъ разъ наканунѣ обѣда, когда моя распорядительская дѣятельность была въ полномъ разгарѣ, и все нити обѣденнаго торжества сосредоточились въ моихъ рукахъ, меня просятъ пожаловать въ участокъ, гдѣ приставъ мнѣ объявляетъ, что получилъ указаніе департамента полиціи о немедленномъ моемъ задержаніи и отправленіи въ тюрьму.

Я завопилъ:

— Помилуйте, какъ же быть съ торжественнымъ и официальнымъ обѣдомъ, кому я успѣю все и все сдѣлать, кого я найду почти ночью своимъ замѣстителемъ! Наконецъ, вѣдь это совершенно ненужный скандалъ, къ которому приходится приобщить массу народа!

— Но что же я тутъ могу подѣлать? — отвѣчаетъ приставъ. — Я получилъ распоряженіе, съ указаніемъ о немедленномъ его выполнении.

— Отсрочьте мнѣ явку въ участокъ хоть на однѣ сутки. Девятаго я буду къ вашимъ услугамъ, а теперь помилосердствуйте.

Приставъ послѣ нѣкотораго колебанія и раздумья соглашается, и такимъ образомъ мое распорядительство обѣдомъ оказывается спасеннымъ. Я далъ честное слово, что 9 февраля, въ 7 часовъ

утра, буду уже въ участкѣ и смѣню фракъ на арестантскій халатъ. Свое слово я исполнилъ пунктуально и, весело проведя шумный и хлопотливый день 8 февраля, рано утромъ былъ уже тамъ, куда долженъ былъ явиться, но отправленіе меня въ тюрьму состоялось не сейчасъ же. Меня, какъ и слѣдовало ожидать, позадержали въ участкѣ, изготовляли какую-то препроводительную бумагу, и только послѣ 10 часовъ состоялось мое отправленіе на извозчикъ, но не въ тюрьму, какъ я того ожидалъ, а въ мѣстную часть, на уголь Гороховой и Загороднаго, «подъ шары», какъ говорятъ Лейкинскіе и Горбуновскіе хмельные купцы.

Смотритель части былъ какъ будто не то удивленъ, не то огорченъ внѣдреніемъ къ нему столь важной и опасной особы, съ которой онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Оказалось, что бумага изъ участка, а, быть можетъ, и изъ департамента была такъ редактирована, что онъ понялъ о помѣщеніи меня именно въ части на 10 дней, подъ его надзоръ и наблюденіе, а главное отвѣтственность. Поэтому, согласно такому толкованію моего положенія, мнѣ и была отведена «на дворянской половинѣ» отдѣльная комната съ покойной кроватью и обычною обстановкою, въ которой обыкновенно интеллигенты изъ числа охмелѣвшихъ и подобранныхъ въ публичныхъ мѣстахъ высыпаются и отдыхаютъ. Мое привилегированное положеніе въ части было настолько узаконено, что мнѣ разрѣшено было сохранить при себѣ взятые изъ дому вещи, книги, дозволено куреніе, но только не очень ужъ явное, на случай посѣщенія меня полицейскимъ высшимъ начальствомъ, а также допущено питаніе изъ дома, которое въ судахъ должны были приносить раза два въ день. Равнымъ образомъ, конечно, мнѣ не отказано было и въ домашнемъ чаѣ, сахарѣ, булкахъ, лимонахъ и даже вареньѣ. Ожидая строгой тюрьмы и тюремнаго режима, я сразу очутился, хотя въ нѣсколько и скучной, но зато полудомашней обстановкѣ, имѣющей характеръ помѣщенія челоуѣка на больничное положеніе, на отдыхъ отъ сутолоки шумной столичной жизни. Старикъ-смотритель навѣщалъ меня раза два въ день, велъ со мною какія-то душеспасительныя бесѣды и никакъ не могъ взять въ толкъ, что это нынче за странная форма наказанія политическихъ преступниковъ. По его мнѣнію, коли проштрафился въ политическомъ отношеніи, то тебя слѣдъ посадить или въ крѣпость, или въ домъ предварительнаго заключенія, или въ новую Выборгскую тюрьму, а тутъ вдругъ въ часть... непонятно! Я съ нимъ не спорилъ, ибо по существу дѣла былъ съ нимъ вполне согласенъ. Такъ длилось наше мирное житіе почти цѣлыхъ два дня, какъ вдругъ въ концѣ второго дня, уже часовъ въ 7 вечера, онъ прибѣгаетъ ко мнѣ растерянный и запыхавшійся и начинаетъ, торопясь и какъ бы съ укоромъ по моему адресу, жаловаться, что изъ-за меня онъ терпитъ неприятности.

— Да въ чемъ дѣло?—спрашиваю, удивленный его несвязною рѣчью.

— Помилуйте, развѣ вамъ тутъ мѣсто? Вы должны сидѣть въ тюрьмѣ, въ настоящей тюрьмѣ, а вы вдругъ на привилегированномъ положеніи, въ части.

— Ну, ужъ тутъ я ни въ чемъ неповиненъ и сижу тамъ, куда меня посадили.

— Ахъ, Бога ради, собирайте скорѣе ваши вещи; судки, конечно, оставьте здѣсь—я ихъ завтра передамъ вашей прислугѣ. Васъ надо сейчасъ же отправить съ нарочнымъ въ Выборгскую тюрьму. Тамъ такой переполохъ, считаютъ, что вы пропали, звонятъ по всеѣмъ частямъ и участкамъ...

Старикъ изъ добродушнаго смотрителя какъ-то сразу преобразился въ ворчливаго стараго служаку, страшно волновался и самолично помогаль мнѣ собирать мои вещи. И вотъ я снова на извозчикѣ, подъ конвоемъ околоточнаго, но теперь мы бродимъ не по обычнымъ участкамъ и частямъ, а направляемся въ грозную Выборгскую тюрьму, знаменитые въ своемъ родѣ «Кресты», только-что построенные тогда по послѣднему слову тюремнаго искусства. Въ началѣ 9-го часа вечера мы были уже на мѣстѣ, гдѣ меня дѣйствительно ожидали, какъ какого-то особеннаго гостя, котораго никакъ не могли дожидаться, но къ приему котораго все было приготовлено—«и столъ и домъ». И здѣсь, какъ и въ части, меня встрѣтили какъ будто укоромъ: «вѣдь вотъ, молъ, ожидаютъ человѣка, а онъ, изволите видѣть, сидитъ себѣ преспокойно въ части. Не хорошо, положительно не хорошо!» Я самъ начинаю чувствовать за собою какъ будто какую-то долю вины, но рѣшительно не желаю въ ней каяться и съ спокойнымъ видомъ даю отпоръ всеѣмъ упрекамъ. Въ конторѣ, куда меня прежде всего провели, когда вслѣдъ за мною и моимъ тѣлохранителемъ заперлась массивная тюремная калитка, меня записали въ какой-то формуляръ, допросили о всяческихъ особенностяхъ, значащихся по паспорту, смѣрили на вѣсахъ и предложили отдать рѣшительно все имѣющіяся при мнѣ вещи, кромѣ облакающаго меня платья и бѣлья. Затѣмъ съ тюремнымъ уже смотрителемъ я перешелъ въ самое центральное зданіе тюрьмы, гдѣ очутился на нижней круглой площадкѣ, съ которой видно было все внутреннее расположеніе «Крестовъ». Номеръ для меня уже былъ приготовленъ дня два тому назадъ, и по воздушнымъ легкимъ лѣстницамъ меня проводили въ третій этажъ, гдѣ меня принялъ новый надзиратель, вѣдающій этою частью заключенныхъ. Небольшая дверь передо мною распахнулась, и я очутился въ настоящемъ тюремномъ одиночномъ заключеніи.

VII.

Въ моемъ распоряженіи оказалась комната шаговъ семь въ длину и четыре въ ширину, съ однимъ высоко поставленнымъ окномъ, изъ котораго можно было глядѣть, только взобравшись на прикрѣпленный къ стѣнѣ деревянный небольшой столъ, что, однако, согласно тюремнымъ правиламъ, строго возбранялось. Къ лѣвой отъ входа въ комнату стѣнѣ была прикрѣплена подвѣсная койка съ жидкимъ на ней матрацомъ и такой же плоской подушкой; покрываломъ служило байковое одѣяло. Между кроватью и входной дверью стояла такъ называемая «парашка» какого-то герметическаго устройства, дабы въ комнатѣ не распространялось зловоніе. Въ углу, возлѣ окна, на уровнѣ человѣческаго роста подвѣшена была полка, на которой помѣщались двѣ оловяння тарелки, глубокая и мелкая, такая же ложка и кружка для воды. Въ другомъ углу также подвѣшена была полка съ кувшиномъ для воды. Возлѣ стола стоялъ деревянный передвижной табуретъ. Вотъ и все убранство комнаты; воздуха и свѣта въ ней было много, окрашенные водяною краскою свѣтлыя стѣны были чисты, а къ потолку прикрѣплена была пятисвѣчовая электрическая лампочка, зажигающаяся откуда-то изнутри. Она давала свѣтъ и прекращала его подачу одновременно для всего этажа, и заключенный не былъ воленъ въ этой сторонѣ своей жизни.

Въ виду поздняго времени со мною торопились—и пальто, и шапка, и все вообще платье было оставлено при мнѣ. Черезъ минуты 2—3 ко мнѣ въ комнату явился помощникъ тюремнаго начальника.

— Вы такъ запоздали, что ужина сегодня не получите. Въ этомъ не наша вина—мы васъ ожидали согласно полученному распоряженію еще третьяго дня. Теперь ложитесь спать,—и онъ далъ распоряженіе отпереть койку и опустить ее.—Завтра утромъ я къ вамъ зайду, и поговоримъ о вашемъ одѣяніи, о занятяхъ и пищѣ. Имѣйте въ виду, что чай получаютъ лишь тѣ, кто можетъ его купить на заработанныя деньги, такъ что завтра утромъ вамъ будетъ выданъ лишь пустой кипятокъ. Впрочемъ, если вашъ организмъ и здоровье требуютъ утренняго чая, то можете мнѣ о томъ заявить сейчасъ же, и завтра же утромъ васъ посѣтитъ здѣшній докторъ и дастъ по настоящему предмету свое заключеніе.

Я, конечно, заявляю о необходимости медицинскаго осмотра, и затѣмъ комната запирается снаружи на замокъ; скоро наступаетъ темнота, я ложусь на койку, откладывая до утра свое знакомство съ мелочами и деталями одиночной жизни; въ тюрьмѣ наступаетъ полнѣйшая тишина, прерываемая раздающимися иногда изъ одиночныхъ камеръ пристунами кашля и шорохомъ мягкой поступи надзирателей, медленно шагающихъ по висячимъ площадкамъ камерныхъ этажей.

Около шести часовъ утра электрическая лампочка засвѣтилась, послышался шумъ, звуки отпираемыхъ дверей, быстрые шаги по коридорамъ, чьи-то оклики, голоса: тюрьма проснулась, и наступилъ ей трудовой подневольный день. Всталъ и я; моя дверь отворилась, и надзиратель предложилъ мнѣ пройти въ уборную и вынести туда парашку для вылигтя оттуда содержимаго. Въ мое отсутствіе, длившееся минуты двѣ, одинъ изъ уголовныхъ арестантовъ быстро смель сырой шваброй полъ комнаты, надзиратель поднялъ койку и заперъ ее на замокъ; по возвращеніи я могъ заняться туалетомъ, а тѣмъ временемъ отперлась форточка, и новый тюремный служащій въ сопровожденіи арестанта изъ числа уголовныхъ, несшаго за нимъ кубъ съ кипяткомъ, налилъ мнѣ горячей воды въ кружку и снова захлопнулъ фортку. Разумѣется, кипяткомъ мнѣ воспользоваться не пришлось, и осталось только терпѣливо ожидать прибытія врача, послѣ визита котораго мое положеніе должно было въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, чая и хлѣба уллучиться.

Хотя я пробылъ въ тюрьмѣ всего одну ночь, но я уже начиналъ чувствовать нѣкоторую взвинченность нервной системы, напряженность организма въ направленіи обостренія слуха, а именно желанія уловить каждый шорохъ, каждый звукъ. За отсутствіемъ какихъ либо иныхъ средствъ реагировать на окружающее именно слуховая система становится какъ бы центромъ всего организма. Взору не на чемъ остановиться—все такъ уже знакомо, нѣтъ никакого зрительнаго впечатлѣнія: въ чисто прибранной камерѣ все донельзя однообразно, однотонно; стать на столъ и пытаться поглядѣть въ окно?—но это запрещено, и слушаніе можетъ быть сопряжено съ неприятностями, такъ что по необходимости отказываешься отъ своего желанія.

Часовъ въ десять ко мнѣ явился врачъ въ сопровожденіи знакомаго уже помощника смотрителя. Заявляю ему о необходимости для меня, въ виду слабости здоровья, потребленія чая и блага хлѣба. Докторъ понимаетъ, въ чемъ дѣло, для видимости задаетъ какіе-то непозачащія вопросы, смотритъ для чего-то языкъ, тыкаетъ въ животъ и положительно утверждаетъ, что мнѣ именно необходимо, по крайней мѣрѣ, два раза въ день пить чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Засимъ онъ откланивается, замѣчая на прощаніе, что, если я въ чемъ либо почувствую себя не по себѣ, то чтобы немедленно о томъ заявить по начальству. Остается помощникъ смотрителя.

— Я рѣшительно не знаю, какъ съ вами быть,—начинаетъ онъ свою бесѣду.

— Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ, видите ли, у насъ еще не бывало случая, чтобы сюда сакали людей на столъ короткій срокъ. За что васъ сюда препроводили?

Разказываю ему въ нѣсколько комическомъ освѣщеніи всю «исторію»; онъ улыбается, пожимая плечами.

— Но, тѣмъ не менѣе, вы въ тюрьмѣ и на положеніи политическаго преступника. Никакихъ особенныхъ изыятій для васъ я собственно дѣлать не смѣю, и, тѣмъ не менѣе, понимаю, что подъ общія правила вы не подходите, напримѣръ, касательно платья или работъ...

Пропшу объясненія.

— Въ сущности вамъ предстоитъ просидѣть у насъ всего недѣлю. По-моему не стоитъ на такой короткій срокъ для васъ выписывать арестантское бѣлье и платье. Оставайтесь ужъ въ этомъ. Запасная пара бѣлья, какъ я видѣлъ по описи, у васъ имѣется — значитъ, хватитъ на это время. Вотъ развѣ сапоги я у васъ отберу и попрошу надѣть общіе войлочные туфли, это во избѣжаніе шума въ камерѣ. Что касается обязательныхъ работъ, то и тутъ дѣло не выходитъ ладнымъ.

Онъ задумался, и ожидать продолженія.

— Вотъ вамъ прописали чай, его надо купить, какъ равно и сахаръ, а сдѣлать это на ваши собственные деньги мы не въ правѣ; ихъ мы вамъ должны сдать по описи. Таковы правила, за соблюденіемъ которыхъ наблюдаетъ министерство. Обыкновенно чаемъ заключенные начинаютъ пользоваться изъ своего заработка, а что вы можете заработать въ недѣлю времени! Какое ремесло вы знаете?

— Рѣшительно никакого.

— Видите, значитъ, васъ нужно обучать, а чему въ недѣлю времени вы успѣете обучиться? Только испортите матеріаль и введете тюрьму въ убытокъ. Все это неладно.

Я улыбаюсь его затруднительному положенію, но при всемъ желаніи не могу ничѣмъ ему помочь на основаніи исключительно тюремныхъ правилъ. Очевидно, приходится дѣлать исключеніе. Такъ онъ и поступаетъ — разрѣшаетъ мнѣ покушку чая, сахара и булокъ изъ моихъ денегъ, находящихся въ конторѣ, равнымъ образомъ освобождаетъ меня и отъ обязательныхъ работъ.

— Но что же вы будете дѣлать цѣлый день? Лежать нельзя, койки отпереть я никоимъ образомъ не могу, а сидѣть все на табуретѣ или пагать по комнатѣ, какъ звѣрь въ клеткѣ, одурѣешь, заболѣешь нервнымъ разстройствомъ...

— Позвольте мнѣ читать, у меня съ собою привезены книги или выдайте мнѣ что нибудь изъ вашей бібліотеки.

— Вотъ опять новое исключеніе! По правиламъ книги выдаются лишь пробывшимъ въ заключеніи не менѣе двухъ недѣль или мѣсяца, когда они своимъ поведеніемъ того заслужатъ. Наконецъ, чтеніе въ обычномъ порядкѣ вещей отрываетъ заключенныхъ отъ работы, а это также не входитъ въ интересы тюрьмы и въ программу пенитенціарной системы.

— Какъ же быть?

— Да, видимо, вамъ везеть. Приходится по необходимости разрѣшнть вамъ чтеніе книгъ, но только не вашихъ, а изъ нашей бібліотеки, иначе придется, пожалуй, еще сноситься съ прокуратурой. У насъ бібліотека, хотя еще и не очень обширная, но имѣется въ наличности много историческихъ журналовъ за старые года, напримѣръ, «Русская Старина».

Я попросилъ мнѣ принести нѣсколько книжекъ любого года, и такимъ образомъ мой облегченный режимъ установился по необходимости, въ видѣ ряда исключеній, самъ собою. Смотритель мнѣ позволилъ даже купить нѣсколько листковъ почтовой бумаги и обѣщаль прислать очиненный карандашъ, но лишь съ тѣмъ условіемъ чтобы я далъ слово не переписываться ни съ кѣмъ въ тюрьмѣ и не посылать этихъ записокъ въ видѣ шариковъ сосѣдямъ черезъ дежурнаго по коридору надзирателя.

И вотъ потянулись скучные и однообразные дни недѣли, размѣренные по часамъ и похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Сравнительно, я былъ обставленъ недурно, и съ режимомъ, особенно на такой короткій срокъ, легко можно было помириться. Одно, что было тяжело,—это лишеніе папирозъ и табаку. Въ этомъ отношеніи для меня не могло быть сдѣлано никакого исключенія, и этому приходилось подчиниться безпрекословно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, скажу по совѣсти, быть можетъ, это было, особенно въ первые два-три дня, особенно тяжелымъ лишеніемъ и тѣмъ болѣе, что, какъ у всякаго нервнаго человѣка, именно къ куренію и неслась неотвязчивая и назойливая мысль...

VIII:

Тюремный день начинался рано, сначала шла уборка помѣщенія, потомъ раздавали кипятокъ, около 11 часовъ разносили обѣдъ, передъ обѣдомъ, а въ иные дни послѣ, выводили на 10 минутъ на прогулку во дворъ, въ 5 часовъ снова разносили кипятокъ, между 7 и 8 часами вечера раздавали ужинъ, а въ 9 часовъ тюрьма уже покоилась глубокимъ сномъ¹⁾.

Уже на второй день пребыванія въ заключеніи мнѣ стали доставлять изъ дома цѣлые пакеты разнообразнаго хлѣба отъ Филиппова. Это было позволено также въ видѣ исключенія, но самый хлѣбъ мнѣ передавали въ камеру въ ломанномъ или разрѣзанномъ видѣ. Это дѣлалось, дабы пресѣчь великую возможность письменнаго сношенія со мною. Не любя вообще бѣлаго хлѣба и

¹⁾ Все описаніе режима въ Выборгской тюрьмѣ относится къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Кажется, судя по нѣкоторымъ газетнымъ статьямъ, для нынѣшняго времени по отношенію политическихъ этотъ режимъ болѣе легокъ, и арестованные пользуются большими льготами и свободою. Авт.

употребляя его обычно въ очень ограниченномъ размѣрѣ, я и тутъ довольствовался какимъ нибудь однимъ калачомъ на цѣлый день, а остальное отдавалъ частію дежурному надзирателю, а частію, съ его согласія и позволенія, пересылалъ черезъ него же по секрету находившемуся въ одномъ со мною коридорѣ, но лишь на противоположной сторонѣ, какому-то заключенному на продолжительный срокъ студенту Московскаго университета, который, по словамъ надзирателя, былъ лишенъ возможности пріобрѣтать себѣ булки. Не знаю, исполнялъ ли мое порученіе надзиратель, но только онъ на это согласился вполне добродушно и даже однажды принесъ мнѣ «спасибо» отъ юнаго узника. Отсюда читатели могутъ видѣть, что какъ ни сурова, какъ ни регламентирована во всемъ тюремная жизнь и ея обстановка, но и въ ней возможны одиночныя проявленія добраго чувства со стороны несущихъ стражу. Заглядывая отъ времени до времени въ окошечко, они нѣтъ-нѣтъ да и перекинутся съ заключеннымъ словечкомъ, или сдѣлаютъ это во время уборки камеры или отпирания койки на ночь. Дѣлаютъ они это съ осторожностью, когда убѣдятся, что дѣйствительно за ними самими не наблюдаетъ смотрительское око, и они въ безопасности; иначе имъ грозятъ непріятности, выговоры, штрафы, перемѣщеніе въ другой этажъ или даже отрѣшеніе отъ должности.

Весь тюремный день занятъ работами, которыя очень разнообразны и даютъ тюрьмѣ порядочный доходъ отъ сбыта фабрикатовъ. Какъ я могъ понять со словъ помощника смотрителя, навѣщавшаго меня почти каждый день и минутъ по 5-ти проводившаго со мною въ бесѣдахъ для отвлеченія моихъ мыслей и внесенія нѣкотораго разнообразія въ жизнь, главныя работы заключаются въ изготовленіи гнutoй мебели, плетеніи изъ камыша сидѣній и спинокъ для этой мебели (вѣнская мебель), столярныхъ заказовъ, въ разборкѣ и трепаніи пакли, въ выполненіи переплетныхъ заказовъ и т. п. Двѣ трети съ выручки отъ этого рода производствъ идетъ въ пользу тюрьмы, на покрытіе расходовъ по пріобрѣтенію этихъ матеріаловъ, на вознагражденіе учителей ремесла, на нужды тюрьмы, а одна треть въ пользу заключеннаго, автора труда. Вырученныя деньги не даются арестанту на руки, а записываются въ конторѣ на его приходъ; изъ этихъ вырученныхъ денегъ ему и позволяется именно выписывать чай, сахаръ, а иногда и бѣлый хлѣбъ. Остатокъ можетъ быть, съ его согласія и по его указу, выдаваемъ членамъ его семейства, оставшимся на волѣ безъ работника, безъ кормильца и поильца. Нѣкоторые добросовѣстные работники, пекущіеся о своихъ семействахъ, получаютъ, при желаніи, возможность вполне обеспечивать нуждающихся въ ихъ помощи и поддержкѣ; другіе ограничиваются лишь заработкомъ себѣ на чай и сахаръ, и, наконецъ, въ тюрьмѣ имѣются налицо отъявленные лодыри, которымъ рѣшительно безразлично накопленіе трудомъ

средствъ, и которые ради тунеядства отлыниваютъ отъ всякой работы, портятъ ее и сводятъ ее стоимость къ нулю. Имѣются и такіе, которымъ некому передавать свой заработокъ; эти накопляютъ свои средства ко времени выхода изъ тюрьмы и возвращаются на волю на первое время съ нѣкоторымъ обезпеченіемъ. Необходимость, или, правильнѣе, обязательность, работы распространяется на всѣ виды заключенныхъ, какъ политическихъ, такъ и уголовныхъ. Изъ числа послѣднихъ образуются также рабочія команды, которыя несутъ свой черный трудъ на пользу тюрьмы въ прямомъ смыслѣ слова, т.-е. мегутъ коридоры, дворы, рубятъ дрова, носятъ уголь, сопровождаютъ зрителей при разноскѣ пищи арестантамъ, волочат котлы съ провизіей, и т. п. Зачисленіе въ рабочія команды доставляетъ уголовнымъ арестантамъ большое удовольствіе и является для нихъ своего рода наградою: это освобождаетъ ихъ отъ одиночества заключенія, т.-е. той формы наказанія, которую они переносятъ съ страшнымъ трудомъ, и которая является для нихъ источникомъ большихъ страданій. «На міру и смерть красна»,— говоритъ русскій человѣкъ, и вотъ въ отношеніи тюремнаго режима это утвержденіе встрѣчаетъ наибольшее обоснованіе. На черную работу арестанты просятся точно изъ милости, Христа ради, и этимъ способомъ спасаютъ уравновѣшенность своей нервной организаціи.

Питаніе тюрьмы должно быть разсматриваемо съ двоякой точки зрѣнія — съ точки зрѣнія избалованнаго интеллигента и простаго уголовного преступника, вышедшаго изъ самыхъ нѣдръ темной народной жизни, гдѣ царитъ вѣчный недостатокъ, нужда и часто голодь. По потребностямъ «дворянскаго» и вообще интеллигентнаго желудка тюремная пища тяжела, однообразна и часто просто таки противна; не будь чая и бѣлаго хлѣба, пожалуй, приходилось бы и совѣмъ скверно. Не то совѣмъ для человѣка, привыкшаго почти круглый годъ питаться чернымъ хлѣбомъ съ водою и квасомъ и по необходимости являющагося почти вѣчнымъ вегетарианцемъ. Въ тюрьмѣ онъ неожиданно для себя встрѣчаетъ хорошій харчъ, онъ физически начинаетъ поправляться и, если бы не неподвижность сидѣнія, то онъ въ тюремной обстановкѣ встрѣтилъ бы источникъ поправленія своихъ упавшихъ на волѣ силъ. Этотъ тюремный харчъ является въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже поводомъ къ порчѣ, и арестантъ начинаетъ смотрѣть на тюрьму, не какъ на средство наказанія и кары, а какъ на своего рода отдыхъ «на готовыхъ хлѣбахъ». Тюрьма его балуетъ въ отношеніи пищи, и случаи рецидивизма изъ-за тюремнаго куска хлѣба уже неоднократно отмѣчены специалистами пенитенціарной науки.

Къ обѣду арестованный получаетъ два блюда — какую нибудь похлебку или супъ съ вермишелью, картошкой, крупой и на второе — кашу съ топленнымъ масломъ или лапшу, макароны; къ пер-

вому ему, по большей части, прибавляется небольшая порція наръзаннаго мелкими кусочками холоднаго мяса, правда, очень низкопробнаго, сальнаго и вообще непригляднаго на видъ; кромѣ того, на цѣлый день ему выдается фунта 2 чернаго хлѣба, не всегда, впрочемъ, хорошо пропеченнаго. На ужинъ дается какая нибудь кашница, размазня, макароны или густая лапша и на второе небольшая порція (размѣромъ разливательной суповой ложки) рубленой капусты. Выдача капусты производится для предупрежденія развитія цынги. Два раза въ день, какъ уже сказано выше, раздается по кружкѣ кипятка. Такого рода меню несомнѣнно не можетъ удовлетворить интеллигента изъ числа политическихъ: пища для него слишкомъ прѣсна, тяжела, и онъ далеко не можетъ осилить всей полученной порціи; не то—рабочій. Часто ли дома, на волѣ онъ имѣетъ такой столъ, и при томъ, если не горячій, то теплый? Разумѣется, въ большинствѣ случаевъ очень рѣдко. Поэтому получаемая пища его не обременяетъ, и онъ съ наслажденіемъ поглощаетъ всю порцію, хотя бы масло въ кашѣ было и нѣсколько прогоркло, а мясо сально и неудобно-перевариваемо.

Ежедневно арестантовъ выводятъ на прогулку, которая длится минутъ десять. Эта прогулка совершается въ тюремномъ дворѣ, гдѣ устроенъ своего рода ипподромъ, по которому и кружатся гуляющіе, по большей части, гуськомъ. Начальство комбинируетъ такъ, что сразу въ одну очередь выпускаетъ нѣсколько уголовныхъ заключенныхъ и одного политическаго, внимательно слѣдя, однако, чтобы послѣдній не сносился съ впереди идущими и не вступалъ съ ними въ переговоры. Для наблюденія за гуляющими на прогулкѣ присутствуетъ нѣсколько тюремныхъ сторожей, стоящихъ въ разныхъ пунктахъ круга.

Въ предпраздничные и праздничные дни въ тюрьмѣ устраивается походная церковь на одной изъ площадокъ этажей, и при томъ такъ, чтобы служба и пѣніе были слышны всѣмъ арестованнымъ, въ каковыхъ видахъ разрѣшается открытіе форточекъ, около которыхъ позволяется стоять въ своей комнатѣ заключенному. Но и тутъ имѣется самое тщательное наблюденіе, чтобы арестованные между собою не перекликались и другъ другу не сигнализировали.

Я вообще не уловилъ, имѣла ли мѣсто сигнализациія черезъ перестукиваніе. Эта сторона, обычная въ тюремной жизни, какъ-то совершенно прошла для меня безслѣдно, и я остался къ ней непріобщенный. Мнѣ слышались иногда какъ будто какіе-то стукы, но были ли это вызовы меня на переговоры, сказать не могу. Я не былъ посвященъ въ тайны «тюремной азбуки» и не пытался по-этому даже какъ нибудь отвѣчать.

IX.

Мои восемь дней, наконецъ, миновали, за это время я перечиталъ немало книжекъ «Русской Старины», намечтался, наскучался и накануне своего выпуска чувствовалъ себя въ первомъ, неподнятомъ настроеніи. Какъ ни коротокъ былъ срокъ тюремнаго заключенія, одиночество остается все же одиночествомъ со всеми сопровождающими его моральными спутниками, и чѣмъ ближе становился часъ освобожденія, тѣмъ сильнѣе росло и нетерпѣніе. Съ вечера я сдалъ все книги, упаковалъ бѣлье, поблагодарилъ за участіе помощника смотрителя и, съ наступленіемъ въ комнату ночной темноты, погрузился въ нервную бессонницу съ ея приливомъ крови къ головѣ и съ возбужденіемъ работы воображенія.

Рано утромъ я былъ уже на ногахъ, меня освободили на сей послѣдній разъ отъ уборки паранки, я отказался даже отъ чая и въ 8 часовъ утра былъ уже въ конторѣ на положеніи выписываемаго. Меня снова о чемъ-то опросили, свѣсили, куда-то для статистики записали, а главное мнѣ выдали мои вещи—часы, деньги и... портсигаръ. Трудно передать, чему я болѣе всего порадовался—близости ли полной свободы или возможности закурить. Въ тотъ моментъ, пожалуй, глотокъ табачнаго дыма мнѣ былъ всего дороже; съ первой же затяжкой закружилась голова, я почувствовалъ, что блѣднѣю и, снова отравленный сладкимъ никотиномъ, въ какой-то нѣтъ и истомѣ опускаюсь на скамейку. Кажется, все формальности соблюдены, но столь ожидаемая слова: «Вы свободны»,—мнѣ не произносятся. Что это значитъ? Обращаюсь къ завѣдующему тюремною конторою за разъясненіемъ.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю. Въ предписаніи о вашемъ заключеніи точно показано время, до котораго вы должны оставаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ охраннаго отдѣленія насегодня нѣтъ распорядительной бумаги о вашемъ освобожденіи, а безъ нея васъ выпустить нельзя. Тутъ какое-то недоразумѣніе или впрямую невниманіе къ арестованному со стороны отдѣленія.

— Но что же дѣлать?

— Надо обождать. Спустя немного времени, я, пожалуй, позволю въ отдѣленіе по телефону, а сейчасъ слишкомъ рано: пожалуй, тамъ никого еще нѣтъ.

Тюремный служащій что-то ворчитъ, недовольный дѣйствіями полиціи, сожалеетъ меня, негодуетъ на незаконность. Проходитъ полтора часа времени, какъ дверь отворяется, и входитъ полицейскій чинъ съ гражданскими погонами на плечахъ.

— Я командированъ принять изъ тюрьмы коллежскаго секретаря Бориса Глинскаго и препроводить по назначенію, — торжественно возвѣщаетъ онъ, обращаясь къ завѣдующему конторою.

По назначенію? Мое лицо вытягивается, и безпокойныя мысли начинаютъ шевелиться въ мозгу.

— Ваше предписаніе? — спрашиваетъ тюремное начальство.

— Мнѣ дано предписаніе на словахъ; вы видите, я—чинъ охраннаго отдѣленія.

— Нѣтъ, такъ выдать его мы вамъ не можемъ. На имѣющейсѣ у насъ бумагѣ сказано, что сегодня онъ свободенъ, и только на свободу мы его и можемъ выпустить, иначе покажите новое предписаніе о его задержаніи.

Батюшки! часть отъ часу не легче: новое задержаніе, доставленіе по назначенію! Куда, за что, что такое случилось въ мое отсутствіе, какія такія мои новыя преступленія? Ничего не понимаю.

— Послушайте,—вступаюсь я въ разговоръ.—Куда вы хотите меня везти? Вѣдь все равно черезъ нѣсколько минутъ я узнаю, зачѣмъ же скрывать?

— Это вы увидите,—я не имѣю права вступать съ вами въ объясненія.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, если вы должны меня везти въ новое заключеніе, нельзя ли на мой счетъ нанять карету? Теперь уже день, и неловко подь конвоемъ куда-то путешествовать.

— Не безпокойтесь, всѣ распоряженія сдѣланы, они будутъ соблюдены въ точности, и вамъ незачѣмъ безпокоиться о наймѣ кареты.

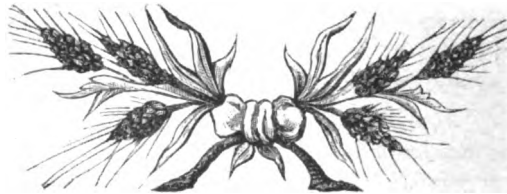
Ну, очевидно, меня повезутъ въ казенной каретѣ, съ опущенными сторами, съ жандармами на козлахъ и внутри, рядомъ со мною, какъ это часто приходилось наблюдать такіе поѣзда по улицамъ столицы! Но что за напасть: какъ разъ сегодня 19 февраля, день освобожденія крестьянъ, и нашъ обычный товарищескій кружковой обѣдъ въ Маломъ Ярославцѣ. Обѣщали пріѣхать на обѣдъ бывшіе ректоры—А. Н. Бекетовъ и И. Е. Андреевскій, кое-кто изъ писателей, профессоровъ, обѣщаны рѣчи, обѣщано подѣлиться воспоминаніями о быломъ, а тутъ вдругъ... пожалуйста въ новое заключеніе! Я волнуюсь, нервничаю, падаю духомъ...

А тѣмъ временемъ «вѣдомства» продолжаютъ препираться. «Тюрьма» горячо стоитъ за мои интересы и не рѣшается меня выдать невѣдомому ей полицейскому чину; послѣдній возмущенъ поведеніемъ тюремнаго начальства, противозаконно меня задерживающаго въ Выборгской тюрьмѣ, откуда мнѣ предстонтъ иное путешествіе. А время бѣжить; наконецъ, спорящіе находятъ компромиссъ: запросить по телефону Охранное отдѣленіе. Звонятъ, получаютъ какой-то отвѣтъ и меня выдаютъ на руки полиціи. Проходимъ маленькимъ дворомъ, калитка отпирается—я на улицѣ, но передо мною никакихъ признаковъ экипажа...

— Вы свободны. Поздравляю. Желаю больше не грѣшить и не попадаться,—говоритъ, осклабившись въ широкую улыбку, мой проводникъ.

На волѣ! Съ обѣда въ тюрьму и изъ тюрьмы снова на обѣдъ! Но я уже не политическій преступникъ, а вольный гражданинъ, хотя и съ нѣкоторымъ политическимъ прошлымъ и съ новымъ опытомъ жизни...

Б. Глинскій.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ БУРИ НА ЮГѢ.

(«Потемкинъ» и октябрская революція въ Одессѣ).

I.

Прелюдія.

ОКтябрская революція прошлаго 1905 г. сказалась особенно ярко и рѣзко въ Одессѣ, гдѣ она приняла крайне острые формы и сопровождалась сотнями человѣческихъ жертвъ. Это была кровавая страда, и одеситы до сихъ поръ не забыли всѣхъ ужасовъ пережитыхъ дней. Передъ ними поблѣднѣли даже тревожные дни пребыванія въ Одессѣ броненосца «Потемкинъ».

Я вернулся въ Одессу осенью 1905 г. изъ Румыніи, гдѣ былъ свидѣтелемъ всѣхъ перипетій съ «Потемкинымъ», команда котораго въ концѣ концовъ прокляла своихъ бунтовщиковъ-руководителей и частію разсѣялась по Румыніи, частію вернулась въ Россію. Въ Одессѣ я засталъ еще безчисленные разговоры о «Потемкинѣ», хотя оживленная суетливая столица юга съ ея громаднымъ портомъ зажила уже своей обычной жизнью. Странно выглядѣла Одесская гавань, гдѣ во время «Потемкинскаго» бунта сторѣли товарные склады, пакгаузы, агентства, желѣзнодорожная станція «Одесса-портъ» и желѣзнодорожная эстокада. Я видѣлъ обуглившіеся руины, кое-гдѣ громоздились кучами свер-

пущеніе въ трубы листы желѣзныхъ крышъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже шла постройка новыхъ зданій, заново отстранялась сторѣвшая часть эстакады, и была выстроена деревянная будка на мѣстѣ сторѣваго зданія портоваго вокзала.

— Что тутъ творилось, не приведи Богъ,—говорили служащіе пароходныхъ агентствъ.—Цѣлое море огня освѣщало портъ, пожаръ грозилъ уничтожить всю гавань. Революціонеры поджигали, чернь грабила... Тутъ свирѣпствовала толпа въ 10—15 тысячъ человекъ. Все въ ней было пьяно-распьяно. Расхищали цѣнные товары, заграничныя вина, водки, ликеры и тутъ же на мѣстѣ упивались ими... Послѣ пожара было найдено много труповъ, закутанныхъ въ шелковыя ткани, въ кружева, грабители погибли пьяные подъ ломками разграбленныхъ складовъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ я осматривалъ это пожарище. Портъ—главный первъ Одессы, главный источникъ ея богатства и процвѣтанія, средоточіе заработковъ, и вотъ чья-то злая и преступная воля рѣшилась съечь его.

Отъ Срединнаго новаго мола пожаръ порта распространялся въ обѣ стороны: на западъ и на востокъ. Пламя было такъ сильно, что его видѣли за 70 верстъ отъ Одессы. Поджигатели брызгали на стѣны какую-то жидкость изъ шприцевъ, и пожаръ шелъ дальше и дальше.

— Вся бѣда въ томъ,—разсказывали мнѣ въ гавани сторожа и рабочіе,—что начальство растерялось, и никто къ намъ не приходилъ на помощь. Просили мы прислать солдатъ для охраны, просили пожарныхъ, но во всемъ намъ отказали. Сгорѣлъ бы весь портъ, если бы не энергія отдѣльныхъ лицъ. Съ обрыва около Архіерейскаго сада стрѣляли изъ пулемета, и это остановило грабелъ и поджогъ въ западной части порта, а въ восточной части случилось такъ. Начальникъ одесскаго карантина, докторъ Дамаскинъ, съ одной только ротой Изманльскаго полка прекратилъ поджоги на порогѣ миллионныхъ построекъ одесской таможни, которыя совсѣмъ уцѣлѣли.

И вы ясно видите, какъ именно въ этихъ мѣстахъ пожаръ остановился.

Интересны были нѣкоторые разсказы о поджигателяхъ.

— У насъ въ порту,—говорили мнѣ,—масса такъ называемыхъ босяковъ и золоторотцевъ. Это—люди нищіе, голодные, оборванные, но, представьте, ихъ не было въ толпѣ громилъ. Поджигателями были, стыдно сказать, учащаяся молодежь, студенты-революціонеры, а грабителями—набѣжавшая изъ города всякая сволочь, воры и хулиганы. Въ какой пріятной компаніи очутилась молодежь! Мы видѣли здѣсь много евреевъ и евреекъ, и вся эта орава неистовствовала на славу вмѣстѣ съ ворами. А достаточно было нѣсколькихъ залповъ въ воздухъ, чтобы прекратить всю эту воровскую вакха-

налію, но власти мѣръ не принимали и даже отчасти мѣшали дѣйствовать частнымъ лицамъ.

Были въ этой исторіи пожара совсѣмъ странныя эпизоды.

Когда къ горящимъ пакгаузамъ Русскаго общества пароходства и торговли (въ Карантинной гавани) прибыли (на другой день) пожарные, то въ нихъ стрѣляли со стоявшаго вдали англійскаго парохода.

— Прекратите эту стрѣльбу, — говорили пожарные, — невозможно работать.

Къ пароходу былъ посланъ взводъ солдатъ, и возмутительное безобразіе прекратилось.

Съ мятежнымъ «Потемкинымъ» съ самаго его прибытія на рейдъ производилось безпрепятственное сообщеніе. Туда ѣздили съ берега одесскіе революціонеры и всѣ желающіе, даже женщины. На «Потемкинѣ», между прочимъ, находились мастеровые, которые потомъ съѣхали на берегъ. На броненосцѣ произносились рѣчи, устраивались митинги, ораторствовали, какъ свои, такъ и прибывшіе изъ Одессы революціонеры-евреи. Всѣмъ командовалъ главарь бунта, матросъ Матюшенко, потомъ скрывшійся въ Румынію, и студентъ одесскаго Новороссійскаго университета, революціонеръ Фельдманъ, забравшійся на «Потемкина» въ Одессѣ. Фельдманъ потомъ былъ захваченъ въ Севастополѣ, сидѣлъ въ Севастопольской крѣпости, но и изъ крѣпости благополучно бѣжалъ за границу. Какъ это случилось, мы расскажемъ ниже.

«Потемкинъ» выпустилъ въ Одессѣ два снаряда и наводилъ страхъ и ужасъ на населеніе, но на броненосцѣ не было согласія, и далеко не вся команда сочувствовала мятежу. Многие были противъ мятежниковъ, но руководители бунта грозили имъ взрывомъ броненосца, и только этимъ способомъ поддерживался терроръ. Выдавались такія минуты, что достаточно было присылки небольшого подкрѣпленія, чтобы мятежъ былъ вполнѣ усмирень. Это и предполагалось было сдѣлать въ Одессѣ, и «Потемкинъ» отдался бы въ руки властей. Но тогдашній командующій войсками генераль Кахановъ (отставленный отъ должности послѣ «Потемкинскаго» бунта), человекъ старый, вялый и нерѣшительный, лишь вступилъ въ переговоры съ делегатами «Потемкина», но ни на что рѣшительное не отваживался.

Когда отрядъ войскъ былъ уже готовъ для посылки на «Потемкина», то генераль Кахановъ послалъ въ гавань своего адъютанта, заявившаго:

— Командующій войсками передумалъ. Посылать солдатъ на «Потемкина» онъ не разрѣшаетъ.

Рѣшительная минута была упущена, и «Потемкинъ» пошелъ бороздить волны Чернаго моря и искать приключеній въ другихъ портахъ, гдѣ его захватить было неизмѣримо труднѣе. Въ концѣ

концовъ онъ прибылъ въ Кюстенджи въ Румынію, гдѣ на немъ сначала водрузили румынскій флагъ, а потомъ передали его русскому черноморскому флоту.

Пожаръ одесскаго порта легъ на Одессу десятиллионнымъ убыткомъ и немалымъ числомъ человѣческихъ жертвъ и порясеній.

II.

Побѣгъ революціонера Фельдмана.

Успѣхъ «Потемкинскаго» мятежа поднялъ духъ революціонеровъ, которые одно время считали себя уже полными господами положенія на югѣ. Руководитель мятежа, революціонеръ Фельдманъ, доставилъ много хлопотъ въ Севастополѣ.

Любопытно, какимъ образомъ онъ бѣжалъ. Фельдманъ былъ заключенъ первоначально въ севастопольской гражданской тюрьмѣ, тамъ онъ подкупалъ надзирателя съ цѣлью обезпечить себѣ побѣгъ, поэтому его предусмотрительно перевели изъ гражданской тюрьмы на военную гауптвахту Севастопольской крѣпости, гдѣ онъ находился въ распоряженіи военно-морского суда.

Но и тутъ Фельдманъ не успокоился. Онъ имѣлъ даже въ самомъ Севастополѣ тайныхъ союзниковъ и пособниковъ, мысль о побѣгѣ не оставляла его.

Надо сказать, что побѣгу благопріятствовали и многія внѣшнія условія. Севастопольская военная гауптвахта совершенно не приспособлена для содержанія важныхъ политическихъ преступниковъ. Въ ней всегда было много патриархальности. Въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ разсматривалось недавно одно дѣло, имѣющее отношеніе къ побѣгу Фельдмана, и изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что севастопольская гауптвахта представляла собою богадѣльню, куда стремились всѣ попасть, какъ на отдыхъ. Обращеніе съ заключенными было очень мягкое, караулы неслись неправильно, лица заключеннымъ доставлялась иногда со стороны. Кто хотѣлъ отдохнуть и выспаться вволю, тотъ стремился поцѣсть на гауптвахту. Гауптвахта была затѣмъ нѣсколько реформирована, но все-таки въ періодъ содержанія на ней Фельдмана она заставляла желать много лучшаго.

Какъ только Фельдманъ очутился на гауптвахтѣ, такъ за нимъ сталъ усердно ухаживать надзиратель гауптвахты, унтеръ-офицеръ Бурцевъ. Это былъ въ сущности старшій сторожъ гауптвахты, на обязанности котораго лежало наблюденіе за часовыми и хозяйственныя заботы о заключенныхъ: выдача имъ ножей, вилокъ, самовара и салфетокъ.

По содержанію Фельдмана, какъ перваго политическаго, попавшаго на военную гауптвахту, была составлена особая инструк-

ція. Комендантъ крѣпости распорядился содержать его строго, безъ послабленій, но, несмотря на это, Фельдманъ обставилъ себя довольно удобно. Онъ поддерживалъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ и черезъ того же Бурцева ежедневно получалъ письма и отправлялъ ихъ разнымъ лицамъ въ городѣ. Мысль о возможности побѣга его не оставляла, и надзиратель Бурцевъ, какъ оказалось, получилъ уже авансомъ сто рублей за свое содѣйствіе освобожденію Фельдмана.

Изъ письма Фельдмана, прочитаннаго въ одесскомъ судѣ, видно, что планъ побѣга намѣчался Фельдманомъ въ широкихъ расчетахъ на Бурцева, который долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ первымъ. Бурцевъ уже торжествовалъ заранѣе, онъ катался по городу въ фаэтонахъ, пьянствовалъ и вообще началъ вести безобразную жизнь.

Фельдманъ писалъ своимъ пособникамъ что хотя самый удобный моментъ для его бѣгства, повидимому, потерянъ (его стерегли вмѣстѣ одного—двое часовыхъ), но онъ все-таки рассчитываетъ уѣхать тогда, когда арестованныхъ поведутъ въ баню. «Дѣйствуйте на низменные страсти Бурцева, — совѣтовалъ Фельдманъ своимъ сообщникамъ: — рисуйте ему прелести заграничнаго путешествія, приключеній съ женщинами, которыя благоволятъ къ русскимъ», и т. д.

Бурцевъ былъ «готовъ». Но оставалось совладать съ другимъ препятствіемъ: съ карауломъ, съ часовыми. Когда заключеннаго охраняютъ двое часовыхъ, то бѣгство затрудняется. На гауптвахтѣ уже знали о готовящемся побѣгѣ Фельдмана, но, видимо, не особенно стерегли его.

Фельдманъ бѣжалъ въ ночь съ 12 на 13 августа, когда онъ находился подъ единоличной охраной часового, еврея Штрика, который его и освободилъ. Податливый Бурцевъ и вѣроломный Штрикъ бѣжали вмѣстѣ съ Фельдманомъ. Говорили, что на освобожденіе Фельдмана были отпущены тысячи рублей изъ какого-то таинственнаго фонда...

Такъ исчезъ съ горизонта главарь потемкинской смуты, оставившій другимъ расхлебывать заваренную имъ революціонную кашу.

III.

Отголоски «Потемкина».

Возвращаюсь къ прерванному повѣствованію.

Послѣ «Потемкинскаго» бунта и пожара гавани въ Одессѣ держалось тяжелое гнетущее настроеніе. Страхи населенія и революціонныя страсти далеко не улеглись. Что-то носилось въ воздухѣ, всѣ ожидали чего-то недобраго.

— Еврейскій погромъ неминуемъ, — говорили въ городѣ. — Народъ озлобленъ противъ евреевъ за ихъ участіе въ «Потемкинскомъ» бунтѣ, и ненависть къ евреямъ обострилась до крайности.

Въ это время существовало еще въ городѣ введенное послѣ «Потемкина» военное положеніе.

— Военное положеніе сдерживаетъ страсти, — говорили обыватели, — не дай Богъ, чтобы его сняли. Революціонеры вооружаются. Въ предвидѣніи погрома организована какая-то могущественная еврейская самооборона.

Мы жили при военномъ положеніи довольно спокойно. Обывательская жизнь шла своимъ чередомъ. Дни стояли теплые, солнечные, одеситы доживали на дачахъ «бабье лѣто» — послѣдніе дни сентября. Но осень становилась замѣтнѣе, начинались прохладныя ночи, по утрамъ туманъ окутывалъ сады и окрестности города.

Разнеслись въ городѣ странныя вѣсти, что военное положеніе снимаютъ. Ко всеобщему удивленію эти слухи черезъ нѣсколько дней стали совершившимся фактомъ.

Притихшія было крайнія партіи вновь зашевелились въ городѣ началось броженіе. Въ это время были возвращены въ Одессу дѣятели крайнихъ партій, высланные во время военного положенія. Вернулся одинъ изъ весьма популярныхъ профессоровъ Новороссійскаго университета; собравшіеся въ большомъ числѣ студенты устроили ему торжественную встрѣчу на вокзалѣ. Профессоръ этотъ самъ по себѣ не представлялъ особой опасности для спокойствія города, но тотчасъ начались чествованія его обѣдами и банкетами съ произнесеніемъ политическихъ рѣчей, безнокойныя партіи объединились. Одновременно съ профессоромъ вернулся въ Одессу, сосланный на сѣверъ, еврейскій адвокатъ-революціонеръ. Либеральные гласные одесской думы привѣтствовали его въ думскомъ засѣданіи напыщенными рѣчами. Ораторы говорили, что выдающіяся способности адвоката составляютъ украшеніе всего отечества. Его высылка именовалась «нарушеніемъ священныхъ правъ человѣка». Возвращенный адвокатъ отвѣчалъ ораторамъ въ томъ же духѣ. Во всѣхъ рѣчахъ во славу еврейскаго адвоката звучалъ какой-то вызовъ спокойной умѣренной части населенія. Броженіе въ городѣ усиливалось, и мирная до того жизнь Одессы стала испытывать ошльное давленіе лѣвыхъ элементовъ и, что называется, выбивалась изъ колеи.

Въ городѣ начались всевозможные митинги. Былъ многолюдный желѣзнодорожный митингъ, на которомъ произносились зажигательныя рѣчи особыми ораторами, пользовавшимися кружковой извѣстностью. Желѣзнодорожниковъ призывали къ забастовкамъ, и слухи о забастовкахъ неслись уже со всѣхъ концовъ Россіи. Появились признаки почтовыхъ забастовокъ. 13 октября пришли телеграммы, что почта изъ Петербурга не отправляется. Тонъ лѣвой печати становился очень задорнымъ. «Гроза вольной стачки проносится въ странѣ, — писали крайнія газеты, — происходитъ нѣчто великое, міровое. Народныя массы пользуются стачкой, какъ орудіемъ новѣйшей политической борьбы».

Желѣзнодорожныя забастовки охватывали югъ желѣзнымъ кольцомъ; обычное движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ прекращалось. 12 октября, въ 3 часа дня, на станціи Одесса-Застава забастовали всѣ стрѣлочники, составители поѣздовъ, сцѣпщики вагоновъ и сторожа, числомъ около 200 человекъ. Прекратилось и товарное движеніе къ Одессѣ и изъ Одессы. Для охраны грузовъ и благополучія дороги вытребованы были войска на станціи «Одесса-Главная», «Товарная», «Застава», «Пересыпь», «Портъ». Вышедшій изъ Петербурга прямой курьерскій поѣздъ на Одессу застрѣлъ въ пути съ пассажирами на одной изъ станцій Полѣвскихъ дорогъ, объявившихъ политическую забастовку. Забастовки на желѣзныхъ дорогахъ сплошь и рядомъ проводились насильственно, деспотически, большинство служащихъ не желало бастовать, но ихъ заставили примкнуть къ забастовкѣ угрозами—и они примыкали, такъ какъ настоящихъ мѣръ противъ забастовокъ не принималось.

Въ Одессѣ происходили странныя вещи. Я проѣхалъ какъ-то вечеромъ по Торговой улицѣ и вижу, какъ около подѣзда женскихъ педагогическихъ курсовъ безпорядочной толпой собрались дѣвушки-курсистки и что-то обсуждали. Это былъ одинъ изъ митинговъ, происходившихъ на курсахъ. На этихъ митингахъ играли видную роль курьезки-еврейки. Дѣвушки обсуждали политическіе вопросы, общее положеніе Россіи, разглагольствовали о томъ, насколько зарождавшаяся тогда государственная дума можетъ удовлетворить пролетаріатъ, и со своихъ трибунъ призывали подругъ «къ борьбѣ съ темными реакціонными силами». На митингахъ курсистокъ присутствовали студенты, профессора и немало постороннихъ, приходившихъ иногда прямо съ улицы. Курьезки договорились въ концѣ концовъ до свободы «гражданскаго брака» и требовали допущенія на женскіе курсы мужской молодежи, такъ какъ, молъ, учебныхъ заведеній въ Россіи мало.

— Да что же это за безобразіе?.. Что это за развратъ?...—волновались одесскіе обыватели.—Какъ допускаются подобныя дикія сборища? Хоть бы дѣвушекъ-то пощадили. Что смотритъ учебное начальство, что смотрятъ власти, если какія-то еврейки открыто ведутъ въ смуту нашихъ дочерей?

Главное движеніе происходило въ стѣнахъ Одесскаго Новороссійскаго университета. Тамъ устраивались непрерывныя сходки и многочисленные митинги съ участіемъ рабочихъ и людей съ улицы. Тамъ произносились пламенные рѣчи, гремѣли призывы къ вооруженному возстанію, ругали нынѣшній строй Россіи и обѣщали... впрочемъ, это была характерная черта всѣхъ революціонныхъ митинговъ—на нихъ ничего не обѣщали, кромѣ разрушенія Россіи. О созидательной работѣ никто не говорилъ. Настроеніе собравшихся послѣ пламенныхъ рѣчей на митингахъ доходило до бѣлаго каленія: у молодежи глаза пылали, даже гимназистовъ заражала жажда

необычайныхъ подвиговъ. На университетской лѣстницѣ стояли сборщики денегъ на боевую организацію революціонеровъ, въ шапки которыхъ сыпалось немало серебра.

14 октября получило извѣстіе изъ Кіева, что тамъ остановились желѣзнодорожныя мастерскія, и забастовали служба телеграфа, управленіе желѣзныхъ дорогъ, служба сборовъ и желѣзнодорожное депо. Нѣсколько тысячъ человѣкъ прекратили занятія. Зараза перешла въ Одессу. На станціи «Одесса Товарная» состоялась сходка рабочихъ мастерскихъ, служащихъ службы движенія, службы телеграфа, тракціи, путей и ремонта, и послѣ призывовъ ораторовъ въ Одессѣ тоже водворилась полная забастовка. Забастовщики заставили прекратить работы машинистовъ, изъ паровозовъ выпустили пары и потушили топки. Съ этого дня поѣзда изъ Одессы не отходили. Помѣщенія желѣзнодорожнаго вокзала были заняты войсками. Одесскій портъ тоже пріостановилъ работы. Зерновые грузы не могли выгружаться на пароходы вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки.

Желѣзнодорожные ораторы посвящали слушателей въ тайны выработанныхъ въ Москвѣ политическихъ требованій: учредительнаго собранія, всеобщаго голосованія и проч.

Пассажиры очутились въ ужасномъ положеніи: всѣ застряли на станціяхъ. Нѣкоторые бѣдствовали, не имѣя средствъ на проживаніе въ чужомъ мѣстѣ. Такихъ были сотни, если не тысячи. Многія станціи не въ силахъ были вмѣстить пассажировъ, нечѣмъ было и кормить ихъ. Администрація Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ устроила помѣщенія для пассажировъ третьяго класса, бѣвшихъ изъ Кіева въ Одессу, и за свой счетъ кормила ихъ.

IV.

Начало черныхъ дней.

Въ учебныхъ заведеніяхъ Одессы творились великія безобразія. Студенты требовали отъ профессоровъ университета выясненія ихъ политическихъ убѣжденій и грозили негоднымъ имъ профессорамъ бойкотомъ. Въ подписныхъ бланкахъ на лекціи студенты приписывали, что «въ виду научной и общественной фізіономіи такихъ-то и такихъ-то профессоровъ они не будутъ подписываться на ихъ лекціи». Еврейская молодежь держала себя нагло, вызывая и подняла вопросъ объ упраздненіи въ университетахъ всякихъ нормъ для евреевъ. Совѣтъ Новороссійскаго университета возбудилъ было ходатайство въ такомъ родѣ, но и это не успокоило страстей. Науки были забыты, началось обсужденіе политическихъ требованій.

На университетскихъ дверяхъ появилось слѣдующее объявленіе:

«Коалиціонный совѣтъ въ виду всеобщей забастовки объявляетъ, что всякія занятія въ университетѣ прекращены, и приглашаетъ товарищей собраться завтра, 15 октября, въ 10 час. утра, для обсуждения современнаго положенія вещей».

Нафаршированные крайними идеями гимназисты сновали по улицамъ партіями, никто ихъ не останавливалъ. Они своей властью прекращали занятія во всеѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города. Гимназисты партіей останавливались около какой нибудь гимназіи, высылали туда делегатовъ, а послѣдніе, входя въ классы, требовали кончить уроки по политическимъ причинамъ. Никто не останавливалъ этой буйной молодежи, никто не вмѣшивался... Особенно дерзко и нагло держали себя ученики частнаго одесскаго коммерческаго училища, большею частью, евреи, они врывались въ женскія учебныя заведенія, выталкивали изъ классовъ дѣвочекъ-крошекъ; послѣдніи напуганныя, не видя никакой защиты, выбѣгали въ слезахъ изъ гимназій и безъ теплаго платья попадали на холодныя и мокрыя улицы. Варвары-гимназисты вталкивали ихъ въ первые ряды скандальной толпы забастовщиковъ въ расчетъ на то, что присутствіе дѣтей обезопаситъ эту наглую толпу отъ полицейскихъ репрессій. Было настоящее истязаніе дѣтей. Наглые юнцы, не довольствуясь хозяйничаньемъ въ стѣнахъ гимназій, врывались въ квартиры директрисъ и воспитательницъ, вступали съ ними въ пререканія, держали себя грубо, дерзко и рылись въ квартирахъ въ чужихъ бумагахъ.

— Что это за безобразіе, какъ это позволяютъ?— возмущались и негодовали учительницы гимназій.—Дикая орава озвѣрѣлыхъ мальчишекъ врывается къ намъ, производитъ дебоши, истязаетъ малютокъ — и никому никакого до этого дѣла. Позоръ, позоръ!..

Около гимназій происходили отвратительныя сцены. Толпа взрослыхъ олуховъ остановить своего наставника, предъявляетъ ему какія-то требованія, ругается и приставляетъ къ его лицу кулаки.

Ученикамъ мужскихъ гимназій раздавались делегатами забастовки экземпляры прокламацій, въ томъ числѣ отъ студенческой организаціи и отъ союза рабочихъ.

Все гимназіи были обойдены забастовщиками. Въ нѣкоторыхъ частныхъ гимназіяхъ директора имъ отвѣчали, что если прекратится ученье, то гимназія можетъ быть закрыта распоряженіемъ учебнаго начальства.

— Ничего не бойтесь,—говорили агитаторы.—Если бы закрыли вашу гимназію, то мы не начнемъ учиться до тѣхъ поръ, пока ея не откроютъ.

Особенно свирѣпствовали юные нахалы на одесской Канатной улицѣ у женской гимназіи Березиной. Тутъ цѣлая толпа гимназистовъ прямо буйствовала. Въ появившихся городскихъ они бросали камни. Произошла свалка, во время которой у одного юноши было отрублено ухо, двѣ взрослыя дѣвочки оказались помѣтаными.

Не понятно было, отчего въ Одессѣ не прекратили сразу начавшееся безобразіе и довели дѣло до такого столкновенія.

Говорятъ, власти бездѣйствовали по какому-то тайному предписанію, будто бы полученному изъ Петербурга. Все сомнѣвались, чтобы могло быть такое возмутительное предписаніе, приведшее въ концѣ концовъ къ кровавымъ жертвамъ. Безобразное поведеніе еврейской молодежи всѣхъ удручало, бездѣйствіе властей разжигало костеръ.

Родители дѣтей невыразимо страдали во время этого уродливаго движенія, но своею властью они ничего не могли сдѣлать. Дѣти бѣжали на митинги, словно на праздникъ. Ихъ отуманенныя головы уже ровно ничего не соображали, и они поддавались вліянію старшихъ товарищей, уже вкусившихъ революціоннаго плода.

Въ тотъ же вечеръ въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ происходило странное собраніе въ одесской городской думѣ. Присутствовали нѣкоторые гласные изъ числа особенно либеральныхъ, нѣкоторые «передовые» профессора университета и представители социалистическихъ союзовъ. Обсуждались текуція событія. Ораторы говорили въ приподнятомъ рѣзкомъ тонѣ. Много было говорено, между прочимъ, объ утреннемъ инцидентѣ у гимназіи Березиной, при чемъ все ставилось въ вину полиціи, но озвѣрѣлыхъ гимназистовъ — виновниковъ происшествія — никто не обвинялъ. Проектировалось учрежденіе городской милиціи, и рѣшено было созвать новое подобное же совѣщаніе еще разъ.

Въ это время Одесса была уже отрѣзана отъ внѣшняго міра. Одесситы жили, какъ за китайской стѣной почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ забастовокъ. Телеграфное сообщеніе кое-какъ поддерживалось, но и на телеграфъ была плохая надежда.

V.

Торжество красныхъ флаговъ.

Одновременно съ прекращеніемъ учебныхъ занятій въ гимназіяхъ гимназисты отъ мала до велика начали принимать участіе въ уличныхъ манифестаціяхъ съ красными флагами. Особенно выделялись своей ретивостью евреи. Цѣлыми бандами они носились взадъ и впередъ по Пушкинской и Ришельевской улицамъ. Окруженные массою празднующихся, они гордо носили на высокихъ флажштокахъ красныя тряпки, на которыхъ красовалась иногда надпись: «долой самодержавіе». Ретивая молодежь одновременно выкрикивала эти слова или кричала: «долой государя», «да здравствуетъ свобода». Все эти крики стономъ стояли въ воздухѣ и сильно оскорбляли спокойное и пока терпѣливое русское населеніе, не уполномочивавшее еврейскую молодежь на такія выходки.

— Что это за жидовская наглость, что за пахальство! — говорили русскіе. — Гореть недоучекъ производитъ безобразія... — Никто

не вмѣшивается, точно ужъ въ городѣ нѣтъ ни властей, ни порядка. Плохо это кончится...

Красные флаги были не только въ процессіяхъ, они появились и на еврейскихъ домахъ, на балконахъ. Странное и дикое это было зрѣлище. Нѣкоторые демонстранты нанимали извозчиковъ, садились на дрожки цѣлою группой и, держа красное знамя, ѣздили взадъ и впередъ, провожаемые толпою единомышленниковъ и простыхъ ротозѣевъ. Въ толпѣ демонстрантовъ было, между прочимъ, много молодыхъ евреевъ въ красныхъ кушакахъ и съ красными бантами на груди — символомъ ихъ образа мыслей.

Иногда процессіи останавливались среди улицы, и разные ораторы произносили политическія рѣчи, призывая къ возстанію. Говорили и извѣстные въ городѣ и неизвѣстные ораторы, но рѣчи были всѣ одинаковаго содержанія.

Русская публика, появляясь на улицахъ, съ недоумѣніемъ смотрѣла на происходящее. Слышны были возгласы:

— Чортъ знаетъ что такое! или: какая гадость!..

Одновременно съ проснувшимся рыцарствомъ учащейся молодежи проснулись и темныя подпольныя силы города: хулиганы, воры, и вся эта сволочь отъ бездѣлья присоединилась къ молодежи. На углу Дерибасовской и Пушкинской улицъ собралась группа челоуѣкъ въ пятьдесятъ юнцовъ и всякихъ проходимцевъ, которая пыталась сначала проникнуть въ находящейся тутъ банкъ для вѣщпней торговли, а затѣмъ двинулась къ воротамъ дома русскаго общества пароходства и торговли. Однако, усиліями дворниковъ и городского эта шайка бездѣльниковъ была быстро разогнана. Изъ предосторожности всѣ банки и банкирскія конторы въ городѣ закрылись. Обычный дѣловой день оборвался на половинѣ. Тяжелыя желѣзныя шторы спустились надъ зеркальными окнами магазиновъ.

Сборища въ одесской городской думѣ продолжались. Обсуждались тамъ вопросы «одесской республики», представители партій и союзовъ вырабатывали новую городскую организацію, отъ городского головы требовали, чтобы онъ поѣхалъ къ градоначальнику и предложилъ послѣднему немедленно отказаться отъ должности, но городской голова, П. А. Крыжановскій, не пожелалъ этого исполнить и предпочелъ сложить съ себя полномочія. Вершители судебъ Одессы пытались предложить командующему войсками, барону А. В. Каульбарсу, вывести войска изъ города и удалить казаковъ и посылали къ нему своихъ делегатовъ, но успѣха не имѣли. Командующій войсками не вышелъ къ делегатамъ, переговоры велись только черезъ дежурнаго адъютанта. Поздно вечеромъ жители города получили печатное извѣщеніе, что планъ выработанной организаціи будетъ объявленъ не позже завтрашняго утра. Студенты упразднили полицію и приняли на себя ночную охрану го-

рода. Они занимали полицейскіе посты, имѣя около себя подручныхъ — гимназистовъ. Въ странной обстановкѣ засыпалъ городъ въ ночь 17 октября, не зная, какое готовится пробужденіе. Во всей Одессѣ водворилась зловѣщая тишина, которую по временамъ нарушали свистки городскихъ-студентовъ, убиравшихъ съ улицъ пьяныхъ, воровъ и хулигановъ.

VI.

Одесская смута.

Манифестъ 17 октябрия появился въ Одессѣ 18 числа черезъ два-три часа послѣ его опубликованія въ Петербургѣ. По правдѣ сказать, возвѣщенные «свободы» произвели мало впечатлѣнія въ обстановкѣ Одессы, гдѣ слишкомъ уже было много всякихъ свободъ и полновластно царящаго еврейскаго произвола, который отравилъ мирную жизнь населенія. Всѣ ожидали подавленія безобразій, обнаглѣвшей революціонной толпы, а тутъ вдругъ новыя свободы, которыми еврейскіе демонстранты воспользуются, конечно, широко.

— Какъ же жить при такихъ условіяхъ? — разсуждали обыватели. — Закона нѣтъ, защиты нѣтъ, всѣ бросили свои занятія и ушли въ уличныя демонстраціи. А кто кормить будетъ этихъ бездѣльниковъ, или они бросятся грабить насъ?

Положеніе было не веселое. Жизнь громаднаго города съ 600-тысячнымъ населеніемъ окончательно выбилась изъ своей колеи. Торжествовали подонки населенія, а труженики пріуныли. Что будетъ дальше? — думали одесситы, и эти насущные вопросы давили людей, и никто не видѣлъ выхода изъ создавшагося положенія.

Манифестъ, на который въ Петербургѣ возлагались надежды, только подлил масла въ огонь, такъ какъ крайнія партіи тотчасъ увидѣли полную слабость правительства, которое идетъ на уступки.

«Теперь рѣшительный послѣдній натискъ, и правительство будетъ ниспровергнуто», — таково было настроеніе въ массѣ манифестантовъ съ красными знаменами.

Съ минуты полученія манифеста въ Одессѣ стало гораздо хуже. Въ удвоенной дозѣ происходили возмутительныя насилія и грубыя издѣвательства надъ русскимъ національнымъ чувствомъ. Процесіи съ красными флагами разрослись въ полчища. Огромная толпа собралась на площади городской думы, на которой тоже взвилась красные флаги; украшавшія зданіе думы слова: «Боже, царя храни!» (железныя буквы для иллюминаціи), были сорваны и поломаны.

Революціонеры подошли къ находящемуся неподалеку отъ думы зданію Русскаго общества пароходства и торговли.

— Почему вы не выставяете красныхъ флаговъ? — обратились они къ смотрителю дома, В. И. Лузнову.

— У насъ нѣтъ такихъ флаговъ!— рѣшительно отвѣтилъ старикъ-смотритель.

— Все равно, мы требуемъ, чтобы флаги были выставлены!

Въ толпахъ манифестантовъ пестрѣли всякія надписи на красныхъ флагахъ: «Слава погибшимъ бойцамъ», «Одесская революція» и проч. Группы еврейскихъ манифестантовъ издѣвались надъ царскими портретами, рвали и протыкали ихъ метлами, возили по улицамъ комическія фигуры, долженствовавшія изображать поправленіе самодержавія, и проч. Во множествѣ распространялись прокламаціи «Кровавый царь».

— О проклятая жидовщина!— говорили простолюдины,— дождетесь вы бѣды на свою голову.

День объявленія манифеста прошелъ въ Одессѣ безъ войскъ и полиціи на улицахъ. Всѣ удивлялись этому обстоятельству, русскіе люди негодовали.

— Неужели это дѣлается по приказу изъ Петербурга? Вѣдь такимъ способомъ г. Витте насъ отдаетъ во власть жидовъ.

Нервное напряженіе жителей доходило до крайности. Никоткуда не раздавалось ни одного энергичнаго русскаго призыва. Власти спали. Двери еврейскихъ конторъ и магазиновъ были на половину пріотворены, надъ ними висѣли полуспущенныя желѣзныя завѣсы, и изъ этихъ норъ то вылѣзали любопытные, то обратно прятались. На перекресткахъ выдѣлялось присутствіе массы молодежи: студентовъ и гимназистовъ, которые занимали господствующіе посты и дѣлали знаки публикѣ. Сновали взадъ и впередъ безчисленныя курсистки и дѣвицы неизвѣстныхъ профессій. Русской публики на улицахъ было мало, она не желала увеличивать собой еврейскіе ряды. Большинство сидѣло дома. Ворота домовъ были притворены. Всѣ ожидали крупныхъ массовыхъ безпорядковъ.

— Вотъ такъ положеніе,— говорили одесситы,— городъ предоставленъ революціонерамъ, мило, очень мило. Что жъ, будемъ жить во власти временнаго правительства, только посмотримъ, чѣмъ все это кончится.

Революціонеры были дѣйствительно хозяевами положенія. На окраинахъ еврейскія заставы никого не пропускали безъ обыска. Въ городѣ была студенческая вооруженная милиція. На главныхъ улицахъ уже намѣчались пункты для постройки баррикадъ.

Какъ будто все такъ и быть должно.

Евреи торжествовали. Они въ приподнятомъ праздничномъ настроеніи приходили въ знакомые русскіе дома и бесѣдовали съ «побѣжденными».

— Свобода, свобода!— только и слышалось изъ ихъ устъ.— Теперь все измѣнится,— говорили они.— Пора зажечь новой жизнью, старое должно рушиться. Наши депутаты уже отправляютъ телеграмму Витте о немедленномъ смѣщеніи одесскаго градоначальника,

полиція будетъ удалена, войска выведены. Теперь мы—свободные граждане въ полномъ смыслѣ слова.

И всѣ евреи кричали на одинъ ладъ:

— Свобода, свобода!..

VII.

Одесскія баррикады.

Самымъ ужаснымъ было то, что въ обстановкѣ полной изолированности, въ которой очутилась Одесса вслѣдствіе прекращенія желѣзнодорожныхъ и почтовыхъ сообщений, циркулировали самые страшные, самые невѣроятные слухи о происходящемъ въ Россіи и въ Петербургѣ. Эти слухи распространялись систематически и вызывали всеобщую панику. Говорили о происшедшемъ «революціонномъ переворотѣ» въ столицѣ, о перерѣзанныхъ будто бы министрахъ, о 29 тысячахъ убитыхъ и раненыхъ. Все это было похоже на сказку, но сказка эта передавалась отчетливо изъ устъ въ уста.

Ужасъ охватывалъ одесситовъ, особенно тѣхъ, кто имѣлъ въ столицѣ родныхъ и близкихъ.

Тяжело было положеніе войскъ въ Одессѣ во время еврейскихъ манифестацій. Еврейскіе революціонеры насмѣхались надъ солдатами, бранили и оскорбляли ихъ, а проѣзжавшихъ казаковъ (на Гулевой улицѣ) провожали ругательствами и бросали имъ красныя тряпки. Войска, скрѣпя сердце, терпѣли все это, но по лицамъ солдатъ видно было, что терпѣніе самыхъ выносливыхъ людей истощается. На городскихъ нападали, и каждому, кто былъ въ полицейской формѣ, грозила опасность.

— Вамъ теперь нечего дѣлать, посмотрите, что будетъ завтра,— самонадѣянно говорили евреи.

На слѣдующій день пронеслась по городу вѣсть, что на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ разграбленъ революціонерами оружейный магазинъ Иессена, гдѣ группа громилъ до появленія войскъ взломала желѣзныя двери и уже хозяйничала во-всю. Революціонеры, войдя въ магазинъ тощими, выходили изъ него располѣвшими, неся подъ одеждой запасы оружія: револьверовъ и финскихъ ножей. Тщетно искали они въ магазинѣ запасы патроновъ, но не нашли ихъ. Осада магазина совершилась такъ быстро, что когда вызваны были войска, въ магазинѣ ничего уже не оставалось, все разворованное пошло въ дѣйствіе и нашло себѣ обширное примѣненіе. Въ то же время въ городѣ стали твориться такія вещи: чернь врывалась во дворы домовъ, крапа, тащила, что случилось, при чемъ въ этой воровской работѣ участвовали и женщины. На Рихельевской улицѣ—главной артеріи города—рубилась деревья, украшающія тротуары, опрокидывались вагоны конно-

желѣзной дороги, и изъ десятковъ опрокинутыхъ вагоновъ и срубленныхъ деревьевъ устраивались баррикады, иногда высотой съ сосѣдніе дома. Всѣми отхотниками изъ толпы произносились рѣчи, быстро собирая вокругъ ораторовъ группы праздныхъ слушателей. Съ опрокинутыхъ вагоновъ читались прокламаціи, и оттуда побѣдоносно махали красными флагами. Была какая-то дикая вакханалія озорства и безчинства. Масса хулигановъ сновала по улицамъ, и въ толпѣ было немало гимназистовъ и студентовъ. На нѣкоторыхъ улицахъ изъ оконъ и съ крышъ домовъ евреи стрѣляли въ публику и въ проѣзжавшихъ казаковъ. Въ городѣ ожидали, что вотъ-вотъ ворвутся изъ предмѣстій Одессы толпы рабочихъ съ забастовавшихъ фабрикъ и увеличатъ безчисленные ряды демонстрантовъ. Всеобщая паника усиливалась до крайности. По счастью, на Нарышкинскомъ спускѣ, соединяющемъ городъ съ фабричными предмѣстьями, стояли войска, и это преградило шествіе фабричной толпы въ городъ. Склады и пакгаузы порта охранялись сторожевыми постами солдатъ, и это защитило гавань отъ возможности разграбленія.

Безпорядки охватили громадный районъ въ городѣ и особенно быстро распространились по Ришельевской улицѣ. Первая баррикада стояла на углу Греческой улицы, вторая на углу Успенской. На этомъ громадномъ пространствѣ командовали революціонеры, а всякій городской сбродъ, подонки и хулиганы творили безчинства. Въ этомъ районѣ и произошло первое серьезное столкновение съ казаками и войсками, жертвами котораго были около Греческой улицы 18 человекъ, въ томъ числѣ нѣкоторые застрѣльщики движенія. Другое столкновение произошло около Успенской улицы, гдѣ пострадало человекъ 70. Толпа мятежниковъ стрѣляла въ войска, выстрѣлы раздавались со всѣхъ сторонъ—и съ улицы и изъ прикритій.

Послѣ произведенныхъ военныхъ залповъ мятежъ сталъ на время стихать. Въ близлежащихъ аптекахъ были устроены перевязочные пункты для раненыхъ.

Тяжело было видѣть происходящее русскимъ родителямъ, дѣти которыхъ, словно загипнотизированныя, блуждали въ мятежной толпѣ, думая, что они выполняютъ какую-то «идейную миссію». Все русское население Одессы отдавало себѣ ясный отчетъ въ томъ, что вспыхнувшее движеніе подогрѣвалось главнымъ образомъ еврейской интеллигенціей и еврейской молодежью. Болѣе спокойное, старое трудящееся еврейство, еврей-ремесленники, еврей-торговцы почти не принимали въ немъ участія и даже сторонились отъ озвѣрѣлыхъ своихъ соплеменниковъ-террористовъ, навлекавшихъ волны народнаго гнѣва и на неповинныхъ евреевъ.

— Подумала ли эта преступная молодежь о томъ, — говорили въ Одессѣ благожелательные къ евреямъ люди: — въ какое поло-

женіе она ставитъ все еврейское населеніе, а вѣдь гнѣвъ толпы можетъ прежде всего обрушиться на еврейскую массу, а террористы попрячутся...

VIII.

Еврейскій погромъ.

На другой день послѣ еврейскихъ манифестацій проснулось оскорбленное русское чувство. Я былъ по дѣлу въ одномъ русскомъ учрежденіи, гдѣ мнѣ сказали:

— Посмотрите, вотъ двинулась русская манифестація. Тутъ тысячъ шесть народу. Они несутъ иконы, національные флаги, портреты государя. Вотъ когда наступила минута настоящаго торжества.

На еврейскихъ домахъ, гдѣ вчера красовались красныя тряпки, мигомъ появились національные флаги.

Грандіозная толпа, въ которой можно вездѣ было видѣть рабочихъ, матросовъ коммерческаго флота и портовыхъ чернорабочихъ, двигалась торжественно и медленно, надъ тысячами головъ колыхались безчисленные флаги. Толпа остановилась у дома командующаго войсками на Одесскомъ бульварѣ и кричала «ура». По мѣрѣ своего движенія по городу толпа все разрасталась и разрасталась.

Это было 19 октября. Въ этотъ день, въ 1 часъ пополудни, въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ служилось архіереемъ и духовенствомъ торжественное молебствіе по случаю высочайшаго манифеста. Всѣ учрежденія, открытыя утромъ, временно приостановили занятія, и начальниками учреждений было предложено служащимъ, кто пожелаетъ, отправиться въ соборъ на молебствіе. Многіе послѣдовали этому приглашенію; въ соборѣ и на Соборной площади собралась масса публики. Настроеніе у всѣхъ было приподнятое, но тревожное, такъ какъ всѣ сознавали, что довольно ничтожной искры, чтобы изъ всѣхъ мирныхъ манифестацій вышла бѣда. Такою искрою явились враждебныя дѣйствія со стороны манифестантовъ вчерашняго дня. Очевидно, еврей-революціонеры не могли неварить чужого торжества.

Въ русскихъ манифестантовъ стрѣляли. Выстрѣлы раздавались изъ еврейскихъ засадъ: изъ оконъ и съ крышъ домовъ. На Гулевой улицѣ были четыре жертвы. Подобный же случай былъ на углу Дерибасовской и Риншельевской улицъ. Нѣкоторые манифестанты были ранены, другіе убиты.

Когда я поднимался изъ нижней части Дерибасовской улицы вверхъ, на уголъ Пушкинской, я видѣлъ, что тамъ впереди происходилъ переполохъ. Большая толпа, вначалѣ мирная, разсвирѣѣла: слышался звонъ падающихъ стеколъ, выстрѣлы, грохотъ разрушенія... Дикій вопль: «Бей жидовъ», сплошнымъ стономъ стоялъ на улицахъ. Перепуганные евреи бѣжали во всѣ стороны.

— Переждите немного, туда не пройти,—говорили мнѣ прохожіе.

Я переждалъ этотъ отчаянный моментъ, и когда направился дальше, то увидѣлъ рядъ еврейскихъ магазиновъ и лавокъ разбитыми, при чемъ находившіяся рядомъ греческія и русскія лавки не пострадали. Нѣкоторые евреи были изувѣчены, другіе побиты. Были и убитые. Страхъ и ужасъ объѣлъ еврейское населеніе города, оно бѣжало, куда глаза глядятъ, или закупоривалось въ своихъ жилищахъ.

Ужасныя вещи происходили на окраинахъ города, гдѣ свирѣпствовала чернь, и вооруженные хулиганы грабили лавки, нападали на дома, безжалостно били евреевъ. Кличь: «Бей жидовъ», раздавался долго. Погромы то затихали, то возобновлялись и переходили въ разныя мѣста города. Сильно пострадала Гулевая улица, гдѣ раздалась первая выстрѣлы въ русскихъ манифестантовъ, разбиты были всѣ насиженные мѣста еврейской торговли, и вереницы одесскихъ домовъ съ разбитыми стеклами, съ разнесенными ставнями, съ упавшими вывѣсками имѣли видъ, точно послѣ нашествія неприятеля.

Вечеромъ мнѣ нужно было поѣхать по дѣламъ. Я проѣхалъ по Пушкинской улицѣ, по Дерибасовской, по Еврейской; вездѣ было одно зловѣщее затишье. Народу на улицахъ не было, и улицы имѣли пустынный видъ, но около пріотворенныхъ воротъ стояли кучки евреевъ, которые въ случаѣ опасности прятались.

— Вотъ блудливое племя,—говоритъ мой извозчикъ,—сами заварили кашу, а теперъ прячутся.

Я проѣхалъ на желѣзнодорожный вокзалъ, тамъ было пустынно. Служащіе на вокзалѣ сбились въ кучу и сидѣли въ дежурной комнатѣ. Немногіе изъ служащихъ рисковали выходить въ городъ. Около вокзала былъ устроенъ контрольный пунктъ еврейской самообороны, которая слѣдила за проѣзжающими и проходящими.

Ко мнѣ подошелъ на вокзалѣ желѣзнодорожный техникъ въ форменной фуражкѣ.

— Какъ вы думаете,—спросилъ онъ,—не опасно сейчасъ проѣхать въ городъ?

— Я только что пріѣхалъ,—сказалъ я ему,—если хотите, я довезу васъ.

Мы поѣхали длинными улицами. Центръ города въ Одессѣ находится довольно далеко отъ вокзала. Я довезъ моего спутника до угла Дерибасовской и Пушкинской, и мы простились. Прошло минутъ пять по моему возвращенію домой, какъ гдѣ-то очень близко раздался оглушительный взрывъ, и стѣны дома затряслись.

— Это брошена бомба,—сказали мнѣ, —и навѣрное въ русскихъ манифестантовъ.

Скоро я услышалъ на улицѣ крики: «Держи, держи». Я посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ, что среди улицы бѣжалъ какой-то че-

ловѣкъ въ пиджакѣ и котелкѣ. Онъ держалъ одну руку подъ пиджакомъ. За нимъ гнались люди и уже настигали его. Тогда онъ вынулъ изъ-подъ пиджака какой-то предметъ и намѣревался бросить его въ своихъ преслѣдователей, но въ его рукѣ вспыхнулъ огонь, раздался новый взрывъ, и густой дымъ засталъ все пространство передъ окнами. Двѣ-три минуты ничего не было видно. Послѣ, когда дымъ разсѣялся, на улицѣ раздались крики:

— Заговорщикъ убитъ!.. Заговорщикъ убитъ, самъ себя доконалъ!..

На землѣ лежало распластанное тѣло съ оборванной рукой. Около него суетились дворники. Какъ оказалось, это былъ революціонеръ еврей Брайтманъ, еще ораторствовавшій вчера на улицахъ и участвовавшій въ процессіяхъ съ красными флагами.

Черезъ нѣсколько минутъ къ мѣсту происшествія пріѣхали студенты и забрали съ собою тѣло Брайтмана. Первую бомбу этотъ революціонеръ бросилъ въ русскую процессію изъ окна дома, а когда толпа хотѣла разгромить домъ, то онъ пытался спастись бѣгствомъ.

Подобные факты вызывали взрывы негодованія народа, и погромъ шелъ безошадный. Простонародье уже не разбирало виновныхъ отъ невинныхъ, приписывая все евреямъ.

— Это они стрѣляютъ, они бросаютъ бомбы,—единогласно утверждали въ толпѣ.

Ужасные это были дни. Евреи прятались по чужимъ домамъ, по гостиницамъ, русскіе, когда могли, оказывали имъ пріютъ и рисковали своей шкурой, такъ какъ нельзя было поручиться за то, что разсвирѣпѣвшая толпа не разнесетъ дома и квартиры, въ которыхъ укрылись евреи. Нѣкоторые домовладѣльцы просили о защитѣ и объ охранѣ, обращались по телефону къ командующему войсками и градоначальнику, но дозвониться, допроситься чего нибудь не было никакой возможности. Телефонъ плохо дѣйствовалъ, и всѣ вопросы и обращенія оставались безрезультатными. Каждый домохозяинъ принималъ возможные мѣры самообороны. Наглухо запирались калитки и ворота, у воротъ изнутри домовъ дежурили дворники. Жители Одессы не спали, по ночамъ кругомъ былъ адъ испуга и неизвѣстности. Погромъ къ ночи какъ будто затихалъ, въ ночной тьмѣ раздавались только отдѣльные выстрѣлы... Кто стрѣляетъ, гдѣ стрѣляютъ,—ничего не было извѣстно. Потомъ среди ночи пронесся какой-то гулъ, отъ котораго земля затряслась. Вѣрно, опять взорвало новую бомбу.

На утро погромъ возобновился. Было десять часовъ утра, когда дворникъ дома, гдѣ я живу, вернулся съ Греческой улицы и сказалъ:

— Что творится тамъ—не дай Богъ: толпа разноситъ Колодезный переулокъ.

Никакіе крѣпкіе нервы не могли выдержать этого кроваваго хаоса разрушенія, который охватилъ Одессу въ теченіе нѣсколькихъ дней. Кругомъ была кровь, трупы, выстрѣлы еврейской самообороны и отвѣты на нихъ, и ужасный трескъ и грохотъ разрушенія. Часто раздавались звуки рожковъ—это ѣхали кареты скорой помощи за ранеными, слѣпили на извозчикахъ сестры милосердія, которыя положительно выбивались изъ силъ, такъ какъ израненныхъ, искалѣченныхъ людей было множество. Даже и по ночамъ не прекращалась работа сестеръ Краснаго Креста. Всѣ больницы, всѣ пріемные покои были переполнены, некуда было дѣвать вновь прибывающихъ. Зловѣщая тишина охватить городъ на часъ-другой, а потомъ опять выстрѣлы, свистки, гиканье хулигановъ и снова грохотъ разрушенія.

Студенты добивались выдачи имъ изъ больницъ труповъ убитыхъ революціонеровъ, но имъ въ этомъ было отказано... Демонстративныя похороны этихъ жертвъ могли бы вызвать новыя столкновенія и новые беспорядки, но студенты, говорятъ, уловивъ удобную минуту, вывезли таки нужные имъ трупы и сами распорядились ихъ погребеніемъ.

Въ толпѣ, громившей евреевъ, неожиданно оказывались и защитники избиваемыхъ. Одинъ отставной солдатъ отстоялъ небольшой еврейскій часовой магазинъ, умоляя толпу не трогать еврея, владѣльца магазина, его товарища по полку. Часовой магазинъ остался нетронутымъ, и благодарный еврей подарилъ своему защитнику цѣнныя часы. Другой богатый часовой магазинъ на Дерибасовской улицѣ, принадлежавшій крупному еврейскому коммерсанту, былъ сокрушенъ немилосердно, и отъ его шикарной обстановки и зеркальныхъ стеколъ остались одни жалкіе осколки.

Сношенія въ городѣ въ разгаръ погромовъ прекратились. Каждый обыватель зналъ только то, что происходитъ передъ его окнами, а что творится въ другихъ частяхъ города, не было никому извѣстно, никто не могъ высунуть носа на улицу безъ риска за собственную жизнь. Жестоки были расправы съ евреями, но варварски расправлялись и евреи съ нѣкоторыми лицами, напимеръ, съ однимъ полицейскимъ агентомъ.

— Вы не можете себѣ представить, какъ поступили съ этимъ чиновникомъ,—говорили русскіе.—Евреи его выслѣдили, подкараулили и, войдя къ нему въ домъ, на глазахъ его жены и дѣтей выкололи ему глаза.

Я не знаю, правда ли это, но эта вѣсть передавалась изъ устъ въ уста. Пережитые дни октябрьской революціи сложились въ Одессѣ въ беспросвѣтную картину средневѣковаго варварства, и въ этой междоусобицѣ не счесть всѣхъ жертвъ. Думалось: къ чему были допущены первыя манифестаціи, зачѣмъ разжигался костеръ?

Вѣдь не будь этихъ торжествъ во имя «свободы», не было бы и жертвъ, не было бы и такого обиднаго и сквернаго потрясенія русской жизни, которое мы видѣли въ Одессѣ.

IX.

Роль г. Нейдгарта.

Одесское еврейство и вся юдофильская печать Россіи обвиняли бывшаго одесскаго градоначальника, г. Нейдгарта, въ «организациі» еврейскаго погрома въ Одессѣ. Смѣшно было читать эти обвинения! Г. Нейдгарта по справедливости нельзя обвинять ни въ организациі погромовъ, ни въ организациі чего либо другого, хотя бы, наприѣръ, въ организациі охраны населенія Одессы во время одесскихъ безпорядковъ.

А онъ по своему положенію долженъ бы былъ позаботиться о безопасности населенія. При близкомъ знакомствѣ съ печальными событіями я считаю нелишнимъ пролить свѣтъ на роль г. Нейдгарта въ это ужасное время и подойду, вѣроятно, ближе къ истинѣ, если укажу здѣсь на нѣкоторыя особенности, въ которыхъ протекла работа г. Нейдгарта въ Одессѣ.

Революція въ Одессѣ готовилась давно, объ этомъ всѣ знали, и объ этомъ ни на минуту не затихали толки въ городѣ. Со времени «Потемкина» вооруженіе революціонеровъ не прекращалось. У нихъ были запасы бомбъ и арсеналы оружія. Во время нашествія «Потемкина» г. Нейдгартъ стоялъ въ сторонѣ отъ событій. Онъ жилъ на дачѣ на Ланжеронѣ подъ защитой надежной личной охраны. Бывалъ ли онъ въ это время въ городѣ, удостовѣрить нельзя; можетъ быть, и бывалъ, но никакихъ его дѣйствій въ интересахъ растерявшагося, объятаго страхомъ населенія не было налицо. Переговоры съ командой «Потемкина» велись военнымъ начальствомъ, а по охранѣ порта и города распорядились другія лица: временный одесскій генераль-губернаторъ, начальникъ карантиннаго округа, Н. И. Дамаскинъ, и помощникъ градоначальника, г. Гирсъ.

Надо замѣтить, что вообще г. Нейдгартъ, находясь на посту одесскаго градоначальника, былъ склоненъ исключительно къ кабинетнымъ занятіямъ. Съ его водвореніемъ въ Одессѣ началась какъ бы новая эра. Прежніе градоначальники всегда лично принимали просителей въ своей канцеляріи, брали отъ нихъ прошенія, выслушивали объясненія, вникали во что слѣдуетъ и вообще близко стояли къ работѣ административной машины. Г. Нейдгартъ сталъ сразу невидимъ. Упразднивъ личный приѣмъ прошеній, онъ почти никогда не посѣщалъ своей канцеляріи, и чиновники ѣздили къ нему на квартиру съ докладами по всѣмъ дѣламъ. Текущую административную работу онъ полномѣрно распредѣлил между подвѣдомственными ему чинами, а самъ появлялся въ качествѣ централь-

ной фигуры лишь на необходимыхъ торжествахъ, парадныхъ обѣдахъ и при встрѣчахъ высокопоставленныхъ лицъ. Жители Одессы подмѣтили наклонность г. Нейдгарта къ парадамъ и смотрамъ и убѣдились, что градоначальника въ обыкновенное время совсѣмъ не видно. А въ такомъ сложномъ, живомъ, громадномъ городѣ, какъ Одесса, нужна была не только кабинетная работа градоначальника, а и живое дѣло. Время въ Одессѣ было скверное, тревожное. Никто не могъ поручиться за слѣдующій день. Въ интересахъ безопасности жителей нужно было многое сдѣлать... Домовладѣльцы ожидали, что онъ привлечетъ ихъ къ коллективной охранѣ своихъ имуществъ, организуетъ что нибудь, но ошиблись. Со своей дачи на Ланжеронѣ г. Нейдгартъ въ горячее время уѣхалъ въ осенній отпускъ. Въ Одессѣ держалось еще введенное послѣ «Потемкина» военное положеніе. Оно придавало извѣстную окраску одесской жизни: при военномъ положеніи градоначальникъ въ Одессѣ былъ не первымъ, а вторымъ лицомъ, и это, повидимому, не нравилось г. Нейдгарту. Когда г. Нейдгартъ вернулся изъ отпуска, то онъ возбудилъ ходатайство о снятіи военнаго положенія. Скороспѣлое ходатайство почему-то было удовлетворено, несмотря на крайне тревожное время. Какъ только военное положеніе было снято, г. Нейдгартъ вступилъ въ должность... и предался вновь кабинетной работѣ. Ровно черезъ недѣлю послѣ его вступленія въ Одессѣ произошли кровавыя событія и погромы съ человѣческими жертвами.

Въ обращеніяхъ г. Нейдгарта къ населенію во время октябрьскихъ событій сквозила растерянность. Безпомощное, брошенное на произволъ судьбы населеніе встрѣчало октябрьскіе мятежи въ обстановкѣ полнаго хаоса и безвластія. Грабители и хулиганы свирѣпствовали кругомъ. Въ разгаръ революціи въ городѣ распространились слухи, что градоначальникъ упраздненъ революціонерами, что онъ арестованъ ими и проч., и проч., и этому все охотно вѣрили, потому что градоначальника въ городѣ *de facto* не было. Онъ заперся въ своей квартирѣ около Сабапѣва моста и, наполнивъ дворъ личной охраной, выдерживалъ карантинъ отъ революціи и погромовъ. Когда же кончилась революція, г. Нейдгартъ уѣхалъ за границу.

Вотъ точная картина одесской административной дѣйствительности во время октябрьскихъ событій. Можетъ ли быть рѣчь въ отношеніи г. Нейдгарта о какой нибудь «организациі» хотя бы даже еврейскихъ погромовъ? Кромѣ усиленной личной охраны, онъ ничего не организовалъ. Все пребываніе г. Нейдгарта въ Одессѣ прошло, какъ сонъ. Все спрашивали другъ друга, есть ли въ городѣ градоначальникъ, и тотъ, кто видѣлъ градоначальника на торжествахъ и парадныхъ обѣдахъ, отвѣчалъ: «Да есть... Но онъ занятъ высшими соображеніями!»..

Г. Нейдгартъ ничего не внесъ въ Одессу, ничего не успѣлъ сдѣлать для Одессы, и когда послѣ погромовъ онъ оставилъ свой постъ, то не оставилъ и никакихъ воспоминаній.

Х.

Въ дорогѣ.

Одесскій погромъ долго не затихалъ. Я былъ свидѣтелемъ ужасныхъ беспорядковъ на Вокзальной площади (Куликово поле), гдѣ мятежная толпа прямо неистовствовала. Въ концѣ Пушкинской улицы, около Ильинскаго подворья еврей-революціонеры сыпали градъ пуль въ войска и въ толпу не только изъ оконъ, но и съ крышъ домовъ. Ужасно было положеніе солдатъ, въ которыхъ стрѣляли, но которымъ велѣно было воздерживаться отъ выстрѣловъ и въ случаѣ столкновеній дѣйствовать «только прикладами». Нужно было видѣть, что за ужасы творились здѣсь. Съ гиканьемъ и свистомъ толпа наполняла разные углы Куликова поля, носилась взадъ и впередъ, разносила лари и лавченки и угрожала вокзалу, который былъ оцѣпленъ войсками. Многіе евреи бѣжали отъ погрома, и нѣкоторымъ дѣйствительно удалось благополучно пріѣхать утромъ 20 октября на вокзалъ и сѣсть въ первый поѣздъ, отошедшій въ 9 час. 15 мин. утра. Желѣзнодорожная забастовка еще продолжалась, правильнаго движенія не было, и поѣзда отправлялись желѣзнодорожнымъ батальономъ подъ охраной войскъ. Вагоны были переполнены, мѣстъ не хватало. Кто попалъ въ этотъ поѣздъ, или кто остался на вокзалѣ, были послѣдніе счастливыцы, избѣгшіе опасности и смерти. Въ одиннадцатомъ часу дня началась на Вокзальной площади столь сильная пальба со стороны нападающихъ и защищающихся, что сообщеніе города съ вокзаломъ прекратилось. Шальные пули летѣли по всѣмъ направленіямъ.

Толпа, узнавъ, что евреи бѣгутъ изъ города, принялась преслѣдовать ихъ. Къ вокзалу подѣхали старый еврей и еврейка. Толпа бросилась къ нимъ. Старый еврей пригрозилъ подошедшимъ револьверомъ, и въ одинъ мигъ онъ былъ стащенъ съ дрожекъ и убитъ, а еврейка была изувѣчена, а, можетъ быть, и убита.

Внутри города царилъ адъ, и это продолжалось до 22 октября. Никто не могъ высунуть носа на улицу.

—Какъ не понимаютъ эти евреи,—говорили въ городѣ,—что выстрѣлы изъ еврейскихъ домовъ только разъяряютъ толпу и не даютъ затихнуть погрому?

На Дерибасовской улицѣ, въ нижнемъ концѣ ея, выстрѣлили изъ слухового окна одного еврейскаго дома въ проходящія войска, и домъ подвергся обстрѣлу, наведшему ужасъ на всѣхъ жильцовъ. Стрѣльба въ солдатъ заставила, наконецъ, войска дать залпы по всей Дерибасовской улицѣ вдоль ея и по Пушкинской улицѣ въ обѣ стороны. На Вокзальной площади уже работали пулеметы.

Переживъ недѣлю сплошнаго ада и террора, находясь все время подъ вліяніемъ гнетущихъ слуховъ объ ужасныхъ событіяхъ въ Петербургѣ, я въ послѣдній день кровавой одесской страды выѣхалъ въ путь. Подъ шумъ выстрѣловъ, подъ ревъ толпы, при царящемъ грохотѣ разрушенія приближался я къ вокзалу, не зная, доѣду ли...

Еврейская самооборона продолжала дѣйствовать около Вокзальной площади. Нѣкоторымъ желавшимъ проникнуть въ городъ распорядители обороны приставляли къ лицу револьверы и заставляли вернуться обратно.

—Я пріѣхалъ въ Одессу навѣстить своихъ сестеръ,—разсказывалъ мнѣ встрѣченный мною на вокзалѣ помѣщикъ, одѣтый въ дорожный костюмъ и высокую мохнатую шапку.—Я поѣхалъ было въ городъ,—продолжалъ онъ,—миновалъ Вокзальную площадь, какъ какіе-то евреи остановили моего извозчика и, приставивъ ко мнѣ револьверъ, велѣли ѣхать обратно. Такъ я и уѣхалъ въ деревню, не побывавши въ Одессѣ.

Когда отходилъ нашъ поѣздъ, пули свистали надъ крышей вокзала, летѣли на полотно дороги. Пассажировъ въ вагонахъ было мало. Вагоны третьяго класса были заняты войсками.

Скоро намъ пришлось увидѣть, что еврейскій погромъ охватилъ уже всѣ лежавшія на пути мѣстечки Юго-Западнаго края. На первыхъ станціяхъ я увидѣлъ толпы крестьянъ, вооруженныхъ коляями и дубинами и пришедшихъ бить бѣгущихъ изъ Одессы евреевъ и «смутьяновъ». Непривѣтливы были ряды этихъ мужиковъ съ хмурыми лицами и горящими глазами. Сидѣвшіе въ поѣздѣ евреи все выглядывали въ окна, а русскіе пассажиры говорили имъ:

—Пожалуйста, сидите смиренно и не выглядывайте. Вѣдь толпа ворвется въ поѣздъ и произведетъ разгромъ.

На слѣдующихъ станціяхъ была та же картина: ряды вооруженныхъ крестьянъ. Видъ размѣщенныхъ въ вагонахъ солдатъ смягчалъ разнѣванную толпу, принимавшую этотъ поѣздъ за воинскій.

Около станціи Бирзула поѣздъ вступилъ въ цѣлое море огня. Несмотря на поздній вечерній часъ, было свѣтло, какъ днемъ. Удушливый дымъ застилалъ все пространство, вдали видны были языки пламени.

— Это горитъ поселокъ Бирзула,—сообщили намъ,—тутъ значительное еврейское населеніе. Крестьяне жгутъ еврейскіе дома.

То же было и около Жмеринки, имѣющей около пяти тысячъ жителей, въ томъ числѣ много евреевъ. Море огня освѣщало намъ путь.

Еврейскіе погромы никогда не принимали еще такихъ стихійныхъ размѣровъ. Крестьянство жгло все люто и немилосердно. Это была месть народа за еврейскую революцію.

Черные, ужасные дни!...

Путникъ (Н. Н. Лондеръ).

ПРОТЕСТАНТСКІЕ МИССІОНЕРЫ ВЪ РОССІИ.

(1876—1906 гг.)

«Was nicht zur Tat wird, hat keinen Wert!»

«Die innere Mission will nichts anderes, als der Kirche in ihren Gliedern dienen».

(Изъ отчета Евангелическаго общества религіознаго и нравственнаго назиданія протестантовъ С.-Петербурга).

ОГДА говорятъ о миссіонерахъ, то подразумѣваютъ обыкновенно людей, посвятившихъ себя проповѣди христіанскихъ началъ среди иновѣрцевъ и иноплеменниковъ. Между тѣмъ, миссіонерство можетъ быть не только внѣшнее, но и внутреннее, не только среди язычниковъ и дикарей, но и въ кругу близкихъ намъ по національности и вѣрѣ лицъ, живущихъ бокъ о бокъ съ нами и числящихся такими же христіанами, какъ и сами миссіонеры.

Проповѣдники евангельскихъ истинъ среди дикарей часто достигаютъ большихъ и замѣчательнѣйшихъ успѣховъ, чѣмъ ихъ товарищи, ревностно работающіе надъ послѣдовательнымъ проведеніемъ въ жизнь дѣятельной морали слова Божія и просвѣщеннымъ и не стѣсняемымъ рутинной служеніемъ церкви въ лицѣ ея членовъ. Эта послѣдняя задача несказанно шире, активнѣе и богаче результатами любого «благо-творительнаго» общества, гдѣ христіанская мораль обыкновенно

замерзаетъ въ мертвящемъ холодѣ формализма, а добрыя начинанія безцельно теряются и гибнутъ въ безславной борьбѣ личнаго самолюбія и узвлеченнаго первенства.

Такому именно внутреннему миссіонерству дѣятельной любви и братства христіанской общины, дающихъ жизнь и смыслъ церкви съ ея соціально-религіозной точки зрѣнія, всецѣло посвятило себя существующее въ Петербургѣ среди протестантовъ (нѣмцевъ, латышей и эстовъ) общество, носящее официальное названіе «Евангелическое общество для религіознаго и нравственнаго назиданія протестантовъ С.-Петербурга» (Evangelischer Verein für religiöse und sittliche Pflege der Protestanten in St.-Petersburg), извѣстное въ протестантскихъ кругахъ подъ болѣе характернымъ и вѣрнымъ именованіемъ «Stadtmission»¹⁾.

Это общество (во главѣ комитета котораго, изъ 10 членовъ, стоитъ пасторъ Петропавловской церкви въ С.-Петербургѣ, Г. Кейслеръ) возникло еще въ 1876 г. и уже вступило въ текущемъ году въ свою тридцатипятилѣтнюю годовщину, но мы глубоко увѣрены, что русское общество, съ обычной безучастностью ко всему, что его окружаетъ, не имѣетъ о сказанномъ кружкѣ никакого или, — дѣлаемъ оговорку для немногихъ, — почти никакого понятія и болѣе или менѣе яснаго представленія.

Между тѣмъ, общество достойно не только самаго серьезнаго вниманія и искреннѣйшаго сочувствія, но и тщательнаго изученія и подражанія, такъ какъ ни одно русское благотворительное общество не заключаетъ въ себѣ столь разнообразныхъ сторонъ просвѣтительной, высококультурной и гуманной дѣятельности, въ высшей степени активной и соприкасающейся съ реальной жизнью и ея запросами.

Городъ раздѣленъ на районы. Въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуетъ свой «миссіонеръ», имѣющій опредѣленный кругъ нуждающихся въ нравственной и религіозной помощи отдѣльныхъ лицъ и семействъ. Однимъ онъ помогаетъ дружескимъ совѣтомъ, другихъ колеблющихся поддерживаетъ въ вѣрѣ, пробуждая въ душѣ на время заснувшія въ ней добрыя чувства и здоровые идеалы, третьяго удерживаетъ отъ соблазна порока, родителямъ даетъ наставленія въ воспитаніи дѣтей, убѣждая ихъ не лишать ребенка школьнаго ученія, для иныхъ пріискиваетъ честный заработокъ, обезпечивающій кусокъ хлѣба, выказывая особую заботливость о дѣтяхъ, лишенныхъ родителей и оставшихся безъ призора, и т. д., по характеру лицъ и свойству угнетающихся нуждъ и обстоя-

¹⁾ Въ 1905 г. въ обществѣ участвовали также и финляндскіе миссіонеры (въ С.-Петербургѣ проживало до 20.000 финляндцевъ), но съ этого года они вышли изъ состава общества, въ виду все болѣе и болѣе возрастающихъ недоразумѣній съ ихъ собратьями по дѣятельности, предпочитающими совѣтъ не имѣть ихъ въ своей средѣ.

тельство. Въ крайнемъ случаѣ вопіющей необходимости выдается и нѣкоторая матеріальная помощь, но въ минимальномъ размѣрѣ, такъ какъ, во-первыхъ, свободныхъ суммъ для денежныхъ субсидій у общества имѣется лишь въ очень небольшомъ размѣрѣ, цѣли же и задачи общества, во-вторыхъ, совершенно иныя, чѣмъ въ ординарныхъ «благотворительныхъ обществахъ», олицетворяющихъ все свое благотвореніе въ мелкихъ денежныхъ и вещевыхъ подачкахъ бѣднякамъ и исключительно этимъ ограничивающихъ свою шаблонную дѣятельность. Работать «миссіонерамъ», конечно, приходится, главнымъ образомъ, среди столичной бѣдноты и заглядывать въ сырые и темные «углы» и подвалы (такихъ посѣщеній было въ прошломъ году около 10.000), добровольно и безропотно спускаясь «на дно», воспитавшее и развратившее полулюдей Максима Горькаго. Въ каждомъ районѣ города устраиваются также и систематическія собесѣдованія «миссіонера» съ его «униженными и оскорбленными» судьбой кліентами на религіозно-нравственныя темы, устанавливающія и поддерживающія психическую связь между членами миссіонерскаго общества и этой своеобразной аудиторіей. Кромѣ этого, каждый понедѣльникъ въ теченіе года, исключая лѣта, въ принадлежащемъ обществу домѣ ¹⁾, въ Конногвардейскомъ переулкѣ (№ 4), для столичной голытьбы устраиваются вечернія чтенія-проповѣди, послѣ чего собравшимся (100—300 человекъ) радушно предлагается чай и ужинъ. Сюда еженедѣльно изъ захолустныхъ «угловъ», трущобъ и ночлежныхъ домовъ стекается масса бѣдняковъ-евангеликовъ (встрѣчаются и католики), чтобы, хотя на минуту, всплыть со «дна» наверхъ, побыть въ человѣческой обстановкѣ, услышать ласковое слово участія и съѣсть съ любовью предложенный кусокъ мягкаго хлѣба и свѣжаго мяса.

Воскресныя школы составляютъ особую заботу общества. Гдѣ только представляется возможность, при наличности необходимыхъ средствъ, общество открываетъ воскресныя школы. Ихъ въ настоящее время девять: четыре—нѣмецкія, четыре—эстонскія и одна—русская, куда стекается до 700 дѣтей.

Трудной, нравственно тяжелой и святой обязанностью лежитъ на «миссіонерахъ» постоянное посѣщеніе своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ, содержащихся въ тюрьмахъ и другихъ мѣстахъ заключенія и лежащихъ въ больницахъ и въ богоугодныхъ заведеніяхъ. Такихъ посѣщеній было въ минувшемъ году: въ тюрьмахъ и мѣстахъ заключенія—1.200, въ больницахъ—5.000.

Обращено также серьезное вниманіе общества и на порочныхъ женщинъ. Одна изъ сотрудницъ миссіонерскаго общества (носящая

¹⁾ Этотъ домъ принадлежалъ прежде «братской общинѣ» баптистовъ и нахъ-стенъ въ С.-Петербургѣ подъ именемъ «Сарептскаго дома». Домъ трехэтажный, каменный, стоимостью въ 200.000 рублей.

название «диакониссы», по образцу древней христіанской общины), на обязанности которой лежитъ общеніе съ женской половиной призрѣваемыхъ и поддерживаемыхъ лицъ, систематически посѣ-

Пасторъ Дальтонъ.

щаетъ Калинкинскую больницу, гдѣ ведетъ въ опредѣленные дни бесѣды съ павшими, стараясь вернуть ихъ на путь нормальной, трудовой, честной жизни.

Комитетомъ общества учреждены:

«истор. вѣстн.», июнь, 1906 г., т. сѣв.

1) Домъ призрѣнія (Лѣсной, Институтскій пер., № 3) для стариковъ, слабыхъ и нетрудоспособныхъ. Помѣщеніе рассчитано на 70 человекъ; въ данное время въ «домѣ призрѣнія» (Greisenheim) пользуются тихимъ, здоровымъ убѣжищемъ 60 лицъ.

2) «Морской домъ» (Seemannshaus), особый уставъ котораго утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ февралѣ этого года. Цѣль дома—дать здоровый, надежный пріютъ прибывающимъ ежегодно, весной, въ Петербургъ въ большомъ количествѣ матросамъ со всѣхъ концовъ свѣта, охранить ихъ, по возможности, отъ развращающаго вліянія столицы, а также служить пунктомъ взаимныхъ сношеній и переговоровъ пароходовладѣльцевъ съ ищущими плаванія матросами. «Морской домъ» (открытъ въ 1901 г.) уже успѣлъ завоевать симпатіи корабельныхъ командъ. Въ него охотно идутъ матросы отдохнуть послѣ далекаго морского плаванія и до вѣрчиво несутъ администраціи дома (Старо-Петергофскій пр., № 8) свои сбереженія, прося переслать ихъ своимъ семействамъ, что администрація дома и дѣлаетъ безотлагательно, всегда получая въ отвѣтъ самыя горячія благодарности: обыкновенно эти трудовыя деньги безопасно пропивались и прокучивались въ кабакахъ и грязныхъ притонахъ разврата, и присылка ихъ нуждающимся семьямъ моряковъ является для нихъ, конечно, радостнѣйшимъ событіемъ жизни.

Не забывается и нравственное назиданіе: на палубахъ, въ теченіе всей навигаціи, постоянно устраиваются чтенія и бесѣды, и протестантская миссія среди матросовъ (Seemannsmmission) имѣетъ такой же успѣхъ, какъ и среди городского населенія С.-Петербурга. Въ 1905 г. въ «Морскомъ домѣ» перебивало за время навигаціи—400 человекъ.

3) Сборъ ненужныхъ вещей, пожертвованныхъ въ пользу общества (Старо-Петергофскій пр., № 8). Старье разсортировывается и потомъ продается, какъ это практикуется въ нашемъ «Человѣколюбивомъ обществѣ», а вырученная сумма поступаетъ въ кассу общества. Этотъ сборъ (Brockensammlung) далъ въ 1905 г. 900 рублей чистой прибыли.

4) «Пристанище» для молодыхъ людей (die christliche Herberge zug Heimat), открытое въ октябрѣ 1896 г. (2 рота Измайловскаго полка, № 9), гдѣ молодые люди получаютъ за 17 рублей въ мѣсяцъ помѣщеніе и столъ. Большинство пользующихся «пристанищемъ»—пріѣзжая молодежь, принадлежащая къ промышленно-ремесленному и учебному элементамъ. Здѣсь останавливаются пріѣзжающіе въ С.-Петербургъ изъ провинціи для пріисканія мѣстъ разнаго рода лютеране-ремесленники, приказчики, торговые агенты, контористы и т. п., а также студенты и ученики высшихъ учебныхъ заведеній для постоянныхъ занятій или для сдачи экзаменовъ. Здѣсь они находятъ спокойный и здоровый уголокъ, тихій и

регулярный образъ жизни и ту чистую, нравственную атмосферу, которая такъ спасительно оберегаетъ впечатлительную и быстро поддающуюся всяческимъ вліяніямъ, неопытную юность отъ пагубныхъ и часто роковыхъ соблазновъ столичной жизни.

5) Популярный журналъ проповѣдей (Wöchentliche Predigt). Подписная цѣна 2 рубля въ годъ (есть особая подписка для лѣтняго сезона за 1 рубль). Журналъ выходитъ (еженедѣльно) въ количествѣ 1.500 экземпляровъ, при чемъ каждый «миссіонеръ» получаетъ по 100 экземпляровъ для бесплатной раздачи по своему усмотрѣнію. Редакторъ журнала пасторъ (Петропавловской церкви)— В. Ферманъ.

Средства общества, составляемые изъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ (по 5 и 25 рублей), пожертвованій, денежныхъ сборовъ въ евангелическихъ приходяхъ, % съ цѣнныхъ бумагъ, доходовъ отъ дома и проч., достигаютъ 30.000 рублей въ годъ. Расходы общества весьма значительны: на содержаніе однихъ «миссіонеровъ» (семь мужчинъ и одна дама) расходуется свыше 15.000 рублей ежегодно. Старшиной миссіонеровъ (Sendbotenältester) состоитъ въ настоящее время вышеупомянутый пасторъ, В. Ферманъ.

Своимъ существованіемъ общество обязано очень популярному въ свое время въ С.-Петербургѣ пастору здѣшней голландской церкви, Г. Дальгону, и основано по образцу городскихъ миссіонерскихъ обществъ въ Лондонѣ и Берлинѣ (по инициативѣ извѣстнаго проповѣдника Штекера).

Свое теперешнее, длинное и безцвѣтное названіе, ни однимъ словомъ не упоминающее о миссіонерскомъ характерѣ общества, это послѣднее присвоило себѣ, помимо воли, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, возникшихъ при основаніи общества, благодаря излишней подозрительности синодальнаго вѣдомства, встрѣтившаго серьезныя препятствія къ тому, чтобы общество существовало подъ именемъ «Stadtmission», какъ оно того хотѣло, усмотрѣвъ почему то въ его миссіонерствѣ совѣзмъ не тѣ цѣли и задачи, какія оно открыто преслѣдовало и преслѣдуетъ.

Намъ остается добавить, что подобныя же миссіонерскія общества существуютъ и успѣшно функціонируютъ также среди протестантовъ Москвы (здѣсь общество безпрепятственно названо уже миссіонерскимъ) и Риги, не будучи филиальными отдѣленіями петербургскаго и имѣя свою совершенно независимую организацію и уставы.

Изъ всего здѣсь сказаннаго наши русскіе читатели видятъ, какъ много и плодотворно работаетъ на почвѣ настоящей, а не показной, благотворительности почтенное евангелическое общество филантроповъ, доведя программу своей дѣятельности до величайшаго разнообразія и сумѣвъ соприкоснуться въ своемъ горячемъ стремленіи помочь ближнему съ самыми реальными сторонами

жизни обездоленныхъ судьбою и придавленныхъ экономическими условіями элементовъ столицы. При этомъ общество трудится скромно, безъ самохвальства и рекламъ, зная, что лучшая реклама—результаты дѣятельности.

Въ февралѣ этого года общество, какъ упомянуто въ началѣ статьи, вступило уже въ XXX годовщину и отпраздновало свой юбилей.

Пожелаемъ ему отъ всей души процвѣтанія и дальнѣйшихъ успѣховъ на гуманитарномъ пути «внутренняго миссіонерства»!

С. Уманецъ.

О Т Н Я.

(Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода).

ВОКРУГЪ Отни мѣстность очень глухая: ни проѣздныхъ дорогъ, ни близкаго поселка. Монастырь углубился среди лѣсовъ, густыхъ зарослей и живетъ отдѣльной, отшельнической жизнью. Истинный монахъ, стремящійся къ посту и молитвѣ, найдетъ здѣсь полное уединеніе, отряхнеть суету мірскую, оставитъ всякій помыселъ о внѣшней жизни.

Въ Отню сначала путь лежитъ внизъ по Волхову, а затѣмъ отъ берега, точно просѣка, тянется въ лѣсу узкой полосой.

Въ перспективѣ бѣлѣетъ монастырь, но до него еще не близко. Дорога тянется десять верстъ. Полотно ея выстлано фашинникомъ, теперь уже устарѣлымъ и плохо отремонтированнымъ. Надо вообразить себѣ ѣзду по клавишамъ, попережку съ кочками и ухабами. Вы ѣдете, а душа трясется, какъ въ пустомъ кошелѣ.

За версту до монастыря стоитъ часовня, задрапированная елями и березами. Зачѣмъ она здѣсь. — сказать трудно. На пустынной дорогѣ ни коннаго, ни пѣшаго, кромѣ тѣхъ, которые направляются въ обитель. Такимъ образомъ, часовня не оправдываетъ цѣлей какъ матеріальныхъ, такъ и религіозныхъ. Молиться некому и положить въ кружку тоже некому. Автоматично выходитъ изъ часовни монахъ, чтобы скорбно посмотреть въ стороны и снова спрятаться въ своей келейкѣ, которая тѣсно вмѣщаетъ въ себѣ койку, столъ и табуретъ.

Предварительно я остановился въ монастырской гостиницѣ. Простая деревенская изба со скамейками, голыми стѣнами и при-
сущимъ запахомъ. Говорили, что это—чистая половина, а есть еще
черная для странничковъ Божіихъ. Появлялись какія-то бабы, не
то богомолки, не то коровницы. Одна изъ нихъ, толстая, потная,
въ мужицкихъ сапогахъ, обратилась ко мнѣ.

— Самоваръ-то ставить вамъ?

— Не знаю, можетъ быть, настоятель позоветъ,—отвѣтилъ я.

— Мы ничего не возьмемъ,—убѣждала баба.—Въ обители все
задарма.

— Это похвально.

— Такъ ставить, что ли?

— Какъ знаешь, милая.

— Ну, я налью и огня пуцу,—рѣшила баба и провела рука-
вомъ по расплывшемуся лицу, на которомъ пуговкой торчалъ носъ,
щурились небольшіе масляные глаза и чуть не до ушей растяги-
вались тонкія губы.

Я было расположился закусить и выпить чая, но пришелъ
монахъ и сталъ забирать мои вещи.

— Вы, отецъ, что же дѣлаете? —спросилъ я его недоумѣвая.

— А батюшка велѣлъ къ нему итти. Тамъ и отдохнете и чай-
комъ позабавитесь.

— Значить, мой самоваръ ни къ чему?—замѣтила баба, пока-
завшись на порогъ и закрывъ весь проходъ своимъ дороднымъ
тѣломъ.

— У батюшки все будетъ,—метнулъ на нее строгій взглядъ
монахъ и качнулъ въ сторону головой: убирайся, молъ, съ дороги.

Мы пошли.

— Извините, батюшка, что беспокою васъ,—говорилъ я на-
стоятелю,—но меня интересуеъ ваша обитель, такая отдаленная,
скромная.

— Благо вамъ, рабъ Божій, за вниманіе, велие благо,—отвѣ-
чалъ настоятель, низко кланяясь.

Женственный голосъ его не отвѣчалъ росту и представитель-
ности. Это былъ высокій, плечистый монахъ. На грудь спускалась
ровная борода, слегка серебристая, тщательно расчесанная. Голу-
бые глаза смотрѣли томно и стыдливо.

Я вкратцѣ пояснилъ цѣль моего посѣщенія.

— Пожалуйста, пожалуйста,—приглашалъ онъ и повелъ меня
во вторую комнату.

Первую я примѣтилъ мелькомъ. По стѣнамъ висѣли портреты
старѣйшихъ іерарховъ. Всѣ столы покрыты салфетками. Мебель
массивная, старинная. Тамъ, гдѣ мы сѣли, я обратилъ вниманіе
на расписной потолокъ. По краямъ идетъ вычурная орнаментация,
середина изобилуетъ яркими цвѣтами и отчасти рѣжетъ глаза.

Роспись недавняя, поэтому комнатѣ она придаетъ одну лишь оригинальность. Въ остальномъ сказывается недурной вкусъ: синіе обои съ разводами, позолоченные карнизы, высокія лампы съ цвѣтными абажурами, мягкая мебель свѣтлаго покроя.

— Повольте узнать ваше имя, батюшка?

— Отецъ Платонъ. Архимандрита здѣсь не полагается, а монастырь игуменствомъ управляется.

— Такъ что же у васъ есть историческаго, отецъ Платонъ?

— Всѣ монастыри на Руси историческіе, — началъ игуменъ обстоятельно, вдумчиво, провѣряя себя на каждомъ словѣ. — Возникли они въ древности, когда быстро росла вѣра Христова, когда люди не жалѣли ни силъ, ни денегъ. Первые вѣка христіанства были зѣло богаты устроеніями во имя Господа нашего Исуса Христа.

— Это извѣстно. Но, къ сожалѣнію, одни памятники совсѣмъ исчезли, другіе искажились на позднѣйшій ладъ. Можетъ быть, у васъ сохранилось что нибудь?

— Въ Новгородской округѣ шведы все разграбили и сожгли.

— Да, они много погубили нашей старины. Все-таки осталось и послѣ нихъ, но сами мы были безпечны, неуважительны къ ней.

— Пеклись не особенно, ваша правда. Только я, рабъ Божій, зрѣть вины большой въ томъ не могу. Возьмите наши обители. У настоятеля на рукахъ домовый строй, полевое хозяйство, продовольствіе братіи, церковныя требы и много другого дѣла. Отсюда явствуетъ, что имѣтъ бдительное око надъ древностями затруднительно.

— А въ вашей обители было это «око», или нѣтъ?

— Кое-что уберечься. Вамъ покажутъ. А насчетъ основанія монастыря и его построения, на мой разумъ, можно получить изъ грамотъ и лѣтописей. Ихъ въ книгохранилищѣ надо искать.

— Видите, отецъ игуменъ, какъ хорошо.

— А что?

Настоятель приподнял на меня красивые глаза.

— У васъ бібліотека сохранилась?

— Небольшая, а есть. Не вѣдаю, какъ было прежде, а при мнѣ порядокъ соблюдается. Я самъ почитываю, люблю старинныя книги.

— Совсѣмъ не такъ, какъ въ Клопскомъ монастырѣ.

— А тамъ какъ же?

— Прежде всего помѣщеніе съ книгами холодное; зимою надо вооружаться теплыми перчатками. Никакихъ записей о книгахъ не существуетъ: чтобы просмотрѣть коллекцію, извольте отырывать каждую и читать заглавіе. Старинныя рукописи содержатся больше, чѣмъ неаккуратно. Я рылся въ нихъ, какъ въ хламъ; онѣ валяются на окнахъ, полкахъ, по полу. Было очень жалко, когда я

нашелъ безъ начала и конца рукопись, которая трактуеть о евангеліи на русскомъ и латинскомъ языкѣ.

— Какое пренебреженіе! — неодобрительно качалъ головою настоятель.

— Рукопись чрезвычайно интересная. Это или силлогизмы какого нибудь академика въ родѣ научныхъ трудовъ или личные взгляды ученаго монаха, который, быть можетъ, по волѣ судьбы былъ заброшенъ въ глухую обитель и на досугѣ занимался умозаключеніями.

— Именно жалко, какъ вы говорите.

— А библиографическія рѣдкости такъ въ полномъ невѣжествѣ. Долго я просилъ монаха отворить одинъ шкафъ; онъ все время уклонялся и говорилъ, что тамъ книги рваныя, грязныя, и за негодностью слѣдуетъ сжечь ихъ. Вѣрно, тамъ оказались старыя псалтири, древніе апостолы, простыя трепанныя евангелія, но между ними, представьте, батюшка, я нашелъ евангеліе, жалованное монастырю Алексѣемъ Михайловичемъ и скрѣпленное по листамъ любимцемъ царя, бояриномъ Борисомъ Морозовымъ. Я передалъ евангеліе монаху и сказалъ: пусть настоятель хранитъ его поближе у себя.

— Хоть вы-то уберегли.

— Да, похоже.

— Развѣ нѣтъ?

Игуменъ выразилъ удивленіе.

— А вотъ, какъ уберегъ. Въ этотъ день, правда, я видѣлъ царскій даръ въ кельѣ, брошенный такъ, безъ вниманія; потомъ, въ слѣдующій пріѣздъ, бібліотекаръ-монахъ поймалъ меня гдѣ-то въ тѣсномъ углу и сообщилъ по секрету: ваша книжечка-то опять попала въ бібліотеку и въ тотъ же шкафикъ; батюшка сказалъ, что тамъ ей будетъ поспокойнѣе.

— Охъ, какъ это онъ такъ? Не вѣрится, рабъ Божій.

Отецъ Платонъ вздыхалъ и даже ломалъ руки.

Вошелъ монахъ, уже не молодой, приглаженный, опрятный, въ новой рясы; на груди блестѣлъ бѣлый іерейскій крестъ. Онъ отдалъ низкій поклонъ каждому изъ насъ и почтительно сталъ у липки.

— Нашъ книгохранитель, отецъ Мельхиседекъ, — отрекомендовалъ его настоятель.

— Пріятно, очень пріятно. У васъ небольшая бібліотека?

— Небольшая, — подхватилъ онъ скоро, отрывисто, — размѣровъ малыхъ, одно слово, въ половину этой кельи.

— Порядочно историческихъ свѣдѣній, книгъ?

— Есть, найдется, съ сотворенія міра исторія имѣется.

— Мнѣ только о вашемъ монастырѣ.

— И этого добра не минуемъ. Коли нужно, самое верно отыщемъ, какимъ-такимъ манеромъ обитель родилась.

Отенский монастырь. Часовня.

— Конечно, есть и данья, какъ она росла, обстраивалась?

— По косточкамъ разберешь, — развелъ руками Мельхиседекъ, — такъ и пойдешь съ головы до ногъ.

— Прекрасно.

Я всталъ.

— А чайку сейчасъ подадутъ, — заявилъ игумень.

— Зачѣмъ же отца Мельхиседека задерживать?

— Пока бы одинъ стаканчикъ.

— Послѣ библиотеки, батюшка, — говорилъ я на ходу. — Вотъ оттуда вернусь, тогда къ вашимъ услугамъ.

— Ну, ну, — любезно согласился настоятель.

Книгохранитель проворно спустился съ лѣстницы, по двору почти бѣжалъ, болты отпиралъ ловко, замки отмыкалъ быстро.

Я отставалъ отъ него, но онъ поджидалъ меня на тѣхъ пунктахъ, съ которыхъ можно было потерять его изъ виду.

Для библиотеки отведено совершенно безопасное помѣщеніе; стѣны каменные, вверху сливаются въ своды; полъ устланъ плитнякомъ. Книги чинно стоятъ на открытыхъ полкахъ, подъ номерами и по категоріямъ. Къ сожалѣнію, куда-то затерялся каталогъ, по поводу чего отецъ Мельхиседекъ очень волновался, но онъ отлично зналъ каждую книгу и наговорилъ мнѣ всевозможныхъ названій.

— Однако, всякой отрасли понемножку, — замѣтилъ я.

— Могу показать и по врачеванію.

Мельхиседекъ вытащилъ лѣчебникъ 1817 г. Каменецкаго. На первомъ листѣ учинена надпись, гласящая, что авторъ лично поднесилъ монастырю эту книгу для самолѣченія братіи.

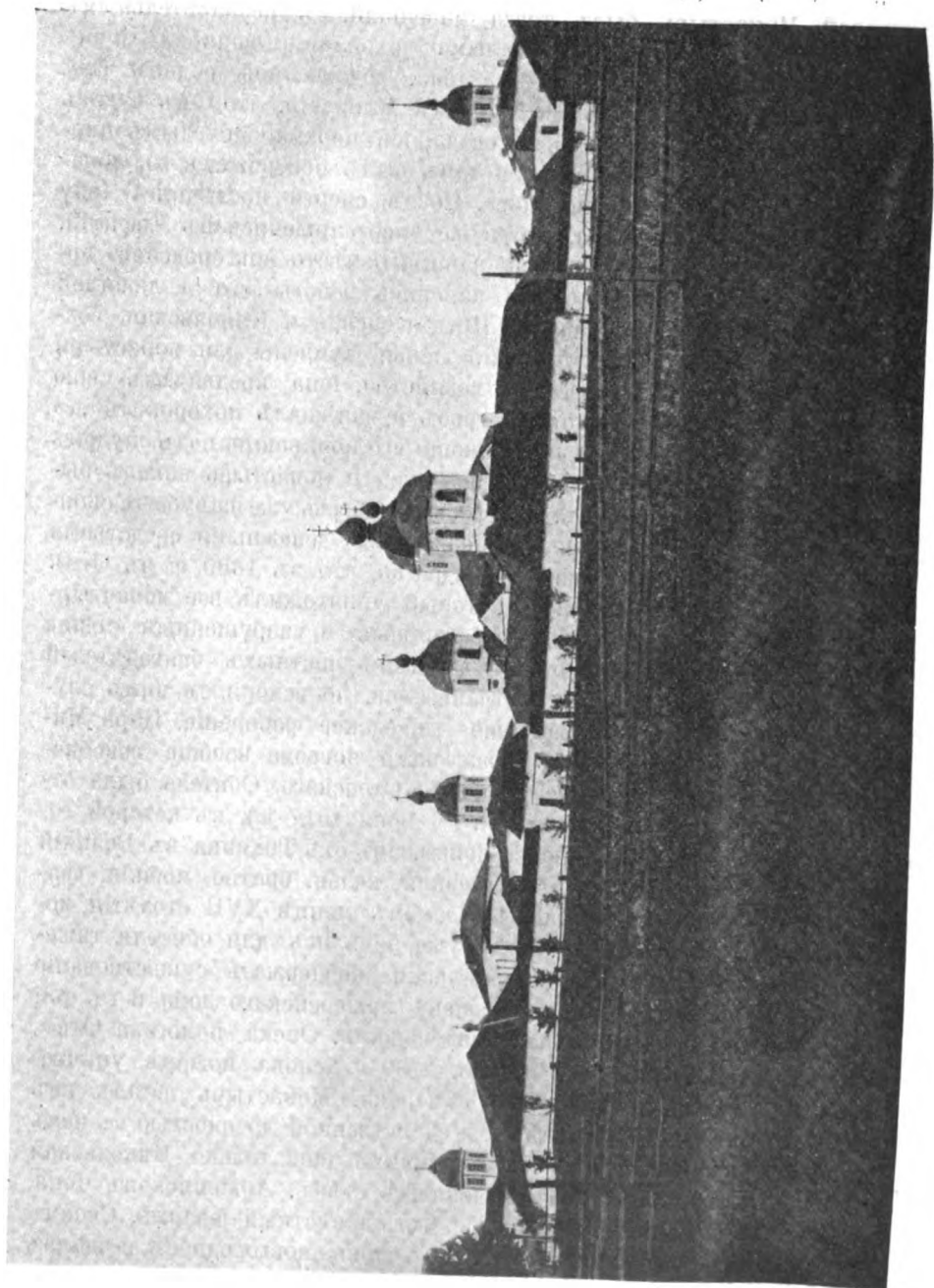
— А синодики у васъ были?

— Какъ имъ не быть! — радостно воскликнулъ монахъ, и живо нашелъ книгу, заключенную въ изящный кожаный переплетъ. Средину ея украшали рисунки по содержанию изъ библейскихъ событій и жизни Спасителя. Страницы пестрѣли записями знатныхъ особъ, князей, царей. Судя по именамъ, синодики относятся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ. Вообще библиотека по своему состоянію производитъ пріятное впечатлѣніе; во всемъ царитъ безукоризненный порядокъ, даже «Епархіальныя Вѣдомости», выписываемыя обязательно и никѣмъ здѣсь не читаемыя, лежатъ послѣдовательно и въ обложкахъ въ особомъ мѣстѣ.

Пересмотрѣвъ лѣтописи и документы, я сдѣлалъ нужныя выписки, по которымъ можно вкратцѣ представить себѣ исторію Отенскаго монастыря.

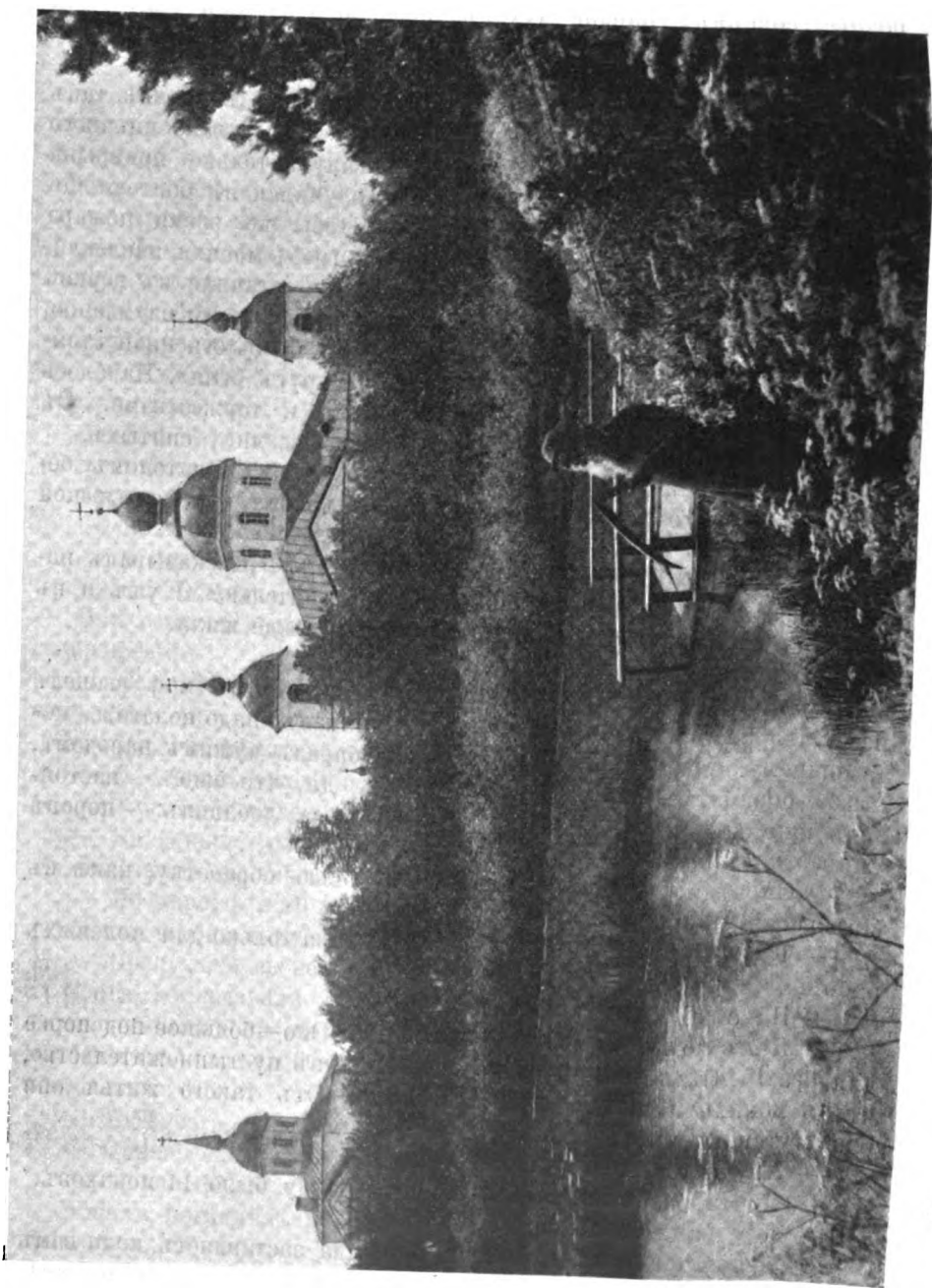
Основателемъ его, какъ говоритъ III-я Новгородская лѣтопись, былъ монахъ Харитонъ, построившій деревянную церковь и бывшій впослѣдствіи здѣсь архимандритомъ.

Церковь эта возникла въ началѣ XV вѣка; затѣмъ, при содѣйствіи архіепископа Евфимія, возобновившаго Вяжицскій мо-

Отенский монастырь. Общий видъ.

настырь, въ Отнѣ возникла каменная церковь во имя Трехъ Святителей. Монастырь былъ тогда маленькій, съ незначительнымъ числомъ братіи и съ весьма малыми доходами. Распирилъ и переустроилъ его, спустя 50 лѣтъ, Іона, родомъ новгородецъ. Ему еще въ юности предрекъ св. Михайлъ Клопскій, что онъ будетъ занимать высокое мѣсто въ православной церкви. Молодымъ инокомъ Іона удалился въ Отню и тамъ былъ постриженъ въ монашество строителемъ Харитеномъ. Послѣ смерти послѣдняго Іону возвели въ санъ игумена. Когда же умеръ архіепископъ Евфимій, Іона былъ призванъ на родину занимать мѣсто новгородскаго архипастыря. Съ этого времени начались заботы его о любимой Отнѣ. Были построены церкви Предтеченская и Никольская, возведены настоятельскія и братскія кельи, куплены для монастыря села, разныя угодья, заведено хозяйство. Іона предвидѣлъ свою смерть, при жизни изготовилъ гробъ и завѣщалъ похоронить его въ Отнѣ. Тамъ и до сего времени мощи его почиваютъ подъ сводомъ въ соборномъ храмѣ. Не стало радѣтеля, и монастырь началъ быстро приходить въ упадокъ. Казалось, онъ былъ уже на рубежѣ окончательнаго разрушенія, но его поддержалъ денежными средствами Иванъ Грозный. Лѣтописи утверждаютъ, что въ 1600 г. въ Отнѣ случился громадный пожаръ, который уничтожилъ все монастырское добро, оставивъ только обгорѣлыя и разрушенныя стѣны церквей. Трудями монаховъ и деньгами частныхъ благодѣтелей монастырь снова началъ обстраиваться, но вскорѣ съ нимъ случилось опять страшное бѣдствіе — шведское разореніе. Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ, послѣ вражескаго погрома вообще возобновляя многіе монастыри, не забылъ и Отенскаго. Обитель была отстроена по жалованной грамотѣ (6 іюня 1617 г.), въ которой говорилось, что нѣмецкіе люди, прибѣжавъ отъ Тихвина въ Великій Новгородъ, ограбили въ Отнѣ церкви, кельи, братію побили, грамоту царя Грознаго сожгли. Въ самомъ концѣ XVII столѣтія монастырь снова выгорѣлъ. Тутъ уже начались для обители тяжелыя испытанія. Чтобы мало-мальски поддержать существованіе Отни, она была отдана подъ опеку архіерейскаго дома и съ той поры утратила всякую самостоятельность. Опека помогала Отнѣ, понемногу обстроила ее, но въ 1730 г. снова пожаръ уничтожилъ всѣ службы и разрушилъ церкви. Монастырь всталъ изъ пепла только въ XIX столѣтіи, и единственной древностью въ немъ по архитектурѣ сохранилась до нашихъ дней только Никольская церковь, а, точнѣе, остовъ каменныхъ стѣнъ. Архіепископъ Іона, возродившій Отенскій монастырь, былъ извѣстный іерархъ. Своимъ благочестіемъ онъ снискалъ себѣ любовь новгородцевъ и влиялъ на нихъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. За любовь владыка платилъ помощью въ бѣдствіяхъ народа. Въ XV вѣкѣ вся Новгородская область была охвачена страшной моровой язвой. Въ одномъ

Отенскій монастырь. Монастырскій садъ.

Новгородъ погнбло отъ язвы около 50 тысячъ жителей. Новгородцы, совсѣмъ упавшіе духомъ, просили о помощи святителя. Онъ усердными и слезными молитвами исходатайствовалъ у Бога всепрощеніе грѣховъ и дарованіе здоровой жизни народу.

Послѣ смерти (1470 г.) Іона не былъ погребенъ въ землѣ, такъ какъ тѣло его стояло 40 дней въ церкви и не издавало никакого запаха. Дубовый гробъ опустили въ могилу и только прикрыли церковнымъ поломъ. Спустя сто лѣтъ, случился въ обители пожаръ, уничтожившій весь монастырь. Чтобы во время пожара обвалы не могли повредить гробницѣ Іоны, гробъ монахи извлекли, но, гонимые пламенемъ, не успѣли вынести и оставили въ церкви на полу. Церковь сгорѣла до тла. Вдругъ, къ великому изумленію, всѣ увидѣли, что «рака святителя, якобы въ печи огненной стоящая, нимало не опалилась отъ ходящаго вокругъ огня». Началось прославленіе мощей угодника молебствіями и торжествами. Съ тѣхъ поръ архіепископъ Іона сопричисленъ къ лику святыхъ.

Вернувшись изъ библиотеки, я вель съ отцомъ Платономъ бесѣду за чаемъ о хозяйствѣ, доходахъ и вообще о монастырской жизни.

— Кто къ намъ пойдетъ въ такую глушь?—разсказывалъ настоятель,—кому умиляться нашей бѣдной обителью? Я ужъ и въ толкъ не возьму, рабъ Божій, какъ тутъ прежде жили.

— А что?

— Запущено было до крайности. Предмѣстникъ мой выпелъ изъ малороссійскихъ крестьянъ и хозяйничалъ, надо полагать, по-тамошнему: запахивалъ канавы, сѣно убиралъ чужимъ народомъ, хлѣбъ обрабатывалъ рогатымъ скотомъ... Да, что еще?—настоятель приложилъ ко рту ладонь и вполголоса добавилъ:— коровъ уничтожалъ, а быковъ размножалъ.

— Очевидно, хотѣлъ примѣнить воловью обработку, какъ въ Малороссіи.

— Такъ, такъ. Онъ думалъ, что скотина только для полевыхъ работъ.

— На сѣверѣ этого нельзя.

— Какъ можно! А молочное хозяйство? Оно—большое подспорье для братіи. Вѣдь не претворить же обители въ пустынножительство, чтобъ монахи питались дикими злаками? Отъ такого житья они разбѣгутся.

— А у него это случилось?

— Почти разбѣжались. Къ моему пріѣзду было 11 монаховъ.

— А у васъ сколько?

— Непростойно хвалить себя, а нужда заставляетъ, коли вамъ объяснить. Я такъ повелъ хозяйство, что монаховъ стало при мнѣ, слава Тебѣ, Господи, 25 человекъ.

— А раньше говорили, что монастырь бѣдный?

— Съ такимъ числомъ обитель не считается богатой. Ежели 11 монаховъ, такъ надо упразднить ее, приписать къ другой обители, коя можетъ прокормить братію.

— Бывали монастыри съ 2—8 монахами.

— Это въ старину, рабъ Божій, во время оно, когда всякая обитель имѣла своихъ крестьянъ да бесплатный трудъ отъ народа. Нынѣ же все на свои средства припаси. Вдвоемъ, скажемъ, впятеромъ ничего не обработаешь.

— У васъ 25 человекъ, а больше нельзя?

— Никакъ не можно. Средствъ мало; земли не прибавляется, старая истощается, пожертвованій и въ поминѣ нѣтъ, отъ церковныхъ сборовъ гроши. Вы видѣли по дорогѣ нашу часовню?

— Какъ же, мимо ѣхалъ.

— Вотъ она собираетъ въ годъ 1—2 рубля. Недавно и кружку украли, такъ новой не хочу заводить—однѣ только хлопоты.

— Вы, батюшка, повидимому, расчетливый ховяинъ, — поощрилъ я игумена.

Онъ выразилъ на лицѣ удовольствіе и пріосанился.

— Богъ не обидѣлъ, наградилъ меня по этой части.

— А сколько въ годъ расходуетъ ваша обитель?

Отецъ Платонъ задумался.

Мой вопросъ былъ или щекотливый, или требовалъ лишнихъ соображеній.

— Пожалуй, около 4 тысячъ,—отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ну, это капиталъ.

— Я считаю, ежели все покупать.

— Такъ и я подразумеваю.

— Не меньше, рабъ Божій.

— Какимъ же образомъ вы оборачиваетесь?

— Не даромъ я 20 лѣтъ настоятельствую. Оно, конечно, трудно, а тянусь, шибко тянусь. Хотѣлъ уйти отсюда, да не пускають.

— Послужите, вы не такъ еще стары, умънье есть, силъ хватаетъ.

Слова эти вызвали у настоятеля даже маленькую улыбку и легкій румянецъ на щекахъ. Явился новый монахъ, на видъ лѣтъ 40, брюнетъ, съ худобою въ лицѣ и бородкой, у которой волосы наперечеть.

— Тебѣ чего, отче?—полустрого спросилъ игумень.

— Пришелъ васъ провѣдать, батюшка.

— А, спасибо.

Монахъ поглядѣлъ безцѣльно въ окно и развязно сѣлъ противъ насъ.

— Нашъ іеромонахъ, отецъ Алексѣй,—представилъ его настоятель.

Я подалъ ему руку, догадываясь, что это—одинъ изъ приближенныхъ отца Платона.

Бесѣда возобновилась.

— Какой же у васъ расчетъ иждивенія?

— Хлѣба у насъ хватаетъ своего отъ уборки до уборки,—отвѣчалъ игумень.—Сѣна накашиваемъ на 6 лошадей и 25 коровъ, больше, нежели требуется. Покосы наши кругомъ монастыря, и, къ слову сказать, хорошіе, гнѣваться не слѣдъ. Творогъ, масло, сметана и прочее молочное, безъ сомнѣнія, тоже свое. Дрова возимъ изъ собственнаго лѣса. Огородныхъ овощей заготавливаемъ на весь годъ, да еще хотъ продавай. Всѣ работы производить сама братія, съ воли брать не надобно. Ну, что жъ, остается крупчатка, гречиха, пшено. Это надо купить.

— Откуда же источникъ?

— Да вотъ сѣно продаемъ. Потомъ бываетъ соборный праздникъ въ Ильинскую пятницу. Крестный ходъ совершается изъ Мытенскаго и Змѣйскаго погоста и приводятъ за собою толику народу. Бывало больше, когда изъ Новгорода образа носили, но теперь упразднено отсюда шествіе.

— Гдѣ же монахи добываютъ деньги на чай, сахаръ?

— Требы случаются по деревнямъ: хоронять, крестятъ.

— Это іеромонахи, а прочіе какъ же?

— Еще братія дѣлитъ кружку за недѣлю; въ нее опускаются даванія за молебень, за панихиду, доходы отъ очередныхъ церковныхъ службъ.

— Въ обители-то служите только по двенадцатымъ праздникамъ?

— Каждое воскресенье,—протянулъ отецъ Платонъ,—соборнѣ служба идетъ.

— Намъ батюшка потачки не даетъ,—виѣпался монахъ Алексѣй.

— Оно не то, чтобы потачки, а распускать все же не подobaетъ обитель.

— А насчетъ одежды какъ же справляетесь?

— Процентики есть,—промямлилъ игумень и болѣе твердо добавилъ:—маленькіе, небольшіе процентики.

— Значитъ, капиталъ имѣется?

— Значитъ, рабъ Божій, только съ давняго времени.

— Билетами?

— Да, или, кажется, сохранной казны, давно пожертвованы.

— Ну, а рыбку-то, батюшка, кушаете?—улыбнулся я.

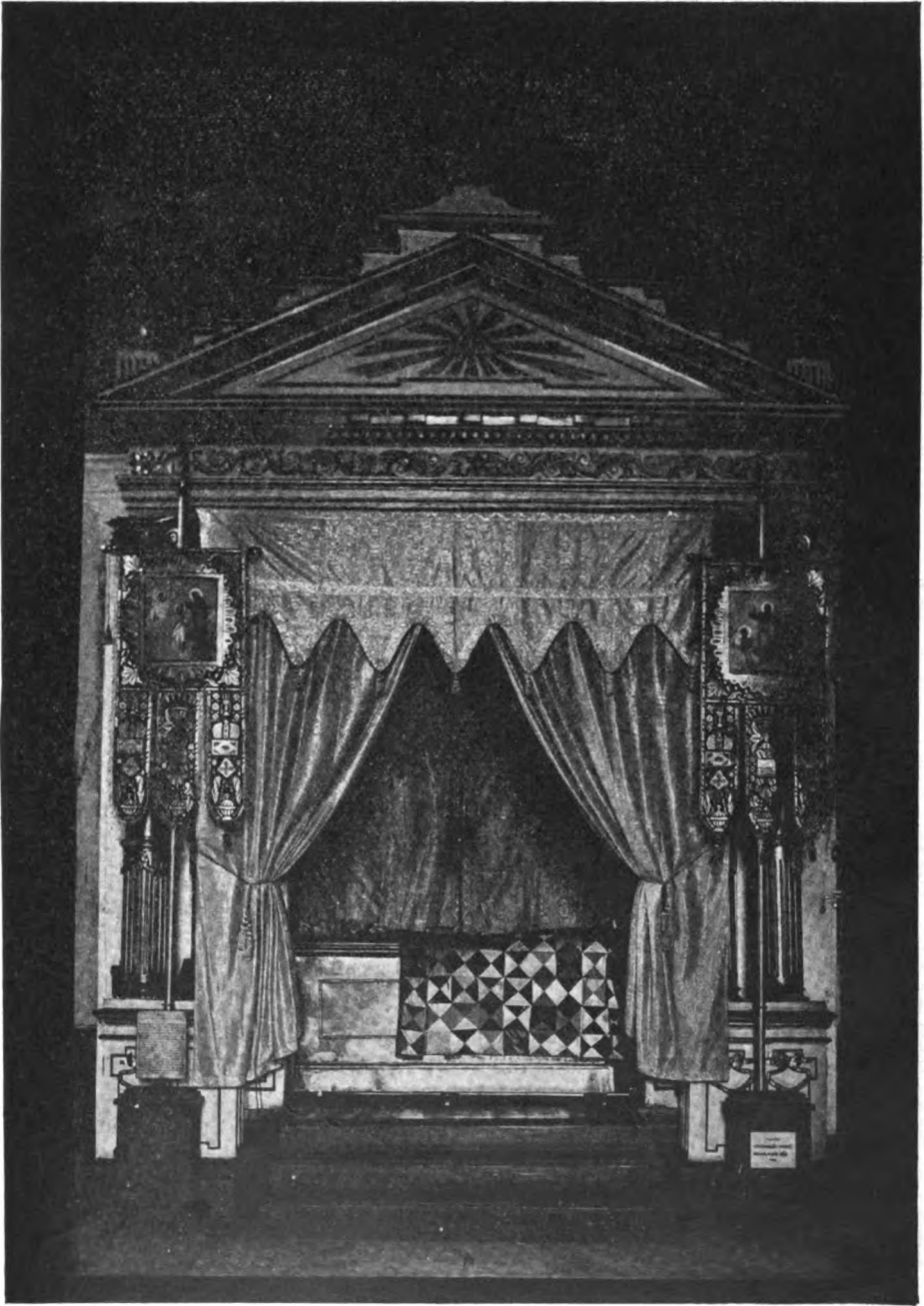
— Рыбки негдѣ взять. По Волхову везуть, а къ намъ приворачиваютъ рѣдко. Лакомствомъ она у насъ прозывается.

— Почему же не постоянно подвозять? Вѣдь рыба, какъ постный продуктъ, покупалась бы охотно.

— Дорога неспособная: грязная, вихлявая, трясучая.

— Я испыталъ, ужъ говорилъ спасибо вамъ, инокамъ.

— Не намъ, не намъ,—отрицательно замахалъ игумень руками.

Огненскій монастырь. Рака надъ мощами св. Юны.

— А кому же?

— Казнѣ-матушкѣ, дорожка казенная.

Я подумалъ: «такъ всегда водится».

— По части сообщенія,—продолжалъ настоятель,—горше Отни, поди, и мѣста нѣтъ. За почтой ѣздить разъ въ недѣлю на станцію Сласскую Полисть. Нынѣ я ужъ распорядился два раза ѣздить, потому братія по газетамъ хочеть знать, какъ отличается наше христоролюбивое воинство, бьетъ ли басурмановъ японцевъ, ну, къ тому же и родственнички у другихъ есть. Больше-то я посылаю двояко по той причинѣ, нѣтъ ли приказовъ какихъ по войнѣ.

— Во флотъ насъ требуютъ,—пояснилъ іеромонахъ Алексѣй.

— И въ полевые лазареты берутъ. Въ турецкую кампанію вездѣ требовались монахи.

— По другимъ монастырямъ велѣно ужъ приготовиться,—сообщилъ Алексѣй.

— Вотъ видите, надо съ часу на часъ ожидать приказаній и намъ.

— А раненыхъ не будете брать?

— Какъ сказать, какъ сказать...—заикнулся отецъ Платонъ,—мѣста у насъ подходящаго нѣтъ и пища не для больныхъ, суровая, плохо питаетъ тѣло.

— Зато воздухъ, природа...

— Это такъ, а главнаго не имѣется... да, не имѣется...

Я поблагодарилъ за чай.

— Еще стаканчикъ.

— Нѣтъ, не могу.

— А я выпью, люблю чай, напитокъ нехмельной и полезный,—и онъ крикнулъ:—Лазарь!

Немедленно вошелъ слуга съ подносомъ. Было слышно, какъ онъ, выжидая приказаній за дверьми, постукивалъ каблуками и шуршалъ каленкоровымъ подрясникомъ.

— Вы знаете, отецъ игуменъ, что я думаю?

— Именно.

— Я думаю, вашъ монастырь не такой бѣдный, какъ вы заявили первоначально. Монахи сыты, одѣты, въ теплѣ, помыты. Средствъ довольно.

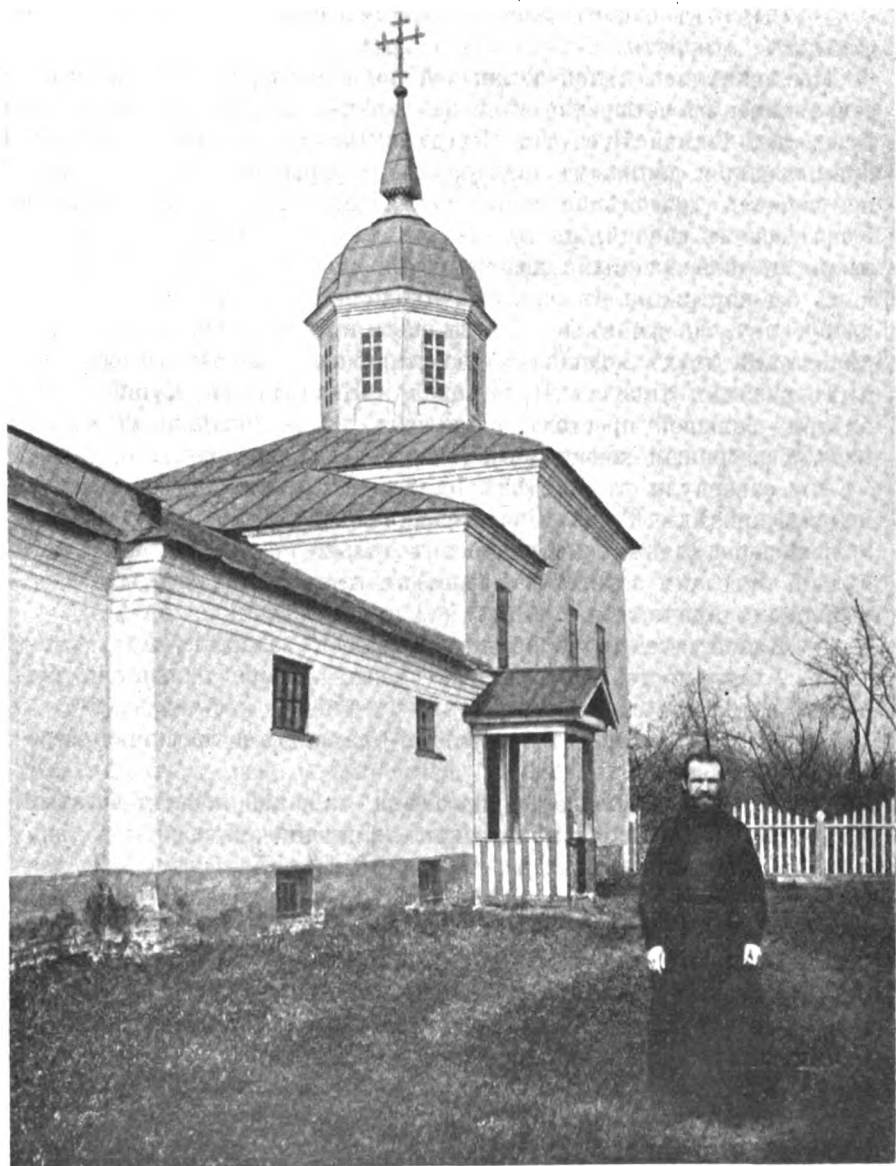
— А украшеніе храмовъ Господнихъ,—протянулъ на расшитый игуменъ.—Прежняя рука не оскудѣвала и невидимо посылала жертвы, а нынѣ хоть бы мѣдный грошъ кто.

— Эхъ, отецъ Платонъ,—вздохнулъ я и поднялся со стула.—Богу угодны теплая молитва да честный трудъ.

— Не говорите, благодѣіе тоже надо. И отцы святые объ этомъ пеклись. Посмотрите, какъ у насъ бѣдно, сиротливо.

— Я и хочу просить у васъ позволенія посмотрѣть святыню.

— Съ удовольствіемъ, взгляните.

Отенскій монастырь. Церковь св. Николая Чудотворца.

— Кто же меня проводить?

— Всѣ пойдутъ.

— Какъ всѣ? — удивился я, полагая, что пойдетъ вся братія. Игуменъ наскоро выпилъ чай и вытеръ мокрые усы.

— Вы, я съ отцомъ Алексѣемъ, тамъ еще два монаха будутъ отмыкать, отворять.

Мы двинулись цѣлой комиссіей по монастырю. Прежде всего отправились въ четырехпрестольный соборъ, сооруженный въ честь Рождества Іоанна Предтечи. Предъ храмомъ—громадная паперть, примыкающая длиннымъ коридоромъ. Внутренность храма, правда, не блещетъ драгоценностями, какъ, напримѣръ, въ Юрьевскомъ Георгіевскомъ соборѣ, но въ общемъ онъ красивъ. Кругомъ все расписано современными красками. На стѣнахъ роспись положена какъ бы картинами въ рамахъ. Иконостасъ золоченый, выдается на средину. Иконы въ немъ безъ ризъ и вѣнчиковъ, но хорошаго письма. На двухъ колоннахъ два старинныхъ образа въ серебряныхъ ризахъ: Николая Чудотворца и Неопалимыя Купины. Въ алтарѣ—большой престолъ, а на немъ, подъ стекляннымъ колпакомъ, серебряный ковчегъ, съ Воскресеніемъ наверху.

Мы завернули въ придѣлъ Іоны, гдѣ въ аркѣ, чрезъ которую виденъ придѣлъ Трехъ Святителей, покоятся мощи чудотворца, архіепископа Іоны. Здѣсь расписанъ только потолокъ. Иконостасъ бѣлый, отдѣланъ золотомъ. Образа въ немъ безъ ризъ, но съ серебряными вѣнчиками.

— Какой веселенькій и чистый храмъ!—замѣтилъ я.

— Уходу много,—пояснилъ игуменъ.— Скоро пачкается, пылится, зато непрестанно моему.

Прошли въ алтарь. На престолѣ—лампады и массивное серебряное украшеніе.

— Церковь небольшая,—сказалъ я,—а какой ковчегъ богатый.

— Пожертвованный помѣщикомъ, и именно сюда.

— А говорили, батюшка, это—даръ графини Орловой-Чесменской,—поправилъ о. Алексѣй.

— Можетъ быть, и она пожертвовала,—не опровергалъ настоятель.—Хотя надписи нѣтъ никакой, но, навѣрно, графиня; она всѣ храмы здѣшніе украшала, милліонерша была.

— Орлова и въ спискѣ жертвователей числится,—доказывалъ о. Алексѣй.

— Ну, такъ непремѣнно она,—убѣжденнымъ тономъ подтвердилъ уже игуменъ.

— А въ ризницѣ у васъ есть чтонибудь интересное?

— Посмотрите.

Въ ризницѣ заслуживаетъ вниманія своею простотою митра архіепископа. Она восьмиконечная, сдѣлана изъ дерева и обтянута холстомъ. По холсту красной мастикой написаны лики святителей

и угодниковъ. Низъ опушенъ горностаемъ. Очевидно Іона любилъ этотъ священническій уборъ, такъ какъ митра значительно потерта и поношена. Она хранится въ стеклянной витринѣ. Здѣсь же его кресты изъ простого металла, немудрая панагія, епитрахиль. Отсюда отправились въ Никольскую церковь, считающуюся болѣе древнимъ памятникомъ обители. Дѣйствительно, въ этомъ храмѣ—старинный престолъ, представляющій собою колодезь. Сама же церковь очень маленькая, мрачная; въ иконостасѣ только и есть два образа, расположенныхъ по сторонамъ царскихъ вратъ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ антикамъ. На образѣ тускло сохранилась фигура святителя Іоны; у ногъ ея раскинулся Отенскій монастырь первоначальнаго вида, съ круговой стѣной. Церкви тѣ же, но не тѣ крыши и купола. Конечно, зданія келій передвинуты, перестроены.

Въ притворѣ этого храма обращаетъ на себя вниманіе квадратная дверь, о которой я спросилъ отца Платона, куда она ведетъ.

— Тамъ свалена разная рухлядь,—небрежно отвѣтилъ онъ.

— Церковная?

— Да, ненужная, старая,—махнулъ рукою игуменъ и пошелъ было на выходъ, но я пожелалъ заглянуть.

Мы очутились въ широкой, но низкой комнатѣ, со свѣтомъ, врывающимся чрезъ два небольшихъ оконца. Кругомъ былъ наваленъ по виду дѣйствительно церковный хламъ.

— Тутъ на подобіе второй ризницы,—замѣтилъ кто-то изъ монаховъ:—только отсюда ничего не берутъ, и никто сюда не ходитъ.

Переворачивая вещи и сметая наслоенную пыль, всякій могъ убѣдиться, что этотъ хламъ безусловно цѣнный для археологовъ. Я замѣтилъ старые подсвѣчники, паникадила, образа отъ древнихъ церквей, даже есть царскія врата, потускнѣвшія, облупившіяся и брошенныя за отсутствіемъ на нихъ блеска и новизны, но, должно быть, интересныя по времени и письму. Много разнаго трепаннаго и заношеннаго облаченія.

— Думается, отецъ Платонъ,—обратился я къ нему:—вамъ слѣдуетъ кое-что разобрать и перенести въ первую ризницу.

— Все собираюсь.

— Вѣроятно, найдутся вещи, достойныя большого вниманія и значенія. Теперь, конечно, при такомъ порядкѣ уяснить трудно, что цѣнно, и что нѣтъ, но просвѣтите, и сами предметы покажутъ себѣ цѣну. На этихъ памятникахъ вѣдь развивается особая наука.

— Да, да, вѣрно.

— За послѣднее время русскіи человѣкъ сталъ интересоваться своимъ далекимъ прошлымъ. Сколько нынѣ развѣзжаетъ любителей нашей старины по историческимъ мѣстамъ!

— Заѣзжаютъ и къ намъ, но здѣсь не бывали; это вы какъ-то нечаянно попали.

— Возьмите хотя бы эту одежду,—указаль я на схиму.— Положимъ, времени ей не Богъ вѣсть много, но схимники встрѣчаются все рѣже и рѣже, такъ что въ будущемъ схима займетъ мѣсто въ ряду интересныхъ памятниковъ старины.

Излагая такіе доводы игумену, я чувствовалъ неловкость, но мнѣ было стыдно за небрежность и жалко за «рухлядь».

Послѣ обозрѣнія всѣ шли по двору молча, точно съ панихиды, только игумень, дойдя до келейнаго зданія, сказалъ:

— Рабъ Божій, я сейчасъ.—Затѣмъ быстро скрылся въ дверяхъ.

Вернувшись, онъ спросилъ меня:

— Такъ вы не одобряете пожертвованій?

— Да, не одобряю тамъ, гдѣ они не нужны.

— А знаете, Отню можно претворить въ лавру,—произнесъ онъ такимъ тономъ, какъ будто сообщалъ тайну.—Прежде, когда рѣкой лились пожертвованія, здѣсь было до 500 человекъ братіи, но пришла литва и разорила обитель. Тогдашній архимандритъ отъ враговъ спряталъ все золото и серебро гдѣ-то въ лѣсу, опустил въ яму.

— Такъ вы хотите достать кладъ?!— не могъ воздержаться я отъ смѣха.

— Нѣтъ, правда, мнѣ говорили,—сконфузился монахъ.

— По-моему, батюшка, все равно—25 или 500 монаховъ, а важно то, что обитель существуетъ собственнымъ трудомъ.

— Больше братіи—больше молитвы, усердія.

— Это еще вопросъ. Впрочемъ, на почвѣ развитія монастырей мы съ вами не сойдемся.

Моя рука невольно протянулась на прощаніе. Отецъ Платонъ вынулъ изъ-за пазухи просфору, сотворилъ ею крестъ и, подавая ее мнѣ, сказалъ:

— Ну, Господь съ вами.

Я любезно откланялся.

А. Г. Слезкинскій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Русскіе послы въ Италіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Мать русскихъ царей.—Три русскихъ историка.

РУССКІЕ послы въ Италіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ мартовскомъ номерѣ «La Revue» французская писательница, г-жа Леопольдъ Лакуръ, знакомить читателей съ русскими нравами XVII вѣка, описывая первое пребываніе русскихъ посланниковъ въ Италіи. Она пользовалась не одними только иностранными источниками, но и многими русскими историческими трудами, и, повидимому, старалась ознакомиться съ подробностями русской жизни той эпохи¹⁾.

Каковы были русскіе послы той эпохи, видно изъ словъ перваго панслависта, сербо-хорвата, Юрія Крижанича, католическаго патера, ученаго и писателя, страстно желавшаго вступленія Московіи въ европейскій концертъ и не менѣе страстно стремившагося осуществить давнишній планъ іезуитовъ—уніи православія съ римско-католической церковью. «Россія поступила бы лучше, совсѣмъ не отправивъ посланниковъ въ Европу, чѣмъ ставить себя въ смѣшное положеніе, благодаря такимъ представителямъ,—говорилъ онъ, возмущаясь.—Они постоянно пьяны и принимаютъ у себя женщинъ дурного поведенія. Они неряхи и распространяютъ невыносимое зловоніе». При этомъ онъ приводитъ слова датскаго короля: «Если русскіе еще разъ пріѣдутъ ко мнѣ, то я помѣщу ихъ въ хлѣвъ»

¹⁾ Ambassadeurs ruses d'autrefois par m-me Léopold Lacour. «La Revue», 1 Mars 1906.

для свиней». Такіе неелестные отзы́вы о русскихъ посланникахъ XVII вѣка достаточно ясно обрисовываютъ, на какой ступени культуры они находились. Во вторую половину царствованія Алексѣя Михайловича, въ составъ посольства стали входить подъячіе изъ приказа тайныхъ дѣлъ, которые обязаны были слѣдить за поведеніемъ пословъ и по возвращеніи доносить обо всемъ царю. Неудивительно поэтому, что многіе изъ членовъ посольства на возвратномъ пути въ Россію скрывались изъ боязни наказанія.

Впрочемъ, отсутствіе знанія свѣтскихъ приличій и грубость посланниковъ не мѣшали имъ быть отъ природы интеллигентными и жаждавшими познаній, что признаетъ за ними и французская писательница. Они постоянно обращались къ переводчикамъ, когда ихъ что нибудь поражало и особенно интересовало, главнымъ образомъ относительно богатствъ страны и численности войскъ, которыми они сами гордились и хвастались предъ Косьмой Медичи. Въ ту эпоху въ русскихъ войскахъ было болѣе сотни полковниковъ—иностранцевъ, кромѣ другихъ чиновъ.

Съ усиленіемъ внѣшней торговли развивались и дипломатическія сношенія Московіи съ иностранными державами. Главнымъ образомъ они поддерживались съ такими торговыми государствами, какъ Англія и Голландія. Съ послѣдней эти сношенія велись и на почвѣ культуры: тамъ набирались офицеры и разные мастера, въ томъ числѣ доктора и аптекаря, а также затрогивались и политическіе вопросы. Впрочемъ были и попытки сдѣлать заемъ у Голландіи, но безуспѣшно. Въ Англіи также нанимали офицеровъ и солдатъ, она же присылала посольства, хлопоча возвратить права на безошлинную торговлю, которыхъ лишилась въ 1649 г.; на просьбу же русскихъ устроить заемъ, Англія тоже отказала. Но наиболѣе частыя сношенія русскіе имѣли съ поляками и шведами, по случаю возникавшихъ войнъ и постоянныхъ пограничныхъ столкновеній. Вслѣдствіе ихъ царь завязалъ сношенія съ великимъ курфирстомъ Бранденбургскимъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Вообще, благодаря войнамъ съ Польшей, Швеціей и Турціей, Россія вступила на порогъ европейскаго концерта, и потому эпоху царствованія царя Алексѣя Михайловича можно считать началомъ участія Россіи въ политическихъ дѣлахъ Европы. Въ концѣ же его царствованія въ Москвѣ присутствовало уже столько иностранныхъ агентовъ и пословъ, что составилъ настоящій дипломатическій корпусъ, со всѣми сплетнями и интригами. Когда турки грозили Польшѣ, то переговоры оживились, и въ Москву прибыли польскіе послы, Боттони и Гусманъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, по неопытности въ европейскихъ дѣлахъ, взялся пригласить всѣхъ европейскихъ государей подать помощь Польшѣ, и съ этой цѣлью послалъ въ Англію переводчика посольскаго приказа, Винюса; ради этого же были отправлены послы во Францію, со стольникомъ Потемкинымъ

во главѣ, и къ другимъ державамъ. Даже Испанія не была забыта, и туда отправили того же стольника Потемкина. Что же касается Италіи, то отягченная борьбою съ турками и ища повсюду помощи, она еще ранѣе прислала въ Россію пословъ. Въ виду отношеній нарядонаселенія Балканскаго полуострова къ Россіи и слуховъ объ успѣхахъ русскаго оружія въ польскихъ областяхъ, Венеція просила царя приказать донскимъ казакамъ напасть на турокъ и разсѣять ихъ силою, а также разрѣшить венеціанцамъ вести вольную торговлю въ Архангельскѣ. Однако, Московіи теперь было не до того: война съ Польшей, которая велась въ то время, хотя, повидимому, приходила къ концу, влекла за собой другую войну—съ Швеціей. Денежныя средства истощались, и правительство бросало всюду тревожные взгляды съ вопросомъ: гдѣ бы занять денегъ? какъ бы увеличить доходы? Послѣ посѣщенія венеціанскихъ посланниковъ москвичи рѣшили попытаться, нельзя ли занять денегъ у этой республики, слышшей, по старымъ преданіямъ, богатой.

Съ этой цѣлью были отправлены осенью того же года въ Венецію послы—стольникъ Чемодановъ и дьякъ Посниковъ. Они отплыли изъ Архангельска на голландскихъ корабляхъ. Венеція въ то время была могущественнымъ государствомъ, одной изъ державъ, господствовавшихъ на Средиземномъ морѣ.

Это путешествіе было не изъ легкихъ въ виду того, что на границахъ находились враги русскихъ, благодаря чему приходилось отплывать по Бѣлому морю изъ Архангельска—единственной въ то время русской гавани. Посольство состояло изъ тридцати шести лицъ, не считая Чемоданова и Посникова. Среди членовъ посольства былъ одинъ полякъ, посольскій переводчикъ, и одинъ священникъ. На расходы посольство взяло не деньги, а большое количество товаровъ, среди которыхъ главное мѣсто занимали мѣха и четыре тысячи фунтовъ ревеня. Вообще москвичи той эпохи были народъ практичный и долго еще вели торговлю царскими товарами во время своихъ посольствъ. Г-жа Лакуръ ошибочно передаетъ, что они добрались до Ливорно благополучно, безъ бурь, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, согласно русскимъ источникамъ, ночью 22 октября въ Атлантическомъ океанѣ посольство застигла буря, и многія волны вливались въ корабль, и верхнія жилья въ окошки валами било, много рухляди подмочило; въ среднемъ жильѣ было воды на аршинъ и болѣе, а на верху по поясъ человѣку; изъ государственной казны бочку ревеня потопило. Въ то время на кораблѣ былъ плачь и вопль великій, и посланники и все государевы люди начали пѣть молебень—и все утихло. Прошла одна бѣда, впереди ждала другая: противъ Лиссабона ожидали четырнадцать кораблей, приняли ихъ за разбойничьи, варварійскіе, и приготовились къ бою; но оказалось, что идутъ изъ разныхъ государствъ торговые нѣмцы изъ Испаніи. Нѣмцы, однако, сказали, что на Средиземномъ морѣ къ Ли-

ворно гуляютъ на корабляхъ турскіе люди. Дѣйствительно, проѣхавъ узкое мѣсто (Гибралтарскій проливъ), встрѣтили три разбойничьи корабля. Посланные всѣ русскіе люди, видя турскихъ воровскихъ людей находженіе и напускъ, Всемилостивому Спасу и Пречистой Его Матери молебное пѣніе со слезами воздавали. Разбойники, исправясь по вѣтру и устремясь къ бою, за кораблями гнались быстрымъ ходомъ и догнали; но, увидавъ на корабляхъ государевыхъ людей, боевыя знамена и осторожность, не посмѣли напасть и ночью исчезли. 25 ноября посольство наконецъ достигло Ливорно. Тамъ уже знали о Московіи, благодаря икрѣ, копченой рыбѣ и воску, за которыми тосканскіе моряки ѣздили въ Архангельскъ.

Чемодановъ и его спутники проявили здѣсь большую щепетильность по отношенію этикета; они требовали, чтобы имъ были оказаны особыя почести, и не хотѣли сойти на берегъ, если ихъ не будутъ салютовать извѣстнымъ количествомъ пупечныхъ выстрѣловъ. Когда они добились исполненія ихъ желаній, то стали предъявлять еще большія требованія. Въ «статейныхъ же спискахъ» они докладывали, что ихъ встрѣтили съ большимъ почетомъ, и не упоминали, какъ имъ приходилось этого добиваться.

Когда они не были пьяны и не безчинствовали, то производили на итальянцевъ сильное впечатлѣніе своей восточной величавостью, мѣховыми шапками, длинной одеждой и большими бородами. Но, къ сожалѣнію, это впечатлѣніе вскорѣ ступшеывалось, когда они принимались бражничать и безчинствовать, всѣ безъ исключенія, съ попомъ во главѣ. Однажды, подъ вліяніемъ опьянѣнія, послѣдній кого-то избилъ, и Чемодановъ съ Посниковымъ, награждая ударами кулаковъ, привязали его къ постели и оставили его въ такомъ положеніи два дня и двѣ ночи. Доставляемое итальянскимъ правительствомъ вино они дистиллировали и дѣлали изъ него водку. Г-жа Лакуръ безапелляціонно рѣшаетъ, что пьянство во всѣ времена было большимъ порокомъ русскихъ, и не добавляетъ—вообще славянскихъ народовъ, такъ какъ едва ли не болѣе, чѣмъ на святой Руси, любили пображничать и въ Польшѣ.

Чемодановъ старался распродать царскіе товары и непременно на тридцать процентовъ выше принятой тамъ цѣны, но въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ ихъ уступить, исключая ревеня, который онъ увезъ обратно въ Архангельскъ.

Во Флоренціи была та же исторія относительно этикета. Русскихъ посѣтилъ герцогъ Фердинандъ, и переводчики передали его рѣчь въ самой подобострастной формѣ и, вѣроятно, изъ угожденія и боязни русскаго царя многое извратили: «Великій государь вашъ,—будто бы сказалъ герцогъ:—пожалуетъ ли моихъ подданныхъ, торговыхъ людей? велитъ ли у Архангельска покупать икру и другіе товары? А я государскому жалованью и совѣту радъ

и, что великому государю въ моей державѣ годно, ни за что не стою, до окончанія живота радъ служить и помогать».

Скупость русскаго посольства была неимовѣрная и вмѣстѣ съ ребяческой наивностью и другими пороками очень забавляла итальянцевъ, но вызывала у нихъ чувство презрѣнія къ этимъ «*sporchesse brutissimo*» (т.-е. грубымъ свиньямъ), совершеннымъ противоположностямъ ихъ *galantuomo*. Когда русское посольство собралось уѣхать изъ Флоренціи въ Венецію, то захватило съ собою всё, даже остатки провизіи, привезенной изъ Россіи—муку, мясо, рыбу, уже попорченныя отъ времени, водку и даже такую рухлядь, какъ пустыя бочки. Когда ихъ спросили, зачѣмъ они отягчаютъ себя ненужными предметами, то они отвѣтили, что изобиліе поклажи придаетъ большую важность и достоинство. Г-жа Лакуръ объясняетъ эту страсть древнихъ россіянь къ большимъ поклажамъ пережиткомъ кочевничества татарскихъ ордъ, которымъ приходилось брать съ собою все свое имущество, располагаясь лагеремъ. Едва ли это можетъ быть отнесено къ тѣмъ изъ нашихъ земляковъ, которые напротивъ слишкомъ засидѣлись въ своихъ берлогахъ и никакъ не могли разстаться съ своей домашней жизнью, а потому, пускаясь въ путь, забирали съ собою всѣхъ величинъ и формъ поклажу изъ предметовъ домашняго обихода, чѣмъ положительно возмущали иностранцевъ. Скупость Чемоданова и его свиты выразилась еще въ томъ, что они повсюду требовали дароваго помѣщенія, какъ это было въ Россіи относительно иностранныхъ посланниковъ. Г-жа Лакуръ объясняетъ послѣднее обстоятельство не русскимъ гостепріимствомъ, а необходимостью дать какое нибудь помѣщеніе, въ виду отсутствія гостиницъ; въ этомъ случаѣ имъ отводили квартиры въ Кремлѣ или поселяли въ домѣ кого нибудь изъ бояръ. Когда русскимъ нельзя было не давать на «чай» тому или другому, то они дѣлали это собственноручно, безъ вмѣшательства посредниковъ. Послѣ прогулокъ въ экипажахъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе, они звали кучеровъ въ свои апартаменты и сами подавали имъ водку, сберегая такимъ образомъ деньги на «чай». Но со свойственной имъ кичливостью, какъ выразилась г-жа Лакуръ, они подавали водку въ золотыхъ кубкахъ. Послѣ одного изъ концертовъ, которымъ они остались очень довольны, хотя ни слова не поняли, имъ сказали, что надо вознаграждать пѣвцовъ. Тогда Чемодановъ извинился и сослался на неимѣніе денегъ. При этомъ, въ доказательство, онъ показалъ только двѣ золотыя монеты. Но итальянцы прикинулись, что они поняли, будто онъ предлагаетъ ихъ музыкантамъ, и, взявъ монеты изъ его рукъ, передали ихъ по назначенію. Чемодановъ страшно разсердился и весь вечеръ дулся, какъ ребенокъ, тѣмъ болѣе, что Алексѣй Михайловичъ считалъ музыку бѣсовскимъ наважденіемъ. Вообще при своей особой набожности царь не очень любилъ и въ молодости

забавы, и на его свадьбѣ въ 1648 г. вмѣсто трубъ, органовъ и скоморошныхъ потѣхъ слышалось стройное пѣніе церковныхъ стиховъ и тріодей. Въ томъ же году вышелъ царскій указъ, направленный противъ скомороховъ и народныхъ игрищъ «бѣсовскихъ», а маски и музыкальные инструменты, т.-е. гусли, домры, сурны, гудки и т. д., повелѣвалось отбирать и жечь. По свидѣтельству Олеарія, эти мѣры сдѣлались еще суровѣе во время патріаршества Никона; онъ даже велѣлъ собрать въ Москвѣ музыкальные инструменты, нагрузить ими возы и отвезти за Москву-рѣку, на такъ называемое Болото, гдѣ ихъ сожгли. Только у нѣмцевъ ихъ не отбирали, да еще у ихъ друга и покровителя, боярина Никиты Ивановича Романова, какъ царскаго двоюроднаго дяди. Впослѣдствіи, когда царь женился на молодой, веселой Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, разрѣшено было устроить театръ, и то съ благословенія его духовника, протопопа Андрея.

Но музыка, по мнѣнію Алексѣя Михайловича, была еще меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ куренье и нюханье табаку. Поэтому, когда кому нибудь изъ посольства предлагали понюхать табакъ, то онъ отвѣчалъ: «Нашъ царь Бога боится и запретилъ намъ нюхать табакъ. До сихъ поръ остался одинъ носъ, которымъ человѣкъ не грѣшитъ, такъ лукавый придумалъ табакъ, чтобы человѣкъ грѣшилъ даже носомъ, и государь запретъ положилъ своимъ подданнымъ на этотъ обычай, чтобы помѣшать своимъ подданнымъ грѣшить этимъ органомъ». Курить же имъ было запрещено потому, что не то оскверняетъ человѣка, что входитъ въ него чрезъ ротъ, а то, что выходитъ изъ него. Такіе доводы показались итальянцамъ неискренними, и они объявили москвичей лицемѣрами. Дѣйствительно все это исполнялось изъ боязни, какъ бы не доставили царю свѣдѣній, и виновникъ не былъ бы страшно наказанъ розгами или вырываніемъ ноздрей.

Щепетильность русскихъ пословъ доходила до того, что они придирались къ каждому пропущенному слову въ предлинномъ перечнѣ названій въ титулѣ царя. Изъ-за cadaго пропущеннаго слова они заставляли передѣлывать всю бумагу. Нѣмецъ Мейербергъ, современникъ Алексѣя Михайловича, говорилъ, что среди всѣхъ перечисленныхъ въ царскомъ титулѣ владѣній было много ненужнаго и ложнаго, не имѣющаго значенія, но къ чему очень любили прибѣгать русскіе. Г-жа Лакуръ признаетъ, что въ дѣйствительности всѣ эти перечисленія были какъ бы программой политики царя, собираніемъ земли Русской, которая мало-по-малу превратилась въ необъятную Русскую имперію. Когда послы пріѣхали въ Венецію, дожъ былъ боленъ и просилъ посланниковъ представиться совѣту, который приметъ ихъ со всѣми почестями. «Пришли приставы отъ правительства и объявили, что дожъ боленъ ногами,—говорится въ докладѣ пословъ:—и потому посланниковъ примутъ честные вла-

дѣтели, а въ княжескомъ мѣстѣ сидеть старшій между ними, которому посланники и подадутъ грамоту». — «Этому быть невозможно, — отвѣчалъ Чемодановъ, — посланы мы къ вашему князю, велѣно намъ его видѣть и грамоту подать ему». — «Это все равно, — говорили приставы, — дѣла, о которыхъ писано въ грамотѣ къ князю, намъ же ихъ дѣлать; князь ихъ не дѣлаетъ и не вѣдаетъ ничего». — «Если князь вашъ не дѣлаетъ ничего, — возразилъ Чемодановъ, — если государствомъ правите вы, то вы бы въ грамотѣ къ царскому величеству писали свои имена вмѣстѣ съ княжескими». Положили дожидаться выздоровленія дожа. Но русскіе послы совсѣмъ растерялись, узнавъ, что дождь, къ которому обратился русскій царь, уже два года, какъ не исполняетъ своихъ обязанностей, и что за это время перемѣнилось уже три лица, исполнявшія должность дожа.

Когда дождь поправился, то они увѣдомили его о формулѣ привѣтствія, чтобы заранѣе знать, не пропуститъ ли дождь какогонибудь изъ перечисленныхъ званій царя. При выходѣ съ аудіенціи, они подняли скандалъ, потому что дождь не встрѣтилъ ихъ внизу на лѣстницѣ. Еще посылая къ дружественному великому курфирсту бранденбургскому, Фридриху-Вильгельму, Алексѣй Михайловичъ какъ-то остался недоволенъ его манерой держать себя и предписалъ своему посланнику, чтобы во время аудіенціи курфирстъ «противу царскаго именованія и титула всталъ и шляпу снялъ и царскую грамоту принялъ бы стоя, безъ шляпы». Въ противномъ случаѣ грамоты не приказалъ ему вручать и къ рукѣ не ходить. «А что мы, великій государь, — говорилось далѣе въ наказѣ, — про курфирста спрашиваемъ, сидя въ шапкѣ, и вамъ бы говорить, что мы, государь великій и преславный и помазанъ отъ Бога, не только что посольство отправляемъ, но и въ церковь Божію входимъ въ шапкѣ; а ему, курфирсту, про насъ, великаго государя, и про нашу Богомъ данную великую честь и говорить стыдно». Неудивительно, что, руководясь подобными приказами царя, посланники требовали къ себѣ полнаго почтенія и почестей. Не зная этикета и не получивъ отъ царя предварительныхъ инструкцій, посланники совершали промахъ за промахомъ. Напримѣръ, французскій посланникъ сдѣлалъ имъ визитъ, но русскіе ему не отвѣтили тѣмъ же, потому что царь этого не предвидѣлъ, и самостоятельно они не смѣли ничего дѣлать безнаказанно. На французское посольство и венеціанцевъ это произвело непріятное впечатлѣніе и возстановило ихъ противъ русскихъ пословъ. Когда чичероне напомнилъ Чемоданову объ обычаяхъ приличія, то послѣдній отвѣтилъ: «У насъ не примѣняются къ обычаямъ приличій». Но все-таки онъ послалъ къ французскому послу переводчика-поляка справиться о здоровьѣ посланника.

По словамъ Крижанича, въ Венеціи послы обнаружили вполнѣ свою грубость и некультурность нравовъ. Когда они обѣдали въ гостиницѣ, то многіе замаскированные нобили приходили поглядѣть

на нихъ и хохотали надъ ихъ застольными обычаями, тѣмъ болѣе, что по дешевизнѣ мѣтнаго вина почти всѣ русскіе были пьяны. Неоприятность русскихъ посланниковъ была поразительная и возмущала культурныхъ итальянцевъ. Всѣ члены посольства спали, не раздѣваясь, издавали запахъ кожи, сухой рыбы, водки и пота и т. д. Ухаживать за женщинами они не умѣли, но красивыя итальянки производили на нихъ сильное впечатлѣніе, и они принимали у себя женщинъ легкаго поведенія, чѣмъ вызывали въ итальянцахъ презрѣніе. На балахъ, если они не плясали и все время не пили, то любовались танцующими женщинами. Однажды на прогулкѣ Чемодановъ влюбился въ какую-то хорошенькую итальянку. Ему сказали, что она—жена доктора. Едва онъ вернулся къ себѣ въ гостиницу, какъ принялся жаловаться на боль въ рукѣ и хотѣлъ бѣжать къ этому врачу, но узнавъ, что согласно этикету послѣдній самъ долженъ къ нему прѣѣхать,—Чемодановъ живо выздоровѣлъ.

Самомнѣніе и тщеславіе вызывали между членами посольства грубыя ссоры, и венеціанцы долго забавлялись слѣдующимъ анекдотомъ, распространеннымъ по этому поводу. Одинъ итальянскій поэтъ написалъ сонетъ въ честь Чемоданова и ни слова не упомянулъ о Посниковѣ. Когда послѣднему перевели этотъ сонетъ, то онъ такъ разгнѣвался, что набросился на Чемоданова, и между ними завязалась драка, которую прекратило только обѣщаніе маркиза Корсини, что поэтъ напишетъ второй сонетъ, въ честь Посникова. Когда сонетъ былъ написанъ, въ свою очередь разгнѣвался Чемодановъ: бумага, на которой былъ написанъ второй сонетъ, оказалась ему и лучше первой и большаго размѣра.

Если русское посольство требовало, чтобы къ ихъ царю относились съ полнымъ почетомъ, то и сами выказывали полное подобоострастіе къ иностраннымъ принцамъ: простирались передъ ними наземъ и цѣловали руки. Такъ они поступили и съ Фердинандомъ Тосканскимъ. Въ общемъ же ихъ поведеніе было невозможное, и они не стѣснялись ни съ кѣмъ и были страшно грубы.

«Европейская роскошь и культурный комфортъ ихъ поражали, но ни въ русскихъ, ни въ итальянскихъ хроникахъ не осталось признака проявленія у нихъ эстетическаго вкуса,—говоритъ г-жа Лакуръ. — Они ни словомъ не обмолвились о красотѣ памятниковъ, картинъ, статуй и т. д. Даже о венеціанскихъ каналахъ они ничего не упомянули. Главные предметы, приводившіе ихъ въ восторгъ, были храмы, гдѣ хранились различныя реликвіи, и мостъ Ріальто, потому что тамъ находилось множество лавокъ, а москвичи того времени былъ народъ торговый. Несмотря на всѣ странности, дикость и наивность русскихъ, ихъ принимали вездѣ, какъ настоящее посольство. Ихъ, повидимому, нелѣпное требованіе соблюдать почтеніе относительно имени русскаго царя немало способствовало тому обстоятельству, что Московію стали считать за дѣйствительно

великое государство — это было своего рода внушеніе. Уже въ то время у русскихъ замѣчалась наклонность къ тому, что теперь называется «bluff», и у Чемоданова съ его свитой было въ ходу старательно распространять идею о величій и могуществѣ Русскаго государства и о страшной боязни, какую питали турки при имени Алексѣя Михайловича съ тѣхъ поръ, какъ онъ одержалъ великую побѣду надъ поляками. Они говорили, что онъ скоро совершитъ наступленіе на турокъ со своими громадными войсками. Венеціанскія газеты затрубили о стотысячной русской арміи, которая отправится на турокъ. Русскіе дипломаты такъ сильно повліяли на умы итальянцевъ, что послѣдніе даже не подумали, какъ это русскіе могутъ попасть въ Черное море, не имѣя тамъ кораблей и къ тому же запертые чужими землями, польскими, казацкими и проч.

Чемодановъ и Посниковъ, однако, выводили изъ себя итальянцевъ своей нерѣшительностью, колебаніемъ и увертками. Впрочемъ, причиной этого былъ самъ царь, который не далъ имъ уполномочія дѣйствовать самостоятельно, и они не могли рѣшить нима-лѣйшаго дѣла безъ Алексѣя Михайловича. Въ виду отсутствія быстрыхъ путей сообщеній они не могли посылать запросовъ, а потому, естественно, на каждый вопросъ итальянскаго правительства они, держась царскаго наказа, заявляли только, что царь позволилъ венеціанцамъ торговать у Архангельска повольною торговлею, съ уплатою обыкновенныхъ пошлинъ. Когда ихъ спрашивали относительно высылки казаковъ противъ турокъ, то они отвѣчали: «Великій государь всегда о томъ тщаніе имѣетъ, чтобы православное христіанство изъ басурманскихъ рукъ высвободилось; только теперь его величеству начать этого дѣла нельзя, потому что онъ пошелъ на непріятеля своего; а какъ, за Божіею помощію, съ непріятелемъ управится, то велитъ заключить договоръ съ вами, какъ стоять на общаго христіанскаго непріятеля». Все это было неопредѣленно и малоутѣшительно для венеціанцевъ; ихъ неудовлетворенность возросла еще болѣе, когда Чемодановъ, помня главную цѣль своей поѣздки — заемъ, заявилъ имъ: «Такъ вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ къ царскому величеству любовь свою и доброхотство показать, прислать на помощь ратнымъ людямъ займы золотыхъ или ефимковъ, сколько можно, и прислать бы поскорѣе». Такой отвѣтъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на венеціанцевъ; какъ это царь Московіи помогать противъ турокъ откладываетъ до другого времени, а денегъ займы просить поскорѣе! Для разъясненія дѣла къ нимъ пріѣхалъ итальянскій «приставъ» и спросилъ: «Скажите мнѣ, за это ли государь у насъ проситъ казны, что хочетъ помочь намъ на турокъ?» — «Ты говоришь непристойныя слова простыя, — послѣдовалъ отвѣтъ: — великій государь нашъ, если пошлетъ рать свою на турка, то пошлетъ для избавленія христіанъ, а не изъ-за денегъ. По чьему указу говоришь

ты эти бездѣльные слова? Приказалъ тебѣ это князь или владѣтели?» Приставъ призадумался и отвѣчалъ: «Я это сказалъ отъ себя». Когда венеціанское правительство выяснило желаніе московскаго царя, то отвѣтило: «Уже тринадцатый годъ мы воюемъ съ турками, разумъ нашъ и охота не ослабѣваютъ, но казнѣ убытокъ большой, и потому съ прискорбіемъ должны отказаь царскому величеству; надѣмся, что, узнавши бѣдность нашу, онъ не прогнѣвается на насъ».

Такимъ образомъ, попытка русскихъ сдѣлать заемъ не увѣчилась успѣхомъ, хотя пріемъ, сдѣланный итальянцами, доставилъ имъ немалое нравственное удовлетвореніе. Посольство возвратилось въ Россію чрезъ Амстердамъ, откуда оно отплыло въ Архангельскъ. Отсутствіе пословъ изъ Москвы длилось пятнадцать мѣсяцевъ. Дорогой нѣкоторые изъ членовъ посольства исчезли, какъ это случилось съ русскими нерѣдко, изъ боязни получить тѣлесное наказаніе за то или другое нарушеніе постановленнаго царемъ или церковью правила.

Венеціанское правительство, разочарованное русскими требованіями и отказомъ въ военной помощи, не послало болѣе въ Московію посольства. Царю же понравился пышный пріемъ, оказанный его посланникамъ, и въ 1659 г. онъ отправилъ опять въ Италію посольство, на этотъ разъ во главѣ со стольникомъ Лихачевымъ. Теперь тайная цѣль поѣздки состояла въ распространеніи по Западной Европѣ слуха, при посредничествѣ великаго герцога, которому будто по секрету сообщено о стычкахъ русскихъ со шведами, поляками и англичанами, которыхъ изгнали изъ Россіи за ихъ дурныя поступки, такъ какъ они убили своего короля Карла, за что они «недостойны жить ни въ одной странѣ»—однимъ словомъ, внушить всѣмъ мысль о величии и могуществѣ Московіи. Официальной же причиной посольства былъ торговый трактатъ, по которому тосканцамъ разрѣшалось вести съ Россіей торговлю, конечно, уплачивая пошлины. На этотъ разъ еще строже данъ былъ царемъ наказъ не позволять ни одного слова пропускать въ царскомъ титулѣ, и, ради укрѣпленія за собою высокаго положенія, посланникъ не долженъ былъ допускать, чтобы его пріемъ совершился въ одно и то же время съ представителями другихъ державъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Лихачеву приказано было навести вѣрныя справки о турецкихъ дѣлахъ. Между прочимъ, онъ долженъ былъ узнать, находится ли герцогъ венеціанскій въ войнѣ съ турками, и какъ далеко отъ Флорентинскаго государства находится Турецкая имперія. Посольскій приказъ былъ не силенъ въ географіи Запада, и еще менѣе въ орографіи, и потому ихъ доклады были малопонятны. Попрежнему посольство отправилось съ товарами, но на этотъ разъ царь расщедрился и послалъ въ подарокъ флорентійскому герцогу двѣсти семьдесятъ шкуръ куницъ и пять паръ лисьихъ шкуръ—всего на тысячу цѣлковыхъ.

Посылая Лихачева съ государственнымъ дѣломъ, царь не забылъ и своего личнаго и объявилъ, что если посланнику попадутся выгодные товары, то чтобы онъ добился у герцога освобожденія ихъ отъ пошлины. Несмотря на ссору съ англичанами, царь отправилъ посольство на англійскомъ кораблѣ подъ турецкимъ флагомъ, чтобы охранить его отъ морскихъ разбойниковъ. При видѣ турецкаго флага экипажъ какого-то несчастнаго христіанскаго торговаго судна такъ испугался, что скрылся на лодкахъ, оставивъ корабль. Русскіе историки, писавшіе по документамъ русскихъ пословъ, передаютъ, что Фердинандъ Медичи, принявъ цареву грамоту, поцѣловалъ ее со слезами и сказалъ: «За что меня, холопа своего, вашъ пресловутый во всѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь изъ дальняго великаго града Москвы поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислалъ? Онъ, великій государь, отстоитъ отъ меня, что небо отъ земли, преславленъ онъ отъ кокець до кокець вселенныя; имя его страшно во всѣхъ государствахъ, и что мнѣ, бѣдному, воздать за его великую и премногую милость? Я, братья мои и сынъ—великаго государя рабы отнынѣ и вовѣки». По своему холопскому подобоострастію и изъ боязни царскаго гнѣва переводчики и послы передавали царю слова иноземныхъ принцевъ въ самыхъ прикрашенныхъ и патетическихъ выраженіяхъ.

Лихачевъ и его свита присоединились къ герцогу въ Пизѣ. Возвращаясь во Флоренцію, герцогъ пригласилъ ихъ вступить на берегъ первыми, чтобы они повѣрили, что пушечные салюты предназначены для чествованія ихъ, а не его. Ихъ помѣстили во дворцѣ Питти, и хотя эстетическій вкусъ русскихъ уже былъ немного болѣе развитъ, чѣмъ у Чемоданова и Посникова, но все-таки ихъ болѣе всего очаровалъ «маленькій стулъ, обитый краснымъ бархатомъ и который ежедневно выливали». Ихъ наивность очень забавляла герцога, и онъ продѣлывалъ для ихъ забавы различныя опыты изъ физики, которые казались имъ чудесами. Когда онъ показалъ имъ глобусъ, то, описывая, они называли его «яблокомъ, на которомъ написаны всѣ имперіи и еще другое, что мы не умѣемъ сказать». Они приходили въ восторгъ отъ серебра, подаваемаго на банкетахъ. Герцогъ, чтобы ихъ удивить, прислалъ имъ страховое яйцо, но они сдѣлали изъ него яичницу и были въ восторгѣ, что изъ одного яйца вышла яичница на все посольство.

Лихачевъ прибылъ во Флоренцію во время карнавала и удивлялся модѣ, считая маски необходимой принадлежностью тосканской одежды. Посольству очень понравились церкви изъ мрамора, который они принимали за яшму, но они не смѣли, какъ говоритъ г-жа Лакуръ, назвать ихъ церквями или соборами, а въ письмахъ упоминали о флорентійскихъ киркахъ и мечетяхъ. Они очень удивлялись, что во Флоренціи нѣтъ такихъ плодовъ, какіе они по-

лучали, т.-е. изюма. Всѣ иностранцы на ихъ языкѣ были «нѣмцы», французскій нѣмецъ, испанскій нѣмецъ и т. д. Любовь къ музыкѣ у нихъ была врожденная, но они еще не понимали западной музыки и потому, описывая блестящій спектакль, устроенный въ честь ихъ, ничего не говорятъ о музыкѣ. Они запирались по цѣлымъ часамъ въ своихъ комнатахъ, гдѣ пѣли и плясали подъ аккомпанементъ гусель и бандуръ, какъ и посольство Чемоданова. Итальянцы находили ихъ пѣніе смѣшнымъ и грубымъ. Г-жа Лакуръ, напротивъ, говоритъ, что эта рекреация, которую они проводили въ музыкальныхъ развлеченияхъ, хотя и дикихъ, дѣлаетъ русскихъ той эпохи симпатичными и трогательными. «Мы понимаемъ, — говоритъ она, — что эти поэтическіе часы отдохновенія живоотно-грубыхъ, рабски покорныхъ людей были взмахами крыльевъ древней русской души, вѣчно языческой, полной мечты, мелодіи нѣжнаго, безпечнаго вдохновенія, страсти людей, кочующихъ по лѣсамъ и степямъ, которыхъ держали въ тѣсномъ заключеніи цѣлые вѣка, которыхъ мучили, надували, оскотинивали и одурманивали четыре завоевателя земли Русской, побѣдители съ различныхъ между собою путей, но всегда несчастные для Россіи — византийство, татары, христіанство и царизмъ. Отъ Византіи имъ достался византийскій духъ, религія, литература, часть законовъ и обычаевъ православнаго и самодержавнаго Константинополя. Попы занесли въ Россію идеи, къ которымъ русскіе привыкли—подчиненіе временному авторитету и почитаніе князей. Мало-помалу они подготовили типъ деспотическихъ государей, какими были прежніе московскіе цари. Съ другой стороны, фанатично охраняя православіе, они отвлекали князей отъ браковъ съ иностранными княжескими дѣтьми; они заперли Россію отъ латиновъ и вслѣдствіе этого разобщили ее съ великими традиціями человѣчества, которыя Европа сохранила даже въ средневѣковье. Россія оставалась въѣ эпохи возрожденія и узнала объ античной Греціи только въ XVIII вѣкѣ. Полученная Россіей византийская культура была уже въ упадкѣ, ослабѣвшая, жалко-богословская. Какъ бы по злой прони судьбы, татары прекрасно ладили съ православнымъ духовенствомъ и даже укрѣпляли его покровительственными законами. И тогда сообща, каждый по-своему, они приблизили наступленіе самодержавія. Ханы Золотой орды, назначая великихъ князей для сбора податей, помогали имъ въ этомъ всѣми своими силами. Упорныхъ князей изгоняли изъ провинцій, чаще всего отдаваемыхъ добрымъ московскимъ служителямъ, владѣнія которыхъ такимъ образомъ увеличивались, и мало-помалу они становились выше всѣхъ бояръ. Когда орда выродилась, измельчала и сдѣлалась настолько слаба, что ее можно было побить, бѣдный народъ, столько выстрадавшій, увидѣлъ въ нихъ своихъ защитниковъ, возложивъ на нихъ всю свою надежду, и назвалъ ихъ «собирате-

лямъ земли Русской». Иоаннъ Грозный былъ не чѣмъ инымъ, какъ Цезаремъ. Но татарамъ русскіе обязаны не однимъ этимъ зломъ: они наслѣдовали отъ нихъ финансовую администрацію, организацію жестокаго правленія, какъ средство управлять народомъ. Наконецъ, они ихъ такъ отдалили отъ Европы въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ, что цари, хотя и «геніальные», но полные невѣжды въ законахъ эволюціи, тиранили несчастный русскій народъ въ теченіе другихъ двухъ съ половиной вѣковъ, чтобы нагнать потерянное время, съ точки зрѣнія восточной цивилизаціи. Алексѣй Михайловичъ былъ не «геніальный», но онъ слѣдовалъ прежнимъ традиціямъ, и лучше всего это свидѣтельствовали его посланники».

Возвратясь къ своему разсказу, г-жа Лакуръ передаетъ, что Лихачевъ такъ же, какъ и его свита, велъ себя не лучше Чемоданова. Послѣ аудіенціи у великаго герцога, церемоніймейстеръ предложилъ русскимъ сдѣлать визитъ женѣ герцога, его братьямъ и сыну, на что Чемодановъ возразилъ: «зачѣмъ итти къ великой герцогинѣ, сыну и братьямъ герцога?» — «Васъ просятъ объ этомъ великій герцогъ, потому что здѣсь такъ принято». — «Намъ не прилично туда итти, — возразилъ Лихачевъ: — мы посланы къ герцогу, а не къ его семьѣ». Великій герцогъ велѣлъ имъ сказать, что если они будутъ еще настаивать, то это будетъ для него значительнымъ оскорбленіемъ, такъ какъ этого обычая придерживались посланники всѣхъ государствъ. На это Лихачевъ упрямо отвѣтилъ: «Посланники другихъ державъ не примѣръ намъ». Церемоніймейстеръ выпелъ изъ себя и заявилъ имъ, что если они еще будутъ упрямы, то онъ выгонитъ ихъ и безъ подарковъ, не уплативъ путевыхъ расходовъ, безъ аудіенціи, безъ прощанія и безъ письма. Лихачевъ, услышавъ такой отвѣтъ, сказалъ, что такой поступокъ не дѣлаетъ чести герцогу, и продолжалъ стоять на своемъ. Наконецъ великій герцогъ написалъ имъ письмо самъ, и Лихачевъ письменно отвѣтилъ, что неприлично ему итти къ герцогинѣ.

Упорство Лихачева понятно, если вспомнить русскіе обычаи того времени относительно женщинъ, благодаря которымъ жена царя, Наталія Кирилловна, смотрѣла въ щелочку на пріемъ польскихъ посланниковъ. Г-жа Лакуръ объясняетъ, что положеніе русской женщины было настолько унижительно, что даже количество именъ святыхъ женскаго пола гораздо малочисленнѣе, чѣмъ мужского. Однако, Лихачевъ кончилъ тѣмъ, что посѣтилъ великую герцогиню, и, новидимому, ему доставило удовольствіе обмѣниваться съ ею и придворными дамами реверансами.

Возвратилось русское посольство чрезъ Амстердамъ, гдѣ его дружественно приняли, дали номѣщеніе, кормили и даже дали денегъ, которыя они поспѣшно приняли. Но тамъ имъ не понравилось: они жаловались, что въ этомъ городѣ мало хлѣба, дровъ и воды.

Этимъ посольствомъ оканчиваетъ свой разсказъ г-жа Лакуръ, но, пользуясь для провѣрки и дополненія ся статьи Соловьевымъ, Иловайскимъ и т. д., мы скажемъ нѣсколько словъ о третьемъ посольствѣ въ Италію. Алексѣй Михайловичъ вспомнилъ о Венеціи, когда Магометъ IV напалъ на Польшу. Царь велѣлъ послать къ герцогу русскаго полковника, Мenezіуса, находившагося въ то время въ Вѣнѣ, приглашать венеціанцевъ къ союзу противъ турокъ. Венеціанскій сенатъ на его предложеніе отвѣчалъ: «Боже, помози царскому величеству наступающую неприязнь сокрупить и христіанскихъ государей успокоить!» Оттуда русскій посланникъ отправился въ Римъ съ царскою грамотою къ папѣ Клименту X. Отправляя его въ путь, царь строго наказалъ ему не лобызать ноги папы. Поэтому, пріѣхавши въ Римъ, Мenezіусъ первымъ долгомъ объявилъ условія пріемной и отпускнуой церемоніи, по которымъ папа долженъ былъ слушать именованія и титулъ царя, стоя; грамоту принять и свою вручить—стоя, и, прежде чѣмъ грамота будетъ запечатана, показать ее Мenezіусу для удостовѣренія, что все вѣрно написано. На это папскій церемоніймейстеръ объявилъ свои условія и, между прочимъ, цѣлованіе ноги. «Ногу папешскую цѣловать отнюдь не велѣно,—говорилъ Мenezіусъ,—потому что великій государь нашъ католическому римскому закону не повинуется, да и въ прошлыхъ годахъ, когда греки съ латинцами были въ соединеніи вѣры, и тогда греки папу въ ногу не цѣловали». Церемоніймейстеръ не соглашался, а Мenezіусъ не хотѣлъ сдаться и настоялъ на своемъ. Когда стали писать грамоту, то папа никакъ не хотѣлъ, чтобы въ ней Алексѣя Михайловича называли царемъ, такъ какъ иначе цезарь и всѣ другіе potentаты стануть на него сердиться. Но Мenezіусъ это уладилъ, объяснивъ, что слово царь не значитъ цезарь а то же, что султанъ, халифъ, курфирсть и т. д. Такимъ образомъ, благодаря своему упорству, Мenezіусъ поставилъ на своемъ и не принялъ бумаги безъ титула «царь»: папа пообѣщалъ отправить въ Москву посланника для договора о титулѣ.

— Мать царей. Подъ этимъ заглавіемъ вышло въ прошедшемъ году въ Лондонѣ новое жизнеописаніе русскои императрицы Маріи Ѳеодоровны, жены Павла I. Авторъ означенной книги¹⁾, англійская писательница, мистриссъ К. Грантъ, называя Марію Ѳеодоровну матерью царей, разумѣетъ подъ этимъ двухъ царей—Александра I и Николая I, хотя въ сущности можно ее считать матерью трехъ царей, такъ какъ Константинъ, бывшій наслѣдникомъ престола въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ, вполне законно былъ признанъ императоромъ послѣ смерти своего брата; ему присягнула вся Россія, и въ теченіе

¹⁾ A mother of czars. By Mrs Colquhoun Grant. London. 1906.

почти мѣсяца онъ не только поминался въ церквахъ, какъ императоръ, но отъ его имени писались все официальные бумаги. Такимъ образомъ, Марія Ѳеодоровна, какъ родившая трехъ государей, — фактъ необыкновенный и оригинальный въ исторіи, — заслуживаетъ, хотя бы по этому одному обстоятельству, большаго вниманія, чѣмъ до сихъ поръ обращали на нее въ Европѣ и даже въ Россіи. Въ сущности, имѣется только одна русская біографія императрицы Е. Шумигорскаго, задумавшаго обширный четырехтомный трудъ, но издавнаго съ 1892 г. до сихъ поръ лишь одинъ первый томъ. Въ иностранной же литературѣ появилось первое жизнеописаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны въ прошедшемъ году, благодаря мистриссъ Грантъ. По справедливости, если бъ трудъ Шумигорскаго былъ оконченъ, то онъ составилъ бы полное, безпристрастное и основательное описаніе долговременной и замѣчательной жизни матери трехъ царей. Что же касается до книги мистриссъ Грантъ, то хотя ея авторъ и не претендуетъ на всестороннюю біографическую работу, а называетъ ее только очеркомъ, но она все-таки далеко не удовлетворяетъ даже столь скромному требованію. Большая часть этого сочиненія посвящена дѣтству и молодости Маріи Ѳеодоровны, преимущественно ея путешествію съ мужемъ по Европѣ; матеріалами для этого послужили мемуары баронессы Оберкирхъ, друга дѣтства императрицы, и кое-какіе французскіе историческіе труды начала XIX столѣтія относительно царствованія Екатерины. О томъ же, что писалось въ Россіи объ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, хотя, по правдѣ сказать, въ незначительномъ количествѣ, ни упомянуто ею ни слова. Несмотря на эту скудость источниковъ, очевидно, давшую возможность мистриссъ Грантъ только очень поверхностно описать жизнь и дѣятельность императрицы въ Россіи, ея книга хотя и не отличается обширными свѣдѣніями, но и не изобилуетъ неточностями или ошибками. Въ немногихъ мѣстахъ она дѣлаетъ промахи, какъ, напримѣръ, называетъ царя Алексѣя основателемъ русскаго флота, Петра II — сыномъ Екатерины I, знаменитую Марію Антоновну Нарышкину, фаворитку Александра I, примадонной русскои оперы, и т. д. Во всякомъ случаѣ, въ виду того, что книга мистриссъ Грантъ составляетъ единственное описаніе всей жизни Маріи Ѳеодоровны, хотя и далеко не удовлетворительное, по поводу ея можно представить краткую характеристику матери трехъ императоровъ, конечно, пользуясь для провѣрки русскими источниками. Что касается послѣднихъ, то, кромѣ перваго тома труда Шумигорскаго, упомянемъ сочиненія Кобеко о цесаревичѣ Павлѣ, Шильдера о Павлѣ I, Александрѣ I и Николаѣ I и мемуары Саблукова, а также различныя монографіи и воспоминанія, относящіяся до того времени. Еще заслуживаютъ вниманія письма Маріи Ѳеодоровны къ сыновьямъ Николаю и Михаилу, печатающіяся въ «Русскои Старинѣ» съ 1902 г. и до сихъ поръ не оконченныя.

а также ее переписка съ императоромъ Александромъ по поводу Эрфуртскаго свиданія, напечатанная въ 14 томѣ труда Мартенса: «Собраніе трактатовъ и конвенцій».

Полторасти лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ въ нѣмецкой мелкой княжеской семьѣ родилась дѣвочка, предназначенная судьбой сдѣлаться блестящей, могущественной русской императрицей. Это была Софія-Доротея, принцесса Виртембергская, будущая Марія Ѳеодоровна, племянница Фридриха Великаго со стороны матери. Ея отецъ изъ младшей линіи Виртембергскаго дома находился на прусской службѣ и былъ губернаторомъ прусской Помераніи и города Штетина, гдѣ онъ жилъ, когда родилась его дочь, которую ожидала столь громкая будущность. Съ теченіемъ времени онъ перебрался съ семействомъ въ принадлежавшее ему княжество Монбельяръ въ Эльзасѣ, въ то время еще находившееся во владѣніи французовъ. Здѣсь провела свое дѣтство малолѣтняя Софія-Доротея, и ея воспитаніемъ руководила лично ея мать, которая была ярой поклонницей Руссо. Каково было это воспитаніе, насъ знакомить сохранившіяся до сихъ поръ въ архивѣ Павловскаго дворца письма малолѣтней принцессы къ ея родителямъ, написанныя во время ихъ отсутствія изъ Монбельяра. Очень рано ее начали учить французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи и географіи, а также первоначальной математикѣ и даже геометріи. Въ дѣтствѣ Доротея подружилась съ Генріетой Вальднеръ, внослѣдствіи баронессой Оберкирхъ, которая во всю ея жизнь была самой преданной и любимой ея подругой. Что же касается до ея отношеній къ своему новому отечеству — Франціи, то она начала съ юныхъ лѣтъ питать къ нему пламенную любовь. Такъ она говорила окружающимъ ее:

— Не говорите со мною по-нѣмецки: я не понимаю другого языка, кромѣ французскаго.

Мирно, спокойно, въ скромной буржуазной обстановкѣ прожила принцесса до шестнадцати лѣтъ и сдѣлалась способной, умной и красивой дѣвушкой, очень любившей чтеніе, особенно «Histoire universelle» аббата Мило и «Les caractères» Лабрюйера. Родители уже стали подумывать о выгодномъ для нея замужествѣ, и съ перваго раза нашелся женихъ, принцъ Гессенъ-Дармштадтскій, Людвигъ, который по уши влюбился въ нее. Хотя принцесса и согласилась на этотъ бракъ, но относилась равнодушно къ жениху, который былъ братомъ первой жены великаго князя Павла Петровича и, находясь на русской службѣ, заслужить нерасположеніе императрицы Екатерины. «Это презрѣнный дуракъ, — писала она г-жѣ Вьелье, — напивающійся ежедневно пьянымъ, который кончитъ какимъ нибудь дурнымъ скандаломъ». Пока этотъ бракъ еще не состоялся, обстоятельства неожиданно измѣнились. Первая жена Павла скончалась въ родяхъ, и Екатерина немедленно рѣшила же-

нить сына вторично и непременно на принцессѣ Доротей, съ которой она уже давно помышляла породниться. Что же касается до жениха принцессы, то Екатерина безъ всякой церемоніи отдалась отъ этого «дурака», какъ она его называла, для чего поручила Фридриху Великому запугать и уговорить его; кромѣ того, она назначила ему за его согласіе пенсію въ 10.000 рублей. Такимъ образомъ, дѣло очень легко устроилось, такъ какъ родители юной принцессы были въ восторгѣ отъ новаго блестящаго жениха.

Первое свиданіе Доротей съ русскимъ наслѣдникомъ состоялось въ Берлинѣ, куда онъ выѣхалъ къ ней навстрѣчу. Молодые люди были, повидимому, довольны другъ другомъ: великій князь влюбился съ перваго взгляда въ свою прелестную невѣсту, а она писала своей подругѣ Ланелетъ, какъ она называла баронессу Оберкирхъ: «Я счастлива, какъ нельзя болѣе быть счастливой: великій князь любезенъ до крайности и соединяетъ въ себѣ всевозможныя физическія и нравственныя достоинства». Не теряя времени, Доротей отправилась съ матерью въ Петербургъ, и 13 октября 1776 г., къ общему удовольствію всѣхъ родныхъ, съ той и другой стороны, состоялась свадьба великой княгини Маріи Феодоровны, какъ съ этого времени стала называться принцесса. Она была совершенно счастлива и писала своей подругѣ: «Великій князь — самый обворожительный изъ мужей; я рада, что вы не встрѣтились съ нимъ, такъ какъ непременно влюбились бы въ него, и я приревновала бы васъ. Мой милый мужъ — настоящій ангелъ, и я люблю его до самозабвенія». Съ своей стороны Екатерина писала г-жѣ Бьелке, что она совершенно привязалась къ новой принцессѣ, которая «стройна, какъ нимфа, бѣлолица, какъ лилія, румяна, какъ роза, и, кромѣ того, кротка, добра и чистосердечна, что выражается на ея лицѣ». Весь дворъ точно также былъ отъ нея въ восторгѣ, и представитель Англіи, Оксъ, сообщалъ своему министру, что «всѣ придворные хвалятъ красоту и манеры новой великой княгини». Такимъ образомъ, жизнь Маріи Феодоровны въ Россіи началась при самыхъ радужныхъ предсказаніяхъ.

Неудивительно, что сначала бывшая Доротей полюбила до безумія мужа, который отвѣчалъ ей тѣмъ же. Что же касается Екатерины, то она вполне была довольна своей новой невѣсткой, а послѣдняя очень полюбила императрицу и стала относиться къ ней съ преданнымъ уваженіемъ. Но это счастливое семейное положеніе продолжалось недолго. Воспитанная въ мелочной атмосферѣ нѣмецкихъ провинціальныхъ дворовъ, гдѣ царил узкая протестантская нравственность, Марія Феодоровна не могла сочувственно отнестись къ Екатеринѣ, какъ только узнала ее поближе и увидала все, что дѣлалось при ея блестящемъ, но развратномъ дворѣ. Она тотчасъ стала относиться съ ненавистью къ царившему въ Россіи фаворитизму, и поэтому, естественно, отвернулась отъ Екатерины,

тѣмъ болѣе, что послѣдняя обходилась съ сыномъ болѣе чѣмъ холодно. Молодую женщину еще болѣе возстановило противъ «сѣверной Семирамиды» то обстоятельство, что, какъ только родился у нея первый сынъ, Александръ, императрица совершенно отняла его у родителей и сама принялась за его воспитаніе. Само собою разумѣется, что, въ виду такихъ обстоятельствъ, обожаніе молодой наслѣдницей своего мужа еще болѣе возросло, такъ какъ она считала его жертвою несправедливостей матери. Однако, при всемъ этомъ въ первые годы жизни Маріи Ѳеодоровны въ Петербургѣ— зимою въ Зимнемъ дворцѣ, а лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ и подаренной императрицею молодой четѣ Гатчинѣ, — внѣшнее приличіе соблюдалось въ отношеніяхъ между большимъ и малымъ дворами. Замѣчательно тактично вела себя Марія Ѳеодоровна съ державной свекровью, и послѣдняя наружно благоволила къ ней, осыпая ее милостями и подарками. Особенное удовольствіе она доставила, какъ наслѣднику, такъ и его женѣ, разрѣшеніемъ совершить путешествіе за границу въ 1781 г.

Болѣе года продолжались странствованія державной четы по Европѣ, начиная съ Австріи и кончая Италіей, Франціей, Швейцаріей и Пруссіей. Это была самая счастливая эпоха въ ихъ жизни, и они не только вполне наслаждались благополучіемъ сами, но внушали всеѣмъ иностранцамъ восторгъ. Павлу I въ то время было двадцать восемь лѣтъ, и хотя онъ не отличался статной фигурой и красивой наружностью, но, по словамъ мистриссъ Грантъ, «въ его глазахъ блестѣлъ умъ, его улыбка выражала столько жизненности, а манеры—достоинства, что онъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ». Марія Ѳеодоровна была въ то время въ полномъ смыслѣ слова красавица, по выраженію той же писательницы, и могла вполне соперничать по красотѣ, изяществу и блестящему достоинству съ Маріей-Антуанеттой. Великолѣпные приемы при всеѣхъ европейскихъ дворахъ, которые посѣтили русскіе путешественники, такъ часто описывались даже въ «Историческомъ Вѣстникѣ», что излишне объ этомъ распространяться. Скажемъ только, что наибольшее удовольствіе доставило молодой четѣ пребываніе у родителей великой княгини, въ Монбельярѣ. Наконецъ, въ ноябрѣ 1782 г. вернулись въ Петербургъ наслѣдникъ и наслѣдница, называвшіе себя въ Европѣ графомъ и графиней Сѣверными. Они были въ полномъ восторгѣ отъ всего видѣннаго, при чемъ заграничныя страны произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе, убѣдивъ ихъ въ превосходствѣ европейской жизни надъ русскою, что заставило ихъ измѣнить свой взглядъ на многое и побудило относиться съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ своему отечеству.

Мало-по-малу послѣ возвращенія великаго князя и его жены изъ-за границы между ними начали измѣняться отношенія, и главной причиною этого была фрейлина Марія Ѳеодоровны—Екатерина Ива-

новна Нелидова. Кромѣ того, въ характерѣ Павла Петровича произошла перемѣна. Онъ становился постепенно угрюмымъ, желчнымъ, мрачнымъ и сердитымъ, благодаря тому, что Екатерина лично къ нему не благоволила и не позволяла ему принимать нисколько участія въ государственныхъ дѣлахъ. Что же касается Нелидовой, чрезвычайно блестящей, умной, живой и изящной, но не красивой и маленькаго роста, то онъ привязался къ ней совершенно платонически, хотя при дворѣ всѣ увѣряли, что она была его любовницей, и многіе считали ее за низкую интриганку. Въ сущности, Нелидова питала къ великому князю также наивную, идеальную любовь, признавая его высоконравственнымъ рыцаремъ. Однако, сначала Марія Ѳеодоровна не только вѣрила всѣмъ сплетнямъ о связи мужа съ Нелидовой, но даже считала ее «самымъ лживымъ и злымъ созданиемъ». Положеніе наслѣдницы было тѣмъ несчастнѣе, что ея приближенные наговаривали ей на императрицу, какъ на причину отношеній Нелидовой къ ея мужу, хотя вѣдшее обращеніе съ нею Екатерины было чрезвычайно любезное, и на всѣ ея жалобы на измѣну мужа она отвѣчала со смѣхомъ, подводя ее къ зеркалу: «Посмотри, какая ты красавица, а твоя соперница *petit monstre*; перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ». Несмотря на грустное положеніе наслѣдницы, она съ вѣдшей стороны держала себя въ семейныхъ отношеніяхъ съ большимъ достоинствомъ, и современники замѣчали, что великая княгиня вела себя относительно мужа и Нелидовой чрезвычайно терпѣливо и спокойно. Въ это время великій князь и его жена жили преимущественно въ Гатчинѣ и Павловскѣ, также подаренномъ имъ императрицей. Марія Ѳеодоровна занималась преимущественно благотворительными дѣлами, рисованіемъ и музыкой, а Павелъ Петровичъ вполнѣ преданъ своей маленькой Гатчинской арміи, заведенной на прусскій манеръ.

Годы шли за годами, и хотя у Маріи Ѳеодоровны постоянно рождались новыя дѣти, но ея отношенія къ мужу становились все холоднѣе и натянутѣе. Что же касается Нелидовой, то, несмотря на ея удаленіе изъ малаго двора въ Смольный монастырь, гдѣ она воспитывалась, она часто пріѣзжала въ Павловскъ, и наслѣдница мало-по-малу измѣнила свое обращеніе съ Нелидовой, сблизившись съ ней. Обѣ, любя одинаково Павла, стали всячески стараться вмѣстѣ благотворно дѣйствовать на него. Но Нелидова по своему характеру и уму на него вліяла болѣе, чѣмъ Марія Ѳеодоровна, почему великая княгиня, хотя и считала это большимъ для себя несчастіемъ, но все-таки мирно относилась къ ней и даже смотрѣла на нее, какъ на прямую «благодѣтельную павловскаго семейства». «Съ маленькой,—писала Марія Ѳеодоровна,—я держусь sur un pied très honnête съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нею сошлись, хотя все же *demoiselle* чрезвычайно фальшива». Хотя между женою и

Павломъ произошла съ теченіемъ времени явная размолвка, но она все же его любила и съ негодованіемъ отнеслась къ тайному предложенію Екатерины лишить его права на престолъ, въ виду его полной неспособности къ исполненію обязанностей государя. Она хотѣла замѣнить его, въ случаѣ ея смерти, нѣ старшимъ сыномъ, Александромъ. Вскорѣ послѣ этого скандальнаго эпизода Екатерина умерла 6 ноября 1796 г.

Павель вступилъ на престолъ, и Марія Ѳеодоровна, сдѣлавшись императрицей, была, по словамъ мистриссъ Грантъ, «въ зенитѣ своей красоты»; она была высокаго роста прелестная блондинка съ кудрями, ниспадавшими на плечи. Ея добродѣтели были давно всемъ извѣстны, такъ что до нея никогда не касалась клевета. Хотя она писала маркграфу Баденскому: «*Je l'aime de la tendresse la plus vive*», но чувствовала, что любовь къ императору народа и его собственное доброе расположеніе ко всемъ было только временное затишье предъ бурей. Поэтому она относилась съ большимъ сочувствіемъ къ Нелидовой, которую императоръ назначилъ начальницей Смольнаго монастыря и попрежнему окружалъ вниманіемъ. Она во многихъ случаяхъ вліяла на него, и Марія Ѳеодоровна все болѣе и болѣе привязывалась къ ней. Она ежедневно посѣщала ее и писала ей письма, постоянно упрасивая ее поддерживать свое вліяніе на императора. Впрочемъ, и Павель временно, главнымъ образомъ по случаю смерти ея матери, выказалъ къ ней величайшую доброту и симпатію. По случаю коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ, Марія Ѳеодоровна даже забывалась отъ счастья. Ее такъ увлекали празднества, и она съ завистью разсказывала, какъ у Екатерины во время ея коронаціи толпа придворныхъ безъ конца цѣловала ея руку, которая вслѣдствіе этого распухла. Поэтому Марія Ѳеодоровна была недовольна, такъ какъ у нея не распухла рука, и потому ловкій царедворецъ Валугевъ однихъ и тѣхъ же лицъ заставлялъ подходить по нѣскольку разъ къ ея рукѣ, отчего желаніе императрицы и было достигнуто.

Въ Москвѣ же Павель издалъ указъ о назначеніи императрицы начальницей надъ обоими столичными воспитательными домами, и съ этой минуты для нея открылось широкое, обширное благотворительное поприще. Несмотря на эту дѣятельность, по словамъ Шумигорскаго, она обнаруживала интересъ къ политическимъ и государственнымъ дѣламъ, при чемъ особенно выражала сочувствіе къ иностранцамъ, въ томъ числѣ къ своимъ родственникамъ, нѣмцамъ, и къ французскимъ аристократическимъ эмигрантамъ. Нелидова по своему сентиментально-идеальному характеру дѣйствовала въ томъ же духѣ, какъ императрица. Любимецъ императора, Рас-топчинъ, отзывался о нихъ обѣихъ далеко неодобрительно стѣдующимъ образомъ: «Жаль, что на императора дѣйствуютъ внушенія императрицы, которая вмѣшивается во все дѣла, окружаетъ

себя нѣмцами и позволяетъ нищимъ, т.-е. эмигрантамъ, обманывать себя; чтобы быть увѣреннѣе въ своемъ значеніи, она соединилась съ Нелидовой, которую прежде съ полнымъ основаніемъ она презирала и которую теперь сдѣлала своимъ другомъ». Далѣе онъ упоминаетъ съ негодованіемъ, что императрица окружаетъ себя недостойными людьми, между прочимъ, «глупцомъ и пьяницей княземъ Куракинымъ». Конечно, вполне нельзя вѣрить Растопчину, который вмѣстѣ съ другимъ любимцемъ Павла, Кутайсовымъ, интриговалъ противъ императрицы и Нелидовой, но, во всякомъ случаѣ, императрица вредила себѣ своимъ вмѣшательствомъ въ политическія и государственныя дѣла. Императоръ съ теченіемъ времени до того измѣнилъ свои отношенія къ обѣимъ прежде любимымъ женщинамъ, что говорилъ: «Я удалилъ отъ себя иго императрицы и близкихъ къ ней людей». Даже сама Нелидова удалилась отъ двора въ замокъ Лодэ къ своей подругѣ, графинѣ Бугсгевденъ, высланной императоромъ изъ Петербурга.

Тогда императоръ попалъ въ сѣти новой фаворитки, благодаря интригамъ Кутайсова и Растопчина: это была княжна Лопухина, выданная Павломъ замужъ за князя Гагарина. Онъ впервые окончательно измѣнилъ своей супругѣ и своей преданной платонической фавориткѣ. Въ концѣ четырехлѣтняго несчастнаго царствованія Павла дѣло дошло до того, что онъ началъ жестоко преслѣдовать Марію Ѳеодоровну, и за день до своей смерти даже подписалъ приказъ объ арестѣ и заточеніи въ Петропавловскую крѣпость своей жены и двухъ старшихъ сыновей. Этотъ приказъ былъ выданъ графу Палену, петербургскому генералъ-губернатору и любимцу Павла, хотя императрица писала Нелидовой, что Палень былъ самый благородный человѣкъ, и она уважала его болѣе всѣхъ людей, находившихся у власти. Въ дѣйствительности же Палень задумалъ заговоръ противъ умственно-разстроеннаго императора и, предъявивъ Александру роковой приказъ, добился отъ него согласія на задуманный планъ, который, по его словамъ, будто бы касался только лишенія Павла престола.

— Вы видите, ваше высочество,—сказалъ онъ,—что императоръ не въ здоровомъ умѣ, и если мы не добьемся его удаленія съ престола, то вы всѣ будете узниками.

Александръ, увидавъ на бумагахъ имена брата и матери, воскликнулъ:

— Это слишкомъ!

Впрочемъ, онъ не заявилъ своего согласія на захватъ отца, какъ сумасшедшаго, и Палень рѣшился съ своими заговорщиками привести въ исполненіе роковой планъ безъ содѣйствія великаго князя.

О кратковременномъ странномъ, эксцентричномъ, строгомъ, мрачномъ и тираническомъ царствованіи императора Павла и о послѣд-

нихъ днѣхъ его жизни было уже много писано, какъ въ русской, такъ и иностранной литературѣ, но по условіямъ прежней цензуры не было никогда упомянуто въ Россіи о подробностяхъ его кончины. Если же за границей являлись безконечные рассказы о роковой катастрофѣ, то они болѣе или менѣе имѣли характеръ ложныхъ и фантастическихъ легендъ. Очень рѣдко попадались достовѣрные рассказы о событіяхъ 11 марта, и первое мѣсто среди нихъ занимали Записки Н. А. Саблукова, конногвардейскаго полковника того времени. Онѣ были напечатаны въ англійскомъ журналѣ «Fraser's Magazine» и долго считались единственнымъ, вѣрнымъ и точнымъ матеріаломъ, хотя и на англійскомъ языкѣ. Теперь, со времени освобожденія печати, появился впервые ихъ переводъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» настоящаго года, и стало возможнымъ вполнѣ свободно пользоваться этимъ драгоценнымъ источникомъ. Въ двухъ словахъ упомянемъ, что, по словамъ Саблукова, современника, но не очевидца убійства Павла, въ этомъ преступленіи приняли участіе до 180 человекъ генераловъ, офицеровъ и полупьяныхъ солдатъ. Подъ начальствомъ Бенингсена они ворвались въ спальню императора, и Николай Зубовъ, братъ Платона, фаворита Екатерины, первый нанесъ ударъ государю массивной золотой табакеркой по лѣвому виску, отчего онъ свалился безъ чувствъ на полъ, а Скарятинъ, офицеръ Измайловскаго полка, снявъ со стѣны шарфъ императора, задушилъ имъ Павла. Саблуковъ приводитъ еще другую версію, по которой Зубовъ, совершенно пьяный, выхватилъ изъ рукъ императора его табакерку и, получивъ отъ Павла ударъ, свалилъ его съ ногъ, затѣмъ произошла катастрофа. Французскіе серьезные историки, Сорель и Рамбо, очень кратко упоминаютъ о самомъ трагическомъ моментѣ смерти и говорятъ только, что заговорщики задушили Павла.

Напротивъ того, въ англійскихъ сочиненіяхъ упоминается объ этомъ событіи различно; такъ, въ книгѣ Фицджеральда Маллоя: «Русскій дворъ въ XVIII столѣтіи», рассказывается, что послѣ великолѣпнаго ужина у Платона Зубова заговорщики двумя отрядами въ 60 человекъ, подъ начальствомъ Бенингсена и Палена, отправились къ Михайловскому дворцу. Первый пробрался прямо въ спальню императора, а второй пошелъ въ обходъ. Бенингсенъ засталъ въ императорской уборной, рядомъ съ спальней, молодого слугу, который понялъ, въ чемъ дѣло, и сталъ кричать, что убиваютъ императора. Генераль же немедленно грубо заставилъ его молчать и бросился въ сосѣдную комнату, гдѣ не нашелъ несчастнаго Павла ни въ постели, ни въ одномъ изъ угловъ комнаты. Наконецъ, онъ отыскалъ его за ширмами у двери, которая вела въ спальню императрицы, запертую на ключъ, заброшенный самимъ Павломъ. Оттащивъ его на средину комнаты, Бенингсенъ подаль ему бумагу и сказалъ: «Ваше величество, вы — мой узникъ»

и перестали царствовать; вы должны подписать свое отреченіе въ пользу вашего сына, великаго князя Александра». Ему подали перо, но его руки такъ дрожали, что онъ не могъ писать. Въ эту минуту раздался въ коридорахъ дворца какой-то шумъ, и Бенингсенъ, принявъ это за топотъ торопившихся на спасеніе императора солдатъ, выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы посмотрѣть, что случилось. Остальные заговорщики рѣшились покончить съ несчастнымъ: Николай Зубовъ ударилъ его изо всей силы по плечу, а одинъ изъ офицеровъ снялъ съ себя шарфъ и задушилъ имъ Павла. Когда вернулся Бенингсенъ, то уже все было кончено, и заговорщики съ радостью кричали: «Павель умеръ! Павель умеръ!»

Что же касается г-жи Грантъ, то ея разсказъ составленъ нѣсколько иначе. По ея изложенію, Павель былъ разбуженъ ночью заговорщиками, которые убили стоявшихъ у дверей двухъ часовыхъ. При видѣ ихъ Павель, отличаясь большой физической силой, вступилъ съ ними въ ожесточенную борьбу. Истекая кровью, онъ упалъ въ кресло и воскликнулъ: «Это ты Зубовъ? Я думалъ, что ты мой другъ!» Всѣ остальные заговорщики бросились на него и задушили несчастнаго. Когда все было окончено, явился Паленъ, который, по словамъ князя Адама Чарторижскаго, хотѣлъ выждать результатъ катастрофы и не принимать въ ней участія, если она не удастся. То же говорить и Саблуковъ, по словамъ котораго Паленъ оставался во все время катастрофы у Александра, рассчитывая арестовать его, если Павель будетъ случайно спасенъ.

Относительно роли Александра I въ событіяхъ 11 марта говорить нечего — она хорошо всеѣмъ извѣстна, но спорно участіе въ ней Маріи Феодоровны. Въ книгѣ Маллоя разсказывается, что, когда она въ ночь убійства выскочила изъ своей спальни въ одномъ пеньюарѣ и съ распущенными волосами, то, узнавъ о катастрофѣ, не упала въ обморокъ, а закричала, обращаясь къ заговорщикамъ: «Такъ какъ вашъ императоръ умеръ жертвою измѣны, то я—ваша императрица. Я одна—вашъ законный государь, слѣдуйте за мною и защищайте меня». Всѣ съ удивленіемъ взглянули на эту полубогаженную, обезумѣвшую личность, и генералъ Бенингсенъ воскликнулъ: «Полноте, мы не шутки шутимъ». И вмѣстѣ съ Паленомъ онъ проводилъ императрицу въ ея комнаты. Она еще разъ порывалась вытти оттуда и обратиться съ рѣчью къ солдатамъ, стоявшимъ у дверей комнаты, но они не обратили никакого вниманія на ея слова, и ей пришлось остаться въ своихъ апартаментахъ въ мрачномъ отчаяніи и горѣ. Другой англійскій источникъ, именно книга мистриссъ Грантъ, не упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ, а лишь распространяется объ ея безграничной грусти. Въ первыя минуты, когда она узнала объ убійствѣ мужа, съ нею сдѣлался обморокъ, а потомъ она не отходила отъ постели несчастнаго, заливаясь слезами. Сперва она отказалась видѣть Александра и, когда онъ проникъ

въ ея комнату, закричала: «Не смѣй входить ко мнѣ въ комнату, я вижу тебя залитымъ кровью твоего отца». Тогда Александръ, поднявъ глаза къ небу, торжественно произнесъ: «Призываю въ свидѣтели Бога, что я не принималъ никакого участія въ этомъ преступленіи!» Въ его словахъ звучало столько искренности, что мало-по-малу мать признала свою несправедливость, и, бросившись предъ нимъ на колѣни, воскликнула: «Я привѣтствую своего государя!»

Въ запискахъ Саблукова, которыя считаются историками достоверными, говорится, что въ ночь 11 марта Марія Ѳеодоровна босая, въ одной рубашкѣ, въ накинутомъ на плечи салопѣ выбѣжала изъ своей спальни и бросилась въ комнату мужа, но ее остановили солдаты, скрестивъ ружья. Несмотря на ея крики: «пустите меня, пустите меня», солдаты отвѣчали, что они не имѣли права такъ поступать; тогда императрица ушла въ спальню съ большимъ достоинствомъ. Утромъ вернулся отъ Александра посланный съ просьбою, чтобы императрица пріѣхала въ Зимній дворецъ, но она отказалась, говоря, что не признаетъ Александра государемъ, прежде чѣмъ увидитъ покойнаго мужа. Ей показали его только на другой день вечеромъ, когда была окончена необходимая работа по уборкѣ тѣла, гримировкѣ и бальзамированію. Лишь тогда въ присутствіи мертваго мужа императрица воскликнула съ глубокимъ горемъ: «Теперь я васъ поздравляю. Вы—императоръ!» При этихъ словахъ Александръ упалъ въ обморокъ. Какъ тяжело подѣйствовала на Марію Ѳеодоровну смерть мужа, лучше всего показываютъ слова въ ея дневникѣ: «Я никогда не могу думать о моемъ миломъ императорѣ иначе, какъ со слезами. Я всегда вижу его предъ своими глазами, хотя прошло шесть мѣсяцевъ послѣ его смерти. Время не уменьшаетъ моего горя: такъ оно глубоко».

Въ долгое двадцатичетырехлѣтнее царствованіе Александра Павловича, императрица-мать жила преимущественно въ Павловскѣ и занималась своими младшими дѣтьми, на которыхъ государь вовсе не обращалъ вниманія, а также на порученныя ей еще при Павлѣ женскія учебныя заведенія. Въ свободное же время она вела Павловское хозяйство и особенно посвящала многіе часы культивированію розъ въ своемъ саду. Кромѣ того, что она постоянно имѣла вліяніе на своего старшаго сына въ семейныхъ дѣлахъ, императрица вмѣшивалась въ государственныя и политическія дѣла, но болѣе въ послѣднія, чѣмъ въ первыя. Ея вліяніе во внутреннихъ дѣлахъ проявилось всего болѣе въ вопросѣ удаленія графовъ Палена и Панина, какъ главныхъ участниковъ въ заговорѣ противъ Павла. Она была виѣ себя отъ ненависти къ первому и, наконецъ, объявила сыну, чтобы онъ сдѣлалъ выборъ между нею и петербургскимъ военнымъ губерна-

торомъ. Императоръ уступилъ своей матери, и оба вельможи были удалены въ свои помѣстья. Въ политическомъ отношеніи она сдѣлалась главнымъ врагомъ Наполеона, что онъ самъ признавалъ, и даже императрица Елисавета Алексѣевна была этимъ очень недовольна; она писала своей матери: «Императрица, которая, какъ мать, должна бы защищать интересы сына, по непослѣдовательности, вслѣдствіе самолюбія (и, конечно, не по какимъ другимъ причинамъ, потому что она не способна къ дурнымъ умысламъ) дошла то того, что стала походить на главу оппозиціи; всѣ недовольные, число которыхъ очень велико, спланиваются вокругъ нея, прославляютъ ее до небесъ, и никогда еще она не привлекала столько народа въ Павловскъ, какъ въ этомъ году».

Означенное письмо было написано въ 1807 г., въ слѣдующемъ Марія Ѳеодоровна доказала болѣе, чѣмъ когда либо, свою злобу къ Наполеону и опасеніе его, а потому и враждебность къ политикѣ сына. Въ то время онъ собирался въ Эрфуртъ на свиданіе съ своимъ новымъ союзникомъ. Три раза императрица имѣла съ нимъ длинныя, серьезныя разговоры по этому поводу, отговаривая его отъ опаснаго, по ея мнѣнію, плана довѣриться коварному врагу, какъ это сдѣлалъ испанскій король въ крѣпости Байонѣ, что его и погубило. Наконецъ, императрица рѣшилась написать сыну длинное, замѣчательное письмо на французскомъ языкѣ. Оно мало извѣстно общимъ читателямъ, хотя и напечатано. между прочимъ, въ изданіи Мартенса: «Собраніе трактатовъ и конвенцій». Въ немъ она торжественно призываетъ своего сына на судъ Верховнаго Существа за его намѣренія ѣхать на свиданіе съ Бонапартомъ въ крѣпость, находящуюся подъ его владычествомъ и окруженную его войсками. По ея словамъ, картина Европы чрезвычайно грустная, такъ какъ «она подчинена кровожадному тирану, который управляетъ ею съ желѣзнымъ скипетромъ въ рукахъ, а другіе государи — рабы подъ пурпуромъ. Всѣ дѣйствія Россіи парализованы Бонапартомъ, онъ довелъ ее до разрыва съ Англіей, уничтожилъ русскую торговлю и заставилъ ее, предпринявъ войну съ Швеціей, занять своими войсками Финляндію». «Однимъ словомъ, — прибавляетъ она, — его вліяніе распространяется на все, и поистинѣ стыдно, но справедливо сказать, что оно простирается, начиная съ солдатской формы и кончая рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ. Что же касается до Эрфуртскаго свиданія, то оно еще болѣе свяжетъ судьбу Россіи съ судьбой Наполеона, власть котораго шатается, а потому онъ желаетъ поддержать ее великодушными заботами его молодого друга». Въ концѣ же своего письма императрица умоляетъ сына отказаться отъ свиданія, которое ненавистно всему народу, а «уваженіе народа легко потерять, но трудно снова завоевать».

Это письмо произвело глубокое впечатлѣніе на Александра I и подѣйствовало на результатъ Эрфуртскаго свиданія, уклонивъ уча-

стіе Россіи въ войнѣ противъ Австріи и раздѣлъ Турціи. Но онъ все-таки счелъ нужнымъ отвѣтить императрицѣ, и его письмо также напечатано Мартенсомъ. Онъ энергично защищаетъ свою политику и доказываетъ, что эрфуртское свиданіе необходимо. Несмотря на почтительныя выраженія, въ нихъ мелькаетъ раздраженіе, вызванное въ немъ укорами матери за чрезмѣрное увлеченіе Наполеономъ. Въ письмѣ предъ отъѣздомъ къ своей сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ онъ прямо говорилъ: «Бонапартъ думаетъ, что я ничего болѣе, какъ дуракъ; смѣется хорошо тотъ, кто смѣется послѣднимъ». Въ концѣ концовъ конгрессъ кончился благополучно, по крайней мѣрѣ, въ то время, такъ какъ прямымъ его послѣдствіемъ былъ 1812 г. — ошибка, по справедливымъ словамъ одного писателя, со стороны правительства, и обращенная духомъ русскаго народа въ народное торжество». Марія Ѳеодоровна во все это время крѣпко стояла за патріотическую русскую политику и всячески сопротивлялась задуманному Александромъ браку одной изъ своихъ сестеръ съ Наполеономъ. Подъ предлогомъ то выдачи за другого жениха одной изъ нихъ, то крайней молодости великой княжны Анны Павловны, она кончила тѣмъ, что вывела изъ терпѣнія Наполеона и заставила его жениться на дочери австрійскаго императора. Во время отечественной войны императрица-мать поддерживала патріотическій духъ императора, и когда борьба съ Наполеономъ была перенесена въ Европу, то она настаивала, во что бы то ни стало, на окончательной гибели Наполеона. Эти взгляды на противника Россіи особенно высказываются Маріей Ѳеодоровной въ ея письмахъ къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, отпущеннымъ ею на войну въ 1815 г. и попавшимъ въ Парижъ, когда уже все было окончено. Она также выражаетъ въ этихъ письмахъ свою глубокую преданность Бурбонамъ и монархическому принципу. Поэтому ея радость послѣ отправки Наполеона на островъ св. Елены и окончательнаго утвержденія реставраціи во Франціи была неимоверна. вмѣстѣ съ тѣмъ она вполне сочувствовала той Меттерниховской реакціи, которая съ тѣхъ поръ охватила Александра и всю Европу. Марія Ѳеодоровна боялась лишь сильнаго вліянія на императора католиковъ во время его частыхъ путешествій, а потому, когда въ 1822 г. онъ отправился на конгрессъ въ Верону, она взяла съ него слово не посѣщать папы. Онъ это исполнилъ и тѣмъ успокоилъ императрицу.

Въ послѣдніе годы Александра императрица-мать нисколько не сочувствовала его мрачному, мистическому настроенію и пристрастію къ Аракчеву и къ архимандриту Фотію, хотя она и подарила послѣднему золотыя часы. Императрица-мать все болѣе и болѣе уединялась въ своемъ Павловскѣ и ее вырвала изъ этого одиночества только вѣсть изъ Таганрога о неожиданной смерти императора въ 1825 г. Вслѣдствіе этого началось междуцарствіе, такъ какъ возникли не-

доразумѣнія между двумя братьями, Константиномъ и Николаемъ. Послѣдній изъ нихъ не зналъ о волѣ Александра, постановившаго съ согласія Константина, что его преемникомъ будетъ Николай. Бумаги объ этомъ хранились въ Москвѣ и сенатѣ и были извѣстны только немногимъ лицамъ. Поэтому онъ и вся Россія присягнули Константину, какъ императору; даже Марія Ѳеодоровна признала Константина императоромъ и писала князю Волконскому насчетъ распоряженій о похоронахъ Александра: «Je vous répons, je vous répète de l'assentiment de l'empereur Constantin». Впрочемъ сомнительно, чтобы она не знала о распоряженіи Александра относительно престолонаслѣдія, такъ какъ она уговаривала обоихъ братьевъ повиноваться волѣ старшаго, когда эта воля была узнана всѣми. Даже сенаторамъ императрица прямо сказала, что ей было извѣстно распоряженіе Александра, сдѣланное въ отношеніи Николая. Во всякомъ случаѣ, предпочитая Николая и не питая сочувствія къ Константину, Марія Ѳеодоровна была очень рада, когда братскій споръ окончился въ пользу Николая. Даже англійскія газеты, въ томъ числѣ «Times», называли ее по этому случаю «хитрой, ловкой и самолюбивой женщиной». Относительно же воспитанія ею Николая Гречъ по случаю воцаренія послѣдняго замѣчаетъ въ своихъ «Запискахъ»: «Его воспитала Марія Ѳеодоровна, женщина почтенная, но ограниченная въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ, трудолюбивая и неусыпная хозяйка, но весьма недалковидная въ политикѣ, нѣмка въ душѣ». Нѣкоторые иностранцы увѣряли, будто она была до того самолюбива, что замѣчала братьямъ, не лучше ли въ случаѣ нежеланія ихъ обоихъ царствовать уступить престолъ ей.

Когда дѣло кончилось восшествіемъ на престолъ Николая, и разразилось декабрьское возстаніе, то Марія Ѳеодоровна провела нѣсколько самыхъ отчаянныхъ минутъ, говоря со слезами: «Что скажетъ Европа?» Впослѣдствіи она, по просьбѣ принца Евгенія Виртембергскаго, пыталась расположить сына къ милосердію въ отношеніи декабристовъ, но совершенно тщетно. Между тѣмъ она ѣздила навстрѣчу больной Елисаветѣ Алексѣевнѣ, но не застала ея въ живыхъ и въ Бѣлевѣ нашла ее мертвой. Съ этого времени, кромѣ непродолжительнаго пребыванія въ Москвѣ, по случаю коронованія Николая I, императрица-мать жила мирно, спокойно до своей смерти 24 октября 1828 г. Хотя мистриссъ Грантъ увѣряетъ, что ни въ какихъ современныхъ мемуарахъ не имѣется описаніе ея смерти, а лишь сообщается о ней въ немногихъ строкахъ англійскихъ газетъ,—напротивъ Николай Павловичъ въ письмѣ къ своему брату Константину чрезвычайно тепло описываетъ, какъ скончалась мать трехъ царей на рукахъ одного изъ нихъ.

Относительно характеристики императрицы Маріи Ѳеодоровны можно упомянуть о словахъ генераль-адъютанта Бенкендорфа: «Она

была образцомъ жены и матери; жила единственно, чтобы благодѣтельствовать бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ; она была рабою того, что называла своимъ долгомъ. Быть можетъ, единственнымъ недостаткомъ этой необыкновенной женщины была ея взыскательность къ своимъ дѣтямъ и къ лицамъ, отъ нея зависящимъ». Графиня Нессельроде въ письмѣ къ брату писала: «Для всѣхъ эта ужасная потеря является кошмаромъ; для своего возраста она была свѣжа, красива и никогда не хворала. Всѣ слои общества въ отчаяніи—это именно евангельская жена». Къ несчастію, Марія Ѳеодоровна предъ своей смертію приказала дѣтямъ, чтобы они сожгли ея обширныя записки, и такимъ образомъ исчезъ драгоцѣнный историческій матеріаль.

— Три русскихъ историка. Профессоръ Берлинскаго университета Шиманъ помѣстилъ въ «*Beilage zur Allgemeinen Zeitung*» характеристику трехъ нашихъ историковъ: Дубровина, Пыпина и Бильбасова. Такъ какъ эти характеристики, въ общемъ, довольно вѣрны, то мы и приведемъ ихъ здѣсь безъ всякихъ сокращеній.

1904 годъ принесъ русской исторической наукѣ тяжкія потери. Первымъ умеръ В. А. Бильбасовъ, историографъ Екатерины II, затѣмъ А. Н. Пыпинъ, специалистъ по исторіи литературы и культуры, послѣднимъ—малоизвѣстный въ Германіи академикъ, генералъ-лейтенантъ Дубровинъ ¹⁾.

Всѣ трое родились въ царствованіе императора Николая I: Пыпинъ—въ 1833 г., Бильбасовъ и Дубровинъ—въ 1837 г. Расцвѣтъ ихъ дѣятельности совпадалъ съ тѣмъ бурнымъ въ политическомъ отношеніи періодомъ развитія русскаго общества, который обнимаетъ послѣднее сорокалѣтіе. За исключеніемъ Дубровина, оставшагося въ силу своей военной карьеры въ сторонѣ отъ политическихъ теченій этого періода крайностей, они отмѣчены печатью, которую послѣдній налагалъ на всѣхъ, у кого хватало честолюбія и душевныхъ силъ для того, чтобы дѣятельно принять участіе въ движеніи. Но люди эти являются представителями различныхъ типовъ. Хотя Дубровину было въ годъ кончины императора Николая I всего 18 лѣтъ, но отъ него и его дѣятельности всегда, до самой его смерти, вѣяло духомъ Николаевской эпохи. Духъ этотъ выражался въ томъ, что Дубровину свойственна была нѣкоторая духовная связанность, чтобы не сказать, ограниченность, отсутствіе собственнаго мнѣнія и отсутствіе потребности высказать его. Онъ довольствуется констатированіемъ фактовъ и, стоя на вытяжкѣ,

¹⁾ Это не совсѣмъ точно: первымъ умеръ Дубровинъ, затѣмъ Бильбасовъ и послѣднимъ Пыпинъ. Ред.

ожидаетъ, чтобы призванныя къ тому лица высказали о нихъ свое сужденіе. Въ дѣлѣ собранія матеріаловъ онъ проявилъ величайшее трудолюбіе, но не подвергъ ихъ критическому анализу. Ему не хватаетъ метода, какъ результата школы, да и было бы несправедливо требовать этого отъ самоучки.

Первыя его работы (обзоръ русскихъ войнъ со временъ Петра Великаго до нашихъ дней) появились въ печати подъ фирмою генеральнаго штаба и принадлежать, вѣроятно, только отчасти его перу.

За ними слѣдовали, на ряду съ журнальными и даже беллетристическими трудами (онъ написалъ повѣсть «Благоразуміе»), изысканія къ исторіи Крымской кампаніи, которыя завершились, кромѣ изданнаго имъ сырого матеріала, трехтомной исторіей Крымской войны, оконченной въ рукописи еще въ 1874 г. и написанной на основаніи архивныхъ изслѣдованій. Ему былъ открытъ доступъ въ архивъ военнаго министерства, но подъ условіемъ, чтобы онъ не пользовался документами, относящимися къ области политики. Тѣмъ не менѣе рукопись не могла быть напечатана вплоть до 1900 г., въ виду протеста цензуры, фактъ почти невѣроятный, такъ какъ трудно представить себѣ нѣчто болѣе дояльное и болѣе русское по духу. Вслѣдствіе указанныхъ условій работы, политическая связь событій въ ней цѣликомъ игнорируется, и можно только пожалѣть, что, при отпечатаніи въ концѣ концовъ книги, эти пробѣлы не были заполнены, и иностранная литература не была принята въ соображеніе. Можно сказать безъ преувеличенія, что европейская историческая наука не существовала для Дубровина. Тамъ, гдѣ обрабатываемый имъ матеріалъ допускалъ такое къ себѣ отношеніе безъ ущерба для связи, необходимой при изложеніи фактовъ,—онъ сумѣлъ почти всецѣло исчерпать и разрѣшить поставленныя имъ себѣ задачи. Сюда относятся, на примѣръ, его отдѣльныя статьи о русской жизни XIX столѣтія, представляющія для изслѣдователя этой области истинный кладъ, въ виду того, что Дубровинъ использовалъ для нихъ громадное количество неизданнаго дотолѣ матеріала. Но и ими надо пользоваться съ осторожностью. Дубровинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращается съ своими источниками крайне произвольно; такъ, мнѣ, на примѣръ, удалось констатировать, что приведенныя имъ якобы дословно рѣчи «декабристовъ» составлены на основаніи указаній, найденныхъ имъ въ документахъ слѣдственной комиссіи.

Но да не будетъ ему поставлено это въ укоръ, такъ какъ онъ, по крайней своей наивности, считалъ подобный приемъ позволительнымъ для историческаго изслѣдованія.

Чрезвычайно велики его заслуги въ качествѣ редактора. Его «Отечественная война въ письмахъ современниковъ (русскихъ)», сенатскіе доклады и приговоры при Петрѣ Великомъ, протоколы,

журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта 1726—1730 г. (помѣщенные въ томахъ 35, 56, 63 и 69 «Сборника историческаго общества») и т. д. обезпечиваютъ ему почетное мѣсто въ ряду редакторовъ, извлекавшихъ за послѣднее время изъ архивовъ такое громадное количество матеріаловъ, относящихся къ русской исторіи петровской и послѣпетровской эпохъ. Но все это еще ждетъ обработки.

Совсѣмъ иной и несравненно болѣе значительной натурой былъ А. Н. Пыпинъ. Будучи старше Дубровина на 4 года и пользуясь уже въ теченіе двухъ лѣтъ самостоятельнымъ положеніемъ, когда скончался императоръ Николай I, Пыпинъ достигъ полной своей зрѣлости въ тотъ періодъ времени, который привелъ къ великому духовному перевороту, закончившемуся реформами 60-хъ годовъ. Сначала онъ посвятилъ себя изученію литературы. Въ 1857 г. онъ защитилъ на степень магистра диссертацию, предметомъ которой были древнія русскія былины и сказки. Она не безъ основанія вызвала нѣкоторую сенсацію въ литературномъ мірѣ того времени.

Пыпинъ сумѣлъ сохранить свою духовную самостоятельность и усвоилъ себѣ, благодаря все еще сказывавшемуся тогда вліянію великаго русскаго критика Вѣлинскаго, тѣ научные и политическіе идеалы, которымъ онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней. Сущность ихъ могла бы быть коротко опредѣлена такъ: онъ стремился быть представителемъ западнаго либерализма въ хорошемъ значеніи этого слова на русской почвѣ и сдѣлать его доступнымъ славянскому міру, развившемуся на другихъ началахъ. Но при этомъ онъ никогда не былъ слугою утопическихъ ученій и насильственныхъ тенденцій славянофильства и панславизма. Въ своемъ посмертномъ сочиненіи о поэтѣ Некрасовѣ онъ изобразилъ намъ кругъ своихъ друзей юности. Въ числѣ ихъ мы находимъ, между прочимъ, его земляка, Чернышевскаго, романъ котораго «Что дѣлать» служилъ какъ бы прологомъ къ готовившейся тогда духовной революціи.

По окончаніи университетскаго курса Пыпинъ расширилъ свой умственный кругозоръ, благодаря двухгодичному путешествію по Западной Европѣ съ научной цѣлью. Возвратившись въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ исторіи литературы. Онъ читалъ лекціи о провансальской и французской средневѣковой словесности. Въ 1861 г. онъ отказался отъ профессуры въ виду несочувствія своего политикѣ, которой придерживалось министерство народнаго просвѣщенія по отношенію къ студентамъ. Дѣло касалось важнаго вопроса о томъ, слѣдуетъ ли предоставить посѣщеніе лекцій доброй волѣ студентовъ или вмѣнить его послѣднимъ въ обязанность. Правительство высказалось за послѣднее и подавило протесты студентовъ съ крайнею суровостью. Политической проницательности и образу мыслей Пыпина

и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ (Кавелина, Спасовича, Стасюлевича и Утина) дѣлаетъ честь, что они поняли все принципиальное значеніе этого вопроса. Сущность его заключалось въ томъ, что должно считать цѣлью воспитанія юношества: свободу ли и самостоятельность науки или же дрессировку къ экзаменамъ. То обстоятельство, что русское правительство склонно увлекаться этой дрессировкой, составляетъ и до сихъ поръ большое мѣсто русской университетской жизни. Лишенный всякихъ средствъ, Пыпинъ безъ колебаній пожертвовалъ своимъ положеніемъ и карьерой и былъ вынужденъ съ тѣхъ поръ добывать заработокъ литературнымъ трудомъ. Первымъ органомъ печати, въ которомъ онъ участвовалъ, былъ «Современникъ». Затѣмъ, до конца своей жизни онъ состоялъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и неутомимыхъ сотрудниковъ большого либеральнаго журнала «Вѣстникъ Европы», основаннаго въ 1867 г. Онъ внимательно слѣдилъ за текущей литературой, и всѣ его критическіе отзывы и статьи имѣли строго научный характеръ. Наиболѣе крупные труды Пыпина впервые появлялись въ этомъ журналѣ въ видѣ набросковъ, а затѣмъ уже облекались въ форму сочиненій, въ которыхъ избранныя имъ темы были всесторонне разработаны. Сказанное относится къ его «Исторіи славянскихъ литературъ», къ «Общественному движенію при Александрѣ I», къ «Исторіи русской литературы» въ четырехъ томахъ и къ четырехтомной «Исторіи русской этнографіи». Помимо того, онъ написалъ еще цѣлый рядъ другихъ сочиненій, перевелъ труды многихъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ авторовъ, составилъ болѣе мелкія монографіи и т. п. Онъ упорно боролся, чтобы проложить себѣ дорогу въ жизни, но лишь въ 1897 г. С.-Петербургская академія наукъ избрала его своимъ членомъ, такъ что только въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни у него была твердая почва подъ ногами.

Нельзя сказать, что онъ создалъ нѣчто новое въ собственномъ значеніи этого слова. Это не было свойственно его дарованію. Но онъ былъ трудолюбивъ, до крайности добросовѣстенъ и заслуживалъ одинаковаго уваженія, какъ человекъ и какъ ученый. Въ исторіи духовнаго движенія своего времени онъ оставитъ доброе имя. Истиннымъ его поприщемъ были исторія литературы и, въ связи съ нею, исторія культуры.

Въ лицѣ Василія Алексѣевича Бильбасова Россія потеряла своего единственнаго представителя исторической школы, основанной Ранке, Вайцомъ и Зибелемъ. По окончаніи курса въ одной изъ петербургскихъ гимназій, Бильбасовъ поступилъ въ 1857 г. 20-лѣтнимъ студентомъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Въ то время въ Россіи усердно изучались древніе языки. И, дѣйствительно, Бильбасовъ былъ, подобно своему старшему современнику, Пышину, знатокомъ латинскаго и греческаго языковъ.

Когда Пыпинъ отказался отъ профессуры, Бильбасовъ только что успѣлъ окончить курсъ въ университетѣ. Два года спустя, онъ защитилъ диссертацию на тему «Крестовый походъ Фридриха II» (Спб., 1865 г.) и удостоился получить степень магистра, или, вѣрнѣе сказать, былъ назначенъ магистромъ, такъ какъ университетъ былъ тогда закрытъ по случаю все еще продолжавшихся студенческихъ беспорядковъ, и университетскими дѣлами управляла особая комиссія. Послѣ этого онъ отправился, въ качествѣ стипендіата министерства народнаго просвѣщенія, въ Германію, гдѣ и работалъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ семинаріяхъ Ранке, Зибеля и Паули. Учителемъ его, въ собственномъ значеніи этого слова, слѣдуетъ считать Зибеля, къ которому онъ относился до конца жизни съ глубокимъ уваженіемъ. Въ то время и въ продолженіе слѣдующихъ затѣмъ лѣтъ имъ былъ написанъ цѣлый рядъ мелкихъ статей, предметомъ которыхъ служила средневѣковая Германія и въ особенности живо интересовавшая его эпоха борьбы императоровъ съ папами. Нѣкоторыя изъ нихъ появились въ печати и на нѣмецкомъ языкѣ—Бильбасовъ въ совершенствѣ владѣлъ какъ нѣмецкимъ, такъ и французскимъ языками. Характерной особенностью всѣхъ этихъ трудовъ являются методъ автора, какъ результатъ пройденной имъ школы, и даръ его просто и ясно излагать, который, однако, иногда отступаетъ на второй планъ подъ влияніемъ духа критики. Бильбасовъ рассказывалъ чрезвычайно образно, когда онъ давалъ ходъ этой своей способности, но критическія экскурсіи и отступленія и любовь къ детальной работѣ почти всегда въ концѣ концовъ одерживали верхъ. Онъ, вѣроятно, сдѣлался бы основателемъ школы, вдохновляемой строго критическимъ методомъ, если бы его профессорская дѣятельность была болѣе продолжительна. Но этого не случилось: хотя его и назначили приватъ-доцентомъ въ 1867 г., но онъ отказался отъ этой должности уже по прошествіи года. Онъ сдѣлалъ затѣмъ вторую подобную попытку, принявъ въ 1869 г. должность ординарнаго профессора Кіевскаго университета, но и кіевскую кафедру онъ оставилъ черезъ неполныхъ два года, и на этотъ разъ—навсегда. Этому содѣйствовали какъ внѣшнія, такъ и внутреннія причины. Въ бытность свою еще студентомъ, Бильбасовъ подпалъ подъ влияніе извѣстнаго славянофильскаго профессора исторіи литературы—Ореста Миллера, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ несомнѣнно увлекся и либеральнымъ движеніемъ того времени. Онъ остался его приверженцемъ на всю жизнь. Съ внѣшней стороны на него вліяли его отношенія къ редактору «Голоса», Краевскому, на дочери котораго онъ женился, послѣ чего сталъ вмѣстѣ съ нимъ редактировать эту весьма вліятельную либеральную, но въ національномъ отношеніи—нетерпимую газету. Съ 1871 до 1883 г., т.-е. до введенія предварительной цензуры и послѣдовавшаго затѣмъ закрытія газеты,

Бильбасовъ, такъ сказать, посвятилъ себя почти исключительно редакторской дѣятельности. То было время, когда злодѣянія нигилизма послужили поводомъ къ реакціи, окончившейся репрессіями царствованія Александра III; съ другой стороны, правительство, желая найти исходъ для національныхъ страстей, принесло имъ въ жертву Западнѣйшій край и, въ особенности, Прибалтійскія губерніи. «Голосъ», выступившій рѣшительнымъ противникомъ начавшейся реакціи, сдѣлался, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ подозрительнѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ всего нѣмецкаго, какъ въ Россіи, такъ и за ея предѣлами. Я не знаю, въ какой степени Бильбасовъ былъ лично сторонникомъ именно этой послѣдней тенденціи, но возможно, что онъ, относясь всегда съ глубокимъ уваженіемъ къ германской наукѣ, былъ одновременно противникомъ могущественнаго нѣмецкаго сосѣда и считалъ ассимиляцію своихъ нѣмецкихъ соотечественниковъ необходимою съ политической точки зрѣнія. Отдѣленіе Славянскаго благотворительнаго комитета было основано имъ въ 1869 г., и онъ состоялъ его почетнымъ членомъ. Когда я познакомился съ нимъ лѣтъ десять тому назадъ, онъ, во всякомъ случаѣ, уже не принадлежалъ больше къ числу послѣдователей этого направленія. Въ это время онъ окончательно удалился въ частную жизнь и былъ занятъ исторіей императрицы Екатерины II, которую онъ писалъ, пользуясь для этой цѣли превосходной частной бібліотекой и обширными архивными изслѣдованіями, служившими фундаментомъ для его работы. Въ печати появилось всего три тома этого труда: I, II и XII, т.-е. послѣдній. Русская цензура, запретивъ уже II томъ, отбила у него охоту къ дальнѣйшему изданію. Бильбасовъ говорилъ не разъ, что послѣ его смерти остальные томы будутъ найдены готовыми для печати, а также и необходимый для ихъ изданія капиталъ. Но когда онъ умеръ лѣтомъ 1904 г., этихъ не хватающихъ девяти томовъ въ рукописи не оказалось. Онъ сжегъ ихъ за нѣсколько дней до смерти, въ присутствіи и при помощи пользовавшагося его довѣріемъ слуги. Это засвидѣтельствовано семьей и близкими друзьями покойнаго. Во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ загадоченъ. Вѣроятно, Бильбасову, ожидавшему почти въ теченіе цѣлаго года со дня на день смерти, не удалось окончательно отдѣлать свой трудъ, подвергнуть его еще разъ тщательному анализу и заполнить при этомъ послѣднемъ просмотрѣ находившіяся въ немъ пробѣлы¹⁾. Сочиненіе это, такимъ образомъ, осталось отрывкомъ, почему и не представляется возможности высказать о немъ окончательное сужденіе. Бильбасову ставили въ упрекъ, что онъ писалъ исключительно

¹⁾ Указанный фактъ не точенъ. Бильбасовъ незадолго до смерти говорилъ о томъ, что его трудъ законченъ вполне и можетъ быть сданъ въ любую данную минуту въ печать.

Прим. переводчика.

исторію двора и дипломатическихъ сношеній, что справедливо, если судить лишь по тому, что появилось въ печати. Но совершенно невозможно допустить, что такое пренебреженіе къ вопросамъ, касающимся внутренней жизни націи, входило въ планъ Бильбасова, и это тѣмъ болѣе, что вѣдь нѣтъ возможности дать исторіи царствованія Екатерины такое одностороннее освѣщеніе. Уже Пугачевскій бунтъ, котораго нельзя обойти молчаніемъ, безусловно требуетъ изложенія правовыхъ, экономическихъ и социальныхъ условій тогдашней Россіи; то же относится и къ попыткамъ осуществленія намѣченныхъ реформъ и къ работамъ по внутреннему управленію государства, которыя не могутъ быть отдѣлены отъ вопросовъ внѣшней политики. Поэтому, намъ кажется, что упомянутый упрекъ можетъ относиться не къ самому труду, а лишь къ плану, по которому онъ былъ предпринятъ. Нельзя не признать, что Бильбасовъ существенно расширилъ кругъ нашихъ знаній по исторіи Екатерины. Относительно тѣхъ лѣтъ, исторія которыхъ появилась въ печати и находится въ нашихъ рукахъ, сочиненіе Бильбасова, несомнѣнно, лучшее изъ всѣхъ, имѣющихся у насъ до сихъ поръ. Оно написано безъ всякой односторонней тенденціозности, вдохновлено любовью къ истинѣ, старательно взвѣсивавшей значеніе фактовъ, и лишено всякаго лицепрятія. Все это—качества, далеко незаурядныя.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни Бильбасовъ издалъ въ пяти томахъ собраніе своихъ мелкихъ статей, подъ названіемъ «Историческія монографіи» (Спб., 1901 г.), и въ 10 томахъ— «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ». Монографіи его даютъ намъ возможность прослѣдить ходъ его изысканій и убѣдиться въ той чрезвычайной строгости, съ которой онъ протестовалъ, въ качествѣ критика, противъ небрежности и отсутствія метода въ работѣ; послѣднее было необходимо, хотя нельзя не признать, что онъ бывалъ подчасъ слишкомъ рѣзокъ въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ и возбудилъ противъ себя много вражды. Что касается до «Мордвиновскаго архива», то на него можно указать, какъ на примѣръ самаго тщательнаго, образцоваго изданія. Бильбасовъ раскрылъ намъ одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія внутренней исторіи Россіи, начиная съ эпохи Екатерины II и кончая царствованіемъ Николая I. Безукоризненность изданія, руководяція введенія, объяснительныя примѣчанія, ссылки на литературу предмета, исчерпывающія затронутые вопросы указанія—все это не оставляетъ желать ничего лучшаго. Словомъ сказать, это—превосходный трудъ, необходимый для всякаго, кто хочетъ заняться изученіемъ русской исторіи того времени.

Удивительно, что въ Россіи общество такъ мало оцѣнило его по достоинству. Мы не нашли посвященнаго ему некролога ни въ

«Русской Старинѣ», для которой онъ писалъ еще за нѣсколько недѣль до смерти, ни въ «Вѣстникѣ Европы», ни въ «Русскомъ Архивѣ». Дубровинъ и Пыпинъ въ этомъ отношеніи оказались счастливѣе его.

Посвящая эти строки памяти В. А. Бильбасова, мы имѣли въ виду воздать должное человѣку, оказавшему крупныя услуги русской исторической наукѣ.

ПАМЯТИ М. С. ДРИНОВА¹⁾.

(† 28 февраля 1906 г.).

МЫ БЫ ЕГО болѣе среди насъ—дорогого, высокочтимого товарища Марина Степановича... Смерть жестокая, неумолимая, похитила его отъ насъ, и онъ ушелъ туда, откуда нѣтъ возврата, ушелъ, оставивъ осиротѣлой семью, покинувъ то любимое дѣло, для котораго работалъ всю свою жизнь, не увидавъ еще въ послѣдній разъ своей дорогой родины, къ которой такъ рвался, особенно въ послѣднее время, о которой всегда думалъ, мечталъ и которой посвятилъ всѣ свои силы, всю свою энергiю, весь пылъ любви своей вѣчно юной, прекрасной души...

Да, его болѣе нѣтъ среди насъ. Вчера мы опустили его въ могилу, сказавъ ему послѣднее «прости».

Съ душевной болью мы стояли у его могилы, печально сознавая, что не увидимъ уже болѣе его, не услышимъ его умной, всегда интересной рѣчи, не увидимъ его привѣтливаго, кроткаго лица, озареннаго ясной улыбкой, не получимъ отъ него добраго совѣта, руководства... Мы потеряли навсегда его, высокочтимого, дорогого, добрѣйшаго товарища, съ его чистой, трогательно-нѣжной, отзывчивой на все доброе, прекрасное, душой, съ его обширными научными познанiями, которыми онъ такъ щедро дѣлился съ нами и которыми служилъ наукѣ, родинѣ... Мы скорбимъ о великой утратѣ

¹⁾ Рѣчь, сказанная въ засѣданiи Харьковскаго историко-филологическаго общества 8 марта 1906 г., посвященная памяти покойнаго ученаго, въ присутствiи болгарской депутацiи, прибывшей изъ Софiи на погребенiе своего славнаго соотечественника.

въ его лицѣ для науки, для нашего родного университета, для нашей родины. И вмѣстѣ съ нами скорбитъ его первая родина, Болгарія, почти изъ всѣхъ городовъ своихъ шлющая намъ собо-лѣзнованія, слова сочувствія, сожалѣнія въ великой утратѣ, при-славшая къ намъ, наконецъ, высшихъ представителей своего на-рода, дѣятелей въ области просвѣщенія, культуры. Мы глубоко цѣнимъ эту дань почтенія къ М. С., насъ до глубины души тро-гаетъ этотъ послѣдній привѣтъ, привезенный изъ Болгаріи ея сыну — нашему любимому товарищу, славѣ и гордости нашего университета, какъ одному изъ лучшихъ славистовъ въ широ-комъ смыслѣ этого слова. И наша скорбь смягчается этимъ со-чувствіемъ, идущимъ отовсюду отъ научныхъ дѣятелей универ-ситетовъ, отъ историко-филологическихъ факультетовъ, отъ ученыхъ обществъ: эти сочувствія—лучшій показатель, что жизнь М. С. многоцѣнна, дорога, что своею дѣятельностью онъ принесъ боль-шую пользу наукѣ, просвѣщенію...

Какова эта дѣятельность, чего она касалась, насколько она была высокоплодотворна, какой глубокой слѣдъ она оставила въ наукѣ славяновѣдѣнія, мы знаемъ изъ рѣчей моихъ высокоува-мыхъ товарищей. Задача моей небольшой рѣчи, служащей сла-бымъ выраженіемъ моего глубокаго уваженія и любви къ старшему товарищу выраженіемъ чувства искренней и глубокой благодарности за все то доброе и прекрасное, что я получилъ отъ него,—подѣ-литься съ вами немногими воспоминаніями о немъ, указать на нѣкоторые эпизоды изъ его жизни, характеризующіе его, какъ человѣка, отмѣчающіе его глубокую любовь къ наукѣ, къ родинѣ.

М. С. родился въ небольшомъ городкѣ Болгаріи—Панагюрдшите (въ сѣверной Тѳракіи). Происходя изъ небогатой семьи, онъ все же, благодаря вниманію родителей и благодаря своимъ выдающимся способностямъ, получилъ прекрасное среднее образованіе. Жизнь въ семьѣ, близость къ народу, къ народной жизни, оставили глу-бокой слѣдъ въ душѣ юноши. Онъ видѣлъ угнетенное положеніе народа, его рабскую зависимость, видѣлъ, какъ подавляются его духовныя силы, какъ онѣ пропадаютъ, какъ, благодаря отсутствію свободныхъ политическихъ формъ, благодаря отсутствію просвѣ-щенія, бѣдная его родина опускается все ниже и ниже въ своемъ значеніи... Рабство, невѣжество—спутники деспотіи, оковы про-гресса.

И въ головѣ юноши, какъ и у многихъ другихъ, лучшихъ сознательныхъ сыновъ родины, конечно, работала мысль о томъ, какъ разбить эти оковы, какъ помочь бѣдной родинѣ возстановить ея былую самостоятельность, дать развитіе духовнымъ силамъ народа, нѣкогда создавшимъ замѣчательные памятники культуры, оказывавшіе вліяніе на культуру другихъ народовъ... У этихъ лучшихъ сыновъ бѣдной родины создавались планы, идеалы—

поработать для возрожденія родины. Но для работы, особенно культурно-политической необходимо собственное развитіе, обогащеніе научными познаніями. Гдѣ же можно было ихъ получить? Конечно, прежде всего въ западныхъ государствахъ, гдѣ наука стоитъ высоко. Но славяне вообще и болгаре въ частности не забывали уже въ то время о родственномъ для нихъ народѣ—русскихъ, у которыхъ въ ихъ университетѣ можно было почерпнуть эти знанія, особенно въ области историко-филологическихъ наукъ, касающихся, между прочимъ, и культурно-историческихъ вопросовъ, дорогихъ всѣмъ славянамъ.

И М. С. отправляется въ Москву и поступаетъ въ славившійся уже тогда лучшими научными силами университетъ.

М. С., при своей скромности, деликатности, рѣдко дѣлился своими воспоминаніями юности. Но что онъ переживалъ, что волновало его юную душу, что побудило его покинуть родину, мы можемъ живо себѣ представить, нарисовать, зная его послѣдующую дѣятельность.

Говоря о юношѣ болгаринѣ Дриновѣ, воспитанникѣ Московскаго университета, мы невольно вспоминаемъ художественный образъ, воссозданный нашимъ великимъ писателемъ Тургеневымъ въ его романѣ «Наканунѣ», написанномъ въ 1859 г., т.-е. приблизительно въ то время, когда М. С. поступилъ въ Московскій университетъ. Мы разумѣемъ юношу Инсарова, также болгарина. Сопоставляя его съ М. С., мы не хотимъ тѣмъ сказать, что находимъ въ нихъ сходныя черты характера. Нѣтъ, эти черты во многомъ разнятся. Но для насъ несомнѣнно, что то, что воодушевляло юношу Инсарова, воодушевляло и М. С., у обоихъ были однѣ цѣли, одни планы. Очевидно также, что въ Инсаровыхъ нарождалась уже новая общественная сила, и Тургеневъ своимъ художественнымъ чувствомъ уловилъ ея присутствіе.

Что же воодушевляетъ Инсарова, что служитъ предметомъ его занятій? Обратимся для отвѣта на эти вопросы къ самому роману. Въ бесѣдѣ Елены съ Берсеневымъ объ Инсаровѣ выясняется цѣль его пребыванія въ Москвѣ, его надежды, мечты; на вопросъ Елены, зачѣмъ Инсаровъ живетъ въ Москвѣ,—Берсенева отвѣчаетъ: «Онъ пріѣхалъ сюда учиться. И знаете ли, съ какою цѣлью онъ учится? У него одна мысль: освобожденіе его родины».

Въ описаніи посѣщенія Берсеневымъ Инсарова писатель подробно останавливается на занятіяхъ послѣдняго и пользуется случаемъ для характеристики его. «Онъ учился и русской исторіи, и праву, и политической экономіи, переводилъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собиралъ матеріалы о восточномъ вопросѣ, составлялъ русскую грамматику для болгаръ, болгарскую для русскихъ» (изд. Маркса, 1898, II, 68).

«Отъ пѣсенъ,—говоритъ Тургеневъ,—Берсенева перешелъ къ современному положенію Болгаріи, и тутъ онъ впервые замѣтилъ,

какая совершалась переменна въ Инсаровѣ при одномъ упоминаніи его родины: не то, чтобы лицо его разгоралось, или голосъ возвышался—нѣтъ! но все существо его какъ будто крѣпло и стреми-

Маринъ Степановичъ Дриновъ.

лось впередъ, очертаніе губъ обозначалось рѣзче и неумолимѣе, а въ глубинѣ глазъ заигрался какой-то глухой, неугасимый огонь. Инсаровъ не любилъ распространяться о собственной своей поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говорилъ охотно со всякимъ.

Онъ говорилъ, не спѣша, о туркахъ, о ихъ притѣсненіяхъ, о горѣ и бѣдствіяхъ своихъ согражданъ, объ ихъ надеждахъ; сосредоточенная обдуманность единой и давней страсти слышалась въ каждомъ его словѣ» (ib.). Инсаровъ такимъ образомъ истинный сынъ своей родины, страдающій, что она несчастна, болѣющій о ней, мечтающій помочь ей, ея освобожденію. «Я увѣренъ,—говоритъ онъ Еленѣ,— вы полюбите насъ: вы всѣхъ притѣсненныхъ любите. Если бы вы знали, какой нашъ край благодатный. А, между тѣмъ, его топчутъ, его терзаютъ,—подхватилъ онъ съ невольнымъ движеніемъ руки, и лицо его потемнѣло:—у насъ все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо, гоняютъ насъ поганые турки, насъ рѣжутъ... Вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину. Что же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ... Замѣтите: послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я,—мы желаемъ одного и того же. У всѣхъ у насъ одна цѣль»... (281—282).

Такія же мечты лелѣялъ и М. С., такія же чувства любви къ родинѣ воодушевляли и его. Помочь родинѣ, дѣлу освобожденія ея, онъ надѣялся культурной работой, изученіемъ прошлаго ея, языка его народа, его исторіи; въ этомъ прошломъ онъ находилъ права народа на его настоящее, на возстановленіе этихъ правъ, на политическо-культурное возрожденіе его въ настоящемъ. Наука, научныя цѣли и задачи, оставаясь у него вѣрны сами по себѣ въ своей истинѣ, объективности, служили въ то же время политикѣ. И М. С. научной дѣятельностью принесъ великую пользу своей родинѣ въ политическомъ отношеніи. Чтобы быть наиболѣе полезнымъ родинѣ—въ защитѣ ея, ея правъ, тѣмъ орудіемъ, которое онъ избралъ—наукой, М. С. и посвятилъ послѣдней всѣ свои силы, всѣ дарованія.

Окончивъ въ 1866 г. Московскій университетъ, гдѣ онъ имѣлъ въ лицѣ Бодянскаго, Буслаева выдающихся учителей-славистовъ, М. С. въ теченіе пяти лѣтъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ въ Австріи и Турціи и значительное время пробылъ въ Италіи, гдѣ занимался въ архивахъ, изучая памятники дипломатическихъ сношеній южныхъ славянъ съ Италіей и другіе памятники, имѣющіе отношеніе къ литературѣ и исторіи славянъ.

Съ какой любовью относился молодой ученый къ своему дѣлу, какъ онъ тщательно подбиралъ источники для культурной исторіи болгаръ, не говоря о множествѣ фактовъ, о которыхъ можно судить по самимъ печатнымъ его сочиненіямъ, укажу на одинъ, которымъ подѣлился со мной покойный въ бесѣдахъ по поводу иллюстрированныхъ болгарскихъ рукописей. Занимаясь въ Ватиканской бібліотекѣ рукописями, М. С., конечно, обратилъ специальное вниманіе на выдающійся болгарскій памятникъ XIV вѣка «Манасинуу

лѣтопись», имѣющій важное значеніе не только для политической исторіи болгаръ, исторіи литературы, языкознанія, но и для искусства, благодаря тѣмъ многочисленнымъ миниатюрамъ, которыми рукопись украшена. М. С. обратилъ должное вниманіе и на эти миниатюры, и въ сознаниі большого ихъ значенія для исторіи болгарскаго искусства XIV вѣка, для разрѣшенія различныхъ научныхъ вопросовъ, на примѣръ, вліянія на это искусство византийскаго и вліянія въ свою очередь болгарскаго искусства на искусство другихъ славянскихъ народовъ,—задумалъ изданіе ихъ. Онъ не пожалѣлъ своихъ небольшихъ средствъ на заказъ художнику копій съ большей части ихъ въ краскахъ. Къ сожалѣнію, издать самому эти копии не пришлось, такъ какъ у него на это совершенно не было средствъ, найти же издателя также не удалось, и эти копии теперь одно изъ драгоценныхъ наслѣдій покойнаго на ряду съ его библиотекой и собраніемъ рукописей. Въ то же заграничное путешествіе напечатаны М. С. первые два его труда на болгарскомъ языкѣ: «Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа и на начало болгарской исторіи» и «Обзоръ исторіи болгарской церкви отъ ея начала и донынѣ» (Вѣна, 1869).

Весьма знаменательно предисловіе покойнаго къ одному изъ этихъ трудовъ, ясно указывающее на его сильное чувство патриотизма, руководившее имъ въ его научной дѣятельности, на осуществленіе имъ, наконецъ, тѣхъ плановъ, идеаловъ, которыми была преисполнена въ годы ученія душа юноши, лучшаго сына своей родины. Онъ говоритъ здѣсь, что вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ болгарскій народъ «увидѣлъ себя какъ бы отрѣзаннымъ отъ свѣта, сиротою между другими народами, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ предковъ. Поэтому одно чувство должно было обнять душу болгарина—самоуничиженіе, рѣшительно препятствующее самостоятельному развитію болгаръ» и мѣшающее имъ пользоваться болѣе благопріятными условіями жизни. Этому чувству и противодѣйствовалъ М. С. и послѣдующими своими многочисленными научными трудами, создавая въ то же время богатство не только для болгарской науки, но и для европейской, а въ частности русской, помогая своей родинѣ, ея возрожденію, поднятію ея національнаго самосознанія, осуществленію различныхъ культурно-политическихъ начинаній, распространенію просвѣщенія.

Съ 1873 г. М. С. переѣхалъ въ Харьковъ, избранный совѣтомъ университета на кафедру славяновѣдѣнія, и съ того времени болѣе тридцати лѣтъ онъ занималъ ее, съ честью и славой работая на пользу науки, просвѣщенія, составляя гордость и славу нашего университета, служа лучшимъ его украшеніемъ, являясь однимъ изъ лучшихъ славистовъ, работающихъ въ Россіи.

Работая въ Россіи, въ скромномъ, провинціальномъ городѣ, М. С. преслѣдовалъ всегда лишь однѣ чисто научныя цѣли, онъ

чуждъ и далекъ былъ карьеризма, погони за наживой, почестью, славой. Онъ зналъ лишь одно свое святое дѣло, которому неизмѣнно прослужилъ всю жизнь,—науку, онъ помнилъ и никогда не забывалъ о своей родинѣ, и, работая въ научной области здѣсь въ Россіи, ставшей для него второй родиной, работалъ въ то же время и для Болгаріи, посвящая ей свои изслѣдованія въ области исторіи, литературы, языка, этнографіи. Лишь на небольшое время М. С. покинулъ Харьковъ, оставивъ свою чисто научную дѣятельность. Это было въ 1877—1878 г.г.—періодъ освободительной войны. Сердце вѣрнаго сына своей родины сказалось и въ этомъ отъѣздѣ: родина переживала критическій моментъ, и онъ поспѣшилъ на ея призывъ... Нѣкоторое время М. С. былъ при отрядѣ войскъ, велъ бивуачную жизнь во время осады Шлевны, а послѣ окончанія войны, когда Болгарія получила права на жизнь свободную, права свободного государства, онъ принимаетъ участіе въ устроении освобожденной родины, какъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; и на этомъ посту, даже за небольшое время онъ успѣваетъ принести много пользы дѣлу просвѣщенія. Административная дѣятельность тяготила М. С. Родина его уже вступила на свободный путь развитія; свобода дала ей залогъ этого развитія, и М. С. спокойно могъ удалиться вновь въ Харьковъ, гдѣ попрежнему всецѣло посвящаетъ свои силы научнымъ трудамъ, попрежнему, никогда не забывая своей родины, всегда принимая близко къ сердцу ея интересы. Въ 1881 г. М. С. получилъ приглашеніе занять еще болѣе высокій постъ: президента болгарскаго государственнаго совѣта. Но онъ не принялъ этого званія, оставшись вѣренъ своимъ симпатіямъ и влеченіямъ къ скромной, ученой работѣ.

Насколько высокополезна была научная дѣятельность М. С. для Болгаріи, настолько же она была полезна и для Россіи, для нашего университета, для русской науки... И память о немъ будетъ дорога, какъ тамъ въ Болгаріи, такъ и здѣсь, такъ какъ онъ намъ столь же близокъ и дорогъ, какъ и Болгаріи. Онъ прожилъ среди насъ болѣе тридцати лѣтъ, поработавъ на нивѣ распространенія высшаго образованія, подготовивъ не одно поколѣніе научныхъ и педагогическихъ дѣятелей. М. С., придя оттуда изъ братской для насъ земли, братски внесъ крупный вкладъ въ сокровищницу русскаго просвѣщенія, возблагодаривъ сторицею за то, что онъ получилъ у насъ, въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ... И оттого съ именемъ М. С. намъ будетъ дорого воспоминаніе о немъ, о его дѣятельности, о томъ скромномъ домикѣ на Холодной горѣ, гдѣ имъ прожито немало лѣтъ, гдѣ написано немало трудовъ, но намъ будетъ дорого и воспоминаніе о его милой родинѣ, гдѣ онъ родился и провелъ лучшіе годы своей жизни, жизни въ родной семьѣ, среди родного народа, заложившей въ его душѣ лучшія чувства...

Но М. С. дорогъ намъ не только, какъ научный дѣятель, онъ дорогъ намъ, какъ человѣкъ, какъ товарищъ. Трудно передать все обаяніе личности М. С. Это былъ человѣкъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ отличался необыкновенной добротой, привѣтливостью, чистой, ясной, открытой душой, преисполненной любви ко всему доброму, прекрасному. Ко всѣмъ людямъ, товарищамъ онъ относился доброжелательно, готовъ всегда былъ услужить, помочь всѣмъ, чѣмъ могъ. Тамъ, гдѣ онъ былъ, не было мѣста враждѣ, раздору, не было мѣста и лжи, лукавству. Умъ ясный, здравый, смотрящій всегда въ глубину дѣла, онъ любилъ также во всемъ ясность, справедливость, соединенную съ гуманностью, съ сочувствіемъ [положенію человѣка, къ тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ въ его жизни, дѣлахъ... Трудно сказать, были ли враги у М. С., но смѣло можно сказать: онъ имѣлъ по преимуществу друзей, искренно уважающихъ, почитающихъ его и любящихъ.

Особенно трогательно было его доброжелательное отношеніе къ младшимъ товарищамъ, которымъ онъ помогалъ своими обширными свѣдѣніями и научными совѣтами. Сколько ученыхъ, работающихъ въ различныхъ университетахъ, съ чувствомъ искренняго сожалѣнія и съ душевной болью узнавъ о его смерти, помянуть его добрымъ словомъ!

Я не имѣю возможности указывать здѣсь на примѣры. Одинъ изъ нихъ указанъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ его статьѣ «Выступленіе А. А. Потебни на ученое поприще и участіе въ этомъ дѣлѣ М. С. Дринова»¹⁾. Я лично не могу не вспомнить съ чувствомъ искренней благодарности и признательности доброжелательныя отношенія М. С. ко мнѣ, его готовность прійти на помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда я обращался къ нему, на примѣръ, по поводу вопросовъ о времени и мѣстѣ перевода на славянскій языкъ сочиненія Козьмы Индикоплова на основаніи извѣстныхъ списковъ его, бывшихъ столь распространенными на Руси. М. С. былъ былъ такъ добръ—сдѣлалъ для меня множество выписокъ изъ нѣкоторыхъ списковъ и собирался сдѣлать сводку имъ, но болѣзнь помѣшала привести ему это въ исполненіе. Весьма близко къ сердцу принялъ М. С. вопросъ о полученіи фотографій и подробныхъ свѣдѣній о единственной пока извѣстной славянской рукописи Козьмы Индикоплова и, по видимому, иллюстрированной, находящейся въ монастырѣ св. Троицы близъ Плевля... Какъ онъ жалѣлъ, что уже не молодъ, и не можетъ совершить поѣздокъ по славянскимъ землямъ и поработать въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ въ поискахъ матеріаловъ для нѣкоторыхъ трудовъ, начатыхъ имъ и не оконченныхъ...

¹⁾ Сборникъ статей въ честь М. С. Дринова (Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества, т. XV, стр. 141).

«Вотъ,—говорилъ онъ,—тогда я нашелъ бы вамъ, можетъ быть, и болгарскую лицевую рукопись сочиненія Козьмы Индикоплова»... Переписка, веденная мною подъ руководствомъ М. С., къ сожалѣнiю, не дала положительныхъ результатовъ въ виду запрета высшей духовной власти. Съ какимъ трогательнымъ вниманiемъ М. С. отозвался на мою просьбу совмѣстно разсмотрѣть нѣкоторые рукописные списки Шестоднева Иоанна, экзарха болгарскаго! Мы подробно разсматривали ихъ, и М. С. охотно дѣлился при этомъ своими важными замѣчанiями по поводу текста, источниковъ его и т. п. Въ результатѣ этихъ занятiй были рефераты, прочитанные нами въ Харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ; весьма цѣнный рефератъ М. С. остался непечатавшимся...

М. С. до послѣднихъ дней своей жизни не терялъ интереса ни къ наукѣ, ни къ совершающемуся освободительному движенiю въ Россiи. Онъ живо и горячо относился ко всему, и притомъ настолько, что, видя въ совершающемся движенiи наступленiе важныхъ историческихъ событiй, уже лежа въ постели, перечитывалъ капитальные труды по исторiи освободительныхъ движенiй въ другихъ государствахъ... Онъ болѣлъ душой о закрытiи университетовъ, объ остановкѣ научной въ нихъ работы...

Закрывая глаза навѣки, онъ могъ быть спокоенъ за свою дорогую для него родину, Болгарiю, которая, получивъ свободу, вступила на путь прогресса и пользуется широко и плодами трудовъ его. Въ этомъ отношенiи онъ былъ счастливъ, что еще при жизни увидѣлъ благiе результаты своихъ трудовъ, получилъ оцѣнку ихъ. И благодарная Болгарiя и нынѣ несетъ ему дань признательности въ лицѣ своихъ представителей, сказавшихъ ему послѣднее «прости», увѣнчавшихъ его могилу цвѣтами, выразившихъ ему свою любовь, высокое почитанiе. Закрывая глаза, онъ, однако, могъ быть менѣе покоенъ за свою также для него дорогую вторую родину—Россiю. Онъ прожилъ въ ней бѣольшую часть своей жизни, отдавъ ей лучшiя свои силы, желая ей добра, блага. Онъ, какъ и всѣ мы, ожидалъ и для Россiи наступленiя свободы, обновленiя, когда культура, наука, просвѣщенiе должны будутъ получить широкой просторъ, широкое развитiе, коснувшись и бѣднаго, приниженаго, забитаго, голоднаго полураба-крестьянина.

Да наступитъ же скорѣе это время, и пусть вмѣстѣ съ нимъ у насъ явится побольше такихъ культурныхъ дѣятелей, какъ М. С. Дриновъ, гордость и слава нацiи, залогъ ея прогресса, залогъ совмѣстной въ будущемъ работы славянскихъ народовъ-братьевъ на нивѣ культуры, просвѣщенiя.

Е. К. Рѣдинъ.

КОНСТАНТИНЪ АПОЛЛОНОВИЧЪ СКАЛЬКОВСКІЙ.

(Некрологъ).

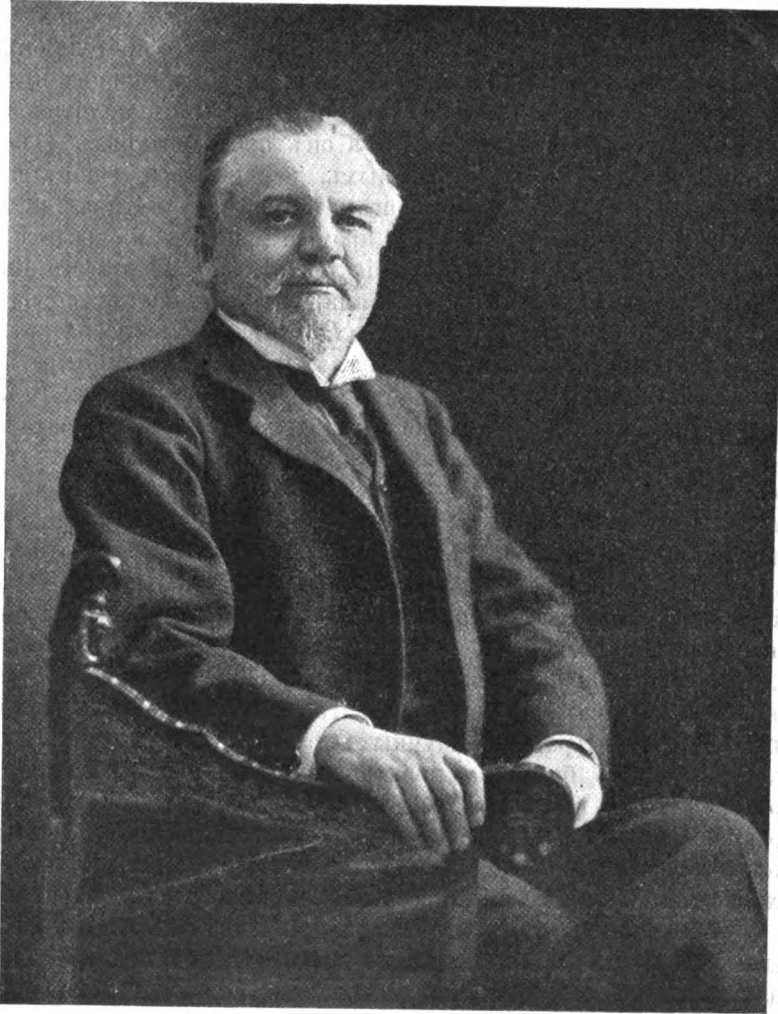

КОРОПОСТИЖНО кончилъ 6 мая сего года свой вѣкъ выдающійся общественный и государственный дѣятель, талантливый писатель-публицистъ, человѣкъ обширнаго ума и неизсякаемаго остроумія — Константинъ Аполлоновичъ Скальковскій, столь долго и часто занимавшій и своею оригинальною личностью, и своими полными «аттической соли» произведеніями вниманіе русскаго общества.

Изъ нашей отечественной дѣйствительности, столь скудной талантами и самобытными умами, выбыла крупная сила, замѣнить которую чѣмъ нибудь равнозначащимъ будетъ очень трудно. Скальковскій былъ весь оригиналенъ, самобытенъ и независимъ, какъ въ своей личной, такъ и въ общественной жизни. Онъ всегда стоялъ у всѣхъ на виду, никому не кланялся, ни передъ кѣмъ не заискивалъ и, какъ *enfant terrible*, говорилъ небрежно-насмѣшливо направо и направо, друзьямъ и недругамъ, начальству и подчиненнымъ горькія истины, не заботясь о послѣдствіяхъ своей откровенной рѣчи. Это привлекало къ нему вниманіе массы, дразнило тѣхъ, кому и о комъ онъ говорилъ, рождало вокругъ его имени легенды и пересуды, плодило ему враговъ и создавало изъ него тотъ умственный центръ, съ которымъ современники считались, и къ которому они неизмѣнно обращались, — иные въ интересахъ исторической и бытовой справки, другіе въ пѣляхъ оригинальнаго освѣщенія «вопросовъ дня», третьи, ища въ немъ объектъ для полемики и пищу для спора и насмѣшки. Скальковскій никогда не оставался въ тѣни, никогда не былъ тою милой посредственностью, которая ни горяча, ни холодна, и которая всѣмъ мила и родственна. Хотя на своемъ 35-ти лѣтнемъ литературномъ юбилеѣ онъ добро-

душно-насмѣшливо и провозгласилъ себя «неудачникомъ въ жизни», но въ сущности онъ до извѣстной степени былъ скорѣе баловнемъ судьбы. Правда, его широкія умственные способности, его просвѣщенный кругозоръ, эрудиція и запасъ опыта жизни, быть можетъ, давали ему нѣкоторое право на нѣчто еще большее,—на болѣе крупное служебное положеніе, на болѣе милостивую опѣнку его дѣятельности со стороны власть имущихъ, но и то, что далось ему жизнью, при наличности трудныхъ условій русской дѣйствительности, гдѣ посредственности сплошь и рядомъ стоятъ на виду и на первомъ мѣстѣ, а люди, отмѣченные печатью таланта, затираются въ задніе ряды, при такихъ обычныхъ у насъ условіяхъ,—нельзя не признать, что жизнь скорѣе улыбалась покойному и дала въ его распоряженіе всѣ средства, чтобы оставить по себѣ довольно громкую память и значительный слѣдъ въ исторіи нашей общественности, нашей культуры. Эта жизнь дала ему крупное государственное положеніе, хорошія матеріальныя средства, благодаря которымъ онъ могъ независимо работать въ литературѣ, дала ему возможность по тому или иному случаю извѣдять чуть ли не весь свѣтъ, много «пожить»; вкусить многихъ радостей и видѣть по многимъ статьямъ отечественнаго обихода плоды рукъ своихъ; жизнь покойнаго поэтому можетъ считаться очень полною, разнообразною и интересною, которая дается въ удѣлъ лишь особымъ избранникамъ.

Сынъ извѣстнаго историка, Аполлона Александровича, К. Скальковскій родился въ Одессѣ въ 1843 г. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, которое въ раннемъ возрастѣ пробудило въ немъ духъ пыливости и интереса къ вопросамъ просвѣщенія, онъ сначала кончилъ курсъ въ Рихельевскомъ лицей, а затѣмъ въ институтѣ горныхъ инженеровъ. Поступивъ затѣмъ на службу по горному вѣдомству, Константинъ Аполлоновичъ произвелъ рядъ геологическихъ и геогностическихъ изслѣдованій въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, на Мангишлякскомъ полуостровѣ и въ земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска, одновременно онъ основательно изучалъ хозяйство горныхъ заводовъ, уральскихъ, подмосковныхъ и олонекскихъ. Такимъ образомъ, онъ уже на зарѣ своей жизни является одновременно и практикомъ-инженеромъ съ солидной научной подготовкой и ученымъ экономистомъ, могущимъ судить о нуждахъ своего отечества не только на основаніи книжной мудрости и кабинетнаго культуртрегерства, но и изъ широкаго запаса опытнаго знанія реальной жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Начавъ еще на школьной скамьѣ, будучи воспитанникомъ горнаго института, свою литературную дѣятельность, онъ въ 1866 г. выпускаетъ надѣлавшую шума брошюру: «Стоитъ ли поощрять нашу промышленность?»—брошюру, которая явилась своего рода одинокимъ, но сильнымъ голосомъ протекціониста въ то почти исключительно фритредерское время. Въ 1867 г. онъ былъ избранъ

H. Auerbach

секретаремъ только-что учрежденнаго «общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», въ каковой должности онъ и пробылъ 10 лѣтъ; позднѣе онъ былъ дѣятельнымъ членомъ комиссіи, которая выработала таможенный тарифъ 1891 г. съ его протекціонистскимъ характеромъ. Одновременно онъ занималъ въ горномъ институтѣ кафедру горнозаводской статистики вмѣстѣ съ политической экономіей. Въ горномъ департаментѣ онъ проходилъ рядъ должностей, выдающихся и отвѣтственныхъ, до директора департамента включительно, откуда въ 1896 г. онъ и вышелъ въ отставку, отдавъ себя всецѣло частной службѣ въ промышленныхъ и кредитныхъ предпріятіяхъ. Время его управленія департаментомъ отмѣчено многими выдающимися законоположеніями по горной части, упорядоченіемъ казеннаго хозяйства на заводахъ, оживленіемъ многихъ отраслей добывающей промышленности и т. д., при чемъ инициатива большинства мѣропріятій исходила почти исключительно отъ самого Константина Аполлоновича. Въ то же время ему приходилось бывать дѣятельнымъ членомъ многихъ комиссій, образованныхъ при другихъ вѣдомствахъ, гдѣ къ его голосу, независимому и практическому, все всегда внимательно прислушивались и съ нимъ сообразовались. Особенно цѣнило его вѣдомство финансовъ, которое и возлагало на него постоянно рядъ порученій отвѣтственнаго характера, вслѣдствіе которыхъ ему и приходилось предпринимать самыя разнообразныя поѣздки, какъ въ цѣляхъ разныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и освѣщенія вопросовъ въ ихъ практической и государственной постановкѣ. Результатомъ этихъ поѣздокъ-командировокъ явился рядъ литературно-научныхъ работъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ большую практическую цѣнность, какъ, напримеръ, «Суэзскій каналъ и его значеніе для русской торговли», «Срочное почтовое пароходство въ Россіи и за границу», «Горное законодательство въ Соединенныхъ Штатахъ», «Русская торговля въ Тихомъ океанѣ», «Русскій торговый флотъ и срочное пароходство на Черномъ и Азовскомъ моряхъ» и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ специальныхъ изданіяхъ можно найти массу слѣдовъ, непосредственно связанныхъ съ его учеными поѣздками. Можно воистину удивляться, когда нашъ ученый администраторъ успѣвалъ работать и на государственно-служебномъ поприщѣ и на учено-литературномъ! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысль его никогда не оставалась праздною, и книга, чернила, и перо были неразлучными спутниками и друзьями, сопровождавшими его на всехъ широтахъ земного шара. Помимо специальныхъ работъ, стоящихъ въ непосредственной зависимости отъ командировокъ, мы видимъ Скальковскаго дѣятельнымъ работникомъ и по части горнопромышленной статистики, гдѣ онъ оставляетъ по себѣ очень крупный слѣдъ. Такъ, съ 1870 по 1881 г. онъ составляетъ и редактируетъ «Сборники статистическихъ свѣдѣній по горной и соляной части». Можно съ увѣренностью ска-

зять, что врядь ли кто изъ современниковъ Скальковскаго, находившихся въ аналогичныхъ съ нимъ условіяхъ служебной дѣятельности, такъ разнообразно и плодотворно поработалъ на поприщѣ теоретической разработки специальныхъ вопросовъ, какъ именно онъ, при чемъ свѣдѣнія объ этихъ работахъ мало проникали въ массу русской публики, которая потому и лишена была почти возможности судить Константина Аполлоновича, какъ рѣдкаго у насъ ученаго инженера, умѣющаго ясно ставить трактующе вопросы и освѣщать ихъ разносторонне и обстоятельно.

Многочисленныя поѣздки его по казенной надобности современемъ развили въ немъ страсть въ путешествіямъ вообще, такъ что рѣдкіе годы проходили, когда русскіе читатели не получали отъ него большого или малаго числа очерковъ, посвященныхъ описанію посѣщенныхъ имъ странъ и народовъ. Большая часть составленныхъ имъ описаній вышла отдѣльными книгами, изъ которыхъ нѣкоторыя выдержали не одно изданіе. Къ числу таковыхъ относятся, какъ наиболѣе выдающіяся и занимательныя, объединенныя при томъ общимъ заглавіемъ «Путевыя впечатлѣнія»: «Въ Испаніи», «Въ Египтѣ, Аравіи и Индіи», «Въ Португаліи, Австріи, Франціи и Италіи», «По Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ», «Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ», «Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи, Бельгіи», «Въ Италіи, Марокко, Англии и Франціи».

Всѣ эти описанія изложены живо, увлекательно и даютъ въ распоряженіе читателей обширный географическій, историческій, бытовой и политико-экономическій матеріалъ. Въ нихъ сказывается во всемъ блескѣ обширная эрудиція автора, его близкое и обстоятельное знакомство съ Европой, которое г. Суворинъ въ своей характеристикѣ покойнаго ¹⁾ считаетъ «рѣдкимъ» у насъ. «Онъ зналъ исторію Европы, въ особенности со временъ великой революціи, какъ рѣдко кто ее знаетъ,—свидѣтельствуетъ издатель «Новаго Времени».—Онъ зналъ ее не только въ главныхъ политическихъ теченіяхъ и отношеніяхъ къ Россіи, не только въ характерахъ дѣятелей ея, но онъ зналъ ее во всѣхъ сколько нибудь значащихъ подробностяхъ. Онъ изучалъ ее не только по книгамъ, но и путешествуя, въ современныхъ бытовыхъ условіяхъ, изучалъ въ ея литературѣ, театрѣ, искусствѣ, политикѣ». Поэтому, знакомясь съ тѣмъ или инымъ томомъ изъ «Путевыхъ впечатлѣній» Скальковскаго, по необходимости умственно приобщаешься къ исторической и политической жизни той страны, о коей идетъ рѣчь, воспринимаешь очень много такихъ свѣдѣній, которыя расширяютъ вашу энциклопедію, вашъ научный кругозоръ зрѣнія. Способъ изложенія, манера автора трактовать содержаніе своей работы, самый подходъ

¹⁾ «Новое Время», 7 мая 1906 г.

къ вопросамъ часто смущаютъ слишкомъ взыскательныхъ читателей нѣкоторой кажущейся легковѣсностью и даже легкомысліемъ; но если это и является слабою стороною въ глазахъ нѣкоторыхъ, то въ глазахъ большинства читателей это достоинство и то качество, благодаря которому книга всегда будетъ прочитана до конца съ неослабнымъ интересомъ и использована наиболѣе продуктивно въ интересахъ самообразованія. Русскую публику надо еще приучать къ чтенію, и Скальковскій въ данномъ случаѣ былъ безспорно тѣмъ, который умѣлъ овладѣвать вниманіемъ широкой аудиторіи, внушая ей любовь къ печатному слову и къ познанію того, что стоитъ за предѣлами обыденной бесодержательной жизни.

Многочисленные научно-литературные труды составили Скальковскому доброе имя талантливаго работника, но его широкая популярность обосновалась не на нихъ главнымъ образомъ. Ему дала ее его дѣятельность на поприщѣ публицистики, въ роли газетнаго сотрудника и автора многочисленныхъ статей, очерковъ и замѣтокъ, бойкихъ, остроумныхъ и повседневныхъ, гдѣ ярко сказался его талантъ хроникера русской и отчасти европейской жизни,—талантъ, равный которому по блеску и силѣ трудно указать въ нашей современной печати.

Скальковскій не былъ созданъ для такъ называемой нашей ежемѣсячной журналистики съ ея нѣсколько громоздкимъ матеріаломъ и содержаніемъ, требующими отъ автора особой сноровки общенія, гдѣ детальное и повседневное уступаетъ мѣсто общему и философско-идейному. Онъ былъ характернымъ представителемъ жизни даннаго момента и въ своихъ писаніяхъ, особенно относящихся къ восьмидесятымъ и девяностымъ годамъ минувшаго столѣтія, съ особенною силою умѣлъ отражать то, чѣмъ интересовалась и волновалась широкая масса потребителей газетнаго листа. Прекрасный стилистъ, онъ подносилъ читателямъ свои произведенія въ легкой и красивой формѣ изложенія; человекъ рѣдкаго остроумія, онъ постоянно отвлекался отъ главнаго сюжета, его занимающаго, въ сторону полемики, вылазокъ въ станъ друзей и недруговъ, умѣя во-время и ловко сказать имъ колкое слово; ученый, обладающій феноменальною почти памятью, онъ постоянно пересыпалъ свои положенія экскурсіями въ область столь хорошо ему знакомой исторіи, откуда онъ мастерски почерпалъ параллели, сравненія, указанія опыта и предостереженія былого; общественный дѣятель и работникъ на государственномъ поприщѣ, онъ умѣлъ извлекать изъ своего громаднаго запаса видѣннаго и пережитаго немало иллюстрацій для оживленія разрабатываемаго вопроса и создавать такимъ образомъ для него своего рода историческую рамку, изъ-за которой самый вопросъ получалъ особенную рельефность и причудливость освѣщенія. Онъ въ каждомъ своемъ очеркѣ былъ по преимуществу боевымъ писателемъ, своего рода литера-

турнымъ дуэлистомъ, весело и небрежно помахивающимъ сатирическою рапирою въ увѣренности своей несомнѣнной побѣды.

Согласно его автобіографическимъ запискамъ, вошедшимъ въ послѣднюю имъ изданную книжку «Воспоминанія молодости. По морю житейскому», литературныя наклонности сложились въ немъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, и онъ рано почувствовалъ необходимость дѣлиться съ окружающими письменнымъ словомъ. Фактически же, въ качествѣ профессиональнаго литературнаго работника, онъ выступилъ на журнальномъ поприщѣ, еще будучи студентомъ. Первые его произведенія появились въ нынѣ совершенно забытыхъ изданіяхъ—въ «Современномъ Словѣ» Писаревскаго, «Разсвѣтѣ» Кремина и «Модномъ Магазиѣ». Затѣмъ онъ сталъ сотрудничать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ», «Новомъ Времени» Киркора; въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вступилъ въ составъ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Корша, гдѣ особенно сблизился съ А. С. Суворинымъ и В. П. Буренинымъ и, по приобрѣтеніи первымъ изъ нихъ нынѣшняго «Новаго Времени», становится его постояннымъ сотрудникомъ. Нельзя не отмѣтить, что газета г. Суворина безспорно многимъ обязана талантливому инженеру-публицисту. Онъ первый завелъ здѣсь отдѣлъ «Среди газетъ и журналовъ» по примѣру «Figaro», послужившій прообразомъ для всѣхъ послѣдующихъ русскихъ газетъ. Онъ велъ этотъ отдѣлъ болѣе шести лѣтъ съ рѣдкимъ талантомъ и остроуміемъ, создавая здѣсь «направленіе» газеты, давая ей тонъ, привлекая отсюда къ ней единомышленниковъ и читателей и нанося отсюда же ея идейнымъ противникамъ мѣткіе удары и пораженія.

Въ «Новомъ Времени» имъ была помѣщена масса руководящихъ статей по вопросамъ финансовымъ, экономическимъ, иностранной политики и др., вмѣстѣ съ тѣмъ фельетоновъ, замѣтокъ, біографическихъ очерковъ, характеристикъ современниковъ и сошедшихъ со сцены жизни государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Многія изъ этихъ статей, дополненныя, переработанныя и нѣсколько видоизмѣненныя вошли потомъ въ отдѣльно имъ изданныя книги, изъ которыхъ главнѣйшими могутъ считаться: «Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ», «Современная Россія», «Наши государственные и общественные дѣятели», «Въ Парижѣ», «О женщинахъ», «Въ театральномъ мірѣ. Воспоминанія, наблюденія и размышленія», «Тамъ и сямъ. Замѣтки и воспоминанія», «Сатирическіе очерки и воспоминанія», «Очерки и фантазіи», «Новая книга», «Маленькая хрестоматія для взрослыхъ», «Воспоминанія молодости».

Вспоминая въ своихъ запискахъ о своей литературной подготовкѣ, онъ свидѣтельствуетъ, что «политическая экономія и женскій вопросъ» его болѣе занимали на зарѣ юности. Къ этимъ категоріямъ вопросовъ впослѣдствіи прибавился интересъ къ вопро-

самъ иностранной политики и о театрѣ. Въ каждой изъ этихъ категорій онъ оставилъ по себѣ очень замѣтный слѣдъ, являясь здѣсь работникомъ очень плодовитымъ, занимательнымъ, умѣвшимъ подходить къ темѣ съ совершенно оригинальной точки зрѣнія, порою въ роли «маленькаго Вольтера» съ насмѣшливой улыбкой на устахъ, порою въ роли баловня нашей общественной жизни, который съ наивною откровенностью оповѣщаетъ читателей о томъ, что другой на его мѣстѣ счелъ бы нужнымъ держать въ секретѣ по соображеніямъ личной заинтересованности. Его работы по вопросамъ иностранной политики ставятся высоко знатоками дѣла, особенно иностранцами, и здѣсь онъ являетъ собою типъ писателя, который не только добросовѣстно разрабатываетъ свой матеріалъ, но и дѣлаетъ это съ горячею любовью къ той странѣ, сыномъ которой онъ гордится быть. Онъ страстно любилъ Россію, но любовь его была не сентиментальная, не любовь квасного патріота, патріота типа «шапками закидаемъ», но вполне сознательная, которая руководится принципомъ: «кого люблю, того и бью». И онъ бичевалъ свою родину и въ ея настоящемъ, и въ ея прошедшемъ, оголялъ ея дурныя стороны, смѣялся надъ ними, и не потому, чтобы этотъ смѣхъ доставлялъ ему удовольствіе самъ по себѣ, а потому, что автору хотѣлось видѣть родную землю и ея сыновъ совершенными и прекрасными.

Выступивъ подъ вліяніемъ главнымъ образомъ Жоржъ-Зандъ поборникомъ у насъ женскаго вопроса, онъ издалъ впоследствии книгу, возбуждающую такъ много разговоровъ, и благопріятныхъ, и неблагопріятныхъ по преимуществу для него, имѣвшую такой шумный успѣхъ, подъ заглавіемъ «О женщинахъ», первоначально подъ псевдонимомъ «Вопросительный знакъ». Въ этой книжкѣ Скальковскій отнесся къ женщинамъ насмѣшливо, мѣстами зло, и отсюда многие заключили о его якобы женоненавистничествѣ.

На самомъ дѣлѣ это была лишь манера говорить, его обычная манера насмѣшливаго и остроумнаго южанина обсуждать каждый вопросъ, за которой скрывалась его настоящая фізіономія самаго страстнаго поклонника женщины. Скальковскій, говорившій въ печати прекрасному полу столько горькихъ истинъ, былъ по существу своему, и въ личной жизни и въ литературѣ, настоящимъ трубадуромъ женщины, какъ созданія изящнаго, прекраснаго, посланнаго на землю для украшенія и на радость земной жизни человѣчества. Немножко сибарить и эпикуріецъ по своей природѣ, онъ вѣчно славилъ женщину, создавалъ ей пьедесталъ, къ подножію котораго склонялся съ восторгомъ и любовью. Отсюда, быть можетъ, происстекала и его любовь къ театру и по преимуществу къ балету, этому царству женщины, гдѣ ей въ потокахъ свѣта и въ волшебной обстановкѣ суждено являться передъ зрителями во всей своей прирожденной граціи и поэтической красотѣ.

Скальковскій былъ истинный театралъ, зналъ театръ, русскій и западно-европейскій, въ совершенствѣ понималъ сцену и въ своихъ писаніяхъ умѣлъ всегда отражать интересы театра и его представителей съ особенною любовью и умѣніемъ. «Еще на школьной скамьѣ я мечталъ быть театральнымъ критикомъ,—повѣствуетъ онъ въ книгѣ «Въ театральномъ мірѣ»,—блаженнѣе этого состоянія я ничего не могъ себѣ представить. Понятно, что и критики въ моихъ глазахъ казались людьми избранными. Моя мечта осуществилась въ 1871 г., когда А. С. Суворину надоѣло писать въ «С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» о французскомъ театрѣ и балетѣ, и покойный Коршъ просилъ меня заняться этимъ дѣломъ. Занявшись французскимъ театромъ, пришлось писать и объ опереткѣ, тогда весьма модной. Во время издательства Баймакова я писалъ и о русскомъ театрѣ, французскою же сценою и балетомъ занимался болѣе двадцати пяти лѣтъ, посвящая иногда время и другимъ театральнымъ вопросамъ». Эта длительная связь съ театральнымъ міромъ позволила ему занять въ нашей литературѣ мѣсто виднаго театрального критика, а также историка театра и теоретика театрального дѣла.

Такова была въ общихъ чертахъ разносторонняя кипучая литературная дѣятельность покойнаго Константина Аполлоновича, создавшая ему въ нашей журналистикѣ имя популярнаго энциклопедиста, которому еще надолго суждено будетъ не исчезнуть изъ памяти потомства.

Характеризуя этого въ высшей степени своеобразнаго и самобытнаго представителя русской жизни, близко знавшій его А. С. Суворинъ такъ говоритъ о немъ, о послѣднихъ дняхъ его жизни и о его отношеніяхъ къ нашимъ нынѣшнимъ жгучимъ событіямъ:

«Какъ собесѣдникъ, онъ былъ всегда интересенъ своимъ знаніемъ обыкновенной жизни и административной и своей начитанностью. Онъ былъ прямо увлекателенъ по остроумію и юмору въ часы одушевленія и хорошаго расположенія духа. Кто его мало зналъ, того могли нѣсколько шокировать его холодные приемы, его иногда пренебрежительный, иногда насмѣшливый тонъ. Но хорошо знавшіе его могутъ представить множество доказательствъ его добраго и великодушнаго сердца. Ему часто платили зломъ за добро, часто клеветали на него самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, но это одна изъ тѣхъ сторонъ нашей общественности, которая еще, вѣроятно, долго не исчезнетъ, и съ которою приходится мириться, скрѣпя сердце.

«Русской революціи онъ не ожидалъ. Еще на этихъ дняхъ онъ говорилъ мнѣ: «Если бъ кто лѣтъ пять тому назадъ сказалъ мнѣ, что будетъ все то, что я видѣлъ и вижу, я бы никогда не повѣрилъ. О правительствѣ нечего толковать, я всегда считалъ его отпѣтымъ, но, хорошо зная всѣ недостатки общества, я все-таки

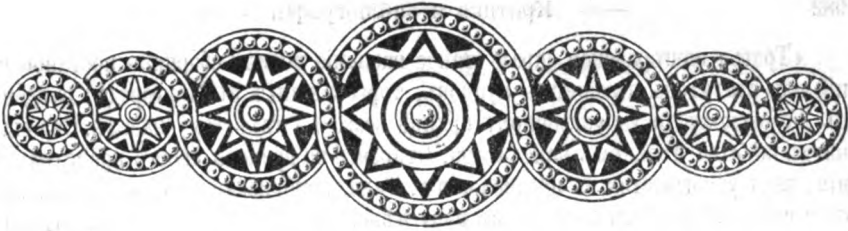
думаль, что оно не такое дряблѣе и ничтожное, что оно за что нибудь стоить, хоть за собственность, хоть за Россію, хоть за монархію. А и этого ничего нѣтъ. Безпастушное стадо. Гони его, куда хочешь». Онъ близко принималъ къ сердцу всѣ событія, страшно нервничалъ и негодовалъ. Во время японской войны, сначала онъ поддавался надеждамъ, но потомъ въ его письмахъ попадаются рѣзкія характеристики главнокомандующихъ и генераловъ и полное отчаяніе. Но о портсмутскомъ мирѣ онъ не могъ говорить спокойно. Онъ считалъ этотъ миръ позорнымъ и предсказывалъ революцію. Превосходно зная парламентскую жизнь Европы, справедливо оцѣнивая ея достоинства и недостатки, онъ оставался неизмѣннымъ поклонникомъ сильной власти. Какъ скоро сильной и талантливой власти нѣтъ, она немедленно переходитъ въ парламентъ, и парламентомъ овладѣваютъ революціонные элементы. Особенно у насъ онъ боялся за такой оборотъ дѣла.

«Русскій человекъ до мозга костей, онъ ненавидѣлъ эту революцію, потому что она, по его мнѣнію, приведетъ Россію къ полному разложенію. Отъ Россіи останется Московское государство временъ Ивана Калиты,—желчно говорилъ онъ. При полной неспособности правительства,—продолжалъ онъ,—при его шатаніяхъ, при отсутствіи всякой системы, всякой твердой политики, которая видѣла бы хоть немного впередъ, хоть дальше своего носа, это очень возможно. Развѣ Николай угодникъ поможетъ. И его это мучило и отражалось на его здоровьѣ».

К. А. Скальковскій скончался скоростижно. Похороны его состоялись 8 мая на Александро-Невскомъ кладбищѣ.

Б. Г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей росейскихъ 1905 г.
Книга четвертая. М. 1905.

В СОДЕРЖАНІЕ четвертой книги «Чтеній» за 1905 г. изъ матеріаловъ историческихъ и историко-литературныхъ вопли: 1) «Третья новгородская скра» (около 1325 г.), текстъ и русскій переводъ съ предисловіемъ П. Таля, и 2) «Рогоносцы въ эпиграммахъ XVIII вѣка» В. И. Покровскаго. Въ отдѣлѣ изслѣдованій помѣщена работа И. Д. Вѣляева: «Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси». Въ смѣси рядъ мелкихъ документовъ: 1) «Вѣдомости изъ синода, сената, изъ двухъ воинскихъ коллегій о ихъ конторахъ и изъ вотчинной коллегіи»; 2) «О Павлѣ, епископѣ коломенскомъ»; 3) «О побѣгѣ изъ Нерчинска каторжнаго Шульгина въ Китай»; 4) «Переписка И. П. Сахарова съ княземъ М. А. Оболенскимъ»; 5) «О пожалованіи помѣстья князя Пожарскаго Г. Орлову» (начиная съ этого документа, всѣ дальнѣйшіе относятся къ XVI вѣку);

6) «Грамота царя Владислава Жигимонтовича о пожалованіи имѣнія князя Тюменскаго-Хрипунову»; 7) «Объ отправкѣ изъ Москвы соболей на 1640 р. подъ Смоленскъ въ польскую казну»; 8) «Отписка съ Верхотурья въ Тюмень о совѣтѣ для избранія на московскій престолъ шведскаго королевича»; 9) «Отписка Д. Милославскаго князю Д. Трубецкому и Д. Пожарскому о сборѣ съ Нижегородскаго уѣзда денегъ»; 10) «Челобитная старца А. Булотникова съ жалобой на обиды въ Соловецкомъ монастырѣ»; 11) «Челобитная стрѣльцовъ московскихъ тюремъ»; 12) «О царскихъ дарахъ А. Лесли за крещеніе»; 13) «О дарѣ новокрещенымъ Николаевымъ божественныхъ книгъ на просвѣщеніе».

«Третья новгородская скра» (такое название носили сборники постановлений или статуты нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ) найдена въ Любекскомъ государственномъ архивѣ всего 15 лѣтъ тому назадъ. Она еще нигдѣ не была цѣликомъ напечатана. Относясь по времени своего происхожденія, какъ указывается въ предисловіи г. Таля, приблизительно къ 1325 г., эта скра служить новымъ звеномъ въ ряду нѣмецкихъ законоположеній, которыя дѣйствовали въ Новгородѣ, и по содержанию своему является новымъ источникомъ для исторіи Ганзы, равно какъ и для исторіи развитія германскаго права въ области уголовной и гражданской. Для насъ она представляетъ историческій интересъ для характеристики торговыхъ сношеній между нѣмцами и новгородцами во времена Ганзейскаго союза. Настоящій документъ напечатанъ въ подлинномъ текстѣ и въ русскомъ переводѣ.

Въ статьѣ «Рогоносцы въ эпиграммахъ XVIII вѣка» В. И. Покровскій, пользуясь сатирическими журналами XVIII вѣка, беретъ для своего изученія «однѣ изъ уголковъ семейной жизни, который, какъ излюбленная тема сатирической литературы, красной полосой проходитъ по ней—развратъ женщинъ, въ частности прелюбодѣяніе женъ». Тогдашніе журналы, что видно изъ многочисленныхъ выписокъ, сдѣланныхъ авторомъ, безпощадно высмѣивали мужей, украшенныхъ рогами, и «выставляли ихъ наивными чудаками, позволявшими проводить себя за носъ на каждомъ шагѣ», и представляли семейную жизнь въ такомъ видѣ, будто въ ней господствовалъ полнѣйшій развратъ. Однако, авторъ на основаніи болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ настаиваетъ, что «такого поголовнаго разврата, какъ это представляется въ эпиграммахъ, не было».

Исслѣдованіе И. Д. Бѣляева (†1872) «Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси» является въ печати впервые. Оно было написано Бѣляевымъ въ 1865—1866 г.г. по порученію Юрія Ѳ. Самарина для великой княжны Елены Павловны. Программа такого изслѣдованія, составленная Ю. Самаринимъ, заключалась въ слѣдующемъ. «Задача изслѣдованія—показать, какое участіе въ различныхъ эпохи нашей исторіи принималъ русскій народъ въ дѣйствіяхъ правившей имъ власти; кто именно этимъ участіемъ пользовался (весь ли народъ или нѣкоторыя сословія); при какихъ условіяхъ это участіе возникало, расширялось или стѣснялось; въ чемъ оно обнаружилось и какія имѣло послѣдствія». Работа И. Д. Бѣляева отвѣчала на эту тему въ болѣе или менѣе популярной формѣ. Въ ней авторъ далъ характеристику народнаго участія въ дѣлахъ управленія, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая земскою реформой 1864 г., наиболѣе подробно остановившись на земскомъ самоуправленіи въ Московскомъ государствѣ и на земскихъ соборахъ. Заканчивая статью, авторъ указываетъ, что положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ (1864 г.) «возстанавливается значеніе забытой земщины»; историческое «средство помочь» теперешнему земству «укорениться въ русскомъ народѣ и принесеть обильные плоды».

По существу это изслѣдованіе И. Д. Бѣляева не вноситъ ничего новаго въ историческую литературу. Оно лишь повторяетъ то, что авторомъ уже было сказано (по частямъ) въ его работѣ о «Земскихъ соборахъ», «Разсказахъ по русской исторіи» и другихъ. Это изслѣдованіе имѣетъ скорѣе историографическое, чѣмъ историческое значеніе.

К—въ.

Труды Полтавской ученой архивной комисси. Изданы подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комисси, Л. В. Падалки и И. Ф. Павловскаго. Выпускъ второй. Полтава. 1906.

О вышедшемъ въ прошломъ году первомъ выпускѣ «Трудовъ» названной комисси мы имѣли уже случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (ноябрь, 1905 г., 742—744 стр.) и указали на богатый и цѣнный его матеріаль для исторіи «Полтавщины». Немало подобнаго же матеріала находимъ и въ разсматриваемомъ второмъ выпускѣ «Трудовъ» Полтавской архивной комисси, вступающей въ третью годовщину своего существованія.

Въ началѣ выпуска находимъ любопытную и довольно обширную статью, подъ заглавіемъ: «Что сказало населеніе Полтавской губерніи о своемъ старомъ бытѣ». Статью эту составилъ Л. В. Падалка, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ корреспондентовъ, собраннымъ въ 1896—1898 гг. и разработаннымъ къ XII археологическому сѣзду въ 1902 г. Свѣдѣнія корреспондентовъ (священниковъ, сельскихъ учителей, отставныхъ военныхъ писарей и др.) касаются 119 волостей, т. е. немногимъ менѣ половины всей территоріи губерніи, и заключаются въ 192 сообщенія. На основаніи послѣднихъ и составлена г. Падалкою вышеназванная любопытная статья, распадающаяся на 7 главъ: 1) объ имени народа (самое обычное «казаки» и «мужики»), 2) о племенномъ составѣ населенія Полтавской губерніи, 3) жилище, 4) одежда, 5) обряды и обычаи, 6) языкъ и пѣсни и 7) объ измѣненіи народнаго быта вообще. Изъ сообщеній, помѣщенныхъ въ послѣдней главѣ, — больше всего сообщеній, говорящихъ объ измѣненіи стараго быта и въ особенности «о постепенномъ, частичномъ измѣненіи формъ народнаго быта». Въ числѣ «вліяній» этого измѣненія выставлялись, прежде всего, народная школа («грамотность въ народѣ въ наибольшей степени сглаживаетъ старыя черты быта»); «старина сглаживается преимущественно образовательнымъ вліяніемъ школы»; «съ учрежденіемъ народныхъ школъ молодое поколѣніе измѣняется во всемъ, въ языкѣ и одеждѣ, въ обхожденіи и обычаяхъ... и т. д.); затѣмъ военная служба, дальніе заработки и др.

За эту статью встрѣчаемъ двѣ небольшихъ замѣтки: 1) С. Т. Сиротенка — «Церковное пѣніе въ южной и сѣверной Россіи въ XVII вѣкѣ», и 2) П. А. Кितिцка — «Печати городовъ трехъ малороссійскихъ казачьихъ полковъ въ XVIII столѣтіи», — которыми и исчерпывается первый отдѣлъ содержанія второго выпуска «Трудовъ».

Во второмъ отдѣлѣ «матеріаловъ», занимающемъ болѣе половины всего выпуска, помѣщены: 1) «Матеріалы для исторіи Полтавскаго полка. II. Вѣдомости по сотнямъ Полтавскаго полка о сѣющихъ табакъ, мельницахъ, пасѣкахъ, винницахъ и шинкахъ за 1722 г.», и 2) «Статистическія свѣдѣнія о Полтавской губерніи сто лѣтъ назадъ (архивный матеріаль)». «Матеріалы для исторіи Полтавскаго полка», сообщенные В. Л. Модзалевскимъ, печатались и въ первомъ выпускѣ «Трудовъ» и заключали въ себѣ «Реестръ полковаго города Полтавы дворовъ старшинскихъ и вдовъ, приезднихъ, старшинскихъ и монастырскихъ» и др. Вошедшія въ настоящій выпускъ «Вѣдомости»

заключаютъ въ себѣ богатый и разнообразный матеріалъ для знакомства съ прошлой экономической жизнью Полтавы и территоріи, составлявшей нѣкогда Полтавскій полкъ. Происхожденіемъ своимъ «Вѣдомости» обязаны президенту Малороссійской коллегіи, образованной въ 1722 г., Вельяминову, много употребившему усилій въ дѣлѣ собиранія болѣе точныхъ свѣдѣній о «сборахъ», вслѣдствіе противодѣйствія войсковой старшины, искавшей свободы отъ всякихъ налоговъ. Что же касается «Статистическихъ свѣдѣній о Полтавской губерніи сто лѣтъ назадъ», то они представляютъ матеріалъ, собранный визитаторомъ Харьковскаго учебнаго округа П. Θ. Тимковскимъ около 1804 г., при пособничествѣ тогдашняго малороссійскаго генераль-губернатора, князя А. В. Куракина, и сообщенный П. Ф. Павловскимъ.

В. Рудаковъ.

Русская нумизматика. Конспектъ лекцій А. К. Маркова, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ археологическомъ институтѣ. Изданіе члена-сотрудника института, Л. П. Гусева. Спб. 1905.

Очень жаль, что лекціи А. К. Маркова вышли въ сокращенномъ видѣ, изданы (редактированы) не самимъ авторомъ и на правахъ только рукописи. Мы начинаемъ рецензію съ сожалѣнія только потому, что тѣ же самыя лекціи, но изданныя безъ указанныхъ ограниченій, могли бы сослужить очень почетную службу въ дѣлѣ популяризаціи среди широкаго общества тѣхъ знаній національной старины, которыя съ каждымъ годомъ становятся болѣе и болѣе необходимыми. Дѣло въ томъ, что серьезные труды и изданія по нумизматикѣ доступны гораздо менѣе, чѣмъ подобныя же изданія по другимъ археологическимъ дисциплинамъ, а сжатыхъ и доступныхъ очерковъ, особенно по русской нумизматикѣ, у насъ нѣтъ. Въ то же время она интересна, какъ одна изъ наиболѣе характерныхъ сторонъ старой русской культуры и экономической жизни, и интересна не для однихъ специалистовъ или нумизматовъ-любителей. Какъ показатель извѣстной степени культуры, она можетъ быть интересна для всѣхъ, кто любитъ или только понимаетъ родную старину. Поэтому было бы желательнo, чтобы авторъ лекцій выпустилъ ихъ въ переработанномъ и немного дополненномъ видѣ, притомъ—въ изданіи вполне доступномъ и болѣе дешевомъ («Конспектъ лекцій» всего въ 36 страницъ стоятъ 1 рубль 50 коп.).

Свой обзоръ А. К. Марковъ начинаетъ съ кладовъ римскихъ и восточныхъ монетъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; затѣмъ говоритъ о торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ Востокомъ, о монетахъ западнаго происхожденія, о серебряныхъ слиткахъ-гриввахъ (новгородскихъ, черниговскихъ), вѣсѣ, пробѣ и т. д. Интересенъ слѣдующій отдѣлъ той же первой главы—объ извѣстной «мѣховой» теоріи, ея противникахъ и аналогичныхъ явленіяхъ у другихъ народовъ (стр. 10 — 14), о кунахъ, ногатахъ и мордакахъ. Со второй главы рѣчь идетъ уже о монетахъ русской чеканки, при чемъ лекторъ знакомитъ слушателей съ исторіей всего вопроса о подлинности первыхъ находовъ монетъ съ русскими надписями въ началѣ XIX вѣка, хотя не разрѣ-

пастъ всѣхъ сомнѣній даже у послѣднихъ по времени изслѣдователей (графъ И. И. Толстой). Обзоръ заканчивается только XV вѣкомъ. Въ концѣ приложены три таблицы снимковъ.

На замѣчанія вызываютъ многія мѣста въ «лекціяхъ» г. Маркова; изъ нихъ укажемъ нѣкоторые. Сближать диргеи и греч. драхмы (стр. 4) намъ кажется слишкомъ рискованнымъ съ точки зрѣнія фонетики, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ формахъ, которыя извѣстны автору. Шелягъ происходитъ не отъ англійскаго schilling (стр. 7) и пѣнязь также не отъ англійскаго репегга (стр. 8), такъ какъ кнпжное написаніе обонхъ словъ съ окончаніями ѡгъ и ѡзь предполагаетъ нѣмецкое *ing*, готское *ings*. Мы думаемъ, что «золотые не служили исключительно для сношенія съ греками» (стр. 8), а были вообще нарицательнымъ названіемъ золотой монеты. Трудно объяснять китайскимъ заимствованіемъ форму гривнъ въ видѣ лодочки со стѣнками (стр. 9) если здѣсь — законмѣрное нововведеніе, а не случайность, то оно зависитъ отъ причинъ экономического характера. На стр. 10 славяно-русская гривна (ожерелье) объяснена неяснымъ словомъ въ написаніи «торк-весъ» (стр. 10), что можетъ повести къ недоразумѣніямъ; очевидно, это — латинское *torques*. Жаль, что не указано значеніе того же слова въ смыслѣ вѣсовой единицы, напримѣръ, въ Пандектахъ Никона Черногорца: «просфуры въ вѣсѣ въ полъ полу гривны» (вариантъ: «мѣриломъ полъ литры»). При ссылкѣ на Жильбер(т)а Лавнуа (стр. 12) надо было точнѣе опредѣлить мѣстности, о которыхъ могла бы итти рѣчь у французскаго путешественника начала XV вѣка. Спорный знакъ на великокняжескихъ печатяхъ (стр. 19), очевидно, — родовой знакъ, первоначально служившій для обозначенія собственности. Если слово «копейка» и не встрѣчается раньше, чѣмъ думаетъ авторъ, ссылающійся на памятники XV вѣка (стр. 24), то едва ли оно татарскаго происхожденія. Джагатайскій ханъ Колекъ здѣсь ни при чемъ (стр. 23), и спорный терминъ слѣдуетъ сближать съ безусловно древними словами «копить», «копленіе» — сбереженіе, «копа» — мѣра, «копья» — мѣра земли и т. д. Наконецъ, не думаемъ, чтобы всѣмъ или даже большинству слушателей были понятны пространныя латинскія цитаты, оставленныя безъ перевода.

А. И. Яцимирскій.

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ. Подъ редакціей В. Харузиной. IV. Вѣрованія. — Вѣра Харузина. Матеріалы для библиографіи этнографической литературы. Спб. 1905.

Въ виду бѣдности нашей этнографической литературы книгами общаго характера, «Лекціи» покойнаго приватъ-доцента Московскаго университета Н. Н. Харузина представляютъ глубокій интересъ, несмотря даже на то, что со времени ихъ чтенія прошло нѣсколько лѣтъ, за которыя многіе вопросы этнографическихъ изученій двинулись впередъ. Изданіе же ихъ подъ редакціей другого лица и по замѣткамъ, оставшимся иногда въ черновомъ видѣ или въ случайныхъ наброскахъ и съ пропусками, не всегда позволяетъ читателю

виолнѣ полагаются на вѣрность тѣхъ или иныхъ свѣдѣній. Но и въ такомъ видѣ четырехтомная «Этнографія» Харузина, повторяемъ, представляетъ выдающееся явленіе и заслуживаетъ широкаго распространенія. Въ двухъ рецензіяхъ на предыдущіе томы «Этнографіи», помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» вскорѣ послѣ выхода книгъ, мы сдѣлали общую характеристику Н. Харузина, какъ лектора и ученаго; тамъ же указали и на содержаніе прежнихъ томовъ.

Последній, четвертый, томъ посвященъ самому интересному вопросу—эволюціи религіозной мысли у первобытныхъ и малокультурныхъ племенъ, отъ возникновенія религіознаго чувства и до развитія шаманства. Прежніе ученые были убѣждены, что въ самой человѣческой организаціи уже живетъ идея божества, и отсюда во всѣхъ учебникахъ (особенно катихизисахъ) говорилось, будто нѣтъ въ мірѣ такого народа, даже самаго дикаго, который не имѣлъ бы «своего» бога. Но въ данномъ случаѣ ученые судили о психическомъ мірѣ дикаря по психикѣ человѣка культурнаго, т.-е. ошибка ихъ заключалась въ томъ, что они надѣляли дикаря мыслями и чувствами цивилизованныхъ людей, надѣляли его индивидуальностью, сознаниемъ личности, способностью поэтической персонификаціи и т. д. На самомъ дѣлѣ это не только подлежать большому сомнѣнію, но невѣрно въ самомъ корнѣ. Позднѣйшія наблюденія этнографовъ привели къ инымъ заключеніямъ, именно, что признакомъ уже извѣстной культуры служитъ даже самая примитивная система вѣрованія—анимизмъ, т.-е. представленіе объ индивидуальной, самостоятельной жизни всей природы какъ одушевленной, такъ и неодушевленной; о томъ, что всѣ существа и предметы обладаютъ тѣми же способностями и чувствами, какъ и человѣкъ; что такимъ образомъ человѣкъ близокъ въ видимой природѣ и т. д. Отсюда уже можно выводить дальнѣйшій моментъ въ исторіи религіозной мысли—вѣру примитивнаго человѣка въ возможность его происхожденія отъ животнаго, вѣру въ способность живого или умершаго человѣка превратиться въ иное существо, наконецъ, вѣру въ духовъ и общеніе съ душами покойниковъ. И въ дальнѣйшихъ главахъ Харузинъ подробно останавливается на различныхъ формахъ вѣрованій: «Тотемизмъ» (поклоненіе извѣстному классу предметовъ, а не индивидамъ), «Фетишизмъ», «Представленія о душѣ», «Эволюція вѣрованій въ почитаніи явленій и предметовъ видимой природы», «Развитіе идеи о верховномъ существѣ», «Энотеизмъ и дуализмъ», «Вѣра въ загробное существованіе человѣческой души», «Представленіе о загробномъ мірѣ», «Культь мертвыхъ», «Культь предковъ», «Жертвоприношенія», «Шаманство».

Благодаря массѣ примѣровъ, освѣщенныхъ разными научными теоріями, книга читается легко. Присоединенные къ 4 тому «Матеріалы для библиографіи этнографической литературы», составленные В. Харузиной, даютъ много новаго, при томъ расположеннаго въ толковой системѣ; но, какъ трудъ не коллективный и скорѣе любительскій, они нисколько не претендуютъ на полноту и точность.

А. И. Яцимирскій.

Извѣстія Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Томъ XVIII. № 2. Тифлисъ. 1905.

Въ означенномъ изданіи появился переводъ статьи извѣстнаго путешественника, Мерцбахера: «Zur Ethnographie der Bewohner der Kaukasischen Alpen», изъ 1 тома его книги «Aus den Hochregionen des Kaukasus». Книга Мерцбахера замѣчательна по описанію горной природы Кавказа, но въ этнографической своей части она представляетъ компилятивный трудъ, составленный по источникамъ, или имѣющимъ сомнительную въ научномъ отношеніи цѣну, какъ, на примѣръ, книга ген. Эркерта «Die Sprachen des kaukasischen Stammen», или въ настоящее время устарѣвшимъ, какъ, на примѣръ, Гюльденштедта «Beschreibung der kaukasischen Länder». Книга Мерцбахера, въ этнографической своей части распространяя невѣрные свѣдѣнія, оказываетъ наукѣ плохую услугу. Весь Кавказъ, въ особенности Грузію и Арменію, покрытыя развалинами древнихъ церквей, онъ считаетъ страню, небогату остатками древности. Ему неизвѣстно, что церковный стиль грузино-армянскій, развившійся на византійскихъ образцахъ, имѣетъ многія оригинальныя черты (строеніе купола и своеобразный орнаментъ). Впрочемъ художественное творчество у христіанскихъ народовъ Закавказья ограничилось, какъ и въ Византіи, церковной сферой.

Что касается до монетныхъ кладовъ на Кавказѣ, то въ Мцхетѣ найдены монеты императоровъ Августа и Нерона, и такимъ образомъ авторъ не правъ, отодвигая монетныя находки къ VI вѣку. Авторъ заблуждается и въ томъ, что онъ считаетъ мингрельскій языкъ новымъ грузинскимъ языкомъ; онъ—равноправный членъ Иверской группы языковъ, при чемъ авторъ не упоминаетъ о небольшой вѣтви грузинъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа, къ западу отъ Хевсуръ и къ юговостоку отъ Казбека (Хеви на картѣ Вахуштія), и совершенно не правъ въ мнѣніи объ умственной отсталости грузинъ. Успѣхи гурійцевъ въ просвѣщеніи служатъ опроверженіемъ его словъ. Не понимаю, почему автору понадобилось на стр. 98 привести взглядъ, ничѣмъ не обоснованный, что карагаевцы—потомки изгнанныхъ съ понтійскаго побережья генуезцовъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что это—затерявшаяся въ горныхъ тущобахъ къ сѣверо-западу отъ Эльбруса вѣтвь тюркскаго племени, на ряду съ болгарцами, чегемцами и куламцами.

А. Хах—овъ.

Ю. И. Морозовъ. Запѣтки и матеріалы по археологіи. Харьковъ. 1905.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ различныя лица, преимущественно же профессора И. Ф. Ленаковскій и И. П. Шелковъ, сдѣлали рядъ достойныхъ вниманія археологическихъ находокъ. Описанія этихъ находокъ были тогда же собраны покойнымъ профессоромъ Харьковскаго университета, Ю. И. Морозовымъ, авторомъ извѣстнаго изслѣдованія о городищахъ, передъ поѣздкой его на Московскій антропологическій съѣздъ въ 1879 г. и нынѣ вновь найдены въ его посмертныхъ бумагахъ. Харьковская подготовительная комиссія по организаціи XIII архео-

логического съезда въ Екатеринославѣ признала матеріалы, собранныя проф. Морозовымъ, настолько интересными и цѣнными, что, слѣдуя совѣту проф. Д. И. Багалѣя, постановила издать ихъ въ полномъ видѣ сначала въ своихъ «Трудахъ», а затѣмъ, для ознакомленія членовъ съезда, отдѣльною брошюрою.

Замѣтки проф. Морозова по археологіи представляютъ собою малообработанный, почти сырой и случайный, но весьма разнообразный матеріалъ, относящійся къ исторіи Южной Россіи. Въ нихъ особенно важно еще и то, что онѣ даютъ рядъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ памятникахъ старины, теперь утраченныхъ безвозвратно, а потому недоступныхъ для изслѣдователя. Въ брошюрѣ очень интересно описаніе вылитого изъ мѣди миниатюрнаго изображенія каменной бабы. По словамъ г. Лаврова, въ южной Россіи мѣдную руду разрабатывали греки, и греки же занимались горнымъ промысломъ на Уралѣ. По справедливому замѣчанію проф. Леваковского, находка мѣднаго изображенія каменной бабы проливаетъ новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Не менѣе любопытны описанія ископаемыхъ мѣдныхъ издѣлій, найденныхъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ, и раскопокъ лѣсныхъ кургановъ Харьковской губерніи (найдены мѣдная плитка, помѣченная именемъ Карла XI и 1680 годомъ, каменные молотки и топоры, мѣдныя фигурки тура, сарга саусасіа, овцы и т. д.).

Изложеніе проф. Морозова отличается большою обстоятельностью и даетъ читателю довольно полное представленіе объ описываемыхъ памятникахъ, а потому его «Замѣтки и матеріалы по археологіи» прочтутся, вѣроятно, не безъ пользы нашими археологами и любителями южно-русской старины.

О. ф.-Ш — вѣ.

**Священникъ К. Цинцадзе. Автокефалія церкви грузинской.
(Историческій очеркъ IV—XI в.в.). Тифлисъ. 1905.**

Брошюра о Цинцадзе представляетъ злободневный интересъ. Въ настоящее время поставленъ вопросъ о восстановленіи автокефаліи грузинской церкви. Естественнымъ представляется перепечатаніе работы подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, напечатанной въ 1894 г. въ журналѣ «Пастыръ». Авторъ внесъ нѣкоторыя дополненія, главнымъ образомъ въ примѣчанія къ тексту, составленному на студенческой скамьѣ. Дополненія представляютъ возраженія на тѣ статьи архимандрита Никандра, которыя были направлены къ ослабленію господствующаго мнѣнія, что грузинская церковь была уже автокефальна въ XI в. Священникъ Цинцадзе слѣдитъ за развитіемъ церковной жизни Грузіи со времени принятія ею христіанства въ IV в. вплоть до XI в., когда церковь ея получила полную самостоятельность. Вначалѣ архіереи въ Грузіи были изъ грековъ. Съ V в. Грузія получала католиковъ изъ Византіи; съ царя Парсмаша († 557) католикомы избирались въ Грузіи изъ грузинъ и рукополагались въ Антиохіи въ званіе католика. Въ хронографѣ антиохійскомъ сохранились свѣдѣнія, по словамъ Ефрема (X в.), касательно дальнѣйшаго развитія церковнаго устройства Грузіи. Грузинскіе архіепископы посвящались и утверждались антиохійскимъ патріархомъ съ VI по VIII в. Въ этомъ столѣтіи

патріархъ Теофилактъ (741—751), выслушавъ грузинскихъ пословъ, жалующихся на затруднительность сообщенія Грузіи съ Антихіей, благодаря водворенію въ Малой Азіи агарянъ, «пожаловалъ грузинамъ протрентиконъ», т. е. разрѣшительную грамоту, въ силу какового документа соборъ грузинскихъ епископовъ могъ рукополагать себѣ въ католикосы того, кого по волѣ Божіей и правилами церковнымъ избралъ соборъ епископовъ. На этотъ разъ рукоположенъ имъ былъ въ католикосы одинъ изъ двухъ присланныхъ монаховъ, именемъ Іоаннъ, съ тѣмъ, однако, чтобы католикосъ поминалъ его, патріарха, на службахъ, а грузины ежегодно платили св. престолу антихіійскому 1.000 драконовъ вмѣсто доходовъ съ пожалованныхъ ранѣ имѣніи 1.000 грузинскихъ семействъ. Вскорѣ грузинскому католикосу было предоставлено право освящать миро въ виду того, что опасно было перевозить его изъ Антихіи въ Грузію. Съ объединеніемъ Грузіи подъ скипетромъ династіи Багратидовъ наступаетъ расцвѣтъ грузинской церкви. Политическая мощь ея внушила грузинскому католикосу мысль признать себя іерархомъ самостоятельнымъ, и въ началѣ XI в. католикосъ Мельхиседекъ (1013—1042) сталъ титуловать себя католикосомъ-патріархомъ и этимъ далъ понять, что онъ не желаетъ посторонняго вмѣшательства въ дѣла своей епархіи, какъ не допускали подобнаго вмѣшательства и патріархи церкви греческой. Это случилось при антихіійскомъ патріархѣ Петрѣ III, который созвалъ соборъ, предоставившій, по обстоятельному разъясненіи исторіи грузинской церкви св. Георгіемъ Мшацмайдвн, грузинскимъ католикосамъ полную церковную автокефалію.

А. Х—въ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской академіи наукъ. Томъ II. Спб. 1906.

260 страницъ текста, 520 страницъ примѣчаній, толстая бумага, крупный форматъ — внушительнъ и «академиченъ» видъ выпущеннаго академіей (послѣ семилѣтняго промежутка) второго тома произведеній Пушкина. Не суждено было покойному Л. Н. Майкову продолжать широко и прекрасно начатое имъ изданіе и комментированіе Пушкина, и продолжателемъ его дѣла является г. Якушкинъ. Въ отредактированный имъ второй томъ вошли стихи 1818—1820 гг., почему-то огуломъ окрещенные лирическими, «Русланъ и Людмила» и «Кавказскій плѣнникъ», снабженные примѣчаніями редактора. Читатель, который возьмется за эти примѣчанія въ справедливомъ расчетѣ встрѣтитъ въ нихъ критическое и историческое освѣщеніе текста, литературное изслѣдованіе пушкинской поэзіи, наблюденіе надъ вліяніями, которымъ подвергался Пушкинъ, — словомъ то, чего нужно искать въ комментированномъ изданіи, и прекрасный образецъ чего оставилъ Майковъ, будетъ непріятно разочарованъ. Самую значительную часть своей работы г. Якушкинъ безплодно убилъ на передачу исчерканныхъ пушкинскихъ черновиковъ, въ которыхъ зачеркнутыя слова нанизаны безъ конца, сплошь да рядомъ вовсе не поддаются прочтенію и вызываютъ редактора то на произвольныя догадки, то на безсильное признаніе, что того-то, дескать, и того-то не разо-

бралъ. Это говорится не о цѣлыхъ вариантахъ, въ которыхъ бываетъ виденъ пушкинскій блескъ, а о не имѣющихъ никакого художественнаго значенія черновыхъ бумагахъ, изъ которыхъ г. Якушкинымъ извлечены данныя въ такомъ родѣ:

нерзб. Блистая ледянымъ (нерзб. . .) нерзб. вс
 Когда (нерзб.) нерзб. гуль
 (нерзб.)

(И нерзб.) Потокъ ревѣль
 (нерзб. . . .) (Когда) нерзб. нерзб.

«Нерзб.» ставится на мѣстѣ неразобраннаго слова, въ скобки заключены зачеркнутыя поэтомъ слова. Правда, можетъ быть, редакторъ имѣлъ въ виду филологовъ, которымъ понадобится изучать языкъ Пушкина, и которымъ интересно всякое слово. Но можно ли поручиться за правильность передачи г. Якушкинымъ текста? Можетъ быть, какъ разъ то мѣсто, которое неосторожный изслѣдователь приметъ, какъ данную при рѣшеніи какого нибудь вопроса, окажется принадлежащимъ не Пушкину, а плохо прочитавшему рукопись редактору. Слѣдовало бы издать рукописи фототипически (пора это сдѣлать, пока онѣ не стали жертвой пожара или другой случайности); тогда лингвисты дѣйствительно могли бы пользоваться ими, а г. Якушкинъ не счелъ бы нужнымъ вѣяться за свою работу. Прибавимъ къ этому, что редакторъ не занялся цвѣтами чернилъ, чтѣ имѣетъ значеніе для уясненія процесса творчества поэта, такъ какъ показываетъ иногда, что онъ возвращался къ прежнимъ рукописямъ послѣ нѣкотораго промежутка, въ теченіе котораго его мысль могла принять другое направленіе. Что касается до болѣе цѣльныхъ отрывковъ вариантовъ, то въ ихъ воспроизведеніи г. Якушкинъ не пошелъ дальше изслѣдованій П. Морозова и своей работы, посвященной хранящимся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ рукописямъ Пушкина и напечатанной въ 1884 г. въ «Русской Старинѣ», и новаго почти ничего не далъ. Примѣчанія посвящены только голому изученію текста, при чемъ по части историческихъ свѣдѣній г. Якушкинъ ограничивается самыми скудными указаніями, не дающими ничего новаго и вытекающими не изъ обильной литературы, а просто изъ самыхъ шесъ Пушкина. Кто не знаетъ, что пріятель Пушкина Ф. Ф. Юрьевъ былъ лейбъ-уланъ (объ этомъ говоритъ самъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ ему), что П. Б. Мансуровъ былъ тоже пріятель Пушкина! Но это еще небольшой недостатокъ. Г. Якушкинъ совершенно не заботится о выясненіи исторической обстановки, что необходимо для того, чтобы дать широкой публикѣ понять значеніе и роль эпиграммъ Пушкина на Аракчеева и Фотія, зависимость его элегій «Погасло дневное свѣтило...» отъ поэзій Байрона и т. п. Немудрено, что при такомъ небрежномъ отношеніи къ дѣлу, г. Якушкинъ неосторожно включилъ въ академическое изданіе столь сомнительныя шесы, какъ эпиграммы на Н. М. Карамзина, на Н. П. Гнѣдича, отвесъ къ 1817 г. оду «Вольность», несмотря на наличность цѣлаго ряда историческихъ достовѣрныхъ показаній, относящихся ее къ 1819 г. (въ ней говорится объ Андрѣ Шенье, произведенія котораго появились лишь въ 1819 г.; навѣяна она кон-

ституціонными идеями, которымъ поэтъ былъ еще чуждъ въ 1817 г., и которыя носились въ русскомъ обществѣ съ половины 1818 г. до 1820 и 1821 гг., когда правительство рѣшительно повернуло на реакціонный путь). Есть еще ошибки въ хронологіи, въ ссылкахъ, опечатки.

И. А. Бычковъ сообщилъ академическому изданію найденное имъ стихотвореніе Пушкина, напечатанное во II томѣ впервые. Это шуточные стишки, написанные на именины Е. М. Олениной и не вылетающіе липняго лавра въ парнасскій вѣнокъ Пушкина; значеніе ихъ, такъ сказать, историческое. Къ книгѣ приложены виньетки къ первому изданію «Руслана и Людмилы» и нѣсколько снимковъ съ черновыхъ рукописей Пушкина. Единственная хорошая сторона академическаго изданія — это точность текста. Въ остальныхъ же отношеніяхъ, нужно сознаться, мы ожидали большаго отъ работы, которой дасть имя академія наукъ.

Н. Л.

Овсянко - Куликовскій, Д. Исторія русской интеллигенціи. Итоги русской художественной литературы XIX вѣка. Часть I. М. 1906.

Проф. Овсянко-Куликовскій, помимо массы журнальных работъ, за послѣднее время сталъ выпускать большіе труды, составленные частью изъ уже напечатанныхъ статей, частью же изъ вновь написанныхъ. Такъ, въ прошломъ году вышло его вновь переработанное обширное изслѣдованіе — «Л. Толстой, какъ художникъ», — теперь передъ нами опять объемистая и солидная въ научномъ отношеніи работа, задуманная очень оригинально. Въ ней авторъ ставитъ своей задачей — прослѣдить постепенное развитіе и смѣну общественно-психологическихъ типовъ, созданныхъ той или другою эпохой и нашедшихъ свое художественное воплощеніе въ извѣстныхъ образахъ Чацкого, Онегина, Печорина, Рудина, Обломова и т. п.

Такъ какъ въ нашей литературѣ очень ярко отразилось все то, чѣмъ жила и мучилась наша интеллигенція въ то или другое время, работа талантливаго автора заслуживаетъ большаго вниманія. Хотя въ своемъ трудѣ г. Овсянко-Куликовскій не даетъ характеристикъ той или другой эпохи въ исторіи нашего общества, но, анализируя чувства и настроенія такихъ литературныхъ образовъ, какъ Чацкій, Онегинъ, Печоринъ, Рудинъ и т. д., въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, отразились всѣ черты, типичныя для данной эпохи, онъ, тѣмъ самымъ, даетъ характеристику и самихъ эпохъ нашей общественности, ихъ идеологій и психологій. Много способствуетъ еще этому и то, что авторъ попутно характеризуетъ въ общихъ чертахъ Грибоѣдова, Герцена, Тургенева, Чернышевскаго, Добролюбова, Некрасова и др. дѣятелей нашей литературы, типичныхъ для современнаго имъ времени.

Такимъ образомъ передъ нами открывается интересная картина смѣны настроеній, идей и идеаловъ русской интеллигенціи, начиная съ первыхъ годовъ XIX вѣка. Критикъ выясняетъ ту почву, на которой каждое поколѣніе воспитывалось, въ силу этого мы можемъ видѣть преемственность одного отъ другого, прослѣдить постепенный нравственный ростъ нашего общества. Это дѣ-

ласть трудъ г. Овсяннико-Куликовского, какъ исторію русской интеллигенціи, основанную на данныхъ художественной литературы, интереснымъ и цѣннымъ не только для изслѣдователя историко-литературныхъ вопросовъ, но и для историка русской общественности.

Авторъ давно уже стяжалъ себѣ славу, какъ вдумчивый изслѣдователь, добросовѣтный критикъ-психологъ. Какъ на всѣхъ его предыдущихъ работахъ, такъ и на этомъ трудѣ обнаруживаются обширныя знанія автора, эрудиція, способность вникать въ самую глубину вопроса. Книга читается съ большимъ, не ослабѣвающимъ интересомъ. Жаль только, что она написана не популярно для широкихъ круговъ, а доступна только болѣе развитому читателю.

А. Ф.

Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Часть четвертая. „Братья Карамазовы“. Собралъ В. Зелинскій. М. 1906.

Едва ли другой изъ русскихъ писателей такъ же нуждается въ критическихъ объясненіяхъ, какъ Достоевскій.—эта необыкновенно сложная психическая организація, вся составленная изъ противорѣчій. Чтеніе его большихъ романовъ, особенно тѣхъ, гдѣ бытовая или психологическая стороны какъ бы затмеваются основой религіозно-философской, положительно немислимо безъ критическихъ комментаріевъ, при томъ такихъ, которые принадлежали бы писателямъ разныхъ направленій, разныхъ критическихъ школъ и разнаго времени. Только при этихъ условіяхъ читатель будетъ «господникомъ» при ознакомленіи, если не со всѣмъ Достоевскимъ, то, по крайней мѣрѣ, съ наиболѣе выдающимися моментами въ его произведеніяхъ.

Къ такимъ именно романамъ относятся «Братья Карамазовы», по которымъ многіе критики, правда, мало удачно, желали опредѣлить всего «безпорядочнаго» Достоевскаго съ его атеизмомъ и въ то же время аскетизмомъ; съ отрицаніемъ рѣшительно всего, чего нѣтъ въ самомъ человѣкѣ, и въ то же время страстнымъ исканіемъ русскаго Бога; съ ужасающими преступленіями и экстаической любовью-подвигомъ. Не даромъ въ письмѣ къ А. Майкову Достоевскій самъ говорилъ: «это будетъ мой послѣдній романъ, объемомъ въ Войну и миръ», недаромъ своего героя авторъ опредѣляетъ такими противорѣчивыми чертами: «то атеистъ, то вѣрующій, то фанатикъ и сектантъ, то опять атеистъ». Что Достоевскаго нельзя опредѣлить по одному роману, а его романъ нельзя понять во всѣхъ деталяхъ капризной мысли автора по одному критику, — показываетъ то впечатлѣніе, какое производитъ книга А. Волинскаго, вышедшая въ 1905 г. Двѣ обширныя главы («Царство Карамазовыхъ» и «Богофилы») книги Волинскаго возбуждаютъ въ читателѣ столько же новыхъ вопросовъ, сколько и разрѣшаютъ, — п въ заключеніе опять все-таки далеко не удовлетворенъ. Совершенно въ иныя условія поставленъ читатель, имѣющій подъ руками сборникъ В. Зелинскаго. Здѣсь онъ найдетъ общіе разборы «Братьевъ Карамазовыхъ», принадлежащіе В. Розанову, Е. Маркову, В. Буренину, И. Павлову, А. Горшкову, Л. Оболенскому, В. Петерсену, М. Анто-

новичу, О. Миллеру, С. Андреевскому, А. Введенскому, А. Киричичкову, К. Головину, А. Смирнову, В. Чижу и другимъ. Вторую половину тома занимаютъ выдержки изъ критическихъ статей и этюдовъ, сдѣланныя составителемъ сборника съ цѣлью облегчить читателямъ работу при знакомствѣ съ мнѣніями критиковъ о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ романа въ отдѣльности. Такъ, 9 статей-отрывковъ посвящены Ивану Карамазову, 8—Дмитрію, 10—Алексѣю и 4—Феодору. Затѣмъ слѣдуютъ такіе же отрывки о старцѣ Зосимѣ, Θεραпонѣ, Паисіи, Ракитинѣ, Смердяковѣ, Грушенькѣ, Хохлаковыхъ и дѣтяхъ. Конечно, такая кастрація цѣльныхъ статей не вяжется съ научными требованіями, и на это намъ не разъ приходилось указывать въ рецензіяхъ на другіе сборники г. Зелинскаго; но въ смыслѣ облегченія читателямъ съ такимъ пріемомъ можно примириться. Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель именъ и предметовъ, относящихся къ литературѣ вообще—другихъ русскихъ и западно-европейскихъ писателей, названій литературныхъ произведеній, журналовъ, книгъ и т. д.

Четвертый томъ изданія В. Зелинскаго составляетъ цѣнное дополненіе къ изданнымъ раньше комментаріямъ (разборы «Бѣдныхъ людей», «Униженныхъ и оскорбленныхъ», «Записокъ изъ мертваго дома», «Преступленія и наказанія», «Идиота», «Бѣсовъ» и др.), а также имѣетъ и самостоятельное значеніе: раньше тѣ же статьи, правда, въ меньшемъ объемѣ составляли отдѣльныя изданія.

И. Александровъ.

Эрнестъ Ренанъ. Жизнь Иисуса Христа. Спб. 1906.

Подъ запретомъ нашей цензуры въ продолженіе многихъ лѣтъ находилось немало сочиненій иностранныхъ авторовъ, давно уже утратившихъ злободневность и сохранившихъ нынѣ лишь историческое значеніе. Въ настоящее же время, когда явилась возможность до нѣкоторой степени осуществлять свободу печати, книжный рынокъ обогатился переводами многихъ изъ этихъ трудовъ. Можно было бы только радоваться, что русскому обществу предоставлена возможность познакомиться съ цѣлымъ рядомъ бывшихъ долгое время недоступными для него извѣстныхъ сочиненій, но, къ сожалѣнію, переводы эти имѣютъ настолько крупные недостатки, что наносятъ сильный ущербъ самому появленію этихъ изданій.

Кто не знаетъ, какого вниманія къ себѣ требуетъ переводъ, сколько надо положить труда и затратить времени, чтобы передать духъ оригинала, характерность языка, его особенность. Только при выполненіи этого переводъ имѣетъ цѣнность, можетъ замѣнить подлинникъ. Между тѣмъ, большинство появившихся новыхъ переводовъ не выполняютъ этого требованія. Выпуская ихъ, издатели имѣли въ виду, въ большинствѣ случаевъ, коммерческую выгоду, спекуляцію на новизну столь долго запрещеннаго плода; главная ихъ задача была—опередить конкурентовъ, выпустить какъ можно скорѣе книгу и выиграть отъ этого. Конечно, о добросовѣстности перевода не могло быть тутъ и рѣчи: онъ дѣлался на скорую руку, все мало-мальски затруднительное для передачи выпускалось, работали переводчики-ремесленники, которымъ не было

дѣла до того, чтобы передать духъ оригинала, сохранить особенность языка, и которые, главнымъ образомъ, стремились выполнить работу къ сроку.

Все сказанное нами ярко обнаружилось въ только что выпущенныхъ переводахъ знаменитаго сочиненія Ренана—«Жизнь Иисуса Христа» (изданіе Мукалова и изданіе Глаголева, полный переводъ О. Крыловой). Въ своемъ трудѣ, какъ извѣстно, авторъ отнесся къ личности Христа критически, изложилъ евангельскую повѣсть о Спасителѣ въ реалистическомъ освѣщеніи на основаніи обширнаго историческаго матеріала, который былъ въ его распоряженіи. Ренанъ признавалъ личность Христа божественной, но только не въ томъ смыслѣ, что онъ воплотилъ въ себѣ Божество. Христосъ, на взглядъ автора, лишь указалъ человечеству путь къ божественности, открывъ предъ нимъ новые, невѣдомые горизонты, новыя перспективы. Хотя этимъ Ренанъ въ своемъ трудѣ не сказалъ ничего особенно новаго, а только развилъ взгляды Штрауса, Сальвадора Баура и др., высказанные ранѣе, но мало извѣстные широкой публикѣ,—его книга произвела громадное впечатлѣніе. Причина этого заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что Ренанъ, обладая гибкимъ, выразительнымъ языкомъ, сумѣлъ изложить свои мысли ярко, увлекательно. Въ художественности, яркости изложения и заключается центръ тяжести успѣха «Жизни Иисуса Христа». Между тѣмъ, въ разсматриваемыхъ нами переводахъ совершенно не переданъ характеръ языка Ренана, его отличительныя особенности: простота, колоритность. Особенно плохъ въ этомъ отношеніи переводъ въ изданіи г. Мукалова: онъ тяжелъ, нелитературенъ. Значительно лучше съ этой стороны переводъ г-жи Крыловой.

Но помимо того, что въ обоихъ переводахъ не переданъ характеръ языка и стили Ренана, они сдѣланы небрежно, въ нихъ встрѣчается масса неточностей. Напримѣръ, въ переводѣ г-жи Крыловой мы читаемъ: «Несообразности, которыми полны притчи Христа» и т. д.; въ подлинникѣ же къ первому слову приложенъ эпитетъ, который всего вѣрнѣе передать: дѣтски-прекрасныя. Пропускъ—незначительный, но отъ него значительно измѣняется отношеніе Ренана къ притчамъ Спасителя. Въ переводѣ г. Мукалова встрѣчается то же самое. Напримѣръ, мысль Ренана, что Иисусъ былъ по духу сынъ воспитавшаго Его народа, переведена: «Иисусъ былъ родомъ простолюдинъ». Подобныхъ мелкихъ неточностей, однако, значительно искажающихъ мысль автора, въ обоихъ переводахъ можно привести сколько угодно. Неточно переданы не только выраженія, но и отдѣльныя слова. Такъ, въ изданіи г. Мукалова извѣстное имя — Клеопа передано съ сохраненіемъ французской транскрипціи — Клеофасъ.

Что же касается полноты перевода, то въ обоихъ изданіяхъ мы нашли значительныя пропуски. Особенно сокращена въ нихъ первая глава, также выпущено весьма дѣльное и интересное введеніе, въ которомъ Ренанъ даетъ критику источниковъ, и которое очень важно для выясненія отношенія его къ послѣднимъ. Пропуски объясняются тѣмъ, что переводчики дѣлали переводъ, очевидно, не съ послѣдняго изданія. Извѣстно, что Ренанъ съ каждымъ выпускомъ своей книги дѣлалъ дополненія. Такимъ образомъ, наиболѣе полнымъ является послѣднее изданіе, въ которомъ его взгляды вылились уже въ волюн-

опредѣленную, строго законченную форму, и съ котораго и слѣдовало бы дѣлать переводъ, отмѣтивъ въ немъ, что дополнено по сравненію съ предыдущими изданіями. Это позволило бы прослѣдить, какъ измѣнялся уголъ зрѣнія Ренана на Христа.

Дѣлая переводъ съ первыхъ изданій и въ силу этого пропуская многое, очень важное, внесенное Ренаномъ въ послѣдующія изданія книги, г-жа Крылова, тѣмъ не менѣе, считаетъ возможнымъ выдавать свой переводъ за полный. Г. Мукаловъ поступаетъ гораздо осторожнѣе, умалчивая о полнотѣ перевода. Ему нельзя отказать въ своеобразномъ остроуміи: не указывая, насколько полонъ переводъ, онъ рассчитываетъ, съ одной стороны, на то, что введенная этимъ въ заблужденіе публика будетъ охотно покупать книгу, съ другой, если будетъ указано на пропуски, его честь реабилитирована, — вѣдь онъ ничего не говоритъ о полнотѣ, не претендуетъ на нее. Такой приемъ очень характеренъ для нашихъ издателей.

Особенно большимъ недостаткомъ обоихъ изданій является отсутствіе примѣчаній и ссылокъ на Евангеліе, которыми богато снабженъ подлинникъ. Издатели, навѣрное, полагали, что отъ этого не будетъ большого ущерба, а лишь увеличится объемъ книги, но они не знали, что отсутствіе примѣчаній, не говоря уже о томъ, что не позволяетъ читателю провѣрить Ренана, когда онъ указываетъ на Евангеліе, что имѣетъ большое значеніе, — дѣлаетъ многое непонятнымъ въ его книгѣ. Такъ, напримѣръ, въ изданіи г. Мукалова переведено: «Населеніе Галилеи было весьма разнородно, что означалось въ самомъ названіи края». Въ подлинникѣ Ренанъ объясняетъ филологическое происхожденіе слова «Галилея», и фраза понятна, въ переводѣ же примѣчаніе упущено, что значительно затрудняетъ пониманіе послѣдней.

Много теряютъ оба изданія также отъ того, что въ нихъ не дано статей, разъясняющихъ исторію и значеніе сочиненія Ренана: это было бы лишнимъ для нашей широкой публики, дало бы ей возможность правильно отнестись къ «Жизни Иисуса Христа». Правда, небольшія введенія есть, но они совершенно не выясняютъ значенія этой знаменитой книги и представляютъ простыя выдержки изъ энциклопедическаго словаря.

Въ краткомъ журнальномъ отзывѣ вѣтъ возможности указать всѣ недочеты, пропуски, неточности переводовъ, мы старались обрисовать ихъ лишь въ общихъ чертахъ. Намъ думается, что наши характеристики переводовъ даютъ возможность составить объ нихъ вполне опредѣленное понятіе. Ихъ нельзя ни въ коемъ случаѣ признать удовлетворительными, — «Жизнь Иисуса Христа» все еще ждетъ своего переводчика-комментатора. Очень желательно, чтобы это знаменитое сочиненіе появилось скорѣе въ хорошемъ русскомъ переводѣ: оно въ настоящее время представляетъ большой интересъ для занимающихся историческими, этическими и богословскими вопросами.

А. Фоминь.

**Ф. Мерингъ. Исторія германской социаль-демократіи. Томъ I.
Изданіе Гранатъ. Спб. 1906.**

Исторія социаль-демократіи, написанная вожакомъ социалистической партіи, не можетъ не быть тенденціозной. Подобныя книги пишутся съ цѣлью политической пропаганды и вышнимъ видомъ ученаго изслѣдованія вводятъ въ заблужденіе читателей.

Сочиненіе социалиста Меринга было встрѣчено несочувственно серьезными нѣмецкими учеными и подвергнуто суровой критикѣ извѣстнымъ Адлеромъ. Если подобныя «изслѣдованія» появляются на нашемъ книжномъ рынкѣ, это объясняется желаніемъ нашихъ издателей распространять социалистическія идеи и фабриковать ходкій товаръ.

Мерингъ очень далекъ отъ безпристрастія историка. Говоря о положеніи ткачей въ Силезіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, онъ выражается такъ: «Искони составлявшее притчу во языцѣхъ бѣдственное положеніе силезскихъ ткачей достаточно объясняется тѣмъ, что ихъ одновременно обирали, въ миломъ соревнованіи другъ съ другомъ, феодализмъ и капитализмъ» (стр. 57).

Не всѣ государственные дѣятели сразу уразумѣли пользу желѣзныхъ дорогъ, и многіе не понимали, что большія затраты на быстрое передвиженіе груза и людей возвращаются странѣ сторицей. Вотъ какъ объясняетъ это Мерингъ: «Германія была бѣдна хорошими сухопутными и водными дорогами; въ 1831 г. въ Пруссіи не было и 1.100 миль шоссеиныхъ дорогъ. Тѣмъ быстрѣе появили свой интересъ въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ рейнская и саксонская промышленность и болѣе крупныя торговые города, какъ Лейпцигъ и Магдебургъ. Деспотамъ и ихъ слугамъ дѣло показалось сначала въ высшей степени подозрительнымъ. Пруссійскій генераль-почтмейстеръ Наглеръ, ярый гонитель демагоговъ, организовавшій en grand шпионское вскрытіе писемъ, рьяно выступилъ противъ «чрезвычайно ограниченнаго и второстепеннаго средства сообщенія» и встрѣтилъ милостивое вниманіе со стороны Фридриха-Вильгельма III, который считалъ свое «Божіей милостью» въ опасности, если ему придется поѣхать изъ Берлина въ Потсдаму въ одномъ поѣздѣ со своими любезными подданными» (стр. 91).

Казалось бы, средство избѣгнуть такой опасности очень простое: ѣздить въ отдѣльномъ поѣздѣ, какъ это и дѣлаютъ всѣ монархи.

Мерингъ повторяетъ шаблонныя выраженія, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ марксистъ: классовая борьба, классовое сознаніе, освобожденіе рабочихъ самими рабочими и пр. Онъ относится совершенно серьезно къ невѣжественному подмастерью Вейтлингу, человѣку невѣжественному, проповѣдывавшему въ 1830-хъ г. социалистическія идеи самаго дикаго свойства.

Вейтлингъ, по словамъ Меринга, умѣетъ довольно хорошо обращаться съ экономической діалектикой, только онъ дѣлаетъ это, какъ пролетаризованный ремесленный подмастерье, а не какъ пролетарій, проникнутый классовымъ сознаніемъ. Какъ ни далекъ, однако, Вейтлингъ отъ пролетарскаго классоваго сознанія, такъ далекъ онъ уже отъ буржуазнаго утопизма. Онъ знаетъ, что

рабочій классъ никогда не будетъ освобожденъ, если не освободитъ себя самъ; для Вейтлинга революція пролетаріата получаетъ то же значеніе, какое имѣлъ для Фурье спасительный милліонеръ. Правда, это—революція, которая согласно всей точкѣ зрѣнія Вейтлинга, должна опереться не на растущее усиленіе, а на растущее обнищаніе рабочихъ. Онъ хочетъ довести существующую анархію до ея высшей точки, повергнуть рабочіе классы въ безграничѣйшую нищету. Въ ихъ отчаяніи онъ усматриваетъ самый дѣйствительный рычагъ революціи и возлагаетъ даже надежды на босяковъ, рекомендуя воровство, какъ послѣднее оружіе бѣдныхъ противъ богатыхъ (стр. 114).

Позволительно ли серьезно и съ сочувствіемъ излагать подобныя невѣжественныя разсужденія дикаго агитатора и занимать ими 10 страницъ научнаго изслѣдованія?

Ко всякому идеализму и къ отвлеченному мышленію Мерингъ относится съ величайшимъ презрѣніемъ. Онъ называетъ, на примѣръ, Шеллинга запутавшимся въ мысляхъ философомъ. Маркса онъ считаетъ гениемъ и поклоняется экономическому матеріализму.

Мерингъ вполне одобряетъ слѣдующія строки, написанныя Марксомъ и Энгельсомъ въ книгѣ «Святое семейство», выпущенной въ 1845 г. съ цѣлью разъясненія публикѣ иллюзіи умозрительной философіи: «Истинный гуманизмъ не имѣетъ въ Германіи болѣе опаснаго врага, чѣмъ спиритуализмъ или спекулятивный идеализмъ, который ставитъ на мѣсто дѣйствительнаго индивидуальнаго человѣка «самосознаніе» или «духъ» и вмѣстѣ съ евангелистомъ учитъ: духъ животворитъ, плоть не пользуется нимало. Само собою разумѣется, что этотъ безплотный духъ существуетъ лишь въ его воображеніи».

При этомъ авторъ забываетъ, что духъ, можетъ быть, и есть самое реальное въ мірѣ, единственное вѣчно сущее, и что экономическій матеріализмъ Маркса не могъ бы возникнуть, если бы онъ не позаимствовалъ мнѣнія у своего учителя, метафизика Гегеля.

Переводъ книги Меринга нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ. Въ этомъ отношеніи интересна одна страница, гдѣ трудно разобрать, чѣмъ книга грѣшитъ больше, тенденціознымъ изложеніемъ или плохимъ переводомъ.

Авторъ разсказываетъ исторію голодныхъ бунтовъ въ Германіи.

«Вмѣсто хлѣба,—говоритъ онъ,—голодающія массы кормили добрыми софѣтами. Привязаннымъ къ землѣ сельскимъ пролетаріямъ совѣтовали эмигрировать и при этомъ считали себя необыкновенно умными, хотя совѣтъ былъ столь же глушъ, сколько излишенъ, ибо кто среди угнетенныхъ классовъ былъ сколько нибудь въ состояніи отряхнуть прахъ отечества съ ногъ своихъ, тотъ болѣе чѣмъ охотно сдѣлалъ это уже по собственной инициативѣ».

Въ такомъ случаѣ совѣтъ не былъ глушъ. Неизвѣстно только, въ какомъ смыслѣ надо понимать, что сельскіе пролетаріи были привязаны къ землѣ, т. е. прикованы къ землѣ, или любили землю. Если въ первомъ смыслѣ, переселеніе было бы невозможно, а во второмъ смыслѣ напротивъ для человѣка, любящаго землю, переселеніе является спасительнымъ.

Недомысліе ли это автора или такой же плохой переводъ, какъ отрясти прахъ съ ногъ своихъ, и рабочіе пробовали повисить свой уровень жизни?

Когда Мерингъ утверждаетъ, что въ молодомъ пролетаріатѣ не могло еще пробудиться ясное классовое сознание, и онъ не былъ въ состояніи разобратъ, что его нужда искусственно произведена въ интересахъ правящихъ классовъ (стр. 243), мы понимаемъ, что это—явная тенденціозность, ибо нужда никогда искусственно не производилась. Но когда авторъ говоритъ, что «полнѣйшее безправіе пролетаріата былъ однимъ изъ юридическихъ титуловъ христіанскаго государства, надъ осуществленіемъ котораго нѣмецкіе отцы отечества и въ особенности король прусскій работали съ безавѣтнымъ усердіемъ», — неясно, кого винить: тенденціознаго автора или плохого переводчика, говорящаго о совершенно непонятномъ титулѣ государства.

П. Б.

А. В. Мезіеръ. Изъ оковъ къ свободѣ. Разказы изъ исторіи чешскаго народа. Спб. 1906.

Исторіи славянскихъ народовъ мы не знаемъ почти вовсе. Въ гимназіи тѣ 8—10 страничекъ, которыя удѣлилъ славянамъ Пловайскій, изъ года въ годъ тщательно зачеркиваются преподавателями. Въ университетѣ курсъ славянской исторіи—одна изъ самыхъ заброшенныхъ дисциплинъ историко-филологическаго факультета; иногда онъ и совсѣмъ не читается, а когда его читаютъ, то, по большей части, безъ всякой общей мысли, нѣсколько разрозненныхъ свѣдѣній, нѣсколько отрывочныхъ фактовъ да анекдотовъ въ родѣ того, что у короля польскаго Августа было 500 дѣтей, и конецъ. Въ то время, какъ во Франціи—не говоримъ уже о Германіи—выходитъ каждый годъ по нѣсколько сочиненій, посвященныхъ славянству, въ литературу нашей царитъ на этотъ счетъ молчаніе. Изрѣдка только появляется работа какого нибудь слависта, написанная съ такимъ тяжеловѣснымъ ученымъ аппаратомъ и въ такомъ стилѣ, что для большой публики она остается совершенно неизвѣстной. Въ силу этого чрезвычайно желательное появленіе въ этой области популярныхъ книгъ: исторія славянъ дополняетъ и объясняетъ русскую. Любопытно слѣдить за проявленіемъ однихъ и тѣхъ же психологическихъ особенностей въ разныхъ условіяхъ, не говоря уже о точкахъ прямого соприкосновенія нашей жизни съ инославянскою.

Книга г. Мезіера, написанная живо и очень популярно, затрогиваетъ одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ чешской исторіи—дѣло Гуса и возбужденное имъ народно-религіозное движеніе. Она начинается съ яркой картины Констанцскаго собора и вырожденія нравовъ римско-католическаго духовенства, что даетъ автору поводъ сдѣлать экскурсію въ область исторіи христіанской церкви отъ ея возникновенія до появленія Гуса. Затѣмъ, какъ отвѣтъ на вопросъ, почему Чехія стала приютомъ раскола и смуты, идетъ краткій очеркъ чешской исторіи, постепеннаго порабощенія свободныхъ земледѣльцевъ дворянами и чеховъ пришлыми нѣмцами. На этомъ фонѣ вырисовывается строгая фигура Гуса, смѣлаго защитника народныхъ интересовъ противъ нѣмецкихъ притязаній, убѣжденнаго противника всякаго насилія и гнета, несокрушимаго обличителя всякой неправды. Третья часть книги кончается описаніемъ его муче-

нической смерти на кострѣ. Наибольше любопытны слѣдующія три части, посвященныя «могучему мстителю злыхъ обидъ» Яву Жижкѣ, возникновенію Табора и таборитскому движенію. Въ кровавомъ заревѣ пожара, охватившаго всю Чехію отъ края до края, передъ нами смѣняются событія, одно другого драматичнѣе, а черезъ нихъ красною нитью проходитъ неугомонный славянскій духъ исканія истины, духъ независимости и свободы. Исторія здѣсь сама живописуетъ. Разсказъ заканчивается гибелью Табора. Въ концѣ прибавлена оцѣнка таборитскаго движенія по его результатамъ. Здѣсь, между прочимъ, разсказана исторія Хельчицкаго и Богемскихъ братьевъ. Книга составлена по русскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ источникамъ; чешскихъ нѣтъ. Написана она литературно и достаточно живо. Цѣна—дешевая, восемьдесятъ копеекъ.

И, несмотря на все это, едва ли можно желать ей распространенія. Въ ней нѣтъ одного изъ самыхъ основныхъ свойствъ, необходимыхъ для историческаго разсказа—объективности. Съ первыхъ же страницъ бьетъ въ глаза тенденція автора; въ теченіе всего изложенія онъ никогда не упускаетъ случая подчеркнуть все, что можетъ служить къ оправданію его налюбленныхъ идей. Это руководство наконецъ становится неприятнымъ, тѣмъ болѣе, что путь, на который хочетъ направить читателя авторъ, очень сомнительной вѣрности. Г. Мезіеръ сводитъ почти все къ экономической и сословной борьбѣ. Первоначальная христіанская община для него «прежде всего община босяковъ-пролетаріевъ». Задачей этой общины было, по его мнѣнію, «уничтожить пропасть между богатствомъ и бѣдностью» (стр. 15). Непонятно, какъ можно серьезно характеризовать такимъ образомъ христіанское ученіе. «Въ мірѣ,— читаемъ на стр. 226,—существуютъ два рода людей, двѣ партіи—имущіе и нищіе, и наверху находится первая и попираетъ тѣхъ, кто внизу». Эта мысль, въ данномъ мѣстѣ вложенная въ уста монаха Яна изъ Желивы, проводится старательно черезъ всю книгу г. Мезіера, и нельзя сказать, чтобы онъ умѣлъ быть одинаково справедливымъ и къ тѣмъ и къ другимъ. Это проявляется даже въ мелочахъ. Такъ, онъ подробно останавливается на ужасахъ, совершенныхъ надъ чехами нѣмцами Кутной горы, но когда доходитъ рѣчь до столь же несомнѣнныхъ и не меньшихъ таборитскихъ ужасовъ, они уже всюду являются у автора въ кавычкахъ, какъ будто и не были ужасами. Авторъ не можетъ не признать вслѣдъ за другими историками «распущенности, дикости и огрубѣнія нравовъ» среди таборитовъ, но въ главѣ, названной: «кое-что о таборитскихъ ужасахъ», говоритъ очень подробно о жестокостяхъ противной партіи, лишь слегка скользя по таборитскимъ «грабежамъ». Самое названіе книги носитъ на себѣ пятно тенденціозности. Ее слѣдовало бы озаглавить не «Изъ оковъ къ свободѣ», а «Отъ свободы къ оковамъ»: релігіозно-народныя войны чеховъ въ концѣ концовъ привели ихъ къ погрому на Вѣлой горѣ. Жизнь народная замерла на два вѣка, а возродилась Чехія не путемъ междоусобныхъ войнъ и сословной борьбы, а при помощи органическаго труда и народнаго просвѣщенія въ XIX вѣкѣ. Желаніе автора во что бы то ни стало провести черезъ всю книгу свои излюбленныя идеи испортило трудъ. А жаль: ни большаго объективности эта работа могла бы быть хорошею книжкой.

Андрей Сиротининъ.

Н. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство. М. 1906.

Извѣстно, что сожженіе еретиковъ было самымъ зауряднымъ явленіемъ въ средневѣковыхъ городахъ почти повсемѣстно въ Европѣ. На кострахъ гибли, однако, не только еретики, т.-е. лица, пытавшіяся установить иное отношеніе къ Богу, чѣмъ повелѣвала всесильная католическая церковь, но и люди, совершенно отказавшіеся, по мнѣнію современниковъ, отъ Бога и тайно или явно перешедшіе на сторону «Его обезьяны» — дьявола, т.-е. такъ называемые колдуну и вѣдьмы. Последнія гибли едва ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ еретики. Въ одномъ городѣ Оснабрюкѣ въ Ганноверѣ за шесть лѣтъ было сожжено болѣе 400 вѣдьмъ. Не слѣдуетъ думать, что бредъ преслѣдованія вѣдьмъ вѣнхивалъ только въ глухія времена средневѣковья. Классическое сочиненіе Зольдана «Die Hexenprozessen» доказываетъ какъ разъ обратное. Ужасы узаконеннаго звѣрства надъ вѣдьмами приходится главнымъ образомъ на періоды, когда наиболѣе работала человѣческая мысль, и образованіе подымалось на слѣдующую высшую въ сравненіи съ предыдущей ступень.

Чѣмъ объяснить такое странное совпаденіе? Какимъ образомъ наиболѣе просвѣщенные умы среднихъ вѣковъ, хотя бы, напримѣръ, гуманиста Нико дела Мирандола, оказались засоренными такимъ грубымъ суевѣріемъ? Какъ ученые юристы могли съ такой затратой силъ трудиться надъ классификаціей разныхъ приписываемыхъ вѣдьмамъ преступленій, писать руководства слѣдователямъ по этимъ дѣламъ и т. д.? Какъ могли просвѣщенные судьи цѣлыми десятками отпирать женщинъ, обыкновенно старыхъ, на костерь, не замѣчая, что они имѣютъ дѣло не съ реальными преступленіями, а съ порожденіемъ собственной фантазіи?

Сказать, что эти страшныя въ человѣчествѣ явленія — только результатъ суевѣрія, присущаго даже образованнымъ людямъ, значить въ сущности не объяснить ничего. Патологическая точка зрѣнія, усвоенная нѣкоторыми историками культуры, также не достаточна, ибо, если средневѣковую интеллигенцію, цѣлыя университетскія корпораціи считать душевнобольными, то неизбѣжно является вопросъ, гдѣ же причина такой массовой ненормальности.

Новѣйшаго русскаго изслѣдователя справедливо не удовлетворяетъ ни та, ни другая точка зрѣнія и за разъясненіемъ дѣла онъ обращается къ исторіи путей, которыми развивался европейскій умъ. Суевѣріе и процессы вѣдьмъ представляются ему нагубнымъ заблужденіемъ большихъ, но ложно направленныхъ умовъ.

Вѣру въ вѣдьмъ средніе вѣка получили отъ императорскаго Рима, страдавшаго, какъ и весь классическій міръ, односторонностью своей образованности. Римляне изучали право, искусство краснорѣчія, были хорошими адвокатами и судьями, но въ естествознаніи поражали своимъ невѣжествомъ. На всю римскую литературу одинъ естествоиспытатель Плиній, да и у того не мало бредей. Въ императорскій періодъ Римъ впитать въ себя все религіи покоренныхъ имъ народовъ, и подъ широкимъ куполомъ пантеона пріютились суевѣрія и фантастическо-религіозныя представленія всего тогдашняго міра. Когда возникла новая религія — христіанство, миазмы пантеона проникли и

въ него. Уже во II в. по Р. Х. Явликъ приспособилъ философію Платона къ христіанству и смѣло превратилъ платоновскихъ духовъ въ христіанскихъ демоновъ. Распространеніе католической церкви расширило и область демонологіи, отбрасывая въ нее прежнія религіи новообращенныхъ язычниковъ. Когда же ихъ надшіе боги сопричислились къ демонамъ, церковь пыталась стереть самую память о нихъ и запрещала вѣрить въ возможность людского общенія съ ними. Католическія *penitentialia*, т.-е. исповѣдныя книги, содержали цѣлую систему вопросовъ о разнаго рода колдовствахъ, совершаемыхъ, конечно, не иначе, какъ съ помощью демоновъ. «Послѣ обстоятельной исповѣди по такому *penitentialia*, — говоритъ авторъ, — не одинъ человѣкъ уходилъ съ головою, полной неслыханныхъ прежде вещей, и съ искушеніемъ въ случаѣ бѣды попробовать самому неизвѣстныя ему раньше волшебныя средства». Результатъ получался, стало быть, совершенно обратный.

Рѣшительную роль въ изучаемомъ г. Сперанскимъ явленіи сыграла, по его мнѣнію, схоластика. Будучи по существу своему сдѣлкой между безусловной вѣрой въ догматы и рационализмъ, она, какъ служанка богословія, занялась подведеніемъ разумныхъ основаній подъ церковное ученіе. А такъ какъ церковь до извѣстной степени всегда признавала существованіе демоническаго начала, то въ этотъ процессъ было вовлечено и вѣдовство. И вотъ съ XII вѣка самыя выдающіеся богословы начинаютъ quasi научно обосновывать возможность проявленія черезъ людей демоническихъ силъ.

Ни возрожденіе, ни реформація не могли уже сломить укрѣпленной схоластикой вѣры въ колдовство. Гуманизмъ привился къ людямъ, которые не вѣрили въ него и сами по себѣ, а на массу онъ на первыхъ порахъ подѣйствовалъ совершенно иначе: пущенные гуманистами въ оборотъ рассказы изъ греко-римскаго міра лишь оживили бродившія въ нихъ суевѣрныя представленія.

Отколовшись отъ католицизма, реформація могла бы исправить вѣковое искаженіе чловѣческаго ума. Но, къ сожалѣнію, она унесла съ собою ту же нетерпимость къ критическому анализу, какимъ отличался и католицизмъ. Философія и наука и тутъ остались только служанкой богословія. Не знаменателенъ ли тотъ фактъ, что даже ученѣйшій Меланхтонъ отвергалъ систему Коперника, ссылаясь на слова Іисуса Навина: стой, солнце, и не двигайся, луна!

Такимъ образомъ, несмотря на просвѣтлѣніе, наступившее съ XVI вѣка, вѣра въ существованіе вѣдьмъ продолжала держаться повсемѣстно, и послѣдняя вѣдьма сгорѣла на порогѣ прославленнаго своимъ рационализмъ XVIII вѣка.

Остается прослѣдить, какимъ образомъ вѣдьмы были приравнены къ еретикамъ и попали въ руки церковнаго суда.

Сначала *Hexenprozessen* вѣдались исключительно свѣтскими судами, пытки не примѣнялись при допросѣ, и обвиняемая не всегда дѣлалась жертвами костра. Окрѣпшая схоластика, овладѣвъ умами, стала разсуждать такъ. Въ императорскомъ Римѣ за оскорбленіе величества налагалась смертная казнь. Вѣдовство есть то же оскорбленіе величества, но уже не чловѣческаго, а Божія. Стало быть, наказывать ихъ — дѣло церкви, а самое наказаніе должно состоять

въ смертной казни. А такъ какъ церковь не можетъ проливать крови, то колдуновъ и вѣдьмъ слѣдуетъ сжигать.

Такому-то хитрому силлогизму тысячи людей обязаны своей мученической смертью.

А. В.

В. Розановъ. Около стѣнъ церковныхъ. Т. II. Спб. 1906.

Г. Розановъ принадлежитъ къ числу немногихъ у насъ писателей, которые живо и остро интересуются вопросами религiи и церкви. Дѣлать наблюденiя въ области церковной жизни у насъ тѣмъ труднѣе, что церковь наша давно уже раздѣлила участь другихъ нашихъ учреждений и изъ живого общественнаго организма превратилась въ археологическую окаменѣлость. По мѣткому выраженiю автора, у насъ церковь мертвыхъ, а не церковь живыхъ. Въ ней имѣетъ авторитетъ лишь то, что было сказано «преждепочившими» учителями вѣры, сказано нѣсколько вѣковъ тому назадъ, при совершенно другихъ условiяхъ жизни и даже въ другой національности. А, между тѣмъ, по существу своему церковь есть общество вѣрующихъ, и голосъ этого общества долженъ былъ бы раздаваться громко и свободно. Католицизмъ понялъ опасность такого отединенiя церкви отъ жизни и провозгласилъ догматъ непогрѣшимости папы, когда онъ раздается ex cathedra. Въ статьѣ своего сборника, посвященной папской непогрѣшимости, г. Розановъ отчетливо выясняетъ значенiе этого недавно принятаго католицизмомъ догмата: пользуясь своимъ правомъ безошибочно толковать религiозную догму, папа, не измѣняя общему духу католицизма, въ любой моментъ и въ любомъ направленiи можетъ приладить католицизмъ къ потребностямъ современной церкви, освѣжить его и влить въ него новыя силы. Православная церковь лишена этого могучаго орудiя обновленiя и продолжаетъ считать для себя закономъ лишь то, что имѣетъ за собою почтенную давность. Но одна давность не можетъ служить доказательствомъ авторитетности. Стоитъ прочесть любопытную статью сборника «Споръ объ апокрифахъ», чтобы убѣдиться, какъ иногда принимаются за строго каноническiе такiе памятники церковнаго права, которые при ближайшемъ послѣдованiи оказываются не только не каноническими, но и весьма сомнительнаго происхожденiя. Таковы, напримѣръ, Апостольскiя постановленiя, которыми во многихъ случаяхъ регулируется церковное право. А между тѣмъ, ихъ слѣдовало бы назвать правилыиѣ Лжеапостольскими постановленiями, такъ какъ они составлены вовсе не апостолами, а гораздо позднѣе, вѣка черезъ три или четыре послѣ нихъ. И вотъ такими-то, давящими только авторитетомъ давности, постановленiями направляется жизнь современной церковной общины!

Г. Розановъ идетъ дальше и уличаетъ церковное право въ непослѣдовательности. Принимая одни памятники, оно отмечаетъ, однако, другiе, наиболѣе важныя. Извѣстно, напримѣръ, что епископомъ въ православной церкви можетъ быть только монахъ и, стало быть, человекъ безбрачный. А, между тѣмъ, настоящiй-то апостолъ Павелъ, говоря о епископѣ вообще, называетъ его «единя жены мужемъ». Слѣдовательно, въ первоначальной не засоренной позднѣйшими толкованiями христіанской церкви епископъ, какъ разъ наоборотъ, дол-

жёнъ былъ быть челоѣкомъ жепатымъ. Засоренія въ церковно-административныхъ установленіяхъ накапливались вѣками и производились не только церковными людьми, но иногда и свѣтской властью, дѣйствовавшей въ своихъ собственныхъ видахъ. Недавно еще у насъ считалось вполне канонически правильнымъ при расторженіи брака осуждать виновнаго супруга на вѣчное безбрачіе. А когда занялись попристальнѣе изученіемъ этого вопроса, оказалось, что никакого каноническаго основанія для подобнаго осужденія нѣтъ, и что введено оно въ практику церковнаго суда свѣтскою властью, кажется, при Петрѣ I, съ цѣлью по возможности сдѣлать расторженіе браковъ затруднительнымъ и тѣмъ предупредить паденіе нравственности. Сколько бракоразведенныхъ супруговъ пострадало со времени введенія осужденія на безбрачіе будто на точномъ основаніи правилъ св. отецъ!

Своими сочиненіями г. Розановъ давно уже доказываетъ, что наше церковное право, само изуродованное и уродующее жизнь членовъ церкви, нуждается въ тщательной расчисткѣ. Въ то время какъ у католиковъ и лютеранъ создавалась цѣлая литература по этому вопросу, у насъ только приступаютъ еще къ работѣ, приступаютъ робко и съ оглядкой, и притомъ люди свѣтскіе, а не въ рясахъ.

Говоря о Вл. Соловьевѣ, авторъ ставитъ ему въ особую заслугу, что онъ пересталъ заниматься мнѣніями разныхъ философовъ, а обратился прямо къ изученію темъ философіи. То же самое нужно отнести и къ г. Розанову. Онъ прямо подходит къ тому или другому явленію церковной жизни, которое обыкновенно мало кто замѣчаетъ, и съ тонкою проникательностью умѣетъ вскрыть его внутренній смыслъ для современной жизни. Какъ живой и мыслящій челоѣкъ, авторъ вездѣ проводитъ мысль, что пора обновить и оживить нашу церковь, вдохнуть въ нее дыханіе жизни и отбросить все то, что неправильно и неумѣстно кристаллизовалось на церковномъ организмѣ. А. Б.

Венгеровъ. С. Эпоха Бѣлинскаго. Публичная лекція. Спб. 1905.

Г. Венгеровъ оставилъ своею цѣлью — дать характеристику умственного движенія русскаго общества въ 30-е и 40-е годы. Сначала авторъ выясняетъ ту атмосферу, которая царяла въ кружкахъ Станкевича и Герцена, и очерчиваетъ сжато, но ярко важнѣйшихъ представителей этихъ кружковъ: Бѣлинскаго, Станкевича, Боткина, Герцена, Огарева и др. Затѣмъ критикъ переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ общественно-литературныхъ партій, которыя стали опредѣляться въ 40-е и 50-е годы: западничества, славянофильства и партіи — «официальной народности». Обрисовывая нравственную и литературную физиономію представителей послѣдней группы: Булгарина, Греча, Сенковского, Погодина, Шевырева, г. Венгеровъ старается отдѣлить ихъ отъ представителей славянофильства, указываетъ, что между ними не было ничего общаго, что по своему духу они представляли полную противоположность тѣмъ идейнымъ вождамъ, которыми были славянофилы. Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе интереснаго очерка, составленнаго популярно и обстоятельно. А. Ф.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НЪ ГУСЪ. Имя Яна Гуса, великаго чешскаго борца за свободу совѣсти, должно возбуждать во всемъ мыслящемъ обществѣ, а въ особенности въ русскомъ—глубокое почтеніе къ его памяти. Этому великому борцу посвящена статья въ «Nouvelle Revue»¹⁾, и ея авторъ Фабръ Дезессаръ, патриархъ современныхъ французскихъ гностиковъ, называетъ его мученикомъ гностицизма. Янъ собственно не имѣлъ фамиліи и принадлежалъ къ низшему сословію чешскаго народа; о его родителяхъ ничего неизвѣстно. Фамилія же Гусъ ему дана собственно, какъ прозвище, и произведена отъ названія города, гдѣ онъ родился—Гусинець. На свѣтъ онъ появился 6 іюля 1369 г. Сначала Гусъ учился въ училищѣ уѣзднаго города Пракатица на счетъ общественной благотворительности. Подробностей объ этомъ времени его жизни нѣтъ, если не считать его личнаго упоминанія о томъ, что онъ пѣлъ въ школѣ и въ церкви. Попавъ въ Пражскій университетъ, Гусъ, повидимому, не отличался большими способностями и дарованіемъ, но его направленіе выразилось довольно рано и высказано было имъ опредѣленно. Въ 1398 г. онъ былъ принятъ преподавателемъ въ Пражскій университетъ и въ слѣдующемъ же году рѣзко разошелся съ другими преподавателями, публично защищая нѣкоторыя изъ положеній англійскаго ученаго, Джона Виклефа, считавшагося въ то время еретикомъ за непризнаніе догмата пресуществленія. Впрочемъ, это не помѣшало Гусу быть избраннымъ въ деканы философскаго факультета, а чрезъ годъ онъ уже былъ ректоромъ Пражскаго университета. Однако, академическая дѣятельность Гуса не имѣла такого рѣшительнаго вліянія на судьбу че-

¹⁾ Les Martyrs de la Gnose, par Fabre des Essarts. «La Nouvelle Revue» 15 Mai. 1906.

ховъ, какъ общественная, которая раздѣлялась на три періода: когда онъ воздѣйствовалъ на чешскій народъ, какъ проповѣдникъ; когда онъ является открытымъ противникомъ папы Іоанна XXIII, и когда онъ сожженъ на кострѣ. Проповѣдникомъ онъ явился въ Виелемской часовнѣ, куда его просилъ назначить патеромъ ея строитель, Янъ Мильгеймскій, изъ Пардубиць. Должность проповѣдника при этой часовнѣ послужила ему для сближенія собственно съ народомъ. Ни одинъ изъ его предшественниковъ не производилъ на толпу такого впечатлѣнія, какъ Янъ Гусъ, обращавшійся главнымъ образомъ къ неспорченному схоластикою разуму, къ неразвращенному сердцу слушателей и возбуждалъ въ нихъ новыя передовыя мысли. Говорилъ онъ ясно, просто, понятно, не пугая народъ своей начитанностью и познаніями. Задачей его проповѣдей было поднять нравственный уровень чешскаго народа, пробудить въ немъ самосознаніе и показать ему всю порочность, развратъ духовенства, уже давно понятаго народомъ и глубоко имъ презираемаго. Между Гусомъ и народомъ завязалась связь, сущность которой состояла въ общности религіозныхъ вѣрованій. Королева Софія часто слушала его проповѣди и, наконецъ, сдѣлала его своимъ духовникомъ. Его тѣсное сближеніе съ народомъ возбудило еще большую ненависть католиковъ. Пока Гусъ касался пороковъ свѣтскихъ людей, — католики его не трогали, но когда онъ сталъ громить духовенство, то все это сословіе поднялось на него и пожаловалось чешскому королю Вячеславу, говоря, что Гусъ не стыдился восхвалять еретика Виклефа. Въ отвѣтъ они услышали: «Пока Гусъ проповѣдывалъ противъ насъ, мірянъ, вы радовались тому: теперь же дошла очередь до васъ — будьте же вы довольны и тѣмъ, что вы теперь слышите». Этотъ отвѣтъ былъ неутѣшительнъ, и представители латинской церкви должны были отложить свою месть. Впрочемъ, король самъ былъ невысокой нравственности и, благодаря нянству, лишился трона, а его жестокость доходила до того, что онъ приказалъ казнить жену съ помощью собаки, которая перегрызла ей горло. Однако, благодаря настояніямъ архіепископа Збинка, папа издалъ буллу, которою предоставлялъ архіепископу искоренить въ Чехіи «Виклефову ересь». Результатомъ было сожженіе книгъ Виклефа и запрещеніе проповѣдей въ капеллахъ. Это распоряженіе возбудило во всѣхъ классахъ чешскаго народа неприязнь къ Збинкѣ. Гусъ апеллировалъ на архіепископа къ папѣ Іоанну XXIII; черезъ три недѣли на архіепископскомъ дворѣ были съ торжествомъ сожжены всѣ книги Виклефа, отобранныя Збинкой. Гусъ выразилъ порицаніе и чрезъ два дня былъ отлученъ отъ церкви такъ же, какъ и его сторонники. Прага взволновалась. Но Гусъ, не обращая вниманія на всѣ декреты, продолжалъ проповѣдывать въ Виелемской часовнѣ, а въ собраніяхъ университета произносить рѣчи въ защиту трактата Виклефа о св. Троицѣ. Осенью 1410 г. папа извѣстилъ, что оправдываетъ поведеніе архіепископа, а Гуса потребовалъ въ Римъ къ отвѣту. Вячеслава оскорбило это распоряженіе, и онъ написалъ папѣ, чтобы онъ уничтожилъ личный призывъ Гуса въ Римъ. Но папа былъ непреклоненъ и стоялъ на своемъ. Между тѣмъ, католическіе патеры продолжали разлѣвывать латинскую церковь. Въ Прагѣ у дверей церквей были устроены чуть ли не конторы, гдѣ торговали индульгенціями. Возмущенный Гусъ не колеблясь объ-

являть въ своихъ проповѣдяхъ, что порочный папа, — викарій не Христа, а Гуды Пекариотскаго. Народъ, проникнутый негодованіемъ своего вождя, привязалъ буллу объ индульгенціяхъ къ шеѣ проститутки и водилъ ее по городскимъ улицамъ. Тогда въ Римѣ поднялась буря противъ Яна Гуса, и его предали полному отлученію отъ церкви. Король струсилъ и просилъ его удалиться въ Козирадекъ. Здѣсь Гусъ продолжаетъ свою дѣятельность, проповѣдая въ полѣ, и пишетъ свой знаменитый «Tractatus de Ecclesia», — самое замѣчательное свое сочиненіе, въ которомъ, между прочимъ, объясняется, почему соборъ поставилъ Гусу въ вину его исповѣданіе «единой, святой, католической или вселенской церкви». Это ученіе уничтожало всю католическую систему и папство словами: «церковь есть общеніе вѣрующихъ, она обнимаетъ всѣ народы земного шара, глава ея есть Господь Иисусъ Христосъ, не имѣющей на землѣ своего намѣстника». Нѣтъ ни греко-восточной, ни западно-римской церкви, есть лишь одна церковь Христа, — греко-восточная ея часть сохранила истину, западно-римская же уклонилась отъ истины. Однако, Гусу суждено было до конца нести свое знамя борца за свободу совѣсти. Новыя мысли Джона Виклефа и истинныя проповѣди Гуса заронили сѣмена сомнѣнія относительно ученій латинской церкви. Вся Европа требовала выхода изъ этого сомнѣнія, и папа собралъ Констанцскій соборъ. Гусъ не колеблясь отправился на соборъ и просилъ одного, чтобы ему разрѣшили проповѣдывать и защищать публично, говоря: «Не страшусь исповѣдывать Господа Христа и готовъ, если потребуется, пострадать смертью за его истинныя заповѣди». Чехи уговаривали Гуса не ѣхать на соборъ, хотя за его безопасность ручались инквизиторъ Николай и императоръ Сигизмундъ, давшій ему охранную грамоту. На этотъ соборъ съѣхались три патріарха, двадцать архіепископовъ, двадцать два кардинала, девяносто два епископа, сто двадцать аббатовъ, тысяча восемьсотъ священниковъ, множество монаховъ, принцевъ, посланники всѣхъ католическихъ королей и даже русскій и греческій и, наконецъ, тысяча шестьсотъ графовъ и рыцарей и вдобавокъ семьсотъ женщинъ легкаго поведенія. Гуса по дорогѣ изъ Праги въ Констанць повсюду встрѣчали торжественно: народъ жаждалъ видѣть его и слышать его рѣчи. Наконецъ, Гусъ добрался до Констанца 3 ноября, а черезъ два дня послѣдовало торжественное открытіе собора. Гусъ еще въ Чехіи приготовилъ свои рѣчи, рассчитывая на разрѣшеніе произнести ихъ предъ епископами и докторами богословія, собравшимися на соборъ. Однако, ему не удалось ихъ произнести, такъ какъ черезъ три недѣли онъ былъ арестованъ и сиротанъ въ домъ одного констанцскаго каноника. Тамъ онъ пробылъ подъ стражею восемь дней, а затѣмъ отправленъ въ Доминиканскій монастырь, на берегу Рейна и заключенъ въ грязную, сырую тюрьму, помѣщавшуюся рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ. Причиной ареста послужило его новое сочиненіе о необходимости причащенія мрянъ подъ обоими видами, которое онъ написалъ въ Констанць и взволновавшее всѣхъ чеховъ. Сигизмундъ давшій ему охранную грамоту, вознегодовалъ на папу и съчелъ этотъ арестъ за личное оскорбленіе. Однако, по прибытіи въ Констанць онъ перешелъ на сторону папы, но требовалъ только, чтобы Гусъ могъ публично оправдаться. Темница была такъ сыра, что Гусъ жаловался на зубную боль, кровохарканье,

головную боль и каменную болѣзнь, и его перевели чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ болѣе удобную тюрьму. Обаятельная личность Гуса привлекла къ себѣ даже суровыхъ нѣмецкихъ тюремщиковъ. Его заточеніе вызвало въ чехахъ негодование, и они обращались къ императору, протестуя противъ дерзости паны, но императоръ не измѣнялъ рѣшенія Юанна XXIII. Когда послѣдній бѣжалъ, то Яна Гуса вывели изъ этой темницы и перевезли въ замокъ Гоглибенъ на берегу Боденскаго озера, гдѣ онъ томился отъ голода и холода. Здѣсь онъ оставался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, послѣ шестимѣсячнаго заточенія, 5 іюня состоялось публичное засѣданіе, и Гусъ былъ выведенъ изъ тюрьмы, чтобы явиться для выслушанія обвиненій, которыя были составлены Михаиломъ де-Кози и ученымъ Жерсономъ. Несчастный узникъ явился на судъ больной, въ лихорадкѣ. При его появленіи поднялся невообразимый шумъ и крики, и онъ самъ говорилъ: «Противъ меня всѣ кричали, какъ іудей противъ Исуса». Третье засѣданіе рѣшило судьбу Гуса, и Сигизмундъ, давшій ему охранную грамоту, теперь первый подать голосъ за его сожженіе на кострѣ. Напрасно Гусъ и его друзья просили назначить еще одно публичное засѣданіе, но ничего не добились. Соборъ старался вырвать у Гуса отреченія отъ его убѣжденій, но получалъ одинъ неизмѣнный отвѣтъ: «Пусть лучше повѣсятъ мнѣ на шею жерновъ осельскій и потону въ пучинѣ морской!» Наконецъ, 6 іюля 1415 г. въ субботу одинъ изъ епископовъ вывелъ Гуса изъ темницы и отвелъ его подъ стражей къ двери соборной церкви, такъ какъ въ храмъ во время службы вводить еретика не позволялось, дабы не осквернить святаго мѣста. По окончаніи литургіи Гуса ввели въ церковь, и начался обрядъ «упражденія грѣховнаго тѣла». Епископы, назначенные для совершенія обряда разстриженія, въ послѣдній разъ предложили Гусу отречься отъ своихъ убѣжденій. Но онъ твердо отвѣтилъ: «Никогда». Затѣмъ послѣ совершенія этого обряда на Гуса былъ надѣтъ бумажный колпакъ въ видѣ митры съ надписью: «Eresi Archa»; и его повели къ костру среди несмѣтной толпы. Взойдя на костеръ, Гусъ обратился къ народу съ рѣчью, но казнь приказано было ускорить изъ боязни, чтобы онъ не произвелъ сильнаго впечатлѣнія на народъ. Палачи обложили тѣло Яна Гуса до пояса дровами и соломой, скрутили за спину руки, привязали ихъ мокрой веревкой къ столбу, и, когда показалось пламя, онъ закричалъ: «Христе, Сыне Бога Живаго, помилуй мя грѣшнаго!» Такъ окончилъ жизнь этотъ великій борецъ за свободу совѣсти!

— Любовь Франклина. Еще не успѣла вся Америка отпраздновать двухсотлѣтняго юбилея Вильяма Франклина, а Филадельфія воздвигнуть ему новый памятникъ, какъ Парижъ открылъ знаменитому американцу статую, изображающую его сидящимъ въ креслѣ. Она воздвигнута 27 апрѣля въ Трокадеро, и ее поднесъ парижскому муниципалитету американскій милліонеръ, Гарьесъ, въ знакъ любви къ Франціи великаго американца. По случаю этого торжества, парижская газета «Figaro» съ чисто французскимъ легкомысліемъ посвятила нѣсколько столбцовъ Франклину, какъ влюбленному. Статья эта написана Луи Барономъ и во всякомъ случаѣ представляетъ интересъ. Въ очеркѣ двухсотлѣтняго юбилея Франклина въ Соединенныхъ Штатахъ «Историческій Вѣстникъ» упоминають о главномъ романѣ всей жизни знаменитаго американца

съ Деборой Ридъ, въ которую онъ влюбился семнадцати лѣтъ, женился на ней, нѣсколько времени спустя, когда она была уже вдовою послѣ перваго брака, и прожилъ съ нею счастливо сорокъ лѣтъ. Ихъ жизнь была самая буржуазная, и Франклинь чрезвычайно рельефно описываетъ ее въ своихъ мемуарахъ: «Обладать Деборой было для меня счастливою судьбой: она во всемъ мнѣ помогала, складывала и брошюровала мои памфлеты, наблюдала за порядкомъ въ моей лавчонкѣ, покупала тряпки для бумажной фабрики и т. д. У насъ не было излишнихъ слугъ, мебель отличалась скудостью, а нашъ столъ—самый незатѣйливый; такъ, напримѣръ, долго мой завтракъ состоялъ изъ куска хлѣба и стакана молока. Но съ теченіемъ времени моя жена по секрету отъ меня купила фарфоровую чашку и серебряную ложку: это была первая роскошь, которую мы себѣ позволили». Точно такимъ же буржуазнымъ характеромъ отличаются его афоризмы относительно женъ и вообще женщинъ: «Не женись, прежде чѣмъ ты не приобрѣтешь домъ, куда помѣстишь свою жену»; «искусъ для золота—огонь, искусъ для женщины—золото, искусъ для мужчины—женщина»; «мужчина безъ жены только половина человѣка»; «вмѣстѣ мужчина и женщина составляютъ цѣлаго человѣка»; «холостякъ—не полное животное: онъ похожъ на бесполезную половину ножницъ». Бракъ, заключенный Франклиномъ съ своей женой, былъ бракомъ по разсудку; его жена была хозяйкой и домоправительницей, осторожной, экономною, во всѣхъ отношеніяхъ полезною для него. Только она не слѣдовала за нимъ въ его путешествіяхъ изъ боязни моря. При этомъ она не была ревнива, и біографы Франклина рассказываютъ, что онъ съ ея вѣдома ухаживалъ за миссъ Катериной Рей, миссъ Мэри Стивенсонъ, дочерью епископа Осавскаго, миссъ Джорджіани и прочими женщинами, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англии. Настоящая же романическая эпоха его жизни наступила послѣ смерти его жены, когда ему стукнуло семьдесятъ лѣтъ, и Соединенные Штаты отравили его посланникомъ въ Парижъ, гдѣ онъ оставался отъ 1776 по 1782 г. Изъ-подъ его сѣдого царика, прикрывавшаго плѣшивую голову, тогда выглядывало лицо, полное юношескаго пыла и дышавшее благородствомъ, нѣжностью и гениемъ. Говорилъ онъ мягко и нѣжно, такъ что, естественно, всѣ женщины были тронуты его рѣчами до глубины сердца. Какъ придворныя красавицы, такъ и буржуазныя кокетки одинаково носили его на рукахъ. Но во главѣ ухаживавшихъ за нимъ женщинъ были знаменитая графиня Удето, бывшая любовница Жанъ-Жака Руссо, и красавица-вдова Гельвеція. Первая приняла его въ своемъ помѣстьѣ Сануа со всевозможной пышностью и любезностью. Всѣ гости, приглашенные ею, читали написанныя въ его честь стихотворенія, и послѣ торжественнаго обѣда она просила, чтобы знаменитый американецъ посадилъ въ ея саду на память акацію изъ Виргиніи. Не менѣе увлекала Франклина г-жа Гильвецій, поражавшая всѣхъ своей красотой, несмотря на шестьдесятъ лѣтъ. Она встрѣчала его въ своемъ салонѣ пламенными поцѣлуями въ обѣ щеки и лобъ. Не удивительно, что старое сердце американца до того заговорило, что онъ серьезно влюбился въ «Отельскую Мадонну» и предложилъ ей вступить въ бракъ. «Мужчины,—писалъ онъ ей,—привязываются къ вамъ, какъ соломинка пристаеетъ къ куску янтаря». Онъ прочелъ всѣ ученые сочиненія ея знаменитаго покойнаго мужа и гово-

рилъ: «Какъ я радъ, что люблю тѣ же науки и ту же самую женщину, какъ Гельвецій». Въ другомъ чрезвычайно остроумномъ писемѣ онъ описывалъ ей, что будто видѣлъ во снѣ ея мужа въ Елисейскихъ Поляхъ, дружно бесѣдовавшаго съ его женою. «Тогда я подошелъ къ моей первой женѣ, — говоритъ онъ, — и предъявилъ ей свои права, но она холодно отвѣчала: «Я была вашей доброй женой въ продолженіе сорока девяти лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, т.-е. почти въ теченіе полстолѣтія—вамъ этого довольно: я заключила здѣсь новыя узы, которыя будутъ длиться вѣчно». Приведенный въ негодованіе отъ этого отвѣта моей Эвредики, я немедленно ушелъ изъ неблагодарныхъ Елисейскихъ Полей и вернулся въ тотъ прекрасный міръ, гдѣ царятъ солнце и вы. Примите меня, и отомстимъ вмѣстѣ». Но «Отельская Мадонна» не согласилась на всѣ уговоры Франклина, хотя до самой смерти онъ оставался ея кумиромъ. Что же касается до Франклина, то онъ былъ такъ увлеченъ располагающимъ къ любви климатомъ Франціи, что угѣшился привязанностью молодой и красивой г-жи Брильонъ. Она была замужемъ такъ же за старикомъ и сознавалась любезному американцу въ своей юной разочарованности. Два раза въ недѣлю Франклинъ обѣдалъ въ этомъ богатомъ буржуазномъ семействѣ, и г-жа Брильонъ не только его цѣловала и усаживалась къ нему на колѣни, но даже принимала его въ ваннѣ, чему мужъ не противился. Дѣло дошло до того, что старый философъ и ученый вообразилъ, что молодая красавица его серьезно любитъ, но она легко его отвадила, принявшись называть при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ «папашей». Эта привычка скоро расколодила старца и превратила его любовь въ дружбу.

— Страдалъ ли Наполеонъ падучей болѣзнью? Спорный вопросъ, страдалъ ли Наполеонъ эпилепсіей, давно уже занималъ вниманіе не только европейскихъ, но даже американскихъ докторовъ, хотя не былъ окончательно разрѣшеннымъ. Часть изъ нихъ, съ итальянскимъ ученымъ Ломброзо во главѣ, склонна думать, что великій полководецъ былъ эпилептикомъ; другая партія, представителемъ которой является американскій докторъ Эндрюсъ, отрицаетъ это. Ломброзо главнымъ образомъ руководствовался въ своемъ рѣшеніи тѣмъ обстоятельствомъ, что отецъ Наполеона, по словамъ корсиканскаго доктора Антомархи, наблюдавшаго за здоровьемъ Наполеона во время его заключенія на островѣ св. Елены, говорилъ, что его отецъ былъ пьяница. При томъ, богато одаренный умственными способностями, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался полнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства, что и передалъ своимъ дѣтямъ. Его дочь, Полина, была типомъ истерички и самымъ беззащитнымъ образомъ показывалась совершенно нагая скульптору Кановѣ; его братъ, Люсьенъ, хотя и обладалъ умомъ, но въ то же время былъ страшный эгоистъ. Мать съ своей стороны тоже не отличалась нормальнымъ характеромъ и хотя была рѣшительная женщина, но страшно честолюбивая. Поэтому всѣ данныя налицо для признанія у Наполеона эпилепсіи. Напротивъ Эндрюсъ объясняетъ всѣ ненормальности Наполеона исключительно нервностью, которая отнюдь не имѣетъ зачатковъ эпилепсіи. Этотъ спорный вопросъ не менѣе интересуетъ французскихъ ученыхъ, и одинъ изъ нихъ, докторъ Кабанэсъ, пятнадцать лѣтъ работавшій надъ изслѣдованіемъ загадочной смерти великихъ людей и приго-

товляющий уже вторую серію своего труда, помѣститъ въ «La Revue» статью ¹⁾, посвященную всецѣло вопросу, страдалъ ли Наполеонъ падучей болѣзнію, гдѣ также отрицаетъ у него эту болѣзнь. Въ біографіяхъ Наполеона и воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ его современниковъ часто разсказывается о какихъ-то припадкахъ, случившихся у него и вовлекавшихъ другихъ въ неурядное положеніе. Подобный случай былъ съ актрисой Жоржъ, которая была такъ испугана припадкомъ, случившимся съ Наполеономъ ночью, когда она была у него во дворцѣ, что принялась кричать и этимъ привлекла въ спальню не только слугъ, но и самую Жозефину. Когда Наполеонъ пришелъ въ себя, то сильно избилъ Жоржъ за этотъ поступокъ. Еще въ Бриенской военной школѣ съ нимъ сдѣлался припадокъ, когда однажды его наказали, и начальство было такъ перепугано, что немедленно сняло съ него кару. Впрочемъ, даже Ломброзо, разсказывая въ своемъ сочиненіи объ этомъ случаѣ, не дѣлаетъ никакихъ заключеній, а Эндрюсъ находитъ, что онъ не имѣетъ никакой важности; того же мнѣнія держится и Кабанэсъ. Въ началѣ имперіи при дворѣ уже поговаривали о припадкахъ Наполеона, и одна придворная дама, г-жа Ремюза, сопровождавшая въ Майнцъ дворъ, въ своемъ дневникѣ говоритъ, что съ Наполеономъ сдѣлался ночью сильнѣйшій припадокъ, а такъ какъ въ ту эпоху въ комнатахъ не было звонковъ, и даже не нашлось свѣчи, то Жозефинѣ пришлось полуодѣтой пойти къ дежурному адъютанту и попросить свѣчу. Она провела ночь въ страшной тревогѣ, ожидая кризиса, и когда все миновало, отдала строгій приказъ ничего не разсказывать при дворѣ, но объ этомъ быстро узнали всѣ. Констанъ въ своихъ мемуарахъ, говоря о Наполеонѣ, разсказываетъ, какъ однажды ночью изъ спальни Жозефины раздались стоны и крики. Вбѣжавъ туда, Констанъ увидѣлъ Наполеона распростертымъ на постели, безъ движенія, съ судорожно прижатыми къ груди руками и съ открытымъ ртомъ. Придя въ себя, онъ объяснилъ, что это произошло вслѣдствіе тяжелаго кошмара. При этомъ Констанъ замѣчалъ, что у императора никогда не было падучей болѣзни. Эндрюсъ основываясь на томъ, что у эпилептиковъ ротъ не бываетъ открытъ, отрицаетъ у Наполеона этотъ тяжелый недугъ, хотя актриса Жоржъ настойчиво увѣряла всѣхъ въ существованіи у него падучей болѣзни. Свидѣтельству Талейрана нельзя придавать значеніе въ виду его ненависти къ Наполеону, а потому сомнителенъ его разсказъ о припадкѣ, случившемся съ Наполеономъ въ Страсбургѣ, когда онъ, вылетѣвъ, какъ ураганъ, изъ комнаты Жозефины, схватилъ Талейрана за руку и втащилъ въ сосѣдную комнату, заперевъ за собою дверь. Тамъ онъ упалъ и въ конвульсіяхъ сталъ кататься по полу, со стонами и пѣной у рта. Придя въ себя, онъ попросилъ Талейрана никому не говорить о случившемся. Черезъ полчаса онъ отиравился въ Карлеруэ. Обыкновенно съ эпилептиками случаются припадки публично, тогда какъ, по свидѣтельству падуанскаго профессора Теобальди, съ Наполеономъ этого никогда не случалось. Какъ доказательство, что Наполеонъ не страдалъ падучей болѣзнію, Эндрюсъ приводитъ свидѣтельство шести врачей, лѣчившихъ его въ разное время — Вардена, О. Мера, Антомархи, Арнольта, Эро и Корвизара.

¹⁾ Napoléon était il épileptique? par D. Cabanès. «La Revue» 13 Avril. 1906.

изъ которыхъ ни одинъ не упоминаетъ ни въ своихъ письмахъ, ни въ мемуарахъ, что Наполеонъ былъ энлиптикомъ, и въ рапортѣ къ герцогу Рейхштадтскому Эро докладывалъ, что у его отца не было никакой болѣзни, которая омрачила бы его умственные способности. Ломброзо, напротивъ, находитъ, что Наполеонъ имѣлъ всѣ признаки вырожденія, какими отличаются преступники и энлиптики — несоразмѣрно развитая нижняя челюсть, слишкомъ маленькія для его туловища ноги, слегка согбенная спина и небольшой ростъ. Кромѣ того, у него проявлялась ненормальная чувствительность къ температурѣ; такъ, онъ приказывалъ топить печи даже въ июнѣ. Кромѣ того, эта ненормальность проявлялась относительно слуха, и онъ слышалъ шумъ, которую другіе совершенно не улавливали, а малѣйшія перемены погоды вызывали у него головныя боли, особенно это проявлялось въ сухую погоду. Когда онъ былъ, хотя слегка, возбужденъ, то мускулы его лица подергивались, какъ это бываетъ у энлиптиковъ, а узнавъ какую нибудь новость, онъ подергивалъ плечами и судорожно сжималъ губы. Его необыкновенная раздражительность, о которой онъ самъ говоритъ: «Мои нервы всегда возбуждены, и если бы моя кровь не текла такъ медленно, то я давно сошелъ бы съ ума», — вводила всѣхъ въ заблужденіе, въ виду того, что энлиптики обыкновенно бываютъ подозрительные спорщики, расположены быстро приходить въ гнѣвъ и прибѣгать къ рѣзкому насилію даже изъ-за ничтожныхъ причинъ. Наполеонъ часто проявлялъ бѣшенный гнѣвъ и нетерпѣніе выражать самыми рѣзкими выходками, какъ, напримѣръ, данныя Шампани ослухи за его неосторожныя слова или удары хлыста, которые онъ нанесъ кучеру Жозефины за то, что тотъ не такъ быстро исполнилъ его приказаніе. Самъ Наполеонъ объяснялъ эту нервность — золотухой, но Кабансъ находитъ, что причиной всему слишкомъ нервный темпераментъ и недостатокъ воспитанія. Наполеонъ съ дѣтства видѣлъ, какъ отецъ расправлялся со слугами за ихъ провинности, и усвоилъ себѣ эту грубую привычку. Кромѣ того, вообще корсиканцы народъ порывистый, несдержанный. Къ тому же Наполеонъ не щадилъ также себя, и когда ему что нибудь не удавалось, онъ съ досады билъ себя по головѣ, а иногда катался въ судорогахъ по полу. Еще однимъ доказательствомъ энлиптии могъ бы служить чрезвычайно медленный пульсъ Наполеона въ зрѣломъ возрастѣ, едва доходившій до 50 — 55 ударовъ, хотя совершенно правильный, но занимавшійся его пульсомъ докторъ Гюшаръ не рѣшается дать утвердительнаго отвѣта, и считалъ Наполеона скорѣе невротомъ, но никакъ не истеричнымъ или энлиптикомъ, такъ какъ истеричные не умѣютъ и не хотятъ имѣть своей воли, тогда какъ Наполеонъ, напротивъ, слишкомъ умѣлъ «желать». Если бы Наполеонъ былъ энлиптикомъ, то припадки естественно должны были бы учащено повторяться, когда онъ находился въ семилѣтнемъ заключеніи на островѣ св. Елены подъ гнетущимъ надзоромъ Гудсона Ли, который возбуждалъ въ немъ такое нервное раздраженіе, что у него проявлялась дрожь въ правой кистѣ, между тѣмъ припадковъ не наблюдалось. Враги Наполеона одно время распространяли слухи о его сумасшествіи, но это сумасшествіе было, по словамъ Кабанса, безуміемъ чловѣка, который мечтаетъ о неосуществимомъ и видитъ, что оно исполнилось даже сверхъ его надеждъ. Это безуміе — видѣть себя,

выскачку низкаго происхожденія, выше всѣхъ побѣдителей, прошедшихъ и настоящихъ. Профессоръ Лаксанъ это безуміе назвалъ «цезаризмомъ», происшедшимъ отъ вѣдннхъ вліяній, и въ развитіи котораго наслѣдственность ни при чемъ, а занимаемое мѣсто—все. Самъ же Наполеонъ лучше всего опредѣлилъ это безуміе фразой: «Я спалъ въ постели королей; я нажилъ себѣ тамъ ужасную болѣзнь!»

— Рунебергъ, какъ баянъ финляндской войны 1808—1809 г.г. Въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ англо-русскомъ литературномъ обществѣ въ Лондонѣ была прочитана лекція В. Гарвеемъ о народномъ bardъ Финляндіи и вослѣдствхъ имъ событіяхъ послѣдней финляндской войны ¹⁾. Англійскій поэтъ и лингвистъ, Гарвей, славится многими переводами на англійскій языкъ съ русскаго, финляндскаго, шведскаго, датскаго, испанскаго и итальянскаго языковъ. Онъ началъ свою лекцію съ краткаго воспоминанія о введеніи въ Финляндіи шведской цивилизаціи вмѣстѣ съ христіанствомъ въ 1158 г. Эрикъ IX, прозванный святымъ, предпринялъ крестовый походъ на финляндцевъ, бывшихъ тогда дикой, языческой расой, и, по словамъ хроникера того времени, «умертвилъ всѣхъ, сопротивлявшихся справедливости и святой вѣрѣ». По его же разсказу, Эрикъ, одержавъ побѣду, горько плакалъ, и на вопросъ, зачѣмъ онъ плачетъ, король отвѣчалъ: «Я очень радъ побѣдѣ и благодарю за нее Бога, но сожалѣю о погибели столькихъ душъ, которыя могли спастись, если бы онѣ приняли христіанство». Миръ былъ дарованъ финнамъ, подъ условіемъ, чтобы они сдѣлались христіанами, и въ странѣ оставленъ былъ для ея обращенія въ христіанство св. Генрихъ, по происхожденію англичанинъ, который прибылъ въ Швецію съ кардиналомъ Николаемъ изъ Альбы. Онъ былъ очень почтенный человекъ, но, несмотря на то, фанатическіе финляндскіе крестьяне убили его, что не мѣшало финнамъ съ тѣхъ поръ всегда его почитать за святого и покровителя страны. Однако, прежде чѣмъ христіанство окончательно установилось въ Финляндіи, были еще два крестовыхъ похода, и борьба съ язычниками продолжалась около двухсотъ лѣтъ. Между тѣмъ, въ XII и XIII столѣтіяхъ новгородское народоправство оснаривало у Швеціи обладаніе этой страной, такъ какъ Россія искони вѣковъ стремилась пріобрѣсть балтійскіе порты. Въ 1721 г. Петръ Великій завоевалъ юго-восточную часть Финляндіи, составляющую теперь Выборгскую губернію, и въ концѣ того же столѣтія Густавъ III счастливо велъ войну съ Россіей, окончившуюся славной для него Свенсунской морскою битвой. Основаніе въ Або университета въ 1640 г. дало толчекъ впередъ распространенію шведской литературы въ Финляндіи, гдѣ мало-по-малу всѣ высшіе классы стали говорить и писать по-шведски, а финскій языкъ остался только народнымъ, мѣстнымъ нарѣчіемъ. При Александрѣ I вслыхнулъ новый разрывъ между Швеціей и Россіей. Причиной его было требованіе Наполеона закрыть Балтійское море для его враговъ, англичанъ; но «географическіе неприятели Россіи», какъ называлъ Наполеонъ шведовъ, не хотѣли объ этомъ и слышать. Напротивъ того, русскіе были

¹⁾ Runeberg and the invasion of Finland, by W. F. Harvey: proceedings of the anglo-russian literary society. February, March, April 1906 г.

послѣ Тильзигта союзниками Франціи, и 20 февраля 1808 г. русскія силы, подъ начальствомъ генерала Бугсгевдена, вступили въ Финляндію. Съ самаго начала онъ послалъ въ шведскую армію парламентаря для какихъ-то переговоровъ, но тотъ былъ убитъ, и такимъ образомъ война была начата безъ ея объявленія. Все же русскій генералъ издалъ двѣ прокламаціи: одну къ шведской арміи, а другую къ финляндцамъ. Въ послѣдней онъ уговаривалъ народъ спокойно оставаться у себя дома, увѣряя его, что строгая дисциплина будетъ поддерживаема въ русской арміи, за продовольствіе будетъ уплачиваемо, и всякое уваженіе будетъ оказано законамъ и религіи страны. Въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ русскіе заняли почти всю Финляндію, и шведскій главнокомандующій, Вильгельмъ Клингсбургъ, былъ вынужденъ отступить къ Улеборгу, а неприступная до тѣхъ поръ крѣпость Свеаборгъ была взята русскими безъ одного выстрѣла, благодаря «недостойной трусости» коменданта Кронштедта. Послѣ этого былъ изданъ манифестъ о присоединеніи шведской Финляндіи къ Россіи, и отъ финляндцевъ принята присяга на вѣрное подданство. Однако шведы оправались отъ внезапнаго пораженія и, пользуясь тѣмъ, что русскія войска были разбросаны, перешли въ наступленіе; появились партизаны, и началась народная война. Однако, несмотря на успѣшныя дѣйствія финновъ, они не были достаточно поддержаны шведами, а русская армія увеличилась отъ шестнадцати до пятидесяти пяти тысячъ человекъ. Наконецъ походъ 1808 г. былъ оконченъ конвенціей, заключенной новымъ русскимъ главнокомандующимъ, Кнорингомъ въ Олькіюки. Шведы принуждены были уступить русскимъ всю Финляндію, до рѣки Кеми, а сами отступили къ Торнео. Александръ I вскорѣ предписалъ перенести военныя дѣйствія на берега Швеціи, но русскій главнокомандующій такъ долго бездѣйствовалъ, что на помощь къ нему былъ посланъ Аракчеевъ, которому была вручена неограниченная власть во всей Финляндіи. Тогда русскіе одержали цѣлый рядъ побѣд: князь Багратионъ взялъ Аландскіе острова, Кульневъ появился въ окрестностяхъ Стокгольма, Барклай-де-Толли перешелъ изъ Вазы въ Умео чрезъ Кваркенъ, графъ Шуваловъ двинулся сухопутьемъ чрезъ Торнео въ Вестроботнію и принудилъ шведскаго генерала Гриппенберга сложить оружіе. Между тѣмъ Густавъ IV долженъ былъ отказаться отъ престола, и регентомъ былъ провозглашенъ его дядя, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Генералъ Кнорингъ, полагая, что новое правительство заключить вскорѣ миръ, подписалъ перемиріе и вернулся въ Финляндію съ войсками. Но его предположенія не осуществились, и шведы не согласились на предложенныя Россіей унижительныя условія, а поэтому военныя дѣйствія возобновились, подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго Барклай-де-Толли, который разбилъ шведовъ при Саварсбрукѣ и Ратанѣ. Затѣмъ онъ торжественно прошелъ чрезъ сѣверную Швецію до Пите. Наконецъ сопротивленіе шведовъ было преодолено русскими, и 5 сентября 1809 г. заключенъ Фридрихсгамскій миръ, по которому вся Финляндія съ Аландскими островами была присоединена къ Россіи. Такимъ образомъ окончилась финляндская война, и въ это время ея будущему знаменитому баяну было только четыре года, такъ какъ онъ родился 5 февраля 1804 г. въ Якобштадтѣ, маленькомъ морскомъ портѣ на Ботническомъ

заливѣ. Впослѣдствіи Рунебергъ вспоминалъ, что видѣлъ въ своемъ родномъ городѣ финляндскаго партизана, Георга Добельна, во главѣ славнаго Бьернборгскаго полка, а также храбраго русскаго генерала Кульнева, котораго боялись всѣ финны. и который, однако, бралъ на свои колѣни маленькаго Рунеберга и добродушно ласкалъ. Отецъ Юганна-Людвига Рунеберга былъ отставнымъ морскимъ капитаномъ, имѣвшимъ незначительныя средства, и, начавъ образованіе въ мѣстной школѣ, мальчикъ отправился оканчивать его въ Улеборгъ, гдѣ жилъ его дядя, имѣвшій значительныя средства. Восемнадцатилѣтъ онъ вышелъ изъ тамошней гимназіи и поступилъ въ Абоскій университетъ, гдѣ существовалъ уроками. Въ 1823 г. онъ кончилъ университетскій курсъ и поступилъ учителемъ въ семейство одного капитана въ Сари-Ярви, маленькое селеніе близъ Ботническаго залива. Тамъ онъ впервыя познакомился съ народной жизнью финновъ и наслышался тѣхъ популярныхъ разсказовъ, которые впослѣдствіи составили предметъ его поэмъ. Черезъ четыре года онъ вернулся въ университетъ доцентомъ, но вскорѣ случился громадный пожаръ, уничтожившій въ Або не только университетъ, но соборъ и большую часть стариннаго города. Вынужденный прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Паргасѣ у архіепископа Тенкштрема, онъ женился на его племянницѣ, а когда университетъ былъ переведенъ изъ Або въ Гельсингфорсъ, то и Рунебергъ перешелъ туда тѣмъ же доцентомъ, а въ 1837 г. получилъ въ Борго кафедру латинскаго языка, которую занималъ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ прославился своими поэтическими произведеніями на шведскомъ языкѣ, изданными въ шести томахъ. Главное мѣсто среди нихъ занимаютъ двѣ серіи «Разсказовъ прапорщика Сталя», въ которыхъ онъ съ удивительнымъ патріотизмомъ талантливо воспѣлъ подвиги финляндскихъ героевъ войны 1808—1809 г.г., при чемъ не забылъ и распространиться о славной памяти русскаго генерала Кульнева. Что же касается до финляндцевъ, то онъ особенно воспѣваетъ мужество Карла Аделькранца, Георга Добельна, Кронштедта, Юганна Сандельса и Дункера. Ихъ подвиги на полѣ брани онъ обставилъ самыми романтическими и рыцарскими, легендарными подробностями. Самъ же герой его разсказовъ, прапорщикъ Сталь, былъ снимкомъ съ стараго офицера! Пеландера, видѣннаго имъ въ Наси-Ярви. Первая серія этихъ поэмъ вышла въ Гельсингфорсѣ въ 1848 г., и въ три дня разошлось первое изданіе въ 2.000 экземпляровъ. Но дальнѣйшее распространеніе этого популярнаго сборника было воспрепятствовано финляндскимъ цензоромъ. Тогда Рунебергъ, понявъ, что причиной запрещенія была поэма «Кульневъ», распорядился перевести ее на русскій языкъ и послать императору Николаю Павловичу, который прочиталъ ее съ удовольствіемъ и немедленно снялъ съ нея запретъ. Этотъ отважный русскій генералъ прозванъ финляндцами «русскимъ Дункеромъ», такъ какъ его смѣлость и храбрость равнялась отвагѣ этого финляндскаго партизана. Въ началѣ появленія Кульнева въ Финляндіи никто не зналъ даже его имени, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ финны стали уважать и даже бояться его. Въ 1810—1820 г.г. портреты Кульнева видѣлись во многихъ финскихъ жилищахъ наравнѣ съ семейными. Кромѣ военныхъ патріотическихъ поэмъ Рунеберга, известны еще его сатира: «Король», въ которой зло осмѣивался Густавъ IV, и идилліи: «Охотники

на оленей», «Рождественская ночь», цикл лирическо-эпических стихотворений «Kung Tjallag» и трагедія «Цари на Саламинѣ». Послѣ долгой, мирной жизни Рунебергъ умеръ 6 мая 1877 г.

— Жоржъ Клемансо. Личность новаго французскаго министра внутреннихъ дѣлъ, Клемансо, представляетъ большой интересъ не только для парижской публики, но и для обще-европейской, потому его біографія ¹⁾, помѣщенная Морисомъ Леблономъ въ первомъ апрѣльскомъ номерѣ «La Revue», вызываетъ общее вниманіе. Жоржъ Клемансо родился въ старинной вандейской семьѣ 28 сентября 1841 г. въ Мульеронѣ, близъ Фонтенея. Его отецъ, старый врачъ, былъ матеріалистомъ и якобинцемъ и представлялъ странный типъ; онъ былъ въ одно и то же время главой мѣстной республиканской партіи, деревенскимъ философомъ, даже живописцемъ и скульпторомъ. Строго придерживаясь своихъ принциповъ, онъ вліялъ на развитіе сына и передалъ ему свою ненависть къ беззаконіямъ, любовь къ независимости, научную религію къ фактамъ, которая преклонялась только предъ экспериментальной очевидностью, и даже свое художественное вдохновеніе. Последнее объясняетъ, почему Клемансо такъ любитъ бездѣлушки, картины, красивые переплеты, старается вести разговоръ съ свѣтскими дѣвушками, остроумными женщинами и окружать себя художниками, писателями и артистами. Поступивъ въ Нантскій лицей, онъ затѣмъ перешелъ въ медицинскую школу, а потомъ уѣхалъ въ Парижъ. Когда въ 1860 г. французская молодежь почувствовала пробужденіе республиканскихъ идей, отецъ Клемансо представилъ сына Этьену Араго, и молодой человѣкъ принялъ участіе въ этомъ народномъ движеніи. Ежедневно онъ сотрудничалъ въ маленькихъ листкахъ: «Le Travail», «La Jeune France», «Le Candide», «La Libre Pensée», «La Morale», «Indépendante». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ попалъ въ Мазасскую тюрьму, гдѣ пробылъ два мѣсяца за то, что справлялъ съ товарищами годовщину февральской революціи. Однако политическое движеніе, проявлявшееся главнымъ образомъ въ громкихъ рѣчахъ, не парализовало его жажды научныхъ знаній, и Клемансо усердно посѣщалъ бібліотеки и работалъ въ лабораторіяхъ. Въ 1865 г. онъ получилъ степень доктора, написавъ диссертацию «О происхожденіи анатомическихъ элементовъ». Въ ней онъ отвергалъ теорію нѣкоторыхъ изъ учениковъ Конта, которая вела къ опасному агностицизму. говорилъ: «Мы не изъ тѣхъ, которые допускаютъ вмѣстѣ съ школой позитивистовъ, что наука не можетъ доставить никакихъ свѣдѣній относительно загадки вещей». Но ученые труды не совершенно поглотили его; онъ жаждалъ свободы, а потому, изучивъ физиологическій міръ человѣка, Клемансо захотѣлъ ознакомиться и съ грандіознымъ социальнымъ организмомъ. Съ этой цѣлью онъ отправился въ Великобританію и Америку. Последовательно посѣтивъ тамъ все города и изучивъ характеръ, нравы и воззрѣнія англичанъ и американцевъ, онъ сталъ періодически посылать въ «Temps» замѣчательные очерки объ экономическомъ, литературномъ

¹⁾ Georges Clemenceau: sa vie et son oeuvre; par Maurice Le Blond. «La Revue». 1 Avril 1906.

противостоялъ этой политикѣ; министерству Фрейсине пришлось въ свою очередь отступить. Затѣмъ онъ произнесъ знаменитыя рѣчи 31 октября 1883 г., 27 ноября 1884 г., 28 марта и 30 іюля 1885 г., въ которыхъ возставалъ противъ кредита для Тонкинской и Мадагаскарской экспедицій и, между прочимъ, воскликнулъ: «Для возстановленія побѣжденной Франціи не слѣдуетъ растрачивать свою кровь и золото на бесполезныя предіриятія!» Въ продолженіе почти двадцати лѣтъ Клемансо произносилъ свои нервныя, сильныя рѣчи на французской трибунѣ, и, по увѣреніямъ автора статьи, время не тронуло ни его таланта, ни его ума, ни взглядовъ, и его теперешнія рѣчи попрежнему дышатъ той же проницей, какъ прежде. Его ораторскій талантъ далекъ, какъ отъ классическаго краснорѣчія, такъ и отъ романтическаго и скорѣе подходитъ къ искусству импрессионистовъ. Онъ дѣлаетъ изъ безжизненнаго документа живой предметъ и самый безцвѣтный вопросъ умѣетъ такъ освѣтить и придать ему такую окраску, что онъ является совершенно инымъ. Впрочемъ, для этого онъ не прибѣгаетъ къ приемамъ драматизаціи, ни къ пророчеству: онъ говоритъ на трибунѣ, какъ у себя въ рабочемъ кабинетѣ, ни сильно возвышая голосъ и ни прибѣгая къ излишней жестикуляціи. Когда въ военное министерство вступилъ Буланже, то Клемансо сначала его поддерживалъ изъ ненависти къ оппортунистской политикѣ, но затѣмъ, когда тотъ нѣмногоу сталъ склоняться къ правой и она хотѣла его заставить разыграть роль новаго Монка, онъ принялся поражать своими энергичными рѣчами буланжистскую лихорадку. Наконецъ, онъ произнесъ рѣчь по поводу ревизіи 4 іюня 1888 г. въ пользу свободы трибуны, въ концѣ которой онъ воскликнулъ: «Ну, ужъ если такъ, то эти споры, которые васъ удивляютъ,—намъ всѣмъ дѣлаютъ честь. Они въ особенности доказываютъ пылъ, съ какимъ мы защищаемъ наши идеи, которыя мы считаемъ вѣрными и плодотворными. Эти споры имѣютъ свои неудобства, а молчаніе еще болѣе имѣетъ ихъ. Да, слава той странѣ, гдѣ говорятъ; стыдъ странѣ, гдѣ молчатъ. Если вы думаете ослабить режимъ споровъ подъ именемъ парламентаризма, такъ знайте, что вы осмѣливаетесь подымать руку на самый режимъ представительства, на республику». Конечно, Клемансо не могъ, по словамъ автора, не нажить себѣ враговъ, и его имя они запутали въ Панамское дѣло, обвиняя его чуть ли не въ продажѣ Франціи иностраннымъ державамъ. Но Клемансо перенесъ твердо эту бурю, хотя слухъ прошелъ, что въ англійскомъ посольствѣ нашлись очень важныя документы противъ Клемансо, и нѣкоторые журналы даже напечатали факсимиле этихъ документовъ. Наконецъ, Клемансо произнесъ въ парламентѣ свою оправдательную рѣчь. Его встрѣтило гробовое молчаніе; слушатели составляли враждебную партію, часть же недавнихъ друзей струсила и готова была отречься отъ его дружбы. Но довольно было поговорить Клемансо нѣсколько минутъ, какъ всѣ козни его враговъ потеряли силу, и онъ сошелъ съ трибуны уже при общихъ восторженныхъ крикахъ. Онъ доказалъ, что представленные документы англійскаго посольства—не что иное, какъ грубая поддѣлка Нортонна, сдѣланная на бумагѣ, выкраденной изъ англійскаго посольства, и ни-то воспользовался Дюкре, въ то время бывший редакторомъ «Cocardes». Нѣсколько недѣль спустя, надъ Нортонномъ и его сообщниками былъ произнесенъ обвинительный приговоръ, и Клемансо

освободился от тяжкаго обвиненія, но его враги все-таки не оставляли его въ покоѣ и добились своего. Приближались выборы, и распространенный «Petit Journal» своими хитрыми вылазками совершенно измѣнилъ общественное мнѣніе относительно Клемансо, слѣдствіемъ чего онъ не былъ выбранъ, и ему предпочли неизвѣстнаго и малоспособнаго Журдана. Но Клемансо не потерялъ ни своего присутствія духа, ни энергіи, и, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, онъ сдѣлался писателемъ и журналистомъ. Однако политическая жизнь Клемансо этимъ не окончилась: въ 1903 г. онъ опять выступаетъ на политическое поприще и выбранный депутатомъ возбуждаетъ попрежнему восторгъ своими рѣчами и ораторской дуэлью съ Вальдекъ-Руссо. Теперь Клемансо опять предстоитъ широкое политическое поле дѣятельности.

— Что читаютъ китайцы? Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ въ американскомъ журналѣ «North American Review» любопытный очеркъ¹⁾ Арчибалда Калькуна относительно китайской прессы и европейской литературы, переведенной на китайскій языкъ. «Пекинская Газета», первая китайская газета, она же и первая въ свѣтѣ, существуетъ болѣе тысячи лѣтъ и издается въ столицѣ Небесной имперіи; она исключительно официальная и обнародываетъ только законы и распоряженія китайскаго правительства. Съ громаднымъ промежуткомъ времени вторая, уже частная газета «Шень-Пао», т.-е. «Шанхайскія Новости», стала издаваться въ Шанхаѣ въ 1870 г. Хотя редакторы этой газеты—китайскіе мандарины, но политически они вдохновляются англичанами и получаютъ финансовыя фонды отъ нихъ. Несмотря на успѣхъ этого предпріятія, ежедневная пресса очень медленно распространялась въ государствѣ Сына Неба. Въ 1894 г. въ Китаѣ выходило всего двѣнадцать газетъ, но въ послѣднее время число ихъ значительно увеличилось. Такъ, въ Шанхаѣ теперь издается шестнадцать газетъ, въ Тянь-Цзинѣ—три, въ Гонгъ-Конгѣ—пять и въ Пекинѣ—три, что очень мало для столицы, гдѣ насчитывается болѣе миліона жителей. Правда, кромѣ этихъ трехъ газетъ, тамъ выходитъ еще три двухнедѣльныхъ иллюстрированныхъ сборника. Также существуютъ газеты въ Фу-Чу, Су-чу и Кантонѣ. Наконецъ, въ Кю-Чу печатается мѣстная газета, которая служитъ отголоскомъ мнѣній губернатора германской колоніи. Вездѣ, гдѣ китайцы поселяются, они считаютъ необходимою издавать газеты на своемъ языкѣ. Въ Синганурѣ ихъ двѣ, въ Австраліи—двѣ, въ Гонолулу—четыре, въ Саянъ-Франциско—шесть. Цензуры не существуетъ въ Небесной имперіи, и вице-короли, вмѣсто того чтобы строго преслѣдовать газеты въ подчиненныхъ имъ губерніяхъ, напротивъ поощряютъ печать, въ доказательство мудрости своей политики. Въ то время какъ въ Китаѣ не существуетъ законодательства о прессѣ, японскія газеты находятся подъ очень строгой цензурой. Въ недавнее время всякая японская газета должна была имѣть редактора, главная обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы отсиживать судебныя приговоры въ тюрьмахъ. Передавая это извѣстіе, Калькунъ сознается, что подобный фактъ заимствованъ Японіей у Запада. «Хотя,—говоритъ онъ,—японскія и китайскія газеты редактируются образованными въ древней культурѣ ли-

¹⁾ What read the chineese?—by E. Calkun. «The North American Review». May 1906.

цамп, на далекомъ востокѣ журнальный трудъ очень плохо оплачивается. Годовое содержаніе въ 2.500 франковъ составляетъ самый высшій доходъ японскихъ журналистовъ, и ни въ какомъ случаѣ не простираются выше этого самолюбивыя мечтанія китайцевъ». Не путемъ одной китайской печати проникаютъ въ Китай европейскія идеи; въ недавнее время основано англійское общество съ этой цѣлью, и въ 1904 г. оно напечатало 224.000 экземпляровъ и 77.000 томовъ. «Эта цифра, по словамъ Калькуна, не составляетъ окончательнаго числа переводныхъ европейскихъ книгъ, распространяемыхъ въ Китаѣ. Литературное пиратство процвѣтаетъ на берегахъ Янгъ-Тце. Все, что является интереснаго въ западной переводной литературѣ, немедленно издается путемъ фото-литографіи въ контрафакціи. Въ Гангъ-чу найдено шесть изданій, которыя въ сущности были только перепечаткой, произведенной безсовѣстными спекуляторами. По расчету англійскаго общества, число контрафакцій превышаетъ количество подлинныхъ книгъ. Все эти контрафакціи имѣютъ значительное распространеніе, а по содержанію изъ серьезныхъ сочиненій всего болѣе распространены въ Китаѣ философскія сочиненія Герберта Спенсера». Неудивительно, что на родинѣ Конфуція имѣютъ такой успѣхъ сочиненія одного изъ самыхъ глубокихъ философовъ Европы XIX столѣтія; но было бы совершенно ошибочно полагать, что вообще на далекомъ востокѣ въ большемъ ходу западная философія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ единственный западный философъ, переведенный въ Японіи на японскій языкъ, былъ Кошгъ, а теперь надо сознаться, что большинство подданныхъ микадо съ восторгомъ читаютъ не англійскихъ и нѣмецкихъ философовъ, а «Три мушкетера» Александра Дюма. Вѣроятно, то же будетъ въ Китаѣ, когда тамъ появится въ переводѣ знаменитый романъ французскаго сказочника.

— Автобіографія Л. Н. Толстого. Во второй майской книжкѣ «La Revue» появилась, по словамъ всей парижской прессы, «прекрасная» автобіографія ¹⁾ великаго писателя. Это только отрывокъ изъ первой части уже вышедшей въ Англіи книги, подъ заглавіемъ: «Левъ Толстой, его жизнь и труды, автобіографическіе мемуары, письма и біографическій матеріалъ, составилъ Павелъ Бирюковъ, подъ редакціей Льва Толстого». Первый томъ озаглавленъ: «Дѣтство и ранняя молодость», а въ объявленіи упоминаю, что все это сочиненіе будетъ заключаться въ трехъ томахъ. Къ французскому тексту прибавленъ отрывокъ изъ письма Толстого къ его другу Бирюкову, который, по его словамъ, рѣшился написать его біографію къ французскому изданію сочиненій Толстого, но о томъ, что Бирюковъ предпринялъ обширный біографическій трудъ, не сказано ни слова. Во всякомъ случаѣ, Толстой, согласился сообщить ему нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о своей жизни, которая, по его словамъ, была полна «глупости и подлости». Онъ откровенно и чистосердечно произноситъ «mea culpa» и увѣряетъ, что, рассказывая свою жизнь, ему одинаково трудно избѣжать Харибды—прославленія себя, умалчивая обо всемъ, что онъ дѣлалъ дурнаго, и Сциллы—циническаго сознанія всего совершеннаго имъ въ жизни дурнаго. По его мнѣнію, если уже рѣшится писать свою біогра-

¹⁾ C-te Leon Tolstoi. Autobiographie. «La Revue», 15 Mai 1906,

фію, то надо говорить правду, какъ бы ни трудно было сознаваться во всемъ дурномъ, и только тогда она будетъ имѣть интересъ для читателей. Вся жизнь Толстого, по его сознанию, дѣлится на четыре періода: сначала идетъ эпоха чудная, особенно въ сравненіи съ послѣдующей, невинная, веселая, поэтическая, — эпоха дѣтства. Затѣмъ слѣдуетъ страшный двадцатилѣтній періодъ — грубаго разврата, недостойной службы, честолюбія, стремленія къ почестямъ и, главнымъ образомъ, къ наживѣ. Послѣ этого наступаетъ восемнадцатилѣтняя эпоха, начинающаяся съ брака и духовнаго воскресенія, эпоха, которую можно было бы назвать съ точки зрѣнія свѣта — нравственной, такъ какъ въ это время Толстой жилъ семейной жизнью, честной, правильной, не предаваясь порокамъ, преслѣдуемымъ общественнымъ мнѣніемъ. Но всѣ интересы Толстого въ это время ограничивались эгоистическими заботами о семействѣ, объ увеличеніи своего состоянія, о литературныхъ успѣхахъ и всякаго рода удовольствіяхъ. Наконецъ, возникъ четвертый періодъ, который продолжается уже двадцать лѣтъ, среди котораго онъ живетъ и надѣется умереть, сознавая все зло прошедшаго и внушенная имъ дурныя привычки. Исторію этихъ-то прошедшихъ четырехъ періодовъ Толстой теперь намѣревается написать, если Богъ продлитъ ему жизнь, и полагаетъ, что подобная автобіографія будетъ гораздо полезнѣе, чѣмъ художественная болтовня, которая наполняла двѣнадцать томовъ его сочиненій, слишкомъ высоко цѣнимыхъ. Такимъ образомъ онъ беретъ за описаніе своего дѣтства, наиболѣе для него привлекательной эпохи; второго періода — самаго постыднаго; третьяго, наименѣе интереснаго, и четвертаго, давашаго ему верховное счастье въ жизни и спокойное, радостное ожиданіе смерти. Чтобы не повторяться относительно дѣтства, Толстой перечелъ написанное объ этомъ предметѣ сочиненіе и, къ сожалѣнію, призналъ его дурнымъ, нечистосердечнымъ и слишкомъ литературнымъ. Это было совершенно естественно, потому что онъ тогда хотѣлъ описать не только свое дѣтство, но и своихъ друзей, а также потому, что находился тогда подъ влияніемъ двухъ авторовъ — Стерна и Тенфэра. Теперь особенно ему не нравятся послѣднія двѣ части его книги: «Отрочество» и «Юность». Оканчивая свое предисловіе къ французскому тексту автобіографіи, Толстой выражаетъ надежду, что онъ напишетъ лучше и, главное, полезнѣе для другихъ.

Новый рассказъ Толстого о его дѣтствѣ начинается съ характеристики его бабушки, Пелагеи Николаевны, дочери слѣпотаго князя, Николая Ивановича Горчакова, нажившаго себѣ громадное состояніе. Насколько авторъ представляетъ себѣ ея личность, то она была женщиной малообразованной и малоспособной, умѣвшей только, какъ всѣ въ то время, говорить по-французски лучше, чѣмъ по-русски. Ее, однако, въ семьѣ всѣ уважали, въ томъ числѣ ея мужъ, графъ Илья Андреевичъ Толстой, также не очень развитой человекъ, но добрый, веселый, щедрый и до глупости довѣрчивый. Въ его громадномъ помѣстьѣ, въ Бѣлевѣ, происходили безконечные праздники, спектакли, балы и обѣды. Но его главнымъ недостаткомъ была страсть къ игрѣ и къ спекуляціямъ, которыхъ онъ вовсе не понималъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздавалъ большія суммы денегъ всякому встрѣчному, поэтому неудивительно, что онъ разорился, несмотря на громадное богатство жены, и былъ принужденъ искать

службы, что при его связях было нетрудно. Вскорѣ его назначили на постъ казанскаго губернатора. Толстой увѣряетъ, что его дѣдъ ни съ кого не бралъ взятокъ, кромѣ какъ съ откупщиковъ, что тогда дѣлали всѣ. Напротивъ, онъ чистосердечно сознается, что его бабушка была большая взяточница. Послѣ смерти мужа она поселилась въ имѣніи отца Толстого — «Ясной Полянѣ», и тамъ-то онъ ее засталъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, страстно любящей своего сына и внучатъ. Къ своей невѣсткѣ она не чувствовала особой привязанности. Первые воспоминанія автора объ этой самой важной особѣ въ ихъ домѣ относятся къ тремъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, умываясь, она съ особымъ искусствомъ намыливала руки, производя большіе мыльные пузыри, что дѣтямъ очень нравилось; во-вторыхъ, она очень любила собирать орѣхи и, отираваясь въ лѣсъ, брала съ собою дѣтей; третье воспоминаніе о бабушкѣ связано было съ памятью о старомъ, слѣпомъ рассказчикѣ, Львѣ Степановичѣ. Иногда автору приходилось ночевать въ спальнѣ бабушки, и тогда онъ видѣлъ Льва Степановича, сидѣвшаго на подоконникѣ близъ постели бабушки и рассказывавшаго ей любимыя сказки изъ «Тысячи и одной ночи». Мальчикъ такъ ихъ заслушивался, что крѣпко засыпалъ. Дѣдъ Толстого со стороны матери, князь Волконскій, былъ генераль-аншефъ при Екатеринѣ и потерялъ свое высокое званіе, благодаря тому, что не хотѣлъ жениться на племянницѣ Потемкина, Варенькѣ Энгельгардтѣ, находившейся съ фаворитомъ императрицы въ близкой связи. Онъ прямо сказалъ Потемкину: «Откуда вы взяли, что я женюсь на вашей любовницѣ?» Вслѣдствіе этого онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Архангельскъ и отправленъ въ почетную ссылку, гдѣ оставался до царствованія Павла Петровича. Послѣ этого онъ женился на княжнѣ Екатеринѣ Дмитриевнѣ Трубецкой и поселился въ деревнѣ. Онъ слылъ за строгаго помѣщика, но никогда никто не рассказывалъ легендъ о его строгомъ обращеніи съ крестьянами, а, напротивъ, старики передавали о его заботливомъ обращеніи съ людьми. Онъ не только выстроилъ для своихъ слугъ прекрасные дома, но заботился объ ихъ одеждѣ и даже удовольствіяхъ, устраивалъ для нихъ различныя игры и т. д. Дѣдушка терпѣть не могъ охоты, а питалъ привязанность къ цвѣтамъ и музыкѣ, почему содержалъ не большой, но хорошій оркестръ. По странной игрѣ судьбы та самая Варенька Энгельгардтѣ, которая была причиной его паденія при дворѣ, вышла замужъ за князя Сергѣя Голицына, съ которымъ дѣдъ Толстого находился въ дружескихъ отношеніяхъ, такъ что и съ самой Варенькой онъ впоследствии велъ большую дружбу. Мать Толстого, княжна Волконская, съ дѣтства считалась невѣстой одного изъ ея сыновей, который, однако, умеръ въ молодости отъ тифозной горячки. Что касается до нея, то великій романистъ вовсе ее не помнитъ, такъ какъ она умерла, когда ему было только полтора года. По странной случайности, не сохранилось ни одного ея портрета, и потому Толстой только по рассказамъ сохранилъ понятіе о ней, какъ о доброй и прекрасной женщинѣ. Она не была красива, но для своего времени очень умна и хорошо воспитана. Кромѣ русскаго языка, на которомъ она хорошо говорила и писала, что было рѣдкостью въ то время, графиня знала по-французски, по-нѣмецки, по-англійски и даже по-итальянски. Она штала страсть къ изящнымъ искусствамъ и играла на

фортепиано. Ея знакомые съ воесторгомъ говорили, что она съ большимъ искусствомъ рассказывала сказки, фантазируя по мѣрѣ продолженія разсказа. Но, по словамъ прислуги, всего замѣчательнѣе въ графинѣ было умѣнье сдерживать свой вспыльчивый характеръ, благодаря чему она не говорила никому грубаго слова. Нравственно она была выше своего мужа и всего своего семейства; особенно она ни о комъ дурно не отзывалась, и въ своихъ письмахъ, часть которыхъ сохранилась, она всегда выражалась просто и откровенно, не употребляя выспреннихъ выраженій, бывшихъ тогда въ большой модѣ. Она любила своего мужа не страстно, а какъ супруга и отца своихъ дѣтей, настоящую же любовь она питала только къ своему умершему жениху, Голицыну, къ французенкѣ, жившей въ домѣ и возбудившей внослѣдствіи въ ней разочарованіе, къ старшему своему сыну, Коко, о воспитаніи котораго сохранились ея записки на русскомъ языкѣ, и къ младшему сыну, котораго она называла «мой маленькій Веспьяминъ». У нея было всего четыре сына и одна дочь, послѣ рожденія которой она умерла. Ея брачная жизнь продолжалась недолго, не долѣе десяти лѣтъ, и была очень счастливая, такъ какъ въ семействѣ всѣ ее любили, и она всѣхъ любила. Вообще ея жизнь протекала въ занятіи съ дѣтьми, въ чтеніи по вечерамъ бабушкѣ романовъ, въ разсужденіи о серьезныхъ книгахъ, какъ, наприимѣръ, «Эмилъ» Руссо, игрѣ на фортепиано, прогулкахъ и попеченіяхъ о хозяйствѣ. Все, что такимъ образомъ рассказываетъ Толстой о своей матери, онъ знаетъ по разсказамъ и письмамъ, самъ же онъ начинаетъ припоминать только то, что происходило, когда ему было четыре или пять лѣтъ. Первое мѣсто между этими уже реальными воспоминаніями принадлежало отцу. Въ очень молодыхъ годахъ онъ остался единственнымъ сыномъ въ своемъ семействѣ и въ 1812 г. отправился на войну семнадцати лѣтъ, несмотря на сопротивленіе своихъ родителей. Онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ родственнику бабушки, князю Николаю Горчакову, и съ нимъ продѣлалъ всѣ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ. Въ послѣднемъ году онъ попался въ плѣнъ и былъ освобожденъ только въ 1815 г., когда наши войска находились въ Парижѣ. Возвратясь въ Россію, онъ вышелъ въ отставку, глубоко разочарованный военной службой, и поселился въ Казани, гдѣ вскорѣ надѣлалъ много долговъ, въ виду чего его женили на богатой невѣстѣ. Всю остальную жизнь онъ провелъ въ «Ясной Полянѣ» и занимался хозяйствомъ, хотя мало его зналъ. Отличительной его чертой было отсутствіе жестокости, такъ что его считали даже слабымъ человекомъ, и никогда не было слышно въ его помѣстьяхъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Конечно, по всей вѣроятности, они существовали, какъ у другихъ помѣщиковъ, но примѣнялись рѣдко, и Толстой только по смерти отца узналъ, что они существовали. Что же касается до личнаго воспоминанія великаго романиста о тѣлесныхъ наказаніяхъ крестьянъ, то въ его памяти сохранился лишь одинъ случай. Во время прогулки онъ и его братья какъ-то встрѣтили управляющаго, Андрея Ильина, и конюха Кузьму, которые оба были очень грустны. Одинъ изъ мальчиковъ спросилъ, куда они направляются, и Андрей Ильинъ отвѣчалъ, что они идутъ на конюшню наказывать Кузьму, который былъ уже не молодъ и женатъ. Эти слова произвели на дѣтей сильное впечатлѣніе, и оно еще болѣе

усилилось, когда тетка, Татьяна Александровна Ергольская, жившая у нихъ въ домѣ, ненавидѣвшая тѣлесныя наказанія и не пригнѣившая ихъ ни къ дѣтямъ ни къ крестьянамъ, воскликнула, узнавъ о случившемся: «Отчего вы не остановили ихъ?» Такимъ образомъ, изъ ея словъ было ясно, что дѣти могли вмѣшаться въ дѣло, но тогда было уже поздно. Вспоминая объ отцѣ, Толстой разсказываетъ, что онъ очень любилъ охоту, въ которой часто участвовали его знакомые: Кирѣевскій, Языковъ, Исленьевъ и Глѣбовъ. Дома онъ много читалъ про себя и любилъ читать дѣтямъ вслухъ. У него была значительная библіотека изъ французскихъ классическихъ сочиненій по исторіи и естественнымъ наукамъ; хотя онъ не былъ человѣкомъ знающимъ, но считался на уровнѣ съ образованными людьми того времени. Его нельзя назвать либеральнымъ человѣкомъ съ точки зрѣнія теперешнихъ либераловъ, но онъ считалъ невозможнымъ служить въ концѣ царствованія Александра I и при Николаѣ, поэтому онъ принадлежалъ къ тогдашнимъ либераламъ и отчасти фрондировалъ правительство. Обыкновенно онъ имѣлъ независимый, веселый, мужественный и часто насмѣшливый тонъ, не лишенный достоинства, что возбуждало въ его младшемъ сынѣ любовь къ нему и даже нѣчто въ родѣ энтузіазма. Толстой вспоминаетъ, какъ ребенкомъ онъ ходилъ въ кабинетъ отца, гдѣ часто находился его пріятель, Языковъ, и декламировать имъ стихи Пушкина съ такимъ пафосомъ, что они оба выразительно оймѣнивались улыбками, доставляя этимъ большое удовольствіе ребенку. Во время обѣда онъ часто разсказывалъ интересныя вещи и весело шутилъ. Еще сохранилось въ памяти мальчика воспоминаніе о прогулкахъ съ отцомъ и особенно о поѣздкѣ 1 сентября на охоту вѣзмъ семействомъ. По вечерамъ графъ помогалъ своей матери раскладывать пасьянсъ и вообще со вѣми въ семьѣ былъ учтивъ и привѣтливъ, но особенно нѣжно обращался съ матерью. Его доброта ко вѣмъ доходила до того, что однажды Толстой помнитъ, какъ отецъ съ улыбкой указывалъ матери въ зеркало на дворецкаго Тита, который пробрался въ его кабинетъ съ цѣлью украсть табакъ изъ большого ящика. Толстому было уже пять лѣтъ, когда его перевели внизъ на попеченіе гувернера старшихъ братьевъ, Федора Ивановича Росселя, котораго онъ, по его признанію, описал довольно точно въ «Дѣтствѣ». Этотъ переходъ заставилъ мальчика разстаться съ няней Еремѣвной и теткой Татьяной Александровной, которыхъ онъ очень любилъ. Эта тетка имѣла на него большое вліяніе, и, собственно говоря, ее называли теткой только изъ любви къ ней, а она была дальней родственницей бабушки. Оставшись въ юности сиротой, Татьяна Александровна Ергольская была взята бабушкой и осталась на всю жизнь въ домѣ Толстыхъ. Она была одинаковыхъ лѣтъ съ графомъ и воспитывалась вмѣстѣ съ другими тетками Толстого. Вѣе ее очень любили, и нельзя было ее не любить, такъ какъ у нея былъ прямой, рѣшительный, энергичный и преданный характеръ. Она сама разсказывала замѣчательный анекдотъ изъ своего дѣтства. Однажды вѣе ея однолѣтки обсуждали исторію Муція Сцеволы, и кто-то замѣтилъ, что на подобное дѣло, конечно, никто теперь не рѣшится. «А я рѣшусь», — сказала Танечка, какъ вѣе ее называли. «Неправда», — замѣтилъ Языковъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, и поджегъ на свѣчкѣ лежавшую на столѣ

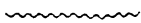
линейку. — «Ну, вотъ, положи твою руку», — прибавилъ онъ. Она протянула свою руку, которая была по тогдашней модѣ обнажена до локтя, а Языковъ положилъ на нее линейку. Дѣвочка засушила брови, но не отняла руки, и только тогда вскрикнула отъ боли, когда линейка была снята съ ея руки вмѣстѣ съ кожей. На ея рукѣ навсегда остался слѣдъ ожоговъ. Въ молодости Татьяна Александровна была очень красива собой, имѣла длинную, роскошную косу, агатовые глаза и энергичную физиономію. Какъ она, такъ и отецъ Толстого любили другъ друга, но онъ не женился на ней, потому что долженъ былъ жениться на богатой невѣстѣ, а послѣ смерти его жены она не хотѣла вытти за него замужъ, чтобы не испортить чистой и поэтической связи съ нимъ. Впослѣдствіи Толстой нашелъ въ бумагахъ Татьяны Александровны замѣчательную записку, въ которой говорилось: «Сегодня Николай сдѣлалъ мнѣ странное предложеніе — вытти за него замужъ, сдѣлаться матерью его дѣтей и никогда ихъ не покидать; я отказалась отъ перваго предложенія, но обѣщала исполнять послѣднее, пока буду жива». Она дѣйствительно исполнила свое послѣднее обѣщаніе, даже послѣ смерти отца. Когда дѣтей увезла въ Казань настоящая ихъ тетка, Целагея Ильинична, имѣвшая на нихъ законныя права, то Татьяна Александровна переселилась къ своей сестрѣ, графинѣ Толстой, и оставалась у ней, пока не явилась возможность вернуться къ дѣтямъ любимаго человѣка. Послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни она провела со Львомъ Николаевичемъ въ «Ясной Полянѣ», и онъ считаетъ для себя это обстоятельство великимъ счастьемъ, хотя не умѣлъ достаточно его цѣнить. Онъ всегда ее любилъ, особенно въ дѣтствѣ, когда питалъ къ ней страстную привязанность, но впослѣдствіи обращался съ нею не довольно ласково и даже отказывалъ ей въ покушкѣ сластей, которыми она любила его же угощать. Дѣйствительно, онъ въ то время, когда отказывалъ теткѣ въ сластяхъ, имѣлъ очень скудныя средства, но все-таки послѣ ея смерти съ ужасомъ вспоминалъ, какъ бѣдная тетка вздыхала отъ его отказовъ. Она же была такъ добра до него и его жены, когда онъ женился, что однажды со слезами просила перемѣнить ея комнату, находя ее очень хорошей: «Вамъ она понадобится, — говорила она, — а если я умру въ ней, то вы сохраните непріятное впечатлѣніе объ этой комнатѣ, такъ дайте мнѣ другую комнату, гдѣ я могла бы спокойно умереть». Татьяна Александровна была добра не только къ дѣтямъ любимаго человѣка, но и къ прислугѣ, съ которой она никогда не обращалась сурово, хотя считала крѣпостныхъ рабами и вела себя въ отношеніи ихъ, какъ настоящая барыня. Все же, когда она умерла, крестьяне слѣдовали за ея гробомъ и усердно молились о ней. Главной чертой ея характера была любовь, но любовь къ одному человѣку — отцу Толстого, и эта любовь была центромъ, изъ котораго расходились радіусами всѣ остальные ея привязанности, происходившія потому, что ея любовь обнимала лицъ, имѣвшихъ сопрیکосновеніе съ ея бывшимъ женихомъ.

— Смерть Карла Шурца и Генрика Ибсена. Въ первыхъ числахъ мая умеръ въ Соединенныхъ Штатахъ американскій писатель и государственный человѣкъ, Карлъ Шурцъ, по происхожденію нѣмецъ. Онъ родился въ 1829 г. въ Кельнѣ и до 1852 г. находился въ Европѣ. Сначала онъ писалъ

въ либеральныхъ газетахъ города Бона, а во время революціи 1848 г. принималъ живѣйшее участіе въ событіяхъ того времени. Вмѣстѣ съ Кинкелемъ онъ былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость Шпандау, но ему удалось отсюда бѣжать въ 1850 г. Отправившись прямо въ Парижъ, онъ сдѣлался корреспондентомъ одной англійской газеты во время декабрьскаго переворота. Потомъ онъ перебрался въ Лондонъ и сдѣлался тамъ профессоромъ, а чрезъ два года переселился въ Соединенные Штаты, и нѣсколько лѣтъ исполнялъ должность корреспондента нью-іоркской газеты «Tribune». Впослѣдствіи онъ издавалъ «The Detroit Post» и въ 1867 г. сдѣлался издателемъ въ Сень-Луи нѣмецкой газеты «Westliche Post», а затѣмъ четыре года издавалъ въ Нью-Іоркѣ «Evening Post». Между тѣмъ, онъ прибрѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно въ штатѣ Висконсинъ, необыкновенную популярность. Въ 1861 г. онъ занималъ постъ американскаго посланника въ Испаніи, а во время войны за освобожденіе негровъ поступилъ на военную службу и былъ бригаднымъ генераломъ въ сѣверной арміи. Въ 1869 г. его выбрали сенаторомъ отъ штата Миссури, и онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ при президентѣ Гейзѣ. Онъ занималъ этотъ постъ до 1901 г., а съ тѣхъ поръ посвятивъ себя журналистикѣ и литературѣ. Изъ его сочиненій извѣстны: «Жизнь Генри Клея» и биографическій очеркъ Линкольна.

23 мая не стало одного изъ величайшихъ писателей нашего времени— Генрика Ибсена. Онъ скончался на 68 г. жизни въ Христианіи, и въ его лицѣ весь міръ оплакиваетъ первѣйшаго изъ драматурговъ послѣ Шекспира. Онъ родился въ маленькомъ городкѣ Норвегіи, Скинѣ, 20 марта 1828 г. Его отецъ принадлежалъ къ старинной датской семьѣ, а его мать была нѣмецкаго происхожденія. У его родителей было значительное состояніе, но его отецъ велъ жизнь не по средствамъ и совершенно разорился. Молодой Генрихъ сначала желалъ сдѣлаться живописцемъ, но когда его родители потеряли все свое состояніе, то онъ былъ принужденъ опредѣлиться въ аптекарскіе ученики. Онъ, однако, не потерялъ своей энергіи и цѣлыя ночи проводилъ за книгами, усердно приговляясь къ университетскому экзамену. Въ это время онъ жилъ въ городкѣ Гримштадтѣ и въ свободное время занимался сочиненіями на датскомъ языкѣ. Первымъ его произведеніемъ была поэма «Terje vige.l», содержаніе которой составлялъ патріотическій эпизодъ изъ войны Даніи съ Англійей. Мирное общество провинціального городка было встревожено нападками молодого Ибсена на живую, шіэтическую и лицемѣрную жизнь ихъ кружка. Въ 1848 г. всюду распространился революціонный духъ, и Ибсенъ съ восторгомъ сталъ писать свои знаменитые сонеты по социальнымъ и политическимъ вопросамъ. Два года спустя, онъ выдержалъ въ Христианіи экзаменъ на степенъ кандидата, и вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Бьернсономъ, сталъ издавать сатирической и карикатурный журналъ. Въ 1851 г. онъ пристроился къ Бергенскому театру и обязался каждый годъ писать по пьесѣ. Самой удачной изъ этихъ пьесъ была «Праздникъ въ Сольгангѣ». Спустя пять лѣтъ, онъ перешелъ въ Христианію директоромъ норвежскаго театра, гдѣ ему пришлось вести постоянную борьбу съ глупостью и лицемѣрной нетерпимостью своихъ согражданъ. Къ этой эпохѣ принадлежитъ его сатирическая

пьеса «Комедія любви», возбудившая общіе свистки. Съ 1864 г. Ибсенъ началъ новую жизнь, и, добившись отъ правительства небольшой субсидіи, отправился путешествовать по Европѣ. Поселившись въ Римѣ, а затѣмъ въ Мюнхенѣ, онъ провелъ двадцать семь лѣтъ вдали отъ своей родины. Это время онъ посвятилъ исключительно на сочиненіе драмъ, которыя мало-по-малу пробили ему дорогу къ славѣ. Первая пьеса, доставившая ему извѣстность, была «Брандъ». Ее поставили съ величайшимъ усиліемъ на сценѣ копенгагенскаго театра. Съ тѣхъ поръ онъ началъ, съ одной стороны, приобретать средства къ жизни, а, съ другой, устанавливать шагъ за шагомъ свою авторскую извѣстность. Разъ въ два года съ удивительной аккуратностью появлялись его замѣчательныя пьесы: «Императоръ и Галилеянинъ», «Привидѣніе», «Кукольный домъ» (Нора), «Врагъ народа», «Дикая утка», «Росмергольмъ» и «Гедда Габлеръ». Наконецъ, талантъ Ибсена достигъ своего высшаго развитія, и онъ сталъ не только извѣстнымъ драматургомъ, но и проповѣдникомъ сѣверной школы. Крайній индивидуализмъ и борьба личностей противъ правъ общества составили принципиальную тему всѣхъ его произведеній. Ихъ перевели на всевозможные языки, и они сдѣлались художественной приманкой европейскихъ театровъ. Въ 1875 г. онъ на короткое время вернулся въ Скандинавію, гдѣ его приняли съ распростертыми объятіями, но онъ снова не ужился съ своими соотечественниками и опять на 10 лѣтъ уѣхалъ въ Европу, гдѣ попрежнему жилъ преимущественно въ Римѣ и Мюнхенѣ. Его драматическія произведенія продолжали попрежнему появляться въ положенные сроки, и «Архитекторъ Сальнесъ», «Маленькій Эйольфъ» и «Боркманъ» продолжали поддерживать его славу. Наконецъ онъ снова попробовалъ вернуться въ Норвегію, но политическая и религіозная нетерпимость норвежцевъ слишкомъ раздражала великаго писателя, и онъ опять отправился въ чужія страны, откуда окончательно возвратился въ Христіанію въ 1891 г. Тутъ онъ прекратилъ свою добровольную ссылку и, предпринявъ путешествіе на сѣверный полюсъ, поселился въ столицѣ Норвегіи, гдѣ оставался до дня своей смерти. Последнимъ его сочиненіемъ была драма: «Когда мы, мертвые, возстанемъ», въ которой онъ задался цѣлью подвести результаты своей поэтической дѣятельности за все время, съ того момента, когда онъ создалъ свою самую популярнѣйшую пьесу «Нора». Всѣ онѣ, кромѣ символическаго и мистическаго направленія, замѣтныхъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ, отличаются живымъ изложеніемъ, прекрасно веденной интригой и глубокимъ интересомъ каждой сцены, поэтому Ибсена слѣдуетъ признать первымъ драматургомъ нашего времени. Спокойно, мирно и уединенно жилъ онъ въ своемъ маленькомъ домикѣ, когда три года тому назадъ его поразилъ нервный ударъ, и съ тѣхъ поръ онъ медленно угасалъ. Сознаніе возвращалось къ нему только по временамъ, и тогда онъ все еще съ любопытствомъ спрашивалъ у сына объ усиліяхъ его любимыхъ дѣтищъ. Одной изъ послѣднихъ его радостей на землѣ было извѣстіе о торжествѣ Элеоноры Дузе въ его пьесѣ «Росмергольмъ», данной на сценѣ народнаго театра въ Христіаніи.

С М Ъ С Ъ.

ВУХСОТЛѢТІЕ Кронштадтской крѣпости. Японская война помѣшала празднованію 200-лѣтняго юбилея крѣпости, и оно состоялось черезъ два года, въ 1906 г. На торжество прибыли военные генералы, адмиралы флота, депутаціи отъ Петровскихъ полковъ, отъ с.-петербургской городской думы, и собралось чуть не все военное населеніе Кронштадта. Торжество началось на Кроншлотѣ. Военные пароходы привезли гостей на фортъ Кроншлотъ, гдѣ на площадкѣ были выстроены взводы лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, отъ морскихъ командъ, 1-го и 2-го крѣпостныхъ полковъ, минной и саперной ротъ и крѣпостной артиллеріи, а также историческій взводъ бомбардировъ и солдатъ въ формахъ времени Петра Великаго. Какъ и 200 лѣтъ назадъ, совершенно было водосвятіе на площади крѣпостнымъ священникомъ, а затѣмъ, когда прибылъ комендантъ, генералъ Бѣляевъ, генералитетъ, гости и депутаціи, митрофорный протоіерей, о. Іоаннъ Кронштадтскій, совершилъ соборнѣ благодарственное молебствіе; возглашено царское многолѣтіе, вѣчная память императору Петру и всѣмъ его сподвижникамъ (при этомъ съ трехъ фортовъ зегремѣлъ кругомъ Кронштадта салютъ въ 21 выстрѣлъ съ каждой крѣпости). Музыка играла Петровскій маршъ. Послѣ многолѣтія воинству взводы прошли церемональнымъ маршемъ. Отсюда вся флотилія пароходовъ и катеровъ пошла на фортъ Константинъ — новѣйшей системы твердыню. Послѣ поверхностнаго осмотра, въ палаткѣ былъ предложенъ чай съ закусками, и затѣмъ всѣ гости и начальство на военныхъ потѣздахъ были перевезены по крѣпостной дорогѣ на Косу, близъ батарен Лигке, у казармъ минной роты. На зеленомъ полѣ обрисовался здѣсь огромнымъ покоемъ строй войскъ (на три фаса) подъ общою командою генералъ-майора Адлерберга.

На правомъ флангѣ стояли Петровы птенцы, преображенцы и гвардія, темныя полосы мундировъ крѣпостныхъ полковъ, саперной роты, 5 батальоновъ крѣпостной артиллеріи и Енисейскаго полка прерывались бѣлыми рубахами у моряковъ съ синими воротниками, у мѣстной роты съ красными и совершенно красной полосой историческаго взвода. Прибыль комендантъ, обошелъ войска. Передъ фронтомъ ихъ благочинный морскихъ церквей, протоіерей Погодинъ, совершилъ соборнѣ благодарственное молебствіе предъ 200-лѣтнею иконою Владимирской Божіей Матери (современной Петру), окрошилъ святою водою знамена и ряды войскъ, и вся масса ихъ пошла церемоніальнымъ маршемъ подъ музыку нѣсколькихъ хоровъ вмѣстѣ. Длинными полосами залестрѣло зеленое поле. Дважды проходили войска, затѣмъ снова выстроились въ прежнемъ порядкѣ. Комендантъ возгласилъ царскія здравицы, гремѣло «ура» и «Боже, царя храни», затѣмъ имъ же провозглашенъ цѣлый рядъ здравицъ за флотъ. Потомъ послѣдовалъ пріемъ депутаций. Говорились привѣтствія отъ преображенцевъ, семеновцевъ, гвардейской артиллеріи, отъ флота (адмиралы: исправляющій должность начальника главнаго морскаго штаба Виреніусъ, старшій флагманъ Паренаго и начальникъ штаба Кронштадтскаго порта Петровъ), отъ Кронштадта городекой голова и гласные и купеческій староста (гг. Гуляевъ, ген. Меньшой, Коровниковъ, Мурашевъ), при чемъ отъ города поднесенъ крѣпости образъ св. апостола Андрея Первозваннаго въ золотой ризѣ; отъ кронштадтскаго Краснаго Креста, отъ с.-петербургской городекой думы (депутаты гг. Медвѣдевъ, Азарьевъ, Старицій). Адреса—въ художественномъ исполненіи въ бюварахъ съ серебрянымъ орнаментомъ. На каждое привѣтствіе отвѣчали комендантъ и «ура» войскъ. Съ музыкой и пѣнями пошли части войскъ домой, а поѣзда съ гостями и офицерами прибыли въ офицерское артиллерійское собраніе. Это новое еще помѣщеніе съ прекраснымъ двухсвѣтнымъ заломъ, украшеннымъ во весь ростъ царскими портретами. Въ собраніи былъ накрытъ обѣдъ на 600 человекъ въ нѣсколькихъ залахъ. На каждомъ приборѣ лежало меню, печатанное красками, съ видомъ стараго петровскаго Кронштадта и современной картиной заряженія новѣйшихъ орудій. За обѣдомъ пошли тосты и рѣчи. Здравница государю начала ихъ, и она же окончила, и каждый разъ при общемъ «ура». Генераль Бѣляевъ провозгласилъ тостъ за дружную работу всѣхъ войскъ на защиту родины. Присутствовавшимъ были розданы иллюстрированные историческіе очерки Кронштадта и медаль съ изображеніемъ съ одной стороны профилей императоровъ Петра I и Николая II, а съ другой — вида Кронштадта, и подъ ними слова Петра: «Содержать сію ситадель съ Божіею помощію, аще случится, хотя до послѣдняго человека». Только въ 8 час. вечера и позже отправились обратно пароходы съ гостями и депутациями въ Петербургъ и Ораніенбаумъ. Въ память 200-лѣтія крѣпости вычеканена особая медаль.

Юбилей «Московскихъ Вѣдомостей». 26 апрѣля газета «Московскія Вѣдомости» праздновала 150-лѣтіе своего существованія. По этому случаю нынѣшняя редакція газеты выпустила въ свѣтъ копію съ перваго номера «Московскихъ Вѣдомостей» съ сохраненіемъ даже шрифтовъ того времени. Независимо отъ этого выпущенъ юбилейный номеръ съ біографіями Каткова и Леонтьева, съ портретами Каткова, съ извлеченіями изъ первыхъ редактор-

скихъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» М. Н. Каткова и его преемниковъ С. А. Петровскаго и В. А. Грингмута. Въ приходскомъ храмѣ совершены были литургія и молебствіе. Послѣ этого у редактора газеты былъ приемъ, на которомъ читались привѣтствія и принимались поздравленія, затѣмъ въ Эрмитажѣ состоялся редакціонный завтракъ. Предсѣдатель совѣта министровъ прислалъ телеграмму редактору «Московскихъ Вѣдомостей» съ извѣщеніемъ, что государю императору благоугодно было повелѣть выразить привѣтствіе его величества редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» по случаю 150-лѣтія существованія газеты, какъ старѣйшему органу московской печати.

Юбилей А. Н. Макарова. 14 мая, въ Солянскомъ Городкѣ происходило чествованіе 50-ти-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ генераль-лейтенанта Аполлона Николаевича Макарова. Необычность юбилея состояла, съ одной стороны, въ большомъ разнообразіи и количествѣ лицъ и учрежденій, явившихся на празднованіе, — большой залъ технического общества былъ полонъ дамами, штатскими и военными всѣхъ ранговъ до кадетовъ включительно, — а, съ другой, въ содержаніи тѣхъ рѣчей и привѣтствій, которыя адѣсь произносились. Передъ глазами зрителя, по мѣрѣ хода праздника, все выше и выше вставала фигура воина, всю жизнь безиощадно боровагося съ нашимъ главнымъ врагомъ — съ тьмой невѣжества. А. Н. началъ свою просвѣтительную дѣятельность въ 60-хъ годахъ, въ то счастливое для военно-учебныхъ заведеній время, когда подъ влияніемъ военного министерства Милютина считалось аксіомой, что будущій офицеръ прежде всего долженъ быть образованнымъ человѣкомъ въ истинномъ, гуманитарномъ значеніи этого слова. Подъ влияніемъ такого руководящаго начала военное министерство привлекало къ себѣ лучшія педагогическія силы, устраивало курсы и семинаріи для приготовленія дѣйствительно педагоговъ, а не просто учащихся, и такимъ образомъ, какъ извѣстно, оказывало влияніе на дѣло просвѣщенія далеко за предѣлами министерства. Однимъ изъ самыхъ видныхъ проводниковъ въ жизнь этихъ принциповъ явился А. Н., какъ директоръ сперва педагогической семинаріи въ Москвѣ, а затѣмъ какъ директоръ 2-ой военной гимназіи въ Петербургѣ. Съ 1891 г. онъ состоитъ директоромъ военно-педагогическаго музея въ Солянскомъ Городкѣ. Съ этого времени его дѣятельность получаетъ все большее и большее общественное значеніе. Вокругъ него при военно-педагогическомъ музеѣ образовались многочисленные кружки, общества и курсы, преслѣдующіе просвѣтительныя цѣли въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, начиная съ элементарнаго образованія и кончая курсами высшаго типа, каковы, напримѣръ, курсы педагогическіе, имѣющіе университетскій характеръ. Военно-педагогическій музей при немъ сталъ пріютомъ для истинно-педагогической мысли, и ни одно официальное учрежденіе, призванное стоять на стражѣ народнаго просвѣщенія, не дало столько для послѣдняго, какъ этотъ военный музей. Многое множество матеріаловъ еще ждетъ болѣе свѣтлыхъ дней для своего примѣненія къ жизни; много программъ и проектовъ для будущей русской школы разработано здѣсь; много молодыхъ дѣятелей здѣсь именно въ истинно-педагогической атмосферѣ, созданной А. Н., получили свое первое педагогическое образованіе, и, разойдясь во всѣ концы Россіи, понесли съ собою его просвѣщенныя идеи. Послѣдніе годы дѣятельности

А. Н. были посвящены на борьбу, часто тяжелую и безуспѣшную, за поднятіе общеобразовательнаго уровня военно-учебныхъ заведеній. Для этой цѣли при военно-педагогическомъ музеѣ онъ устроилъ сперва курсы для приготовления воспитателей для кадетскихъ корпусовъ, а затѣмъ и курсы для приготовления преподавателей. Послѣднее учрежденіе, конечно, сыграетъ еще большую роль въ дѣлѣ приготовленія педагоговъ для русской средней школы вообще, такъ какъ является учрежденіемъ во всѣхъ отношеніяхъ единственнымъ въ своемъ родѣ. А. Н. на поприщѣ русскаго просвѣщенія представляетъ собой величину, значеніе которой опредѣлить еще исторія русской школы. Самъ человѣкъ рѣдко широкаго образованія, онъ всюду вносилъ и вноситъ уваженіе къ наукѣ и научности въ постановкѣ просвѣтительнаго дѣла. Рыцарь долга и честнаго отношенія къ взятому на себя дѣлу, онъ оказываетъ и на своихъ сотрудниковъ самое благотворное вліяніе въ этомъ отношеніи. Наконецъ, вѣра въ то, что просвѣтительное дѣло есть дѣло святое, является для него не одной только «чистой идеей», а окрашивается сильнымъ и глубокимъ чувствомъ. То же А. Н. умѣетъ внушить и своимъ многочисленнымъ ученикамъ, которые изъ общенія съ нимъ выносятъ не только величайшее уваженіе къ его честной и сильной личности, но и горячую любовь. Открылъ чествованіе помощникъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генераль Анчутинъ. Послѣ молебствія и краткаго привѣтственнаго слова профессора Соллертинскаго начались привѣтствія многочисленныхъ депутацій и чтеніе телеграммъ и адресовъ. Всѣхъ депутацій—26. Телеграммъ—около 400. Между прочимъ, поздравили юбиляра телеграфно великій князь Константинъ Константиновичъ и великая княгиня Елисавета Мавриковна. Юбиларъ удостоился также высочайшаго рескрипта и пожалованія брилліантовъ къ ордену св. Александра Невскаго. Всѣ адреса, телеграммы и привѣтствія характеризуютъ А. Н., какъ лучшаго педагога, много потрудившагося для самоопредѣленія человѣка. Закончилось чествованіе продолжительной отвѣтной рѣчью самого юбиляра. Поблагодаривъ всѣхъ собравшихся, онъ коснулся задачъ педагогики и состоянія современной школы. А. Н., между прочимъ, сказалъ: «Подведя итогъ своей дѣятельности, я вижу, что вслѣдствіе моего неравновѣсія и раздвоенія души я не сдѣлалъ того, что могъ бы сдѣлать. При томъ, различныя обстоятельства жизни безошадно ломаютъ все на своемъ пути... Я, быть можетъ, способствовалъ выработкѣ нѣсколькихъ хорошихъ юношей, но масса, въ общемъ, не та, какой бы ее мнѣ хотѣлось видѣть... Надъ многимъ мнѣ теперь снова приходится задумываться, а я чувствую, что уже не въ силахъ дальше работать.. Несоответствіе между нашей школой и жизнью слишкомъ велико, и такіе факты, какъ защита ребенкомъ своихъ правъ, попранныхъ школьнымъ воспитаніемъ, защита ихъ черезъ метанье разрывныхъ снарядовъ—это фактъ ужасный и многому насъ долженъ научить. Необходимо перестроить школу на совершенно новыхъ основаніяхъ. Надо вдохнуть въ жизнь новый духъ—духъ любви, дѣятельности и христіанства».

Географическое общество. 3 мая, въ помѣщеніи географическаго общества полковникомъ Новиковымъ былъ сдѣланъ докладъ объ его путешествіи по Монголіи. Монголія, какъ область, прилегающая къ русской границѣ,

представляетъ для насъ пзвѣстный интересъ. Народонаселеніе Монголіи находится подъ сильнымъ вліяніемъ китайцевъ, хотя и сохранило во всей чистотѣ свой природный языкъ. Въ японскую войну монголы старались держаться на нейтральной почвѣ, въ особенности близъ театра военныхъ дѣйствій. Въ глубинѣ же страны монголы обнаруживали явную симпатію къ русскимъ, что, по словамъ докладчика, даетъ поводъ предполагать о возможности болѣе тѣснаго сближенія монголовъ съ Россіей. Въ ближайшемъ будущемъ военнымъ министерствомъ организуется новая экспедиція въ Монголію подъ руководствомъ полковника Новикова.

Распредѣленіе школъ по округамъ. Министерство народнаго просвѣщенія, согласно даннымъ переписи 1897 г. и цифрамъ увеличенія народонаселенія до 1906 г., намѣтило сѣть школъ по всѣмъ учебнымъ округамъ Россіи. Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ 12.974 школы, Московскомъ—36.711, Харьковскомъ—29.958, Одесскомъ—17.895, Кіевскомъ—32.888, Казанскомъ—27.049, Оренбургскомъ—16.350, Виленскомъ—21.826, Варшавскомъ—20.217, Рижскомъ—4.228, Кавказскомъ—20.311, Западно-Сибирскомъ—9.691, Восточно-Сибирскомъ—2.581, Туркестанскомъ—10.392, Примурскомъ вмѣстѣ съ Сахалиномъ—1.971. На каждую школу разсчитано максимальное число учениковъ 50. Оборудование школъ, т.-е. постройка и содержаніе ихъ, возлагается на мѣстныхъ общества; годовое содержаніе учителей на счетъ казны и опредѣляется въ 390 р. Содержаніе всѣхъ учителей по округамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: С.-Петербургскій—5.059.860 р., Московскій—14.317.290 р., Харьковскій—11.683.620 р., Одесскій—6.979.050 р. Всего общее количество народныхъ школъ достигаетъ 265.042. Содержаніе учителей въ теченіе года обойдется казнѣ въ 103.366.380 р. Распредѣленіе школъ по городамъ каждаго округа: въ С.-Петербургскимъ—2.012 школъ, Московскомъ—3.661, Харьковскомъ—2.541, Одесскомъ—2.936, Кіевскомъ—2.642, Казанскомъ—1.645, Оренбургскомъ—891, Виленскомъ—2.198, Варшавскомъ—3.989, Рижскомъ—948, Кавказскомъ—2.212, Западно-Сибирскомъ—587, Восточно-Сибирскомъ—208, Туркестанскомъ—1.207, Примурскомъ вмѣстѣ съ Сахалиномъ—163. Итого—27.845 школъ. По селамъ начальныя школы въ слѣдующемъ количествѣ въ округахъ: С.-Петербургскомъ—10.962, Московскомъ—33.050, Харьковскомъ—27.412, Одесскомъ—14.769, Кіевскомъ—30.246, Казанскомъ—25.404, Оренбургскомъ—15.459, Виленскомъ—19.628, Рижскомъ—3.280, Варшавскомъ—16.228, Кавказскомъ—18.099, Западно-Сибирскомъ—9.104, Восточно-Сибирскомъ—2.373, Туркестанскомъ—9.185, Примурскомъ вмѣстѣ съ Сахалиномъ—1.808. Всего—237.197 школъ.

Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Въ чрезвычайномъ собраніи Кассы 23 апрѣля постановлено учредить фондъ для оказанія помощи нуждающимся членамъ кассы съ ихъ семьями въ тѣхъ случаяхъ, когда по исключительнымъ обстоятельствамъ они не могутъ продолжать свою обычную дѣятельность. Такую помощь въ текущемъ году рѣшено оказывать преимущественно нуждающимся членамъ кассы, пострадавшимъ по политическимъ дѣламъ. Въ фондъ отчислена свободная часть отъ процентовъ на капиталъ Н. А.

Фирсова въ размѣрѣ 2.745 р. и 2.000 р. процентными бумагами. Эти резолюціи приняты большинствомъ голосовъ послѣ четырехчасовыхъ преній. Какъ извѣстно, для детальной разработки вопроса о фондѣ для членовъ, пострадавшихъ за политическія убѣжденія, была избрана особая коммиссія. Члены этой коммиссіи и затянули засѣданіе доказательствами, что правленіе кассы не имѣетъ права высказать свое самостоятельное мнѣніе по вопросу, обсуждавшемуся коммиссіей совмѣстно съ пятью членами правленія. Для собранія было ясно, что не только правленіе въ цѣломъ составѣ, но и каждый отдѣльный членъ кассы могли высказать свое мнѣніе, и мнѣніе это для пользы дѣла слѣдовало выслушать. Затѣмъ члены коммиссіи настаивали на необходимости образовать особую постоянную коммиссію для израсходованія новаго фонда въ случаяхъ надобности. Однако, общее собраніе не согласилось и съ этимъ, рѣшивъ, что единственнымъ довѣреннымъ кассы является правленіе, которое и должно распоряжаться суммами кассы. Въ помощь правленію для выясненія нуждъ членовъ, лишившихся своей трудоспособности, а также для оказанія имъ моральной и юридической поддержки избрана особая коммиссія въ составѣ гг. Баранцевича, Бурдеса, Годлевскаго, Порошина, Радлова, Романова и г-жи Ватсонъ. Ораторы изъ прежней коммиссіи (гг. Арабаживъ, Ждановъ, Кремлевъ и Линева) въ новую коммиссію не пошлѣ, получивъ незначительное количество избирательныхъ голосовъ. Рѣшеніе вопроса о матеріальной помощи изъ новаго фонда предоставлено правленію совмѣстно съ тремя членами коммиссіи. Заявленія о нуждающихся членахъ дѣлаются или членами кассы или родными пострадавшихъ.

Отъ правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Для помощи нуждающимся членамъ кассы съ ихъ семьями въ тѣхъ случаяхъ, когда силою независящихъ отъ нихъ исключительныхъ обстоятельствъ они поставлены въ невозможность продолжать свою обычную дѣятельность, въ составѣ капиталовъ кассы, на основаніи § 26 ея устава, учрежденъ 23 апрѣля 1906 г. особый фондъ. Заявленія о необходимости помощи могутъ быть направляемы непосредственно въ центральное правленіе кассы (Сиб., Троицкая ул., д. 11, кв. 19) или же въ ея отдѣленія (Москва, Кіевъ, Юрьевъ и Одесса). Тамъ же принимаются какъ добровольные взносы членовъ кассы для усиленія фонда, такъ и пожертвованія въ этотъ фондъ отъ лицъ, сочувствующихъ его цѣли.

Отъ комитета литературнаго фонда. Переживаемая страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности литературнаго фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагоприятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ. Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень мно-

гихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждающихся въ помощи фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 г. крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и литературный фондъ имѣлъ на 1 января сего года по расходному капиталу, изъ котораго, по уставу, только и можетъ быть произведена большая часть выдачъ фонда, — дефицитъ въ 7.800 р. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но, напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращающихся въ фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступлениями. Если бы фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составилъ уже теперь около 2.000 р. Такое положеніе дѣла побудило комитетъ фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію нарастанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышензложеннаго, комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ литературнаго фонда, съ усердной просьбой приходить къ нему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами литературнаго фонда могутъ быть не только литераторы и ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ фонда, который передаетъ это заявленіе комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію комитета. Размѣръ членскаго взноса — начиная отъ 10 р. въ годъ. Предсѣдатель комитета: Н. Вейнбергъ. Члены: Ф. Батюшковъ (товарищъ предсѣдателя), С. Венгеровъ (казначей), Н. Котляревскій, В. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Меншуткинъ, Н. Милуковъ, Д. Овсянко-Куликовскій (секретарь), Л. Пантелѣевъ, С. Савичъ, П. Якубовичъ.

НЕКРОЛОГИ

АНДРЕЯНОВЪ, А. П. 16 мая скоропостижно умеръ отъ разрыва сердца симбирскій крестьянскій депутатъ Андреяновъ. Покойный былъ уѣзднымъ земскимъ гласнымъ отъ крестьянъ Сызранскаго уѣзда и членомъ сызранской уѣздной земской управы. Человѣкъ чистый и честный, прогрессивно-настроенный, А. П. былъ весьма любимъ крестьянами. Послѣ манифеста 17 октября А. П. открыто примкнулъ къ освободительному движенію. Когда изъ Москвы получилое извѣстіе о всероссійскомъ крестьянскомъ съѣздѣ, А. П. организовать въ своемъ уѣздѣ мѣстное отдѣленіе крестьянскаго союза. Былъ созванъ съѣздъ, на которомъ присутствовали выборные всѣхъ волостей уѣзда. А. П. былъ избранъ председателемъ, и съѣздъ въ полномъ составѣ выборовъ всего уѣзда присоединился къ всероссійскому крестьянскому союзу. Когда началось реакція и аресты, А. П. тоже былъ арестованъ и просидѣлъ въ тюрьмѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Послѣ освобожденія онъ былъ избранъ выборщикомъ въ думу сперва уѣзднымъ, потомъ губернскимъ. А. П. сначала отказывался, говоря: «У меня семья, дѣти маленькія, я уже пострадать за мѣръ». Но потомъ не устоялъ и согласился. Настроеніе духа у А. П. все время было угнетенное. Онъ неоднократно высказывалъ опасеніе, что опять придется пострадать, сидѣть въ тюрьмѣ, идти въ ссылку. Твердость его была подломлена, и сердце его не выдержало и разорвалось. Тюрма съѣла А. П. (Некрологъ его: «Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ», 1906 г., № 1).

† **Барсуковъ, И. П.** 14 апрѣля сего года скончался въ Казлинскомъ уѣздѣ изслѣдователь нашей былой жизни, Иванъ Платоновичъ Барсуковъ, родной братъ П. П. Барсукова, автора обширнаго изслѣдованія о Погодинѣ, и А. П. Барсукова, автора многотомнаго труда о родѣ Шереметевыхъ. Покойный извѣстенъ въ нашей литературѣ двумя цѣнными сочиненіями, по дост. инству оцѣ-

ненными знатоками дѣла. «Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ» и «Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій» — вотъ то ученое наслѣдіе, которое оставилъ по себѣ покойный нашъ историкъ. Первое сочиненіе было горячо привѣтствовано извѣстнымъ ученымъ востоковѣдомъ, покойнымъ И. П. Минаевымъ, который писалъ про трудъ объ Иннокентіи, что авторъ этимъ трудомъ «оказалъ великую услугу не только современной церковной исторіи или исторіи русскихъ успѣховъ въ области лингвистики и этнографіи, но и представилъ въ собранныхъ имъ матеріалахъ немало цѣнныхъ данныхъ для объясненія русской народной исторіи на дальнемъ Азіатскомъ востокѣ». Этотъ трудъ И. П. былъ увѣнчанъ академіей наукъ преміей графа Уварова. Второй трудъ его — о графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, имѣетъ также большую историческую цѣнность, какъ единственная полная біографія извѣстнаго дѣятеля далекой Сибири и какъ богатый источникъ для исторіи этого края. Во вниманіе къ обоимъ этимъ историческимъ изслѣдованіямъ покойный императоръ Александръ III, по представленію министра народнаго просвѣщенія, гр. И. Д. Делянова, удостоилъ его внѣ всякой очереди пожалованіемъ ордена Владимира 4-й степеніи. Барсуковъ же потрудился и надъ изданіемъ записокъ отца и матери князя М. С. Волконскаго, а также незадолго до кончины своей посвятилъ новый свой трудъ — памяти ученика Иннокентія, а также просвѣтителя Сибири — епископа уфимскаго Діонисія. Въ частной своей жизни покойный И. П. Барсуковъ былъ очень скромнымъ человекомъ, поглощеннымъ, съ одной стороны, своими архивными работами, а съ другой — скромной службой въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ ради хлѣба насущнаго и пропитанія своей довольно многочисленной семьи. Родился онъ въ 1844 г., въ Тамбовской губерніи. Воспитаніе и лучилъ въ одной изъ петербургскихъ классическихъ гимназій. Первоначальная его служба протекала при архивѣ Черткова, гдѣ онъ подъ влияніемъ своего дяди, извѣстнаго историка и издателя «Русскаго Архива» П. И. Бартенева и пристрастился къ исторической наукѣ; затѣмъ онъ довольно долго служилъ при странноприимномъ домѣ графа Шереметева въ Москвѣ, а затѣмъ перевелся на службу въ Ксеніинскій институтъ въ Петербургѣ, гдѣ правилъ должности секретаря и казначея. Несомнѣнно, большое влияніе на складъ его научной мысли оказалъ его старшій братъ, Н. П. Барсуковъ, создавшій не только самому себѣ крупное имя въ нашей исторической наукѣ, но и подвигнувшій къ ученой работѣ и своихъ братьевъ. Скончался И. П. послѣ тяжелой бѣдноты и большихъ страданій, при очень затрудненныхъ матеріальныхъ условіяхъ жизни и оставилъ послѣ себя семью совершенно необезпеченною.

† **Бородовскій, Л. И.** 25 апрѣля, въ Петербургѣ, умеръ Леонидъ Павловичъ Бородовскій. Онъ умеръ очень молодымъ — ему едва исполнилось 37 лѣтъ, и въ полномъ цвѣтѣ силъ и развитія. Сибирякъ по рожденію, онъ и воспитался въ той Азій, которой была внослѣдствіи посвящена почти вся его дѣятельность, въ простомъ военномъ училищѣ, а затѣмъ нѣкоторое время служилъ въ военной службѣ, въ одномъ изъ сибирскихъ полковъ. Эта служба въ Приамурскомъ краѣ, задолго до разразившейся на Дальнемъ Востокѣ войны,

среди тамошней дѣвственной природы развила въ немъ любовь къ естествознанію и географіи. Начало своей научной дѣятельности Бородовскій положилъ рядомъ статей по разнымъ вопросамъ, касающимся Дальняго Востока, и сверхъ того принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ общества изученія Примурскаго края во Владивостокѣ и специально работалъ по морскимъ изслѣдованіямъ, подъ руководствомъ Слюнина. Въ 1891 г. Л. И. принялъ участіе въ качествѣ натуралиста въ экспедиціи полковника Путяты въ Маньчжуріи для изученія южной части Хинганскаго хребта. Результатомъ этой экспедиціи были богатая коллекція по естествознанію, вывезенная покойнымъ изъ этихъ трудно-доступныхъ мѣстностей и иныхъ находящихся въ распоряженіи Азіатскаго отдѣла главнаго штаба. Въ 1894 г. Л. И. былъ приглашенъ на службу въ канцелярію министра финансовъ для участія въ составленіи перваго на русскомъ языкѣ «Описанія» Маньчжуріи, которое до сихъ поръ остается единственнымъ въ нашей литературѣ. Въ 1900 г. министерство финансовъ еще разъ командировало Л. И. съ специальной миссіей въ Среднюю Азію, при чемъ путешествіе его захватило не только отдаленнѣйшія мѣстности нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, но и зашло далеко въ предѣлы Китайскаго Туркестана. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что труды Л. И. въ этомъ направленіи имѣли значеніе не только научное, но и политическое. Но вслыхнувшія вслѣдъ затѣмъ событія въ Китаѣ и на Дальнемъ Востокѣ отвлекли вниманіе нашего правительства и общества отъ Средней Азій, и поселившійся по возвращеніи оттуда обратно въ Петербургѣ Л. И. уже не возвращался на Дальній Востокъ. Съ тѣхъ поръ служба и литературная дѣятельность покойнаго протекаютъ почти исключительно въ Петербургѣ. Послѣдніе годы онъ занималъ должность секретаря сначала при товарищѣ министра финансовъ П. М. Романовѣ, а затѣмъ въ управленіи дворянскимъ и крестьянскимъ земельными банками при Н. Н. Кутлерѣ и А. И. Путиловѣ. Л. И. былъ однимъ изъ основателей и постоянныхъ сотрудниковъ газеты «Слово», гдѣ съ самаго ея открытія завѣдывалъ азіатскимъ отдѣломъ, подписывая свои многочисленныя и всегда обстоятельныя статьи псевдонимомъ «Азіать». (Некрологи его: «Слово», 1906 г., № 449; «Новое Время», 1906 г., № 10.819).

† **Галкинъ, Н. В.** 8 мая послѣ продолжительной болѣзни скончался профессоръ скрипичной игры въ С.-Петербургской консерваторіи, Николай Владимировичъ Галкинъ. Его болѣзнь началась на почвѣ безпорядковъ, происходившихъ въ консерваторіи за послѣдніе два года, при чемъ покойному пришлось перетерпѣть отъ учащихся вообще и въ частности отъ учениковъ оркестроваго класса, которымъ онъ завѣдывалъ немало непріятностей, неожиданныхъ для него. Несправедливость учащихся глубоко поразила покойнаго и способствовала быстрому развитію таившагося въ немъ недуга. Галкинъ получилъ музыкальное образованіе отчасти за границею, отчасти въ той же самой консерваторіи, гдѣ потомъ провелъ болѣе четверти вѣка сперва преподавателемъ и адъюнктомъ г. Ауэра, потомъ имѣя самостоятельный профессорскій классъ. Въ послѣднемъ званіи онъ все-таки ограничивался болѣе подготовкою молодежи для г. Ауэра, чѣмъ давалъ исполнѣ законченныхъ учениковъ. По крайней мѣрѣ, нельзя назвать ни одного изъ кончившихъ у него курсъ скрипачей,

кто обратилъ бы на себя вниманіе. Лучше шель у него оркестровый классъ, тѣмъ болѣе, что, проведя много лѣтъ въ оркестрѣ и дирижируя въ Павловскѣ, онъ приобрѣлъ необходимыя въ этомъ дѣлѣ познанія, спорывку и практику. Въ Павловскѣ онъ дирижировалъ десять сезоновъ кряду (1893—1903) и въ первые годы въ особенности относился съ большою энергіей къ начатому имъ дѣлу. При немъ впервые со времени существованія павловскихъ вечеровъ русскіе авторы получали широкій доступъ на павловскую эстраду. Этого прежде не было. Онъ же поставилъ эти концерты вообще на болѣе широкую ногу и придавъ имъ значеніе, котораго до него они не имѣли въ подобной степени или въ подобной послѣдовательности. Толчекъ, данный Павловску Галкинымъ и кружкомъ музыкантовъ, среди которыхъ онъ тогда вращался, сохранилъ свою силу до сихъ поръ, и павловскіе вечера продолжаютъ, хотя бы и по инерціи, идти по открытой въ то время дорогѣ. Галкинъ большую часть своей службы въ казенныхъ театрахъ провелъ въ балетномъ оркестрѣ, гдѣ занималъ мѣсто концертмейстера. Оставивши балетъ, послѣднія десять лѣтъ онъ состоялъ дирижеромъ въ Александринскомъ театрѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.831).

† **Кузнецовъ, В. Н.** Въ субботу, 1 апрѣля, послѣ продолжительной болѣзни скончался Василій Николаевичъ Кузнецовъ, воспитатель и преподаватель словесности въ 3-ей петербургской гимназій. Еще будучи гимназистомъ 6-й петербургской гимназій, покойный писалъ стихотворенія духовнаго содержанія, помѣщая ихъ на страницахъ журналовъ «Странникъ» и «Русскій Паломникъ»; въ этихъ же журналахъ имъ напечатанъ рядъ статей, преимущественно историческаго содержанія, напримѣръ: «О погребальныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ народовъ», «Жизнь св. Александра Невскаго» и др. Покойный еще гимназистомъ настолько усвоилъ особенности славянской рѣчи, что составилъ даже акаѳистъ св. Василю Великому. Въ университетѣ В. Н. продолжать литературныя занятія, которыя приняли ученый характеръ. Прекрасно зная древніе языки, онъ перевелъ изъ Номоканона патріарха Фотія отдѣлы объ имущественномъ правѣ церкви. Въ университетѣ своею спеціальностью избралъ изученіе славянскихъ нарѣчій, которыми и занимался подъ руководствомъ проф. Ламанскаго. Особенное вниманіе В. Н. обратилъ на изученіе малоислѣдованной эпохи царствованія болгарскаго царя Симеона. Его сочиненіе: «Письма Льва Магистра и Романа Лаканна и филологическія разысканія источниковъ исторіи Болгаріи въ царствованіе Симеона», было удостоено совѣтомъ университета золотой медали, является вкладомъ въ науку и достойнымъ продолженіемъ, по словамъ проф. Ламанскаго, ученаго труда проф. Московскаго университета Смирнова, работавшаго тоже надъ исторіей царствованія Симеона. Сочиненіе это совѣтъ университета постановилъ напечатать, но по просьбѣ болгаръ В. Н. уступилъ имъ право печатанія, и оно увидѣло свѣтъ на болгарскомъ языкѣ. Какъ знатокъ болгарскаго языка, В. Н., по порученію географическаго общества, путешествовалъ по Болгаріи лѣтомъ 1898 г., дѣлая различныя этнографическія наблюденія. Два доклада объ этомъ путешествіи были имъ сдѣланы въ географическомъ обществѣ и напечатаны въ журналѣ «Живая Старина». Въ этомъ же журналѣ были напечатаны его этнографическіе

очерки изъ наблюдений надъ населеніемъ округа «Сатро» Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Последніе годы В. Н. много работалъ для энциклопедическаго словаря Брокгаузъ-Ефрона, въ которомъ ему, между прочимъ, принадлежатъ статьи «Симеонъ, царь болгарскій», «Селивановъ» и др. По окончаніи университета В. Н. нѣкоторое время служилъ въ свѣтѣишемъ синодѣ, въ училищномъ совѣтѣ, въ статистическомъ отдѣленіи и писалъ въ журналѣ «Народное Образование» по вопросамъ воспитанія и обученія въ сельскихъ школахъ. Три года тому назадъ В. Н. прослушалъ курсъ археологическаго института и получилъ званіе его дѣйствительнаго члена. В. Н. былъ сынъ священника Гдовскаго уѣзда села Палеи и умеръ на 37 году отъ роду. Похороненъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

† **Неупокоевъ, А. И.** 30 апрѣля скончался управляющій типографіею газеты «Новое Время», почетный членъseudo-сберегательнаго и взаимно-вспомогательнаго товарищества служащихъ типографин, книжнаго магазина и конторы газеты «Новое Время», потомственный почетный гражданинъ Аркадій Ильичъ Неупокоевъ. Покойный родился въ 1848 г. Поступивъ въ типографію І. П. Огрызко въ 1860 г., онъ окончилъ ученіе въ 1865 г. и перешелъ въ типографію М. О. Вольфа, гдѣ вскорѣ былъ сдѣланъ метранныжемъ. Затѣмъ въ 70-хъ годахъ работалъ въ типографіи В. П. Головина, одной изъ лучшихъ того времени, гдѣ верстать журналы «Модный Магазинъ» С. Г. Мей и «Русскую Старину» М. П. Семева, былъ метранныжемъ въ типографіи В. С. Балашева, затѣмъ въ 1876 г. перешелъ въ типографію А. П. Траншеля, гдѣ въ то время печаталось «Новое Время», метранныжемъ этой газеты, а когда А. С. Суворинъ открылъ свою типографію, то А. П. сталъ управлять ею. Состоя членомъ вспомогательной кассы наборщиковъ въ С.-Петербургѣ, А. П. въ началѣ семидесятыхъ годовъ много потрудился для дѣла кассы, будучи ревизоромъ кассы, а затѣмъ и уполномоченнымъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.823).

† **Радцигъ, А. А.** 14 мая скончался Антонъ Антоновичъ Радцигъ, выдающійся статистикъ и экономистъ. Покойный былъ извѣстенъ не только въ русской экономической литературѣ, но и въ западно-европейской и американской, благодаря постоянному сотрудничеству въ такихъ серьезныхъ органахъ, какъ «The Economist». Будучи страстнымъ поклонникомъ Англии, А. А. Радцигъ придерживался теории фритредерства и былъ самымъ злымъ критикомъ нашей экономической политики усиленнаго протекціонизма. Онъ былъ едва ли не самымъ серьезнымъ критикомъ нашего министерства финансовъ. А. А. Радцигъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, своими замѣчательными изслѣдованіями вопросовъ крупной промышленности въ Россіи въ параллельхъ съ Европой и Америкой, въ которыхъ онъ далъ блестящую статистическую сводку нашего «процветанія» промышленности подъ руководствомъ финансовыхъ «теневъ» отъ самодержавной бюрократіи, въ родѣ г. Витте. Его изслѣдованія производства въ Россіи и во всемъ мірѣ угля, желѣза, сахара и проч., съ одной стороны, и продуктовъ сельскохозяйственнаго производства (пшеница, рожь, овесъ и проч.), съ другой, служили матеріаломъ для официальныхъ отчетовъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, а статьи по сахарному производству цитировались даже въ

американской палатѣ депутатовъ при дебатахъ по сахарному вопросу во время бельгійской сахарной конференціи—настолько точны и цѣнны цифры и факты его статистическихъ изслѣдованій. Покойный выступалъ не только, какъ статистикъ, но и какъ публицистъ въ цѣломъ рядѣ журналовъ и газетъ. Въ то же время онъ былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, состоя до дня смерти членомъ ученой комиссіи экономистовъ (собраніе экономистовъ), будучи однимъ изъ членовъ-учредителей этого ученаго общества. Экономическая наука потеряла безспорно одного изъ крупнѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей крупной мировой промышленности. (Некрологъ его: «Наша Жизнь», 1906 г., № 446).

† **Романовскій, Г. Д.** 22 апрѣля скончался бывший членъ горнаго ученаго комитета и профессоръ горнаго института, горный инженеръ Геннадій Даниловичъ Романовскій. Покойный пользовался обширной извѣстностью, какъ геологъ-изслѣдователь различныхъ областей на громадномъ пространствѣ Россіи: отъ сѣвера до Кавказа, отъ царства Польскаго до Киргизскихъ степей и Туркестана. По окончаніи курса въ горномъ институтѣ въ 1851 г. онъ избралъ своей спеціальностью горное искусство, геогнозію и палеонтологию и вскорѣ произвелъ цѣнныя развѣдки въ Средней Россіи. Онъ выяснилъ не только многіе геологическіе вопросы, но и опредѣлилъ горизонтъ залеганія каменнаго угля и характеръ его распространенія. Работы эти дали массу матеріала для ознакомленія съ подмосковнымъ каменноугольнымъ бассейномъ. Почти одновременно онъ сталъ примѣнять буреніе глубокихъ скважинъ, первый ввелъ паровое буреніе и сталъ распространять буровыя инструменты новыхъ типовъ. Въ области буренія имъ положено начало новой эпохи въ нашей горной technicѣ. Въ 60-хъ годахъ Г. Д. отправился въ Америку для ознакомленія съ техникой горнаго дѣла и по возвращеніи оттуда опубликовалъ рядъ статей по нефтепромышленности въ разныхъ американскихъ штатахъ. Затѣмъ, находясь на Кавказѣ, онъ подробно выяснилъ богатство Кубанской области подземными запасами горнаго масла. Его статьи и практическія работы вызвали интересъ къ нефтяной промышленности и дали толчекъ развитію этой отрасли горнаго дѣла у насъ. Съ 1874 г., по призыву устройства Туркестанскаго края, К. П. Кауфмана, онъ въ теченіе пяти лѣтъ путешествовалъ по дѣбрямъ Туркестана и собиралъ богатѣйшій геологическій и палеонтологическій матеріалъ. Его путешествія обогатили геологическую литературу цѣнными картами и описаніями Туркестана. «Матеріалы для геологіи Туркестанскаго края» изданы отдѣльно въ трехъ томахъ. Географическое общество отмѣтило заслуги покойнаго въ этой области присужденіемъ ему высшей награды — Константиновской медали. Практическія изысканія не помѣшали, однако, Г. Д. посвящать свои силы и учебному дѣлу. Въ 1871 г. совѣтъ горнаго института предложилъ ему занять отвѣтственную кафедру горнаго искусства, и онъ занималъ ее въ теченіе почти семи лѣтъ. Въ 1875 г. Г. Д. былъ назначенъ членомъ горнаго ученаго комитета. Помимо массы цѣнныхъ работъ, произведенныхъ имъ, его особенность заключалась въ рѣдкомъ богатствѣ инициативой. У него были широкіе планы на экploатацію богатствъ нашей родины, и онъ мечталъ обогатить Петербургъ обильно бьющей артезианской водою и оставить въ санитарномъ отношеніи столицу возможно лучше, такъ

какъ, по его изслѣдованію, артезианская вода Петербурга почти тождественна по химическому составу съ крейцнахскою водою, но гораздо слабѣе ея по содержанію солей. Умеръ онъ на 78 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.817).

† **Соколовъ, И. С.** 22 апрѣля скончался писатель Иванъ Степановичъ Соколовъ. Сынъ крестьянина Новгородской губерніи, Череповецкаго уѣзда, онъ родился 23 мая 1862 г. въ деревнѣ Улошковѣ, Починковской волости. Читать и писать учился «по-старинному» (азъ-буки) сначала у деревенскаго начетчика, Пимена Федоровича, а потомъ въ земской начальной школѣ. До 17-лѣтняго возраста жилъ въ родной деревнѣ, работалъ на ряду со своими семейниками и односельчанами, занимавшимися исключительно хлѣбопашествомъ. Начитавшись разказовъ о Ломоносовѣ и Кольцовѣ, И. С. и самъ началъ мечтать «о лучшей долѣ», о наукѣ, и украдкой сочинялъ стихи, подражая Кольцову и Никитину. Позднѣе ему удалось познакомиться, при участіи учителя школы Кузрянова, съ Пушкинымъ и Некрасовымъ. Послѣдній сталъ его любимымъ поэтомъ. Не имѣя возможности кушить Некрасова (негдѣ и не на что!), онъ списывалъ стихи къ себѣ въ тетрадку съ рукописной же тетради у Кузрянова и заучивалъ все наизусть. Прослышавъ отъ Кузрянова о существованіи въ Череповцѣ (въ 75 верстахъ отъ Улошкова) учительской семинаріи, И. С. 17-лѣтнимъ юношей, въ 1879 г., вопреки желанію отца —человѣка бѣднаго и вовсе неграмотнаго, обремененнаго семьей, ушелъ въ городъ. Здѣсь ему повезло послужить въ семинарію на казенный счетъ. По окончаніи въ 1883 г. курса, онъ былъ назначенъ въ томъ же уѣздѣ народнымъ учителемъ, прослужилъ три года и въ 1886 г. былъ уволенъ отъ должности по распоряженію мѣстнаго училищнаго совѣта «за направленіе, не соотвѣтствующее своему назначенію, и недобрительное поведеніе». (Хотя въ томъ же году, мѣсяца за три до отставки, ему выдана была денежная награда изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія «за усердіе и образцовую постановку школы»). Очутившись за бортомъ, И. С. вернулся домой и попытался снова «прирости» къ деревнѣ (въ то время въ молодыхъ умахъ царилъ «толстовщина» съ ея стремленіемъ къ опрощенію). Но деревня сурово встрѣтила «исключеннаго барина» и обдала его такимъ потокомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ (особенно усердствовала мѣстная интеллигенція—батюшка, урядникъ и др.), что бѣдняга вынужденъ былъ искать спасенія въ новомъ бѣгствѣ. Но куда бѣжать? Попытка снова пристроиться въ учителя, даже въ другой губерніи, не удалась. За годъ до отставки И. С. удалось напечатать въ «Недѣлѣ» покойнаго П. А. Гайдебурова статью подъ названіемъ «Безхвостые и съ хвостами» («Недѣля», 1885 г., № 47), посвященную животрепещущему въ то время вопросу о надѣленіи народныхъ школъ землею. Статья вызвала оживленную полемику. Это была первая печатная строка И. С. Статья И. С. появилась безъ подписи. Юный авторъ былъ увѣренъ, что редакторъ «Недѣли» приметъ его съ распростертыми объятіями, какъ автора уже напечатанной «интересной» статьи, и отправился въ Петербургъ съ 16 рублями въ карманѣ и рекомендательнымъ шлемомъ отъ одного изъ своихъ череповецкихъ друзей къ кунцу-мѣховнику изъ Гостиного двора. Въ юной головѣ «сына народа» тѣнились самые фантастическіе

замыслы. Между прочимъ, онъ полагать прежде всего необходимымъ повѣдать «всю правду» о народѣ, чего можно было достигнуть, по его мнѣнію, только путемъ газеты. Еще будучи въ семинаріи, П. С. издавать рукописный журналъ, за что едва не былъ исключенъ изъ семинаріи. Первый холодный дунгъ сей «народный ходатай» принялъ въ редакціи «Недѣли», гдѣ онъ вовсе не былъ допущенъ до редактора. «Пришлось ходатайствовать» пока за себя. Помогло письмо земляка. «Народному учителю» дали мѣсто конторщика въ магазинѣ готового платья въ Апраксинномъ рынкѣ за 30 р. въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ. Жизнь среди апраксинцевъ показалась ему хуже смерти, да и времени не оставалось ни минуты. Сколотивъ 60 р., П. С. ушелъ искать другое занятіе. Очутившись на свободѣ, онъ снова сталъ мечтать о «народной газетѣ». Случай свелъ его съ небезызвѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ, А. М. Тютрюмовымъ, представившимъ его А. П. Субботину, издававшему тогда «Экономическій Журналъ». Субботинъ далъ ему мѣсто секретаря редакціи. Благодаря обширнымъ связямъ Субботина, П. С. удалось познакомиться съ покойнымъ Межовымъ, П. С. Ремезовымъ, А. В. Елисеѣвымъ, профессоромъ А. А. Псаевымъ и мн. др. При посредствѣ новыхъ знакомствъ онъ добрался до извѣстнаго богача Спбнъ якова, но тотъ объявилъ черезъ Межова, «что теперь не время издавать народную газету». Надежда рухнула. Тогда П. С. отправляется къ редактору одной большой столичной газеты и предлагаетъ превратить второе изданіе въ дешевый народный органъ. Но тутъ вышло крупное недоразумѣніе... Редакторъ сказалъ: «Книгъ нуженъ вашему народу, а не газета. Вътъ я сколько дѣтъ бьюсь, а газета не идетъ». Служа у Субботина, П. С. началъ писать статьи для газетъ. Въ «Недѣлѣ» вскорѣ появился его первый беллетристическій очеркъ—«На отдыхѣ» («Недѣля», 1890 г., № 18). Затѣмъ стали появляться его статьи въ газетѣ «День», «Петербургскомъ Листкѣ». Отсюда онъ перешелъ въ «Русскую Жизнь», одновременно печатая статьи и очерки изъ народного быта въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Живошному Обзорѣнн» А. К. Шеллера и др. Въ 1894 г. онъ излѣлъ возможность отпавиться въ путешествіе по Россіи и пообывать дома. Какъ гостя, деревня встрѣтила П. С. по дружески. На слѣдующій годъ онъ былъ избранъ въ гласные отъ крестьянъ, а осенью, на первомъ же уѣздномъ земскомъ собраніи, былъ избранъ въ губернскіе гласные, каковымъ состоялъ два трехлѣтія. Въ 1896 г., въ книжкахъ «Вѣстника Европы» появились деревенскіе очерки П. С. подъ названіемъ «Дома». Работа эта была встрѣчена весьма сочувственно (см. «Русская Мысль» за 1896 г., «Недѣля» и др.). Нынѣ эти очерки появились отдѣльнымъ изданіемъ и на этотъ разъ были отмѣчены многими журналами и газетами, какъ «живо, тепло и правдиво» написанные. Вернувшись въ томъ же году изъ деревни, П. С. въ разное время печаталъ свои статьи и беллетристическіе очерки въ «Лучѣ» редакціи В. В. Чуйки, въ «Сынѣ Отечества» редакціи С. Н. Кривенки, «Хозяинѣ», «Журналѣ для всѣхъ». Съ 1897 г. П. С. редактировалъ «Прибалтійскій Листокъ», выходящій въ Ригѣ. Здѣсь онъ не могъ «прикититься» за отсутствіемъ въ краѣ русской общественности и въ концѣ 1899 г. вернулся въ Петербургъ. Въ это время сталъ выходить «Сѣверный Курьеръ» князя В. В. Барятинскаго. П. С. началъ работать въ этой газетѣ, занималъ

должность секретаря редакціи, выпускалъ нумеръ и помѣстилъ рядъ статей по земскимъ и общественнымъ вопросамъ. Лѣто 1900 г. статья завѣдывать однимъ изъ отдѣловъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ 1903 г. завѣдывать земскимъ отдѣломъ въ «Новостяхъ», по съ началомъ русско-японской войны этотъ отдѣлъ быть прикрытъ. Въ 1902 г. П. С. велъ ежемѣсячное внутреннее обозрѣніе въ «Животисномъ Обозрѣніи», въ 1904 г. помѣстилъ рядъ очерковъ «Деревенскаго настроенія» въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; съ № 3, 1903 г., статья вести и велъ до послѣднихъ дней жизни въ журналѣ «Сѣверъ» еженедѣльные бесѣды («Простая рѣчь») за подписью «Скромный». За помѣщенную въ № 1 за 1906 г. бесѣду «Грозное молчанье» этотъ журналъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ оскорбленіи чести войскъ. П. С. всю жизнь остался вѣренъ своему крестьянству. Онъ проживалъ по паспорту, выданному изъ волостного правленія, переносилъ всѣ несприятности сопряженныя съ процедурой выправки и прописки «вида». Интеллигентная профессія П. С. въ глазахъ столичной полиціи съ трудомъ выдалась съ его личностью и паспортомъ, изъ чего происекалъ цѣлый рядъ крайне несприятныхъ столкновеній съ чинами полиціи, никакъ не желавшей признать литератора въ крестьянинѣ Новгородской губерніи. Съ 1896 г. П. С. состоялъ гласнымъ отъ крестьянъ череновецкаго уѣзднаго и новгородскаго губернскаго земства, прослужилъ два трехлѣтія, былъ избранъ и на третье, но не утверждёнъ губернаторомъ. Въ послѣднюю сессію его бытности гласнымъ, имъ, между прочимъ, была внесена записка съ отбѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но снята председателемъ, княземъ Голицынымъ, какъ «выходящая за предѣлы вѣдѣнія земства». П. С. былъ избранъ также въ члены уѣзднаго управы и членомъ отъ земства мѣстнаго училищнаго совѣта, но эти выборы также не были утверждены губернаторомъ. Бытовые очерки и разсказы П. С. помѣщались во многихъ журналахъ и газетахъ: повѣсть «Молодое и старое» (въ журналѣ «Правда», 1905 г.), «На восходахъ» («Недѣля», 1900 г.), «Сестрорѣцкія перчаточницы» («Міръ Божій», августъ, 1902 г.), «Во глубинѣ Россіи» («Образованіе», мартъ, 1903 г.), «Во тьмѣ», повѣсть (въ журналѣ «Природа и Жизнь», 1900 г., №№ 7 и 8), «Тѣни прошлаго», «Чербушки» («Журналъ для всѣхъ»), «Поѣздка» («Сынъ Отечества»), «На муравейникѣ» («Новая Иллюстрація»), «Въ эти дни» (тамъ же), «По недомысламъ» («Молва», 1905 г., №№ 7 и 8), «Неукротимый» («Биржевыя Вѣдомости», 1906 г.) и мн. др. (Некрологъ его: «Петербургскія Вѣдомости», 1906 г., № 95).

† **Субботинъ, А. П.** 14 мая въ Симензѣ, на южномъ берегу Крыма, скончался извѣстный писатель-экономистъ, Андрей Навловичъ Субботинъ. А. П. родился въ 1852 г., окончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, состоялъ долгое время преподавателемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и за это время написалъ прекрасный курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи (Спб., 1878 г.). Позднѣе А. П. покинулъ педагогическое поприще и поступилъ на службу въ министерство финансовъ. Здѣсь, исполняя различныя порученія министровъ, покойный принужденъ былъ много путешествовать какъ по Россіи, такъ и за границу. Изучая много лѣтъ промышленную и торговую жизнь Россіи, А. П. написалъ и издалъ много тру-

довь, пользующихся уваженіемъ въ средѣ экономистовъ. Къ такимъ его работамъ слѣдуетъ отнести: «Борьба Москвы съ Лодзью», «Земскій кризисъ и подоходное обложеніе», «Обзоръ государственныхъ долговъ Россіи», «Тарифный вопросъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ», «Кустарныя артели», «Волга и волгари», «Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ», «Русскій промысловый налогъ», «Тихвинскій водный путь» и мн. др. Въ 1885—1894 г.г. онъ издавалъ «Экономическій Журналъ». Въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, большая часть которыхъ печаталась въ «Вѣстникѣ Европы», «Словѣ», «Порядкѣ» и «Сѣверномъ Вѣстникѣ», покойный является противникомъ покровительственной системы, усиленія косвеннаго обложенія, бумажно-денежныхъ выпусковъ и государственныхъ займовъ и указываетъ на необходимость подоходнаго налога, расширенія экономической дѣятельности земствъ и поддержанія общиннаго землевладѣнія и кустарной промышленности. Въ 1891 г. покойный основалъ въ Петербургѣ «Собраніе экономистовъ», съ цѣлью обсужденія всякаго рода экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Скончался А. П. на 54 году отъ рожденія. (Некрологи его: «Петербургскій Листокъ», 1906 г., № 132; «Новое Время», 1906 г., №10.837).

† **Тарновскій, В. М.** Въ Парижѣ скончался знаменитый русскій ученый, сифилидологъ, Вениаминъ Михайловичъ Тарновскій. Свою научную карьеру онъ посвятилъ изученію страшной болѣзни и борьбѣ съ нею. Профессорская кафедра, масса напечатанныхъ трудовъ, а главное—блестящій врачебный опытъ на основахъ глубокаго и тонкаго знанія доставили ему заслуженную славу, и покойный по справедливости считался первокласснымъ русскимъ авторитетомъ въ области сифилиса и кожныхъ болѣзней. В. М. родился въ 1839 г. Получивъ высшее образованіе на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, онъ по окончаніи курса (1859 г.) избралъ своею спеціальностью отдѣлъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Въ началѣ шестидесятыхъ годов В. М. былъ приглашенъ къ чтенію лекцій о сифилитическихъ болѣзняхъ повивальнымъ бабкамъ въ петербургской Калининской больницѣ и особенно усердно занялся изученіемъ избранной спеціальности, произвелъ здѣсь много цѣнныхъ наблюденій, опытовъ, обогащая науку новыми данными. Въ юнѣ 1863 г., послѣ блестящей защиты диссертациі: «Распознаваніе венерическихъ болѣзней у женщинъ и дѣтей», покойный былъ удостоенъ ученой степени доктора медицины, а черезъ пять лѣтъ былъ назначенъ доцентомъ медико-хирургической академіи. Въ то время преподаваніе сифилидологии было еще связано съ кафедрой хирургіи, но усилившееся развитіе первой, вызываемое быстрыми успѣхами этой отрасли знаній, потребовало полнаго раздѣленія этихъ отдѣловъ медицины, и съ 1872 г., В. М. занялъ самостоятельную кафедру по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ, на которой пробылъ до 1898 г. Усердно и талантливо работая въ избранной области науки, В. М. заботился объ успѣхахъ ея и старался привлечь къ ней вниманіе врачей. Онъ основалъ въ 1885 г. Русское сифилидологическое и дерматологическое общество, которое каждыя пять лѣтъ выдавало почетную премію имени основателя (золотую медаль) за лучшую работу на русскомъ языкѣ по даннымъ спеціальностямъ. По исполненіи предѣльнаго срока службой въ медицинскій академіи въ

1892 г., В. М. по высочайшему повелѣнію былъ оставленъ еще на пять лѣтъ. Будучи первымъ по времени русскимъ профессоромъ сифилидологии, В. М. явился и первымъ по значенію въ этой области науки; своими капитальными трудами онъ занялъ почетное мѣсто среди первоклассныхъ ученыхъ специалистовъ. Это былъ талантливый профессоръ, у котораго студентамъ можно было многому и основательно поучиться. Званіе заслуженнаго профессора онъ дѣйствительно заслужилъ своею блестящею преподавательскою дѣятельностью. Какъ выдающійся специалистъ, В. М. состоялъ членомъ многихъ правительственныхъ учреждений и медицинскихъ обществъ. Перу покойнаго принадлежитъ масса научныхъ работъ, большею, частью напечатанныхъ въ разныхъ специальныхъ изданіяхъ; изъ нихъ наиболѣе извѣстны «Цикута или одолимъ», «Лѣченіе сифилитическихъ болѣзней оспопрививаніемъ», «Объ оспопрививаніи, какъ средствѣ противосифилитическомъ», «Нѣкоторыя формы сифилитической афазіи», «Курсъ венерическихъ болѣзней» (лекціи 1869—1870 г.г.), «Проституція и аболіціонизмъ», «Половая зрѣлость, ея лѣченіе, отклоненія и болѣзни», «Извращенія полового чувства» и др. Въ своей обширной врачебной практикѣ покойный пользовался широкою извѣстностью, выдѣляясь глубокими знаніями и успѣшной борьбою съ роковыми недугами. (Некрологи его: «Новое Время», 1906 г., № 10.831; «Петербургскій Листокъ», 1906 г., № 122.).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу стихотворенія въ прозѣ Тургенева «Порогъ».

Съ легкой руки М. Н. Каткова въ литературѣ нашей не прекращаются попытки выставить И. С. Тургенева сочувствующимъ революціонерамъ и террористамъ. Къ ряду такихъ попытокъ относится и опубликованіе недавно стихотворенія въ прозѣ «Порогъ», запрещеннаго раньше цензурою. Налечтанный текстъ этого отрывка, дѣйствительно, можетъ быть понятъ, какъ доказательство того, что Тургеневъ оправдываетъ «преступленія» ради хорошихъ цѣлей. Но въ повременной печати недаромъ уже высказаны сомнѣнія въ точности текста, столь противорѣчащаго высоконравственнымъ убѣжденіямъ Тургенева и, съ другой стороны, его обычному художественному изложенію.

Нѣсколько лѣтъ назадъ однимъ изъ почитателей Ивана Сергѣевича переданъ былъ мнѣ текстъ этого стихотворенія въ иной редакціи. Привожу его здѣсь параллельно съ недавно опубликованнымъ.

СТАРАЯ РЕДАКЦІЯ.

НОВѢЙШАЯ РЕДАКЦІЯ.

У ПОРОГА.

Предо мной огромное зданіе... Узкая дверь открыта настежь; за нею одинъ мракъ,—мракъ, полный ужаса. У порога стоитъ дѣвушка... молодая русская дѣвушка. Мрачна и холодна эта непроницаемая тьма. Изъ глубины зданія идетъ леденящее дыханіе, слышится голосъ медленный и замогильный:

— Ты, которая желаешь переступить этотъ порогъ, хорошо ли ты знаешь, что ждетъ тебя?

— Да, я это знаю!—отвѣчаетъ дѣвушка.

— Знаешь ли ты, что тебя ждетъ холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшка и презрѣніе, поруганіе, болѣзнь и даже сама смерть?

— Я знаю!

— Одиночество, заброшенность?

— И это знаю!. Я готова!. Всѣ несчастія, всѣ удары судьбы—я все перенесу!

— Вѣдь, не только удары отъ враговъ, но и отъ твоихъ родныхъ и друзей.

— Да, перенесу и это!

— Ну, хорошо. Значитъ, ты готова на жертву?

— Да.

— На никому неизвѣстную жертву? Никто... никто не почтитъ твоей памяти.

— Я не прошу ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени въ исторіи.

Нѣсколько минутъ молчанія,—потомъ голосъ снова вопрошаетъ:

— Думала ли ты,—сказала онъ наконецъ,—что настанетъ, быть можетъ, день, когда ты не будешь больше вѣрить въ то, во что вѣришь сегодня; что когданибудь ты скажешь себѣ, что ты ошиблась, что ты напрасно пожертвовала своей молодой жизнью?

— Я думала даже и объ этомъ. И все же я хочу войти.

— Такъ входи же!

ПОРОГЪ.

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь; за дверью угрюмая мгла.

Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка. Морозомъ дышитъ та непроглядная мгла, и вмѣстѣ съ леденящей струей выносятся изъ глубины медлительный, глухой голосъ.

— О, ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?

— Знаю,—отвѣчаетъ дѣвушка.

— Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обиды, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?

— Знаю.

— Отчужденіе полное, одиночество?

— Знаю... Я готова. Я готова перенести всѣ страданія, всѣ удары.

— Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?

— Да... и отъ нихъ.

— Хорошо. Ты готова на жертву?

— Да.

— На безыменную жертву? Ты погибнешь,—и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почитать.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

— Готова ли ты... на преступленіе?

Дѣвушка потушила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

— Знаешь ли ты,—заговорилъ онъ наконецъ,—что ты можешь разувѣриться въ то, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

Молодая дѣвушка переступила порогъ; завѣса тяжело опустилась за ней...

— Безумная!.. слышалась извѣтъ вопль и скрежетъ зубовъ.

Голосъ, тихо прозвучавъ въ воздухѣ,—возразить:

— Святая!

— Войди!

Дѣвушка перешагнула порогъ—и тяжелая завѣса упала за нею.

— Дура!—проскрежетать кто-то свяди.

— Святая!—пропеслось откуда-то въ отвѣтъ.

Вѣщная форма старой редакціи оставляетъ желать столь же многого, какъ и форма «радикальной» редакціи, по содержанію ея, какъ видитъ читатель, больше отвѣчаетъ идеаламъ автора Лизы, Елены и другихъ женскихъ тиновъ, прославившихъ его ¹⁾.

Н. Гутьяръ.

II.

Къ запискамъ княгини Д. Х. Ливень.

Занимаясь нѣсколько лѣтъ архивными разысканіями по исторіи государственной военно-походной канцеляріи и императорской главной квартиры, считаю нужнымъ указать на нѣкоторыя неточности въ воспоминаніяхъ княгини Д. Х. Ливень, напечатанныхъ въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Княгиня Д. Х. Ливень употребила неточное выраженіе въ первой же строчкѣ своихъ воспоминаній, выразившись, что ея мужъ, генераль-адъютантъ Х. А. Ливень, при Павлѣ I «управлялъ военнымъ министерствомъ». Министерства учреждены позже, при Александрѣ I, и первымъ министромъ военно-сухопутныхъ силъ былъ графъ С. К. Вязьмитинъ. Ливень же при Павлѣ исполнялъ должность завѣдывавшаго военно-походною государственною канцеляріею. Черезъ него, правда, шли доклады къ государю, онъ объявлялъ государевы повелѣнія и подписывалъ высочайшіе приказы, но все же званія министра не носилъ.

Далѣе Ливень называетъ Альбедиля флигель-адъютантомъ. Въ то время онъ былъ лишь бригадъ-майоромъ.

Затѣмъ, узнавъ о своемъ предстоящемъ производствѣ въ генераль-лейтенанта, Ливень могъ опечалиться тѣмъ, что, по обычаю павловскаго времени, съ этимъ чиномъ онъ долженъ былъ потерять генераль-адъютантское званіе. Гагаринъ подписалъ приказъ только 11 марта, но затѣмъ, при Александрѣ I, приказы опять продолжалъ подписывать Ливень. Факсимиле печатнаго приказа, подписаннаго Гагариннымъ, воспроизведено въ первомъ томѣ «Исторіи государевой свиты».

Наконецъ, необходимо оговорить, что мемуары княгини Д. Х. Ливень, согласно волѣ ея старшаго сына Александра, могутъ быть обнародованы лишь въ 1939 г.

М. Соколовскій.

¹⁾ Редакція «Историческаго Вѣстника», давая мѣсто замѣткѣ г. Гутьяра, не можетъ, однако, согласиться съ тѣмъ положеніемъ, будто въ редакціяхъ обоихъ приведенныхъ вариантовъ имѣется разница по «содержанію». Содержаніе и смыслъ обоихъ вариантовъ равнозначащѣ, и разница лишь въ формѣ, при чемъ, конечно, редакція, приведенная г. Гутьяромъ, болѣе совершенна и художественна.

Ред.

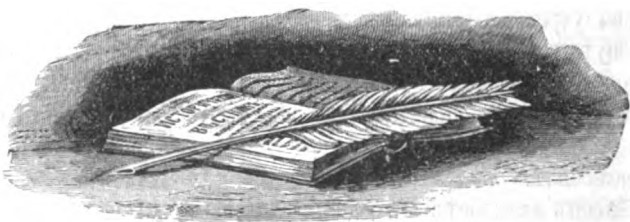
III.

Письмо въ редакцію.

Я очень благодаренъ Б. В. Глинскому за его доброжелательное отношеніе къ XX-ой книгѣ «Жизнь и труды М. П. Погодина» («Историческій Вѣстникъ», 1906, май, стр. 634—635). Позволю себѣ сказать только нѣсколько словъ по поводу его заключительныхъ строкъ.

Посвященіе книгъ вообще есть дѣло совершенно частное, не имѣющее никакого отношенія къ политикѣ. Въ эту область не входитъ оцѣнка современныхъ государственныхъ мужей, которая есть дѣло суда исторіи. Посему, воздавая должное государственнымъ дѣяніямъ Михаила Николаевича Муравьева, я въ то же время, какъ частный человѣкъ, имѣлъ полное право, въ силу потребности души моей, посвятить книгу князю Петру Дмитриевичу Святополку-Мирскому, какъ частному человѣку, котораго издавна люблю и уважаю.

Николай Варсуковъ.

ВИБИХЪ ОТЕКА	
Любинской Губ.	Отдѣль: <i>Собр. 119.</i>
	<i>№. 54.</i>
	Шкафъ:
	Полка:
Инвентарь <i>1906 г. № 1047.</i>	
Института Соци. Наукъ и Исслед.	
Г. НОВО-АМЕРСКИИ	

833

Berkeley

**RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the**

**NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698**

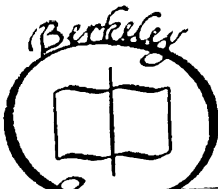
**ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date**

DUE AS STAMPED BELOW

JAN 09 1991

**OCT 17 1990
RECEIVED
AUTO DISC OCT 04 90
OCT 04 1990**

CIRCULATION DEPT.

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000956740

